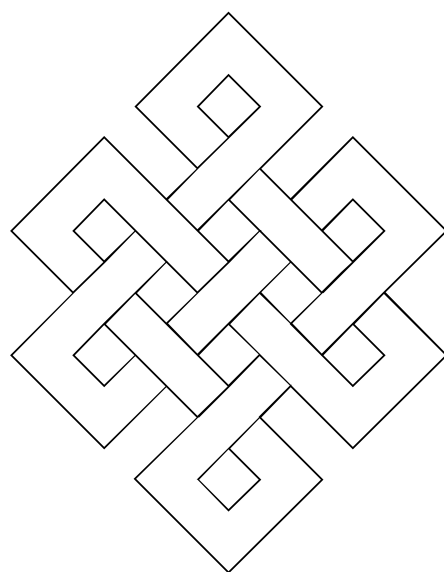

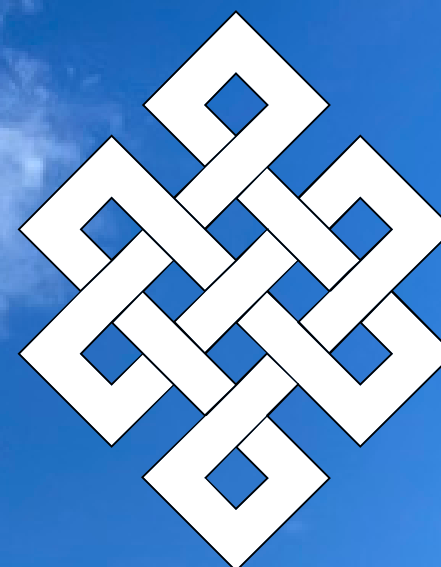
Эл. адрес: article@tuva.asia
<https://nit.tuva.asia>

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

№3
2025

ISSN 2079-8482

НОВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

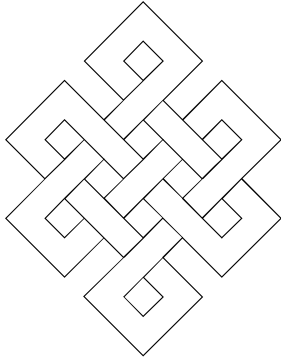
THE NEW RESEARCH OF TUVA

2025

№ 3

nit.tuva.asia

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

2025

№ 3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ламажаа Ч. К., доктор философских наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ (ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ)

Харитонова В. И., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
 Ерекешева Л. Г., Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Казахстан
 Донахо Б., Институт социальной антропологии Макса Планка, Германия
 Монгуш М. В., Российский государственный архив Российской Федерации
 Дацышен В. Г., Сибирский федеральный университет, Россия
 Чулуун Сампилдондов, Институт истории и археологии Академии наук Монголии
 Харунова М. М.-Б., Институт востоковедения РАН, Россия
 Бакаева Э. П., Калмыцкий научный центр РАН, Россия

СЕКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ)

Ламажаа Ч. К., доктор философских наук
 Попков Ю. В., Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
 Балакина Г. Ф., Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
 Хомушка О. М., Тувинский государственный университет, Россия

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Сузукей В. Ю., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Россия
 Левин Т., Дартмаус колледж, США
 Ксения Пименова, Парижский университет Нантерр, Франция

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ (ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ)

Бичелдей К. А., Национальный музей им. Алдан Маадыр Республики Тыва, Россия
 Шамина Л. А., Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
 Бахтикиреева У. М., Российский университет дружбы народов
 Туймебаев Ж. К., Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРУППА

Папын А. С., редактор, администратор
 Макаров В. С., редактор
 Гайдин Б. Н., редактор

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.
 Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г.

Индексация журнала: ERIH PLUS, РИНЦ, КиберЛенинка, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

Издатель: Ч. К. Ламажаа, Россия, 117437, г. Москва, а/я 30,
 Соиздатель: Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан, Алматы, 050040 пр. Аль-Фараби, д. 71.

EDITOR-IN-CHIEF

Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy

EDITORIAL BOARD

SECTION OF HISTORY (HISTORY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY)

Valentina I. Kharitonova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
 Laura G. Yerekesheva, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
 Brian Donahoe, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany
 Marina V. Mongush, State Archives of the Russian Federation
 Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University, Russian Federation
 Chuluun Sampildondov, Institute of History and Archaeology, Academy of Science Mongolia, Mongolia
 Marianna M.-B. Harunova, The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
 Elza P. Bakayeva, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Science

SECTION OF SOCIAL SCIENCES (PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, RELIGIOUS STUDIES)

Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy
 Yuri V. Popkov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
 Galina F. Balakina, Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russia
 Olga M. Homushku, Tuvan State University, Russian Federation

SECTION OF CULTUROLOGY (CULTURAL STUDIES, ART HISTORY)

Valentina Yu. Suzukey, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation
 Theodore Levin, Dartmouth College, United States
 Ksenia Pimenova, l'Université Paris Nanterre, France

PHILOLOGY SECTION (LINGUISTICS, FOLKLORE, LITERARY STUDIES)

Kaadyr-ool A. Bicheldey, National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation
 Lyudmila A. Shamina, Institute of Philology, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
 Uldanay M. Bakhtikireeva, Peoples' Friendship University of Russia
 Zhanseyt K. Tuymebaev, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

TECHNICAL GROUP

Alexander S. Papyn, Editor, Manager
 Vladimir S. Makarov, Editor
 Boris N. Gaydin, Editor

The New Research of Tuva welcomes contributions in Russian and English. The journal is published quarterly.

The journal is indexed in ERIH PLUS, RINTs, CiberLeninka, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

Publisher - Ch. K. Lamazhaa (Postal box 30, Moscow, Russia, 117437);
 Co-publisher - Al-Farabi Kazakh National University (71 Al-Farabi Ave., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050040).

СОДЕРЖАНИЕ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА

Ибрагимов М. И. (Россия) Тувинская литература в сравнительном изучении: направления и методы	6
Толысбаева Ж. Ж. (Казахстан) Сонеты М. Б. Кенин-Лопсана как формула мировидения тувинского народа	20
Азыраа Ш. Ю. (Россия), Бурибаева М. А. (Казахстан), Кенесова М. Б. (Казахстан) Эмоциональная связь людей и домашних животных в тувинской литературе	42
Монгуш Ш. В., Куулар Е. М. (Россия) Тувинский фольклор и литература о промысловой охоте тувинцев	55
Унасбаева Г. А., Шанаев Р. У. (Казахстан) Источники создания комического эффекта в казахстанской и тувинской литературе	69
Мансурова Э. Ж., Орда Г. Ж., Аскарова Г. С. (Казахстан) Анализ частотности эмоций в текстах казахской и тувинской литературы	82
Ганиева А. Ф., Надыршина Л. Р. (Россия) Особенности развития татарской советской прозы: тематические и поэтические тенденции	94
Миннуллина Ф. Х. (Россия) Авторские жанровые обозначения в татарской драматургии рубежа XX-XXI вв.	112
Аминева В. Р. (Россия) Парча в татарской литературе начала XX в. как композиционная и архитектурная форма целого ..	128
Загидуллина Д. Ф. (Россия) Аллитерация в татарской поэзии XX века	148
Галиева Л. Ш. (Россия) Татарская литературная критика рубежа XX-XXI вв. в контексте критической мысли родственных литератур народов Урало-Поволжья	166
Сапарова А. И. (Казахстан), Солтанбаева Е. М. (Казахстан), Гюлиах Й. (Турция) Типы номинаций в современном казахском рассказе	182
Мирхаев Р. Ф., Миннуллин Б. К. (Россия) Социально-речевые портреты социальных групп татарского общества второй половины XIX и начала XX в. в ценностно-аксиологическом и стилистическом аспектах	197

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Ростовская Т. К. (Россия), Натсак О. Д. (Россия), Деловарова Л. Ф. (Казахстан) Положение кочевых семей Тувы и особенности их адаптации к современным условиям	212
Сувандии Н. Д. (Россия) Сакральная значимость тувинских личных имен: традиции и современность	234
Эверт Л. С. (Россия) Вейпинг у подростков Тувы: распространенность, факторы риска, взаимосвязь с расстройствами психосоматического спектра	248
Кылгыдай А. Ч., Балакина Г. Ф. (Россия) Особенности адаптации молодежи Республики Тыва к трансформациям рынка труда ..	281
Ноянзина О. Е., Максимова С. Г., Омельченко Д. А. (Россия) Религиозность в зеркале этнической и гендерной идентичности русских, тувинцев и алтайцев (на материалах исследования в Алтайском крае, республиках Тыва и Алтай)	296

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Султанова Ж. О. (Кыргызская Республика) Образы животных в тувинских и кыргызских сказках в советских переводных изданиях на русском языке	317
Галимова О. Н. (Россия) Системы иктионимов в татарском и тувинском языках	333
Сафина Э. И. (Россия) Общетюркские орнитонимы в татарском и тувинском языках (этнолингвистический аспект)	352

ГОЛОСА АЗИИ

Ламажаа Ч. К. (Россия; Казахстан) Тюркский культурный мир России: локусы, проблемы и перспективы изучения	371
Крупко И. В. (Казахстан), Абылхожин Ж. Б. (Казахстан), Сыздыкова Ж. С. (Россия) Тезис, антитезис, синтез Олжаса Сулейменова в казахстанской исторической кинодокументалистике 1960-х гг.	389

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР

Ростовская Т. К. (Россия), Сагынбаева А. (Чешская Республика), Абульфаз С. (Турция) Сравнительный анализ стран Организации тюркских государств: численность населения и рождаемость как показатели демографической устойчивости	407
Дальдинова Э. О.-Г., Кекеева Т. М., Кичикова Н. А., Микитенко Н. Ю. (Россия) Этнолингвистические характеристики никнеймов в виртуальной среде Калмыкии	421
Dashikhagvaа G. (Монголия), UlamsurenTs. (Россия), Saaya O. M. (Россия) Research into the themes covered in Pandita Jamyangarav's compilation of sources from the time of the Mongol khans	438
Башиева С. В., Ульбашева З. М. (Россия) Особенности репрезентации концептуальной диады жашау — ёлюм в карачаево-балкарской этнической культуре	448
Хисамов О. Р., Халиков И. И., Хусаинова А. Я. (Россия) Фонетическая вариативность татарских антропотопонимов в топонимии Западно-Сибирского ареала	459
Валиахметов Р. М., Беляков Н. С. (Россия) Этнические особенности занятости и трудовой мобильности населения в фокусе современных российских исследований	469
Бекмагамбетов Р. К., Бекмагамбетова М. Ж., Бимлджанова А. А. (Казахстан) Школьные учебники советского Казахстана: визуальный контент и их роль в идеологическом воспитании	486

CONTENTS

SPECIAL THEME

<i>Ibragimov M. I. (Russia)</i> Comparative Study of Tuvan Literature: Approaches and Methods	6
<i>Tolysbaeva Zh. Zh. (Kazakhstan)</i> The Sonnets of M. B. Kenin-Lopsan as a Formula for the Worldview of the Tuvan People.....	20
<i>Azyraa Sh. Yu. (Russia), Buribayeva M. A. (Kazakhstan), Kengessova M. B. (Kazakhstan)</i> Emotional bond between humans and domestic animals in Tuvan literature	42
<i>Mongush Sh. V., Kuular E. M. (Russia)</i> Tuvan folklore and literature about commercial hunting of Tuvans	55
<i>Unasbayeva G. A. and Shanaev R. U. (Kazakhstan)</i> Sources of comic effect creation in Kazakh and Tuvan literature	69
<i>Mansurova E. Zh., Orda G. Zh., Askarova G. S. (Kazakhstan)</i> Analysis of Emotion Frequency in the Texts of Kazakh and Tuvan Literature ..	82
<i>Ganieva A. F., Nadyrova L. R. (Russia)</i> Features of the Development of Tatar Soviet Prose: Thematic and Poetic Tendencies	94
<i>Minnullina F. Kh. (Russia)</i> Authorial Genre Classifications in Tatar Drama at the Turn of the 20th–21st Centuries	112
<i>Amineva V. R. (Russia)</i> The Functioning of Parcha in Early 20th Century Tatar Literature as a Compositional and Architectonic Form of the whole	128
<i>Zagidullina D. F. (Russia)</i> Alliteration in 20th-Century Tatar Poetry	148
<i>Galieva L. Sh. (Russia)</i> Tatar Literary Criticism at the Turn of the 20th–21st Centuries in the Context of Critical Thought in the Kindred Literatures of the Ural-Volga Region	166
<i>Saparova A. I. (Kazakhstan), Soltanayeva Ye. M. (Kazakhstan), Gülşah Y. (Turkey)</i> Types of nominations in modern Kazakh short story	182
<i>Mirkhayev R. F., Minnullin B. K. (Russia)</i> Social and Speech Portraits of Social Groups in Tatar Society in the Second Half 19th and Early 20th Centuries: A Value-Axiological and Stylistic Perspective	197

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

<i>Rostovskaya T. K. (Russia), Natsak O. D. (Russia), Delovarova L. F. (Kazakhstan)</i> The Status of Nomadic Families in Tuva and Features of Their Adaptation to Contemporary Conditions	212
<i>Suvandii N. D. (Russia)</i> The Sacred Significance of Tuvan Personal Names: Tradition and Modernity.....	234
<i>Evert L. S. (Russia)</i> Vaping Among Adolescents in Tuva: Prevalence, Risk Factors, and Associations with Psychosomatic Spectrum Disorders	248
<i>Kylgyday A. Ch., Balakina G. F. (Russia)</i> Adaptive Strategies of Youth in the Republic of Tuva in Response to Labor Market Transformations	281
<i>Noyanzina O. E., Maksimova S. G., Omelchenko D. A. (Russia)</i> Religiosity in the Mirror of Ethnic and Gender Identity Among Russians, Tuvans, and Altaians (Based on Research Materials from Altai Krai, Republic of Tuva, and Altai Republic)	296

DIALOGUE OF CULTURES

<i>Sultanova Zh. O. (Kyrgyz Republic)</i> Animal Images in Tuvan and Kyrgyz Fairy Tales in Soviet Russian-Language Translated Editions	317
<i>Galimova O. N. (Russia)</i> Systems of Ichthyonyms in the Tatar and Tuvan Languages	333
<i>Safina E. I. (Russia)</i> Common Turkic Ornithonyms in the Tatar and Tuvan Languages (Ethnolinguistic Aspect)	352

VOICES OF ASIA

<i>Lamazhaa Ch. K. (Russia; Kazakhstan)</i> The Turkic Cultural World of Russia: Loci, Problems, and Research Prospects	371
<i>Krupko I. V. (Kazakhstan), Abylkhozhin Zh. B. (Kazakhstan), Syzdykova Zh. S. (Russia)</i> Thesis, Antithesis, and Synthesis in Olzhas Suleimenov's Conception in Kazakhstani Historical Documentary Cinema of the 1960s	389

TURKIC-MONGOLIAN WORLD

<i>Rostovskaya T. K. (Russia), Sagynbayeva A. (Czech Republic), Suleymanli A. A. (Turkey)</i> Comparative Analysis of the Organization of Turkic States: Population Size and Birth Rate as Indicators of Demographic Sustainability	407
<i>Daldinova E. O.-G., Kekeeva T. M., Kichikova N. A., Mikitenko N. Yu. (Russia)</i> Ethnolinguistic Characteristics of Usernames in the Virtual Environment of Kalmykia	421
<i>Dashlkhagva G. (Mongolia), Ulamsuren Ts. (Russia), Saaya O. M. (Russia)</i> Research into the themes covered in Pandita Jamyangarav's compilation of sources from the time of the Mongol khans	438
<i>Bashieva S. K., Ulbasheva Z. M. (Russia)</i> Features of the representation of the conceptual dyad Zhashau — Elyum in the Karachay-Balkarian ethnic culture	448
<i>Khisamov O. R., Khalikov I. I., Khusainova A. Ya. (Russia)</i> Phonetic Variability of Tatar Anthrotoponyms in the Toponymy of the West Siberian Area	459
<i>Valiakhmetov R. M., Belyakov N. S. (Russia)</i> Ethnic Characteristics of Employment and Labor Mobility in Contemporary Russian Studies ..	469
<i>Bekmagambetov R. K., Bekmagambetova M. Zh., Bimoldanova A. A. (Kazakhstan)</i> School textbooks of Soviet Kazakhstan: visual content and their role in ideological education	486

Специальная тема

**«Тувинская, татарская, казахская
литературы: история, поэтика,
типологические параллели»**

Ответственные редакторы:

кандидат филологических наук

Ильгиз Ильдарович Халиков

(Институт языка, литературы и искусства

им. Г. Ибрагимова Академии наук

Республики Татарстан),

доктор филологических наук

Венера Рудалеевна Аминева

(Институт мировой литературы

им. А. М. Горького

Российской академии наук)

Special theme

**«Tuvan, Tatar, Kazakh literature:
history, poetics,
typological parallels»**

Guest editors:

Ilgiz I. Khalikov

Candidate of Philology,

G. N. Ibragimov Institute of Language,

Literature and Art,

Tatarstan Academy of Sciences;

Venera R. Amineva

Doctor of Philology,

Gorky Institute of World Literature,

Russian Academy of Sciences

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА

DOI: 10.25178/nit.2025.3.1

Статья

Тувинская литература в сравнительном изучении: направления и методы

Марсель И. Ибрагимов

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
Российская Федерация

В статье представлен систематизированный аналитический обзор сравнительных исследований тувинской литературы с тюркоязычными литературами. Актуальность исследования определяется теоретическими поисками в области литературной компаративистики, ревизией ее методологии, появлением новых направлений в сравнительном изучении литератур. Анализ сравнительных исследований тувинской литературы с другими тюркоязычными литературами (в первую очередь, с литературами народов Центральной Азии) позволяет установить, насколько эти исследования коррелируют с векторами развития современной компаративистики и каковы перспективы сравнительного изучения феноменов тувинской литературы с явлениями литератур родственных тюркских народов.

В результате систематизации были выявлены основные методы, используемые в сопоставлениях тувинской и других тюркоязычных литератур. Проанализированы труды, выполненные с опорой на историко-типологический и историко-генетический методы. Установлено, что эти доминировавшие в сравнительных исследованиях советского периода методы сохраняют свою актуальность в сопоставительных исследованиях тувинской литературы.

Определено, что в количественном отношении в сопоставлениях тувинской литературы с другими тюркоязычными литературами преобладают мифопоэтические исследования, что связано с влиянием мифологии и фольклора на художественное мышление писателей Центральной Азии. Выявлен эвристический потенциал трудов, в которых сопоставление ведется на основе понятия «транскультурная» («транслингвальная») литература.

Проанализированы исследования, в которых явления тувинской литературы сопоставляются с феноменами литературы татар. Установлено, что в этих исследованиях теоретической основой сопоставления является историческая поэтика, позволяющая выявить сходства и различия на уровне композиционных и архитектурных форм: жанровой структуры произведений, субъектной организации, хронотопа.

Сделан вывод о возможных перспективах в сравнительных исследованиях тувинской литературы, которые видятся в расширении поля сопоставительных исследований и их методологии.

Ключевые слова: тувинская литература; литературная компаративистика; историко-типологический метод; мифопоэтический метод; транскультуральность; тюркоязычная литература; татарская литература

Исследование выполнено в рамках реализации п. 3.5 государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа»

Для цитирования:

Ибрагимов М. И. Тувинская литература в сравнительном изучении: направления и методы // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 6-19. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.1>

Ибрагимов Марсель Ильдарович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией сопоставительного татароведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Адрес: 420111, Россия, г. Казань, ул. Баумана, д. 20. Эл. адрес: mibragimov1000@mail.ru

IBRAGIMOV, Marcel Ildarovich, Candidate of Philology, Senior Researcher, Head of the Laboratory of Comparative Tatar Studies, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences. Postal address: 20 Bauman St., Kazan, 420111, Russia. E-mail: mibragimov1000@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7805-3167

SPECIAL THEME

Article

Comparative Study of Tuvan Literature: Approaches and Methods

Marcel I. Ibragimov

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences,
Russian Federation

The article presents a systematic analytical review of comparative studies of Tuvan literature and Turkic-language literatures. The relevance of the research is determined by theoretical inquiries in the field of literary comparativistics, a revision of its methodology, and the emergence of new directions in comparative literary studies. The analysis of comparative research between Tuvan literature and other Turkic-language literatures (primarily those of the peoples of Central Asia) makes it possible to determine the extent to which these studies correlate with the developmental vectors of contemporary comparativistics and to assess the prospects for comparative study of Tuvan literary phenomena alongside those of related Turkic literatures.

As a result of the systematization, the main methods used in comparisons between Tuvan and other Turkic-language literatures have been identified. The article analyzes works based on historical-typological and historical-genetic methods, establishing that these methods, which dominated comparative research during the Soviet period, remain relevant in comparative studies of Tuvan literature.

It is determined that, quantitatively, mythopoetic studies predominate in comparisons between Tuvan literature and other Turkic-language literatures, which is attributed to the influence of mythology and folklore on the artistic thinking of Central Asian writers. The heuristic potential of works that employ the concept of "transcultural" ("translingual") literature as the basis for comparison is revealed.

The article also analyzes studies comparing phenomena of Tuvan literature with those of Tatar literature. It is established that, in these studies, the theoretical foundation for comparison is historical poetics, which makes it possible to identify similarities and differences at the level of compositional and architectonic forms: genre structure, subject organization, and chronotope.

The article concludes by outlining possible prospects for comparative studies of Tuvan literature, which are seen in the expansion of the field of comparative research and its methodology.

Keywords: Tuvan literature; literary comparativistics; historical-typological method; mythopoetic method; transculturality; Turkic-language literature; Tatar literature

The research was carried out as part of the implementation of clause 3.5 of the state program of the Republic of Tatarstan "Preservation of the national identity of the Tatar people".

For citation:

Ibragimov M. I. Comparative Study of Tuvan Literature: Approaches and Methods. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 6-19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.1>

Введение

Сравнительное литературоведение (литературная компаративистика) остается одним из важных направлений в российской литературоведческой науке. Современными учеными ведется поиск путей модернизации сравнительного подхода, теоретико-методологические основы которого в прошлом столетии были разработаны в трудах корифеев советской науки: В. М. Жирмунского (Жирмунский, 1979), Н. И. Конрада (Конрад, 1959), Д. Дюришина (Дюришин, 1979), И. Г. Неупкоевой (Неупкоева, 1961). Под влиянием западного литературоведения расширяется методологическая база компаративистики: современные исследователи в сравнительных исследованиях часто обращаются к теории дискурса (Тюпа, 2018), рецептивной эстетике (Цветкова, 2010), герменевтике (Аминева, 2007). В разработке отдельных проблем компаративистики (в частности, исторической поэтики, которая, начиная с трудов А. Веселовского по исторической поэтике (Веселовский, 1989), была теоретической основой сравнительно-исторического метода) российские ученые ищут пути обновления сравнительно-исто-

рического подхода, в том числе, за счет установления зон контакта исторической поэтики с важнейшими для литературоведения XX в. идеями и направлениями, например, с философской эстетикой М. Бахтина (Бахтин, 1979), формальным методом (Шайтанов, 2010).

Отвечая на вызовы времени, исследователи переосмысливают базовые понятия литературной компаративистики: «национальная литература», «мировая литература», «межлитературный диалог» и пр. Тезаурус современной компаративистики пополняется проективными понятиями («идентичность», «сопоставление литератур», «множественность литератур», «принцип дополнительности»), которые свидетельствуют о тенденции к обновлению сложившейся в советской литературной компаративистике системы понятий и терминов¹ и возобладавшей в гуманитарных науках ориентации на междисциплинарность.

Активизация сравнительных исследований наблюдается и в рамках региональной проблематики. В сопоставительных исследованиях национальных литератур Поволжья, Урала, Кавказа, Сибири раскрывается их своеобразие, обусловленное особенностями культур проживающих в этих ареалах народов (Тюпа, 2002; Серебренников, 2004; и др.²).

Территория Тувы входит в состав Саяно-Алтайского региона наряду с Хакасией и Южным Алтаем. В этой связи в сравнительных исследованиях тувинской литературы она чаще всего сопоставляется с литературами этносов, проживающих в этом регионе (хакасов, алтайцев) и народов, живущих на граничащих с ним территориях Центральной Азии³ (якутов, бурятов, монголов). Тем не менее, мы считаем, что сравнительные исследования могут охватывать более широкую географию.

Целью данной статьи является систематизированный аналитический обзор современных исследований, в которых явления тувинской литературы рассматриваются в сравнении с литературами других тюркоязычных народов.

Задачи статьи:

- установить основные методы, используемые в сравнительных исследованиях тувинской литературы;
- проанализировать работы, выполненные в рамках историко-типологического и историко-генетического подходов;
- определить проблематику сравнительных исследований тувинской литературы, основывающихся на мифопоэтическом методе;
- установить перспективы исследований тувинской литературы в аспекте транскulturации;
- проанализировать труды, в которых сопоставляются явления тувинской и татарской литератур.

Решение этих задач, в итоге, позволяет установить векторы сопоставительных исследований тувинской литературы в рамках тюркской межлитературной общности, определить, насколько они соответствуют современным теоретико-методологическим направлениям в области литературной компаративистики. Это имеет значение как для тувинского литературоведения (обзор дает возможность отразить состояние и перспективы сравнительных исследований тувинской литературы), так и для компаративных исследований тюркских литератур (анализ методологических подходов, используемых при сопоставлениях тувинской литературы в рамках тюркской межлитературной общности, позволяет определить наиболее востребованные на сегодняшний день научные подходы, и, одновременно, выявить теоретико-методологические лакуны в области сопоставительного изучения тюркских литератур).

¹ Одним из проявлений этого процесса является, в частности, активное использование в современных компаративистских исследованиях понятия «идентичность» вместо традиционного для отечественной традиции понятия «своеобразие» (Попова, 2004; Султанов, 2007; Ибрагимов, 2018).

² Абашев В. В. Русская литература Урала. Проблемы геоэтики: учеб. пособие. Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2012.

³ Определение ареала — «Центральная Азия» — дано в соответствии с советской-российской научной традицией (Горшенина, 2019).

Материалом исследования стали труды современных исследователей, опубликованные в период с 2014 по 2024 гг. Поиск трудов велся в Научной электронной библиотеке (НЭБ), на базе которой работает Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)¹.

По поисковому запросу «тувинская литература» в НЭБ было установлено общее количество трудов по данной тематике — 87². Большая часть из них (54) — журнальные статьи; 22 — статьи (материалы) в сборниках научных конференций; 3 — монографии; 8 — диссертации и их авторефераты. На основе проблемно-тематического анализа этих трудов были установлены исследования, соответствующие проблематике сравнительного литературоведения. Критерием отбора здесь стал обозначенный в заглавиях тот или иной сопоставительный аспект (сопоставление творчества (произведения) одного из писателей тувинской литературы с инолитературным писателем (произведением), либо сопоставление отдельных явлений (например, жанров, компонентов поэтики) в тувинской и других тюркоязычных литературах с привлечением большого числа авторов и произведений). Количество такого типа исследований — 11 (примерно, 13% от общего числа работ).

В работе используются методы систематизации (выявленные сравнительные исследования систематизируются на основании решаемых в них научных проблем и используемых методов), описания, статистического анализа.

Историко-типологические и историко-генетические исследования

В сравнительных исследованиях тувинской литературы она, преимущественно, изучается в сопоставлении с литературами Центральной Азии³. По словам Ч. К. Ламажаа, в отечественной науке изучение общего и особенного в культурах Центральной Азии, «разворачивались на трех исследовательских полях: 1) на поле сравнительно-исторических исследований, 2) на поле исследований универсалий культур и 3) на поле исследований уникалий и универсалий культур, для которых важным стал фактор субъекта исследования (эмико-этические подходы)» (Ламажаа, 2020: 203).

Сравнительно-исторический метод в отечественном литературоведении традиционно был представлен двумя направлениями: историко-типологическим и историко-генетическим. Второе развивалось (и продолжает развиваться) в рамках исторической поэтики.

К числу исследований, выполненных в рамках историко-типологического подхода, относятся статья Л. В. Челтыгмашевой, посвященная проблеме типологического изучения саяно-алтайской литературной общности (Челтыгмашева, 2014); исследование Р. М. Донгак, в котором в сопоставлении с якутской прозой анализируется роман тувинского писателя Салчака Тока «Слово арата» (Донгак, 2007); статья У. А. Донгак, в которой в гражданская лирика тувинского поэта А. Даржая анализируется в контексте якутской поэзии 1980 — 2000-х годов (Донгак, 2015).

Указанные статьи выполнены с опорой на сформировавшиеся в рамках советского литературоведения принципы сравнительно-типологического изучения национальных литератур.

Так, в статье Р. М. Донгак, посвященной установлению первого в истории тувинской и якутской литератур произведения, написанного в жанре романа (по мнению автора статьи, таковым в тувинской литературе стал роман Салчака Тока «Слово арата», а в якутской литературе — романы «Марыкчанские ребята» (1942) Эрилика Эристина, и «Весенняя пора» (1944) Николая Мординова), исследователь выделяет несколько этапов в становлении жанра романа в тувинской и якутской литературах, подчеркивая влияние фольклорных традиций и культурных связей с соседними народами (Донгак, 2007: 60). По словам автора:

«Сложное взаимодействие национального фольклора и литературы послужили появлению и развитию жанра романа. В рождении романов велика роль взаимодействия литератур как фактора ускоренного

¹ Научная электронная библиотека. Главная страница [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: <https://www.elibrary.ru> (дата обращения: 10.02.2025.)

² По данным на 18 марта 2025 г.

³ Ч. К. Ламажаа, придерживаясь традиций советской-российской литературы, в «которой к Центральной Азии относятся следующие территории: Монголия; китайские регионы — Внутренняя Монголия, Синьцзян-Уйгурский автономный район, провинция Ганьсу, северная часть провинции Цинхай, значительная часть провинции Шэнси; из российских территорий — Тува, значительные территории прибайкальских регионов и Южного Алтая, то есть Саяно-Алтайский регион» (Ламажаа, 2020: 202).

развития национальной литературы. Успешное освоение богатейшего опыта русской литературы, сознательное следование ее лучшим образцам облегчили освоение жанра романа тувинскими и якутскими писателями» (там же).

В качестве ключевых факторов, повлиявших на становление романа в тувинской и якутской литературах, автор статьи называет фольклорные традиции и влияние русской литературы. Последнее, как известно, было общим местом в исследованиях национальных литератур, написанных в советский период и в которых неизменно подчеркивалась культуртрегерская роль русской литературы. Примечательно и другое: автор использует здесь введенное в отечественную науку в начале 1960-х гг. Г. Д. Гачевым понятие «ускоренное развитие литературы» (Гачев, 1964). Заметим, что это понятие привлекалось и отдельными татарскими литературоведами для объяснения процессов развития татарской литературы в начале XX в. (Ибрагимов, Загидуллина, 2024).

Историко-типологический подход, как известно, базировался на идее стадияльного развития литератур. При таком походе сходства объяснялись общностью стадий литературного развития, которые в свою очередь рассматривались как релевантные культурно-исторической стадияльности. В статье У. А. Донгак, посвященной сравнению гражданской лирики А. Даржая с якутской поэзией 1980 — 2000-х гг. (Донгак, 2015), наряду со сходством, указывается на различия между тувинской и якутской поэзией указанного периода. По мнению автора статьи, в отличие от якутской поэзии, в которой в указанные годы возобладали гражданская лирика, тувинская поэзия данного времени отличается интимно-лирическим содержанием (там же: 45). Впрочем, это утверждение не получает в статье развития: исследователь как раз сосредотачивается на поэтике гражданской лирики в творчестве А. Даржая в сравнении с якутской поэзией.

В более поздней работе того же автора — «Вопросы изучения исторической поэтики тувинской литературы» (Донгак, 2023) — в качестве базовой типологической категории выдвигается обоснованная ведущими российскими исследователями в области исторической поэтики категория «тип художественного сознания» (Аверинцев и др., 1994). Статья не содержит сопоставлений тувинской литературы с литературами других народов, но отдельные высказанные в ней положения представляются перспективными в сравнительных исследованиях. Речь, в частности, идет об акцентуации присутствия в тувинской литературе традиций общетюркского периода, изучение которых, по мнению автора статьи, «позволит полнее осмыслить эстетическое своеобразие и колорит поэтических элементов тюркоязычного мира, наложивших отпечаток на художественное мышление тувинцев» (Донгак, 2023: 51). Показательно, что в первом томе «Истории тувинской литературы», ответственным редактором которой выступил доктор филологических наук К. А. Бичелдей, где рассматриваются ее истоки и литература Тувинской Народной Республики (1921–1944), памятники древнетюркской письменности определяются как источники, свидетельствующие о «непрерывности традиций художественной словесности» (История тувинской ..., 2014: 6). В этой связи отмечу, что начало научной традиции рассматривать общетюркский период в качестве истока историй тюркских литератур, было положено в 1920-е гг. татарскими учеными Г. Губайдуллиным и Г. Рахимом, авторами первой «Истории татарской литературы», в которой отдельное внимание уделяется памятникам древнетюркской письменности (Рахим, Гпиз, 1923).

Статья У. А. Донгак представляет интерес и с точки зрения проблематизации вопроса о переходном периоде в истории тувинской литературы. Взяв за основу современную концепцию исторической поэтики, разработанную С. Н. Бройтманом¹, автор исследования рассматривает творчество тувинской поэтессы Д. Барыкан как явление переходности: от традиционалистского типа художественного сознания — к индивидуально-авторскому» (Донгак, 2023: 55). Отмечу здесь, что в готовящемся втором томе пятитомной «Истории татарской литературы» (проект в настоящее время реализуется Институтом языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан) также ставится вопрос о переходном периоде в татарской литературе: творчество ряда писателей конца XVIII в. предлагается рассматривать как свидетельство перехода от средневекового (традиционалистского) типа художественного сознания к просветительскому.

¹ Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тармарченко. М.: Издательский центр «Академия», 2004. Т. 2: Бройтман С. Н. Историческая поэтика.

Таким образом, в историко-типологических исследованиях произведения тувинских писателей сопоставляются, преимущественно с феноменами саяно-алтайских литератур, а также близких в географическом отношении литератур некоторых других народов Центральной Азии (в частности, якутов). В качестве оснований для типологических сопоставлений используется одна из базовых категорий исторической поэтики — жанр.

Мифопоэтика и этнопоэтика в сравнительных исследованиях тувинской литературы

Связь литературы и мифа — одна из значимых тем в литературоведении XIX–XX вв., приведшее к возникновению в прошлом веке популярного направления в западном литературоведении — мифопоэтики.

В целом ряде современных исследований в аспекте мифопоэтики произведения тувинских авторов сравниваются с творениями инонациональных (прежде всего, тюркоязычных) писателей.

Так, в статье Н. В. Поморцевой и ее коллег, посвященной мифологеме горного горного духа в художественной картине мира Ч. Т. Айтматова, К.-Э. Кудажы и С. К. Тока (Поморцева и др., 2024), с точки зрения особенностей мифологического мышления киргизов и тувинцев сопоставляются роман киргизского писателя Ч. Айтматова «Когда падают горы» («Вечная невеста») с произведениями тувинских писателей — Кызыл-Эника Кудажы «Улуг-Хем неугомный» (1977) и Салчака Тока «Слово арата» (1973). Внимание исследователей сосредоточено на мотиве встречи человека с духами природы.

Исследователи пишут о типологическом сходстве эпических сказаний киргизов (в частности, сказания об Эр Тештюке) и распространенных в тувинском фольклоре легенд и преданий о мифологических персонажах *дишрен* и *албыс*. Это сходство авторы статьи объясняют общностью архетипических структур коллективного бессознательного обоих народов, утверждая, что одной из базовых мифологем в тувинской и киргизской культурах является образ горного духа (Поморцева и др., 2024: 95).

Обращая внимание на типологическое сходство мотива встречи с горным духом в фольклоре киргизов и тувинцев, авторы статьи в то же время указывают на различия авторских обращений к этому мифологическому мотиву в творчестве тувинских писателей, с одной стороны, и Ч. Айтматова, с другой. По словам исследователей, если у тувинских писателей (К.-Э. Кудажы и С. К. Тока) обращение к мифологеме горного духа является свидетельством тяготения к фольклорным источникам как к форме выражения своей этнической идентичности, то в романе Ч. Айтматова реализуется иной тип использования этой мифологемы, при котором сохраняется ее семантическое ядро, ключевые мотивы, «выступающие в качестве устойчивых знаков сюжетной ситуации и продолжающие функционировать в условиях жанровой трансформации сюжета устного сказания в тексте романа» (там же: 100).

В статье С. С. Имихеловой и А. Х. Херел «Мифопоэтическое содержание национальных образов в тувинской и бурятской драматургии» (Имихелова, Херел, 2023) авторы в сопоставительном плане анализируют пьесы тувинских (С. Тока «Херээжен» («Женщина»), В. Кок-оол «Хайыраан бот» («Эх, жизнь моя горемычная!»), В. Кок-оол и С. Пюрбю «Найырал» («Дружба»)) и бурятских («Сказание о матери» Д. Батожабая (1967), «Материнский долг» Д. Дылгырова (1983), «И на нашей улице будет праздник» («Эрьехэ наран») Б.-М. Пурбуева (1999)) драматургов. Теоретической основой для типологических сопоставлений в статье становится теория архетипов: в частности, исследователи рассматривают пьесы, в которых находит выражение архетип матери.

Другим фактором типологической общности, по мнению авторов статьи, является сходство легендарных сюжетов о борьбе героев за свободу и независимость своего народа. Особое внимание исследователи обращают на произведения, в центре которых оказывается личность Чингисхана: пьесы тувинского писателя Э. Мижита «Кто ты, Субедей» (1997) и бурятского автора Б. Гаврилова «Чингисхан» (2001). По мнению авторов статьи, для Э. Мижита Б. Гаврилова интерес к личности Чингисхана во многом обусловлен идеей национального возрождения на рубеже XX–XXI вв.:

«Испытание героя-полководца на человечность, заложенное в конфликте двух пьес, позволяет их авторам осуществить связь истории и современности. Как в эпосе герой-богатырь в борьбе с врагом действует в качестве сакрального небожителя, так и в героях современной драматургии обнаруживаются элементы архетипа воина, задающие траекторию движения главного героя обоих пьес к нравственному выбору как своему божественному предназначению» (Имихелова, Херел, 2023: 34).

Здесь необходимо отметить, что и в татарской литературе в 1990-е гг. заметно возрастает интерес к национальной истории, особенно к периоду Казанского ханства — времени расцвета татарской культуры, что приводит к активизации жанра исторического романа: «Сююмбике» (1992) Рабита Батуллы, «Хыянэт» («Измена» 1993) Флюса Латифи, «Илчегә үлем юк» («Посол — лицо неприкосновенное», 1990) Мусагита Хабибуллина и пр.¹

В современных исследованиях национальных литератур часто в качестве базового теоретического концепта используется понятие «код» («культурный код»). Не углубляясь в вопрос о содержании этого понятия в литературоведческом преломлении, необходимо указать, что оно, несмотря на значительное количество исследований, содержащих в своем названии слово «код», не обладает на сегодняшний момент терминологической строгостью.

Об этом, в частности, свидетельствует и статья М. Т. Сатанар «Коды в миромоделировании тувинского и якутского эпических сказаний» (Сатанар, 2022), в которой сопоставляются эпические тексты якутов и тувинцев с точки зрения выраженных в них мифопоэтических структур, имеющих отношение к категориям времени и пространства. Автор статьи выделяет зооморфные, числовые, цветовые, акциональные коды, выступающие в тувинских и якутских эпических текстах как пространственные и временные маркеры, и приходит к выводу о существовании в них (эпических текстах), с одной стороны, элементов общности на уровне семиотических кодирований (к таковым ученые относят ряд концептов: родная страна, коновязь, Нижний мир); с другой — этноспецифических кодов миромоделирования, к каковым исследователь, в частности, относит характерную для тувинских эпических сказаний и не встречающуюся в текстах якутского олонхо «символизацию оси мира саблей и реализацию парного сочетания металлического и фитонимического кодов в оформлении формулы, описывающей сакральную вертикаль» (там же: 220–221).

В современном литературоведении активно развивается этнопоэтика, направление в изучении литератур, ориентированное на выявление содержательных форм, релевантных их этнической идентичности. Ученые рассматривают этнопоэтику как плюралистическое (эклектичное?) в методологическом отношении направление, использующее и методы традиционной компаративистики, и этнолингвистический подход к тексту, и имагологию, и онтологическую поэтику (Зырянов, 2019: 11).

В статье Н. Л. Кольчиковой и В. П. Прищепы «Этнопоэтический подход к изучению современной литературы Саяно-Алтая (на материале тувинской и хакасской поэзии)» (Кольчикова, Прищеп, 2020) исследуются этнопоэтические константы (Гацак, 2000) в тувинской и хакасской литературах. В тувинской литературе это юрта (на примере поэтического творчества тувинского современного поэта Монгуш Кенин-Лопсана демонстрируется, что юрта выступает как своего рода модель мира, в которую «защиты» представления тувинцев об онтологических категориях (таких, как время, пространство); концепт *Ие-Чер* 'Мать-Земля'; ритуал очищения (на примере стихотворения Антона Уержаа «Артыжап көр» («Овейте дымом артыша») воссоздается философия национального бытия — ритуал очищения с помощью священного артыша, дымом которого изгоняется дух болезни). В хакасской — образ кургана, символический образ *ирбен* 'чабрец', семантика которого связана с традиционным мировоззрением тюрков («У тюркских народов, — пишут исследователи, — эта трава считалась священной, ее дымом освящали жилище и скот. Так, например, у хакасов, богородской травой окуривали ызых — ритуального коня» (Кольчикова, Прищеп, 2020: 219).

В статье обращает на себя внимание использование жанровой номинации «элегия» применительно к отдельным произведениям тувинского поэта Николая Куулара: «Өөм» («Моя юрта») и «Авам шайы» («Чай матери») (там же: 216). Такого рода номинации свидетельствуют о теоретической неотрафлексированности вопроса о том, насколько жанровые дефиниции, сформировавшиеся применительно к явлениям русской и европейской литератур, соответствуют жанровой природе произведений литератур, генетически связанных с иной литературной традицией. В этой связи заслуживают внимания труды по сопоставлению отдельных жанров в русской и татарской литературах, в которых этот вопрос становится предметом теоретической рефлексии. В частности, в исследовании В. Р. Аминовой, посвященном жанру хикая в татарской литературе, утверждается, что «жанр хикая в татарской литературе XX в. функционирует как неканонический жанр, внутренняя мера которого

¹ Хуснутдинова Л. К. Современный татарский исторический роман (проблемы поэтики): автореф. дис. ... канд. филол. н. Казань, 2023.

не тождественна содержанию неканонических малых жанров эпики (например, рассказа) в русской и европейской литературах» (Аминева, 2017: 9). В диссертации А. З. Хабибуллиной применительно к жанру элегии и элегическому модусу в русской и татарской литературах в качестве теоретической основы исследования используется понятие трансгрессии, которым обозначается процесс «смещения и стирания границ между литературами, когда «пересекая границу» исходной литературы, жанр оказывается в контексте инационального художественного сознания, «сталкиваясь» при этом с самобытной жанровой и этнической идентичностью «другой» литературы»¹.

Обращение исследователей к мифопоэтическому методу в сравнительных исследованиях тувинской литературы с литературами других народов Центральной Азии обусловлено значимостью мифологии и фольклора в художественном творчестве писателей этого региона. Присутствующие во многих текстах мифопоэтические структуры свидетельствуют, во-первых, о ценности для авторов мифологических образов, сюжетов, мотивов как источников творчества; во-вторых, о том, что в художественном мышлении писателей этого региона сохраняются архетипические структуры, восходящие к древнейшим представлениям этносов о мире и человеке.

Тувинская литература в контексте проблематики транскulturации

В современном литературоведении большой интерес вызывают явления транслингвизма и транскulturации. Понятия «транскulturальная литература», «транслингвальная литература» используются применительно к творчеству писателей, которые реализуют свои творческие возможности на неродном для них языке. По словам авторитетных исследователей литературного транслингвизма (в первую очередь, русскоязычной литературы), в русскоязычной литературе, являющейся одним из проявлений литературного транслингвизма, имеет место диалогическое сопряжение различных этнически обусловленных мировоззрений, что порождает новые смыслы» (Bakhtikireeva, Valikova, King, 2017: 166). «Транслингвальный автор — это человек семиотического «пограничья»... посредник между культурами, а транслингвальный текст — своеобразный кроссовер, вбирающий в себя черты нескольких культур, но не соответствующий ни одной из них полностью» (Валикова, Шагимгиреева, Кулиева, 2020: 234).

Рассмотрим две статьи российских ученых, в которых с опорой на теорию транскulturации (транслингвизма) сравниваются произведения тувинских авторов и писателей других тюркоязычных литератур: коллективное исследование О. А. Валиковой, Б. Е., Шагимгиреевой, Ш. А. Кулиевой «Космос в логосе: транслингвальная поэзия Эдуарда Мижита и Бахыта Каирбекова» (Валикова, Шагимгиреева, Кулиева, 2020) и статью Э. Ф. Шафранской и Г. Т. Гариповой «Тувинский текст в аспекте транскulturации» (Шафранская, Гарипова, 2023).

В первой статье на примере сопоставления поэтического творчества тувинского поэта Э. Мижита и казахского — Б. Каирбекова — исследователи демонстрируют взаимодействие различных культурных кодов в русскоязычных текстах нерусских авторов и процесс порождения в результате этого взаимодействия новой уникальной и культурно усложненной эстетической реальности (Валикова, Шагимгиреева, Кулиева, 2020: 231).

Художественные проявления транслингвальности рассматриваются авторами статьи на разных уровнях. В частности, анализируя произведения Э. Мижита, являющиеся авторским вариантом этноспецифического жанра тувинской словесности *ожук дажы*, исследователи обнаруживают в них восходящие к буддизму представления о бытии и человеке, сквозь призму которых осмысливается тема Поэта и Поэзии. В творчестве же Б. Каирбекова ученые находят влияние характерного для тюркских степных народов мировоззрения на осмысления этой темы. Речь, в частности, идет о представлениях древних тюрков о бессмертии человеческой души, согласно которым «душа человека бессмертна, пока существует земля его рождения, жизни и смерти, а память предков не позволяет ей раствориться в безвременье» (там же: 238).

Опыты точечной герменевтики выводят исследователей к выводу о существовании в творчестве тувинского и казахского поэтов сходного понимания онтологии творчества, когда последнее выступает

¹ Хабибуллина А. З. Элегия, элегическое, элегизм в русской и татарской поэзии: критерии сопоставительного исследования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2023.

как «единственно возможный способ существования», и «каждое стихотворение, фиксирующее поэтическую мысль, становится актом осознания собственной сверхзадачи: противостоять Хаосу внутреннего и внешнего бытия гармонизирующей силой слова» (там же: 239).

Сопоставляя творчество Э. Мижита и Б. Каирбекова на уровне хронотопа, исследователи выделяют традиционные образы (табун — у Э. Мижита; степь — у Б. Каирбекова), участвующие в конструировании художественного времени и пространства.

Вместе с тем авторы статьи подчеркивают и сходство поэзии Э. Мижита и Б. Каирбекова, проявляющееся в присутствующих в их произведениях представлений о времени и пространстве, характерных для культур, генетически связанных с кочевой цивилизацией. Исследователи, в частности, пишут о циклической модели времени в творчестве Э. Мижита и Б. Каирбекова, связывая ее с мирозерцанием степных кочевников: «Это отличительная черта и для поэзии Каирбекова, в которой создается авторская модель национального бытия — Великая Степь. Степь Каирбекова, помнящая предков, безгранично-вольная — это пространство жизнесложения этноса и лирического героя как его представителя» (там же: 244).

В статье Э. Шафранской и Г. Гариповой с точки зрения теории транскulturации рассматриваются произведения двух тувинских писателей: пишущего на тувинском языке М. Ховалыга и русскоязычного тувинского автора Р. Сенчина (Шафранская, Гарипова, 2023).

Авторы статьи выделяют мифологемы, сквозь призму которых прочитываются произведения тувинских писателей. Так, применительно к очерку Р. Сенчина «Тува» таковой становится мифологема «потерянного рая», которая понимается как фундамент «биографического» мифа писателя, основывающегося на аксиологически маркированной оппозиции «своего» (Тува как природоцентричный локус) и «чужого» (московский мир как воплощение далекой от природы городской цивилизации) (там же: 509).

Произведения М. Ховалыга (в первую очередь, повесть «Богач в лохмотьях») рассматриваются в статье с точки зрения проявления в них постколониального дискурса.

«Ракурс изображенных событий в повести тувинского писателя, — пишут авторы статьи, — вписывается в парадигму постколониального дискурса, в один из его аспектов — ино-, этнокультурный текст, в частности, сюжет повести «Богач в лохмотьях» строится на историческом взаимодействии метрополии и колониальной окраины, на переосмыслении недавних основ советской картины мира, пришедших в противоречие с реальностью» (там же: 503).

Транскulturная тематика в исследованиях национальных литератур России становится одним из заметных научных трендов. Если на рубеже тысячелетий применительно к творчеству этнических писателей, пишущих на русском языке, использовалось понятие «русскоязычный писатель», то сейчас оно постепенно вытесняется понятием «транслингвальный писатель». Явления литературного транслингвизма исследуются на примере многих литератур России, в том числе, татарской¹. Перспективными представляются сопоставительные исследования транслингвизма в различных тюркоязычных литературах, например, тувинской и татарской.

Тувинская и татарская литературы в сопоставительном изучении

Сопоставления тувинской и татарской литературы единичны и, можно сказать, окказиональны. Появлению таких исследований в значительной степени способствовала редакционная политика журнала «Новые исследования Тувы», в которой включение тувинской литературы (равно как и языка, фольклора, культуры) в широкие ряды сопоставлений видится как одна из перспектив тувиноведения. Именно в этом журнале опубликованы две статьи, в которых сопоставляются явления тувинской и татарской литератур: «Субъектно-образные структуры в татарской и тувинской поэзии 1970–1990-х гг.»

¹ Аминев В. Р., Набиуллина А. Н. Транскulturная литература: вопросы теории и методологии изучения // Национальные литературы на современном этапе: научные концепции и гипотезы. Круглый стол, посвященный 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Казань: ИЯЛИ, 2019. С. 6–17; Аминев В. Р. Современная русскоязычная литература как феномен культурного пограничья // Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения). Материалы VII Международной научной конференции. М., 2020. С. 305–308.

(Аминева, Мижит, 2021) и «Нэсер и шулук-чугаа: варианты прозопоэтического синтеза в татарской и тувинской литературах» (Аминева, Мижит, 2023). Обе статьи написаны известными исследователями тувинской и татарской литератур Л. С. Мижит и В. Р. Аминевой.

В первой статье сопоставительный анализ субъектных форм в тувинской и татарской поэзии вписывается авторами статьи в актуальную в современном российском литературоведении проблематику идентичности национальных литератур (Попова, 2004; Полякова, 2012; Султанов, 2007; Ибрагимов, 2018). На материале произведений татарских (И. Юзеева, Р. Ахметзянова, Р. Гаташа) и тувинских поэтов (А. Уержаа, А. Даржая, Э. Мижита, Н. Куулара) выявляются особенности субъектной организации в тувинской и татарской поэзии 1970–1990-х гг.

Авторы анализируют сходные пути самоидентификации лирического субъекта в творчестве татарских и тувинских поэтов на уровне поэтики произведений. Исследователи на примере отдельных сопоставлений демонстрируют сходства и отличия различных типов самоидентификации: преодоление границ между субъектом и объектом, видение мира как проекции авторского «я» (поэзия И. Юзеева и А. Уержаа); «вероятно-множественное “я”», когда лирический герой смотрит на себя с разных сторон и предметом «жизненно-эстетического переживания становятся как ситуации самооценности и самостоятельности «я» и «другого»..., так и состояние их синкретической нераздельности, возможности переходов с одной позиции на другую» (поэзия Р. Ахметзянова и А. Даржая); наличие в произведении «сверхсубъектов», в которых воплощается «надличностное и вненаходимое по отношению к основной лирической ситуации и ее героям активно-волевое начало» (Аминева, Мижит, 2021: 243). Для последнего типа самоидентификации лирического субъекта доминантной становится его нераздельность со своим народом, родиной, вселенной, а в качестве таких «сверхсубъектов» авторы выделяют стихии жизни, любви и творчества.

Вторая статья (Аминева, Мижит, 2023) написана в русле сопоставительной поэтики жанров: в ней анализируется явление прозопоэтического синтеза в татарской и тувинской литературах на примере жанров *нэсер* и *шулук-чугаа*.

Авторы устанавливают связь поэтики этих жанров в татарской и тувинской литературах с характерными для разных типов культур «системообразующими началами, мотивирующими соотношение формы и содержания», исследуют принципы построения художественного образа, сюжетный план произведений, их субъектную организацию в связи с концепцией личности, представлениями о времени и пространстве, процедурами смыслопорождения в тувинской и татарской культурах (там же: 25).

Исследователи демонстрируют сходства произведений татарских и тувинских авторов, выделяя различные структурные компоненты поэтики написанных ими *нэсер* и *шулук-чугаа*. Так, на основе анализа произведений Ш. Анака и Э. Мижита учеными устанавливается роль мифопоэтических структур, причем артикулируется не только сходство, но и культурно-обусловленные различия между ними:

«Если в *нэсер* Ш. Анака ключевой семантической фигурой становится реализованная метафора — образ, понимаемый в буквальном смысле и существующий как объективный, то в произведениях Э. Мижита действует закон партиципации-сопричастия, который определяет “открытость” соположенных структур: внешнего и внутреннего, мира и человека, взаимопроникновение, “перетекаемость” друг в друга» (там же: 27–28).

В качестве одной из особенностей *нэсер* и *шулук-чугаа* авторы выделяют обусловленную «тяготением современной литературы к синтезу художественного, документального, публицистического, философского дискурсов, слиянию родов и жанров» (Аминева, Мижит, 2023: 40) синтезирующую тенденцию, когда в произведениях присутствуют признаки различных родов, жанров (в частности, в *шулук-чугаа* Э. Мижита и А. Даржая исследователи обнаруживают эпическое начало, которое приносят в их художественную структуру такие жанры, как баллада и притча).

Несмотря на единичность сопоставлений тувинской и татарской литератур, они имеют определенные перспективы, обусловленные, прежде всего, принадлежностью этих народов к тюркскому миру. В этой связи в качестве одного из магистральных направлений развития этой темы видится сопоставительная поэтика тувинской и татарской литератур (сопоставительная поэтика жанров, стиховых форм и пр.).

Заклучение

Систематизированный аналитический обзор современных сравнительных исследований тувинской литературы с литературами других народов позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, в количественном отношении преобладают работы, в которых сопоставление тувинской литературы ведется с литературами Сибири (якутской, хакасской, алтайской, шорской). Иначе говоря, в качестве диалогизирующего фона исследователи обращаются к родственным тувинцам народам, живущим в едином географическом пространстве.

Во-вторых, в методологическом отношении доминируют мифопоэтические сравнительные исследования, что обусловлено значительным влиянием фольклора и традиционной культуры на художественную литературу тувинцев и близких им в культурном отношении народов Центральной Азии.

В-третьих, сравнительно-типологические исследования тувинской литературы ведутся, преимущественно, в русле сравнительно-исторической методологии, сформировавшейся в советский период, без учета ее ревизии в трудах современных исследователей.

В-четвертых, перспективным представляется «подключение» к тувинской тематике ученых, находящихся априори в ситуации «внеаходимости» по отношению к тувинской литературе (ученых-аутсайдеров, в терминологии Ч. К. Ламажаа (Тувинцы: Родные ... , 2022: 34–37). Включение тувинской литературы в широкие ряды сопоставлений (прежде всего, с литературами тюркских народов) расширяет ее присутствие в российском и мировом литературном пространстве и, вместе с тем, способствуют продуктивному для тувиноведения диалогу тувинских ученых с исследователями из других регионов.

Перспективы сравнительного изучения тувинской литературы видятся в расширении географии сопоставлений, междисциплинарности, использовании потенциала современных методов компаративного анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверинцев, С. С., Андреев, М. Л., Гаспаров, М. Л., Гринцер, П. А., Михайлов, А. В. (1994) Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания : сборник статей / отв. ред. П. А. Гринцер. М. : Наследие. 509 с. С. 3–38.
- Аминева, В. Р. (2007) Герменевтический дискурс в компаративистских исследованиях // Ученые записки Казанского государственного ун-та. Сер. Гуманитарные науки. Т. 149. Кн. 2. С. 191–205.
- Аминева, В. Р. (2017) Хикая как литературный жанр (на материале произведений А. Еники 1940–1960-х годов) // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. Т. 159. Кн. 1. С. 7–25.
- Аминева, В. Р., Мижит, Л. С. (2021) Субъектно-образные структуры в татарской и тувинской поэзии 1970–1990-х гг. // Новые исследования Тувы. № 1. С. 228–254. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.13>
- Аминева, В. Р., Мижит, Л. С. (2023) Нэсер и шулук-чугаа: варианты прозопоетического синтеза в татарской и тувинской литературах // Новые исследования Тувы. № 4. С. 22–43. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.2>
- Бахтин, М. (1979) Эстетика словесного творчества. М. : Искусство. 424 с.
- Валикова, О. А., Шагимгиреева, Б. Е., Кулиева, Ш. А. (2020) Космос в логосе: транслингвальная поэзия Эдуарда Мижита и Бахыта Каирбекова // Новые исследования Тувы. № 4. С. 230–249. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.16>
- Веселовский, А. Н. (1989) Историческая поэтика. М. : Высшая школа. 406 с.
- Горшенина, С. М. (2019) Изобретение концепта Средней / Центральной Азии: между наукой и геополитикой : пер. с фр. М. Р. Майзульса. Вашингтон : Программа изучения Центральной Азии, Университет Джорджа Вашингтона. 119 с.
- Гацак, В. М. (2000) Северные этнопоэтические константы // Народная культура Русского Севера. Живая традиция: Материалы республиканской школы-семинара Вып. 2 / отв. ред. Н. В. Дранникова, Ю. А. Новиков. Архангельск : Изд-во Поморского государственного университета. 136 с. С. 7–10.
- Гачев, Г. Д. (1964) Ускоренное развитие литературы (На материале болгарской литературы первой половины XIX века). М. : Наука. 311 с.
- Донгак, Р. М. (2007) «Слово арата» — первый роман тувинской литературы (в сравнении с якутской прозой) // Вестник Башкирского университета. Т. 12. № 3. С. 58–60.

Донгак, У. А. (2015). Гражданская лирика А. Даржая в сравнении с якутской поэзией 1980–2000-х годов // Новые исследования Тувы. № 4. С. 42–63.

Донгак, У. А. (2023) Вопросы изучения исторической поэтики тувинской литературы // Азиатские исследования: история и современность. № 2–3. С. 48–63.

Дюришин, Д. (1979) Теория сравнительного изучения литературы. М. : Прогресс. 320 с.

Жирмунский, В. М. (1979) Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Л.: Наука. 495 с.

Зырянов, О. В. (2019) Проблемно-методологическое поле современной этнопоэтики // Филологический класс. № 1 (55). С. 8–15.

Ибрагимов, М. И. (2018) Национальная идентичность татарской литературы: современные методы исследования: очерки. Казань : ИЯЛИ. 104 с.

Ибрагимов, М. И., Загидуллина, Д. Ф. (2024) Татарская литература начала XX века сквозь призму теории Г. Д. Гачева об ускоренном развитии литератур // Новые исследования Тувы. № 4. С. 127–137. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.9>

Имихелова, С. С., Херел, А. Х. (2023) Мифопоэтическое содержание национальных образов в тувинской и бурятской драматургии // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. Вып. 2. С. 30–36.

История тувинской литературы (2013) / отв. ред. К. А. Бичелдей. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения Российской акад. наук. Т. 1: Истоки. Литература Тувинской Народной Республики (1921–1944). 263 с.

Кольчикова, Н. Л., Прищепа, В. П. (2020) Этнопоэтический подход к изучению современной литературы Саяно-Алтая (на материале тувинской и хакасской поэзии) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 210–227. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.15>

Конрад, Н. И. (1959) Проблемы современного сравнительного литературоведения // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. Т. 18. Вып. 4. С. 315–333.

Ламажаа Ч. К. (2020) Единство и своеобразие современных этнических культур народов Центральной Азии: три исследовательских проблемных поля // Новые исследования Тувы. № 4. С. 201–216. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.14>

Неупокоева, И. Г. (1961) Некоторые вопросы изучения взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур // Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур: материалы дискуссии, 11–15 января 1960 г. / ред. коллегия: И. И. Анисимов и др. М. : Изд-во АН СССР. 439 с. С. 29–40.

Полякова, Л. В. (2012) Проблемная ситуация в литературоведческой терминологии: идентичность // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 2 (106). С. 43–52.

Поморцева, Н. В., Красильникова, С. В., Тагаев, М. Д., Чинлода, М. С., Эрнисова, А. Э. (2024) Мифологема горного духа в художественной картине мира Ч. Т. Айтматова, К.-Э. Кудажы и С. К. Тока // Новые исследования Тувы. С. 88–103. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.6>

Попова, М. К. (2004) Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. Воронеж : Воронежский гос. ун-т. 170 с.

Сатанар, М. Т. (2022) Коды в миромоделировании тувинского и якутского эпических сказаний // Новые исследования Тувы. № 1. С. 211–224. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.14>

Серебренников, Н. В. (2004) Опыт формирования областнической литературы. Томск : Изд-во Томского гос. ун-та. 307 с.

Султанов, К. (2007) От дома к миру: этнонациональная идентичность и межкультурный диалог. М. : Наука. 302 с.

Рәхим, Г, Газиз, Г. (1923) Татар әдәбияты тарихы: беренче жид. Борынгы дәвер. II бүлек [История татарской литературы: 1 том. Древний период. II часть]. Казан : ТАССРның дәүләт нәшр. 244 б. (На татарском языке).

Тувинцы: Родные люди (2022) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Тюпа, В. И. (2002) Мифологема Сибири: К вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. № 1. С. 27–35.

Тюпа, В. И. (2018) Дискурсивные формации: очерки по компаративной риторике. М. : Изд-во Юрайт. 321 с.

Цветкова, М. В. (2010) Возможности рецептивного подхода в рамках компаративистского исследования // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. № 3–2. С. 8–12.

Челтыгмашева, Л. В. (2014) Проблема типологии в национальных литературах народов Саяно-Алтая // Альманах современной науки и образования. № 7 (85). С. 149–152

Шайтанов, И. (2010) Компаративистика и/или поэтика: Английские сюжеты глазами исторической поэтики. М. : РГУ. 655 с.

Шафранская, Э. Ф., Гарипова, Г. Т. (2023) Тувинский текст в аспекте транскulturации // Полилингвильность и транскulturные практики. Т. 20. № 3. С. 497–514. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-3-497-514>

Bakhtikireeva, U., Valikova, O., King, J. (2017) Translingualism: Communicative Bridge or “Cultural Bomb”? // RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices. № 14 (1). P. 116–121.

Дата поступления: 05.03.2025 г.

Дата принятия: 28.03.2025 г.

REFERENCES

- Averintsev, S. S., Andreev, M. L., Gasparov, M. L., Grintser, P. A., Mikhailov, A. V. (1994) Categories of Poetics in the Change of Literary Epochs. In: Grintser, P.A. (ed.) *Historical Poetics. Literary Epochs and Types of Artistic Consciousness: Collection of Articles*. Moscow, Nasledie. 509 p. Pp. 3–38. (In Russ.)
- Amineva, V. R. (2007) Hermeneutic Discourse in Comparative Studies. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, vol. 149, book 2, pp. 191–205. (In Russ.)
- Amineva, V. R. (2017) Hikaya as a Literary Genre (Based on the Works of A. Eniki of the 1940s–1960s). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, vol. 159, book 1, pp. 7–25. (In Russ.)
- Amineva, V. R. and Mizhit, L. S. (2021) Subject-Image Structures in Tatar and Tuvan Poetry of the 1970s–1990s. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 228–254. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.13>
- Amineva, V. R. and Mizhit, L. S. (2023) Nasir and Shuluk-Chugaa: Variants of Prosopoetic Synthesis in Tatar and Tuvan Literatures. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 22–43. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.2>
- Bakhtin, M. (1979) *Aesthetics of Verbal Art*. Moscow, Iskusstvo. 424 p. (In Russ.)
- Valikova, O. A., Shagimgireeva, B. E. and Kuliyeva, Sh. A. (2020) Cosmos in Logos: Translingual Poetry of Eduard Mizhit and Bakhyt Kairbekov. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 230–249. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.16>
- Veselovsky, A. N. (1989) *Historical Poetics*. Moscow, Vysshaya Shkola. 406 p. (In Russ.)
- Gorshenina, S. M. (2019) *Invention of the Concept of Middle/Central Asia: Between Science and Geopolitics*. Transl. from French by M. R. Maizul's. Washington, Central Asia Program, George Washington University. 119 p. (In Russ.)
- Gatsak, V. M. (2000) Northern Ethnopoetic Constants. In: Drannikova, N. V., Novikov, Yu. A. (eds.) *Folk Culture of the Russian North. Living Tradition: Materials of the Republican School-Seminar*. Issue 2. Arkhangelsk, Pomor State University Press. 136 p. Pp. 7–10. (In Russ.)
- Gachev, G. D. (1964) *Accelerated Development of Literature (Based on Bulgarian Literature of the First Half of the 19th Century)*. Moscow, Nauka. 311 p. (In Russ.)
- Dongak, R. M. (2007) “The Word of the Arat” — The First Novel of Tuvan Literature (in Comparison with Yakut Prose). *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, vol. 12, no. 3, pp. 58–60. (In Russ.)
- Dongak, U. A. (2015) Civic Lyrics of A. Darzhai in Comparison with Yakut Poetry of the 1980s–2000s. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 42–63. (In Russ.)
- Dongak, U. A. (2023) Issues of Studying the Historical Poetics of Tuvan Literature. *Asian Studies: History and Modernity*, no. 2–3, pp. 48–63. (In Russ.)
- Durishin, D. (1979) *Theory of Comparative Literary Studies*. Moscow, Progress. 320 p. (In Russ.)
- Zhirmunsky, V. M. (1979) *Comparative Literary Studies: East and West*. Leningrad, Nauka. 495 p. (In Russ.)
- Zyryanov, O. V. (2019) Problem-Methodological Field of Modern Ethnopoetics. *Filologichesky Klass*, no. 1 (55), pp. 8–15. (In Russ.)
- Ibragimov, M. I. (2018) *National Identity of Tatar Literature: Modern Research Methods: Essays*. Kazan, IYALI. 104 p. (In Russ.)
- Ibragimov, M. I. and Zagidullina, D. F. (2024) Tatar Literature of the Early 20th Century through the Prism of G. D. Gachev's Theory of Accelerated Development of Literatures. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 127–137. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.9>
- Imikhelova, S. S. and Kherel, A. Kh. (2023) Mythopoetic Content of National Images in Tuvan and Buryat Drama. *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Philology*, issue 2, pp. 30–36. (In Russ.)
- History of Tuvan Literature* (2013) Bicheldei, K. A. (ed.) Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Vol. 1: Origins. Literature of the Tuvan People's Republic (1921–1944). 263 p. (In Russ.)
- Kolchikova, N. L. and Prishchepa, V. P. (2020) Ethnopoetic Approach to the Study of Modern Literature of Sayan-Altai (Based on Tuvan and Khakas Poetry). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 210–227. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.15>
- Konrad, N. I. (1959) Problems of Modern Comparative Literary Studies. *Izvestiya AN SSSR. Otd. lit. i yaz.*, vol. 18, issue 4, pp. 315–333. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2020) Unity and Originality of Modern Ethnic Cultures of the Peoples of Central Asia: Three Research Problem Fields. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 201–216. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.14>

Neupokoeva, I. G. (1961) Some Issues in the Study of Interrelations and Interactions of National Literatures. In: Anisimov, I. I. et al. (eds.) *Interrelations and Interactions of National Literatures: Materials of the Discussion, January 11–15, 1960*. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 439 p. Pp. 29–40. (In Russ.)

Polyakova, L. V. (2012) Problematic Situation in Literary Terminology: Identity. *Vestnik Tambovskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki*, no. 2 (106), pp. 43–52. (In Russ.)

Pomortseva, N. V., Krasilnikova, S. V., Tagaev, M. D., Chinloda, M. S. and Ernisova, A. E. (2024) Mythologeme of the Mountain Spirit in the Artistic Worldview of Ch. T. Aitmatov, K.-E. Kudazhy and S. K. Toka. *New Research of Tuva*, pp. 88–103. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.6>

Popova, M. K. (2004) *National Identity and Its Reflection in Artistic Consciousness*. Voronezh: Voronezh State University. 170 p. (In Russ.)

Satanar, M. T. (2022) Codes in the World-Modelling of Tuvan and Yakut Epic Tales. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 211–224. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.14>

Serebrennikov, N. V. (2004) Experience in the Formation of Regional Literature. Tomsk: Tomsk State University Press. 307 p. (In Russ.)

Sultanov, K. (2007) *From Home to the World: Ethnonational Identity and Intercultural Dialogue*. Moscow, Nauka. 302 p. (In Russ.)

Rakhim, G. and Gaziz, G. (1923) *History of Tatar Literature*. Kazan, State Publishing House of TASSR. Vol. 1. Ancient Period. P. II. 244 p. (In Tatar.)

The Tuvans: Native People (2022) / Lamazhaa, Ch. K., Suvandii, N. D. (eds.) St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 344 p. (In Russ.)

Tyupa, V. I. (2002) Mythologeme of Siberia: On the Question of the “Siberian Text” of Russian Literature. *Sibirskiy Filologicheskii Zhurnal*, no. 1, pp. 27–35. (In Russ.)

Tyupa, V. I. (2018) Discursive Formations: Essays on Comparative Rhetoric. Moscow, Yurayt Publishing. 321 p. (In Russ.)

Tsvetkova, M. V. (2010) Possibilities of the Receptive Approach within the Framework of Comparative Research. *Vestnik Vyatskogo Gosudarstvennogo Gumanitarnogo Universiteta*, no. 3–2, pp. 8–12. (In Russ.)

Cheltygmasheva, L. V. (2014) The Problem of Typology in the National Literatures of the Peoples of Sayan-Al-tai. *Almanakh Sovremennoy Nauki i Obrazovaniya*, no. 7 (85), pp. 149–152. (In Russ.)

Shaitanov, I. (2010) *Comparative Studies and/or Poetics: English Plots through the Eyes of Historical Poetics*. Moscow, RGU. 655 p. (In Russ.)

Shafranskaia, E. F. and Garipova, G. T. (2023) The Tuvan Text in the Aspect of Transculturation. *Polilingvial'nost' i Transkul'turnye Praktiki*, vol. 20, no. 3, pp. 497–514. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-3-497-514>

Bakhtikireeva, U., Valikova, O. and King, J. (2017) Translingualism: Communicative Bridge or “Cultural Bomb”? *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, no. 14 (1), pp. 116–121.

Submission date: 05.03.2025.

Acceptance date: 28.03.2025.

Сонеты М. Б. Кенин-Лопсана как формула мировидения тувинского народа

Жанна Ж. Толысбаева

Казахская национальная академия хореографии, Республика Казахстан

В статье анализируются сонеты известного тувинского поэта, писателя, философа, культуролога, ученого и шамана Могуша Бораховича Кенин-Лопсана. Материалом для исследования послужили сонеты поэта, изданные в книге «Төлге» [Жребий] (2011), с переводом на русский язык И. Фоянковым.

В творчестве М. Б. Кенин-Лопсана сонет явил такую форму трансформации, которая переросла границы литературы и может определяться не иначе, как уникальное явление тувинской культуры. Изучение характера воспроизведения жанровой природы сонета, его обусловленность особым даром шаманического восприятия реальности определило цель и новаторство предлагаемой работы.

Логика построения статьи продиктована характером трансформации жанрообразующих уровней сонетов. Организация пространственно-временного ряда, в первую очередь, обращает к субъектной и ассоциативной организации сонетов. Они свидетельствуют о работе сознания высокодуховного героя, который прошел и проходит свой путь толстовского «опрощения» с целью растворения в вечном многоголосии природы. Ассоциативный контекст подчеркивает значимость этнографических образов, наименований как ключевых словообразов, ведущих мысль автора к конкретике наблюдений и обобщений. Пространственно-временной ряд сближает сонетный мирозраз с мифопоэтическим, ведет к постижению идеи единения человека и природы в культуре тувинского народа. Анализ метро-ритмического и художественно-поэтического типа организации сонетов позволил сравнить переводные и оригинальные тексты, почувствовать, как поэтика тувинской речи способствует передаче идеи сонета.

Изучение жанровых категорий сонетов М. Б. Кенин-Лопсана позволяет сделать вывод о характерной черте этого жанра: сонет реализуется как необходимая философская «скрепа», фиксирующая умение человека подниматься над течением стремительно текущей жизни к ценности вечных категорий, зафиксированных в мировоззрении народа, его культуре. Объединив сонеты в книгу сонетов, поэт создал эпическое повествование о возвращении к истокам как единственном пути сохранения духовности человека.

Ключевые слова: Монгуш Борахович Кенин-Лопсан; тувинская культура; сонет; книга сонетов; жанр; мифопоэтика

Для цитирования:

Толысбаева Ж. Ж. Сонеты М. Б. Кенин-Лопсана как формула мировидения тувинского народа // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 20–41. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.2>

Толысбаева Жанна Женисовна — доктор филологических наук, профессор, директор по научной работе и стратегическому развитию Казахской национальной академии хореографии. Адрес: Z05K7Y2, Республика Казахстан, г. Астана, Есильский район, пр-т Улы дала, д. 43/1. Эл. адреса: Tolysbayeva_Zh@balletacademy.kz; zh_kazpoetry@inbox.ru

TOLYSBAEVA, Zhanna Zhenisovna, Doctor of Philology, Professor, Director of Scientific Work and Strategic Development, Kazakh National Academy of Choreography. Postal address: 43/1 Uly Dala Ave., Astana, Republic of Kazakhstan, Z05K7Y2. Emails: Tolysbayeva_Zh@balletacademy.kz; zh_kazpoetry@inbox.ru

ORCID: 0000-0001-6521-0576

The Sonnets of M. B. Kenin-Lopsan as a Formula for the Worldview of the Tuvan People

Zhanna Zh. Tolysbayeva

Kazakh National Academy of Choreography, Republic of Kazakhstan

This article analyzes the sonnets of the renowned Tuvan poet, writer, philosopher, cultural scholar, scientist, and shaman Mongush Borakhovich Kenin-Lopsan. The material for the study comprises sonnets published in his book Tölge [Fate] (2011), translated into Russian by I. Fonyakov.

In the creative work of M. B. Kenin-Lopsan, the sonnet attains a transformative form that transcends the boundaries of literature and emerges as a unique phenomenon of Tuvan culture. The aim and innovative aspect of this research lie in the examination of the sonnet form as shaped by a distinct gift of shamanic perception of reality and its reproduction within the genre framework.

The structure of the article reflects the nature of transformation across the genre-forming layers of the sonnet. The organization of space and time in the sonnets primarily invokes a subjective and associative framework. It reveals the workings of the consciousness of a spiritually elevated protagonist undergoing the Tolstoyan process of "simplification" in search of dissolution within the eternal polyphony of nature. The associative context emphasizes the significance of ethnographic imagery and terminology as key semantic markers that guide the author's thought toward concrete observations and generalizations. The spatiotemporal structure bridges the sonnet's world-model with the mythopoetic one, leading to an understanding of the idea of human-nature unity as a core element of Tuvan cultural worldview. The analysis of metro-rhythmic and poetico-aesthetic organization enabled comparisons between the original and translated texts, highlighting how the poetics of the Tuvan language shape and transmit the philosophical ideas of the sonnet.

The study of the genre characteristics of M. B. Kenin-Lopsan's sonnets uncovers a central feature of the form: the sonnet functions as a necessary philosophical «bond,» expressing humanity's capacity to transcend the rapid flow of life and reach the value of eternal categories embedded in cultural and national worldviews. By uniting the sonnets into a cohesive cycle, the poet creates an epic narrative of return to origins as the sole path toward preserving human spirituality.

Keywords: Mongush Borakhovich Kenin-Lopsan; Tuvan culture; sonnet; sonnet cycle; genre; mythopoetics

For citation:

Tolysbaeva Zh. Zh. The Sonnets of M. B. Kenin-Lopsan as a Formula for the Worldview of the Tuvan People. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 20-41. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.2>

Введение

В 2025 г. тувинская общественность отмечает 100 лет со дня рождения удивительного человека, философа, ученого, хранителя тувинской этнокультурной мифологии и культуры Монгуша Бораховича Кенин-Лопсана (1925–2022).

Глубинная преданность своей земле и высокое чувство ответственности за сохранение и передачу культурного кода своего народа прочитывается в каждом тексте М. Б. Кенин-Лопсана, начиная с его диссертаций¹, научных работ и заканчивая художественными произведениями². Перечитывая

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Сюжеты и поэтика тувинского шаманства (опыт ист.-этногр. реконструкции): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1982; Кенин-Лопсан М. Б. Проблемы этнографического шаманизма: по материалам шаманского фольклора: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб, 1996.

² В том числе: Кенин-Лопсан М. Б. Стремнина Великой реки. Роман. Кызыл, 1970; Кенин-Лопсан М. Б. Киноварь: стихи. Поэмы. Кызыл, 1972; Кенин-Лопсан М. Б. Настигающий птицу. Роман. М., 1977; Кенин-Лопсан М. Б. Го-

доступные русскоязычному читателю интервью с писателем, опубликованные в разные годы в периодических изданиях Тувы, мы убедились в том, что для него с самых молодых лет важным было выражение собственной философской позиции, неотделимой от духовных ценностей своего народа. М. Б. Кенин-Лопсан заявил о ней уже в названии своего первого (и первого в истории тувинской литературы) романа «Чүгүрүк Сарала» («Настигающий птицу»), изданном в 1965 г. (Комбу, 2014). И несмотря на то, что под давлением советской критики писатель вынужден был сменить название на «Улуг хемниң шапкыны» («Стремнина Великой реки»), мифологическая обусловленность его художественного мировоззрения обозначилась очень конкретно и уже никогда не покидала поэта. Этнокультурный образ мира высвечивает весь художественный и человеческий мир писателя, вовлекает в диалог разные жанровые модели, в том числе жанр сонета. Самый изысканный и требовательный жанр сонета в поэтической вселенной Кенин-Лопсана стал ходатаем за сохранение живого голоса тувинской культуры и поэзии.

Современные исследователи достаточно активно осмысливают наследие М. Б. Кенин-Лопсана. Среди работ, опубликованных на русском языке, можно выделить труды, посвященные изучению биографии (Самдан, 2019), вкладу ученого в сохранение культуры народа, философии шаманизма (Кужугет, 2020; Мижит, 2022; Бады-Суур, 2015), целостному, выборочному, сравнительному или контекстуальному анализу его творчества (Комбу, 2014; Дампилова, 2013; Соян, 2020; Тобуроков, 2021; и др.¹).

В ряду филологических исследований творчества М. Б. Кенин-Лопсана на сегодняшний день отсутствуют работы, посвященные изучению текстов поэзии и, в частности, сонетов. Вместе с тем, такой стабильный интерес к жанру сонета, какой показал исследуемый автор, проявляется не каждым поэтом. В разные годы своей жизни Кенин-Лопсан написал 146 сонетов. Со времен эпохи Возрождения устойчивый интерес к сонету проявили лишь английский сонетист XVIII–XIX вв. У. Вордсворт, написавший более 500 сонетов, Петрарка, посвятивший Лауре 317 сонетов, и Шекспир, создавший 154 сонета. Факт издания при жизни М. Б. Кенин-Лопсана двух книг сонетов «Төлге»² (в оригинальном варианте и с переводами на русский язык) (рис. 1) только подчеркивает, насколько значимым в жанровом репертуаре поэта был этот жанр.

Рис. 1. Обложки изданий
М. Б. Кенин-Лопсана «Төлге»
(Кызыл, 2003 и Кызыл, 2011).

Fig. 1. Covers of M. B. Kenin-Lopsan's
publications "Tölge" (Kyzyl, 2003
and Kyzyl, 2011).

лоса: стихи. Кызыл, 1984; Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер судуру. Кызыл, 2003; Кенин-Лопсан М. Б. Небесное зеркало: сказки, предания, рассказы, повести / перевод Э. Фояковой. Новосибирск, 2007; Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод Э. Фояковой. Кызыл, 2011.

¹ Соян А. М., Ондар Ш. В. Образ Танаа-Херела в героическом сказании М. Кенин-Лопсана «Танаа-Херел» (в сопоставительном аспекте) // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 3(52). С. 310–311.

² Кенин-Лопсан М. Б. Сонеттер судуру. Кызыл, 2003; Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод Э. Фояковой. Кызыл, 2011. Избранную подборку сонетов М. Б. Кенин-Лопсана И. Фояков опубликовал в журнале «Сибирские огни»: Сонеты [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

Данное исследование, преимущественно, построено на анализе сонетов М. Б. Кенин-Лопсана, построчно и художественно переведенных на русский язык поэтом и переводчиком Ильей Фoniaковым¹. Он имел многократный опыт сочинения собственных сонетов («Семейный сонет», «Граффити сонет» «Сонет о городе», «Циничный сонет»²), переводов поэтических текстов самого М. Б. Кенин-Лопсана, следовательно, имел достаточно полное представление не только о лингвопоэтическом звучании тувинской речи, но и о содержательных и художественных установках автора.

Ключевой термин статьи — «сонет» (с этим жанровым определением связаны понятия «мирообраз жанра», «ядро жанра», «категории жанра сонета», «форма сонета»). Сонет — четырнадцатистроичник, жанровое содержание которого держится на балансе разрушения внешней формы (строфики, метрики, системы рифмовки, высокой стилистики) и сохранения «идеи диалектического единства всех конститутивных элементов мироздания» (Толысбаева, 2008: 8) как ядра жанра сонета. Каждый экспериментирующий поэт имеет точные сведения о канонической «норме» сонета и о том, что сонет образуется не на сохранении компонентов жанра, а на их разрушении. Соответственно, изменчивость формальных компонентов сонета — абсолютная норма данного жанра, маркирующая идею вечной борьбы за идиллическое равновесие.

Сонет имеет богатую историю развития, точкой отсчета которой принято считать XIII в., родиной — европейское Возрождение. Вынесенный в поле поэтического эксперимента А. Данте, Ф. Петрарки, П. Ронсара, Ж. дю Белле, Лопе де Веги, Камюэнса, У. Шекспира, прозаиков и драматургов Дж. Боккаччо, М. Де Сервантеса, М. Монтеня, Ж.-Б. Мольера, сонет впитал в себя не только образность, лексику, стилистику, но и мелодику европейских языков. И несмотря на свою последующую непрерываемую историю развития и масштабирование поэтической географии, сонет сохраняет свое жанровое содержание и внутреннее наполнение: экспериментирующие поэты стремятся соответствовать всем канонам европейского сонета. Для анализа диалектики сонета исследователи обращаются к таким понятиям, как мирообраз сонета (картина мира, которая организует все жанрообразующие уровни текста), ядро жанра сонета (сохраняющаяся норма разрушения сонета), категории жанра сонета (к ним относятся те уровни художественного произведения, которые принимают наиболее активное участие в процессе моделирования жанровой информации в жанровую картину мира, а именно: субъектная, ассоциативная, пространственно-временная, лексико-речевая, формально- поэтическая организация текста).

Цель предлагаемой статьи — проанализировать оригинальные и художественно интерпретированные сонеты М. Б. Кенин-Лопсана (в переводе Ильи Фoniaкова) в контексте теории и генезиса этого жанра с целью определения индивидуально-авторских особенностей жанрообразования сонета, степени его вовлеченности в процесс передачи информации о культуре тувинского народа.

Задачи: на материале сплошной выборки и анализа сонетов М. Б. Кенин-Лопсана сформулировать представление о месте этого поэтического жанра в тувинской поэзии и творчестве одного отдельно взятого тувинского автора, охарактеризовать процесс жанрообразования сонетов М. Б. Кенин-Лопсана на субъектном, ассоциативном, пространственно-временном, художественно-поэтическом и формальном уровнях текста, в заключении определить уникальность сонета данного поэта.

Объектом изучения настоящего исследования является жанр сонета М. Кенин-Лопсана как проводник авторского культурно-мифологического знания. В качестве *материала* исследования послужили сонеты, опубликованные в книге сонетов «Төлге» (2011)³.

Новизна исследования определена введением неотрефлексированного ранее или неизученного материала биографии и творчества М. Б. Кенин-Лопсана, который открывает новые пласты смыслов, новые возможности работы с текстом. Изучение жанровой природы сонета тувинского автора в этнокультурном контексте способствует раскрытию коммуникативных возможностей жанра, с одной стороны, являющегося самым известным знаком европейской литературной традиции, с другой стороны, несущего в себе сакральную информацию о культуре тувинского народа.

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фoniaкова. Кызыл, 2011

² Фoniaков Илья Олегович. Все стихи Ильи Фoniaкова [Электронный ресурс] // 45-я параллель. URL: https://45parallel.net/ilya_fonyakov/stihi/index.html#top (дата обращения: 02.02.2025).

³ Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фoniaкова. Кызыл, 2011.

Обзор литературы

Теоретико-методологически статья основывается на исследованиях двух типов: с одной стороны, на исследованиях о творчестве М. Б. Кенин-Лопсана, без которых невозможно понять уникальность сонета тувинского философа и шамана, с другой стороны, на работах о жанровой природе сонета, возможностях его преобразования, деформации жанровых категорий через сохранение ядра жанра и картины мира.

Среди работ, посвященных творчеству М. Б. Кенин-Лопсана интересны труды, созданные за последние 20–30 лет. В этом отношении особенно ценными для нас стали исследования, написанные на стыке культурологии, мифологии, этносоциологии и др. Среди ученых, проявляющих постоянный творческий интерес к творчеству М. Б. Кенин-Лопсана, запоминаются работы А. К. Кужугет. Исследователь так определяет специфику мировидения Могуша Бораховича: «... он не расчленяет культуру на отдельные составляющие ее компоненты, а преподносит ее читателю одним пластом, целиком, как, впрочем, она и существует в реальности» (Кужугет, 2020: 456). И далее: «Далеко не всем становятся доступны эти знания, в этом заключается магия его научных работ. Надо также понять его язык, это скорее научно-поэтический язык, поэтому читать его произведения и понимать довольно сложно» (там же). Сожалея о невозможности приобщения ко всем оттенкам научно-поэтического языка М. Кенин-Лопсана по причине невладения тувинским языком, подтверждаем тот факт, что сонетное творчество поэта также отличается взаимопроникновением научно-достоверного знания и высокой поэтичности образа.

К масштабным обобщениям позволяет выйти статья З. Б. Самдан «Модификация архетипического образа тувинского шамана в творчестве М. Б. Кенин-Лопсана» (Самдан, 2019). Работа интересна осмыслением фактов биографии поэта, жившего в условиях идеологических запретов, в том числе запретов на изучение шаманизма. Оценка творчества М. Б. Кенин-Лопсана через концепцию неотрегидионализма свидетельствует не только о процессах модификации тувинского общества, о наблюдающейся «осознанной реакции» (Мадюкова, Попков, 2010: 105) общества, но подчеркивает значение роли поэта, избравшего свой оригинальный путь самосохранения и увлекшего за собой к сохранению культурного наследия тувинского читателя.

В контексте проблематики нашей статьи представляют интерес выводы и наблюдения Л. С. Дампиловой (Дампилова, 2014). Представленный труд интересен с точки зрения оценки качества состоявшегося культурного трансферта. Исследователь сопоставляет стихотворения Кенин-Лопсана в переводе Ильи Фоякова с шаманским песнопением в оригинале, и приходит к выводу о том, что оригинальный ритуально-обрядовый текст более короткий, четко подчиняется сопровождающему шаманскому инструменту; автор обоснованно доказывает, что каноны тюрко-монгольского стихосложения, такие как аллитерация, анафора, повтор слов и междометия в тексте нагружаются особой ритмообразующей функцией. И именно эти качества утрачиваются в переводном варианте, каким бы профессиональным переводчиком он ни был совершен. Л. С. Дампилова абсолютно убедительна в видении причины отличия поэтики оригинального текста и художественного перевода: поэт «... создает лирические тексты, в которых сохраняется базовая модель устного поэтического творчества» (там же: 138). В рамках настоящей работы данный вывод имеет особую значимость, поскольку сохранение формульного народно-поэтического мышления — признак максимальной погруженности в национальную культуру.

Обзор работ о жанре сонета показал, что несмотря на давность полемики о природе сонета (твердая стихотворная форма или жанр?) этот вопрос остается открытым и продолжает получать разное толкование. В свое время точку зрения на сонет как на твердую стихотворную форму высказали исследователи Г. Н. Поспелов (Поспелов, 1976), Н. А. Гуляев (Гуляев, 1985), И. В. Михайлов¹, Л. Манзуркин². Той же позиции придерживается следующая генерация исследователей: Н. А. Атнабаева³, Т. А. Глебович⁴, И. Ю. Ковальчук⁵.

¹ Михайлов И. В. Люблю тебя, законченность сонета... // Литературная учеба. 1979. № 5. С. 192–201.

² Манзуркин Л. Суровый Дант не презирал сонета... // Литературная учеба. 1985. № 1. С. 196–206.

³ Атнабаева Н. А. Жанр сонета в удмуртской поэзии: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2004.

⁴ Глебович Т. А. Трансформация классических жанров в поэзии И. Бродского: эклога, элегия, сонет: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

⁵ Ковальчук И. Ю. Жанровая форма сонета в творчестве поэтов дальневосточной эмиграции: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2018.

В проекции на предлагаемое исследование актуальны наблюдения В. Д. Сквозникова, который отказывает современному сонету в жанровом статусе, поскольку не считает «...поэтическую конструкцию жанром, если породившее её ... содержание угасает» (Сквозников, 1964: 203). Интересно наблюдение И. Ф. Волкова, заметившего высокий диалогический потенциал сонета: «...в последующем жанровая форма сонета стала входить в синтез с самыми разными типами художественного содержания» (Волков, 1995: 140). Обзор развития тувинских сонетов показывает действенность этого наблюдения на современном этапе развития тувинской поэзии (см. об этом в следующем разделе).

Вслед за И. Бехер (Бехер, 1981), Л. И. Бердниковым¹, В. Е. Хализевым (Хализев, 1999), Е. Л. Донской (Донская, 1988), В. Ф. Роговым², В. Н. Перельмутер³ автор данной статьи определяет сонет жанром, нашедшим наиболее органичное сочетание структуры и мирообраза. На наш взгляд, в силу диалектичности и «драматичности» (Бехер, 1981) содержания сонет обретает популярность тогда, когда человечество подвергает переоценке накопившиеся духовно-эстетические представления, отвергает культ веры, подчиненность автоматизму бытия. И в этом отношении интерес шамана М. Б. Кенин-Лопсана к сонету — явление, заслуживающее особенного внимания.

К сожалению, в современной науке очень мало работ о трансформации жанра сонета в условиях адаптации к иной лингвокультурной реальности. Следует полагать, что отсутствие навыков работы с подстрочником, с инструментами сравнительного литературоведения значительно ограничивает исследователей в их поисковой работе. Чаще всего исследователи вписывают сонет, созданный представителем иной национальной, этнической культуры, в генезис европейского жанра сонета, как это делал и автор данной статьи в своих предшествующих работах⁴. Даже те исследователи, которые обращают внимание на национальный, этнический контекст, работают, в основном, на классическом материале сонета и изучают изменения формы сонета. Так, например, Т. Гиссин-Стаббс на ряде примеров показывает трансформацию ирландского сонета, отражающую новые отношения между формальным и содержательным уровнями текста (Guissin-Stubbs, 2020). В фокусе исследования О. Л. Мой находится анализ повторяющихся фрагментов сонетов, рожденных в результате соревновательных салонных конкурсов по написанию сонетов (Мой, 2023). Б. Шеле, изучая переводы сонетов Шекспира на венгерский язык, изучает изменение подходов и методов переводов, способы создания метафорической двусмысленности сонета (Szele, 2023). Э. Стинсон и Л. Триссино сопоставляют оригинальную и переводную (на итальянский язык) версию 33-го сонета Шекспира (Steenson, Trissino, 2023).

В проблемном поле изучения сонетов тувинского поэта М. Б. Кенин-Лопсана представляются достаточно продуктивными наблюдения и выводы британского литературоведа М. Фальк (Falk, 2024). Ученый провел наблюдения над типами трансформации сонета трех британских поэтов-романтиков (У. Вордсворта, Ш. Смит и Дж. Клэр) и обратил внимание на то, что поэты в своем восприятии жанра поразному нацелены на воссоздание собственной авторской идентичности. В частности, автор замечает, что Смит пишет саморазрушительную автобиографию, а Клэр в своих сонетах создает несвязное повествование: «Smith invites the reader to interpret her sonnets as a self-destructive autobiography. Clare prevents the reader from joining his sonnets into any coherent narrative»⁵ (Falk, 2024: 132).

В проекции на изучение картины мира сонетов Могуша Бораховича эти наблюдения приобретают определенную значимость, поскольку в сонетах тувинского автора задается абсолютно иная интенция на собирание, вовлечение малых образов в нарратив повествования о бесконечности.

¹ Бердников Л. И. Становление сонета в русской поэзии XVIII века: автореф. ... канд. филол. наук. М., 1985.

² Рогов В. Сонет. Литературный словарь // Литературная учеба. 1984. № 3. С. 220–226.

³ Перельмутер В. Н. Письмо к читателю, Или прогулка по музею сонета // Литературная учеба. 1985. № 1. С. 209–216.

⁴ Толысбаева Ж. Ж. Сонетная исповедь Ирины Кескюль // Межкультурные коммуникации. 2012. № 19. С. 49–52; Толысбаева Ж. Ж. «Двадцать сонетов к Шокану Уалиханову» Рены Жумановой в контексте поэтических традиций И. Бродского // Вестник КГУ им. Ч. Валиханова. 2016. № 1. С. 233–242; Толысбаева Ж. Ж. Изменение формального канона венка сонета в современной казахстанской поэзии // Вестник Казахского Национального университета. Серия филологическая. 2017. № 2 (166). С. 118–123; Толысбаева Ж. Ж. Образ Абая в диалоге времен и жанров (о «Венке абаевских сонетов» Дмитрия Снегина) // Простор. 2024. № 8. С. 13–18.

⁵ В переводе: «Смит предлагает читателю интерпретировать ее сонеты как саморазрушительную автобиографию. Клэр не позволяет читателю объединить его сонеты в какое-либо связное повествование».

Как видим, литературоведение постепенно начинает проявлять интерес к изучению сонета в контексте взаимовлияния культурных событий и явлений. В условиях глобализационного развития общества, равноправного сотрудничества культур вполне обоснован интерес к исследованию жанров традиционной европейской поэзии, воспроизведенных в условиях иной лингвокультурной реальности. Такие работы позволяют ввести в мировую литературоведческую базу данных новые имена и художественные тексты, увидеть иные механизмы обновления литературной традиции, информацию о характере воздействия этнокультурно-мифологического поля народа на жанр сонета как знак «чужой» культуры, обнаружить и сравнить масштабные литературные тенденции, что, в целом, создаст объективное представление о взаимодействии национальных литературных традиций.

Место сонета в тувинской поэзии и творчестве М. Кенин-Лопсана

Известно, что в истории тувинской поэзии М. Б. Кенин-Лопсан был не первым автором, проявившим интерес к сонету. Первопроходцем, апробировавшим сонет в поэтике тувинского языка, стал Юрий Кюнзегеш, самый ранний сонет которого датирован 1949 г. Именно его четырнадцатистрочниками, созданными в традиции итальянской школы сонета, начинается «Антология тувинских сонетов», изданная в редакции С. С. Комбу¹. Данное издание информирует об очень интересных и специфичных процессах, происходящих в тувинской поэзии второй половины XX в. В отличие от казахстанских поэтов, в 1990-е гг. нацеленных на разрушение норм сонетного жанротворчества, тувинские авторы сохраняют традицию жанрообразования сонета и сосредоточены на создании нового эпического контекста. Уникален жанровый эксперимент Ю. Кюнзегеш «Улуг-Хем дугайында баллада (оорлеш сонеттер)», созданный в 1992 г.: в нем автор не просто объединяет два совершенно разных жанра, но собирает в балладный мирозобраз циклический сонетный контекст, состоящий из утреннего, дневного, вечернего и ночного сонетов².

В сонетных циклах на исторические, божественно-философические темы Виктора Сагаан-оол «Сеткил, угаан, чечээ чокта...»³, Владимира Серен-оол «Ынакшыл»⁴, Артура Хертек «Дистинчек сонеттер»⁵ угадывается дух и нетерпение времени, направленные на созидание нового эпически масштабного и гармоничного пространства. В этой же «Антологии» опубликованы 6 сонетов М. Кенин-Лопсана⁶, написанные в разные годы его жизни, но как оказалось, это был только маркер присутствия, который спустя годы перерос в книгу сонетов.

Чем отличается сонет М. Б. Кенин-Лопсана от своих предшественников?

Поэт не меняет форму, избранную им в начале своего литературного пути: каждый сонет состоит из трех катренов и двестишия, сохраняется тип рифмовки, достаточно умеренно вводятся художественные новации. Но во всех сонетах звучит откровение автора о величии Духа Природы, объединяющего мир животных и птиц с миром человека, мир земной и космический, память и уважение к предкам и ко дню настоящему. Читая и перечитывая сонеты Кенин-Лопсана, осознаешь, что литературное творчество было для него равнозначно действию, камланию, настолько важные для себя вопросы поднимал поэт в каждом сонете. Для писателя, который постоянно мыслил сонетами, этот жанр стал чем-то более значимым, чем литературный текст или литературная формула. Интеллектуальная природа сонета в творчестве Кенин-Лопсана обернулась метафорой выпадения из потока времени, отстранения от пространства суетного бытия. Сонеты, к которым поэт обращался на протяжении всей своей жизни, стали в его художественной вселенной регулятором духовного наполнения, «узлами»

¹ Тыва сонеттиң антологиязы [Антология тувинских сонетов] / Филология эртемнериниң кандидады С. С. Комбу чыып тургускан. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери, 2002. (На тув. яз.)

² Кюнзегеш Ю. Улуг-Хем дугайында баллада (оорлеш сонеттер) // Тыва сонеттиң антологиязы [Антология тувинских сонетов]. Кызыл, 2002. С. 18–20.

³ Сагаан-оол В. Сеткил, угаан, чечээ чокта... // Тыва сонеттиң антологиязы [Антология тувинских сонетов]. Кызыл, 2002. С. 29–36.

⁴ Серен-оол В. Ынакшыл // Тыва сонеттиң антологиязы [Антология тувинских сонетов]. Кызыл, 2002. С. 54–61.

⁵ Хертек А. Дистинчек сонеттер // Тыва сонеттиң антологиязы [Антология тувинских сонетов]. Кызыл, 2002. С. 114–116.

⁶ Кенин-Лопсан М. Сеңээ душкан узун оруум // Тыва сонеттиң антологиязы [Антология тувинских сонетов]. Кызыл, 2002. С. 21–24.

переосмысливания важнейших и очень простых основ человеческой жизни, таких как доброта, милосердие, любовь, память, благодарность, прощение, смирение, стыд. С этой точки зрения, сонет Кенин-Лопсана — абсолютно новая форма авторского самовыражения, где особенно интересны наблюдения над тем, какими ценностями регулируется равновесие в бытийном мире поэта, меняются ли философские воззрения автора, какие художественные средства выражения используются, соблюдаются ли традиционные уровни жанрообразования сонета и т. д.

Сонеты, созданные М. Б. Кенин-Лопсаном в разные годы жизни, как философские скрижали запечатлевают то или иное откровение, явившееся автору. В этом отношении имеет значение отход поэта от заголовков и маркирования даты создания сонетов: в таком виде поэтические тексты подобны лирическим фрагментам, которые по мере накопления начинают взаимодействовать друг с другом как равноценные очаги смыслов, объединяться по тематике и настроению. С другой стороны, в организации книги сонетов «Төлгө» ведущую роль выполняет романическое сюжетопостроение. Книга состоит из разделов «Сонеты утра», «Сонеты души», «Сонеты мелодии», «Сонеты благопожелания», «Сонеты гнева», «Сонеты печали», «Сонеты сострадания», «Сонеты вечера». Наличие сюжетного единства книги подчеркивается движением времени от заголовка «Сонеты утра» к наименованию последнего раздела «Сонеты вечера». Такому же эпическому восприятию книги сонетов сопутствует и динамика изменения героя: если в первой половине книги четко сформулированы возвышенные эмоции и состояния, то во второй половине превалируют печаль, гнев, сострадание. Заметим, что такая эволюция лирического героя считается только за счет воли автора-Демииурга повествования, что также характерно для романического текста.

Как видим, опыт работы М. Б. Кенин-Лопсана в эпическом жанре определил своеобразие авторской подачи сонета, который зафиксировал крайние состояния эмоционально-интеллектуальной деятельности человека: прозрение в моменте и проживание мифологически бесконечной истории.

Субъектная и ассоциативная организация сонетов

Все сонеты М. Кенин-Лопсана о тайге написаны человеком, исповедующим религию тайги, и его сонеты открываются для тех, кто желает приобщиться и понять природу шаманской культуры как единство человека и природы. Лирический герой Кенин-Лопсана помнит заветы отца и матери, чтит духов тайги, осознает свою собственную связь и ответственность за каждое слово и действие. Он «равный среди равных», поскольку в художественном мире поэта, в первую очередь, воспевается равенство природного и человеческого миров. Для сравнения интересно привести наблюдение исследователя Л. С. Дампиловой, которая, анализируя нежанровый текст Кенин-Лопсана — лирический цикл «Алгыши шаманские», видит совершенно иную субъектную форму самовыражения: «лирический герой, от лица которого ведется монолог, манифестирует себя как неординарную личность» (Дампилова, 2013: 134).

Нетрудно заметить, что диалектика жанра сонета поддерживается логикой ассоциативного мифопоэтического сознания автора, причастного к тайному знанию о постоянстве перерождения всего сущего. Образы тувинской мифопоэтики, появляясь практически в каждом тексте, развивают идею перерождения, неостановимости потока жизни. Об этом говорит «Царица птиц Хан-Херети» в одноименном тексте, а в сонете «Есть в мире тайная любовь...» Шолбан-звезда становится реальным знаком пересотворенной вечной любви:

Мы под черемухой с тобой
Смотрели на Шолбан-звезду,
Мы были, помнишь, ночью той
Со всеми звездами в ладу...¹

Природные образы ночи, месяца, звезд, оленей, аганаков, журавлей, голубей, коней, юрты с ее теплым кругом света и колыбельной песней матери, образы странствующих сказителей,

¹ Кенин-Лопсан М. Б. «Есть в мире тайная любовь...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

лиственного леса, тайги с шалашами охотников, мешочками соли и артыша на ветках деревьев — все в художественном мире Кенин-Лопсана живет в памяти героя, здесь и сейчас...

Любовь поэта к родному краю считается с состоянием переполненности лирического героя счастьем и благодарностью, с лиричных метафор, сближающих человеческий и природный миры. В формировании метафор проявляется наблюдательность таежного жителя, сближающего «глаза домашних оленей» и «нежность материнских глаз», костер земной со светом далекой звезды, форму полумесяца с «кривым рожком», наделяющего характером небесную звезду («чудачка-звездочка»), наполняющего индивидуальным содержанием шум вечерней, ночной и утренней тайги.

Интересной характеристикой сознания героя сонетов Кенин-Лопсана является его диалогичность. Удивительно, что сонеты, написанные человеком, жившим в XX и XXI вв., в минимальной степени отражают внешний ряд исторической событийности, но в центре повествования всегда находится внутренний диалог с собеседником, в роли которого выступают отец, мать, любимая, внучка, незнакомец, народ, животные и птицы. Большинство сонетов строится на сюжетах воспоминаний о коммуникации — без конкретики диалога: в текстах нет воспроизведенной речи, но есть свет памяти («Был сын у дяди моего...», «Глаза домашних оленей!..», «Один журавль, на землю сев...», «Когда совсем сойдут снега...», «Мы — дети женщины святой...»). И даже сюжет сонета-завещания образует жизнеутверждающий диалог с будущим:

Не прямиком — обиняком

Поговорите обо мне...¹

Цель такого опосредованного диалога — сформулировать и передать сакральное знание о сути жизни. Эта информация как код прошлого должна войти в жизнь современника.

Для понимания специфики диалогичности Кенин-Лопсана важно услышать ключевое слово — «обиняком». По нашим наблюдениям, поэт не использовал обращения в их прямом утилитарном виде. Его сонеты передают грамматику культуры тувинской речи, избегающей «зовущих», «отвлекающих» форм общения, тогда как в художественных и даже подстрочных переводах И. Фоянкова читатель найдет множество обращений, которые, возможно, точно сканируют информацию о направленности взгляда Кенин-Лопсана, но перекрывают информацию о сути шаманского бережного отношения к любой коммуникации:

Актыг шынның нууру кылдар

Аганака² ак өң берген.

Каргыштыгың кара өңүн

Каарган кушка берген иргин³.

Кысты тогбаан аныак оол

Кырып келгеш, ыглаар дижир⁵

«Ты, куропатка, будь всегда

Как совесть чистая, бела,

Отныне черен будь всегда

Ты, мрачный ворон, вестник зла»⁴

Не раз, мой друг, на склоне дней

Вздохнем мы горестно о ней...⁶

¹ Кенин-Лопсан М. Б. «Когда уйду из жизни я...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

² Курсивом выделены сравниваемые лингвистические элементы: оригинальные образы М. Б. Кенин-Лопсана и те же понятия, оформленные в виде обращений в переводных сонетах И. Фоянкова. Читатель заметит, что в отдельных сонетах тувинского автора будет отсутствовать сам объект, выделяемый переводчиком в обращении.

³ Кенин-Лопсан М. Б. «Куштуң хааны Хаан-Херети...» // Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фоянкова. Кызыл, 2011. С. 14.

⁴ Кенин-Лопсан М. Б. «Царица птиц Хан-Херети...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

⁵ Кенин-Лопсан М. Б. «Аныак ай ыржым дээрде...» // Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фоянкова. Кызыл, 2011. С. 33.

⁶ Кенин-Лопсан М. Б. «Струит лучи на бережок...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

Кагып, суксап чораанымны
Канчап билген *авам* ыйнаан...¹

Арыг агаар тынып тур мен.
Адар даңы адып келди.
Даңгаар эртен эге баштай
Даглар бажын көрүп каан мен...³

Кады-кожа чорзунза-ла,
Каяа-даа бол, чурттай бээр мен⁵.
Сен чок болса, тестиң унун...

Аныяк оол — менден сени
Адырып аар аргазы-дыр...⁷

Угбам сени сактыр чүмүл?...⁹

Как, *мама*, ты меня нашла
В лесной глуши, на склоне дня...²

Прекрасна ночь, и воздух свеж,
Но где ты, *внучка*, где ты, где ж?
Мне кажется: вот-вот рассвет —
Тебя все нет, и нет, и нет...⁴

Если ты, *моя подруга*, будешь моим выбором,
Мы будем жить вместе в любом месте земли⁶.

И ты, *парень молодой*, пора тебе поторопиться,
Чтобы ты отвоевал меня от пожилого старика...⁸

Старшая сестра моя, ты жива в моем
воображении...¹⁰

Информацию о диалогически открытом сознании лирического героя кодирует такое интересное явление, как обращение к памяти Другого. В сонетах Могуша Бораховича оно считается со слов *дээр* 'говорить', *дижир* 'говорят'¹¹:

Уйгу дээрге тамчык-даа дээр,
Уйгу дээрге — өлүм-даа дээр...¹²

Сон — это покой и отдых, так говорят одни.
Сон — это как смерть и ужас, так говорят другие...¹³

¹ Кенин-Лопсан М. Б. «Авам душке кирер болду...» // Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фоякова. Кызыл, 2011. С. 34.

² Кенин-Лопсан М. Б. «Увидел матушку во сне...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

³ Кенин-Лопсан М. Б. «Уйгум читкен. Элдеп болдум...» // Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фоякова. Кызыл, 2011. С. 44.

⁴ Кенин-Лопсан М. Б. «Как поздно внучки нынче нет...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

⁵ Кенин-Лопсан М. Б. «Сен чок болса, тестиң унун...» // Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фоякова. Кызыл, 2011. С. 21.

⁶ Кенин-Лопсан М. Б. «Без тебя не считаю берега реки Тес...» // Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фоякова. Кызыл, 2011. С. 21.

⁷ Кенин-Лопсан М. Б. «Ашак кижичалы кыска...» // Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фоякова. Кызыл, 2011. С. 29.

⁸ Кенин-Лопсан М. Б. «Человек в возрасте ашак или старик молодящийся...» // Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фоякова. Кызыл, 2011. С. 29.

⁹ Кенин-Лопсан М. Б. «Угбам сени сактыр чүмүл?...» // Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фоякова. Кызыл, 2011. С. 124.

¹⁰ Кенин-Лопсан М. Б. «Старшая сестра моя, ты жива в моем воображении...» // Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фоякова. Кызыл, 2011. С. 124.

¹¹ Тувинско-русский словарь / под редакцией Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 162, 196.

¹² Кенин-Лопсан М. Б. «Уйгум читкен. Элдеп болдум...» // Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фоякова. Кызыл, 2011. С. 44.

¹³ Кенин-Лопсан М. Б. «Внучка не пришла домой...» // Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фоякова. Кызыл, 2011. С. 44.

Донат кээрге, хурең чечек
Тоглагылап калыр дижир.
Турамыккай оолду көргөш,
Душтук уруг дезер дижир¹.

Хээкчиклерни узуктаар дээш...³

Халыптыг хар урар дижир...
Коргунчуг кыш төнер дижир...
Хемниц дожу эриир дижир...⁵

Когда наступают осенние заморозки в нашем краю,
Первыми умирают тюльпаны и потеряют красоту,
говорят,
Если парень молодой гордый и ведет себя дурно,
От него любая девушка убегает мигом, говорят².

Уничтожить всех грызунов в степях, так говорят!⁴

Наверняка будут большие снега, так говорят...
Страшная зима потеряет сильные морозы, говорят...
Ледяной покров спящей реки растворяется...⁶

Неопределенное *дижир* 'говорят' фиксирует ту родовую память, на которую ссылается поэт как на третье лицо, некогда участвовавшее в событиях общей семейной, народной жизни. Поэт обращается к этому понятию как к действующему коллективному бессознательному, создает интересные рисунки движения мысли, где даже факт состоявшейся биографии субъекта мысли получает свою достоверность через признание третьих лиц, то есть самого народа:

Төрөөн ием көжүп чорааш,
Төлү мени божаан дижир.
Чаклактанган чаңгыс дыды
Часкам ийде турар дижир

Чассыг авам шагда мөчөөн.
Чаш-Тал чазагхевээр арткан.
Оглу өскөш, кырып калган,
Орден-биле шаңнаттырган⁷.

Была перекочевка в тот самый год, говорят,
Мама меня родила в дороге, так говорят старики.
Лиственница была в роли роддома тогда, так
говорят,
Итак, я родился под величественной лиственницей!

Моя мама скончалась уж давным-давно, говорят!
Та стоянка Чаш-Тал или малый Тал, еще стоит там.
Твой сын, мама, я давно уже стал стариком, говорят,
Твой сын, мама, я уже награжден Орденом, говорят!⁸

Так проявляется этнокультурная проявленность субъектного мышления, для которого «они», существующие в форме определенно-личного «говорят», становятся координатами состоявшейся физической и духовной жизни человека. Сосредоточенность лирического героя на осмыслении своего бытия в космическом потоке объясняет наполнение ассоциативного ряда сонетов. В стихотворениях нет реминисценций из известных литературных текстов, очень мало аллюзий на историко-политическую или культурную тему. Автор старается не допускать в текст сонетов факты и

¹ Кенин-Лопсан М. Б. «Арны-бажың чалыгы-даа бол...» // Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фоякова. Кызыл, 2011. С. 127.

² Кенин-Лопсан М. Б. «Лицо твое молодое и тело твое богатырское...» // Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фоякова. Кызыл, 2011. С. 127.

³ Кенин-Лопсан М. Б. «Хээкчиклерни узуктаар дээш ...» // Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фоякова. Кызыл, 2011. С. 154.

⁴ Кенин-Лопсан М. Б. «Уничтожить всех грызунов в степях, так говорят!...» // Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фоякова. Кызыл, 2011. С. 154.

⁵ Кенин-Лопсан М. Б. «Сылдыс караа чидиир болза.....» // Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фоякова. Кызыл, 2011. С. 158.

⁶ Кенин-Лопсан М. Б. «Когда так сильно горят звезды вечером...» // Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фоякова. Кызыл, 2011. С. 158.

⁷ Кенин-Лопсан М. Б. «Авам кужур арыг адын...» // Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фоякова. Кызыл, 2011. С. 125.

⁸ Кенин-Лопсан М. Б. «Мы — дети самой доброй и самой благородной Женщины...» // Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фоякова. Кызыл, 2011. С. 125.

события, «отвлекающие» от внутреннего пути, оставляя лишь образы мифологического значения и общечеловеческие метафоры природы, дома, памяти, детства, первой любви, поиска себя, верности, расставания, смерти.

Пространственно-временная организация сонетов

Сонеты Кенин-Лопсана имеют разное повествовательное оформление. Среди сонетов можно увидеть притчу, воспоминание, любовную лирику, шутку, быль, бытовую и пейзажную зарисовки, завещание и т. д. Можно утверждать, что поэт экспериментировал с несколькими литературными жанрами сразу, собирая в форму сонета тот или иной материал. В каждом сонете он не переставал утверждать идею диалектического торжества жизни и любви, где всё сущее нужно друг другу, где нет мертвых и живых, богатых и бедных.

Так, в сонете «Мама стала старухой и горбатой от тяжестей ...» во всех 3-х катренах развивается сюжет лишений и драматических коллизий в жизни женщины-матери, оставшейся к концу жизни в одиночестве. Это посторонняя женщина, и ее драма в начале сонета воспринимается несколько отстраненно. В тексте оригинального сонета Кенин-Лопсана в первой строфе отсутствует слово «мать», которое использовал в переводе И. Фояков.

Сравним:

Кадыг-берге чуртталганың

Кажыыдалын көрүп чораш...²

и

Мама стала старухой и горбатой от тяжестей.

Она побеждала и потерю, и разлуку в жизни...²

Но форма нежно-трепетного отношения в слове «мать» с первых строк создает чистое лирическое переживание. К словообразу «мама» Кенин-Лопсан придет только в заключительном двустишии, подчеркивая идею торжества всеобщей жизни автор, поднимая *авай* 'маму'³ на божественную высоту:

Салым кызыаан кырган-авай,

Чалбарырым бурган силер!⁴

Интересно, что И. Фояков избрал диаметрально противоположный ход работы со словом, отчасти противопоставив в своем тексте образу матери «старуху-бабушку»:

Старуха-бабушка, ты моей богиней стала,

Мой низкий поклон твоему материнскому сердцу⁵.

В художественном мире поэта жизнь мудро перетекает из одного состояния в другое. И если помнить и с благодарностью принимать свойство живой материи длиться и меняться, то этот закон вечности можно принять как основу для постоянного возрождения. Об этом Кенин-Лопсан говорит буквально в каждом сонете:

¹ Кенин-Лопсан М. Б. «Кадыг-берге чуртталганың...» // Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фоякова. Кызыл, 2011. С. 79.

² Кенин-Лопсан М. Б. «Мама стала старухой и горбатой от тяжестей...» // Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фоякова. Кызыл, 2011. С. 79.

³ Тувинско-русский словарь / под редакцией Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 31.

⁴ Кенин-Лопсан М. Б. «Кадыг-берге чуртталганың...» // Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фоякова. Кызыл, 2011. С. 79.

⁵ Кенин-Лопсан М. Б. «Мама стала старухой и горбатой от тяжестей...» // Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фоякова. Кызыл, 2011. С. 79.

⁶ Кенин-Лопсан М. Б. «Под вечер жизни стариком...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

...Поет, шумит река Ак-Хем,
И стихла боль почти совсем...¹,
... Скончалась мама по весне,
Пришла по осени — во сне...²

Доказательством того, что мифические образы не являются однажды и навсегда утраченной сказкой, является географическая реальность и точность наименования рек, озер, деревень. Миф и реальность объединяются в одно волшебное место действия. Реки Ак-Хем и Чаш-Тал, лес Дыттыг-арыг, село Дыттыг-арыг, Одуген-гора вводят поэтическое повествование в очень точную систему координат, с которой лирический герой не просто считывает свою жизнь и жизнь своих предков, но выстраивает неомиф о Вечности вселенной.

Ритуалы тувинцев, унаследовавших заповеди своих отцов, считаются с воспоминаний лирического героя:

...обряд старинный дагылга
Отец мой совершал, таясь...³,
действий:
Из корешков пиона чай
Я в старой чашке заварил,
По капле брызнув через край,
Окрестным духам подарил...⁴,
и даже с заветов, которые герой оставляет друзьям и потомкам:
Когда уйду из жизни я,
Поставьте свечку в головах
И можжевельником, друзья,
Мой окурите бедный прах.
Привычным именем моим
Меня не называйте вслух,
Чтобы, встревоженный, живым
Не докучал мой скорбный дух.
Не пряником — обиняком
Поговорите обо мне,
Обмениваясь табаком,
Поговорите обо мне,
И не вином, а молоком
Меня почтите в тишине...
(«Когда уйду из жизни я...»⁵).

¹ Кенин-Лопсан М. Б. «Увидел матушку во сне...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

² Кенин-Лопсан М. Б. «Когда совсем сойдут снега...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

³ Кенин-Лопсан М. Б. «Под вечер жизни стариком...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

⁴ Кенин-Лопсан М. Б. «Когда уйду из жизни я...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

⁵ Кенин-Лопсан М. Б. «Взбирался ли на перевал...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

Не будет преувеличением сказать, что все существующие эксперименты с формально-поэтическими элементами сонета нанизываются на скрепляющую ось диалектически взаимообусловленных пространственно-временных образов. Идея постоянной эволюции, перетекания одной мысли в другую, одной формы жизни — в иную составляет фундамент картины мира сонета. Таким образом сонет стремится к реконструкции универсального единства лирического субъективизма и эпической полноты запечатления. Традиционно исследователи относят эту особенность к «интеллектуальной» природе сонета, лучше всего кодируемой знаком разомкнутого (незавершенного) круга.

Анализ пространственно-временной организации сонетов Кенин-Лопсана позволяет обнаружить постоянство и четкость реализации диалектики развития образа-переживания: как правило, в первых трех катренах очень прихотливо оформляется тезис и антитезис, в последнем двустиишии поэт оформляет лаконичную, часто парадоксальную мысль, которая задает сонету неожиданно новое направление развития темы. При этом неважно, какой тип повествования избирает автор. В сонете лирического содержания при выходе на заключительный этап развития образа поэт использует обобщения, метафоры, противопоставления. Как, например, в сонете «Взбирался ли на перевал...»¹, где в первом катрене звучит теза «Я никогда не забывал / Любовь и женскую красу», во втором катрене появляется мотив старости («Пусть юность нынче далека / я превратился в старика»), в третьем катрене мысль героя поднимается на уровень натурфилософского масштабирования: «Увижу ль круглую луну, / На девушку ли посмотрю — / Я трону верную струну / И песню миру подарю». Но не на этом восхождении идеи завершается сонетная спираль сонета, а в 2-х последних строках: «Песнь юноши иль старика — не различишь издалека». К категориям творчества, любви, красоты, молодости, старости, космической и человеческой природы автор добавляет еще одно философское понятие — отстранение («издалека»). И через этот прием отрицания совершается скачок развития художественного образа — к постижению надвременных законов жизни человека.

Мастерское владение техникой сонета позволяет М. Б. Кенин-Лопсану выстраивать диалектику пространственно-временных образов даже в абсолютно сюжетных текстах. Так, в сонете «Был сын у дяди моего...» в первых пяти строках изложена трагедия семьи, не дождавшейся возвращения сына с войны. В шестой-восьмой строках начинает звучать мотив сопротивления, начинающийся с союза «но»:

Но чудится его отцу,
Что конь сыновний — Сарала —
Мчит парня к отчему крыльцу...²

В третьей строфе обозначено действие отца как вызов смерти-забвению:

Березы корень взял старик,
Игрушку вырезал — коня,
Он с ним здороваться привык,
С ним говорить в начале дня³.

Сюжет вырезания коня из корня березы интерпретируется как ритуальное действие, через которое отец погибшего сына просит помощи у духов природы. Такое единение человека с миром природы наблюдается во всех сонетах Кенин-Лопсана. К примеру, в сонете «Как поздно внушки нынче нет...»⁴ беспокойство деда, ожидающего внуку, незаметно отходит на второй план под действием красоты природы. Словообразы «сияют звезды и луна», наблюдения «прекрасна ночь, и воздух свеж» подготавливают появление сонетной развязки в виде разделенной с природой эмоции: «Хребты с их снежной белизной — / и те тревожатся со мной».

¹ Кенин-Лопсан М. Б. «Взбирался ли на перевал...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

² Кенин-Лопсан М. Б. «Был сын у дяди моего...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

³ Кенин-Лопсан М. Б. «Был сын у дяди моего...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

⁴ Кенин-Лопсан М. Б. «Как поздно внушки нынче нет...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

В сонетах Могуша Бораховича именно природные образы часто завершают развитие художественной идеи:

...Кочевник слышит все вокруг,
 Исполнен смысла каждый звук¹,
 ...И мнится мне, что я, старик,
 Свой слышу первый детский крик²,
 ...И жертвенное молоко
 Разбрызгивается легко³.

К народным образам, кодирующим информацию о тувинской этике межчеловеческих отношений, можно отнести и образ путника, сказителя, который появляется в сонетах «Скрипел мороз, и снег сиял...»⁴ и «Ты крепок телом, свеж лицом...»⁵. Для поэта встреча с путником, помнящим историю и поэзию своего народа, владеющим мастерством устно-поэтической речи, является даром свыше.

Художественно-поэтический и формальный уровни организации сонетов

Для всего сонетного творчества М. Б. Кенин-Лопсана характерна постоянная строфическая форма, где первые три катрена несут в себе сюжет, разворачивают идею, а в последнем двестишии подводится итог наблюдениям, раздумьям или философским рассуждениям. Подобная форма (именуемая в литературоведении шекспировским сонетом) встречается у многих тувинских поэтов, обращавшихся к жанру сонета. Абсолютное большинство авторов, тексты которых представлены в «Антологии тувинских сонетов», работают в этой строфике (Виктор Сагаан-оол, Чаш-оол Куулар, Владимир Серен-оол, Черлиг-оол Куулар, Владимир Кара-Сал, Артыг Ховалыг, Николай Куулар, Роман Лудуп, Октябрь Тун-оол, Ирбижей Чечен, Светлана Байыр-оол, Чотпун-оол оглу Чочагар). Такое сохранение преемственности строфического воспроизведения сонета — ещё одно доказательство сохранения творческого коллективного начала.

Узнаваемой характеристикой стиля М. Б. Кенин-Лопсана является необыкновенная напевность его стихов, которая подчеркивается фольклорно-песенным повтором целых строк или их начальных конструкций:

Угбам сени сактыр чүмүл? ...
 Угбам сени көрбес чүмүл? ...
 Угбам сени дүжээр чүмүл?⁶

Для передачи этой поэтики переводчик вынужден использовать средства художественной выразительности, отличные от авторской. Так, к примеру, изометрия повтора скрепляет переводной сонет «Лес лиственный — Дыттыг-арыг...», тогда как в оригинальном варианте такой синтаксической структуры не наблюдается, но стих пронизан ассонансно-аллитерационными созвучиями на всех уровнях. Сравним:

Амыраамче бижээн чагаам
 Арттар ажыр ужар болзун,

¹ Кенин-Лопсан М. Б. «Вечерний шум всегда как весть...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

² Кенин-Лопсан М. Б. «Мы — дети женщины святой...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

³ Кенин-Лопсан М. Б. «Когда совсем сойдут снега...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

⁴ Кенин-Лопсан М. Б. «Скрипел мороз, и снег сиял...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

⁵ Кенин-Лопсан М. Б. «Ты крепок телом, свеж лицом...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

⁶ Кенин-Лопсан М. Б. «Угбам сени сактыр чүмүл...» // Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фонякова. Кызыл, 2011. С. 124.

Адыжының ортузунга

Агана́к бооп хона́р болзун...¹

и

Письмо, как голубь-агана́к,

Пускай в ладо́нь твою́ слетит,

Письмо, как голубь-агана́к,

Пускай сегодня́ возвестит...

(«Лес лиственный — Дыттыг-арыг...»²).

О влиянии фольклорной традиции на песенную поэтику сонетов М. Б. Кенин-Лопсана говорит частота использования устойчивых эпитетов и метафор. К примеру,

Кызыл херер даңгаар эртен

Харлыг сыннар бажын шона́р,

Караңгы дээр бүдүү чырыыр,

Караан назын оожум апаар...

(«Часкы шагнын элдеп уну...»)

в переводе на русский язык И. Фоняковым звучит следующим образом:

Красную зарю первыми встретят южные горы,

Снежные вершины радуются первым дучам,

Черное небо тогда постепенно засияет,

Старость приобретет покой тогда...

(«Загадочные звуки...»³)

Мелодичность сонетов М. Б. Кенин-Лопсана прочитывается не только на уровне фольклорно-песенных рефренов, эпитетов и метафор, но поддерживается другой, характерной для тувинской поэзии в целом, системой повторов на уровне анафор, сквозных и конечных рифмовок. Думается, что через систему аллитераций и ассонансных созвучий переводчик сумел передать или хотя бы максимально приблизить читателя к гармонии звучания тувинского поэтического языка. Читая сонеты М. Б. Кенин-Лопсана на русском языке, слышишь ту особенность его поэзии, о которой писал Илья Фоняков в предисловии к сборнику сонетов «Төлге»: «богатая аллитерация, в том числе совершенно непривычная русскому читателю рифма — или подобие рифмы — не в конце, а в начале строки»⁴.

Приведем еще несколько примеров богато звучащей поэзии Кенин-Лопсана. В сонете «Увидел матушку во сне...» описание образа ожившей матери подано через усиление начальных созвучий [са-], через ассонансно усиленное «о», внутренние рифмы на [ла-] и анжамбеман, наделяющий особым смыслом сразу два слова — «молоко» и «живительное»:

Совсем как смо́лоду, ле́гко

Сошла с высо́кого се́дла,

Сосу́д, в кото́ром молоко́

Живите́льное, подала...⁵

¹ Кенин-Лопсан М. Б. «Дыттыг-Арыг кыдыы черде...» // Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фонякова. Кызыл, 2011. С. 36.

² Кенин-Лопсан М. Б. «Лес лиственный дыттыг-Арыг...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

³ Кенин-Лопсан М. Б. «Часкы шагнын элдеп уну...» // Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фонякова. Кызыл, 2011. С. 37.

⁴ Вышла в свет книга сонетов Монгуша Кенин-Лопсана [Электронный ресурс] // Тува. Азия. 2012. 26 марта. URL: <https://www.tuva.asia/news/tuva/4581-sonety.html> (дата обращения 07.01.2025).

⁵ Курсивом выделены аллитерации на «-со-», «-ло-», «-ла-»; выделена курсивом и подчеркнута ударная гласная «-о-». Подчеркнуто слово «живительное», которое своей растянутостью на 5 слогов и анжамбеманным отрывом от образа «молоко» передвинуло акцент фразы на себя.

Наполнен гармонией созвучий песенно-сонорных *-ла-, -ле-, -на-, -не-, -ня-, -ма-* сонет об «оленьях Одуген-горы». Перевод этого сонета можно назвать наиболее удачным по характеру воспроизведения поэтичности первичного текста. Метафора нежности в первых двух катренах объединяет образы матери-оленихи и матери лирического героя. Первые 8 строк развивают мотив ласки, неги, что сопровождается преобладающими гласными «э» и мягкими сонорными созвучиями. Во второй части тема меняется, на смену материнству приходит обобщающий образ:

Өдугенниң ивилери
Өскерликчи чорук кылбас,
Өске чурттар барыксава,
Өскен чуртун черле кагбас!¹
Олени Одуген-горы
Всегда мудры, всегда добры,
Ни в злой мороз, ни в лютой зной
Не покидают край родной...²

Удачно подобраны звукопись и ритмика переводного сонета, они работают так же интенсивно, как мысль автора: нарастающее звучание задненёбных «э» и «ы», аллитерация раскатистого «р» (горы, мудры, добры, мороз, край, родной), симметрично цезурированные 2–4 строки, устойчивые фольклорные выражения «злой мороз», «лютой зной», «край родной», оформленные в конструкции с усилительными частицами «ни–ни» — все вместе создает объемный, звучащий образ Одуген-горы. Диалектический синтез, свершаемый в двух заключительных строках сонета, поэт осуществляет не только разворотом темы, но прерывая заданную звукопись как голос тайги и задавая новый вектор созвучия на «у»:

У них учился мой народ
Терпению в часы невзгод.

В предисловии к антологии, написанном ее составителем С. С. Комбу, исследователь называет самые яркие особенности тувинского сонета. Подчеркивая глубинную аллитерацию и богатую мелодику сонетов, С. С. Комбу указывает на своеобразный тип рифмовки, установившийся в сонетах тувинских авторов и в текстах М. Б. Кенин-Лопсана в том числе. Например, парная рифмовка по типу *aabb aabb aabb ss* достаточно часто встречалась в сонетах тувинских авторов В. Сагаан-оол, Н. Куулар, В. Серен-оол (Комбу, 2002: 6). Эта же протяженность монозвука в концевой рифме отличает и сонеты М. Б. Кенин-Лопсана (например, в сонете «Кызыракты ирбиш тепкеш...»). Но появляются и новые узоры звукоплетений в таких сонетах, как «Дээрлер тыптып келбээн болза...» (*abcc addd acac ce*), «Уйгум читкен. Элдеп болдум...» (*abcc aaaa bdeb aa*). Пожалуй, именно уровень рифменной организации сонета Кенин-Лопсан превращает в пространство бесконечного эксперимента. Мелодический рисунок начальной и концевой рифм, ассонансный и аллитерационный звукоряд передается от слога к слогу, не прерывается, как песнопение шамана.

Такую тональную насыщенность тувинской речи очень сложно передать в переводном стихе. Если сравнить текст оригинального сонета, отражающего поэтику тувинского языка, с текстом сонета, переведенного на русский язык, можно увидеть, в каких разных художественных измерениях работают поэт и переводчик. Используем в качестве примера первый сонет книги и приведем тексты оригинального сонета и двух переводных версий одного и того же переводчика:

¹ Кенин-Лопсан М. Б. «Иви караа көре каапкаш...» // Кенин-Лопсан М. Б. Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фоякова. Кызыл, 2011. С. 57.

² Кенин-Лопсан М. Б. «Глаза домашних олених!...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

*** <i>Куштун хааны Хаан-Херети</i> <i>Куштар чыыжын чыгган иргин.</i> <i>Кандыг өңнүг чугдуг боорун</i> <i>Хайыралап берген иргин.</i> <i>Актыг шынның нууру кылдар</i> <i>Аганакка ак өң берген.</i> <i>Каргыштыгның кара өнун</i> <i>Каарган кушка берген иргин.</i> <i>Эрес чорук чалгыннарын</i> <i>Эзир кушка берген иргин.</i> <i>Эртенгинин аялгазын</i> <i>Эдер хекке берген иргин.</i> <i>Куштар эрес чуртаар чолду</i> <i>Куштун хааны болгаан иргин¹.</i>	*** Царь птиц по имени Хаан-Херети Созвал как-то всех птиц, так говорят. Царь птиц так вольно распорядился, Одним птицам черный цвет, другим — крылья. Птице-аганак — белой куропатке — белый цвет, Какой является символом правды и совести, Птице-ворону он дал такой черный цвет, Какой символизирует ложь и проклятье. Он вручил орлу крылья мощи и свободы, Какие являются символом отваги и мужества. Он вручил кукушке чудесную мелодию утра, Какая является звонким напевом дивной песни. Царь птиц всем птицам изволил благодарение С тех пор птицы живут так вольно и свободно².	*** Царица птиц Хан-Херети Всех птиц однажды созвала, Царица птиц Хан-Херети Отличья птицам раздала: «Ты, куропатка, будь всегда Как совесть чистая, бела, Отныне черен будь всегда Ты, мрачный ворон, вестник зла». Нашлись могучих два крыла Для мужественного орла, Кукушке — песенка ее: Досталось каждому свое, От воробьев и до ворон. Порядок воле не в урон³.
---	---	--

В тексте оригинального сонета видна капиллярная пронизанность текста мелодией шаманского напева. Выделенные курсивом аллитерации начала строк на «Куш-», «Ак-», «Эр-» организуют вертикаль текста, закрепляют энергетически сильное место начала речи. Ассонансные созвучия, переходящие с уровня одной строки на другую, оформляют мелодику внутри каждой строки: подчеркнутые части слов «*хаа-*, *Хаа-*, *Хе-*», «*чыы-*, *чы-*», «*-ыг*, *-үг*, *-үг*», «*-ерг-*, *ирг-*», «*чо-*, *ча-*» и другие создают интонационный рисунок каждого стиха. Постепенно набирая силу, мелодический поток речи прорывается на-стойчивостью повторяющегося словосочетания *берген иргин* (что в переводе означает «отдал»): в 1 строфе дважды повторяется словообраз *иргин* и один раз звучит *берген иргин*, во 2 строфе дважды звучит слово *берген* и один раз *иргин*, в 3 строфе дважды стих завершает словосочетание *берген иргин*, а в заключительном двустии подводится итог: *болгаан иргин* 'это было'.

Тип выстраивания поэтики этих строк, конечно же, существенно отличается от поэтики переводных сонетов. И причина здесь не только в типе начальной или концевой рифмовки, гармонии гласных, обильной аллитерации, но и в воле самого автора, который выбирает и сближает словообразы. Так, описывая птицу *Хаан-Херети*, поэт дважды в одной строке обращается к слову *хаан* (которое в переводе с тувинского языка обозначает «царь»), как бы усиливая информацию о ее царственном положении в мире природе. Такая поэтическая тавтология превращает первую строчку сонета на тувинском языке в музыкальный ключ, оду этой природной мудрости. Тогда как в переводных вариантах текстов И. Фоянкова создает другой тип усиления звучности имени птицы.

¹ Кенин-Лопсан М. Б. «Куштун хааны Хаан-Херети...» // Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фоянкова. Кызыл, 2011. С. 14.

² Кенин-Лопсан М. Б. «Царь птиц по имени Хаан-Херети...» // Төлге. Сонеттер ному. Жребий. Книга сонетов / перевод И. О. Фоянкова. Кызыл, 2011. С. 14.

³ Кенин-Лопсан М. Б. «Царица птиц Хан-Херети...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

В художественно переведенном тексте (3 столбец) маркирование особенной позиции Хан-Херети достигается за счет введения имени птицы в узнаваемую форму фольклорно-песенного зачина, основанного на синтаксическом параллелизме. При этом следует заметить, что подстрочный перевод (2 столбец) очень сильно расходится с художественным переводом по определению родовой дефиниции птицы (царь или царица?), по интерпретации каждого птичьего образа и идеи стихотворения, в целом. На наш взгляд, идея сонета, обозначенная в двух заключительных строках «Царь птиц всем птицам изволил благодарение/ С тех пор птицы живут так вольно и свободно», нашла несколько иное толкование в оригинальном тексте Ильи Фоянкова: «От воробьев и до ворон/ Порядок воле не в урон».

Интонационно сонеты Могуша Бораховича также ломают правила высокого стиля сонета. Следует заметить, что И. Фоянков по-своему переложил на русский язык живую авторскую интонацию: через узнаваемую риторику то сказителя, то влюбленного юноши, то обычного городского жителя, то переживающего за внушку деда. При этом полифония состояний лирического героя передается в одной модели речевого поведения. В сонетах часто используются обособления:

И мнится мне, что я, старик,
Свой слышу первый детский крик...¹,
вводные слова, риторические конструкции:
Заржет ли конь — с чего бы вдруг?²,
А, может быть, скажи, сынок, —
Ты просто очень одинок?
А я — сказитель из бродяг ...
За что же ты со мною так?...³,
На первом, благо, этаже...⁴,
обращений:
И можжевельником, друзья,
Мой окурите бедный прах...⁵,
Не раз, мой друг, ...⁵.

Как видим, ничто не мешает лирическому герою сонетов Кенин-Лопсана проявить себя в разных статусах, выразить различные душевные состояния — и при этом быть узнаваемым, сохранить свой собственный голос. Сонеты, созданные автором в разные годы жизни, отражают один и тот же уровень зрелости героя, его философичность, приверженность к типу гармонизирующего мышления.

¹ Кенин-Лопсан М. Б. «Мы дети женщины одной...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

² Кенин-Лопсан М. Б. «Вечерний шум...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

³ Кенин-Лопсан М. Б. «Ты крепок телом...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

⁴ Кенин-Лопсан М. Б. «Скрипел мороз...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

⁵ Кенин-Лопсан М. Б. «Когда уйду из жизни я...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

⁶ Кенин-Лопсан М. Б. «Струит лучи на бережок...» [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2014. № 9. URL: <https://www.sibogni.ru/content/sonety> (дата обращения: 02.12.2024).

Заключение

В творчестве М. Б. Кенин-Лопсана сонет как форма европейской литературной традиции обрел новое наполнение. Сопряженность сонетов с мифопоэтикой тувинского народа, шаманским восприятием времени и пространства, а также с философской традицией, предполагающей единение человека с природой, выявила действующие механизмы проникновения духовных ценностей тувинской культуры в мировые поэтические формы. В контексте творчества М. Б. Кенин-Лопсана сонет из явления индивидуально поэтического масштабировался до формулы мировидения, объединяющей опыт жизни одной уникальной личности с этнокультурными ценностями жизни тувинского народа.

Для человека, который с детских лет чувствовал свое предназначение, искал гармонии между стихиями космического и земного бытия, высотой духовного полета и скоротечностью человеческой жизни, — для мыслителя М. Б. Кенин-Лопсана сонетное творчество стало чем-то большим, чем эксперимент в области жанровой формы. Продолжив традицию сонетного жанротворчества, которая была принята тувинскими поэтами-современниками с середины XX столетия, Кенин-Лопсан задал новые интенции жанру сонета в своем творчестве.

В первую очередь, в условиях советской цензуры сонет позволил шаману М. Кенин-Лопсану не прерывать, не забывать практику гармонизации-вочеловечивания. Жанровая природа сонетов М. Б. Кенин-Лопсана усилена картиной мира поэта, закругляющей все драматические моменты, событийные и эмоциональные коллизии человеческой жизни. И если сонет раскрывал формулу развития мысли через триаду «тезис — антитезис — синтез», через оригинальность развития образа, то Монгуш Борахович развивает сонетный диалектизм, строго следуя принципу многократного восхождения (освобождения) лирического героя от проживания частного события к бытию большой истории, живого тувинского мифа. Систематически появляясь в творчестве Кенин-Лопсана, сонеты выполняют функцию якоря, дающего возможность замедления и осознания себя в текущем моменте. Многократно повторенный сюжет философского возвращения от сиюминутного к вечному задает тональность восприятия сонетов — лирическую, местами переходящую в элегическую, но ни в коем случае не трагедийную или одическую. Возрождение глубинной потаенной памяти человека, укорененной в природной, мифопоэтической стихии народной жизни, является тем знаменателем и той силой, которая гармонизирует сонеты и одновременно становится узнаваемой чертой идиостилистики поэта.

Книгой сонетов «Төлгө» Могуш Борахович определил еще одну важную поэтическую тенденцию своего времени на эпизацию художественной картины мира. Интерес к циклизации сонетов, проявившийся в тувинской поэзии с конца 1980-х гг., получил свое яркое и закономерное оформление в книге сонетов как наджанровой целостности, подчиняющей своему эпическому масштабу лиричность сонета. Появление такого жанрового эксперимента обусловлено и призванием писателя-романиста, и научной деятельностью Кенин-Лопсана, в основе которой положены методологии анализа и синтеза, наблюдения и обобщения.

Не разрушив конструктивных основ сонета, поэт смог расширить художественное пространство сонета так, что события частной человеческой жизни стали восприниматься как значимые и определяющие состояние целого мира. Сосредотачивая внимание не на внешнем, а на внутреннем мире человека, вводя вневременные и надпространственные ценности тувинской культуры, поэт стирает значимость повествовательности как типа сюжетопостроения, и в музыке стиха оставляет возможность самостоятельного поиска гармонии.

Благодарности

Благодарю анонимного(-ых) рецензента(-ов) за высокий профессионализм и культуру рецензирования научных работ, детальную проработку рукописи и замечания, позволившие выйти на более интересные наблюдения и выводы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бады-Суур, Н. Д. (2015) Монгуш Кенин-Лопсан — живое наследие шаманизма. // Новая наука: Современное состояние и пути развития. №1. С. 103–106.

Бехер, И. (1981) «Любовь моя, поэзия...». О литературе и искусстве. М. : Художественная литература. 527 с.

- Волков, И. Ф. (1995) Теория литературы. М. : Владос. 256 с.
- Гуляев, Н. А. (1985) Теория литературы. М. : Высшая школа. 272 с.
- Дампилова, Л. С. (2013) Мифологема памяти в поэзии Монгуша Кенин-Лопсана // Сибирский филологический журнал. № 4. С. 132–138.
- Донская, Е. Л. (1988) О генезисе и развитии английского сонета 16 века // Филологические науки. № 2. С. 30–34.
- Комбу, С. С. (2002) Эге сөс [Вступительное слово] // Тыва сонеттиң антологиязы [Антология тувинских сонетов] / Филология эртемнериниң кандидады С. С. Комбу чыып тургускан. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери. 144 с. С. 3–14.
- Комбу, С. С. (2014) Первый роман тувинской литературы // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 7. С. 49–52.
- Кужугет, А. К. (2020) Культурологический аспект научного творчества М. Б. Кенин-Лопсана // Полилингвистичность и транскультурные практики. Т. 17. № 4. С. 454–461. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-4-454-461>
- Мадюкова, С. А., Попков, Ю. В. (2010) Феномен социокультурного неотрадиционализма. СПб. : Алетейя. 132 с.
- Мижит, Л. С. (2022) Достижения тувинской литературы в советский период // Азиатские исследования: история и современность. № 1. С. 73–85.
- Поспелов, Г. Н. (1976) Введение в литературоведение. М. : Высшая школа. 422 с.
- Самдан, З. Б. (2019) Модификация архетипического образа тувинского шамана в творчестве М. Б. Кенин-Лопсана // Новые исследования Тувы. № 3. С. 158–171. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.13>
- Соян, А. М. (2020) Образ бабушки Дуруя в романе М. Кенин-Лопсана «Юрта табунщика» // Фундаментальные основы инновационного развития науки и образования : сборник статей IX Международной научно-практической конференции, состоявшейся 25 декабря 2020 г. / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение». 278 с. С. 134–136.
- Сквозников, В. Д. (1964) Лирика // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы / редкол.: Г. Л. Абрамович и др. М. : Советский писатель. Кн. II. 488 с. С. 173–238.
- Тобуроков, Н. Н. (2021) Взаимосвязь и взаимовлияние народов Сибири // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Вопросы национальных литератур. № 3. С. 42–61.
- Толысбаева, Ж. Ж. (2008) Сонет в поэзии Казахстана конца XX — начала XXI веков. Семей : Талант. 68 с.
- Хализев, В. Е. (1999) Теория литературы. М. : Высшая школа. 400 с.
- Falk, M. (2024) Lyric: Self-Abnegation in the Sonnets of Clare and Smith // Falk, M. Romanticism and the Contingent Self. The Challenge of Representation / Palgrave Studies in the Enlightenment, Romanticism and Cultures of Print. Palgrave Macmillan, Cham. 292 p. P. 129–182. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-49959-3_4
- Guisin-Stubbs, T. (2020) The Modern Irish Sonnet. Revision and Rebellion / Series Ed. K. Matthews. Palgrave Macmillan Cham. 256 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-53242-0>
- Moy, O. L. (2023) Nineteenth-Century Sonnet Contests and Parlor Games: “Leafiness” and Bits of Rhyme // Behlman L., Loksing Moy O. (eds) Victorian Verse. The Poetics of Everyday Life. Palgrave Macmillan, Cham. 289 p. P. 229–252. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-29696-3_12
- Stenson, A. L., Trissino, L. (2023) A Stylistic Analysis of Montale’s Version of Sonnet 33: Translation, Petrarchism and Innovation in Modern Italian Poetry // Kingsley-Smith, J., Rampone Jr., W. R. (eds) Shakespeare’s Global Sonnets. Translation, Appropriation, Performance. Cham, Palgrave Macmillan. 408 p. P. 53–70. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-09472-9_4
- Szele, B. (2023) “Far from Variation or Quick Change”: Classical and New Translations of Shakespeare’s Sonnets in Hungary // Kingsley-Smith J., Rampone Jr., W. R. (eds) Shakespeare’s Global Sonnets. Translation, Appropriation, Performance. Cham, Palgrave Macmillan. 408 p. P. 89–106. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-09472-9_6

Дата поступления: 28.02.2025 г.

Дата принятия: 27.03.2025 г.

REFERENCES

- Bady-Suur, N. D. (2015) Mongush Kenin-Lopsan — the living heritage of shamanism. *Novaya nauka: Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya*, no. 1, pp. 103–106. (In Russ.)

- Bekher, I. (1981) *My Love, Poetry...* On Literature and Art. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura. 527 p. (In Russ.)
- Volkov, I. F. (1995) *Theory of Literature*. Moscow, Vlado. 256 p. (In Russ.)
- Gulyaev, N. A. (1985) *Theory of Literature*. Moscow, Vysshaya Shkola. 272 p. (In Russ.)
- Dampilova, L. S. (2013) The mythologeme of memory in the poetry of Mongush Kenin-Lopsan. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 4, pp. 132–138. (In Russ.)
- Donskaya, E. L. (1988) On the genesis and development of the English sonnet of the 16th century. *Filologicheskie nauki*, no. 2, pp. 30–34. (In Russ.)
- Komby, S. S. (2002) Foreword. In: *Anthology of Tuvan sonnets* / comp. by S. S. Komby. Kyzyl, Tyvanyng nom üdürer cheri. 144 p. Pp. 3–14. (In Russ.)
- Komby, S. S. (2014) The first novel in Tuvan literature. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, no. 7, pp. 49–52. (In Russ.)
- Kuzhuget, A. K. (2020) The culturological aspect of the scientific work of M. B. Kenin-Lopsan. *Polilingval'nost' i transkul'turnye praktiki*, vol. 17, no. 4, pp. 454–461. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-4-454-461>
- Madyukova, S. A. and Popkov, Yu. V. (2010) *The Phenomenon of Sociocultural Neotraditionalism*. St. Petersburg, Aleteiya. 132 p. (In Russ.)
- Mizhit, L. S. (2022) Achievements of Tuvan literature during the Soviet period. *Aziatskie issledovaniya: istoriya i sovremennost'*, no. 1, pp. 73–85. (In Russ.)
- Pospelov, G. N. (1976) *Introduction to Literary Studies*. Moscow, Vysshaya Shkola. 422 p. (In Russ.)
- Samdan, Z. B. (2019) Modification of the archetypal image of the Tuvan shaman in the works of M. B. Kenin-Lopsan. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 158–171. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.13>
- Soyan, A. M. (2020) The image of grandmother Duruyaa in the novel by M. Kenin-Lopsan “The Herdsman’s Yurt”. In: *Fundamental Foundations of Innovative Development of Science and Education: Collection of Articles of the IX International Scientific-Practical Conference, Held on December 25, 2020* / ed. by G. Yu. Gulyaev. Penza, MTSNS “Nauka i Prosveshchenie”. 278 p. Pp. 134–136. (In Russ.)
- Skvoznikov, V. D. (1964) Lyric poetry. In: *Theory of Literature. Main Problems in Historical Perspective. Genres and Types of Literature* / ed. by G. L. Abramovich et al. Moscow, Sovetskii Pisatel'. Book II. 488 p. Pp. 173–238. (In Russ.)
- Toburukov, N. N. (2021) Interrelation and mutual influence of the peoples of Siberia. *Vestnik Severo-vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya: Voprosy natsional'nykh literatur*, no. 3, pp. 42–61. (In Russ.)
- Tolysbayeva, Zh. Zh. (2008) *The Sonnet in the Poetry of Kazakhstan at the End of the 20th and the Beginning of the 21st Centuries*. Semey, Talant. 68 p. (In Russ.)
- Khalizev, V. E. (1999) *Theory of Literature*. Moscow, Vysshaya Shkola. 400 p. (In Russ.)
- Falk, M. (2024) Lyric: Self-Abnegation in the Sonnets of Clare and Smith. In: Falk M. *Romanticism and the Contingent Self. The Challenge of Representation* / Palgrave Studies in the Enlightenment, Romanticism and Cultures of Print. Palgrave Macmillan, Cham. 292 p. Pp. 129–182. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-49959-3_4
- Guissin-Stubbs, T. (2020) *The Modern Irish Sonnet. Revision and Rebellion* / Series Ed. K. Matthews. Palgrave Macmillan Cham. 256 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-53242-0>
- Moy, O. L. (2023) Nineteenth-Century Sonnet Contests and Parlor Games: “Leafiness” and Bits of Rhyme. In: Behlman L. and Loksing Moy, O. (eds) *Victorian Verse. The Poetics of Everyday Life*. Palgrave Macmillan, Cham. 289 p. Pp. 229–252. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-29696-3_12
- Stenson, A. L. and Trissino, L. (2023) A Stylistic Analysis of Montale’s Version of Sonnet 33: Translation, Petrarchism and Innovation in Modern Italian Poetry. In: Kingsley-Smith J. and Rampone Jr., W. R. (eds) *Shakespeare’s Global Sonnets. Translation, Appropriation, Performance*. Cham, Palgrave Macmillan. 408 p. Pp. 53–70. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-09472-9_4
- Szele, B. (2023) “Far from Variation or Quick Change”: Classical and New Translations of Shakespeare’s Sonnets in Hungary. In: Kingsley-Smith J. and Rampone Jr., W. R. (eds) *Shakespeare’s Global Sonnets. Translation, Appropriation, Performance*. Cham, Palgrave Macmillan. 408 p. Pp. 89–106. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-09472-9_6

Submission date: 28.02.2025.

Acceptance date: 27.03.2025.

Эмоциональная связь людей и домашних животных в тувинской литературе

Шенне Ю. Азыраа

Тувинский государственный университет, Российская Федерация,

Майнура А. Бурибаева

Кызылординский университет имени Коркыт ата, Республика Казахстан,

Мадина Б. Кенесова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

В статье рассматривается феномен эмоциональной связи между человеком и домашними животными, прежде всего лошадьми и собаками, в тувинской художественной литературе. Авторы подчеркивают, что для тувинцев животные были не только помощниками в хозяйстве и источником пропитания, но и верными друзьями, с которыми устанавливалась прочная эмоциональная связь. Потеря или страдание животного воспринимались как личная трагедия, сравнимая с утратой члена семьи.

В работе анализируются произведения тувинских писателей, написанные на тувинском и русском языках, где раскрываются различные аспекты эмоционального взаимодействия человека и животных. Особое внимание уделяется сюжетам, в которых проявляются чувства радости, горя, сожаления, любви, а также описываются жесты утешения и моменты узнавания между человеком и его животным. Примеры из романов и рассказов («Кара-Бай» Е. Т. Тановой, «Далёкое эхо» Э. Л. Донгака, «Улуг-Хем неугомонный» К. К. Кудажи и др.) иллюстрируют, как лошади и собаки становятся неотъемлемой частью внутреннего мира героев, отражая их эмоции и переживания.

Также рассматриваются особенности перевода эмоционально насыщенных текстов с тувинского на русский язык, отмечается роль билингвальных авторов, способных передавать нюансы чувств через языковые системы. Авторы приходят к выводу, что художественная литература является ценным источником для изучения эмоциональной стороны взаимодействия человека и животных в традиционной культуре тувинцев.

Ключевые слова: тувинская литература; эмоция; эмоциональная связь; чувство; конь; собака

Для цитирования:

Азыраа Ш. Ю., Бурибаева М. А., Кенесова М. Б. Эмоциональная связь людей и домашних животных в тувинской литературе // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 42-54. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.3>

Азыраа Шенне Юрьевна — кандидат филологических наук, заведующая кафедрой педагогики и методики дошкольного и начального образования Тувинского государственного университета. Адрес: Россия, г. Кызыл, 667000, ул. Монгуша Сата, д. 9, лит. В, каб. 107. Эл. адрес: kuzhuget-sh@mail.ru

Бурибаева Майнура Абылтаевна — кандидат филологических наук, Член Правления-Проректор по научной работе и международным связям Кызылординского университета имени Коркыт ата. Адрес: Казахстан, г. Кызылорда, 120000, ул. Айтеке би, 29А, каб. 303. Эл. адрес: buribayeva.mainura@korkyt.kz

Кенесова Мадина Бакыткызы — докторант кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: 050000, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71/27. Эл. адрес: madinabakytkyzy@mail.ru

Emotional bond between humans and domestic animals in Tuvan literature

Shenne Y. Azyraa

Tuvan State University, Russian Federation,

Mainura A. Buribayeva

Korkyt Ata Kyzylorda University, Republic of Kazakhstan,

Madina B. Kenesova

Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan

The article examines the phenomenon of the emotional bond between humans and domestic animals, primarily horses and dogs, in Tuvan fiction. The authors emphasize that for Tuvans, animals were not only assistants in economic activities and sources of subsistence, but also loyal friends with whom a profound emotional connection was established. The loss or suffering of an animal was experienced as a personal tragedy, comparable to the loss of a family member.

The work analyzes the writings of Tuvan authors composed in both the Tuvan and Russian languages, in which various aspects of emotional interaction between humans and animals are revealed. Particular attention is given to plots that portray feelings of joy, grief, regret, and love, as well as descriptions of gestures of comfort and moments of recognition between a person and his or her animal companion. Examples from novels and short stories (such as "Kara-Bai" by E. T. Tanova, "Distant Echo" by E. L. Dongak, "Restless Ulug-Khem" by K. K. Kudazhy, among others) illustrate how horses and dogs become an integral part of the inner world of the protagonists, reflecting their emotions and experiences.

The article also considers the specific challenges of translating emotionally rich texts from Tuvan into Russian and highlights the role of bilingual authors capable of conveying emotional nuances through different linguistic systems. The authors conclude that fiction serves as a valuable source for studying the emotional dimension of human-animal interaction in traditional Tuvan culture.

Keywords: Tuvan literature; emotion; emotional bond; feeling; horse; dog

For citation:

Azyraa Sh. Yu., Buribayeva M. A. and Kengessova M. B. Emotional bond between humans and domestic animals in Tuvan literature. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 42-54. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.3>

AZYRAA, Shenne Yurevna, Candidate of Philology, Head, Department of Pedagogy and Methods of Preschool and Primary Education, Tuvan State University. Postal address: Office 107, Letter B, 9 Mongusha Sata St., 667000 Kyzyl, Russia. E-mail: kuzhuget-sh@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3507-3053

BURIBAYEVA, Mainura Abiltayevna, Candidate of Philology, Vice-Rector for Research and International Relations of Korkyt ata Kyzylorda University. Postal address: Office 303, 29A Aiteke bi St., 120000, Kyzylorda, Kazakhstan. E-mail: buribayeva.mainura@korkyt.kz

ORCID: 0000-0002-2739-0905

KENGESSOVA, Madina Bakytkyzy, Doctoral Student, Department of Russian Philology and World Literature, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71/27 al-Farabi Ave., Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan. E-mail: madinabakytkyzy@mail.ru

Введение

Особенности этнокультурной жизни тувинцев, традиции хозяйствования, а также разведение домашних животных, совместная жизнь с ними — являются важными сюжетами тувинской художественной литературы. Из домашних животных особенно значимыми для тувинцев были кони и собаки как помощники в хозяйстве, в охоте, в походах. Они нередко появляются во многих произведениях тувинской литературы, также как и в литературе других народов кочевой культуры (Ыбырайым, Алтаева, 2017; Содномпилова, 2019; Джамбинова, 2023; и др.), в целом народов мира (Шапинская, 2017: Электр. ресурс).

Однако, если исследований образов и лексики домашних животных в тувинской мифологии, фольклоре, языке, литературе уже вышло достаточно много (История тувинской ... , 2013: 22, 33; Буркин, Болдырева, Музраева, 2019; Иванов, Марфина, Шкуран, 2022; Соян, 2023; и мн. др.), то тема глубокой эмоциональной связи между человеком и животным еще оставалась вне поля зрения авторов. И это несмотря на то, что сами тувинисты признают: «В отношении тувинца к природе, животному миру, людям, в его религиозных чувствах, соблюдаемых им ритуалах, в его повседневном поведении и способах выражения своих эстетических чувств — одним словом, в образе его жизни, его генетической сущности глубоко запечатлелось мировосприятие его предков» (История тувинской ... , 2013: 33).

Мы исходим из того, что животные для тувинцев были не только помощниками; они не только облегчали жизнь человеку, давали ему пропитание и пр., т. е. не только рассматривались человеком с прагматических позиций. Они были существами, которые были верными друзьями и с которыми у людей устанавливалась глубокая эмоциональная связь. Их любили, с ними делили последние припасы; болезни, страдания, гибель таких животных для людей были сродни страданиям, потерям членов семьи. И мы не говорим о тех аспектах традиционной культуры, в которых определенным животным запрещалось вредить, их освящали, они становились сакральными (см.: Кенин-Лопсан, 2017: 140; Ламажаа, Сувандии, Монгуш, 2023: 224). Мы говорим о формах внутреннего состояния человека — чувствах и эмоциональной связи по отношению к животным, признанных и изучаемых в современной психологии (Федорович, 2019; Суханова, Лыков, 2022).

Исследования эмоционального отношения человека к животным и даже к ландшафту на сегодня уже проводятся в культурной антропологии, для чего применяются выезды исследователей в места традиционных хозяйств (Давыдов, 2018). Однако, есть еще один источник для исследований данного вопроса — художественная литература.

Для литературоведения важно то, что чувственные проявления, эмоциональные переживания, связанные с животными, становятся ярчайшими элементами художественных произведений и могут стать отдельной темой для исследования литературных образов, сюжетов. В данной статье мы представим примеры эмоционально-чувственной связи человека и домашних животных, отображенные в тувинской литературе. Для того, чтобы предметно рассматривать тему эмоциональной связи, мы будем опираться на общеизвестные классификации эмоций человека: радость, удивление, страдание, гнев, страх, стыд, отвращение. Из типов чувств мы берем только высшие формы, отражающие внутренний мир: нравственные, интеллектуальные, эстетические и социальные. Исследование мы выполним в рассмотрении сюжетов, связанных с конем и собакой, в которых выражаются ярко чувства и эмоции человека по отношению к этим животным, к жизненным ситуациям, связанным с ними.

Источниками нашего исследования выступают избранные произведения тувинской художественной литературы, написанные на тувинском и русском языках, в которых мы нашли соответствующие сюжеты, описания: С. К. Тока «Слово арата» (1950)¹, К. К. Кудажы «Улуг-Хем неугомонный» (1984)², О. О. Сувакпит «Дөстүнмистер» («Неудержимые») (1993)³, Е. Т. Тановой «Кара-Бай» (2008)⁴, А. М. Ламажаа

¹ В издании: Тока С. Слово арата. Роман в 3-х кн. М.: Советский писатель, 1972.

² Кудажы К. К. Улуг-Хем неугомонный: черный том, красный том. М.: Современник, 1984.

³ Сувакпит О. О. Дөстүнмистер [Неудержимые]. Рассказы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1993. (На тув. яз.).

⁴ Танова Е. Т. Кара-Бай. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2008. (На тув. яз.).

«Дороги серебряных шаманок» (2011)¹, М. Б. Кенин-Лопсана «Калдарак» (2017)², А. С. Ондара «Бижээчи» («Писарь») (2023)³, Э. Л. Донгака «Талыгырда чаңгы» («Далёкое эхо») (2025)⁴.

Среди произведений есть творения как на тувинском языке, переводные, в том числе самим автором (в авторизованном переводе), так и сразу написанные на русском языке авторами-билингвами. Как отмечает У. М. Бахтикиреева, феномен авторов-билингвалов заключается в их особых возможностях выражать через одну систему речевых знаков значения, которые присущи другому языку (Бахтикиреева, 2009). Тем не менее, и переводы, выполненные переводчиками, также позволяют (с опорой на оригинальные тексты) рассматривать тему эмоций и чувств, поскольку, как мы уже подчеркнули, эти сюжеты порой становятся украшениями литературных произведений и переводчики стараются также передать эти эмоции.

Итак, учитывая нашу заданную цель, мы отобрали в данных произведениях те сюжеты, в которых на тувинском или на русском языке присутствует лексика эмоций и чувств.

Человек и конь

Конь в тувинской культуре для тувинцев всегда был больше, чем средство передвижения. Он был сверстником, соратником, другом. Это отражено в эпических произведениях, где богатыри, подрастая, получали имя, которое произносилось с именем его коня, и в целом герой считался цельным именно благодаря тому, что он был всадником. Поэтому не удивительно, что эта связь также стала важной сюжетной линией в художественной литературе.

Одна из ярких историй тесной связи между человеком и конем отражена в романе Е. Т. Тановой «Кара-Бай», действие которого происходит в начале Великой Отечественной войны. Тувинская Народная Республика выступила одной из первых союзников СССР, стала отправлять фронт и деньги, и добровольческие отряды, и провизию, и скот, в том числе коней (История Тувы, 2007: 374–389). Власти декларировали добровольность всех этих видов гуманитарной помощи, которую собирали люди, тем не менее на местах тувинцев заставляли отдавать порой даже последние припасы, последний скот и любимых животных.

Так, в романе «Кара-Бай» главный герой Ыңаажык не хотел отдавать своего любимого коня Дора-Аскыра. Конь также всячески противился тому, чтобы его ловили чужие люди. Только усилиями четырех человек к вечеру удалось это сделать.

«Үш-дөрт кижик бүүзэлээш, шалбаап тургаш, кара кезээ арай деп Дора-Аскыры тудуп алган. Ону сүрүп келген арай деп тургаш чуларны аңаа кедирген. Ыңаажык аскырынга чеде бергеш, ооң мойнундан куспактаныпкаш, ыглапкан. Дора-Аскыр, ону билген дег, иштинде кинжигиредир оранган. Ыңаажык Дора-Аскырың думчуун сыйбап, мойнун часкагылааш, адынче базыпкан. Ол хая көрүп диттикпээн. Ыңаажыктың карактарындан хап баткан чаш соолаңайнып чораан.

Ынчалза-даа ол Дора-Аскыры дээш эмин эрттир хомудаан. Ооң орнунга он-он аъттар, белер алгап барган болза, ол ынчаар хомудапас ийик»⁵.

‘Три-четыре человека его окружили, заарканили, только к вечеру с трудом Дора-Аскыра поймали. Гнавшийся за ним человек с трудом надел на него недоуздок. Подойдя к своему жеребцу, Ынаажык обнял его за шею и заплакал. Дора-Аскыр, словно его понимая, также хрипло фыркнул. Ынаажык, погладив Дора-Аскыра по носу, похлопал по шее и пошел от коня. Он не посмел оглянуться. Из глаз Ынаажыка текли слезы.

Он слишком сожалел о своем Дора-Аскыр. Если бы вместо него забрали десятки лошадей и кобыл, ему бы так жалко не было»⁶.

¹ В издании: Ламажаа А. М. Дороги серебряных шаманок. 2-е изд. М.: ООО «4 принт», 2019.

² Кенин-Лопсан М. Б. Калдарак : повесть для детей. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2017. (На тув. и русс. яз.).

³ Ондар А. С. Бижээчи. Даң хаязында амыдыралдың агымы [Писарь. Течение жизни на предрассветной заре]. Повести. Кызыл: Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кюнзегеша, 2023. (На тув. яз.).

⁴ Донгак Э. Л. Талыгырда чаңгы [Далёкое эхо]. Повести, рассказы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2025. (На тув. яз.).

⁵ Танова Е. Т. Кара-Бай. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2008. С. 43. (На тув. яз.).

⁶ Здесь и далее без специальных указаний перевод с тувинского на русский выполнен Ш. Ю. Азыраа.

Мы видим в тексте выражения: обиды, сожаления — *хомудаан, хомудаас ийик*; печали, горя, выраженных в плаче — *ыглапкан, карактарындан хап баткан чаш соолаңайнып чораан*, или боязни посмотреть на своего друга — *ол хая көрүп диттикпээн*; сожалений, попыток смягчить боль в виде жестов утешения — *сыйбап, часкагылааш*.

История разделенных друзей на этом не закончилась. Через некоторое время Ынаажык увидел своего любимого коня в стаде в другом местечке Тувы. Он обнаружил это, случайно посмотрев на пасущихся коней и, конечно, же узнав своего Дора-Аскыра. Далее трогательно описывается момент узнавания хозяина и его четвероногого друга, побежавших навстречу другу¹: «Ынаажык ооң мойнундан куспактаныпкаш, суйбап, часкагылап, бир-ле чүве чугаалап турган»² 'Ынаажык обнял его за шею, гладил, похлопывал, что-то говорил».

Люди, оставленные в машине, наблюдали за этой сценой, обсуждали, а, когда мужчина вернулся, засыпали его вопросами, неужели он продал своего коня. Они очень удивились, поняв, что Ынаажык отдал его на фронт, но обнаружил в итоге в другом стаде.

Его разговоры о своем коне станут известны милиции (НКВД), и Ынаажыка около месяца будут допрашивать. Хозяин объяснял им:

«Кижил малын канчап салчаар боор. Суглуг караам-биле көргеним шын. Кыйгыраарымга, маңнап келчик. Ону сыйбап, эргеледип-даа турдум-на харын. Ону көргөн улус-даа бар чүве. Харын, ол аскырни билир улуска-даа таныдып болур силер»³.

'Как можно не узнать своего коня. Действительно, я видел своими мокрыми (т. е. плачущими. — Авт.) глазами. Когда я его окликнул, он прибежал. Да я и гладил его, ласкал. Есть люди, которые его видели. Действительно, вы можете расспросить и тех, кто знает коня'.

Когда правда выяснилась, его отпустили.

В этих словах главного героя интересно выражение *суглуг караам-биле* 'с мокрыми глазами', передающими боль и плач человека, узнавшего свою драгоценную потерю.

В рассказе О. О. Сувакпит «Кара-Богбам» герой вспоминает своего любимого коня детства самыми теплыми словами:

«Кара-Богбаның чаныганы мырыңай кара кайгамчык мал. Каяа-даа салыптарга, даңны атсы, хүннү бадыр маңнап чанып келир. Ишти-хырни тыртыла берген, сугга дүшкен күске дег көк мөөн апарган болур. Келгеш өгнү бир долгандыр оранып маңнааш, эжик дужунга черни тепсээш, былгыргаш ам өттөп, суг ижип чоруптар.

Мен афдымга кончуг-ла ынак чораан мен. Айт кижиниң чоок өңнүү деп чүвени шынап-ла бодум афдым Кара-Богбадан билген мен.

Афтарымның кайызын-даа мунганымда хей черге черле шаппас мен. Оларны кончуг хумагалаар мен. Олар дээрге тыва кижиниң чалгыны, чарылбас өңнүү ышкажыл. Мен ону ынчаар билир мен»⁴.

'Кара-Богба был удивительным конем, который всегда убегает домой. Куда бы его ни отпустили на рассвете, на закате он всегда возвращался домой. Бывает, что у него брюхо провисало, он промокал до нитки, как утонувшая мышь. Прибегая, обегал вокруг юрты, топтал землю возле двери, фыркал, а потом только уходил, чтобы щипать траву и пить воду.

Я очень любил своего коня. Действительно, о том, что лошадь является близким другом человека, я узнал от своего коня Кара-Богба.

Ни на одном из своих коней я зря не скакал. Я их очень берег. Ведь они крылья и неразлучный друг для тувинцев. Я это так понимаю'.

В этом описании сразу мы видим признание в большой любви к лошадям в целом, и к конкретному коню — *кончуг-ла ынак чораан мен*. Эти чувства вылились в такой поэтический оборот как *Олар дээрге тыва кижиниң чалгыны* 'Они крылья для тувинцев'⁵.

¹ Танова Е. Т. Кара-Бай. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2008. С. 86. (На тув. яз.).

² Там же.

³ Там же. С. 93.

⁴ Сувакпит О. О. Дөстүнместер [Неудержимые]. Рассказы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1993. С. 30. (На тув. яз.).

⁵ Там же.

Еще одно описание трогательной связи между человеком и его конем содержится в повести «Талыгырда чаңгы» («Далёкое эхо») Э. Л. Донгака (1941–2008). Произведение посвящено памяти тувинского добровольца, погибшего в Великой Отечественной войне Сендең-оола, прототипом которого послужил Севээн-оол Тюлюш из Дус-Дагского сумона, близкий родственник писателя.

Перед уходом на фронт Сендең-оол прощается со своим конем Чинге-Калдар и дает наказы своим родным:

«Мээң эки калдар аъдымны хумагалап, чарыштарга эртир мунуп кээп тур, шүңме. Ам халып чана бер, че! — дээш, аалче бөргүн чайгааш, ол бурунгаар үзеш дээрге, күжүр Калдар сыр кара маңы-биле кушталдырып чоруй барган»¹.

“Береги моего хорошего подпалого коня, побеждай на скачках, хорошо? А теперь беги домой!” — сказав, в сторону аала шапкой он махнул, и бедный Калдар со всей скоростью стремительно помчался’.

Здесь интересно использование прилагательного *күжүр*, который имеет два значения: не только ‘бедный’, но и ‘милый, дорогой’². Обычно тувинцы словами *күжүр эжим* ‘милый друг’, или *күжүрүм* ‘мой дорогой/моя дорогая’ обращаются к любимым людям, к супругам.

В романе-эпопее К. К. Кудажы «Уйгу чок Улуг-Хем» («Улуг-Хем неугомонный») описывается даже не дружба, а такой союз Сулдема и его коня Кула-Сарыг, что они могли чувствовать друг друга, двигаться как единое целое:

«Кула-Сарыг тихо и смирно стоял в укрытии. Про этого коня можно было бы рассказать многое. Умнейшее животное Кула-Сарыг! Только что говорить не умеет, а понимать — все понимает. Когда хозяин охотится, он не фыркнет, не хрустнет валежиной; ступает легко, бесшумно. Воткни кнутовище в снег, привяжи к нему недоуздок, — Кула-Сарыг будет стоять хоть целый день и не шелохнется»³.

Когда добычу старика украл богач Мангыр чейзен, конь чувствовал настроение хозяина:

«С тяжелым сердцем ехал по тайге Сульдем. И коню его будто передалось удрученное состояние хозяина. Шел Кула-Сарыг тихо и неохотно, вспахивая копытами глубокий снег, словно был спутан по всем четырем ногам»⁴.

Автор описывает как конь двигался или не двигался, понимая действия и даже настроение своего человека, настолько хорошо чувствовали они друг друга.

В рассказе Ч. Чулдума «Аът дуюу» («Копыто лошади») также повествуется о духе единства между тувинцами и их лошадьми:

«А Эрен-Хөө биле Сарыг-Самдаңның аъттарының дуюглары кайызында-даа чок, кайгалдарның чарылбас хөлгези болган. А эң-не кол чүве, аъттарның-даа, ээлериң-даа бот-боттарын билчири. Ээзи чокта оларның аъттары өске кижичанынче чагдадып деп ужур-даа чок, ызырар, тевер, карбаар-кагар, мунувутса-даа мөөр-дывылаар, ээзинге ол хире бердинген. Чогум-на ооң ужун адыгуузун мал-даа бол, чай-кыш, дүн-хүн чокка кара кезээде кады чоруур болгааш ээзиниң кымдан, чүден сестирин-даа билчир. Ол хамаанчок, ооң сеткил-хөөнүн безин эндевес, ол шагзыраан азы дүймээрелге алзып чоруур болза, чымчак сиген сый баспайн, чылбыртып чоруур, а бир эвес ээзи омак-сергек болза, черге дегбес, сыылады челип олар. Аът ынчангааш үргүлчүнүн истеп сүрүүшкүндө чоруур дургун кайгалдарга кара чаңгыс даянгыш, бүзүрелдиг эжи болгааш хайыралдыг өңнүү бооп чораан»⁵.

‘А у коней Эрен-Хоо и Сарыг-Самдана копыт не было ни у одного, это были неразлучные кони удальцов. А самое главное, и лошади и их хозяева понимали друг друга. Без хозяина их лошади не подпускали к себе чужих, они кусались, пинались, размахивались, даже если их оседлывали, то старались сбросить седока, не слушались, были так преданы своему хозяину. Животные всегда находились рядом с хозяином в летние и зимние времена, днем и ночью, и поэтому всегда понимали, кого и чего боится их хозяин. Более того, они чувствуют даже настроение хозяина, если он устал или в смятении, мягкой травы еле коснувшись, скакали,

¹ Донгак Э. Л. Талыгырда чаңгы [Далёкое эхо]. Повести, рассказы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2025. С. 27. (На тув. яз.).

² Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 268–269.

³ Кудажы К. К. Улуг-Хем неугомонный: черный том, красный том. М.: Современник, 1984. С. 7.

⁴ Там же. С. 21.

⁵ Чулдум Ч. Аът дуюу [Копыто лошади] // Өгбелерге тураскаадыг. Алдан-Маадыр. Памяти предков. Сборник документов и материалов, посвященный 110-летию национального восстания. Кызыл: Новости Тувы, 1997. С. 282. (На тув. яз.).

затаив дыхание, а если хозяин бодр, не касаясь земли, несутся рысью. Поэтому лошадь была единственной опорой для беглых удалцов в постоянном преследовании, надежным другом и любимым другом¹.

Беглыми удалцами называли участников восстания шестидесяти богатырей (*алдан маадыр*) — одного из наиболее крупных выступлений в истории тувинского национально-освободительного движения против маньчжуро-китайской власти в 1883–1884 гг., которое развернулось в долине реки Хемчик. Руководителями его были араты Самбажык, Кожагар-Комбулдай и мелкий чиновник Дажыма. Общее количество участников восстания доходило до 300 человек, но основное ядро состояло из 60 человек (История Тувы, 2001: 297–298; и др.¹).

В одном из произведений об этом восстании — повести «Бижээчи» («Писарь») А. С. Ондара мы встречаем уже фактически описание чувств самих животных, привязанных к своим хозяевам.

Когда двое из восставших Намнан и его друг Донгурак были убиты, то конь первого из них — Сылдыс-Кара — не оставил тела в лесу:

«Удатпаанда сөөлгү чыдынын тыва берген ийи эжишкини долгандыр бүгү бойдус шимээн барган. Чүгле ээзинден ырак эвес өттүп турган аъттың былгырганы шыпыңны үрээн. Хайгыылчылар Намнанның малын тудуп аар дээш чадап кааш, каапканнары ол.

Даң бажы агарар деп келгенде, ийи эрниц мурнунда арга иштинде аът киштээн:

— Намнанның Сылдыс-Каразы-дыр. Бисти билип кааны ол-дур көр — деп, бирээзи малдың үнүн танып, ыыткыр сымыранган.

— Эки аът деп чүве ол-дур — деп, эжи харыылаан. — Ээзи өлгөн-даа болза, кагбас.

Оларже өөрүшкү-биле көрүп алган турган малдың чоогунга дүжүп алгаш, эштерин дилээри-биле ийи эр чара кылашташкан»².

‘Вскоре, вокруг нашедших свой последний путь двух друзей, природа замерла. Тишину нарушало лишь фыркание коня, пасущегося недалеко от своего хозяина. Разведчики пытались поймать коня Намнана, но не смогли и оставили там.

Когда рассвело, друзья погибших обнаружили на этом месте перед собой заржавшую лошадь:

— Это Сылдыс-Кара Намнана. Он узнал нас, — один из них признал голос животного, громко шепча.

— Вот что значит хорошая лошадь, — ответил его друг. — Хотя владелец мертв, он не оставил его.

Присев на корточки возле животного, которое радостно смотрело на них, двое мужчин отправились на поиски своих друзей¹.

В данном отрывке мы встречаем описание радости, которое испытывает конь при виде знакомых ему людей: *өөрүшкү-биле көрүп алган* ‘глядя с удовольствием / радостью’.

Таким образом, достаточно беглый обзор произведений тувинской литературы показывает нам много примеров сюжетов, описаний эмоциональной связи между человеком и конем. Авторы не скупятся на выражения нежности, привязанности, которые испытывают тувинцы к своим скакунам. Причем чувства эти взаимны: показывается, как лошади привязывались к своим хозяевам, становились их ближайшими друзьями.

Человек и собака

Еще одно домашнее животное тувинцев — собаки занимали такое же большое место в их жизни, в сердце. Если кони в основном становились близкими существами для взрослых, то собаки были друзьями для детей. Поэтому в литературе много детских воспоминаний о собаках.

В романе С. К. Тока «Слово арата», который считается одним из первых классических произведений тувинской литературы (Комбу, 2013), первый сюжет главы «Наши охотники» посвящен собаке Черликпен, которая сама прибилась к ним, считалась приبلудной. Ее автор описывает так:

¹ Өгбелерге тураскаадыг. Алдан-Маадыр. Памяти предков. Сборник документов и материалов, посвященный 110-летию национального восстания. Кызыл: Новости Тувы, 1997. (На тув. и рус. яз.).

² Ондар А. С. Бижээчи. Даң хаязында амыдыралдың агымы [Писарь. Течение жизни на предрассветной заре]. Повести. Кызыл: Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кюнзегеша, 2023. С. 228. (На тув. яз.).

«Наш Черликпен¹ был высокий, сильный пес, черный как уголь. Шерсть на хвосте сбивалась у него комьями, как будто к нему пришили куски войлока. Лаял он громким басом»²;

«Среди собак она была великаном»³.

Самим фактом, что он помнил кличку собаки раннего детства, мог ее описать, С. Тока показал как дороги ему воспоминания о питомце семьи, жившей в нищете, вынужденной искать себе пищу и бороться за жизнь в ветхом жилье. Он также прямо признался:

«Мы полюбили Черликпена с первого дня, когда придумали ему кличку»⁴.

Для пятерых детей, которых растила одна мать, вынужденная ежедневно уходить на поиски пропитания, собака стала не просто защитником, охранником. Черликпен стал утешителем:

«Раньше, без Черликпена, нам становилось не по себе, когда мать уходила надолго в горы или спускалась вниз по Мерген⁵. Теперь мы никого не боялись»⁶.

Но собака не только спасала детей от одиночества, украшала их существование. Она стала и их кормилицей:

«Сколько было радости и веселья, когда в один ясный морозный вечер он вернулся в чум с первой добычей! Огонь в очаге уже догорал, под пеплом чуть тлели красные угольки. В чуме стало так холодно, что щипало носы и пальцы, как только высунешь их из-под покрывала. От холода мы не могли заснуть.

Вдруг слышим веселый визг Черликпена. Через минуту он вошел в чум, важно переступая, остановился перед нами и опустил свою ношу. Это был большой белый заяц. Видимо, Черликпен подкараулил его на тропе, спрятавшись за сугроб. Наш охотник был голоден, как и мы, но не показывал виду и так же важно, как вошел, улегся перед очагом.

Тут же мы ободрали зайца, сварили и до утра лакомились нежным мясом. Голову отдали нашему охотнику Черликпену»⁷.

Так, мы видим среди воспоминаний автора описания чувств и эмоций: «полюбили», «радость», «веселье», «веселый визг», а также признательное «наш охотник».

Но история собаки осталась лишь эпизодом в описании трудного детства автора, причем без окончания: мы не узнаем, что дальше случилось с собакой.

В повести для детей М. Б. Кенин-Лопсана «Калдарак» описывается дружба между мальчиком и его собакой Калдарак. Герой вырастил пса с маленького щенка, которого родила охотничья собака его дедушки, и был очень к нему привязан:

«Никому-никому не позволял брать моего Калдарака на руки! Холодно станет — ношу его, бывало, за пазухой. Безрукавка старенькая, короткая, полы растопырятся, ветер поддувает — мне хоть бы что, было бы Калдарaku тепло! Вырос он у меня на руках и потом уже всегда за мной следовал, всюду меня по следу находил. Есть такие охотники: натаскивают собаку, чтобы она впереди бежала, хозяина за собой вела. Другой науке обучил я своего Калдарака: позади идти и каждое слово хозяина понимать. Пока я не разрешу, Калдарак мой ни на зверя ни на птицу не кинется. И искать мне его не надо — сам найдёт, и не только меня — любого, кого велю ему найти. Вот это собака! Верно говорят охотники: хозяин собаку кормит, зато собака хозяина и накормит, и оденет»⁸.

Автор ярко описывает охотничьи качества своего пса:

¹ От черлик 'дикий'. См.: Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 529. Судя по описанию, собака была породы аборигенной тувинской овчарки *тыва ыт*. См.: Тувинская собака (*тыва ыт*). Историческая справка. [Электронный ресурс] // Российская кинологовическая федерация. URL: <https://rkf.org.ru/wp-content/uploads/2023/12/2023-nojabr-istorija-tuvinka-Morozova-korrES-final-na-sajt.pdf> (дата обращения: 12.03.2025).

² Тока С. Слово арата. ... С. 15.

³ Там же. С. 8.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ По реке Мерген, в таежной местности Тоджинского хошуна (района) Тувы.

⁶ Тока С. Слово арата. ... С. 15.

⁷ Там же. С. 16.

⁸ Кенин-Лопсан М. Б. Калдарак : повесть для детей. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2017. С. 12–13. (На тув. и рус. яз.).

«Какого зверя не добывал ты, славный мой Калдарак! Белку и соболя поднимал ты, чуткий мой Калдарак! И суслика малого не обегал ты, милый мой Калдарак! И зайца быстрого догонял ты, резвый мой Калдарак! Однажды весной поймал росомаху ловкий мой Калдарак! Не знал перед лосем, медведем страху смелый мой Калдарак! Но только не зря зверей настигал ты, друг ты мой Калдарак! Всегда человека оберегал ты, верный мой Калдарак!»¹

Но вот однажды пес не вернулся с охоты, оказалось, что его растерзали три волка. Хозяин нашел на вершине горы только его останки:

«...Вижу — косточки от передних лап.

Сдерживая горькие слезы, подобрал я лапки — единственное, что осталось от моего верного друга. Голову и ту сожрали лютые звери! Подобрал, присмотрел дуплистое дерево неподалёку и положил обе лапки в дупло. Кусок мяса, захваченный из дому для Калдарака, рядом положил. Знал, конечно, что не съест уже этого моему другу, да ведь так делали мои предки-охотники. И только после того, простившись с Калдаракком, дал волю слезам. Никого у меня теперь нет. Ни отца, ни матери, ни мудрого дедушки Мыйыта, ни милого, верного моего пса. Только бабушка осталась»².

Автор не скупится на описания заботы о друге («было бы Калдараку тепло»), восторга от его ума, способностей («Вот это собака!», «славный мой Калдарак!», «ловкий мой Калдарак!», «смелый мой Калдарак!», «верный мой Калдарак!»), а также своего нежного отношения к нему («чуткий мой Калдарак!», «милый мой Калдарак!», «мой верный друг»). Конечно же трагическая гибель любимого пса стала не просто большой утратой, которая вызвала у мальчика слезы («сдерживая горькие слезы», «дал волю слезам»), но и стала сравнимой с утратой с близким членом семьи наравне с родителями, дедушкой («Никого у меня теперь нет. Ни отца, ни матери, ни мудрого дедушки Мыйыта, ни милого, верного моего пса»).

Очень тяжелое эмоциональное прощание целой семьи с любимыми собаками содержится в русскоязычном романе А. М. Ламажаа «Дороги серебряных шаманок», высоко оцененном литературоведами (Самдан, 2020; Токарева, 2021). В романе есть целый параграф «Собачья преданность», в котором рассказывается как пес охотника Болат по кличке Хартыга спас его на охоте от медведя и помог раненному хозяину взобраться на лошадь, добраться до людей³.

Однако, не эта история привлекает наше внимание, а завершающая раздел — трагическая. Здесь рассказывается о событиях, которые сопровождали перевод тувинцев-скотоводов-кочевников на оседлость, на примере одной отдельно взятой семьи. Как и остальные семьи, Болат и его жена Танаа лишились скота, поскольку его надо было сдавать в коллективное хозяйство. Был утрачен смысл держать помощников для охраны стад — собак. Чабаны были вынуждены отпустить их на волю. Оставшиеся без присмотра и привычной работы псы стали сбиваться в стаи, дичать и угрожать людям, особенно детям. Власти решили проблему срочным отстрелом, а владельцы оставшихся хозяйских собак должны были получить на питомцев специальные жетоны на шею, чтобы их можно было опознать. Болат не хотел расставаться с верным псом Хартыга и решил добыть для него жетон. Сын Болат Сергей отправился за знаком, а племянница Чаянмаа-Нюра поехала к старому стойбищу забрать оставленные вещи в старом амбарчике.

На подъезде к родному стойбищу дорогу ей преградили чужие собаки — на этом месте уже жила другая семья с юртами. Не успела девочка испугаться, как на этих псов налетели собаки, в которых она опознала бывших сторожей их стойбища.

«То были не простые пастухи, а представители особого племени сторожевых псов, всегда остававшихся стеречь зимнюю стоянку, даже летом, когда хозяева перекочевывали на летнюю стоянку. Их любимыми местами были холмы, с которых как с вышек-постов собаки вели наблюдение за своими стадами, отслеживали приближение чужаков, хищников. Изменить их привычки не были в силах даже хозяева. Сторожа так и остались в этой местности, когда семья переезжала в село из-за травмы отца. Собак просто не смогли дозваться.

Когда на стойбище появилась чужая семья со своими собаками, сторожа не покинули место, сильно осложняя всем жизнь. Вот и сейчас они радостно кинулись навстречу маленькой хозяйке. Налетели на

¹ Там же. С. 41.

² Там же. С. 64–66.

³ Ламажаа А. М. Дороги серебряных шаманок. ... С. 81–82.

чужаков, посмевавших напасть на ее лошадь и на глазах выбежавших из юрт хозяев разорвали самую смелую. Псы были худыми, лохматыми, но счастливыми оттого, что увидели родное лицо. Они вились около лошади Нюры, подпрыгивали и громко радостно скулили, моргая верными блестящими глазами. Девочка соскочила на землю, обняла их, целуя мокрые морды, и расплакалась.

<...>

Поговорив с новыми хозяевами стойбища, посидев на холме у своих собак, девочка собрала нужные вещи и двинулась обратно с тяжелым сердцем. Попробовала позвать их с собой. Псы прибежали, проводили ее до границ стойбища и вернулись обратно к своим постам. Уселись столбиками на холмах и повили вслед хозяйке.

Нюра приехала домой вся заплаканная¹.

Дома в это время развернулась своя трагедия. Хартыга выскочил из юрты, где он сидел в заточении несколько дней под присмотром хозяев, и побежал вслед за вышедшим на улицу хозяином. В какой-то момент он попался на глаза отстреливающим и был убит. Жетон, который привез Сергей, оказался запоздалым. «Узнав о том, что случилось, выбросил знак и заплакал»².

Когда Сергей услышал рассказ Нюры о собаках-сторожах, то без ужина молча лег спать, повернувшись. Наутро уехал с ружьем, сказав: «Зачем собаки будут мучиться?» «Больше никто в семье не вспоминал о четвероногих друзьях. Слишком болезненная была тема»³.

Эмоции и чувства, которые описаны в данном сюжете, показывают нам, насколько тяжело переживали люди, потерявшие своих друзей: «расплакалась», «с тяжелым сердцем», «заплаканная», «заплакал», «молча», «болезненная». При этом, интересны также упоминания сочувствия, которые вызывали люди, понимая, что животные страдают: «обняла», «Зачем собаки будут мучиться?»

Еще одно интересное описание показывает чувства собаки.

В рассказе О. О. Сувакпит «Частырыым» («Моя ошибка») показано, как ребенок мог обидеть друга:

«Өгге олурумда, Ак-Чүрек хенертен чирти-ле берди. Дүрген-не үне халыдым. Кудууртан акым чортуп олур. Ол аьдын баглаашка баглап кааш базып келди. Ак-Чүрек мени мурнай акымны ээртинип, ооң буттарын доза туруп, эргеленип, ойнап-ла чор. Мен хейде-ле аңаа адааргаан чүве дег, «Сок!» деп алгырыпканым бодум безин былбейн барган болдум. Ыдымның өөрүшкүзү соккаш кыннып, менче шала хомудаанзыг кылчаш кылдыр көргөш, кудуруун муна шаапкаш, «Черже сиңнип кире берейн» дээнзиг чыда дүштү. Ам кээп ыдымны кээргеп, бажын суйбап каарымга, ол мээң холдарым чылгап, холдары-биле дегелеп, аңдаштаны каапкаш, өг хөлегезинче чоруй барды»⁴.

‘Когда я сидел в юрте, Ак-Чурек вдруг громко залаял. Я быстро выбежал. Снизу ехал медленно мой брат. Привязав коня к коновязи, он подошел. Ак-Чурек раньше меня закрутился вокруг брата, наступая на его ноги, стал ласкаться и играть. Как будто я ему позавидовал, сам не знаю почему и крикнул ему “Сок!”⁵. Радость моей собаки оборвалась, она посмотрела на меня немного обиженным взглядом, взмахнула хвостом и легла, словно говоря: «Провалюсь под землю». Потом я пожалел свою собаку, погладил ее по голове, она облизала мои руки, и повалявшись на земле, ушла в тень юрты’.

Сначала собака всячески выражала свою радость от того, что приехал член семьи (ооң буттарын доза туруп, эргеленип, ойнап-ла чор ‘наступая на его ноги, ласкается и играет’). Но младший брат приехавшего позавидовал тому, что его опередила собака, и прогоняет пса. И собака обиделась, что вызвало целый каскад состояний и действий: ыдымның өөрүшкүзү соккаш кыннып ‘радость моей собаки оборвалась’, менче шала хомудаанзыг кылчаш кылдыр көргөш ‘бросив на меня слегка обиженный взгляд’, кудуруун муна шаапкаш ‘опустив хвост’, «Черже сиңнип кире берейн» дээнзиг чыда дүштү ‘легла на землю, показывая всем видом «Провалюсь под землю»’.

¹ Там же. С. 84.

² Там же. 84.

³ Там же.

⁴ Сувакпит О. О. Дөстүнместер [Неудержимые]. Рассказы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1993. С. 14. (На тув. яз.).

⁵ Возглас, которым отгоняют собак. См.: Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 380.

Герой выразил раскаяние от своего поступка: *ыдымны кээрген* ‘пожалев мою собаку’, *бажын суйбап каарымга* ‘когда я погладил ее голову, она его простила’.

То есть животное здесь показано как существо, которое испытывает бурю эмоций и чувств, затрагивающих и эмоции, чувства человека.

В повести Е. Т. Тановой «Акым дугайында тоожу» рассказывается как главный герой Чылбак наказал свою собаку Эгерек за то, что та оборвала страницы книги. Но Чылбак вскоре стал жалко собаки и пытается помириться:

«Чылбак ыдын кээргээнинден чүрээ саргый берген. Ол ыдының хаваан, ооргазын сыйбап каан. Ынчан ол ам-на дидим эвес сүттү чылгай берген. Баштай оожум, ооң соонда харамдыгып иже берген. Шагдыр-оол ону көргөш, каттыра берген. Ынчалза-даа акызының карактарында бүлдеңейнип келген чашты көрүп кааш, ыттавайн барган»¹.

‘Чылбаку стало очень жалко собаки. Он погладил лоб и спину собаки. Только после этого она стала лакать молоко. Сначала осторожно, потом стала жадно пить. Увидев это, Шагдыр-оол стал смеяться. Но, посмотрев на прослезившиеся глаза брата, замолчал’.

Интересным выражением передаются чувства Чылбака *чүрээ саргый берген* ‘стало очень жалко’, букв. ‘сердце защемило’ (от *саргыыр* ‘щемишь’). Как пишут исследователи К. Х. Рахимжанов, М. К. Акошева и З. К. Темиргазина, сердце многими народами мира, в том числе тюркоязычными, например, тувинцами и казахами, понимается средоточием эмоций, чувств (Рахимжанов, Акошева, Темиргазина, 2020). Поэтому они фиксируют так много выражений в тувинском и казахском языках, связанных с сердцем и передающим эмоции. В данном случае фразеологизм *чүрээ саргый берген* ‘сердце защемило’ близко к русскому варианту, который передает чувство гнетущей тоски.

Еще одно выражение захлестнувших мальчика эмоций передается фразой *карактарында бүлдеңейнип келген чаштар* ‘закипающие слезы на глазах’. Она очень точно передает насколько острым для него стало чувство жалости ко псу, который явно не заслуживал сурового наказания за столь обыденный проступок.

Так, мы видим, что собака занимала большое место в жизни тувинцев в детстве. Она была членом семьи, верным другом и для охотников, для семей. Писатели передавали и чувства людей по отношению к собакам, и собачьи эмоции, переживания. Причем эмоционально-чувственная связь была взаимная, как люди, так и собаки передавали их друг другу.

Заключение

Образы домашних животных, прежде всего коней и собак, играют важную роль в тувинской художественной литературе, отражая не только хозяйственную значимость животных, но и их глубокие эмоциональные связи с человеком. Причем именно литература может передать глубину и яркость этой связи, эмоций и чувств, поскольку художественный текст представляет субъективную сферу человека, пропущенную через субъективность автора. Если в фольклоре, в эпических произведениях, образы животных довольно статичны, они занимают определенное место и их роль не меняется (они соратники, помощники, советники), то в литературе раскрываются эмоции, чувства, переживания.

Произведения описывают и эмоциональные состояния, и глубокие чувства, что позволяет нам лучше понять универсальность технологий домостроения, которая объединяет людей и животных, делая их отношения близкими (Давыдов, 2018). В этих отношениях мы видим не только как раскрывается человек, но и как на его действия реагируют животные, мы видим обе стороны этих отношений, соединенных как в общий сосуд.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтикиреева, У. М. (2009) Творческая билингвальная личность : (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Изд. 2-е, доп. Астана : ЦБО и МИ. 282 с.

¹ Танова Е. Т. Акым дугайында тоожу [Повесть о моем брате]. Повесть. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1976. С. 20. (На тув. яз.).

Бурыкин, А. А., Болдырева, И. М., Музраева, Д. Н. (2019) Собака в калмыцком и тувинском фольклоре // Новые исследования Тувы. № 4. С. 119–132. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.10>

Давыдов, В. Н. (2018) Эмоции в отношениях человека, животного и ландшафта: исследование коральных работ на Таймыре // Кунсткамера. № 2. С. 81–87. DOI: <https://doi.org/10.31250/2618-8619-2018-2-81-87>

Джамбинова, Н. С. (2023) Ценность домашних животных в аскиологической системе и языке разных народов // Сетевое востоковедение: востоковедное научное знание в современном контексте : Материалы VI Международной научной конференции, Элиста, 26–27 октября 2023 года / отв. ред. Б. К. Салаев. Элиста : Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова. 509 с. С. 75–80.

Иванов, Е. Е., Марфина Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. № 1. С. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

История тувинской литературы (2013) / А. С. Донгак, У. А. Донгак, М. А. Кужугет и др. Новосибирск : Издательство СО РАН. Т. I. 266 с.

История Тувы (2001) / под ред. С. И. Вайнштейна и М. Х. Маннай-оола. Новосибирск : Наука. Т. 1. 376 с.

История Тувы (2007) / под ред. С. И. Вайнштейна и М. Х. Маннай-оола. Новосибирск : Наука. Т. 2. 430 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2017) Тыва чаңчыл [Тувинские традиции]. Ч. I и II. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 360 с. (На тув. яз.).

Комбу, С. С. (2013) «Слово арата» С. Тока — одно из классических произведений тувинской литературы: история создания // Всероссийский журнал научных публикаций. № 1. С. 62–63.

Ламажаа, Ч. К., Сувандии, Н. Д., Монгуш, А. В. (2023) Святое в тувинской культуре: прошлое и современность // Новые исследования Тувы. 2023, № 3. С. 220–241. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14>

Рахимжанов, К. Х., Акошева М. К., Темиргазина, З. К. (2020) Метафорическо-метонимическая интерпретация сердца в казахском и тувинском языках: взаимодействие языка, анатомии и культуры // Новые исследования Тувы. № 4. С. 261–271. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.18>

Самдан, З. Б. (2020) Трансформация образа женщины кочевой культуры в тувинской литературе (на примере творчества А. М. Ламажаа) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 228–239. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.16>

Содномпилова, М. М. (2019) Образы домашних животных в интерпретациях социального устройства кочевого общества // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. Т. 27. С. 73–78. DOI: <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2019.27.73>

Соян, А. М. (2023) Образ коня в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. № 3. С. 84–96. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.6>

Суханова, В. С., Лыков, И. Н. (2022) Влияние домашних животных на психоэмоциональное здоровье хозяев // Тенденции развития науки и образования. № 85–2. С. 63–68. DOI: <https://doi.org/10.18411/trnio-05-2022-67>

Токарева, Н. А. (2021) Тюркизмы как средства создания национальных образов мира в современном художественном тексте (на материале романа Анны Ламажаа «Дороги серебряных шаманок») // Национальные образы мира в зеркале русского языка : сборник статей / ред. О. А. Валикова. М. : РУДН. 212 с. С. 206–212.

Федорович, Е. Ю. (2019) Три стороны одной и той же привязанности: люди и их домашние питомцы // Психология и психотерапия семьи. № 3. С. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.24411/2587-6783-2019-10001>

Шапинская, Е. Н. (2017) Образ Животного в текстах культуры [Электронный ресурс] // Культура культуры. № 4 (16). С. 5. URL: <http://cult-cult.ru/the-animal-image-in-cultural-texts/> (дата обращения: 12.04.2025).

Ыбырайым, А. О., Алтаева, А. О. (2017) Анималистические образы в этнокультуре татарского и казахского народов // Tatarica. № 1(8). С. 7–21.

Дата поступления: 02.04.2025 г.

Дата принятия: 21.05.2025 г.

REFERENCES

Bakhtikireeva, U. M. (2009) *Creative bilingual personality: features of the Russian text by an author of Turkic origin*. 2nd ed. Astana, TsBO i MI. 282 p. (In Russ.)

Burykin, A. A., Boldyreva, I. M. and Muzraeva, D. N. (2019) The dog in Kalmyk and Tuvan folklore. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 119–132. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.10>

Davydov, V. N. (2018) Emotions in human, animal, and landscape relations: a study of coral-fishing labor in Taimyr. *Kunstkamera*, no. 2, pp. 81–87. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31250/2618-8619-2018-2-81-87>

Djambinova, N. S. (2023) The value of domestic animals in the axiological system and language of different peoples. In: *Network Oriental Studies: Oriental Scientific Knowledge in the Modern Context*. Proc. VI International Scientific Conference, Elista, October 26–27, 2023 / ed. by B. K. Salaev. Elista, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov. 509 p. Pp. 75–80. (In Russ.)

Ivanov, E. E., Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Animal nominations in Tuvan proverbs and sayings: aspects of implementation and issues of research. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

The history of Tuvan literature (2013) / A. S. Dongak, U. A. Dongak, M. A. Kuzhuget et al. Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Vol. I. 266 p. (In Russ.)

The history of Tuva (2001) / eds. S. I. Vainshtein and M. Kh. Mannai-ool. Novosibirsk, Nauka. Vol. 1. 376 p. (In Russ.)

The history of Tuva (2007) / eds. S. I. Vainshtein and M. Kh. Mannai-ool. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 430 p. (In Russ.)

Kenin-Lopsan, M. B. (2017) *Tuvan traditions*. Parts I–II. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 360 p. (In Tuvan). (In Russ.)

Kombu, S. S. (2013) “The Word of the Arat” by S. Toka — One of the Classical Works of Tuvan Literature: History of Creation. *Vserossiyskii zhurnal nauchnykh publikatsiy*, no. 1, pp. 62–63. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K., Suvandii, N. D. and Mongush, A. V. (2023) The sacred in Tuvan culture: past and present. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 220–241. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14>

Rakhimzhanov, K. Kh., Akosheva, M. K., Temirgazin, Z. K. (2020) Metaphorical and metonymical interpretation of the heart in Kazakh and Tuvan: interaction of language, anatomy and culture. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 261–271. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.18>

Samdan, Z. B. (2020) Transformation of the image of the woman of nomadic culture in Tuvan literature (on the example of the works of A. M. Lamazhaa). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 228–239. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.16> (In Russ.)

Sodnompilova, M. M. (2019) Images of domestic animals in interpretations of the social structure of nomadic society. *Izvestiya of Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology*, vol. 27, pp. 73–78. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2019.27.73>

Soyan A.M. (2023) The image of the horse in Tuvan riddles. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 84–96. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.6>

Sukhanova, V. S. and Lykov, I. N. (2022) The influence of domestic animals on the psycho-emotional health of their owners. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, no. 85-2, pp. 63–68. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18411/trnio-05-2022-67>

Tokareva, N. A. (2021) Turkicisms as means of creating national world images in contemporary fiction (on the material of the novel by Anna Lamazhaa “The Roads of the Silver Shamans”). In: *National Images of the World in the Mirror of the Russian Language: Collected Papers* / ed. by O. A. Valikova. Moscow, RUDN. 212 p. Pp. 206–212. (In Russ.)

Fedorovich, E. Yu. (2019) Three sides of the same attachment: people and their pets. *Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i*, no. 3, pp. 5–18. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24411/2587-6783-2019-10001>

Shapinskaya, E. N. (2017) The animal image in cultural texts. *Kultura kultury*, no. 4 (16), article 5 [online] Available at: <http://cult-cult.ru/the-animal-image-in-cultural-texts/> (accessed: 12.04.2025). (In Russ.)

Ybyrayym, A. O. and Altaeva, A. O. (2017) Animalistic images in the ethnoculture of the Tatar and Kazakh peoples. *Tatarica*, no. 1(8), pp. 7–21. (In Russ.)

Submission date: 02.04.2025.

Acceptance date: 21.05.2025.

Тувинский фольклор и литература о промысловой охоте тувинцев

Шенне В. Монгуш

Тувинский государственный университет, Российская Федерация,

Елена М. Куулар

Институт развития национальной школы Министерства образования Республики Тыва, Российская Федерация

В статье рассматривается роль промысловой охоты в традиционной культуре тувинцев и её отражение в тувинском фольклоре и литературе. Охота анализируется не только как ключевая отрасль хозяйственной деятельности, обеспечивавшая выживание семей и родовых общин, но и как важнейший элемент экологической и духовной культуры народа. Особое внимание уделяется ритуальным аспектам охоты, включая подношения духам, благодарственные обращения к хозяину тайги, а также табу и эвфемизмы в охотничьей лексике, связанные с мифологическими представлениями о природе.

Авторы проводят систематизацию наиболее характерных упоминаний об охоте в различных жанрах тувинского фольклора (мифы, легенды, благопожелания) и произведениях тувинских авторов. Анализируются тексты, в которых охота предстает как постоянное и важнейшее занятие главных героев, а также описываются традиционные ритуалы и нормы, направленные на сохранение баланса между человеком и природой. В статье приводятся примеры фольклорных сюжетов, где охота сопровождается обращениями к духам, соблюдением табу, а также проявлением уважения к животным и окружающей среде.

Подчеркивается, что образы и мотивы охоты глубоко интегрированы в устное и письменное наследие тувинского народа, отражая их мировоззрение, экологические установки и культурные ценности.

Ключевые слова: охота; тувинцы; тувинский фольклор; тувинская литература; тувинская культура

Для цитирования:

Монгуш Ш. В., Куулар Е. М. Тувинский фольклор и литература о промысловой охоте тувинцев // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 55-68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.4>

Монгуш Шенне Вадимовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского государственного университета. Адрес: 667004, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9Б. Эл. адрес: shenne2242@mail.ru

Куулар Елена Мандан-ооловна — кандидат филологических наук, доцент, директор ГБНУ Министерства образования Республики Тыва «Институт развития национальной школы». Адрес: 667001, Россия, г. Кызыл, ул. Рабочая, д. 2. Эл. адрес: kuular-e-m@mail.ru

MONGUSH, Shenne Vadimovna, Candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of Tuvan Philology and General Linguistics, Tuvan State University. Postal address: 9B, Mongusha Sata St., 667010 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: shenne2242@mail.ru

KUULAR, Elena Mandan-oolovna, Candidate of Philology, Director, Institute for the Development of National School of the Ministry of Education of the Republic of Tuva. Postal address: 2, Rabochaya St., 667001, Russia, Kyzyl. E-mail: kuular-e-m@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0062-3331

ORCID: 0000-0002-4351-6547

Tuvan folklore and literature about commercial hunting of Tuvans

Shenne V. Mongush

Tuvan State University, Russian Federation,

Elena M. Kuular

Institute for the Development of National School of the Ministry of Education of the Republic of Tuva, Russian Federation

The article examines the role of commercial hunting in the traditional culture of the Tuvans and its reflection in Tuvan folklore and literature. Hunting is analyzed not only as a key sector of economic activity that ensured the survival of families and clan communities, but also as a vital element of the people's ecological and spiritual culture. Special attention is given to the ritual aspects of hunting, including offerings to spirits, words of gratitude addressed to the master of the taiga, as well as taboos and euphemisms in hunting vocabulary related to mythological concepts of nature.

The authors provide a systematization of the most characteristic references to hunting found in various genres of Tuvan folklore (myths, legends, blessings) and in works by contemporary authors. The analysis considers texts in which hunting appears as a constant and essential occupation of the main characters, and traditional rituals and norms intended to preserve the balance between humans and nature are described. The article presents examples of folklore narratives in which hunting is accompanied by appeals to spirits, the observance of taboos, and the expression of respect for animals and the environment.

It is emphasized that the themes and motifs of hunting are deeply integrated into the oral and written heritage of the Tuvan people, reflecting their worldview, ecological attitudes, and cultural values.

Keywords: hunting; Tuvans; Tuvan folklore; Tuvan literature; Tuvan culture

For citation:

Mongush Sh. V. and Kuular E. M. Tuvan folklore and literature about commercial hunting of Tuvans. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 55-68. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.4>

Введение

Промысловая охота имела для тувинцев важнейшее значение в их традиционной хозяйственной деятельности. Она выступала важнейшим элементом комплексного хозяйства, особенно для семей с малым количеством скота, где охота зачастую была основным источником пропитания и сырья. Охота обеспечивала пищу, шкуры и меха для одежды, материалы для изготовления предметов быта и уплаты податей, а также поддерживала экономическую устойчивость семей и родовых общин (Даржа, 2009: 340–504; Айыжы, Монгуш, 2020; и др.). Помимо этого, промысловая охота была неотъемлемой частью экологической культуры тувинцев, формировавшейся на протяжении тысячелетий. Она включала строгие природоохранные нормы, обычаи и ритуалы, направленные на сохранение баланса между человеком и природой: охотились преимущественно на взрослых самцов, избегали истребления беременных самок и молодняка, соблюдали табу и жертвоприношения духам тайги. Охотничьи угодья делились на родовые земли, а право охоты регулировалось традициями и решениями старейшин. Таким образом, промысловая охота для тувинцев была не только способом выживания и важной хозяйственной отраслью, но и частью духовной и экологической культуры, способствовавшей сохранению биологического разнообразия и устойчивому природопользованию в регионе.

Учитывая это, неудивительно, что упоминания об охоте, описание охотничьих навыков, способов ведения охоты и все, что связано с охотничьей деятельностью, нашли широкое отражение в тувинском фольклоре и национальной литературе.

Цель настоящей статьи заключается в сборе и систематизации наиболее типичных упоминаний об охоте в различных жанрах тувинского фольклора и тувинской литературе. Тем самым объектом исследования у нас являются тексты фольклора и литературы, предметом — информация об охоте в текстах.

Источниковая база исследования включает в себя тексты: фольклора — «Тыва улустун алгыш-йөрээлдери» («Тувинские благопожелания»)¹, «Мифы, легенды, предания тувинцев»², «Мифы, легенды, предания тувинцев-тоджинцев»³; литературы — произведения М. К. Мендуме «Тайганың ээзи» («Хозяин Тайги»)⁴, С. А. Сарыг-оола «Чогаалдар чыындызы» («Собрание сочинений»)⁵, «Аңгыр-оолдун тоожузу» («Повесть о светлом мальчике»)⁶, Э. Л. Донгака «Чолдак-Аңчының чугаалары» («Рассказы охотника «Чолдак-Анчы»)⁷, К.-Э. К. Кудажи «Таңды кежи» («Таежные дары»)⁸, С. С. Сурун-оола «Ак-Төш»⁹, С. О. Тамба «Амыргалаар»¹⁰. Кроме того, в ряде случаев авторы опираются на материалы полевых исследований, которые были записаны в 2019 г. в Тоджинском районе Республики Тыва у тувинца-тоджинца, коренного жителя села Адыр-Кежиг Кол Тагира Комисовича ряд ценных сведений о традиционных представлениях тувинцев.

Обзор литературы

Важность промысловой охоты в ряду традиционных видов хозяйственной деятельности тувинцев не могла быть обойдена научным знанием.

Впервые упоминания об охоте тувинцев можно проследить в трудах таких исследователей как В. В. Радлов (Радлов, 1861) и Н. Ф. Катанов (Катанов, 1903), которые заложили основу для дальнейшего изучения данной темы. Работы Ф. Я. Кона (Кон, 1936) и других ученых, таких как С. И. Вайнштейн (Вайнштейн, 1961, 1972, 1991) и Л. П. Потапов (Потапов, 1969), существенно расширили понимание особенностей охоты как одного из традиционного вида хозяйствования у тувинцев.

В постсоветском тувиноведении исследования традиционной культуры тувинцев получили новый импульс для развития. В работе В. К. Даржа рассматриваются традиционные мужские занятия, в том числе охота, рыболовство, ведение хозяйства кочевников (Даржа, 2009). В книге подробно рассматриваются традиционные методы охоты, используемые тувинцами, в том числе охота на различных животных, таких как соболь, лось и другие виды диких животных (там же: 340–504).

В целом историография этнографических исследований рассмотрена в публикации Е. В. Айыжи и А. М. Монгуш (Айыжи, Монгуш, 2020).

Мы обратимся к филологическим работам. В советской филологии следует отметить в первую очередь работу З. Б. Чадамба (Чадамба, 1974). Исследуя тоджинский диалект тувинского языка, она выделяет лексику охоты как значимый пласт языка, который играет важную роль в речи таежных жителей.

¹ Тыва улустун алгыш-йөрээлдери [Тувинские благопожелания] / ред. Д. А. Монгуш. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1990. (На тув. яз.).

² Мифы, легенды, предания тувинцев / сост. Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша. Новосибирск: Наука. 2010.

³ Орус-оол С. М. Мифы, легенды и предания тувинцев-тоджинцев : сборник. Кызыл: Детский литературный сайт «Радуга Тувы». 2020.

⁴ Мендуме М. К. Тайганың ээзи [Хозяин тайги]. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 1965. (На тув. яз.).

⁵ Сарыг-оол С. А. Чогаалдар чыындызы [Собрание сочинений]. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 1988. (На тув. яз.).

⁶ Сарыг-оол С. А. Аңгыр-оолдун тоожузу [Повесть о светлом мальчике]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2008 (На тув. яз.); Сарыг-оол С. А. Повесть о светлом мальчике. М.: Современник, 1974.

⁷ Донгак Э. Л. Чолдак-Аңчының чугаалары [Рассказы охотника «Чолдак-Анчы»]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1982. (На тув. яз.).

⁸ Кудажи К.-Э. К. Таңды кежи [Таежные дары]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984. (На тув. яз.).

⁹ Сурун-оол С. С. Ак-Төш. Повесть. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1991. (На тув. яз.).

¹⁰ Тамба С. О. Амыргалаар. Повесть и рассказы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2008. (На тув. яз.).

В одном из сборников «Ученых записок» Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований также выходила публикация Ж. М. Юша о роли словесных охотничьих компонентов в обрядах тувинцев (Юша, 2007).

Представление об основных лексико-семантических группах названий промысловых животных и птиц, а также орудий охоты, используемых в речи жителей таежных районов Тувы, формируется на основе работ тувинских исследователей Ш. Ч. Сат (Сат, 1981), Н. Д. Сувандии и Е. М. Куулар (Сувандии, 2013, 2016a; и др.¹; Сувандии, Куулар, 2017; Куулар, 2016, 2018), в которых также рассматриваются табу и эвфемизмы в охотничьей лексике.

В. С. Салчак, Б. Б. Монгуш и Б. Баярсайхан акцентируют внимание на лексике жителей Тувы, в которой сохранились данные о культуре и традициях охоты (Салчак, Монгуш, Баярсайхан, 2010).

И. В. Кормушин и А. Ч. Ооржак анализируют семантико-этимологические, морфологические особенности названий охотничьих мешочков (Кормушин, Ооржак, 2024).

Исследованию лексико-фразеологического поля *аңнаашкын* 'охота' в тувинском языке посвящена диссертация одного из соавторов данной статьи Ш. В. Монгуш (Дамбаа)². В работе рассматриваются языковые и культурные аспекты, связанные с охотой, а также их значимость в контексте тувинской культуры. Также ряд работ исследователя посвящен описанию охоты в произведениях тувинских авторов³.

Несмотря на столь существенный задел тувиноведения, следует отметить, что отдельных работ по отражению темы охоты в тувинском фольклоре и литературе до сих пор не было. Это и обуславливает новизну нашей статьи.

Охота в фольклоре

В первую очередь следует подчеркнуть, что охота в фольклоре представлена как одно из постоянных наиважнейших занятий главных героев.

Например, в сказании о Боктуг-Кирише и его сестре Бора-Шээлей упоминается:

*Боктуг-Кириш-даа черниң аңын черге кырап,
Сугнуң аңын сугга кырап,
Эрес эр бооп өзүп келгеш,
Боду бир бажың,
Дыңмазынга бир бажың тудуп берген.
Бир айда аңын аңнаар,
Бир айда уйгузун удуур.*

‘Вырос в удалого богатыря
Боктуг-Кириш — земных животных на земле убивал,
Водных животных в воде убивал;
Один дом построил себе,
Один дом — своей сестре;
Один месяц на зверя охотился,
Один месяц сном [крепким] спал’⁴.

Эта же регулярность действий, постоянную рутину владельца хозяйства и охотника передает и другое описание из этого же сказания:

¹ Сувандии Н. Д. Лексико-семантические группы охотничьей лексики Тере-Холя // Научные труды ТувГУ. Материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов ТувГУ, посвященной году экологии в Российской Федерации и году молодежных инициатив в Туве. Кызыл: ТувГУ, 2017. С. 99–101; Сувандии Н. Д. Основные лексико-семантические группы зоонимов в тувинском языке // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6. С. 476–478.

² Монгуш Ш. В. Лексико-фразеологическое поле *аңнаашкын* 'охота' в тувинском языке: лингвокультурологическая интерпретация: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2024.

³ Дамбаа Ш. В. Использование охотничьей лексики в рассказе Салчака Тока «Бөрүлерни аңнаары» // Научные труды ТувГУ. Материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов ТувГУ, посвященной Международному году Периодической таблицы химических элементов и Году человека труда в Республике Тыва Кызыл: ТувГУ, 2019. С. 31–32; Дамбаа Ш. В. Лексические средства репрезентации концепта ОХОТА в тувинском языке // Когнитивные исследования языка. № 2 (49). 2022. С. 591–594; Дамбаа Ш. В. Фразеологические средства репрезентации концепта ОХОТА в творчестве К.-Э. К. Кудажы // Когнитивные исследования языка. № 3 (50). 2022. С. 195–198.

⁴ Бокту-Кириш, Бора-Шээлей // Тувинские героические сказания / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие РАН, 1997. С. 321.

Бокту-Кириш Аян-Кулазын
 Даргададын салгаи,
 Сылдыс-Шокар аъдын мунуп,
 Айда аңнаар аңын аңнап,
 Алдын-Сараланы мунуп,
 Малың майда малдаар
 Хүрең аъдын мунуп,
 Ара эдин, арга чонун
 Айда ончалап-ончалап, маржалап.

‘Боктуг-Кириш своего Аян-Кула
 Вольно пастись отпустил,
 [Сам же] на коня Сылдыс-Шокар сядет —
 Месяц на зверя охотится,
 На золотисто-пегого коня сядет —
 Месяц скот выпасает,
 На бурого коня сядет —
 Месяц свое добро, свой народ
 Пересчитывает-исчисляет’¹.

При этом охота, как и многие занятия, была неразрывно связана с верой в существование духа тайги, к которому необходимо было обращаться с помощью в поисках добычи, получать от него благословение. Как правило, традиционную охоту тувинцев подразделяют на несколько важных этапов, в ходе которых охотники выполняли определенные действия, имеющие как практическое, так и сакральное значение (Айыжы, Монгуш, 2020).

Например, придя в тайгу на место охоты, они первым делом, зажигают костер и варят *сүттүг шай* ‘чай с молоком и солью’, а затем совершают *чажыг* ‘подношения’ *тайга-таңды ээзинге* ‘хозяину тайги — духа’ и произносят *аңчының чалбары* ‘благопожелание охотника’, в котором просят у него помощи при охоте:

Алдын таңдымдан колданып,
 Диленип келдим.
 Аъттандым, толандым.
 Аар боомну чүжктеп алгаи,
 Ая-дузаам дергилен алгаи,
 Кара хаяның баарында
 Кара казандыымны
 Паштанып алгаи,
 Аастыг амытан амзаваан
 Агы-чемим дээжизин
 Өргүп тур мен.
 Эринниг амытан эңгивээн,
 Эм-таң болган
 Шайым чажып тур мен.
 Аңнап-меңнеп келдим,
 Аң-мең аайлыг болзун².

У золотого [моего] танды,
 Просить добычу пришел [я].
 Снарядился, отправился в путь.
 Тяжелое [мое] ружье, взвалив на спину,
 Самострелы-силки к седлу приторочив,
 На передней части черной скалы
 Черный котел свой
 Поставив на огонь,
 Подношу самое лучшее из пищи,
 Которую не пробовали
 живые существа, имеющие рот.
 Животное, имеющее губу, не трогавший,
 Ставший лекарством
 Чай свой разбрызгиваю.
 Поохотиться пришел [я],
 Зверей [в моем пути] пусть много встретится³.

После удачного промысла охотники произносят слова благодарности хозяину тайги. Это общепринятый у них обычай, который призван подчеркнуть важность баланса между человеком и природой. Считается, что *тайга-таңды ээлери* как божества тайги помогают охотнику в его труде, поэтому не забыть поблагодарить их — важная часть охотничьего ритуала. Подтверждается это следующим обращением охотников к духам тайги:

¹ Там же. С. 471.

² Тыва улустун алгыш-йөрээлдери [Тувинские благопожелания] / ред. Д. А. Монгуш. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1990. С. 99. (На тув. яз.).

³ Перевод выполнен Е. М. Куулар.

Аар ийинден алдым,
Бээр ийинден бердиң,
Туманга дуглавадың
Туругга чажырбадың, таңдым,
Арзагарым алган
Аксы мурнаан диве.
Чилиглимни чиген
Чилби-чазый диве.
Аксымны шимчеттиң,
Холумну үстедиң,
Кожумну долдурдун, таңдым.
Саңымны салдым.
Этти хеңмелээш,
Ээги тейледим¹.

Получил [я] из северного склона,
[Ты] дал из южного склона,
Не прикрыл в тумане [ты]
На отвесной скале не скрыл, мой танды,
Получивший [мой] зубастый [зверь]
Не говори, что я жадный
Съевший [мой] скот с костным мозгом
Не говори, что ненасытный.
Накормил [меня] досыта, [от того]
[Мои] руки от сала блестят,
Наполнил [мою] переметную сумку, мой танды.
Костер свой для окуривания зажег,
Мясо высушив взял,
Кланяюсь до земли².

Таким образом охотник выражает свое уважение и признательность своей благодатной тайге, которая *аң-меңни туман-биле дуглаваан* ‘не прикрыла зверей в тумане’ и *туругга чажырбаан* ‘не скрыла их на отвесной скале’. То есть родная земля (тайга) обеспечила возможность для успешной охоты. Можно сказать, что здесь видна взаимосвязь между охотником и природой, где каждая сторона уважает и ценит другую.

В тувинском фольклоре помимо вышеуказанных благопожеланий есть и другие жанры, связанные с охотой. Например, в мифе «Бир аңчы кижиги» (‘Один охотник’) один охотник во время очередной охоты споткнулся и упал, сломав себе бедро. Когда он без помощи лежал, ночью раздался громкий звук и в шалаш заскочил медведь и жестами просил у него помощи. Охотник понял, что ему срочно нужна помощь и выполнил его просьбу, т. е. застрелил того, от кого убегал медведь. Оказалось, это был Кара-Кула — огромное, в девять раз больше медведя, существо. Кара-Кула — злой, кровожадный и жестокий *каан*³, человек, породнившийся с обитателями Подземного (Нижнего) мира.

После этого случая медведь начал помогать раненому охотнику:

Адыг имнеп айтырган: «Чүң канчап барды?». Аңчы дөңмээн көргүскен. Ыяш чыып бергеш, кара пажынга суг узуп эккеп бергеш, от оттулуп бергеш, чоруй барган. Удаваанда адыг катап чедип келген, кижиги ышкаш оргаадай деп оът казып эккелген. Ол оътка кижиниң сынык дөңмээниң талазын айыткан. Оон бичиилеп сивирип, шайга холуп иш деп имнээн. Ол оргаадай деп оттун «дөңмээн» чонуп ижерге, дөңмээниң аарыыры чүгээр апарган. Аңчы-даа эмненип чыдып берген, адыг-даа азырап туруп берген. Аң өлүрүп эккеп бээрге, аңчы амырап чыткан. Удавайн дөңмээ эттинип, даянгыштыг кылаштап турар апарган. Адыгның азыралы-биле аңчы-даа экирээн.

‘Медведь знаками спросил: “Что с тобой случилось?”. Охотник показал [на свое] бедро. [Медведь] дрова собрал, в черном котелке воду принес, огонь разжег [и] ушел. Вскоре медведь вернулся, растение женьшень, похожее на человека, принес. Этим растением на сломанное бедро показал. Показал знаками, [чтобы он] соскабливал понемногу, смешивал с чаем [и] пил. От “бедро” женьшеня-растения отскоблил [немного и] выпил, в бедре боль уменьшилась. Охотник лежал [и] лечился, а медведь [его] кормил. Зверей убивал [и] приносил, охотник лежал радовался. Вскоре бедро зажило, ходить, [опираясь на палку, он] стал. Благодаря заботе медведя поправился’⁴.

¹ Там же. С. 107.

² Перевод выполнен Е. М. Куулар.

³ Каан, Хаан — хан; царь; король // ханский; царский; королевский. См.: Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия. 1968. С. 469.

⁴ Мифы, легенды, предания тувинцев ... С. 117.

Эта охотничья история обращает внимание на серьезную опасность, которая поджидает каждого охотника, обучает охотников терпению и осторожности во время охоты. В данном случае охота — это не просто привычное, любимое занятие, а способ преодоления трудностей и выживание.

К обычаям и традициям, которые неуклонно соблюдались в связи с охотой, относится табуирование охотничьей лексики, когда многие слова произносились иносказательно. Как отмечает Н. Д. Сувандии,

«По мифологическим верованиям тувинцев звери являлись собственностью хозяина тайги — духа. К разным зверям и птицам люди относились неодинаково, это зависело от того значения, которое имело то или иное животное. Тувинские охотники считали, что многие звери могут слышать и понять человеческую речь, поэтому они их называли условными именами, в большей степени описательными словами... охотники старались, чтобы звери и птицы раньше времени не узнали об их намерениях. Начиная с периода подготовки к охоте, охотники старались не называть зверей и птиц по их основному наименованию, не употреблять слова, называющие действия охотников по отношению к животным и птицам, а использовали эвфемизмы» (Сувандии, 2016: 139).

В благопожелании, где охотник благодарит хозяина тайги, употреблены иносказательные названия диких животных, таких как *арзагар* 'зубастые, крупные по размеру животные', *чилиглиг аңнар* 'тонкие по размеру и, имеющие костный мозг, животные', которые указывают на традицию табуирования.

Тувинский фольклор также содержит примеры того, как тувинцы придерживались экологической культуры, правил гармоничного сосуществования с природой. Например, были правила, запрещающие охоту на животных с детенышами или на тех, кто ожидает потомства. В мифе «Танды ээзиниң чагыы» ('Наказ духа-хозяйки тайги') дух-хозяйка тайги обращается к охотнику, чтоб он не нарушал народную примету (Ломакина, 2022): *Төлдүг аң өлүрүп болбас, амыдыралыңа шаптаразыннар таваржыр* 'Убьешь зверя с детенышем, в жизни встретишь всякие тяжелые препятствия', в основе которой лежит бережное отношение к природе:

— Ой! Сокса! Ол канчаарың ол, хөй уруг-дарыглыг кижиканчап бардың? Ак сүттүг, чаш төлдүг чүве атпайн чору!

— Ой! Постой! Что ты делаешь, ты же многодетный человек, что с тобой стряслось? В зверей, имеющих белое молоко и детенышей, нельзя стрелять!¹.

Охотник прислушался к наставлениям хозяйки тайги, а она в свою очередь не оставила его без улова, учтя, что у него есть дети. Хозяйка тайги исполнила свое обещание и подарила охотнику своего слепого быка:

Даң хаязында, эртенги одардан улуг ыравайн чорда, ашактын баарыңа улуг сыын көстүп келген. Ужур-гаш көөрге, шынап-ла, бир караа согур, он ийи адыр мыйыстыг улуг сыын болган. Оон бээр-ле ол аңчы ак сүттүг аң, кыс чүвеге хол дегбестей берген.

'Утром, на заре, [когда маралы еще] с пастбища не ушли, перед стариком огромный марал появился. Добыв [его, он] увидел — в самом деле, с двенадцативетвистыми рогами [и] слепым на один глаз этот марал оказался. С тех пор охотник на кормящих зверей, самок руку не поднимал'².

Запрет на убийство животных с детенышами также упоминается в мифах и легендах, распространенных среди тувинцев-тоджинцев. Если охотник случайно убивает самку, он испытывает глубокое чувство вины за свои действия и долго упрекает себя в случившемся:

Өгедей-Мерген: "Оолдуг чүвеге дегбес, уялыг куштуң уязыңа дегбес даңгыраам ышкындырдым" — дээш, ыглаваан боду ыглап, сырынналып: — "Мээң-даа чораан херээм чүү боор!" — дээш, улуг ыдын соккаш, улуг кара боозун ууй эттээш, боду чүгүн чүктеп чоруй барган.

'Огедей-Мерген: "Я нарушил свою клятву — не прикасаться к зверям с детенышем, не трогать птичье гнездо". Не плакавший никогда он стал плакать и тосковать. "Зачем мне жить после этого?" — говоря, убив свою большую собаку и сломав свое большое черное ружье, сам пошел в неизвестную сторону"³.

¹ Мифы, легенды, предания тувинцев / сост. Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша. Новосибирск: Наука, 2010. С. 118.

² Мифы, легенды, предания тувинцев С. 120.

³ Орус-оол С. М. Мифы, легенды и предания тувинцев-тоджинцев: сборник. Кызыл: Детский литературный сайт «Радуга Тувы», 2020. С. 23.

У тувинских охотников есть традиционное убеждение, основанное на уважении к природе и ее обитателям. Согласно этому принципу, если во время охоты на их пути встречается животное с необычными отметинами или поразительной красотой, они воздерживаются от стрельбы. В мифе «Кызыл дуяглог сын» ('Краснокопытный марал') рассказывается история охотника, которому встретился марал с многоветвистыми рогами и сверкающими красными копытами. Вспомнив наставления отца, он не стал стрелять в него:

Ийи чүс хире базым черде шыргай ыяштар аразындан хүрең-ой сыын оъттап үнүп келди. Кончуг эки чаа дуранныг мен. Топтап көргөш, караамга шуут бүзүревейн бардым. Сыынның мыйызы дээрге кедергей хөй адыр, шет-ле. Көрнүп келзе-ле, думчуу хан дег кызыл, мурнуу холдарын көдүргүлөп кылаштагылаан, дуяглары херелденип турар кызыл. Сыынның чогурунун дүгүнүн узуну аажок, кылаштаарга, сагланнадыр чалгып чоруур. Ындыг чараш аңны чуруктан-даа кым көргөн боор. Арай коргуп, сести-даа берген мен. Ол-ла олургаш, ачам ашактың чагыг чугаазын сактып келгеш, боомну ырадыр салгаш, аң көзүлбейн баргыже олурдум. Мындыг элдеп аң көрдүм деп улуг улуска чугаалаарымга: “Черле ындыг аңнар тургулаар, черниң ховар чүвези-дир” — деп кааннар.

Примерно в двухстах шагах [от меня] из чащи деревьев буро-буланый марал, пасясь, вышел. У меня очень хороший новый бинокль был. [Я] внимательно осмотрел [марала и] глазам своим не поверил. Рога марала очень многоветвистыми были, как молодое [хвойное] деревце. [Он] поднял морду, [она], как кровь, красная, [когда он] передние ноги высоко поднимал, копыта сверкали красным. Подшейный волос у марала [был] длинным, при ходьбе колыхался. Такого красивого зверя даже на картине никто не видел. [Я] слегка испугался, заробел. Там сидя, [я] наказ, рассказанный моим старым отцом, вспомнил, ружье подальше отложил, [пока] зверь не скрылся [из глаз], сидел. Об этом увиденном мною удивительном звере [я] пожилым людям рассказал: “Все-таки такие звери бывают, это редкие существа земли”, — сказали [они]”¹.

Тувинские охотники верят тому, что некоторые животные обладают особыми качествами или сакральной силой. Убивая такое животное, охотник может стать нарушителем закона тайги и вызвать негативные последствия как для себя, так и для своих близких².

Мы видим, что фольклор показывает нам и описание регулярности занятий охотой у тувинцев, даже при наличии у них скота; и наличие специальных жанров благопожеланий охотников, с которыми он обращается к духам земли за покровительством во время охоты. В мифах и легендах про охотников также акцентируются важные аспекты охотничьей культуры, такие как мужество и мудрость. В них содержатся моральные нормы, связанные с уважением к животным и родной земле.

Таким образом, фольклор является важным средством сохранения и передачи знаний охотничьих традиций тувинского народа.

Охота в литературе

Учитывая все вышесказанное, становится очевидным, что и тувинская литература будет выражать и ценную этнографическую информацию об охоте, и передавать особую эстетику этой деятельности, отношение человека к природе, к животным, его чувства, эмоции.

Важное место в тувинской прозе занимают охотничьи рассказы. Образ охотника и его род деятельности в них является сюжетообразующим элементом. Он обладает глубоким символом, отражающим менталитет и жизненные ценности народа.

В тувинских прозаических произведениях часто главными героями являются мальчики, воспитанные в традициях предков. В них мы часто прослеживаем их повседневный труд, связанный с укладом жизни, пронизанный обычаями и традициями охотников. Например, они с малых лет умеют ездить верхом на коне, ловить мышей и птиц на силки, а став постарше, они умеют добывать пищу в виде пойманного зайца, лисы и других мелких зверей.

В произведении М. К. Мендуме «Тайганың ээзи» ('Хозяин тайги') собраны разные истории, основанные из воспоминаний известного тоджинского охотника Бараан Хуреңовича Мырлаа. Повествование ведется от имени первого лица, рассказчиком выступает охотник. Охотник рассказывает, что он начал охотиться еще в детстве.

¹ Мифы, легенды, предания тувинцев ... С. 142.

² Кол Тагир Комисович, 1966 г.р., прож. в с. Адыр-Кежиг Тоджинского района.

Далее представляем отрывок из рассказа потомственного охотника Б. Мырлаа о себе:

Мен 1893 чылда Өдүген тайганың Хүндем деп черге төрүттүнген болган мен. Эң баштайында-ла чеди харлыымда, адамның багай чактыр боозу-биле иргек өлүрген кижин мен¹.

‘Я, как оказалось, родился в 1893 году в местечке Хундем вблизи тайги Одуген. В первый раз, когда мне было семь лет, из кремневого оружия моего папы убил большого медведя (самца)’².

Из воспоминания охотника нам становится известно, что его первой добычей стал иргек ‘большой медведь-самец’. Примечательно то, что даже самый опытный человек в части охотничьего промысла воздерживается прямо сказать о медведе, а использует в речи эвфемизм. Отсюда видно уважительное отношение тувинского охотника к объекту охоты.

В рассказе «Баштайгы олчам» («Моя первая добыча») из цикла рассказов К.-Э. Кудажи в цикле рассказов «Таңды кежи» («Таежные дары») повествуется о мальчике, который в первый раз с помощью силка смог поймать свою первую добычу:

Капканы салырын салып кааш, эртен кезерин уттуп алган мен. Ындыг аңчы канчап турар боор. Ам бодап көөрүмге, чөгөнчиг-ле турган-дыр мен.

Мал-маганны одарже үндүрүпкен соонда, авам мырыңай дүшүте барбага харлап чорааш алгыра берди:

— Оглум, Кызыл! Дуу хая баарында бир куш ужуп чадап турар кандаай чүвөл?

Дүүнгү какпамны сакты хонуп келгеш, дөштү өрү ужа-тура маңнап-ла үндүм. Көк суг дүштүм, хөрээм ханзып чор. Чүү деп чоор ол, чүзү-кандыызы, чалгынныг кужу-даа хамаан эвес, баштайгы олчам ышкажыл!³

‘Поставив капкан, на завтрашний день забыл их проверять (обходить). Какой с меня охотник может вырости. Вот теперь думаю, никчемный был я тогда человек.

После того, как вывела скот на пастбище и собирала снег в тару, мама кричала [мне]:

— Сынок, Кызыл! Почему перед той скалой не может взлететь птица?

Я вспомнил свой вчерашний капкан, падая и вставая, побежал вверх по подъему. Насквозь промок, ощущая запах крови в груди. Кто же это, кто попал в мой капкан, пусть даже он будет птицей, как никак это моя первая добыча!’⁴

В жизни каждого начинающего охотника *эң баштайгы олчазы* ‘самая первая добыча’ выступает как символ независимости и самостоятельности, поскольку охотник сам может себя обеспечить пищей. В данном отрывке мальчик радуется своей добыче, не зная даже кто попался в капкан.

Один из основоположников и классиков тувинской литературы, народный писатель Тувы С. А. Сарыг-оол, родом из знаменитого с. Дус-Даг Овюрского кожууна, в 1942 г. написал на военную тему повесть «Белек» («Подарок»). Будучи носителем центрального диалекта, автор написал ее на уникальном диалекте тувинцев-тоджинцев. Для воспроизведения самобытности и местного колорита, писателем использовано много слов и оборотов из народной разговорной речи таежных тоджинцев. Часть из них неизвестны даже жителям речного говора тоджинского диалекта тувинского языка⁵, не говоря уже о носителях из других диалектов. Все это подтверждает мысль о самобытности языка автора.

В повести рассказывается о жизни и быте обычной семьи оленеводов, о промысловой охоте и красоте природы. Вся семья, начиная от бабушки и заканчивая семилетним сыном, занимается охотой в далекой труднодоступной живописной тайге Тоджинского кожууна. В центре повествования — охотница Илдирмаа. Она проводит много дней и ночей одна в глухой тайге, встречается на своем пути много преград. Вернувшись к себе на стойбище, она всю свою добычу отправляет на фронт. Ее сын семилетний Адыгжы, следуя примеру матери, также решает отдать свою первую добычу командиру Красной Армии:

¹Мендуме М. К. Тайганың ээзи [Хозяин тайги]. Рассказы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1965. С. 12. (На тув. яз.).

²Перевод выполнен авторами статьи. — *Авт.*

³Кудажи К.-Э. К. Таңды кежи [Таежные дары]. Рассказы. Кызыл, 1984. С. 7.

⁴Перевод выполнен авторами статьи. — *Авт.*

⁵Чадамба З. Б. Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 1974. С. 17.

Мен дилгим кежи-биле Кызыл Шеригниң улуг командиринге... демги ол кижиге тудуп чиир бачыттарның бажын орта согар... кончуг эзир дег ужар-хеме сатчып бээр мен – деп, Адыгжы эрни сүүрере берген, улусту долгандыр коргуткан чүве дег холу-биле имнеп туруп чугаалаан¹.

‘Этой лисьей шкурой я помогаю старшему командиру Красной Армии... купить самолёт, который, как грозный орел, будет бить по головам этих грешников, пожирающих людей – сквозь губы проговорил Адыгжы, взмахивая руками и как будто приводит в трепет окружающих’².

Из примера видно, что даже маленький охотник ради победы Красной Армии готов пожертвовать своей первой добычей. В основе поступка маленького героя лежит традиция тувинского народа *олча-ны үлежири*³ ‘делиться добычей’ с другими.

С. А. Сарыг-оол в своем романе-дилогии «Аңгыр-оолдун тоожузу» (‘Повесть о светлом мальчике’), называемой «энциклопедией тувинской жизни»⁴, описывает быт маленького героя Аңгыр-оола на мелких зверей, в том числе и рыб.

Вот один из эпизодов, где сам герой подробно описывает момент ловли рыбы:

Ары-Амырактың чамдык хемнеринде ногаан-өле, кызыл-сарала болгаш мөген-кара кадыргылар бар. Олар ээремге чемнеп азы улуг ос алдынга доктаап, чакпа чайып турда, чаражын чүү дээр ону, көрүп мага ханмас сен! Чай шагда мээң бир дөскөл чок кылыр ажылым — балыктаары. Кармаам-даа чок. Чүгле хыл дузактарым бар. Мээң хах чүвүрүм инчинге, бети дизе-ле, беш дузак ыяавыла чоруур.

Балыктаар дээш улуг-бичии хемнер кыдыы эдерип, эриктерден ээремнер хараар. Хемнер, суглар унун, моондактар тырылган хос озаңнар алды бакылаар, шала бичежек адырык дамырак, бугалар уннарынга болза элдер, чавыттар алдыңче холду суп алгааш, манаар. Кадыргы шимчеш дээрге-ле, бүткүр бодум чымырткайнып, чүрээм согары безин бир янзы өскерли бээр. Кандыг-ла-бир тода чугаалаттынмас таалап ханар, көрүп-ле туруксаам келир хандыкшылым бар⁵.

‘В некоторых реках местечки Ары-Амырак водятся великое множество рыбы: зеленоватые, красноватые, желтоватые и черные хариусы. Они, когда кормятся в омуте или плескаются под обрывом, очень красиво смотрятся, невозможно оторвать глаз от них. В летнее время мое шаловливое занятие – рыбалка. У меня нет даже удочки. Есть только петли из конского волоса. Но довольно часто на ремешке моих брюк из выделанной тонкой козьей кожи висело по пять-шесть силов для ловли рыбы. Выручала меня собственные ловкие руки, сноровка и терпение.

Прежде чем начать рыбалку, я внимательно изучал, где может кормиться рыба — все углубления и ямы в русле реки. Если берег был отвесный и невысокий, я ложился и, опустив в воду руки, ждал. Только замечу движение хариуса — весь напрягусь, сердце заколотится в груди, а кровь прихлынет к лицу... Следя за рыбками, я уносился мечтами куда-то далеко, в иной, прекрасный, неведомый мир...’⁶

Приведенный пример показывает умения и навыки маленького рыболова, «рисует» красоту подводного мира, главный акцент при этом делает на цветовую гамму рыб (зеленоватые, красноватые, желтоватые и черные хариусы) и на их месторасположение.

В этом отрывке использовано несколько художественных образов. Автор описывает конкретные действия и места, чтобы помочь читателю визуализировать сцену. Он упоминает «углубления и ямы в русле реки», а также «отвесный и невысокий берег». Это помогает создать яркий и живой образ, описываемой сцены. Чтобы описать свои чувства во время рыбалки автор использует метафору «сердце заколотится в груди, а кровь прихлынет к лицу», которое помогает читателю понять, насколько волнующим и захватывающим может быть это занятие. Использование метафоры «я уносился мечтами куда-то далеко, в иной, прекрасный, неведомый мир» показывает, как автор через рыбалку погружается в свои мысли и мечты, открывая для себя новые горизонты.

¹ Сарыг-оол С. А. Чогаалдар чыындызы [Собрание сочинений]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1988. С. 430. (На тув. яз.).

² Перевод выполнен авторами статьи. — *Авт.*

³ Монгуш Ш. В. Лексико-фразеологическое поле аңнаашкын ‘охота’ в тувинском языке: лингвокультурологическая интерпретация: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2024. С. 84.

⁴ Калзан А. К. Восхождение к высотам // Улуг-Хем. 1969. № 10. С. 191–196.

⁵ Сарыг-оол С. А. Аңгыр-оолдун тоожузу [Повесть о светлом мальчике]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2008. С. 292. (На тув. яз.).

⁶ Перевод выполнен авторами статьи. — *Авт.*

В числе художественных произведений особое место занимают сборники рассказов о разных историях и приключениях охотников.

В сборнике рассказов Э. Л. Донгак «Чолдак-Аңчының чугаалары» ('Рассказы охотника Чолдак-Анчы (невысокий охотник)') собраны интересные истории охотников, основной тематикой которых является охрана окружающей среды:

Маңаа, Кара-Хөлге аң-мең чоокка чедир кончуг хэй турду. Мырыңай өдөккө безин кирип келир. Мал-маган-биле таваар одарлап чоруурлар. Сөөлгү үеде кижилер кайы хамаанчок аңнап туруп бээрге, оларның саны эвээжээн. Ынчангаши маңаа чөпишээрел чок аңнаарын хоруп каан¹.

‘Здесь, в Кара-Холе, до недавнего времени зверей было очень много. Даже в пастбище заходили. Спокойно паслись со скотом. В последнее время из-за небрежного отношения людей их количество падает. Поэтому здесь запрещена охота без разрешения’².

Повесть Салчака Тамба «Амыргалаар» отличается философскими идеями и взглядами, в котором прослеживается тесная связь главного героя с природой. Главный герой повести — охотник Сергелең по прозвищу Амыргалаар. Слово *амыргалаар* ‘приманивать дудкой / рожком зверей’ образовано от существительного *амырга / авырга* ‘дудка, рожок (для приманивания маралов)’ путем присоединения к его основе словообразовательного аффикса *-ла*³.

Мудрый и опытный охотник Амыргалаар проявляет глубокую заботу о природе и ее обитателях. Он стремится сохранить гармонию с окружающей средой, его любовь к флоре и фауне проявляется в каждом его действии. Окружающие его любят и уважают, высоко ценят его знания и опыт. Иногда, когда приходит время решать какой-то серьезный вопрос, молодые охотники обычно сидят в тишине, ожидая, пока старший охотник Амыргалаар не выскажет свою точку зрения, это подтверждается следующим предложением:

Баштың аңчыны аажок хүндүлээр бис, ынчангаши-ла боор, «мен» дээр кижии чок, ыржым апарган болгаши, чүглө суугуда от хүүгейндир хып чыткан⁴.

‘Мы очень уважаем старшего охотника, поэтому никто не осмелился сказать «я [пойду]», наступила тишина, и только в печи шумно горел огонь’⁵.

Амыргалаар время от времени дает наставления молодым охотникам:

Аңны чүглө адып билир эвес, ажаап, өстүрүп база билир болдур ийин, Коля! — деп, Амыргалаар өөреникчизинге «тайга номуңу» эгелерин угаадып чораан⁶.

‘Зверя не только нужно уметь убивать, но и важно уметь ухаживать за ними и способствовать их росту, Коля! — Амыргалаар наставлял своему ученику главы «таежной книги»’⁷.

В повести выделяется мысль, что знания и навыки опытного охотника, зафиксированные в *тайга ному* ‘книге тайги’ являются «путеводителем по тайге», ценным источником знаний для молодого поколения. Это подчеркивает важность передачи традиционных знаний и навыков от одного поколения к другому, сохраняя и бережно передавая мудрость и опыт предков.

Произведение также отражает важность уважения к наставникам и традициям охоты, подчеркивая их значимость в командной работе. Старший охотник делится своим богатым опытом, а молодые охотники ожидают его указаний, следуя установленной иерархии:

Боолаар чүве болза, мырыңай бо, оларның олурарының эптииш канчаар! Ынчалза-даа Коля улуг аңчының командалы чокка боо чаза тутпас⁸.

¹ Донгак Э. Л. Чолдак-Аңчының чугаалары [Рассказы охотника Чолдак-Анчы]. Рассказы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1982. С. 12. (На тув. яз.).

² Перевод выполнен авторами статьи. — *Авт.*

³ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 33.

⁴ Тамба С. О. Амыргалаар. Повесть и рассказы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2008. С. 15.

⁵ Перевод выполнен авторами статьи. — *Авт.*

⁶ Там же. С. 127.

⁷ Перевод выполнен авторами статьи. — *Авт.*

⁸ Там же. С. 134.

‘Вот они на совсем близком расстоянии, как они удобно расположились, надо только выстрелить! Однако Коля, соблюдая охотничью иерархию, не может и не имеет права стрелять без команды старшего охотника’¹.

В целом, центральной идеей повести «Амыргалаар» является необходимость сохранения дикой природы и передача этих ценностей молодому поколению. Автор подчеркивает важность гармонии с природой и уважительного отношения к животному миру. Это отражается в образах и поступках героев, которые демонстрируют уважение к животным и понимание их роли в экосистеме. В повести также прослеживается идея о необходимости обучения молодого поколения этикету охоты и важности сохранения биоразнообразия для будущих поколений.

В тувинской литературе есть также произведения, где повествуется об охотниках-любителях, для которых тайга — это место для уединения, где можно не только прогуляться и отдохнуть, но и насладиться красотой природы. Эта тема раскрывается в повести Салима Сурун-оола «Ак-Төш» («Ак-Тош»). Приведем отрывок из нее:

Мооң мурнуу чарында тайга чораан кижиги мен. Үш борбак дииң эккелген мен. Ону боду билир кижиги. Ынчалза-даа кижим кыңчыктырар боор бе. “Куруг-иштиң хамаан бе. Агаарлап-даа алгай-ла. Дүрген кеттин. Черге чырыкта чедип аар-дыр”² диди.

‘Не так давно я был в тайге. Принес всего лишь три белки. Он сам знает об этом, но все равно настаивал: “Неважно, вернемся ли мы с добычей или без нее. Можем просто отправиться на прогулку. Давай одевайся побыстрее. Нужно добраться до нужного места пока светло”³.

Из приведенных выше примеров произведений тувинских писателей можно сделать вывод, что охота в тувинской литературе занимает особое место. Через охоту художники слова передают свою любовь к родной земле, уважение к традициям и обычаям предков, а также бережное отношение к окружающей среде. В рассматриваемых произведениях видим не только описание процесса охоты, но и философские размышления о жизни, смерти и месте человека в бескрайнем мире.

Заключение

Мы показали, что тема охоты занимает особое место и в самой деятельности тувинцев, и в их фольклоре, в литературе. Более того, она породила и особые жанры, разнообразие литературных произведений.

Упоминания охоты, благопожелания, связанные с охотой, подразделяются на разные виды, такие как до охоты и после нее. Каждая из них имеет свои особенности и значение. До охоты традиционно охотники пожелают удачу, отличного выстрела, благоприятной погоды, а после охоты принято благодарить «хозяина тайги» за полученный дар.

В тувинской литературе охота представляет собой многогранный объект, который позволяет глубже понять не только культурные особенности народа, но и общечеловеческие ценности, такие как уважение к природе и гармония с окружающим миром. Тувинские писатели мастерски изображают охоту, передавая её детали конкретно и красочно, используя живые образы и выразительные описания. Их произведения изобилуют примерами увлекательных приключений охотников. Главными героями охотничьих рассказов тувинских писателей становятся как опытные охотники, мудрые наставники, так и совсем юные охотники. Их отношения показаны через наставления, поучения.

В целом, охота как отдельная тема в тувинской культуре еще ждет дальнейшего расширенного анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айыжы, Е. В., Монгуш, А. М. (2020) Охотничьи традиции тувинцев: этнографический аспект // Oriental Studies. № 5. Т. 13. С. 1359–1370. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-51-5-1359-1370>

Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М. : Издательство восточной литературы. 217 с.

¹ Перевод выполнен авторами статьи. — Авт.

² Сурун-оол С. С. Ак-Төш. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1991. С. 3. (На тув. яз.).

³ Перевод выполнен авторами статьи. — Авт.

- Вайнштейн, С. И. (1972) Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М. : Наука. 316 с.
- Вайнштейн, С. И. (1991) Мир кочевников Центра Азии. М. : Наука. 226 с.
- Даржа, В. К. (2009) Традиционные мужские занятия тувинцев. Т. 1: Хозяйство. Охота. Рыбалка. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 590 с.
- Катанов, Н. Ф. (1903) Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань : Типо-лит. Имп. Казанского ун-та. 775 с.
- Кон, Ф. Я. (1936) За пятьдесят лет. 2-е изд. / отв. ред. М. Чечановский. М. : Советский писатель. Т. 3–4. 356 с.
- Кормушин, И. В., Ооржак, А. Ч. (2024) О названиях охотничьих мешков в тувинском языке и его диалектах // Родные языки и культуры в современном изменяющемся мире. № 3. С. 10–18.
- Куулар, Е. М. (2016) Лексика традиционных орудий и способов ловли в диалектах тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12 (66). С. 125–127.
- Куулар, Е. М. (2018) Эвфемизмы в охотничье-рыболовной лексике тувинского языка // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 26. С. 49–51.
- Ломакина, О. В. (2022) Примета как текст культуры в свете изучения языков народов России // Вестник Челябинского государственного университета. № 9 (467). С. 133–140.
- Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 401 с.
- Радлов, В. В. (1861) Образцы народной литературы тюркских племен. СПб. : Академия наук. 419 с.
- Салчак, В. С., Монгуш, Б. Б., Баярсайхан, Б. (2010) Тываларның аңныр ажыл-агыйының дугайында чамдык медээлер [Некоторые сведения об охотничьем хозяйстве тувинцев]. Кызыл : Типография КЦО «Аныяк». 80 с. (На тув. яз.).
- Сат, Ш. Ч. (1981) Табу и эвфемизмы в тувинском языке // Советская тюркология. № 5. С. 42–45.
- Сувандии, Н. Д. (2013) Охотничья лексика в тоджинском диалекте тувинского языка // Новые исследования Тувы. №1. С. 72–79.
- Сувандии, Н. Д. (2016a) Табу и эвфемизмы в охотничьей лексике тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5–2 (59). 2016. С. 81–36.
- Сувандии, Н. Д. (2016b) Обычаи и традиции в охотничьей лексике тувинцев // Казанская наука. № 9. С. 68–71.
- Сувандии, Н. Д., Куулар, Е. М. (2015) Охотничья лексика в тувинском языке и его диалектах // Казанская наука. № 11. С. 191–193.
- Чадамба, З. Б. (1974) Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 136 с.
- Юша, Ж. М. (2007) Роль словесных компонентов охотничьих в обрядах тувинцев // Ученые записки / ТИГПИ. Кемерово : Кемеровский государственный институт культуры. Вып. XXI. 408 с. С. 163–173.

Дата поступления: 20.04.2025 г.

Дата принятия: 20.05.2025 г.

REFERENCES

- Ayzhi, E. V., Mongush, A. M. (2020) Hunting traditions of the Tuvans: an ethnographic aspect. *Oriental Studies*, vol. 13, no. 5, pp. 1359–1370. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-51-5-1359-1370>
- Vainshtein, S. I. (1961) *The Tuvans of Todzha: Historical-ethnographic essays*. Moscow, Izdatelstvo vostochnoi literatury. 217 p. (In Russ.)
- Vainshtein, S. I. (1972) *Historical ethnography of the Tuvans: Problems of nomadic economy*. Moscow, Nauka. 316 p. (In Russ.)
- Vainshtein, S. I. (1991) *The world of nomads of Central Asia*. Moscow, Nauka. 226 p. (In Russ.)
- Darzha, V. K. (2009) *Traditional male occupations of the Tuvans*. Vol. 1: *Economy. Hunting. Fishing*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 590 p. (In Russ.)
- Katanov, N. F. (1903) *A study of the Uryankhai language with an indication of its main relationships to other Turkic languages*. Kazan: Tipo-lit. Imperatorskogo Kazanskogo universiteta. 775 p. (In Russ.)
- Kon, F. Ya. (1936) *Fifty years*. 2nd ed. / ed. by M. Chechanovsky. Moscow, Sovetskii pisatel'. Vols. 3–4. 356 p. (In Russ.)
- Kormushin, I. V. and Oorzhak, A. Ch. (2024) On the names of hunting bags in the Tuvan language and its dialects. *Rodnye yazyki i kultury v sovremennom izmenyayushchemsya mire*, no. 3, pp. 10–18. (In Russ.)

- Kuular, E. M. (2016) The lexicon of traditional tools and methods of trapping in the dialects of the Tuvan language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12(66), pp. 125–127. (In Russ.)
- Kuular, E. M. (2018) Euphemisms in the hunting and fishing lexicon of the Tuvan language. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova*, no. 26, pp. 49–51. (In Russ.)
- Lomakina, O.V. (2022) Omen as text of culture in the study of the languages of the peoples of Russia. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 9 (467), pp. 133–140. (In Russ.)
- Potapov, L. P. (1969) *Sketches on the folk life of the Tuvans*. Moscow, Nauka. 401 p. (In Russ.)
- Radlov, V. V. (1861) *Samples of Turkic folk literature*. St. Petersburg: Akademiya nauk. 419 p. (In Russ.)
- Salchak, V. S., Mongush, B. B. and Bayarsaikhan, B. (2010) *Some information about the hunting economy of the Tuvans*. Kyzyl, Tipographiya KTSO "Anyak". 80 p. (In Tuvan).
- Sat, Sh. Ch. (1981) Taboos and euphemisms in the Tuvan language. *Sovetskaya tyurkologiya*, no. 5, pp. 42–45. (In Russ.)
- Suvandii, N. D. (2013) Hunting lexicon in the Tojin dialect of the Tuvan language. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 72–79. (In Russ.)
- Suvandii, N. D. (2016a) Taboos and euphemisms in the hunting lexicon of the Tuvan language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 5–2(59), pp. 81–36. (In Russ.)
- Suvandii, N. D. (2016b) Customs and traditions in the hunting lexicon of the Tuvans. *Kazanskaya nauka*, no. 9, pp. 68–71. (In Russ.)
- Suvandii, N. D. and Kuular, E. M. (2015) Hunting lexicon in the Tuvan language and its dialects. *Kazanskaya nauka*, no. 11, pp. 191–193. (In Russ.)
- Chadamba, Z. B. (1974) *The Tojin dialect of the Tuvan language*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 136 p. (In Russ.)
- Yusha, Zh. M. (2007) The role of verbal hunting components in the rituals of the Tuvans. *Uchyonye zapiski / TIGPI*. Kemerovo, Kemerovskij gosudarstvennyj institut kultury. Vol. XXI. 408 p. Pp. 163–173. (In Russ.)

Submission date: 20.04.2025.

Acceptance date: 20.05.2025.

Источники создания комического эффекта в казахстанской и тувинской литературе

Гульжан А. Унасбаева, Русланбек У. Шанаев

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

В статье представлен анализ различных источников создания комического эффекта в казахстанской и тувинской литературе. Источниками исследования выступили произведения современных казахстанских писателей А. Арцишевского, С. Муминова и тувинского автора В. Монгуша.

Определено, что комическое в казахстанской и тувинской литературе выражает мировоззренческую и морально-нравственную направленность произведений, способствует созданию образов литературных персонажей, характеризуя их речь и поведение в определенной ситуации. Оно реализуется в одной из форм — сатире или юморе в зависимости от степени отклонения от социально приемлемой нормы поведения и образа мысли. Сатира — это жесткое неодобрение автором поведения или образа мыслей персонажа. Юмор — это добродушное осмеивание автором незначительных отступлений от общественной морально-нравственной нормы.

Анализ произведений показал, что комическое организовано в казахстанской и тувинской прозе различным образом. Комедийный характер может выступать в качестве основного источника создания комического эффекта. Сюжетный комизм может изображаться писателями как основной источник создания комического эффекта. Авторы применяют различные языковые средства как основной источник создания комического эффекта. Однако наличие основного источника создания в произведении не исключает использование других источников создания комического эффекта.

Сравнительный анализ показал, что комическое эволюционирует от реализма к постмодернизму, используется для создания игровой атмосферы.

Ключевые слова: комическое; смех; сатира; юмор; тувинская литература; казахстанская литература

Для цитирования:

Унасбаева Г. А., Шанаев Р. У. Источники создания комического эффекта в казахстанской и тувинской литературе // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 69-81. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.5>

Унасбаева Гульжан Алгабековна — докторант кафедры русской филологии и мировой литературы филологического факультета Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Казахстан, 050040, г. Алматы, пр-т Аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: unasbaevagulzan@gmail.com

Шанаев Русланбек Улугбекович — доктор наук (PhD), исполняющий обязанности доцента кафедры русской филологии и мировой литературы филологического факультета Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Казахстан, 050040, г. Алматы, пр-т Аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: rus.shanaeff@gmail.com

UNASBAYEVA, Gulzhan Algabekovna, Doctoral Student, Department of Russian Philology and World Literature, Faculty of Philology, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71 Al-Farabi Ave., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050040. E-mail: unasbaevagulzan@gmail.com

SHANAYEV, Ruslanbek Ulugbekovich, PhD, Acting Associate Professor, Department of Russian Philology and World Literature, Faculty of Philology, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71, Al-Farabi av., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050040. E-mail: rus.shanaeff@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1135-5109

ORCID: 0000-0003-4723-7980

Sources of comic effect creation in Kazakh and Tuvan literature

Gulzhan A. Unasbayeva, Ruslanbek U. Shanaev

Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan

The article presents an analysis of various sources of comic effect in Kazakh and Tuvan literature. The research sources include works by contemporary Kazakh writers A. Artsishevsky and S. Muminov, as well as the Tuvan author V. Mongush.

It has been established that the comic in Kazakh and Tuvan literature conveys the worldview as well as the moral and ethical orientation of literary works, facilitating the construction of literary characters by characterizing their speech and behavior in specific situations. The comic is manifested in one of its forms — satire or humor — depending on the degree of deviation from socially acceptable norms of behavior and thought. Satire constitutes the author's severe disapproval of a character's behavior or mode of thinking. Humor, by contrast, is the author's good-natured ridicule of minor departures from social and moral norms.

An analysis of the works shows that the comic is organized differently in Kazakh and Tuvan prose. Comedy may serve as the primary source of comic effect. Plot-driven comic elements may be depicted by writers as the main source of comic effect. Authors employ various linguistic means as a primary source of comic effect. However, the presence of one principal source in a work does not preclude the use of other sources of the comic.

Comparative analysis demonstrates that the comic evolves from realism to postmodernism and is used to create a playful atmosphere.

Keywords: comic; laughter; satire; humor; Tuvan literature; Kazakh literature

For citation:

Unasbayeva G. A. and Shanaev R. U. Sources of comic effect creation in Kazakh and Tuvan literature. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 69-81. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.5>

Введение

Комическое играет большую роль в художественной литературе. «Комическое (от греч. *komikos* 'веселый, смешной') — одна из основных категорий эстетики, отражающая социально значимые противоречия действительности под углом зрения эмоционально-критического отношения к ним с позиций эстетического идеала»¹. В гуманитарной мысли оно характеризуется как «общественно значимое жизненное противоречие (цели — средствам, формы — содержанию, действия — обстоятельствам, сущности — ее проявлению), которое в искусстве является объектом особой эмоционально насыщенной эстетической критики — осмеяния...»².

Актуальность темы состоит в том, что комическое в современной казахстанской и тувинской прозе в сопоставительном формате практически не было до сих пор изучено. Исследователи национальных литератур основное внимание уделяют изучению мифологических элементов, проблемам типологии,

¹ Эстетика: Словарь / под общ. ред. А. А. Беляева и др. М.: Политиздат, 1989. С. 153.

² Боров Ю. Комическое // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. С. 145.

поэтики, организации сюжета произведений и т. д. Между тем, в стороне остается такой аспект авторской эмоциональности, как комическое. Создается ошибочное впечатление, что национальные литературы являются исключительно серьезными и поучительными. Настало время приступить к последовательному освещению комического в современной художественной литературе. Следует показать разнообразие эмоционального мира национальных литератур, показать их жизнерадостный характер.

Для исследования выбраны казахстанская и тувинская проза, так как это родственные тюркоязычные литературы, долгое время развивавшиеся в составе советской литературы. Оба обстоятельства до сих пор определяют развитие современной казахстанской и тувинской прозы, их типологическое сходство, в том числе в области изображения комического. Например, объект такой формы комизма как сатира в обеих литературах общий — это недостатки и пороки человека, представляющие опасность для общества; объект юмора также общий — это добродушный смех над слабостями и незначительными недостатками, который привносит разнообразие в мир авторских эмоций.

В то же время казахстанская и тувинская литературы развивались в пределах своего локуса, поэтому важно иметь в виду различия подходов их представителей к созданию комизма. Кроме того, важно проследить своеобразие индивидуальных поэтик комизма в произведениях казахстанских и тувинских писателей, которое определяется индивидуальным мировосприятием и литературно-эстетическими представлениями авторов.

Если отдельно в казахстанской и тувинской литературе комическое изучалось, но его сравнительного анализа между ними еще не было.

Цель статьи — определить и проанализировать основные источники создания комического эффекта в произведениях современной казахстанской и тувинской литературы. Задачи: 1) проанализировать комедийный характер как основной источник создания комического эффекта в произведениях современной казахстанской и тувинской литературы; 2) проанализировать сюжетный комизм как основной источник создания комического эффекта в произведениях современной казахстанской и тувинской литературы; 3) исследовать языковые средства как основной источник создания комического эффекта в современной казахстанской и тувинской литературе.

Предметом исследования выбраны литературные произведения современных казахстанских писателей Адольфа Арцишевского¹ и Салахитдина Муминова², тувинского автора Василия Монгуша³: роман А. Арцишевского «Вот кто-то с горочки спустился»⁴, рассказы С. Муминова «Я ненавижу Достоевского», «Дорогая, мне больше не снится Шопенгауэр»⁵, В. Монгуша «Сыновний дар», «Заявление», «Украли колесо», «Кому нужна красота»⁶.

Работы казахстанских авторов написаны и опубликованы на русском языке. Рассказы Василия Монгуша написаны на тувинском языке; в нашей статье они анализируются в переводе на русский язык О. Кодур-оола.

Выбранные авторы являются писателями, в произведениях которых комическое играет большую роль. Они пишут в основном юмористическую или сатирическую прозу. В статье рассматриваются произведения разных эпох — рассказы В. Монгуша написаны в 1980-е годы, роман А. Арцишевского опубликован в 2018 г. и рассказы С. Муминова в 2011 г.

¹ Арцишевский Адольф Альфонсович (1938–2025) — современный казахстанский писатель, автор книг поэзии и прозы. Член Союза писателей, ПЕН-клуба, Союза журналистов, Союза театральных деятелей и Союза кинематографистов Республики Казахстан.

² Муминов Салахитдин Омирдинович (1963 г. р.) — современный казахстанский писатель. Финалист ряда международных литературных конкурсов, в том числе конкурса имени Марка Алданова (США, Нью-Йорк, 2011 г.). Произведения опубликованы в «Литературной газете» (Москва), журналах «Топос», «Наша улица», «День и ночь» (Россия), «Книголюб», «Простор» (Казахстан) и др.

³ Монгуш Василий Бора-Хооевич — тувинский писатель-сатирик, переводчик. Народный писатель Республики Тува. Работал литсотрудником республиканской газеты «Тувинская правда», ответственным секретарем, редактором газеты «Тываның аныяктары».

⁴ Арцишевский А. Вот кто-то с горочки спустился... Народный роман // Простор. 2018. № 9. С. 3–50; Простор. 2018. № 10. С. 69–94.

⁵ Муминов С. Ты беги, беги... Рассказы // День и ночь. 2011. № 7. С. 151–155.

⁶ Монгуш В. Сыновний дар. Заявление. Украли колесо. Кому нужна красота. Доброволец. Сатирические миниатюры // Улуг-Хем. 1982. № 19. С. 157–163. (Перевод с тувинского О. Кодур-оола).

Обзор литературы

История изучения комического восходит к Аристотелю, который в «Поэтике» утверждает, что комедия зародилась благодаря солистам фаллических песен (Аристотель, 1984: 650).

По мысли Л. В. Карасева, наиболее авторитетные концепции комического (Т. Гоббса, И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, Л. Стерна, А. Шопенгауэра, А. Бергсона, З. Фрейда) утверждают, что «... в основе комизма и смеха лежит отклик на какую-то отрицательную ценность» (Карасев, 1989: 48).

Глубоко освещают проблемы комического работы В. Я. Проппа (Пропп, 1976), М. М. Бахтина (Бахтин, 1990), Д. С. Лихачева, А. М. Панченко (Лихачев, Панченко, 1976), Б. Дземидока (Дземидок, 1974), Ю. Б. Борева (Борев, 1970), Л. Н. Столовича (Столович, 1999), Л. В. Карасева (Карасев, 1996).

В современном литературоведении исследуются проблемы изображения комического в английской¹, русской литературе (Заболоцкая, 2022), кабардинской драматургии (Абазов, 2011), удмуртском фольклоре и художественной литературе конца XIX — начала XX в. (Зайцева, Ямаева, 2020).

Приведем конкретные примеры изучения комического в казахстанской и тувинской прозе. В литературоведении представлены работы, решающие проблемы становления жанра сатирического рассказа в тувинской прозе², выявляющие роль одноактных пьес В. Ш. Кок-оола 1930-х гг. в зарождении национальной тувинской драматургии (Херел, 2015). Представляют интерес статьи, раскрывающие способы передачи комического в современном казахстанском романе (Бактыбаева, 2023), особенности комического в рассказах Е. Турсунова (Бактыбаева, Бижанова, 2023).

Таких трудов мало, потому что они являются ценными в рамках нашего интереса.

Изучение творчества В. Монгуша нашло отражение в тувинском литературоведении³. Обзор и характеристика прозы В. Монгуша содержится в книге «Тувинская литература» (Комбу, 2012: 167–168). С. Баир отмечает особенности прозы В. Монгуша в литературоведческом журнале «Улуг-Хем»⁴.

Творчеству С. Муминова посвящена статья о жанровой поэтике его рассказов (Савельева, 2014). А. А. Джундубаева рассмотрела постмодернистский рассказ С. Муминова «Медеи» (Джундубаева, 2015). Исследована роль интернет-изданий в развитии современного казахстанского рассказа, в том числе произведений С. Муминова (Тилеубай, 2023). Осуществлен анализ реалистических рассказов С. Муминова (Тилеубай, Таттимбетова, 2023), охарактеризована семиотика предметов в его рассказах (Тилеубай, Джолдасбекова, Таттимбетова, 2024). Исследовано переплетение идентичностей в рассказах С. Муминова (Серикова, 2025).

Анализ рассказов А. Арцишевского представлен в статье В. В. Савельевой (Савельева, 2015). Исследован образ горы в рассказе А. Арцишевского «Вершина» (Нурмолдаев, Жаксылыков, 2022).

При этом, как уже было сказано, комическое, отраженное в произведениях названных выше писателей, еще не изучалось в сравнительном аспекте.

Методологические основы исследования

Для нашей статьи представляют методологический интерес различные подходы к анализу комического советских литературоведов, философов.

Л. Н. Столович осуществил анализ комического как философской категории (Столович, 1999). В трудах М. М. Бахтина, Д. С. Лихачева и А. М. Панченко найдено изучение фольклорной комика эпох, ушедших в далекое прошлое. Исследования названных ученых носят в основном культурологический характер. Идея книги М. М. Бахтина, представившего убедительный анализ комического в творчестве Рабле, состоит в том, что в эпоху средневековья и Возрождения «... необозримый мир смеховых форм и проявлений противостоял официальной и серьезной (по своему тону) культуре церковного и феодального средневековья» (Бахтин, 1990: 8). Д. С. Лихачев и А. М. Панченко изучили отражение фольклорного смеха в древнерусской литературе (Лихачев, Панченко, 1976).

¹Телятникова О. Н. Языковые средства выражения комической модальности (на материале произведений английской художественной литературы XVIII–XXI веков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2010.

²Кужугет Ш. Ю. Становление жанра сатирического рассказа в тувинской прозе // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4 (71). С. 448–451.

³Там же.

⁴Баир С. Трудно ли быть юмористом: О книге В. Монгуша «Дева с характером» // Улуг-Хем. 1979. № 17. С. 265–267.

Особый научный интерес для нашего исследования представляют работы Ю. Б. Борева и В. Я. Проппа (Борев, 1970; Пропп, 1976), в которых предлагаются классификации источников создания комического эффекта, применимые для анализа смешного в современной художественной литературе.

Ю. Б. Борев выделил ряд источников создания комического эффекта: комедийный характер, обстоятельство, деталь, сатирическое преувеличение, пародирование, окарикатуривание, гротеск, овеЩествление, оживотнивание, языковые средства и др. (Борев, 1970).

В. Я. Пропп рассмотрел источники создания комического эффекта: физическое существо человека, комизм сходства, комизм отличий, человек в обличье животного, сравнение человека с вещью, осмеяние профессий, комическое преувеличение, посрамление воли, одурачивание, алогизмы, ложь, языковые средства комизма, комические характеры, один в роли другого, много шума из ничего (Пропп, 1976).

Мы рассматриваем посрамление воли, один в роли другого, много шума из ничего (из классификации В. Я. Проппа) и комедийные обстоятельства (из классификации Ю. Б. Борева) как проявления сюжетного комизма, так как перечисленные источники создают комический эффект в пределах определенных эпизодов произведения. Выражением «сюжетный комизм» будем пользоваться для анализа перечисленных выше источников создания комического эффекта.

Комическое реализуется в двух основных формах — сатире и юморе. «Отношение юмора к сатире определяется уже тем, что источником сатирического смеха служат пороки, недостатки как таковые, а юмор исходит из той истины, что наши недостатки и слабости — это чаще всего продолжение, утрировка или изнанка наших же достоинств»¹.

Для раскрытия темы нашей статьи применены методы: поэтико-структурный, типологический, сравнительный. Поэтико-структурный метод позволил выявить и проанализировать источники создания комического эффекта в произведениях указанных выше авторов. С помощью типологического метода определено сходство комического в произведениях казахстанской и тувинской прозы. Сравнительный метод способствовал выявлению различия подходов авторов к отражению комического.

Комедийные характеры

Комедийный характер — один из основных источников создания комического эффекта в художественной литературе. Комедийным характером могут быть наделены литературные персонажи, которые являются основным уровнем художественного мира произведения. Комедийные характеры — носители различных недостатков. Комическое, например, высмеивает жадных, невежественных, примитивных и других людей.

Роман Адольфа Арцишевского «Вот кто-то с горочки спустился» отражает реалии поздней советской действительности. В романе нарисованы комедийные характеры как основные источники создания комического эффекта.

В произведении фигурируют любвеобильный главный герой, два его сына — алкоголики и скандалисты. Действие романа происходит на закате советской эпохи. Главный герой — умирающий старик Николай Богатырев. Два его сына, старший Валентин, младший Валерий, живут с отцом в одной из квартир крупнопанельного дома. Все трое алкоголики, сыновья не работают. «Всю сознательную жизнь Валентин был в бегах, его жена алиментами задолбала»². «Валера тоже был в бегах, но свой искуС в жизни имел — он бегал от работы. То есть работу он всё время искал, но такую, чтобы на ней числиться и ничего не делать»³.

Персонажи характеризуются посредством общественно неприемлемого и осуждаемого поведения. Они постоянно попадают в комические ситуации. Братья дерутся друг с другом, устраивают скандалы. Сам старик Богатырев в былые времена вступал во временные отношения с женщинами, которых впоследствии бросал. Старший Богатырев и его жена не занимались воспитанием своих сыновей. Любовные похождения Николая Богатырева, праздный образ жизни и алкоголизм его сыновей стали предметом авторского осмеяния. По сути, отец и сыновья Богатыревы являются паразитами. Но

¹ Пинский Л. Е. Юмор // Литературный энциклопедический словарь / под общей ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 522.

² Арцишевский А. Вот кто-то с горочки спустился... Народный роман // Простор. 2018. № 9. С. 3.

³ Там же. С. 4.

смерть Николая Богатырева заставила его сыновей задуматься о своей жизни. Автор уверен, что духовное возрождение его персонажей возможно. В этой связи в романе возникает драматическая тональность. Комизм и драматизм образуют объемный разнородный художественный мир произведения Арцишевского.

В финале романа во время похорон Николая Богатырева возникает драматизм ощущения реальности как источника жизни и смерти. Комизм соседствует с драматизмом.

В рассказах Василия Монгуша «Заявление» и «Украли колесо» также изображены комедийные характеры как основные источники создания комического эффекта. Действие рассказов происходит в советское время.

В рассказе «Заявление» комичность персонажа обозначена в начале рассказа. По мере развития сюжета комизм характера главного персонажа последовательно дополняется. Главным героем является нерадивый рабочий (бракодел).

Рассказ начинается с диалога рассказчика и его приятеля Хуреш-оола, который интересуется, что надо делать, если директор предприятия станет критиковать за плохую работу. Рассказчик отвечает, что выслушает замечания и постарается исправиться. На что получает совет от Хуреш-оола, который говорит, что надо написать заявление об увольнении с работы. Директор начнет уговаривать забрать заявление и остаться на предприятии. «Цену себе надо знать, браток»¹, — снисходительно со знанием дела поучает Хуреш-оол.

Через неделю директор раскритиковал рассказчика за бракованную продукцию. Рассказчик написал заявление об увольнении и отнес директору. Рассказчик вернулся в цех и продолжил работу. Он работает и ждет, что его вызовет к директору секретарша. Она приходит в цех и просит его зайти к директору. Рассказчик, предвкушая, что директор будет уговаривать его остаться, с важным видом проходит в кабинет. Директор молча протягивает ему заявление с резолюцией: «Просьбу удовлетворить...»².

Так, в финале нарисована сцена посрамления воли (В. Я. Пропп) главного героя, наивный план которого провалился. Попытка манипуляции директором потерпела крах. Эта сцена дополнительно характеризует комедийного персонажа как манипулятора, беззастенчиво решившего использовать терпение директора, чтобы продолжать плохо работать.

Рассказ «Заявление» — это производственный рассказ, в котором автором порицаются нерадивые рабочие. В советской сатире такие персонажи подвергались критике посредством осмеяния, так как нарушали нормы морали социалистического общества.

Другой рассказ В. Монгуша «Украли колесо» является бытовым произведением, рисующим повседневную личную жизнь персонажей. В нем изображены комедийные персонажи, которые наделены юмористически осмысленными характерами.

Главный герой рассказа Самданчап купил новые «Жигули». Он бережет автомобиль и боится, что его украдут. Когда Самданчап и его жена Серенмаа едут в город, то он оставляет ее в автомобиле и идет по магазинам. Жене тоже хочется по магазинам походить. Однажды она заявила это мужу. Но Самданчап возразил ей, что если оставить машину без присмотра, то ее угонят. Жена с ним согласилась.

Во время следующей поездки в город произошло то, чего боялся Самданчап. Пришел он из магазина, жены в машине нет. Не было и переднего колеса. Главный герой обратился за помощью в милицию. В участке ему сообщили, что скоро приведут задержанного вместе с колесом. Дверь открылась и вошла его жена с колесом за плечами. Самданчап бросился к ней, одной рукой обнял ее, а другой колесо. Он спросил у жены, где она нашла украденное колесо:

«— Где бы я его нашла? Сама сняла!

— Сама?! И зачем?!

— Машину угонят — что станем делать?»³

¹ Монгуш В. Сыновний дар. Заявление. Украли колесо. Кому нужна красота. Доброволец. Сатирические миниатюры // Улуг-Хем. 1982. № 19. С. 158.

² Там же. С. 159.

³ Там же. С. 160.

Комедийный финал дополнительно характеризует главного героя и его жену. Финальная развязка вносит завершающий штрих в изначально комедийный образ этих персонажей.

Таким образом, в рассказах В. Монгуша «Заявление», «Украли колесо» комедийный характер персонажей обозначен с начала развития сюжета. Финальная развязка, подтверждая комизм персонажей, является дополнительным источником комизма.

Охарактеризуем сходство подходов указанных выше писателей к воссозданию комедийных характеров. В романе Адольфа Арцишевского «Вот кто-то с горочки спустился» и рассказах В. Монгуша «Заявление» и «Украли колесо» изображены комедийные характеры как основные источники создания комического эффекта.

Определим отличие подходов Адольфа Арцишевского и В. Монгуша к изображению комедийных персонажей. В романе «Вот кто-то с горочки спустился» нет посрамления воли, нет неожиданной комической развязки. Там поставлена другая художественная задача — показать не только деградацию комедийных персонажей, но и пробуждение в них человечности. В финале романа происходит переоценка нравственных ценностей, проводится мысль о необходимости отдать дань уважения покойному, несмотря на его недостатки. Комизм сменяется драматизмом. В рассказах В. Монгуша преследуется другая цель — сатирическая критика нарушения трудовой дисциплины («Заявление»), юмористическое осмеяние мнительности мужа и наивности жены («Украли колесо»). Здесь требуется сюжет, все элементы которого, включая финал, последовательно раскрывают исходно заданный комизм характеров.

Сюжетный комизм

В рассказе Салахитдина Муминова «Дорогая, мне больше не снится Шопенгауэр» нарисован комедийный сюжетный ход — неожиданное вмешательство собаки в жизнь главного героя как основной источник создания комического эффекта.

Главный герой рассказа — пожилой учитель истории Роберт Сергеевич, который живет в городе Б. Автор нарисовал юмористический портрет своего персонажа:

«Взглянув на его потрёпанное суровой жизнью лицо, можно было запросто потерять веру в её добрые намерения. Видимо, Роберт Сергеевич слишком часто смотрел на своё отражение в зеркале, что и сам вконец утратил всякое доверие к жизни. Может быть, поэтому в его глазах застыло выражение пессимизма, не исчезавшее даже тогда, когда он танцевал»¹.

Этот портрет является своего рода экспозицией, в нем отражается пессимизм главного героя как доминанта его характера. Пессимизм главного героя получил подкрепление чтением книги Шопенгуэра «Мир как воля и представление»:

«А однажды утром он озадачил супругу, жизнерадостную женщину с добрыми глазами, словами:

— Дорогая, мне сегодня приснился Шопенгауэр!»².

Утвердившись в идее бессмысленности жизни, Роберт Сергеевич разленился:

«К великому недовольству жены он совсем перестал заниматься домашним хозяйством. На её уговоры выкопать картошку на даче важно отвечал: “В бытии царит пессимизм. Всё тщетно в этом суетном мире!”»³

Жена, не выдержав его жалоб на абсурдное мироустройство, уехала к дочери в соседний город.

В ход жизни главного героя неожиданно вмешивается собака Жучка.

«Роберт Сергеевич как обычно в десять часов вышел из дома и отправился на работу. Вдруг откуда-то ни возьмись выскочила чёрная дворняга и с громким лаем побежала за ним. Он остановился и сказал ей: “Дура!”»⁴.

Жучка погнала его на работу.

¹ Муминов С. Ты беги, беги... Рассказы // День и ночь. 2011. № 7. С. 153.

² Там же. С. 154.

³ Там же.

⁴ Там же.

«Прошло три недели. Жучке, видимо, понравилось преследовать несчастного Роберта Сергеевича. Каждое утро, кроме воскресенья, она поджидала его у дверей подъезда и с задорным лаем гнала к остановке»¹.

Регулярные, «хотя и вынужденные пробежки» главного героя «резко подняли его жизненный тонус»². Все реже он читал Шопенгауэра. Постепенно он перестал говорить о пессимизме. Роберт Сергеевич решил избавиться от книги Шопенгауэра, подарив ее Степану Никаноровичу, учителю физики,

«ходившему с кожаным портфелем и выражением скорбного уныния на лице, которое возникло тридцать лет назад, в тот день, когда он получил свою первую мизерную зарплату. Он любил приговаривать: “Что есть человек? Песчинка... Пылинка...”»³.

Вечером того же дня Роберт Сергеевич позвонил жене и сообщил ей, что ему больше не снится Шопенгауэр. Финал рассказа содержит комическую развязку:

«Сегодня Степан Никанорович жаловался в учительской, что от него ушла жена и утром по пути на работу за ним с лаем бежала чёрная собака и норовила укусить за икры. Увлечённый рассказом он не замечал, что на губах Роберта Сергеевича играла улыбка Джоконды»⁴.

В рассказе изображены основной персонаж, учитель истории Роберт Сергеевич, и его сюжетный дублер учитель физики Степан Никанорович, в жизни которого повторился комический эпизод с вторжением Жучки в его судьбу. В результате происходит усиление комического эффекта.

Таким образом, в рассказе Салахитдина Муминова «Дорогая, мне больше не снится Шопенгауэр» источники комического распределены по всему сюжету. Но финал значительно усиливает комизм сюжета. Без этого финала комизм бы не получил такого значительного усиления, а скорее всего рассказ не состоялся как юмористическое произведение.

В рассказах В. Монгуша «Кому нужна красота» и «Сыновний дар» неожиданный финал является основным источником создания комического эффекта. Основная комедийная нагрузка содержится в финале.

В рассказе «Кому нужна красота» изображены главный герой Даваажап и его жена Рая. Когда жена уехала на курорт, Даваажап по совету соседа сделал ремонт в квартире, чтобы ее порадовать красотой. Когда она вернулась домой, то вопреки ожиданиям мужа рассердилась. Она заявила:

«— Куда я теперь мусор буду девать? В кухне в полу такая удобная щель была, всегда туда заметала... Теперь выносить придется, да? Нашел мне лишнюю работу, да?»⁵.

Рая продолжала возмущаться:

«А новое платье я на что буду покупать? Красоту он навел в квартире... Кому она нужна, красота?»⁶.

В финале рассказа произошла неожиданная комическая развязка — убедительно обнаружился эгоизм, властность, прагматизм и самодурство Раи.

В рассказе «Сыновний дар» повествование ведет рассказчик. Главный герой рассказа — Хомус-оол, который попросил рассказчика, едущего в командировку, заехать к его отцу в Адыр-Кежиг. Рассказчик должен передать его отцу костюм в подарок и письмо. Когда рассказчик приехал к отцу Хомус-оола, старик, у которого слабое зрение, попросил прочитать письмо сына. Сын пишет, что сильно переживает за отца. Завершает Хомус-оол письмо словами, полными заботы об отце:

«С плеч снял свой костюм и отправляю тебе, отец. Обойдусь как-нибудь, лишь бы тебе было хорошо»⁷.

Старик говорит рассказчику:

«Прекрасный у меня сын. Каждому бы такого сына! С плеч костюм снял и отправил старому отцу! Я тут накопил с пенсии немного денег, отвези ему, сынок. Может, ему на костюм хватит?»⁸.

¹ Там же

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Монгуш В. Сыновний дар. Заявление. Украли колесо. Кому нужна красота. Доброволец. Сатирические миниатюры // Улуг-Хем. 1982. № 19. С. 161.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 157.

⁸ Там же. С. 158.

В финале используется неожиданная комическая развязка как главный источник создания комического эффекта — саморазоблачение Хомус-оола. Рассказчик, вернувшись в Кызыл на работу, передает деньги Хомус-оолу. Тот пересчитал отцовские деньги и просит рассказчика:

«Вот что, друг: случится тебе в ту сторону ехать в командировку, предупреди меня. Я старику, пожалуй, еще брюки отправлю... Ну, те, которые уютгом прожег...»¹.

Читателю вдруг становится ясно, что Хомус-оол эксплуатирует отеческую любовь своего отца и уживается у него деньги под видом мнимой сыновней любви. Название рассказа «Сыновний дар» несет в себе иронию. Финальная развязка подтверждает сатирическую направленность характера главного героя. Автор не приемлет подобного потребительского отношения персонажа к отцу.

Таким образом, в рассказах В. Монгуша «Сыновний дар», «Кому нужна красота» только в финале обнаруживается подлинная комедийная суть характера персонажей.

Охарактеризуем сходство подходов С. Муминова и В. Монгуша к воссозданию сюжетного комизма. В рассказе С. Муминова «Дорогая, мне больше не снится Шопенгауэр» и рассказах В. Монгуша «Кому нужна красота» и «Сыновний дар» основным источником комического эффекта выступают комедийные ситуации.

Определим отличие подходов С. Муминова и В. Монгуша к изображению сюжетного комизма. В рассказе С. Муминова «Дорогая, мне больше не снится Шопенгауэр» комедийная ситуация усложняется образом животного (собаки). В произведении неожиданное вмешательство животного комически нарушает привычный образ жизни комедийного персонажа.

В рассказах В. Монгуша «Кому нужна красота» и «Сыновний дар» нарисованы различные комедийные ситуации с участием людей. В. Монгуш создает комический эффект в пределах причинно-следственной связи, которая определяет жизнь персонажей.

Языковые средства

В рассказе Салахитдина Муминова «Я ненавижу Достоевского» использованы языковые средства создания комического эффекта (сравнения, метафоры, олицетворения, алогизм). Текст рассказа изобилует данного рода языковыми средствами.

В рассказе повествуется об одном дне жизни главного героя студента-филолога Сергея, который отправился на прогулку в городской парк. Главный герой не является комедийным персонажем. Основным источником комического являются языковые средства, использованные в портретных описаниях второстепенных персонажей. Во дворе Сергей встретил дворника и соседа Николая Ивановича.

«Дворник дядя Гена в старой шапке-ушанке усердно размахивал метлой. Шапка отличалась необыкновенной преданностью старику, всегда сопровождая его выходы на улицу, гордо устроившись на голове. Шапка была ровесницей пятнадцатилетнего внука дворника и потому изрядно потрепалась. Одно ухо торчало в сторону, что придавало ей сходство с легкомысленным щенком»².

Олицетворение шапки является источником создания юмористического эффекта в приведенном фрагменте.

Сосед Сергея «Николай Иванович, учитель русского языка и литературы с большим стажем, устал за мизерную зарплату втолковывать своим ученикам нравственные идеи классиков, и потому скорбное выражение практически никогда не покидало его лицо. Учитель внимательно наблюдал за работой дворника»³.

В этом фрагменте источником комического выступает авторская характеристика. Здесь указано на депрессивное состояние персонажа как на доминанту его настроения.

Источником создания комического эффекта являются нелепые суждения персонажа.

¹ Там же.

² Муминов С. Ты беги, беги... Рассказы // День и ночь. 2011. № 7. С. 151.

³ Там же.

«— Здравствуйте, Сергей! — торжественно сказал Николай Иванович. — А знаете ли вы, что литература умерла? Вчера по телевизору объявили! Но зато классика жива, — добавил он, радуясь тому, что не останется без куска хлеба, который добывал в поте лица, преподавая классическую литературу.

Дядя Гена перестал мести и ахнул:

— Умерла? Неужель?

Щенок на его голове удивлённо тряхнул ухом.

— Да! Умерла! — с пафосом подтвердил Николай Иванович. Портфель важно качнулся в его руках»¹.

В этом фрагменте использованы для создания комического эффекта алогизм (нелепые суждения о смерти художественной литературы), олицетворение (сравнение шапки со щенком), косвенное уподобление портфеля самодовольному человеку.

Комедийная линия продолжает свое развитие репликой главного героя, который заявил следующее:

«— Жизнь трансформировалась в гигантский роман, а люди превратились в литературных персонажей. Следовательно, литература будет вечной, как и сама жизнь! — предварительно глубоко вдохнув, выпалил Сергей и помчался в сторону парка»².

Далее следует описание реакции соседа и дворника на эту реплику:

«Лицо Николая Ивановича вытянулось, как огурец; бледно-голубые глаза часто-часто замигали; густые брови вопросительными знаками сошлись на переносице. Щенок впал в глубокую задумчивость, передав своё эмоциональное состояние метле, которая безвольно упала на землю и лежала в праздном недоумении»³.

В данном фрагменте автор использовал сравнение человека с предметом (с огурцом), метафору (брови вопросительными знаками сошлись на переносице), олицетворение (шапка дворника сравнивается с удивленным щенком, метла — с лежавшим праздным человеком) для юмористического описания состояния учителя литературы и дворника, потрясенных репликой Сергея.

В парке у Сергея произошла дискуссия с незнакомцем. В финале рассказа нарисована юмористическая развязка. Неожиданно выясняется, что главный герой вел спор об отношении к Достоевскому с городским сумасшедшим. Их разговор прервала старушка.

«— Митя, Митенька, сыночек! — кричала маленькая старушка, торопливо направляясь к скамейке. — Вот ты где. А я ищу тебя по всему парку. Митя, домой!»⁴;

«— А вы предприниматель? — спросил Сергей. — Так яростно вы защищали Лужина.

— Был, был предпринимателем, — отвечала старушка. — Но сгорел его книжный магазин. А теперь Митенька денно и ночью читает книжки. Пойдём, Митенька.

Она взяла сына за руку и повела за собой к выходу. Митя то и дело оглядывался, а потом остановился и крикнул:

— Пожалуйста, передайте привет Сонечке Мармеладовой! И Алёше Карамазову тоже!»⁵

В рассказе С. Муминова «Я ненавижу Достоевского» языковые средства комизма играют важную роль в создании комического эффекта. Они выступают как основной источник комизма. Языковые средства, распределенные по всему тексту, определяют развитие комедийного сюжета в рассказе. Неожиданный финал можно рассматривать как дополнительный фактор, усиливающий юмористический эффект.

В романе Адольфа Арцишевского «Вот кто-то с горочки спустился» языковые средства комизма в основном используются в монологах и диалогах персонажей. В романе задействован речевой комизм, который дополнительно характеризует комедийных персонажей. Сыновья не ладят между собой. В ход идут оскорбления и кулаки. Братья для оскорбления используют сатирическое уподобление животным.

¹ Там же. С. 152.

² Муминов С. Ты беги, беги... Рассказы // День и ночь. 2011. № 7. С. 152.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 153.

⁵ Там же.

- «— Собака ты, Валя.
— Кобель, что ли? Так я с бабьём не путаюсь.
— Ну и дурак. Собака вдвойне»¹.

Старший брат иронизирует, называя брата именами выдающихся личностей. Это комическое уподобление алкоголика историческим деятелям.

«— Правдолюбец нашёлся. Протопоп Аввакум незапятнанный. Савонарола наш громopodobный. Жанна д'Арк неподкупная...»².

Соседка Ильинична иронично сравнивает братьев с жеребцами и сказочным персонажем. «Они вон какие два жеребца говорливые», «эти два, как Змеи Горынычи, взмоют в поднебесье и словами теми, как кирпичами, друг друга охаживают»³.

Таким образом, в романе Арцишевского языковые средства не являются основным источником создания комического эффекта, который продуцируется главным образом системой комедийных персонажей (их поведением, поступками). В рассказах В. Монгуша практически не используются языковые средства создания комического эффекта.

Проанализируем сходство подходов А. Арцишевского и С. Муминова к использованию языковых средств комизма. Языковые средства в рассказе С. Муминова «Я ненавижу Достоевского» и романе Адольфа Арцишевского «Вот кто-то с горочки спустился» рисуют в комическом свете персонажей.

Выявим отличие подходов А. Арцишевского и С. Муминова к применению языковых средств комизма. В рассказе Салахитдина Муминова «Я ненавижу Достоевского» используются языковые средства преимущественно для создания комически окрашенных портретных описаний персонажей. В романе Адольфа Арцишевского «Вот кто-то с горочки спустился» используются языковые средства в основном для речевой характеристики персонажей, обнаруживая их мысли, намерения, чувства.

Заключение

Комическое в рассказах В. Монгуша, написанных в 1980-е гг., произведениях А. Арцишевского и С. Муминова, созданных в XXI в., служит одной цели — отражает морально-нравственную направленность комического, вносит разнообразие в эмоциональный мир художественных текстов.

Комическое в рассказах В. Монгуша изображено в рамках реализма. Оно развивается в условиях бытового сюжета, отражает повседневную жизнь персонажей, осуждает нарушение морально-нравственных правил и установок, принятых в социалистическом обществе.

В романе А. Арцишевского комическое воссоздано в реалистических формах. Объемный характер романа определил синтез комизма и драматизма. Комическому не присущ инвективный характер. Эмоциональный мир этого произведения носит более сложный характер, чем в рассказах В. Монгуша и С. Муминова.

Рассказы С. Муминова не являются строго реалистическими, так как в них выражены признаки литературы постмодернизма. Комическое используется автором для игры смыслами. Для этого С. Муминов включает в тексты рассказов цитаты, образы писателей и философов и т. п. Автор не осуждает персонажей, поэтому комическое выражается в форме добродушного юмора. Кроме того, в его рассказах нет жесткой причинно-следственной связи, характерной для реалистических произведений В. Монгуша и А. Арцишевского.

Таким образом, сравнительный анализ комического в тувинской и казахстанской прозе показал, что оно эволюционирует от реализма к постмодернизму. Так, оно лишается инвективной направленности, не привлекается для иллюстрации идеологических установок, используется для создания игровой атмосферы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов, А. Ч. (2011) О поэтике комических жанров в кабардинской драматургии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 2 (9). С. 12–14.

¹ Арцишевский А. Вот кто-то с горочки спустился... Народный роман // Простор. 2018. № 9. С. 3.

² Там же. С. 5.

³ Там же. С. 8.

- Аристотель (1984) Поэтика. Сочинения : в 4-х т. М. : Мысль. Т. 4. 830 с.
- Бактыбаева, А. Т. (2023) Способы передачи комического в современном казахстанском романе (на примере произведения Д. Сатпаева и Е. Жумагулова «Легенда о NOMENCLATURE») // Мир русскоговорящих стран. № 3 (17). С. 115–127.
- Бактыбаева, А. Т., Бижанова, А. А. (2023) Специфика комического в современной прозе Казахстана (на примере цикла рассказов Е. Турсунова) // Научный диалог. Т. 12. № 5. С. 250–268. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-5-250-268>
- Бахтин, М. М. (1990) Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Художественная литература. 543 с.
- Борев, Ю. (1970) Комическое. М. : Искусство. 270 с.
- Джундубаева, А. А. (2015) Обращение к мифу в современном казахстанском рассказе как постмодернистская стратегия наррации // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия «Филологические науки». № 2 (52). С. 123–126.
- Дземидок, Б. (1974) О комическом. М. : Прогресс. 224 с.
- Заболоцкая, А. С. (2022) Особенности перевода приемов комического в русской художественной литературе // Сборник научных трудов по итогам выполнения научно-исследовательской работы в Институте иностранных языков МПГУ за 2021–2022 учебный год / отв. ред. Е. А. Никулина. М. : Московский педагогический государственный университет. 172 с. С. 60–63.
- Зайцева, Т. И., Ямаева, Н. П. (2020) Комическое в удмуртском фольклоре и художественной литературе конца XIX — начала XX века // Вестник угроведения. Т. 10. № 4. С. 652–661.
- Карасев, Л. В. (1989) Парадокс о смехе // Вопросы философии. № 5. С. 47–65.
- Карасев, Л. В. (1996) Философия смеха. М. : Рос. гуманитар. ун-т. 224 с.
- Комбу, С. С. (2012) Тувинская литература: словарь / под ред. Д. А. Монгуша, М. Л. Трифионовой. Новосибирск : Наука. 359 с.
- Лихачев, Д. С., Панченко, А. М. (1976) «Смеховой мир» Древней Руси. Л. : Изд-во Наука, Ленингр. отделение. 204 с.
- Нурмолдаев, Д. М., Жаксылыков, А. Ж. (2022) Образ горы в рассказе Адольфа Арцишевского «Вершина» в аспекте эстетизации древнего культа // Керуен. № 4. Т. 77. С. 109–119. DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2022.4-09>
- Пропп, В.Я. (1976) Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство. 183 с.
- Савельева, В. В. (2014) Жизнь, какую мы себе слепили (О рассказах Салахитдина Муминова) // Простор. № 3. С. 126–128. DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2023.4-14>
- Савельева, В. (2015) Рассказы в современной прозе Казахстана: критика и актуализация жанра // Нева. № 2. С. 188–211.
- Серикова, Л. А. (2025) Переплетение идентичностей: «Свой — чужой — другой» в рассказах С. Муминова // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Филологические науки». № 1 (91). С. 48–150.
- Столвич, Л. (1999) Философия. Эстетика. Смех. СПб. ; Тарту : б. и. 384 с.
- Тилеубай, Г. К. (2023) Роль интернет-изданий в развитии современного казахстанского рассказа // Вестник КазНУ. Серия журналистики. № 3 (69). С. 110–119.
- Тилеубай, Г. К., Таттимбетова, К. О. (2023) Жанровые тенденции в развитии современного казахстанского реалистического рассказа // Керуен. № 4(81). С. 174–186. DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2023.4-14>
- Тилеубай, Г. К., Джолдасбекова, Б. У., Таттимбетова, К. О. (2024) Семиотика предметов в современном казахстанском рассказе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 15. № 4. С. 1389–1402. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1389-1402>
- Херел, А. Х. (2015) Роль одноактных пьес В. Ш. Кок-оола 1930-х гг. в зарождении национальной тувинской драматургии // Вестник Бурятского государственного университета. № 10. С. 143–147.

Дата поступления: 18.04.2025 г.

Дата принятия: 21.05.2025 г.

REFERENCES

- Abazov, A. Ch. (2011) On the poetics of comic genres in Kabardian drama. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 2(9), pp. 12–14. (In Russ.)

- Aristotel' (1984) *Poetics*. In: *Collected Works*: In 4 vols. Moscow, Mysl'. Vol. 4. 830 p. (In Russ.)
- Baktybaeva, A. T. (2023) Methods of conveying the comic in the modern Kazakh novel (on the example of the work by D. Satpayev and Ye. Zhumagulov "The Legend of NOMENCLATURE"). *Mir russkogovoryashchikh stran*, no. 3(17), pp. 115-127. (In Russ.)
- Baktybaeva, A. T. and Bizhanova, A. A. (2023) Specifics of the comic in modern Kazakh prose (on the example of stories by Ye. Tursunov). *Nauchnyi dialog*, vol. 12, no. 5, pp. 250-268. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-5-250-268>
- Bakhtin, M. M. (1990) *Rabelais and His World: Carnival Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 543 p. (In Russ.)
- Borev, Yu. (1970) *The Comic*. Moscow, Iskusstvo. 270 p. (In Russ.)
- Dzhundubaeva, A. A. (2015) Turning to myth in the contemporary Kazakh short story as a postmodern narration strategy. *Vestnik KazNPU imeni Abaya. Seriya "Filologicheskie nauki"*, no. 2(52), pp. 123-126. (In Russ.)
- Dzemidok, B. (1974) *On the Comic*. Moscow, Progress. 224 p. (In Russ.)
- Zabolotskaya, A. S. (2022) Features of translating comic devices in Russian fiction. In: *Collected Scientific Papers Following the Research Work at the Institute of Foreign Languages of MSPU for the Academic Year 2021-2022* / ed. by E. A. Nikulina. Moscow, Moscow State Pedagogical University. 172 p. Pp. 60-63. (In Russ.)
- Zaitseva, T. I. and Yamaeva, N. P. (2020) The comic in Udmurt folklore and fiction of the late 19th – early 20th centuries. *Vestnik ugrovedeniya*, vol. 10, no. 4, pp. 652-661. (In Russ.)
- Karasev, L. V. (1989) Paradox of laughter. *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 47-65. (In Russ.)
- Karasev, L. V. (1996) *Philosophy of Laughter*. Moscow, Russian Humanitarian University. 224 p. (In Russ.)
- Kombu, S. S. (2012) *Tuvan Literature: Dictionary* / ed. by D. A. Mongush, M. L. Trifonova. Novosibirsk, Nauka. 359 p. (In Russ.)
- Likhachev, D. S. and Panchenko, A. M. (1976) *"The World of Laughter" in Ancient Rus'*. Leningrad, Nauka, Leningrad Branch. 204 p. (In Russ.)
- Nurmoldaev, D. M. and Zhaksilykov, A. Zh. (2022) The image of the mountain in Adolf Artsishevsky's story "The Peak" in the aspect of the aestheticization of the ancient cult. *Keruen*, no. 4, vol. 77, pp. 109-119. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2022.4-09>
- Propp, V. Ya. (1976) *Problems of the Comic and Laughter*. Moscow, Iskusstvo. 183 p. (In Russ.)
- Saveleva, V. V. (2014) The life we have molded for ourselves (On the stories of Salakhitdin Muminov). *Prostor*, no. 3, pp. 126-128. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2023.4-14>
- Saveleva, V. (2015) Stories in modern Kazakh prose: criticism and actualization of the genre. *Neva*, no. 2, pp. 188-211. (In Russ.)
- Serikova, L. A. (2025) Intertwining identities: "One's own – someone else's – the other" in the stories of S. Muminov. *Vestnik KazNPU im. Abaya. Seriya "Filologicheskie nauki"*, no. 1(91), pp. 48-150. (In Russ.)
- Stolovich, L. (1999) *Philosophy. Aesthetics. Laughter*. St. Petersburg; Tartu, s. n. 384 p. (In Russ.)
- Tileubai, G. K. (2023) The role of online publications in the development of the contemporary Kazakh short story. *Vestnik KazNU. Seriya zhurnalistiki*, no. 3(69), pp. 110-119. (In Russ.)
- Tileubai, G. K. and Tattimbetova, K. O. (2023) Genre trends in the development of the modern Kazakh realistic short story. *Keruen*, no. 4(81), pp. 174-186. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2023.4-14>
- Tileubai, G. K., Dzholdasbekova, B. U. and Tattimbetova, K. O. (2024) Semiotics of objects in the modern Kazakh short story. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, vol. 15, no. 4, pp. 1389-1402. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1389-1402>
- Kherel, A. Kh. (2015) The role of one-act plays by V. Sh. Kok-ool in the 1930s in the origin of the national Tuvan drama. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10, pp. 143-147. (In Russ.)

Submission date: 18.04.2025.

Acceptance date: 21.05.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.3.6

Статья

Анализ частотности эмоций в текстах казахской и тувинской литературы

Эльнара Ж. Мансурова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби; Институт литературы и искусства им. М. О. Ауэзова,
Республика Казахстан,

Гульжахан Ж. Орда

Институт литературы и искусства им. М. О. Ауэзова, Республика Казахстан,

Гаухар С. Аскарлова

Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Республика Казахстан

В статье представлен сравнительный содержательно-контекстуальный анализ эмоциональных проявлений в двух литературных произведениях — повести казахского писателя Акберена Елгезека «Несостоявшееся детство» и повести тувинского писателя Степана Сарыгоола «Повесть о светлом мальчике», которые рассмотрены в русскоязычных художественных переводах.

Работа основана на корпусном анализе текстов, позволяющий определить частотность употребления ключевых эмоций («страх», «грусть», «радость», «печаль», «гнев») и их контекстуальные значения. В тувинской повести выявлено доминирование лексем «страх» и «грусть», что отражает открытый и эксплицитный способ передачи эмоций, тогда как в казахской повести эмоции, такие как «радость», «страх» и «печаль», чаще передаются имплицитно, через контекст и художественное изображение.

Результаты исследования показали, что эмоциональная лексика в тувинской прозе имеет тенденцию к прямому и явному выражению чувств, тогда как в казахской прозе эмоции чаще передаются через поэтические образы и контекстные детали. Это различие обусловлено национальными традициями повествования и культурными особенностями восприятия эмоций.

Ключевые слова: тувинская литература; казахская литература; повесть; эмоциональная лексика; эмоциональное слово; сравнительный анализ

Для цитирования:

Мансурова Э. Ж., Орда Г. Ж., Аскарлова Г. С. Анализ частотности эмоций в текстах казахской и тувинской литературы // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 82-93. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.6>

Мансурова Эльнара Жолдашевна — докторант кафедры казахской литературы и теории литературы филологического факультета Казахского национального университета имени Аль-Фараби; младший научный сотрудник отдела литературы и художественной публицистики эпохи независимости Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова. Адреса: Республика Казахстан, г. Алматы, 050040, пр. Аль-Фараби, д. 71; Республика Казахстан, г. Алматы, 050000, ул. Курмангазы, д. 29. Эл. адрес: elochka_02.05.95@mail.ru. Научный руководитель — доктор филологических наук, доцент Г. Ж. Орда.

Орда Гульжахан Жумабердиевна — доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник, заведующая отделом литературы и художественной публицистики эпохи независимости Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова. Адрес: Республика Казахстан, г. Алматы, 050000, ул. Курмангазы, д. 29. Эл. адрес: Orda_68@mail.ru

Аскарлова Гаухар Сарыбаевна — кандидат филологических наук, исполняющий обязанности ассоциированного профессора, преподаватель кафедры казахской литературы и методики преподавания имени академика С. Кирабаева Казахского национального педагогического университета имени Абая. Адрес: Республика Казахстан, г. Алматы, 050010, пр-т Достык, д. 13. Эл. адрес: gauhar_8@mail.ru

Analysis of Emotion Frequency in the Texts of Kazakh and Tuvan Literature

Elnara Zh. Mansurova

Al-Farabi Kazakh National University; M. N. Auezov Institute of Literature and Art, Republic of Kazakhstan,

Gulzhakhan Zh. Orda

M. N. Auezov Institute of Literature and Art, Republic of Kazakhstan,

Gaukhar S. Askarova

Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Republic of Kazakhstan

The article presents a comparative content-contextual analysis of emotional expressions in two literary works — the novella “A Childhood That Never Happened” by Kazakh writer Akberen Elgizhek and the novella “The Story of the Bright Boy” by Tuvan writer Stepan Saryg-ool, both examined in their Russian-language literary translations.

The study is based on a corpus analysis of the texts, which enables the identification of the frequency of key emotions (“fear”, “sadness”, “joy”, “sorrow”, and “anger”) and their contextual meanings. In the Tuvan novella, there is a predominance of the lexemes “fear” and “sadness”, indicating an open and explicit mode of emotional representation. In contrast, in the Kazakh novella, emotions such as “joy”, “fear”, and “sorrow” are more often conveyed implicitly, through context and artistic imagery.

The findings of the study demonstrate that emotional vocabulary in Tuvan prose tends to express feelings in a more direct and explicit manner, while in Kazakh prose, emotions are more frequently communicated through poetic imagery and contextual nuances. This distinction is rooted in national storytelling traditions and cultural conventions of emotional perception.

Keywords: Tuvan literature; Kazakh literature; novella; emotional vocabulary; emotional word; comparative analysis

For citation:

Mansurova E. Zh., Orda G. Zh. and Askarova G. S. Analysis of Emotion Frequency in the Texts of Kazakh and Tuvan Literature. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 82-93. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.6>

MANSUROVA, Elnara Zholdashevna, Doctoral Student, Department of Kazakh Literature and Literary Theory, Philological Faculty, Al-Farabi Kazakh National University; Junior researcher, Department of Literature and Art Journalism of the Independence era, M. N. Auezov Institute of Literature and Art. Postal addresses: 71 Al-Farabi Ave., Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan, 71; 29, Kurmangazy Str., 050010, Republic of Kazakhstan. E-mail: elochka_02.05.95@mail.ru. Scientific supervisor — Doctor of Philology, Associate Professor O. Zh. Gulzhakhan.

ORCID: 0009-0009-5553-0897

ORDA, Gulzhakhan Zhumaberdievna, Doctor of Philology, Associate Professor, Chief Researcher, Head, Department of Literature and Art Journalism of the Independence era, M. N. Auezov Institute of Literature and Art. Postal address: 29, Kurmangazy Str., Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan. E-mail: Orda_68@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5930-3784

ASKAROVA, Gaukhar Sarybaevna, Candidate of Philological Sciences, Acting Associate Professor, Lecturer, Department of Kazakh Literature and Teaching Methods, Kazakh National Pedagogical University named after Abai. Postal address: 13 Dostyk ave., Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan. E-mail: gauhar_8@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0688-4850

Введение

Эмоции и чувства являются неотъемлемой частью человеческого существования, формируя его духовный, культурный и социальный опыт. Данные проявления активно исследуются в ряде гуманитарных наук, включая философию, психологию, социологию и культурологию.

Несмотря на важность этой темы, исследования, направленные на анализ эмоций в лингвистике, остаются относительно редкими. Кроме того, анализ эмоций представляет интерес не только для лингвистики, но и для литературоведения, где чувства рассматриваются как важнейшее средство художественного выражения. В рамках литературного подхода эмоции исследуются не только как лексемы с аффективной нагрузкой, но и как элементы поэтики текста, способствующие созданию образной структуры, раскрытию характеров героев и реализации авторского замысла. Таким образом, эмоциональная лексика служит не только средством выразительности, но и важнейшим компонентом художественной семантики, выполняющим символическую или метафорическую функцию. Это объясняется тем, что эмоции зачастую рассматриваются как дискретная языковая категория, что ограничивает глубину их анализа по сравнению с нейронаучными исследованиями (Damasio, Carvalho, 2013: 144). В лингвистическом контексте слова, выражающие чувства, обычно изучаются как подмножество лексики с аффективной нагрузкой, которая измеряется параметрами валентности, возбуждения и доминирования. Лексиконы, ориентированные на эмоции, ограничиваются списками слов с выраженной эмоциональной окраской, привязанных к базовым эмоциям. Тем не менее, природа эмоций гораздо более многогранна и сложна, как указывают Дж. Леду и Р. Браун (Ledoux, Brown, 2017: 2), делая их важной частью осознанного опыта.

Современная лингвистика не ограничивается анализом структуры языка или его функциональных особенностей. Исследования также охватывают эмоциональный компонент языка, что связано с тем, что эмоции являются фундаментальной частью человеческой психики и менталитета. В. И. Шаховский отмечает, что язык отражает не только концептуальные, но и эмоциональные феномены. Он называет это «эмоционально-экспрессивной оценкой», которая позволяет человеку выражать свои внутренние психические состояния (Шаховский, 2008: 10).

В художественной литературе эмоции занимают ключевое место, способствуя раскрытию внутреннего мира персонажей, описанию их духовной эволюции или передаче ценностей общества. Казахская и тувинская проза уделяют особое внимание эмоциональной лексике, что отражает национальные особенности, культурные традиции и мировоззрение этих народов (Цыбенкова, 2020: 814). Следует отметить, что основные эмоции, такие как любовь, радость, страх, печаль, гнев, надежда, универсальны, встречаются во всей художественной литературе. Однако их формы художественного изображения, интерпретации и культурной регуляции существенно различаются. Именно эти особенности позволяют говорить не об уникальности эмоциональной лексики казахской и тувинской прозы, а об уникальности способов ее выражения и значении в контексте национальных литературных традиций.

Выбор казахской и тувинской прозы в качестве объекта данного исследования обусловлен недостаточной степенью разработанности данной темы в рамках казахского и тувинского литературоведения. Несмотря на то, что эмоциональная лексика составляет важную часть художественного языка, в пределах указанных национальных литературных традиций до настоящего времени не проводилось системного анализа её частотных и семантических характеристик.

Следует учитывать, что базовые эмоции — такие как радость, гнев, страх, печаль — являются универсальными и присущи всем культурам. Однако формы их языкового выражения, интерпретации и социально-культурной регуляции могут значительно варьироваться в зависимости от конкретной культурной среды. Эмоции могут преломляться через национальные нарративные стратегии, систему символов, жанровую специфику и образы, характерные для определённой литературной традиции. Как показывают современные исследования в области психологии и культурной нейронауки (Pugh, 2022: 206), восприятие и выражение эмоций культурно обусловлены и не всегда идентичны у представителей разных этносов.

Источниковая база исследования — выбранные для анализа произведения — повесть А. Елгезека «Не случившееся детство»¹ в казахской литературе и повесть С. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике»²

¹ Елгезек А. Не случившееся детство. Алматы: Абай, 2020.

² Сарыг-оол С. А. Повесть о светлом мальчике / пер. с тув. яз. М.: Современник, 1974.

в тувинской литературе раскрывают эмоциональное состояние через призму детской психологии, передавая чувства ребенка и вызывая глубокий эмоциональный отклик у читателя.

Тексты рассматриваются в русскоязычных художественных переводах, что считается допустимым при учете ряда важных особенностей, в том числе того, что передача эмоций при переводе — одна из самых сложных задач переводчика. Эмотивные модели (лексические и синтаксические средства выражения эмоций) могут быть изменены или упрощены в переводе, что влияет на эмоциональное восприятие текста читателем перевода по сравнению с оригиналом. Несмотря на возможные искажения, анализ переводных текстов допустим и может быть продуктивным, если учитывать специфику перевода (Бройтман, 2010; Шевченко, 2022).

В повести А. Елгезека главного героя сопровождают такие чувства, как страх, надежда, тоска и печаль, основанные на жизненном опыте автора. Эти сложные эмоциональные состояния передаются посредством образного языка, внутреннего монолога и психологических деталей. Аналогично, в повести С. Сарыг-оола выражены эмоции и чувства героя: любовь к окружающему миру, стремление понять смысл жизни, ностальгия по светлому образу. Эмоциональные оттенки, характерные для тувинской культуры, передаются через языковые средства автора. Отношения между ребенком и природой, ребенком и обществом описываются художественными образами, находящими отклик в сердце читателя.

В обоих произведениях чувства и эмоции являются основными средствами художественной репрезентации. Через раскрытие внутреннего мира героев авторы также передают национальное мировоззрение и культурные коды. Таким образом, эмоции и чувства проявляются не только как психологические категории, но и как культурные и литературные феномены. Они формируют семантическую и стилистическую структуру художественного текста.

Обзор литературы

Проблематика эмоций и чувств широко изучается в различных гуманитарных дисциплинах (философии, психологии, социологии и культурологии), поскольку эмоции оказывают глубокое влияние на поведение человека, его мировоззрение и систему ценностей. В рамках психологии эмоции рассматриваются как ключевые компоненты психического состояния, определяющие адаптацию человека к окружающей среде.

Одной из классических моделей является концепция П. Экмана, который выделил шесть базовых эмоций, универсальных для всех культур: радость, печаль, страх, гнев, отвращение и удивление¹.

Альтернативный подход предложил Р. Плутчик, разработавший модель «колеса эмоций», основанную на восьми эмоциональных парах представленных в виде «колеса эмоций»: радость — печаль, доверие — отвращение, страх — гнев, удивление — ожидание (Plutchik, 2005).

Современные исследования, в частности работа А. С. Кауэн, Д. Келтнер (Cowen, Keltner, 2017), демонстрируют, что эмоциональный спектр человека значительно шире традиционно выделяемых базовых эмоций: согласно их данным, индивид способен различать по меньшей мере 27 различных эмоциональных состояний, включая сложные чувства, такие как удивление, ностальгия, гордость, романтическое влечение и стыд. Эти результаты существенно расширяют представления о природе эмоций и подчеркивают их важную роль как в межличностной коммуникации, так и в литературном дискурсе, где эмоциональные состояния выступают инструментом художественной репрезентации и средством передачи культурных кодов.

В лингвистике и литературоведении интерес к эмоциональной лексике обусловлен осознанием её значимости в выражении субъективного опыта и культурных кодов. Эмоциональная лексика рассматривается как лингвистический механизм, обеспечивающий передачу чувств, формирование авторского замысла и развитие эмпатии у читателя. Однако, как отмечают Д. Э. Леду и Р. Браун, эмоциональные состояния не сводятся исключительно к лексическим единицам они представляют собой сложные когнитивно-психофизиологические структуры (Ledoux, Brown, 2017: 2).

¹ Ekman P. Universal Emotions [Электронный ресурс] // Paul Ekman Group. 2023. URL: <https://www.paulekman.com/universal-emotions> (дата обращения: 19.06.2025).

В казахском и тувинском литературоведении внимание уделяется символике образов, мифопоэтике и социально-культурной обусловленности художественного текста. Однако системный анализ эмоциональной лексики до сих пор остаётся фрагментарным. Работы Қ. Б. Жарыкбаевой¹, Ғ. Қ. Иманалиевой (Иманалиевой, 2011), А. Я. Салчак и ее коллег (Салчак, Ахматова, Чертыкова, 2022) и М. В. Ондар² закладывают теоретическую основу для дальнейшего исследования, однако не предлагают корпусного анализа частотности и функциональных характеристик эмоциональных единиц в художественных текстах.

Исследования и словарные данные подтверждают, что чувства играют важную роль в личностном развитии, а также в познавательной и практической деятельности. Разграничение понятий «эмоция» и «чувство» позволяет глубже осмыслить их природу: эмоция — это кратковременное, сопровождающееся выразительными движениями состояние, тогда как чувство — устойчивое психическое состояние, выступающее движущей силой жизненной активности человека. Чувство формируется на основе генетических предпосылок, но развивается в социальном контексте, определяя поведение и сознательные действия индивида.

Современное языкознание всё больше акцентирует внимание на проблеме языковой репрезентации человеческого фактора. Взаимосвязь коммуникативной и когнитивной функций языка с его способностью передавать чувства позволяет глубже понять его универсальную роль как инструмента постижения мира. Язык, обслуживающий человечество, неизбежно отражает мировоззрение человека, его эмоциональные состояния, художественное восприятие, национальную идентичность. Человек живёт в обществе как биологическое, социальное, историческое и культурное существо, стремясь удовлетворить свои органические, духовные и социальные потребности. Соответственно, в зависимости от степени удовлетворения этих потребностей, у него возникают различные эмоциональные состояния (Иманалиева, 2011: 4). Читая художественные произведения, мы переживаем эти чувства вместе с героями.

Каким образом автор может выразить собственные чувства в прозе? Суть заключается в том, что развитие эмоций и чувств в поэтическом тексте является отражением отношения автора или лирического героя к миру и к собственному внутреннему состоянию. Эта связь не ограничивается психическим уровнем, она сопряжена с осознанными или неосознанными смысловыми процессами. Когда пережитый опыт автора требует художественного выражения, возникает поэтический текст. Исследователь Т. Сильман также подчеркивает, что глубина и искренность эмоции — это определяющий фактор при выборе эмпирического материала в поэзии. Иначе говоря, стихотворение отражает исключительно те чувства, которые имеют важное значение для лирического субъекта, без личного переживания которых их невозможно выразить (Сильман, 1977: 32).

Таким образом, анализ эмоциональной лексики в произведениях казахской и тувинской прозы представляет собой важное научное направление, способное восполнить существующий пробел в литературоведении и корпусной лингвистике.

Методология

В данном исследовании используются русскоязычные переводы выбранных произведений, обладающие художественной полнотой и высоко оценённые литературоведами³.

Исследование направлено на содержательно-контекстуальный анализ художественной репрезентации эмоций. Основное внимание сосредоточено на выявлении и описании эмоциональных состояний, раскрывающих чувства персонажей, их реакции на события, а также эмоциональную позицию автора.

Схема исследования включает следующие этапы:

¹ Жарыкбаев Қ. Б. *Жантану атауларының түсіндірме сөздігі* [Толковый словарь терминов психологии]. Алматы: Сөздік-Словарь, 2006. (На каз. яз.)

² Ондар М. В. Особенности языка тувинских героических сказаний (в сопоставительном аспекте): дисс. ... канд. филол. н. Кызыл, 2020. С. 302.

³ Акишев Н. Необыкновенное лето / пер. с казах. яз. Алма-ата.: Жалын, 1989. С. 102; Чамьян К. Т. Свет над зимовьем: Повесть, рассказы / перевод с тувин. яз. М.: Современник, 1988. С. 316.

1. работа с текстами: полные переводы двух повестей были собраны в электронном формате и предварительно обработаны: удалены дополнительные материалы (предисловия, примечания и внешние комментарии), оставлены только основные литературные тексты;

2. выделение эмоциональных категорий: основные эмоциональные состояния (страх, радость, печаль, гнев, надежда, стыд и др.) были определены на основе типологии базовых эмоций, предложенной Р. Плутчиком. Эти категории использовались как аналитическое руководство при идентификации и интерпретации эмоционально окрашенных фрагментов;

3. Частотный и конкордансный анализ: тексты в формате PDF были обработаны с использованием программы AntConc (Laurence Anthony). В процессе анализа определялась частота появления слов и выражений, связанных с эмоциональными состояниями; проводился конкордансный анализ для выявления контекста употребления эмоционально значимых единиц; исследовались контексты ключевых слов в формате KWIC (Key Word In Context 'ключевое слово в контексте') с охватом ± 5 слов, что позволило оценить функции эмоций в структуре повествования.

Такой комплексный подход, мы считаем, позволяет не только количественно сравнить тексты по степени выраженности эмоциональных состояний, но и качественно интерпретировать культурные и художественные особенности эмоционального выражения в казахской и тувинской прозе.

Частотность использования различных типов эмоций в повести С. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике»

Одной из наиболее часто встречающихся эмоций переводной версии повести С. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике» является «страх», который играет ключевую роль и помогает глубже раскрыть внутренний мир главного героя. Слово упоминается 44 раза, при этом слово «грусть» встречается 35 раз (см. рис. 1).

Главный герой повести Ангыр-оол через описание своих детских трудностей не только раскрывает пережитые им личные испытания, но и отражает тяжелые периоды, пройденные его народом. Он сталкивается с жизненными трудностями, жестокими сторонами человеческой натуры и со смертью. В эти моменты на первый план выходят его страх, тревога и неуверенность. Страх часто изображается как противопоставление невинной, чистой душе мальчика и жестокой реальности окружающего мира. Например, когда герой сталкивается со смертью и несправедливостью, эти события передаются не только как внешние происшествия, но и через его внутренние эмоциональные переживания.

Изображение страха носит философский и символический характер — это не просто детский испуг, а глубокое эмоциональное потрясение и осмысление жизни. Страх рассматривается как часть внутреннего мира человека, его глубоких размышлений и восприятия жизни. Кроме того, через это чувство автор демонстрирует духовное развитие героя, формирование его чистой души через преодоление испытаний.

Страх Ангыр-оола проявляется в испытаниях, с которыми мальчик сталкивается в своем детстве, и становится важной частью его внутреннего мира.

Так, например, мать Ангыр-оола скончалась после продолжительной болезни. Это событие стало первым тяжелым ударом для мальчика, вызвав чувство одиночества и страха:

«...Я стоял возле мамы, а вороны с криком кружились надо мной, и кожа на моей голове съежилась от страха. Я попятился, потом повернулся и что было силы помчался прочь. Только на самой вершине горы я остановился передохнуть. День был жаркий, я сильно вспотел, но меня бил озноб и зубы стучали. Все кругом казалось мне желтым, точно в мутной воде...»¹.

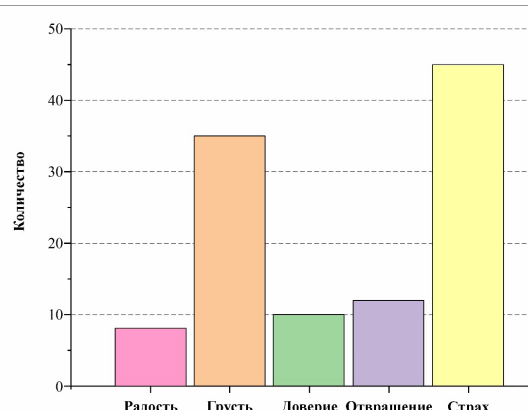

Рис. 1. Частота встречаемости эмоций в повести С. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике».

Fig. 1. Frequency of occurrence of emotions in S. Saryg-ool's novel "The Story of a Bright Boy".

¹ Сарыг-оол С. А. Повесть о светлом мальчике / пер. с тув. яз. М.: Современник, 1974. С. 45.

Это событие становится первым в череде несчастий Ангыр-оола. Проживая у родственников, он сталкивается с их жестокостью и несправедливостью:

«Летом всяким хозяйственным заботам я предпочитал дела вдали от дома — хоть уши от ругани отдохнут; зато если приходилось день провести в аале — чего только не услышишь! Старушки, глядя на тебя, причитают: “Ой, горе, ой, наказание божье! Ой, как тяжело смотреть на этих сирот! Встанет — сзади сверкает, сядет — грудь оголится! Ой, оммани! Ой, срам какой!”¹

Однако, в повести чувство страха представлено не только как негативная эмоция, но и как часть духовного роста и накопления жизненного опыта главного героя. Испытанные Ангыр-оолом страхи помогают ему стать сильным, стойким и справедливым человеком:

«...Я слышал их голоса и зловещий смех, сердце мое сжималось от страха. Ночами я часто кричал во сне, и меня будила бабушка.

— Тьфу, тьфу! Оммани патни хом! Хурту-хурту, сырык-сырык! — бормотала она заклинания и трясла подолом халата, будто кого-то отгоняла от юрты...»².

Таким образом, в произведении С. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике» чувство страха играет важную роль в описании ключевых этапов жизни главного героя. Через эти эмоции автор глубже раскрывает внутренний мир персонажа, показывая путь его духовного роста.

Для того, чтобы проанализировать контекстуальное значение всех основных эмоций в тексте, мы приводим их вместе с цитатами из текста (таб. 1).

Таблица 1. Репрезентация эмоций в повести С. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике»
Table 1. Representation of emotions in S. Saryg-ool's novel "The Story of a Bright Boy"

Эмоция	Цитата из текста	Контекстуальное значение
Радость	Работы не мог, а для меня любая самая тяжкая работа была <u>радостью</u> ³	Радость от труда как ценности
Печаль, разлука	...Сердце мое словно пронзили острой иглой — исчезла <u>радость</u> . Мы с Чимчаком вышли, обнявшись на прощание с каждым из наших добрых друзей по несчастью ⁴	Утрата свободы, эмоциональное прощание с друзьями
Радость	... — Ладно! — ответил я с <u>радостью</u> . Потом ко мне подошла жена дяди и сказала: — Я тоже даю тебе козу с козленком, дай и мне понюхать твою головку... ⁵	Материнская любовь, эмоциональное тепло
Страх	<u>...страх</u> и любопытство, волнение, недоумение. Я совсем забыл бабушкину просьбу помолиться за живых и мертвых... ⁶	Переход к взрослой жизни, утрата опоры
Страх	— Ах ты орленок мой! От <u>страха</u> на дереве спасешься, но в холод это самый быстрый путь к смерти! ⁷	Страх, связанный с поведением брата

¹ Там же. С. 42.

² Там же. С. 24.

³ Там же С. 224.

⁴ Там же С. 232.

⁵ Там же С. 14.

⁶ Там же С. 112.

⁷ Там же. С. 88.

Страх, гордость	...Сердце мое наполнилось гордостью: давно ли я наблюдал боевые подвиги дяди Шевер-Сарыга со <u>страхом</u> и завистью, а теперь мы бок о бок с ним будем сражаться за нашу аратскую власть!.. ¹	Смена роли: от наблюдателя к участнику событий
Удивление	— Никого у меня нет, только бычок один есть... Пришел я с той стороны... — махнул рукой. Они наперебой принялись расспрашивать меня, ничего не могли понять и <u>удивленно</u> переглянулись ²	Эмоциональный отклик на возвращение героя
Надежда	<u>Страх</u> грядущей расплаты был в моей душе, но пока все меркло перед другим чувством — <u>ожиданием</u> таинственного... ³	Ожидание перемен, эмоциональное предвкушение

Частота использования различных эмоций в повести А. Елгезека «Не случившееся детство»

Аналогично тому, как мы исследовали типы эмоций, встречающихся в повести С. Сарыг-оола, опираясь на колесо эмоций Р. Плутчика, мы также проанализировали повесть А. Елгезека «Не случившееся детство». На основе этих категорий были собраны эмоции, встречающиеся в тексте повести, проведен количественный анализ их частоты использования (см. рис. 2).

Мы выяснили, что слово «страх» в произведении встречается 44 раза, а вторая по частоте эмоция — «радость» — 18 раз.

Повесть раскрывает горькую правду детства и психологическую травму, с которой сталкивается главный герой. Эмоциональная линия «страха» в произведении является одной из ключевых, поскольку страх здесь не просто физическая реакция на угрозу, а глубокий психологический дискомфорт, вызванный чувством одиночества, брошенности и непонимания со стороны взрослых. Автор создает многослойный психологический портрет персонажа, который проходит через испытания и сталкивается с тяжелыми эмоциональными переживаниями.

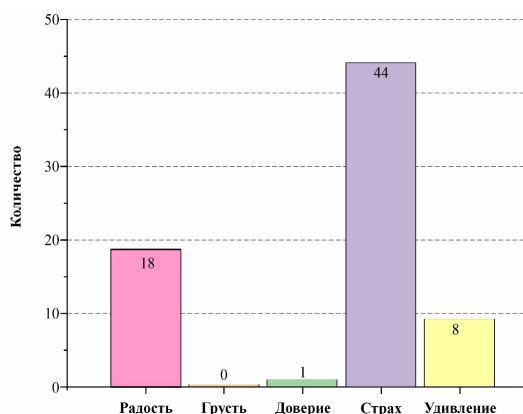

Рис. 2. Частота использования эмоций в повести А. Елгезека «Не случившееся детство».

Fig. 2. The frequency of the use of emotions in Elgizhek's novel "A Childhood That Never Happened".

В одном из эпизодов повести передаётся тоска по матери и страх расставания с ней. После смерти отца жизнь главного героя кардинально изменилась: мать решила выйти замуж повторно, и это стало поворотным моментом в судьбе ребёнка. Герой болезненно переживает новость о браке матери, воспринимая её как утрату эмоциональной близости и стабильности:

«... после смерти отца прошло два года, и мама решила выйти замуж. Не могу скрыть, что это стало для меня крайне неприятной и совершенно неожиданной новостью...»⁴

Это событие становится символическим разрывом с привычным миром, вызывая в душе ребёнка страх одиночества и тревогу перед будущим.

Потеря близкого человека, разлука с матерью становятся источником страха для ребёнка. Это событие подрывает

¹ Там же С. 276.

² Там же С. 86.

³ Там же С. 182.

⁴ Елгезек А. Не случившееся детство. Алматы: Абай, 2020. С. 56.

его доверие к миру и вызывает чувство одиночества. «...Я плакал всю ночь — то ли от страха, то ли от обиды, то ли от того, что не хотел расставаться с мамой»¹. Потеря близкого человека, разлука с матерью становятся источником страха для ребёнка. А это событие подрывает его доверие к миру и вызывает чувство одиночества.

Несмотря на глубинный экзистенциальный страх, пережитый героем, он не сломлен. Напротив, через череду эмоциональных потрясений (утрату матери, отчуждение отца, ощущение одиночества) у ребёнка формируется внутренняя устойчивость и способность к осмысленному принятию реальности. Таким образом, страх становится не только реакцией на травму, но и движущей силой взросления, способствующей внутреннему укреплению личности. Представлена обобщающая таблица эмоций, иллюстрированных цитатами из произведений и их контекстуальной интерпретацией.

Также мы представляем общую таблицу эмоций, цитат и сформулированных контекстуальных значений (таб. 2).

Таблица 2. Репрезентация эмоций в повести А. Елгезека «Несостоявшееся детство»
Table 2. Representation of emotions in Elgizhek's novel "A Childhood That Never Happened".

Эмоция	Цитата из текста	Контекстуальное значение
Радость	...Вот увидит — <u>обрадуется</u> , думал я, стоя, не открывая от <u>радости</u> сжатых глаз, по-детски прижавшись в надежде на его ласку... ²	Эмоциональная связь с матерью
Радость	 Счастье Нурзиле быть причастной к <u>радостям</u> в нашем доме объяснялось лишь тем, что она была соседкой Кэкена ³ .	Радость от пребывания рядом с близкими
Печаль	...именно в доме моего брата Бакыта прошли самые безмятежные и светлые моменты моей жизни... ⁴	Грусть из-за отсутствия брата
Страх	От <u>страха</u> ноги не слушаются, а мы словно сами помогаем шпиону убежать. — Брось ружьё! — кричит мне Тлеукеш ⁵ .	Ребёнок в опасной ситуации, внутренняя паника
Страх	От него веяло <u>пугающим холодом</u> грубой силы. Лицо его всегда хмурое, с насупленными бровями ⁶ .	Образ отчима как источника угрозы
Гнев	Дедушка уже был не таким, как прежде — всё чаще словно оседлав чёрного жеребца <u>гнева</u> , он не давал нам ни покоя, ни передышки ⁷ .	Гнев деда, авторитаризм старшего поколения

¹Там же. С. 43.

²Там же. С. 31.

³Там же. С. 21.

⁴Там же. С. 9.

⁵Там же. С. 48.

⁶Там же. С. 25.

⁷Там же. С. 57.

Сопоставительный анализ художественного выражения эмоций

Мы выделили в рассматриваемых произведениях эмоционально окрашенную лексику, связанную с такими ключевыми эмоциональными состояниями, как радость, страх, печаль, гнев, надежда и др. Затем эмоции были рассмотрены в количественном выражении, выделены преобладающие. Приведены контекстуальные значения основных эмоций.

Сопоставительный анализ показывает существенные различия в эмоциональном наполнении двух произведений, обусловленные культурными контекстами, нарративными стратегиями и поэтикой национальных литературных традиций.

Интересно отметить, что в повести С. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике» преобладают эмоциональные мотивы, формирующие героико-коллективистскую модель восприятия мира. Радость в повествовании зачастую ассоциируется с трудовой деятельностью, преодолением жизненных трудностей, чувством принадлежности к коллективу и признанием со стороны окружающих. В свою очередь, страх представлен как реакция на вступление в новую социальную роль, связанную с взрослением, ответственностью и необходимостью следовать общественно значимым нормам. Эмоции в тексте играют ключевую роль в построении ценностной системы, где личные чувства подчинены идеалам долга, служения и преданности коллективу. Подобная эмоционально-нравственная иерархия репрезентирует тувинскую нарративную традицию, в которой герой — будь то ребёнок или взрослый — формируется как часть сообщества и носитель его морального кода. Эта установка восходит к структурным особенностям тувинского героического эпоса, о чём писал ещё Л. В. Гребнев, отмечая органическую связь народных эпических текстов с национальной идеей коллективизма, патриотизма и духовного служения (Гребнев, 1957). Эти ценности сохраняются и в современной прозе, в частности, в произведении С. Сарыг-оола, где образ героя вписывается в рамки культурного идеала. Подобная художественная репрезентация демонстрирует преемственность традиционных представлений о нравственном облике личности, основанных на самоограничении, уважении к старшим и служении обществу как ключевых ориентирах тувинской коллективной идентичности (Ламажаа, 2018).

Тем временем в повести А. Елгезека «Несостоявшееся детство» доминируют индивидуально окрашенные эмоции, акцентирующие внимание на глубокой психологизации повествования. Особое значение придаётся отношениям с матерью, переживаниям одиночества, стыда, страха и надежды, возникающим вследствие утраты родительского тепла. Эти эмоциональные состояния раскрываются через внутренний диалог героя, обращённый к самому себе и своему прошлому, что придаёт тексту автобиографическую окраску. Указанная художественная стратегия укладывается в более широкий контекст развития казахской прозы периода независимости, для которой характерно усиление интереса к внутреннему миру личности, исследование травматического опыта детства и ориентация на исповедальную форму повествования. Как подчёркивает А. Б. Темирболат, в постнезависимой литературе наблюдается отход от коллективного героизма к субъективно-психологическому измерению личности, где центральным становится голос самого героя и его внутренние переживания (Темирболат, 2023). Такой подход соответствует характерным тенденциям современной казахской прозы: усиленному акценту на субъективной перспективе, глубокой личностной рефлексии и автобиографичности (Алтынбаева, 2011).

Важно отметить, что в ряде литературоведческих исследований подчёркивается характерная для казахской прозы постнезависимого периода тенденция к интеграции «внутренней речи», автобиографических мотивов и глубокого психологического самонаблюдения как ведущих приёмов повествования. В частности, А. Тоқсамбаева обращает внимание на усиление субъективной перспективы в прозе этого периода, акцентируя значимость внутренних монологов, рефлексии и переживаний как основного способа раскрытия характера героя и построения повествовательной структуры (Тоқсамбаева, 2022). Таким образом, эмоциональная палитра «Несостоявшегося детства» органично вписывается в универсум психологически ориентированной, автобиографической традиции современной казахской литературы.

Отличия в эмоциональной выразительности двух текстов демонстрируют культурно обусловленные модели эмотивности: в тувинской литературе преобладают мобилизующие и героические, эмоциональные установки, тогда как казахская проза акцентирует внимание на рефлексивном осмыслении личных переживаний и эмоциональной компенсации.

Заклучение

Мы исследовали особенности эмоциональной репрезентации в казахской и тувинской прозе на материале повестей Акберена Елгезека и Саяна Сарыг-оола. Корпусный подход и контекстуально-содержательный анализ позволили проследить различия в эксплицитности и имплицитности выражения эмоций, а также выявить, как эмоциональная лексика соотносится с национальными повествовательными традициями.

Обнаруженные особенности свидетельствуют о том, что репрезентация эмоций в литературе формируется не только на уровне языка, но и определяется глубинными культурными механизмами: нарративными стратегиями, жанровыми особенностями и семиотикой конкретной традиции. В казахском тексте эмоции часто носят рефлексивный характер и передаются через внутренние образы и символику, тогда как в тувинском — приобретают героико-социальное звучание и выражаются открыто, что отражает специфику коллективного сознания.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на анализ текстов уже на языке оригиналов, на расширение материала за счёт других тюркских литератур, а также на привлечение психологических и этнокультурных моделей интерпретации эмоций в художественном дискурсе. Это позволит углубить понимание эмоциональной поэтики и её связей с культурной идентичностью народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алтыбаева, С. М. (2011) Современная казахская проза (анализ, интерпретация, постижение). Алматы : «Ұлағат» КазНПУ им. Абая. 127 с.
- Гребнев, Л. В. (1957) О народности тувинского героического эпоса // Ученые записки. Вып V. / отв. ред. Н. А. Сердобов. Кызыл : Тув. НИИ яз., лит. и истории. С. 159–177.
- Иманалиева, Ф. Қ. (2011) Қазақ тіліндегі эмоционалды құрылымдар [Эмоциональные структуры в казахском языке]. Алматы : Қазақ университеті. 255 б. (На каз. яз.).
- Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. М. : СПб. : Нестор-История. 240 с.
- Салчак, А. Я., Ахматова, М. А., Чертыкова, М. Д. (2022) Средства выражения эмоции страха в тюркских языках // Новые исследования Тувы. № 2. С. 224–238. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.16>
- Сильман, Т. Л. (1977) *Записки о лирике*. Л. : Ленинградское отделение изд-ва «Советский писатель». 224 с.
- Темирболат, А. Б. (2023) Особенности развития казахской прозы в период независимости // Keruen scientific journal. № 1. Т. 78. С. 24–37. DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2023.1-02>
- Тоқсамбаева, А. О. (2022) Қазіргі қазақ прозасының көркемдік ерекшелігі [Художественные особенности современной казахской прозы] // Вестник Евразийского гуманитарного института. Вып. 3. С. 188–196. (На каз. яз.) DOI: <https://doi.org/10.55808/1999-4214.2022-3.18>
- Цыбенова, Ч. С. (2020) Средства выражения эмотивности в тувинском языке (на примере деминутивов) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. Т. 30. Вып. 5. С. 813–819. DOI: <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2020-30-5-813-819>
- Шаховский, В. И. (2008) Лингвистическая теория эмоций. М. : Гнозис. 416 с.
- Cowen, A. S., Keltner, D. (2017) Self-report captures 27 distinct categories of emotion bridged by continuous gradients // Proceedings of the National Academy of Sciences. Vol. 114. Issue 38. P. E7900–E7909. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1702247114>
- Damasio, A., Carvalho, G. B. (2013) The Nature of Feelings: Evolutionary and Neurobiological Origins // Nature Reviews Neuroscience. Vol. 14. Issue 12. P. 143–152. DOI: [10.1038/nrn3403](https://doi.org/10.1038/nrn3403)
- Ledoux, J. E., Brown, R. (2017) A Higher-Order Theory of Emotional Consciousness // Proceedings of the National Academy of Sciences. Vol. 114, Issue 10. P. E2016–E2025. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1619316114>
- Plutchik, R. (2005) Emotions and Life: Perspectives from Psychology, Biology, and Evolution // American Psychological Association. Vol. 162. Issue 2. P. 409–410. DOI: <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.162.2.409>
- Pugh, Z. H., Choo, S., Leshin, J. C., Lindquist, K. A., & Nam, C. S. (2022) Emotion depends on context, culture and their interaction: Evidence from effective connectivity // *Social Cognitive and Affective Neuroscience*. Vol. 17. Issue 2. P. 206–217. DOI: <https://doi.org/10.1093/scan/nsab092>

Дата поступления: 09.04.2025 г.

Дата принятия: 30.06.2025 г.

REFERENCES

- Altybayeva, S. M. (2011) *Modern Kazakh Prose: Analysis, Interpretation, Comprehension*. Almaty, "Ulagat" Abai Kazakh National Pedagogical University. 127 p. (In Russ.)
- Grebnev, L.V. (1957) On the Popular Nature of the Tuvan Heroic Epos. *Uchyonye zapiski*, vol. V. Ed. by N. A. Serdobov. Kyzyl, Tuvan Scientific Research Institute of Language, Literature and History. Pp. 159–177. (In Russ.)
- Imanalieva, G. K. (2011) *Emotional Structures in the Kazakh Language*. Almaty, Kazakh University. 255 p. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2018) *The National Character of the Tuvans*. Moscow; St. Petersburg, Nestor-History. 240 p. (In Russ.)
- Salchak, A. Ya., Akhmatova, M. A. and Chertykova, M. D. (2022) Means of Expressing the Emotion of Fear in Turkic Languages. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 224–238. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.16>
- Silman, T. L. (1977) *Notes on Lyrics*. Leningrad, Leningrad Branch of the Publishing House "Soviet Writer". 224 p. (In Russ.)
- Temirbolat, A. B. (2023) Features of the Development of Kazakh Prose in the Period of Independence. *Keruen*, vol. 78, no. 1, pp. 24–37. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2023.1-02>
- Toqsambayeva, A. O. (2022) Artistic Features of Contemporary Kazakh Prose. *Vestnik Evraziiskogo gumanitarnogo instituta*, no. 3, pp. 188–196. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.55808/1999-4214.2022-3.18>
- Tsybenova, Ch. S. (2020) Means of Expressing Emotivity in the Tuvan Language (Based on Diminutives). *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*, vol. 30, no. 5, pp. 813–819. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2020-30-5-813-819>
- Shakhovskiy, V. I. (2008) *Linguistic Theory of Emotions*. Moscow, Gnosis. 416 p. (In Russ.)
- Cowen, A. S. and Keltner, D. (2017) Self-report captures 27 distinct categories of emotion bridged by continuous gradients. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 114, issue 38, pp. E7900–E7909. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1702247114>
- Damasio, A. and Carvalho, G. B. (2013) The Nature of Feelings: Evolutionary and Neurobiological Origins. *Nature Reviews Neuroscience*, vol. 14, issue 12, pp. 143–152. DOI: <https://doi.org/10.1038/nrn3403>
- Ledoux, J. E., Brown, R. (2017) A Higher-Order Theory of Emotional Consciousness. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 114, issue 10, pp. E2016–E2025. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1619316114>
- Plutchik, R. (2005) Emotions and Life: Perspectives from Psychology, Biology, and Evolution. *American Psychological Association*, vol. 162, issue 2, pp. 409–410. DOI: <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.162.2.409>
- Pugh, Z. H., Choo, S., Leshin, J. C., Lindquist, K. A., and Nam, C. S. (2022) Emotion depends on context, culture and their interaction: Evidence from effective connectivity. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, vol. 17, issue 2, pp. 206–217. DOI: <https://doi.org/10.1093/scan/nsab092>

Submission date: 09.04.2025.

Acceptance date: 30.06.2025.

Особенности развития татарской советской прозы: тематические и поэтические тенденции

Айгуль Ф. Ганиева, Лейсан Р. Надыршина

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
Российская Федерация

В статье анализируются особенности татарской советской прозы в плане тематических и поэтических новшеств. В своем развитии она прошла три важных этапа: первый — 1917–1930, второй — 1941–1955 и третий — 1960–1985 гг., соответствующие общественно-политическим процессам в СССР и изменением акцентов в художественном сознании и литературном процессе. В качестве материала в статье использованы произведения Г. Ибрагимова, А. Еники, Г. Баширова, М. Амира, Ф. Хусни, Р. Батуллы. Авторы обращают внимание на изменение дихотомии «мы — они» на каждом этапе.

На первом этапе становления советской художественной культуры в литературу привносят романтический пафос революция и гражданская война, под идеологическим давлением утверждается социалистический реализм, который основывается на дихотомии: «мы» — борцы за новую социалистическую жизнь, «они» — враги советской власти.

В период Великой Отечественной войны происходят коренные изменения в тематическом плане. В этнических образах, в попытках воссоздания татарского характера, в поэтике психологизма прослеживается стремление прозаиков преодолеть идеологические ограничения соцреализма. Как и в художественной литературе всей огромной страны, «мы» начинает обозначать жителей Советского Союза, защитников своей земли, а «они» — врагов, завоевателей.

Третий этап характеризуется тенденцией к возрождению устоявшихся традиций в татарской прозе, а также возвращением темы этнической идентичности в литературных произведениях. В связи с социокультурными изменениями в жизни народа прослеживается разветвленность прозы как по тематике, так и по жанрам. Социально-психологическая оппозиция «Мы — они» начинает рассматриваться в этно-культурном контексте.

Стремление к этническому самовыражению, гуманистические идеалы и поиск художественной правды сталкивались с жесткими идеологическими рамками, цензурой и давлением в эти годы. Тем не менее, литература сумела выстоять, сохранить свою самобытность и внести значительный вклад в развитие татарской культуры.

Ключевые слова: татарская литература; проза; социалистический реализм; советская литература

Исследование выполнено в рамках реализации п. 3.5 государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа».

Для цитирования:

Ганиева А. Ф., Надыршина Л. Р. Особенности развития татарской советской прозы: тематические и поэтические тенденции // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 94–111. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.7>

Ганиева Айгуль Фирдинатовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Адрес: Россия, 420111, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 12/4. Эл. адрес: aygulgani@mail.ru

Надыршина Лейсан Радифовна — доктор филологических наук, старший научный сотрудник Центра письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ. Адрес: Россия, 420111, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 12/4. Эл. адрес: leysan84@mail.ru

Features of the Development of Tatar Soviet Prose: Thematic and Poetic Tendencies

Aigul F. Ganieva, Leysan R. Nadyrshina

*Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences,
Russian Federation*

This article examines the distinctive features of Tatar Soviet prose in terms of thematic and poetic innovation. Its development is marked by three major stages: the first — 1917–1930, the second — 1941–1955, and the third — 1960–1985. These stages correspond to socio-political processes in the USSR and to changing emphases in artistic consciousness and the literary process. The analysis is based on the works of G. Ibragimov, A. Eniki, G. Bashirov, M. Amir, F. Khusni, and R. Batulla. The authors highlight the transformation of the “We — They” dichotomy at each stage.

During the initial stage of the formation of Soviet artistic culture, literature absorbed the romantic pathos of the revolution and civil war. Under ideological pressure, socialist realism was established as the dominant literary method, based on a dichotomy of “We” — fighters for a new socialist life, and “They” — enemies of Soviet power.

In the period of the Great Patriotic War, significant thematic transformations took place. Efforts to depict ethnic characters, attempts to recreate the Tatar national character, and the development of psychological poetics reflected writers’ aspirations to overcome the ideological constraints of socialist realism. As in the literary contexts across the Soviet Union, the representation of “We” now referred to the people of the USSR — defenders of their homeland — and “They” to the enemy, the aggressors.

The third stage is characterized by a revival of established traditions in Tatar prose and the reemergence of the theme of ethnic identity in literary works. In line with the sociocultural changes in the life of the Tatar people, prose became increasingly diverse in terms of both themes and genres. The socio-psychological opposition of “We — They” came to be interpreted within an ethnocultural framework.

During this period, the pursuit of ethnic self-expression, humanist ideals, and the search for artistic truth often came into conflict with the rigid ideological boundaries, censorship, and political pressure. Nevertheless, Tatar literature managed to endure, preserve its distinct identity, and make a significant contribution to the development of Tatar culture.

Keywords: Tatar literature; prose; socialist realism; Soviet literature

The research was carried out as part of the implementation of clause 3.5 of the state program of the Republic of Tatarstan “Preservation of the national identity of the Tatar people”.

For citation:

Ganieva A. F. and Nadyrshina L. R. Features of the Development of Tatar Soviet Prose: Thematic and Poetic Tendencies. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 94–111. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.7>

GANIEVA, Aigul Firdinatovna, Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of Literary Studies, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences. Postal address: 12/4 K. Marxa St., Kazan, 420111, Russia. E-mail: aygulgani@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4180-7938

NADYRSHINA, Leisan Radifovna, Doctor of Philology, Senior Researcher, Center for Written Heritage, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences. Postal address: 12/4 K. Marxa St., Kazan, 420111, Russia. E-mail: leysan84@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3038-3677

Введение

Социально-политическая ситуация последних десятилетий определила идейно-эстетическую и историческую значимость принципов художественности, сопрягающей в себе содержательные и формальные стороны советской литературы. Он применим не только к отдельным произведениям, но и литературному процессу в целом, и может быть использован для современных исследований советской литературы. К сожалению, начиная с 1990-х гг. основной массив татарской советской литературы остается вне поля зрения исследовательского интереса — как идеологизированная часть отечественной художественной культуры.

Однако исследование татарской советской прозы явственно показывает, что, с одной стороны, она не уместается в рамки соцреализма, и ее путь не повторяет те процессы, которые происходили в других литературах народов СССР. По нашему мнению, уникальность советского литературного наследия объясняется также его многонациональностью: несмотря на установку на централизацию, литература каждого народа стремилась развиваться по своим законам, находила возможности адаптации к жесткой соцреалистической регламентации.

Татарская проза во многом сохранила, а также в разные временные отрезки обновляла и возрождала традиции предыдущих поколений писателей, способствовал тем самым сохранению и укреплению этнокультурных особенностей искусства слова. В татарском литературоведении этот аспект, который требует определения основных тематических и поэтических тенденций татарской советской прозы в отдельные периоды ее развития, редуцирован. Поэтому актуальность нашего исследования определяется необходимостью выделения основных этапов татарской прозы советского периода и выявления самых главных тенденций развития на примере творчества наиболее видных писателей эпохи.

В истории татарской литературы принято рассматривать советский период в пяти этапах: 1920-е гг.; 1930-е гг.; период Великой Отечественной войны; послевоенные годы (1945–1953); период «оттепели» (1953–1968) (Татар әдәбияты ..., 2021: 9). В отличие от поэзии и драматургии, в прозе не происходит резких отличительных перемен между этапами, поэтому мы считаем возможным разделить татарскую прозу советского периода на три большие этапа: 1917–1940 гг., 1941–1955 гг., 1960–1980 гг.

Целью статьи является выявление основных тематических и поэтических тенденций развития татарской прозы советского периода.

В работе татарская советская проза впервые исследуется как целостное и единое историко-художественное явление, напрямую связанное с тематическими и поэтическими традициями дореволюционной татарской литературы, которые в период революционных перемен позволяли ей сохранить особый взгляд на происходящие события, этническую ментальность и мировоззрение, художественный язык образности. Таким образом, научная новизна статьи определяется тем, что в ней впервые в татарском литературоведении сделана попытка рассмотреть и оценить татарскую прозу советской эпохи с точки зрения репрезентации непроходящих этнокультурных ценностей, закрепленных в искусстве слова в начале XX в.

В соответствии с целью исследования определяются следующие задачи: интерпретация изменений в структурообразующем конфликте в прозаических произведениях 1917–1940 гг.; выявление художественных предпочтений и попыток обойти идеологические ограничения в произведениях 1941–1955 гг.; определение имеющих особое значение для возрождения этнокультурных традиций тематические и жанрово-поэтические особенности произведений 1960–1985-х гг.

Методологическую основу исследования составили труды таких ученых как Н. Л. Лейдерман¹, А. Я. Эсалнек², Е. Б. Скороспелова (Скороспелова, 2003), В. С. Баевский (Баевский, 1999) и др., в которых советский период в развитии литератур народов СССР характеризуется как время масштабной трансформации художественного сознания, установления соцреалистического канона и рождения новой литературы, а также поиска новых художественных ориентиров, выходящих за рамки идеологических требований. Нам кажется, что слова Н. Л. Лейдермана, высказанные относительно эво-

¹ Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е гг.; пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. М.: Издательский центр «Академия». 2003.

² Эсалнек А. Я. Теория литературы: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Флинта, 2010.

люции русской советской литературы, могут быть повторены в отношении татарской советской прозы: «Художественный процесс в XX веке имеет свой стержень, свою структурную ось — ею является взаимодействие классических и неклассических художественных систем. Это взаимодействие носило сложный и динамический характер: тут и полемическое взаимоотталкивание вплоть до травестирования и пародии, тут и невольное взаимопроникновение, тут и целеустремленное синтезирование. Переходы, переливы, сплавы классических и модернистских структур стали в высшей степени характерной чертой литературного процесса в России XX века»¹. На примере татарской прозы советского времени можно констатировать активное ее взаимодействие с татарской литературой начала XX в.

При освещении особенностей развития татарской прозы нами использованы исследования по истории советской литературы Ф. М. Мусина (Мусин, 1976), Ф. М. Хатинова (Хатинов, 2014) Ф. Г. Галимуллина (Галимуллин, 2016), А. М. Закирьянова (Закирьянов, 2019) и др., где представляется реконструкция литературного процесса обозначенного времени, «который вовсе не является однообразным. Он входит в историю своими большими достижениями и в то же время — серьезными потерями» (Закирьянов, 2019: 146). Поэтому внимание акцентируется на изучении прозаических произведений в контексте социально-политических и социально-культурных событий советского периода, влияния не только историко-социальных, но и литературных и личностных факторов на творчества писателей и прозы. В существующих трудах по истории татарской литературы эволюция советской прозы рассматривается с точки зрения проникновения соцреализма в литературный процесс, формирования нового социалистического взгляда на действительность и человека. В отличие от них, мы попытались определить круг произведений, выделяющихся в общем контексте литературы эпохи, выявить те особенности, которые связаны с внутренней логикой развития татарского художественного сознания.

Также нами были использованы труды по истории Татарской АССР Г. А. Галлямовой (Галлямова, 2015) и др., представляющие современный взгляд на происходившие исторические процессы (Фахрутдинов Р. Г., Фахрутдинов Р. Р., 2021).

В методическом плане мы опираемся на труды Д. Ф. Загидуллиной, которая в последние годы ведет обширные планомерные и системные исследования в области татарской прозы XX — начала XXI в. как единой целой (Загидуллина, 2015; Загидуллина, 2020).

В качестве источников выступают прозаические произведения 1917–1985-х годов ведущих авторов-писателей: Г. Ибрагимова, А. Еники, Г. Баширова, М. Амира, Ф. Хусни, А. Баянова, Р. Батуллы и др. в плане тематической и поэтической новизны в контексте литературного процесса выделенного нами периода. Анализ опирается на произведения, заслужившие признание в литературе, и на те, что выпали из литературного оборота из-за идеологической цензуры — забытые временем.

Новая интерпретация структурообразующего конфликта (1917–1940 гг.)

Татарская литература встретила Октябрьскую революцию на «пике» своего развития: начало XX в. в постсоветском литературоведении принято называть временем формирования «новой парадигмы культуры» (Нигматуллина, 1997: 109); «Вторым Ренессансом» (Ганиева, 2002: 71); «Золотым периодом развития татарской литературы» (Татар әдәбияты ... , 2021: 5). Поэтому классические произведения начала XX в. стали примерами для подражания при последующем движении художественного сознания, в том числе при становлении советской литературы. Вместе с тем, для самой литературы, сформировавшейся на протяжении веков в восточных традициях, на рубеже XIX–XX вв. определившей свою национальную направленность, обогатившейся под влиянием русской и европейской культур и развивавшейся с небывалым размахом, революция оказала катастрофическое, разрушительное воздействие и нарушила ход развития.

Многие татарские писатели приветствовали революцию, считая, что отмена самодержавия приведет к национально-социальному освобождению, демократии. Однако установление большевиками в стране диктатуры пролетариата уничтожило эти надежды. Перемены в стране разделили писателей на два лагеря. Некоторые из тех, кто не принял революцию, уехали за границу, многих из тех, кто ее поддержал, ожидала трагическая судьба.

¹ Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: ... Т. 1. С. 17.

Татарская проза начала XX в. в целом поднимала проблему развития татарского народа в контексте социокультурного развития человечества, структурировалась вокруг конфликта «мы — они», в котором сторона «мы» олицетворяла сторонников прогресса, «служителей народа и татарского общества» («милләт хадиме»), а «они» — их противников («Ике йөз елдан соң инкыйраз» («Исчезновение через 200 лет», 1902–1904) Г. Исхаки, «Фәтхулла хәзрәт» («Фатхулла-хазрет», 1909) Ф. Амирхана, «Яшь йөрәкләр» («Молодые сердца», 1912) Г. Ибрагимова и мн. др.), Этот конфликт мы называем «структурообразующим», так как он является основой для презентации главной темы татарской литературы начала XX в. — «судьбы татарского народа».

После 1917 г. новая установка для татарской литературы — литературы старописьменной — заключалась в требовании представить революцию как возможность реализации общечеловеческих идеалов и теперь оппозиция перестраивается в зависимости от социального положения противостоящих: «мы» — борцы за новую социалистическую жизнь, а «они» — враги советской власти. Выдвижение идеи классовой борьбы приводит к изменению содержания борьбы старого и нового: если до революции она была связана с просвещением и развитием самосознания, этнической идентичности, и сторонники прогресса на этом пути призывали использовать и материальное, религиозное, культурное начала, то после — все «национальное» (как байское) становится объектом ненависти или насмешек.

Первые годы советской власти пришлось на период Гражданской войны. В прозаических произведениях реалистическое изображение происходящих с стране событий (основная тема — борьба за строительства новой жизни) сочетается с героической романтикой. Первым произведением, представившим структурообразующий конфликт татарской прозы в новом свете, стала повесть «Кызыл чәчәкләр» («Красные цветы», 1922) Г. Ибрагимова¹, который встретил революцию как видный писатель, ученый и общественно-политический лидер.

В повести описываются события периода Гражданской войны, ретроспекция уводит в «имперский» период; автор показывает жизнь пяти мальчиков-друзей из разных слоев, родившихся и выросших в одной деревне. События 1920-х гг. разделяют героев Ибрагимова на два лагеря: борцов за революцию (сыновья тружеников села), противников революционных перемен (сыновья бая и муллы).

Главный герой Султан говорит:

«Я люблю борьбу. Дни, проведенные без борьбы, считаю напрасными. Среди волн ожесточенной борьбы моя душа расслабляется, мое сердце набирается сил, энергии»².

Так появляется новый герой, который находит вдохновение в борьбе, в кровопролитии, отказывается от прошлого, друзей детства и начинает бороться против них — во имя светлого будущего страны. Описание дореволюционной татарской жизни, быта, этнографических моментов (строительство дома, осенние сельхозработы, вечерние игры молодежи, сватовство и т. д.) представляются в традиционном ключе; лиризм и игра с символами (красные цветы) также коррелируют с татарской прозой начала XX в.

Повесть открывает один из путей развития прозы в новых условиях: романтика борьбы приводит к описанию Гражданской войны не как разрушительной силы, как было в дореволюционной прозе (татарские прозаики осуждали Первую мировую войну), а как источник новой, счастливой жизни. Детализированное изображение татарского быта и условно-символическая оценка происходящего находятся в интертекстуальной связи с дореволюционными традициями. Так новое в татарской прозе переплетается с поэтической традицией.

В прозе в целом воспроизводится картина эпохи, в которой ключевыми являются несколько мотивов: Гражданская война как необходимый этап классового противостояния; поддержка новой власти народными массами; надежда на светлое будущее страны и татарского народа. Сторонники революции представляются положительными героями («мы»), противники («они») — врагами татарского народа. В рассказах Ш. Усманова³ «Краском мәхәббәте»⁴ («Любовь краскома», 1923), «Ил кызы»

¹ Галимджан Гирфанович Ибрагимов (1887–1938) — татарский писатель и языковед, общественный деятель. Один из зачинателей новой светской литературы в начале XX в. и татарской советской литературы.

² Ибрагимов Г. Кызыл чәчәкләр [Красные цветы] / Әсәрләр [Произведения]: 15 томда: 3 т.: хикәя, повестьлар, роман, драма. Казан: Татар. кит. нәшр., 2018. (На татар. яз.).

³ Шамиль Хайруллович Усманов (1988–1937) — татарский советский писатель, драматург и политический деятель. Автор повестей «Легион юлы» («Путь легиона», 1928–1935), «Памирдан радио» («Радио с Памира», 1925) и др.

⁴ Усманов Ш. Повестьлар һәм хикәяләр [Повести и рассказы]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1978. (Все рассказы автора вошли в данный сборник сочинений. — Авт.). (На татар. яз.).

(«Дочь страны», 1923), «Югалган иман» («Утраченная вера», 1928), «Замана агымы» («Течение времени», 1929) отрицается даже спокойная жизнь в достатке, счастливая семья, поддерживается революционная борьба. Отдать жизнь ради будущего — превыше всего; так революционная борьба сочетается с любовной романтикой.

Конец 1920-х — середина 1930-х гг. становятся эпохой разрушения и перестройки российской культуры. Диктатура пролетариата, во главе которой стоял Ленин, а затем Сталин, сделала главным инструментом идеологического воспитания народных масс литературу. В татарском обществе начинается поиск ответа на вопрос, какой должна быть литература пролетариата. Отрицание художественных традиций, отказ от культурного наследия прошлого, восхваление новой жизни, социализация творческого процесса достигает предела: в татарской литературе возникает вульгарный социологизм. Между творческими деятелями, по-своему понимавшими принципы марксизма-ленинизма, существуют разногласия, которые мешают развитию искусства слова. Эти сложные процессы исследуются в трудах Ф. Г. Галимуллина¹. В монографии «Татарская литература: взгляд сквозь столетия» ученый пишет: «Литература советского периода, по определению самих теоретиков метода социалистического реализма, должна быть социалистической по содержанию, национальной по форме, на деле все сводилось к тому, что социалистическое содержание обретало вненациональный, абстрактный интернациональный характер» (Галимуллин, 2016: 48).

Советская власть начинает контролировать творчество писателей с конца 1920-х гг.: с этой целью в 1928 г. в Татарстане была создана Татарская ассоциация пролетарских писателей (ТАПП). С 1929 г., когда Е. Замятина и Б. Пильняка обвинили во вредительстве советской литературе и советской стране за публикацию своих романов за границей, государство переключается на открытую борьбу с инакомыслящими в русской и литературах народов СССР.

Татарская литература, развивавшаяся до 1917 г. в различных направлениях, в качестве главного метода выбирает реализм: начинается эпоха советского мифотворчества. «Его главной чертой, — писал Г. Халит, — было то, что он олицетворял собой масштабный революционный поворот и описание глубоких перемен, происходящих в сознании и настроениях широких народных масс»². Однако новое касалось не только тематики и проблематики, но и поэтики. Особый акцент делался на выражение авторской позиции.

Например, с началом коллективизации, по горячим следам, Фатих Хусни³ пишет роман «Жир тыңлы»⁴ («Земля слушает», 1931), который становится «первой ласточкой» в описании новой жизни татарской деревни. Однако его появление вызвало среди татарской творческой интеллигенции бурю негодования: в прессе появились статьи с осуждением автора, на читательских конференциях роман оценивали как «политически вредный, написанный в защиту кулацкой идеологии»⁵. Основным недостатком указывалось то, что произведение не было написано с классовых позиций, автор обвинялся в непонимании сути революционной борьбы. В конце концов Ф. Хусни был вынужден отказаться от своего произведения. В журнале «Атака» были опубликованы статьи, в которых писатель раскаялся за «допущенные ошибки», и извинения рецензента Сагита Файзуллина, за разрешение на печать романа⁶. Произведение было изъято из литературного процесса, сохранилось в архиве писателя.

Роман охватывает небольшой по времени отрезок (январь 1930 г.), но обилие персонажей и плотность событий придают ему масштабность. Главной причиной критики, по нашему мнению, стал отказ

¹ Галимуллин Ф. Г. Соотношение эстетического и социологического в татарской литературе 1920–30 годов: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 1999; Галимуллин Ф. Г. Әле без туганчы... [Пока мы не рождены]: 1920–1930 еллар әдәби хәрәкәтенә бер караш [Взгляд на литературный процесс 1920–1930 годов]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001 (На татар. яз.); Галимуллин Ф. Г. (2004) Табигыйлеккә хилафлык [Искажение действительности]: XX гасырның 20–30 еллар татар әдәбиятының үсеш үзгәчлекләре [Особенности развития татарской литературы 20–30-х годов XX века]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. (На татар. яз.).

² Халит Г. Романтизмны һәм реализмны яклап [Защищая романтизм и реализм] // Казан утлары. 1967. № 8. Б. 105. (На татар. яз.).

³ Фатих Хуснутдинович Хусни (1908–1996) — татарский советский писатель, публицист, драматург, литературный критик. Автор известных произведений: повести «Йөзек кашы» («Перстень», 1942), романов «Жәяүле кеше сукмагы» («Тропа пешехода», 1957), «Утызынчы ел» («Год тридцатый», 1962).

⁴ Хәснәи Ф. Утызынчы ел [Год тридцатый]: роман. Казан: Татар. кит. нәшр., 1963. (На татар. яз.).

⁵ Матур әдәбият фронтында кулак идеологиясенә каршы [Против кулацкой идеологии на фронте художественной литературы] // Атака. 1931. № 5–6. Б. 6. (На татар. яз.).

⁶ Фатих Хәснәи иптәшенең белдерүе [Заявление товарища Фатиха Хусни] // Атака. 1931. № 7. Б. 42–43. (На татар. яз.).

молодого Ф. Хусни от заданного Г. Ибрагимовым конфликта «мы — они». Умело используя приемы психологизма, прозаик раскрывает героев изнутри, через их духовный мир. Поэтому у каждого из них есть свои сомнения, свое отношение к жизни, изменениям в обществе. Описывая противоречия эпохи через судьбы людей, переплетая любовную линию с общественными проблемами, Ф. Хусни показывает себя талантливым писателем, прозаиком, достойным продолжателем традиций начала XX в. Однако, как пишет С. Хафизов, «Образность и юмор Фатиха Хусни были продолжены и в других его произведениях. Но такие важные качества таланта, как смелость, свободомыслие, общечеловеческий гуманизм, ярко проявившиеся в отвергнутом романе “Земля слушает”, были потеряны»¹.

Второго малоизвестного романа М. Амира² постигла схожая судьба: учитывая недостаточное освещение военной тематики в татарской литературе, писатель взялся за написание объемного произведения о том, как простой выходец из татарской деревни достиг командирского чина, как закалился его характер, о его нелегком жизненном пути. Отрывок из романа «Командир» был издан отдельной книгой в 1934 г.³ Поскольку произведение вызвало противоречивое отношение у литературной общественности, оно было в том же году специально рассмотрено на собрании Татарского обкома комсомола, позже обсуждение было продолжено в журнале «Совет әдәбияты» («Советская литература»).

Роман начинается с известия о том, что молодой герой Саубан был призван в армию. В большей части произведения описываются его детство, события предвоенных дней. Через яркие сцены, мастерски уловленные этнографические детали автор создает картину татарской деревни тридцатых годов.

Критики Латиф Заляй и Махмуд Максуд⁴ в качестве «недостатков» указывают на «политическую ошибку» автора. Они, в первую очередь, утверждают, что фон села 1928–1929 гг. показан неверно: влияние советской власти не ощущается. Во-вторых, Красная Армия описывается в слишком мрачных тонах. Недостатком также рассматривалось отсутствие в произведении пафоса интернационализма, а мечтания командира Муратова о татарском полку указывались как ошибочное понимание М. Амиром этнического вопроса. Автор романа, таким образом, обвинялся в непонимании диалектики жизни и в неумении изобразить патриотизм советского народа, в национализме. В целом осуждение произведения, по оценке Ф. Галимуллина «ставшего важной ступенью в достижении художественной достоверности», «являющего одним из самых удачных произведений М. Амира, написанных по логике характера» («Сәнгатьчә дәрәслеккә ирешүдә әһәмиятле баскыч булган әлеге роман М. Әмирнең характер мантыйгы буенча язылган иң уңышлы әсәрләренең берсе»⁵), было нацелено на искоренение этнокультурных традиций, сильного этнического характера из татарской литературы. Полный текст романа сохранился в только рукописном варианте.

В условиях идеологических ограничений и запретов татарские прозаики искали возможность сохранения читательской аудитории своих произведений. Например, популярность повести Аделя Кутуя⁶ «Тапшырылмаган хатлар» («Неотосланные письма», 1935)⁷, в первую очередь, была обеспечена тем, что главная героиня Галия была изображена в традиционном амплуа татарской женщины, в то же время обладающей цельным характером человека нового времени. В качестве главных героев татарская проза все чаще выбирает партийных руководителей — преимущественно представителей русского этноса. Сильные и смелые герои — татары «вернулись» на страницы татарской прозы только в период Великой Отечественной войны, на страницах «фронтной» прозы.

¹ Хафизов С. Гаугалы роман [Роман, вызвавший дискуссии] // Социалистический Татарстан. 1991. 2 августа. Б. 5. (На татар. яз.).

² Мирсай Масалимович Амиров (1906–1980) — татарский прозаик и драматург, переводчик, журналист, государственный и общественный деятель. Знаменитые произведения: повесть «Агидель» (1936), драма «Миникамал» (1944), роман «Саф күңел» («Чистая душа», 1964).

³ Әмир М. Командир: роман. 1 кит. Казан: Татгосиздат, 1934. (На татар. яз.).

⁴ Жәләй Л. Киң жәймәдәге таплар [Пятна на полотне] // Совет әдәбияты. 1934. № 9. Б. 81–89; Максуд М. Тагын «Командир» романы турында [Еще раз о романе «Командир»] // Совет әдәбияты. 1935. № 7. Б. 85–89. (На татар. яз.).

⁵ Галимуллин Ф. Реализммы, романтизммы? [Реализм или романтизм] // Табигыйлеккә хилафлык [Искажение действительности]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. Б. 32–33. (На татар. яз.).

⁶ Адел Нурмухамедович Кутуй (1903–1945) — советский татарский писатель-фантаст, поэт и драматург, журналист, военный корреспондент. Знаменитые произведения: «Тапшырылмаган хатлар» («Неотосланные письма», 1935), «Рөстәм мажаралары» («Приключения Рустема», 1945).

⁷ Кутуй Г. Тапшырылмаган хатлар [Неотосланные письма] // Совет әдәбияты. 1935. № 9–10, Б. 40–57; № 12. Б. 42–62. (На татар. яз.).

Таким образом, ранний период татарской советской литературы ознаменовался сложным переплетением новых идеологических установок и унаследованных художественных традиций. Революция, воспринятая как возможность национального и социального освобождения, вскоре обернулась жесткой диктатурой, наложившей отпечаток на литературное творчество. В татарской прозе структурообразующий конфликт «мы — они», указывающий на противостояние в татарском обществе сторонников традиционализма и прогресса, получил новый смысл, обозначив борьбу за новую социалистическую жизнь с врагами советской власти. В результате на смену главной темы татарской литературы начала XX в. — «судьбы татарского народа» — пришла тематика борьбы за новую социалистическую жизнь. Первые попытки осмысления новой действительности (повести Г. Ибрагимова, рассказы Ш. Усманова) сочетались с романтизацией классовой борьбы. Однако стремление к реалистичному изображению жизни, к раскрытию внутреннего мира человека в эпоху перемен, как в романах Ф. Хусни, М. Амира, наталкивалось на жесткую критику и идеологическое давление. Трагические судьбы произведений, не вписывавшихся в рамки пролетарской идеологии, свидетельствуют о том, что советская литература, призванная отражать «революционный поворот», зачастую становилась инструментом подавления свободы творчества и искажения художественной правды. Вместе с тем, введение в научный оборот таких произведений, долгое время остававшихся под негласным запретом советской идеологии, указывает на то, что следующие произведения их авторов уже соответствовали требованиям соцреализма, но продолжали некоторые поэтические традиции дореволюционной татарской прозы (использование лирических отступлений и философские обобщения при их помощи, детальное описание этнической жизни, создание второстепенных героев в амплу татарских характеров и т. д.). Благодаря этому татарская проза сохранила свою аудиторию, а Фатих Хусни, Мирсай Амир стали ведущими прозаиками советской литературы.

Художественные предпочтения и попытки обойти идеологические ограничения (1941–1955 гг.)

Проза периода Великой Отечественной войны и послевоенных лет составляет отдельную страницу истории литературы, в которой изображение человека в необычных условиях испытания нравственности и чести, осуждение великой трагедии позволило авторам чуть свободней обращаться с поэтическими традициями дореволюционной татарской литературы. Прежде всего, меняется содержание конфликта «мы — они»: советские люди, борцы за свободу родины противопоставляются завоевателям. Это дало возможность разнообразить подходы к характеру советского человека.

Основным объектом в творчестве писателей является изображение прекрасных отношений между людьми: дружбы, братства, любви, взаимовыручки, взаимоуважения — несмотря на суровые испытания жизни. В рассказах прозаики начинают активно использовать символы и символические образы (что не поощрялось литературоведением и критикой в конце 1930-х гг.), через которых представляют эмоциональную оценку происходящего. Например, в рассказах М. Амира «Курай»¹ (1943) и «Сьерчык»² («Скворец», 1943) представленные в сильной позиции — в названиях произведений — символы обозначают и мирную жизнь, и традиции татарского народа, и духовное начало, тем самым противопоставляются жестокости войны, становятся структурообразующим приемом.

В годы Великой Отечественной войны татарский рассказ меняется в сюжетно-композиционном и стилистическом планах. Немаловажную роль в этом сыграли его оперативность и лаконичность, которые позволяли обобщенно показать военные действия и характер человека — солдата-татарина. В патриотических целях было разрешено использовать этническую символику и традиционные образы. Как отмечает Н. Гыйззатуллин, в татарской прозе этих лет наметились два четко определенных стилевых направления: первое — проявление героического характера в сложных событиях и использование сюжета в качестве основного средства для этих целей. Второе — стремление во всех нюансах передать внутренние переживания советского человека в годы войны, раскрыть диалектику

¹ Эмир М. Курай // Сайланма әсәрләр [Избранные произведения]: 3 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 1967. 3 т. Б. 121–135. (На татар. яз.).

² Эмир М. Сьерчык [Скворец] // Эмир М. Сайланма әсәрләр [Избранные произведения]: 3 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 1967. 3 т. Б. 214–217. (На татар. яз.).

человеческого духа¹. Например, в романе А. Абсалямова «Газинур» ярко проявляется героизм солдата, бросившегося закрыть своим телом фашистскую амбразуру. При этом автор объектом изображения использует не действие, а переживания человека в момент принятия решения, а также детализированное описание детства и юношества героя, семью, этническую среду — как самых важных факторов в формировании характера личности, способной ценою жизни защищать родину.

Так в татарскую прозу «возвращается» сильная личность с его индивидуальными переживаниями, своей собственной судьбой, личными обстоятельствами, которая в 1930-е гг. была вытеснена «массами», руководимыми партией. Герой как представитель «мы» противопоставляется «им» — врагам, завоевателям.

«Оставаясь верными тому, что в центре литературы должен стоять человек, его судьба, его чувства, писатели в рассказах военного времени изображают войну как катастрофу, разрушающую человечество, а человеческую жизнь — как непреходящую ценность. Поэтому мы считаем, что первые шаги к возрождению этнических традиций в татарской литературе, появившиеся в 1960-е годы, дают о себе знать уже в литературе военного времени» (Загидуллина, 2008: 132).

Д. Ф. Загидуллина приводит в пример психологические рассказы А. Еники: «Бала» («Ребенок», 1941), «Ана һәм кыз» («Мать и дочь», 1942), «Бер генә сәгатькә» («Лишь на час», 1944), «Ялгыз каз» («Одинокая гусыня», 1944), «Мәк чәчәге» («Маковый цветок», 1944).

Повесть Фатиха Хусни «Йөзек кашы»² («Перстень», 1942), занимавшая важное место в истории татарской литературы, выделяется на фоне советской литературы последних двух десятилетий тем, что утверждает противоречивость самой правды жизни. И сюжет, и язык-стиль, сочетание изобразительных средств, и глубокий психологизм, композиционная целостность — ставят это произведение в ряд прекрасных образцов классического словесного искусства. Больше всего примечателен сложный характер главного героя Айдары. С одной стороны, он — предубежденный бунтарь, горячая голова, с другой — парень с чистой душой, искренний и любящий, способный не задумываясь отдать жизнь во имя родины.

Лирическое начало повести с первых строк настраивает читателя на эмоциональное восприятие. В деревню приехал торговец яблоками, и запах яблок распространился на всю округу. Сердце маленького Айдары занимает дочь торговца яблоками. Не случайно девочка бросает мальчику яблоко: яблоко — символ красоты, чистоты, любви. Лирическая приподнятость в начале произведения сменяется психологической напряженностью в перипетиях непростой любовной ситуации Айдары и Васили, но сохраняется до конца повести.

С этого времени в татарской прозе заявляет о себе лирико-эмоциональное начало, сменившее патристический пафос советской «красной» литературы.

На первый взгляд, характер Айдары, его необдуманные поступки, тревожащие возлюбленную Василию, близких, должны вызывать только ненависть. Однако за искренность, безжалостный протест против несправедливости, смелость, отвагу читатель симпатизирует ему. Это особенно заметно в сравнении с восприятием образа Гусмана, который является его противоположностью. С детства в душе мальчика росло чувство зависти и ревности по отношению к Айдару, в результате он не только разлучил два молодых сердца, но и обрек себя на печальную и позорную смерть.

Разделение героев на положительных и отрицательных восходит к устному народному творчеству, преобладает в просветительской и соцреалистической литературах. Для татарского читателя советского времени оно служило средством воспитания. Айдар не уместается в это «прокрустово ложе»: он — герой с противоречивым характером.

В словах автора:

«Достоин ли он быть примером для подражания, скажут мне здравомыслящие критики. Заранее отвечу, что нет. Напротив, многие его качества мне тоже не нравятся. Но жизнь — это и есть жизнь, законы которой не могут считаться ни моими, ни твоими. Да, в жизни есть и Айдары. Они — пример для подражания или нет? Но такие есть, и, следовательно, они имеют право «вписаться в песню»»³

¹ Гыйззәтуллин Н. Хикәяләр остасы [Мастер рассказов] // Социалистик Татарстан. 1967. 30 апр. С. 4. (На татар. яз.).

² Хәснәи Ф. Йөзек кашы [Перстень] // Хәснәи Ф. Бер яшьлектә, бер картлыкта [И в молодости, и в старости]: повестьлар, хикәяләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. Б. 8–52. (На татар. яз.).

³ Там же. Б. 13.

видны его гуманистические взгляды, аксиологическое отношение к человеку, при котором человек рассматривается не только как общественный продукт, выполняющий партийные решения, но прежде всего — как ценность.

Рассказ А. Еники¹ «Бер генә сәгатькә»² («На один только час», 1944) повествует о том, как молодой солдат, проезжая в эшелоне через родную деревню, заходит к родителям, родственникам. Писатель мастерски, в психологических деталях передает душевные переживания своих героев, пережитые за час, отведенный военному. Считывание минут в произведении настраивает читателя на напряженное состояние. Раскрывается красота взаимоотношений между людьми, связанных узами родства и любви. Философия о том, что счастье человека состоит из счастливых моментов, представляется в изображенных с этнической точностью характерах и этнографическом описании действительности.

Таким образом, война возвращает литературе психологизм и этнические образы главных героев-татар, выдвигает на передний план гуманистические идеи.

В послевоенные годы резких изменений в политико-общественной жизни не произошло, наоборот, «с окончанием Великой Отечественной войны кратковременное послабление нормативной концепции в словесном искусстве, которое было возможно в условиях суровой военной действительности, вновь стало неактуальным в рамках доминирующей в литературе монистической концепции» (Надыршина, 2022: 201). Главной темой оставалась война.

Мирная жизнь позволяет писать большие полотна: развиваются жанры романа и повести. В романах Г. Баширова «Намус» («Честь», 1948), А. Абсалямова «Алтын йолдыз» («Золотая Звезда», 1948), «Газинур» (1950), Ф. Хусни «Жәяүле кеше сукмагы» («Тропа пешехода», 1945–1957), К. Наджми «Язгы жилләр» («Весенние ветры», 1948), А. Файзи «Тукай» (1950), дилогии М. Амира «Саф күңел» («Чистая душа», 1954–1959), трилогии И. Гази «Онытылмас еллар» («Незабываемые годы», 1949–1966) отражены непобедимый дух народа, военные подвиги, тяготы тыловой жизни, историко-революционное прошлое, судьбы людей, послевоенная жизнь села. Хотя соцреализм остается основным принципом, прозаики стремятся осветить жизненный материал в контексте народной жизни, через сильные характеры героев.

В этот период активизируется формирование негативного мнения о прошлом татарского народа, оценка падения Казанского ханства как прогрессивного явления, дискредитация влияния Востока на татарскую литературу. Если «мы» относится к советскому человеку, то «они» в негативном ключе — к прошлому народу. В это время творчеству многих дореволюционных писателей было наложено табу, многие прозаики обвинялись в буржуазном национализме.

Опять популяризируется схематизм в представлении советского общества, который появился в 1930-е годы в рамках принципа интернационализма: прозаики пишут о советской действительности, о руководящей роли героя-коммуниста, в большинстве случаев — русского по происхождению. Однако начиная с середины 1950-х гг. появляются такие повести как «Рәхмәт, иптәшләр»³ («Спасибо, товарищи», 1952) А. Еники, «Авыл өстендә йолдызлар»⁴ («Звезды над деревней», 1953) Ф. Хусни, «Авылдашым Нәби»⁵ («Односельчанин Наби», 1957), «Йолдызым»⁶ («Звезда моя», 1960) Р. Тухфатуллина, в которых хотя и затрагивается вопрос партийного руководства, но авторы выдвигают на первый план описание человеческой психологии, говоря о личном счастье простых людей.

В целом, проза периода Великой Отечественной войны и послевоенных лет стала важным этапом в развитии татарской литературы. Война, став трагическим испытанием для народа, одновременно послужила катализатором для переосмысления художественных приемов и обращения к глубинным ценностям. Писатели, стремясь запечатлеть героизм, страдания и надежды современников, обогатили литературу психологизмом, поэтикой символов и вниманием к этническим образам. Несмотря на

¹ Амирхан Нигметзянович Еникеев (1909–2000) — татарский писатель-прозаик, публицист. Знаменитые произведения: повести «Саз чәчәге» («Болотный цветок», 1955), «Рәшә» («Марево», 1962).

Еники Ә. Бер генә сәгатькә [На один только час] // Ә. Еники. Әсәрләр: 5 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 2000. 1 т.: хикәяләр. Б. 27–46. (На татар. яз.).

² Еники Ә. Рәхмәт, иптәшләр [Спасибо, товарищи]: повесть. Казан: Таткнигоиздат, 1954. (На татар. яз.).

³ Хусни Ф. Авыл өстендә йолдызлар [Звезды над деревней]: повесть. Казан: Таткнигоиздат, 1955. (На татар. яз.).

⁴ Төхфәтуллин Р. Авылдашым Нәби [Односельчанин Наби]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. (На татар. яз.).

⁵ Төхфәтуллин Р. Йолдызым [Звезда моя]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1962. (На татар. яз.).

идеологические ограничения послевоенного периода, татарские прозаики продолжали искать пути к созданию правдивых и глубоких произведений, в центре которых находилась судьба человека. Постепенно, сквозь призму соцреализма, пробивалось стремление к более тонкому изображению человеческих переживаний, к показу личного счастья простых людей. Это создало предпосылки для дальнейшего развития татарской литературы, которая, несмотря на все трудности, смогла сохранить свою самобытность и гуманистическую направленность.

Литература военного и послевоенного времени заложила основу для возрождения этнических традиций, проявившихся в полной мере в последующие десятилетия.

Возрождение этнокультурных традиций в многообразной тематике произведений (1960–1985 гг.)

В 1960–1985 гг. татарская литература достигла высокого уровня развития. Социально-культурный подъем в стране, рост демократии привели к тематическому расширению литературы, разнообразию жанров; росла смелость писателей, отстаивающих этнические интересы.

Этому способствовало начало «оттепели». Общественно-политические изменения, происходящие в стране, позволили писателям дышать более свободно. Разоблачение культа личности, реабилитация имен многих талантливых татарских поэтов и прозаиков, возвращение дореволюционных произведений в народ оживляют литературный процесс. Как пишет Д. Ф. Загидуллина:

«Появляется возможность творить по образцу вершинных произведений, продолжить традиции, заложенные в литературе в начале XX века. Поэтому возрождение татарской литературы 1960-х годов кажется возвращением к этнокультурным традициям, в некоторой степени продолжением поисков модернизма, пережившего подъем в начале XX века» (Загидуллина, 2015: 5).

Татарская проза обогащается различными поэтическими приемами. Это, в первую очередь, отражается в изображении советской действительности. Так, писатели начинают указывать и на недостатки коммуниста-руководителя, который до этого изображался только в позитивном ключе. Эту возможность открывает А. Еники, его повесть «Саз чэчәге» («Болотный цветок», 1955).

Герой повести Шакир Мустафин, работавший вторым секретарем райкома, после гибели жены и дочери в автокатастрофе женится на девушке по имени Назия. Начав жить с молодой женщиной, Мустафин отошел от забот об интересах народа и стал рабом частной собственности. Автор прослеживает потерю человеком своей принципиальности, уделяя особое место его внутренним раздумьям. Оторванность руководителей от жизни простого народа выступает в качестве причины, порождающей пропасть между ними.

В данном произведении А. Еники поднимает две большие проблемы. Если одна из них, как уже говорилось, связана с негативным описанием главного героя и через это описание писатель ставит под сомнение деятельность членов партии, то другая — с Назией. Автор уделяет немало внимания раскрытию этого образа. Шакир поначалу влюбляется в молодость и красоту девушки, но со временем понимает, что она духовно пуста. «Ему казалось, что он будет счастлив с нежной, как цветок, Назией, будет гордиться ею, и в то же время думал о том, что с женщиной, которая ничего не знает и не думает, он может стать посмешищем в глазах людей, станет глубоко несчастным»¹.

Автор использует цветок, растущий на болоте, как символ внешней красоты при внутренней пустоте человека. С одной стороны, истинное счастье бывает только тогда, когда внешняя красота наполняется духовным богатством, подчеркивает он. С другой стороны, стремление людей к богатству, забота только о материальной стороне — намек на то, что это приведет общество к болоту — заставляет задуматься о проблеме, которая актуальна во все времена.

Таким образом, в этот период появляется новая модель конфликта «мы — они», которая указывает на наличие в обществе людей, не соответствующих советским меркам. Тем самым берется под сомнение правильность самой коммунистической партии. Для этого автор включает в свое произведение несколько эпизодов (например, с сахарным песком, который в неограниченном количестве доступен только определенным категориям людей; со строительством частного дома; с домом, бытом, жизнью

¹ Еники Ә. Саз чэчәге [Болотный цветок] // Ә. Еники. Әсәрләр [Произведения]: 5 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. 2 т.: повестлар. Б. 145. (На татар. яз.).

ветерана войны и т. д.), указывающих, что система разделяет людей на два лагеря, в зависимости от положения в обществе. Детально описывая жизнь и быт властимущих и простых тружеников, не делая обобщения, тем не менее, автор заставляет задуматься о причинах такого явления.

Татарская проза периода оттепели все же избегала прямых оценочных суждений, что нашло отражение в активности автобиографического жанра. С одной стороны, у татарских прозаиков появилось желание по-новому оценить историческое прошлое, донести свою точку зрения на главные события XX в.: коллективизацию и индустриализацию, культ личности, Гражданскую войну и т. д. С другой стороны, автобиографическое произведение позволяло свести этот разговор к истории отдельно взятого человека.

По мнению Г. Р. Гайнуллиной, «в поисках истины писатели обращаются к личным биографиям. Эти произведения становятся важным достижением послевоенной прозы» (Гайнуллина, 2012: 5). Например, автобиографическая повесть Ф. Хусни «Минем тәрәзәләрем»¹ («Мои окна», 1962–1964) — не просто автобиография, состоящая из обыденных воспоминаний. С одной стороны, произведение написано как того требует жанр в форме воспоминаний из личной жизни автора и дает исчерпывающую информацию о жизненном пути и этапах творческого развития писателя, с другой — примечателен своей идейно-эстетической ценностью. Писатель описывает вопросы литературного творчества и события в жизни страны через свои личные переживания.

Вступление во взрослую жизнь простого крестьянского сына, родившегося и выросшего в деревне, устремление к великим целям, становление человеком, пройдя через сложности и невзгоды, через горькие переживания — все это описано живым, легким с юмором языком. На примере своей жизни рассказчик показывает, что секрет счастливой жизни кроется в сочетании заботы об интересах народа с личными достижениями.

Ученые-литературоведы Н. Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий, констатируя особенность русской литературы 1960–1970 х гг., пишут: «Прорыв из-под глыб тоталитарного сознания, который начался в годы “оттепели”, расшатывание жесткой парадигмы соцреализма и поиски иных путей художественного освоения действительности уже не удалось остановить в годы политического застоя и идеологических “заморозков”»².

Повесть Г. Баширова³ «Туган ягым — яшел бишек» («Родная сторона — зеленая колыбель», 1968) — одно из первых произведений, в котором светлыми красками изображен дореволюционный уклад жизни татарского народа. С одной стороны, она автобиографична: писатель пишет воспоминания о детстве и юности, с другой — описывает татарскую деревню начала XX в. в историко-панорамном плане. Кроме того, через своего молодого героя автор показывает роль ислама в дореволюционной жизни татарского народа.

1960-е гг. в советском обществе сохранялось резко негативное отношение к религии. С одной стороны, государство запрещало религию и проводило против нее жесткую политику борьбы. Если в 1920–1930-е гг. эта борьба носила агитационный характер, то в 1950–1960-е гг. пропаганда атеизма стала вестись с научной точки зрения. С этой целью выходят многочисленные статьи и труды, к примеру, труды П. Ф. Колоницкого, З. С. Ахмерова, Р. Г. Балтанова⁴ и др. Татарским прозаиком Г. Губаев⁵ с атеистических позиций была написана книга «Коръән серләре» («Тайны Корана», 1967)⁵. Вместе с

¹ Хусни Ф. Минем тәрәзәләрем [Мои окна (в мир)]: повесть. Казан : Татар. китап нәшр., 1965. (На татар. яз.).

Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е гг.; пособие для студ. высш. учеб. заведений в 2 т. М.: Издательский центр «Академия», 2003. Т. 2. 1968–1990. С. 13.

² Гумер Баширович Баширов (1901–1999) — татарский советский писатель, военный корреспондент, ученый-фольклорист и общественный деятель. Знаменитые произведения: романы «Намус» («Честь», 1948), «Жидегән чиймә» («Семь звонких ключей», 1977–1978), повесть «Туган ягым — яшел бишек» («Родимый край — зеленая моя колыбель», 1967).

³ Колоницкий П. Ф. Мораль коммунистическая и мораль религиозная. М., 1952; Ахмеров З. С. Воспитывать атеистов. Из опыта работы школ Татарской АССР. М., 1962; Балтанов Р. Г. Утверждение коммунистической нравственности и борьба с пережитками морали ислама: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Казань, 1963; Балтанов Р. Г. Реакционная сущность Корана. Казань, 1962.

⁴ Гариф Шакирович Губайдуллин (1907–1983) — советский поэт и писатель, государственный и политический деятель. Известен детскими произведениями: «Маякчы кызы» («Дочь бакеншика», 1938), «Замана балалары» («Дети нашего времени», 1945), «Маратның язмышы» («Судьба Марата», 1956).

⁵ Гобәй Г. Коръән серләре [Тайны Корана]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1969. (На татар. яз.).

тем, писатели, почувствовав некоторое послабление в годы войны, стали смелее использовать в своих произведениях религиозные мотивы, образы, чаще обращаться к религиозно-духовным ценностям. Это прослеживается и в повести Г. Баширова «Родная сторона — зеленая колыбель» (1967).

Произведение можно условно разделить на три части по отношению к рассказанным событиям и стилю повествования. В первых главах повести описывается беспечное детство героя: рождение жеребенка, Сабантуй, сенокос и жатва, молодежные вечеринки, свадебные обряды — в этнографической детализации. Писатель раскрывает мировоззрение, образ жизни, духовный мир народа. С любовью и ностальгией вспоминаются детские катания на санках зимой, засушливые дни летом, приготовление «вороньей каши», уход за лошадьми. Далее следует период ученичества Гумера: учеба у абыстай¹, жизнь в медресе; здесь изображается стремление главного героя получить образование, борьба народа за веру, единство.

Новизна повести в том, что Г. Баширов показывает обряды, которые до этого рассматривались в литературе как «пережиток старины», источниками красоты и света. Это отражается и на отношении автора к религиозным традициям, религиозным деятелям, медресе. Конечно, в 1960-е гг. было невозможно описать их напрямую, но по повествуемым событиям, по отдельным деталям можно понять, что писатель относился к религии с уважением.

В советской литературе наряду с религией отрицательно характеризовались и религиозные деятели. «Они» рассматривались по другую сторону лагеря — в ряду угнетателей народа — и изображались как объект зла или смеха. В условиях соцреализма писатель вынужден был относиться к персонажам в зависимости от их социального происхождения. В повести Г. Баширова чувствуется антипатия Гумера к богатым, помещикам. Однако к богословам герой относится положительно. Это видно и при описании их внешности. Фатима абыстай, обучившая читать, показалась мальчику «высокой, стройной, красивой тетей, с длинным белым лицом»². О мулле деревни Каенсар Гумер отзывался так:

«это был молодой человек стройного телосложения, красивой внешности. Большой радостью для нас становится и то, что он приходит два-три раза в неделю. Во всяком случае, приятно было наблюдать за его красивым лицом, белоснежной фигурой, а также за тем, как его густые черные брови дрожат при разговоре с учениками»³.

Гумер учился в медресе своей деревни у Забихуллы хальфы. При описании жизни медресе, обучения в нем писатель останавливается на образе этого учителя. Написав: «он — самый вежливый, образованный, самый примерный человек в деревне, после муллы и муэдзина» («ул авылда, мулла белән мәзиннән кала, иң әдәпле, иң гыйлем, иң үрнәк кеше»), автор одним из первых в прозе советского периода показывает интеллигентность, благородство и авторитет религиозных деятелей среди татарского народа. Также в ряде мест говорится, что преподаватели религии обучают детей бесплатно или за очень небольшую плату. В произведении подчеркивается, что ислам является образом жизни для татарского народа дореволюционной России. Беседы Мухамеджана солдата и Башира ага автор приводит специально для того, чтобы донести до советского читателя свои мысли относительно религии.

Как указывает Д. Ф. Загидуллина:

«Произведение, целиком посвященное описанию татарской деревни начала XX века, воссоздает красоту дореволюционной жизни, стремление к знаниям и свету, теплые отношения между людьми, красоту добрых традиций. Как будто оно написано с целью объяснить, донести до татарского читателя, что татарская действительность до 1917 года не было местом невежества и мрака, как повторяла советская идеология» (Загидуллина, 2015: 226).

Пробуждение этнического самосознания в 1960-е гг. вызвало у народа интерес к своему прошлому. Одним из первых к художественному освещению истории древности взялся Н. Фаттах⁴. В его романе

¹ Абыстай — супруга муллы, обучающая детей.

² Баширов Г. Туган ягым — яшел бишек [Родная сторона — зеленая колыбель]: повесть // Баширов Г. Әсәрләр [Произведения]: 4 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 1982. 2 т. (На татар. яз.).

³ Там же. С. 113.

⁴ Нурихаан Садрильмаанович Фаттах (1928–2004) — татарский писатель, переводчик, автор сочинений по истории и лингвистике. Знаменитые произведения: повести «Сезнеңчә ничек?» («Как по-вашему?», 1955), «Медир Сажидә» («Заведующая Саджида», 1968); исторические романы «Этил суы ака торур» («Итил-река течет», 1960), «Сызгыра торган уклар» («Свистящие стрелы», 1984).

«Этил суы ака торур¹» («Итиль-река течёт», 1969) описываются события начала X в. — периода принятия ислама Волжской Булгарией. С середины 1980-х гг., когда началось новое понимание и изучение истории, стало возможным осветить эпоху Казанского ханства, и писатели стали обращаться и к страницам этой сложной и трагической истории.

Исторические произведения раскрывают этнические ментальные особенности народа, его уникальный характер. Исследователь исторических произведений А. М. Сафина пишет: «Национальный характер в исторических произведениях раскрывается посредством создания такого типа, который вбирает в себя представления о глубинных традициях народа, весь духовно-нравственный опыт предшествующих поколений и эволюцию его под влиянием времени»².

Историк А.Г. Галлямова, оценивая постсталинский период заявляет:

«Несмотря на репрессии и идеологические императивы, установить тотальный контроль над умами и действиями людей властям не удалось. Ужесточение идеологии оказывало иногда на общество прямо противоположное значение — усиливало творческую энергию. При всем казавшемся незыбленным господстве официальной идеологии в обществе сохранился и зрел гражданский активизм, пусть и в ограниченном зародышевом состоянии» (Галлямова, 2015: 451).

Эту мысль ученой можно экстраполировать и на сферу литературы.

Хотя и не напрямую, но в творчестве молодых писателей прослеживаются отдельные примеры критики коммунистической идеологии с использованием подтекста, эзопова языка. В рассказе Р. Батуллы³ «Монар»⁴ («Мираж», 1966), озадачившем в свое время многих читателей своим подтекстом, двое мужчин, Исангул и Рауф, перепутав дорогу, заблудились. Писатель мастерски, при помощи психологических деталей описывает беспомощность человека, оказавшегося в пустыне.

Жажда, неопределенность, угроза неминуемой смерти выводят героев из себя. Со временем на глазах у Исангула неподалеку появляется силуэт города. Рауф пытается привести спутника в сознание, но не желая его слышать, Исангул отправляется в неизвестность. Зная, что это всего лишь мираж, Рауф был вынужден уйти вслед за товарищем. Рассказ-метафора повествует о том, что одни искренне верят в идею коммунизма, обманываются, другие вынуждены следовать за ними. Молодой Батулла говорит об этом в период «расцвета коммунизма».

В начале 1950-х гг. в юго-восточных районах Татарстана была обнаружена нефть, и за два десятилетия республика стала крупным нефтедобывающим регионом Советского Союза. ГЭС, заводы, гигантские стройки сильно поменяли индустриальный облик Татарстана. В официальной литературе появились многочисленные произведения, освещающие сферу производства: в литературу приходят новые темы, новые герои. В них преобладает энтузиазм, светлые мечты молодых людей, строящих новую жизнь. При этом некоторые прозаики обращают внимание и на другие стороны вопроса. Небрежное отношение нефтяников к Земле, истощение и порча плодородных черноземов не оставляют их равнодушными.

Сначала такие экологические проблемы освещались в очерках, затем поднимались в таких повестях, как «Икмәк кадере»⁵ («Цена хлеба», 1972) М. Хабибуллина, «Чатта тукталу»⁶ («Остановка на перекрестке», 1978) Р. Тухфатуллина. Писатели придавали значение раскрытию психологии земледельца, постепенно переходя от публицистической остроты к литературной. Так расширяется конфликт «мы — они»: оппозиция «они» стала относиться к чиновникам, не думающим о народе, равнодушным к состоянию природы, к этническим ценностям.

¹ Фәттах Н. Этил суы ака торур [Итиль-река течёт]: тарихи роман [исторический роман] Казан: Татар. кит. нәшр., 1972. (На татар. яз.).

² Сафина А. М. Национальный характер в татарской исторической прозе (вторая половина XX века): автореф. дис. ... канд.-та филол. н. Казань, 2010. С. 11.

³ Рабит Батулла (Роберт Мухлисович Батуллин) (1938) — татарский общественный деятель, театральный режиссёр, педагог, писатель, драматург, публицист и сатирик. Автор исторического романа «Сююмбике» (1992).

⁴ Батулла Р. Монар [Мираж] // Батулла Р. Ташламам, жанкисәгем [Не брошу, душа моя]: хикәяләр [рассказы]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1980.

⁵ Хәбибуллин М. Икмәк кадере [Цена хлеба] // М. Хәбибуллин. Унсигезенче яз [Восемнадцатая весна]: повестлар, хикәяләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1977. Б. 35-72. (На татар. яз.).

⁶ Төхфәтуллин Р. Чатта тукталу [Остановка на перекрестке]: повесть // Казан утлары. 1987. №7. Б. 110-132. (На татар. яз.).

В татарской литературе 1960-х гг. сформировалось типологически близкое к деревенской прозе течение, которое охватывает произведения, посвященное деревенской тематике. По мнению Л. Б. Четыровой и А. С. Сахарова, оно противопоставляется социалистическому реализму по следующим параметрам: герои преклонного возраста, потеря родной земли в результате научно-технического прогресса, отсутствие героики. Маркерами соцреализма она выделяет: определение молодого человека центральным героем, разворачивание событий на стройке или на поле боя, героика, антагонизм и счастливый финал. «Трагизм, лишенный национальной героики, с которым в произведениях описываются последствия политических событий или, что еще более характерно, вмешательства метрополии в деревенскую жизнь, например, коллективизации, позволяет нам говорить о колониальной ране советского крестьянства — неспособности адаптироваться в чуждом им современном советском мире» (Четырова, Сахаров, 2023: 105).

Необходимо подчеркнуть, что до 1980-х гг. в татарской литературе существовал метод социалистического реализма, который был присущ и произведениям, посвященным деревенской тематике (творчество И. Гази, Р. Тухфатуллина, Б. Камалова). Но зачастую писатели «деревенщики» в основных проблемах расходились с соцреализмом. В отличие от писателей соцреализма, воспевающих красоту сегодняшнего дня, представители деревенской прозы ищут красоту в прошлом, видят ее в традициях, в душевном богатстве человека земли, представляют деревню как место сохранения традиционных нравственных ценностей. Если в 1960–1970-е гг. татарская деревенская проза характеризовалась изображением тяжелой послевоенной жизни, событий, связанных с колхозным руководством, размышлениями героя о жизни, то в 1970–1980-е гг. наблюдается противопоставление сельской и городской жизни, представление человека как дитя природы, усиление философских и психологических начал. Самое главное — деревенская тематика акцентирует в литературе этническое начало. В произведениях часто используются образы-мотивы рода и народа, исторической памяти, родословной. Писателей волнуют смена поколений, сужение сферы употребления родного языка, нравственные и экологические катаклизмы.

Проблема смены поколений — одна из главных — в 1970-е годы приобретает новое содержание: в творчестве представителей русской деревенской прозы В. Г. Распутина, В. П. Астафьева, Ф. А. Абрамова и др. она поднимается параллельно с вопросами нравственности, традиций, охраны природы. В татарскую литературу эта тема вошла в середине 1960-х гг., татарскими прозаиками сохранение связи между поколениями разъясняется как обязательное условие передачи этно-ориентированных ценностей.

Среди прозаиков одним из первых этот вопрос затрагивает А. Еники. В его повести «Әйтелмәгән васыять»¹ («Невысказанное завещание», 1965) главная героиня Акъэби, «которая видит свой материнский долг в сохранении духовно-культурных ценностей» (Ганиева, 2022: 625), не смогла их передать следующим поколениям. Этот разрыв в смене поколений, вызванный историко-политическими причинами, понимается автором как боль за будущее своего народа.

Повесть Р. Батуллы «Юл буенда зәңгәр чәчәк»² («У дороги голубой цветок», 1985) — одно из последних произведений советского периода, посвященных деревенской тематике. События повести охватывают период от Великой Отечественной войны до 1980-х гг. и изображают татарскую деревню в общественном, философском, психологическом и нравственном плане. Образ голубого цветка, вынесенный в название произведения, становится символом красоты, и отношение героев к прекрасному (справедливость, милосердие, отзывчивость) являются определяющими их жизненных принципов факторами.

В произведении события разворачиваются вокруг главного героя Ярмухамета. Трагедии, вызванные войной и красным террором, рассматриваются в моральном ракурсе. Показано, что раны, нанесенные тяжелыми переживаниями, не заживают с течением жизни, а, наоборот, лишь подрывают этнические основы самосознания.

Повесть считается одним из ярчайших образцов деревенской прозы. Она коренным образом изменила татарскую литературу.

¹ Еники Ә. Әйтелмәгән васыять [Невысказанное завещание] // Еники Ә. Әсәрләр [Произведения]: 5 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. 3 т.: повестылар. Б. 7–45. (На татар. яз.).

² Батулла Р. Юл буенда зәңгәр чәчәк [У дороги голубой цветок]: повесть. Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. (На татар. яз.).

Деревенская тематика выступает как завершающее явление литературы советского периода. Если в русской литературе ее границы определяются 1960–1980-ми гг., то в татарской литературе она считается родоначальницей литературы этнического возрождения, получившей дальнейшее развитие в конце XX в.

Таким образом, период с 1960 по 1985 гг. стал временем расцвета татарской советской литературы, отмеченным тематическим и жанровым разнообразием, а также смелостью писателей в отстаивании этнических интересов. «Оттепель» дала возможность переосмыслить прошлое, критически взглянуть на настоящее и вернуть в литературный оборот забытые имена и произведения. Автобиографический жанр позволил писателям говорить о травматичных событиях XX в. через призму личного опыта, что придавало повествованию особую остроту и достоверность. Повесть Г. Баширова «Родная сторона — зеленая колыбель» стала своеобразным окном в прошлое, позволяя читателю взглянуть на дореволюционную жизнь татарской деревни под иным углом, нежели это было принято в советской литературе. Она не просто воссоздала картины быта и обрядов, но и представила ислам как неотъемлемую часть жизни татарского народа, пронизывающую все сферы его существования.

От исторических романов, воссоздающих величие Волжской Булгарии, до рассказов-метафор, критикующих коммунистическую идеологию, и произведений, поднимающих экологические проблемы, татарская литература этого периода охватила широкий спектр тем. Особое место заняла деревенская проза, противопоставленная социалистическому реализму и акцентирующая внимание на этнических ценностях, исторической памяти и проблеме смены поколений.

Заключение

Исследование показало, что в советское время татарская литература, обновляя этнические и исторические художественные традиции, особенно начала XX в., устойчиво развивалась и в тематическом, и в поэтическом отношении. Это развитие в целом шло по двум направлениям. Одно основывалось на принципах классовости и партийности и подчинялось официальной идеологии, другое — стремилось преодолеть эти границы и достичь воплощения общечеловеческого идеала. Однако в обоих направлениях художники слова искали выход за пределы социалистического реализма, стремились к сохранению этнических особенностей, культуры, исторической памяти.

Путь татарской советской литературы от первых послереволюционных исканий до периода «оттепели» до последующего расцвета был тернист и полон противоречий. Стремление к этническому самовыражению, гуманистические идеалы и поиск художественной правды сталкивались с жесткими идеологическими рамками, цензурой и давлением. Тем не менее, литература сумела выстоять, сохранить свою самобытность и внести значительный вклад в развитие татарской культуры.

Стоит отметить, в данной статье мы остановились лишь на отдельных важных моментах литературного процесса изучаемого периода. Дальнейшие исследования позволят постигнуть тонкости стиля, проследить эволюцию и трансформацию творческого почерка отдельных мастеров слова.

Татарская советская литература оставила богатое наследие, отражающее сложную и многогранную историю народа. Она стала не только зеркалом эпохи, но и мощным фактором формирования этнического самосознания, возвращения и сохранения культурных традиций и передачи их будущим поколениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баевский, В. С. (1999) История русской литературы XX века. М. : Языки русской культуры. 271 с.
- Гайнулина, Г. Р. (2012) XX гасырның 60–70 нче елларында татар автобиографик прозасы үсеше [Развитие татарской автобиографической прозы в 60–70-е гг. XX века]. Казан : Ихлас. 107 б. (На татар. яз.).
- Галимуллин, Ф. Г. (2016) Татарская литература: взгляд сквозь столетия. Казань : Редакционно-издательский центр «Школа». 295 с.
- Галлямова, Г. А. (2015) Татарская АССР в период постсталинизма (1945–1985 гг.). Казань : Татарское книжное издательство. 455 с.
- Ганиева, А. Ф. (2022) Архетип матери-хранительницы национальной идентичности в татарской прозе // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. Т. 32. № 3. С. 623–629. DOI: <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-3-623-629>

Ганиева, Р. К. (2002) Татарская литература: традиции, взаимосвязи. Казань : Издательство Казанского университета. 272 с.

Загидуллина, Д. Ф. (2020) Татарская литература XX — начала XXI в.: «мягкость» модернизма-авангарда-постмодернизма (к постановке проблемы). Казань : ИЯЛИ. 256 с.

Закирзянов, А. М. (2019) Современное татарское литературоведение: традиции, закономерности, поиски. Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. 372 с.

Загидуллина, Д. Ф. (2015) 1960–1980 еллар татар әдәбияты: яңарыш мәйданнары һәм авангард эзләнүләр [Татарская литература 1960–1980-х гг.: авангардные поиски и эксперименты]. Казан : Татарстан китап нәшрияты. 383 б. (На татар. яз.).

Мусин, Ф. М. (1976) По координатам жизни: (Размышления о соврем. татар. прозе). М. : Современник. 205 с.

Надыршина, Л. Р. (2022) Поэма в татарской литературе XX века. Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. 352 с.

Нигматуллина, Ю. Г. (1997) Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур. Казань : Фэн. 189 с.

Скороспелова, Е. Б. (2003) Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). М. : ТЕИС. 420 с.

Татар әдәбияты тарихы [История татарской литературы] (2021): сигез томда / төз. һәм фәнни мөх. Г. М. Дәүләтшин. Казан : Татарстан китап нәшрияты. 1 т.: Борынгы чор һәм Урта гасырлар [Древний и средневековый период]. 423 б.

Фахрутдинов, Р. Г., Фахрутдинов, Р. Р. (2021) История татарского народа. Казань: Татарское книжное издательство, 415 с.

Хатипов, Ф. М. (2014) Әдәби әсәрнең эстетик энергиясе [Эстетическая энергия художественного произведения]. Казан : Татарстан китап нәшрияты. 287 б. (На татар. яз.).

Четырова, Л. Б., Сахаров, А. С. (2023) «Деревенская проза» в контексте столкновения традиционной русской культуры и советской модерности // Семиотические исследования. Т. 3. № 2. С. 99–106. DOI: <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-2-99-106>

Дата поступления: 14.03.2025 г.

Дата принятия: 02.04.2025 г.

REFERENCES

Baevsky, V. S. (1999) *History of Russian Literature of the 20th Century*. Moscow, Languages of Russian Culture. 271 p. (In Russ.)

Gainullina, G. R. (2012) *Development of Tatar Autobiographical Prose in the 1960s–1970s*. Kazan, Ikhlas. 107 p. (In Tatar.)

Galimullin, F. G. (2016) *Tatar Literature: A View Through the Centuries*. Kazan, Editorial and Publishing Centre “Shkola”. 295 p. (In Russ.)

Gallyamova, G. A. (2015) *The Tatar ASSR During the Post-Stalinist Period (1945–1985)*. Kazan, Tatar Book Publishing House. 455 p. (In Russ.)

Ganieva, A. F. (2022) The Archetype of the Mother as Guardian of National Identity in Tatar Prose. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*, vol. 32, no. 3, pp. 623–629. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-3-623-629>

Ganieva, R. K. (2002) *Tatar Literature: Traditions and Connections*. Kazan, Kazan University Press. 272 p. (In Russ.)

Zagidullina, D. F. (2020) *Tatar Literature of the 20th — Early 21st Century: The “Softness” of Modernism, Avant-Garde and Postmodernism (Problem Statement)*. Kazan, IYALI. 256 p. (In Russ.)

Zakirzyanov, A. M. (2019) *Contemporary Tatar Literary Studies: Traditions, Patterns, Searches*. Kazan, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art. 372 p. (In Russ.)

Zahidullina, D. F. (2015) *Tatar Literature of the 1960s–1980s: Fields of Renewal and Avant-Garde Explorations*. Kazan, Tatar Book Publishing House. 383 p. (In Tatar.)

Musin, F. M. (1976) *By the Coordinates of Life: Reflections on Contemporary Tatar Prose*. Moscow, Sovremennik. 205 p. (In Russ.)

Nadyrshina, L. R. (2022) *The Poem in 20th Century Tatar Literature*. Kazan, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art. 352 p. (In Russ.)

Nigmatullina, Y. G. (1997) *Types of Cultures and Civilizations in the Historical Development of Tatar and Russian Literature*. Kazan, Fän. 189 p. (In Russ.)

Skorospelova, E. B. (2003) *Russian Prose of the 20th Century: From A. Bely ("Petersburg") to B. Pasternak ("Doctor Zhivago")*. Moscow, TEIS. 420 p. (In Russ.)

History of Tatar Literature (2021): in 8 volumes / compiled and edited by G. M. Davletshin. Kazan, Tatar Book Publishing House. Vol. 1: *Ancient and Medieval Period*. 423 p. (In Tatar.)

Fakhrutdinov, R. G. and Fakhrutdinov, R. R. (2021) *History of the Tatar People*. Kazan, Tatar Book Publishing House. 415 p. (In Russ.)

Khatipov, F.M. (2014) *The Aesthetic Energy of the Literary Work*. Kazan: Tatar Book Publishing House, 287 p. (In Tatar.)

Chetvrova, L. B. and Sakharov, A. S. (2023) "Village Prose" in the Context of the Clash Between Traditional Russian Culture and Soviet Modernity. *Semioticheskie issledovaniya*, vol. 3, no. 2, pp. 99–106. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-2-99-106>

Submission date: 14.03.2025.

Acceptance date: 02.04.2025.

Авторские жанровые обозначения в татарской драматургии рубежа XX–XXI вв.

Фатыма Х. Миннуллина

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
Российская Федерация

В статье представлен анализ авторских жанровых обозначений в татарской драматургии рубежа XX–XXI вв. Этот период ознаменовался кардинальными переменами в общественно-политической и социально-культурной жизни российского общества. Татарская драматургия изучаемого времени отличается поиском новых литературных форм, жанров, образов, сюжетов драматургами, стремящимися выразить авторскую концепцию.

В качестве источников исследования выступают написанные в указанный временной промежуток пьесы татарских драматургов. Представлена типология жанровых обозначений в татарской драматургии рубежа XX–XXI вв., на примере рассмотренных произведений.

Заключено, что новые (авторские) жанровые определения пьес не являются случайностью, а представляют собой одну из форм выражения творческого мировоззрения, мировосприятия татарских драматургов. Драматургия этого периода характеризуется переплетением стилей, направлений и разнообразием форм авторского восприятия мира, а также активным экспериментированием с элементами формы и содержания. Синтез рассматривается как ключевой вектор развития татарской драматургии и как переходный этап от традиционной к новой художественно-эстетической мысли.

Ключевые слова: татарская драматургия; татарская культура; татарский театр; авторский жанр; межжанр; театральный эксперимент

Работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (пост-докторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

Для цитирования:

Миннуллина Ф. Х. Авторские жанровые обозначения в татарской драматургии рубежа XX–XXI вв. // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 112–127. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.8>

Миннуллина Фатыма Халиулловна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Адрес: 420111, Россия, г. Казань, ул. Баумана, д. 20. Эл. адрес: minnullina77@mail.ru

MINNULLINA, Fatima Khaliullova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of Literary Studies, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences. Postal address: 20 Bauman St., Kazan, 420111, Russia. E-mail: minnullina77@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8633-5850

Authorial Genre Classifications in Tatar Drama at the Turn of the 20th–21st Centuries

Fatyma Kh. Minnullina

*Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences,
Russian Federation*

This article presents an analysis of authorial genre classifications in Tatar drama at the turn of the 20th–21st centuries. This period was marked by significant transformations in the socio-political and socio-cultural life of Russian society. Tatar drama of this era is distinguished by playwrights' quest for new literary forms, genres, characters, and plots, as they endeavor to express their authorial concepts.

The primary sources of this research are plays by Tatar playwrights written during the specified time frame. A typology of genre classifications in Tatar drama at the turn of the 20th–21st centuries is offered based on the examined works.

It is concluded that the emergence of new (authorial) genre labels for plays is not coincidental but rather represents a form of expressing the creative worldview and perception of Tatar playwrights. Drama of this period is characterized by an interweaving of styles and directions, a diversity of authorial approaches to perceiving the world, and active experimentation with elements of form and content. Synthesis is considered a key vector in the development of Tatar drama, serving as a transitional stage from traditional to new artistic and aesthetic thought.

Keywords: Tatar drama; Tatar culture; Tatar theater; authorial genre; intergenre; theatrical experiment

Financing

This work was carried out with the support of a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, awarded to young candidates of sciences (postdoctoral researchers) for the purpose of defending a doctoral thesis, conducting research, as well as fulfilling professional duties in research and educational institutions of the Republic of Tatarstan within the State Program, "Scientific and Technological Development of the Republic of Tatarstan".

For citation:

Minnullina F. Kh. Authorial Genre Classifications in Tatar Drama at the Turn of the 20th–21st Centuries. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 112–127 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.8>

Введение

В татарской драматургии рубежа XX–XXI вв. наблюдается активное экспериментирование в сфере жанров. Одним из заметных проявлений возросшего внимания к жанру стало появление множества произведений, сопровождаемых авторскими указаниями на их жанровую принадлежность. По мнению Б. П. Иванюка, изучившего жанровый синтез на примере русской литературы, в данных указаниях отражается концепция авторского замысла, трансформирующая подзаголовки в важную часть текста произведения (Иванюк, 2007: 115). Таким образом, жанровые обозначения не только структурируют текст, но и становятся выразительным средством, подчеркивающим художественную индивидуальность произведения.

На сегодняшний день, в условиях отсутствия единой теоретически обоснованной жанровой системы драматургии, способной охватить весь спектр художественных возможностей, изучение экспериментов и поисков в данном направлении представляется одной из наиболее значимых для наблюдения над эстетическими изменениями в современной драматургии. Оно позволяет выявить особенности поэтики и определить роль автора в драме рубежа XX–XXI вв.

Итак, целью статьи является исследование авторских жанровых определений рубежа XX–XXI вв. татарской драматургии в соответствии с которой решаются следующие задачи: рассмотрение процессов обогащения драматургических жанров новым содержанием; анализ вариантов авторской жанровой контаминации; выявление и определение авторских нетрадиционных жанровых обозначений; типологизация авторских жанровых обозначений. Объектом исследования являются тексты, созданные на рубеже XX–XXI вв. Р. Хамидом, Т. Миннуллыным, З. Хакимом, Б. Салаховым и др. Предметом исследования являются авторские жанровые обозначения в отобранных для анализа драматических текстах, выявление их типологических особенностей.

Методологические и теоретические принципы работы базируются на исследованиях, посвященных жанровой проблематике. Используются описательный, сравнительно-сопоставительный, типологический, системный подходы.

Жанровый синтез ученые оценивают как «общую тенденцию жанров к взаимообогащению» (Иванюк, 2007: 115–116), «расширение границ одного жанра за счет другого» (Меньщикова, 2013: 174). Еще в советское время Ю. Н. Тынянов отмечал, что: «давать статическое определение жанра... невозможно: жанр смещается» (Тынянов, 1977: 69). Авторские жанровые обозначения — малоизученная, но весьма перспективная тема в литературоведении. Работы С. Я. Гончаровой-Грабовской (Гончарова-Грабовская, 2003), М. И. Громовой¹, О. В. Журчевой², Е. М. Васильева (Васильев, 2009), А. Г. Ахмадуллина (Ахмадуллин, 2012), Н. Г. Ханзафарова (Ханзафаров, 2022), А. М. Закирзянова (Закирзянов, 2020) и др. содержат ценную информацию относительно авторских жанровых форм. М. Громова, рассматривая жанровую систему современной русской драматургии, утверждает: «... современные драматурги отвергают устоявшуюся в литературоведении традиционную жанровую классификацию, настаивая на индивидуализации жанра каждой отдельной пьесы... Потому часто, наряду с привычным обозначением написанного произведения словом «пьеса», «драма», можно встретить: «текст», «проект», «композиция» и множество придуманных самими авторами жанровых определений»³.

Авторские жанровые определения — явление эксклюзивное, признаки-определители видов (тематика, время, литературное направление) меняются, так как «наезжают» друг на друга, выделяемые группы жанров многократно пересекаются» (Сухих, 2023: 69). Наряду с традиционными жанровыми формами на сцену выходят совершенно новые произведения, которые отражают современные тенденции и веяния времени. Разъясняя эту особенность, И. Сухих пишет, что для автора «жанр — не формула узнавания, а форма творчества» (там же: 89). По мнению В. Е. Головчинера, «...разнообразие авторских определений характера, типа, жанра произведения — в названии или под ним — так велико, что не поддается систематизации» (Головчинер, 2006: 52). Вместе с тем сами драматурги в какой-то мере пытаются систематизировать их, используя заголовки и подзаголовки. Однако вопрос их анализа с точки зрения соответствия заявленному названию, возможности верификации остаются вне поля зрения исследователей.

Формирование общей базы авторских жанровых обозначений с теоретической интерпретацией каждого из них позволит составить своеобразное представление о характере проводимых в драматургии экспериментов. Этим определяется новизна статьи, которая заключается в систематизации и анализе авторских жанровых определений в татарской драматургии. При анализе жанровой структуры татарской драматургии конца XX — начала XXI в. целесообразно применять концепцию «внутренней меры» жанра (М. М. Бахтин, Н. Д. Тамарченко) (Бахтин, 1993: 144; Теория литературных ..., 2011: 47–48).

Хронологические рамки исследования охватывают конец XX — начала XXI в., когда перестройка советского общества и кардинальные изменения в политической системе стали катализатором для формирования новой культурной ситуации. Н. Л. Лейдерман пишет: «В переходные эпохи, которые образуются в месте разрыва культурных эр, когда получает широкое распространение идея Хаоса как онтологического устройства мира, происходит разрушение ранее авторитетных жанров, провозглашается отказ от жанровых канонов...» (Лейдерман, 2006: 12). Такое явление присуще

¹ Громова М. Русская драматургия конца XX — начала XXI века: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2005.

² Журчева О. В. Жанровые и стилевые тенденции в драматургии XX века: учебное пособие. Самара: Изд-во СамГПУ, 2001.

³ Громова М. Русская драматургия конца ... С. 229.

и татарской литературе указанного времени: переход с советской — в постсоветскую эпоху активизировал поиск новых тем, вывел на литературную арену ранее табуизированных или запретных проблем, заставил писателей искать ответы на актуальные вопросы — в далекой истории или судьбе советского прошлого.

Можно обнаружить немалое количество татарских драматургов рубежа XX–XXI вв., для которых авторские жанровые определения становятся яркой поэтической доминантой. Многие татарские драматурги, такие как А. Гилязов, Р. Хамид, И. Юзеев, Т. Миннуллин, З. Хаким, Б. Салахов и др., активно используют авторскую жанровую дефиницию как ключевой художественный прием. Авторское жанровое определение становится инструментом выражения внутреннего мира, философских поисков и эмоциональных переживаний драматургов, где традиции сливаются с новаторством. Татарская драматургия приобретает уникальное звучание, отражая сложность и противоречивость современной действительности.

В качестве источников исследования выступают написанные в указанный временной промежуток пьесы «Гөргөри кияүләре» («Зятья Григория», 1995), «Агыла да болыт агыла...» («Все плывут и плывут облака...» 2001) Т. Миннуллиной, «Ак тамырлар иле» («Страна Белых корней», 1989–1990) Р. Хамида, «Телсез күке» («Немая кукушка», 2003) (2003), З. Хакима, «Бурлак» (1990) М. Гилязова, «Люстра» (2008) И. Зайниевой, «Яр» («Берег») Б. Салахова и др.¹

Авторские жанровые обозначения как средство обогащения драматургических жанров новым содержанием

На рубеже XX–XXI вв. в драматургии постсоветского пространства начинаются глубокие изменения: драматургами затрагиваются актуальные проблемы национального самосознания, определение места татарского народа в глобальном мире, произведения становятся платформой для обсуждения вопросов сохранения национального культурного наследия, общего блага, личной ответственности. В произведениях Т. Миннуллиной, Р. Хамида, З. Хакима, М. Гилязова, Г. Каюмова, Д. Салихова, Ю. Сафиулина, Р. Зайдуллы, И. Зайниевой и др. центральной темой становится переосмысление трагических последствий XX в. — революций, коллективизации, культа личности и войн — рассматриваемых как в общественно-историческом, так и в личностно-биографическом аспектах.

Тематическое многообразие, в свою очередь, требует расширения жанрового спектра и обогащения его новыми качествами. Когда традиционные жанры не отвечают новым потребностям времени, возникает стремление к их переосмыслению, расширению границ, так создается уникальное пространство для самовыражения. Например, в трагифарсе Р. Хамида «Сын Джанкая Джанкыяр» комические элементы сочетаются с трагическими, представляя мир, в котором абсурд становится нормой, а реальность теряет свои очертания. Герои этой пьесы — маски, поступки которых одновременно комичны и ужасны. Абсурдна и сама драматургическая ситуация, которая напоминает действие детективной повести.

Главный герой пьесы Атиллы организует сообщество из семи состоятельных персон, состоящих в смешанных браках, чьи дети не владеют родным языком и утратили связь с этнической культурой и традициями своего народа. Забота этих миллионеров о судьбах народа, выступающих в пьесе в фальшивых скрытых масках обличиях, осмысливается автором в иронично-саркастическом ключе. После смерти Атиллы организация распадается и на ее основе сын Атиллы Виктор создает «фан-клуб Интим», в полном соответствии с фольклорной традицией игры масок. Карнавализация приводит к трагическому раздвоению личности персонажа, вступающего в конфликт с масочным окружением, которое его и убивает.

Таким образом, компоненты основного жанра комедии пропитываются трагическим пафосом, ситуацией и характерами. Синтез позволяет драматургу воссоздать хаос настоящего, оценив социально-культурное состояние постсоветского общества как абсурдную, трагикомическую действительность. Потерявшие этническое самосознание люди потеряли и свое лицо, свою «я», превратились в маски, играющие роли.

¹ Миннуллин Т. Сайланма әсәрләр [Избранные произведения]: 10 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. Т. 3–5. Пьесалар; Зәйниев И. Люстра // Яңа татар пьесасы [Новая татарская пьеса]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2008. Б. 250–271; Хәмид Р. Китәм инде: пьесалар [Пьесы]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1991; Хәким З. Телсез Күке: пьесалар [Пьесы]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. (На татар. яз.).

В жанровом отношении особый интерес представляет фантастическая трагикомедия А. Халима «Кияу урлау» («Кража жениха», 2006), в которой наблюдается синтез фантастики, комедии и трагического.

В пьесе А. Халима сюжет разворачивается в фантастическом будущем, где молодого человека по имени Карфаген (Камиль) похищают три девушки, принимающие облик баранов — Зиля, Диля и Виля. Цель девушек заключается в том, чтобы сделать его своим рабом. Девушки стремились к созданию общества, основанного на «свободных отношениях». «Долой мужчин! Долой бракосочетания! Долой — детская колыбель!... Тотальная конфронтация!»¹ Однако, с участием доктора философии Рамазана Галиевича, беглого юриста Сервилада, отца девушек Наби и его супруги Закии, матери Камиля Даима, а также робота Айзек, становится очевидной несостоятельность этой идеи. Зиля и её сёстры, не достигнув своей цели, задумали уничтожить Землю. Но их план сорвался благодаря вмешательству Айзек, которая обрела человечность под воздействием Любви. Дом, построенный девушками с целью создания нового мироустройства, был разрушен. По утверждению А. Ахмадуллина: «своими компонентами, организацией ситуаций она — всё-таки трагифарс. Пьеса, широко использующая гротеск, состоящая из аллегорических образов, элементов фарса, является одним из проявлений авангардизма» (Ахмадуллин, 2012: 430).

В отдельных случаях драматурги обращаются к существующему в фольклоре или в других литературных родах жанрам, синтезируя их с драматургическими жанрами. В этом плане излюбленным приемом М. Гилязова выступает стилизация под притчу, которая позволяет ему актуализировать морально-философский смысл авторской задумки, выйти на уровень масштабных нравственно-философских обобщений и задуматься над проблемами выбора, вопросами нравственности и ответственности за свои поступки, а также над смыслом жизни. Для создания притчеобразности автор обращается к символам, выстроив многослойную и сложную структуру текста. Интрига в подобных текстах обостряется не через прямое утверждение истины, а через нарастание внутреннего конфликта героя с самим собой и окружающим миром.

Развивая сюжет, например, в драматической пьесе «Бурлак» (1990) М. Гилязов вплетает в ткань произведения притчу о мираже, усиливая её философский смысл. В символическом образе воплощается извечное стремление простого человека к счастью, мечта о нем. Мираж в пьесе раскрывает долгий и тернистый путь к чему-то истинно значимому, к тому, что кажется недостижимым.

Драматическая притча основана на конфликте между юным и европейски образованным предпринимателем из Казани Габдуллой и опытным купцом из Астрахани Демьяном Потаповичем. Согласно условиям сделки, если баржа «Фиалка» не прибудет в Казань до зимы, то проигравший Габдулла обязан построить театр, где куклы будут играть пьесы, сочиненные старым Демьяном. В случае выигрыша Габдулла откроет свой торговый дом в Астрахани (Миннуллина, 2019: 128). Однако попытка перевозки обернулась трагедией. Когда до Казани оставалось совсем немного, судно сковал лед. Бурлаки решили доставить груз по льду, но один из ящиков разбился, обнажив обычные речные камни. Осознав, что стал игрушкой в руках богачей, Гаяз скончался от сердечного приступа. В этот момент становится очевидно, что все, о чем говорилось в предыдущих сценах — деньги, конфликт, игра — теперь не имеет значения. Небесное видение (мираж) обретает высший смысл для каждого, кто в него верит. Вплетенная в структуру пьесы притча выводит на первый план не драматургическое действие, а философскую проблему быстротечности жизни и неизбежности смерти, подчеркивая ценность каждого мгновения.

В современной татарской драматургии авторы включены в диалог с «памятью жанра» (Бахтин, 1963: 455). Вместе с тем, в синтетических произведениях драматург может объединять две или более жанровые модели, используя их для формирования дополнительных смыслов. Эксперименты по расширению границ существующих жанров приводят к трансформации самих драматургических жанров: все больше становится «пьес для чтения», «неигровых пьес». Схожие явления фиксируют и исследователи других национальных литератур. В чувашской драматургии, по словам И. Ю. Кирилловой, наблюдается обновление традиционных жанровых структур: философско-публицистическая драма, трагедия-легенда, трагедия в стихах, трагикомедия, «серьезная» комедия и др. (Кириллова,

¹ Хәлим А. Кияу урлау [«Кража жениха»] // Яңа татар пьесасы [Новая татарская пьеса]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. Б. 258. (На татар. яз.).

2017: 278). Анализируя жанровые особенности башкирской драматургии Г. Н. Гареева отмечает: «... традиционный жанр драмы изобилует множеством жанровых форм. Есть политический фарс, социально-политические, социально-нравственные, психологические, героические, лирические, лирико-романтические драмы, драмы-притчи. Созданы комедии сказки, комедии-памфлеты, трагикомедии, трагедии» (Гареева, 2021: 78).

Например, в тувинской драматургии рубежа XX–XXI вв. традиционные жанры (историческая драма, комедия, трагедия) часто переосмысливаются и обогащаются новыми элементами. Одним из главных драматургов Тувы в данный период является Чылгычы Ондар. Его творчество выделяется множеством жанров: драмы («Херечизи — караңгы дүн» («Свидетель — темная ночь»)), трагедии («Ханыг истер» («Кровавые следы»)), комедии «Соңгулда» («Выборы») и др.) Трагикомедия «Чиргилчиннер» («Миражи») Эдуарда Мижита синтезирует трагическое и комическое начал и т. д. (Херел, 2023: 200).

Национальные литературы, в частности, татарская драматургия, на рубеже XX–XXI вв. демонстрируют трансформацию жанров. Стремление отразить сложные реалии постсоветского общества, проблемы национальной идентичности, утраты традиционных ценностей привели к обогащению традиционных жанров и появлению новых гибридных форм. Обогащение драматургии происходит не только за счёт тематического многообразия, но и через активное освоение и трансформацию авторских жанровых форм.

Жанровая контаминация в авторских обозначениях

Жанровая контаминация — это явление, которое возникает на стыке различных жанров, создавая новые формы художественного выражения. В литературе, особенно в контексте татарской драматургии, жанровая контаминация становится важным инструментом, позволяющим авторам расширять границы традиционных жанров и предлагать новые, неожиданные решения. Процесс синтеза жанров открывает новые перспективы для интерпретации культурных и социальных реалий. В авторских определениях можно наблюдать, как жанры смешиваются в одном произведении. При этом, как правило, один из жанров доминирует.

В драматургии жанровая контаминация происходит в форме смешения эпического и лирического — с драматическим, эпического и драматического, лирического и драматического, формируя жанровые образования.

В татарской драматургии рубежа XX–XXI вв. наиболее активной поэтической особенностью является эпизация художественной структуры. В подобных случаях ремарки утрачивают свое назначение и переходят в прозаический текст, часто влетают в основную повествовательную ткань, выполняя сюжетобразующую функцию. Переплетение несколько сюжетных линий приближает пьесу к прозе. драматургической ситуации. Например, Т. Миннуллин называет «драматической повестью» драму «Саташу» («Заблудившиеся»), в которой эпизация используется для наиболее полного применения аналитического вида психологизма. Как и в средней эпической форме (повесть), в произведении предметом изображения является довольно-таки сложное общественное явление: конфликт между детьми и родителями. Молодая героиня Гузаль обвиняет своих родителей в том, что они дали ей жизнь, родили ее. Абсурдность ситуации, использование психологизма в воссоздании характера героини позволяет автору показать одиночество, отчужденность людей в современном обществе.

В пьесах З. Хакима эпический размах в изображении событий, их хронологическая широта приводит к формированию нового жанра в татарской драматургии — «театрального романа». Сам автор ввел и использовал это обозначение для характеристики своих произведений. Здесь уместно вспомнить слова В. Е. Хализева о том, что при романизации сюжет пьесы, «как и внутренняя жизнь ее героев, характеризуется большой мерой напряженности», так как драматург «обращается к ситуациям, которые чреваты сдвигами, кризисами, переворотами в отношениях» (Хализев, 1999: 13). Это наблюдается и в произведениях З. Хакима, обозначенными драматургом как «театраль роман» «Телсез күке» («Немая кукушка», 2003), «Гасыр моңы» («Печаль века», 2006), «Легионер» (2011), которые отличаются глубиной философской мысли и актуальностью общественно-политической проблематики.

В пьесе «Печаль века» изображается судьба татарского народа в течение целого XX в. В качестве хронотоп драматург обращается к жизни в имперской и советской России, перипетиям Первой мировой и Великой Отечественной войн, истории нацистской Германии... Множество разнообразных судеб и событий воедино связывает религиозно-мифологическая легенда о жертвоприношении. По

основным художественным свойствам пьеса не соответствует принципам драматургического произведения. Автор использует сложную композиционную структуру, где эпизоды из жизни героев переплетаются с масштабными историческими событиями, создавая многогранный образ эпохи.

Пьеса «Немая Кукушка» написана как повествование (не изображение) об исторических событиях, что уже приближает произведение к прозе. Его можно назвать эпическим романом в диалогах, который, в свою очередь, воссоздается из трех самостоятельных текстов. Первый — воспоминания Зарифа о военном прошлом, когда два татарина (красноармеец Зариф и финский татарин Зиятдин) оказываются по разные стороны баррикад. Второй текст рассказывает о жизни народа при советской власти. Третий же касается судьбы татарской песни и языка. В пьесе судьба татарской песни становится метафорой борьбе за сохранение национальной идентичности. Песня «Карурман», звучащая в лесу, объединяет Зарифа и Зиятдина, несмотря на их принадлежность к враждующим сторонам. Это не просто мелодия, а голос предков, напоминающий о корнях, которые невозможно уничтожить даже в условиях войны. Однако это возможно в тоталитарном государстве: выражение «немая кукушка» переключается с фразой: «Ты живёшь в СССР как раб»¹.

Синтез эпоса и драмы позволяет автору охватить не только личные судьбы, но и исторический контекст. Переплетение сюжетных линий создаёт многогранную картину, где прошлое и настоящее сливаются воедино. Драматург раскрывает судьбу персонажей, противоречия взаимоотношений в контексте конфликтных в общественно-политическом плане ситуаций.

Эпический жанр новеллы стал основой для драматической новеллы Б. Салахова «Яр» («Берега»). История начинается с того, что перед старым домом, чьи окна заколочены, хозяйственные постройки полуразрушены, а калитка скрипит, останавливается человек. Главный герой, чьё имя остаётся скрытым, покинул этот дом сорок лет назад. Теперь он ищет своё место в мире, который кажется ему призрачным и чужим. Он пытается сорвать доски с окна, топчет крапиву, рубит чурбан топором, но все его усилия тщетны. Автор наделяет окружающие предметы способностью сопротивляться, словно мир отвергает героя, подчёркивая его отчуждение.

Душевные переживания героя, его прошлое и настоящее, поиск своего места в мире переплетаются с реальностью и ирреальностью. В процессе самоопределения героя важную роль играют образы дедушки из ирреального мира, воплощающего архетипа святого старца Хызр Ильяс, который помогает людям в трудные моменты и указывает путь заблудившимся. В образе сумасшедшей бабушки показана трагедия отношений сына и матери, потерявшей рассудок после разлуки с ним и не узнающая его после возвращения (Закирзянов, Габидуллина, 2020: 77). Синтез эпоса и драмы придает тексту дополнительную глубину за счет психологически насыщенных философских монологов, характеров героев, создаваемых с использованием исторической ретроспективы и символизации изображенной ситуации в целом. Свободное обращение автора со временем и пространством придает пьесам установку на универсальность, подчеркивая вневременной характер изображаемых событий и их глубокую связь с общечеловеческими ценностями.

Жанровая синкретичность характерна и лирической комедии Ильгиза Зайниева «Люстра» (2008), где обнаруживается взаимодействие лирики и драмы. В новой квартире дважды разведенного, но так еще и не познавшего любви Марса вдруг падает люстра, чем вызывает беспокойство соседей. Это результат починки полов в квартире сверху, где живут мама-инвалид Флера-ханум с дочкой-библиотекарем Эльфой. Соседи знакомятся, а дальше Флера начинает реализовать свой план по выдаче единственной дочери замуж за Марса. Лиризм обеспечивается тем, что на первый план выходят не отношения между героями, а их переживания. Автора заинтересовало не драма людей, психологически «застывших» в прошлом, а их внутренняя зажатость, мешающая обрести личное счастье. Героине 40 лет, она так и осталась на уровне 16-летней, которая все видит в розовых тонах. Это история про людей, которые очнулись от «сна», в котором они пребывают со времен социализма. Доказательством, данного явления является монолог, прозвучавший в финале из уст Флеры:

«Боже, прости нас. Мы всю жизнь строили коммунизм, отдавались сложным идеям. Сейчас я понимаю все свои ошибки. Мы забыли про Бога и про друг друга...»².

¹ Хәким З. Телсез күке: пьесалар [Немая кукушка]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. Б. 68. (На татар. яз.).

² Зәйниев И. Люстра // Яңа татар пьесасы. Казан: Татар. кит. нәшр., 2008. Б. 258. (На татар. яз.).

Таким образом, наряду с произведениями, безусловно и полностью принадлежащими к *одному* из литературных родов, существуют и те, что соединяют в себе свойства двух родовых форм — «*двухродовые образования*» (Корман, 1974: 223).

По мнению исследователей, некоторые жанры, особенно те, которые относятся, например, к так называемым «смешанным» жанрам литературы, более всего тяготеют к синтезу. Н. И. Кравцов, исследовавший генезис лиро-эпического жанра баллады, пишет: «Баллада существовала не изолированно от других жанров, а в непрестанном взаимодействии с ними, что <...> служило основой для развития ее разновидностей» (Кравцов, 1972: 97). Она считается одним из самых востребованных жанров в искусстве: литературе, музыке, кино. Об этом говорит ее популярность как формы устного народного творчества в прошлом и как жанра авторской литературы в современности.

В пьесе Б. Салыхова «Яратылмый калган ярлар» («Любимые, лишенные любви») формируется синтез драмы и баллады: как и в классической балладе, присутствуют исторические события; судьбы людей раскрываются в тесной связи с миром живой и неживой природы; переживаниям героев придают лиричность и эмоциональность. Общий лиризм и эмоции персонажей коррелируют с историческим фоном, судьбами людей и картинами природы.

В пьесе повествуется о событиях, происходивших в период Великой Отечественной войны. «Любимые, лишенные любви» — это молодые девушки, которые в годы войны работали в трудовом лагере, занимаясь заготовкой леса. По мнению А. Закирзянова, пьеса не соответствует требованиям, предъявляемым к драматургическим жанрам, а скорее, является сценарием для телешоу или фильма (Закирзянов, 2020: 148). События предстают в виде воспоминаний, запечатленных в монологах. В непрерывной череде сцен, этюдов отражается жестокая реальность. В жанре баллады особенно ценится внимание к необычным и захватывающим событиям. Сюжет, в который погружаются персонажи, должен быть уникальным и исключительным, чтобы передать трагедию ситуации, в которой оказались героини. Здесь так и получается. В центре произведения — история трёх женщин: Марты, готовой на всё ради своего ребёнка; Анны, убившей своего ребёнка, чтобы избавить его от мучений; и Екатерины, ставшей жертвой насилия со стороны начальника лагеря Волкопятава, а также затрагивается история Анны-Марии, немецкой девушки, влюбившейся в офицера НКВД. В произведении переплетаются фантастические события с реальными, с чёткой сюжетной линией. Жанровое обозначение Б. Салыхова свидетельствует об открытости его драмы межродовым сплавам. Жанровую форму пьесы можно определить как «лиро-эпическая драма».

Доказательством смешения различных жанровых компонентов служит подзаголовок исторической легенды Р. Зайдуллы «Хан һәм шагыйрь» («Хан и поэт», 2001), исторической драмы-романа З. Хакима «Кайда син, Атилла?» («Где ты, Атилла?») и др. Для татарской драматургии исследуемого периода характерно использование лирико-поэтических средств, условно-метафорических героев и элементов фантастики. Авторы используют явное и скрытое цитирование литературных источников, приемы мистики и фантастики. В качестве примера можно привести такие пьесы как «Кияү урлау» («Похищение жениха», 2003) А. Халима, «Суган чәчәге» («Цветок лука полевого», 2006) И. Зайниева, «Гасыр моңы» («Мелодия века», 2006) З. Хакима, «Шайтан куентыгы» («Чертово озеро», 2016) Амануллы и др. Например, в драматическом предположении-дастане «Ыру» («Род», 2002), опирающемся на древние легенды и мифы, посредством воссоздания исторического прошлого Г. Каюмов пытается переосмыслить одно из главных основ бытия: преемственность поколений.

Пьеса «Карурман» («Темный лес») Л. Шаровой и Р. Гариповой является образцом фэнтези в татарской литературе, где сплетаются фантастика, языческие представления, параллельные миры и религиозно-мифологические мотивы. Они воплощаются в образах лесных духов, олицетворяющих мифическую реальность. Читатель погружается в жизнь древних племён, сталкиваясь с загадочными, запутанными и противоречивыми событиями, которые указывают на глубину человеческих переживаний и мистических тайн (Закирзянов, 2024: 45). Вместе с тем авторы с читателем-зрителем ведут разговор о человеке вообще, о его характере, о верности и предательстве, о добре и зле, которые не меняются, несмотря ни на какие перипетии времени.

В мистической притче Артура Шайдуллина «Сагынырсызмы?» («Будете скучать?», 2019) группа путешественников, не знакомых друг с другом, искала укрытие от разразившейся бури на провинциальном автовокзале. Продолжительность шторма оставалась неизвестной: телефон и интернет перестали работать, а время словно остановилось. Путешественники не могли даже определить наз-

вание автовокзала, которое обычно совпадает с названием местности. Среди них были семья с детьми, пожилая пара, важный чиновник с помощницей и демобилизованный солдат. Начальник автовокзала Нагимов ввел традицию бесплатного чая для тех, кто ждал, пока ненастье уляжется. Он проявлял милосердие к каждому из присутствующих. Даже к самой необычной посетительнице вокзала — Анне — он относился с доброй вежливостью и вниманием. Эта молодая женщина изображает мать с ребенком, при этом несуществующий младенец — результат ее болезненных мечтаний. Тем не менее, в этом воображаемом младенце кроется ключ к пониманию сюжета: в один из моментов становится очевидным, что все персонажи пьесы на самом деле не являются живыми существами, а призраками. Жанр пьесы переходит в область мистической драмы. Герои начинают осознавать истину о своей смерти и что данный странный вокзал — это место, откуда каждый из них вскоре отправится в «другой мир».

Резкий переход автора с одной картины мира — в другую, трансформация одной жанровой стратегии — в другую (реальность — в мистику, драму — в трагедию) воссоздает необычную художественную действительность, начинает изобразить внутреннюю трагедию героев, обусловленную мистическими явлениями.

Безусловно, взаимодействие эпического, драматического и лирического начал или самостоятельных жанровых стратегий в произведениях татарских драматургов создает необычную конфигурацию художественных приемов, формирующих текст и образ мира. Это слияние образует многогранность, где эпическая широта повествования переплетается с драматической напряжённостью и лирической глубиной.

Необходимо отметить, что такая особенность прослеживается и в других национальных литературах. «Чувашская драма представлена разнообразием жанров, как традиционных, так и новых, иногда придуманных драматургами для конкретной пьесы, вроде “драматической повести” или “трагикомической феерии” и т. п. Модернизируется психологическая, социально-нравственная, бытовая драмы» (Кириллова, 2017: 278).

На основе оригинального сплетения драматического эпоса и эпической драмы была создана пьеса-роман в трех частях Н. Асанбаева под названием «Валиди» (включает пьесы «Актамыр», «Писал бы историю на камнях», «Имя твое вернулось, Валиди!»); драматическая повесть в формате пьесы-кисса «Сак-Сук» Ф. Булякова, а также исповедальная драма-биография «Нездешний сад» А. Абдуллина. По мнению Гареевой, данные произведения демонстрируют расширение жанровых границ и углубление исторических и биографических аспектов в башкирской драматургии, проводя эксперименты с элементами повествования и лирическими отступлениями (Гареева, 2021: 78).

В тувинской драматургии рубежа XX–XXI вв. авторские жанровые эксперименты проявляются в синтезе эпического повествования, лирической исповеди и драматического конфликта. Пьесы часто содержат элементы шаманских ритуалов, мифов и легенд, переосмысленных в контексте современности. В драме-эссе тувинского драматурга Эдуарда Мижита «Субедей-Маадыр» («Кто ты, Субедей-богатырь?») искусно переплетаются элементы театрального действия и глубинные личные размышления автора. Автор смело смешивает драматические сцены с эссеистическими отступлениями. Субедей предстает не просто как непобедимый полководец, а как символ мужества, преданности и силы духа. Автор, не ограничиваясь законами драмы, воссоздает образ полководца Чингисхана в исторической ретроспективе, исследует его внутренний мир, мотивы его поступков, связь с родной землей и народом. «Художественное воплощение образов исторических героев, проживших достойную жизнь, отстаивавших свои права и свободу, объединяло зрителей в осознании, преклонении перед искусством и уважительном отношении к историческому прошлому своего края: защита родины — великая честь каждой мужчины, защищающего свой род, семью» (Херел, 2023: 200).

Жанровая контаминация является не маргинальным явлением, а основополагающей тенденцией, определяющей новаторство и специфику современной татарской драмы. Авторы сознательно выходят за рамки «чистых» жанров, создавая сложные синкретические структуры. Синтез эпического, лирического и драматического начал, а также активное включение элементов внедраматических жанров (баллады, мифа, притчи, фэнтези, мистики) позволяет авторам создавать многомерные пьесы, способные глубоко и объемно исследовать ключевые вопросы национального бытия, исторической памяти.

Нетрадиционные авторские жанровые обозначения

Пьеса татарского драматурга Т. Миннуллина, обозначенная как драматические фрагменты из жизни поэта Х. Туфана «Агыла да болыт агыла...» («Все плывут и плывут облака...», 2001), состоит из пяти фрагментов, которые, не являясь самостоятельными частями, переплетаются в единое целое, сохраняя сюжетную цельность в виде судьбы одного героя — татарского поэта Хасана Туфана.

В 1940 г. Туфан был арестован, а в 1942 г. приговорен к высшей мере наказания, позже замененной на заключение в колонии строгого режима. В 1950 г. его сослали на «вечное поселение» в Сибирь.

Во всех частях действуют одни и те же люди, но меняется хронотоп и пафос, переживания героя. Фрагментарность пьесы подразумевает отсутствие единого действия, представляя собой скорее, мозаику самостоятельных эпизодов, сотканых также из стихотворений поэта. Однако, по замыслу автора, каждый из них представляет собой развернутое событие, детально описывающее определенный отрезок из жизни поэта. Драматург мастерски передает смену атмосферы и переживаний героя, создавая глубокий и многогранный образ его судьбы. В каждой части автор по-разному мотивирует своего героя; смена ситуации накладывает отпечаток не только на его характер, чувства и переживания, творчество, но и сознание. Фрагментарность позволяет драматургу акцентировать внимание на трагедии культа личности, направленной на истребление человеческого в человеке, а также на изменчивости общественных и людских представлений, которые в отдельные исторические периоды полностью зависят от обстоятельств. Благодаря подобной структуре драматург одновременно размышляет об исторических и философских особенностях советской эпохи и человеческого характера в целом, о судьбе татарского поэта, в частности; демифологизация и философские размышления сопровождаются музыкой и стихотворениями.

По-другому выстроена драматическая пьеса «Шәжәрә» («Родословная», 1998) Т. Миннуллина, в которой представлены фрагменты из жизни нескольких семей. Избрав представителей древнего рода татарских дворян-мурз в качестве примера наглядного сопоставления прошлого и современности, автор пытается переосмыслить национальную историю в формах оригинальной художественной структуры. Сюжетные линии нескольких семей из разных эпох, не всегда пересекающихся в настоящем, позволили драматургу воссоздать целостную картину исторического времени (Шарипова, 2022: 256). Как отмечает А. М. Закирзянов, «продолжая традиции Г. Камала, выстраивая действия, напоминающие кино-кадровую ленту, автор не только показывает жизнь продолжателей рода мурз через поучительные истории, но и ищет пути их сближения, объединения» (Закирзянов, 2019: 60). Таким образом, фрагментарность и синтетизм предоставляют драматургу возможность смоделировать разные версии развития судеб людей, по сути относящихся к одной ветви человеческого рода.

В системе жанровых форм татарской драматургии значительное место занимает этнографическо-бытовая драма — оригинальное литературное явление, характерные особенности которого определяются фольклорно-этнографическим материалом в сюжетно-композиционной структуре пьес. Этнографизм в драматургии представляет собой художественный материал, основанный на глубоком изучении и воспроизведении этнокультурных традиций, обрядов, языка и быта конкретного этноса. Такой подход позволяет драматургу не только передать уникальный колорит культуры, но и раскрыть ее внутреннюю суть, показать связь между прошлым и настоящим. В разных жанрах драматургии этнографизм имеет свое специфическое преломление. Он проявляется в использовании фольклорных мотивов и образов, а также в воссоздании особенностей материальной и духовной культуры, народного быта; может служить одним из критериев для определения жанровой принадлежности пьес, что находит своё отражение в языке художественного произведения. Просторечие, описание традиций и обрядов народа также являются проявлением этнографического элемента¹.

Среди татар, расселившихся по всей стране, есть такие субэтнические группы как крещеные татары и татары-мишари. Они отличаются своеобразием речи, одеждой, традициями и др. Т. Миннуллин выводит на сцену этнографические особенности этих этнических групп татар. В пьесе «Зятя Григория» (1995) изображаются обычаи и обряды крещеных татар. Сюжет незатейлив. Уроженка

¹ Нестерова И. А. Этнографизм в художественном произведении [Электронный ресурс] // Энциклопедия Нестеровых. 2018, 21 мая. URL: <https://odiplom.ru/lab/etnografizm-v-hudozhestvennom-proizvedenii.html> (дата обращения 21.11.2024).

деревни Урбаш, младшая дочь Григория и Катерины Урина, привлекает внимание троих молодых людей. Старшие дочери уже вышли замуж, но их браки не сложились, и теперь они воспитывают детей в одиночку. Именно поэтому Гэргэри решает выдать Урину замуж, следуя обычаям кряшен. С этого момента начинаются сватовство, состязания между женихами в борьбе, пении и танцах. Так драматург воссоздает прекрасные свадебные традиции народа, указав на важность их сохранения.

В этнографической комедии «Жанкисэккем» («Душа моя», 1995) так же раскрывается жизнь, быт, традиции, духовная культура и обычаи сергачских мишарей. Через введение в художественную ткань комедии этнографических деталей, элементов обрядовой культуры передаются особенности жизненного уклада, национального менталитета и специфика творческого мышления отдельной группы татарского народа.

По мнению В. Е. Хализева, литература позволяет донести до читателя или зрителя этнические особенности жизнедеятельности в качестве единого прекрасного образа: «В художественных произведениях преломляется также национально-специфическое, ритуально-обрядовая сторона жизни, ее этикетность и церемониальность» (Хализев, 1999: 232). Этим литература привлекает и воспитывает, иногда и хранит сокровищницу народа. Так, например, пьесы Т. Миннуллина «Душа моя» и «Зятя Гэргэри» написаны на языке субэтнических групп, изобилуют этнографическими диалектизмами, которые характерны для речи сергачских мишарей и кряшен. Они используются для стилизации и создания местного колорита, а также для речевой характеристики персонажей, озвучивания названий предметов и явлений, свойственных быту жителей данной местности. Язык, обряды, обычаи, песни, быт, история, духовная культура народа, таким образом, «возвращаются» народу.

В ретро-комедии «Яр буе Хамидулла» («Прибрежный Хамидулла», 2013) Б. Салахов обращается к проблемам из постсоветского прошлого: исчезновение деревень, демографические кризисы и т. д. На первый план выходят отношения отца, сына и внука, которые живут в одном доме и постоянно ссорятся. Создание семьи и продолжение рода всегда воспринималось одной из высших ценностей в татарском обществе. Главный герой пьесы Хамидулла, будучи мудрым стариком, принимает решение женить сына и внука. Однако перед этим ему необходимо продать единственного кормильца — козу, которая давала молоко и помогала семье выживать.

Сын и внук ведут козу на рынок. Но неожиданно коза, ощутив свободу, вырвалась и устремилась к родным просторам. Тем временем сын и внук влюбляются и приходят к Хамидулле с невестами. Эта встреча стала началом новой истории. Вскоре в деревне вместо одного дома появляются еще сто. В домах раздаются детские голоса, как бы подтверждая тот факт, что традиция продолжается. Рождение ребенка воспринимается не только как радость, но и как священный долг, который обязывает родителей передать своим детям культуру, язык и традиции предков. Понятие «ретро» воспринимается как обозначение этих традиций, обычаев, имеющих для современного человека духовную ценность. Верность своим традициям и корням помогает татарскому народу сохранять свою идентичность в современном мире, подчеркивает автор.

Авторские жанровые обозначения зачастую указывают на открытость драматических произведений всевозможным межжанровым, междошовым гибридам, взаимодействие с недраматическими формами, «размывание» традиционных жанровых границ и создание новых, нестандартных форм путем слияния различных видов искусств; мюзикл-юзикл «Хәлил — Галиябану» («Халил-Галиябану», 2006) И. Юзеева; социальная мелодрама-мюзикл «Сабантуй» (2016), спортивная комедия «Баскетболист» (2002) М. Гилязова, в которых наблюдается жанровый синкретизм и «встреча» на одной сцене элементов различных видов искусств. В центре музыкально-театрального представления Р. Хазида под названием «Беспокойный в лаптях» (2000) комический персонаж по имени Исанали, который вызывает к государству с требованием «возвращения родного языка». Виновными в его утрате он считает жену, родителей и работников образовательных учреждений. В пьесе Р. Хазида наблюдается смешение жанров и разных искусств: музыки, драматического действия и визуальных эффектов. Сюжетное развитие действия заменяется символикой и потому важную роль играют лапти, подвешенные хозяином в переднем углу дома, которые раскрывают характер главного героя Исанали, стремящегося быть похожим на состоятельных людей. «Чтобы усилить комический эффект, драматург прибегает к приему «комизма сходства»» (Каюмова, 2021: 58). Директор школы, руководитель районного образовательного учреждения и работник министерства образования совершенно одинаковы как внешне, так и внутренне. Единственное различие заключается в том, что каждый из них носит парик, который указывает на потерю индивидуальности.

В «музыкальном сказании» «Юсуф-Зулейха» (2017) Ю. Сафиуллина смешение жанров проявляется в сочетании древних преданий и былин с реальными фактами прошлого и философско-нравственными размышлениями автора о сущности бытия, сопровождаемые музыкальным и хореографическим оформлением. В результате подобного слияния образуется новая эстетическая реальность, основанная, в первую очередь, на синтезе художественной литературы и музыки, танца, хореографии, спорта.

Нетрадиционные жанровые обозначения, такие как «драматический фрагмент», «трагикомедия-реквием» и «этнографическая бытовая драма» и др., подчеркивают стремление авторов к индивидуальному творческому самовыражению и поиску новых форм для передачи сложных идей и эмоциональных переживаний. Эти экспериментальные подходы свидетельствуют о динамичном развитии татарской драматургии.

Типологии авторских жанровых обозначений

В данном разделе представлена типология жанровых обозначений в татарской драматургии рубежа XX–XXI вв., на примере рассмотренных произведений. Как дополнение к традиционному жанру, подзаголовки могут иметь:

тематический характер:

— народная трагедия (*халык фаҗигасе*): «Ак калфагым төшердем кулдан» («Выронули из рук белый калфак», 1990) И. Юзеева;

— сцены из татарской жизни (*татар тормышыннан сценалар*): «Туган тумачалар» («Родные люди», 2023) И. Зайниева;

— воспоминание о грустной любви: «Сагынырсың әле син дә бер...» («И ты затоскуешь тогда...», 2001) Г. Каюмова и др. ;

— комедийные фантазии на темы любви: «Лунный призрак жены» (2018) М. Гилязова;

— драма для одного человека: «Хөрмәткә хөрмәт кирәк» («Хурмату нужно уважение», 1989) Д. Салихова;

отражать структуру:

— пьеса в двух действиях, семи картинах (*ике пәрдәдә, жиде күренештә*): «Алла каргаган йорт» («Проклятый Богом дом», 1990) Д. Салихова;

— трагедии в двух действиях (*ике пәрдәгә сыйган фаҗига*): «Сафиулла» (1997) М. Гилязова;

— драма для одного человека (*бер кеше фаҗигасе*): «Хөрмәткә хөрмәт кирәк» («Хурмату нужно уважение», 1989) Д. Салихова;

авторские определения, объединяющие два жанровых названия:

— сказка-пьеса (*пьеса-әкият*): «Олуг Хан фәрманы» («Указ хана, 2007) Э. Яхудиная;

— драматическая хроника (*фаҗига хроника*): «Мур кырылышы» («Мурское сражение», 2004) Р. Батуллы;

— драматический фрагмент (*драматик фрагментлар*): «Агыла да болыт агыла...» («Все плывут и плывут облака...», 2001) Т. Миннуллина;

— театральный роман (*театраль роман*): «Телсез күке» («Немая кукушка», 2003), «Легионер» (2011) З. Хакима и др.;

— драматическая притча (*драматик притча*): «Бурлак» (1990) М. Гилязова.

— драма роман (*драма роман*): «Кайда син Атилла?» («Где ты, Атилла?», 2010) З. Хакима и др.;

— драматическая новелла (*драматик новелла*): «Яр» («Берег», 2017) Б. Салахова;

— публицистическая драма (*публицистик драма*): «Тигезәкләр» («Рабы — не мы», 2000) Р. Хамида;

— драматический рассказ (*драматик хикәя*): «Сөяркә» («Любовница», 2001), «Саташу» («Заблуждение», 2001) «Шәжәрә» («Родословная», 1998), «Илгизәр + Вера» («Илгизар+Вера», 1994) Т. Миннуллина, «Жимерелгән бәхет» («Разрушенное счастье», 2006) Р. Батуллы и др.

раскрытие идеи или пафоса произведения:

— грустная комедия (*моңсу комедия*): «Галиябану, сылуым-иркәм» («Галиябану — ненаглядная моя», 2006) Т. Миннуллина;

— грустная драма (*моңсу драма*): «Узып барышлый» («Мимоходом», 2004) Д. Салихова, «Ялгыз каен күзе» («Глаз одинокой берёзы», 2006) Х. Ибрагима и «Алсу томан» («Розовый туман», 2006) Р. Сагди и др.

Таким образом, многие авторские жанровые обозначения выполняют функциональную роль, обозначив характерные особенности произведения: драматический рассказ — «Сөяркә» («Любовница», 2001), «Саташу» («Заблуждение», 2001), «Шәжәрә» («Родословная», 1998), «Илгизәр + Вера» (Илгизар + Вера», 1994), драматическая повесть — «Ир-егетләр» («Мужчины», 1971), этнографическая музыкальная комедия — «Гөргөри кияүләре» («Зятья Григория», 1995), этнографическая комедия — «Йөрәк маем» («Душа моя», 1997) Т. Миннуллина; театральный роман — «Телсез күке» («Немая кукушка», 2003), «Легионер» З. Хакима; драматическая повесть — «Жәйге кырау» («Летний иней», 1990) Амануллы; драматическая притча — «Бурлак», социальная мелодрама-мюзикл — «Сабантуй», спортивная комедия — «Баскетболист» (2002), комедийные фантазии на темы любви — «Лунный призрак жены» (2018) М. Гилязова; драма для одного человека — «Хөрмәткә хөрмәт кирәк» («Хурмату нужно уважение», 1989) Д. Салихова, музыкальный рассказ из жизни театра в двух частях — «Туу» («Рождение...», 2013), ломаный белый стих — «Ул...» («Он...», 2013), драматический дастан-гипотеза — «Ыру» («Род», 2013), фантазмагория — «Морза» («Мурза», 2013) Каюмова и др.

К особой категории традиционных авторских жанровых определений можно отнести те, где одно название указывает на жанр, а вторая часть термина описывает как особенности новой жанровой формы, так и самого произведения. С этой точки зрения, заслуживают внимания пьеса, обозначенная как драматические фрагменты из жизни поэта Х. Туфана «Агыла да болыт агыла...» («Все плывут и плывут облака...», 2001), этнографическо-бытовая драма «Гөргөри кияүләре» («Зятья Гэргэри», 1995) Т. Миннуллина, его же детективная комедия «Гармун һәм скрипка» («Гармонь и скрипка», 1985–1987), трагедия-реквием «Ак тамырлар иле» («Страна Белых корней», 1989–1990) Р. Хамида и др.

Заключение

Исследование показало, что в жанровой системе татарской драматургии последних десятилетий, наряду с традиционными жанрами, существуют жанровые формы, являющиеся результатом эстетических поисков авторов. Схема жанровых новаций заключается в обращении к традиционным формам (трагедии, комедии, мелодраме, фарсу), дополнив их новым содержанием; в их межжанровом, междодровом синтезе; а также в пересечении драматургии с другими видами искусства.

Нетрадиционные авторские жанровые формы появляются в результате различных процессов синтеза и трансформации, указывая на открытость татарской драматургии к новым художественным экспериментам. Они часто возникают на пересечении нескольких устоявшихся жанров, заимствуя и преобразуя их элементы. Авторы осознанно идут на слом привычных канонов, стремясь выразить нечто новое и уникальное, что не уместится в рамки традиционных форм.

В процессе объединения двух или нескольких жанровых моделей, различных видов искусств возникают изменения в структуре произведений: образуется новая эстетическая реальность, основанная на синтезе эпоса, лирики и драмы, музыки, танца, хореографии и спорта. Взаимодействие различных видов искусства создает уникальный опыт, который обогащает драматургическое творчество. Музыка, танец и другие роды литературы предоставляют драматургам возможность исследовать новые грани формы и содержания, делая пьесы более глубокими в содержательном плане, усиливая силу воздействия, развивая ассоциативность ситуаций. Они свидетельствуют о междодровом синтезе, который расширяет рамки одного жанра за счёт элементов другого, делая проницаемыми границы между прозой, поэзией, драматургией.

Неожиданные подзаголовки, отличающиеся сложностью, придают жанрам уникальный, «авторский» характер, что позволяет расширить репертуар литературных жанров, пополнив ряды традиционных. В подзаголовках авторы заявляют об использовании нескольких жанровых названий, таких как театральный роман, драматический рассказ, музыкальное предание, мистическая притча, историческая драма-роман, историческая легенда и др. Кроме того, татарская драматургия исследуемого периода использует лирико-поэтические приемы, условно-метафорические образы и элементы фантастики. При этом сохраняется неповторимый этнокультурный колорит, несмотря на выход драмы за пределы устоявшихся традиционных форм. Авторские жанровые определения выступают в роли связующего звена между традиционными и современными видами искусства, предоставляя неисчерпаемые возможности для самовыражения в творчестве. Слияние жанров и

смешение их признаков внутри различных литературных направлений не вызывает размытости их жанровой идентичности. Наоборот, в точке пересечения традиционного и уникального возникает новый жанр, который представляет собой синтез, соединяющий характеристики одного жанра с другим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахмадуллин, А. Г. (2012) Татарская драматургия: история и проблемы. Казань : Татарское книжное издательство. 511 с.

Бахтин, М. М. (1993) Формальный метод в литературоведении. М. : Лабиринт. 207 с.

Бахтин, М. М. (1963) Проблемы поэтики Достоевского. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Советский писатель. 800 с.

Васильев, Е. М. (2009) Авторские жанровые обозначения в драматургии XX века // Дергачевские чтения–2008: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: Проблема жанровых номинаций : материалы IX Международной научной конференции / сост.: А. В. Подчиненов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. Т. 2. 456 с. С. 48–60.

Гареева, Г. Н. (2021) Жанровые особенности современной башкирской драматургии // Проблема жанров в филологии. Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции. Вып. XVII / отв. ред. Ш. А. Мазан-ев, З. М. Базиева. Махачкала : Дагестанский государственный университет. 349 с. С. 78–83.

Головчинер, В. Е. (2006) Неклассическая драма в русской литературе // Литература и театр: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации, почетного профессора Самарского государственного университета Льва Адольфовича Финка / отв. ред. Э. Л. Финк, Л. Г. Тютелова. Самара : Изд-во Самарского университета. 327 с. С. 46–60.

Гончарова-Грабовская, С. Я. (2003) Поэтика современной русской драмы: (конец XX — начало XXI в.). Минск : Белорусский государственный университет. 67 с.

Закирзянов, А. М. (2019) Современное татарское литературоведение: традиции, закономерности, поиски. Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. 372 с.

Закирзянов, А. М. (2020) Авторские жанровые формы в современной татарской драматургии // Жанрово-стилевое развитие национальных литератур в XX–XXI вв. : материалы Международной научно-практической конференции. Вып. 2. / сост.: А. Ф. Ганиева, Ф. Х. Миннулина, Л. Р. Надыршина. Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. 314 с. С. 145–153.

Закирзянов, А. М. (2024) Спектакль «Темный лес» в постановке татарского государственного театра драмы и комедии им. К. Тинчурина: сценические интерпретации // Экранные и сценические искусства в контексте современного культурно-образовательного процесса : сборник материалов Международной научно-практической конференции / отв. ред. Э. М. Галимова. Казань : Казанский государственный институт культуры. 127 с. С. 43–49.

Закирзянов, А. М., Габидуллина, Ф. И. (2020) Мотив «возвращения» в современной татарской драматургии // Филологические науки. Вопросы теории и практики Вып. 10. С. 75–79. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.14>

Иванюк, Б. П. (2007) Жанровый синтез: версия словарного описания понятия // Дергачевские чтения–2006: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Материалы междунар. науч. конф.: в 2 т. / сост. А. В. Подчиненов, Д. В. Харитонов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та ; Изд. дом «Союз писателей» Т. 1. 314 с. С. 115–116.

Каюмова, Г. И. (2021) Творческое новаторство драматурга Ризвана Хамида в воплощении концепции личности (в связи с 80-летием со дня рождения) // Научный Татарстан. № 4. С. 57–64.

Корман, Б. О. (1974) Опыт описания литературных родов в терминах теории автора (субъектный уровень) // Проблема автора в художественной литературе. Вып. 1 / редакционная коллегия: Б. О. Корман (отв. ред.), Н. П. Кралина, Д. А. Яшин. Ижевск : УдГУ. 230 с. С. 219–224.

Кириллова, И. Ю. (2017) Драматургия // История Чувашской литературы XX века : в 2 ч. / отв. ред. А. Ф. Мышкина. Чебоксары : Чувашское книжное издательство. Ч. 2. 1956–2000 годы. 432 с. С. 250–278.

Кравцов, Н. И. (1972) Проблемы славянского фольклора. М. : Наука. 360 с.

Лейдерман, Н. Л. (2006) Проблема жанра в модернизме и авангарде (испытание жанра или испытание жанром?) // Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. Вып. 9 / отв. ред. Н. В. Барковская. Екатеринбург : Изд-во Уральского педагогического ин-та. 229 с. С. 2–31.

Меньщикова, М. К. (2013) Жанровый синтез в драматургии Фридриха Геббеля (к 200-летию писателя) // Российский гуманитарный журнал. № 2. С. 174–178.

Миннуллина Ф. Х. (2019) Жанр драмы в татарской драматургии рубежа XX–XXI веков. Казань : ИЯЛИ. 144 с.

Сухих, И. (2023) Структура и смысл. М. : Изд-во КоЛибри. 562 с.

Тынянов, Ю. (1977) Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука. 356 с.

Теория литературных жанров (2011) / под ред. Н. Д. Тамарченко. М. : Академия. 256 с.

Шарипова, А. С. (2022) Татарская драматургия XX — начала XXI века: проблема инварианта. Казань : ИЯЛИ. 336 с.

Хализев, В. (1999) Теория литературы. М. : Высшая школа. 398 с.

Ханзафаров, Н. Г. (2022) Татар драматургиясе: күзәтүләр, ижат портретлары: фәнни һәм тәнкыйть мәкалә-ләр [Татарская драматургия: обзоры, творческие портреты]. Казан : ТәһСИ. 264 б. (На татар. яз.).

Херел, А. Х. (2023) Трансформация духовно-нравственных ценностей тувинцев в современной тувинской драматургии // Казанская наука. № 11. С. 200–206.

Дата поступления: 10.02.2025 г.

Дата принятия: 31.03.2025 г.

REFERENCES

Akhmadullin, A. G. (2012) *Tatar Drama: History and Problems*. Kazan, Tatar Book Publishing. 511 p. (In Russ.)

Bakhtin, M. M. (1993). *The Formal Method in Literary Studies*. Moscow: Labirint. 207 p. (In Russ.)

Bakhtin, M. M. (1963) *Problems of Dostoevsky's Poetics*. 2nd ed. Moscow, Sovetskii Pisatel'. 800 p. (In Russ.)

Vasil'ev, E. M. (2009) Authorial Genre Designations in 20th-Century Drama. In: *Dergachevskie Chteniia–2008: Russian Literature: National Development and Regional Features. The Problem of Genre Nominations: Materials of the IX International Scientific Conference*, comp. by A. V. Podchinenov. Ekaterinburg, Ural Univ. Press. Vol. 2. 456 p. Pp. 48–60. (In Russ.)

Gareeva, G. N. (2021) Genre Features of Contemporary Bashkir Drama. In: *The Problem of Genres in Philology. Materials of the XVI All-Russian Scientific and Practical Conference. Issue XVII*, eds. Sh. A. Mazanaev, Z. M. Bazieva. Makhachkala, Dagestan State University. 349 p. Pp. 78–83. (In Russ.)

Golovchiner, V. E. (2006) Non-classical Drama in Russian Literature. In: *Literature and Theatre: Materials of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 90th Anniversary of Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Professor of Samara State University L. A. Fink*, eds. E. L. Fink, L. G. Tytelova. Samara, Samara State Univ. Press. 327 p. Pp. 46–60. (In Russ.)

Goncharova-Grabovskaia, S. Ya. (2003) *Poetics of Contemporary Russian Drama (Late 20th–Early 21st Centuries)*. Minsk, Belarusian State University. 67 p. (In Russ.)

Zakirzyanov, A. M. (2019) *Contemporary Tatar Literary Studies: Traditions, Patterns, Searches*. Kazan, G. Ibragimov Institute of Language, Literature, and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 372 p. (In Russ.)

Zakirzyanov, A. M. (2020) Authorial Genre Forms in Contemporary Tatar Drama. In: *Genre and Stylistic Development of National Literatures in the 20th–21st Centuries: Materials of the International Scientific and Practical Conference. Issue 2*, comp. A. F. Ganieva, F. Kh. Minnullina, L. R. Nadyrshina. Kazan, G. Ibragimov Institute of Language, Literature, and Art. 314 p. Pp. 145–153. (In Russ.)

Zakirzyanov, A. M. (2024) The Play “Dark Forest” Staged by the Tinchurin Tatar State Drama and Comedy Theatre: Stage Interpretations. In: *Screen and Stage Arts in the Context of the Modern Cultural and Educational Process: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*, ed. E. M. Galimova. Kazan, Kazan State Institute of Culture. 127 p. Pp. 43–49. (In Russ.)

Zakirzyanov, A. M. and Gabidullina, F. I. (2020) The Motif of “Return” in Contemporary Tatar Drama. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*, no. 10, pp. 75–79. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.14>

Ivaniuk, B. P. (2007) Genre Synthesis: A Version of Lexicographical Description of the Notion. In: *Dergachevskie Chteniia–2006: Russian Literature: National Development and Regional Features. Materials of the International Scientific Conference: in 2 vols. Comp. by A. V. Podchinenov, D. V. Kharitonov*. Ekaterinburg, Ural Univ. Press; Writers' Union Press. Vol. 1. 314 p. Pp. 115–116. (In Russ.)

Kayumova, G. I. (2021) Creative Innovation of Playwright Rizvan Khamid in Embodying the Concept of Personality (on the 80th Anniversary of His Birth). *Nauchnyi Tatarstan*, no. 4, pp. 57–64. (In Russ.)

Korman, B. O. (1974) An Attempt to Describe Literary Genres in Terms of Author Theory (Subject Level). In: *The Problem of the Author in Fiction*. Issue 1, eds. B. O. Korman (chief ed.), N. P. Kralina, D. A. Yashin. Izhevsk, UdGU. 230 p. Pp. 219–224. (In Russ.)

Kirillova, I. Yu. (2017) Drama. In: *History of Chuvash Literature of the 20th Century*: in 2 Parts. Ed. by A. F. Myshkina. Cheboksary, Chuvash Book Publishing. Part 2: 1956–2000. 432 p. Pp. 250–278. (In Russ.)

Kravtsov, N. I. (1972) *Problems of Slavic Folklore*. Moscow, Nauka. 360 p. (In Russ.)

Leiderman, N. L. (2006) The Problem of Genre in Modernism and Avant-garde (Genre Trial or Trial by Genre?). In: *Russian literature of the XX–XXI centuries: trends and trends*. Issue 9, ed. N. V. Barkovskaia. Ekaterinburg, Ural Pedagogical Institute Press. 229 p. Pp. 2–31. (In Russ.)

Menshchikova, M. K. (2013) Genre Synthesis in Friedrich Hebbel's Drama (On the 200th Anniversary of the Writer). *Rossiiskii Gumanitarnyi Zhurnal*, no. 2, pp. 174–178. (In Russ.)

Minnullina, F. Kh. (2019) *The Genre of Drama in Tatar Drama at the Turn of the 20th–21st Centuries*. Kazan, IYALI. 144 p. (In Russ.)

Sukhyh, I. (2023) *Structure and Meaning*. Moscow, Kolibri. 562 p. (In Russ.)

Tynianov, Yu. (1977) *Poetics. History of Literature. Cinema*. Moscow, Nauka. 356 p. (In Russ.)

Theory of literary genres (2011), ed. by N. D. Tamarchenko. Moscow, Akademiya. 256 p. (In Russ.)

Sharipova, A. S. (2022) *Tatar Drama of the 20th–Early 21st Centuries: The Problem of Invariant*. Kazan, IYALI. 336 p. (In Russ.)

Khalizev, V. (1999) *Theory of Literature*. Moscow, Vysshaia Shkola. 398 p. (In Russ.)

Khanzafarov, N. G. (2022) *Tatar Dramaturgy: Observations, Creative Portraits: Scientific and Critical Articles [Tatar dramaturgy: images, creative portraits]*. Kazan, TaHSI. 264 p. (In Tatar.)

Kherel, A. Kh. (2023) Transformation of the Spiritual and Moral Values of Tuvans in Contemporary Tuvan Drama. *Kazanskaia Nauka*, no. 11, pp. 200–206. (In Russ.)

Submission date: 10.02.2025.

Acceptance date: 31.03.2025.

Парча в татарской литературе начала XX в. как композиционная и архитектурная форма целого

Венера Р. Аминова

Казанский (Приволжский) федеральный университет; Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, Российская Федерация

В статье впервые проведено исследование функционирования парча в татарской литературе начала XX в. как композиционной и архитектурной формы целого. Это позволило уточнить и углубить представления о путях развития жанрово-стилевой системы татарской национальной литературы.

В широком смысле парча называли отрывок из более крупного произведения или произведение миниатюрной формы; в узком смысле парча представлена в литературе этого периода как композиционная и архитектурная форма. Установлено, что в качестве композиционного приема парча создает напряжение между открытостью и закрытостью, завершенностью и незавершенностью текста, активизируя действие свойственной жанру «отрывка» в русской и европейской литературах логики фрагментарности, которая акцентирует внутреннюю беспредельность изображаемого. Эта закономерность проявляется в стихотворениях С. Рамиева, а также в ряде миниатюр Дәрдемнда.

Художественно-эстетические возможности парча как ценностной архитектуры изображенного мира раскрываются в миниатюрах, имеющих жанровый исток в описательной части касыды (васф) с присущим ей созерцательно-пейзажным содержанием, которое вырастает на основе гармоничного жизнеотношения. Стихотворения этого типа характеризуются композиционной замкнутостью и четкостью синтаксических, ритмических и строфических границ текста. Таковы стихотворения Дәрдемнда, идеальные пейзажи Г. Тукая, описания природы в лирике Ш. Бабича. Выявлено, что основная тенденция в развитии миниатюр, хранящих в себе «жанровую память» васф, — освобождение от тематических, композиционных, стилистических предписаний и обнаружение имманентных возможностей своей внутренней структуры на путях взаимодействия с другими жанрами, внеродовыми формами и типами дискурса.

Ключевые слова: татарская литература; композиция; архитектура; литературный жанр; лирическая миниатюра; пейзажная лирика; васф; парча

Для цитирования:

Аминова В. Р. Парча в татарской литературе начала XX в. как композиционная и архитектурная форма целого // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 128-147. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.9>

Аминова Венера Рудалевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы и методов ее преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета; ведущий научный сотрудник Отдела литератур народов России и СНГ Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук. Адреса: 480008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18; 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а. Эл. адрес: amineva1000@list.ru

AMINEVA, Venera Rudalevna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Literature and Teaching Methods, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga Region) Federal University; Leading Researcher, Department of Literatures of the Peoples of Russia and the Commonwealth of Independent States, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Postal addresses: 18 Kremlevskaya Str., 480008, Russia, Kazan; 25a Povarskaya Str., 121069, Russia, Moscow. E-mail: amineva1000@list.ru

ORCID: 0000-0003-4016-2242

The Functioning of *Parcha* in Early 20th Century Tatar Literature as a Compositional and Architectonic Form of the whole

Venera R. Amineva

Kazan (Volga Region) Federal University;
Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

The article offers the first scholarly investigation into the functioning of *parcha* in early 20th century Tatar literature as both a compositional and architectonic form of the whole. This analysis refines and deepens our understanding of the developmental trajectories of the genre-style system in Tatar national literature.

In a broad sense, *parcha* referred either to an excerpt from a larger work or to a miniature literary form. In the narrower sense, within the literature of this period *parcha* is presented specifically as a compositional and architectonic device. It is established that, as a compositional method, *parcha* generates a dynamic tension between openness and closure, completion and incompleteness of the text. This activates the fragmentary logic traditionally associated with the «excerpt» genre in Russian and European literatures—one that emphasizes the inner boundlessness of the depicted world. Such patterns are evident in the poems of S. Ramiev and several miniatures by Dardmend.

The artistic and aesthetic potential of *parcha* as a value-bearing architectonic structure of the depicted world becomes manifest in miniatures that trace their generic origins to the descriptive section of the *qasida* (*wasf*), with its contemplative and landscape-oriented content rooted in a harmonious worldview. Poems of this type are characterized by compositional closure and precision in syntactic, rhythmic, and strophic boundaries. This is exemplified in Dardmend's poems, G. Tukay's ideal landscapes, and portrayals of nature in the lyrics of Sh. Babich.

The study identifies a core trend in the development of such miniatures, which preserve the “generic memory” of *wasf*: the gradual liberation from thematic, compositional, and stylistic conventions and the growing discovery of the immanent potential of their internal structure through interactions with other genres, non-generic forms, and types of discourse.

Keywords: Tatar literature; composition; architectonics; literary genre; lyrical miniature; landscape lyrics; *wasf*; *parcha*

For citation:

Amineva V. R. The Functioning of *Parcha* in Early 20th Century Tatar Literature as a Compositional and Architectonic Form of the whole. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 128-147 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.9>

Введение

Традиционный для классической восточной¹ поэзии термин *парча* (*парса*) получает в научно-исследовательской и справочной литературе определение, сближающее его с жанром *китга* (*кый-тга*, *кыт'а*). Так, *китга* (араб., перс., тюрк. — ‘часть, фрагмент’) характеризуется как «небольшое стихотворение философского и дидактического характера», рифмующееся «по образцу газели и касыды (ба, ва, га), но без парной рифмы в первом бейте²», отличающееся «глубиной мыслей и

¹ В данном исследовании определение «восточный» обозначает прежде всего арабо-мусульманскую традицию.

² «Бейт (араб.) — двустихие в арабо-, фарси- и тюркоязычной поэзии, а также в поэзии на урду, основная единица строфики аруза, выделяемая в стихотворном произведении любого жанра. Делится на два полустишия (мисра) с одинаковым количеством слогов и в целом должно заключать в себе законченную мысль. Может выступать как самостоятельное произведение и в этом случае имеет парную рифму. В составе газели, касыды и других жанровых разновидностей поэзии рифмуется по правилам соответствующего жанра» (Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2001. Стб. 79).

чувств, отточенностью языка и стиля, афористическим звучанием»¹, *парча* / *парса* (от перс. *парче* — часть, кусок, отрывок) — «миниатюрное стихотворение (дву- и трехстишие) или небольшое по объему прозаическое произведение, отражающее эмоциональное состояние, философскую настроенность, непосредственные впечатления автора»².

Акцентированная в этимологии слов *китга* и *парча* незаконченность и отсылка к целому, «частью» из которого они являются, дает основание для сопоставления этих жанров с «отрывком» («фрагментом») в русской поэзии (см.: Сопоставительная поэтика ... , 2018: 141–163). На формирование и развитие *китга* и *парча* в татарской литературе начала XX в. оказала влияние средневековая восточная словесность, в которой получили широкое распространение малые художественные формы: *кит'а*, *хикмет*³, *рубай*⁴, *насихат*⁵, *масаль*⁶.

Произведения этих жанров запечатлевают устойчивые, универсальные закономерности бытия, относящиеся как к состоянию мира в целом, так и к частной жизни человека, становясь необходимой и органичной формой общенационального опыта, житейской мудрости. Отсюда — стремление к сжатому объему и проистекающая из этой установки повышенная смысловая нагруженность художественного слова. Аналогичные жанры существуют и в других литературах. Так, в русской поэзии к их числу можно отнести стихотворную миниатюру, своей структурной завершенностью противостоящую фрагменту (Теория литературных ... , 256: 136–140). В тувинской поэзии существует трехстишная жанровая форма, определяемая как *ожук дажы* 'камни очага'. Исследователь этого жанра Л. С. Мижит считает, что в ней отразилось «подсознательное стремление поэтов сохранить в современном сознании устойчивые образы и символы традиционной народной культуры. В данном случае три строки *ожук дажы* ассоциируются с тремя камнями очага» (Мижит, 2009: 88).

В отличие от *ожук дажы* как жанра, в котором «нашло свое отражение традиционное тувинское мировоззрение, верования и обычаи, национальные особенности тувинцев» (там же: 91), *парча*, как и русскоязычная стихотворная миниатюра, оказывается формой, в которой прокладывает себе дорогу новое художественное видение мира.

Постепенно данное понятие начинает функционировать как номинация произведений, в которых важна структурообразующая роль одной детали, что подчеркивается в определениях *парча* как жанра — это «небольшое по объему поэтическое или прозаическое произведение, созданное на основе небольшой художественной детали и характеризующееся композиционной и тематической целостностью»⁷. В системе малых жанров татарской словесности *парча* — жанр, конкурирующий с *китга* и постепенно вытесняющий его. Аналогичные закономерности обнаруживаются и в истории башкирской литературы: некоторые из малых форм, входившие в систему стихотворных жанров башкирской литературы, как пишет Ф. Р. Абелгузина, «почти не используются и представляют в

¹ Татарская энциклопедия: в 6 т. Казань: Ин-т татарск. энциклопедии АН РТ, 2006. Т. 3. С. 307.

² Татарская энциклопедия: в 6 т. Казань: Ин-т татарск. энциклопедии АН РТ, 2008. Т. 4. С. 585.

³ *Хикмет* (араб. 'мудрость') — «малый жанр философско-дидактической направленности», «краткое, афористичное, исполненное глубокого смысла суждение», «изречение морального характера объемом в один или несколько стихов, включенное в касыду. У древних арабов хикмет был основным способом изложения норм общественной морали, является ведущим жанром религиозной поэзии тюркоязычных народов» (Татарская энциклопедия: в 6 т. Казань: Ин-т татарск. энциклопедии АН РТ, 2014. Т. 6. С. 217).

⁴ *Рубай* — «лирический жанр в поэзии народов Востока; четверостишие, которое содержит завершенную мысль и рифмуется по схеме *ааба*, иногда *аааа*. В некоторых случаях сопровождается *редифом*. Служит для выражения лирических переживаний и философских размышлений автора» (Татарская энциклопедия: в 6 т. Казань: Ин-т татарск. энциклопедии АН РТ, 2010. Т. 5. С. 145).

⁵ *Насихат* (с араб. — 'назидание', 'наставление', 'нравоучение') — «в средневековой персидской и тюрко-татарской литературе поэтическое, прозаическое или смешанное произведение дидактического содержания. В афористической, образной форме читателю даются совет, наставление, назидание» (Татарская энциклопедия: в 6 т. Казань: Ин-т татарск. энциклопедии АН РТ, 2010. Т. 4. С. 368).

⁶ *Масаль* (араб. 'басня, притча, аллегория') — «1) короткий иносказательный стихотворный, прозаический или смешанный (в стихах и прозе) рассказ, персонажами которого являются животные звери, птицы и неодушевленные предметы; 2) пословица, поговорка. В масаль, как правило, преобладает дидактическое начало, присутствуют назидание, мораль...» (Татарская энциклопедия: в 6 т. Казань: Ин-т татарск. энциклопедии АН РТ, 2010. Т. 4. С. 83).

⁷ Әдәбият белеме сүзлеге [Литературоведческий словарь] / Төз.-ред. А. Г. Әхмәдуллин. Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. Б. 131. (На татар. яз.).

основном исторический интерес. В то время как другие жанры, наоборот, обрели “второе дыхание”. Одним из таких жанров является и “парса”¹»².

Генетически восходящие к жанровой системе восточных литератур художественные формы татарской поэзии — предмет внимания Х. Ю. Миннегулова (Миннегулов, 1993), А. М. Шарипова (Шарипов, 2001), Х. Р. Курбатова (Курбатов, 2005), Д. Ф. Загидуллиной (Загидуллина, 2013) и др. Однако в современном литературоведении до сих пор не описаны художественно-эстетические свойства стихотворных миниатюр и особенности их функционирования на разных этапах истории татарской литературы, характер соотношения и взаимодействия с другими жанрами и внелитературными типами высказываний. Исследование этих вопросов позволит уточнить и углубить представления о путях развития жанровой системы татарской литературы, раскрыть жанрообразующие факторы, механизмы взаимодействия традиций и новаторства в историко-литературном процессе.

Понятие *парча* в татарском литературно-художественном сознании начала XX в. (шире — 1-й трети XX в.) функционирует как слово с весьма размытой семантической аурой. Оно использовалось для обозначения произведений малых форм, которые не вписывались в знакомые жанровые границы и предполагали ориентацию авторского сознания на разные, подчас противоположные, способы художественного завершения. *Парча* называли и отрывок из более крупного произведения любого жанра или просто опубликованную отдельно от целого часть существующего текста³.

Цель настоящего исследования — описать функционирование *парча* в татарской литературе начала XX в. как композиционной и архитектурной формы. Достижение цели предполагает решение следующих задач: рассмотреть традицию употребления слова *парча* в широком смысле как синонима стихотворных и прозаических миниатюр; проанализировать стихотворения, в заголовочном комплексе которых присутствует слово *парча* и / или используется открытый финал как маркер незавершенности текста, являющегося частью большого, оставшегося в подтексте целого; выделить конститутивные признаки миниатюр, содержащих описание природы и реализующих художественно-эстетические возможности *парча* как ценностной архитектуры изображенного мира.

Объектом исследования является *парча* в татарской литературе начала XX в.

Предмет исследования — функционирование *парча* в татарской литературе начала XX в. как композиционной и архитектурной формы целого.

Исследование феноменологии *парча* в татарской литературе обозначенного периода основывается на предложенном М. М. Бахтиным разграничении двух видов форм — композиционных, организующих материал, и архитектурных, упорядочивающих эстетический объект (Бахтин, 1975: 18–22).

Теоретико-методологическую основу работы составляют концепция жанра как «трехмерного конструктивного целого», «как особого типа строить и завершать целое» (см.: Бахтин, 2000: 306–312), а также используемое в литературоведении разграничение «жанрового содержания» и «жанровой формы» (Поспелов, 1983). Решение поставленных задач опирается на учение об этапах исторической поэтики (Аверинцев и др., 1994) и соответствующих традиционалистскому и индивидуально-творческому типам художественного сознания канонических и неканонических жанрах (Лосев, 1973; Тамарченко, 1997).

Парча как синоним лаконичных художественных форм

В татарском литературно-эстетическом сознании складывается традиция употребления слова *парча* в широком значении, не указывающем на жанровую принадлежность произведения. Так, в издании «Дәрдемәнд әсәрләре» («Произведения Дәрдемәнда»⁴, 1929)⁵ составитель И. Рами объединяет

¹ *Парса* — вариант написания слова *парча*.

² Абелгузина Ф. Р. Жанр «парса» в башкирской литературе: проблемы формирования и развития: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2003. С. 9.

³ См., например: Ибраһимов Г. Г. Әсәрләр [Сочинения]: 15 т. 6 т.: әдәбият һәм сәнгать турында мәкаләләр, хезмәтләр (1910–1914) [Труды и статьи о литературе и искусстве (1910–1914)]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2019. Б. 69–72; 230–237. (На татар. яз.).

⁴ Псевдоним Рамиева Мухаммед-Закира Мухаммедсадыковича (1859–1921), в переводе с персидского *дәрдемәнд* означает ‘страдающий’, ‘опечаленный’.

⁵ Дәрдемәнд әсәрләре [Произведения Дәрдемәнда]. Казан, 1929. (На татар. яз.).

короткие произведения поэта в циклы, используя слово *парча* в качестве синонима лаконичных художественных форм: «Тавигәт турьнда» (5 парча) («О природе» /5 отрывков/), «Тавигәткә вәйләнешле моңсұлар» (9 парча) («Пейзажная лирика» /9 отрывков/), «Сағъ, ғишәқ моңсұлар» (8 парча) («Нәсер, любовная лирика» /8 отрывков/), «Војоқ күңел» (4 парча) («Грустная душа» /4 отрывка/), «Кинәле-инәле әјтеләк» (21 парча) («Аллегорико-комические высказывания» /21 отрывок/), «Төрлөләр» (27 парча) («Разное» /27 отрывков/)¹.

Р. Даутов, составитель и автор комментариев к произведениям Дәрдемнда в книге «Исә жилләр» («Веют ветры», 1980)², объединил двенадцать миниатюр общим названием «Истәлек-парчалар» («Парча-воспоминания»). Они различны по тематике и жанровым стратегиям: наряду с *нәсер*³ («Үлән өстенә сузылып яттым» /«Лежу я на траве»/; «Жылы һава тынык...» /«Теплый воздух тих...»/) здесь есть и рассказ («Танышларымнан бер адәм сөйли...» /«Один из моих знакомых рассказал такую историю...»/), и описание природы Урала («Эшләренң жае, кәсепләренң уңае, бер заманнар бу кәминәне Урал тауларының эчләренә аткан иде» /«Как-то судьба закинула меня в места, окруженные Уральскими горами»/), и бытовая сцена с диалогами («Ғабдуллабыз борыңғы Ғабдулла түгел иде...» /«Нашего Ғабдулла было не узнать...»/), и любовное послание («Бер көнне хат килде...» /«Однажды я получил письмо...»/), и аллегория («Тозакка төшкән ана кошлар кебек без чебешләренң вафасызлык иттең!» /«Словно птица, попавшая в силки, ты оставил нас, своих птенцов!»/), и сентенция («Язуны киресенә укый, киресенә аңлый» /«Написанное читает с конца, понимает превратно»/), и суждение («Вафасыз дөньяның үги уғыллары, безнең кара бәхетле туганнарыбыз, йөрәге яныклар, күңеле сыныклар...» /«Те, у которых испепеленное сердце и сломленная душа, — наши несчастные родичи, являющиеся сиротами этого смутного мира»/), и сатирические афоризмы (например: «Иске чапан белән керле чалма күргәндә, күз чиркәнә, күңел имәнә, санки үлек белән каберлек күргән кебек буласың!» /«Когда видишь старый чапан и грязную чалму, глазам становится противно, душа вздрагивает от испуга, потому что кажется, что ты словно увидел труп и могилу!»/)⁴.

Эти произведения соотносимы с различными литературными родами и внеродовыми формами (эссеистикой, очерком, философской прозой и др.).

По содержанию, стилю и символической образности некоторые из прозаических миниатюр примыкают к поэтическим, варьируя и развивая их темы. *Нәсер* «Лежу я на траве» связан со стихотворением «Ятам кайчаклары моңлап...» («В тоске я лежу порой...») общим мотивом тоски — «пороговым» состоянием сознания, переживаемым на границе реального и трансцендентного и становящимся знаком причастности к иному бытию. В этом настроении — и чувство беспредельности скрытых и глубинных стихий, борющихся в человеке и мироздании, и предчувствие чего-то неизвестного, чуждого и непонятного человеку, и ужас перед конечностью и брэнностью его земной жизни. В миниатюре «В тоске я лежу порой...» тоска приобретает универсально-философский смысл, являясь результатом соприкосновения с непостижимыми силами жизни, тайнами мира и души. В *нәсер* этот же психоэмоциональный комплекс получает индивидуально-личностную мотивировку и конкретизацию:

«Бу искән жилләрдә кичкән елларның моңлы агышы белән, үткән гомерләренң хәсрәтле сагышы тоела иде. Алда киләчәк адәмнәрнең тупарлашып баскан аяк тавышлары ишетелгәндәй була иде»⁵.

«В дуновениях ветра слышится грустное течение прожитых лет, горечь тоски ушедшей жизни. Чудится топот людей будущих времен»⁶.

Сходным образом соотносятся *нәсер* «Теплый воздух тих...» и пятистишие «Исәрме жил тугай буйлап» («Прошумит ли ветер по лугам...»). Специфика субъектно-образной целостности обоих произведений создается отношениями «я», «другого» («девы» в одном случае и возлюбленной лиричес-

¹ Там же. Б. 107–108.

² Дәрдемнд (Закир Рәмиев). Исә жилләр. Шигырьләр [Веют ветры. Стихи]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1980. 256 б. (На татар. яз.).

³ См. о *нәсер* (Аmineва, Мижит, 2023: 24).

⁴ Дәрдемнд (Закир Рәмиев). Исә жилләр. Шигырьләр. ... Б. 183–188. (На татар. яз.). Подстрочный перевод с татарского языка здесь и далее (без иных указаний) выполнен В. Р. Аминевой.

⁵ Там же. Б. 183.

⁶ Подстрочный перевод А. М. Саяповой (Саяпова, 2006: 61).

кого героя — в другом) и природы, которая наделяется в произведениях Дэрдмэнда чертами сверх-субъекта. Она воплощает надличностное и вневременное по отношению к основной лирической ситуации и ее героям активно-волевое начало, обладает бытийной полновесностью и завершенностью ценностно-смысловой позиции. Внеличная форма репрезентации авторского сознания в поэтической миниатюре «Прошумит ли ветер по лугам...» преобразована в *нэсер* «Теплый воздух тих...» в открытую личностность позиции лирического героя, в то время как его возлюбленная, напротив, объективирована — растворена в явлениях природы и образует с ними субстанциальное единство:

«Күлөнкөдө буй аткан талчыбыктарны — ярымның зига буена, агым суларның гөрлөлөрөн моңлы көөнө биңзэтө идем; көрпө чөчөклөрнөң күркөм килешен матуркаемның матур көлөшөнө охшата идем. Агым суларның гөрлөп агышында гизле сагышлар бары, жилас жил белән шаулап тибрәнгән агачларның моңлы зары күңлемә әсәр итте»¹.

«В гибких ивовых прутьях я находил сходство с тонким станом моей возлюбленной, в звуках журчащей воды слышал мелодию ее голоса; прекрасные благоуханные цветы напоминали улыбку моей любимой. Грусть, которая была слышна в журчании воды, жалобный стон качающихся на ветру деревьев болью отзывались в душе моей»².

Пейзажная зарисовка пронизана откровенно личной интонацией и выступает как косвенный образный язык для изображения состояния не только мира, но и «я», оказавшегося на грани вселенских противоречий и испытывающего экзистенциальную тоску и тревогу.

В первой миниатюре, в которой доминирует установка на описание ландшафтных особенностей Урала, воспроизводятся структурно-содержательные черты *васф*³:

«Эшләрнөң жае, көсепләрнөң уңае, бер заманнар бу көминәне Урал тауларының эчләрөнә аткан иде. Эшләрәмдән бушанган чакларымда тауларның хуш мөңзараларын, күркөм жирләрөн сәйр вә тамаша кылмактан бушанмый идем. Урал тавының кай тирәләре гаять тә хуштыр. Бәлзәм исле нарат урманнарының эчендә — таштан ташка атылып чыккан агым сулар; төш-төш ачык жирлөрдә — төрле чөчөкләр белән бизәлгән күркөм тугайчыктар»⁴.

«Как-то судьба закинула меня в места, окруженные Уральскими горами. В свободное от дел время я непременно совершал путешествия в горы, чтобы насладиться их красивыми видами. Некоторые места в Уральских горах особенно красивы. В благоухающих бальзамом сосновых лесах из-под камней бьют водопады, на открытых местах — украшенные цветочным многоцветьем заливные луга».

Итак, слово *парча* в рассмотренных примерах определяет не жанровую принадлежность произведений, а объединяющее их свойство формы — малый объем текста.

Парча как композиционная форма

Если *китга* по степени авторефлексивности оказывается едва ли не лидирующим жанром из сосуществующих с ним в татарской литературе начала XX в. композиционно-архитектонических форм, то парча в этот период, как правило, не сопровождается авторской номинацией. Исключение, на первый взгляд, составляют стихотворения Сагита Рамиева (Рәмиева) (1880–1926)⁵, в заголовочном комплексе которых присутствует слово *парча*: «Лермонтов шигырьләрәннән парчалар» («Парча из стихотворений Лермонтова», 1914), «Некрасовтан бер парча. Аналар» («Парча из Некрасова. Матери», 1914). Но названия: «Парча из стихотворений Лермонтова», «Парча из Некрасова» — указывают не на жанровую принадлежность, а на переведенные татарским поэтом отдельные части («куски») произведений М. Ю. Лермонтова и Н. А. Некрасова.

¹ Дәрдемд (Закир Рәмиев). Исә жилләр. Шигырьләр. ... Б. 182. (На татар. яз.).

² Подстрочный перевод А. М. Саяповой (Саяпова, 2006: 61).

³ Васф — описательная часть касыды, которая выделилась в самостоятельный жанр (Фильштинский, 1985: 59).

⁴ Дәрдемд (Закир Рәмиев). Исә жилләр. Шигырьләр. ... Б. 181. (На татар. яз.).

⁵ Сагит Лутфуллович Рамиев (1880–1926) — классик татарской литературы, поэт, драматург, переводчик, журналист, близкий друг и соратник Габдуллы Тукая (см. подробнее: Ганиева Р. К. Рамеев С. // Татарская энциклопедия: В 6 т. Казань: Ин-т татарск. энциклопедии АН РТ, 2010. Т. 5: Р–С–Т. С. 24–26).

Стихотворение М. Ю. Лермонтова «В альбом» («Нет — я не требую вниманья», 1830) состоит из двух частей, включающих в себя по восемь строк. С. Рамиев перевел четыре строки из первой части этого текста. Второе двустишие — близкий к оригиналу перевод двух строк из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Нет, я не Байрон...» (1832). Третье четверостишие — переложение фрагмента из произведения «1830 год. Июля 15-го». Четвертое четверостишие — вольный перевод отрывка из клятвы Демона («Демон», 1829–1939). «Парча из Некрасова. Матери» — перевод второй части стихотворения Н. А. Некрасова «Внимая ужасам войны» (1855), передающей размышления автора-повествователя о горе матерей, которые никогда не смиряются с гибелью своих детей. Таким образом, С. Рамиев использует понятие *парча* в том же значении, что и Г. Ибрагимов: это часть целого, отрывок из более крупного произведения.

Сопоставительный анализ стихотворений М. Ю. Лермонтова и их переводов на татарский язык, выполненных С. Рамиевым, проведен А. З. Хабибуллиной (см.: Хабибуллина, 2021: 76–84). По мнению исследователя, вольные переводы, выполненные татарским поэтом, близки к традиционному восточному жанру *кимга*: «... в своем цикле Рамиев предстает поэтом философствующим, тяготеющим к выражению некой сентенции, здесь он глубок и рефлексивен <...>. Мятежность его мироощущения уступает место созерцательности, мудрости и одновременно целостному, гармоничному восприятию мира» (там же: 77).

Вместе с тем обращают на себя внимание и другие аспекты жанровой идентичности переводов С. Рамиева. Первое, третье и четвертое четверостишия из цикла «Парча из стихотворений Лермонтова» и «Парча из Некрасова» завершаются многоточием — одним из приемов создания «открытого», незавершенного текста, активно используемым европейскими (Д. Г. Байрон, А. Шенье) и русскими (А. С. Пушкиным, А. А. Дельвигом, Е. А. Баратынским, М. Ю. Лермонтовым, Ф. И. Тютчевым и др.) поэтами в жанре «отрывка» («фрагмента»).

Важно и другое: переводы из произведений М. Ю. Лермонтова образуют цикл, имеющий свою внутреннюю логику и отражающий процесс самопознания и самоопределения лирического субъекта татарского поэта. Каждое из четырех стихотворений цикла — определенный этап духовного пути «я». В первом четверостишии герой, поставленный перед лицом быстро текущего времени (*бик күп еллардан соң*¹, «проходит много лет»), ищет способы противостоять его разрушительной работе:

Пишу, пишу рукой небрежной, Чтоб здесь чрез много скучных лет От жизни краткой, но мятежной Какой-нибудь остался след ² .	Язам, язам гамьсез кулым белән, Монда бик күп еллардан соң дип, Кыска, әмма авыр бу гомремнән Нинди булса бер эз калмасын дип... ³	Пишу, пишу рукой небрежной, Твердя, что через много-много лет От жизни скоротечной и тяжелой Незаметным пусть будет даже след...
М. Ю. Лермонтов	С. Рамиев	Подстрочный перевод с татарского

Если лирическому субъекту М. Ю. Лермонтова важно оставить какой-нибудь след, то герой С. Рамиева хотел бы сделать незаметным даже след. «Метафора «следа», — как утверждает Н. И. Осмакова, — у Лермонтова связана с острейшим переживанием конечности собственного «Я»⁴. «Я» С. Рамиева, напротив, стремится именно к «бесследности» как желанному жизненному итогу. «Незаметность следа» для него — это выход за назначенные краткой и тяжелой жизнью пределы в пространство слова-вечности, преодоление индивидуального обособленного существования и растворение в потоке безличного бытия.

Второе двустишие — квинтэссенция романтического мироощущения:

¹ Рамиев С. Таң вакыты [На рассвете]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1980. Б. 49. (На татар. яз.).

² Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1988. Т. 1. С. 46.

³ Рамиев С. Таң вакыты. ... Б. 49. (На татар. яз.).

⁴ Осмакова Н. И. След // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов; редкол.: И. Л. Андроников и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. С. 38.

В душе моей, как в океане, Надежд разбитых груз лежит ¹ .	Күңелемдә минем, зур диңгездәге кебек, Жимерек өметләрден тау ята ² .	В душе моей, как в океане, Надежд разбитых гора лежит.
М. Ю. Лермонтов	С. Рамиев	Подстрочный перевод с татарского

В этом суждении актуализируется концепция двоемирия, порожденная конфликтом между мечтой и реальностью.

Третье четверостишие сохраняет исповедальность и дневниковость, присущие стихотворению «1830 год. Июля 15-го»:

Но лучше я, чем для людей кажусь, Они в лице не могут чувств прочсть; И что молва кричит о мне... боюсь! — Когда б я знал, не мог бы перенести. Противу них во мне горит, клянусь, Не злоба, не презрение, не месть. Но... ³	Кешеләргә күренгәннән мин яхшырак, Тышымнан эчем минем күп яктырак... Ант итәм: тәхкыйрь, ачу, кинә түгел, Күңелемдә илгә каршы янган чыраг... ⁴	Лучше я, чем для людей кажусь, В душе моей есть свет, невидимый снаружи... Клянусь: огонь, который пылает во мне, исходит не из злобы, презрения и вражды, Это горящий за родину светоч...
М. Ю. Лермонтов	С. Рамиев	Подстрочный перевод с татарского

Вместе с тем в *парча* татарского поэта появляется отсутствующая в оригинале и отсылающая к другим произведениям М. Ю. Лермонтова тема родины. Мысль о родине как главном ценностном ориентире в духовных исканиях «я» С. Рамиева ослабляет напряжение личностного начала в раннем произведении русского поэта. Более того семантический и экспрессивный ореол образа огня как источника света, преобразующего внутренний мир человека и делающего его лучше, снимает романтический конфликт между духовной и материальной сферами бытия, указывая на идеальные, возвышенно-прекрасные чувства и порывы лирического субъекта С. Рамиева.

Наконец, в последней, четвертой, *парча* раскрывается стремление героев М. Ю. Лермонтова и С. Рамиева к согласию с небесами, любви и добру:

Хочу я с небом примириться, Хочу любить, хочу молиться, Хочу я веровать добру ⁵ .	Күк берлән мин тату булмак телим, Телим сөю, сөйим димен мин. Телим табыну, табынып Ходеама, Игелеккә иман итим дим... ⁶	Я с небом единства хочу, Любви хочу, повторяя, что буду любить, Аллаху хочу поклоняться и поклоняюсь, Совершая богоугодные дела... ⁷
М. Ю. Лермонтов	С. Рамиев	Подстрочный перевод с татарского

Цикл завершается могучим порывом к гармоническому единению с миром и Богом, преодолевающим свойственное романтизму восприятие жизни в ее внутренней противоречивости, конфликтности, непримиримом столкновении противоположных начал.

¹ Там же. С. 130.

² Рамиев С. Таң вакыты. ... Б. 49. (На татар. яз.).

³ Там же. С. 60.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 576.

⁶ Там же.

⁷ Подстрочный перевод А. З. Хабибуллиной (Хабибуллина, 2021: 77).

Открытость композиции рассмотренных стихотворений С. Рамиева придает им черты «отрывка» («фрагмента») — композиционно-архитектонической формы, занимающей особое место в русской романтической поэзии XIX в. Возможно следующее объяснение этому синтезу жанровых традиций русской и восточной литератур, осуществляющемуся в произведениях поэта. С. Рамиев находился в активном диалоге с русской классической литературой. Исследователи его творчества — А. М. Саяпова (Саяпова, 2006: 62–67), Ч. А. Зарипова-Четин (Зарипова-Четин, 2003) и др. — устанавливают контактные связи и типологические схождения между произведениями татарского поэта и Д. Г. Байрона, Ф. Шиллера, М. Ю. Лермонтова:

«С. Рамиев часто обращался к поэзии Пушкина и Лермонтова, переводил их. <...> Особенно был близок по духу Сагиту Рамиеву М. Лермонтов. В нем он видел родственную себе душу. Именно Лермонтов дал татарскому поэту первые образцы выражения бунтарского духа» (там же: 55).

С. Рамиев вошел в татарскую литературу как поэт-гиссианист¹, возвеличивающий человека и придающий своему лирическому герою сверхиндивидуальные качества. Гиссианизм С. Рамиева — сложное по своему генезису явление, восходящее к традициям средневековой арабо-мусульманской культуры и западной философии, прежде всего к идее «сверхчеловека» Ф. Ницше (см.: Загидуллина, 2013: 97–117). В формировании философско-эстетической позиции поэта значительную роль сыграл и демонизм М. Ю. Лермонтова как особый тип отношения к миру.

В цикле «*Парча* из стихотворений Лермонтова» взаимодействуют две тенденции: открытый финал, фрагментарность композиции, придающие тексту мозаичность и прерывистость, дополняются действием противоструктур (зарифмованностью строк, линейным развитием темы, отражающим возвышенное понимание жизненного пути человека как постепенного приобщения его к подлинным духовным ценностям), которые вносят в текст сплоченность и сомкнутость, способствуя размыванию границ между отдельными его частями.

Фрагментарность как композиционный прием используется и Дәрдемнөм — признанным мастером малых форм. Такие миниатюры, как: «В тоске я лежу порой...», «Прошумит ли ветер по лугам...», «Болыт үтте» («Гроза прошла...»), «Агышын, и агымсу, туп-тулы зар...» («Вода, в твоём журчании одно роптанье!»), «Гөрләсә су...» («Журчит ручей...») и др., — имеют открытый финал, завершаясь многоточием или вопросом. Семантическое предназначение этих знаков обусловлено философско-эстетической концепцией поэта. Лирическому герою Дәрдемнөм свойственно не столько переживание конкретных чувственных состояний, имеющих внутренний предел, сколько созерцание бесконечного, непостижимого, невыразимого словами.

Так, смысловой центр миниатюры «В тоске я лежу порой...» создают вопросы, выражающие напряжённое ожидание ответа:

Ятам кай чаклары моңлап, Һаваның тынлыгын тыңлап, Килә өнләр, колак чыңлап. Диямен: — «Ни бу? Нидәндер бу?» Жавап урынында — гөрли су, Тирәклек тирбәнә, шаулы!..²	В тоске я лежу порой, Наполнен вселенскою тишиной, Лишь эхо проносится над головой. Я вопрошаю: — Что это? Где это? Воды бурлят вместо ответа, Качается роща, шумит!³
--	---

Журчание воды и шум листьев не являются ответом на вопросы, они замещают их. Эти звуки представляют собой символические жесты, наделенные дейктической функцией и указывающие на то, что не может быть названо словом. Их значение истолковывается по-разному. А. М. Саяпова считает:

¹ Гиссианизм (араб. — бунт, неповиновение, протест, мятеж) — романтическое направление в средневековой мусульманской литературе и татарской литературе 1-й трети XX в. (Татарская энциклопедия: в 6 т. Казань: Ин-т татарск. энциклопедии АН РТ, 2005. Т. 2. С. 121).

² Дәрдемнөм (Закир Рәмиев). Исә жилләр. Шигырьләр. ... Б. 80. (На татар. яз.).

³ Перевод Л. Григорьевой: Дәрдемнөм. Стихи: пер. с татар. / сост.: С. Хаким, Р. Харисов. Казань: Татар. кн. изд-во, 1970. С. 75.

«В этом стихотворении поэта нет настроения отчаяния, что родственно пессимизму, а есть мгновение ужаса, приоткрывающего Ничто, заглядывание в самую глубину — пропасть жизни. <...> Поскольку сущее в целом ускользает и надвигается Ничто, перед его лицом умолкает всякое говорение. Вот откуда в конце стихотворения Дэрдменда восклицательный знак и многоточие, т. е. молчание — застывание в ужасе, в котором очарованность абсолютной поглощенностью этим Ничто» (Саяпова, 2006: 37).

Д. Ф. Загидуллина обращает внимание на возможность иного прочтения «законченности незаконченного» как особенности поэтики произведения: «суфийский контекст позволяет по-другому интерпретировать узнаваемые образы тишины и каких-то звуков (“өннәр”): они помогают «войти в транс, приблизиться к Всевышнему» (Загидуллина, 2013: 50). Журчание воды и шум листьев рифмуются с теми таинственными звуками, к постижению смысла которых устремлен лирический субъект. С помощью этих материальных знаков достигаются приобщение к трансцендентному и откровение, которым соответствует метафизика молчания.

В стихотворении «Прошумит ли ветер по лугам...» песня девы, ее плач и слезы соотнесены с вечной пульсацией живой жизни и входят в окружающее героя пространство не извне, а как имманентно присущая ему сила:

Исәрме жил тугай буйлап, Жылармы кыз моңын сөйләп, Көләрме шатланып, көйләп, — Агач, таш эчләрә шанрап, Киләдер бер нида яңрап!.. ¹	Прошумит ли ветер по лугам, Дева ли плачет о горьком своем, Иль, радостно смеясь, напевает, — Раздирая нутро дерева, камня, Раздается один печальный стон!.. ²
--	---

Композиционный параллелизм строк, поставленных в «сочинительные» отношения, устанавливает между ними провиденциально-вероятностные отношения тождества. В создаваемой поэтом вероятностно-множественной модели мира одни звуки (шум ветра, плач и песня девушки) образуют с другими («нида» — стон) синкретическую целостность, которая переводит мотив родства человека и вселенной в трансцендентное измерение. Восклицательный знак и многоточие в финале выступают в роли эквивалента универсальной безграничности изображаемого, указывая на трансцендентное, которое проступает в природных и национально-исторических ритмах и законах бытия.

Тревожная экспрессия тайны звучит в двестишести:

Агышың, и агымсу, туп-тулы зар, Синең ни хәсрәтәң, ни моңнарың бар?.. ³	Вода, в твоём журчании одно роптанье! Какое горе у тебя? О чем страданье?.. ⁴
---	---

Вопрос и многоточие направляют движение мысли к тому, что составляет область роковых и грозных стихий, пробуждающих ассоциации с запредельным. Поэтическая перспектива, устремленная в даль, возникает и в миниатюре:

Гөрләсә су, чыңраса акку, наваларда очып, Агъласа айрым болыт — яшьләр түгеп, тауны кочып... ⁵	Журчит ручей, клич лебединый стынет в небе, Обняв утес, оплакивает тучка жребий... ⁶
---	--

Диалектика завершеного и разомкнутого вступает в силу в тот момент, когда душа приходит в соприкосновение с загадкой природы, ее единством и многоликостью, насыщенностью звуками

¹ Дэрдмәнд (Закир Рәмиев). Исә жилләр. Шигырьләр. ... Б. 79. (На татар. яз.).

² Подстрочный перевод А. М. Саяповой (Саяпова, 2006: 37).

³ Дэрдмәнд. Шигырьләр = Стихотворения. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. С. 58.

⁴ Перевод В. Думаевой-Валиевой: Дэрдмәнд. Шигырьләр = Стихотворения. ... С. 58.

⁵ Дэрдмәнд. Шигырьләр = Стихотворения. ... С. 57.

⁶ Перевод В. Думаевой-Валиевой: Дэрдмәнд. Шигырьләр = Стихотворения. ... С. 57.

и красками, соположением разных стихий: горы / утеса и тучи, воды и воздуха, земли и неба. Их взаимоотношения определяются движением навстречу друг другу, снятием оппозиций, их слиянием и смещением: образы летящего в небе лебеда («чыңраса акку һаваларда очып») и падающих на землю слез тучки, обнявшей утес («яшьләр түгеп, тауны кочып...»¹).

Итак, рассмотренные *парча* С. Рамиева и Дәрдемнда отличаются фрагментарностью — чертой, нивелирующей лирические жанры. Воспринимаемые на грани борьбы конечного с бесконечным, эти «отрывки» характеризуются открытостью художественного времени и пространства в беспредельность.

Парча как архитектурная форма целого

Художественно-эстетический потенциал *парча* как архитектурной формы целого раскрывается в стихотворных миниатюрах, обязанных своим происхождением *васф* 'описанию' — жанровой форме, которая входила как дескриптивная часть в *касыду*² и следовала после *насиб* 'лирического вступления':

«... васф призван был создать у слушателей определенное настроение и подвести их к основной теме. <...> Предметом описания могло стать многое: верховое животное бедуина, природа Аравии, ее флора и фауна, пустынные равнины, жгучее солнце и холодные ночи, дожди и буря, охота. Васф — это и "пейзажная лирика", и пространное изображение сражений, племенных собраний, традиционных игр, событий политической и культурной жизни» (Фильштинский, 1985: 59).

Претерпев значительную метаморфозу, *васф* выделяется в самостоятельный жанр и принимает в произведениях средневековых придворных поэтов «характер "куртуазных" описаний сражений, дворцов, садов, цветущих лугов, цветов, животворящих источников и водоемов, а также придворной охоты и всяческих развлечений» (там же).

М. Л. Рейснер и А. Н. Ардашникова, рассматривая тематические сегменты *касыды* в персидской поэзии IX–XII вв., выделяют *рахил* 'отъезд', в котором описывался путь каравана через пустыню, дорожные тяготы и страхи: «Часть *касыды*, называемая *рахил*, содержит традиционные для этого жанра предметы описания: верный спутник бедуина верблюд, ночная пустыня, полная опасностей и веющая ледяным холодом, звездное небо и т. д.» (Рейснер, Ардашникова, 2019: 104).

На традиции *васф* ориентируется Дәрдемнд, создавая четверостишия (реже пятистишия), которые обладают строгой внутренней уравновешенностью, четкостью композиционной структуры и «центричностью». Это прежде всего стихотворения, относящиеся к пейзажной лирике: «Түкте ко-яш нурларын алтын-сары...» («В лучах от солнца желто-золотистых...»), «Ачылды, кар эреп, таулар, тугайлар...» («Растаял снег, и обнажились горы...»), «Таулы матур илләрендә...» («В стране красивых скал и гор...»), «Көлемсерәп, көн башланды...» («Утром с летнею зарею...»), «Чыкты кояш, кызарып, нурлар очты...» («Под красными лучами солнца...»), «Исәрме яз жиләс жилләр...» («Придет весна со свежим ветром»), «Булырмы яз, исеп жилләр...» («Весна ль придет с теплом и ветром...») и др. Попадая в жанровый кругозор *васф*, природа предстает как объект эстетического любования.

Развитие лирического сюжета в них происходит в разных направлениях. Одно из них — движение от общего к единичному и конкретному. Примером четверостишия, построенного на переходе от суммарной картины к ее детализации, может служить стихотворение:

¹ Дәрдемнд (Закир Рәмиев). Исә жилләр. Шигырьләр. ... Б. 173. (На татар. яз.).

² Касыда «(от араб. *касд* 'цель, намерение, умысел'), жанр лирической поэзии, распространенный в лит-ре народов Бл. и Ср. Востока, Ср. и Юго-Вост. Азии, Вост. Европы. Содержание К. чаще всего представляет собой восхваление, возвеличивание к.-л. (обычно правителей, важных персон, меценатов и т. д.) или ч.-л. (значит. событий, памятных дат). К. бывают также элегического, религ.-филос., сатирического характера» (Татарская энциклопедия: в 6 т. Казань: Ин-т татарск. энциклопедии АН РТ, 2006. Т. 3. С. 260).

Түктө кояш нурларын алтын-сары,
Тауларның бетте эреп салкын кары. К
үтөрелде күк йөзөнө сабан тургай,
Ишетелде чырлап түккөн моңлы зары¹.

В лучах от солнца желто-золотистых
Растаял на горах холодный снег.
Пронзительную песнь из поднебесья
Льет жаворонок жалостно на всех².

Зрительный образ дополняется слуховым: взгляд охватывает горы, освещенные лучами солнца, а слух слышит *моңлы зар* 'печально-жалобную' песню жаворонка. Объективное описание постепенно приобретает субъективную эмоциональную окраску.

Сходное развертывание темы продемонстрировано в миниатюре:

Чыкты кояш, кызарып, нурлар очты,
Бизэнде тау, бизэнде кыр, гөллөр үсте.
Хава тымык, шылт итми... үлөңнөр — чык,
Жым-жымылдап уйныйдыр жирнең өсте³.

Под красными лучами солнца
Преобразились горы, степь.
Цветут цветы,
Ни дуновенья.
И лишь роса, перебегая,
Играет на лице земли⁴.

Взгляд, брошенный вверх и вдаль — в горы и в степь, скользит вниз — к земле, к ближним предметам, упираясь в капельки росы на траве. Лирическое событие здесь заключается в смене общего плана крупным, статики — динамикой.

Последовательность образов в пейзажной зарисовке: «Утром с летнею зарею...»⁵, — отражает процесс превращения внешнего во внутреннее. Соположение улыбки, с которой начинается день, плачущих листьев и колыхания голубых трав делает границы между природными явлениями и переживаемыми чувствами размытыми и неопределенными.

Еще одно направление — движение от отдельных единичных явлений к их обобщающему итогу. Так, в четверостишии «Весна ль придет с теплом и ветром...» образ *газиз иллэр* 'дорогой земли' создается через группировку и интеграцию семантических элементов, принадлежащих разным временам года:

Булырмы яз, исеп жиллэр,
Килерме жэй, ачып гөллэр;
Житәрме кыш, кичеп еллар, —
Диярменсез, газиз иллэр⁶.

Весна ль придет с теплом и ветром,
Придет ли лето, в цветы одето,
Зима ль задует, наступая, —
Все ты, все ты — земля родная⁷.

Итак, «описательные» миниатюры Дэрдменда раскрывают свойственное поэту «чувство природы», которое универсально и неотделимо от человека — очень обобщенного «я», почти не имеющего индивидуальных примет, растворенного в природном мире и подчиненного его законам. Близкие к жанрам пейзажной живописи, они передают ослепительный солнечный блеск, чернеющие вершины гор, необозримые просторы степи с ее богатой растительностью, различные формы проявления водной стихии — здесь и бегущие потоки весенних вод, озера и ручьи, дождь и роса и т. д. Краски в пейзажной лирике Дэрдменда образуют многоцветную, щедрую на яркие тона «радугу». Эти стихотворения отражают не только зрительные, но и звуковые впечатления, живописные образы наделяются звуковой характеристикой. Поэт различает голоса соловья, жаворонка, лебедя. Этот пестрый и гармоничный мир изображается во времени — в смене дня и ночи, круговороте времен года, взаимодействии стихий.

¹ Дэрдменд. Шигырьлэр = Стихотворения. ... С. 30.

² Перевод В. Думаевой-Валиевой: Дэрдменд. Шигырьлэр = Стихотворения. ... С. 30.

³ Там же. С. 34.

⁴ Там же.

⁵ Перевод В. Думаевой-Валиевой: Дэрдменд. Шигырьлэр = Стихотворения. ... С. 33.

⁶ Дэрдменд. Шигырьлэр = Стихотворения. ... С. 65.

⁷ Перевод В. Думаевой-Валиевой: Дэрдменд. Шигырьлэр = Стихотворения. ... С. 65.

Пейзажная лирика Дэрдменда сильна не только конкретностью и детальностью. Соответствие между разными планами бытия природы получает динамическое и музыкальное воплощение, непосредственно ощутимое в звуковой композиции произведений. Пейзажным описаниям присуща мелодическая организация: благозвучие, использование ассонанса, аллитерации, разнообразных ритмических ходов. Музыкальность и живописность как отличительные особенности стиля Дэрдменда делают его поэтическое слово адекватным чувству, переживанию, настроению. В творчестве этого поэта *васф* функционирует как произведение, композиция которого настроена на целостность изображения, его идеальную закругленность и исчерпанность, преодолевающие отрывочность и формальную разомкнутость фрагмента.

Традиции *васф* проявляются и в некоторых стихотворениях Г. Тукая о природе: «Кичэ һәм бүген» («Вчера и сегодня», 1910), «Валлаһи» («Валлахи»¹), 1912) и др. В основе первой миниатюры — вытеснение одного ценностно-временного ореола другим:

Иа Ходай, көн кичэ ямьсез, ә бүген, аһ, нинди көн! Кичэ сынды һәм боекты, ә бүген күңлем бөтен. Әй кояш нурлы — ачылган бакчаларның гөлләре; Яктылык! Рәхәт! Бәхет! Сайрый Ходай былбыллары!²	Боже! День вчера унылый, а сегодня — что за день! Как надломленное, ныло сердце, нынче — хоть бы тьнь! Солнце яркое сияет, и цветут цветы в садах. Свет и радость! Счастье! Пенье божьих птиц на небесах³.
--	---

Между прошедшим и настоящим устанавливается временная дистанция, которой соответствуют различия между двумя типами хронотопов: элегическим (вчерашним) и идиллическим (сегодняшним).

Миниатюра «Валлахи» в жанровом отношении полигенетична. Описание красоты и гармонии природы, поэтичности окружающего мира подчинено восторженно-панегирическому эмоциональному тону, который устанавливает жанрово-тематическую связь стихотворения с традицией мадхов (восхвалений):

Валлаһи, и валлаһи, и валлаһи, Бәхте барлар кырда жәйли, валлаһи! Ак күмәч берләң ашарлык саф һава; Жир яшел; кошлар да сайрый, валлаһи! Ак болыт, күчмә казакълардай күчеп, Бер кунышлык күкне сайлый, валлаһи! Аз гына бер жил исү берләң, үләң Жирдә уйный кайный-кайный, валлаһи!⁴	Валлахи, о валлахи, о валлахи! Что за счастье — степь и лето, валлахи! Воздух здесь: намажь на белый хлеб и ешь; Пенье птиц, до края зелень, валлахи! Как казахи, кочевые облака Ищут место встать на небе, валлахи! Чуть потянет ветерком, как вся трава По земле волнами ходит, валлахи!⁵
---	--

Идеальный пейзаж⁶, элементами которого выступают летняя степь, чистый воздух, земля, покрытая зеленью, белые облака, легкое дуновение ветра, подчеркнуто благосклонен к человеку: чувственное наслаждение красками, запахами, звуками сочетается с переживанием счастья и ощущением полноты бытия.

¹ Т. е. 'Ей-богу, утверждаю'.

² Тукай Г. М. Әсәрләр [Произведения]: 6 т. 2 т.: шигъри әсәрләр [поэзия] (1909–1913)/ төз., текст., иск. һәм аңл. әзерл. З. Р. Шәйхелисламов, Г. А. Хөснетдинова, Э. М. Галимжанова, З. З. Рәмиев. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. Б. 115. (На татар. яз.).

³ Тукай Г. Избранное / пер. с татар. В. С. Думаевой-Валиевой. Казань: Магариф, 2006. С. 143.

⁴ Тукай Г. М. Әсәрләр [Произведения]: 6 т. ... 2 т. Б. 227. (На татар. яз.).

⁵ Тукай Г. Избранное / пер. с татар. В. С. Думаевой-Валиевой. ... С. 159.

⁶ Одна из эстетических разновидностей пейзажа, выделенная М. Н. Эпштейном (Эпштейн, 1990: 130–143).

Природа, размеренная и прекрасная в инстинктивной целесообразности и самодостаточности всех своих явлений, — основная данность мира, в которой лирический субъект Г. Тукая постигает благую волю Творца. Состояние душевного подъема, лирическая взволнованность и активность выраженного жизнеутверждающего начала резонируют в интонационно-ритмическом строе речи. За счет усиленного повторения слова «валлаһи» (три раза в первой строке и в качестве редифа) достигается, с одной стороны, повышение эмоциональной экспрессивности, с другой — особая замкнутость, закругленность видения мира. И широкая картина изображаемого в целом, и отдельные локальные предметы обретают черты некой принципиальной общности, объединяясь в завершенный, пластически обособленный и самодовлеющий образ. От описательных миниатюр Дэрдменда *парча* Г. Тукая отличаются проявленностью монолитно-субъективной позиции говорящего, его эмоционально-оценочной активностью, напряженностью личного тона, прорывающегося в настойчиво восклицательной интонации, концентрирующей в себе волевую энергию и оказывающей внушающее воздействие.

Жанровой формой *васф* в совершенстве владели и младшие современники Дэрдменда и Г. Тукая. В границах этого жанра и в то же время размывая их, создает ряд лучших своих стихотворений Ш. Бабич: «Кышкы юл» («Зимняя дорога», 1916) «Ямьле көн (Жэй хатирәсе)» («Красивый день / Воспоминание о лете/», 1916) «Тын төн (Авылда)» («Тихая ночь в деревне», 1916) и др. Так, миниатюра «Красивый день» состоит из трех бейтов, заканчивающихся многоточиями. Синтаксическая оборванность в конце традиционно замкнутых структурных элементов композиции произведения придает ему черты фрагментарности. Этот выход за пределы тематического материала совершается под влиянием бесконтрольного порыва души, заложенной в нем неискоренимой потребности в красоте и гармонии.

Миниатюра имеет подзаголовок («Воспоминание о лете»), но лирический субъект говорит не о прошлом, а о настоящем: о сегодняшнем дне, похожем на нарядную девушку, дне, когда природа, «обернувшись девушкой, ножками вступает в чистое море» («Кыз булып баскан табигать дәрйяга аппак тәпи...»), о сегодняшнем ветре, несущем небесное блаженство («Их, бүгенге жил һавадан бер гажәп ләззәт татый...»), сегодняшнем дне, который прекраснее райских дней («Их, бүген оҗмах көненнән ямьле көн!»¹). Таким образом, временная дистанция переступается, и прошлое сближается с настоящим, подтверждая вечность тех ценностей, которые вбирает в себе идеальный пейзаж.

Природа, превратившаяся в деву, воплощает в себе все архетипические женские символы. Она женственна, жертвенна и самозабвенна, активна и пассивна, имманентна лету и жизни. Субъектно-образные метаморфозы: сегодняшнего дня, природы, прекрасной девы — выражают идею совершенства мира, с которым не может сравниться даже рай («Кайда оҗмах... Фирдәвес бер якта торсын хәтта ки!...»² / «Где рай... Пусть Фирдаус³ стоит в стороне!...»). Это переворачивание ценностно-пространственных полюсов естественно закругляет ситуацию, сопрягая земное и божественное, время, мерой которого является один летний день, и вечность.

В миниатюре «Зимняя дорога» происходит смещение в отношении к предмету описания: от полюса идеального, просветленного в своих глубинах бытия к ощущению разлада и дисгармонии, погружению мира в хаос и тьму. Тихий зимний пейзаж со спящим под снежным покровом полем, сверкающими жемчугами снегом, стоящими вдоль дороги сугробами, наконец, солнцем, из лучей которого в душу лирического героя стекает песня, сменяется бурным:

¹ Рәмиев С. Л., Бабич Ш. М. Әсәрләр [Сочинения]. Казан: Мәгариф, 2005. Б. 185. (На татар. яз.).

² Там же.

³ Один из восьми райский садов.

Их, рэхэт, шуа чана, юурта ат талгын гына,
Як-ягымда киң ялан йоклап ята тып-тын гына.
Алдыма ак кар жәелгән ялтырап, ап-ак булып,
Энже-мәржәннәр чәчелгән өстенә вак-вак булып.
Юл читендә кар кисәкләр торалар тезелешеп,
Барсы да иелеп калалар: «Хуш, исән бу!» — диешеп.
Ак кояш, нур жепләрен сузган да жиргә нур сибә,
Нурлы жепләрдән агып, моңлы күңелгә жыр килә.
Жырлы башлыым... Шунда салкын жил исеп, жырыны
кисә,
Әй усал жил! Кырдагы бар ямьне, бар моңны кисә¹.

Скользят чудесно сани дорогою степною,
Кругом заснуло поле, кругом — снега, снега.
Прозрачный день оделся такою белизною,
Что кажется: повсюду сверкают жемчуга.
Стопились вдоль дороги, желают задушевно
Мне снежные сугробы: — Приятель, будь здоров!
А солнце над снегами горит, звенит напевно, —
Я тоже песню солнца запел, не зная слов.
Но вдруг поднялся ветер, холодный, полный злобы,
И песню оборвал он, и разметал сугробы².

Доминирующий в колористической палитре зимнего пейзажа белый цвет выступает не только как статичный признак внешней характеристики, но и в символическом значении. Находясь в татарской культуре на вершине вертикальной иерархии ценностей, он указывает на добро, правду, справедливость, играя ключевую роль в категоризации и оценке явлений.

Параллелизм между лучами солнца, песней, стекающей по ним, и «я» поэта, начинающим петь, выявляет природно-космическую сущность человеческой креативности. Путь, который проходит песня, организован по вертикали — это перемещение из энергетического центра, солнца, в душу человека. В этой целенаправленной обращаемости поэтической материи, освобожденной от временного и причинно-следственного детерминизма, достигает кульминации и разрешается катарсисом обретаемое лирическим героем единство с миром.

Анархический натиск и стихийная мощь холодного и злого ветра обрывают песню и разрушают красоту и гармонию мироздания. Образ ветра в татарской поэзии начала XX в. обладает высокой символикой. А. М. Саяпова, исследуя принципы поэтики Дәрдемнда, обусловленные экзистенциальным типом его художественного сознания, приходит к выводу, что символический образ ветра проходит через все творчество поэта, являясь ключевым в понимании содержания его произведений:

«Образ ветра в национальном самосознании изначально мифологизирован: он имеет определенный философский подтекст. Дәрдемнд, опираясь на национальное мировоззрение, создает свою мифологию: ветер — экзистенциальный символ триединства во времени: прошлого, настоящего, будущего» (Саяпова, 2006: 62).

В стихотворении Г. Тукая «Көзге жилләр» («Осенние ветры», 1911) осенний ветер — синкретическая, космически-человеческая стихия, являющаяся носителем родового сознания страдающего и гибнущего в муках трудового люда и вместе с тем внеположная ему сила (см.: Аминева, 2016: 107–113). По мнению Н. Ю. Юсуповой, в произведениях поэтов этого периода «образ ветра часто ассоциируется с борьбой за свободу и демократические перемены» (Юсупова, 2018: 182). Символика воинствующей стихии в стихотворении Ш. Бабича содержит комбинацию двух смыслов. Злой ветер — это реальная сила, угрожающая мирозданию и жизни и сменяющая упорядоченность беспорядком, равновесие неустойчивостью, норму антинормой. Вместе с тем это и образ с эсхатологической семантикой, являющий собой знаковую отмеченность Хаоса и предсказывающий грядущие бедствия.

В пейзажной зарисовке «Тихая ночь в деревне» типичную для *васф* внесубъектную форму выражения авторского сознания сменяет появление лирического героя. Он находится в центре воссоздаваемой картины мира, передает свое индивидуально-неповторимое ее видение. Ночь, атрибутированная признаками тишины и темноты, оказывается вместе с тем воплощением жизненных начал, постижение которых сопровождается странной, с точки зрения смысловых отношений, «непоследовательностью» лирической мысли:

¹ Рәмиев С. Л., Бабич Ш. М. Әсәрләр [Сочинения]. ... Б. 185. (На татар. яз.).

² Перевод С. Липкина: Бабич Ш. М. Избранная лирика. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1966. С. 29–30.

Тын гына, тып-тымызык бер төн иде, Чишмэкэй чылтыр, чылтыр, чылтыр иде... Ерактан гөлдөр-гөлдөр арба килә, Ул да тынлыкны куертыр өчен генә; Аръякта бер эт өрә, ул шул тынлыкны Колагыма куып кертер өчен генә...¹	Тиха, душиста ночь, — одна из тех ночей. Когда едва звенит, едва журчит ручей, Грохочет вдалеке то явственней, то глуше. Телега — лишь затем, чтоб гуще стал покой, И, словно тишину решил загнать мне в уши, Какой-то глупый пес залаял за рекой².
--	--

Элементы ночного пейзажа: журчание ручейка, грохот телеги, лай собаки — создают музыкальный «фон» ночи, который становится средством приобщения к тишине, нарушая ее монотонность и однообразие. С ночью сильно и явно ассоциируется тьма. Она столь же абсолютна, как яркость световой сферы, но в жизнеощущении «я» поэта границы между светом и тьмой, как и звуками и их полным отсутствием, не прочерчены раз и навсегда, и каждая жизненная стихия готова обернуться своей противоположностью:

Йәсигъ узган, төн уртасы якынлашкан, Тирә-якны караңгылык төмам баскан; Якты белән томаланган йөзләренен Күзкәйләрен караңгы төн төмам ачкан³.	Прошла пора ночной молитвы. Знаю, знаю, Что полночь близится, что смолкнут голоса, Что тьма надвинется, тьма без конца и краю, И широко у звезд раскроются глаза⁴.
---	---

Лирический герой, обдумывающий «тишину», вступает в прямые отношения с универсальными стихиями и законами жизни, сопрягающими его существование с трагическими основаниями миропорядка:

Мин ятамын шул тынлыкны уйлый-уйлай, Ике күзем йолдыз саен ыргып йөри; Кайчагында акрын гына бер жил исеп, Агачларга миннән яшерен нидер сөйли...⁵	Я лежу, размышляя над тишиной, Мои глаза устремлены к звездам; Иногда веет тихий ветер, Рассказывая что-то, неведомое мне, деревьям.
---	--

«Тихая ночь» — это время, которое освобождает человека от эмпирики обыденной жизни, власти обстоятельств, оставляя наедине с вечностью и порождая чувство принадлежности к космосу. Мотив тишины отсылает к произведениям Дэрдмента. Но если у старшего поэта стремление человеческого духа прикоснуться к первоосновам бытия, их темным и неотразимо влекущим тайнам, иррационально и не поддается ограничениям человеческой воли, то лирический герой Ш. Бабича занят именно поиском смысла, охвачен жадой противопоставить «темной» стороне жизни яркий свет звезд. Они одухотворяют ночной пейзаж и актуализируют пространственную вертикаль, которая, как и шепот ветра, приближает человека к чему-то неведомому, запредельному, потустороннему.

В финале стихотворения происходит расширение сферы субъективности: звезды из объектов наблюдения и оценки превращаются в субъектов действий и переживаний: они «подмигивают» («күз кысыша»), «играют» («кайсы уйный»), «сдерживают слезы и грустят» («еламсырап, моңсу тора»⁶). Эти действия и эмоциональные состояния отличаются простотой и ясностью. В них нет сложных оттенков, нет ничего, что проистекало бы из противоречивого и изменчивого душевного момента. Здесь затронуты лишь пласты общечеловеческого эмоционально-психологического опыта, что согласуется с жанровыми установками *васф*, нацеленного на то, чтобы в сиюминутное и случайное внести начало

¹ Рәмиев С. Л., Бабич Ш. М. Әсәрләр. ... Б. 185. (На татар. яз.).

² Перевод С. Липкина: Бабич Ш. М. Избранная лирика. ... С. 27.

³ Рәмиев С. Л., Бабич Ш. М. Әсәрләр. ... Б. 186. (На татар. яз.).

⁴ Перевод С. Липкина: Бабич Ш. М. Избранная лирика. ... С. 27.

⁵ Рәмиев С. Л., Бабич Ш. М. Әсәрләр. ... Б. 186. (На татар. яз.).

⁶ Там же.

устойчивости, соединяя преходящее с постоянным, внешнее с внутренним. Возникающая в конце миниатюры и опирающаяся на семантику мифа аналогия между психическим микрокосмом и макрокосмическим звездным небом демонстрирует единство человека и вселенной, индивидуального и всеобщего, субъективного и объективного, замыкая образный ход и создавая целостную и законченную картину мира.

Пейзажная лирика ряда поэтов начала XX в.: Я. Айманова (1891–1937), Гыйффат туташ (псевдоним З. Х. Бурнашевой, 1895–1977), Ф. Ибрагимова (1893–1943), Г. Исанбирдина (1888–1969), Х. Исхаки (1883–1913), К. Курмашева (1891–1947), К. Патии (Г. Патиева) (1884–1971), Д. Юмаева (1892–1940) и др. — ориентируется на традиции *васф*. В стихотворениях, посвященных временам года («Язда» / «Весной» / Гыйффат туташ; «Жэйге көн» / «Летний день» / К. Курмашева; «Көз килде» / «Наступила осень» / Х. Исхаки и др.), восходу и заходу солнца («Кышкы кич» / «Зимний вечер» / Я. Айманова, «Авылдан үткөндө (Иртө белән)» / «Проходя через деревню утром» /), первому снегу («Беренче кар» / «Первый снег» / Д. Юмаева), дождю («Беренче яңгырда» / «Первый дождь» / Д. Юмаева) и т. д., создается идеальный ландшафт со всеми его типичными чертами.

Наиболее популярные из сезонных пейзажей — весенний и летний. Стихотворения «Табиғатъ» («Природа»), «Язда» («Весной») Гыйффат туташ, «Дөнья “Кичә ямьле: көлеп ай караган...”» («Мир “Вчера было красиво: месяц смотрел, смеялся...”») Ф. Ибрагимова, «Яз» («Весна») Х. Исхаки, «Яз башы» («Начало весны») К. Патии, «Яз» («Весна») Г. Хариса, «Яз» («Весна») Д. Юмаева, «Яз» («Весна») М. Укмаси, «Яз» («Весна») З. Ярмаки, «Жэй» («Лето») Г. Радуди, «Жэйге көн» («Летний день») К. Курмашева содержат целый комплекс всевозможных примет идеального хронотопа. Жизнь народа раскрывается в этих произведениях как цельная и гармоничная, подчиняющая человеческое существование единому природному ритму. В то же время в пейзажной лирике поэтов «второго ряда» происходит стереотипизация идеального ландшафта, изображаемого без какой-либо конкретизации, обнаруживается его подвластность сложившимся литературным шаблонам.

Для понимания перспектив развития *парча* как архитектурной формы важен и другой момент: изменяющийся объем стихотворений, которые перестают быть короткими и превращаются в пространные, изобилующие подробностями (бытовыми, психологическими), повествования о наступившей зиме («Наступила осень» Х. Исхаки), ее смене весной («Весна» Г. Хариса, «Весна» М. Укмаси, «Весна» Д. Юмаева, «Весна» З. Ярмаки), о том, как преображается весной природа («Весенний пейзаж» С. Яхшыгулова), о восходе солнца («Утром» Г. Хариса), о тех краях, куда улетают птицы («Птицы улетают» Г. Сунгати). Прозаизация стиля и жанра не колеблет родовую природу произведений этого типа: в них совершается лирическое событие и присутствует не объективированный в тексте лирический субъект (герой, «я»), но открывает перед стихотворной миниатюрой новые возможности в области образования синтетических и диффузных художественных форм.

Заключение

В татарском литературно-художественном сознании начала XX в. различается широкое и узкое понимание слова *парча*. В широком смысле так называли отрывок из более крупного произведения или произведение миниатюрной формы, в узком — композиционный прием и архитектурную форму целого.

В качестве композиционного приема *парча* создает напряжение между открытостью и закрытостью, завершенностью и незавершенностью текста, активизируя действие свойственной жанру «отрывка» в русской и европейских литературах логики фрагментарности. Таковы «*Парча* из стихотворений Лермонтова», «*Парча* из Некрасова» С. Рамиева, стихотворения Дэрдменда «В тоске я лежу порой...», «Прошумит ли ветер по лугам...», «Гроза прошла...», «Журчит ручей...» и др., нацеленные на осмысление бесконечного, как следствие — невыразимого, неизрекаемого и акцентирующие внутреннюю беспредельность изображаемого. Это, как правило, медитативные произведения, которые имеют открытый финал, совмещающий исчерпанность высказывания с художественной перспективой, уходящей в необозримую даль. Их семантическую основу составляют поэтическая рефлексия, раздумья о жизни, мироздании, судьбе.

Как архитектурная форма целого *парча* реализуется в миниатюрах, имеющих жанровый исток в *васф* с присущим ему созерцательно-пейзажным содержанием, выравненным на основе гармоничного жизнеотношения. В стихотворениях этого типа действуют центростремительные тенденции,

силы поэтической концентрации, обретает особый смысл то, что сопряжено с проблемой целостности и завершенности мировидения. В миниатюрах Дэрдмента, по преимуществу «суггестивных», построенных на взаимоотражениях эмоций лирического субъекта и окружающего его мира («В лучах от солнца желто-золотистых...», «Растаял снег, и обнажились горы...», «В стране красивых скал и гор...», «Утром с летнею зарею...», «Весна ль придет с теплом и ветром...» и др.), идеальная замкнутость воссоздаваемой картины достигается различными способами организации лирического сюжета, в основе которого — переход от общего, универсального к единичному, конкретному, от внешнего к внутреннему и т. д. Пейзажные зарисовки Г. Тукая — подчеркнуто ценностный мир, художественная завершенность которого создается риторическими приемами развития темы (повторами, семантическими контрастами, параллелизмом). В *васф* Ш. Бабича важна роль мифопоэтического контекста, вносящего в описания природы «закругляющий» момент.

В то же время в творчестве Ш. Бабича отличительные особенности этой художественной формы модифицируются под влиянием ряда факторов: во-первых, переживание, стремящееся выразить себя в конкретном лирическом высказывании, наталкивается на свою неисчерпаемость, обнаруживая относительность всякого завершения («Красивый день / Воспоминание о лете/»); во-вторых, эстетическая ситуация идиллического типа перестает быть константой текста и перебивается драматическим модусом художественности, в конкретной пейзажной зарисовке начинает мерцать сверхреальная модальность события, которая рождает наряду с самоценным предметным планом символ, обладающий потенциалом смысловой бесконечности («Зимняя дорога»); в-третьих, усложняются принципы организации субъектной сферы: появляются лирический герой — носитель индивидуально-личного сознания человека, пытающегося понять смысл и законы бытия («Тихая ночь в деревне»), синкретическое «я», совмещающее в себе народно-мифологическое сознание и индивидуально-творческое («Зимняя ночь»), наконец, сверхсубъекты (ветер в «Зимней ночи», звезды в «Тихой ночи в деревне»), занимающие позицию «внеаходимости» и «внежизненной активности» (см.: Бахтин, 1979) по отношению к миру «я».

Произведения, в которых *парча* выступает как архитектурная форма, характеризуются композиционной замкнутостью и четкостью синтаксических, ритмических и строфических границ текста. В них соблюдается эстетическая мера во всем, и прежде всего в умении сопрягать запечатленное мгновение с целостным, замкнутым в себе и самодостаточным образом мира, все грани которого отмечены печатью гармонии и красоты. Но обнаружение в воспроизводимом потоке бытия подспудных и таинственных стихий, ведущих к нарушению устроенного миропорядка, выходило за пределы жанрового кругозора *васф*, инициируя его видоизменения.

Описательные миниатюры (*васф*), раскрывающие художественно-эстетический потенциал *парча* как архитектурной формы, постепенно освобождались от тематических, композиционных, стилистических предписаний и все больше обнаруживали имманентные возможности своей внутренней структуры. Их дальнейшее развитие шло по пути сближения поэтического текста с прозаизированным повествованием, преодоления формульности и абстрактности в описании элементов ландшафта, индивидуализации лирического субъекта. Со второй половины XX — начала XXI в. в сознании поэтов возникает самостоятельная творческая установка на создание особого типа коротких произведений, хранящих в себе стойкую «память жанра» (Бахтин, 1963: 142) о синтезе противоположных начал и способах сопряжения конечного и бесконечного, мгновения и вечности, единичного и универсального. Как емкая и гибкая художественная форма, *парча* оказывается востребованной и в советской (произведения И. Гази, А. Баянова и др.), и в современной татарской литературе (в творчестве Ш. Галиева, Ф. Латифи, Г. Гильманова, М. Галиева, М. Юныса, Р. Габдулхаковой).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох (1994) // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания / отв. ред. П. А. Гринцер. М.: Наследие. 512 с. С. 3–38.

Аминева, В. Р. (2016) Габдулла Тукай и русская литература XIX в.: типологические параллели. Казань: Татар. кн. изд-во. 160 с.

Аминева, В. Р., Мижит, Л. С. (2021) Субъектно-образные структуры в татарской и тувинской поэзии 1970–1990-х гг. // Новые исследования Тувы. № 1. С. 228–254. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.13>

- Бахтин, М. М. (1963) Проблемы поэтики Достоевского. М. : Советский писатель. 364 с.
- Бахтин, М. (1975) Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М. : Художественная литература. 504 с.
- Бахтин, М. М. (1979) Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство. 424 с. С. 7–180.
- Бахтин, М. М. (2000) Фрейдиизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М. : Лабиринт. 640 с.
- Загидулина, Д. Ф. (2013) Модернизм в татарской литературе первой трети XX века. Казань : Татар. кн. изд-во. 207 с.
- Зарипова-Четин, Ч. А. (2003) Проблема демонизма в творчестве С. Рамиева в контексте восточно-европейской эстетики. Казань : Мастер Лайн. 175 с.
- Курбатов, Х. (2005) Ритмика татарского стиха. Казань : ИЯЛИ АН РТ. 92 с.
- Лосев, А. Ф. (1973) О понятии художественного канона // Проблемы канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки / ред. И. Муриан. М. : Наука. 254 с. С. 6–15.
- Мижит, Л. С. (2009) Тувинский поэтический жанр ожук дажы (трехстишие) // Проблемы востоковедения. № 1 (43). С. 88–93.
- Миннегулов, Х. Ю. (1993) Татарская литература и Восточная классика: (вопросы взаимосвязей и поэтики) / науч. ред. Р. К. Ганиева. Казань : Изд-во Казанского ун-та. 384 с.
- Поспелов, Г. Н. (1983) Вопросы методологии и поэтики : сборник статей. М. : Изд-во МГУ. 336 с.
- Рейснер, М. Л., Ардашникова, А. Н. (2019) Персидская литература IX–XVIII веков : в 2 т. М. : ООО «Садра». Т. 1. Персидская литература домонгольского времени (IX — начало XIII в.). Период формирования канона: ранняя классика. 392 с.
- Саяпова, А. М. (2006) Дардменд и проблема символизма в татарской литературе. Казань : Изд-во «Алма-Лит». 246 с.
- Сопоставительная поэтика национальных литератур (2018) / В. Р. Аминева, М. И. Ибрагимов, Э. Ф. Нагуманова, А. З. Хабибуллина; науч. ред. В. Р. Аминева. Казань : Изд-во Казан. ун-та. 236 с.
- Тамарченко, Н. Д. (1997) Русский классический роман XIX века. Проблемы поэтики и типологии жанра. М. : Российский государственный гуманитарный университет. 203 с.
- Теория литературных жанров (2011) / М. Н. Дарвин, Д. М. Магомедова, Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа; под ред. Н. Д. Тамарченко. М. : Издательский центр «Академия». 256 с.
- Фильштинский, И. М. (1985) История арабской литературы V — начала X века. М. : Наука. 524 с.
- Хабибуллина, А. З. (2021) Элегия, элегическое, элегизм в русской и татарской поэзии: критерии сопоставительного исследования. Казань : РИЦ «Школа». 260 с.
- Шарипов, А. М. (2001) Зарождение и становление системы стихотворных жанров в древнетюркской и тюрко-татарской литературе (VIII–XIV вв.). Казань : Изд-во Казан. ун-та. 364 с.
- Эпштейн, М. Н. (1990) «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М. : Высшая школа. 303 с.
- Юсупова, Н. М. (2018) Система образов-символов в татарской поэзии первой половины XX века. Казань : Ихлас. 312 с.

Дата поступления: 13.01.2025 г.

Дата принятия: 28.03.2025 г.

REFERENCES

- Averintsev, S. S., Andreev, M. L., Gasparov, M. L., Grintser, P. A. and Mikhailov, A. V. (1994) Categories of Poetics in the Change of Literary Epochs. In: Grintser, P. A. (ed.) *Historical Poetics: Literary Epochs and Types of Artistic Consciousness*. Moscow, Nasledie. 512 p. Pp. 3–38. (In Russ.)
- Amineva, V. R. (2016) *Gabdulla Tukay and 19th-Century Russian Literature: Typological Parallels*. Kazan, Tatar Book Publishing House. 160 p. (In Russ.)
- Amineva, V. R. and Mizhit, L. S. (2021) Subject-Image Structures in Tatar and Tuvan Poetry of the 1970s — 1990s. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 228–254. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.13>

- Bakhtin, M. M. (1963) *Problems of Dostoevsky's Poetics*. Moscow, Sovetskiy Pisatel. 364 p. (In Russ.)
- Bakhtin, M. (1975) *Questions of Literature and Aesthetics: Studies from Different Years*. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura. 504 p. (In Russ.)
- Bakhtin, M. M. (1979) Author and Hero in Aesthetic Activity. In: Bakhtin, M. M. *The Aesthetics of Verbal Art*. Moscow, Iskustvo. 424 p. Pp. 7–180. (In Russ.)
- Bakhtin, M. M. (2000) *Freudism. The Formal Method in Literary Scholarship. Marxism and the Philosophy of Language. Articles*. Moscow, Labirint. 640 p. (In Russ.)
- Zagidullina, D. F. (2013) *Modernism in Tatar Literature of the First Third of the 20th Century*. Kazan, Tatar Book Publishing House. 207 p. (In Russ.)
- Zaripova-Chetin, Ch. A. (2003) *The Problem of Demonism in the Works of S. Ramiev in the Context of East European Aesthetics*. Kazan, Master Line. 175 p. (In Russ.)
- Kurbatov, Kh. (2005) *Rhythmics of Tatar Poetry*. Kazan, Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 92 p. (In Russ.)
- Losev, A. F. (1973) On the Concept of the Artistic Canon. In: Murian, I. (ed.) *Problems of the Canon in Ancient and Medieval Art of Asia and Africa*. Moscow, Nauka. 254 p. Pp. 6–15. (In Russ.)
- Mizhit, L. S. (2009) The Tuvan Poetic Genre *Ozhuk Dazhy* (Three-Line Stanzas). *Problemy vostokovedeniya*, no. 1(43), pp. 88–93. (In Russ.)
- Minnegulov, Kh. Yu. (1993) *Tatar Literature and Eastern Classics: Questions of Interrelations and Poetics*. Kazan, Kazan University Press. 384 p. (In Russ.)
- Pospelov, G. N. (1983) *Questions of Methodology and Poetics: Collection of Articles*. Moscow, Moscow State University Press. 336 p. (In Russ.)
- Reisner, M. L. and Ardashnikova, A. N. (2019) *Persian Literature of the 9th — 18th Centuries*, vol. 1: *Persian Literature of the Pre-Mongol Period (9th — Early 13th Century). The Period of Canon Formation: Early Classics*. Moscow, Sadra. 392 p. (In Russ.)
- Sayapova, A. M. (2006) *Dardmend and the Problem of Symbolism in Tatar Literature*. Kazan, Alma-Lit. 246 p. (In Russ.)
- A Comparative Poetics of National Literatures* (2018) / Amineva, V. R., Ibragimov, M. I., Nagumanova, E. F., Khabibullina, A. Z.; scientific ed. by Amineva, V. R. Kazan, Kazan University Press. 236 p. (In Russ.)
- Tamarchenko, N. D. (1997) *The Russian Classical Novel of the 19th Century: Issues of Poetics and Genre Typology*. Moscow, Russian State University for the Humanities. 203 p. (In Russ.)
- Theory of Literary Genres* (2011) / Darwin, M. N., Magomedova, D. M., Tamarchenko, N. D., Tyupa, V. I.; ed. by Tamarchenko, N. D. Moscow, Akademiya Publishing Center. 256 p. (In Russ.)
- Fil'shtinskiy, I. M. (1985) *History of Arabic Literature from the 5th to the Early 10th Century*. Moscow, Nauka. 524 p. (In Russ.)
- Khabibullina, A. Z. (2021) *Elegy, Elegiac Mode and Elegism in Russian and Tatar Poetry: Criteria of Comparative Study*. Kazan, RIC "Shkola". 260 p. (In Russ.)
- Sharipov, A. M. (2001) *The Emergence and Formation of the System of Poetic Genres in Old Turkic and Turko-Tatar Literature (8th — 14th Centuries)*. Kazan, Kazan University Press. 364 p. (In Russ.)
- Epstein, M. N. (1990) *Nature, World, Universe's Hidden Depths...: The System of Landscape Imagery in Russian Poetry*. Moscow, Vysshaya Shkola. 303 p. (In Russ.)
- Yusupova, N. M. (2018) *The System of Symbolic Images in Tatar Poetry of the First Half of the 20th Century*. Kazan, Ikhlas. 312 p. (In Russ.)

Submission date: 13.01.2025.

Acceptance date: 28.03.2025.

Аллитерация в татарской поэзии XX века

Дания Ф. Загидуллина

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
Российская Федерация

В статье исследуются роль и функции аллитерации как структурообразующего приёма в поэзии татарских авторов различных периодов XX века. Анализируются произведения Габдуллы Тукая, Хасана Туфана, Ильдара Юзеева и Лилии Гибадуллиной, что позволяет выявить эволюцию использования аллитерации от фольклорных традиций к индивидуальным поэтическим стратегиям. Особое внимание уделяется влиянию историко-культурных факторов, таких как смена поэтических систем (от аруза к силлабике), а также взаимодействию с восточной и тюркской поэтическими традициями.

В работе рассматриваются различные формы аллитерации (анафорическая, внутри-строчная, строчная) и их функции: создание музыкальности стиха, усиление эмоционального воздействия, звукоподражание, а также акцентуация смыслов и формирование национального стиля. На основе сопоставительного анализа творчества ключевых поэтов

XX в. показано, что аллитерация сохраняет значимость как средство звуковой организации даже в условиях доминирования рифмы и модернизации стихосложения.

Подчеркивается, что обращение к аллитерации в татарской поэзии связано не только с сохранением этнических традиций, но и с поиском новых выразительных возможностей, что отражает общие тенденции развития тюркских литератур.

Работа опирается на широкий круг теоретических и историко-литературных источников, а также на анализ конкретных поэтических текстов, что позволяет комплексно осветить проблему функционирования аллитерации в татарской поэзии XX века.

Ключевые слова: аллитерационный стих; татарская поэзия; стихосложение; силлабика; начальная аллитерация; внутривстрочная аллитерация; строчная аллитерация

Исследование выполнено в рамках реализации п. 3.5 государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа».

Для цитирования:

Загидуллина Д. Ф. Аллитерация в татарской поэзии XX века // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 148-165.
DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.10>

Загидуллина Дания Фатиховна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела литературоведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Адрес: 420111, Россия, г. Казань, ул. Баумана, д. 20. Эл. адрес: zagik63@mail.ru

ZAGIDULLINA, Dania Fatihovna, Doctor of Philology, Chief Researcher, Department of Literary Studies, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Postal address: 20 Bauman St., Kazan, 420111, Russia. E-mail: zagik63@mail.ru

ORCID: 0009-0000-1651-8347

Alliteration in 20th-Century Tatar Poetry

Daniya F. Zagidullina

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences,
Russian Federation

This article explores the role and functions of alliteration as a structural device in the works of Tatar poets from various periods of the 20th century. The analysis focuses on the poetry of Gabdulla Tukay, Khasan Tufan, Ildar Yuzeev, and Lilia Gibadullina, enabling the identification of the evolution of alliterative techniques from folklore traditions to individualized poetic strategies. Special attention is given to the influence of historical and cultural factors, such as the shift in versification systems (from aruz to syllabic verse), as well as interactions with Eastern and Turkic poetic traditions.

The study considers different forms of alliteration — anaphoric, intralinear, and line-initial — and their functions: enhancing the musicality of verse, amplifying emotional impact, imitative sound effects, semantic emphasis, and the shaping of a national poetic style. A comparative analysis of the works of key 20th-century poets demonstrates that alliteration remains a significant element of sound organization, even amid the dominance of rhyme and the modernization of versification practices.

It is emphasized that the use of alliteration in Tatar poetry is connected not only with the preservation of ethnic traditions but also with the search for new expressive possibilities, reflecting broader trends in the development of Turkic literatures.

The research is grounded in a wide range of theoretical and historical-literary sources, as well as in close readings of specific poetic texts, thereby offering a comprehensive perspective on the functioning of alliteration in 20th-century Tatar poetry.

Keywords: alliterative verse; Tatar poetry; versification; syllabism; initial alliteration; intralinear alliteration; line-initial alliteration

The research was carried out as part of the implementation of clause 3.5 of the state program of the Republic of Tatarstan "Preservation of the national identity of the Tatar people".

For citation:

Zagidullina D. F. Alliteration in 20th-Century Tatar Poetry. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 148-165 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.10>

Введение

Исследования особенностей стихосложения у различных тюркских народов представляют значительный интерес с точки зрения возможности научной фиксации сходств стиховых форм, поэтических приемов, обусловленных близостью языков, литературными контактами, а также определения этнических особенностей функционирования и развития литературы.

Начиная с общетюркского периода в поэзии тюркских народов получил распространение так называемый аллитерационный стих, который называют «одной из древнейших формаций стиха, встречающейся в творчестве некоторых европейских и азиатских народов (немцы, шведы, казахи, киргизы, буряты и пр.)»¹. А. Квятковский указывает на обязательность в аллитерационном стихе звуковых повторов. По его мнению, если в европейской поэзии часто встречается т. н. «горизонталь-

¹ Квятковский А. Поэтический словарь. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1966. С. 15.

ная аллитерация», то у народов Средней Азии и бурятов — «вертикальная», и чаще всего на начальных слогах стиха (анафорическая аллитерация) (Квятковский, 1966: 17). То же самое наблюдается и в тюркоязычной поэзии.

Авторитетный российский ученый В. М. Жирмунский рассматривает аллитерацию как один из «отличительных признаков древнетюркского народного стиха, в частности эпического», считая основой его поэтики наличие «словесных повторов в общих рамках ритмико-синтаксического параллелизма» (Жирмунский, 1970: 45). По словам ученого, в тюркском стихе аллитерация по своему расположению может быть как «вертикальной», так и «горизонтальной»: «она объединяет ряд последовательных стихов (в таких случаях чаще всего, но не всегда, она имеет анафорический характер начальной рифмы), либо связывает между собою слова внутри стиха» (там же).

Среди работ, затрагивающих проблему существования аллитерационного стиха в древнетюркский период, можно выделить монографии И. В. Стеблевой (Стеблева, 1965: 27–30), М. К. Хамраева (Хамраев, 1963). В последней, со ссылкой на авторитет В. Радлова, автор утверждает, что «начальные рифмы (анафоры) являются древнейшими формами в организации стиха в этих (тюркских. — Д. З.) языках» (там же: 35).

Несмотря на то, что «развитие тюркского стиха идет в сторону укрепления конечной рифмы, маркирующей границу стихового ряда как смыслового и ритмико-синтаксического единства, и все большего ограничения употребления рифмы внутренней и аллитерации в качестве приемов структурной организации стиха» (Жирмунский, 1970: 52), аллитерация как структурообразующий прием присутствует в поэзии тюркских народов, причем не только древней народной поэзии, но и авторской, в том числе, современной.

В ряде современных исследований, посвященных стихосложению у отдельных тюркских народов, сохраняется интерес к аллитерационному стиху. Так, автор исследования тувинского стихосложения У. А. Донгак, вслед за Н. Н. Тобуроковой указывая, что система тувинского стихосложения не испытала арабо-персидского влияния, пишет: «Рифма — важное средство звуковой организации стихотворной речи, закрепилась в тувинском стихе в начале стихотворной строки. Начальная рифма — эге аянна-жылга, в отличие от конечной, первична и доминирует в стихотворных произведениях тувинских поэтов. В современной поэзии в творчестве отдельных поэтов отмечается единичное экспериментальное использование конечной неграмматической рифмы, которая выступает в таких случаях как вторичное, дополнительное метрическое средство, участвующее в звуковой инструментровке стиха»¹.

В то же время такая ситуация характерна не для всех литератур, не испытавших влияния арабо-персидской традиции. Якутский литературовед М. Н. Дьячковская, проанализировав современное состояние национальной поэзии, делает вывод о том, что «аллитерация из метрического организатора фольклорного стиха стала в целом одним из средств звуковой организации, играя вспомогательную роль в ритмической структуре стиха»². По ее наблюдениям, в якутской поэзии 1920–1930-х годов анафоры «стали осознаться поэтами как эффективное средство, усиливающее эмоциональное воздействие, и как элемент, играющий определенную роль в интонационно-ритмическом движении стиха и в его архитектонике»³. Вместе с тем, ученый подчеркивает, что аллитерация, «несмотря на постепенное снижение общего уровня использования в современной поэзии, вызванное в первую очередь параллельностью сосуществования с рифмой, и по сей день остается одним из основных средств звуковой организации якутского стиха», который помогает подчеркнуть, раскрыть «национальный стиль выражения своего мышления»⁴.

В многочисленных трудах чувашского исследователя В. Г. Радионова прослеживается эволюция стиха чувашей и их предков. Временем обновления аллитерационного стиха ученый называет 1960–1980-е гг. и начало XXI в.: «В годы притеснения свободолюбивых литераторов выступили авангардист-шаман Геннадий Айги, экспериментаторы Педэр Эйзин, Любовь Мартьянова, Педэр Яккусен. В начале XXI века их место достойно заняла Марина Карягина, ищущая как новые метрические основы

¹ Донгак У. А. Тувинское стихосложение: дис. ... канд. филол. наук. Кызыл, 1999. С. 115–116.

² Дьячковская М. Н. Звуковая организация стиха и проблемы рифмы в системе якутского стихосложения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 1996. С. 12.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 13–14.

чувацкого стиха, так и реставрирующая и обновляющая древнюю аллитерационную метрику» (Радионов, 2024: 184).

В отличие от тувинской, якутской или чувашской поэзии, татарская в своем историческом развитии испытала сильное влияние восточной (арабо-мусульманской) поэтики.

В то же время до установления в татарском стихосложении воспринятой от арабов и персов метрической системы — аруза, в ней использовалась соответствующая природе татарского языка силлабическая система. Речь, в первую очередь, идет о народном стихе, который использовался до окончательного установления аруза и проникновения мусульманской художественной культуры. Впрочем, и после этого в творчестве татарских средневековых поэтов встречается обращение к силлабике. Наиболее ярким примером такого обращения является знаменитая поэма Кул Гали «Сказание о Юсуфе» (1233).

В XX–XXI вв. татарскими учеными было написано немало трудов, посвященных истории татарского стихосложения, поэтике татарского стиха в разные периоды его эволюции (Усманов, 1984; Курбатов, 1984; и др.¹). В них на широком материале были исследованы вопросы метрики, рифмы, строфики татарского стиха как в диахронии, так и в синхронии.

В то же время аллитерационному стиху как древнейшей, восходящей к древнетюркскому периоду стиховой формации, в этих трудах уделяется немного внимания. Этим обстоятельством объясняется актуальность изучения татарской поэзии XX в. с точки зрения присутствия в ней структурообразующего приема аллитерации.

Целью нашего исследования является анализ разновременных стихотворений татарских поэтов XX в., в которых используется прием аллитерации.

В соответствии с поставленной целью, в статье решаются следующие задачи: изучение аллитерации как приема в творчестве Габдуллы Тукая; рассмотрение влияния поэтики фольклорных стихотворных жанров на поэтическое творчество Хасана Туфана с точки зрения продуктивности приема аллитерации; анализ аллитерации в поэтике татарского поэта Ильдара Юзеева; исследование стихотворений современной поэтессы Лилии Гибадуллиной с точки зрения функций аллитерации.

Материалом исследования (объектом изучения) стали стихотворения поэтов, чье творчество является знаковым для татарской поэзии XX в.: Г. Тукая, Х. Туфана, И. Юзеева. Это признанные классики татарской литературы, оказавшие влияние как на современную им поэзию, так и на поэзию последующих периодов в истории национальной литературы. Поэтесса Л. Гибадуллина является одной из активных участниц современного литературного процесса.

Аллитерация в поэзии Габдуллы Тукая

В начале XX в. в татарском стихосложении происходят изменения, обусловленные утратой императивности средневековой восточной поэтики. Одним из проявлений этого процесса стало вытеснение аруза (метрической системы, не релевантной особенностям тюркских языков и получившей распространение в стихосложении многих тюркских народов после принятия ими ислама и, соответственно, усиления влияния арабо-персидской литературы), органичной для тюркских языков силлабикой.

Поэзия Габдуллы Тукая (1886–1913) — одно из ярких свидетельств этого процесса: в его творчестве (особенно, раннем), по словам Х. Курбатова, «татарский аруз достигает наибольшего блеска» (Курбатов, 2005: 52). Однако уже в раннем творчестве поэта значительное количество стихов написано силлабикой, которая в последующем почти полностью вытесняет аруз. Переход с аруза на силлабику стал результатом интереса Тукая к народному песенному творчеству. Значительную роль в этом процессе играла смена в татарской литературе начала XX в. религиозной картины мира — на светскую, что повлияло на поэтику, в частности, и на стихосложение. Вытеснение аруза силлабикой является одним из проявлений этого процесса и было характерно не только для творчества Г. Тукая, но нашло

¹ Бакиров М. Х. Закономерности тюркского и татарского стихосложения в свете экспериментальных исследований: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1972; Юзеев Н. Г. Татар шигыре [Татарский стих]. Казан: Татарстан китап нәшр., 1991 (На татар. яз.); Замалиев А. М. Татарское стихосложение: типологические и национальные особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2011.

отражение в творчестве других ведущих поэтов начала XX века: Дардеменда, М. Гафури, Н. Думаи и др.

Этот переход, связанный с отходом от общемусульманского литературного канона, проявлялся по-разному. В частности, в произведениях татарских поэтов начала XX в. достаточно часто встречается характерная для поэзии общетюркского периода анафорическая рифма, которая сосуществует с концевой. Так, в стихотворении Г. Тукая «Юаныч» («Утешение», 1907) рифмующиеся слова *ага* — *кага* — *таба* — *алда* — *агара* находятся как в конце, так и в начале строк:

Гомер *агымы* шундый *ага*,
Кага безне *алга таба*;
 Китәр баштан *кайгылар да*,
 Экрен-экрен *ага-ага*.
Алда көннәр дә бар *але*;
 Укып, милләт, *агар* *але* ...¹

Стремительная жизнь течет
 И за собою нас влечет;
 Так все мы движемся вперед,
 Минует горе в свой черед.
 В народе пробуждёнью быть!
 Свободе, возрождёнью быть.

Пер. В. Микушевича².

Основой содержания этого раннего стихотворения поэта является идея просвещения, прогресса нации. Тукай обращается к созвучным словесным образам, встречающимся в татарских народных песнях. Первая строфа, в которой присутствует игра с рифмующимися как в конце, так и в начале строк созвучными словами, коррелирует со структурой народной песни. Риторическое обращение к народу, нации («*Укып, милләт, агар але*» «Получай знания и становись просвещенной, нация») указывает на одну из причин использования подобной структуры — достижение доступности для широкого круга читателей (миллет).

Чаще всего в качестве анафорической аллитерации поэтом используются повторы («Татар кызларына» — «Татарским девушкам» (1906), «Тартар кошы сайрый» — «Поет птица коростель» (1907) и др.). В первом стихотворении структурообразующим становится анафорический повтор (исследователи тюркских литератур рассматривают его как разновидность аллитерации): в первой части 7 бейтов начинаются словом *сөям*, причем в двух из них (6 и 7) используется анафорическая рифма:

Сөям кочмакта мәрмәр муйныңызы,
Сөям «дустым» дигәндә «мим»еңезне
Сөям «жаным» дигәндә «жым»еңезне,
Сөям «дустым» дигәндә «мим»еңезне³.

Вас за белые шеи люблю обнимать,
 В ваших юных объятьях люблю замирать.
 О, как трогательны этот «джим», этот «мим»
 В вашем лепете сладком: «дустым» и «джаным»!

Пер. В. Державина⁴.

Вторая часть содержательно противопоставляется первой (автор с позиций просветительского идеала пишет о том, что ему не нравится в татарских девушках: речь идет об их невежественности, обусловленной социальным неравенством), что маркируется дважды повторяющейся лексемой «*яратмыйм*» «не люблю»:

¹ Тукай Г. Юаныч // Тукай Г. М. Әсәрләр [Сочинения]: 6 томда / Академик басма. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 1 т.: шигъри әсәрләр (1904–1908). Б. 180. (На татар. яз.).

² Тукай Г. Утешение // Габдулла Тукай. Фаэтон весны: Стихотворения. Стихи для детей. Сказки. М.; Казань, 2011. С. 79.

³ Тукай Г. Татар кызларына // Тукай Г. М. Әсәрләр [Сочинения]: 6 томда / Академик басма. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 1 т.: шигъри әсәрләр (1904–1908). Б. 106. (На татар. яз.).

⁴ Тукай Г. Татарским девушкам // Габдулла Тукай. Фаэтон весны: Стихотворения. Стихи для детей. Сказки. М.; Казань, 2011. С. 34.

*Яратмыйм бер дэ сезнең жәһлеңезне,
Караңгы салеңезне, шәһреңезне.
Яратмыйм бер дэ остабикаларне,
Сези алдарга оста бикаларне¹.*

От природы вы — золото, нет вам цены.
Но погрязнуть в невежестве обречены.
В слепоте вы проводите жизнь, и — увы! —
Ваши дочери так же несчастны, как вы.
Пер. В. Державина².

В стихотворении «Тартар кошы сайрый (яки татарский марш)» — «Поет птица коростель (или татарский марш)», с помощью аллитерационных повторов Г. Тукай имитирует звуки, издаваемые птицей коростель:

*Тора татар! Тора татар!
Уйкудан тиз тора татар;
Тора! Тора! Тора татар,
Баи күтәргән бар татар!
Утте төннәр, ай батар,
Чулпан калкар, таң атар!
Тора татар, ди, тора татар, ди,
Сайрый тартар: "Тар-тар-тар".
Тор! Тартыш! Тиз бар, татар...
Тор! Селкен! Кузгал, татар!
Алга адым сал, татар³.*

Вперёд, вперёд, народ татар!
Встаёт, встаёт весь род татар;
Пора, пора, сыны татар!
Проснитесь все — и млад, и стар!
Уходит ночь, румян и яр,
Гори, гори, зари пожар.
Пора, пора, сыны татар!
Поёт дергач: тар-тар, тар-тар.
К борьбе, к борьбе, ряды татар!
Пусть знает мир труды татар!

Пер. Р. Морана⁴.

Комическое заключено в самом названии стихотворения, который указывает как на необходимость «разбудить народ от сна», так и иронизирует по поводу заплонивших страницы татарской периодической печати стихотворений, повторяющих этот мотив. Внутрострочные аллитерации позволяют сравнивать бесчисленные призывы молодых поэтов к прогрессу — с пением коростеля, повторяющего одно и то же. Уточнение «или татарский марш» в сильной позиции превращает иронию в сатиру.

Чаще всего Тукай подобные повторы использует для акцентуации смыслов. Так происходит в пронизанном глубокой тревогой за судьбу народа стихотворении «Көзге жыллар» («Осенние ветры», 1911), в котором посредством вариации мотива плача (плач осеннего ветра, плач родной земли, страны, плач девушек, Азраиля, пророков), поэт создает суггестивный образ переживаемой народом трагедии (темой стихотворения является голод, охватившей Среднее Поволжье в неурожайный 1911 год). Строфическая аллитерация усиливается повторением звуков з / ж.

Самыми известными стихотворениями, в которых аллитерация используется для звукоподражания, считаются «Пар ат» — «Пара лошадей» (1907) и «Теләнче» — «Нищий» (1907). В первом автор посредством повтора в начальном бейте (двустииши) глухих согласных — к, т, п — воспроизводит звук скачущих в упряжке лошадей:

¹ Тукай Г. Татар кызларына // Тукай Г. М. Әсәрләр [Сочинения]: 6 томда / Академик басма. Казан: Татар.кит. нәшр., 2011. 1 т.: шигъри әсәрләр (1904–1908). Б. 106. (На татар. яз.).

² Тукай Г. Татарским девушкам // Габдулла Тукай. Фаэтон весны: Стихотворения. Стихи для детей. Сказки. М.; Казань, 2011. С. 34.

³ Тукай Г. Тартар кош сайрый // Тукай Г.М. Әсәрләр [Сочинения]: 6 томда / Академик басма. Казан: Татар.кит. нәшр., 2011. 1 т.: шигъри әсәрләр (1904–1908). Б. 156. (На татар. яз.).

⁴ Тукай Г. Поет птица коростель // Габдулла Тукай. Фаэтон весны: Стихотворения. Стихи для детей. Сказки. М.; Казань, 2011. С. 34.

*Жиктереп пар ат, Казанга тун-туры киттем карап;
Чаптыра атларны кучер, суккалап та тарткалап¹.*

Лошадей в упряжке пара, на Казань лежит мой путь,
И готов рукою крепкой кучер вожжи натянуть.
Пер. А. Ахматовой².

В «Нищем» во втором бейте посредством повтора звуков ж-ж с-з Г. Тукай создает акустический эффект дующего зимнего ветра:

*Сызгара жыл, ыжгыра, тик кар буранын арттыра;
Шул вакыт мәсҗед катында дөм сукур бер карт
тора³.*

Вьюга воет, ветер свищет, набирая силы снова.
Осылая острым снегом старца нищего, слепого.
Пер. С. Липкина⁴.

В стихотворении «"Фикер" гәзитәсенә генә махсус түгел» — «Не только для газеты "Фикер"» (1906) Тукай использует анафорическую и строчную аллитерацию, играя омонимиями:

*Языңыз да фикереңезне, фикри фикрә багълаңыз;
Фикридүбән хәлемезне, "Фикр"ә языб агълаңыз.
Фикреңезгә юл бирермез, дәрҗ итәрмез "Фикр"ә без;
"Мәҗмәгыйль әфкяр" намене бирмеш идек "Фикр"ә без.
Фикреңезне сыгдырыр мәйдане васигъ "Фикр"емез;
Милләтә һәр фикри тәфкирә муасигъ "Фикр"емез⁵.*

Пишите свои мысли, и соединяйте их друг с другом;
Размышляя о нашей жизни, со слезами пишите в
"Фикер".
Мы откроем путь вашим мыслям, опубликуем их в
"Фикер";
Ведь мы "Собраньем мыслей" назвали "Фикер".
Все ваши мысли вместит "Фикер": довольно в ней
места.
"Фикер" дает возможность для выражения мыслей
нации⁶.

Строчная аллитерация (горизонтальная) усилена также строфической (вертикальной).

Такие же приемы встречаются в известных стихотворениях поэта «Туган тел» — «Родной язык» (1909), «Валлаһи» — «Видит Бог!» (1912), «Үтенеч» — «Просьба» (1912), «Ваксынмыйм» — «Не стану мелочиться» (1912), поэме «Шүрәле» — «Шурале» (1907) и др. Внутрестиховое созвучие создает музыку в таких строках как: «**Яшь** вакытта **яшь**нәдем, көчле вакытта **күкрә**дем, / — **Яшь**нәммим дә, **күкрә**ммим дә — **утсыз** инде **күкрә**гем!»⁷ 'Когда я был молод — метал молнии, когда был силен — громыхал как гром. / Не мечу (сейчас) и не громыхаю — нет уже в моей груди огня!'; а также: «**Йөрмәсен бәгъре өзек** милләт киеп кашсыз **йөзек**, / — **Без аның бик зур фәхерле, чын бриллиант кашлары!**»⁸ 'Наша нация с разорванной душой пусть не надевает перстень без камня, / Мы ее настоящие бриллианты'.

¹ Тукай Г. Пар ат // Тукай Г. М. Әсәрләр [Сочинения]: 6 томда / Академик басма. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 1 т.: шигъри әсәрләр (1904–1908). Б. 172. (На татар. яз.).

² Тукай Г. Пара лошадей // Габдулла Тукай. Фәзтон весны: Стихотворения. Стихи для детей. Сказки. М.; Казань, 2011. С. 46–47.

³ Тукай Г. Теләнче // Тукай Г. М. Әсәрләр [Сочинения]: 6 томда / Академик басма. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 1 т.: шигъри әсәрләр (1904–1908). Б. 158. (На татар. яз.).

⁴ Тукай Г. Нищий // Габдулла Тукай. Фәзтон весны: Стихотворения. Стихи для детей. Сказки. М.; Казань, 2011. С. 51.

⁵ Тукай Г. "Фикер" гәзитәсенә генә махсус түгел // Тукай Г. М. Әсәрләр [Сочинения]: 6 томда / Академик басма. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 1 т.: шигъри әсәрләр (1904–1908). Б. 78. (На татар. яз.).

⁶ Здесь и далее — подстрочный перевод автора статьи.

⁷ Тукай Г. Үтенеч // Тукай Г. М. Әсәрләр [Сочинения]: 6 томда / Академик басма. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 2 т.: шигъри әсәрләр (1909–1913). Б. 233. (На татар. яз.).

⁸ Тукай Г. Татар яшьләре // Тукай Г. М. Әсәрләр [Сочинения]: 6 томда / Академик басма. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 2 т.: шигъри әсәрләр (1909–1913). Б. 258. (На татар. яз.).

Или в стихотворении «Валлаһи» — «Видит Бог!» (1912) повторяющиеся лексемы составляют целую строфу:

*Валлаһи, и валлаһи, и валлаһи,
Бахте барлар кырда жэйли, валлаһи!*¹.

Ой, ей-богу, ой прекрасно до чего!
В летнем поле день чудесный, видит Бог!
Пер. С. Малышева².

В результате музыкальный строй обогащается дополнительной строчной аллитерацией.

Таким образом, в начале XX в. в творчестве Г. Тукая начинается частичное использование элементов аллитерационного стиха, прежде всего, параллельное применение анафорической и концевой рифмы, повторы рифмующихся слов в начале или середине строки. В раннем творчестве Тукая такие элементы воспринимаются как результат игры формами и поэтикой фольклора для того, чтобы быть доступнее своему народу. В целом Тукай обращается к этим приемам с целью усиления эмоционального воздействия произведений, а также для формирования внутренней музыки стиха.

Аллитерация в поэзии Х. Туфана

Хасан Туфан (1900–1981) был одним из поэтов (наряду с Х. Такташем, А. Кутуем, К. Наджами), который в 1920-е гг. выступил как поэт-новатор и, одновременно, как автор статей, в которых опровергал традиционную, восходящую к средневековой литературе, поэтику. Еще в 1920-е гг. он пишет около 20-ти трудов, посвященные вопросам поэтики татарского стиха. В статьях «Хэзерге шигырьләр турында» («О современных стихотворениях», 1927), «Яңа шигырь техникасы турында» («О технике новой поэзии», 1928) он провозглашает новую поэтику татарского стиха, противопоставляя ее «старой» поэтике, определяя последнюю словом ӘБИЗМ (*әдәбиятта борынгылыкка иярүче законнар мәктәбе* — школа последователей законов старины в литературе), и призывая создавать новую революционную поэзию. Среди устаревших законов старой поэтики Туфан называет и концевые созвучные рифмы, которые, по его словам, «приводят к ослаблению композиции»³.

Начав как поэт-авангардист, Х. Туфан в 1930-е гг. переоценивает свой взгляд на поэтику, приходит к осознанию широких поэтических возможностей народной поэзии.

«Если бы самый крупный эпос «Манас» был создан свободным стихом, — пишет он, — что бы осталось от него? В нем использованы не только отточенные ритмы и рифмы, но и анафоры. Короче, мне оказались близки творчество Хайяма, Гейне, Тукая, которых я забросил в начале 20-х годов. Необходимо было сделать поворот»⁴.

В конце 1920-х гг. Туфан совершает длительную поездку в Среднюю Азию, где знакомится с творчеством выдающихся восточных поэтов: О. Хайяма, Низами, Рудаки и др. Одновременно он увлекается народной поэзией, используя в своих произведениях поэтику жанров фольклора, прежде всего — народной песни *жыр*.

Для обозначаемого в татарском языке термином *жыр* жанру характерно широкое использование аллитераций как «горизонтальных», так и «вертикальных»; особая структура: тематическое несоединение двух первых и последних строк, повторы, в том числе строчные. Они подразделяются на две группы: *кыска жырлар* ‘короткие песни’ и *озын жырлар* ‘длинные песни’. Поэт широко использует структуру и поэтику их обеих. «Формы и обороты народной песни в произведениях Х. Туфана занима-

¹ Тукай Г. Валлаһи // Тукай Г. М. Әсәрләр [Сочинения]: 6 томда / Академик басма. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 2 т.: шигырь әсәрләр (1909–1913). Б. 258. (На татар. яз.).

² Тукай Г. Видит Бог! // Габдулла Тукай. Фәзтон весны: Стихотворения. Стихи для детей. Сказки. М.; Казань, 2011. С. 289.

³ Туфан Х. Әсәрләр [Произведения]: 5 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. Т. 4: шигырьләр, мәкаләләр. Б. 218. (На татар. яз.).

⁴ Туфан Х. Әсәрләр [Произведения]: 5 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. Т. 5: мәкаләләр, көндәлекләр, хатлар, төрле язмалар. Б. 17. (На татар. яз.).

ют довольно большое место. Именно на этой основе появились стихотворения «Ай шикелле» («Словно луна»), «Жиллэр исэ» («Веют ветры»), «Кермэ төшкэ, төшмэ искэ» («Не снись мне, уйди из моей памяти»), «Табын жырлары» («Застольные песни»), «И безнең иркэләребез» («Эх, наши возлюбленные») и др. Яркие выражения народной речи пробуждают новый взгляд на действительность¹.

Одним из свидетельств влияния жанра *жыр* на использование Х. Туфаном приема аллитерации является стихотворение «Су астында бер егет бар» — «Есть парень под водой» (1935):

*Көн агасың, төн агасың,
Тын агасың, Амурым.
Кем турында, ни турында,
Уйланасың, Амурым?².*

День течет, ночь течет,
Тихо, Амур.
О ком, ты, о чем, ты
Думаешь, Амур.

Риторическое обращение к природе (реке), повторы — одной из характерных особенностей жанра *жыр*. Здесь также особую роль играет поэтический прием, распространенный в фольклоре и восточной поэзии — *редиф* 'редиф' (слово или группа слов, повторяющаяся после рифмы в конце каждого стиха), которого поэт использует в составе начальной или строчной рифмы: «*көн агасың*», «*төн агасың*», «*тын агасың*» и «*кем турында*», «*ни турында*». Цель редифа состоит в том, чтобы каждый раз представить повторяющиеся слова в новом контексте, выделив новый смысл, что и происходит в стихотворении Туфана.

В творчестве Х. Туфана такие написанные под влиянием фольклорного жанра произведения нередки. Одним из свидетельств этого влияния являются начальные рифмы:

*Гөлләрнең — алсу чәчәге,
Көңнәрнең бәйрәме бар;
Бәйрәмнең табын дигәне,
Чәйләре, мәйләре бар³.*

У растений — алый цветок,
У дней — есть праздники;
В праздники накрываются столы,
На столе чай, другие яства.

В приведенном примере наряду с начальной рифмой используется и концевая, и такое сочетание весьма часто встречается в стихотворениях Х. Туфана.

Начальные рифмы фокусируют внимание читателя на рифмующихся словах:

*Хәлне сорاپ, җанны сыйпап китә,
Уйга калган иске танышлар;
Сүзләрендә — серле сабуллашу,
Күзләрендә — яшерен сагышлар⁴.*

Уходят, расспросив о делах, теребив душу
Задумчивые старые знакомые;
В словах — таинственное прощание,
В глазах — скрытая тоска.

В приведенном примере из стихотворения «Сәлам әйтегез» — «Передавайте привет» (1940) начальная аллитерационная рифма *сүзләрендә, күзләрендә* задерживает внимание читателя, заставляя вернуться в начало стихотворения, когда поэт описывает беспокойное состояние родного края.

В стихотворении «Агрессорга» («Агрессору», 1943), написанном в годы Великой Отечественной войны, начальная рифма доминирует в структурировании стихотворения:

¹ Баянов Ә. Заман сурәтләре [Рисунки времени]: Лирик язмалар, мәкаләләр, очерклар. Казан: Татарстан китап нәшр., 1985. Б. 168. (На татар. яз.).

² Туфан Х. Су астында бер егет бар // Хәсән Туфан. Әсәрләр [Сочинения]: 5 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 1 том: Шигырьләр, поэмалар. Б. 163. (На татар. яз.).

³ Туфан Х. Табын жырлары // Хәсән Туфан. Әсәрләр [Сочинения]: 5 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 1 том: Шигырьләр, поэмалар. Б. 193. (На татар. яз.).

⁴ Туфан Х. Сәлам әйтегез // Хәсән Туфан. Әсәрләр [Сочинения]: 5 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 1 том: Шигырьләр, поэмалар. Б. 224. (На татар. яз.).

*Өөмнө тараттың син,
Йөземнө канаттың син,
Чөчөмнө агарттың син.
Ни кирэк сиңа тагын?
Илемнэн аерды кем?
Канатны каерды кем?¹*

Ты разграбил мой дом,
Ты разбил мое лицо в кровь;
Стали седыми мои волосы,
Что еще тебе нужно?
Кто меня разлучил со страной?
Кто оставил без крыльев?

В 1940–1950-е гг. Туфан создает множество стихотворений, в названии которых присутствует слово *жырлар* ‘песни’, оно употребляется в качестве подзаголовка: «Табын жырлары» («Застольные песни», 1939), «Туй “догалары” (Жырлар)» («Свадебные “молитвы” (Песни)», 1947), «Туган көн жырлары» («Песни ко дню рождения», 1947) и др. В стихотворении «Туй “догалары” (Жырлар)» («Свадебные “молитвы” (Песни)») начальная рифма используется параллельно с концевой:

*Игезләр күк икегез,
Тигез гомер итегез,
Берәр дистә алмаш биреп
Йөзәр яшькә житегез².*

Как близнецы вы двое,
Живите счастливо,
Родив десятка детей,
Живите до ста лет.

В стихотворении «...Ул иде тик иң дустым» («Он был самым лучшим другом», 1955) автор в качестве повтора использует реминисценции из популярной народной песни: «Алларым да ул иде, / Гөлләрем дә ул иде» ‘Он был моим алым цветком, / Он был моим красивым цветком’; «Алым инде кем минем? / Гөлем инде кем минем?» ‘Кто мой алый цветок? / Кто мой красивый цветок?’.

В ряде стихотворений, написанных с опорой на поэтику татарского поэтического фольклора, Х. Туфан использует строчную аллитерацию («Тынма, давыл!» — «Не утихай, буря!» (1951), «Киек казлар» — «Дикие гуси» (1956), «Иртәләрем-кичләрем» — «Дни мои и вечера» (1957) и др.). Наиболее часто поэт обращается к повтору ключевого слова, по нашему мнению, через них он приходит к созданию своего знаменитого пятистрочника. Например, подобным ключевым словом в стихотворении «Халыклар капкасы³ янында» («У “Ворот народов”», 1947) выступает риторическое обращение *сөйлә* ‘расскажи’, адресованное степи:

*Сөйлә, изге Жаек даласы,
Сөйлә миңа үткән көннәрне:
Хазәр, болгар кайдан килгәнне,
Мин аларның кандаш баласы,
Сөйлә, изге Жаек даласы⁴.*

Расскажи, степь священного Джаика,
Расскажи мне о прошедших днях:
Хазары, болгары откуда взялись,
Я их кровный сын,
Расскажи, степь священного Джаика.

С этого времени в творчестве Х. Туфана заявляет о себе новая строфическая форма, получившая название «строфы Туфана». Первым примером такого стихотворения стало написанное в 1943 г. «Бу соңгы таңы аның» («Его последняя заря»). Оно состоит из пяти пятистрочных строф, в каждой из которых полностью повторяется первая и пятая строчки. При этом вторая строфа начинается второй строкой первой строфы, третья, соответственно, третьей и т. д.:

¹ Туфан Х. Агрессорга // Хәсән Туфан. Әсәрләр [Сочинения]: 5 томда. Казан: Татар.кит.нәшр., 2011. 1 том: Шигырьләр, поэмалар. Б. 231. (На татар. яз.).

² Туфан Х. Туй “догалары” // Хәсән Туфан. Әсәрләр [Сочинения]: 5 томда. Казан: Татар.кит.нәшр., 2011. 1 том: Шигырьләр, поэмалар. Б. 231. (На татар. яз.).

³ Х. Туфан дает разъяснение, что «Халыклар капкасы» — воротами народов — называется местность между Каспием и Уралом.

⁴ Туфан Х. Халыклар капкасы янында // Хәсән Туфан. Әсәрләр [Сочинения]: 5 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 1 том: Шигырьләр, поэмалар. Б. 267. (На татар. яз.).

Сандугач сайрый тагын...
Ни була сайрамаса¹.
Ансыз да моңсу ласа,
Бу соңгы таңы аның,
Сандугач сайрый тагын...

Ни була сайрамаса!..
 Яңрата әрәмәне.
 Япсана тәрәзәне:
 Үзәкне өзә ләса.
Ни була сайрамаса...

Ансыз да моңсу аңа:
 Бер аның жуела аңы,
 Яңадан кайта тагы.
 Сандугач, туктасана!
Болай да моңсу аңа.

Бу соңгы таңы аның,
 Нурлана бәйрәм кебек.
 Күралмас бугай егет
 Әнкәсен, туган ягын.
Бу соңгы таңы аның,

Сандугач сайрый тагын...
 “Кил, әни, элекке күк,
 Йокысыз күземне үп,
 Арала килеп жаным:
Сандугач сайрый тагын...”²

Опять поет соловей,
 Что было бы, если бы не пел.
 И без него очень грустно,
 Это его последняя заря.
 Опять поет соловей...

Что было бы, если бы не пел!
 Звенит в кустарниках.
 Закрой, пожалуйста, окна:
 Душу ведь рвет.
 Что было бы, если бы не пел!

И без него ему очень грустно,
 То он теряет сознание,
 То оно возвращается.
 Соловей, остановись!
 И без этого ему очень грустно,

Это его последняя заря.
 Лучистая как праздник.
 Не увидит, наверное, он
 Маму и родную сторону.
 Это его последняя заря.

Опять поет соловей,
 “Подойди, мама, поцелуй
 Мои бессонные глаза,
 Выведи мою душу:
 Еще поет и соловей...

Приведенные примеры свидетельствуют о влиянии татарского фольклора на использование Х. Туфаном аллитерации как одного из приемов поэтики своих стихотворений. Зачастую в его стихотворениях под народные песни произведениях анафорическая рифма, перетекая в концевую, образует особое гармоничное звучание; строфическая аллитерация усиливается строчной.

Аллитерация в поэтике Ильдара Юзеева

В 1960-е гг. в татарской поэзии активизируются поиски новых форм стиха, которые во многом были обусловлены хрущевской «оттепелью» и связанной с ней либерализацией культуры. Одним из ярких проявлений этих процессов в поэзии 1960–1970-х гг. стало творчество И. Юзеева (1933–2002).

В его творчестве ярко проявились традиции Хади Такташа, одного из самых ярких представителей авангардизма в татарской поэзии 1920-х гг.: ритмическое многообразие, тяготение к интонационному стиху, асимметрия. Лирический герой И. Юзеева сознает себя как часть всего мироздания, для его мировосприятия характерен космизм.

Доминирующим в поэзии И. Юзеева является романтический пафос, который по-разному проявляется в разные периоды его творчества. В конце 1960-х — 1970-е гг. в творчестве поэта усиливается философское начало. Лирический герой И. Юзеева размышляет о жизни и смерти, связи человека и природы, смысле жизни и творчества: «Уфтану» («Грусть», 1972), «Шагыйрьләр нигә картаймый?» («Почему не стареют поэты?», 1973), «Акчарлакның туган жире — диңгез...» («Родина чаек — море», 1977), «Күнеккәнбездә: һәр иртәне...» («Привыкли мы: каждое утро...», 1975), «Моң турында баллада» («Баллада о моң», 1978), «Ай сонатасы» («Лунная соната», 1971).

¹ Подчеркивание указывает на повторы строк первой строфы в последующих строфах.

² Туфан Х. Бу соңгы таңы аның // Хәсән Туфан. Әсәрләр [Сочинения]: 5 томда. Казан: Татар.кит.нәшр., 2011. 1 том: Шигырьләр, поэмалар. Б. 232. (На татар. яз.).

Так, в стихотворении «Күңелем минем — чиксез кара урман» («Душа моя — бескрайний темный лес», 1966) И. Юзеев метафорически уподобляет душу человека «темному лесу»:

Күңелем минем — чиксез кара урман:

шаулый, **тына**,
үрли, **сына**,
сайрый, **көлә**,
туа, **үлә**...

Күңелем минем — чиксез кара урман:

эзли, **таба**,
күккә **аша**,
сөя, **шаша**,
ыңгыраша...

Күңелем минем — чиксез кара урман:

өмет **өзәр**,
түзәр, **чыдар**...
Тик кояшлы
юлга **чыгар**...¹

Душа моя — бескрайний темный лес:

шумит, успокаивается,
стремится вверх, ломается,
поет, смеется,
рождается, умирает...

Душа моя — бескрайний темный лес:

ищет, находит,
воспаряет в небо,
любит, сходит с ума,
стонет...

Душа моя — бескрайний темный лес:

утратит надежду,
вытерпит, выдержит...
Только на солнечную дорогу выйдет...

Изменяющийся темпоритм стихотворения выступает как прием акцентуации смысла. Первая строка традиционна для татарской лирической поэзии, отсылает читателя к распространенному в ней стихотворному размеру 10/8. В ней выражается основная мысль («Моя душа — бескрайний темный лес»), согласно которой человеческая душа бесчисленна в своих реакциях на окружающий мир. Эти проявления передаются метафорическими глаголами (по два двусложных глагола в каждой последующей строке строфы). Последующие две строки формируются как четыре усеченные, в результате возникает строчная аллитерация («**тына** — **сына**» и «**көлә** — **үлә**» в первой строфе; «**таба** — **аша** — **шаша** — **раша**» — во второй; «**өзәр** — **түзәр**» и «**чыдар** — **чыгар**» в третьей строфе).

Поэт работает с различными вариациями этой формы, позднее берет их за основу некоторых (богатых на авангардные приемы) своих поэм. Таковым, в частности, является стихотворение «Һәрнәрсәгә карыйм исем китеп» («На все восторженно гляжу», 1967), в котором, в отличие от приведенного выше примера, усеченные строки не глагольны, а субстантивны, и строфы образуются не из трех, а четырех полноценных строк:

Һәрнәрсәгә карыйм исем китеп:

Алтын **көзгә**,
Ачык **йөзгә**,
Бөдрә **тупылга**,
Көләч **айга**,
Шаян **тайга**,
Йөгерек **дулкынга**, —

Һәрнәрсәгә карыйм исем китеп,

Тәүге тапкыр күргәндәй **итеп**.

Һәрнәрсәгә карыйм исем китеп:

Сулган **гөлгә**,
Сүнгән **көлгә**,
Моңсу **таңнарға**,
Үкси-үкси,
Яулык **селкеп**,
Калган **ярларға**, —

Һәрнәрсәгә карыйм исем китеп,

Соңгы тапкыр күргәндәй **итеп**.
Жиргә яңа туган **сабый мин**
Һәм сугышта үлгән **абый мин**.²

На все восторженно гляжу:

На золотую осень,
Открытый взгляд,
Кудрявый тополь,
Приветливую луну,
Веселого жеребенка,
Быструю волну, —

На все восторженно гляжу,

Словно все вижу в последний раз.

На все восторженно гляжу:

Увядший цветок,
Потухшую золу,
Грустные рассветы,
Берега,
Которые плача,
Машут мне вслед, —

На все восторженно гляжу:

Словно все вижу в последний раз.
Я словно новорожденный ребенок,
И словно убитый на войне брат.

¹ Юзеев И. Күңелем минем — чиксез кара урман [Душа моя — бескрайний темный лес] // Илдар Юзеев. Мәхәббәт китабы [Книга любви]: шигырьләр, жырлар, поэмалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. Б. 52. (На татар. яз.).

² Юзеев И. Һәрнәрсәгә карыйм исем китеп // Илдар Юзеев. Мөңгә ян, күңел [Вечно живи, душа моя!]: шигырьләр, жырлар, балладалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2012. Б. 39. (На татар. яз.).

Почти в каждом произведении с подобной структурой поэт ищет причины глубины и безграничности души человека. Так, в стихотворении «Әйтегез, жан нидән яралган?» («Скажите, из чего зародилась душа?», 1964) автор задается вопросом о природе человеческой души и приходит к заключению, что она обладает «тысячами свойств» мира. Функцию организации стиха выполняет повтор ключевой фразы: «Әйтегез: / Жан нидән яралган» 'Скажите: / Из чего зародилась душа?'.

Вот последняя строфа стихотворения:

Әйтегез: Жан нидән яралган?

Татымнан?

Тавыштан?

Аһәңнән?

Нәкыштан?

Хистәнме?

Төстәнме?..

Әйтегез, жан нидән яралган?

Яфрактай кечкенә бер йөрәк

Жирнең мең сыйфатын алалган¹.

Скажите: Из чего зародилась душа?

Из вкуса?

Из звука?

Из эха?

Из узора?

Из чувства?

Из цвета?..

Скажите: из чего зародилась душа?

Сердце размером с листочек

Смогло вобрать в себя тысячи свойств земли.

Во многих стихотворениях поэт обращается к полиметрическому стиху (использованию разных стихотворных размеров внутри одного произведения — усечению отдельных строк в строфе), который позволяет развивать приемы аллитерации. Эта форма хорошо подходила к масштабу творчества И. Юзеева, указала путь обогащения музыкального строя произведений дополнительной (строчной) аллитерацией.

Аллитерация в современной татарской поэзии

Современная татарская поэтесса Лилия Гибадуллина (1987 г. р.) в татарской литературной критике приобрела репутацию автора, активно использующего приемы звуковой выразительности. Она пользуется практически всеми аллитерационными элементами, введенными в творческий процесс предыдущими поколениями татарских поэтов.

В ее стихотворениях аллитерации зачастую играют ключевую роль в структурировании художественного целого, это особенно часто встречается в стихотворениях, стилизованных под народные песни с созвучием слов внутри строки. Вот последняя строфа стихотворения «...Соры томан арада...» («Между нами серый туман», 2010):

Сүзләре күзләр күмә,

Ялгыш эндәшә күрмә...

Күңел дөньяны күрә,

Юллардан еллар үрә...

Елмаям шуңа күрә...²

Все слова замечаются взглядами,

Не обмолвись словом ненароком...

Душа познает мир,

Из дорог плетет годы,

Потому я и улыбаюсь.

Лирическая героиня сообщает о радости познания, которое происходит каждый день, каждую ночь, и любое проявление бытия — новый миг познания — вызывает у человека улыбку и радость. Красоту бытия подчеркивает красота умело подобранных созвучных слов, некоторые из них являются строчной

¹ Юзеев И. Әйтегез, жан нидән яралган? // Илдар Юзеев. Мәңге ян, күңел [Вечно живи, душа моя!]: шигырь-ләр, җырлар, балладалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2012. Б. 27. (На татар. яз.).

² Гыйбадуллина Л. Ф. ...Соры томан арада... // Лилия Гыйбадуллина. Тынлык кайтавазы [Эхо тишины]: шигырьләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. Б. 6. (На татар. яз.).

рифмой, и в них заключены главные смыслы: *сүзләрне күзләр күмә* ‘глаза заматают слова’, *Юллардан еллар үрә* ‘дорогами сплетаются годы’.

В стихотворении «Яндыр әле ялкынында, яңгыр!» («Сожги меня в своем пламени, дождь!», 2010) автор посредством пейзажных образов создает картину осеннего дня, которая становится отправной точкой для выражения основной идеи стихотворения, выраженной посредством обращения к дождю. Это обращение привлекает внимание не только своей оксюморонностью, но и звуковыми повторами: «Яндыр әле ялкынында, яңгыр! / Көйдер әле, калыйм тамчыга»¹ ‘Сожги в своем пламени, дождь! / Сжигай, пусть стану капелькой’. Риторическое обращение к дождю, использование фразы «Яндыр әле ялкынында, яңгыр!» в качестве первой строки в каждой строфе указывает, что главным мотивом является устремления человека к великим целям.

Во многих стихотворениях поэтессы строфы с аллитерациями, как правило, содержат в себе ключевые для смыслообразования образы и мотивы.

Л. Гибадуллина не ограничивается горизонтальной аллитерацией: в ее стихотворениях встречаются примеры вертикальной аллитерации: «Хәнжәрләр хәтерә — хакыйкатъ. / Хак кушкан хаклык бар, / Хаклык бер!» ‘Память кинжалов — истина. / Есть справедливость, рожденный Всевышним, / Истина — одна’; или «Каннарда кайтаваз котыра: / “Хәтерлим! Хәтерлим!!!” / Хәтер Мин...»² ‘В крови бурлит эхо: / “Помню, Помню!!!” / Я — Память’).

В то же время «горизонтальные» звуковые повторы, придающие стихотворениям музыкальность, являются в ее поэзии преобладающими. Например, в элегическом стихотворении о прощании с детством «Яланаяк язлар китә бездән...» («Босоногая весна уходит от нас...», 2010) автор называет детство «яланаяк язлар» ‘босоногой весной’. В стихотворении «Чиксезлек турында пышылдап...» («Шепча о бесконечности...», 2010) в созвучных лексемах меняется одна буква — получается смысловое расширение текста: «Тартылам, тайпылам, талпынам... / Жил дә юк, ил дә юк, МИН дә юк... / ...Тын урам»³ ‘Стремлюсь, схожу с пути, порываюсь... / Нет ни ветра, ни страны, ни МЕНЯ.... / ...Улица тиха’. Глаголы движения — «тартылам» (стремлюсь), «тайпылам» (отклоняюсь, схожу с пути), «талпынам» (порываюсь) сменяются выраженными именным словосочетанием «тын урам» (безмолвная улица) образами тишины, который усиливает мотив небытия.

В стихотворении «Дулкын-дулкын упкын» (2010) представленная в сильной позиции метафора «Дулкын-дулкын упкын» ‘Волнами-волнами бездна’ в конце стихотворения превращается в еще одну метафору:

*Дулкын-дулкын упкын,
Упкын-упкын дулкын...
...Аңла яшәү холкын...⁴*

Волнами-волнами бездна,
Безднами-безднами волна,
...Как поймешь жизнь...

Использование приема полиметрии развивает традиции поэзии И. Юзеева («Син сөйлесең. Иренәңдә төтөн тәме» («Ты говоришь. В устах вкус дыма», 2018) и др.), но сами стихотворения посвящены философии бытия: «**Жир караңгы, / Күк караңгы, / Төн караңгы, / Юлга чыкты тынгысыз жыл — / Төн карагы**» ‘Земля мрачна, / небо мрачно, / ночь мрачна, / на дорогу поднялся тихий ветер — / воришка ночи’⁵. «**Жәйрәп ята бар җиһанда / Аклык тулы тынлык, / Аклык тулы бушлык, / Аклык тулы давыл...**» ‘Во Вселенной / Белизной полная тишина, / белизной полная пустота, / белизной полная буря’⁶.

¹ Гыйбадуллина Л. Ф. Яндыр әле ялкынында, яңгыр! // Лилия Гыйбадуллина. Тынлык кайтавазы [Эхо тишины]: шигырьләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. Б. 11. (На татар. яз.).

² Гыйбадуллина Л. Ф. Хәтерлим // Лилия Гыйбадуллина. Тынлык кайтавазы [Эхо тишины]: шигырьләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. Б. 35. (На татар. яз.).

³ Гыйбадуллина Л. Ф. Хәтерлим // Лилия Гыйбадуллина. Тынлык кайтавазы [Эхо тишины]: шигырьләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. Б. 33. (На татар. яз.).

⁴ Гыйбадуллина Л. Ф. ...Дулкын-дулкын упкын // Лилия Гыйбадуллина. Тынлык кайтавазы [Эхо тишины]: шигырьләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. Б. 21. (На татар. яз.).

⁵ Гыйбадуллина Л. Ф. ...Жир караңгы // Лилия Гыйбадуллина. Тынлык кайтавазы [Эхо тишины]: шигырьләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. Б. 6. (На татар. яз.).

⁶ Гыйбадуллина Л. Ф. ...Аклык // Лилия Гыйбадуллина. Тынлык кайтавазы [Эхо тишины]: шигырьләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. Б. 7. (На татар. яз.).

Еще одним приемом является повтор строчной рифмы в каждой строфе с заменой второго элемента разделенной на две части строки. В качестве примера приведем первые строки пятистрочника «...Жирдә әле көзләр» — «На земле пока осень»: первая — «Жирдә әле **көзләр**, / Үзәгеңне **өзәр**» 'На Земле еще осень, / разобьет твоё сердце', вторая — «Жирдә әле көзләр, / Тимәсен лә **күзләр**» 'На Земле еще осень, / не сплзнуть бы', третья — «Жирдә әле **көзләр**, / Артык, ахры, **сүзләр**» 'На Земле еще осень, / слова — лишние', четвертая — «Жирдә әле көзләр, / Ташта калган **эзләр**» 'На Земле еще осень, / на камнях остались следы', пятая — «Жирдә әле **көзләр**, / Көзләр ничек **түзәр**» 'На Земле еще осень, / как стерпит осень'. В результате появляется не только смысловой, но и словесный рисунок, который несёт элегическое настроение.

Новым в творчестве Л. Гибадуллиной является акцентирование начальной рифмы, которое благодаря важности использованных в начале строки рифмующихся слов в общем содержании текста уводит конечные рифмы на второй план. Например, в стихотворении «...Эх! Хисләргә жигелеп...» («Ах! Подчиняясь чувствам», 2010) лирическая героиня рассказывает о своем желании «выйти на улицу в метель, подчиняясь чувствам». Последние строки:

Чыгасы иде бер урамга,
Чыдасы иде бер буранга!..¹

Выйти бы однажды на улицу,
Выдержать бы метель!

— указывают на желательность, но ассоциируясь со множеством повторов внутри текста, на несущественность такого чувства. И здесь главную роль играют не конечные рифмы «урамга / буранга», а созвучие начальных слов «чыдасы / чыгасы», которые, в свою очередь, повторяются и в других строфах.

Во многих стихотворениях Л. Гибадуллиной созвучные лексемы воспринимаются как ключевые слова (например, *кысыр гасыр* 'эра-пустоцвет') в стихотворении «Син төкәнмәс кысыр гасырларның...» («Ты из бесконечных пустоцветов-веков...», 2018).

Иногда полное созвучие начальных слов в первой строфе уже представляет содержание, которое затем раскрывается поэтапно. Например, в стихотворении «Минем канда хәтер исән!» («В моей крови память жива», 2018) каждая строфа начинается со словосочетания *Минем канда*. В первой строфе содержатся не только концевые созвучия (*күмдерелгән / иңдерелгән*), но внутростроочные аллитерации: *канда / дарга / данга* и *төрбәләрдән / төрмәләргә*:

Минем канда,
Дарга асып, **данга** күмдерелгән,
Төрбәләрдән төрмәләргә иңдерелгән
Тарих бәргәләнгә.²

В моей крови
мечется история,
которая повешена на веселище,
обрела славу,
спущена из усыпальниц в тюрьмы.

В стихотворениях созвучие может наблюдаться в разных местах строфы. Например, в стихотворении «Мин җавапсыз калмам» («Я не останусь без ответа», 2018), кроме конечных рифм «юлларымның / кырлар моңын» и «бу гомернең / болын өнен», созвучны расположенные в середине смежных строк лексемы «җавабын / азагын» и «сөйли / көйли»:

¹ Гыйбадуллина Л. Ф. ...Эх! Хисләргә жигелеп... // Лилия Гыйбадуллина. Тынлык кайтавазы [Эхо тишины]: шигырьләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. Б. 5. (На татар. яз.).

² Гыйбадуллина Л. Ф. Минем канда хәтер исән! // Лилия Гыйбадуллина. Кайту [Возвращение]: шигырьләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2018. Б. 6. (На татар. яз.).

Мин жавабын ээлим бу гомернең.
Мин азагын ээлим юлларымның.
Чалгы чыңы сөйли болын өнен,
Чал кылганнар көйли кырлар моңын...¹

Я ищу ответы этой жизни.
Я ищу конца моих дорог.
Звук косы рассказывает голос луга,
Седые ковыли поют песню полей.

В стихотворении «Мең чыбыркы ысылдавы жилдә...» («В ветре слышен свист тысяч кнутов...», 2018) множество внутрискладовых рифмующихся слов создают особую музыку и задерживают внимание читателя: «**Көл өстенә гәлләр сибү фалы**» «Поверье посыпать золу цветами»; «**Бабалардан калган калаларда**» «В городах, оставшихся от предков»; «**Заман әле зарсыз, аңсыз гына**» «Эпоха еще безропотно, бессознательно». Если рассмотреть их в контексте всего стихотворения, аллитерация во второй строфе «**Бабалардан калган калаларда / Дөнья авыш микән, манарамы?..**», образ падающего минарета в оставшихся от предков городах, указывая и на Казань, и на Болгар, вызывает критическую оценку сегодняшней действительности. Рядом имеется еще один образ, составленный при помощи аллитерации: «**Көл өстенә гәлләр сибү фалы**» «Поверье посыпать золу цветами», напоминающий татарскую пословицу и связанный с цикличностью, вечным возрождением, верой в птицу феникс. В связке с четвертой строкой он получает отрицательное значение, формируя авторскую иронию, отрицающую надежду на возрождение былого величия. В третьей и четвертой строках поэтесса указывает и на причины подобного неверия: память народа спит, не просыпается, находится в бессознательном состоянии. Еще два образа: «**аягүрә төш күрү**» (поговорка, дословно: видеть сон наяву) и «**Заман әле зарсыз, аңсыз гына / Биле сынык туган таен сата...**» «Эпоха еще безропотно, бессознательно/ Продает родившегося со сломанным хребтом жеребенка» перифраз пословицы «сломать хребет неродившегося жеребенка» — также выполняют смыслообразующую функцию. В результате каждый подобный прием указывает на самостоятельный мотив, который, по сути, формируется при помощи двух или трех созвучных слов.

У Л. Гибадуллиной немало и полностью аллитерационных стихотворений:

...Кайдадыр.
Кандагы кайнарлык — кыраулы.
Һәр караи кадалып яралый.
Жаннарга яшеннар дэшкәндә
Еларга ярамый, ярамый...
Кемгәдер
Ярлыкау — ятлыктан бер йолку,
Бер йолу.
Йоласы ничектер бу якта...
Читләтеп үтелер юлларның тузанын
Сагыну сусавы уята.
Аякта чакларда, **таяклар** — мескенлек.
Без килдек, без күрдек, без җиңдек!..
Ничектер
Кичекми
Кайтасы иде бит,
Каядыр кайтасы **иң элек...**²

Где-то там.
Огонь в крови — заиндевел.
Каждый взгляд ранит.
Когда к душе обращаются грозы,
Плакать нельзя, нельзя.
Кому-то
Прощение — вырывание от инаковости,
Освобождение.
Какие же традиции в этой стороне...
Сторонясь от пыли предстоящих дорог,
Пробуждает ностальгия.
Пока ты стоишь на ногах, посох —
это убожество.
Мы пришли, мы увидели,
мы победили!..
Как-нибудь,
Не опоздав
Вернуться бы,
Куда-то необходимо вернуться,
прежде всего.

Основное содержание связано с мотивом возвращения: желанием человека и человечества вернуться, чтобы начать жизнь с чистого листа. Строка: «**Без килдек, без күрдек, без җиңдек!..**» «Мы пришли,

¹ Гыйбадуллина Л. Ф. Мин жавапсыз калмам // Лилия Гыйбадуллина. Кайту [Возвращение]: шигырьләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2018. Б. 19. (На татар. яз.).

² Гыйбадуллина Л. Ф. Хәтерлим // Лилия Гыйбадуллина. Тынлык кайтавазы [Эхо тишины]: шигырьләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. Б. 33. (На татар. яз.).

мы увидели, мы победили!..’ — устанавливает интертекстуальную связь с общеизвестными словами Юлия Цезаря «Пришел, увидел, победил», тем самым указывая, что речь идет о возвращении в те времена, когда совершались великие победы. При помощи этой фразы появляется мотив возрождения в памяти своего народа тех времен, когда их предки жили жизнью победителей. Однако связанный с мифологизацией истории тюрко-татар, этот мотив так же ускользает: нет ключа к такому прочтению. Еще одна фраза: «*Һәр караш кадалып яралый*» ‘Каждый взгляд ранит’ — придает содержанию личностный характер. Историческая ситуация превращается в историю человека (лирического героя), находящегося в состоянии принятия решения («*Жаннарга яшеннар дәшкәндә*» — ‘Когда к душе обращаются грозы’): в критические моменты у человека появляется желание вернуться к началу пути. Эта философия подтверждается повторами в последних строках. Здесь также созвучные слова указывают на самостоятельные мотивы, обеспечивая их мерцание.

И в стихотворении «Югарыга, дисең» — «Говоришь, выше...» (2018) анафорические рифмы *Югарыга* / *Югарыда* / *Юлларымда* / *Югалырга* оказываются заметнее, чем концевые *жилләр өнө* / *бердәнберем*:

Югарыга, дисең, югарыга!
Югарыда, дисең, жилләр өнө...
Юлларымда жүрсү моңнар улый,
Югалырга килгән бердәнберем¹.

Выше, говоришь, выше
 На вышине, говоришь, звук ветров...
 В моих дорогах воют
 ностальгические мелодии,
 Ты — мой единственный,
 которого я теряю.

В целом в творчестве Л. Гибадуллиной игра с созвучными словами и фразами, анафорические, строчные и межстрочные, строфические рифмы формируют сложный для восприятия многомерный текст, а аллитерационные приемы, задерживая внимание читателя, формируют мерцание множества мотивов. Такое явление присуще творчеству многих современных молодых татарских поэтов. Звуковые повторы служат для формирования новых ассоциаций и смыслов. Превратившись в ключевые слова, каждый из них получает особый содержательный потенциал, задерживает внимание читателя.

Заклучение

Считается, что «в аллитерационном стихе в отличие от рифменной системы, действуют две относительно самостоятельные линии согласования звуков, установления их созвучия — вертикальная и горизонтальная, тогда как в рифменном стихе только вертикальная»². На примере творчества многих татарских поэтов прослеживается использование как вертикального, так и горизонтального созвучия, начиная с 1905 г.

Использование аллитерации как одного из приемов в поэзии различных тюркских народов свидетельствует о сохранении в ней сформировавшихся еще в общетюркский период принципов стиховой композиции. Это открывает перспективы сопоставительных исследований, ориентированных на установление сходств и различий в стихосложении тюркских народов.

В татарской поэзии, несмотря на то, что, начиная с X в., она развивается под влиянием арабо-персидских поэтических канонов, сохраняются приемы аллитерационной поэтики стиха.

Анализ творчества ряда известных татарских поэтов XX в. (Г. Тукая, Х. Туфана, И. Юзеева), а также современной поэтессы Л. Гибадуллиной свидетельствует, что аллитерация и как прием звукописи, и как структурообразующий прием оказывается продуктивной в разные периоды развития татарской поэзии. Ситуация активности аллитерационного стиха была вызвана представлениями отдельных поэтов о перспективах развития искусства слова.

¹ Гыйбадуллина Л. Ф. Югарыга, дисең // Лилия Гыйбадуллина. Кайту [Возвращение]: шигырьләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2018. Б. 58. (На татар. яз.).

² Нурахунова Г. М. Аллитерационные повторы в тюркском стихе // Успехи современного естествознания. 2015. № 1. С. 157.

Все три вида аллитерационных стихов, выделенные исследователем современной башкирской поэзии А. А. Иксановой: «1) построенные исключительно на аллитерации; 2) основанные на сочетании аллитерации и рифмы; 3) сочетающие аллитерацию с различными типами рифм»¹ присутствуют в современной татарской поэзии, эволюция же аллитерации движется в сторону увеличения первой (все еще остающейся малочисленной) группы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Жирмунский, В. М. (1970) О некоторых проблемах теории тюркского народного стиха // Тюркологический сборник-1970 / отв. ред. А. Н. Кононов. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы. 285 с. С. 29–68.

Курбатов, Х. Р. (1984) Иске татар поэзиясендә тел, стиль, метрика һәм строфика [Язык, стиль, метрика и строфика в старотатарской поэзии]. Казан : Татарстан китап нәшр. 164 б. (На татар. яз.)

Курбатов, Х. Р. (2005) Ритмика татарского стиха. Казань : Алма-Лит. 89 с.

Родионов, В. Г. (2024) Эволюция стиха чувашей и их предков в аспекте исторических этапов обновленных парадигм // Поэтика литератур народов Урало-Поволжья / под ред. М. И. Ибрагимова. Казань : ИЯЛИ. 304 с. С. 162–185.

Стеблева, И. В. (1965) Поэзия тюрков VI–VIII веков. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы. 146 с.

Усманов, Х. У. (1984) Древние истоки тюркского стиха. Казань : Изд-во Казан. ун-та. 148 с.

Хамраев, М. К. (1963) Основы тюркского стихосложения (на материале уйгурской классической и современной поэзии). Алма-Ата : Изд-во АН Казахской ССР. 216 с.

Дата поступления: 31.01.2025 г.

Дата принятия: 31.03.2025 г.

REFERENCES

Zhirmunsky, V. M. (1970) On Certain Problems of the Theory of Turkic Folk Verse. In: Kononov, A.N. (ed.) *Turkological Collection–1970*. Moscow, Nauka, Main Editorial Board of Oriental Literature. 285 p. Pp. 29–68. (In Russ.)

Kurbatov, Kh. R. (1984) *Language, Style, Metrics and Strophics in Old Tatar Poetry*. Kazan, Tatar Book Publishing House. 164 p. (In Tatar.)

Kurbatov, Kh. R. (2005) *Rhythmics of Tatar Verse*. Kazan, Alma-Lit. 89 p. (In Russ.)

Rodionov, V. G. (2024) Evolution of Chuvash Verse and That of Their Ancestors in the Context of Historical Stages of Renewed Paradigms. In: Ibragimov, M. I. (ed.) *Poetics of the Literatures of the Peoples of the Urals and the Volga Region*. Kazan, IYALI. 304 p. Pp. 162–185. (In Russ.)

Stebleva, I. V. (1965) *The Poetry of the Turks in the 6th – 8th Centuries*. Moscow, Nauka. 146 p. (In Russ.)

Usmanov, Kh. U. (1984) *Ancient Origins of Turkic Verse*. Kazan, Kazan University Press. 148 p. (In Russ.)

Khamraev, M. K. (1963) *Fundamentals of Turkic Versification (Based on Classical and Modern Uyghur Poetry)*. Alma-Ata, Publishing House of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. 216 p. (In Russ.)

Submission date: 31.01.2025.

Acceptance date: 31.03.2025.

¹ Иксанова А. А. Древнетюркские традиции в современной башкирской поэзии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2009. С. 15.

Татарская литературная критика рубежа XX–XXI вв. в контексте критической мысли родственных литератур народов Урало-Поволжья

Ляйсан Ш. Галиева

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
Российская Федерация

В статье анализируются ключевые особенности развития татарской литературной критики на рубеже XX–XXI веков в сопоставлении с критической мыслью башкирской и чувашской литератур. Исследование охватывает период с 1980-х годов по первое десятилетие XXI века, когда литературный процесс испытывал влияние масштабных общественно-политических изменений: демократизация, снятие идеологических ограничений, возвращение ранее запрещённого литературного наследия, а также процессы глобализации и национального возрождения.

Автор выявляет, что для всех трёх тюркских литератур этот этап характеризовался поиском новых методов и форм критического анализа, обращением к национальным истокам, расширением тематического и жанрового диапазона, а также усилением полемического начала и тяготением к жанру эссе. Особое внимание уделяется различиям в развитии критики: если в татарской и башкирской традициях наблюдалось стремление к переосмыслению национального наследия, то чувашская критика сталкивалась с внутренними дискуссиями относительно методов социалистического реализма и сравнительным анализом достижений с соседними литературами.

В статье подчеркивается, что на рубеже столетий татарская литературная критика, несмотря на кризисные явления, сохранила потенциал к обновлению за счёт вовлечения новых участников — писателей, филологов, читателей, а также благодаря институциональным изменениям, связанным с развитием национального образования и гуманитарных наук.

Работа основывается на анализе публикаций в ведущих литературных изданиях, а также на новейших исследованиях по истории и теории литературного процесса в регионе.

Ключевые слова: татарская литература; башкирская литература; чувашская литература; тюркская литература; Урало-Поволжье; литературная критика

Исследование выполнено в рамках реализации п. 3.5 государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа»

Для цитирования:

Галиева Л. Ш. Татарская литературная критика рубежа XX–XXI вв. в контексте критической мысли родственных литератур народов Урало-Поволжья // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 166–181. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.11>

Галиева Ляйсан Шаукатовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Адрес: 420111, Россия, г. Казань, ул. Баумана, д. 20. Эл. адрес: nisanbedri@mail.ru

GALIEVA, Lyaysan Shaukatovna, Candidate of Philology, Senior Researcher, Literary Studies Department, G. Ibragimov's Institute of Language, Literature and Arts of the Academy, Tatarstan Academy of Sciences. Postal address: 20 Bauman St., Kazan, Russia, 420111. E-mail: nisanbedri@mail.ru

ORCID: 0009-0006-1176-0322

Tatar Literary Criticism at the Turn of the 20th–21st Centuries in the Context of Critical Thought in the Kindred Literatures of the Ural-Volga Region

Lyaysan Sh. Galieva

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences,
Russian Federation

The article analyzes key features in the development of Tatar literary criticism at the turn of the 20th – 21st centuries in comparison with the critical discourse of Bashkir and Chuvash literatures. The study covers the period from the 1980s to the first decade of the 21st century, when literary processes were shaped by major socio-political transformations: democratization, the lifting of ideological restrictions, the return of previously banned literary heritage, as well as the simultaneous influences of globalization and national revival.

The author demonstrates that this transitional stage in all three Turkic literary traditions was marked by a search for new methods and forms of critical analysis, a turn toward national origins, an expansion of thematic and genre diversity, and an increasing inclination toward polemics and the essayistic mode. Special attention is paid to differences in the development of criticism: while Tatar and Bashkir traditions exhibited a shared tendency toward reinterpreting the national canon, Chuvash criticism was engaged in internal debates regarding the legacy of socialist realism and efforts to evaluate its accomplishments through comparative assessments with neighboring literatures.

The article emphasizes that, despite certain crisis phenomena, Tatar literary criticism at the turn of the century preserved its potential for renewal. This was made possible by the engagement of new participants — writers, philologists, and readers — as well as by institutional changes related to the advancement of national education and the humanities.

This study draws on materials published in leading literary journals along with recent research on the history and theory of the literary process in the Ural-Volga region.

Keywords: Tatar literature; Bashkir literature; Chuvash literature; Turkic literature; Ural-Volga region; literary criticism

The research was carried out as part of the implementation of clause 3.5 of the state program of the Republic of Tatarstan “Preservation of the national identity of the Tatar people”.

For citation:

Galieva L. Sh. Tatar Literary Criticism at the Turn of the 20th–21st Centuries in the Context of Critical Thought in the Kindred Literatures of the Ural-Volga Region. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 166–181 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.11>

Введение

В настоящее время проблемы изучения литератур народов России в различных аспектах являются очень актуальными. Не менее актуальными звучат и вопросы о степени изученности литератур отдельных регионов или родственных литератур в определенном аспекте, что позволяет взглянуть на тенденцию развития литературного процесса в региональном срезе и выйти на более масштабные обобщения. Именно на решение проблем в этой области направлена данная статья. В ней предполагается рассмотреть развитие татарской литературной критики на рубеже столетий в контексте литературно-критической мысли чувашской и башкирской литератур.

Актуальность темы обусловлена и тем, что на сегодняшний день литературная критика указанного периода как отдельных народов Российской Федерации, так и отдельно взятых групп литератур изучена недостаточно. К тому же практически отсутствуют исследования по родственным тюркским литературным наукам в сравнительном либо в сопоставительном плане. Единичным примером тому

может служить лишь диссертационная работа В. П. Канариной¹, объектом исследования которой является литературно-художественная критика Горного Алтая в контексте критики Тувы, Хакасии и Якутии. В то же время, как справедливо отмечает исследователь чувашской литературы В. Г. Родионов: «Выход на другие литературы региона и определение их схожестей и несхожестей позволяет литературоведу совершенно по-новому, со стороны увидеть исследуемый объект и полнее определить его специфику, своеобразие и самобытность» (Родионов, 2018: 208).

Цель данной статьи — рассмотреть татарскую литературную критику на рубеже XX и XXI вв. в контексте литературно-критической мысли родственных (башкирского и чувашского) народов. На пути достижения цели предполагается решение следующих задач: 1) дать оценку литературной ситуации конца XX — начала XXI в. на фоне общественно-культурной обстановки в стране; 2) охарактеризовать состояние татарской литературной критики на рубеже столетий; 3) рассмотреть татарскую литературную критику в контексте литературно-критической мысли родственных литератур народов Урало-Поволжья.

Литературно-критическая мысль родственных народов указанного региона до настоящего времени не являлась предметом отдельного рассмотрения. Данная статья позволит определить общие и отличительные стороны развития литературно-критической мысли в сравнительном ракурсе, в ней будут обобщены результаты новейших исследований на основе увидевших свет в последние десятилетия томов по истории литератур данных народов, отдельных статей исследователей.

Объектом исследования являются книги и сборники литературно-критических статей, опубликованные на стыке XX и XXI вв., литературно-критические статьи, опубликованные на страницах литературно-художественного и общественно-политического журнала «Казан утлары» («Огни Казани»). Предмет исследования — содержание этих статей, отражающих литературно-критический процесс родственных литератур народов Урало-Поволжья на рубеже XX — начала XXI в.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1980-х гг. по первое десятилетие XXI в. Выбор периода объясняется тем, что конец XX в. и начало нового столетия были богаты на различного рода события, которые напрямую оказали сильное воздействие на развитие национальных литератур, литературоведения и литературной критики.

Исследование опирается на сравнительно-сопоставительный и, частично, на типологический методы, которые позволяют рассмотреть различные явления по определенным параметрам и провести типологические параллели. Научно-теоретическую базу составляют выводы трудов таких ученых-литературоведов, как М. Голубков (Голубков, 2008), Ю. Говорухина (Говорухина, 2012), Е. Елина², М. Черняк (Черняк, 2003), К. Султанов (Султанов, 2021) и др. На пути постижения национальных критик были изучены работы А. Закирзянова (Закирзянов, 2019), Д. Загидуллиной (Загидуллина, 2020), Р. Харрасовой (Харрасова, 2017) по татарскому литературоведению и литературной критике; С. Исянгуловой (Исянгулова, 2019), Р. Шакурова (Шәкүров, 1996) — по башкирской литературной критике; В. Родионова, Э. Родионовой (Родионов, Родионова, 2015, 2017, 2019), А. Мышкиной (Мышкина, 2017) по чувашской литературной критике др.

Литературная ситуация на фоне общественно-исторической обстановки

Рубеж XX и начала XXI вв. в истории литературы и литературоведения России вызывает особый интерес, ибо этот период характеризуется как время переосмысления минувших событий, смены взглядов и ценностей, «переходный период». Эпоха гласности и «перестройки» оказали свое воздействие на развитие творческого мышления. Свобода слова, новая общественно-политическая и социально-культурная ситуация, возвращение «запретного» наследия и «запрещенных» имен, изменение литературно-эстетических взглядов и т. д. — все это порождало новые веяния. С одной стороны, творческая интеллигенция ощутила некую раскрепощенность. Писателям представилась возможность писать вне идеологических рамок и раскрыть новые возможности своего творческого таланта. С другой стороны, переход от советской к постсоветской эпохе был охарактеризован как

¹ Канарина В. П. Литературная критика Горного Алтая : генезис, эволюция, жанровая система: автореф. дис. ... канд. филол. н. Казань, 2009.

² Елина Е. Г. Литературная критика России 1990-х годов // История русской литературной критики: учеб. для вузов / под ред. В. В. Прокурова. М.: Высшая шк., 2002. С. 352–362.

катаклизм с утратой «литературоцентричности» (Голубков, 2008: 298; Говорухина, 2012: 58; и др.¹). Снятие железного занавеса, отмена цензуры, развитие новых областей гуманитарного знания, внедрение новых подходов и методов анализа — все это не могло быть освоено единовременно. Исследователь литературной критики рассматриваемого периода С. Шакиров верно утверждает, что «критика не была готова методологически оценить это многообразие» (Шакиров, 2013: 166).

На волне демократических перемен в обществе складывалась положительная обстановка для развития национальных литератур. Здесь нельзя не согласиться со словами литературоведа А. А. Арзамасова: «Нам представляется, что национальные литературные традиции, начиная с середины 1980-х гг., вступают в фазу значительной культурной амплификации, сюжетно-тематического расширения, образно-символического «переключения», которые продолжались без малого три десятилетия» (Арзамасов, 2019: 105). Все это происходило во времена «парада суверенитетов», когда в том числе национальные литературы вступили в свой новый виток развития.

В этот период, как и многие национальные литературы, татарская литература и литературоведение обратились к своим истокам, они направили свой взор на тысячелетнюю историю словесного искусства, о котором приходилось умалчивать в годы советской власти. Особенно четко это прослеживается на примере литературы Золотоордынского периода и дастана «Идегей»². Именно в это время начался процесс по возвращению народу имени и творческого наследия выдающегося татарского писателя и общественного деятеля Гаяза Исхаки (1878–1954), который уехал из страны в 1918 г.³

В это же время активизировалось изучение наследия татарских писателей и литературоведов конца XIX — начала XX в., имена и произведения которых так или иначе были преданы забвению, а будучи написанными на арабской графике, стали недоступны широкому кругу читателей. Литературная общественность активно занималась возвращением имен и произведений репрессированных писателей. Читатели получили возможность открыто знакомиться с религиозной литературой. Литературовед Д. Загидуллина верно подчеркивает, что: «Лейтмотив национального возрождения при помощи нового искусства, зазвучавший в татарской литературе в начале XX в., сохранился, и при наступлении благоприятной ситуации (в 1960–1980 гг. и в конце XX в.) активизировался, способствуя формированию в эти периоды новых тенденций» (Загидуллина, 2020: 135). Таким образом, шел бурный процесс восстановления исторической справедливости, который протекал в контексте переосмысления творчества писателей советского периода и применения новых методов и подходов.

На рубеже столетий расширился круг периодических изданий на родном — татарском языке. Так, в 1989 г. вышли в свет первые номера журнала «Идель» (на русском и татарском языках), в 1991 г. начал издаваться журнал «Мирас» («Наследие»), с 1995 г. стала выходить еженедельная литературно-художественная газета «Мәдәни жомга» («Культурная пятница»), в 2001 г. появился журнал «Мәйдан» («Майдан») и другие издания, в которых публиковались в том числе и литературно-критические статьи. Вместе с тем, общая общественно-политическая неопределенность, социальная и финансовая нестабильность в стране привели к потере интереса к творческому мышлению и резкому спаду тиражей периодических изданий. Одновременно звучали мысли о том, что татарская литература данного периода переживает кризис смены поколений⁴. Свое влияние на развитие литературного процесса оказала и глобализация, которая вела к интеграции народов и культур, а порой и полному исчезновению отдельных наций. «Не только в нашей стране, но и во всем мире идет процесс потери

¹ Там же. С. 352.

² Миңнегулов Х. Й. Алтын Урда чоры язма мәдәнияте [Письменная культура периода Золотой Орды] // Х. Миңнегулов. Дөньяда сүземез бар... Казан: Татар. кит. нәшр., 1999. 25–42 б. (На татар. яз.); Идегей: татар халык дастаны [Идегей: татарский народный дастан] / редкол.: М. Г. Госманов, М. З. Зәкиев, Ә. Г. Исхак [и др.]; кереш сүз язучы И. Надиров. Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. 253 б. (На татар. яз.); Идегей. Татар халык дастаны (Ф. Әхмәтованың кереш сүзе белән) [Идегей. Татарский народный дастан (С вступительным словом Ф. Ахметовой)] // Казан утлары. 1989. № 1. 3–66 б. (На татар. яз.).

³ Гаяз Исхаки (Исхаков Мухамметгаз Гиязетдинович, 1878–1954) — выдающийся татарский писатель, публицист, общественный и политический деятель. Своими художественными произведениями внес значительный вклад в развитие татарской литературы начала XX в. Был редактором ряда изданий на татарском языке. На пути возвращения его имени известны следующие статьи: Мустафин Р. Подъем затонувших сокровищ // Советская Татария. 1987. 26 июля; Нуруллин И. Возвращение Гаяза Исхаки // Вечерняя Казань. 1988. 17 октября; Нуруллин И. Два письма М. Горького // Вопросы литературы. 1988. № 4. С. 271–276.

⁴ Мостафин Р. Чорлар чатындагы үзгәрешләр [Перемены на стыке веков] // Казан утлары. 2004. № 5. Б. 146. (На татар. яз.).

национальных особенностей, исчезают языки малочисленных народов, кратко говоря, усиливается глобализация», — писал критик Рафаэль Мустафин в одной из своих статей¹.

Еще одним внешним фактором, повлиявшим на развитие литературного процесса, можно назвать расширение возможностей для развития гуманитарных наук, подготовки квалифицированных кадров. Так в Татарстане в 1995–2005 гг. существовал Татарский государственный гуманитарный институт. Заметно возрос приток абитуриентов на факультеты национальной филологии и журналистики Казанского университета и педагогических учебных учреждений республики. Выпускники этих вузов напрямую занимались творческой деятельностью (становились писателями, литературными критиками, журналистами и т. д.), осуществляли исследования литературы в научном плане либо пополняли ряды преподавателей и учителей родного языка и литературы. Политика национальных республик была направлена на восстановление статуса родных языков и развитие культур этих народов. Нововведения затронули и преподавание национальных языков в школах и высших учебных заведениях.

Таким образом, на литературный процесс конца XX — начала XXI в. сильное влияние оказали происходящие в стране общественно-политические события. С одной стороны, демократические перемены способствовали расширению возможностей для творческих личностей и научных работников: появились новые площадки для презентации и литературной, и литературно-критической продукции. С другой стороны, они пошатнули общественно значимый статус литературы, что привело к резкому спаду читательской активности и расцвету массовой литературы. В этот период шел активный процесс переосмысления ценностных ориентиров и поиска новых путей развития не только самой литературы, но и науки о ней и литературной критики. Последние также находились в ситуации стремления к освобождению от идеологических уз.

Татарская литературная критика на рубеже столетий

Формирование татарской литературной критики принято связывать с началом XX в. (1905–1907 гг.), когда получила широкое развитие периодическая печать на татарском языке (Гыйлажев, 2000: 7). За более чем вековую историю своего существования ей, как и литературным критикам других народов, пришлось претерпеть разные изменения. Если в первые десятилетия XX в. она переживала свой расцвет, то уже в конце XX и начале XXI в. нередко звучали слова о полном ее угасании. Такой вердикт объясняется рядом причин, которые следует рассмотреть более подробно. Не углубляясь в исторические перипетии развития татарской литературной критики, обратим взор лишь на литературно-критический процесс второй половины XX в.

Значительную роль в развитии истории литературной критики страны сыграло Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» от 21 января 1972 г., итоги которого по истечении десяти лет были обсуждены на страницах журнала «Казан утлары»². В 1982 г. литературовед М. Гайнуллин отмечает, что благодаря этому постановлению газеты и журналы стали выделять должное место для литературно-критических статей и рецензий; к ряду опытных критиков (Р. Мустафин, Ф. Мусин, Ф. Миннуллин и др.) присоединились перспективные молодые критики Р. Мухамадиев, М. Валиев (Мансур Валиев), С. Маннапов, Р. Кукушкин и др.³ Именно последние сыграли важную роль в развитии литературной критики конца XX-го и начала нового столетий. Также к ним примкнули критики-писатели и критики-филологи.

Исследователь Р. Харрасова называет этот период в истории татарской литературной критики временем кризиса: «С одной стороны, во второй половине восьмидесятых годов татарская литература, литературная критика переживают кризис, с другой стороны, они словно копят силы для того, чтобы высказать смелые мысли и сделать важные выводы. И явления литературного процесса в девяностые годы подтверждают это» (Харрасова, 2017: 175). Как отмечает литературовед А. Закирзянов: «В конце 1980-х — начале 1990-х годов татарская литературная критика вновь вступила в период "застоя"» (Закирзянов, 2019: 271), «характеризующегося смягчением аналитической критики и невозможнос-

¹ Мустафин Р. Төгәл буллык! [Будем точны!] // Казан утлары. 2005. № 5. С. 122. (На татар. яз.).

² Уңышлар белән тынычланмаса. Анкетага җаваплар [Не успокаиваться успехами. Ответы на анкету] // Казан утлары. 1982. № 1. С. 118–127. (На татар. яз.).

³ Там же. С. 118.

тью последовательно оценивать литературный процесс» (Закиржанов, 2019: 463). Внешние причины этого явления уже были рассмотрены. Внутренние же причины застоя литературной критики можно усмотреть в ряде факторов. Во-первых, рано ушли из жизни ведущие литературные критики как Ф. Миннуллин, Ф. Зулькарнай. Во-вторых, некоторые критики, например, Р. Мухамадиев и С. Маннапов, предпочли критике писательскую или издательскую деятельность. В-третьих, на литературной арене стали активно выступать критики-ученые, которые своими изысканиями по возвращению «забытого» наследия, новыми методами в изучении литературы направили читательский интерес на себя (Ф. Мусин, Т. Галиуллин, А. Ахмадуллин и др.). Не остались в стороне от этого и сами критики, которые углубились в потаенные пласты исторического развития татарской литературы (М. Магдеев, Р. Мустафин и др.). Тем самым к началу XXI в. итак редкие ряды литературных критиков изрядно опустели, но говорить о полном угасании критической мысли было бы неправильно.

Стоит отметить, что на рубеже десятилетий, и в целом на рубеже веков, наблюдались интересные поиски в сфере жанров и форм татарской литературной критики. Ярким доказательством тому служит литературная критика на страницах журнала «Казан утлары»: «Именно этот журнал является трибуной для критика, который высказывает свое мнение по поводу того или иного явления в современном татарском литературном процессе, а также излагает обоснованные мысли в отношении истории ее развития в целом и отдельных ее явлений в частности» (Сайфулина, Якупова, 2014: 155).

Анализ статей журнала «Казан утлары» рассматриваемого периода позволяет сделать вывод о том, что на страницах издания литературная критика была представлена довольно-таки широко. Стоит лишь перечислить такие рубрики, как «Литературная критика», «Маленькие рецензии», «Слово молодого критика», «Обзор книг», «Юбилейные статьи», «Наш календарь», «Трибуна писателя», «Прочитав новое произведение», большинство из которых являлись постоянными. К тому же, читателям журнала нередко предлагалось поучаствовать в проводимых журналом дискуссиях. Подобные формы критики отражали состояние живой, оперативной критической мысли. Так, в 1980 г. в журнале «Казан утлары» была проведена беседа с группой татарских писателей по поводу 60-летия Татарстана под названием «Годы подъема и обновления»¹, участники которой подвели итоги развития татарской литературы за полвека. Через три года на страницах журнала была опубликована полемика о современной татарской драматургии, которая прошла в Москве при правлении Союза писателей РСФСР с участием драматургов, театральных критиков и переводчиков столицы². В этом же году читателям издания предлагалась возможность ознакомиться с мнениями ведущих литературоведов и критиков о современной прозе.

В масштабной дискуссии по поиску героев и проблем в татарской прозе приняло участие чуть более тридцати участников. Среди них были профессиональные критики (Р. Мустафин, Ф. Зулькарнай, Ф. Миннуллин), писатели (А. Гилязов, А. Баянов, Г. Муратов, М. Магдеев и др.), ученые-литературоведы (Т. Галиуллин, Ф. Хатипов, И. Нуруллин, М. Хасанов), читатели. Дискуссия началась со статьи писателя А. Гилязова «Успокаиваться вредно!», которая, по сути, как гром среди ясного неба, заставила всех всколыхнуться³. В своей статье он обратил внимание литературной общественности на ряд причин, из-за которых, по его мнению, татарская литература не достигла должных вершин на общероссийской литературной арене. Не обошел стороной писатель и вопрос о национальном характере, который актуализировался в эти годы. Ответными статьями на критику А. Гилязова стали публикации Р. Мустафина, Ф. Галимуллина, Ф. Зулькарнай и др., которые на резкие слова писателя приводили свои размышления и доводы. Более подробно дискуссия была рассмотрена в одной из статей автора данной публикации⁴. В целом же можно отметить, что накал этой дискуссии был задан раздумьями А. Гилязова и Р. Мустафина.

¹Күтәрелү һәм яңарыш еллары (Татарстанның 60 еллыгы уңаеннан бер төркем татар әдипләре белән әңгәмә) [Годы подъема и обновления (Беседа с группой татарских писателей по поводу 60-летия Татарстана)] // Казан утлары. 1980. № 6. С. 138–149. (На татар. яз.).

²Бүгенге драматургия турында сөйләшү [Разговор о современной драматургии] // Казан утлары. 1983. № 7. 164–175 б. (На татар. яз.).

³Гыйләжев А. (1983) Тынычлану зарарлы! [Успокаиваться вредно!] // Казан утлары. 1983. № 2. С. 140–151. (На татар. яз.).

⁴Галиева Л. Ш. Полемические формы критики на страницах журнала «Казан утлары» в 1980-х гг. // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 5. С. 364–366.

«Разговор о современной прозе» вновь заводился в 1997 г. В нем приняло участие меньшее количество участников (21 чел.) и ряд рассматриваемых проблем был заранее обозначен в вопросах. Стоит отметить, что основную часть опрашиваемых составили писатели (Г. Ахунов, Б. Камал, Ф. Яруллин, Л. Ихсанова, А. Баян и др.). Из литературоведов к разговору присоединились Ф. Галимуллин, Р. Сверигин, Ф. Башир, Ш. Ахмадулла. Завершая дискуссию, журнал призвал писателей-прозаиков «оправдать надежды» читателей¹.

Не менее интересными оказались дискуссии по поводу современной поэзии «Время и стихотворение» (1988–1989), беседа о поэзии (1995), разговор о поэме (2000). В первой из них приняло участие 42 автора. Среди них были литературные критики Р. Мустафин, М. Валиев, Ф. Зулькарнаев, Р. Мухамдиев, известные поэты Р. Харис, А. Рашит, Р. Ахметзянов, Р. Миннуллин и др., писатели В. Нуруллин, А. Баянов, А. Гилязов и др., литературоведы Т. Галиуллин, Ф. Баширов и др. И вновь в центре дискуссии оказался критик Р. Мустафин. Ряд диспутантов (А. Баянов, Н. Арсланов, Ф. Зулькарнаев) признали, что разговор о современной поэзии актуализировался не после первой беседы Р. Мустафина в журнале, а после статей Р. Мустафина «Возмездие» в газете «Советская Татария» и М. Валиева «Стихотворная пустота» в журнале «Казан утлары»². Участники дискуссии не только поднимали насущные проблемно-тематические вопросы, но и углублялись в историю развития татарского поэтического искусства. Они бурно обсуждали вопросы современного стихосложения, проблемы становления творчества молодых поэтов и пути возможного роста поэтического мастерства. Последовавшие за этой дискуссией беседы о современной поэзии и жанре поэмы были менее масштабны, но и в них прослеживалась общая тенденция беспокойства о состоянии татарской поэзии на рубеже веков.

На страницах журнала «Казан утлары» нередко встречались и раздумья литературоведов о состоянии татарской литературной критики в конце XX и начале XXI в. В статье «Без критики невозможно развитие» Д. Ф. Загидуллина пишет о том, что татарские периодические издания не уделяют должного внимания литературной критике, что предлагаемых читателю материалов мало и они же долго ждут своей очереди для публикации³. Автор статьи также сетует на малочисленную оперативную критику, которая должна активизировать как читательскую аудиторию, так и самих критиков к более разносторонним изысканиям. Литературовед отмечает, что написанные в последние годы юбилейные статьи не ушли от шаблонности времен застоя.

Уже через год (в 2004 г.) Д. Загидуллина в том же журнале напишет: «Несмотря на то, что мы говорим об угасании критики в татарской литературе, те полемики о татарской прозе, которые нашли место на страницах периодической печати, статьи авторов, участвовавших в дискуссиях журнала «Казан утлары» показали, что существуют довольно-таки противоречивые оценки относительно современного состояния литературы, господствует множество мнений, это оживило критический процесс»⁴. Эти слова ученого были напечатаны по поводу дискуссии о герое нашего времени. Дискуссия позволила сделать вывод о том, что татарская критика еще жива, что есть еще «порох в пороховнице»⁵. Такой вывод натолкнул редакцию провести в 2007 г. круглый стол под названием «Как оживить литературную критику?»⁶. В основном в нем приняли участие ученые-филологи (Т. Галиуллин, А. Ахмадуллин, Д. Загидуллина и др.), которые предлагали возможные варианты и способы перспективного развития критики.

Помимо этих крупных форм полемики на страницах журнала были организованы конкурсы рецензий (в 1986, 2000 гг.), которые оживили изыскания критиков в этом жанре. Также прошли беседы о современной драматургии, анкета с вопросами о татарской литературе 1990-х гг., круглые столы молодых литературных критиков и т. д. Все это, безусловно, подчеркивает ту важную роль, которую

¹ Өметне аклык [Оправдаем надежды] // Казан утлары. 1997. № 12. С. 135–139. (На татар. яз.).

² Мустафин Р. Возмездие // Советская Татария. 1988. 10 января; Валиев М. Шигъри бушлык [Стихотворная пустота] // Казан утлары. 1987. № 8. С. 162–173. (На татар. яз.).

³ Загидуллина Д. Ф. Тәнкыйтьсез үсеп булмас [Без критики невозможно развитие] // Казан утлары. 2003. № 8. (На татар. яз.). С. 147.

⁴ Загидуллина Д. Уңай герой югалу: сәбәпләр, нәтижеләр [Потеря положительного героя: причины, итоги] // Казан утлары. 2004. № 10. С. 134. (На татар. яз.).

⁵ Безнең заман герое: дискуссиянең кайбер нәтижеләре [Герой нашего времени: некоторые итоги дискуссии] // Казан утлары. 2006. № 1. С. 82. (На татар. яз.).

⁶ Әдәби тәнкыйтьне ничек жанландырырга? [Как оживить литературную критику?] // Казан утлары. 2007. № 2. С. 104–113. (На татар. яз.).

сыграл журнал на пути развития татарской литературной критики в столь противоречивые годы. Не менее значимым в этом направлении был вклад самих литературных критиков. И здесь уместно согласиться с известными словами С. Чуприна о том, что «критика — это критики», вынесенными в заголовок его монографии (Чуприн, 1988).

В развитие татарской литературной критики на страницах журнала «Казан утлары» значимый вклад внесли и редакторы отдела литературной критики, представленные в эти годы именами Ф. Миннуллина и М. Валиева. Именно благодаря их стараниям журнал являлся главной трибуной татарского литературного критика. Ими был организован кружок молодых критиков журнала, сами они были наставниками для многих писателей и исследователей татарской литературы. Критика журнала в период их редакторства позволяла говорить о существовании в татарской литературе разных пластов критиков: профессиональных, критиков-писателей, критиков-филологов, критиков-читателей. Примером тому служат и рассмотренные дискуссии. Они позволяют сделать вывод о существовании полемизирующей, «критической» критики.

Кроме выхода литературно-критических статей на страницах указанного журнала, в конце XX и первом десятилетии XXI в. активно шла публикация книг литературных критиков¹. Естественно, эти издания не претендовали на оперативную подачу критического материала. Тем не менее, статьи, размещенные в одном сборнике, позволяли проследить развитие критической мысли отдельного автора на определенном промежутке времени, уловить его ценностные ориентиры и приоритеты в выборе тем, проблем, жанров и т. д.

Как было сказано выше, на арене татарской литературной критики 1980-х гг. почти одновременно появились критики, которые внесли значимый вклад на пути ее развития. К ним относятся Р. Мухамадиев, Ф. Зулкарнай, С. Маннапов, М. Валиев, Р. Рахмани и др. Большинство из них в эти годы опубликовало свои книги в серии «Первая книга молодого критика». Позднее в одной из своих статей М. Валиев охарактеризует их творчество такими словами: «стремление писать одушевленно, чувственно сильно отразилось и обрело характер целого направления именно в творчестве этого поколения»². Своеобразием их творчества явилась обращенность к жанру эссе, «которое заняло видное место в литературе конца XX века» (Черняк, 2003: 11). Д. Загидуллина считает его особым явлением в критике³, а А. Закирзянов отмечает, что «именно в жанре «эссе» более полно выражаются характерные признаки современной татарской литературной критики» (Закирзянов, 2010: 124). Стоит отметить, что к этому жанру литературной критики обращались и сами писатели. Так А. Закирзяновым был проанализирован жанр эссе в творчестве татарского писателя Р. Сибата (Закирзянов, 2010).

В ряду эссе критиков своей широтой и философичностью, обращенностью к культурной памяти народа отличаются эссе С. Маннапова (Мударриса Валиева). Особо стоит отметить его объемное эссе «Помнишь?»⁴, которое сквозь памятные мгновения детства заставляет задуматься о вечных ценностях бытия, или «Таллитут», навеянное воспоминаниями от поездки в Кырлай, на родину Тукая. Манеру письма критика высоко оценил литературовед Т. Галиуллин: «В современной критике явственно различаются два направления: это писательская критика и научно-академическая. Мударрис Валиев шагает посередине этих двух направлений, объединяя их: он пишет художественно проникновенно с опорой на научный анализ»⁵.

¹ Валиев М. Каһарманнар кирәк: әдәби тәнкыйть мәкаләләре [Нужны отважные: литературно-критические статьи]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1990 (На татар. яз.); Валиев М. Гасыр ахырында: әдәби тәнкыйть мәкаләләре [В конце века: беседы о современной литературе и жизни]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1993 (На татар. яз.); Валиев-Баржылы М. Күңелем кошы: әдәби тәнкыйть мәкаләләре [Предчувствие: литературно-критические статьи]. Казан: Мәгариф., 2004 (На татар. яз.); Валиев М. Гамәл дәфтәре: әдәбият һәм тормыш турында уйланулар [Линия жизни: размышления о литературе и жизни]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2003 (На татар. яз.); Зөлкарнәев Ф. Чакма чакмый ут чыкмый: әдәби тәнкыйть мәкаләләре һәм парчалар [Без кресала не высечь огня: литературно-критические статьи и фрагменты]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1991 (На татар. яз.).

² Валиев М. Тәнкыйтьчеләр [Критики] // Валиев М. Күңелем кошы: әдәби тәнкыйть мәкаләләре [Предчувствие: литературно-критические статьи]. Казан: Мәгариф, 2004. 191–206 б. (На татар. яз.).

³ Загидуллина Д. Тәнкыйтьсез үсеп булмас [Без критики невозможно развитие] // Казан утлары. 2003. № 8. 146–152 б. (На татар. яз.).

⁴ Валеев М. Помнишь? // М. Валеев. Возвращение Звезды. Литературно-публицистические эссе (Пер. с татарского). Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. С. 5–31.

⁵ Аның турында каләмдәшләре [Соратники о нем] // Мәйдан [Майдан]. 2013. № 7. С. 80. (На татар. яз.).

Анализируя книгу критика «Гамәл дәфтәре» («Линия жизни», 2003), литературовед Д. Загидуллина пишет: «Это не сборник статей по литературной критике, а еще одна никого не повторяющая модификация явления синтетизма в татарской литературе, как говорит сам писатель, жанр эссе — литературная отрасль, где переплетается искренне-душевное: мысли и думы, чувства и отношения. Это и является доказательством того, что в этом жанре возникает своеобразная тенденция оценки»¹.

Такая тенденция, безусловно, была продиктована потребностями как самого критика, так и читателя. Жанр эссе позволяет критику наиболее широко и чувственно выразить поток мысли. Читатель же из всего написанного может уловить близкое для себя. Популярность жанра эссе свидетельствует и о переходном периоде в развитии критического мышления, когда критик искал опору для подтверждения высказанной мысли в реакции читателя. Нестабильные времена в обществе отразились жанровой нестабильностью, плюрализмом мысли, выразить которые легче всего было именно в этом жанре.

Примеры эссе можно найти и в творчестве Ф. Зүлкарная². Особенность его творчества ярко выразилась в отношении к поэзии. Будучи и сам поэтом, Ф. Зүлкарная любил размышлять о структуре поэтических произведений, о роли рифмы, ритма в строении стихотворения. Перспективность жанра эссе в татарской литературе он оценил следующими словами:

«В 80-е гг. литературная критика, как отрасль литературы, по примеру литератур Европы, переживала тяготение к жанру эссе. Я сам работал в этом направлении <...> я верю, что это направление станет основным в развитии литературной критики, писатели должны будут сами трудиться в этой области. Вторым таким направлением станет критика в академическом стиле, которую будут развивать ученые-литературоведы»³.

Эти слова буквально повторяют мысль ученого Т. Галиуллина, приведенную чуть выше, и в некоторой степени являются пророческими.

Среди профессиональных критиков на рубеже столетий выпустил несколько книг М. Валиев (Мансур Валиев)⁴. Он также обращался к жанру эссе. Справедливо будет отметить, что в ряду критиков М. Валиев занимает лидирующую позицию как по выпуску книг, так и по продолжительности литературно-критической деятельности: начиная с конца 1970-х вплоть до 2010-х гг. Именно он же вел активную работу на пути поиска новых форм подачи критической мысли. Интересными оказались его размышления на страницах газеты «Шәһри Казан» («Город Казань») в 1991–1992 гг. Здесь он предлагал на суд читателя обзор литературных и политических событий под общим заголовком «В эти дни...». Такое сопоставление литературных и общественных явлений наглядно отображает происходящее и является безусловно значимым материалом для истории татарской литературной критики.

Вклад М. Валиева в развитие литературной критики в журнале «Казан утлары» уже был нами отмечен. Кроме выполнения непосредственно редакторской работы в журнале, он активно публиковал литературно-критические статьи и участвовал в дискуссиях и круглых столах журнала.

На страницах этого же журнала увидел свет цикл его литературных бесед, которые позднее были изданы отдельной главой в его книге «Тукайлар рухы» («Продолжая традиции Тукая»)». Особая ценность

¹ Загидуллина Д. Шигъри тел тәэсире [Влияние поэтического языка] // Загидуллина Д. Яңа дулкында (1980–2000 еллар татар прозасында традицияләр һәм яңачалык) [На новой волне (Традиции и нововведения в татарской прозе 1980–2000 годов)]. Казан: Мәгариф., 2006. 191–198 б. (На татар. яз.).

² Зөлкарнай Ф. Кешем, асылың кем?: әдәби тәнкыйть мәкаләләре һәм парчалар [Душа обязана трудиться: литературно-критические статьи и фрагменты]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984; Зөлкарнай Ф. Әверелеш: шигырь парадокслары [Парадоксы стиха]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1988; Зөлкарнай Ф. Чакма чакмый ут чыкмый: әдәби тәнкыйть мәкаләләре һәм парчалар [Без кресала не высець огня: литературно-критические статьи и фрагменты]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1991 (На татар. яз.).

³ Зөлкарнай Ф. Күлгә күбәләге: шигырьләр, әдәби тәнкыйть мәкаләләре, публицистика [Последний ропот: стихотворения, литературно-критические статьи, публицистика]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001 (На татар. яз.).

⁴ Вәлиев М. Табарга һәм югалтмаса: әдәби тәнкыйть мәкаләләре [Найти и не потерять: литературно-критические статьи]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1982; Вәлиев М. Күнелнең көткәне: әдәби тәнкыйть мәкаләләре [Ожидание души: литературно-критические статьи]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984; Вәлиев М. Каһарманнар кирәк: әдәби тәнкыйть мәкаләләре [Нужны отважные: литературно-критические статьи]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1990; Вәлиев М. Күңелем кошы: әдәби тәнкыйть мәкаләләре [Предчувствие: литературно-критические статьи]. Казан: Мәгариф, 2004 (На татар. яз.) и др.

⁵ Вәлиев М. Тукайлар рухы: әңгәмәләр һәм «Идел» өчен көрәш [Продолжая традиции Тукая: беседы и борьба за «Идель»]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1998 (На татар. яз.).

этих бесед заключается в том, что М. Валиев ведет речь с ведущими писателями и литературоведами — своими современниками (А. Еники, Ф. Байрамова, Р. Батулла, М. Агьямов и др.), которые, по мнению критика, являются преемниками мыслей и духа выдающегося татарского поэта начала XX в. Габдуллы Тукая. И, следует сказать, эти личности действительно оставили свой значимый след в истории татарской литературы. Тем самым можно утверждать о широте и глубине мысли литературного критика, который сумел сквозь сумбурную ситуацию в мире культуры разглядеть главные ценностные приоритеты для мира татарской литературы, запечатлеть мысли и высказывания выдающихся литераторов для будущих поколений.

Одновременно в своих статьях и беседах М. Валиев пытается найти ответ на вопрос о том, что же является характерной особенностью татарской нации, в чем проявляется ее характер, как выглядит идеал. Он выделяет целую плеяду женских образов татарской литературы, которые, по его мнению, наиболее полно отражают национальный характер. Это Нафиса (Г. Баширова), Акэби (А. Еники), Бибинур (А. Гилязова) и т. д. Вопросы поиска национальной самобытности, по сути, явили целую волну исследовательских работ по идентичности народа в ряде национальных литератур в первые десятилетия XXI в. В татарском литературоведении одним из примеров таких работ служат очерки литературоведа М. Ибрагимова «Национальная идентичность татарской литературы» (Ибрагимов, 2018).

Книги со статьями по литературной критике выпускались и критиками-филологами. В этом направлении особой популярностью пользовались сборники литературно-критических статей Ф. Мусина («Чор белән аваздаш»¹ («Созвучен времени», 1983), «Көмеш көзгә»² («Серебряное зеркало», 1989) и др.), Т. Галиуллина («Дәвамлылык»³ («Преемственность», 1987), «Гомер учагы»⁴ («Древо жизни», 1991) и др.); А. Ахмадуллина («Горизонты татарской драмы»⁵, 1983), «Офыклар киңәйгәндә»⁶ («Горизонты творчества», 2002), Ф. Галимуллина («Инешләр Иделгә кушыла»⁷ («Речки текут в Волгу», 1985), «Офыкларны алдан күрәп»⁸ («Взгляд в будущее», 1995), А. Закирзянова («Заман белән бергә»⁹ («В ногу со временем», 2004) и др. Эти книги отличались научной обоснованностью мысли и в то же самое время читались как литературно-художественные очерки, богатые на яркие выражения художественного стиля. Одновременно они свидетельствовали о том, что идет разграничение в родовом и жанровом предпочтении. В то время, как Т. Галиуллин большее внимание уделял татарской поэзии в лице ее классиков и поэтов-шестидесятников, Ф. Мусин отдавал предпочтение прозе, а А. Ахмадуллин и А. Закирзянов зачастую анализировали драматические произведения. Литературная критика ученых-филологов, как и писательская критика, стала неким подспорьем профессиональным критическим статьям, претендуя на свое значимое место в нише критики. И, возможно, соглашаясь с мнением Т. Галиуллина о том, что нужно признавать и по-разному подходить к анализу профессиональной и писательской критики¹⁰, такой подход необходимо проработать и в отношении статей критиков-филологов. Их ряды заметно пополнились в начале XXI в. в лице Д. Загидуллиной, Н. Гафиятуллиной, Л. Давлетшиной, А. Шамсутовой и др.

Рубеж XX и XXI вв. явился очень значимым периодом в истории татарской литературной критики. Несмотря на то, что ряд исследователей охарактеризовали его временем застоя или кризиса,

¹ Мусин Ф. Чор белән аваздаш: әдәбият фәне һәм тәнкыйть мәкаләләре [В ногу со временем: литературоведение и критические статьи]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1983 (На татар. яз.).

² Мусин Ф. Көмеш көзгә: әдәби тәнкыйть мәкаләләре [Серебряное зеркало: литературно-критические статьи]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989 (На татар. яз.).

³ Галиуллин Т. Дәвамлылык: әдәби тәнкыйть мәкаләләре [Преемственность: литературно-критические статьи]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987 (На татар. яз.).

⁴ Галиуллин Т. Гомер учагы: әдәби тәнкыйть мәкаләләре [Древо жизни: литературно-критические статьи]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1991 (На татар. яз.).

⁵ Ахмадуллин А. Горизонты татарской драмы: литературно-критические статьи. Казань: Татар. кн. изд-во, 1983.

⁶ Әхмәдуллин А. Офыклар киңәйгәндә: әдәби тәнкыйть мәкаләләре [Горизонты творчества: литературно-критические статьи]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2002 (На татар. яз.).

⁷ Галимуллин Ф. Инешләр Иделгә кушыла [Речки текут в Волгу]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. (На татар. яз.).

⁸ Галимуллин Ф. Офыкларны алдан күрәп [Взгляд в будущее]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. (На татар. яз.).

⁹ Закирзянов Ә. Заман белән бергә (әдәби тәнкыйть мәкаләләре) [В ногу со временем (литературно-критические статьи)]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2004 (На татар. яз.).

¹⁰ Галиуллин Т. Әдәби тәнкыйтьне ничек жанландырырга? [Как оживить литературную критику?] // Казан утлары. 2007. № 2. 105–106 б. (На татар. яз.).

анализ статей на страницах книг и журнала «Казан утлары» позволяет говорить о том, что он явился неоднозначным периодом. Безусловно, на это повлиял ряд исторических событий. Этот период ознаменовался временем поиска новых ориентиров и новых путей познания творческого мышления.

Резюмируя данный раздел можно отметить, что рубеж столетий для татарской литературной критики оказался периодом весьма насыщенным и плодотворным. Несмотря на то, что исследователи литературной критики нередко характеризовали этот период временем «застоя» и «кризиса» на общем фоне уменьшения количества профессиональных критиков и угасания аналитической критики, полемические статьи на страницах журнала «Казан утлары», выход ряда книг с литературно-критическими статьями критиков и критиков-филологов констатировали существование активной и оперативной литературной критики. Наряду с профессиональными критиками, основными ее авторами выступали критики-писатели и критики-филологи. В этот период для выражения критического мышления особой популярностью пользовался жанр эссе. К нему обращались ведущие татарские литературные критики этого времени: М. Валиев, С. Маннапов, Ф. Зулькарнай и др. Новым явлением стало появление литературных критиков, занимающихся изучением и оценкой произведений в рамках отдельных литературных родов: прозы (Ф. Мусин, Ф. Башир, Д. Загидуллина и др.), поэзии (Т. Галиуллин, Ф. Зулькарнай и др.), драматургии (А. Ахмадуллин, А. Закирзянов и др.).

Татарская литературная критика в контексте литературно-критической мысли родственных литератур народов Урало-Поволжья

Сравнительное и сопоставительное исследование литератур, в том числе и литературных критик, всегда имеет свои трудности, которые определяются как языковым барьером, так и недоступностью самих рассматриваемых текстов по ряду причин. При решении вопросов, поднятых в данной статье, эти трудности также возникли. Если в случае с башкирской литературой языковой барьер и отсутствовал, не было возможности ознакомиться с литературно-критическими статьями башкирских авторов напрямую из-за их недоступности в Республике Татарстан. Зачастую они представлены лишь в региональных изданиях на родном языке. К тому же, некорректно знакомство с текстами литературно-критических статей при отсутствии представления об истории развития рассматриваемой литературы даже в общем плане. Знакомство же с литературной критикой чувашского народа осложнялось еще и незнанием чувашского языка. Таким образом, рассмотрение татарской литературы в контексте родственных литератур народов Урало-Поволжья происходило в рамках доступных материалов: это, в основном, обзорные статьи из увидевших свет в последние десятилетия истории национальных литератур, единичные диссертационные исследования, а также немногочисленные изыскания отдельных авторов в данном направлении. Данные труды представлены на татарском, русском и башкирском языках. Тем не менее, наличие даже такого круга литературы позволяет сделать ряд интересных заключений и наметить перспективу исследований в этой области.

Наиболее общие положения о литературно-художественной критике национальных литератур представлены в разделах «Литературоведение и критика» в многотомных изданиях истории национальных литератур (Родинов, Родионова, 2017; и др.¹). Благо, такие труды во всех трех рассматриваемых литературах были написаны совсем недавно, то есть уже в постсоветское время. Анализ статей ученых из этих работ позволяет сделать вывод, что рассмотренные нами чуть выше процессы в татарской литературной критике происходили и в критиках башкирского и чувашского народа. Эта общность проявилась во внешних процессах. В период 1980-х — 2010-х гг. ощущалось заметное оживление в подаче творческой мысли: литературные критики искали новые формы представления

¹ Закиржанов Э. Әдәби тәнкыйть һәм әдәбият белеме [Литературная критика и литературоведение] // Татар әдәбияты тарихы: 8 томда / [Фәнни мөх.: Д. Ф. Заһидуллина, Э. М. Закиржанов]. Казан: Фолиант, 2019. 7 т.: 1985–2000 еллар. 448–469 б. (На татар. яз.); Родионов В., Родионова Э. Литературоведение и критика // История чувашской литературы XX века / отв. ред. А. Ф. Мышкина. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. Часть 2 (1956–2000 годы). С. 144–183; Шәкүров Р. Әзәбиәт ғилеме һәм әзәби тәнкит [Литературоведение и литературная критика] // Башҡорт әзәбиәте тарихы. Алты томда. Өфө: Китап, 1996. 6 т. Хәзерге әзәбиәт (1966–1994) [История башкирской литературы. В шести томах. Уфа: Китап, 1996. 6 т. Современная литература (1966–1994)]. 222–253 б. (На башкир. яз.); Исәнғолова С. С. Әзәби тәнкит. Әзәбиәт ғилеме [Исянгулова С. С. Литературная критика. Литературоведение] // Башҡорт әзәбиәте тарихы [История башкирской литературы]: 7 томда. / томдың яуаплы мөхәррире М. Х. Нәзәрғолов. Өфө: Китап, 2015. 7-се том: Хәзерге әзәбиәт (1991–2015): в 7 т. / отв. ред. М. Х. Нәдерғолов. Уфа: Китап, 2015. Т. 7: Современная литература (1991–2015)]. 383–401 б. (На башкир. яз.).

написанного. В то же самое время отхождение от навязанных и утвержденных властью ориентиров заставляло их искать новые ценностные приоритеты. Такие процессы не происходили одновременно. Наряду с этим шли и внутренние перемены в самом критическом процессе.

Во времена советской власти существовал негласный закон о вторичности национальных литератур и их общем положении перед русской литературой. Однако все три литературы в годы перестройки и обретения суверенитета обратили свой взор на пройденный путь, на тот момент приостановки своего развития, который наступил с установлением политики партии большевиков. На рубеже веков башкирская литература стала активно обращаться к своему фольклорному наследию. Татарская литература в контексте общетюркского наследия стремилась восстановить достигнутые в начале XX в. вершины в творческом мышлении. «...Основное направление исследовательского взора чувашских литературоведов направлено, с одной стороны, на восточные традиции литературы, так как чуваша видят свои генетические корни в восточно-тюркском мире, с другой стороны — на литературы народов, проживающих по соседству с чувашами, и в первую очередь татарскую, марийскую, башкирскую литературы» (Мышкина, 2017: 118). Такое же мышление и мировосприятие происходило и в литературной критике. Все это говорило о желании литератур определить свои национальные особенности, познать себя.

В. Родионов и Э. Родионова отмечают: «В 1980-е гг. в чувашском литературоведении, как и в самой литературе, происходил процесс возвращения к национальным традициям и истокам художественно-поэтического сознания. Наличие подобного процесса в других литературах региона указывает на его историко-типологический характер (Родионов, Родионова, 2019: 146). Примером таких работ назван труд А. Закирзянова. Здесь же следует подчеркнуть, что если татарские и башкирские литературоведы и литературные критики в историях литератур зачастую оперируют материалом родной литературы, чувашские исследователи истории литературной критики нередко проводят параллели с развитием соседних литератур. Это отражается и в книге «История чувашской литературы» (История чувашской ... , 2017), позволяя говорить о разных горизонтах охвата изучаемого материала.

Генетически более близкие татарская и башкирская литература на рубеже столетий развивались в схожих контекстах. На фоне смены исторических событий они плавно вошли в перестроечный период и стали развиваться в новом русле. Как и в татарской литературе, в литературной критике башкир (журнал «Агыйдел» («Река Белая») велись активные дискуссии, отражающие насущные проблемы литературы. Как отмечает С. Исянгулова, одним из самых активных деятелей этого периода явился литературовед Г. Кунафин, который организовал клуб и школу молодых критиков (Исянгулова, 2019: 386).

Ярким событием литературно-критической жизни Башкортостана стало проведение в 2002 г. семинара, который был направлен на объединение молодых критиков республики. В нем приняли участие такие известные башкирские литературоведы, как Г. Хусаинов, Р. Бикбаев, М. Идельбаев, Г. Кунафин, Т. Кильмухаметов, Р. Шакур и другие (там же). Однако наряду с положительными явлениями, как и в татарской литературе, отмечались общая тенденция угасания принципиальной критики (там же), отсутствия крупных личностей в данной области (Шәкүров, 1996: 232). Здесь, как и у татарских критиков, речь прежде всего шла об аналитической, оперативной, живой критике. Дискуссии проводились и на страницах чувашского журнала «Родная Волга». Литературоведы В. Родионов и Э. Родионова подчеркивают, что действительно «живая критика» нашла отражение в статьях чувашского литературного критика и литературоведа Ю. Артемьева — «активного перестроечника, противостоявшего разгулу вульгарных социологов в застойные годы XX века» (Родионов, Родионова, 2017: 309–311).

В отличие от татарской и башкирской литератур, чувашская литература на рубеже столетий столкнулась с противоборствующей стороной:

«Более горячее обсуждение насущных проблем чувашского литературоведения и критики прошло в мае 1986 г., когда “перестройщики” с трибуны открыто обвинили консервативных ученых и критиков. В стране шла перестройка уже больше года, а в чувашском литературном сообществе по-прежнему пытались командовать наследники 1930-х гг. В этих условиях старшее поколение “перестройщиков” не хотело радикальных изменений в пространстве социалистического реализма» (там же: 179).

Авторы указанной статьи называли это время «борьбой школ». В истории литературных критик башкирской и татарской литератур подобных явлений не наблюдалось.

Общей тенденцией развития всех трех тюркских литературных критик можно назвать и преимущество положение эссеистики. Чувашские литературоведы, как и татарские ученые, объясняли обращенность к жанру эссе переходностью науки: «В литературно-критических статьях и рецензиях такой подход к анализируемому тексту зачастую позволял их авторам достичь желаемого результата» (Родионова, Родионов, 2019: 153–154). Яркими образцами литературно-критических статей в жанре эссеистики ученые называют статьи А. Хузангая¹.

Исследователь С. Исянгулова, не акцентируя внимание на жанре эссе, обращает свой взор на писательскую критику, предлагая такое определение:

«Писательская критика от профессиональной отличается образностью, литературным языком. Мастера художественного слова свои выводы обосновывали образами, поэтому их выступления тепло встречались со стороны читателей и лучше запоминались. В то же время они не претендовали на всесторонний анализ, теоретические обобщения»².

Но и в этих словах улавливаются признаки эссеистики.

В целом же, если говорить об оперативной критике, можно отметить, что литературная критика тюркских народов Поволжья и Приуралья в рассматриваемый период зачастую развивалась за счет энтузиазма отдельных личностей. Ими были как профессиональные критики, так и ученые-литературоведы, которые активно развили филологическую критику.

Таким образом, рассмотрение татарской литературной критики в контексте литературно-критической мысли соседних тюркских народов позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, литературные критики этих народов в рассматриваемый промежуток времени обратили свой взор на свое историческое развитие, на свои истоки, желая избавиться от искусственной идеологической завесы. Во-вторых, их объединила общая обращенность к жанру эссе. В-третьих, татарская и башкирская критики более плавно пережили исторические перипетии, в отличие от чувашской литературной критики. Однако чувашские исследователи литературы и литературной критики в своих трудах нередко проводили параллели с развитием соседних родственных литератур, чем не могут похвастаться татарские и башкирские литераторы. Еще одна общность всех трех литературных критик заключается в том, что ее представителями были как литературные критики-профессионалы, так и критики-читатели и критики-филологи.

Заключение

Родственные и географически близко расположенные татарская, башкирская и чувашская литературы в рассматриваемый период прошли общий путь исторического развития, что напрямую отразилось на литературно-критической мысли. Общественно-политическая ситуация в стране неоднозначно отразилась на этой отрасли творческого мышления. На фоне изменения отношения к литературе, угасания читательского интереса, литературная критика шла своим особым путем. Так, во всех трех литературах ряды профессиональных критиков приобрели своих новых исследователей в лице ученых-филологов. Активно участвовали в выражении принципиальных взглядов и критики-писатели. В поддержание общей атмосферы полемической критики свой значимый вклад внесли литературно-художественные журналы и статьи отдельных критиков.

Развитие критической мысли на данном этапе сопровождалось разнообразием мнений, взглядов, а в некоторых случаях — переходом из крайности в крайность и опровержением отдельных положений. Ярким примером жанрового искания стало обращение к эссе. Тем не менее, несмотря на всю свою разнородность, литературная критика ориентировалась на демократические настроения общества и старалась удовлетворить потребности современного читателя. В ситуации резкой смены исторических обстоятельств литературная критика этих народов обратилась к национальным истокам и возрождению нравственно-духовных ценностей, познанию национальной идентичности путем освоения новых форм и типов мышления.

¹ Хузангай А. Тексты, метатексты & путешествия: сб. статей. Чебоксары: Тип. Шафровой Г. К., 2003.

² Исянгулова С. Динамика развития башкирской литературной критики в 1953–1985-е гг.: проблемы, жанры : автореф. дис. ... канд. филол. н. Уфа, 2011. С. 18.

Здесь было бы интересно провести параллели между подобными исследованиями тюркских литературных критик других регионов на рубеже веков. Как отмечает исследователь национальных литератур К. Султанов: «Задача восстановления баланса между традиционными ценностями и инновационными сдвигами приобрела во всех российских национальных литературах программный характер» (Султанов, 2021: 51). По мнению В. Аминовой:

«Новыми принципами и приемами постижения национальной идентичности той или иной литературы, особенностей ее проявления и функционирования являются типы диалогических отношений с другой национальной литературой: противопоставление себя “Другому”, полемика с иной точкой зрения на мир и человека, усвоение “чужого” художественно-эстетического опыта, в конечном счете обусловленное имманентными механизмами развития данной национальной литературы и культуры»¹.

На пути достижения этих целей не нужно забывать о проведении исследований, связанных с всесторонним изучением постсоветской ситуации в каждой отдельно взятой литературной критике. Благо, что такого рода исследования имеются в ряде тюркских литератур России: крымскотатарской (Сеферова, 2021), тувинской (Мижит, 2023), алтайской (Дедина, 2022) и др., что говорит о перспективности изысканий в этой области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арзамазов, А. А. (2019) Литературы народов России на рубеже XX–XXI столетий: реалии развития // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 2 (27). С. 105–110. DOI: <https://doi.org/10.25693/SVGV.2019.02.27.14>
- Говорухина, Ю. М. (2012) Русская литературная критика на рубеже XX–XXI веков. Красноярск : СФУ. 358 с.
- Голубков, М. М. (2008) История русской литературной критики XX в. (1920–1990-е гг.). М. : Академия. 368 с.
- Гыйлажев, Т. Ш. (2008) Рецензиялардан тагъзияларга: XX йөз башы татар әдәби тәнкыйте [От рецензий к некрологам: татарская литературная критика начала XX века]. Казан : Татар. кит. нәшр. 254 б. (На татар. яз.).
- Дедина, М. С. (2024) Предисловие // История алтайской литературы (вторая половина XX — начало XXI в.). Литературные портреты. Книга 4. / редколлегия: Дедина М. С. (отв. ред.) и др. Горно-Атайск : БНУ РА НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. Кн. 4. Литературные портреты. 344 с. С. 4–19.
- Загидуллина, Д. Ф. (2020) Татарская литература XX — нач. XXI в.: «мягкость» модернизма-авангарда-постмодернизма (к постановке проблемы). Казань : ИЯЛИ. 256 с.
- Закиржанов, Ә. (2019) Әдәби тәнкыйть һәм әдәбият белеме [Литературная критика и литературоведение] // Татар әдәбияты тарихы [История татарской литературы]: 8 томда. Казан: Фолиант. 7 т. : 1985–2000 еллар / [фәнни мөх.: Д. Ф. Заһидуллина, Ә. М. Закиржанов]. 740 б. Б. 448–470. (На татар. яз.).
- Закирзянов, А. М. (2010) Жанр «эссе» в современной татарской литературной критике (на примере татарского литературоведения) // Вестник Вятского государственного университета. № 2–2. С. 120–124.
- Закирзянов, А. М. (2019) Современное татарское литературоведение: традиции, закономерности, поиски. Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. 372 с.
- Ибрагимов, М. И. (2018) Национальная идентичность татарской литературы: современные методы исследования: очерки. Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. 104 с.
- Исәнғолова, С. С. (2019) Әзәби тәңкит. Әзәбиәт ғилеме [Исянгулова С. С. Литературная критика. Литературоведение] // Башҡорт әзәбиәте тарихы [История башкирской литературы] / томдың яуаплы мөхәррире М. Х. Нәзәрғолов [отв. ред. М. Х. Надергулов]. 7 томда. Өфө : Китап. 7-се том : Хәзерге әзәбиәт (1991–2015) [Т. 7. Современная литература (1991–2015)]. 800 б. 383–401 б. (На башк. яз.).
- История чувашской литературы XX века (2017) / отв. ред. А. Ф. Мышкина. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во. Ч. 2 (1956–2000 годы). 432 с.
- Мижит, Л. С. (2023) Современное состояние тувинской литературы // Азиатские исследования: история и современность. № 1(5). С. 96–104.

¹ Аминова В. Р. Национальные литературы республик Поволжья как «межлитературная общность» // Национальные литературы республик Поволжья (1980–2010 гг.): учебное пособие / науч. ред. В. Р. Аминова. Казань: Казан ун-т, 2016. С. 346.

Мышкина, А. Ф. (2017) Традиции и новаторство в чувашском литературоведении XXI века: некоторые аспекты проблемы // Вестник Марийского государственного университета. Т. 11. № 3 (27). С. 117–123.

Родионов, В. Г. (2018) «История чувашской литературы XX века»: из опыта создания коллективных трудов // Актуальные проблемы национальных литератур России: художественные поиски XX — начала XXI века : сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения народного писателя Башкортостана З. Биешево и 100-летию со дня рождения народного поэта Башкортостана Н. Наджми, г. Уфа, 12 апреля 2018 года. / отв. ред. Г. С. Кунафин. Уфа : РИЦ БашГУ. 308 с. С. 205–210.

Родионов, В. Г., Родионова, Э. В. (2015) Чувашское литературоведение и критика 1980-х годов: борьба школ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. №12 (54) : в 4-х ч. Ч. IV. С. 177–180.

Родионов, В., Родионова, Э. (2017) Литературоведение и критика // История чувашской литературы XX века : в 2 ч. / В. Г. Родионов, А. Ф. Мышкина, А. П. Хузангай, И. Ю. Кириллова, Н. Г. Ефремова-Ильина, В. В. Никифорова, В. Родионова; отв. ред. А. Ф. Мышкина. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во. Ч. 2 (1956–2000 годы). 432 с. С. 298–330.

Родионов, В. Г., Родионова, Э. В. (2019) Современное чувашское литературоведение: анализ литературной классики и теоретические приоритеты // Национальные литературы на современном этапе: научные концепции и гипотезы. Круглый стол, посвященный 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Вып. 1 / сост.: А. Ф. Ганиева, Ф. Х. Миннуллина, Л. Р. Надыршина. Казань : ИЯЛИ. 240 с. С. 146–157.

Сайфулина, Ф. С., Якупова, Л. Т. (2014) Литературная критика на страницах журнала «Казан утлары» («Огни Казани») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. №5 (35). Ч. 1. С. 153–156.

Сеферова, Ф. А. (2021) История становления крымскотатарской литературной критики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. Т. 7 (73). № 4. С. 85–106.

Султанов, К. (2021) Переоткрывая эволюцию: национальные литературы между тавтологией и обновлением // Studia Litterarum. Т. 6. № 4. С. 42–67. DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-42-67>

Харрасова, Р. Ф. (2017) Әдәби тәнкыйть нигезләре [Теория литературной критики]. Казан : ТәһСИ. 312 б. (На татар. яз.).

Черняк, М. (2003) Современная критика рубежа XX–XXI вв. // Русская литература XX века в зеркале критики: хрестоматия для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / сост. С. И. Тимина, М. А. Черняк, Н. Н. Кякшто; предисл. М. А. Черняк. СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : Издательский центр «Академия». 656 с. С. 3–16.

Чупринин, С. И. (1988) Критика — это критики: проблемы и портреты. М. : Советский писатель. 315 с.

Шакиров, С. М. (2013) Трансформации дискурса литературной критики // Вестник Челябинского государственного университета. № 2 (293). Филология. Искусствоведение. Вып. 74. С. 162–168.

Шәкүров, Р. (1996) Әзәбиәт ғилеме һәм әзәби тәнқит [Литературоведение и литературная критика] // Башқорт әзәбиәте тарихы [История башкирской литературы]. Алты томда [В шести томах]. Өфө : Китап. 6 т. Хәзерге әзәбиәт (1966–1994). [Т. 6. Современная литература (1966–1994)]. 712 б. Б. 222–253. (На башк. яз.).

Дата поступления: 14.03.2025 г.

Дата принятия: 31.03.2025 г.

REFERENCES

Arzamazov, A. A. (2019) Literatures of the Peoples of Russia at the Turn of the 20th — 21st Centuries: Development Realities. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, no. 2(27), pp. 105–110. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25693/SVG.2019.02.27.14>

Govorukhina, Yu. M. (2012) *Russian Literary Criticism at the Turn of the 20th–21st Centuries*. Krasnoyarsk, Siberian Federal University. 358 p. (In Russ.)

Golubkov, M. M. (2008) *History of Russian Literary Criticism of the 20th Century (1920s — 1990s)*. Moscow, Akademiya. 368 p. (In Russ.)

Gylazhev, T. Sh. (2008) *From Reviews to Obituaries: Tatar Literary Criticism of the Early 20th Century*. Kazan, Tatar Book Publishing House. 254 p. (In Tatar.)

Dedina, M. S. (2024) Preface. In: *History of Altai Literature (Second Half of the 20th — Early 21st Century). Literary Portraits. Book 4*. Gorno-Altaysk, BNU RA S. S. Surazakov Institute for Altaic Studies. 344 p. Pp. 4–19. (In Russ.)

Zagidullina, D. F. (2020) *Tatar Literature of the 20th – Early 21st Century: The “Softness” of Modernism, Avant-garde, Postmodernism (Problem Statement)*. Kazan, IYALI. 256 p. (In Russ.)

Zakirzyanov, A. M. (2010) The Essay Genre in Contemporary Tatar Literary Criticism (on the Example of Tatar Literary Studies). *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2–2, pp. 120–124. (In Russ.)

Zakirzyanov, A. M. (2019) *Contemporary Tatar Literary Studies: Traditions, Patterns, Searches*. Kazan, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art. 372 p. (In Russ.)

Ibragimov, M. I. (2018) *National Identity of Tatar Literature: Contemporary Research Methods. Essays*. Kazan, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art. 104 p. (In Russ.)

Isyangulova, S. S. (2019) Literary Criticism and Literary Studies. In: *History of Bashkir Literature*, vol. 7: *Contemporary Literature (1991–2015)*, ed. by M. Kh. Nadergulov. Ufa, Kitap. 800 p. Pp. 383–401. (In Bash.)

Myshkina, A. F. (ed.) (2017) *History of Chuvash Literature of the 20th Century*. Part 2: (1956–2000). Cheboksary, Chuvash Book Publishing House. 432 p. (In Russ.)

Mizhit, L. S. (2023) The Current State of Tuvan Literature. *Aziatskie issledovaniya: istoriya i sovremennost'*, no. 1(5), pp. 96–104. (In Russ.)

Myshkina, A. F. (2017) Traditions and Innovation in Chuvash Literary Studies of the 21st Century: Some Aspects of the Problem. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 11, no. 3(27), pp. 117–123. (In Russ.)

Rodionov, V. G. (2018) History of Chuvash Literature of the 20th Century': On the Experience of Creating Collective Editions. In: Kunafin, G. S. (ed.) *Topical Problems of the National Literatures of Russia: Artistic Explorations of the 20th – Early 21st Century*. Proceedings of the International Scientific-Practical Conference (Ufa, April 12, 2018). Ufa, RIC BashGU. 308 p. Pp. 205–210. (In Russ.)

Rodionov, V. G. and Rodionova, E. V. (2015) Chuvash Literary Studies and Criticism in the 1980s: Clash of Schools. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12 (54), pt. IV, pp. 177–180. (In Russ.)

Rodionov, V. and Rodionova, E. (2017) Literary Studies and Criticism. In: *History of Chuvash Literature of the 20th Century*, vol. 2 (1956–2000), ed. by A. F. Myshkina. Cheboksary, Chuvash Book Publishing House. 432 p. Pp. 298–330. (In Russ.)

Rodionov, V. G. and Rodionova, E. V. (2019) Contemporary Chuvash Literary Studies: Analysis of Literary Classics and Theoretical Priorities. In: Ganieva, A. F., Minnullina, F. Kh. and Nadyrshina, L. R. (comps.) *National Literatures at the Contemporary Stage: Scholarly Concepts and Hypotheses. Round Table Dedicated to the 80th Anniversary of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art*. Vol. 1. Kazan, IYALI. 240 p. Pp. 146–157. (In Russ.)

Saifullina, F. S. and Yakupova, L. T. (2014) Literary Criticism on the Pages of the “Kazan utlary” Journal. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 5 (35), pt. 1, pp. 153–156. (In Russ.)

Seferova, F. A. (2021) The History of the Formation of Crimean Tatar Literary Criticism. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, vol. 7(73), no. 4, pp. 85–106. (In Russ.)

Sultanov, K. (2021) Rediscovering Evolution: National Literatures Between Tautology and Renewal. *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, pp. 42–67. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-42-67>

Kharrasova, R. F. (2017) *Foundations of Literary Criticism*. Kazan, TehSI. 312 p. (In Tatar.)

Chernyak, M. (2003) Contemporary Criticism at the Turn of the 20th – 21st Centuries. In: Timina S. I., Chernyak M. A. and Kyakshov N. N. (comps.) *Russian Literature of the 20th Century in the Mirror of Criticism: A Chrestomathy for Students of Philological Faculties*. St. Petersburg, Philological Faculty of St. Petersburg State University; Moscow, Akademiya Publishing Center. 656 p. Pp. 3–16. (In Russ.)

Chuprinyan, S. I. (1988) *Criticism is the Critics: Problems and Portraits*. Moscow, Soviet Writer. 315 p. (In Russ.)

Shakirov, S. M. (2013) Transformations of the Discourse of Literary Criticism. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2(293), Filologiya. Iskusstvovedenie, issue 74, pp. 162–168. (In Russ.)

Shakurov, R. (1996) Literary Studies and Literary Criticism. In: *History of Bashkir Literature*, vol. 6: *Contemporary Literature (1966–1994)*. Ufa, Kitap. 712 p. Pp. 222–253. (In Bash.)

Submission date: 14.03.2025.

Acceptance date: 31.03.2025.

Типы номинаций в современном казахском рассказе

Ахлима И. Сапарова, Еркингуль М. Солтанаева

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан,

Гюлиах Йылмаз

Университет Афьон Коджатапе, Турция

В статье выделяются и анализируются разные типы номинаций в современном казахском рассказе: метафорические имена, реляционные имена, личные имена, сакральные и мифологические имена. Источниковая база исследования — рассказы писателей Таласбека Асемкулова «Старый Кюйши», Алибека Аскарова «Мона Лиза», Жусипбека Коргасбека «Искусство», Бексултана Нуржекеева (Нұржеке-ұлы) «Смерть души».

Отмечено, что авторы употребляют метафорические номинации, основанные на сравнении близкого человека с таким сакральным для казахов (и всех тюрков) животным, как лошадь. Реляционные имена могут представлять собой этикетные номинации литературных героев. Этот тип номинации выражает идею тесных родственных связей у казахского народа, уважительного отношения к посторонним людям. Личные имена литературных героев несут семантику уподобления человека природным реалиям; относятся также к группе имен, связанных с фауной.

Сакральные и мифологические имена несут в себе культурную память народа, выражая его морально-нравственные и религиозные представления. Это имена легендарных предков, святых, а также демонических существ. Данная группа номинаций отсылает читателей к религиозным и мифологическим контекстам.

Ключевые слова: номинация; казахская проза; казахский рассказ; имя собственное; метафорическое имя; реляционное имя; личное имя; сакральное имя; мифологическое имя

Для цитирования:

Сапарова А. И., Солтанаева Е. М., Йылмаз Г. Типы номинаций в современном казахском рассказе // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 182-196. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.12>

Сапарова Ахлима Исмаиловна — докторант кафедры казахской литературы и теории литературы факультета филологии Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Казахстан, 050040, г. Алматы, пр-т Аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: saparovaaklima533@gmail.com

Солтанаева Еркингуль Молотовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры казахской литературы и теории литературы Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Казахстан, 050040, г. Алматы, пр-т аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: gulkataim@gmail.com

Йылмаз Гюлиах — доктор наук (PhD), преподаватель кафедры современных тюркских языков и литератур Университета Афьон Коджатапе. Адрес: Турция, 03200, г. Афьонкарахисар, Кампус Ахмета Недждета Сезера, ул. Газлыгель. Эл. адрес: gulsahyilmaz4048@gmail.com

Types of nominations in modern Kazakh short story

Akhlima I. Saparova, Yerkingul M. Soltanayeva

Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan,

Gülşah Yilmaz

Afyon Kocatepe University, Turkey

The article identifies and analyzes various types of naming in contemporary Kazakh short stories: metaphorical names, relational names, personal names, as well as sacred and mythological names. The source base of the study includes stories by writers Talasbek Asemkulov "The Old Kui Player", Alibek Askarov "Mona Lisa", Zhusipbek Korgasbek "Art", and Beksultan Nurzhekeev (Nurzheke-uly) "The Death of the Soul".

It is noted that the authors use metaphorical naming based on comparisons between close individuals and culturally sacred animals, such as the horse, which holds a special place among Kazakhs and other Turkic peoples. Relational names may function as etiquette-based nominations of literary characters. This type of nomination reflects the value of close kinship ties in Kazakh culture and the respectful attitude toward outsiders.

Personal names of literary characters carry semantic links to natural phenomena and often belong to a subgroup of names associated with fauna. Sacred and mythological names preserve the cultural memory of the people, reflecting their ethical, moral, and religious beliefs. These include the names of legendary ancestors, saints, and demonic entities. This category of nominations leads the reader toward religious and mythological contexts.

Keywords: nomination; Kazakh prose; Kazakh short story; proper name; metaphorical name; relational name; personal name; sacred name; mythological name

For citation:

Saparova A. I., Soltanayeva Y. M. and Yilmaz G. Types of nominations in modern Kazakh short story. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 182-196. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.12>

SAPAROVA, Akhlina Ismailovna, Doctoral student, Department of Kazakh Literature and Literary Theory, Faculty of Philology, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71 Al-Farabi Avenue, Almaty, Kazakhstan, 050040. E-mail: saparovaaklima533@gmail.com

ORCID: 0009-0005-9518-3202

SOLTANAYEVA, Yerkingul Molotovna, Candidate of Philological Sciences, Departments of Kazakh literature and theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University. Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71 Al-Farabi Avenue, Almaty, Kazakhstan, 050040. E-mail: gulkataim@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8273-3571

YILMAZ, Gülşah, PhD, Departments of Modern Turkic Languages and Literatures, Afyon Kocatepe University. Postal address: Gazligol Road, Ahmet Necdet Sezer Campus, Afyonkarahisar, Turkey, 03200. E-mail: gulsahyilmaz4048@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0940-9411

Введение

Жанр рассказа занимает особое место в казахстанской литературе, но современный казахский рассказ, к сожалению, не получил должного освещения в литературоведении. Основное внимание ученых уделяется жанру романа (Алтыбаева, 2018; Султан, 2021; Темирболат, 2023; Бактыбаева, 2023; и др.¹). В исследованиях жанра рассказа много самых разных аспектов: жанровая поэтика, элементы художественного мира, различные типы номинаций. В данной работе авторы сосредоточили свои усилия на анализе номинаций в современном казахском рассказе на примере ряда произведений малой прозы.

Номинация (от лат. *nominatio* 'наименование'), согласно трактовке В. Н. Телия, — это «образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, то есть служащих для называния и вычленения фрагментов неязыковой действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме значения языковых единиц — слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений»². Нас в работе интересуют метафорические номинации (наименования, которые возникают в результате переноса значения слова с одного объекта или явления на другой по сходству между ними, то есть на основе метафоры), реляционные номинации лиц (наименования, которые обозначают человека через его отношение к другим людям или объектам), личные имена литературных героев, сакральные и мифологические имена. Следует отметить, что реляционные номинации тесно связаны с темой этикета. Традиционный этикет казахского народа требует уважительного обращения к членам семьи и посторонним людям, для общения используются различные традиционные номинации.

Цель статьи — исследование различных типов номинации в современном казахском рассказе. Нам предстоит решить следующие задачи: определить особенности сюжетной организации рассказов, осуществить анализ метафорических номинаций лиц, воссозданных в рассказах, охарактеризовать реляционные номинации лиц, проанализировать личные имена литературных героев, исследовать сакральные и мифологические имена и номинации.

Объект исследования — тексты рассказов современных казахских писателей. Предмет исследования — номинации и их основные типы в современном казахском рассказе.

Источниковая база исследования — рассказы (написанные на казахском языке) современных писателей Таласбека Асемкулова³ «Старый Күйші»⁴, Алибека Аскарова⁵ «Мона Лиза»⁶, Жусипбека Корғасбека⁷ «Искусство»⁸, Бексултана Нуржекеева (Нұржеке-ұлы)⁹ «Смерть души»¹⁰, которые объединяет тема искусства.

¹ Калиева А. К., Ертай С. Национальные и общечеловеческие ценности в современных казахских романах // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6 (67). С. 537–539.

² Телия В. Н. Номинация // Русский язык. Энциклопедия. Издание 2-е, переработанное и дополненное / глав. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», Издательский дом «Дрофа», 1997. С. 269.

³ Таласбек Асемкулов (1955–2014) музыкант, писатель, переводчик, киносценарист, домбрист, музыкант. Автор рассказов, повести «Шымдан» («Дерн», 1988), романов «Талтүс» («Полдень», 2003), «Тәттімбет сері» («Степной рыцарь Таттимбет», 2012).

⁴ Асемқұлов Т. Талтүс: роман. Кәрі Күйші: әңгіме. Тәттімбет сері: роман. Астана: Күйшілер одағы, «KazHeritage», Лиля Калаустың Баспа үйі, 2020. С. 228–246. (На каз. яз.).

⁵ Алибек Аскаров окончил Алма-Атинское художественное училище и факультет журналистики Казахского государственного университета. Автор произведений «Кешегі күннің хикаясы» («Повесть о вчерашнем дне», 2008), «Қиғаш хикаясы» («Повесть Кигаша», 2018), романа «Өр Алтай, мен қайтейін биігіңді» («Гордый Алтай, что мне делать с твоей высотой», 1997) и др. Лауреат Государственной премии Казахстана (2001).

⁶ Асқаров Ә. Таңдамалы. Әңгімелер. Повесть. Алматы: Раритет, 2011. Т. 1. С. 366–374. (На каз. яз.).

⁷ Жусипбек Корғасбек — писатель, публицист, сценарист, журналист. Автор сборников повестей и рассказов «Көгілдір керуен» («Голубой караван», 1985), «Жансебіл» («Стойкий», 1995), романа «Үлпілдек» («Воздушный», 2012) и других произведений.

⁸ Қорғасбек Ж. Үлпілдек (роман-тәмсіл). Алматы: Жазушы, 2012. С. 223–229. (На каз. яз.).

⁹ Бексултан Нуржекеев окончил филологический факультет Казахского государственного университета. Автор рассказов, повестей, романов «Бір өкініш, бір үміт» («Одно сожаление, одна надежда», 1985), «Жау жағадан алғанда» («Когда враг стоит у ворот», 1993), «Ерлі-зайыптылар» («Супруги», 1989), «Әй, дүние-ай» («Эх, этот бренный мир», 2015).

¹⁰ Нұржеке-ұлы Б. Әй, дүние-ай: Роман: в 15 т. Алматы: Жалын баспасы ЖШС, 2016. Т. 14. С. 380–398. (На каз. яз.).

В творчестве указанных выше авторов жанр романа является основным. В современной казахской литературе роман также выступает ведущим жанром. Характерно, что внимание ученых сосредоточено прежде всего на исследовании романа. Практически в любой работе, посвященной изучению современной казахстанской литературы, отмечается необходимость исследования жанров романа и повести. «...мировая литература, в том числе казахстанская проза продолжает развиваться, вместе с ней изменяются роман и повесть. Следовательно, литературоведы должны быть внимательными к процессам обновления художественной прозы» (Ибраева, Сапарова, 2019: 24). Но следует отметить, что современные казахские писатели проявляют устойчивый интерес и к жанру рассказа. Это обстоятельство побуждает нас к анализу современного казахстанского рассказа.

Во всех перечисленных произведениях писатели использовали разнообразные типы номинации.

Обзор литературы

Труды А. Ф. Лосева, П. А. Флоренского и С. Н. Булгакова, разработавших философию имени, определили интерес к этой проблеме в различных областях гуманитарного знания (Булгаков, 1999; Лосев, 2016; Флоренский, 1993). В лингвистике проблемы номинации также традиционная область исследований (Гак, 1977; Арутюнова, 1977; Кубрякова, 1977; и др.).

Ю. Н. Тынянов отмечал важную роль имени героев в художественной литературе: «В художественном произведении нет неговорящих имен. В художественном произведении нет незнакомых имен. Все имена говорят». (Тынянов, 1977: 269).

Проблемы номинации разрабатывал В. В. Виноградов, изучавший вопросы именования в литературном языке (Виноградов, 1971). М. М. Бахтин анализировал имена персонажей с учетом диалогической природы литературы (Бахтин, 1996). Ю. М. Лотман рассматривал номинацию в рамках семиотики культуры и литературного текста (Лотман, 1992). В. А. Кухаренко исследовала номинации с точки зрения стилистики художественного текста (Кухаренко, 1988). В. И. Карасик охарактеризовал концептуальную номинацию (Карасик, 2002). Н. А. Кожевникова изучала номинацию как средство создания образа, определила коннотативные значения имен собственных в литературе (Кожевникова, 2009).

Особый интерес для нашего исследования представляют труды, в которых предлагаются классификации номинаций в художественной литературе.

В диссертации И. Н. Исаковой представлена типология, которая включает персонажные номинации (имя собственное / имя нарицательное; имена / дескрипции; номинации интродуктивные, идентифицирующие, предикатные; прямые / косвенные (тропеические, перифрастические) и др.¹

В статье А. П. Липатовой выделяются три типа стратегии именования, основанного на характере вариативности именных форм: константный, двухвалентный и плюралистический. Константный тип — это единообразное именование персонажа всеми действующими лицами, при этом используется только полная форма имени. Двухвалентный тип — полная форма характерна для речи рассказчика, дериват *на-ка* — характерна для речи знаменского священника (Николай — Колька). Плюралистический тип предполагает широкое разнообразие вариантов имен главного героя (Липатова, 2023: 270).

В статье Т. Ю. Лариной и Т. В. Мильявской выделяются шесть

«групп онимов в зависимости от функции, которую они выполняют при создании когерентности текста: 1) онимов, формирующих когерентность всего текста; 2) онимов, формирующих пространственно-временные координаты художественной картины мира; 3) онимов, называющих персонажей, непосредственно взаимодействующих с главными действующими лицами и формирующих внешние связи фрагмента текста; 4) онимов, формирующих внутренние связи фрагмента текста, репрезентирующих основных действующих лиц фрагмента текста; 5) онимов, создающих пространственно-временной фон фрагмента текста; 6) факультативных онимов, не играющих заметной роли в когерентности текста» (Ларина, Мильявская, 2015: 114).

¹ Исакова И. Н. Система номинаций литературного персонажа: На материале произведений Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, А. А. Фета и Н. А. Некрасова: автореф. ... канд. филол. наук. М., 2004. С. 7.

В современной науке представлены исследования антропонимической системы современного казахского языка (Кульдеева, 2001), сложных казахских антропонимов с глагольным компонентом (Темиргазина, Асельдерова, 2022), терминологии родства¹, психологии выбора личного имени у тюрков (Голикова, 2013). Тема номинации и тема этикета тесно связаны. В статье Г. А. Мейрмановой охарактеризован этикет приветствия и прощания у казахов (Мейрманова, 2007).

Авторы статьи опираются на современные труды, исследующие различные аспекты мифа в культуре и художественной литературе тюркских и других народов (Токтабай, 2004; Безертинов, 2006; Хисамитдинова, 2010; Аязбекова, 2011; Сабыржанова, Ананьева, 2024; и др.).

Новизна статьи состоит в том, что в ней впервые последовательно проанализированы типы номинаций в ряде рассказов современных казахских писателей.

Теоретико-методологические основы исследования

В статье А. В. Мельгуновой рассмотрены типы номинаций по трём группам: лица, предметы, абстрактные понятия (Мельгунова, 2014). Нас интересуют типы номинации лиц:

1. Названия профессий, должностей, титулов;
2. Реляционные имена, обозначающие связь с другими людьми. К ним относятся как термины родства, так и номинации другой семантики;
3. Ситуативные номинации, подчёркивающие роль или важные особенности в конкретной ситуации;
4. Универсальные номинации (мужчина, женщина, ребёнок);
5. Номинации, подчёркивающие личностные характеристики человека — внешность, возраст, детали одежды и др.;
6. Метафорические номинации (в качестве метафор могут выступать обозначения людей, животных и даже неодушевлённых предметов) (там же: 117–123).

Мы будем опираться на изложенную выше типологию номинаций, так как она, на наш взгляд, является наиболее оптимальной. Кроме того, учитывая особенности казахского имьятворчества, мы включили в эту типологию личные имена литературных героев, а также сакральные и мифологические номинации.

Нам также необходимо иметь в виду типологию Н. В. Виноградовой, выделившей имена собственные, нарицательные, реально существующее имя или созданное автором, имя главного героя, второстепенного или внесюжетного персонажа, использованные писателями имена героев других произведений, библейские и мифологические имена. Все эти имена образуют антропонимическое пространство произведения².

В нашей работе важно проанализировать метафорические и реляционные номинации лиц, воссозданных в рассказах, личные имена литературных героев, сакральные и мифологические имена и номинации. Все эти типы номинации несут многовековую семантику, отражают особенности традиционной культуры казахского народа.

Метафорические и реляционные номинации лиц резюмируют содержание образов литературных героев, связаны с традицией казахского имьятворчества, берущего начало в далеком историческом прошлом. Реляционные этикетные номинации дают представления о базовых отношениях в семье и обществе. Личные имена литературных героев и номинации близких людей могут быть основаны на сопоставлении человека и сакральных животных и реалий природы. Это отражает особенности традиционного мировосприятия и культуры казахского народа, в которых сакральные животные и природа наделяются почетными номинациями. Номинации с религиозной и мифологической семантикой привлечены для дополнительной характеристики отношений между героями.

Анализ различных типов номинаций необходим для понимания своеобразия народного мировосприятия, изображенного в художественной литературе.

¹ Нурманова Ж. К., Исмахан Р. К. Особенности терминологии родства в казахском языке // Молодой учёный. 2019. № 17 (255). С. 261–263.

² Виноградова Н. В. Имя персонажа в художественном тексте: функционально-семантическая типология: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2001. С. 181–187.

В статье реализован междисциплинарный подход к решению исследовательских задач. Теоретико-методологический подход основан на междисциплинарном принципе исследования заявленной темы с использованием данных литературоведения, мифопоэтики, культурологии, истории. Использовался также культурологический метод для выявления типов номинации и роли традиционных установок в жизни литературных героев. Применен также мифопоэтический метод с целью исследования мифологических контекстов современного казахского рассказа.

Особенности сюжетной организации рассказов

Выбранные для исследования рассказы «Кәрі Күйші» («Старый Кюйши») Таласбека Асемкулова, «Мона Лиза» Алибека Аскарова, «Өнер» («Искусство») Жусипбека Коргасбека, «Шыққан жан» («Смерть души») Бексултана Нуржекеева являются реалистическими произведениями, в которых воссозданы различные элементы традиционной культуры. В рассказах нарисованы реалии советского периода в истории Казахстана, их литературные герои — казахстанцы.

Кратко рассмотрим особенности организации сюжета перечисленных рассказов.

Сюжет рассказа Алибека Аскарова «Мона Лиза» носит юмористический характер. Комизм построен на недоразумении и его разрешении.

Главный герой произведения молодой журналист областной газеты Толеужан возвращается в свою комнату в общежитии. Там его ждала недовольная мать, которая простодушно приняла висевший на стене портрет Моны Лизы за фотографию невесты сына. Мать решила, что сын без ее ведома решил жениться на этой женщине и обиделась на него за неудачный выбор «невесты». Она стала выговаривать ему досаду и разочарование. Матери не понравилось, что «невеста» беременная, старше сына на десять лет и ее лицо все в веснушках. Когда Толеужан сообразил, что произошло недоразумение, не знал, плакать ли ему или смеяться. Он сорвал со стены репродукцию и отдал матери, которая немного успокоилась и спрятала ее в свой карман.

В рассказе Таласбека Асемкулова «Старый Кюйши» главная тема произведения — тема музыки.

Герой рассказа Аджигерей едет к домбристу старику Атыгаю, который мастерски исполнял в свое время кюй¹. Аджигерей просит Атыгая научить игре на домбре². Домбра и кобыз³ являются древними народными инструментами. Виртуозная игра домбриста Атыгая поражает Аджигерея.

Сюжет рассказа Жусипбека Коргасбека «Искусство» построен на воображаемом диалоге писателя с девушкой, нарисованной на картине, законченной недавно художником.

Диалог об искусстве происходит в сознании героя, потрясенного красотой девушки. Рассказ завершается тем, что приходит художник и уносит свою картину из кабинета главного героя.

Рассказ «Смерть души» Бексултана Нуржекеева повествует о взаимоотношениях мужчины и женщины. Рассказ является психологическим произведением. В нем рассказано о трагичной жизни Кайрана и его жены Ульдир.

Кайран не смог простить измену Ульдир. Но он остался в семье ради своих детей, чтобы те не росли без матери. Отношения с женой свелись к формальному, отчужденному общению. Дети выросли, создали свои семьи. Ульдир, не выдержав угрызений совести и отвержения мужем, тяжело заболела. Перед смертью она поблагодарила Кайрана, что не рассказал детям о ее измене. Но Кайран не простил Ульдир даже перед ее уходом в иной мир.

Как уже было сказано, сюжетам указанных выше рассказов присущ реалистический характер. Им также свойствен психологизм. Рассказы в какой-то степени объединяет тема искусства — главные герои имеют прямое или косвенное отношение к искусству. В произведениях воссозданы реалии традиционной культуры, отражающие особенности мировосприятия и характер народа.

¹ Кюй — казахская традиционная небольшая инструментальная пьеса, которая исполняется на домбре или кобызе в течение двух-четырёх минут.

² Домбра — казахский двухструнный щипковый инструмент; является наиболее распространённым музыкальным инструментом у казахов.

³ Кобыз — древнетюркский смычковый струнный инструмент, имеющий две струны, изготовленные из конского волоса; занимает особое место в традиционной музыкальной культуре казахского народа.

Метафорические номинации лиц

Далее рассмотрим метафорические номинации лиц. В качестве метафор могут выступать обозначения людей, животных и даже неодушевленных предметов (Мельгунова, 2014).

В рассказах использованы метафорические номинации, основанные на сравнении близкого человека с таким сакральным животным, как лошадь.

Традиционная казахская культура последовательно культивирует тесные родственные связи и регулирует отношения в обществе с помощью этикета (Каирбеков, 2014; Мейрманова, 2007). Ласковые обращения к родственникам отражают прочные родственные и семейные связи. Современные казахские писатели, воссоздавая образы своих героев, употребляют такого рода метафорические номинации. Как известно, кочевая цивилизация близка природе, поэтому казахи по-особому относятся к животным, от которых зависит безопасность и благополучие. У казахов принято при ласковом обращении к своим детям использовать сравнение с сакральным животным. Так, в рассказе Алибека Аскарова «Мона Лиза» мать главного героя ласково называет уже взрослого сына жеребеночком: «Құлыным, саған аналық ақ сүтімді бұлдап отырғам жоқ мен»¹. Это можно перевести следующим образом: «Жеребенок, не собираюсь попрекать тебя своим материнским молоком» (здесь и далее перевод с казахского языка фрагментов рассказов осуществлен нами. — *Авт.*).

Мотив материнского молока также несет емкое мифологическое содержание. В казахской культуре прочно утвердилось призвание женщины как *ана* 'мать'. Это обстоятельство, например, находит отражение в семантике фразеологизма: *ана сүтімен сіңген*, который переводится следующим образом — 'впитать с молоком матери' (Касымова, Сарсенбаева, 2020: 868).

В приведенном выше фрагменте рассказа обращает также на себя внимание, что мать с любовью называет взрослого сына, самого дорогого ей человека, жеребеночком. Такое обращение уходит корнями в далекое прошлое: «Казахи очень ценили и берегли коней, любовно называли их “есті жануар” — мудрым животным, “тілсіз адам” — “безъязыким человеком”, “человекоподобным зверем”, своих горячо любимых детей называли ... “жеребенок мой”, “жеребеночек мой” — “құлыным — құлыншағым”» (Токтабай, 2004: 3).

Конь — это почитаемое животное в тюркской культуре, наделенное особыми свойствами. Культ коня был сильно развит у казахов. «Конь для казаха — это и друг, и брат, и слуга, и наставник» (Каирбеков, 2014: 222). «Конь — второе «я» степняка, можно сказать, его вторая суть. Казахи считают, что даже характером похожи человек и конь: “Адам жылқы мінезді”» (там же: 221). Конь должен был служить своему хозяину не только в земной жизни, но и сопровождать его в потустороннем мире. Казахи верили, что умерший «человек в потусторонний мир отправляется на коне и понимали так, что умерший человек верхом на коне быстрее доберется до рая» (Токтабай, 2004: 19).

Образы коней метафорически представлены в устном народном творчестве тюркских народов, например, в пословицах и поговорках, посвященных детям. «О казахских детях говорят, что они выросли, играя меж ушей коня: “Ат құлағында ойнап өскен”» (Каирбеков, 2014: 222).

Образ коня в тувинских загадках используется для разных целей: «Во многих случаях использование половозрастных названий коня, видов аллюра и мастей лошадей служит для создания образов звезд, природных явлений, времен года, стихий воды и огня, органов тела человека, предметов для охоты, предметов домашнего обихода» (Соян, 2023: 94).

Использование значимого для кочевой культуры образа животного в духовной деятельности человека — важная традиция не только у казахов, но и у других тюркских народов. Именно поэтому образы животных играют важную роль в тюркской антропонимии. «У тюрков наречение детей то-темными именами было связано с верованиями в то, что носители подобных имен аккумулируют в себе свойства этих животных»².

В казахской культуре получило широкое распространение метафорическое использование образа коня в качестве обращения к маленьким детям. В рассказе «Смерть души» Бексултана Нуржекеева

¹ Аскаров Ә. Тандамалы. Әңгімелер. Повесть. Алматы: Раритет, 2011. Т. 1. (На каз. яз.). С. 372.

² Галиуллина, Г. Р. Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Казань, 2009. С. 17.

главный герой, испытывая нежные чувства к своим детям, ласково называет их жеребятами («Кү-лындарым-оу...»)¹.

Таким образом, рассмотренные выше метафорические номинации выдержаны в традиционном духе. Посредством этого типа номинации в рассказах выражается идея тесных и прочных родственных связей у казахского народа.

Реляционные имена лиц

Рассмотрим реляционные имена, обозначающие связь с другими людьми. К ним относятся как термины родства, так и номинации другой семантики.

Правила традиционного этикета предписывают использование определенных реляционных номинаций в различных ситуациях общения членов семьи и в обществе. В рассказах казахских писателей широко применяются реляционные номинации для воссоздания особенностей традиционного этикета.

Реляционные номинации со значением родства и уважительные обращения к посторонним людям могут быть основаны на использовании вторичного значения слова (Аманбаева, Аширбекова, 2010).

В рассказе Алибека Аскарова «Мона Лиза» главный герой Толеужан называет свою мать словом *tate*, первое значение которого «тетя»: «Тәте? Неге келдің?»² «Тате, с какой целью приехала?» Слово *tate* в этом контексте имеет вторичное значение, оно выступает как обращение сына к матери. В казахской культуре «обнаруживается наличие сходных вторичных значений. Например: использование в качестве обращений к посторонним людям лексем: брат — аға, тетенька — тәте, мать — шешей и т. д.» (Аманбаева, Аширбекова, 2010: 16).

В рассказе Таласбека Асемкулова «Старый Кюйши» реляционные этикетные номинации людей также основаны на использовании вторичных значений. «Жеңеше, құйып беретініңіз жоқ па еді?»³ «Женеше, есть разливное?». Слово *жеңеше* является уважительным обращением к жене старшего брата. Но в этом контексте реализовано вторичное значение данного слова. В рассказе Таласбека Асемкулова оно обращено к старшей по возрасту посторонней женщине в знак уважения к ней.

В рассказе Бексултана Нуржекеева также использованы этикетные номинации людей. К главному герою рассказа обращаются следующим образом: «Өзіңіз де әнші екенсіз ғой, аға»⁴ «Вы же певец, ага». В этом случае слово *аға* выступает обращением младших к старшему по возрасту мужчине. Но у этого слова есть и другое значение. «Для казаха аға (дядя, он же старший брат) — это очень уважаемый, старший в семье (в роду) авторитетный человек, опора и защитник, как говорится в пословице «Ағасы бардың, жағасы бар» (Иметь старшего брата — иметь поддержку)» (Байгут Д., Байгут А., 2014: 46). Использование вторичного значения этого слова для обращения к старшему по возрасту постороннему мужчине является выражением уважения к нему.

Как видно, в традиционной культуре казахов последовательно воспитывается уважение младших к старшим. В рассказе Таласбека Асемкулова «Старый Кюйши» автор употребляет реляционные номинации мужчин по возрасту. Главный герой спрашивает, как пройти к дому старого кюйши: «Атығай ақсақалдың үйі қай шамада?»⁵ «Где находится дом аксакала Атыгая?»).

Как известно, *ақсақал* переводится с казахского языка как «белобородый». Почитание старости введено у казахов в культ (Ақатай, 2011). Аксакалами именовали уважаемых стариков: «.. казахский народ с большим трепетом, почитанием относился к старшему поколению» (Касымжанова, Аскарова, 2021: 47). Аксакалы, обладая большим жизненным опытом, регулировали отношения в социуме. «... молодое поколение обращалось ... к аксакалам за помощью в разрешении споров», а также за советами, люди просили их благословения (Касымжанова, Аскарова, 2021: 47). Соответственно аксакалы фигурируют в казахской художественной литературе как носители многовековой народной мудрости.

¹ Нұржеке-ұлы Б. Әй, дүние-ай: Роман: в 15 т. Алматы: Жалын баспасы ЖШС, 2016. Т. 14. С. 390. (На каз. яз.).

² Аскаров Ә. Таңдамалы. Әңгімелер. Повесть. Алматы: Раритет, 2011. Т. 1. С. 370. (На каз. яз.).

³ Асемқұлов Т. Талтүс: роман. Кәрі Күйші: әңгіме. Тәттімбет сері: роман. Астана: Күйшілер одағы, «KazHeritage», Лиля Калаустың Баспа үйі, 2020. С. 229. (На каз. яз.).

⁴ Нұржеке-ұлы Б. Әй, дүние-ай: Роман: в 15 т. Алматы: Жалын баспасы ЖШС, 2016. Т. 14. С. 382. (На каз. яз.).

⁵ Асемқұлов Т. Талтүс: роман. Кәрі Күйші: әңгіме. Тәттімбет сері: роман. Астана: Күйшілер одағы, «KazHeritage», Лиля Калаустың Баспа үйі, 2020. С. 234. (На каз. яз.).

Таким образом, правила традиционного этикета предписывают использование реляционных номинаций в почетной и уважительной форме в различных ситуациях для создания благоприятной атмосферы в ходе общения. Использование героями рассказов реляционных номинаций свидетельствует о прочности традиции уважительного обращения к членам семьи и посторонним людям.

Личные имена литературных героев

Основные и второстепенные литературные герои в реалистических рассказах казахских авторов наделены реально существующими именами собственными. Авторы следуют традициям народного имятворчества. Каждое имя несет свою семантику.

У казахов широко распространены имена людей, основанные на сравнении человека с природными явлениями. Казахи были близки природе, воспринимали ее как живое начало. «Важной характеристикой мировоззрения кочевников является философская категория единства человека с сакральной природой»¹. Эта особенность мировосприятия казахов нашла отражение в имятворчестве, основанном на уподоблении человека природе.

В рассказе «Смерть души» Бексултана Нуржекеева представлено имя, которое несет семантику уподобления героев природным явлениям. Это имя главного героя рассказа *Қайран*, которое переводится как 'твердый песчаный грунт'. Имя выражает желание родителей видеть сына с таким именем стойким, сильным и крепким мужчиной. *Қайран* относится к семантической группе имен, связанных с природными явлениями (Туймебаев, Кикбаева, Сувандии, 2025: 193).

Но писатель нарисовал многогранный образ своего героя, который проявляет не только твердость характера, но и упрямство в сочетании с духовной черствостью, не желая простить жену даже на пороге ее смерти.

Жена главного героя носит имя *Үлдір*. В примечании к переводу рассказа на русский язык дано его значение: «...женское имя, означающее изящная, нежная, сладострастная, а также что-то мягкое, пушистое»². Компонент «сладострастная» наиболее точно характеризует героиню, изменявшую мужу.

В этом же произведении воссоздан образ его дочери по имени Орим (приведем его казахский вариант — *Өрім*). Отец ее называет «Оримтай». В примечании к переводу рассказа на русский язык дается комментарий: «Оримтай — к имени Орим (юная поросль, сплетение, девичья коса) добавлено слово «тай», что означает «жеребенок», т. е. родненький, любимый и др.»³ Имя *Өрім* можно отнести к семантической группе имен, которые характеризуют человека (Туймебаев, Кикбаева, Сувандии, 2025: 194).

В рассказе «Смерть души» Бексултана Нуржекеева изображена второстепенная героиня по имени Карлыгаш. В переводе с казахского языка *Карлыгаш* — это 'ласточка'. Эта героиня — душевная и добрая девушка. Она прекрасно поет, поэтому вполне оправдывает свое поэтическое имя, которое входит в семантическую группу имен, связанных с фауной (там же: 193).

В рассказе Алибека Аскарова «Мона Лиза» главный герой носит имя *Төлеужан*, которое состоит из двух корней: *төлеу* и *жан*. *Төлеу* — это 'платить', *жан* — 'душа'. Значение этого имени постепенно раскрывается в рассказе по мере развития его сюжета. Мать главного героя напомнила ему о погибшем на фронте отце, который перед уходом на войну попросил ее: если родится сын, дать ему имя Төлеужан. Если родится дочь, имя дать на свой выбор. Мать с гордостью сообщает, что она выполнила завет своего мужа:

«Әкең соғысқа кеткенде сен іште қалғансың. Ұл болса Төлеужан қой атын, қыз болса еркін білсін деп еді әкең. Әкеңнің аманатын орындап, атыңды Төлеужан қойдық»⁴

‘Когда твой отец уходил на войну, я была беременна тобой. Он сказал мне, что если родится сын, дай ему имя Төлеужан. Если родится дочь, назови ее по своему желанию. Я выполнила завет твоего отца, назвав тебя Төлеужаном’.

¹ Кулумжанов Н. Е. Феномен сакрального в традиционной культуре тюркских номадов: дис. ... докт. PhD философии. Алматы, 2022. С. 48.

² Антология современной казахской прозы. М.: Издательство Московского университета, 2019. С. 362.

³ Там же. С. 380.

⁴ Аскаров Ә. Таңдамалы. Әңгімелер. Повесть. Алматы: Раритет, 2011. Т. 1. С. 372.

Это имя в контексте сюжета несет значение жертвы, платы за жизнь отца. Отец отдал жизнь за мирную жизнь своего сына. Отец уходил на войну с надеждой, что сын продолжит жизнь рода.

В рассказе Таласбека Асемкулова «Старый Кюйши» личные имена литературных героев значимы для понимания их характеров. Старый музыкант (кюйши) носит имя *Атығай*. Этим словом называется воинственный род. Автор, наделив своего героя этим именем, подчеркивает его независимый и гордый характер. Его жену автор наделил именем *Салиқа*, которое в переводе с арабского означает «1. Идущая, следующая за кем-либо; продолжающая. 2. Чувствующая красоту, обладающая хорошей интуицией» (Сагаутдинов, 2011: 521). Это имя соответствует характеру героини рассказа.

В рассмотренных реалистических рассказах писатели используют реально существующие имена собственные, которыми наделены главные и второстепенные литературные герои, библейские и мифологические персонажи.

В рассказе «Искусство» Жусипбека Коргасбека практически нет личных имён, так как монолог главного героя занимает почти весь сюжет рассказа. В условиях такого сюжета личные имена не так важны, как в произведениях с развитой событийной линией. В фабульных рассказах «Старый Кюйши» Таласбека Асемкулова, «Смерть души» Бексултана Нуржекеева, «Мона Лиза» Алибека Аскарлова с их системой литературных героев логично наделение их личными именами в соответствии с традициями казахской антропониимии.

Таким образом, роль личных имен зависит от того, какие задачи по художественной организации сюжета произведения решал автор.

Сакральные и мифологические имена и номинации

В художественной литературе могут использоваться значимые для казахской культуры сакральные имена. Например, в рассказе Таласбека Асемкулова «Старый Кюйши» упоминается имя мусульманского святого Кыдыра. Один из героев произведения произносит на прощание следующие слова: «Аман бол, басыңа Кыдыр дарысын...»¹ ('Будь здоров, и пусть тебя оберегает святой Кыдыр').

У других тюркских народов, например, башкирского, также существует вера в этого святого. Хызыр Ильяс «скитается по земле в облике старика, странника в белом или нищего и приходящего на помощь в нужный момент». Хызыр Ильяс — это «дух дороги», поэтому принято говорить на прощание: «Хызыр Ильяс юлдаш булһын! — Пусть спутником тебе будет Хызыр Ильяс!» (Хисамитдинова, 2010: 332). Вера в святого Кыдыра свидетельствует о набожности и благочестии человека, который придерживается религиозных представлений о мироустройстве.

В казахской литературе фигурируют имена легендарных предков. В рассказе «Смерть души» Бексултана Нуржекеева упоминается имя Арыса и его детей, имена которых Ак и Пан. В легенде, которая излагается в произведении, повествуется о гибели двух сыновей зимой у подножия горы Хан-Тенгри. В названии одного из зимних месяцев соединились имена двух братьев — Ак и Пан. Слово *ақпан* — наименование февраля в казахском языке. С помощью этой легенды писатель иллюстрирует трагичную жизнь своих главных героев, которые не выдержали испытания суровой жизнью.

Это сказание представляет собой этиологическую легенду. Казахские этиологические легенды хорошо известны и в наше время. «Благодаря своей связи с ландшафтом казахские этиологические легенды распространены и по сей день» (Цветкова, 2015: 89). Этиологическая легенда отражает мировосприятие казахов, хорошо знающих пространство, в котором протекает их жизнь. Они воспринимали окрестности своего кочевья как нечто одушевленное, от которого зависело их благополучие.

Как утверждает С. А. Каскабасов,

«...у казахов много рассказов о горах, ущельях, озерах, реках, скалах и населенных пунктах. Это и понятно. В прошлом казахи жили кочевой и скотоводческой жизнью и почти всегда были под открытым небом, в непосредственном окружении природы. Естественно, казахи не только восторгались природой, они хотели познать ее, понять ее, понять ее явления, создавали различные мифы, легенды и предания об окружающем мире» (Каскабасов, 1990: 179).

¹ Асемқұлов Т. Талтүс: роман. Кәрі Күйші: әңгіме. Тәттімбет сері: роман. Астана: Күйшілер одағы, «KazHeritage», Лиля Калаустың Баспа үйі, 2020. С. 242. (На каз. яз.).

В казахской литературе используются также нарицательные мифологические номинации, в качестве которых привлекаются названия демонических существ, например, шайтанов. Упоминаются они и в рассказе Жусипбека Коргасбека «Искусство». Главный герой в результате горьких размышлений приходит к неутешительному выводу: «Біз ішіне шайтан шықпастай болып кірген елміз. Сол шайтан елді маған да айтақтайды, оған да айтақтайды»¹ 'Шайтаны внедрились в народ. Они направляют людей друг на друга'.

Шайтан наделен в исламе отрицательными свойствами. Это слово «называет духовное существо прямо противоположное Богу» (Кольцова, Эль-Мсафер, 2015: 34). «В арабском языке слово является синонимом имени собственного Иблис (Сатана)» (там же). Шайтан оценивается как враг благочестивого человека. «Шайтан в исламе является традиционным врагом мусульманина. Он его соблазняет и постоянно вводит в грех. Он также вселяет в него внутреннее сомнение, подозрение к себе и к другим, недоверие» (там же: 35).

Таким образом, в рассказах современных казахских писателей использованы метафорические и реляционные номинации, личные имена литературных героев, сакральные и мифологические имена. Эти типы номинаций отражают различные стороны характера действующих лиц, а также их морально-нравственные установки.

Заключение

В современном казахском рассказе для достоверного воссоздания образа жизни и культуры народа писатели наделяют своих литературных героев разнообразной номинацией, регулирующей отношения между родственниками и посторонними людьми.

Метафорические номинации лиц, воссозданных в произведениях казахской прозы, в соответствии с традиционной культурой имитаторства народа основаны на сравнении близкого человека с сакральным животным (лошадью). Реляционные имена могут представлять собой этикетные номинации литературных героев. Эти номинации в согласии с традиционной антропонимией отражают идею тесных родственных связей у казахского народа, уважительного отношения к посторонним людям.

Воссоздавая особенности традиционной номинации, современные казахские писатели проводят народную идею необходимости создания комфортных условий для добрых и уважительных взаимоотношений в семье и обществе.

Личные имена литературных героев (согласно традиционной культуре) содержат семантику уподобления человека природным реалиям. Такого рода номинации являются результатом благодарного отношения тюркских народов к бытию, к окружающей природной среде, дарующей многочисленные блага и жизнь. Личные имена литературных героев относятся также к группе имен, связанных с фауной. Кроме того, личные имена персонажей характеризуют человека, его судьбу.

Передавая особенности традиционной антропонимии, современные казахские писатели утверждают идею прочной связи поколений, прошлого и настоящего. Например, сакральные и мифологические имена несут в себе культурную память народа, выражая его морально-нравственные и религиозные представления.

В рамках статьи не представляется возможным развернуть масштабный анализ типов номинации в современной казахской литературе. Это обстоятельство мотивирует исследователей изучать современную прозу тюркских и других народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ақатай, С. Н. (2011) Древние культы и традиционная культура казахского народа. Алматы : Print-Express. 424 с.
- Алтыбаева, С. М. (2018) Казахская проза периода независимости: традиция, новаторство, перспективы. Алматы : Ғылым. 440 с.
- Аманбаева, Г. Ю., Аширбекова, Г. Н. (2010) Ментальная концептосфера как объект сопоставительного исследования // Вестник Карагандинского университета. Серия «Филология». № 4 (60). С. 15–18.

¹ Корғасбек Ж. Үлпілдек; (роман-тәмсіл). Алматы: Жазушы, 2012. С. 229. (На каз. яз.).

Арутюнова, Н. Д. (1977) Номинация и текст // Языковая номинация (Общие вопросы) / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М. : Наука. 359 с. С. 303–357.

Аязбекова, С. Ш. (2011) Картина мира этноса: Коркут-ата и философия музыки казахов. 2-е изд. Астана : Баспа-АС. 284 с.

Бактыбаева, А. Т. (2023) Способы передачи комического в современном казахстанском романе (на примере произведения Д. Сатпаева и Е. Жумагулова «Легенда о NOMENCLATURE») // Мир русскоговорящих стран. № 3 (17). С. 115–127. DOI: http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_3_17_115

Байгут, Д. Н., Байгут, А. М. (2014) Лакуны в казахской языковой культуре: специфика семейно-родственных отношений // Science and World. № 7 (11). С. 45–47.

Бахтин, М. М. (1996) Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собрание сочинений. М. : Русские словари. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. 731 с. С. 159–206.

Безертинов, Р. Н. (2006) Древнетюркское мировоззрение «Тэнгрианство». Казань : РИЦ «Школа». 164 с.

Булгаков, С. Н. (1999) Философия имени // Булгаков, С. Н. Философия имени. Икона и иконопочитание: Сочинения: в 2 т. М. : Искусство; СПб.: Инапресс. Т. 2. 438 с. С. 13–240.

Виноградов, В. В. (1971) О теории художественной речи. М. : Высшая школа. 240 с.

Гак, В. Г. (1977) К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация (Общие вопросы) / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М. : Наука. 359 с. С. 230–293.

Голикова, Т. А. (2013) Психология выбора личного имени у тюркских народов // Научный диалог. Психология. Педагогика. № 9 (21). С. 21–31.

Ибраева, Ж. Б., Сапарова, А. Ж. (2019) Казахская литература в период независимости // Вестник Инновационного Евразийского университета. Астана. № 3. С. 24–28.

Каирбеков, Б. Г. (2014) Мир Кочевья. Мифы Великой Степи. Казахский этикет. Астана : Казахский научно-исследовательский институт культуры. 255 с.

Карасик, В. И. (2002) Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена. 472 с.

Каскабасов, С. А. (1990) Казахская сказочная проза. Алма-Ата : АН КазССР, Ин-т лит. и искусства им. М. О. Ауэзова. 240 с.

Касымжанова, А. А., Аскарова, Р. К. (2021) Старение в культуре казахского народа: психологический анализ факторов геротрансцендентности // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия Психология и социология. № 3 (78). С. 44–55.

Касымова, О. П., Сарсенбаева, З. С. (2020) Фразеологическая репрезентация лингвокультурного концепта «женщина/эйел» в русском и казахском языках // Вестник Башкирского университета. № 4. С. 865–869.

Кожевникова, Н. А. (2009) О метафорической номинации персонажей в художественных текстах // Кожевникова Н. А. Избранные работы по языку художественной литературы. М. : Знак. 896 с. С. 613–620.

Кольцова, Л. М., Эль-Мсафер, Х. А. (2015) Слова «джинн» и «шайтан» глазами русских и арабов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. № 2. С. 32–36.

Кубрякова, Е. С. (1977) Теория номинации и словообразование // Языковая номинация (Виды наименований) / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М. : Наука. 356 с. С. 222–303.

Кульдеева, Г. И. (2001) Антропонимическая система современного казахского языка. Казань : ДАС. 239 с.

Кухаренко, В. А. (1988) Интерпретация текста. М. : Просвещение. 192 с.

Ларина, Т. Ю., Милевская, Т. В. (2015) Роль имен собственных в формировании когерентного текста (на материале романов И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок») // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкозн. № 5 (29). С. 114–119.

Липатова, А. П. (2023) Вариативность имени собственного в «Николе Знаменском» Ф. М. Решетникова как средство создания художественного образа // Вопросы ономастики. Т. 20. № 2. С. 270–287.

Лотман, Ю. М. (1992) Мир собственных имен // Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М. : Гнозис ; Издательская группа «Прогресс». 272 с. С. 52–63.

Лосев, А. Ф. (2016) Философия имени. СПб. : Издательство Олега Абышко. 672 с.

Мейрманова, Г. А. (2007) Культура общения у казахов: этикет приветствия и прощания // Этнографическое обозрение. № 6. С. 105–115.

Мельгунова, А. В. (2014) Вариативность номинаций в художественном тексте // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Т. 1. № 4. С. 117–123.

Сагаутдинов, Ш. Ш. (2011) Татарские имена: происхождение, значения, примеры. Алматы : б. и. 569 с.

Сабыржанова, М. С., Ананьева, С. В. (2024) Тюркская мифология в повести Е. Турсунова «Келин» // Новые исследования Тувы. № 3. С. 289–301. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.17>

Соян, А. М. (2023) Образ коня в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. № 3. С. 84–96. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.6>

Султан, Е. (2021) Современные казахские романы: жанровая трансформация // Keruen. Т. 71. № 2. С. 55–61. DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2021.2-01>

Темирболат, А. (2023) Особенности развития казахской прозы в период независимости // Keruen. Т. 78. № 1. С. 24–38. DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2023.1-02>

Темиргазина, З. К., Асельдерова, Р. О. (2022) Сложные казахские антропонимы с глагольным компонентом // Вопросы ономастики. Т. 19. № 2. С. 48–65.

Токтабай, А. У. (2004) Культ коня у казахов. Алматы : КазИздат-КТ. 124 с.

Туймебаев, Ж. К., Кикбаева, А. Т., Сувандии, Н. Д. (2025) Структурные и семантические особенности имен собственных казахов и тувинцев // Новые исследования Тувы. № 2. С. 188–199. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.10>

Тынянов, Ю. Н. (1977) Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука. 574 с. С. 255–270.

Флоренский, П. А. (1993) Имена. М. : Купина. 319 с.

Хисамитдинова, Ф. Г. (2010) Мифологический словарь башкирского языка. М. : Наука. 452 с.

Цветкова, А. (2015) Казахские этимологические легенды о природных объектах в современном бытовании // Традиционная культура. № 2 (58). С. 88–96.

Дата поступления: 07.05.2025 г.

Дата принятия: 30.06.2025 г.

REFERENCES

Akatay, S. N. (2011) *Ancient Cults and the Traditional Culture of the Kazakh People*. Almaty, Print-Express. 424 p. (In Russ.)

Altybayeva, S. M. (2018) *Kazakh Prose of the Independence Period: Tradition, Innovation, Prospects*. Almaty, Gylym. 440 p. (In Russ.)

Amanbayeva, G. Yu. and Ashirbekova, G. N. (2010) Mental Conceptional Sphere as an Object of Comparative Research. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya «Filologiya»*, no. 4 (60), pp. 15–18. (In Russ.)

Arutyunova, N. D. (1977) Nomination and the Text. In: *Linguistic Nomination (General Issues)*, eds. B. A. Serebrennikov, A. A. Ufimtseva. Moscow, Nauka. 359 p. Pp. 303–357. (In Russ.)

Ayazbekova, S. Sh. (2011) *The Worldview of the Ethnos: Korkut Ata and the Philosophy of Kazakh Music*. 2nd ed. Astana, Baspa-AS. 284 p. (In Russ.)

Baktybayeva, A. T. (2023) Means of Conveying the Comic in the Modern Kazakhstani Novel (on the Example of the Work by D. Satpayev and E. Zhumagulov “The Legend of NOMENCLATURE”). *Mir russkogovoriashchikh stran*, no. 3 (17), pp. 115–127. (In Russ.) DOI: http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_3_17_115

Baigut, D. N. and Baigut, A. M. (2014) Lacunae in Kazakh Linguoculture: Specifics of Family-Kinship Relations. *Science and World*, no. 7 (11), pp. 45–47. (In Russ.)

Bakhtin, M. M. (1996) The Problem of Speech Genres. In: *Bakhtin M. M. Collected Works*. Moscow, Russkie Sloviri. Vol. 5: *Works from the 1940s–1960s*. 731 p. Pp. 159–206. (In Russ.)

Bezertinov, R. N. (2006) *Ancient Turkic Worldview “Tengrism”*. Kazan, RIC “School”. 164 p. (In Russ.)

Bulgakov, S. N. (1999) Philosophy of the Name. In: *Bulgakov, S. N. Philosophy of the Name. The Icon and Icon Veneration: Works*; in 2 vols. Moscow, Iskusstvo; St. Petersburg: Inapress. Vol. 2. 438 p. Pp. 13–240. (In Russ.)

Vinogradov, V. V. (1971) *On the Theory of Artistic Speech*. Moscow, Vysshaya Shkola. 240 p. (In Russ.)

- Gak, V. G. (1977) Toward a Typology of Linguistic Nominations. In: *Linguistic Nomination (General Issues)*, eds. B. A. Serebrennikov, A. A. Ufimtseva. Moscow, Nauka. 359 p. Pp. 230–293. (In Russ.)
- Golikova, T. A. (2013) Psychology of Choosing a Personal Name Among Turkic Peoples. *Nauchnyi Dialog. Psikhologiya. Pedagogika*, no. 9 (21), pp. 21–31. (In Russ.)
- Ibraeva, Zh. B. and Saparova, A. Zh. (2019) Kazakh Literature in the Independence Period. *Vestnik Innovatsionnogo Evraziiskogo universiteta*, no. 3, pp. 24–28. (In Russ.)
- Kairbekov, B. G. (2014) *The World of Nomadism. Myths of the Great Steppe. Kazakh Etiquette*. Astana, Kazakh Scientific Research Institute of Culture. 255 p. (In Russ.)
- Karasik, V. I. (2002) *The Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Volgograd, Peremena. 472 p. (In Russ.)
- Kaskabasov, S. A. (1990) *Kazakh Non-Fairy Prose*. Alma-Ata, Academy of Sciences of the Kazakh SSR, M. O. Auezov Institute of Literature and Art. 240 p. (In Russ.)
- Kasymzhanova, A. A., Askarova, R.K. 2021. Ageing in Kazakh Culture: A Psychological Analysis of Factors of Gerotranscendence. *Vestnik KazNU im. al-Farabi. Seriya Psikhologiya i sotsiologiya*, no. 3 (78), pp. 44–55. (In Russ.)
- Kasymova, O. P. and Sarsenbayeva, Z. S. (2020) Phraseological Representation of the Linguocultural Concept “Woman” in Russian and Kazakh. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, no. 4, pp. 865–869. (In Russ.)
- Kozhevnikova, N. A. (2009) On Metaphorical Nomination of Characters in Literary Texts. In: Kozhevnikova N. A. *Selected Works on the Language of Fiction*. Moscow, Znack. 896 p. Pp. 613–620. (In Russ.)
- Koltsova, L. M. and El-Msafer, Kh. A. (2015) The Words “Genie” and “Devil” through the Eyes of Russians and Arabs. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*, no. 2, pp. 32–36. (In Russ.)
- Kubryakova, E. S. (1977) Theory of Nomination and Word Formation. In: *Linguistic Nomination (Types of Names)*, ed. by B. A. Serebrennikov, A. A. Ufimtseva. Moscow, Nauka. 356 p. Pp. 222–303. (In Russ.)
- Kuldeeva, G. I. (2001) *The Anthroponymic System of the Modern Kazakh Language*. Kazan, DAS. 239 p. (In Russ.)
- Kukhareno, V. A. (1988) *Text Interpretation*. Moscow, Prosveshchenie. 192 p. (In Russ.)
- Larina, T. Yu. and Milevskaya, T. V. (2015) The Role of Proper Names in the Formation of a Coherent Text (Based on the Novels *Twelve Chairs* and *The Golden Calf* by I. Il’f and E. Petrov). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, no. 5 (29), pp. 114–119. (In Russ.)
- Lipatova, A. P. (2023) Variability of the Proper Name in F. M. Reshetnikov’s *Nikolai Znamensky* as a Means of Creating an Artistic Image. *Voprosy onomastiki*, vol. 20, no. 2, pp. 270–287. (In Russ.)
- Lotman, Yu. M. (1992) The World of Proper Names. In: Lotman Yu. M. *Culture and Explosion*. Moscow, Gnozis; Progress Publ. Group. 272 p. Pp. 52–63 (In Russ.)
- Losev, A. F. (2016) *Philosophy of the Name*. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ. House. 672 p. (In Russ.)
- Meirmanova, G. A. (2007) Communication Culture Among the Kazakhs: Etiquette of Greeting and Farewell. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 105–115. (In Russ.)
- Melgunova, A. V. (2014) Variability of Nominations in Literary Text. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, vol. 1, no. 4, pp. 117–123. (In Russ.)
- Sagautdinov, Sh. Sh. (2011) *Tatar Names: Origins, Meanings, Examples*. Almaty, s. n. 569 p. (In Russ.)
- Sabyrzhanova, M. S. and Ananjeva, S. V. (2024) Turkic Mythology in E. Tursunov’s Story “Kelin”. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 289–301. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.17>
- Soyan, A. M. (2023) The Image of the Horse in Tuvan Riddles. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 84–96. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.6>
- Sultan, E. (2021) Modern Kazakh Novels: Genre Transformation. *Keruen*, vol. 71, no. 2, pp. 55–61. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2021.2-01>
- Temirbolat, A. (2023) Features of Kazakh Prose Development during the Independence Period. *Keruen*, vol. 78, no. 1, pp. 24–38. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2023.1-02>
- Temirgazina, Z. K. and Aselderova, R. O. (2022) Complex Kazakh Anthroponyms with a Verbal Component. *Voprosy onomastiki*, vol. 19, no. 2, pp. 48–65. (In Russ.)
- Toktabay, A. U. (2004) *The Cult of the Horse Among the Kazakhs*. Almaty, KazIzdat-KT. 124 p. (In Russ.)
- Tuimebayev, Zh. K., Kikbayeva, A. T. and Suvandii, N. D. (2025) Structural and Semantic Features of Proper Names of Kazakhs and Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 188–199. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.10>

Tynianov, Yu. N. (1977) The Literary Fact. In: Tynianov Yu. N. *Poetics. History of Literature. Cinema*. Moscow, Nauka. 574 p. Pp. 255–270. (In Russ.)

Florenskiy, P. A. (1993) *Names*. Moscow, Kupina. 319 p. (In Russ.)

Khísimitdinova, F. G. (2010) *Mythological Dictionary of the Bashkir Language*. Moscow, Nauka. 452 p. (In Russ.)

Tsvetkova, A. V. (2015) Kazakh Etiological Legends about Natural Objects in Modern Use. *Traditsionnaia kultura*, no. 2 (58), pp. 88–96. (In Russ.)

Submission date: 07.05.2025.

Acceptance date: 30.06.2025.

Социально-речевые портреты социальных групп татарского общества второй половины XIX и начала XX в. в ценностно-аксиологическом и стилистическом аспектах

Рифат Ф. Мирхаев, Бахтияр К. Миннуллин

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
Российская Федерация*

В статье анализируются социально-речевые портреты основных социальных групп татарского общества второй половины XIX и начала XX в. в ценностно-аксиологическом и стилистическом аспектах.

Актуальность статьи обусловлена необходимостью решения проблемы изучения социальных основ языковых процессов в историческом аспекте, в частности коммуникативной деятельности субъектов общественных отношений. По мнению авторов, именно в ее рамках зарождаются и запускаются механизмы развития языка.

В ходе работы устанавливается, что в этот период в социальной структуре татарского общества наряду с крестьянами были представлены представители коммерческих кругов и религиозно-образовательных сообществ, а также простые горожане. Характер социально-речевых портретов рассмотренных социальных групп в целом определяли ценностно-аксиологические установки утилитарного характера. Социально-речевые портреты данных социальных групп характеризуются преобладанием в их структуре компонентов разговорного стиля при минимальном присутствии ресурсов литературного стиля.

Последнее обстоятельство указывает на то, что в условиях, произошедших в татарском обществе трансформаций этого периода, наиболее доступным и востребованным средством социальной коммуникации выступили разговорные формы татарского языка.

Ключевые слова: татарский язык; социально-речевой портрет; аксиология; стилистика; социальная структура; социальная группа; функциональное развитие языка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Академии наук Республики Татарстан по проекту № 24-28-20132: <https://rscf.ru/project/24-28-20132/>.

Для цитирования:

Мирхаев Р. Ф., Миннуллин Б. К. Социально-речевые портреты социальных групп татарского общества второй половины XIX и начала XX в. в ценностно-аксиологическом и стилистическом аспектах // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 197-211. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.13>

Мирхаев Рифат Фирдинатович — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела общей лингвистики Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Адрес: 420111, Россия, г. Казань, ул. Баумана, д. 20. Эл. адрес: mirhaev77@mail.ru

Миннуллин Бахтияр Кимович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела общей лингвистики Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Адрес: 420111, Россия, г. Казань, ул. Баумана, д. 20. Эл. адрес: bahtiyar1986@yandex.ru

Article

Social and Speech Portraits of Social Groups in Tatar Society in the Second Half 19th and Early 20th Centuries: A Value-Axiological and Stylistic Perspective

Rifat F. Mirkhayev, Bakhtiyar K. Minnullin

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences,
Russian Federation*

This article examines the social and speech portraits of the main social groups within Tatar society in the second half of the 19th and the early 20th centuries from value-axiological and stylistic perspectives.

The relevance of this study stems from the need to address the issue of examining the social foundations of linguistic processes in their historical dimension, particularly the communicative practices of the subjects engaged in social relations. According to the authors, it is within this communicative activity that the mechanisms of language development originate and are set in motion.

The study reveals that during this period, in addition to the peasantry, the social structure of Tatar society included representatives of commercial circles, religious and educational communities, as well as ordinary townspeople. The social and speech characteristics of these groups were largely determined by utilitarian value and axiological orientations. The social and speech portraits of these social groups are marked by the dominance of colloquial style elements, while the use of literary language resources remained minimal.

This observation indicates that, amid the social transformations that occurred within Tatar society during this period, colloquial forms of the Tatar language became the most accessible and widely demanded means of social communication.

Keywords: Tatar language; social and speech portrait; axiology; stylistics; social structure; social group; functional development of language

Financing

This research was supported by a grant from the Russian Science Foundation and the Tatarstan Academy of Sciences, Project No. 24-28-20132: <https://rscf.ru/project/24-28-20132/>.

For citation:

Mirkhayev R. F. and Minnullin B. K. Social and Speech Portraits of Social Groups in Tatar Society in the Second Half 19th and Early 20th Centuries: A Value-Axiological and Stylistic Perspective. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 197-211. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.13>

MIRKHAYEV, Rifat Firdinatovich, Doctor of Philology, Docent, Leading Researcher, Department of General Linguistics, Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov, Tatarstan Academy of Sciences. Postal address: 20 Baumana St., Kazan, 420111, Russia. E-mail: mirhaev77@mail.ru

ORCID: 0009-0004-9740-8957

MINNULLIN, Bakhtiyar Kimovich, Doctor of Philology, Leading Researcher, Department of General Linguistics, Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov, Tatarstan Academy of Sciences. Postal address: 20 Baumana St., Kazan, 420111, Russia. E-mail: mirhaev77@mail.ru

ORCID: 0009-0002-3624-2848

Введение

Реконструкции социально-речевых портретов (далее — СРП) исторических социальных групп дают возможность выявить экстралингвистические механизмы, которые детерминировали в прошлом языковую эволюцию и которые в силу ряда объективных причин невозможно наблюдать и анализировать непосредственно. Как известно, язык, как общественное явление и как одно из важнейших средств человеческого общения существует и развивается в движении. Основу данного движения составляет коммуникативная деятельность представителей тех или иных социальных групп.

В отечественном языкознании теоретические и методологические основы изучения СРП представителей тех или иных социальных групп заложены в трудах Б. А. Ларина (Ларин, 1928ab) и Е. Д. Поливанова (Поливанов, 1968). В дальнейшем они были развиты в исследованиях Ю. Н. Караулова (Караулов, 1987), Т. Г. Винокура (Винокур, 1989), М. В. Панова (Панов, 1990), Т. М. Николаевой (Николаева, 1991) Л. П. Крысина (Крысин, 2001), Б. Л. Бойко (Бойко, 2008), А. С. Гафаровой¹, С. В. Леорды² и др.

Как показывает анализ работ, в них в отношении рассматриваемой категории применяются различные научно-исследовательские подходы. Вследствие этого наблюдается разнообразие в ее терминологическом обозначении и трактовке. Авторами настоящей статьи социально-речевой портрет социальной группы определяется как совокупность речевых навыков ее представителей, которые обуславливаются их языковыми установками и сопутствуют определенным жизненным ситуациям.

В истории татарского языка период, который включает в себя вторую половину XIX и начало XX в., выделяется как самый благоприятный с точки зрения расширения его функций, т. е. функционального развития. Именно в это время он охватывает наибольшее количество социальных сфер, что больше не имело места ни в прошлом, ни в последующие годы. Также в этот период происходит переход от многовековых традиционных письменных литературных норм древнетюркского и старотатарского происхождения на новые, источником которых выступили народно-разговорные формы.

Данные языковые процессы явились своего рода следствием происходивших в то время в татарском обществе изменений. Во второй половине XIX в. в нем формируются новые социальные группы буржуазной направленности. Именно деятельность и коммуникативные потребности их представителей и детерминировали обновление татарского языка в функциональном и структурном планах.

Актуальность представленного исследования вытекает из обозначенных выше моментов. В трудах татарских ученых указанный период в основном рассматривается как один из хронологических звеньев эволюции письменных литературных норм, а относящиеся к нему источники изучаются в рамках теории литературного языка (Бәширова, 2008; Татар әдәби ... , 2015, 2017, 2019, 2020; Хаков, 1993). Проблема изучения в исторической ретроспективе функционального развития татарского языка в контексте социальных коммуникаций, а также роли и места социальных групп в языковых процессах входит в круг интересов диахронической социолингвистики. В татарском языкознании она ставится впервые.

Целью статьи является изучение СРП основных социальных групп татарского общества второй половины XIX и начала XX в. в ценностно-аксиологическом и стилистическом аспектах. Исходя из этого, решается следующий круг задач: 1) в рамках выделенного исторического этапа описывается социальная структура татарского общества; 2) анализируется СРП представителей татарских коммерческих кругов; 3) изучается СРП представителей татарских религиозно-образовательных сообществ; 4) разбирается СРП татарских крестьян и простых горожан.

Объектом исследования являются СРП основных социальных групп татарского общества второй половины XIX и начала XX в., предметом — их ценностно-аксиологические и стилистические особенности.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют социо- и этнолингвистические подходы, предусматривающие обращение к взаимосвязям между социальными и языковыми системами, национально-культурной специфике выстраивания речевой коммуникации, проявляющейся в среде определенных национально-этнических групп, а также «... имеющийся теоретический задел в

¹ Гафарова А. С. Речевой портрет: социолингвистические характеристики: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2006.

² Леорда С. В. Речевой портрет современного студента: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006.

области изучения стратификационных и ситуативных вариаций языка, малых и больших социалем (языковых коллективов), социальных ситуаций, соответствующих им контекстуальных стилей, психологических установок, определяющих характер взаимоотношений между участниками коммуникативного акта, ценностных ориентаций данных лиц» (Мирхаев, Миннуллин, 2024: 3508).

Фактический материал анализируется посредством методов дифференцированного социально-функционального анализа текстов, социолингвистической реконструкции и социолингвистической интерпретации фактического материала, а также описательного метода.

Источниковую базу исследования составили:

1) при описании социальной структуры татарского общества — труды историков, посвященные рассматриваемому периоду¹;

2) при реконструкции СРП социальных групп — сочинения представителей татарской просветительской прозы и драматургии, живших и творивших в рассматриваемый период, а именно Загира Бигиева², Гаяза Исхаки³, Шакира Мухаммадова⁴, Касима Биккулова⁵, Галиасгара Камала⁶.

Выбор последних в качестве источников был обусловлен тем, что их авторы в наиболее приближенных к действительности реалистичных оттенках отображают жизнь представителей современных им социальных групп и в тончайших деталях воспроизводят особенности их речи.

Социальная структура татарского общества

В истории татарского народа рассматриваемый период определяется как время установления и расширения новых экономических отношений и формирования новых социально-профессиональных групп. В дальнейшем татары, в основном проживавшие в городах, свой быт наряду с исламскими нормами начинают выстраивать и на основе европейских буржуазных ценностей (Габдрафикова, 2015: 8; Хабутдинов, 2008: 6). Стоит отметить, что к концу XIX в. преобладающее большинство татар проживало в сельской местности и относились к сословию крестьян (История татар ... , 2013: 55, 238).

Несмотря на это, в татарском обществе присутствовали представители и других сословных групп. Среди них своим высоким статусом и привилегированностью отличались потомки прежней аристократии (князей и мурз), которые стали дворянами. Однако их сообщество ввиду своей малочисленности и гражданской пассивности, в обществе не имело какого-либо удельного веса (Татарские мурзы ... ,

¹ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа: Гилем, 1999; Габдрафикова Л. Р. Повседневная жизнь татарских шакирдов в конце XIX — начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4–1 (76). С. 56–62; Габдрафикова Л. Р. Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX — начало XX века). Казань: Татар. кн. изд-во, 2015; Гибадуллин М. З. Общие тенденции и особенности формирования капиталов татарской буржуазии России, 1861–1913 гг.: дис. ... канд. эконом. наук. Казань, 2001; Загидуллин И. К., Багаутдинова Х. З., Байбулатова Л. Ф. Проблема дня отдыха торговых заведений мусульман в петициях татар Казани в конце XIX — начале XX в. // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2015. № 3/4. С. 47–65; Знаменский П. В. Казанские татары. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1910; Илялова И. И. Театр имени Камала. Казань: Татар. кн. изд-во, 1986; История татар с древнейших времен : в 7 т. / гл. ред. Р. Хакимов. Казань: Институт истории АН РТ, 2013. Т. VI. Формирование татарской нации. XIX — начало XX в.; Татарские мурзы и дворяне: история и современность: сборник статей. Вып. 1 / редкол.: Ф. Г. Тарханова (отв. ред.) и др. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010; Хабутдинов А. Ю. От общины к нации: татары на пути от средневековья к Новому времени (конец XVIII — начало XX вв.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2008.

² Бигиев З. Гөнаһе кәбир [Смертные грехи]. Роман. Казан: Типогр. Г. М. Вечеслава, 1890. 72 б. (На татар. яз.).

³ Исхакий Гаяз. Әсәрләр [Сочинения]: Унбиш томда [в пятнадцати томах]. Казан: Татарстан китап нәшр., 1998. Т. 1. Повестьлар һәм хикәяләр (1899–1908) [Т. 1. Повести и рассказы (1899–1908)] (На татар. яз.); Исхакий Гаяз. Әсәрләр [Сочинения]: Унбиш томда [в пятнадцати томах]. Казан: Татарстан китап нәшр., 2001. Т. 3. (На татар. яз.).

⁴ Мөхәммәдов Ш. Сайланма әсәрләр [Избранные произведения]. Казан: Таткнигоиздат, 1958 (На татар. яз.).

⁵ Бикколов К. Алтынбай агай. Авыл халкының көнкүрмешен тасвир иткән роман [Старик Алтынбай. Роман, описывающий быт селян]. Казан, 1908. (На татар. яз.); Бикколов К. Бәдәлче [Наемный хаджи]. Казан: Типо-литография Н. М. Чижовой, 1909. (На татар. яз.); Бикколов К. Ат караклары [Конокрады]. Казан: Өмет, 1912. (На татар. яз.).

⁶ Галиасгар Камал. Әсәрләр [Сочинения]. Өч томда [в трех томах]. Казан: Татарстан китап нәшр., 1978. Т. 1. Пьесалар [Пьесы]. (На татар. яз.).

2010: 7). Как отмечают историки, «многочисленная часть бывшей элиты, потеряв свои владения и титулы, вошла в состав крестьян, кроме того — в ряды торговцев (купцов) и предпринимателей» (История татар ..., 2013: 58).

Еще одно престижное сословие в рассматриваемый период, по уровню своей привилегированности занимавшее третье место после дворянства и духовенства, представляли купцы. Для того, чтобы иметь возможность записаться в купеческие гильдии, требовалось наличие определенных денежных сумм (там же: 150–151) и при удовлетворении соответствующих требований к ним мог быть приписан любой желающий (там же: 152).

Ввиду того, что вложение средств в промышленные предприятия в определенной степени являлось гарантией от банкротства, в рассматриваемый период начинается рост промышленного капитала. Однако одним из основных отраслей, характеризующихся высоким капиталовложением, все же оставалась торговля. Наиболее активными в этом плане были татарские коммерческие сообщества Казани, Симбирска, Уфы и Оренбурга¹. Их представители в основном вкладывались в торговлю чаем, в производство текстиля, одежды, головных уборов, обуви и ювелирных изделий, а также в кожевенное дело. Кроме того, они имели хорошо налаженные торговые связи и за пределами Российской империи, если быть точнее — на восточных рынках (там же: 155).

В результате роста национального торгового капитала в татарском обществе рассматриваемого периода формируется сообщество наемных торговых служащих, работающих в купеческих лавках — приказчиков. С увеличением количества торговых лавок росла и численность приказчиков, которые все больше обретали вес и значимость в обществе. В результате они могли позволить себе открыто заявлять о своих социальных интересах и правах на отдых и быт, что раньше не всегда удавалось (Загидуллин, Багаутдинова, Байбулатова, 2015: 50). Следует отметить, что преобладающее большинство татарских приказчиков являлись личностями просвещенными и придерживались демократических идей. В дальнейшем это позволило им стать представителями более творческих профессий: целый ряд театральных актеров и литераторов начинали свой профессиональный путь в качестве приказчиков (Илялова, 1986: 27).

Определенными привилегиями в татарском обществе рассматриваемого периода пользовались представители духовенства, основную массу которого представляли муллы — имам-хатибы и муэдзины. В своих приходах данные лица отвечали за проведение коллективных молитв и проведение богослужебных обрядов, занимались исковыми разбирательствами по нормам шариата и преподавали основы ислама. Вследствие этого в обществе они пользовались большим авторитетом. При этом муллы не являлись государственными служащими, что означало отсутствие заработной платы, а в последствии и пенсии (Азаматов, 1999: 144; История татар ..., 2013: 221–226).

В указанный период в местах проживания татар формируется достаточно обширная сеть учебных заведений, а при них — довольно многочисленная социальная прослойка хальф и шакирдов. Ко второй половине XIX в. мектебы (начальные конфессиональные школы) имелись в каждом приходе, а в крупных населенных пунктах работали медресе (средние конфессиональные школы) (Габдрафикова, 2012: 56; История татар ..., 2013: 798). Количество учащихся в образовательных учреждениях зависело от авторитета мулл, под руководством которых они функционировали, и варьировалось от нескольких десятков до нескольких сотен шакирдов. Минимальный возраст для поступления в мектебы составлял пять–шесть лет, а предельной чертой, при которой шакирды оканчивали свое обучение в медресе, являлось достижение тридцатилетнего возраста. При этом преобладающее большинство учащихся, чьи цели не заключались в дальнейшей службе в религиозной сфере, завершали образовательный процесс намного раньше (там же: 802).

Как уже было сказано, в указанный период преобладающее большинство татарского населения Российской империи относилось к крестьянскому сословию, куда была приписана также и определенная часть представителей бывшей аристократии. Основу благосостояния крестьянина составляло сельскохозяйственное производство, включающее в себя животноводство и земледелие, где последнее являлось главенствующей отраслью (там же: 291). Во второй половине XIX и начале XX в., в социально-профессиональной трансформации татарского крестьянства важное место начинает занимать от-

¹ Гибадуллин М. З. Общие тенденции и особенности формирования капиталов татарской буржуазии России, 1861–1913 гг. : дис. ... канд. эконом. наук. Казань, 2001. С. 59.

ходничество, основной причиной возникновения которого явилось стремление крестьянина к улучшению жизненных условий (Знаменский, 1910: 16). Данное явление, как правило, представляло собой два варианта. Первый имел земледельческий характер. Второй представлял собой работу в крупных городах в качестве грузчиков, извозчиков, чернорабочих и т. д. При этом оба варианта являлись сезонными и они не могли помешать основной деятельности крестьян на своей родной земле (История татар ... , 2013: 292–295). Стоит отметить, что среди крестьян также был актуален и долгосрочный вид подработки, заключающийся в работе на шахтах и заводах, а также в кустарном производстве (там же: 295–299), что приводило к отдалению крестьянина от общины. Однако крестьянин, ставший рабочим, формально и фактически не переставал относиться к крестьянскому сословию.

Во второй половине XIX в. социально-экономические процессы положительно отразились на темпах роста урбанизации. Однако, несмотря на это, его уровень в татарском обществе оставался невысоким (там же: 51). Другими словами, к началу XX в. татары все еще представляли собой крестьянскую нацию (там же: 56). Та ее часть, которая проживала в городах, была мало представлена в таких отраслях, как административная работа, наука, медицина и образование. В основном перебравшиеся в города татары занимались мелкой торговлей, а также были заняты в перерабатывающей отрасли и в сфере услуг.

В целом, татарское общество в рассматриваемый период в основном состояло из представителей крестьянского сословия. В то же время в нем выделялись социально-профессиональные сообщества купцов, разного рода торговцев, приказчиков, а также мулл, мугаллимов и шакирдов.

СРП представителей татарских коммерческих кругов

В источниках СРП данной исторической корпорации татар раскрывается в рамках следующих ситуаций профессиональной и бытовой окрашенности:

- 1) обсуждение торговой конъюнктуры в ближнем корпоративном круге;
- 2) беседа со служителем культа на предмет получения его высочайшего одобрения;
- 3) раздача указаний наемным служащим (конторщикам-приказчикам, посыльным);
- 4) общение на званых застольях;
- 5) прием и наставление простых сородичей;
- 6) контакты с близкими родственниками.

При этом тональность общения со стороны представителей данных кругов в отношении других участников коммуникации в зависимости от ситуативных обстоятельств определялась уважительно-почтительным, непринужденно-доверительным, высокопарно-снисходительным, авторитарно-императивным, доброжелательно-близким контекстуальными стилями.

На характер СРП татарских коммерсантов исследуемого периода накладывали свой отпечаток и ценностно-аксиологические принципы, которыми они руководствовались в своем быту и промысле и которые определяли их психологический портрет. Учеными последний представляется однотипным и в то же время достаточно противоречивым. Так, например, историк А. М. Рафиков характеризует их как людей, стремящихся к аккумуляции материальных богатств, развитию своего дела и в то же время старающихся приобщиться к культурно-просветительским благам. Кроме того, наряду с рационализмом, они отличались своей набожностью и консерватизмом¹.

Как показывает анализ фактического материала, речевые акты татарских коммерсантов исследуемого периода, которые коррелируются с ситуациями «обсуждение торговой конъюнктуры в ближнем корпоративном круге» и «общение на званых застольях», выстраиваются согласно непринужденно-доверительному и доброжелательно-близкому контекстуальным стилям. Соответственно в них преобладают общеупотребительные конструкции из разговорного стиля, а также сопутствующие деятельности указанных лиц профессионализмы. Их использование в определенной степени обуславливалось и ценностно-аксиологическими принципами, которыми руководствовались представители рассматриваемой исторической социально-экономической корпорации татар в своей жизнедеятельности:

¹ Рафиков А. М. Формирование и деятельность татарского купечества в Вятской губернии во второй половине XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2012. С. 16.

1) материальная выгода первостепенна: *üzəñdä äžërë küp kalmas šul*¹ 'у тебя выгоды не много останется', *üz jayıña azraq fajda qalır kēbēkmē*² 'как там, останется тебе чуточку выгоды?', *arzan bulsa da, tavarnı aqçaya äjländersēnnär*³ 'если даже и получится недорого, пускай переведут товар на деньги';

2) цель должна быть достигнута при любом раскладе: *täwäkkäl qılary kiräk*⁴ 'нужно рискнуть';

3) совесть на хлеб не намажешь: *juqqa yazarplanma*⁵ 'не мучайся понапрасну';

4) чтобы там не говорило большинство, не обращай внимания: *jaman atıñ bër çıyar, ikē çıqmas*⁶ 'дурная слава распространится единожды, а не дважды';

5) никогда не теряй бдительности, Всевышний защитит только в этом случае: *tirä-janiñni cıjıbraq qaldırıy kiräk bulır*⁷ 'нужно будет привести в порядок дела', *xalıq ajayı tıñyaçraq*⁸ 'когда народ перестанет ходить', *döñjaniñ eşēn bēlēr xäl juq*⁹ 'будущее нам неведомо';

6) все в руках Всевышнего: *Allağa tapşırip*¹⁰ 'поручив воле Аллаха', *Xödağ quşıp*¹¹ 'с повеления Всевышнего', *Alla saqlasın*¹² 'упаси Аллах'.

Ориентированность на ресурсы разговорных страт сохраняется и в диалогах, связанных с ситуацией «беседа со служителем культа на предмет получения его высочайшего одобрения», которые отличаются нарочитой уважительно-почтительной тональностью и в рамках которых наиболее ярко проявляется принцип «все в руках Всевышнего». При этом в лингвистическом плане архитектура речевых актов разбивается конструкциями из письменно-книжного языка арабского и персидского происхождения: *xäjä-r döyada bulıyız indē*¹³ 'вы уж не оставляйте от благословения', *Xöda xäjärlē käsēplär birsä*¹⁴ 'если Всевышний даст добрые промыслы', *söz täbaräklärnēñ fatıxasın alsaq*¹⁵ 'если получим ваше хвалебное благословение'.

Речевые образцы татарских коммерсантов исследуемого периода из сфер ситуаций «раздача указаний наемным служащим (контормщикам-приказчикам, посыльных)» и «прием и наставление простых сородичей» в основном строятся по правилам высокопарно-снисходительного и авторитарно-императивного контекстуальных стилей, а также под воздействием ценностно-аксиологических принципов данных лиц. В лингвистическом плане в них превалируют элементы разговорных страт. Далее идут профессионализмы русского происхождения из соответствующего социолекта: *bērēncē xlebnij kăžä tirēsēnā*¹⁶ 'к прибыльной козьей шкуре первого сорта', *bırak kăžä tirēsēnnän*¹⁷ 'из забракованной козьей шкуры', *rasxut hämišä çıyıp törä*¹⁸ 'расходы беспрестанно возникают'. Не редки и вульгаризмы из просторечия: *açıq awız aluçılar*¹⁹ 'ротозеи-покупатели', *atañ başı*²⁰ 'ругательство, букв. голова твоего отца', *işerēk baş*²¹ 'пьянчуга', *jörmä irıldap*²² 'не путайся и не рычи'.

¹ Мөхәммәдов Ш. Сайланма әсәрләр [Избранные произведения]. Казан: Таткнигоиздат, 1958. (На татар. яз.). Б. 81.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Б. 80.

⁵ Там же. Б. 81.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Б. 83.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Б. 80.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Б. 83.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Б. 84.

¹⁶ Там же. Б. 43.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же. Б. 45.

В процессе общения с членами семьи (ситуация «контакты с близкими родственниками») представители рассматриваемой социально-экономической корпорации придерживались непринужденно-доверительного, доброжелательно-близкого, а также высокопарно-снисходительного и авторитарно-императивного контекстуальных стилей. В лингвистическом плане практиковались разговорные страты, как региональные, так и общенародная, о чем свидетельствуют такие выражения как *juqqa qajyirirya jaramij*¹ 'нельзя горевать зря', *anij öčön qajyirip hič fajda čiqmij*² 'нет никакой пользы от горевания за это', *ana sötë belän kermägän, tana sötë belän kermäs*³ 'пословица, букв. что не вошло с молоком матери, не войдет с молоком коровы', *aña birgän ügëtnë bër ëtkä birsän*⁴ 'если данные ему наставления дашь одному псу'. Нередко, в зависимости от психологического состояния, практиковались просторечные выражения: *ëčëmnë pöširip*⁵ 'доставая меня', *liyirdap*⁶ 'тарахтя'.

В отдельных случаях, например, в письмах татарских коммерсантов своим супругам встречаются и письменно-книжные конструкции, такие как *darë yörbätdä bër kürërgä möntäziyr zäüžëñez*⁷ 'ваш супруг, который ждет не дожидается встречи на чужой стороне'.

Таким образом, в СРП сложившейся во второй половине XIX в. корпорации татарских коммерсантов находят свое отражение такие утилитарные ценностно-аксиологические принципы как:

- 1) материальная выгода первостепенна;
- 2) цель должна быть достигнута при любом раскладе;
- 3) совесть на хлеб не намажешь;
- 4) чтобы там не говорило большинство, не обращай внимания;
- 5) никогда не теряй бдительности, Всевышний защитит только в этом случае;
- 6) все в руках Всевышнего.

В стилистическом плане он характеризуется доминированием разговорного стиля нежели литературного. Хотя последний в его структуре, пусть и в малой степени, тоже прослеживается.

СРП представителей татарских религиозно-образовательных кругов

В источниках СРП представителей данной исторической корпорации татар раскрывается в рамках следующих ситуаций профессиональной и бытовой окрашенности:

- 1) руководство и духовное сопровождение конфессиональных обрядов и ритуалов;
- 2) назидание и наставление прихожан на проповеди;
- 3) обсуждение рабочих и бытовых вопросов в ближнем корпоративном круге;
- 4) общение на званных застольях;
- 5) проведение занятий в медресе;
- 6) прием прихожан и шакирдов;
- 7) контакты с близкими родственниками.

При этом тональность общения со стороны данных лиц в отношении других участников коммуникации в зависимости от ситуативных обстоятельств определялась уважительно-почтительным, непринужденно-доверительным, высокопарно-снисходительным, авторитарно-императивным, доброжелательно-близким, а также назидательно-наставительным контекстуальными стилями.

Как показывают источники, речевые акты татарских мулл исследуемого периода, которые корелируются с ситуациями «руководство и духовное сопровождение конфессиональных обрядов и ритуалов» и «назидание и наставление прихожан на проповеди» отличались назидательно-наста-

¹ Галиәсгар Камал. Әсәрләр [Сочинения]. Өч томда [в трёх томах]. Казан: Татарстан китап нәшр., 1978. Т. 1. Пьесы [Пьесалар]. Б. 21. (На татар. яз.).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Мөхәммәдов Ш. Сайланма әсәрләр [Избранные произведения]. Казан: Таткнигоиздат, 1958. Б. 72. (На татар. яз.).

⁶ Там же.

⁷ Бигиев З. Гөнаһе кәбаир [Смертные грехи]. Роман. Казан: Типогр. Г. М. Вечеслава, 1890. Б. 17. (На татар. яз.).

вительной и высокопарно-снисходительной тональностями. В ценностно-аксиологическом плане в них, как правило, отражается принцип «на все воля Всевышнего», лингвистическими индикаторами которого выступают такие предложения как *Allahī sēzgā wā bēzgā kürkām xōliq, hidajāt birsēn*¹ ‘да ниспошлет Аллах вам и нам благонравие, желание найти правильный путь’ и *Allahī Tāyalā yijlmē nafiḡ birsēn, āhlē yōlāma zōmrāsēnā kērērgā nasījp itsēn ...*² ‘да ниспошлет Аллах полезную науку, да соизволит вступит в ряды ученых ...’

Во время проведения конфессиональных обрядов и ритуалов главная роль отводилась арабскому языку — общепринятому среди мусульман языку религиозного культа, а проповеди же преимущественно излагались на татарском литературном языке, в частности на его религиозно-дидактическом функциональном стиле, насыщенном арабскими заимствованиями: *Žāmāyat! Allahī Tāyalā xāzrātlārē Kālām šārifēndā hārber mōēmīn mōšēlman bulyan kēšēgā Allahī žēbēnā tōtīnīrya, jāyni ittifaq wā ittixadda bulīb, ajiṛīlu-bülēnüdān tijaḡīr*³ ‘Прихожане! Аллах Всевышний в своем святом Коране каждому являющемуся правомерным мусульманином человеку [велит] держаться за нитку Всевышнего, то есть быть вместе и в единстве, предостерегает от разобщения и разъединения’.

Тональность бесед, которые сопровождают ситуации «обсуждение рабочих и бытовых вопросов в ближнем корпоративном кругу» и «общение на званых застольях» в основном определялась уважительно-почтительным, непринужденно-доверительным и доброжелательно-близким контекстуальными стилями. Практиковались также высокопарно-снисходительный и авторитарно-императивный стили. А ценностно-аксиологическая составляющая данного рода ситуативно обусловленных диалогов, наряду с принципом «на все воля Всевышнего», пронизывалась также установками «авторитет наставника непререкаем» и «духовность прежде всего, но не стоит забывать и о материальной стороне жизни». Другими словами, в них представители духовно-религиозных кругов раскрываются как авторитарные прагматики. В лингвистическом отношении все это в большинстве случаев вербализуется ресурсами разговорного стиля, в частности такими выражениями как *aslan rizalīyīm juq*⁴ ‘никогда не соглашусь’, *min bik jaxši bēlāmēn*⁵ ‘я прекрасно ведаю’, *jēgērmē jildan birlē dārēs ājtām*⁶ ‘преподаю на протяжении двадцати лет’, *mindān hārķēm mulla bulīp čyūa*⁷ ‘у меня каждый становится муллой’, *minēm fatixamnī alyan kēšē buš qalyanī juq*⁸ ‘не было еще того, что человек, который снискал мое благословение, оставался ни с чем’, *dōyamnan māxrūm qalyanlar da māngē rāxāt kürmilār*⁹ ‘а обделенные моей молитвой вечно не находят блаженства’.

Речевые образцы татарских религиозных служителей исследуемого периода из сфер ситуаций «проведение занятий» и «прием прихожан и шакирдов» строились в рамках высокопарно-снисходительного, авторитарно-императивного, назидательно-наставительного контекстуальных стилей и под воздействием указанных выше ценностно-аксиологических принципов. В лингвистическом плане коммуникации в рамках ситуации «проведение занятий в медресе» преимущественно выстраивались при помощи арабского и персидского языков, а также письменно-книжной разновидности татарского литературного языка, изобиловавшего заимствованиями из первых двух языков, среди которых наряду с религиозными терминами выделялись также научные и образовательные термины. А в рамках ситуации «прием прихожан и шакирдов» предпочтение отдавалось разговорному стилю, о чем свидетельствует выстраивание контактов посредством конструкций *juqnī sōjlisēḡ*¹⁰ ‘ты говоришь несусветное’, *suqīrnī kitērmī kēmnē kitērik sōḡ*¹¹ ‘кого же мы должны пригласить кроме незряче-

¹ Биколов К. Алтынбай агай. Авыл халкының көнкурмешен тасвир иткән роман [Старик Алтынбай. Роман, описывающий быт селян]. Казан, 1908. Б. 27. (На татар. яз.).

² Исхакый Гаяз. Әсәрләр: Унбиш томда. Т. 3 [Сочинения: в пятнадцати томах. Т. 3]. Казан: Татарстан китап нәшр., 2001. Б. 224. (На татар. яз.).

³ Биколов К. Алтынбай агай. Авыл халкының көнкурмешен тасвир иткән роман [Старик Алтынбай. Роман, описывающий быт селян]. Казан, 1908. Б. 26. (На татар. яз.).

⁴ Биколов К. Бәдәлче [Наёмный хаджи]. Казан: Типо-литография Н. М. Чижовой, 1909. Б. 27. (На татар. яз.).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Биколов К. Ат караклары [Конокрады]. Казан: Өмет, 1912. Б. 16. (На татар. яз.).

¹¹ Там же.

го', *sin üzəŋ xisab it*¹ 'рассуди сам', *sälamät kəšə mäktäbdä yömərən zayj qilib törmij bit*² 'ведь нормальный человек не будет зазря тратить свою жизнь в школе'.

В зависимости от психологического состояния использовались также и такие просторечные ругательства как *axtaqlar* 'идиоты', *böziq* 'развратник', *ət* 'пес', *käbästä başları* 'капустные кочаны', *näžəs* 'поганный', *xajwanlar* 'животные'³.

В процессе общения с членами семьи (ситуация «контакты с близкими родственниками») представители рассматриваемой корпорации придерживались непринужденно-доверительного, доброжелательно-близкого, высокопарно-снисходительного и авторитарно-императивного контекстуальных стилей. Здесь также проявляются все ценностно-аксиологические принципы, которыми указанные лица руководствовались в своей жизнедеятельности. Коммуникации в основном выстраивались в рамках разговорного стиля, что находит свое отражение в использовании данными лицами в беседах со своими женами и детьми следующих предложений: *Xödaŋ axirın xäjərlə qilsin, bu töş bik jaxşı tügəl*⁴ 'да сниспошет Всевышний благополучный конец, не к добру этот сон'; *östazlarğa riza bulmasaŋ, yömər buji bäräkät tapmasın*⁵ 'если окажешь недовольство наставниками, ты на протяжении всей жизни не найдешь благодати'.

В целом, анализ СРП сложившейся во второй половине XIX в. корпорации татарских мулл, мугаллимов и шакирдов показал, что психологический облик данных лиц определяли такие ценностно-аксиологические принципы как:

- 1) на все воля Всевышнего;
- 2) авторитет наставника непрекаем;
- 3) духовность прежде всего, но не стоит забывать и о материальной стороне жизни.

В стилистическом плане он включает в себя ресурсы как разговорного, так и литературного стилей татарского языка. Кроме того, ее представители в силу специфики своей деятельности практиковали также арабский и персидский языки.

СРП татарских крестьян и простых горожан

Данная историческая социально-сословная прослойка татарского общества в основном объединяла в себе жителей сельской местности. Но, как уже было сказано, в силу исторических факторов ее определенная часть на постоянной или временной основе проживала и в городах. В источниках СРП татарских крестьян исследуемого периода раскрывается в рамках следующих ситуаций:

- 1) в хозяйстве и на поле;
- 2) у сильных мира сего;
- 3) беседы с представителями религиозно-образовательных кругов;
- 4) контакты с близкими родственниками.

При этом тональность общения с их стороны в отношении других участников коммуникации в зависимости от ситуативных обстоятельств определялась непринужденно-доверительным, уважительно-почтительным и авторитарно-императивным контекстуальными стилями.

Как показывают источники, речевые акты татарских крестьян и простых горожан исследуемого периода, которые коррелируются с ситуациями «в хозяйстве и на поле», в целом характеризуются своей непринужденно-доверительной окрашенностью. В них, как правило, отражаются такие сопутствующие жизнедеятельности данных лиц ценностно-аксиологические принципы как «хлеб всему голова» и «на все воля Всевышнего, но хлеб на столе сам по себе не появится». В лингвистическом плане они выстраиваются в основном из ресурсов разговорного стиля, о чем свидетельствуют такие

¹ Там же.

² Там же.

³ Биколов К. Бәдәлче [Наемный хаджи]. Казан: Типо-литография Н. М. Чиждовой, 1909. Б. 31. (На татар. яз.).

⁴ Биколов К. Алтынбай агай. Авыл халкының көнкурмешен тасвир иткән роман [Старик Алтынбай. Роман, описывающий быт селян]. Казан, 1908. Б. 10. (На татар. яз.).

⁵ Биколов К. Бәдәлче [Наемный хаджи]. Казан: Типо-литография Н. М. Чиждовой, 1909. Б. 27. (На татар. яз.).

выражения как *suqaya barırsın*¹ ‘пойдешь на вспашку’, *ul jört žir, ul at tun, is kitärläk idē*² ‘такой дом с хозяйством, такая лошадь с шубой, все было восхитительно’, *indē mal härkēmgä yazız*³ ‘имущество же каждому дорого’, *sarı alašada jēgērmē altı pōt buldı*⁴ ‘в желтом мерине оказалось двадцать шесть пудов’, *illē ikēšār tijēnnän bušattıq*⁵ ‘выгрузили по пятьдесят две копейки’.

Нередко, особенно в городской среде, речевые акты представителей данной социально-сословной прослойки окрашивались также в авторитарно-императивные тона, что в целом было характерно для лиц, которые в своих узких социально-профессиональных кругах стоят на ступень выше чем их собеседники. На это указывают такие предложения как *tiz atqa utır da, bazarya, kibētkä bar*⁶ ‘немедля бери коня и съезди на рынок, в магазин’, *bōtēnlāj dōnjañni onıtqansın* ‘ты и вовсе забыл где находишься’, *jōqlar utırasın!*⁷ ‘спишь сидя!’, *ajya un tänkä žalunjäñe şıñ jōqlar öčēñ birmilär bit!*⁸ ‘ведь жалование на червонец в месяц тебе дают не за сон’, *äjdä, tiz-tiz sēbērēp bētēr dā suya bar*⁹ ‘айда, быстро закончи подметать и иди за водой’.

Авторитарно-императивный контекстуальный стиль сопровождает и речевые акты представителей крестьянского сословия, которые обусловлены ситуацией «у сильных мира сего». Как правило, его придерживались зажиточные селяне в разговорах с бедными односельчанами, пришедшими к ним с какой-либо просьбой. В языковом отношении его индикаторами выступают предложения *ällä kēm bulasız*¹⁰ ‘становитесь важными вельможами’, *kēm quşqan sēzgä öštēñēzgä sitsa külmäk kijärgä*¹¹ ‘кто надумил вас надеть рубашку из ситца’, *bu waqıtka qadär nişlāp tülāwēgēznē salmadıyız?*¹² ‘почему до сих пор не внесли свои поборы?’, *küptän kilep minnän uraq alıp qujarya kiräk idē*¹³ ‘нужно было давно прийти и получить у меня жатву’, *jartı taqta çäjägēz bulsa, ällä kēm bulıp jōrisēz*¹⁴ ‘если обзаведетесь половинкой плиточного чая, расхаживаете как важные вельможи’.

При этом пришедшие с просьбой были вынуждены обращаться к своим «благодетелям» на уважительно-почтительном тоне, который нередко переходил на самоуничижительный, о чем свидетельствуют конструкции *tıñlij kür*¹⁵ ‘не откажи’, *žirēbēznē ala kür*¹⁶ ‘прими наши наделы’, *ışxutta qıjnata kürmä*¹⁷ ‘не позволяй, чтобы высеки на сходе’.

В случаях, когда их просьбы не удовлетворялись, тональность разговора посредством таких конструкций как *Allanıñ läynätē töşsēñ*¹⁸ ‘да проклянет [тебя] Аллах’, *jörtiñni ut alsın*¹⁹ ‘да запыхает в огне твой дом’, *balalarıñ minēm köñēmñe kürsēñ*²⁰ ‘да настигнет твоих детей моя участь’ могла поменяться и на противоположную.

Беседы же крестьян с представителями религиозно-образовательных кругов в основном строились в рамках уважительно-почтительного контекстуального стиля. На это указывает использование первыми в рамках соответствующих ситуативно обусловленных речевых актов предложений, выстро-

¹ Исхакий Гаяз. Әсәрләр [Сочинения]: Унбиш томда [в пятнадцати томах]. Казан: Татарстан китап нәшр., 2001. Т. 3. Б. 305. (На татар. яз.).

² Там же. Б. 327.

³ Там же.

⁴ Там же. Б. 331.

⁵ Там же.

⁶ Мөхәммәдов Ш. Сайланма әсәрләр [Избранные произведения]. Казан: Таткнигоиздат, 1958. Б. 70. (На татар. яз.).

⁷ Там же. Б. 96.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Биколов К. Алтынбай агай. Авыл халкының көңкүрмешен тасвир иткән роман [Старик Алтынбай. Роман, описывающий быт селян]. Казан, 1908. Б. 5. (На татар. яз.).

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Б. 6.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Исхакий Гаяз. Әсәрләр [Сочинения]: Унбиш томда [в пятнадцати томах]. Казан: Татарстан китап нәшр., 2001. Т. 3. Б. 64. (На татар. яз.).

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

енных в соответствии литературному стилю: *äüwāl Allahīya, ikēñčē siña tapšīramīn*¹ ‘сначала вручаю Аллаху, после тебе’, *sēznēñ kēbēk zur kēšēñ qanāyatländerä alirmizmi*?² ‘получится ли у нас обеспечить такого прославленного человека как вы?’, *bēznē kēčkēñgä kürmässēzmē*?³ ‘не посчитаете ли вы нас убогими?’

Однако данного правила крестьяне в беседах с муллами, мугаллимами и шакирдами придерживались не всегда. В случаях обыденного характера в ход шли и выражения из разговорных страт: *tōta suqīr kēšē ničēk sabaq uqītsin sōñ*⁴ ‘разве может давать уроки совершенно незрячий человек’, *šau qijnap qīna tōra*⁵ ‘постоянно только и колотит’, *qōlaqlarīn suwīrib čīyara jazyan idē*⁶ ‘еще немножко и оторвал бы им уши’.

Что касается речевых актов представителей рассматриваемой социально-сословной прослойки в узком семейном кругу, они в основном выстраивались в рамках непринужденно-доверительного контекстуального стиля. В них раскрываются все ценностно-аксиологические принципы, которыми данные лица руководствовались в процессе своей жизнедеятельности. В лингвистическом плане в большинстве случаев практиковался разговорный стиль. Индикаторами всего этого выступают такие предложения как *mallar qararğa da öjdä bulmij*⁷ ‘отсутствует дома, когда нужно ухаживать за животными’, *bēznēkē mulla bulmas, mulla bulıya mulla balaları betmägändēr*⁸ ‘наш не будет муллой, это призвание детей мулл’, *bērär cirēñä jarar*⁹ ‘пригодится где-нибудь’, *tayı aqça kiräk bulsa, xat jaz*¹⁰ ‘если еще понадобятся деньги, напиши письмо’, *majlarlıq jul bulmasmı*¹¹ ‘может получится дать на лапу’.

Таким образом, в СРП сложившейся ко второй половине XIX в. социально-сословной прослойки татарских крестьян и простых горожан выделяются такие ценностно-аксиологические принципы как:

- 1) хлеб всему голова;
- 2) на все воля Всевышнего, но хлеб на столе сам по себе не появится;
- 3) наука удел избранных.

В стилистическом плане он выстраивается в основном из ресурсов разговорного стиля. Литературный стиль в его структуре представлен в наименьшей степени.

Заключение

Вторая половина XIX и начало XX в. в истории татарского общества считается периодом социально-экономических трансформаций буржуазного толка. Основной движущей силой этих изменений явились представители национальных коммерческих кругов. В то же время определенная часть общества, в основном духовенства и крестьянства, до последнего придерживалась того традиционного уклада жизни, который практиковался на протяжении веков.

Как показал проведенный анализ, характер СРП рассмотренных социальных групп в целом определяли такие ценностно-аксиологические установки утилитарного направленности как материальная выгода первостепенна, цель должна быть достигнута при любом раскладе, совесть на хлеб не намажешь (у коммерсантов), духовность прежде всего, но не стоит забывать и о материальной стороне жизни (у мулл, мугаллимов и шакирдов), хлеб всему голова и на все воля Всевышнего, но хлеб на столе сам по себе не появится (у крестьян и простых горожан). В свою очередь это повлияло на стилистический облик СРП: в их структуре доминирующее место занимают элементы и конструкции

¹ Биколов К. Бадәлче [Наемный хаджи]. Казан: Типо-литография Н. М. Чижовой, 1909. Б. 12. (На татар. яз.).

² Исакий Гаяз. Әсәрләр [Сочинения]: Унбиш томда [в пятнадцати томах]. Казан: Татарстан китап нәшр., 2001. Т. 3. Б. 291. (На татар. яз.).

³ Там же.

⁴ Биколов К. Ат караклары [Конокрады]. Казан: Өмет, 1912. Б. 16. (На татар. яз.).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Исакий Гаяз. Әсәрләр [Сочинения]: Унбиш томда [в пятнадцати томах]. Казан: Татарстан китап нәшр., 1998. Т. 1. Повестьлар һәм хикәяләр (1899–1908) [Повести и рассказы (1899–1908)]. Б. 31. (На татар. яз.).

⁸ Там же.

⁹ Там же. Б. 340.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

разговорного стиля. Литературный стиль же, за исключением отдельных случаев, в них представлен в наименьшей степени. Данное обстоятельство указывает на то, что в новых условиях коммуникативным запросам представителей татарского общества в силу его доступности и понятности больше отвечал именно первый, а последний по причине своей отдаленности от основной части социума не смог занять соответствующую нишу в системе социально-экономических взаимоотношений, которая сложилась в рассмотренный период.

Другими словами, в условиях тех перемен, которые татарское общество пережило во второй половине XIX и начале XX в., в качестве наиболее эффективного средства выстраивания коммуникаций выступили разговорные формы татарского языка, что нашло свое отражение и в СРП основных социальных групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азаматов, Д. Д. (1999) Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа : Гилем. 194 с.
- Бәширова, И. Б. (2008) XIX гасыр ахыры — XX йөз башы татар әдәби теле: жанр-стильләре, аерым грамматик категорияләрдә норма һәм вариантлылык [Татарский литературный язык конца XIX века — начала XX столетия]. Казан : ТӘНСИ. 340 б. (На татар. яз.).
- Бойко, Б. Л. (2008) Принципы моделирования речевого портрета носителя социально-группового диалекта // Армия и общество. № 2. С. 114–121.
- Винокур, Т. Г. (1989) Речевой портрет современного человека // Человек в системе наук / сост. Е. В. Филиппова; отв. ред. И. Т. Фролов. М. : Наука. 503 с. С. 361–370.
- Габдрафикова, Л. Р. (2012) Повседневная жизнь татарских шакирдов в конце XIX — начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. № 4–1 (76). С. 56–62.
- Габдрафикова, Л. Р. (2015) Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX — начало XX века). Казань : Татарское книжное издательство. 367 с.
- Загидуллин, И. К., Багаутдинова, Х. З., Байбулатова, Л. Ф. (2015) Проблема дня отдыха торговых заведений мусульман в петициях татар Казани в конце XIX — начале XX в. // Гасырлар авазы — Эхо веков. № 3/4. С. 47–65.
- Знаменский, П. В. (1910) Казанские татары. Казань : Типо-литография Императорского университета. 67 с.
- Илялова, И. И. (1986) Театр имени Камала. Казань : Татарское книжное издательство. 327 с.
- История татар с древнейших времен (2013) : в 7 т. / гл. ред. Р. Хакимов. Казань : Институт истории АН РТ. Т. VI. Формирование татарской нации. XIX — начало XX в. 1172 с.
- Караулов, Ю. Н. (1987) Русский язык и языковая личность. М. : Наука. 264 с.
- Крысин, Л. П. (2001) Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. № 1. С. 90–106.
- Ларин, Б. А. (1928a) К лингвистической характеристике города. Несколько предпосылок // Известия Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Вып. 1. С. 175–185.
- Ларин, Б. А. (1928b) О лингвистическом изучении города // Русская речь. Вып. 3 / под. ред. Л. В. Щербы. Л. : Academia. 96 с. С. 61–74.
- Мирхаев, Р. Ф., Миннуллин, Б. К. (2024) Социально-речевой портрет поволжских татар во второй половине XIX — первом десятилетии XX века: теоретические основы изучения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 17. Вып. 10. С. 3505–3509.
- Николаева, Т. М. (1991) «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Доклады Всесоюзной научной конференции : в 2 ч. / редкол.: О. Л. Дмитриева и др. М. : ИРЯЗ. Ч. 2. 242 с. С. 69–74.
- Панов, М. В. (1990) История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М. : Наука. 453 с.
- Поливанов, Е. Д. (1968) Статьи по общему языкознанию: Избранные работы. М. : Наука. 376 с.
- Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр — XX йөз башы) [История татарского литературного языка (XIII век — начало XX столетия)] (2015) : 3 томда / И. Б. Бәширова, Ф. Ш. Нуриева, Э. Х. Кадырова; фәнни ред. Ф. М. Хисамова. Казан : ТӘНСИ. I т.: Фонетика. Графика: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык [I т.: Фонетика. Графика: Письменные традиции, норма и вариативность]. 696 б. (На татар. яз.).

Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр — XX йөз башы) [История татарского литературного языка (XIII век — начало XX столетия)] (2017) : 3 томда / И. Б. Бәширова, Ф. Ш. Нуриева, Э. Х. Кадырова, Р. Ф. Мирхәев; фәнни ред. Ф. М. Хисамова. Казан : ТӘҺСИ. II т.: Морфология. Грамматик категорияләренң структур-субстанциональ үзенчәлеге һәм функциональ-стилистик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык [II т.: Морфология. Структурно-субстанциональная особенность и функционально-стилистические возможности грамматических категорий: письменные традиции, норма и вариативность]. 888 б. (На татар. яз.).

Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр — XX йөз башы) [История татарского литературного языка (XIII век — начало XX столетия)] (2019) : 3 томда / И. Б. Бәширова, М. З. Вәлиева, Г. Ф. Гайнуллина, Х. Х. Кузьмина; фәнни ред. Ф. С. Баязитова. Казан : ТӘҺСИ. III т.: Лексика. Лексик-семантик категорияләренң инвариант-парадигма үзенчәлеге һәм контекстуаль-синтагматик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. Беренче кисәк [III т.: Лексика. Инвариантно-парадигматическая особенность и контекстуально-синтагматические возможности лексико-семантических категорий: письменные традиции, норма и вариативность. Первая часть]. 528 б. (На татар. яз.).

Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр — XX йөз башы) [История татарского литературного языка (XIII век — начало XX столетия)] (2020) : 3 томда / И. Б. Бәширова, М. З. Вәлиева, Р. Ф. Мирхәев; фәнни ред. Ф. С. Баязитова. Казан : ТӘҺСИ. III т.: Лексика. Лексик-семантик категорияләренң инвариант-парадигма үзенчәлеге һәм контекстуаль-синтагматик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. Икенче кисәк [III т.: Лексика. Инвариантно-парадигматическая особенность и контекстуально-синтагматические возможности лексико-семантических категорий: письменные традиции, норма и вариативность. Вторая часть]. 588 б. (На татар. яз.).

Татарские мурзы и дворяне: история и современность (2010): сборник статей. Вып. 1 / редкол.: Ф. Г. Тарханова (отв. ред.) и др. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. 376 с.

Хабутдинов, А. Ю. (2008) От общины к нации: татары на пути от средневековья к Новому времени (конец XVIII — начало XX вв.). Казань : Татар. кн. изд-во. 214 с.

Хаков, В. Х. (1993) Татар әдәби теле тарихы [История татарского литературного языка]. Казан : КДУ нәшр. 325 б. (На татар. яз.).

Дата поступления: 20.01.2025 г.

Дата принятия: 23.04.2025 г.

REFERENCES

Azamatov, D. D. (1999) *The Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly in the Late 18th — 19th centuries*. Ufa, Gilem. 194 p. (In Russ.)

Bashirova, I. B. (2008) *The Tatar Literary Language at the End of the 19th — Beginning of the 20th Centuries: Genres, Styles, Norm and Variation of Certain Grammatical Categories*. Kazan, TÖHSI. 340 p. (In Tatar)

Boiko, B. L. (2008) Principles of Modeling a Speech Portrait of a Speaker of a Socio-Group Dialect. *Armiya i obshchestvo*, no. 2, pp. 114–121. (In Russ.)

Vinokur, T. G. (1989) The Speech Portrait of the Contemporary Person. In: Filippova, E. V. (comp.), Frolov, I. T. (ed.) *Man in the System of Sciences*. Moscow, Nauka. 503 p. Pp. 361–370. (In Russ.)

Gabdräfikova, L. R. (2012) Everyday Life of Tatar Students (Shakirds) in the Late 19th — Early 20th Centuries. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4–1 (76), pp. 56–62. (In Russ.)

Gabdräfikova, L. R. (2015) *Tatar Bourgeois Society: Lifestyle in a Time of Change (Second Half of the 19th — Early 20th Century)*. Kazan, Tatar Book Publishing House. 367 p. (In Russ.)

Zagidullin, I. K., Bagautdinova, K. Z. and Baibulatova, L. F. (2015) The Issue of Muslim Shop Holidays in Petitions by Kazan Tatars in the Late 19th — Early 20th Centuries. *Gasyrlar avazy — Ekho vekov*, no. 3/4, pp. 47–65. (In Russ.)

Znamensky, P. V. (1910) *The Kazan Tatars*. Kazan, Printing House of the Imperial University. 67 p. (In Russ.)

Ilyalova, I. I. (1986) *The Kamal Theatre*. Kazan, Tatar Book Publishing House. 327 p. (In Russ.)

The History of the Tatars from Ancient Times (2013) / ed. by R. Khakimov. Kazan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Vol. VI: *The Formation of the Tatar Nation in the 19th — Early 20th Centuries*. 1172 p. (In Russ.)

Karaulov, Y. N. (1987) *The Russian Language and the Linguistic Personality*. Moscow, Nauka. 264 p. (In Russ.)

Krysin, L. P. (2001) The Modern Russian Intellectual: An Attempt at a Speech Portrait. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, no. 1, pp. 90–106. (In Russ.)

Larin, B. A. (1928a) Toward a Linguistic Characterization of the City: Some Preconditions. *Izvestiya Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. A. I. Gertsena*, vol. 1, pp. 175–185. (In Russ.)

Larin, B. A. (1928b) On the Linguistic Study of the City. In: Shcherba, L. V. (ed.) *Russkaya rech'*, vol. 3. Leningrad, Academia. 96 p. Pp. 61–74. (In Russ.)

Mirkhayev, R. F. and Minnullin, B. K. (2024) The Socio-Speech Portrait of the Volga Region Tatars in the Second Half of the 19th — First Decade of the 20th Century: Theoretical Basis of the Study. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 17, no. 10, pp. 3505–3509. (In Russ.)

Nikolaeva, T. M. (1991) 'Sociolinguistic Portrait' and Methods of Its Description. In: Dmitrieva, O. L. et al. (eds.) *The Russian Language and Modernity: Issues and Prospects of Russian Studies*. Papers of the All-Union Scientific Conference. Part 2. Moscow, IRYAZ. 242 p. Pp. 69–74. (In Russ.)

Panov, M. V. (1990) *History of Russian Literary Pronunciation in the 18th–20th Centuries*. Moscow, Nauka. 453 p. (In Russ.)

Polivanov, E. D. (1968) *Articles on General Linguistics: Selected Works*. Moscow, Nauka. 376 p. (In Russ.)

History of the Tatar Literary Language (13th — Early 20th Century) (2015) : in 3 vol. / Bashirova, I. B., Nuriyeva, F. Sh., Kadyirova, E. Kh., ed. by Khisamova, F. M. Kazan, TÖHSI. Vol. I: *Phonetics. Graphics: Written Traditions, Norm and Variability*. 696 p. (In Tatar)

History of the Tatar Literary Language (13th — Early 20th Century) (2017) : in 3 vol. / Bashirova, I. B., Nuriyeva, F. Sh., Kadyirova, E. Kh., ed. by Khisamova, F. M. Kazan, TÖHSI. Kazan, TÖHSI. Vol. II: *Morphology. Structural-Substantial Specificity and Functional-Stylistic Possibilities of Grammatical Categories: Written Traditions, Norm and Variation*. 888 p. (In Tatar)

History of the Tatar Literary Language (13th — Early 20th Century) (2019). Bashirova, I. B., Valieva, M. Z., Gainullina, G. F., Kuzmina, Kh. Kh., ed. by Bayazitova, F. S. Kazan, TÖHSI. Vol. III. Part 1: *Lexis. Invariant-Paradigmatic Nature and Contextual-Syntagmatic Potential of Lexico-Semantic Categories: Written Traditions, Norm and Variation*. 528 p. (In Tatar)

History of the Tatar Literary Language (13th — Early 20th Century) (2020) / Bashirova, I. B., Valieva, M. Z., Mirkhayev, R. F., ed. by Bayazitova, F. S. Kazan, TÖHSI. Vol. III, Part 2: *Lexis. Invariant-Paradigmatic Nature and Contextual-Syntagmatic Potential of Lexico-Semantic Categories: Written Traditions, Norm and Variation*. 588 p. (In Tatar)

Tatar Murzas and Nobility: History and Modernity (2010). Collected Papers, vol. 1., ed. by Tarkhanova, F. G. [chief editor] et al. Kazan, Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences. 376 p. (In Russ.)

Khabutdinov, A. Yu. (2008) *From Community to Nation: Tatars on the Path from the Middle Ages to Modernity (Late 18th — Early 20th Centuries)*. Kazan, Tatar Book Publishing House. 214 p. (In Russ.)

Khakov, V. Kh. (1993) *History of the Tatar Literary Language*. Kazan, KSU Publishing. 325 p. (In Tatar).

Submission date: 20.01.2025.

Acceptance date: 23.04.2025.

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

DOI: 10.25178/nit.2025.3.14

Статья

Положение кочевых семей Тувы и особенности их адаптации к современным условиям

Тамара К. Ростовская

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН;
Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Органа Д. Натсак

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация,

Лейла Ф. Деловарова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

В статье анализируются вопросы адаптации современных кочевых семей тувинцев к изменяющимся социально-экономическим условиям жизни в Туве. Анализ основан на результатах социологического исследования представителей кочевых семей 2025 г.

Рассмотрены изменение численности социальной группы чабанов, оленеводов в Туве. В постсоветский период происходило снижение числа чабанов как социальной и профессиональной группы, соответственно, и числа кочевых семей в структуре тувинского общества. Специальные программы поддержки животноводов, принятые республиканской властью, помогли изменить эту динамику. Отмечено отсутствие государственных программ поддержки кочевых семей в Туве.

Показаны структурные изменения, происходящие в тувинских кочевых семьях. Ряд факторов (вопросы образования детей, финансовые проблемы) приводят к практике раздельного проживания супругов (стоянка — село, город). Система образования детей вынуждает их жить вдали от хозяйства родителей, отрывая их от системы преемственности. Родители сами настроены на то, чтобы дети получали профессиональное образование и переезжали в другие места. Проблемы с доступом к коммуникационным сетям и цифровым технологиям также обуславливают сложности существования кочевых семей. Все эти факторы осложняют существование кочевых семей.

Ключевые слова: кочевой образ жизни; животноводство; чабан; тувинская семья; кочевая семья; доступ к Интернету; тувинцы

Для цитирования:

Ростовская Т. К., Натсак О. Д., Деловарова Л. Ф. Положение кочевых семей Тувы и особенности их адаптации к современным условиям // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 212-233. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.14>

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; директор Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграций Российского университета дружбы народов. Адреса: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: rostovskaya.tamara@mail.ru

Натсак Органа Доржуевна — кандидат философских наук, учёный секретарь Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Эл. адрес: nod695596@gmail.com

Деловарова Лейла Федоровна — и. о. доцента кафедры международных отношений и мировой экономики факультета международных отношений Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: 050040 Республика Казахстан, г. Алматы, пр. Аль-Фараби, 71. Эл. адрес: delovarova@mail.ru

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Article

The Status of Nomadic Families in Tuva and Features of Their Adaptation to Contemporary Conditions

Tamara K. Rostovskaya

*Institute of Demographic Research, Federal Scientific Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;
RUDN University, Russian Federation*

Organa D. Natsak

*Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva,
Russian Federation*

Leila F. Delovarova

Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan

The article analyzes the issues of adaptation of modern nomadic Tuvan families to the changing socio-economic conditions of life in Tuva. The analysis is based on the results of a sociological survey conducted among representatives of nomadic families in 2025.

The changes in the size of the social group of shepherds and reindeer herders in Tuva are examined. During the post-Soviet period, a decline in the number of shepherds as both a social and professional group occurred, which correspondingly reduced the number of nomadic families within the structure of Tuvan society. Special support programs for livestock breeders adopted by the republican authorities helped modify this trend, albeit insignificantly, partly because these programs were not specifically targeted at the needs of families. The absence of state support programs for nomadic families in Tuva is noted.

Structural changes occurring within Tuvan nomadic families are shown. Several factors (such as children's education, financial difficulties) lead to the practice of spouses living separately (with the family's seasonal camp on the one hand and the village or town on the other). The education system obliges children to live far from their parents' household, thereby disrupting the continuity of traditional family succession. Parents themselves are inclined to have their children obtain professional education and move to other locations. Problems with access to communication networks and digital technologies also cause difficulties in the existence of nomadic families. All these factors complicate the livelihood of nomadic families.

Keywords: nomadic lifestyle; livestock breeding; shepherd; Tuvan family; nomadic family; Internet access; Tuvans

For citation:

Rostovskaya T. K., Natsak O. D. and Delovarova L. F. The Status of Nomadic Families in Tuva and Features of Their Adaptation to Contemporary Conditions. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 212-233. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.14>

ROSTOVSKAYA, Tamara Kerimovna, Doctor of Sociology, Professor; Deputy Director, Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences; Professor, Director, Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, RUDN University. Postal addresses: Bldg. 1, 6 Fotievoi St., 119333, Moscow, Russian Federation; 6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1629-7780

NATSAK, Organa Dorzhuevna, Candidate of Philosophy, Academic Secretary, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: nod695596@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1833-4810

DELOVAROVA, Leila Fedorovna, Acting Associate Professor, International Relations and World Economy Chair, Faculty of International Relations, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71 Al-Farabi Ave., 050040, Republic of Kazakhstan, Almaty. E-mail: delovarova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3163-5933

Введение

В 2025 г. в России началась реализация нового национального проекта «Семья»¹, была утверждена «Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на период до 2036 г.»². Обновление государственной семейно-демографической политики, подходов к сохранению этнокультурной самобытности народов России требует исследования феномена кочевой семьи в современных условиях.

Кочевая семья — это особый тип семьи, имеющий особенности в образе и условиях жизни, детерминированные спецификой хозяйства, требующей сезонной смены пастбищ для разводимых животных. Современные кочевые семьи во многом во многом следуют образу жизни, сохранившемуся с древнейших времён, и являются носителями традиционной культуры хозяйствования. Актуальными исследовательскими проблемами являются вопросы о том, каким образом кочевые семьи адаптируются к современным социальным и экономическим условиям, как меняются внутрисемейная организация и традиционное гендерное распределение ролей, каковы их ценности и социальное положение. Ответы на эти вопросы могут осветить общую проблему: а есть ли будущее у кочевого образа жизни в условиях современных социальных изменений.

По мнению В. В. Карлова, который анализировал возможные перспективы и особенности воспроизводства кочевых народов и их традиций в постиндустриальном мире на примере кочевников субарктической и степной зон Евразии, динамика активного внедрения новаций и сохранение традиций и этнического опыта в хозяйственной, бытовой сферах жизни, входят в противодействие друг с другом (Карлов, 2016: 143).

К. Хамфри и Д. Снит, исследовавшие пастбищное животноводство в России, Монголии, Китае, пришли к выводу о том, что в степных зонах Внутренней Азии невозможно устойчивое развитие пастбищного хозяйства без кочевых и передвижений (Хамфри, Снит, 2006: 36). Это говорит о том, что пока кочевое пастбищное животноводство как вид хозяйствования будет существовать, будут и кочевые семьи с вытекающими из образа жизни особенностями.

С цивилизационной точки зрения в странах, где сохранилась кочевая культура жизни и ведения хозяйства, исторически сложившийся уклад жизни всё более находится под давлением урбанизации, всё более проигрывает по уровню комфорта, доступа к технологиям оседлой жизни, трансформации, происходящие в ходе адаптации к новым условиям, могут быть как позитивными, так и негативными. Изменения коснулись и кочевого семьи.

Цель исследования заключается в изучении положения кочевых семей тувинцев и их адаптации к современным условиям жизни. Задачами исследования стали: анализ изменения численности социальной группы чабанов, оленеводов, домашних животных; изучение опыта государственной поддержки кочевых семей и законотворчества в Туве в сравнительном контексте региональных практик субъектов РФ; исследование современных особенностей внутрисемейной организации в кочевых условиях и школьного образования детей чабанов; анализ проблем преемственности кочевой традиции в семье и доступа к современным технологиям в цифровом мире.

Объектом исследования является одна национальная кочевая семья тувинцев, предметом — современные изменения её социального положения, внутрисемейной организации, образа и условий жизни. Статья подготовлена на основе исследования современности, однако истоки многих процессов уходят в более ранние этапы развития Тувы. В этой связи отдельные показатели, такие, как доля лиц, занимающихся сельским хозяйством, количество поголовья скота, показаны в исторической динамике.

Эмпирической основой статьи послужили результаты социологического исследования, проведённого в Республике Тыва в апреле — июне 2025 г. с использованием качественных методов — глубинного интервью. Было проинтервьюировано 10 респондентов, которые были отобраны по признаку профессиональной деятельности — лица, занимающиеся отгонным животноводством —

¹ Национальный проект «Семья» [Электронный ресурс] // Национальные проекты. URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya/?ysclid=md5ulxfmyf814040576> (дата обращения: 01.06.2025 г.).

² «Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на период до 2036 г.» [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/docs/54976/> (дата обращения: 01.06.2025 г.).

чабаны, а также члены кочевых семей из Барун-Хемчикского, Эрзинского, Тес-Хемского, Кызылско-го кожуунов республики. Глубинные интервью проводились по разработанному авторами гайдю и полуструктурированному опроснику¹. В рамках исследования кочевых семей были проведены фокус-группа с участием 8 респондентов, по своей профессиональной деятельности взаимодействующие с кочевыми семьями — учителя сельской школы, экономист сельской администрации, председатель сумона, глава сумона, а также записано одно экспертное интервью.

Информационными источниками статьи стали актуальные федеральные и региональные нормативные правовые акты, государственные программы, а также статистические данные разных лет.

В статье были использованы общенаучные методы анализа и синтеза, качественные социологические методы, методы контент-анализа официальных документов.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что кочевой образ и кочевое животноводство в Туве на современном этапе являются малопривлекательными жизненными стратегиями, а кочевая семья испытывает серьезные социальные и экономические затруднения, для решения которых на федеральном и региональном уровне нужно принимать новые законы и нормативные правовые акты.

Обзор литературы

Перспективы кочевой цивилизации в постиндустриальном мире, влияние урбанизационных процессов, современных технологий на жизнедеятельность номадов, следовательно, их семей являются одним из важнейших вопросов в исследованиях российских и зарубежных ученых, занимающихся странами Азии и Африки (Железняков 2009; Карлов, 2016). В методологию исследования восточных обществ помимо однолинейных теорий марксизма, неозволюционизма, теории модернизации и цивилизационного подхода, ученые вводят и многолинейные теории, согласно которым существует несколько возможных вариантов социальной эволюции, а также мир-системный анализ (Крадин, 2024).

Проблемы трансформации кочевых семей на современном этапе в российской социологической науке стали предметом исследования применительно к северным семьям российской Арктики. В этих работах можно выделить несколько тематических направлений, которые непосредственно связаны с особенностями функционирования кочевых семей Севера, а также федеральной, региональной политики, направленной на регулирование отдельных вопросов жизнедеятельности, экономики, образа жизни семей, сохранивших традиционный кочевой уклад жизни:

Исследование трансформации кочевой семьи в Арктике. В этом ключе написаны работы Т. И. Константиновой, Т. С. Винокуровой, Я. М. Санниковой, А. А. Сулейманова, В. В. Филипповой, С. А. Григорьева, в которых наряду с адаптационными стратегиям родителей и детей изучались типы и структуры, социальное самочувствие семей, занимающихся северным оленеводством (Константинова, 2014, 2015; Винокурова и др., 2019). Основные нарративы в этих исследованиях заключаются в следующем. Кризис кочевой семьи происходил в два этапа: первый этап был связан с советской политикой интернатного обучения и воспитания детей оленеводов, в результате чего дети оказались оторванными от родительского, семейного воспитания, этнических ценностей, языка, культуры. Отстранение детей и женщин от оленеводства в советский период, когда на 10 рабочих мест для мужчин приходилась одна оплачиваемая ставка чумработницы, привело к разрыву преемственности поколений, гендерным перекосам и кризису семьи (Винокурова и др., 2019: 195, 197). Второй этап начался в постсоветскую эпоху, когда разрушилась прежняя модель организации и жизни кочевых семей, когда социально детерминированная высокая смертность мужчин на Севере привела к росту неполных семей, к тому, что во главе многих семей оказались вдовы, разведённые (Константинова, 2014: 29). На сложности создания кочевой семьи, связанной с нежеланием современных молодых женщин заниматься оленеводством, указывает О. Н. Епифанова². Признётся важность поддержки кочевой семьи как института, выступающего основой сохранения этнической культуры и традиционных видов хозяйственной деятельности народов Севера.

Исследование повседневной жизни коренных малочисленных народов представлено в работах С. М. Башиевой, которая отмечает факты девальвации трудовых мотиваций, маргинализацию отдельных слоев аборигенного общества и отчуждение молодёжи от своего этноса (Баишева, 2014).

¹ Интервьюирование проводилось на тувинском языке, перевод полевых материалов осуществлён О. Д. Натсак.

² Епифанова О. Н. Кочевая семья и чумработница // Арктические ведомости. 2024. № 1 (34). С. 84–87.

Изучение условий образования детей кочевых семей. На этом предметном поле анализируются специфические формы организации обучения, которые явились результатом адаптации реализации программ дошкольного и школьного образования к кочевым условиям семей в тундре. «Кочевое образование» в российской системе обучения детей представлено сезонными кочевыми группами кратковременного пребывания для дошкольников и кочевыми школами, в которых программы общего образования реализуются в совмещённом формате. Особенности этих практик представлены в работах И. М. Жуковской (Жуковская, 2025; Неустроев, Неустроева, 2017; Федорова, Николаева, 2020). Эти практики указывают на изменение подходов к образованию детей оленеводов, понимание важности нахождения детей с родителями.

Анализ законодательства, регулирующего разные аспекты жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера, в том числе кочевых семей. В этом исследовательском направлении работают правоведы, изучающие существующие коллизии в законодательстве, вместе с тем новые подходы в законотворческой деятельности, учитывающие социоэкосистемы коренных малочисленных народов Севера. К ним относятся С. В. Стрыгина, Н. И. Новикова, В. В. Сосин и другие (Стрыгина, 2023; Новикова, 2024; Сосин, 2021). Эти исследователи отмечают тенденцию антропологизации российского права на федеральном и региональном уровнях, при которой этнографические данные об образе жизни, традиционных хозяйственных укладов стали играть всё более важную роль (Новикова, 2024; Стрыгина, 2023). Главными предложениями, выдвинутыми рядом авторов, работающими на этом предметном поле, является идея разработки и принятия федерального закона «О кочевой семье» (Стрыгина, 2023: 223; и др.¹); закрепление статуса чумработницы (хозяйки передвижного жилища), внесение его в реестр профессий и установление фиксированной оплаты труда²; введение мер государственной поддержки кочевых семей, охраны здоровья образования детей (Сосин, 2021: 22). Исходя из активизации в России законотворческой работы в области семьи, семейных ценностей, семейно-ориентированной инфраструктуры за последние пять лет полагаем, что такой закон будет разработан и будет учитывать особенности кочевых оленеводческих семей и кочевых семей, занимающихся пастбищным скотоводством.

Что касается изучения современных кочевых семей тувинцев, следует отметить следующие факты. В целом тувинская семья выступает как значимый объект анализа. Как показал проблемно-тематический обзор исследований за последние двадцать с лишним лет, предметом анализа становились историко-этнографические, этнопедагогические, гендерные аспекты, а также особенности социализации детей, родительские практики в тувинских семьях, студенческие, неполные семьи (см.: Ростовская и др., 2024). Чабанский и оленеводческий труд как виды занятости, а также чабаны как профессиональная группа в социально-профессиональной структуре тувинского общества рассматривались в монографии ученых под ред. З. Т. Голенковой в контексте изучения регионального рынка труда (Социально-стратификационные ..., 2021: 16, 21, 91).

Однако кочевая семья как особый институт и её структурные изменения, социально-экономическое положение и перспективы на современном этапе остаются неисследованными. Считаем, что эти направления важны как научный дискурс и как основа выработки управленческих мер, направленных на улучшение жизни кочевых семей.

Изменение численности социальной группы чабанов, оленеводов

Номадизм как образ жизни в современном мире сохраняется в шести видах, если исходить из вида разводимых животных: бедуины Северной Африки (верблюдоводы); африканские кочевники в пустынях Южной Сахары (крупный рогатый скот); евро-азиатские кочевники (козы, овцы, лошади, крупный рогатый скот); кочевники Тибета (яки); народы-олeneводы в Северо-Азиатской тундре; морские кочевники (рыболовство) (Энхтувшин, 2015: 692).

В Туве же кочевническая культура представлена тремя видами из вышеуказанной классификации, которые детерминированы видами животных, средой обитания которых являются совершенно разные климатические зоны: верблюдоводством в степных районах юга республики; разведением овец, коз, коров, лошадей — в степных и лесостепных зонах; яководством — в высокогорном районе на юго-западе, оленеводством — на северо-востоке.

¹ Там же. С. 47.

² Там же.

Несмотря на переход на оседлость основной части населения во второй половине XX в., чабаны, оленеводы как носители кочевой культуры и как социальная группа составляли важный сегмент тувинского населения.

Значимые изменения в их количественном составе произошли в постсоветский период, когда наблюдалось снижение доли занятых в сельском, лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве в целом. Именно в эту группу занятых входят чабаны, занимающиеся кочевым животноводством. По сравнению с 1995 г. в 2023 г. доля этой группы уменьшилась более чем в три раза — с 23,3% в общей численности занятых до 7,4% (рис. 1). Уменьшение числа животноводов как социально-профессиональной группы означает и снижение числа кочевых семей, которые в результате миграции в села и города потеряли статус кочевых семей, перейдя в положение обычных сельских семей.

О снижении числа занятых в животноводстве за последние 20 с лишним лет свидетельствует также такой показатель, как численность занятых в собственном домашнем хозяйстве по производству

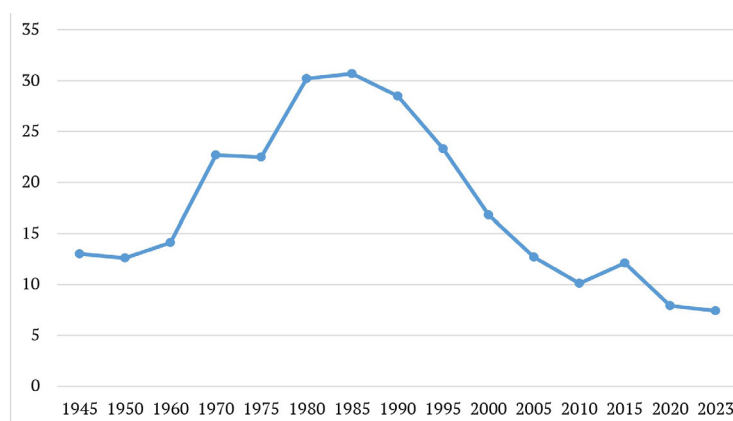

Рис. 1. Распределение среднегодовой численности занятых в сельском, лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве в Республике Тыва в 1995–2023 гг., в % от общей численности занятых¹.

Fig. 1. Distribution of the average annual number of people employed in agriculture, forestry, hunting, fishing in the Republic of Tuva in 1995–2023, in % of the total number of people employed.

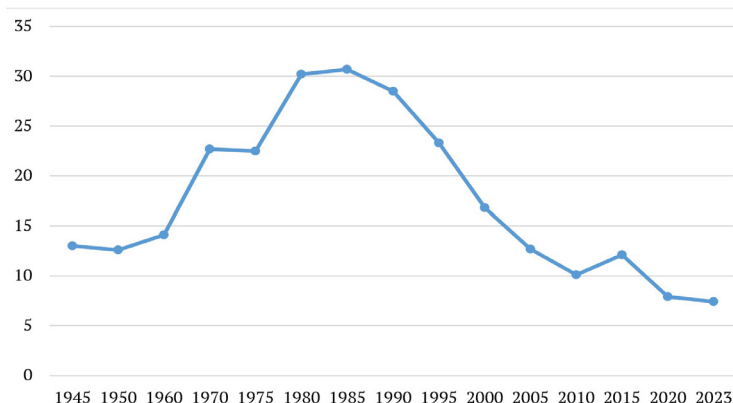

Рис. 2. Численность занятых в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства для продажи или обмена в Республике Тыва в 2001–2024 гг.²

Fig. 2. The number of people employed in their own household in the production of agricultural, forestry, hunting, fishing products for sale or exchange in the Republic of Tuva in 2001–2024.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 05.05.2025 г.).

² Рабочая сила, занятость и безработица в России 2002, 2006, 2010, 2016, 2022, 2024 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения: 05.05.2025 г.); Советская Тува в цифрах. Статистический сборник. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 1984. С. 104; Советская Тува в цифрах. Статистический сборник Кызыл: Госкомстат РСФСР, Тувинское республиканское управление статистики. 1991. С. 9.

продукции сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства для продажи и обмена. В 2001 г. она составляла 4,2%, в 2023 г. — 2,1% (рис. 2).

При сокращении количества лиц, занятых в животноводстве поголовье скота по сравнению с кризисными 1990-ми гг. восстанавливается и показывает рост, кроме оленей (рис. 3). Однако в последние годы наблюдается снижение поголовья овец.

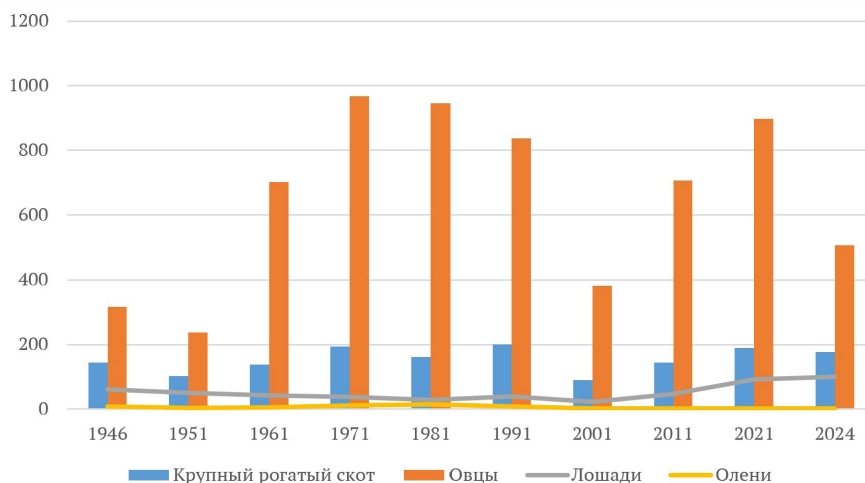

Рис. 3. Поголовье скота в Туве в 1946–2024 гг.¹
Fig. 3. Livestock population in Tuva in 1946–2024.

Причины снижения количества занятых в этой сфере, в частности, кочевом животноводстве, были разные: отсутствие регулярного денежного дохода, немеханизированный ручной труд, погоднo-климатические условия, отдалённость от социальной инфраструктуры. Кочевой образ жизни и деятельность в сфере животноводства теряли привлекательность, дети чабанов получали профессиональное образование, и для тех, кто имел высшее и среднее профессиональное образование, была характерна межпоколенная восходящая мобильность, миграция в села, районные центры и городские населённые пункты, а для тех, кто не сумел получить образование, но не захотел заниматься традиционным животноводством — нисходящая мобильность, они зачастую пополняли ряды безработных.

Несмотря на это, чабаны как социальная и профессиональная группа в структуре тувинского общества сохраняются, вместе с ними и их семьи с детьми — кочевые семьи.

За последние пять лет региональным правительством были реализованы два проекта, которые стимулировали рост кочевых хозяйств и семей.

В 2016 г. была начата реализация проекта «Кыштаг для молодой семьи» («Зимнее стойбище для молодой семьи»). За счет бюджета республики молодым семьям, имеющим детей и желающим заниматься животноводством, и которых поддержал сход граждан села, предоставлялись средства на строительство зимнего дома, кошары, и предоставлялась отара, состоящая из 200 голов мелкого рогатого скота. Участники программы обязаны были зарегистрировать крестьянско-фермерское хозяйство, платить налоги, через два года передать 200 голов другому участнику, а оставшийся приплод получить в собственность. Проект привлёк молодые семьи из сёл, которые выехали в кочевья для занятий животноводством. Всего за 6 лет реализации проекта (с 2016 по 2021 гг.) 627 семей стали получателями мер государственной поддержки и перешли в статус кочевых семей, образовавших крестьянско-фермерские хозяйства, на финансирование проекта всего было направлено 476 млн руб.² Социально-экономическими эффектами данного проекта стали: привлечение молодых семей к тра-

¹ Поголовье скота и птицы в хозяйствах всех категорий [Электронный ресурс] // Единая межведомственная информационно-статистическая система. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31325> (дата обращения: 25.06.2025 г.).

² Об итогах губернаторского проекта «Кыштаг» [Электронный ресурс] // Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Тыва. URL: <https://mcx.rtyva.ru/events/24651/> (дата обращения: 03.05.2025 г.).

диционному животноводству, повышение уровня занятости сельского населения. Была выстроена система социального сопровождения кочевых семей участников проекта — медицинское обследование мобильной бригадой врачей. В 2018 г. была открыта новая аграрная школа с интернатом, в которую приняты были дети участников проекта (50 чел.), финансируемая из регионального бюджета; создана региональная общественная организация «Союз молодых животноводов Республики Тыва».

В 2020–2021 гг. региональным правительством был инициирован другой проект «Чаа сорук» («Новая жизнь»), направленный на ресоциализацию лиц, вернувшихся с мест лишения свободы¹. Участвовать в проекте могло лицо до 45 лет, который ранее отбывал наказание в виде лишения свободы, среднедушевой доход семьи которого не превышал величины прожиточного минимума в среднем на душу населения по республике. Семья должна была иметь несовершеннолетних детей и постоянно проживать в населенном пункте, от которого заявитель участвует². За два года реализации проекта было построено 148 зимников для участников проекта за счёт муниципальных бюджетов, на основе социального контракта из консолидированного бюджета республики были выделены средства на приобретение 200 голов мелкого рогатого скота и 20 голов крупного скота³.

Специфика вышеуказанных двух проектов заключается в том, что за счет государственной поддержки был простимулирован приток более семисот семей из сёл в кочевья для занятия животноводством. Вопрос, требующий специального исследования — какая часть этих семей после выполнения условий социального контракта сохранила кочевой статус своих семей и хозяйство.

Данный опыт показывает, что рост и снижение числа кочевых семей зависит от государственных мер стимулирования животноводства как профессиональной деятельности.

Анализ мер государственной поддержки кочевых семей: опыт Тувы в контексте региональных практик

Экстенсивное пастбищное животноводство, оленеводство и соответствующий им кочевой образ жизни являются экономически социально уязвимыми практиками, которые всё меньше привлекают современных жителей республик, для которых они составляли основу традиционной жизни. Кочевой образ жизни предполагает целый ряд лишений, прежде всего, в доступе к современной социальной, экономической и коммуникационной инфраструктурам.

Анализ региональных нормативных правовых актов показывает, что в отдельных субъектах РФ, в которых проживают коренные малочисленные народы Севера, приняты разные меры социальной поддержки семей, ведущих кочевой образ жизни. Рассмотрим опыт некоторых регионов.

В Республике Саха (Якутия) в 2016 г. был принят закон «О кочевой семье», который законодательно закрепил содержание таких ключевых понятий, как «кочевой образ жизни», «кочевая семья», «места кочевий», определил правовые отношения, возникающие при реализации закона, порядок оформления статуса кочевой семьи⁴. В части государственной поддержки кочевой семьи помимо социальных мер предусмотрены инфраструктурные мероприятия, такие, как, например, модернизация республиканской сети спутниковой связи в местах кочевий⁵.

Данный закон является первым и единственным в России региональным законом, направленным на улучшение жизни кочевых семей. Несмотря на то, что он, по мнению, исследователей требует совершенствования (Сосин, 2021: 22), его можно использовать как основу и ориентир в разработке аналогичных региональных законов в других субъектах РФ, на территории которых живут кочевые семьи, а также при разработке проекта федерального закона в этой области.

¹ Постановление Правительства Республики Тыва от 3 марта 2020 г. № 66 «О губернаторском проекте «Новая жизнь (Чаа сорук) и о внесении изменений в постановление Правительства Республики Тыва от 2 ноября 2010 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561771189?ysclid=mde4o1ti84201514166> (дата обращения: 21.05.2025 г.).

² Там же.

³ В Туве подвели итоги губернаторского проекта «Чаа сорук» (Новая жизнь) [Электронный ресурс] // TMG-news. URL: <https://tmgnews.ru/novosti/v-tuve-podveli-itogi-gubernatorskogo-proekta-cha-soruk-novaya-zhizn/> (дата обращения: 21.05.2025 г.).

⁴ Указ Главы Республики Саха (Якутия) «О законе Республики Саха (Якутия) «О кочевой семье»» [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1400201606230015?ysclid=md2yg43cvs496492323&index=6> (дата обращения: 07.06.2025 г.).

⁵ Там же.

В Ямало-Ненецком автономном округе принимаемые меры носят демографическую ориентированность, направлены в том числе, на стимулирование рождаемости в кочевых семьях. В регионе функционирует единая база лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Севера, ведущим традиционный образ жизни¹; введены так называемые «кочевые выплаты» жителям округа, ведущим традиционный образ жизни и хозяйственную деятельность; «чумовой капитал» для молодых кочевых семей, который предоставляется при рождении второго ребенка и в который входят предметы для кочевого жилища и нарты на сумму более чем 500 тыс. руб.²; установлен региональный стандарт минимальной материальной обеспеченности (шесты и покрытия для чума; печка, мини-электростанция; сети, аптечка, ветеринарный набор; бензопила и др.)³; есть образовательные субсидии, сертификаты для детей кочевых семей⁴, а также выплачивается ежемесячное пособие работникам традиционного хозяйства.

В Республике Коми с 2011 г. жители республики, которые являются оленеводами и ведут кочевой, полукочевой образ жизни, получают ежемесячные выплаты в размере 4 тыс. руб.⁵, в 2018 г. были введены ежегодные выплаты пенсионерам-оленеводам в размере 5 тыс. руб.⁶, Меры направлены на социальную поддержку лиц, занимающихся и занимавшихся оленеводством как профессиональной деятельностью, тем не менее эти трансферты поступают в любом случае и в бюджеты кочующих семей.

В Республике Тыва социальные меры поддержки чабанов не обновлялись в последние годы, сам подход к этому направлению несколько отличается от опыта Республики Саха (Якутия), Ямало-Ненецкого автономного округа.

¹ Постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 20 октября 2016 г. № 986-П «О государственной информационной системе по моделированию и прогнозированию социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа» (с изменениями на 26 декабря 2024 г.) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/441792617?ysclid=md323taigl473354997> (дата обращения: 01.06.2025 г.).

² Постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа «Об утверждении Порядка предоставления молодой семье, ведущей кочевой образ жизни коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе, комплекта чума и нарт» (с изменениями на 17 января 2025 года) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/574708382?ysclid=md31ku8ik3820700570> (дата обращения: 07.06.2025 г.).

³ Постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 23 декабря 2016 года № 1214-П «Об утверждении регионального стандарта минимальной материальной обеспеченности лиц, ведущих традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе» (с изменениями на 17 января 2025 года) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/444890246> (дата обращения: 08.06.2025 г.).

⁴ Постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 26 сентября 2012 года № 826-П «Об оказании социальной поддержки лицам из числа коренных малочисленных народов севера в Ямало-Ненецком автономном округе, а также иным лицам, не относящимся к коренным малочисленным народам севера в Ямало-Ненецком автономном округе, постоянно проживающим на территории Ямало-Ненецкого автономного округа, ведущим традиционный образ жизни коренных малочисленных народов севера в Ямало-Ненецком автономном округе, осуществляющим традиционную хозяйственную деятельность и занимающимся традиционными промыслами в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов севера в Ямало-Ненецком автономном округе» (с изменениями на 14 февраля 2025 года) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/473412666> (дата обращения: 02.06.2025 г.).

⁵ Постановление Правительства Республики Коми от 19 декабря 2011 г. № 590 «О внесении изменений в Постановление Правительства Республики Коми от 22 ноября 2011 г. № 523 «О предоставлении государственных социальных гарантий и компенсаций оленеводам» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/473208437?marker=64U0IK> (дата обращения: 09.06.2025 г.).

⁶ Постановление Правительства Республики Коми от 16 ноября 2018 г. № 498 «О внесении изменений в Постановление Правительства Республики Коми от 22 ноября 2011 г. № 523 «О предоставлении государственных социальных гарантий и компенсаций оленеводам» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550247415?marker=64U0IK> (дата обращения: 09.06.2025 г.).

Так, в республике отсутствует специальный реестр кочевых семей. Согласно ведомственным данным регионального минсельхоза, в 2023 г. насчитывалось 3318 чабанских стоянок¹. Но число чабанских стоянок неправильно приравнивать к числу кочевых семей, так как на стоянках могут жить наемные чабаны, одинокие, не состоящие в браке мужчины.

Отдельного закона о кочевых семьях в республике тоже нет.

В 2010 г. республиканскими властями были введены социальные льготы «чабанам-тысячникам» — тем, кто имеет более 1000 голов скота. Они подразумевали первоочередной прием руководителями органов исполнительной власти Республики Тыва, первоочередное медицинское обслуживание чабанов-тысячников и членов их семей в лечебно-профилактических учреждениях республики, получение первоочередного направления на высокотехнологичное лечение в лечебных учреждениях других регионов страны, бесплатное предоставление путевок в санаторно-курортные учреждения семьям, имеющим детей-инвалидов и детей с хроническими заболеваниями, а также бесплатный проезд один раз в год до места лечения и обратно в санаторно-курортных учреждениях Республики Тыва; обеспечение целевой контрактной подготовки чабанов-тысячников, их детей в образовательных организациях, осуществляющих подготовку по сельскохозяйственным направлениям (специальностям)².

Как мы видим, критерием получения этих преференций является количество частного скота. Хозяйства, имеющие 1000 и более голов скота, относятся к зажиточным и материально обеспеченным хозяйствам. Среди кочевых семей, занимающихся отгонным животноводством, как и среди городских, сельских оседлых семей, существует социальное неравенство и социальная дифференциация, исходя из поголовья скота и ресурсов хозяйств. Крупных хозяйств — меньшинство.

В этих условиях вне системы социальных льгот остается большинство кочевых семей. Между тем они представляют собой немаловажную часть демографического ресурса воспроизводства населения республики, и с учетом отдалённости от медицинской и диагностической инфраструктуры нуждаются во внеочередном обследовании, амбулаторном, стационарном и санаторно-курортном лечении.

В 2017–2018 гг. в Туве был реализован другой губернаторский проект «Утварь для оленеводческой семьи», основная идея которого заключалась в приобретении за счет регионального бюджета и передаче 17 оленеводам комплектов спутниковой связи, утеплённых палаток, снегоходов марки «Буран». Участник должен был быть потомственным оленеводом и соответствовать следующим критериям: иметь поголовье оленей, стаж и опыт работы в оленеводстве, быть заслуженным работником отрасли, наставником молодежи. То есть основные критерии, как мы видим, не связаны с семейным положением.

В региональном законодательстве Республики Тыва отдельно не выделен статус кочевой семьи, региональные меры социальной поддержки семей, ведущих кочевой образ жизни, направлены не на всю социальную группу, а на тех, кто имеет особые заслуги. Опыт других регионов показывает новые подходы и практики, которые могут послужить основой для обновления законодательной базы и мер поддержки кочевых семей в Туве.

Современные особенности внутрисемейной организации кочевых семей в Туве

Традиционно кочевая семья состояла из супружеской пары и детей, но могла входить в состав многопоколенной расширенной семьи. Расширенная многопоколенная семья, по описаниям Л. П. Потапова, составляла ядро аала, кочевой группы родственников, в которой каждая юрта — семья родных братьев, имевших собственные хозяйства, рядом могло находиться несколько юрт бедных родственников и свойственников (Потапов, 1969: 117). На структурное изменение устойчивого объединения — аала повлияли процессы нуклеаризации семей, снижение числа семей, занимающихся кочевым животноводством. Сегодня многие семьи кочуют в одиночку.

¹ Приступили к важной кампании — зимовке скота [Электронный ресурс] // Министерство сельского хозяйства Республики Тыва. Страница VK. URL: https://vk.com/wall-117799467_11418?ysclid=md36azzayu818179197 (дата обращения: 11.07.2025 г.).

² Постановление Правительства Республики Тыва от 15 сентября 2010 года № 375 «О мерах по государственной поддержке чабанов, имеющих 1000 и более голов мелкого рогатого скота» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/906701801?ysclid=maniuafbw264500138> (дата обращения: 05.05.2025 г.).

В настоящее время два важнейших фактора, такие, как необходимость обучения детей в школе и дефицит финансовых средств в семье определили появление новой социальной практики раздельного проживания супругов из кочевых семей, возникшей в постсоветский период: один — в селе или городе, другой — на чабанской стоянке.

Необходимость разделения обуславливается отсутствием регулярного денежного дохода животноводов. Скот является капиталом, но его конвертация в денежные средства, необходимые для жизнедеятельности семьи и хозяйства, имеет сезонный характер, продажа продукции хозяйства также требует дополнительных расходов. В этих условиях один из супругов, как правило женщина, работает и живет в селе, выступает добытчиком регулярных средств в семье. Она также находится рядом с детьми-школьниками в селе. Мужчина ведёт животноводческое хозяйство, а жена постоянно курсирует между кочевым хозяйством и домом с детьми в селе или в городе:

«Жена бывает здесь со мной 1–2 месяца в году, потом она уезжает в село к детям. Жена не может со мной находиться на стоянке, так как в школе учится наш младший сын, девятиклассник. Сейчас все строго стало, учителя не разрешают оставлять его одного, требуют, чтобы кто-то из родителей жил с ним» (муж., 54 лет);

«В 2017 г. мы оформили КФХ¹, стали участниками программы “Кыштаг для молодой семьи”, получили 200 голов овец. Потом я уехала в село, чтобы обучать в школе старших детей, устроилась на работу, так как у меня есть высшее педагогическое образование. Муж один жил на стоянке два года, мы ездили: он — к нам, я с детьми — на стоянку. Потом он переехал к нам в село, мы наняли чабанов для своего скота и оставили их на своей стоянке. Обеспечиваем их продуктами, ежемесячно платим 20 тыс. руб. и скотом. Когда все дети закончат школу, с мужем обратно вернемся на стоянку» (жен., 33 лет);

«У нас есть дом в селе, где я живу с детьми школьного возраста, наша чабанская стоянка всего в трех километрах от села. Езжу на стоянку каждые 2–3 дня. В село я переехала, когда старший сын пошел в школу. Со временем привыкаешь» (жен., 46 лет).

Немаловажным фактором убытия женщин из кочевых семей в село и города является образовательная гипогамия² в тувинских семьях, которую отмечают исследователи (Натсак, 2021: 130–131). Более высокий уровень образования женщин встречается и среди кочевых семей. В условиях, когда муж ведёт кочевое частное хозяйство, не оформленное как КФХ, не работает в СПК³, оплачивающее страховые взносы в фонды, он не имеет страхового стажа, необходимого для получения страховой пенсии. Женщина, имеющая профессиональное образование, устраивается на работу, чтобы в будущем у неё была возможность воспользоваться льготным выходом на пенсию и получать не социальную, а страховую пенсию. Вопрос пенсионного стажа в равной степени важен для всех чабанов вне зависимости от пола, это тот вопрос, в котором нужны новые законодательные решения на федеральном уровне:

«У мужа пенсионного стажа нет, у меня стаж идет. Для этого я работаю в селе в школе. У меня два средних профессиональных и высшее образование. Муж после школы дальше не стал учиться. Мы с мужем на два дома живем уже 17 лет. Хочу доработать до пенсии, осталось 4 года, потом поеду жить к мужу на чабанскую стоянку насовсем» (жен., 46 лет).

Такие семьи по характеру организации внутрисемейных отношений во многом близки к современным семьям, в которых один из супругов, как правило, мужчина, практикует транслокальную трудовую (вахтовую) миграцию. Такие семьи, как отмечает Г. В. Хилажева, переживают качественно новые последствия миграционных процессов, в них более интенсивно происходит трансформация традиционного характера отношений внутри семьи (Хилажева, 2021: 71). В тувинских кочевых семьях с раздельным проживанием супругов в поисках работы или для обучения детей убывает женщина, следовательно, в домохозяйстве достаточно длительное время отсутствует именно она. Воссоединение супругов зависит от завершения определенного жизненного этапа, например, выхода женщины на пенсию, или от значимых событий, таких, как завершение детьми школьного образования. В период раздельного проживания происходит изменение гендерного распределения в выполнении неоплачиваемого домашнего труда. Если в семьях, проживающих в селах и городах, в разделении труда происходит эгалитаризация (равноправие в самореализации), и мужчины все более склонны участвовать в уходе, воспитании детей (Натсак, 2022а: 86), то в кочевых семьях с раздельным

¹ КФХ — крестьянско-фермерское хозяйство.

² Образовательная гипогамия — брак, в котором один из партнеров имеет более высокий уровень образования.

³ СПК — сельскохозяйственный производственный кооператив.

проживанием супругов мужчины, находящиеся на чабанской стоянке, в гораздо меньшей степени участвуют в уходе, воспитании, социализации детей, чем женщины, проживающие совместно с ними. Тем не менее они самостоятельно выполняют традиционно женские виды домашней работы, такие, как приготовление пищи, стирка, уборка:

«Мужчины, оставшиеся одни на стоянке, сами выполняют домашнюю работу: готовят, убирают, стирают» (жен., 46 лет).

В этих условиях роль женского участия в уходе и воспитании детей становится исключительной. Кроме того, в домохозяйстве в селе женщины сами полностью выполняют мужские виды домашнего труда (топка печи, транспортировка воды).

Раздельное проживание супругов влияет на изменение хозяйственных практик и домашнее производство. По мнению участников нашей фокус-группы, чабаны склонны переходить к разведению крупного рогатого скота и лошадей, все больше отказываясь от разведения овец, которое требует больших трудозатрат и присутствия более одного человека в хозяйстве:

«По хозяйствам на территориях, принадлежащих нашему сумону, мы видим, что растут поголовья коров, лошадей. Чабаны все больше отказываются от овцеводческого типа хозяйств, так как они требуют большего ухода. Поэтому сокращается поголовье овец. Коров тоже перестали доить» (жен., 48 лет).

Что касается распределения гендерной власти в кочевых семьях с раздельным проживанием, следует отметить, что финансовое управление, как и во многих других тувинских семьях, концентрируется в руках женщин — они получают заработную плату, если работают, пособия на детей. Происходит разделение функций: решения, связанные с хозяйством, преимущественно принимает мужчина, так как он находится там, а решения, связанные с воспитанием, обучением детей, принимает женщина. Но номинальным главой семьи остается мужчина, как в других семьях, ведущих оседлый образ жизни (Натсак, 2022b: 28).

Эта модель является результатом адаптации кочевых семей к новым социальным условиям. Нужно признать, что она несет в себе определённые риски для устойчивости кочевой семьи.

Исходя из интервью с респондентами, мы выявили в целом три модели современных кочевых семей (табл. 1).

Таблица 1. Современные модели кочевых семей тувинцев, занимающихся отгонным животноводством
Table 1. Modern models of nomadic Tuvan families engaged in animal husbandry

№	Модель	Проживание супругов	Проживание детей школьного возраста	Ведение хозяйства
1	Традиционная	совместное	в интернате; у родственников, проживающих в селе или городе	самостоятельное
2	Модифицированная	раздельное	в собственном доме в сельском или городском населённом пункте под присмотром матери	самостоятельное / использующее труд наемных помощников / кооперация с другими родственниками
3	Делегированная	совместное	в собственном доме в сельском или городском населённом пункте совместно с отцом и матерью	ведение хозяйства делегировано наемным работникам на определенный период

Эти модели непостоянны, зависят от жизненного цикла семьи и важных семейных и демографических событий, как рождение, обучение детей, состояния здоровья, экономического потенциала семьи.

Нами выявлен также другой факт, связанный с неполным типом семьи, возникшим в результате овдовения. В советский период в случае смерти мужчины, все обязанности по уходу за скотом совхоза

переходили к женщине. Относительный порядок, спокойная криминальная обстановка, коллективные формы хозяйствования, родственная помощь позволяли овдовевшим женщинам самостоятельно вести вверенное хозяйство. После того, как сыновья достигали брачного возраста и создавали семьи, под руководством матери они получали в свои руки хозяйство, продолжали дело родителей. В постсоветский период в связи с сосредоточением основной массы скота в частных хозяйствах и распадом совхозов чабаны полагаются лишь на собственные ресурсы, родственников, и женщинам в разы труднее стало выполнять функции главы хозяйства. Разница заключается в том, что совхозы в советский период обеспечивали, например, подвоз воды на специальной технике (на водовозах), соли для скота до чабанских стоянок, маршруты «магазинов на колёсах» — автолавок были выстроены с учетом мест кочёвок чабанов, при перекочевке была возможность воспользоваться грузовыми машинами совхоза. Кроме того, криминальная деятельность в виде скотокрадства была низкой.

На современном этапе в случае овдовения многие меняют образ жизни — мигрируют в село. Одна женщина не может совмещать воспитание, обучение детей с обязанностями по уходу за скотом, обеспечения жизнедеятельности хозяйства. У овдовевших мужчин больше шансов выполнять в одиночку хозяйственные задачи при условии, если несовершеннолетние дети будут учиться в школе под присмотром родственников.

Таким образом, факторами трансформации жизни кочевых семей являются изменения в социальном пространстве. Адаптация к современным условиям проявляется в формировании новых моделей организации и форм семьи. Необходимость в экономическом выживании семьи, обеспечения старости в будущем, с одной стороны, и закрытие во многих местах интернатов для детей чабанов, нежелание родителей передавать детей родственникам во время обучения в школе, или отсутствие такой возможности, усилившийся надзор за детьми со стороны школы, социальных служб толкают женщину-мать из кочевой семьи переезжать в село. Последствиями раздельного проживания являются изменения в распределении гендерных ролей и функций в семье, традиционных хозяйственных практик.

Школьное образование детей кочевых семей

Детско-родительские отношения в тувинской семье, социализирующая роль родителей менялась по мере развития модернизационных процессов и социокультурных трансформаций в тувинском обществе (Ламажаа, 2021: 57). На современном этапе продолжается плюрализация родительских практик, включающих и детоцентризм, и игнорирование потребностей детей в семьях, ведущих асоциальный образ жизни. Но для большинства родителей, в том числе родителей-чабанов, благополучие детей, получение ими образования — основной мотив их труда, цель их жизни.

Как выше указывалось, женщины ради образования детей едут в сёла, и живут в отрыве от своего кочевого хозяйства, супругов:

«Сейчас во многих чабанских семьях женщины находятся в селе. Они уезжают из чабанских стоянок, чтобы обучать своих детей в школе. Жёны молодых чабанов также уезжают в село искать работу, так как денег не хватает. Если интернаты будут работать, как раньше, то жёны будут находиться рядом с мужьями» (муж., 55 лет).

К вопросу возобновления работы пришкольных интернатов в качестве одного из решений данной проблемы респонденты относятся по-разному: одни считают, что интернаты нужны, другие — в интернаты родители сами не хотели бы отпускать своих детей:

«В девяностые годы интернат для детей чабанов работал. Времена сильно изменились. Многие сейчас не отдали бы детей в интернат. Зажиточные хозяйства нанимают чабанов и оставляют на стоянке, доверяют им полностью хозяйство, а хозяева сами живут в селе с детьми, которые учатся в школе. В нашем селе есть такие семьи. Платят наемным чабанам по 50–60 тысяч рублей в месяц» (жен., 48 лет).

В настоящее время в Туве из сети пришкольных интернатов для детей чабанов, функционировавших в советское время, сохранилась малая часть. Многие из них были закрыты в 1990-е и 2000-е гг. в первую очередь по причине сокращения числа чабанов, миграции многих кочевых семей в сёла. Кроме того, социальные трансформации, происходившие в сельских районах после распада совхозов, привели к формированию неблагополучных семей, в этих условиях имеющиеся ресурсы были пе-

пераспределены на поддержку детей из таких семей. Фокус внимания переместился с детей кочевых семей на детей, которые по обстоятельствам, сложившимся в своих семьях, нуждались в социальной помощи.

Один из опрошенных экспертов, ветеран образования, заведовавший долгое время пришкольным интернатом для детей чабанов, описала это время так:

«Наш интернат был типовым интернатом для детей чабанов и доярок. Был открыт в 1971 г. Дети жили тут, им выдавали одежду, мы создали родственный, семейный тип интерната, обучали культуре, этике, в то же время воспитывали как в семье — обучали труду, ведению хозяйства, тувинским обычаям. Мы учили шить национальную одежду, обувь. Этот эксперимент по внедрению новой воспитательной программы проходил с 1992 по 1995 гг. Интернат просуществовал до 2005 г.

Затем часть оборудования и инвентаря передали в создаваемый в районе приют, а также в пришкольные лагеря. Контингент детей чабанов стал жить у родственников. А сюда, поскольку здание интерната осталось, стали приходить дети из бедных неблагополучных и многодетных семей. Мы кормили их, занимались ими, районо финансировало. Поскольку тогда появились приюты, может, стало трудно финансировать и интернаты, и приют, к тому времени число чабанов, чабанских семей и поголовья скота стали сокращаться. Мы стали работать как дневные группы, с горячим питанием, классные руководители давали список детей из сложных семей, мы работали совместно с социальным педагогом школы, психологом. Пособия тогда совсем маленькие были, были нуждающиеся семьи» (жен., 72 года, высшее образование).

Многое зависело от руководства школ, которые отстаивали целесообразность сохранения интернатов для детей чабанов. В ходе полевых исследований в 2022 г. один из авторов посещала интернат для детей чабанов в отдалённом труднодоступном селе Кунгуртуге, в 2025 г. — интернат в с. Бай-Даг Эрзинского кожууна. Сохранились интернаты, например, в с. Адыр-Кежиг Тоджинского кожууна, где проживает 20 детей тувинцев-тоджинцев (включенных в единый перечень коренных малочисленных народов РФ и занимающихся оленоводством в тайге); в труднодоступном Монгун-Тайгинском кожууне, где проживают яководы.

В рамках исследуемой темы интерес представляет опыт сопредельного государства — Монголии, население которой к группе азиатских кочевников, чья культура хозяйствования и кочевой образ жизни исторически наиболее близка была к укладу жизни тувинцев. В Монголии после разрушения социалистической модели хозяйствования произошла реномадизация части населения, когда многие со своим частным скотом вновь вернулись к традиционному экстенсивному способу хозяйствования (Энхтувшин, 2015: 695). В настоящее время 76%, или 27136 чел. из проживающих в общежитиях — дети пастухов, сообщают монгольские авторы Б. Булган и Т. Эхтуяа (Булган, Энхтуяа, 2020: 248). А родители детей, проживающих в общежитии, находятся далеко от сомонного центра, а даже некоторые семьи пастухов со своим скотом откочевывают в другие аймаки и сомоны, живут в местах, где нет телефонной сети (там же).

Обучение детей в школе и семейное воспитание — это труднсовместимые задачи в условиях, когда семья ведет кочевой образ жизни, находясь зачастую на значительном расстоянии от образовательной инфраструктуры. В советский период, в особенности после введения в 1972 г. всеобщего среднего образования¹, все дети вне зависимости от того, где живут родители — в селах, городах или кочуют, обязаны были окончить 8 классов. Эту проблему решали через сеть интернатов. В отечественной литературе присутствует негативный дискурс относительно последствий интернатного воспитания детей северных оленеводов (см.: Константинова, 2015: 28). Эти вопросы являются дискуссионными применительно к Туве, так как в силу моноэтничности сельских районов воспитание в пришкольных интернатах детей чабанов в советский, постсоветский периоды, например, не привело, к утрате родного языка.

¹ Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 20 июня 1972 г. «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодёжи и дальнейшему развитию общеобразовательной школы» [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/355818> (дата обращения: 25.06.2025 г.).

Существующих альтернатив интернатному воспитанию детей чабанов, оленеводов немного: 1) для полного выполнения родительских обязанностей по воспитанию детей, обучающихся в школе, вся семья должна перейти в оседлость и жить в посёлке; 2) для обучения детей в школе женщины-мать из кочевой семьи переезжает в посёлок, при этом отцовское воспитание осуществляется лишь в период каникул; 3) дети школьного возраста во время обучения живут в семьях родственников, дети находятся под опекой и воспитанием родителей чуть более трёх месяцев в году; 4) обучение детей в кочевой школе, в которых невозможна полноценная реализация образовательной и воспитательной программы, предусмотренной в современных образовательных условиях. В Туве нет кочевых школ, необходимость в них также вызывает сомнения с учетом преобладающей ориентированности родителей на получение их детьми профессионального образования, требующего высоких результатов единых государственных экзаменов. По словам наших респондентов, они «готовы отдать всё, чтобы дети получили высшее образование и современные профессии» (жен., 48 лет).

Полагаем, что выбор варианта организации школьного обучения детей является индивидуальным решением каждой супружеской пары, и относится к частной сфере жизни семей. Повлиять на миграцию женщин из кочевых семей вслед за детьми школьного возраста в поселки невозможно, однако, там, где есть особая потребность в пришкольных интернатах — в труднодоступных районах, где живут оленеводческие и яководческие семьи, а также где есть родительский спрос среди чабанов, нужно сохранить и модернизировать оставшуюся сеть.

Преемственность кочевой традиции: проблемы и перспективы

Без поддержки кочевых семей культурно-хозяйственная преемственность традиций тувинцев будет прервана, многое уже безвозвратно было утеряно в ходе модернизации жизни и быта тувинцев. Наше исследование также показывает, что, например, традиции собирательства и использования в рационе питания тех растений, которые издавна использовались тувинцами, практически утрачены. Респондентам задавались вопросы о том, используют ли они в пищу *уургене* 'гречишка живородная', *кулча* 'дикий лук', растущий в степных и сухих местах, *мыйырал* 'корни гречишки живородной', *кичигене* 'гусиная лапка' (раст.), *даг согуназы* 'горный дикий лук', *ай* 'саранка кудреватая'. В том числе собирают ли они лекарственные травы. На эти вопросы они давали отрицательные ответы.

Домашнее производство одежды, особенно женское шитьё, ручное изготовление одежды и обуви, также не практикуется. Причина этого кроется в том, что с повышением доступности современной одежды и обуви фабричного производства по цене и возможности приобрести отпала необходимость в традиционном ручном изготовлении, которое требует навыков и существенных временных затрат. Кроме того, современная одежда, обувь отличается функциональностью. Национальную одежду носят по праздникам, однако она имеет декоративный характер, и зачастую далека от исторических образцов истинной повседневной одежды тувинцев, её покупают, а многие виды национальной одежды, которую носили чабаны даже в позднесоветское время, на современном этапе мало используются: *негей тон* 'овчинная шуба, тулуп', *додарлыг кышкы тон* (зимняя верхняя одежда, изготовленная из шкурок мелкого рогатого скота, покрытая сверху тестильным материалом), *чагы 'доха'*, *анай кежи тон* (зимняя верхняя одежда, сшитая из шкурок козлят); *хураган кежи тон* (зимняя верхняя одежда, сшитая из шкурок ягнят); *хөвөөниг тон* (верхняя одежда, которую носят весной и осенью, изготовленная из текстильного материала с хлопковым наполнителем), *чайгы тон* 'летний халат', *кадыг идик* 'жесткая обувь'; *чымчак идик* 'мягкая обувь', *маактыг бөрт* 'шапка, украшенная лентами', *огууза¹ бөрт* (шапка с двумя лентами), *халбаңыг бөрт* (шапка-ушанка) и т. д.

«Я не ношу всё это, и мне это не нужно, так как неудобно для работы. Зимой ношу безрукавку из овечьей шкуры, национальную одежду надеваю на Наадым» (муж., 25 лет).

Это свидетельствует о редуцировании хозяйственных практик, передаваемых современным поколениям кочевых семей.

Говоря о смысле особой поддержки детей кочевых семей, следует помнить о том, что ведение традиционного хозяйства требует особых навыков, способности выжить в трудных условиях, именно того, чем обладают дети чабанов, оленеводов. Наше исследование показало, что респонденты, ведущие

¹ В разных диалектах тувинского языка данное слово может иметь формы *олууза*, *овууза*.

кочевой образ жизни и занимающиеся пастбищным животноводством, все без исключения — сами дети чабанов. Преемственность в хозяйстве могут обеспечить только те, кто вырос в этих условиях. Обсуждая с респондентами вопрос о привлекательности для молодёжи кочевого животноводства, мы слышали такие ответы:

«... Нет, точно нет. Только если молодые парни, которые не учились, не имели возможность учиться. У кого родители просты. Еще знаю, что очень много сельских парней берут от государства в поддержку 200 овец. А потом через год сдают обратно, они, видимо, не знали, насколько это сложно. У меня тут по соседству даже были молодые семьи, которые не выдерживали суровые зимы и сдавали обратно овец, или вообще оставались в долгу у государства. Поэтому вряд ли у молодёжи из города что-то выйдет, если вдруг они приедут, решат, что они с этого дня чабаны. Это должно быть в крови, нужно любить это дело, не жалеть о выборе, не думать каждый день, какая у тебя сложная жизнь» (муж., 45 лет);

«Чабанский труд и кочевая жизнь не привлекательны для молодёжи, особенно для девушек, если у меня будут дети, я бы хотел, чтобы они жили в лучших условиях» (муж., 25 лет).

Родители в кочевых семьях желают своим детям иной жизни, более высокого образования, чем они имеют, большей мобильности и открытости. На вопрос о том, хотели бы они, чтобы их дети продолжили их дело и выбрали кочевое скотоводство, нами получены такие ответы:

«Нет, я считаю, что важно получить образование, детям важно жить в комфорте. Я бы хотел, чтобы у моих детей, если они будут, было высшее образование» (муж., 45 лет);

«Наш старший сын закончил речное училище, затем пошел в армию, заключил контракт, и сейчас служит во флоте, второй сын заканчивает автодорожный техникум. Пусть они видят большой мир. Из наших пятерых детей только одна дочка может продолжить наше дело» (жен., 46 лет).

В видении чабанов жизненных перспектив имеющихся и будущих своих детей городской образ жизни занимает более значимое место, чем традиционный кочевой образ жизни.

Вопрос о том, кто продолжит дело родителей, решается под влиянием многих факторов, среди которых важнейшим является желание самого молодого человека, но в силу разных жизненных обстоятельств и воли родителей возможно и назначение с их стороны одного из детей. Благоприятными являются случаи, когда оба фактора совпадают. Поскольку кочевые семьи, как правило, многодетные, сиблинги, получившие образование и живущие в городах и селах, оказывают материальную и инструментальную помощь тому, кто продолжил дело родителей:

«Я средний сын в семье. Нас всего 4 детей. Одна старшая сестра и трое братьев. Мои родители чабаны. Всю жизнь были чабанами. И их родители тоже, то есть мои бабушки и дедушки с обеих сторон. Из родных сестер и братьев только я занимаюсь кочевым скотоводством» (муж., 25 лет).

Данный пример показывает, что кочевой образ жизни, был выбором респондента.

«Родители моего мужа из 5-х своих детей выбрали его, чтобы передать ему хозяйство, по поводу своих детей мы не знаем. Надеемся, что старший сын будет иметь интерес к этому делу» (жен., 33 года).

Данный случай — скорее, результат выбора родителей.

«В 1975 г. сразу после школы вышла замуж и начала заниматься чабанским трудом. Пасли отару овец совхоза. В 2009 г. передала свой личный скот одному из сыновей и переехала жить в село, чтобы обучать внуков в школе. Это дети младшего сына, который продолжил наше дело. Супруг умер, когда ему было 15 лет. Хозяйство мы вели вдвоём с ним, младшим сыном, старший сын учился в городе, потом ушел в армию, после этого женился. Младший сын, который оставался со мной, тоже женился на дочери чабанов. Сейчас у младшего сына 4 сыновей, может, один из них выберет этот образ жизни» (жен., 69 лет).

На примере жизни этого респондента мы видим, что она после смерти мужа вела хозяйство совместно с одним из сыновей, который в полной мере освоил чабанское дело, и достигнув брачного возраста, женился и сам стал главой своей семьи. Выбор жизненного пути её сына был в определённой мере вынужденным, проявлением сыновнего долга после кончины отца, поскольку лишь он один был рядом с матерью, а для его детей, уже возможен выбор своей жизненной траектории, которая не обязательно будет связана с кочевым образом жизни.

Непривлекательность кочевого образа жизни сужает круг потенциальных брачных партнеров для молодых людей, решивших заняться животноводством. В случае, если выбор детей чабанов пал на выходцев из сёл и городов, они, как правило, меняют образ жизни и переезжают, либо живут на два

дома, когда муж приезжает к жене с детьми в город или село, но большую часть времени проводит в хозяйстве. В ходе интервью выяснилось, что, если в семьях респондентов оба супруга являются детьми чабанов, что способствует взаимопониманию и эффективному ведению хозяйства:

«Мы с мужем оба — дети чабанов и выросли на чабанских стоянках, учились и жили в интернате в селе. Поэтому мы очень хорошо понимаем друг друга» (жен., 46 лет);

«Мои родители были чабанами. В хозяйство родителей мужа, которые тоже были чабанами, я пришла в качестве невесты в 1990 г.» (жен., 54 лет).

Таким образом, передача традиционной хозяйственной культуры осуществляется от родителей к детям. Важнейшим звеном в сохранении и воспроизводстве кочевой системы хозяйствования является не просто человек, а семья. Однако в современных условиях полноценная передача кочевых хозяйственных навыков через участие детей в домашнем труде невозможна по причине отсутствия детей школьного возраста, детей-студентов в семье большую часть календарного года. Если в традиционных кочевых семьях тувинцев дети выступали активными субъектами домашнего труда, то сейчас обучающиеся дети участвуют в нём лишь в период каникул. Выпадающий труд детей частично компенсируется инструментальными трансфертами ближайших родственников и более взрослых детей супружеской пары, которые сами живут в сёлах и городах, и в гостевом формате участвуют в наиболее важных сезонных работах кочевого хозяйства (см.: Тарбастаева, 2024: 214).

В сохранении кочевых семей, ведущих традиционный образ жизни, важны целевые установки, которые дают детям родители. Современные родители из кочевых семей ориентированы на то, чтобы дети получили образование, достигли иного материального и карьерного уровня, жили в городах и не повторяли их жизненный путь. Семьи чабанов, как правило, многодетны, родители, исходя из интересов детей, выбирают лишь одного, кому передадут хозяйство. Если из детей только один продолжает дело, и ему для создания семьи необходим партнёр также из семьи чабанов, можно предположить, что со временем всё меньше молодых людей будут стремиться к кочевой жизни, что ставит под угрозу культурно-хозяйственную преемственность и будущее кочевых семей.

Кочевые семьи в цифровом мире

Для привлечения молодёжи в традиционное животноводство нужно создавать для них современные условия жизни — обеспечивать доступ к электроэнергии, коммуникационным сетям и связи. Это ресурсоемкие мероприятия, которые могут выполнить только государство и крупный бизнес. Такой опыт уже имеется — в советский период республиканские власти проводили подключение к электричеству зимних стоянок чабанов (см.: Самарина, 2011: 125).

Рассмотрим, как оценивают респонденты доступность современных технологий в кочевых условиях.

Республика Тыва относится к регионам с высокой степенью покрытия и сетями формата 4G¹. В течение 10 последних лет шло устранение цифрового неравенства по федеральным государственным программам и проектам. По данным республиканского правительства зона покрытия сотовой связью в 2024 г. достигла 93%, из 141 населённого пункта только в 6 поддерживается устаревший стандарт 2G, в остальных 133 — 4G². Все социально значимые объекты республики обеспечены широкополосным доступом к сети Интернет, в труднодоступных населённых пунктах — доступ к сети осуществляется через спутниковую связь.

По оценкам опрошенных, проживание кочевой семьи в зоне охвата сотовой связью критически важно для безопасности их жизнедеятельности, для поддержания связи с детьми, родственниками и другими. Для многих использование мобильного Интернета стало частью повседневной жизни:

«Мобильная связь есть, позвонить можно, вызвать врача. У нас есть небольшая солнечная панель, которая позволяет зарядить телефон» (жен. 54 лет);

«Нас спасает то, что есть мобильная связь. Врачей можно вызвать» (жен. 46 лет);

¹ Четвёртое поколение мобильной связи с повышенными требованиями.

² В 2024 году ещё три территории Тувы получают мобильную связь четвертого поколения [Электронный ресурс] // Правительство Республики Тыва. URL: <https://rtyva.ru/press/news/1820/> (01.06.2025 г.).

«Газеты уже не читаю, поскольку у меня Интернет хорошо ловит. В Интернете смотрю тувинские группы, объявления, смешные ролики, фильмы (муж., 45 лет).

Не все кочевые семьи имеют доступ к связи, например, мало кто из оленеводов, яководов в высокогорных районах имеет возможность пользоваться спутниковой связью. Некоторые чабаны во время дальних летних откочёвок также находятся вне зоны действия сети, но поскольку у них сезонный характер кочевания, в другие месяцы они поселяются в зоне охвата связью:

«В летнике нет связи. Если не в тайге в Ман-Чуреке, то пользуюсь Интернетом каждый день, смотрю социальные сети. Когда мы летнике, кто-то приезжает и рассказывает новости. Когда я приезжаю в город, я скачиваю фильмы в ноутбук» (муж., 25 лет).

В ходе интервью было выявлено, что необходимость доступа к мобильной связи корректирует маршруты традиционных кочёвок — чабаны стараются селиться поближе к зонам покрытия связью. Это такой же пример стремления к новым стандартам жизни и адаптации кочевых семей к изменяющимся условиям, как в Монголии, например, животноводы выбирают места стоянок вдоль межгородских автомагистралей (Энхтувшин, 2015: 696).

Следует отметить, что доступ к мобильной связи, цифровому телевидению в каждой конкретной кочевой семье зависит от её материального благосостояния, так как обеспечение собственными источниками электроэнергии (солнечные панели, дизель-генераторы) требует финансовых затрат. В ходе исследования мы встречали семьи с недостатком финансовых ресурсов, в которых не было никаких источников электроэнергии, позволяющие заряжать телефоны, подключать телевизоры и другие бытовые приборы. Доступ к мобильной связи и сети Интернет они получают лишь приезжая в сёла. Источниками получения информации о внешнем мире служат газеты, книги, которые привозят родственники или сами из сел. Без доступа к сети Интернет нет и доступа к онлайн-банкингу:

«Есть слабая сотовая связь, но ловит, телевизора нет, так как электричества нет, есть книги русские и тувинские. Из села родственники привозят газеты “Мотиватор”, “Шын”. Фильмы смотрю один раз в год в селе, по Интернету, на стоянке нет доступа к Интернету. Совершенно забылось такое понятие, как “агитбригады”, никто не приезжает. Чтобы перевести деньги детям-студентам, нужно ехать в село, там через телефон отправляем перевод» (муж., 54 лет);

«Телевизора нет, но планируем купить его и солнечную панель, которая позволяла бы подключать телевизор» (муж., 55 лет).

Таким образом, доступ кочевых семей к сотовой связи, к сети Интернет неравномерен и зависит от отдалённости стоянок от базовых станций, обслуживающих населённые пункты, а также специфики хозяйства и природного ландшафта, в котором возможно его ведение. Применение солнечных источников энергии, наличие телевизора и других приборов определяется материальными возможностями кочевой семьи.

Заключение

Основная гипотеза нашего исследования подтвердилась. Было выявлено, что современные кочевые семьи находятся в очень уязвимом положении. Рост числа кочевых семей, который наблюдался в 2020–2022 гг. в Туве, произошел за счёт материального стимулирования отдельных категорий семей, которые перешли к пастбищному животноводству как к профессиональной деятельности. При этом очевидно, что региональная нормативная правовая база требует обновления в части признания особого статуса кочевых семей, которые переживают трансформации как результат адаптации к изменяющимся социальным, экономическим условиям.

Сферой, требующей новых подходов, является получение образования детьми кочевых семей. Установки родителей относительно будущего детей ориентированы преимущественно на то, чтобы их дети реализовали свой потенциал в некочевой среде. Это, с одной стороны, повышает их шансы на вертикальную межпоколенческую социальную мобильность, с другой стороны — сужает возможности для сохранения преемственности традиционной культуры хозяйствования.

Анализ опыта российских регионов в государственной поддержке кочевых семей и лиц, ведущих традиционный образ жизни, показывает, что и в области права, и в части материальной поддержки наблюдаются серьёзная дифференциация, которая зависит от признания или непризнания значимости вопросов сохранения традиционного образа жизни и культуры, бюджетной обеспеченности

регионов. Такую региональную дифференциацию можно преодолеть путем разработки и принятия федерального закона «О кочевой семье», который унифицировал бы подходы к кочевым семьям с учетом имеющейся практики регионов, а также федеральной программы поддержки кочевых семей, направленной на обеспечение равным доступом к технологиям и инфраструктуре.

С учетом всех социальных, бытовых, экономических трудностей, с которыми сталкиваются кочевые семьи, а также необходимости поддерживать потенциал рождаемости в республике, полагаем целесообразным выстраивание в республике новой системы поддержки семей, ведущих кочевой образ жизни, в которую, прежде всего, должен войти региональный закон «О кочевой семье», обновлённые социальные меры, региональная программа. Существующие льготы для чабанов, привязанные к трудовым достижениям и количеству скота (тысяча и более голов), требуют также переосмысления с позиций ориентированности на семью, образование детей, сохранения мужского населения, стимулирования рождаемости. Такая переориентация могла бы способствовать улучшению качества жизни семей, народосбережению в кочевых условиях.

Практики реализованных губернаторских проектов можно было бы интегрировать в региональные программы по реализации национального проекта «Семья» в виде отдельных мер поддержки или обобщить в отдельном законе о социальной поддержке кочевых семей. Такие меры будут способствовать, в том числе, снижению ранней и избыточной мужской смертности в сельских местностях республики.

Помощь в базовом материальном обеспечении оленеводческих семей, кочующих в труднодоступной тайге, целесообразно адресовать всем хозяйствам вне зависимости от стажа оленевода, количества поголовья, так как число оленеводческих хозяйств незначительно, и семьи живут в экстремальных климатических и бытовых условиях.

Наше исследование показывает, что для сохранения устойчивости кочевых семей в условиях, когда в кочевье зачастую остаются только мужчины по причине вынужденного проживания женщины в селе для обучения детей в школе, необходимо переосмысление опыта интернатного воспитания детей чабанов, их точечное восстановление там, где есть необходимость. На примере раздельного проживания супругов из кочевых семей можно увидеть риски, угрожающие устойчивости брака, семьи. Актуальными вопросами являются: модернизация функционирующих интернатов, в которых проживают дети чабанов, поэтапный их перевод из муниципального на региональное финансирование для улучшения условий содержания детей, начав с труднодоступных и отдаленных районов, отнесенных к районам Крайнего Севера; внесение соответствующих изменений в республиканский закон об образовании. Такую сеть интернатов в летнее время можно использовать для решения вопроса дошкольной подготовки детей чабанов, оленеводов, не посещавших дошкольные образовательные организации.

На федеральном уровне необходимы межведомственные обсуждения возможных поправок в пенсионное законодательство России в части расширения категорий лиц, имеющих льготные права на получение социальной пенсии путем включения лиц, занимающихся традиционными видами хозяйствования и ведущих кочевой образ жизни. В настоящее время такое право есть у представителей коренных малочисленных народов Севера (лица, достигшие возраста 55 лет (мужчины) и 50 лет (женщины), постоянно проживающие в районах проживания малочисленных народов Севера на день назначения пенсии). Применительно к населению Тувы нужно сказать, что не все лица, ведущие кочевой образ жизни и занимающиеся пастбищным животноводством, относятся к коренным малочисленным народам Севера.

Доступ к электричеству, сетям мобильной связи, питьевой воде из глубинных скважин является ключевым вопросом качества жизни и безопасности кочевых семей. Полагаем, что целесообразна разработка геоинформационной системы, цифровой карты, в которой были бы отмечены чабанские стоянки по всей республике и поддерживаемые стандарты сотовой связи, которые в дальнейшем планомерно можно было бы повышать через региональную государственную программу по согласованию с операторами связи.

С учетом вышесказанного полагаем, что кочевые семьи должны быть постоянно в фокусе внимания региональной власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баишева, С. М. (2014) Повседневная жизнь национальных поселений Якутии в контексте социологических исследований // Арктика и Север. № 14. С. 83–97.

Булган, Б., Энхтуяа, Т. (2021) Современное положение детей кочевых монгольских пастушьих семей, проживающих в общежитиях // Начальное общее образование: вопросы развития, методического и кадрового обеспечения. Материалы III Всероссийской научно-методической конференции с международным участием. Иркутск, 23 октября 2020 г. / под ред. М. А. Петровой, Л. В. Калининой, Б. В. Гусевской, С. А. Коногорской. Иркутск : Иркутский государственный университет. 281 с. С. 247–254.

Винокурова Т. С., Санникова Я. М., Сулейманов А. А., Филиппова В. В., С. А. Григорьев С. А. (2019) Аборигенные сообщества Российской Арктики в XX веке: власть и номады Якутии // Научный диалог. № 2. С. 188–203. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-2-188-203>

Железняков, А. С. (2009) Кочевая цивилизация: тупик или перспективы развития // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. № 2. С. 58–60.

Жуковская, И. М. (2025) Сезонная кочевая группа кратковременного пребывания как форма предоставления дошкольного образования детям, ведущим совместно с родителями традиционный образ жизни // Кочевое образование: актуальные вопросы, достижения и перспективы развития. № 1. С. 15–18. DOI: <https://doi.org/10.24412/cl-37296-2025-1-15-18>

Карлов, В. В. (2016) Кочевники в мире модерна и постмодерна. Опыт и перспективы адаптации // Сибирские исторические исследования. № 4. С. 131–153. DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/14/7>

Константинова, Т. Н. (2014) Изменение форм семьи на Севере: региональные измерения // Теория и практика общественного развития. № 7. С. 27–31.

Константинова, Т. Н. (2015) Трансформация образа жизни северных семей: социальная адаптация к изменяющимся условиям // Russian Journal of Education and Psychology. № 6 (50). С. 666–677. DOI: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-6-56>

Крадин, Н. Н. (2024) Восток и всемирно-исторический процесс // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Т. 44. С. 53–77. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-5960-2024-44-53-77>

Ламажаа, Ч. К. (2021) Дети для тувинцев: изменения отношения в социокультурных трансформациях // Новые исследования Тувы. № 4. С. 57–75. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

Натсак, О. Д. (2021) Особенности гендерной асимметрии в современной тувинской семье // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. № 2. С. 120–143. DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2021-2-18-120-143>

Натсак, О. Д. (2022a) Гендерное распределение домашнего труда в тувинских семьях // Векторы благополучия: экономика и социум. № 1 (144). С. 79–90. DOI: <https://doi.org/10.18799/26584956/2022/1/1144>

Натсак, О.Д. (2022b) Распределение гендерной власти в современной тувинской семье // Теория и практика общественного развития. № 2. С. 28–36. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.2.3>

Неустроев, Н. Д., Неустроева, А. Н. (2017) Кочевая школа как мобильная форма школьной сети в условиях Севера // Вестник Север-Восточного федерального университета. № 3 (07). С. 7–13.

Новикова, Н. И. (2024) Антропологизация права (на примере законов о коренных малочисленных народах Севера) // Сибирские исторические исследования. № 4. С. 59–77.

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.

Самарина, Н. Г. (2011) Кочевое скотоводство и оседлость тувинцев в советский период // Вестник Томского государственного университета. № 4 (16). С. 123–126.

Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва (2020) / отв. ред. З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, П. Е. Сушко. М. ; Кызыл : ФНИСЦ РАН. 128 с. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>

Ростовская, Т. К., Натсак, О. Д., Ягодка, Н. Н., Еламанова, А. С (2024) Современные исследования тувинской семьи: проблемно-тематический и методологический анализ // Новые исследования Тувы. № 4. С. 238–258. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.16>

Сосин, В. В. (2021) О совершенствовании законодательства Республики Саха (Якутия) в сфере сохранения и поддержки кочевых семей // Арктика–2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. № 3 (7). С. 19–28. DOI: https://doi.org/10.51823/74670_2021_3_19

Стрыгина, С. В. (2023) Право и социозкосистема малочисленных народов Севера Российской Федерации: теоретико-правовой анализ соотношения социальных явлений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. Т. 23. Вып. 2. С. 219–226. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-219-226>

Тарбастаева, И. С. (2024) Сельско-городское взаимодействие в Туве (по материалам интервью с уроженцами Овюрского района) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 209–224. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.13>

Федорова, Н. Р., Николаева, Л. В. (2020) К проблеме организации кочевой дошкольной образовательной организации в условиях Арктики // Современные наукоемкие технологии. № 11–1. С. 219–223. DOI: <https://doi.org/10.17513/snt.38366>

Энхтувшин, Б. (2015) Номады и номадизм. Традиции и современность // Известия Иркутской государственной экономической академии. Т. 25. № 4. С. 691–699.

Хамфри, К., Снит, Д. (2006) Нуудэллэхуй ёсон эцэслэх уу? [Конец номадизма?]. Улаанбаатар : Интер пресс. 368 с. (На монг. яз.)

Хилажева, Г. Ф. (2021) Современная семья в контексте транслокальной миграции (На примере семей вахтовых мигрантов Башкортостана) // Женщина в российском обществе. № 1. С. 68–82 DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.1.6>

Дата поступления: 12.03.2025 г.

Дата принятия: 16.06.2025 г.

REFERENCES

Baisheva, S. M. (2014) Everyday life of national settlements of Yakutia in the context of sociological studies. *Arktika i Sever*, no. 14, pp. 83–97. (In Russ.)

Bulgan, B. and Enkh TUYA, T. (2021) Current situation of children of nomadic Mongolian pastoral families living in dormitories. In: *Primary General Education: Issues of Development, Methodological and Staffing Support*. Proceedings of the III All-Russian Scientific-Methodical Conference with International Participation, Irkutsk, 23 October 2020, edited by M. A. Petrova, L. V. Kalinina, B. V. Gusevskaya and S. A. Konogorskaya. Irkutsk, Irkutsk State University. 281 p. Pp. 247–254. (In Russ.)

Vinokurova, T. S., Sannikova, Y. M., Suleymanov, A. A., Filippova, V. V. and Grigoryev, S. A. (2019) Indigenous communities of the Russian Arctic in the 20th century: power and nomads of Yakutia. *Nauchny dialog*, no. 2, pp. 188–203. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-2-188-203>

Zheleznyakov, A. S. (2009) Nomadic civilization: dead end or development prospects. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika*, no. 2, pp. 58–60. (In Russ.)

Zhukovskaya, I. M. (2025) Seasonal nomadic group of short-term residence as a form of preschool education provision for children leading a traditional lifestyle jointly with parents. *Kochevoe obrazovanie: aktualnye voprosy, dostizheniya i perspektivy razvitiya*, no. 1, pp. 15–18. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24412/cl-37296-2025-1-15-18>

Karlov, V. V. (2016) Nomads in the world of modernity and postmodernity. Experience and prospects of adaptation. *Siberian Historical Research*, no. 4, pp. 131–153. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/14/7>

Konstantinova, T. N. (2014) Changes in family forms in the North: regional measurements. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 7, pp. 27–31. (In Russ.)

Konstantinova, T. N. (2015) Transformation of lifestyle of northern families: social adaptation to changing conditions. *Russian Journal of Education and Psychology*, no. 6, no. 50, pp. 666–677. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-6-56>

Kradin, N. N. (2024) The East and the world-historical process. *Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*, vol. 44, pp. 53–77. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-5960-2024-44-53-77>

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Children for Tuvans: changes in attitude in sociocultural transformations. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 57–75. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

Natsak, O. D. (2021) Features of gender asymmetry in the modern Tuvan family. *Bulletin of Kalmyk Scientific Center of RAS*, no. 2, pp. 120–143. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2021-2-18-120-143>

Natsak, O. D. (2022a) Gender division of household labor in Tuvan families. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotciyum*, no. 1 (144), pp. 79–90. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18799/26584956/2022/1/1144>

Natsak, O. D. (2022b) Distribution of gender power in the modern Tuvan family. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 2, pp. 28–36. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.2.3>

Neustroev, N. D. and Neustroeva, A. N. (2017) Nomadic school as a mobile form of school network under northern conditions. *Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta*, no. 3 (07), pp. 7–13. (In Russ.)

Novikova, N. I. (2024) Anthropologization of law (using the example of laws on indigenous small-numbered peoples of the North). *Sibirskiy istoricheskiy issledovaniya*, no. 4, pp. 59–77. (In Russ.)

Potapov, L. P. (1969) *Essays on the folk way of life of Tuvans*. Moscow, Nauka. 402 p. (In Russ.)

Samarina, N. G. (2011) Nomadic livestock breeding and sedentism of Tuvans in the Soviet period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (16), pp. 123–126. (In Russ.)

Social Stratification Processes in the Republic of Tuva (2020) / Z. T. Golenkova et al.; ed. Z. T. Golenkova, Yu. V. Goliusova and P. E. Sushko. Moscow, Kyzyl, Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences. 128 p. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>

Rostovskaya, T. K., Natsak, O. D., Yagodka, N. N. and Elamanova, A. S. (2024) Modern studies of the Tuvan family: problem-thematic and methodological analysis. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 238–258. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.16>

Sosin, V. V. (2021) On improving the legislation of the Republic of Sakha (Yakutia) in the field of preservation and support of nomadic families. *Arktika-2035: aktualnye voprosy, problemy, resheniya*, no. 3 (7), pp. 19–28. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.51823/74670_2021_3_19

Strygina, S. V. (2023) Law and socioecosystem of small indigenous peoples of the North of the Russian Federation: theoretical and legal analysis of the social phenomena relationship. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo*, vol. 23, no. 2, pp. 219–226. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-219-226>

Tarbastaeva, I. S. (2024) Rural-urban interaction in Tuva (based on interviews with natives of Ovursky district). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 209–224. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.13>

Fedorova, N. R. and Nikolaeva, L. V. (2020) On the problem of organizing nomadic preschool educational organization in the Arctic conditions. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*, no. 11–1, pp. 219–223. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17513/snt.38366>

Enkhtuvshin, B. (2015) Nomads and Nomadism. Traditions and modernity. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii*, vol. 25, no. 4, pp. 691–699. (In Russ.)

Humphrey, C. and Sneath, D. (2006) *The End of Nomadism? Ulaanbaatar*, Inter Press. 368 p. (In Mongolian)

Khilazheva, G. F. (2021) The modern family in the context of translocal migration (on the example of shift-work migrant families in Bashkortostan). *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, no. 1, pp. 68–82. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.1.6>

Submission date: 12.03.2025.

Acceptance date: 16.06.2025.

Сакральная значимость тувинских личных имен: традиции и современность

Надежда Д. Сувандии

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье анализируются сакральные личные имена тувинцев, связанные с поверьями и традициями народа, которых они соблюдали традиционно при наречении именем своих детей. Источниковой базой исследования послужили личные имена из фольклорных текстов, а также информация, полученная автором от жителей — информаторов, собранные во время лингвистических экспедиций в различные кожууны Республики Тыва в разные годы. Привлекается статистический анализ (данные Тывастата) их использования за последние пять лет в современном тувинском именнике.

При анализе личных имен с сакральным значением выявлены следующие лексико-семантические группы: антропонимы, связанные с шаманизмом; личные имена, связанные с буддизмом; антропонимы с защитно-охранительными значениями и имена с этнокультурными значениями.

Сделан вывод о сохранности традиции имянаречения. Некоторые группы имен представлены на сегодня меньше (антропонимы, связанные с шаманизмом), некоторые претерпели изменения (имена-посвящения), некоторые расширяются (имена, связанные с буддизмом и тибетской культурой).

Ключевые слова: ономастика; антропоним; личное имя; имянаречение; святое; тувинцы; тувинская культура

Для цитирования:

Сувандии Н. Д. Сакральная значимость тувинских личных имен: традиции и современность // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 234-247. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.15>

Сувандии Надежда Дарьевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая лаборатории этнологии и лингвокультурологии, декан филологического факультета Тувинского государственного университета. Адрес: 667004, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9Б. Эл. адрес: suvandiin@mail.ru

SUVANDII, Nadezhda Daryevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Leading Researcher, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology; Dean, Philological Faculty, Tuvan State University. Postal address: 9B Mongush Sat St., 667010, Kyzyl, Russian Federation. E-mail: suvandiin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3817-2436

The Sacred Significance of Tuvan Personal Names: Tradition and Modernity

Nadezhda D. Suvandii

Tuvan State University, Russian Federation

This article examines the sacred personal names of the Tuvan people that are associated with beliefs and traditions historically observed when naming their children. The source base for the study includes personal names found in folklore texts, as well as information gathered by the author from local informants during linguistic field expeditions conducted across various khojuuns (districts) of the Republic of Tuva over different years. Additionally, statistical analysis has been employed using data from Tuvstat on the frequency and distribution of these names in the Tuvan naming system over the past five years.

The analysis of personal names with sacred connotations has identified the following lexico-semantic groups: anthroponyms related to shamanism; personal names connected to Buddhism; protective and apotropaic names; and names with ethnocultural significance.

The study concludes that traditional naming practices have been largely preserved. Some groups have diminished in usage (e.g., shamanism-related anthroponyms), others have undergone transformation (e.g., names of dedication), while certain categories are currently expanding in use (e.g., names associated with Buddhism and Tibetan culture).

Keywords: *onomastics; anthroponym; personal name; naming tradition; sacred; Tuvans; Tuvan culture*

For citation:

Suvandii N. D. The Sacred Significance of Tuvan Personal Names: Tradition and Modernity. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 234–247. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.15>

Введение

В тувинской антропонимической системе имена часто имели сакральное значение. При этом сакральное в тувинской культуре было шире, чем сфера религиозных обрядов, оно распространялось в целом на этнокультуру народа (Ламажаа, Сувандии, Монгуш, 2023). В том числе традиции имяназрения содержали много сакральных аспектов, включали понимание, что это очень ответственный и серьезный шаг, который будет определять судьбу ребенка.

Сегодня у тувинских родителей также есть такая установка: правильно данное имя считается путеводителем будущей жизни человека. Причем имяназрение должно проводиться при соблюдении определенной обрядности, как сакральное событие.

Личные имена людей являются традиционным предметом для исследований прежде всего филологов. Вопросам изучения личных имен посвящены немало работ ученых (Суперанская, 1990; Суперанская и др., 2007; Никонов, 1974; и др.¹). В тюркских языках антропонимика как раздел ономастики стала предметом научного исследования с 1940–1950-х гг.²

¹ Бондалетов В. Д. Русская ономастика: учеб. пособие для студентов. М.: Просвещение, 1983. С. 83–162.

² Жанузаков Т. Ж. Лично-собственные имена в казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. н. Алма-Ата : Институт языка и литературы Академии наук КазССР, 1960; Кусимова Т. Х. Древнебашкирские антропонимы: автореф. дис. ... канд. филол. н. Уфа, 1975; Шайхулов А. Г. Татарские и башкирские личные имена тюркского происхождения: автореф. дис. ... канд. филол. н. М., 1976.

В тувинском языкознании исследование ономастики как отдельной науки началось в начале XX в. Первым исследователем считается Н. Катанов, который зафиксировал у информаторов более 170 личных имен и дал в своей работе (Катанов, 1903: 280–282). В 1960-х гг. личными именами начала заниматься одна из представителей первых тувинских ученых З. Б. Чадамба, которая дала сведения о личных именах тувинцев (Чадамба, 1969: 405–421). Начиная с 1970-х гг. изучение собственных имен в тувинском языке стало традиционным предметом исследования ученых (Вайнштейн, 1969, 1989; Монгуш, 1973: 35–37; Чадамба, 1993; Кенин-Лопсан, 1999: 19–21; Бавуу-Сюрюн, 2000; Байыр-оол, 2017; Айыжы, Донгак, 2024; и др.). Определенный вклад в изучение ономастики, в частности антропонимии тувинского языка, внесла автор настоящей статьи (Сувандии, 2011, 2015, 2019, 2021; Сувандии, Уламсурэн, 2024) и др. В работах освещены вопросы видов имянаречения у тувинцев, лексико-семантические группы антропонимов, способы их образования, происхождения антропонимов, употребление личных имен в художественных текстах и т. п. Тем не менее проблематика сакральности в отношении имен еще не рассматривалась.

Целью данной статьи является описание сакральных значений тувинских личных имен, употреблявшихся в традиционной культуре народа, и рассмотрение сохранности или изменения этих традиций в настоящее время.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: анализ сакральности в имянаречении тувинцев; описание личных имен, связанных с шаманизмом, буддизмом; анализ антропонимов с защитно-охранительными значениями; трактовка личных имен, связанных с этнокультурно-бытовыми особенностями; характеристика антропонимов-посвящений.

Материалом исследования послужили антропонимы, присутствующие в различных фольклорных текстах¹, выделенных путем сплошной выборки, а также сведения о личных именах тувинцев, собираемых автором на территории всей Тувы на протяжении тридцати лет (с 1990-х гг.) во время различных лингвистических экспедиций от информаторов, которые любезно дали разрешение на публикацию их персональных данных. Также автор опирался на статистические данные по имянаречению, которые ведут органы ЗАГС по Республике Тыва: были рассмотрены частотность определенных имен за период с 2020 по 2024 г.

Сакральность в имянаречении тувинцев

В тувинской культуре сакральность имянаречения заключается в том, что каждое имя имеет глубокий смысл, связанный, по поверьям, с судьбой человека; соответственно и обряд имянаречения имел большое значение, был одним из почитаемых обрядов тувинцев.

Например, этнограф С. Вайнштейн писал:

«... из этнографических материалов известно, что еще в XIX веке мальчик получал “мужское” имя очень поздно — в возрасте 10 и более лет. До этого его называли мальчик, маленький мальчик, сын и т. п. Такие случаи можно найти в эпических сказаниях тувинцев, где приводятся примеры наречения именем юноши только тогда, когда он получает коня и укрощает его, например, герой эпического сказания “Мөге-Шагаан-Тоолай” получает имя перед поездкой за невестой...» (Вайнштейн, 1969: 124).

Подобное празднество обряда имянаречения можно увидеть также в тувинском героическом сказании «Алдай-Буучу». У главного героя Алдай-Буучу родился сын. В честь этого события отец проводит *ат адаарының дою* ‘праздник имянаречения’ и объявляет своему народу:

«Бо хүн айның чаазы, хүннүң эртези, эки хүн чүве, арагалап-дарылап, найырлап, ырлажып тургаш, оглумнуң адын адаар силер. Мээң оглумнуң бодунга, аьдынга таарыштыр эки ат адаан кижии бажын ажыр мал, эктин ажыр эт бээр мен»²

¹ Тыва маадырлыг тоолдар [Тувинский героический эпос] / ред. В. Ш. Чамьян. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1990. Т. I. С. 47–48 (На тув. яз.); Алдай-Буучу. Тыва улустуң маадырлыг тоолдары [Тувинский героический эпос] / ред. О. Д. Байыр-оол. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1993. Т. II. С. 17–18. (На тув. яз.).

² Алдай-Буучу. Тыва улустуң маадырлыг тоолдары [Алдай-Буучу. Тувинский героический эпос] / ред. О. Д. Байыр-оол. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1993. Т. II. С. 17. (На тув. яз.).

‘Сегодня новолуние, в этот хороший день прошу вас всех праздновать, петь песни и дать имя моему сыну. Того, кто назовет подходящее имя моему сыну и его коню, буду награждать стадом скота, богатым имуществом’¹.

В течение трех месяцев не находился человек, который бы дал имя сыну Алдай-Буучу. Наконец подошла 99-летняя старуха. Она сказала, что даст имя:

«Бир эвес эки ат оглунарга адап берзимзе, бажым ажыр мал, эктим ажыр эт алгаи, азыраар, эдилээр харыым чок. Ооң орнунга улуг кавайдан чазааш, ооң иштинге мени өпейлеп чайгап, калчан ак хөвээ хураган-ның кудуруун эмзирип азыраар силер»².

‘Если назову вашего сына хорошим именем, то мне не нужны ни скот, ни имущество, я выращивать и пользоваться не смогу, а хочу, чтобы сделали большую колыбель, укладывали меня в нее, убаюкивали и дали мне пососать курдюк ягненка-альбиноса до моей смерти’³.

Затем она назвала имя *Хан-Шилги аъттыг Хан-Буудай*, то есть ‘Хан-Шилги с конем Хан-Буудай’, тем самым дав имя и мальчику, и его коню.

Другой пример, также из тувинского героического эпоса, когда имя давалось не сразу. Мого Баян-Талай, сын Мого-Шагаан-Тоолая, умирает и дает наказ своей беременной *кадын* ‘царице’ Сай-Куу и брату по отцу Алдын-Аас, чтобы его сына, когда он родится и достигнет соответствующего возраста, назвали именем Кара-Когел, о котором можно увидеть в следующем примере:

«...Кадайы Сай-Куу кадыны олургаи:

Сен ол чааны базарыңны канчап билир, бастыларыңны канчап билир чүвөл. Мен болза орай сааттыг кижидир мен, кизи тындан дескернир чүве ыйнаан. Оол уруг болза, чүү деп адаар мен? Кыс уруг болза, чүү деп адаар мен дээр орта, Мого Баян-Талай тура:

— Оол уруг болза, ханныг-каралыг Кара-Көгел деп адаар сен ...»⁴

‘Супруга его (Мого Баян-Талай) Сай-Куу спросила:

Откуда знать, сможешь ли ты победить в этой войне или тебя победят. Я беременна уже на позднем сроке, поэтому надо же спастись. Как я назову, если родиться мальчик? А как назову, если будет девочка, то Мого Баян-Талай ответил:

— Если будет мальчик, назовешь его удалой смельчак Кара-Когел...»⁵

Когда мальчику исполнилось 10 лет, он встретил в пути Алдын-Ааса (брата отца). Тот дал ему имя перед поездкой за невестой⁶, подарив своего коня и дав новое имя и тому тоже: «Удалой смельчак Кара-Когел с хмурым смуглым обликом, подавляющим тысячи других людей, косой, длиною в три маховой сажени, ростом в тридцать маховой сажени, имеющий быстроногого скакуна Арзылан-Кыскыл»⁷.

Мы видим, что сочетаемость имен героя и его коня является одной из особенностей имен в героических сказаниях. Герои всегда имели коней, верных помощников, и они мыслились как единое целое. Конь был самым близким другом и помощником, а часто и советчиком героя.

В традиционной Туве имянаречение также давалось другими людьми, иногда с задержкой. Например, С. И. Вайнштейн пишет о том, что имя ребенку давали по просьбе отца соседи по аалу (стойбищу) или кто-нибудь из гостей, находившихся в чуме после рождения ребенка. Тоджинцы иногда могли давать имя только на третий год его жизни (Вайнштейн, 1961: 141).

Считалось, что имя имеет большое охранное значение. Поэтому в раннем детстве ребенок имел два имени: настоящее, которое никогда не произносилось вслух, и «скверное» (*Багай-оол* ‘плохой мальчик’, *Чүдек-кыс* ‘некрасивая девочка’ и пр.), которое должно было отпугивать злых духов (Кара-оол, 2014: 206).

¹ Перевод Н. Д. Сувандии.

² Алдай-Буучу. Тыва улустун маадырлыг тоолдары ... С. 18.

³ Перевод Н. Д. Сувандии.

⁴ Мого Шагаан-Тоолай. Тыва маадырлыг тоолдар [Мого Шагаан-Тоолай. Тувинский героический эпос] / ред. В. Ш. Чамьян. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1990. Т. 1. С. 25. (На тув. яз.).

⁵ Перевод Н. Д. Сувандии.

⁶ У Л. П. Потапова есть сведения, что у монгун-тайгинских тувинцев невест сватают в 14–15 лет (Потапов, 1969: 234), у сут-хольских тувинцев при рождении девочку могли сватать даже незнакомые люди для своего мальчика (там же: 244).

⁷ Тыва маадырлыг тоолдар [Тувинский героический эпос] / ред. В. Ш. Чамьян. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1990. Т. 1. С. 47–48. (На тув. яз.).

С распространением в Туве буддизма (Берзин, 1992; Монгуш, 2001), главными советниками для имянаречения тувинцы стали делать буддийских священнослужителей. Люди посещали монастыри, обращались к ламам с целью получения совета в выборе имени. Об этом нам также рассказывал отец моего супруга (при жизни), который в начале XX в. служил послушником в буддийском монастыре Самагалдай (Самагалтая).

После определенного периода запрета религии в Туве в советское время, в настоящее время при наречении именем ребенка большая часть тувинских родителей снова стали ходить в монастыри к священнослужителям за именем. Когда в моей семье в 1994 г. после долгого ожидания родился младший сын, мой супруг сразу сходил к первому Камбы-ламе (главе буддистов республики), чтобы тот дал имя, которое защитит ребенка от дурных глаз и нечистой силы.

Как пишет Е. В. Айыжы, обряд имянаречения у тувинцев до сих пор сохранил большое значение, особенно в отдаленных районах республики (Айыжы, 2014). Например, она описывает обряд *дой*, который устраивают родные ребенка на третий день после его рождения, с приглашением родственников, угощением. «Почетную миссию имянаречения возлагали на старшего из присутствующих, независимо от того, приходился он новорожденному родственником или нет» (там же: 81). В других случаях имя просили дать прохожего.

В современной Туве служители буддийских храмов дают имя, глядя на дату и время рождения ребенка. Также, исходя из собранных нами материалов, следует отметить, что при наречении ребенка некоторые родители самостоятельно дают и имена-посвящения своим предкам, что является новшеством в данном обряде.

Так, мы видим, что обрядовость сохранилась и традиция имянаречения у тувинцев сохранила основные значения и аспекты сакральности.

Антропонимы, связанные с шаманизмом

Древнейшим верованием предков тувинцев является шаманизм, основу которого составляют поклонение духам, небесам и окружающему миру, о которых в своих трудах описывает М. Б. Кенин-Лопсан (Кенин-Лопсан, 1992, 1993, 1995, 2010).

В антропонимии тувинцев в прежние времена присутствовали немало личных имен, относящихся к шаманизму, которые зафиксированы нами из текстов художественной литературы и с информацией, полученных от информаторов.

К подобным именам относятся такие, как:

- *Хам-оол*¹ (муж.), *Хам-Уруг* (жен.), образованные от слов *хам* 'шаман' и *оол* 'мальчик', *уруг* 'девушка';
- *Шавы* (муж.) — от *шавы* 'ученик-последователь'; арат, прикрепленный к монастырю²;
- *Чаяачы* (муж.) — от *чаяачы* 'огонь (религ. как предмет культа)'³;
- *Караң-оол* (муж.) — от *караң көрнүр* 'предвидеть, предсказывать что-либо'⁴.

Есть личные имена, связанные со снаряжением и атрибутом шамана, которые зафиксированы среди населения старшего и преклонного возраста:

- *Дүңгүрбен* (муж.) — от *дүңгүр* 'бубен (шаманский)'⁵;
- *Кеңгирбей* (муж.) — от *кеңгирге* 'барабан, бубен'⁶;
- *Дамбыра* (муж.) — от *дамбыра* 'литавры, ламский барабанчик (в форме двух полушарий, обтянутых кожей)'⁷;

¹ Көк-оол В. Ш. Хайыраан бот [Скорблю по себе] // Көк-оол В. Ш., Хөвөөмөй Б. Д. Шиилер, шүлүктөр, чечен чугаалар [Пьесы, стихи, рассказы]. Кызыл: Национал школа хөгжүдөр институт, 2019. С. 23. (На тув. яз.).

² Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 562.

³ Там же. С. 524.

⁴ Там же. С. 228.

⁵ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 189.

⁶ Там же. С. 238.

⁷ Соян Айланмаа Мылдыргыновна, 1982 г. р., работник образования, г. Кызыл.

- *Орба* (муж.) — от *орба* ‘колотушка (шаманского бубна)’¹;
- *Ээрен, Ээрен-оол* (муж.) — от *ээрен* ‘идол’²;
- *Күзүңгү* (жен.) — от *күзүңгү* ‘бляхи с лентами (принадлежность для камлания шамана)’³;
- *Чарынчык, Чарындай* (муж) — от *чарын* ‘лопатка’, одного из основных атрибутов шамана, при помощи которого происходит гадание⁴;
- *Дыргак* (жен.) — от *дыргак* ‘коготь’ (в данном случае имеется в виду коготь медведя, при помощи которого проводят обряды, связанные с маленькими детьми)⁵.

В современном именнике со слов информатора нами зафиксированы следующие редкие имена из этой же группы:

- *Хуваанак* (ж.) — от *хуваанак* ‘камешки для гадания’⁶;
- *Тос-Карак* (жен.) — от *тос-карак* ‘кропило (длинная палка, которой разбрызгивают молоко или чай в небо во время жертвоприношений)’⁷;
- *Чажыг* (жен.) — от *чажыг* ‘религ. священная жидкость, разбрызгиваемая при совершении обрядов культа’⁸.

О том, как употребляются в современном именнике тувинцев рассматриваемые имена, мы можем увидеть из материалов за последние пять лет, полученных нами от отдела взаимодействия в сфере записи актов гражданского состояния (ЗАГС) по Республике Тыва.

Согласно полученным данным, имена данной группы используются редко.

Имя *Хуваанак* ~ *Хуванак* в 2020 г. получили 3 чел. (1 — в Бай-Тайгинском кожууне; 2 — в г. Кызыле); в 2021 г. — 2 чел. (1 — в Бай-Тайгинском кожууне; 1 — в Барун-Хемчикском кожууне); в 2022 г. такого имени не регистрировалось на всей территории республики; в 2023 г. — 1 чел. в г. Кызыле; в 2024 г. — 4 чел. (3 — в г. Кызыле, 1 — в Бай-Тайгинском кожууне).

Имя *Тос-Карак* только в 2020 г. получил один новорожденный в Барун-Хемчикском кожууне, в 2021 г. — 3 чел. (2 — в Эрзинском кожууне; 1 — в г. Кызыле); в 2022 г. — 2 чел. (1 — в Улуг-Хемском кожууне; 1 — в г. Кызыле).

Имя *Чажыг* за последние пять лет получили в общей сложности 13 новорожденных по всей Тыве: в 2020 г. — 2 чел. (по одному в Барун-Хемчикском и Дзун-Хемчикском кожуунах); в 2021 г. — 4 чел. (2 — в Монгун-Тайгинском кожууне; 1 — в Овюрском кожууне; 1 — в г. Кызыле); в 2022 г. — 5 чел. (1 — в Сут-Хольском кожууне; 2 — в Чеди-Хольском кожууне; 1 — в Каа-Хемском кожууне; 1 — в г. Кызыле); в 2023 г. — 2 чел. в г. Кызыле.

Таким образом, древняя традиция наречения личными именами, связанными с шаманизмом, сохраняется у тувинцев и в настоящее время, но в незначительном масштабе.

Личные имена, связанные с буддизмом

В тувинской антропонимической системе немало личных имен, связанных с буддизмом, которые начали распространяться сразу с его проникновением в Туву (Потапов, 1969: 269). Как мы ранее отмечали в своих работах, большая часть подобных имен имеет тибетское происхождение, но заимствованы они через монгольский язык, поскольку они проникли в тувинский язык через монгольский (Сувандии, 2015: 112; 2021).

Мы уже подробно описывали основные лексико-семантические группы антропонимов, связанных с буддизмом, где выявлены 8 лексико-семантических групп, к которым относятся:

¹ Тувинско-русский словарь / под. ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 325.

² Там же. С. 623.

³ Там же. С. 269.

⁴ Монгуш Анисья Семис-ооловна, 1960 г. р., пенсионер, г. Кызыл.

⁵ Кужугет Мария Амын-ооловна, 1955 г. р., работник образования, г. Кызыл.

⁶ Тувинско-русский словарь / под. ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 493.

⁷ Там же. С. 417.

⁸ Монгуш Анисья Семис-ооловна, 1960 г. р., пенсионер, г. Кызыл.

1) личные имена, связанные с названиями священных книг: *Санчай*, *Санчайжап* (тув., муж.) ~ *Санчайжаб* (тиб.) — название текста из сутры;

2) антропонимы, отражающие названия буддийских божеств: *Долгар*, *Долгармаа* (тув., жен.) ~ *Долгор*, *Долгорма* (тиб.) ~ синоним *Аюрзана* ~ *Аюржана* (санскр.) — название *Белой Тары* ~ *Аюржана* (монг.) — жизненная мудрость;

3) имена, связанные с названиями планет и дней недели: *Мыңмыр* (тув. муж.) ~ *Мягмар* (тиб.) — планета Марс; день недели — вторник;

4) антропонимы, характеризующие личностные качества и состояние денотата: *Делег* (тув. муж.) ~ *Дэлэг* (тиб.) — покой, счастье;

5) имена, связанные с атрибутикой священнослужителя: *Очур* (тув. муж.) ~ *Очир* (тиб.) — алмаз; атрибут, означающий символ нерушимости учения тантризма;

6) антропонимы, связанные с наименованиями растительности: *Бадыма* (тув., жен.) ~ *Бадма* (санскр.) — лотос;

7) личные имена, связанные с названиями драгоценных камней: *Оюу* ~ *Оюуна* (тув. жен.) ~ *Оюна* (тиб.) — бирюза;

8) имена, связанные с достижениями служения буддизму: *Ойдуп*, *Ойдуп-оол* (ту., муж.) ~ *Ойдоб* (тиб.) — совершенство, способность сиддхи (Сувандии, 2021: 44–51).

После вхождения Тувы в состав России, имена, связанные с буддизмом, перешли в пассивный фонд, уступив место именам, заимствованным у русских и других народов (Монгуш, 2001: 161). Но в связи с возрождением буддизма в 1990-х гг. традиция возобновилась. Как говорит один из наших информаторов, родители нарекают своих детей именами, связанными с буддизмом (причем такими могут считаться и традиционные тибетские имена, тибетские слова), чтобы те сопровождали ребенка в жизни, защищали от разных бед и неудач¹.

Исходя из собранного нами материала к ранее выявленным следует дополнить имена-благопожелания буддийского-тибетского происхождения, которые выражают благосклонное расположение к денотату. Они могут подразделяться на ряд внутренних подгрупп:

а) пожелание вечной жизни: *Бады-Мөнге* (тув., муж.) ~ *Бады-Менге* (тиб.) — вечный, вечно живущий; *Мунгцецег* (тув., жен.) ~ *Мунхцецэг* (тиб.) — вечный цветок и т. д.

б) пожелание славы, могущества в жизни: *Балдаң* (тув., муж.) ~ *Балдан* (тиб.) — славный, великолепный; *Күнчүң* ~ *Кунчун* (тув., муж.) — всеведающий и др.

в) пожелание чистой, светлой жизни: *Аруна* (тув., жен.) ~ *Арюуна* (тиб.) — чистая, светлая; *Дажы* (тув., муж.) ~ *Даши* (тиб.) — счастье, процветание;

г) пожелание твердости духа: *Мижит* (тув., муж., жен.) ~ *Мижит* (тиб.) — твердый, нестигаемый; *Севек*, *Севекпит* (тув., муж.) ~ *Севек* (тиб.) — жизнестойкий и др.

По данным республиканского ЗАГС, статистика имен буддийско-тибетского происхождения выглядит следующим образом.

Имя *Дажы* в 2020 г. получили 5 новорожденных (2 — в г. Кызыле; 1 — в Тоджинском кожууне; 1 — в Чаа-Хольском кожууне; 1 — в Каа-Хемском кожууне); в 2021 г. — 4 чел. (1 — в Кызылском кожууне; 1 — в Каа-Хемском кожууне; 1 — в Монгун-Тайгинском кожууне; 1 — в Эрзинском кожууне); в 2022 г. — 2 (в Чаа-Хольском кожууне и г. Кызыле); в 2023 г. — 1 чел. (в г. Кызыле); в 2024 г. — 4 чел. (3 — в г. Кызыле, 1 — в Бай-Тайгинском кожууне).

Имя *Мижит* было присвоено: в 2020 г. — 3 чел. (1 — в Бай-Тайгинском кожууне; 2 — в г. Кызыле); в 2022 г. — 2 чел (1 — в г. Кызыле; 1 — в Пий-Хемском кожууне); в 2023 г. — 1 чел. (в г. Кызыле); в 2024 г. — 4 чел. (3 — в г. Кызыле, 1 — в Бай-Тайгинском кожууне).

Антропоним *Аруна*: в 2020 г. — 3 чел. (1 — в Барун-Хемчикском кожууне; 2 — в г. Кызыле); в 2021 г. — 2 чел. (в г. Кызыле); в 2022 г. — 2 чел (в г. Кызыле и Эрзинском кожууне); в 2023 г. — 3 чел. (все в г. Кызыл); в 2024 г. — 5 чел. (2 — в г. Кызыле, 2 — в Улуг-Хемском кожууне; 1 — в Тес-Хемском кожууне).

¹ Сувандии Биила Максимовна, 1939 г. р., пенсионер, г. Кызыл.

Учитывая продолжающиеся процессы религиозного возрождения в Туве, увеличение значимости буддийской религии на население (строительство храмов, участие тувинцев в службах, паломничества и пр.), можно сказать, что буддийские, тибетские имена у тувинцев сохраняют свое значение.

Антропонимы с защитно-охранительными значениями

В древние времена, как отмечали наши коллеги, а также и мы в своих работах, родители особое внимание обращали на защитно-охранительное значение при имянаречении¹. Ведь в традиционной Туве во многих семьях дети рождались, но ввиду многих болезней и отсутствия врачей, они часто умирали. Подобные случаи пугали родителей и заставляли прибегать к всевозможным традиционным средствам, уловкам. «Для борьбы с детской смертностью в отдельных семьях давали ребенку “плохое” имя», — писал Л. Потапов (Потапов, 1969: 277). Мы считаем, что эти имена также нужно отнести к сакральным именам потому, что, по мнению родителей, они имеют защитную функцию.

В том числе детям давали «отпугивающие имена» с наименованиями диких животных:

- *Пар-оол* (муж.) — от *пар* ‘тигр’,
- *Арзылаң* (муж.) — от *арзылаң* ‘лев’,
- *Адыг, Адыгбай* (муж.) — от *адыг* ‘медведь’ и др. (Сувандии, 2011: 20).

К «отпугивающим» относятся и антропонимы, связанные с наименованиями домашних животных:

- *Буга, Бугалдай* (муж. жен.) — от *буга* ‘бык’ (там же: 155),
- *Шары* (муж.) — от *шары* ‘вол’,
- *Деге, Дегелдей* (муж.) — от *деге* ‘козел-самец’ и т. п. (там же: 157).

Эти имена являются только мужскими.

Девочек нарекали названиями небольших зверьков и насекомых, как:

- *Доос-Кара* — от *доос-кара* ‘жук’ (там же: 158),
- *Күске, Күскелмаа, Күскежик* (жен.) — от *күске* ‘мышь’ (там же: 162),
- *Ары* (жен., муж.) — от *ары* ‘пчела’ и т. д. (там же: 153).

Были имена с отрицательными значениями, чтобы отвлечь внимание «нечистой силы» от ребенка и защитить его:

- *Өктек-оол* (муж.) от *өктек* ‘какушка’ (там же: 193),
- *Кодурак, Кодур-оол* (муж.) — от *кодур* ‘чесотка’ (там же: 175),
- *Чүдекпен, Чүдей-оол* (муж.) от *чүдек* ‘некрасивый’ (там же: 71),
- *Быттыг-кыс* (жен.) — от *быттыг* ‘вшивый’ и др. (там же: 30).

По словам одного из наших информаторов, в прошлом у тувинцев имелся и такой обычай, когда девочкам давали мужские имена, и наоборот.

Например, *Куш-оол* (жен.) — от *куш* ‘птица’ и *оол* ‘мальчик’. Несмотря на приставку *оол*, которая обычно указывала на мужской пол, это было имя бабушки, проживающей в с. Шекпер. В детстве ей дали мужское имя, чтобы защитить ее от «нечистой силы», которая забирала всех детей ее родителей².

Моего отца звали *Бак-кыс* — от *бак* ‘плохая’ и *кыс* ‘девочка, девушка’. Он сам мне говорил, что ему дали женское имя, чтобы защитить единственного оставшегося у них сына от злых духов и нечистой силы.

Мы заметили, что подобные случаи в настоящее время иногда встречаются в некоторых семьях в виде имен-прозвищ, используемых только дома. Причем, по словам родителей, прозвища с отрицательным значением, например, *Кодур-оол* ‘чесоточный мальчик’, они давали в связи с тем, что ребенок родился в семье с большим трудом. Так, сына называли почти до совершеннолетия³.

¹ Сувандии Н. Д. Тувинские личные имена: обычаи и традиции // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 6 (55). С. 387–389.

² Монгуш Белек-Баир Бак-кысович, 1941 г. р., пенсионер, г. Кызыл.

³ Дамбыра Сесенмаа Дарыевна, 1946 г. р., пенсионер, г. Кызыл.

Для защитной и охранительной функции и в настоящее время родители, помимо личных имен, используют прозвища для детей. Подобные имена мы отмечали у этнических тувинцев Монголии (Сувандии, 2019: 661–668). По словам информаторов, к таким прозвищам относятся:

- *Дииспеек* (жен.) — от *диис* ‘кошка’,
- *Эникпей* (муж.) — от *эник* ‘щенок’,
- *Анайжыгааш* (жен.) — от *анай* ‘козленок’ и т. п.

Следует отметить, что в современном тувинском именнике имен с защитно-охранительным значением зафиксировано очень мало, о чем свидетельствуют полученные данные из ЗАГСа республики. С 2020 по 2024 г. статистика зафиксировала только два имени *Адыгбай* и одно имя *Адыг* в г. Кызыле, а также одно имя *Адыг-оол* в Тоджинском кожууне.

Итак, имена защитно-охранительного характера имеют сакральное значение, поскольку антропонимы, связанные с наименованиями диких и домашних животных, отпугивают нечистые силы. Антропонимы с отрицательными значениями отвлекают от ребенка этих нечистых сил. В настоящее время подобные имена в большей степени встречаются у детей в качестве прозвищ.

Имена и этнокультурный быт

Как мы сказали, сакральность имен выражается не только в следовании религиозных традиций. Сакральность именам придают и те, в которых содержатся наименования традиционного быта, понимаемого тувинцами как сакральное прошлое народа, как память о предках и пр. И в прошлом, у тувинцев было много предметов домашнего обихода, наименованиями которых нарекали своих детей.

В художественной литературе авторами нередко используются имена, связанные с этнокультурным бытом:

«— *Ам чүнүң ужундан ойталай бердиңер? — деп, Деспижек Делбигирович арай шыңгырай берген»*

‘Из-за чего сейчас стал отказываться? — став немного строгим спросил Деспижек Делбигирович’¹.

Имя *Деспижек* происходит от слова *деспи* ‘корыто’ и выражает один из самых сакральных предметов быта тувинцев, в который кладут свежее вареное мясо с котла.

Один из наших информаторов говорит, что у них в семье есть *согааш* ‘ступка’ матери, которую они используют, но очень берегут как сакральную вещь своей матери. Если вещь мужская, то женщины их не касаются, а если они женские, наоборот, — мужчины их не трогали.

К таковым относятся антропонимы:

— *Согааш* (жен.) — от слова *согааш* ‘ступка’. Это один из необходимых для женщины предметов домашнего обихода, в котором измельчали плиточный чай;

— *Даавыыр* (жен.) — от слова *даавыыр* ‘подставка под чугунную чашу’.

Поскольку этими предметами пользовались исключительно женщины, личные имена, образованные от данных слов, всегда были только женскими².

К данной группе относятся и такие личные имена, как:

— *Оттук*, *Оттук-оол* (муж.) — от *оттук* ‘огниво’³,

— *Чаныы* (муж.) — от *чаныы* ‘брусok’,

— *Илбек* (муж.) — от *илбек* ‘крючок для вытаскивания мяса из котла’,

— *Кестик*, *Кестиккей* (муж.) — от *кестик* ‘ножик (небольшой)’,

— *Сыдым*, *Сыдым-оол*, *Сыдымчы* (муж.) — от *сыдым* ‘кожаный аркан’, которыми нарекали только мальчиков,

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Чылгычының өө [Юрта табунщика]. Роман. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1980. С. 56. (На тув. яз.).

² Дамбыра Сесенмаа Дарыевна, 1946 г. р., пенсионер, г. Кызыл.

³ Соян Айланмаа Мылдыргынына, 1982 г. р., работник образования, г. Кызыл.

- Шүүче (муж.) — от слова шүүче ‘стамеска’,
- Саадак (муж.) — от саадак ‘охотничья сумка, колчан’¹.

Названные предметы принадлежали мужчинам — хозяевам юрты, по этой причине женщины их старались не трогать.

Есть единичные так называемые «общие» антропонимы, которыми нарекали как мальчиков, так и девочек (*unisex*):

- Деспи, Деспил-оол (муж.), Деспилдей, Деспижек (муж., жен.) — от слова деспи ‘корыто’,
- Кавай (муж, жен.), Кавай-оол (муж.), Каваймаа (жен.) — от кавай ‘колыбель’².

В настоящее время данные личные имена нами зафиксированы у некоторых детей школьного возраста, напр., Кавай-оол — один из учеников Аграрного лицея Республики Тыва; Сыдым — один из учеников средней школы с. Тоора-Хем им. Л. Б. Чадамба.

По данным тувинского ЗАГСа, антропонимы данной лексико-семантической группы остаются одним из часто употребительных в современном тувинском именнике (таб. 1).

Таблица 1. Тувинские антропонимы «Сыдым» и «Оттук», зарегистрированные республиканским отделом ЗАГС в период с 2020 по 2024 гг.
Table 1. Tuvan anthroponyms “Sydym” and “Ottuk”, registered by the Republican Registry Office department in the period from 2020 to 2024

Личное имя	Годы регистрации в ЗАГСе	Количество имен	Кожууны, столица и распределение имен
Сыдым, Сыдым-оол, Сыдымчы	2020	8	г. Кызыл (6) Бай-Тайгинский кожуун (1) Дзун-Хемчикский кожуун (1)
	2021	7	г. Кызыл (3) Тандинский кожуун (1) Дзун-Хемчикский кожуун (1) Улуг-Хемский кожуун (1) Чаа-Хольский кожуун (1)
	2022	4	г. Кызыл (1) Бай-Тайгинский кожуун (1) Каа-Хемский кожуун (1) Улуг-Хемский кожуун (1)
	2023	4	г. Кызыл (3) Улуг-Хемский кожуун (1)
	2024	5	г. Кызыл (3) Улуг-Хемский кожуун (1) Чеди-Хольский кожуун (1)
Оттук	2020	6	г. Кызыл (4) Дзун-Хемчикский кожуун (1) Улуг-Хемский кожуун (1) Эрзинский кожуун (1)
	2021	4	г. Кызыл (1) Кызылский кожуун (2) Улуг-Хемский кожуун (1)
	2022	3	г. Кызыл (2) Эрзинский кожуун (1)
	2023	6	г. Кызыл (3) Кызылский кожуун (2) Чеди-Хольский кожуун (1)
	2024	3	г. Кызыл (1) Дзун-Хемчикский кожуун (1) Эрзинский кожуун (1)

¹ Сувандии Аркадий Максимович, 1959 г. р., пенсионер, г. Кызыл.

² Килик Надония Ивановна, 1951 г. р., пенсионер, г. Кызыл.

Таким образом, древняя традиция наречения детей именами, связанными с этнокультурным бытом, сохраняется и в настоящее время, причем в основном подобными именами нарекают мальчиков.

Антропонимы — посвящения

В последнее время среди сакральных антропонимов появилась новая тенденция — встречаются имена-посвящения, причем в большей степени это посвящения своим предкам. В прежние времена обычаи тувинцев не позволяли даже произносить имени своего предка. А сейчас многие родители стали нарекать своих детей именами в честь своих родителей, дедушек, бабушек.

К подобным примерам относится *Чула-Херел (жен.)* — от чула 'лампада' и херел 'луч' — имя девочки 15 лет, обучающейся одной из гимназий г. Кызыла, посвященное ее бабушке, которая при жизни носила такое же имя¹. *Каң-Хая (муж.)* — от каң 'сталь' и хая 'скала' — имя мальчика, учащегося лицея г. Кызыла. Как говорит его бабушка², они дали мальчику имя его супруга, чтобы оно оставалось жить среди их детей. Дома они называют мальчика прозвищем *Хаяшка* в уменьшительно-ласкательной форме от слова хая 'скала', чтобы каждый раз, как выражается бабушка, *кырган-ачазының бажын ковайтпас дээш* 'чтобы не поднимать голову его дедушки'.

Среди имен-посвящений зафиксированы и антропонимы, которые посвящены знаменитым личностям Тувы, например:

- *Кечил, Кечил-оол (муж.)* — от имени Героя Советского Союза Тюлюша Кечил-оола;
- *Чургуй-оол (муж.)* (тув. написание *Чүргүй-оол*) — имя, посвященное Герою Советского Союза Хомушку Намгаевичу Чургуй-оолу³.

Есть также антропонимы, которые посвящены заслуженным работникам культуры:

- *Хургулек* (тув. написание *Хүргүлек*) — имя-посвящение Народной артистке Российской Федерации Хургулек Байыскылановне Конгар,
- *Конгар-оол* — имя, посвященное Заслуженному артисту Российской Федерации, Народному хоомейжи Республики Тыва Конгар-оолу Борисовичу Ондару. Родители хотят, чтобы их сын тоже стал в жизни знаменитым человеком⁴.

Антропонимы-посвящения мы также можем назвать сакральными, так как современные родители-тувинцы стремятся с их помощью сохранять память о своих предках, а также желать детям успеха в жизни, как у их знаменитых тезок.

Заключение

Таким образом, традиция наречения детей тувинцев личными именами с сакральным значением существовала с давних времен, была весьма богатой, и сохраняется в разных формах до сих пор.

Нами выявлены четыре лексико-семантических групп личных имен с сакральным значением. Это личные имена, связанные с верованиями тувинцев шаманизмом и буддизмом, которые функционируют параллельно и в настоящее время, играя немалую роль в наречении именем детей. Также особо отмечены антропонимы-посвящения, являющиеся особенностью современного тувинского имянаречения.

Исследование современных тенденций имянаречения показывает изменения, которые происходят со сферой понимания святости у тувинцев, которые отражаются на именах. После определенного периода запретов, забвения и пр., наличие и даже увеличение сакральных «следов» в имянаречении говорит о том, что возрождение религиозной сферы проникло глубоко во все сферы общественной и частной жизни тувинцев.

¹ Монгуш Тимур Бойдуевич, 1959 г. р., пенсионер, г. Кызыл.

² Ондар Караңмаа Хапыкович, 1948 г. р., пенсионер, г. Кызыл.

³ Монгуш Светлана Кыргысовна, 1948 г. р., работник образования, г. Кызыл.

⁴ Ондар Любовь Дырышкаковна, 1962 года рождения, пенсионер, г. Кызыл.

Благодарности

Выражаю большую благодарность заместителю начальника отдела взаимодействия в сфере записи актов гражданского состояния Управления ЗАГС О. В. Оюн за помощь в сборе информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айыжы, Е. В. (2014) Обрядовая практика тувинцев: рождение ребенка и колыбель // Журнал Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. № 4. С. 79–85.

Айыжы, Е. В., Донгак, В. В. (2024) Трансформация в названиях родовых групп под влиянием процесса паспортизации в Туве // Oriental Studies. Т. 17. № 6. С. 1253–1266. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2024-76-6-1253-1266>

Бавуу-Сюрюн, М. В. (2000) Влияние русского языка на образование современных тувинских фамилий и имен // Этносоциальные процессы в Сибири / отв. ред. Ю. В. Попков. Новосибирск : Издательство СО РАН. Вып. 3. 261 с. С. 204–205.

Байыр-оол, М. С. (2017) Имя Субудая в имяназвании тувинцев 1980–2000-х годов // Новые исследования Тувы. № 4. С. 154–170. DOI: 10.25178/nit.2017.4.10

Берзин, А (1992) Тибетский буддизм : история и перспективы развития. Волгоград : Офсет. 32 с.

Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы: историко-этнографические очерки. М. : Издательство восточной литературы. 222 с.

Вайнштейн, С. И. (1969) Личные имена, термины родства и прозвища у тувинцев // Ономастика / ред. В. А. Никонов. М. : Наука. 261 с. С. 125–232.

Вайнштейн, С. И. (1989) Тувинцы // Системы личных имен у народов мира / ред. Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков, В. А. Никонов, А. М. Решетов. М. : Наука. 382 с. С. 305–307.

Кара-оол, Ч. А. (2014) Начальные обряды социализации ребенка в традиционной культуре тувинцев // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. Т. 123. № 1. С. 204–208.

Катанов, Н. Ф. (1903) Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского происхождения. Казань : Типо-литография Императорского Казанского Университета. 1600 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (1992) Тыва хамнарның алгыштары [Алгыши тувинский шаманов]. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 224 с. (На тув. яз.).

Кенин-Лопсан, М. Б. (1993) Магия тувинских шаманов. Кызыл : Новости Тувы. 160 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (1995) Алгыши тувинских шаманов = Тыва хамнарның алгыштары. Кызыл : Новости Тувы. 528 с. (На рус. и тув. яз.).

Кенин-Лопсан, М. Б. (1999) Тыва чоннуң ыдыктыг чаңчылдары [Священные традиции тувинского народа]. Кызыл : Новости Тувы. 350 с. (На тув. яз.).

Кенин-Лопсан, М. Б. (2010) Кара дээрниң тыныжы [Дыхание Черного Неба]. Кызыл : Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кюнзегеша. 391 с. (На тув. яз.).

Ламажаа, Ч. К., Сувандии, Н. Д., Монгуш, А. В. (2023) Святое в тувинской культуре: прошлое и современность // Новые исследования Тувы. № 3. С. 220–241. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14>

Монгуш, Д. А. (1973) Сокращенная форма личных имен в тувинском языке // УЗ ТНИИЯЛИ / отв. ред. Ю. Л. Аранчин. Вып. XVI. Кызыл : Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. 304 с. С. 146–155.

Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве. Новосибирск : Наука. 197 с.

Никонов, В. А. (1974) Личные имена у тюркоязычных народов // Никонов В. А. Имя и общество. М. : Наука. 265 с. С. 85–130.

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 401 с.

Сувандии, Н. Д. (2011) Тувинская антропонимия. Кызыл : Тувинский государственный университет. 207 с.

Сувандии, Н. Д. (2015) Становление фамилий и отчеств в тувинском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12 (54). С. 171–173.

Сувандии, Н. Д. (2019) Официальные и «вторые» имена этнических тувинцев Монголии // *Oriental Studies*. № 4. С. 661–668. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-661-668>

Сувандии, Н. Д. (2021) Антропонимы тувинского языка, связанные с буддийской религией // *Новые исследования Тувы*. № 2. С. 44–51. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.4>

Сувандии, Н. Д., Уламсурэн Ц. (2024) Личные имена в повести К. Кудажи «Ыы (Плач)» // *Казанская наука*. № 4. С. 259–263.

Суперанская, А. В. (1990) *Имя — через века и страны*. М. : Наука. 190 с.

Суперанская, А. В., Сталтманэ, В. Э., Подольская, Н. В., Султанов А. Х. (2007) *Теория и методика ономастических исследований*. М. : Издательство ЛКИ. 256 с.

Чадамба, З. Б. (1969) Тувинские имена // *Справочник личных имен народов РСФСР* / под ред. А. В. Суперанской, Ю. М. Гусева. М. : Русский язык. 571 с. С. 405–421.

Чадамба, З. Б. (1993) Способы образования тувинских личных имен // *Вопросы тувинского языкознания* / отв. ред. Д. А. Монгуш, Б. И. Татаринцев. Кызыл : Новости Тувы. 128 с. С. 98–105.

Дата поступления: 12.01.2025 г.

Дата принятия: 03.03.2025 г.

REFERENCES

Ayizy, E. V. (2014) Ritual Practices of the Tuvans: The Birth of a Child and the Cradle. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva*, no. 4, pp. 79–85. (In Russ.)

Ayizy, E. V. and Dongak, V. V. (2024) Transformation of Clan Names under the Influence of the Passportization Process in Tuva. *Oriental Studies*, vol. 17, no. 6, pp. 1253–1266. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2024-76-6-1253-1266>

Bavuu-Surun, M. V. (2000) The Influence of the Russian Language on the Formation of Modern Tuvan Surnames and Given Names. In: Popkov, Yu. V. (ed.) *Ethnosocial Processes in Siberia*, vol. 3. Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of RAS. 261 p. Pp. 204–205. (In Russ.)

Baiyr-ool, M. S. (2017) The Name *Subudai* in Tuvan Naming Practices of the 1980s — 2000s. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 154–170. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.4.10>

Berzin, A. (1992) *Tibetan Buddhism: History and Prospects of Development*. Volgograd, Offset. 32 p. (In Russ.)

Vainshtein, S. I. (1961) *The Tuvans-Todzha: Historical and Ethnographic Essays*. Moscow, Publishing House of Oriental Literature. 222 p. (In Russ.)

Vainshtein, S. I. (1969) Personal Names, Kinship Terms and Nicknames among Tuvans. In: Nikonov, V. A. (ed.) *Onomastics*. Moscow, Nauka. 261 p. Pp. 125–232. (In Russ.)

Vainshtein, S. I. (1989) The Tuvans. In: Dzharlygasinova R. Sh., Kryukov M. V., Nikonov V. A., Reshetov A. M. (eds.) *Personal Name Systems of the Peoples of the World*. Moscow, Nauka. 382 p. Pp. 305–307. (In Russ.)

Kara-ool, Ch. A. (2014) Initial Socialization Rituals of Children in the Traditional Culture of the Tuvians. *Izvestiya Uralskogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, vol. 123, no. 1, pp. 204–208. (In Russ.)

Katanov, N. F. (1903) *A Study of the Uriankhai Language Indicating Its Main Kinship with Other Turkic Languages*. Kazan, Printing House of the Imperial Kazan University. 1600 p. (In Russ.)

Kenin-Lopsan, M. B. (1992) *Blessings of Tuvan Shamans*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 224 p. (In Tuvan.)

Kenin-Lopsan, M. B. (1993) *The Magic of Tuvan Shamans*. Kyzyl, Novosti Tuvy. 160 p. (In Russ.)

Kenin-Lopsan, M. B. (1995) *Blessings of Tuvan Shamans = Tyva khamnarnyŋ algyshtary*. Kyzyl, Novosti Tuvy. 528 p. (In Russ. and Tuvan.)

Kenin-Lopsan, M. B. (1999) *[Sacred Traditions of the Tuvan People]*. Kyzyl, Novosti Tuvy. 350 p. (In Tuvan.)

Kenin-Lopsan, M. B. (2010) *The Breath of the Black Sky*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House named after Yu. Sh. Kyunzegesh. 391 p. (In Tuvan.)

Lamazhaa, Ch. K., Suvandii, N. D. and Mongush, A. V. (2023) The Sacred in Tuvan Culture: Past and Present. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 220–241. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14>

Mongush, D. A. (1973) Shortened Forms of Personal Names in the Tuvan Language. In: Aranchyn, Yu. L. (ed.) *Uchenye zapiski TNIYALI*, vol. XVI. Kyzyl, Tuvan Research Institute of Language, Literature and History. 304 p. Pp. 146–155. (In Russ.)

Mongush, M. V. (2001) *The History of Buddhism in Tuva*. Novosibirsk, Nauka. 197 p. (In Russ.)

Nikonov, V. A. (1974) Personal Names among Turkic-Speaking Peoples. In: Nikonov, V. A. *Name and Society*. Moscow, Nauka. 265 p. Pp. 85–130. (In Russ.)

Potapov, L. P. (1969) *Sketches of Tuvan Folk Life*. Moscow, Nauka. 401 p. (In Russ.)

Suvandii, N. D. (2011) *Tuvan Anthroponymy*. Kyzyl, Tuvan State University. 207 p. (In Russ.)

Suvandii, N. D. (2015) Formation of Patronymics and Surnames in the Tuvan Language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12 (54), pp. 171–173. (In Russ.)

Suvandii, N. D. (2019) Official and “Second” Names of Ethnic Tuvans in Mongolia. *Oriental Studies*, no. 4, pp. 661–668. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-661-668>

Suvandii, N. D. (2021) Tuvan Anthroponyms Related to the Buddhist Religion. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 44–51. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.4>

Suvandii, N. D. and Ulamsuren, Ts. (2024) Personal Names in K. Kudazhy’s Story “Yyy (The Cry)”. *Kazanskaya nauka*, no. 4, pp. 259–263. (In Russ.)

Superanskaya, A.V. (1990) *The Name — Through Centuries and Countries*. Moscow: Nauka. 190 p. (In Russ.)

Superanskaya, A. V., Staltmane, V. E., Podolskaya, N. V. and Sultanov, A. Kh. (2007) *Theory and Methodology of Onomastic Research*. Moscow, LKI Publishing. 256 p. (In Russ.)

Chadamba, Z. B. (1969) Tuvan Names. In: Superanskaya, A.V., Gusev, Yu.M. (eds.) *Dictionary of Personal Names of the Peoples of the RSFSR*. Moscow, Russkiy yazyk. 571 p. Pp. 405–421. (In Russ.)

Chadamba, Z. B. (1993) Formation Methods of Tuvan Personal Names. In: Mongush, D. A., Tatarintsev, B. I. (eds.) *Issues of Tuvan Linguistics*. Kyzyl, Novosti Tuvy. 128 p. Pp. 98–105. (In Russ.)

Submission date: 12.01.2025.

Acceptance date: 03.03.2025.

Вейпинг у подростков Тувы: распространенность, факторы риска, взаимосвязь с расстройствами психосоматического спектра

Лидия С. Эверт

Институт медицинских проблем Севера ФИЦ КНЦ СО РАН,
Российская Федерация

В статье представлены результаты исследования распространенности и особенностей использования электронных сигарет (ЭС) подростками, проживающими на территории Республики Тыва. Источником анализа послужили результаты онлайн-тестирования случайных выборок лиц подростково-юношеского возраста 15–18 лет (619 чел.) с использованием Google Forms скрининговой анкеты, опросника по вейпингу и психометрического опросника «SCL 90R». Информативная значимость показателей в качестве вероятных факторов риска ФСР оценивалась по показателям отношения шансов (ОШ) и их доверительных интервалов (ДИ).

Установлено, что распространенность вейпинга у подростков Тувы — 18,6%, одинаковая среди мальчиков и девочек (9,4% и 9,2%) и более высокая в возрастной группе 17–18 лет (12,6%), чем 15–16 лет (6,0%).

Факторами риска высокой подверженности подростков к потреблению ЭС названы недостаточный уровень осведомленности подростков-вейперов о негативном воздействии ЭС на организм, их мнение о безопасности данного вида курительных средств и отношение к ЭС как безопасной альтернативе обычным сигаретам. Определен большой перечень факторов риска ФСР и нарушений психоэмоционального статуса, обусловленных использованием ЭС. Высокоинформативным фактором риска является вейпинг для расстройств психоэмоционального статуса: соматизации, обсессивно-компульсивных проявлений, межличностной сензитивности, депрессии, тревожности, враждебности, психотизма.

Результаты исследования свидетельствуют о необходимости комплексного подхода к решению рассматриваемой проблемы: повышению уровня знаний об электронных средствах доставки никотина, активному выявлению вейперов среди тувинских подростков и эффективной коррекции имеющихся у них нарушений здоровья.

Ключевые слова: подросток; Тува; вейпинг; электронная сигарета; фактор риска; психоэмоциональный статус

Для цитирования:

Эверт Л. С. Вейпинг у подростков Тувы: распространенность, факторы риска, взаимосвязь с расстройствами психосоматического спектра // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 248–280. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.16>

Эверт Лидия Семеновна — доктор медицинских наук, главный научный сотрудник клинического отделения соматического и психического здоровья детей Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера Красноярского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 660022, Россия, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, д. 3г. Эл. адрес: lidiya_evert@mail.ru

EVERT, Lydia Semenovna, Doctor of Medical Sciences, Chief Researcher, Clinical Department of Somatic and Mental Health of Children, Research Institute of Medical Problems of the North, Krasnoyarsk Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 3g, Partizana Zheleznyaka St., 660022, Russia, Krasnoyarsk. E-mail: lidiya_evert@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0665-7428

Vaping Among Adolescents in Tuva: Prevalence, Risk Factors, and Associations with Psychosomatic Spectrum Disorders

Lidiya S. Evert

*Institute of Medical Problems of the North, Krasnoyarsk Scientific Center, SB RAS,
Russian Federation*

This article presents the findings of a study on the prevalence and characteristics of electronic cigarette (EC) use among adolescents residing in the Republic of Tuva. The analysis was based on data obtained through online testing of random samples of adolescents aged 15–18 (total n=619), using a screening questionnaire administered via Google Forms, a vaping survey, and the psychometric questionnaire SCL-90-R. The predictive value of the indicators as potential risk factors for psychosomatic spectrum disorders (PSD) was assessed using odds ratios (OR) and their confidence intervals (CI).

The study found that the prevalence of vaping among adolescents in Tuva is 18.6%, with similar rates between males and females (9.4% and 9.2%, respectively), and higher levels observed in the older age group (17–18 years, 12.6%) compared to the younger group (15–16 years, 6.0%).

Key risk factors associated with increased susceptibility to EC use among adolescents included low awareness among adolescent vapers regarding the adverse effects of ECs on bodily health, beliefs about the safety of ECs, and the perception of ECs as harmless alternatives to conventional cigarettes. A wide range of risk factors for PSD and disturbances in psycho-emotional functioning associated with EC use were identified. Vaping emerged as a highly informative risk factor for impairments in psycho-emotional health, including somatization, obsessive-compulsive symptoms, interpersonal sensitivity, depression, anxiety, hostility, and psychoticism.

The study results highlight the urgent need for a comprehensive approach to addressing this issue, including improving awareness about electronic nicotine delivery systems, actively identifying vaping behavior among Tuvan adolescents, and providing effective interventions for associated health disturbances.

Keywords: adolescent; Tuva; vaping; electronic cigarette; risk factor; psycho-emotional health

For citation:

Evert L. S. Vaping Among Adolescents in Tuva: Prevalence, Risk Factors, and Associations with Psychosomatic Spectrum Disorders. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 248–280. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.16>

Введение

Прогрессирующий рост вейпинга среди подростков и молодежи многих стран мира, его негативное влияние на организм — актуальная медико-социальная проблема, требующая неотложного решения. В течение последнего десятилетия все более популярным табачным изделием у молодежи становятся электронные средства доставки никотина (ЭСДН, англ. *Electronic Nicotine Delivery Systems*), и наиболее частые из них — электронные сигареты (ЭС), потребление которых полностью моделирует курение обычной сигареты (Dai et al., 2023; Скворцова, Мамченко, 2021; Bhavé, Chadi, 2021; Watts et al., 2022). Курение электронных сигарет называют модным словом «вейпинг» (от англ. *vaping* ‘парение’), а курильщика — вейпер. Стремительный рост вейпинга в подростково-молодежных популяциях регистрируется во многих странах мира, что с учетом его негативного влияния на организм вейперов, свидетельствует об актуальности данной медико-социальной проблемы и необходимости ее скорейшего решения.

В последние годы использование электронных сигарет молодыми людьми достигло масштабов эпидемии (Winickoff, Evins, Levy, 2024; Ko, Ting Wai Chu, Bullen, 2024; Гамбарян, 2019; Петрейкин, Петрейкина, 2019: Электр. ресурс). Это вызывает особую тревогу в связи с многочисленными свидетельствами негативного воздействия никотина на организм юных вейперов в виде длительных разрушительных последствий для развития мозга, полисистемного влияния на все органы и ткани (Livingston, 2022; Ahmad et al., 2019; East et al., 2022; Chambers et al., 2024), в том числе на легкие (Ишбулдина, Вахитов, Гайчик, 2024), сердечно-сосудистую (Боярчук и др., 2021) и вегетативную нервную систему (Королев, Подкаура, 2022). Добавление к электронным сигаретам вкусовых добавок направлено на то, чтобы молодые люди пробовали, экспериментировали. Тем самым потребители вейпов делают зависимыми, так как известно, что никотин — это психоактивное вещество, вызывающее никотиновую зависимость и наносящее непоправимый вред организму, в том числе — ведущее к развитию тревожно-депрессивных состояний и других, ассоциированных с вейпингом, психических расстройств (Becker et al., 2021; Becker, Rice, 2022).

Наиболее подвержены никотиновой зависимости лица подростково-юношеского возраста: большинство (до 90%) курильщиков начинают курить в возрасте до 18 лет. У вейперов-подростков часто отмечаются головные боли, негативно влияющие на их эмоциональное и физическое состояние, социальное развитие и функционирование (Chambers et al., 2024; Becker, Rice, 2022). Подростковая зависимость от электронных сигарет влияет на обучение, память и внимание (Xie, Jeffers, Winickoff, 2024).

В Российской Федерации борьба с потреблением подростками вейпов особенно актуальна, так как распространенность вейпинга в этом возрасте продолжает лавинообразно расти. К сожалению, в нашей стране недостаточно уделяется внимания исследованиям не только в целом по всей стране, но и отдельным ее регионам, в том числе — по Республике Тыва. Нами предпринята попытка восполнить имеющиеся пробелы в изучении данной проблемы.

Цель исследования: изучение распространенности и структуры вейпинга, его ассоциаций с расстройствами психосоматического спектра и роль в их возникновении у подростков Тувы — представителей всех этнических групп, с учетом возрастно-половой принадлежности. Объектом исследования были лица подросткового возраста (15–18 лет) — представители подростково-молодежной популяции Республики Тыва. Предметом исследования был вейпинг, его структура, ассоциации и роль в развитии расстройств психосоматического спектра у подростков-вейперов.

Для реализации этой цели сформулированы следующие задачи: изучить распространенность и структуру вейпинга во всей группе, включенных в исследование подростков и возрастно-половых группах; проанализировать различия осведомленности о вейпинге в группах подростков, потребляющих и не потребляющих электронные сигареты; определить особенности мнений и отношения к вейпингу подростков групп сравнения; исследовать ассоциации вейпинга с различными видами функциональных соматических расстройств (рецидивирующими болевыми синдромами) и нарушениями психоэмоционального статуса; оценить роль показателей осведомленности и мнений об ЭС в качестве факторов риска подверженности подростков к вейпингу, оценить значимость вейпинга как предиктора психосоматических расстройств у подростков, потребляющих электронные сигареты; сравнить полученные данные с результатами других авторов.

Материал и методы исследования

Результаты, обсуждаемые в данной работе, являются частью большого исследования, выполненного в рамках научной тематики Научно-исследовательского института медицинских проблем Севера (НИИ МПС) «Федерального исследовательского центра “Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук”» (ФИЦ КНЦ СО РАН) темы НИР «Психосоматические расстройства у подростков Центральной Сибири: распространенность, структура, психологические факторы риска и нейрогенетические предикторы» (2024–2026 гг.) (рег. № ЕГИСУ НИОКТР 124020100064-6), выполняемой коллективом клинического отделения соматического и психического здоровья детей (руководитель — д. м. н., профессор С. Ю. Терещенко). Авторы соблюдали этические принципы Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации. Проведение исследования одобрено Комитетом по биомедицинской этике ФИЦ КНЦ СО РАН. Информированное согласие получено от всех участников, включенных в исследование, согласовано с администрациями учебных заведений.

Данными для статистического анализа послужили результаты скрининговых обследований, проведенных в Республике Тыва с января 2023 г. по январь 2024 г. Объектом исследования были подростки 15–18 лет — учащиеся средних общеобразовательных школ и лицеев, средних специальных учебных заведений (колледжи, техникумы) проживающие в городах: Кызыл (административный центр Р. Тыва), Шагонар, Ак-Довурак, Чадан, Туран, а также жители сельских регионов Тувы — кожуунов. Учитывая, что нами обследованы случайные выборки подростков, то, безусловно, речь не может идти о полной репрезентативности всей молодежи Тувы.

Обследование проводилось методом онлайн-тестирования с использованием *Google Forms* скрининговой анкеты, опросника по вейпингу и психометрического опросника «SCL 90R» для верификации характеристик психоэмоционального статуса. Общее число обследованных, заполнивших указанные опросники, составило 625 чел., в двух случаях получен отказ пройти тестирование, у 4-х человек опросники были заполнены некорректно, в анализ включено 619 чел., медиана (Me) возраста обследованных 16,0 [15,0; 17,0] лет.

Дизайн исследования включал изучение у обследованных групп сравнения показателей, демонстрирующих уровень осведомленности о различных аспектах вейпинга; показателей, характеризующих особенности мнений и отношения подростков к потреблению ЭС и отказа от их курения.

В статистический анализ включались только корректно заполненные опросники, в которых тестируемыми были даны ответы на все вопросы. Анализировали показатели в общей группе вошедших в исследование лиц и давших ответы на все вопросы, включенные в каждый из опросников с учетом потребления (n=115, основная группа) и не потребления (n=504, группа сравнения) электронных сигарет. Распространенность вейпинга анализировали в общей группе (n=619) включенных в исследование подростков, а также в группах сравнения из числа включенных в статистический анализ и сформированных с учетом потребления/не потребления ЭС и пола: мальчики (n=229), девочки (n=390); *возраста*: 15–16 лет (n=331), 17–18 лет (n=288).

Далее, при использовании в тексте понятия «тувинские подростки», мы имеем в виду только территориальное проживание (подростки Тувы), а не их этническую принадлежность.

Для выявления рецидивирующих болей головных, болей в животе и спине (дорсалгий) и верификации типа их течения (с учетом частоты болевых эпизодов) использовалась скрининговая анкета, разработанная С. Ю. Терещенко¹. Наличие и частота болей различной локализации оценивались за последние 3 месяца, предшествующих скринингу. Критерием редких головных болей было наличие цефалгий от 1 до 15 дней в месяц, частых — более 15 дней в месяц; критерием редких болей в животе было наличие болевых эпизодов данной локализации 1–2 раза в месяц, частых болей в животе — более 2-х раз в месяц; критерием редких дорсалгий было наличие 1–2 эпизодов болей в спине в течение месяца, частых — более 2-х эпизодов в месяц.

Особенности характеристик психоэмоционального статуса оценивали с использованием симптоматического опросника SCL-90-R согласно критериям для каждой из шкал опросника.

При *статистической обработке* полученных данных использован модуль непараметрических статистик программы Statistica 12 for Windows (StatSoft Inc., США). Бинарные признаки представлены в виде % доли и границ доверительного интервала (ДИ), оцененного по методу Уилсона (Wilson) и рассчитанному с использованием онлайн-калькулятора. При описании статистических показателей указывали абсолютное значение Pearson χ^2 и статистическую значимость различий (p). Уровень значимости различий (p) для бинарных признаков при сравнении двух не связанных групп оценивали по критерию χ^2 Пирсона (chi-square Pearson). Различия между группами считали статистически значимыми при $p \leq 0,05$.

¹ Способ оценки риска развития расстройств психосоматического спектра у школьников коренного и некоренного населения Хакасии / Авторы технологии: д. м. н. Эверт Л. С., д. м. н., проф. Терещенко С. Ю., м. н. с. Костюченко Ю. Р., к. б. н. Чудинова О. В. Красноярск; Абакан, 2021.

Распространенность и структура вейпинга

По данным проведенного нами статистического анализа, распространенность вейпинга во всей группе включенных в исследование подростков Тувы составила 18,6% (115/619, ДИ=15,7–21,8%). Распространенность вейпинга среди мальчиков — 9,4%, (58/619, ДИ=7,3–11,9%) была сопоставимой с аналогичным показателем у девочек — 9,2% (57/619, ДИ=7,2–11,7%). Частота встречаемости вейпинга была выше у подростков 17–18 лет — 12,6% (78/619, ДИ=10,2–15,4%), чем в группе 15–16 лет — 6,0% (37/619, ДИ=4,4–8,1%).

На заданный подросткам вопрос «Употребляли ли вы в прошлом электронные сигареты?» 5,2% опрошенных, потребляющих вейпы в настоящее время (основная группа), ответили, что не употребляли их в прошлом, 47,0% нынешних вейперов ответили, что потребляли ЭС в прошлом, но не каждый день, а 47,8% указали, что потребляли их ежедневно. Аналогичные показатели в группе сравнения (подростки, не потребляющие вейпы в настоящее время) составляли 88,1, 10,9 и 1,0%.

По данным собранного у подростков-вейперов анамнеза, был проанализирован возраст начала курения ими вейпов. Так, 6,6% подростков, потребляющих ЭС в настоящее время, начали курить их в возрасте моложе 12 лет, 23,6% — с 12–14 лет, 51,9% — с 15–17 лет и 17,0% — с 18 лет.

Опыт использования электронных парогенераторов (кальяна) был у 59,1% подростков, потребляющих ЭС в настоящее время, и у 9,9% лиц группы сравнения ($p1-2 < 0,001$, $\chi^2=146,96$).

Пытались в течение прошедших 12 месяцев бросить курить 42,6% (49/115, ДИ=34,0–51,7%) подростков, потребляющих ЭС, не пытались — 57,4% (66/115, ДИ=48,3–66,0%).

Результаты распределения подростков с учетом их мнения относительно эффективности способов (или средств) прекращения потребления электронных сигарет, иллюстрирует рисунок 1.

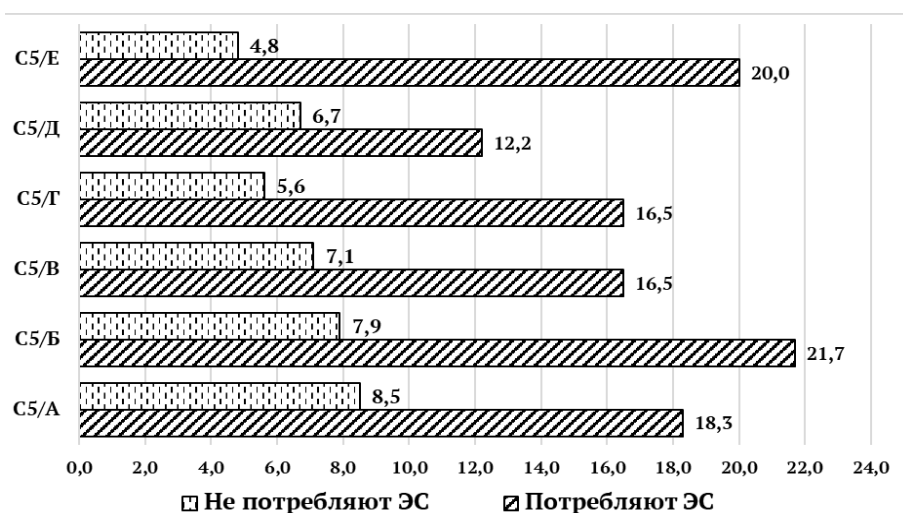

Рис. 1. Распределение мнений опрошенных относительно эффективности способов (или средств) прекращения потребления электронных сигарет, в %.

Figure 1. Distribution of respondents' opinions on the effectiveness of ways (or means) to stop using electronic cigarettes, in %.

Прим.: C5/A — консультации в медицинских учреждениях, C5/Б — заместительная никотиновая терапия, C5/В — другие лекарственные средства, C5/Г — немедикаментозная терапия, C5/Д — психотерапия, C5/Е — переключение на электронные курительные средства. Здесь и далее в рисунках представлены варианты ответов «Да» по каждому пункту опросника, в %.

Note: C5/A — consultations in medical institutions, C5/Б — nicotine replacement therapy, C5/В — other medicines, C5/Г — non-drug therapy, C5/Д — psychotherapy, C5/Е — switching to electronic smoking products. Here and further in the figures, the answer options are “Yes” for each item of the questionnaire, in %.

Значимость различий ($p1-2$) показателей, между подростками, потребляющими ЭС (гр. 1) и не потребляющими ЭС (гр. 2) были статистически значимыми и составляли соответственно для: C5/A = 0,002 ($\chi^2=9,56$), для C5/Б < 0,001 ($\chi^2=18,98$), для C5/В = 0,001 ($\chi^2=10,17$), для C5/Г < 0,001 ($\chi^2=16,05$), C5/Д = 0,049 ($\chi^2=3,86$), C5/Е < 0,001 ($\chi^2=30,99$).

На вопрос «Какое из приведенных ниже утверждений наилучшим образом описывают ваши мысли об отказе от курения электронных сигарет (и/или обычных сигарет), 22,2% подростков ответили, что намерены бросить курить в течение следующего месяца, 14,8% думают, что бросят курить в течение следующих 12 месяцев, 16,7% придерживаются мнения, что рано или поздно бросят курить, но не в течение следующих 12 месяцев, 8,3% не планируют бросить курить и 38,0% подростков затруднились ответить на этот вопрос.

Различия осведомленности о вейпинге

Анализ осведомленности подростков о вейпинге проводился по соответствующим пунктам опросника «Вейпинг». Так, на вопрос «Знаете ли вы, что курение — настоящее хроническое заболевание, связанное с развитием зависимости от никотина — основного вещества табачной продукции, вызывающего значительные биохимические изменения в головном мозге?» положительно ответили равное число подростков основной группы (потребляющих ЭС) и группы сравнения (не потребляющих ЭС) — соответственно 87,0% (100/115, ДИ=79,6–91,9%) и 86,1% (434/504, ДИ=82,8–88,9%), $p1-2=0,812$, $\chi^2=0,06$.

Численность подростков, не знающих, что курильщики, как правило, не в состоянии бросить курить без посторонней помощи, было больше в группе потребляющих ЭС — 37,4% (43/115, ДИ=29,1–46,5%), чем в группе сравнения — 25,8% (130/504, ДИ=22,2–29,8%), $p1-2=0,012$, $\chi^2=6,25$.

На вопрос «Известно ли вам, что к электронным курительным устройствам (ЭКУ) относятся электронные средства доставки никотина (ЭСДН) — электронные сигареты (вейпы) и электронные системы нагревания табака — вапоризаторы (кальяны), в которых табак разогревается, но не горит?» положительный ответ дало несколько большее число подростков, потребляющих ЭС в сравнении с группой, не потребляющих данный вид курительных средств, соответственно — 79,1% (91/115, ДИ=70,8–85,6%) и 71,2% (359/504, ДИ=67,1–75,0%), $p1-2=0,086$, $\chi^2=2,94$.

Знание того факта, что оба вида ЭКУ производят аэрозоль, содержащий никотин — психоактивное вещество, оказывающее вредное воздействие на организм вследствие его крайне высокой токсичности и наркотических свойств, продемонстрировало одинаковое число подростков основной группы и группы сравнения, соответственно — 75,6% (87/115, ДИ=67,1–82,6%) и 74,6% (376/504, ДИ=70,6–78,2%), $p1-2=0,815$, $\chi^2=0,05$.

Известно, что в картриджах, наполнителях и аэрозолях электронных сигарет содержится много вредных веществ, включая формальдегид, ацетальдегид, акролеин, ацетон, нитрозамины, растворители (пропиленгликоль и глицерин), фенолы, полициклические ароматические углеводороды, алкалоиды табака, тяжелые металлы (олово, никель, медь, кадмий, свинец, хром, мышьяк). Они могут легко проникать в альвеолы легких, оказывать местный токсический эффект, попадать в артериальную кровь и проникать во все ткани органов и систем организма. Известно об этом было меньшему числу подростков, потребляющих вейпы, чем их сверстникам, не потребляющим ЭС, соответственно — 27,8% (32/115, ДИ=20,5–36,6%) и 32,3% (163/504, ДИ=28,4–36,5%), $p1-2=0,347$, $\chi^2=0,88$.

Содержание никотина в растворе картриджей большинства брендов электронных сигарет, указанное производителем и определяемое при независимых исследованиях, не совпадают; при этом в крови потребителя может сформироваться высокая концентрация никотина, приводящая к развитию никотиновой зависимости. Осведомленность относительно этого факта была значительно ниже среди потребляющих ЭС подростков (24,3%, 28/115, ДИ=17,4–32,9%), чем среди не потребляющих данные курительные средства лиц (39,7%, 200/504, ДИ=35,5–44,0%), $p1-2=0,002$, $\chi^2=9,46$.

Также значительно меньшему числу подростков, потребляющих ЭС, было известно, что при самостоятельном смешивании курильщиком раствора для электронной сигареты содержание никотина и других веществ становится не контролируемым. В результате, содержание никотина в крови курильщика может быть в 20 раз более высоким, чем при курении даже стандартных сигарет. Указанное соотношение подростков составило 27,0% (31/115, ДИ=19,7–35,7%) среди лиц основной группы против 44,4% (224/504, ДИ=40,2–48,8%) — в группе сравнения ($p1-2=0,001$, $\chi^2=11,82$).

Кроме того, численность подростков, имеющих представление о том, что аэрозоль, вдыхаемый из электронной сигареты, не является просто «водяным паром», это суспензия мелких капель жидкости и ультра-мелких частиц твердых веществ в газообразном носителе, легко проникающих глубоко в лег-

кие и кровеносную систему, т. е. фактически электронная сигарета — это электронный парогенератор никотина, но тем не менее потребляющих ЭС, была значительно больше в данной группе (82,6%, 95/115, ДИ=74,7–88,5%), чем в группе не потребляющих сигареты (67,9%, 342/504, ДИ=63,7–71,8%), $p1-2=0,002$, $\chi^2=9,82$.

В электронные сигареты производители добавляют различные ароматизаторы (ментол, кофе, фрукты, сладости, алкоголь), чтобы молодые люди пробовали, экспериментировали, делая тем самым лиц, потребляющих электронные сигареты, зависимыми от никотина. Процент лиц, не знающих об этом, был значительно меньше среди вейперов — 16,5%, (19/115, ДИ=10,8–24,4%), чем среди не потребляющих ЭС подростков — 25,4% (128/504, ДИ=21,8–29,4%), $p1-2=0,044$, $\chi^2=4,07$.

Практически равное число опрошенных в обеих сравниваемых группах знают о том, что кроме вреда, причиняемого самому курильщику, испарения от электронных сигарет являются вредными и для находящихся рядом с ним людей (особенно детей, беременных женщин, спортсменов и лиц, предрасположенных к заболеваниям легких), соотношение таких подростков составляло соответственно 74,8% (86/115, ДИ=66,1–81,8%) и 76,0% (383/504, ДИ=72,1–79,5%), $p1-2=0,785$, $\chi^2=0,07$.

На вопрос «Знакомы ли Вам случаи, когда электронные сигареты ввиду их кажущейся безвредности распространялись среди людей, для которых курение однозначно неприемлемо (спортсмены, дети, беременные, больные), особенно среди подростков?» ответили «Да, в последние годы многие ровесники увлеклись этим “безопасным” курением» 33,0% в группе потребляющих ЭС и 29,0% — в группе не потребляющих их ($p1-2=0,389$, $\chi^2=0,74$); ответ «Да, видел отдельных людей, курящих данный вид сигарет» дали соответственно 39,1% и 29,4% ($p1-2=0,042$, $\chi^2=4,16$) и ответ «Нет, считаю, что общество не всерьёз относится к электронным сигаретам и большинство по-прежнему предпочитает обычные сигареты» дали 27,8% и 41,7% подростков сравниваемых групп ($p1-2=0,007$, $\chi^2=7,53$).

Источником сведений о существовании электронных сигарет послужили средства массовой информации у 26,1% (30/115, ДИ=18,9–34,8%) подростков-вейперов и у 43,6% (220/504, ДИ=39,4–48,0%) — не потребляющих ЭС подростков ($p1-2 < 0,001$, $\chi^2=11,20$). Узнали о данном виде курительных средств из разговора с людьми (кто-то упомянул об их изобретении / появлении в продаже) 26,1% (30/115, ДИ=18,9–34,8%) потребляющих ЭС подростков и 14,5% (73/504, ДИ=11,7–17,8%) — не потребляющих ($p1-2=0,003$, $\chi^2=9,09$). Увидели такую сигарету своими глазами у окружающих людей 47,8% (55/115, ДИ=38,9–56,9%) в группе потребляющих и 41,9% (211/504, ДИ=37,6–46,2%) — в группе не потребляющих ЭС подростков ($p1-2=0,244$, $\chi^2=1,36$).

Особенности мнений и отношения к вейпингу

Относительно мнения, что вейпы способствуют приобщению подростков и молодых людей к курению обычных сигарет, статистически значимых различий между вейперами и не потребляющими вейпы подростками не выявлено: согласились с этим равное число опрошенных (49,6% и 52,6%, $p1-2=0,559$, $\chi^2=0,34$).

На вопрос «Считаете ли Вы электронные сигареты безопасной заменой обычным сигаретам?» 6,1% подростков основной группы (вейперы) и 1,8% — группы сравнения (не потребляют ЭС) считают ЭС абсолютно безвредными ($p1-2=0,009$, $\chi^2=6,88$); ЭС намного безопаснее обычных, но определённый вред всё же приносят — считают соответственно 33,0% и 11,7% подростков ($p1-2 < 0,001$, $\chi^2=32,26$); ответили, что влияние пара электронных сигарет не до конца изучено — 60,9% и 86,5% подростков групп сравнения ($p1-2 < 0,001$, $\chi^2=41,24$).

На вопрос «Если бы Вы покупали электронную сигарету, интересовались бы Вы составом жидкости для неё?» ответили «Да, я хотел бы точно знать, что за вещества есть в дыме и их влияние на организм» 24,3% подростков, потребляющих ЭС и 39,5% — не потребляющих их ($p1-2=0,003$, $\chi^2=9,24$); интересовались бы, какой аромат имеет дым — 26,1% и 6,1% опрошенных ($p1-2 < 0,001$, $\chi^2=41,89$); для 17,4% и 4,0% подростков важен сам факт того, что электронные сигареты безопаснее, так как не содержат смол, аммиака ($p1-2 < 0,001$, $\chi^2=27,91$); никогда не думали о составе сигарет — 32,2% и 50,4% подростков ($p1-2 < 0,001$, $\chi^2=12,48$).

Рисунок 2 иллюстрирует выявленные у тувинских подростков различия мнений и суждений относительно вейпинга в группах лиц, потребляющих и не потребляющих электронные сигареты.

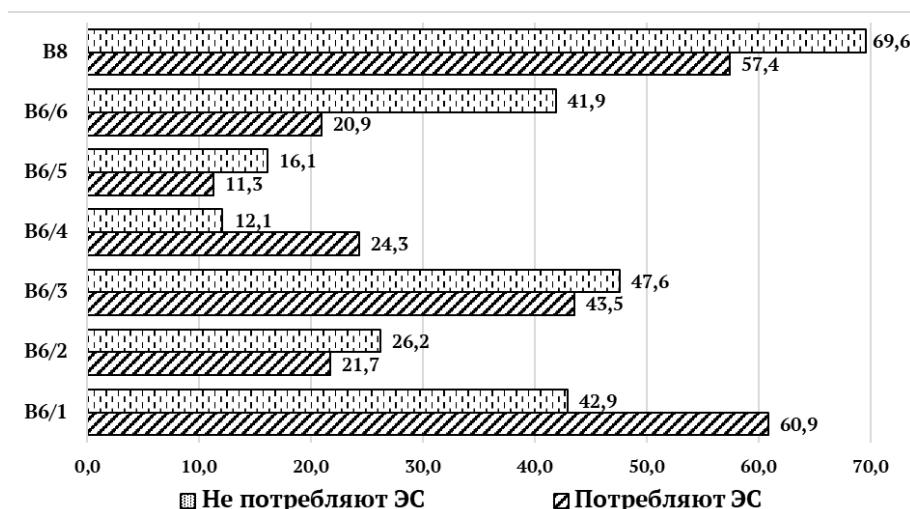

Рис. 2. Мнение о вейпинге и отношение к потреблению электронных сигарет у подростков Тувы, в %.
Fig. 2. Opinion on vaping and attitudes towards e-cigarette consumption among Tuvan teenagers, in %.

Прим.: B6/1 — у вейпов более низкая цена/более экономичны, B6/2 — отпала необходимость бросать курить, B6/3 — теперь я могу курить там, где запрещено или невозможно курить обычные сигареты, B6/4 — легче дозировать никотин, B6/5 — позволяет чувствовать себя увереннее, B6/6 — это модно, B8 — считаю, что ограничения и запреты на распространение паров данной сигареты должны приравниваться к обычному курению. Представлены варианты ответов «Да» по каждому пункту опросника, в %.

Note: B6/1 — vapes have a lower price / are more economical, B6/2 — there is no need to quit smoking, B6/3 — now I can smoke where it is forbidden or impossible to smoke regular cigarettes, B6/4 — it is easier to dose nicotine, B6/5 — makes me feel more confident, B6/6 is fashionable, B8 — I believe that restrictions and prohibitions on the distribution of vapors of this cigarette should be equated to regular smoking. The answer options are “Yes” for each item of the questionnaire, in %.

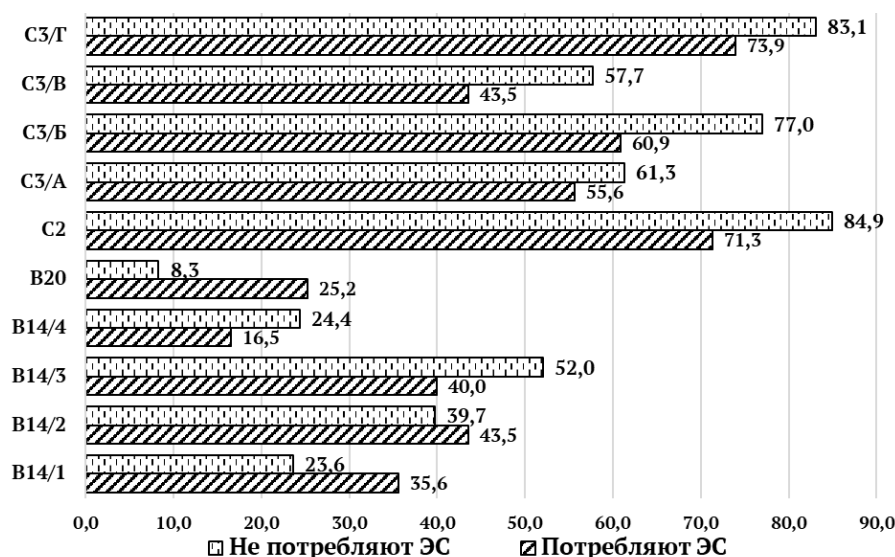

Рис. 3. Мнение о вейпинге и отношение к потреблению электронных сигарет у подростков Тувы, в % (продолжение).
Fig. 3. Opinion on vaping and attitudes towards e-cigarette consumption among Tuvan adolescents, in % (continued).

Прим.: B14/1 — использование электронной сигареты: позволяет легче бросить курить, B14/2 — увеличивает потребление никотина, B14/3 — вовлекает в процесс курения молодежь, B14/4 — создает предпосылку для перехода к традиционному курению, B20 — считаете курение кальяна безвредным, C2 — считаете, что употребление электронных курительных устройств может вызвать серьезные заболевания; C3/А — потребление ЭС может вызвать: тошноту, рвоту; C3/Б — воспаление слизистой оболочки полости рта, гортани, глотки; C3/В — боли в животе, гастрит, язву желудка; C3/Г — кашель, одышку, боли в груди, воспаление легких. Представлены варианты ответов «Да» по каждому пункту опросника, в %.

Note: B14/1 — using an electronic cigarette: makes it easier to quit smoking, B14/2 — increases nicotine consumption, B14/3 — involves young people in the smoking process, B14/4 — creates a prerequisite for the transition to traditional smoking, B20 — consider hookah smoking harmless, C2 — consider that the use of electronic cigarettes smoking devices can cause serious diseases; C3/А — consumption of ES can cause: nausea, vomiting; C3/Б — inflammation of the mucous membrane of the mouth, larynx, pharynx; C3/В — abdominal pain, gastritis, stomach ulcer; C3/Г — cough, shortness of breath, chest pain, pneumonia. The answer options are “Yes” for each item of the questionnaire, in %.

Более половины включенных в *рисунок 2* показателей имели статистически значимые различия между подростками, потребляющими ЭС (гр. 1) и не потребляющими их (гр. 2), что подтверждается значениями критерия « χ^2 ». Так, для показателя В6/1 его величина составляла $< 0,001$ ($\chi^2=12,22$), для В6/4 = 0,001 ($\chi^2=11,40$), для В6/6 $< 0,001$ ($\chi^2=17,53$), для В8 = 0,011 ($\chi^2=6,39$).

Рисунок 3 иллюстрирует продолжение результатов анализа различий мнений и суждений относительно вейпинга в группах тувинских подростков, потребляющих и не потребляющих электронные сигареты.

Большая часть включенных в *рисунок 3* показателей имели статистически значимые различия между подростками, потребляющими ЭС (гр. 1) и не потребляющими их (гр. 2), о чем свидетельствуют значения критерия « χ^2 ». Так, для показателя В14/1 его величина была равна 0,008 ($\chi^2=7,08$), для В14/3 = 0,020 ($\chi^2=5,38$), для В20 $< 0,001$ ($\chi^2=26,29$), для С2 = 0,001 ($\chi^2=11,96$), для С3/Б $< 0,001$ ($\chi^2=12,63$), для С3/В = 0,005 ($\chi^2=7,69$), для С3/Г = 0,022 ($\chi^2=5,26$).

Дальнейшая иллюстрация и интерпретация результатов статистического анализа различий мнений и суждений относительно вейпинга в группах тувинских подростков, потребляющих и не потребляющих электронные сигареты, отражена на *рисунке 4*.

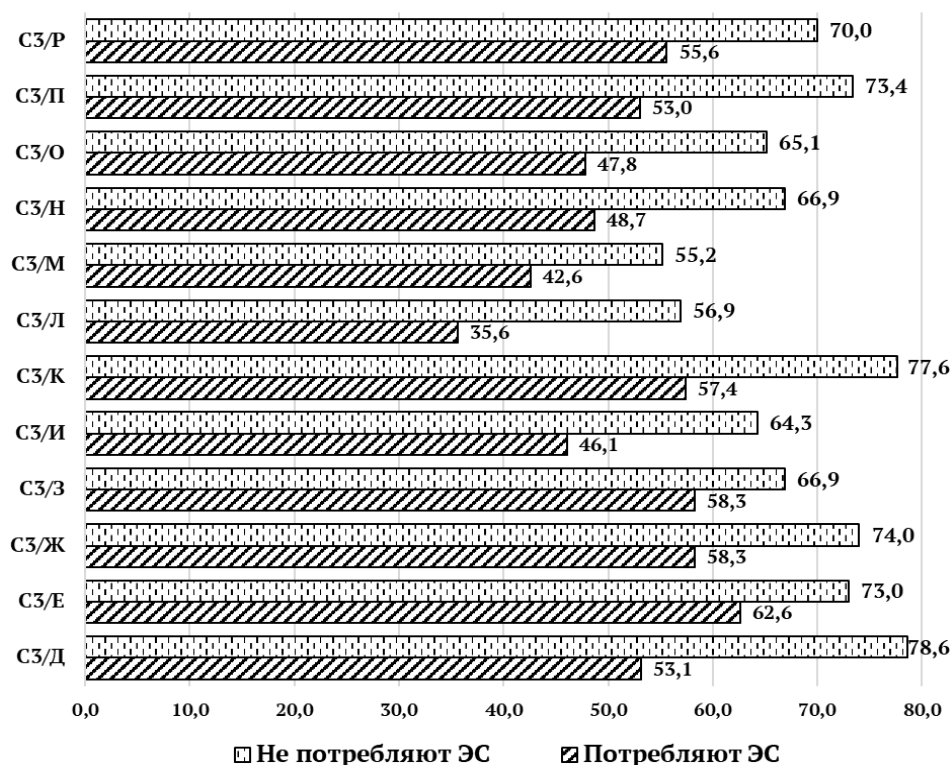

Рис. 4. Мнение о вейпинге и отношение к потреблению электронных сигарет у подростков Тувы, в % (продолжение 2).

Fig. 4. Opinion on vaping and attitudes towards e-cigarette consumption among Tuvan adolescents, in % (continued 2).

Прим.: С3/Д — потребление ЭС может вызвать: приступы удушья, бронхиальную астму, С3/Е — нарушения сердечного ритма, повышение артериального давления, С3/Ж — частые головные боли, головокружение, С3/З — повышенную утомляемость, слабость, перепады настроения, нарушения сна, С3/И — ухудшение памяти, внимания, мышления, потерю творческих способностей и навыков, С3/К — злокачественные заболевания (рак легких), рак других органов; С3/Л — ухудшение слуха; С3/М — ухудшение зрения; С3/Н — патологию эндокринной системы, бесплодие; С3/О — изменение кожных покровов (прогрессирование угревой сыпи, себорея и др.), С3/П — нарушение развития головного мозга подростков; С3/Р — снижение иммунитета.

Представлены варианты ответов «Да» по каждому пункту опросника, в %.

Note: С3/Д — ES consumption can cause: attacks of suffocation, bronchial asthma, С3/Е — cardiac arrhythmias, increased blood pressure, С3/Ж — frequent headaches, dizziness, С3/З — increased fatigue, weakness, mood swings, sleep disorders, С3/И — deterioration memory, attention, thinking, loss of creative abilities and skills, С3/К — malignant diseases (lung cancer), cancer of other organs; С3/Л — hearing impairment; С3/М — visual impairment; С3/Н — pathology of the endocrine system, infertility; С3/О is a change in the skin (progression of acne, seborrhea, etc.), С3/П is a violation of the development of the adolescent brain; С3/Р is a decrease in immunity.

The answer options are "Yes" for each item of the questionnaire, in %.

Все представленные на рисунке 4 показатели имели статистически значимые различия между группами подростков, потребляющих (гр. 1) и не потребляющих ЭС (гр. 2), что подтверждалось их значениями « p_{1-2} ».

Свое отношение к торговле электронными сигаретами тувинские подростки обозначили следующим образом: 63,5% в группе потребляющих данные курительные средства ответили, что их все вполне устраивает, в группе не потребляющих вейпы таких лиц было 31,5% ($p_{1-2} < 0,001$, $\chi^2 = 40,74$). Считают необходимой жесткую законодательную регламентацию торговли и запрет рекламы электронных сигарет наравне с традиционными табачными изделиями, в том числе запрет рекламы и внесение предупреждений в дизайн изделий меньшее число подростков-вейперов — 27,8% против 37,3% в группе не потребляющих ЭС ($p_{1-2} = 0,056$, $\chi^2 = 3,67$). Менее представительной (8,7%) была численность подростков, потребляющих ЭС и считающих, что к торговле электронными сигаретами государство должно относиться жестче, чем к торговле традиционными табачными изделиями в сравнении с лицами, не потребляющими данные курительные средства — 31,1% ($p_{1-2} < 0,001$, $\chi^2 = 23,97$).

На вопрос «Что Вы думаете о том, что содержание и/или влияние на организм никотина в электронных сигаретах больше, чем в обычных?» 33,0% вейперов ответили, что это ложь, несколько меньше была доля таких лиц в группе не потребляющих вейпы — 29,6% ($p_{1-2} = 0,464$, $\chi^2 = 0,54$); считают это правдой 50,4% подростков-вейперов и 66,7% лиц, не потребляющих ЭС ($p_{1-2} = 0,002$, $\chi^2 = 10,66$); ответ «Согласен, ощутил большой эффект лично» дали 16,5% потребляющих ЭС подростков и 3,8% — не потребляющих ($p_{1-2} < 0,001$, $\chi^2 = 26,42$).

В таблице 1 включены результаты сравнительного анализа, отражающие различия мнений и отношения к вейпингу тувинских подростков, потребляющих и не потребляющих электронные сигареты.

Таблица 1. Мнение о вейпинге и отношение к потреблению электронных сигарет у подростков Тувы
Table 1. Opinion on vaping and attitude towards the consumption of electronic cigarettes among teenagers in Tuva

Группы обследованных подростков	С какого возраста Вы бы разрешили продажу электронных сигарет и жидкостей к ним?					
	Вариант ответа					
	1. С 14–16 лет		2. С 18 лет		3. Продажу пора запретить	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1 гр. потребляют ЭС (п=115)	34	61,8	18	32,7	3	5,5
2 гр. не потребляют ЭС (п=504)	10	6,1	27	16,6	126	77,3
Всего (п=619)	44	20,2	45	20,6	129	59,2
p ₁₋₂ (χ ²)	<0,001 (79,13)		0,011 (6,56)		<0,001 (87,87)	
	Как Вы относитесь к открытию магазинов и отделов с продукцией для электронных сигарет?					
	Вариант ответа					
	1. Полностью «за»		2. Мне безразлично		3. Я против	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1 гр. потребляют ЭС (п=115)	34	61,8	18	32,7	3	5,5
2 гр. не потребляют ЭС (п=504)	10	6,1	27	16,6	126	77,3
Всего (п=619)	44	20,2	45	20,6	129	59,2
p ₁₋₂ (χ ²)	<0,001 (79,13)		0,011 (6,56)		<0,001 (87,87)	

Ассоциации вейпинга с разными расстройствами

Наиболее частыми проявлениями функциональных соматических расстройств у подростков и молодежи являются рецидивирующие болевые синдромы, панические атаки (ПА) и астенический синдром (АС), нередко ассоциированные с различными неблагоприятными эндо- и экзогенными факторами. В нашем исследовании таким высоковероятным негативным фактором была вовлеченность определенного числа тувинских подростков в вейпинг. Одной из задач нашего исследования было изучение частоты встречаемости рецидивирующих болей (головных, абдоминальных, болей в спине (дорсалгий), ПА и АС у подростков, потребляющих и не потребляющих электронные сигареты. Соответствующая скрининговая анкета, позволяющая верифицировать указанные выше ФСР, была заполнена 124 подростками из числа всех включенных в исследование лиц.

Результаты проведенного сравнительного анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2. Структура функциональных соматических расстройств у подростков, потребляющих и не потребляющих электронные сигареты (в общей группе обследованных)

Table 2. Structure of functional somatic disorders in adolescents who use and do not use electronic cigarettes (in the general group of those examined)

Группы обследованных	Функциональные соматические расстройства						Р
	(а) нет		(в) редкие		(с) частые		
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	
Рецидивирующие головные боли							
1 гр. потребляют ЭС (п=26)	3	11,5 (4,0–29,0)	14	53,8 (35,5–71,2)	9	34,6 (19,4–53,8)	ав=0,002 ас=0,049 вс=0,163
2 гр. не потребляют ЭС (п=98)	34	34,7 (26,0–44,5)	58	59,2 (49,3–68,4)	6	6,1 (2,8–12,7)	ав<0,001 ас<0,001 вс<0,001
Всего (п=124)	37	29,8 (22,5–38,4)	72	58,1 (49,3–66,4)	15	12,1 (7,5–19,0)	ав<0,001 ас<0,001 вс<0,001
p1-2; χ2	0,022; 5,26		0,624; 0,24		<0,001; 15,69		
Рецидивирующие боли в животе							
1 гр. потребляют ЭС (п=26)	13	50,0 (32,1–67,9)	9	34,6 (19,4–53,8)	4	15,4 (6,2–33,5)	ав=0,262 ас=0,008 вс=0,110
2 гр. не потребляют ЭС (п=98)	36	36,7 (27,9–46,6)	45	45,9 (36,4–55,8)	17	17,4 (11,1–26,0)	ав=0,192 ас=0,003 вс<0,001
Всего (п=124)	49	39,5 (31,4–48,3)	54	43,6 (35,1–52,3)	21	16,9 (11,4–24,5)	ав=0,520 ас<0,001 вс<0,001
p1-2; χ2	0,219; 1,51		0,302; 1,07		0,813; 0,06		
Рецидивирующие боли в спине (дорсалгии)							
1 гр. потребляют ЭС (п=26)	7	26,9 (13,7–46,1)	7	26,9 (13,7–46,1)	12	46,2 (28,8–64,5)	ав=1,000 ас=0,150 вс=0,150
2 гр. не потребляют ЭС (п=98)	30	30,6 (22,4–40,3)	41	41,8 (32,6–51,7)	27	27,6 (19,7–37,1)	ав=0,103 ас=0,638 вс=0,036

Всего (n=124)	37	29,8 (22,5–38,4)	48	38,7 (30,6–47,5)	39	31,5 (23,9–40,1)	ав=0,142 ас=0,783 вс=0,232
p1-2; χ^2	0,715; 0,13		0,166; 1,93		0,070; 3,30		

Прим.: показатели, выделенные жирным шрифтом, свидетельствуют о наличии статистически значимых различий между сравниваемыми группами подростков.

Частота встречаемости эпизодов панических атак (ПА), также являющихся проявлением функциональных соматических расстройств, была выше в среди подростков, потребляющих ЭС — 30,8% (8/26, ДИ=16,5–50,0%) в сравнении с группой, не потребляющих данный вид электронных курительных средств — 9,2% (9/98, ДИ=4,9–16,5%), p1-2=0,012, χ^2 =8,09.

Значимых различий частоты встречаемости астенического синдрома (АС) у подростков сравниваемых групп не выявлено, значения данного показателя среди подростков-вейперов и их сверстников, не потребляющих ЭС, составляла соответственно 30,8% (8/26, ДИ=16,5–50,0%) и 25,5% (25/98, ДИ=17,9–35,0%), p1-2=0,589, χ^2 =0,29.

Важным разделом нашего исследования был поиск ассоциаций расстройств психоэмоционального статуса и степени их выраженности с потреблением электронных сигарет тувинскими подростками. Результаты статистического анализа взаимосвязей изученных показателей, представлены в таблице 3.

Таблица 3. Уровень соматизации, обсессивности-компульсивности, межличностной сензитивности, депрессии и тревожности у подростков, потребляющих и не потребляющих электронные сигареты

Table 3. Level of somatization, obsessive-compulsive, interpersonal sensitivity, depression and anxiety in adolescents who use and do not use electronic cigarettes

Группы обследованных	Расстройства психоэмоционального спектра (уровень)					
	низкий		умеренный		значительный	
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)
	Соматизация					
1 гр. потребляют ЭС (n=103)	32	31,1 (22,9–40,5)	18	17,5 (11,3–25,9)	53	51,5 (41,9–60,9)
2 гр. не потребляют ЭС (n=416)	326	78,4 (74,2–82,1)	45	10,8 (8,2–14,2)	45	10,8 (8,2–14,2)
Всего (n=519)	358	69,0 (64,9–72,8)	63	12,1 (9,6–15,2)	98	18,9 (15,7–22,5)
p1–2; χ2	<0,001; 86,31		0,064; 3,43		<0,001; 89,02	
	Обсессивность-компульсивность					
1 гр. потребляют ЭС (n=105)	31	29,5 (21,6–38,8)	24	22,9 (15,9–31,8)	50	47,6 (38,3–57,1)
2 гр. не потребляют ЭС (n=390)	321	82,3 (78,2–85,8)	47	12,1 (9,2–15,7)	22	5,6 (3,8–8,4)
Всего (n=495)	352	71,1 (67,0–74,9)	71	14,3 (11,5–17,7)	72	14,5 (11,7–17,9)
p1–2; χ2	<0,001; 112,20		0,005; 7,86		<0,001; 117,28	
	Межличностная сензитивность					
1 гр. потребляют ЭС (n=104)	40	38,5 (29,7–48,1)	12	11,5 (6,7–19,1)	52	50,0 (40,6–59,4)
2 гр. не потребляют ЭС (n=349)	298	85,4 (81,3–88,7)	22	6,3 (4,2–9,4)	29	8,3 (5,8–11,7)

Всего (п=453)	338	74,6 (70,4–78,4)	34	7,5 (5,4–10,3)	81	17,9 (14,6–21,7)
p1–2; χ2	<0,001; 93,14		0,075; 3,16		<0,001; 94,84	
	Депрессия					
1 гр. потребляют ЭС (п=105)	38	36,2 (27,6–45,7)	32	30,5 (22,5–39,8)	35	33,3 (25,0–42,8)
2 гр. не потребляют ЭС (п=357)	322	90,2 (86,7–92,9)	26	7,3 (5,0–10,5)	9	2,5 (1,3–4,7)
Всего (п=462)	360	77,9 (73,9–81,5)	58	12,6 (9,8–15,9)	44	9,5 (7,2–12,5)
p1–2; χ2	<0,001; 137,55		<0,001; 39,76		<0,001; 89,40	
	Тревожность (тревога)					
1 гр. потребляют ЭС (п=98)	52	53,1 (43,3–62,6)	18	18,4 (11,9–27,2)	28	28,6 (20,6–38,2)
2 гр. не потребляют ЭС (п=299)	264	88,3 (84,2–91,5)	26	8,7 (6,0–12,4)	9	3,0 (1,6–5,6)
Всего (п=397)	316	79,6 (75,4–83,3)	44	11,1 (8,4–14,6)	37	9,3 (6,8–12,6)
p1-2; χ2	<0,001; 56,42		0,008; 7,01		<0,001; 57,06	

Прим.: показатели, выделенные жирным шрифтом, свидетельствуют о наличии статистически значимых различий между сравниваемыми группами подростков.

Компонентами психоэмоционального статуса человека являются такие его характеристики, как соматизация, обсессивность-компульсивность, межличностная сензитивность, депрессия и тревога. Как следует из представленной *таблицы 3*, значительно повышенным уровнем указанных характеристик отличались тувинские подростки-вейперы, в отличие от их сверстников, не потребляющих ЭС, для всех перечисленных показателей различия были статистически значимыми (*табл. 3*).

Не менее значимыми составляющими психоэмоционального статуса являются и такие его характеристики, как враждебность, фобическая тревожность (страхи), паранойяльные тенденции в поведении, психотизм и общая интенсивность дистресса. Результаты статистического анализа данных показателей в группах сравнения иллюстрирует *таблица 4*.

Таблица 4. Уровень враждебности, фобической тревожности, паранойяльных тенденций, психотизма и интенсивности дистресса у подростков, потребляющих и не потребляющих электронные сигареты
Table 4. Levels of hostility, phobic anxiety, paranoid tendencies, psychoticism and intensity of distress in adolescents who use and do not use e-cigarettes

Группы обследованных	Расстройства психоэмоционального спектра (уровень)					
	низкий		умеренный		значительный	
	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)	абс.	% (ДИ)
	Враждебность					
1 гр. Потребляют ЭС (п=104)	42/62	40,4 (31,5–50,0)	18/86	17,3 (11,2–25,7)	44/60	42,3 (33,3–51,9)
2 гр. Не потребляют ЭС (п=229)	179/50	78,2 (72,4–83,0)	30/199	13,1 (9,3–18,1)	20/209	8,7 (5,7–13,1)

Всего (п=333)	221/112	66,4 (61,1–71,2)	48/285	14,4 (11,0–18,6)	64/269	19,2 (15,3–23,8)
p1–2; χ2	<0,001; 45,74		0,311; 1,03		<0,001; 51,93	
	Фобическая тревожность (страхи)					
1 гр. Потребляют ЭС (п=93)	15/78	16,1 (10,0–24,9)	26/67	28,0 (19,9–37,8)	52/41	55,9 (45,8–65,6)
2 гр. Не потребляют ЭС (п=242)	111/131	45,9 (39,7–52,2)	81/161	33,5 (27,8–39,6)	50/192	20,7 (16,0–26,2)
Всего (п=335)	126/209	37,6 (32,6–42,9)	107/228	31,9 (27,2–37,1)	102/196	30,4 (25,8–35,6)
p1–2; χ2	<0,001; 25,32		0,332; 0,94		<0,001; 39,43	
	Паранойяльные тенденции					
1 гр. Потребляют ЭС (п=98)	24/74	24,5 (17,0–33,9)	28/70	28,6 (20,6–38,2)	46/52	46,9 (37,4–56,7)
2 гр. Не потребляют ЭС (п=299)	219/80	73,2 (68,0–77,9)	49/250	16,4 (12,6–21,0)	31/268	10,4 (7,4–14,3)
Всего (п=397)	243/154	61,2 (56,3–65,9)	77/320	19,4 (15,8–23,6)	77/30	19,4 (15,8–23,6)
p1–2; χ2	<0,001; 73,89		0,008; 7,01		<0,001; 63,14	
	Психотизм					
1 гр. Потребляют ЭС (п=95)	29/66	30,5 (22,2–40,4)	24/71	25,3 (17,6–34,8)	42/53	44,2 (34,6–54,2)
2 гр. Не потребляют ЭС (п=259)	186/73	71,8 (66,0–76,9)	51/208	19,7 (15,3–25,0)	22/237	8,5 (5,7–12,5)
Всего (п=354)	215/139	60,7 (55,6–65,7)	75/279	21,2 (17,3–25,7)	64/290	18,1 (14,4–22,4)
p1–2; χ2	<0,001; 49,69		0,256; 1,29		<0,001; 59,87	
	Интенсивность дистресса					
1 гр. Потребляют ЭС (п=111)	23/88	20,7 (14,2–29,2)	32/79	28,8 (21,2–37,9)	56/55	50,5 (41,3–59,6)
2 гр. Не потребляют ЭС (п=524)	316/208	60,3 (56,1–64,4)	148/376	28,2 (24,6–32,2)	60/464	11,5 (9,0–14,5)
Всего (п=635)	339/296	53,4 (49,5–57,2)	180/455	28,3 (25,0–32,0)	116/519	18,3 (15,5–21,5)
p1–2; χ2	<0,001; 57,68		0,901; 0,02		<0,001; 93,31	

Прим.: показатели, выделенные жирным шрифтом, свидетельствуют о наличии статистически значимых различий между сравниваемыми группами подростков.

У тувинских подростков-вейперов значительно повышенный уровень указанных выше характеристик регистрировался значительно чаще, чем в группе подростков, не потребляющих электронные сигареты, выявленные различия также были статистически значимыми (табл. 4).

Роль показателей осведомленности и мнений

Показатели осведомленности подростков о вейпинге, особенности их мнения и отношения к потреблению электронных сигарет, играют большую роль в приверженности молодежи к потреблению данного вида курительных средств. Нами оценена информативная значимость и величина вклада

перечисленных выше показателей в качестве вероятных факторов риска вовлеченности тувинских подростков в вейпинг.

Рисунок 5 демонстрирует вклад показателей осведомленности о вейпинге в риск потребления электронных сигарет у подростков Тувы.

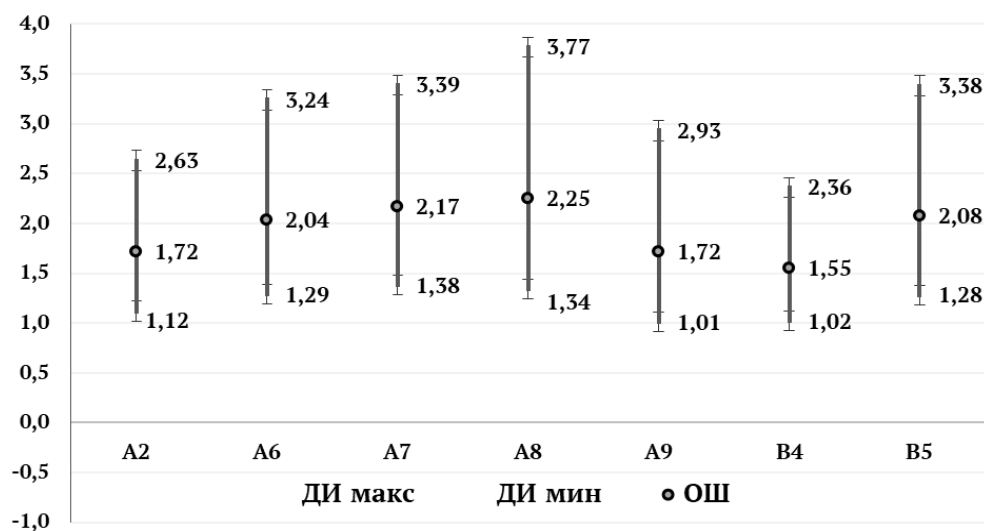

Рис. 5. Варианты ответов об осведомленности о вейпинге и их вклад в риск потребления электронных сигарет у подростков Тувы.

Fig. 5. Response options on vaping awareness and their contribution to the risk of e-cigarette consumption among Tuvan adolescents.

Прим.: ОШ — отношение шансов (в усл. ед.), ДИ макс — максимальный доверительный интервал, ДИ мин — минимальный доверительный интервал.

Содержание пунктов опросника, включенных в рисунок 5, указано в таблице 5.

Note: ОШ is the ratio of chances (in conl. units), ДИ макс is the maximum confidence interval, ДИ мин is the minimum confidence interval. The contents of the questionnaire items included in Figure 5 are shown in Table 5.

Таблица 5. Содержание пунктов опросника, изображенных на рисунке 5, варианты ответов на них и величина (уровень) риска приверженности подростков к вейпингу.

Table 5. The content of the questionnaire items shown in Figure 5, the answer options and the magnitude (level) of the risk of adolescents' commitment to vaping

Пункт опросника	Содержание пункта опросника «Вейпинг»	Вариант ответа	Риск потребления вейпов
A2.	Знаете ли вы, что курильщики, как правило, не в состоянии бросить курить без посторонней помощи?	Нет	средний
A6.	Знаете ли вы, что для большинства брендов электронных сигарет содержание никотина в растворе картриджей, указанное производителем и определяемое при независимых исследованиях, не совпадают. При этом в крови потребителя может сформироваться высокая концентрация никотина, приводящая к развитию зависимости.	Да	средний
A7.	Известно ли вам, что при самостоятельном смешивании курильщиком раствора для электронной сигареты содержание никотина и других веществ становится не контролируемым. В результате, содержание никотина в крови курильщика может быть в 20 раз более высоким, чем при курении даже стандартных сигарет.	Да	высокий

A8.	Известно ли вам, что аэрозоль, вдыхаемый из электронной сигареты, не является просто «водяным паром», это суспензия мелких капель жидкости и ультра-мелких частиц твердых веществ в газообразном носителе, легко проникающих глубоко в легкие и кровеносную систему. Фактически электронная сигарета — это электронный парогенератор никотина.	Да	высокий
A9.	Знаете ли вы, что в электронные сигареты добавляют различные ароматизаторы (ментол, кофе, фрукты, сладости, алкоголь), чтобы молодые люди пробовали, экспериментировали, делают тем самым лиц, употребляющих электронные сигареты, зависимыми от никотина?	Да	средний
B4.	Знакомы ли Вам случаи, когда электронные сигареты ввиду их кажущейся безвредности распространялись среди людей, для которых курение однозначно неприемлемо (спортсмены, дети, беременные, больные), особенно среди подростков?	Да, видел людей, курящих ЭС	средний
B5.	Каким образом Вы впервые узнали о существовании электронных сигарет?	Из разговора с людьми	высокий

Рисунок 6 отражает особенности мнений и отношения опрошенных лиц к вейпингу, вклад данных показателей в риск потребления электронных сигарет у подростков Тувы и величину этого риска.

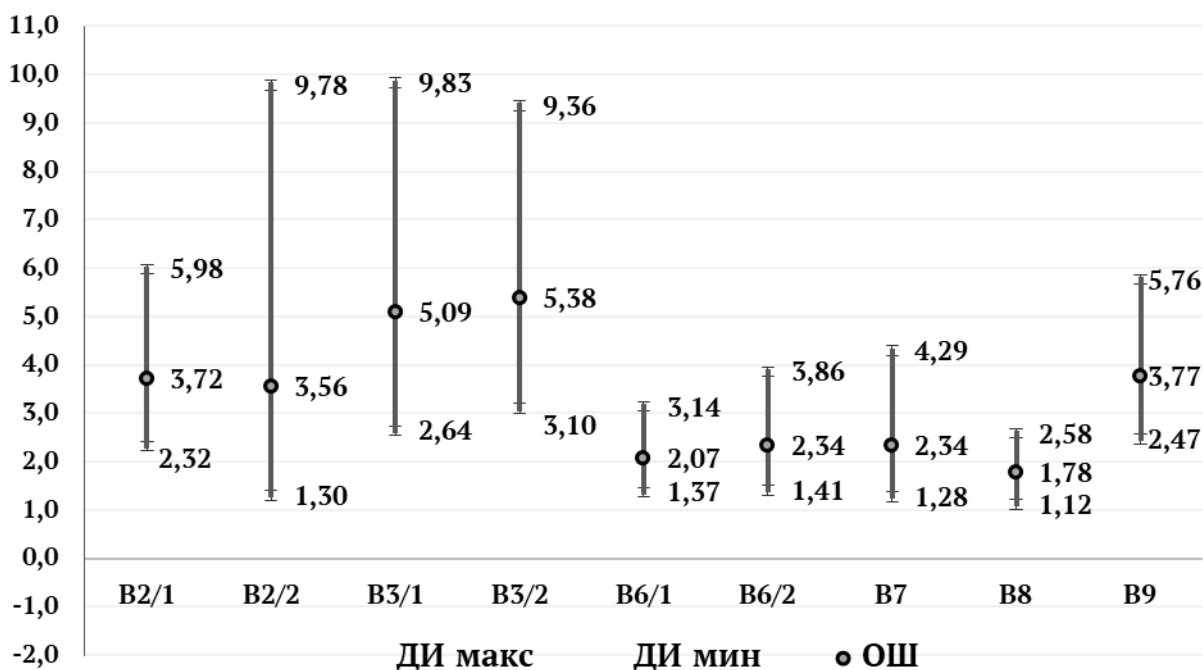

Рис. 6. Мнение и отношение обследованных к вейпингу, вклад данных показателей в риск потребления электронных сигарет у подростков Тувы.

Fig. 6. The opinion and attitude of the surveyed to vaping, the contribution of these indicators to the risk of e-cigarette consumption among Tuvan adolescents.

Прим.: ОШ — отношение шансов (в усл. ед.), ДИ макс — максимальный доверительный интервал, ДИ мин — минимальный доверительный интервал. Содержание пунктов опросника, включенных в рисунок 6, указано в таблице 6.

Note: ОШ is the ratio of chances (in conl. units), ДИ макс is the maximum confidence interval, ДИ мин is the minimum confidence interval. The contents of the questionnaire items included in Figure 6 are shown in Table 6.

Таблица 6. Содержание пунктов опросника, изображенных на рисунке 6, варианты ответов на них и величина (уровень) риска приверженности подростков к вейпингу.

Table 6. The content of the questionnaire items shown in Figure 6, the answer options and the magnitude (level) of the risk of adolescents' commitment to vaping.

Пункт опросника	Содержание пункта опросника «Вейпинг»	Вариант ответа	Риск потребления вейпов
B2/1	Считаете ли Вы электронные сигареты безопасной заменой обычным сигаретам?	Да, считаю, что они намного безопаснее обычных, но определённый вред всё же приносят	очень высокий
B2/2	Считаете ли Вы электронные сигареты безопасной заменой обычным сигаретам?	Да, считаю их абсолютно безвредными	очень высокий
B3/1	Если бы Вы покупали электронную сигарету, интересовались бы Вы составом жидкости для неё?	Нет, для меня важен сам факт того, что электронные сигареты безопаснее, так как не содержат смол, аммиака и т.д.	очень высокий
B3/2	Если бы Вы покупали электронную сигарету, интересовались бы Вы составом жидкости для неё?	Да, интересовался бы, какой аромат имеет дым	очень высокий
B6/1	Какие положительные стороны / преимущества электронных сигарет называют люди?	Более низкая цена / более экономичны	высокий
B6/2	Какие положительные стороны / преимущества электронных сигарет называют люди?	Легче дозировать никотин	высокий
B7	Знакомы ли Вы с позицией Всемирной организации здравоохранения относительно влияния электронных средств доставки никотина (ЭСДН) на здоровье человека?	Да, считаю, что ВОЗ одобряет подобную продукцию как достойную альтернативу традиционным табачным изделиям	высокий
B8	Как Вы относитесь к использованию электронных парогенераторов в общественных местах?	Считаю, что ограничения и запреты на распространение паров данной сигареты должны приравниваться к обычному курению	средний
B9	Ваше отношение к торговле электронными сигаретами	Меня всё вполне устраивает	очень высокий

На рисунке 7 представлен вклад различных показателей (отношение / мнение относительно использования ЭС) в риск потребления электронных сигарет и величину этого риска у подростков Тувы.

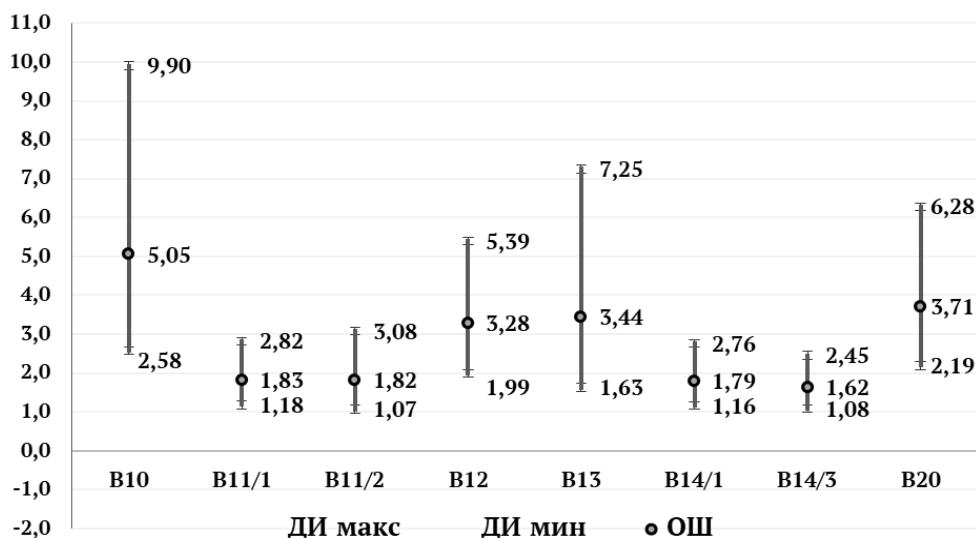

Рис. 7. Мнение и отношение обследованных к вейпингу, вклад данных показателей в риск потребления электронных сигарет у подростков Тувы.

Fig. 7. The opinion and attitude of the surveyed to vaping, the contribution of these indicators to the risk of e-cigarette consumption among Tuvan adolescents.

Прим.: ОШ — отношение шансов (в усл. ед.), ДИ макс — максимальный доверительный интервал, ДИ мин — минимальный доверительный интервал. Содержание пунктов опросника, включенных в рисунок 7, указано в таблице 7.

Note: OSH is the ratio of chances (in conl. units), ДИ макс is the maximum confidence interval, ДИ мин is the minimum confidence interval. The contents of the questionnaire items included in Figure 7 are shown in Table 7.

Таблица 7. Содержание пунктов опросника, изображенных на рисунке 7, варианты ответов на них и величина (уровень) риска приверженности подростков к вейпингу.

Table 7. The content of the questionnaire items shown in Figure 7, the answer options and the magnitude (level) of the risk of adolescents' commitment to vaping

Пункт опросника	Содержание пункта опросника «Вейпинг»	Вариант ответа	Риск потребления вейпов
B10	Что Вы думаете о том, что содержание и/или влияние на организм никотина в электронных сигаретах больше, чем в обычных?	Согласен, ощутил больший эффект лично	очень высокий
B11/1	С какого возраста Вы бы разрешили продажу электронных сигарет и жидкостей к ним?	Устраивает современный вариант, с 18 лет	средний
B11/2	С какого возраста Вы бы разрешили продажу электронных сигарет и жидкостей к ним?	С 14-16 лет	средний
B12	Как Вы относитесь к открытию магазинов и отделов с продукцией для электронных сигарет?	Полностью «ЗА»	очень высокий
B13	Осознаете ли Вы, что производители дешевых жидкостей для парогенераторов могут сознательно не соблюдать рецептуру, например, включая в состав токсичные вещества, увеличивая концентрацию никотина (как следствие, гораздо больший вред здоровью)?	Полностью доверяю производителю, продукцию которого покупаю	очень высокий

В14/1	Вы считаете, что использование электронной сигареты: <i>Позволяет легче бросить курить</i>	Да	средний
В14/3	Вы считаете, что использование электронной сигареты: <i>вовлекает в процесс курения молодежь (модно, новинка — интересно попробовать)</i>	Нет	средний
В20	Вы считаете курение кальяна безвредным?	Да	очень высокий

Рисунок 8 иллюстрирует вклад различных показателей (отношение / мнение относительно использования ЭС) в риск потребления электронных сигарет и величину этого риска у подростков Тувы.

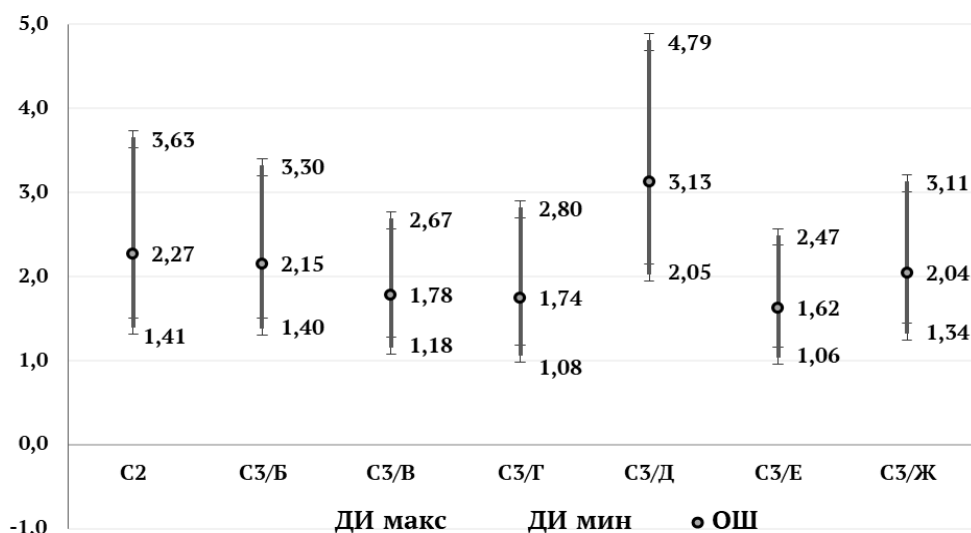

Рис. 8. Мнение и отношение обследованных к вейпингу, вклад данных показателей в риск потребления электронных сигарет у подростков Тувы.

Fig. 8. The opinion and attitude of the surveyed to vaping, the contribution of these indicators to the risk of e-cigarette consumption among Tuvan adolescents.

Прим.: ОШ — отношение шансов (в усл. ед.), ДИ макс — максимальный доверительный интервал, ДИ мин — минимальный доверительный интервал. Содержание пунктов опросника, включенных в рисунок 8, указано в таблице 8.

Note: OШ is the ratio of chances (in conl. units), ДИ макс is the maximum confidence interval, ДИ мин is the minimum confidence interval. The contents of the questionnaire items included in Figure 8 are shown in Table 8.

Таблица 8. Содержание пунктов опросника, изображенных на рисунке 8, варианты ответов на них и величина (уровень) риска приверженности подростков к вейпингу.

Table 8. The content of the questionnaire items shown in Figure 8, the answer options and the magnitude (level) of the risk of adolescents' commitment to vaping

Пункт опросника	Содержание пункта опросника «Вейпинг»	Вариант ответа	Риск потребления вейпов
C2	Считаете ли вы, что употребление электронных курительных устройств может вызвать серьезные заболевания?	Нет	высокий
C3/Б	Считаете ли вы, что употребление электронных курительных устройств может вызвать воспаление слизистой оболочки полости рта, гортани, глотки	Нет	высокий

СЗ/В	Считаете ли вы, что употребление электронных курительных устройств может вызвать боли в животе, гастрит, язва желудка	Нет	средний
СЗ/Г	Считаете ли вы, что употребление электронных курительных устройств может вызвать кашель, одышку, боли в груди, воспаление легких	Нет	средний
СЗ/Д	Считаете ли вы, что употребление электронных курительных устройств может вызвать приступы удушья, бронхиальная астма	Нет	очень высокий
СЗ/Е	Считаете ли вы, что употребление электронных курительных устройств может вызвать нарушения сердечного ритма, повышение артериального давления	Нет	средний
СЗ/Ж	Считаете ли вы, что употребление электронных курительных устройств может вызвать частые головные боли, головокружение	Нет	средний

Представленные на рисунке 9 данные являются дальнейшей иллюстрацией вклада различных показателей (отношение / мнение относительно использования ЭС) в риск потребления электронных сигарет и величину этого риска у подростков Тувы.

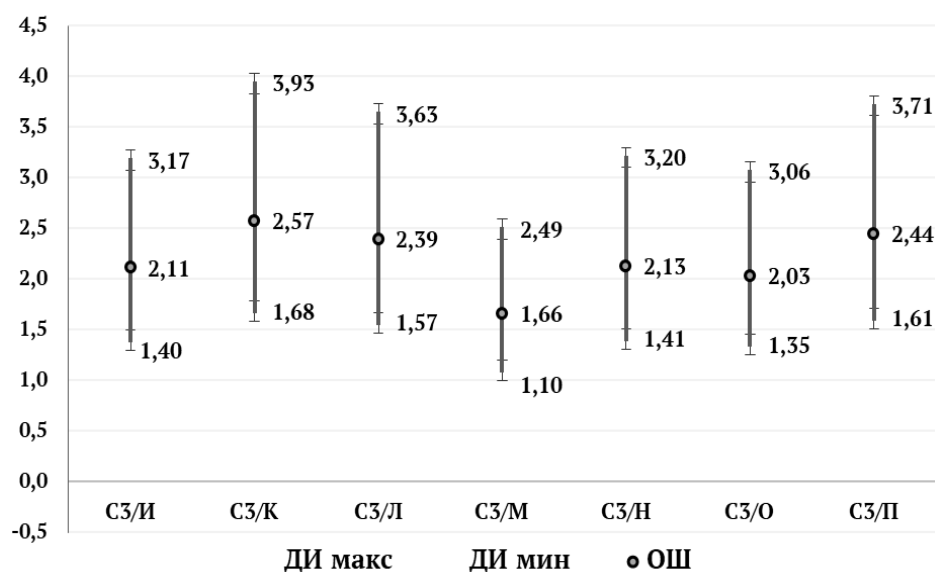

Рис. 9. Мнение и отношение обследованных к вейпингу, вклад данных показателей в риск потребления электронных сигарет у подростков Тувы.
Fig. 9. The opinion and attitude of the surveyed to vaping, the contribution of these indicators to the risk of e-cigarette consumption among Tuvan adolescents.

Прим.: ОШ — отношение шансов (в усл. ед.), ДИ макс — максимальный доверительный интервал, ДИ мин — минимальный доверительный интервал. Содержание пунктов опросника, включенных в рисунок 9, указано в таблице 9.

Note: ОШ is the ratio of chances (in conl. units), ДИ макс is the maximum confidence interval, ДИ мин is the minimum confidence interval. The contents of the questionnaire items included in Figure 9 are shown in table 9.

Таблица 9. Содержание пунктов опросника, изображенных на рисунке 9, варианты ответов на них и величина (уровень) риска приверженности подростков к вейпингу.

Table 9. The content of the questionnaire items shown in Figure 9, the answer options and the magnitude (level) of the risk of adolescents' commitment to vaping

Пункт опросника	Содержание пункта опросника «Вейпинг»	Вариант ответа	Риск потребления вейпов
С3/И	Считаете ли вы, что употребление электронных курительных устройств может вызвать ухудшение памяти, внимания, мышления, воображения, потеря творческих способностей и навыков	Нет	высокий
С3/К	Считаете ли вы, что употребление электронных курительных устройств может вызвать злокачественные заболевания (рак легких), рак других органов	Нет	высокий
С3/Л	Считаете ли вы, что употребление электронных курительных устройств может вызвать ухудшение слуха (никотин разрушает клетки, в том числе клетки слухового анализатора коры головного мозга)	Нет	высокий
С3/М	Считаете ли вы, что употребление электронных курительных устройств может вызвать ухудшение зрения (снижение остроты зрения, изменение способности воспринимать цвета, повышение чувствительности к световым раздражителям, возможно развитие глаукомы, развитие хронического воспаления зрительного нерва, отслоение сетчатки)	Нет	средний
С3/Н	Считаете ли вы, что употребление электронных курительных устройств может вызвать патологию эндокринной системы (нарушение функции щитовидной железы, гормональный сбой, нарушение развития половых органов и молочных желез, нарушение менструальных циклов у девушек, возможно бесплодие, в том числе и у юношей)	Нет	высокий
С3/О	Считаете ли вы, что употребление электронных курительных устройств может вызвать изменение кожных покровов (прогрессирование угревой сыпи, себорея, чрезмерная сухость, повышенная пигментация кожи, нарушение работы сальных и потовых желез)	Нет	средний
С3/П	Считаете ли вы, что употребление электронных курительных устройств может вызвать нарушение развития головного мозга подростков	Нет	высокий

Включенные в рисунок 10 показатели (отношение / мнение относительно использования ЭС) представляют дальнейшую иллюстрацию их вклада в риск потребления электронных сигарет и величину этого риска у подростков Тувы.

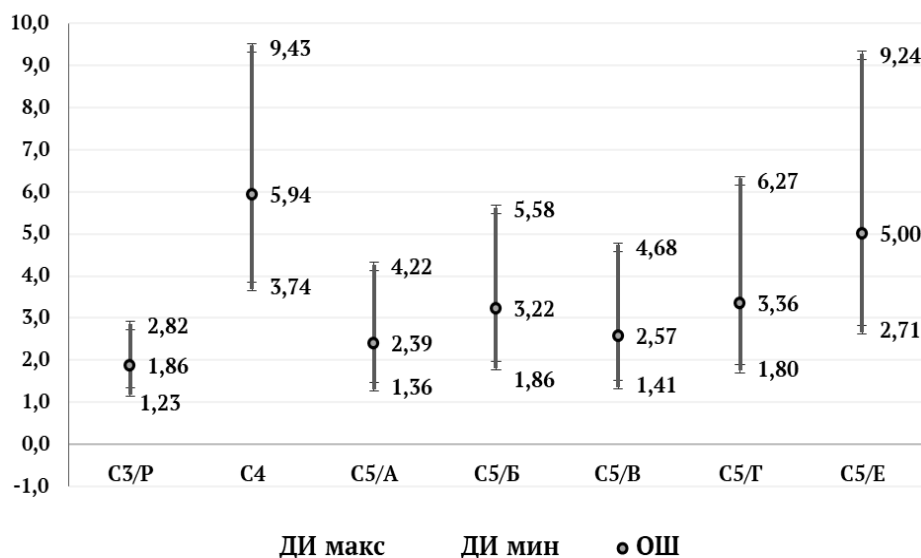

Рис. 10. Мнение и отношение обследованных к вейпингу, вклад данных показателей в риск потребления электронных сигарет у подростков Тувы.
Fig. 10. The opinion and attitude of the surveyed to vaping, the contribution of these indicators to the risk of e-cigarette consumption among Tuvan adolescents.

Прим.: ОШ — отношение шансов (в усл. ед.), ДИ макс — максимальный доверительный интервал, ДИ мин — минимальный доверительный интервал. Содержание пунктов опросника, включенных в рисунок 10, указано в таблице 10.

Note: ОШ is the ratio of chances (in conl. units), ДИ макс is the maximum confidence interval, ДИ мин is the minimum confidence interval. The contents of the questionnaire items included in Figure 10 are shown in Table 10.

Таблица 10. Содержание пунктов опросника, изображенных на рисунке 10, варианты ответов на них и величина (уровень) риска приверженности подростков к вейпингу.
Table 10. The content of the questionnaire items shown in Figure 10, the answer options and the magnitude (level) of the risk of adolescents' commitment to vaping

Пункт опросника	Содержание пункта опросника «Вейпинг»	Вариант ответа	Риск потребления вейпов
C3/P	Считаете ли вы, что употребление электронных курительных устройств может вызвать снижение иммунитета, предрасположенность к частым воспалительным заболеваниям	Нет	средний
C4	Пытались ли вы в течение прошедших 12 месяцев бросить курить?	Да	очень высокий
C5/A	Считаете ли вы эффективным способом (средством) для прекращения потребления сигарет: - консультации в медицинских учреждениях, в том числе специализированных пунктах, о том, как бросить курить?	Да	высокий
C5/Б	Считаете ли вы эффективным способом (средством) для прекращения потребления сигарет: - заместительная никотиновая терапия, например пластырь или жевательная резинка?	Да	очень высокий

C5/B	Считаете ли вы эффективным способом (средством) для прекращения потребления сигарет: - другие лекарственные средства, например табекс?	Да	высокий
C5/T	Считаете ли вы эффективным способом (средством) для прекращения потребления сигарет: - немедикаментозная терапия, например иглоукалывание или рефлексотерапия?	Да	очень высокий

Результаты проведенного анализа, иллюстрируемые рисунками 5–10, свидетельствуют о важной роли особенностей осведомленности подростков о потреблении электронных сигарет и отношения к ним, в вовлеченность в вейпинг детско-подросткового населения Тувы.

Значимость вейпинга как предиктора психосоматических расстройств

Как следует из представленных в таблице 11 данных, потребление подростками электронных сигарет ассоциировано с очень высоким риском развития у них частых головных болей, рецидивирующих болей в структурах костно-суставного аппарата, эмоциональной лабильности, проявлений раздражительности / гневливости и патологических изменений голосового аппарата (осиплость / охриплость голоса).

Таблица 11. Вклад потребления вейпов в риск развития расстройств психосоматического спектра и психоэмоционального статуса (по данным Скрининговой анкеты и опросника «Вейпинг»)

Table 11. Contribution of vaping to the risk of developing psychosomatic spectrum and psychoemotional status disorders (according to the Screening Questionnaire and the Vaping Questionnaire)

Оцениваемый признак	Характеристика оцениваемого признака	ОШ	ДИ для ОШ	ДК (баллы)	Уровень риска
Рецидивирующие головные боли (РГБ)	частые (более 15-ти дней/мес)	3,55	1,80–7,00	3	очень высокий
Рецидивирующие боли в животе (РБЖ)	частые (более 2-х раз/мес)	2,36	1,24–4,51	2	высокий
Панические атаки (ПА)	наличие в анамнезе	2,48	1,31–4,69	2	высокий
Рецидивирующие боли в структурах костно-суставного аппарата	функционального характера	3,67	1,07–12,52	3	очень высокий
Изменения голоса (осиплость, охриплость)	не связаны с острыми воспалительными заболеваниями	4,60	1,25–16,97	3	очень высокий
Частые перепады настроения	эмоциональная лабильность	3,61	1,06–12,22	3	очень высокий
Раздражительность, гневливость	по незначительному поводу	16,20	3,10–84,59	6	очень высокий

Вейпинг у подростков сопряжен с высоким риском развития у них таких функциональных соматических расстройств, как частые боли в животе и повторяющиеся эпизоды панических атак, что подтверждается значениями показателей отношения шансов (ОШ) и их доверительных интервалов (ДИ мин — ДИ макс) (табл. 11).

Таблица 12 включает перечень характеристик психоэмоционального статуса с оценкой информативной значимости и величины вклада потребления электронных сигарет подростками Тувы в риск развития у них расстройств психоэмоционального спектра.

Таблица 12. Вклад потребления вейпов в риск развития нарушений психоэмоционального спектра (по данным характеристик Симптоматического опросника)

Table 12. Contribution of vaping to the risk of developing psycho-emotional spectrum disorders (according to the characteristics of the Symptomatic Questionnaire)

Оцениваемый признак	Выраженность оцениваемого признака	ОШ	ДИ для ОШ	ДК (баллы)	Уровень риска
Соматизация	значительный уровень	8,74	5,33–14,34	5	очень высокий
Обсессивность-компульсивность (навязчивости)	умеренный уровень	2,16	1,25–3,74	2	высокий
	значительный уровень	15,21	8,55–27,05	6	очень высокий
Межличностная сензитивность	значительный уровень	11,03	6,43–18,95	5	очень высокий
Депрессия	умеренный уровень	6,52	3,58–11,86	4	очень высокий
	значительный уровень	19,33	8,90–42,02	6	очень высокий
Тревожность (тревога)	умеренный уровень	2,36	1,23–4,53	2	высокий
	значительный уровень	12,89	5,82–28,54	5	очень высокий
Враждебность	значительный уровень	7,66	4,20–13,98	4	очень высокий
Фобическая тревожность (страхи)	значительный уровень	4,87	2,91–8,14	3	очень высокий
Паранойяльные тенденции	умеренный уровень	2,04	1,20–3,48	2	средний
	значительный уровень	7,65	4,44–13,17	4	очень высокий
Психотизм	значительный уровень	8,54	4,71–15,49	5	очень высокий
Общий индекс тяжести симптомов (GSI)	умеренный уровень	2,55	1,48–4,42	2	высокий
	значительный уровень	25,03	12,27–51,07	7	очень высокий
Интенсивность дистресса (PSDI)	значительный уровень	7,87	4,97–12,46	4	очень высокий
Широта диапазона симптоматики (PST)	умеренный уровень	3,14	1,56–6,32	2	очень высокий
	значительный уровень	9,95	6,00–16,52	5	очень высокий

Установлено, что значимым фактором очень высокого риска является потребление электронных сигарет для таких расстройств психоэмоционального статуса, как соматизация, значительный уровень обсессивно-компульсивных проявлений, межличностной сензитивности, депрессии, значительный уровень тревоги, враждебности, фобической тревожности (страхов), психотизма, значительная выраженность паранойяльного поведения и значительная интенсивность дистресса.

Вовлеченность подростков в вейпинг ассоциирована с высоким риском возникновения у них таких нарушений психоэмоционального спектра, как умеренный уровень обсессивно-компульсивных

проявлений и умеренный уровень тревожности. Менее значима вовлеченность в вейпинг (верифицированная как средний риск) для формирования умеренной выраженности паранойальных проявлений (табл. 12).

Обсуждение

С ростом популярности вейпинга появились доказательства связи между использованием социальных сетей и вейпингом среди подростков, возможно, из-за распространения рекламы электронных сигарет и другого связанного с этим контента в социальных сетях. В исследовании Дж. Ли с соавторами (Lee et al., 2021) изучалась связь между использованием социальных сетей и вейпингом среди подростков. Показано, что использование 4-х выбранных авторами социальных сетей было в значительной степени связано со статусом вейпинга ($P < 0,001$ для всех сетей).

С точки зрения школьных специалистов, родителей и молодежи важно выявление и понимание роли социально-экологических факторов, способствующих и предотвращающих использование электронных сигарет подростками и молодежью. Исследованием, проведенным К. МакКосландом с соавторами (McCausland et al., 2024) в Перте (Западная Австралия), выявлены факторы, поддерживающие вейпинг среди молодежи указанного региона. Выявленные факторы включали поиск острых ощущений и рискованное поведение; восприятие вейпов как малорискованного; привлекательные характеристики вейпов; простота доступа; восприятие вейпинга как социальной деятельности; и отсутствие знаний о вейпинге среди родителей и школьных специалистов. Авторы считают, что необходимо направлять усилия на решение проблем, связанных с торговлей электронными сигаретами и проблем, связанных с надзором за их распространением.

Распространенность курения ЭС среди подростков связана с их большей доступностью для подростков, а также мнением об их безопасности для здоровья. В работах М. Б. Гамбарян с соавторами (Гамбарян и др., 2022) и А. В. Казанцевой с соавторами (Казанцева и др., 2024) представлены результаты оценки влияния электронных сигарет на самочувствие и здоровье подростков при их использовании. Исследователи приходят к выводу, что для предотвращения доступа к электронным сигаретам и их потребления молодыми людьми необходимо сочетание «жестких» и «мягких» инструментов государственной политики с участием ключевых заинтересованных сторон.

До настоящего времени достаточно малочисленны сведения о распространенности вейпинга в подростково-молодежных популяциях ряда стран и регионов. Так, мало что известно о вейпинге и связанных с ним факторах среди азиатских подростков во всем мире. К. Ко с соавторами (Ko, Ting Wai Chu, Bullen, 2024), провели обзор международной литературы, освещающей результаты исследований по вейпингу среди подростков, проживающих в азиатском регионе. Распространенность вейпинга среди данного контингента варьировала в зависимости от политики страны в отношении электронных сигарет: самая высокая распространенность в Индонезии 32,2% (когда-либо курящие) и 11,8% (в настоящее время курящие) в 2019 г. и самая низкая в Японии от 2,1% до 3,5% (когда-либо курящие) и от 0,7% до 1,0% (в настоящее время курящие) в 2017 г. В Новой Зеландии, западной стране с сильным контролем над потреблением табака, но либеральной политикой в отношении вейпинга, распространенность когда-либо курящих вейп составила 20,4%, регулярного вейпинга 4,2% и еженедельного вейпинга 2,8% в 2019 г.

По нашим данным, распространенность вейпинга в группе всех включенных в исследование подростков Тувы (независимо от их этнической принадлежности) составила 18,6% (лица, потребляющие вейпы в настоящее время). Выявленная нами распространенность вейпинга у подростков Тувы оказалась более высокой в сравнении с аналогичным показателем в Индонезии (11,8%) и частоты встречаемости регулярного вейпинга (4,2%) среди подростков Новой Зеландии, согласно данным обзора международной литературы, проведенного в 2024 г. К. Ко с соавторами (Ko, Ting Wai Chu, Bullen, 2024).

Результатами исследования К. Ко с соавторами (Ko, Ting Wai Chu, Bullen, 2024) установлено, что наиболее распространенными причинами вейпинга у подростков были любопытство и влияние сверстников. Интернет, как популярный источник информации о вейпинге, был выявлен в основном в исследованиях, проведенных в азиатских странах (Китае, Тайланде, Японии) (Ko, Ting Wai Chu, Bullen, 2024). Наиболее распространенными причинами более частого вейпинга среди подростков были желание бросить курить и возможность парить в помещении, тогда как в западных странах тремя основными причинами были концентрация никотина, никотиновая зависимость и большее количество

ежедневных сеансов парения. Авторы обзора считают необходимым проведение регулярного мониторинга и более целенаправленных исследований для понимания поведения подростков в отношении вейпинга в этой гетерогенной популяции.

Наиболее часто упоминаемые причины, по которым молодежь и молодые люди сообщают об использовании электронных сигарет, включают любопытство, ароматизаторы/вкус, социальное приятие, отсутствие запаха, быстрое использование, легкость сокрытия и мнение, что они более полезны для здоровья, чем сигареты. Электронные сигареты также привлекательны, потому что их можно использовать в местах, где запрещено курение обычных сигарет. Молодежь сообщила, что «парит» везде в школе, особенно в туалетах, на лестницах и в кафетериях (Трусь, Мельгуй, Удодова, 2022).

По нашим данным, значимыми для потребителей вейпов причинами курить ЭС было мнение тувинских подростков об электронных сигаретах как безопасной альтернативы обычным сигаретам и их абсолютная безвредность (у 6,1% вейперов), мнение, что ЭС намного безопаснее обычных, но определённый вред всё же приносят (у 33,0%) и что влияние пара электронных сигарет не до конца изучено (у 60,9%). Причинными факторами потребления ЭС у подростков Тувы, потребляющих ЭС, было их мнение, что использование вейпов позволяет легче дозировать никотин (у 24,3%), у вейпов более низкая цена, они более экономичны (у 60,9%), «это модно» — считали 20,9% тувинских подростков-вейперов. Мотивация использования ЭС включала также мнение подростков, что вейпы позволяют легче бросить курить обычные сигареты (у 35,6%).

С. Уоттс с соавторами (Watts et al., 2022) провели исследование с выборкой из 721 молодого человека в возрасте от 14 до 17 лет из Нового Южного Уэльса, набранных через онлайн-панели. Почти треть выборки (32%, n=233) сообщили, что являются постоянными вейперами, из которых более половины (54%) никогда не курили до начала вейпинга. Постоянное пользование ЭС ассоциировалось с возрастом и принадлежностью к мужскому полу. Среди вейперов, которые сообщили, какой тип устройства они используют, 86% сообщили об использовании одноразовых продуктов. «Ароматизаторы и вкус» были оценены как самая важная характеристика вейпов. Более половины вейперов сообщили, что получили последний вейп, который они использовали, от своих друзей (55%, n=130). Более половины вейперов использовали вейп, о котором они знали, что он содержит никотин (53%, n=123). Авторы заключают, что молодые люди, по-видимому, легко получают доступ к продуктам для вейпинга с никотином, которые часто являются одноразовыми и ароматизированными, как через социальные, так и через коммерческие каналы.

Полученные нами данные, продемонстрировали, что 5,2% опрошенных тувинских подростков, потребляющих вейпы в настоящее время, не потребляли их в прошлом, 47,0% нынешних вейперов потребляли ЭС в прошлом, но не каждый день, а 47,8% потребляли их ежедневно.

Рост использования электронных сигарет среди молодежи привел к необходимости верификации нового критерия интенсивности использования электронных сигарет и его связи с переменными зависимости от никотина. С. Ксе с соавторами (Xie, Jeffers, Winickoff, 2024) был разработан новый показатель интенсивности использования электронных сигарет: среднее количество затяжек в месяц как функция частоты (дней использования в месяц), количества использований в день и количества затяжек за использование, для подростков, использующих электронные сигареты. Проведенное исследование показало, что показатель интенсивности (затяжек в месяц) был тесно связан с зависимостью от ЭС, использованием вейпов лучшими друзьями, восприятием вреда и отсутствием намерения бросить курить. Этот показатель дает более точную картину интенсивности использования электронных сигарет среди молодежи, чем другие обычно используемые показатели, и может быть важен для понимания текущего и будущего воздействия эпидемии электронных сигарет среди молодежи.

Использование электронных сигарет (ЭС) и других электронных систем доставки никотина (ЭСДН) среди подростков резко возросло, что создает необходимость в исследованиях для изучения последствий использования электронных сигарет для здоровья подростков (Ехлакова, Быкова, Сапаров, 2022; Ишмухамбетова, 2021). Ряд исследователей (Livingston et al., 2022) считает, что хотя использование электронных сигарет несколько менее вредно, чем обычных сигарет, оно связано с различными негативными последствиями для физического и психического здоровья среди пользователей-подростков. Последнее подтверждают и полученные нами данные: наличие у тувинцев-вейперов более высокой встречаемости частых рецидивирующих головных болей — 34,6% против 6,1%

у не вейперов, а также более частых эпизодов панических атак — 30,8% против 9,2% у подростков, не потребляющих ЭС.

Кроме того, нами выявлена *ассоциация* потребления электронных сигарет тувинскими подростками с наличием у них большого перечня расстройств психоэмоционального статуса: значительного уровня соматизации (у 51,5% против 10,8% у не потребляющих вейпы подростков), значительно выраженного уровня обсессивности-компульсивности (47,6% и 5,6%), межличностной сензитивности (50,0% и 8,3%), депрессии (33,3% и 2,5%) и тревоги (28,6% и 3,0%). Компонентами расстройств психоэмоционального спектра, ассоциированными с потреблением ЭС тувинскими подростками, были также значительно выраженный уровень враждебности (у 42,3% против 8,7% у не вейперов), значительный уровень фобической тревожности / страхов (55,9% и 20,7%), паранойяльных тенденций в поведении (46,9% и 10,4%), значительно выраженный уровень психотизма (44,2% и 8,5%) и интенсивности дистресса (50,5% и 11,5%).

К. East с соавторами (East et al., 2022) оценили воздействие негативных новостей о вейпинге и восприятие вреда от вейпинга среди молодёжи в Англии, Канаде и США до и после вспышки заболеваний лёгких, связанных с употреблением электронных сигарет или вейпинга (EVALI). Результаты исследования показали, что «EVALI» могло усугубить восприятие молодежью вреда от вейпинга на международном уровне.

Электронные сигареты являются наиболее распространенной формой доставки никотина, используемой молодежью и молодыми людьми. С 2018 г. лавинообразный рост использования электронных средств доставки никотина объявлен эпидемией. Развивающийся мозг подростка уязвим к воздействию никотина, что может привести к длительным когнитивным и аффективным расстройствам. В исследовании В. Берта и Цзян Ли (Burt, Li, 2020) оцениваются компоненты вейпинга, распространенность, побочные реакции, регулирование, лечение и профилактические стратегии, связанные с вейпингом, среди молодежи и молодых людей. Авторы указывают, что хотя лица мужского пола всегда курили больше горючих сигарет, чем женщины, этот разрыв сокращается. При этом данные неоднозначны: около 50% исследований не показывают гендерного разрыва, другие демонстрируют небольшую тенденцию к преобладанию у лиц мужского пола. С 2017 по 2018 г. использование электронных сигарет среди учащихся старших классов США выросло на 78%, что является самым высоким годовым ростом для любого вещества за последние 44 года. В 2019 г. 27,5% учащихся старших классов США сообщили об использовании электронной сигареты в течение последних 30 дней, по сравнению с 1,4% у взрослых.

Молодых людей чаще всего знакомят с вейпингом друзья, и совместное использование устройств очень распространено (Liu et al., 2019). Электронные сигареты часто используются в качестве темы для разговора и как то, что молодежь может держать в руках на вечеринках. Молодежь также может парить, когда чувствует беспокойство, например, до и после тестов или для того, чтобы успокоить социальную тревогу (Hair et al., 2025). Большинство не считает, что риски вейпинга перевешивают преимущества, и подростки склонны верить, что они могут просто «бросить через несколько лет» (Андреева, Терехов, 2022; Hair et al., 2025).

Целью исследования М. Дж. Р. Вилкассим с соавторами (Vilcassim et al., 2023) было охарактеризовать использование устройств для электронных сигарет среди студентов колледжей столичного района Бирмингема (штат Алабама) с акцентом на гендерные различия в предпочитаемых устройствах для вейпинга. Из 394 студентов, принявших участие в опросе, 61 сообщил о текущем использовании исключительно электронных сигарет (15,5%) среди всей выборки студентов колледжа в возрасте 18–24 лет. Среди вейперов больше женщин сообщили об использовании одноразовых электронных сигарет или *Juul* (типа *pod*) в качестве основного устройства для парения по сравнению с мужчинами, которые предпочли *Tanks* и *Mods* + другие перезаряжаемые электронные сигареты ($p < 0,05$). Мужчины также парили больше дней в неделю по сравнению с женщинами. Основное используемое устройство для парения значительно различается в зависимости от пола пользователей, что делает его важным фактором для рассмотрения в будущих исследованиях.

Употребление табака и никотин содержащих продуктов детьми и подростками в России остается одной из очень важных проблем. Подростковый возраст — критически важный период, отличающийся особенно значительными рисками, связанными с употреблением различных психоактивных веществ. В отличие от взрослых, молодым людям нужно меньше сигарет и меньше времени для того, чтобы

у них выработалось привыкание к никотину. Кроме собственно курения табака с термическим его разрушением и возгонкой части веществ вредное действие на организм оказывается и при суррогатной его замене использованием электронных сигарет и других альтернативных методов курения.

По данным исследований отечественных наркологов, среди подростков 13–15 лет в Российской Федерации 8,5% потребляют электронные сигареты, мальчики — 10,3%, девочки — 6,8% (Покатилов, Тириченко, 2017). Ижевские исследователи изучали школьников, обучающихся в 9–11 классах школ города. На вопрос «Ты куришь?» из анкеты утвердительно ответили 31,5±2,0%, число курящих девушек составило 20,0±1,1%, число курящих юношей — 43,0±1,3%. Если в 9 классе курил каждый 5-й подросток, то в 11 классе — каждый 3-й. В 35,2±1,3% случаев подростков используют электронные сигареты, и такое же количество школьников предпочитают курить кальян и вейпы (Капустина, Матвеева, 2020).

Нами не было установлено гендерных различий распространенности потребления ЭС среди обследованных тувинских подростков: частота встречаемости вейпинга у мальчиков составляла 9,4%, у девочек — 9,2%. Вместе с тем встречаемость вейпинга была выше в старшей возрастной группе подростков 17–18 лет — 13,6%, против 6,0% в группе 15–16-летних.

Анализ причин начала курения в популяции российских подростков показал, что фактор доступности сигарет не являлся основным мотивом (11%). Пример друзей и/или стрессовый фактор (46 и 27% соответственно) указали 73% респондентов. В целом причины приобщения к курению у подростков и взрослых схожи, однако интересно отметить, что в отличие от взрослых у подростков авторитет личности или другие причины (визуальный интерес, желание попробовать что-то новое и т. п.) не играли особой роли. В России, несмотря на то, что подавляющая часть (84%) курящих подростков имеют слабую/очень слабую никотиновую зависимость, мотивация к отказу от курения у большинства (80%) подростков низкая или отсутствует, что объясняется особенностями подростковой психики — тягой к «рисковому» поведению и говорит о необходимости группового и индивидуального подхода при профилактике и лечении зависимости от табака в этой возрастной категории. Подростки склонны недооценивать опасность табакокурения и связанных с ним рисков для здоровья, что свидетельствует о необходимости разработки и реализации стратегий просвещения общественности по предотвращению использования электронных сигарет среди подростков и молодежи.

Электронные сигареты, которые появились как заменители табачных изделий, быстро распространились во всем мире и стали новой субкультурой. В 2019 г. О. Р. Боярчук с соавторами (Боярчук и др., 2021) была изучена распространенность вейпинга среди школьников подросткового возраста Тернополя (Украина), а также осведомленность подростков относительно влияния вейпов на организм человека. Проведен опрос 410 учеников общеобразовательных школ Тернополя в возрасте 13–17 лет. Среди опрошенных школьников старших классов 34,4% пробовали заниматься вейпингом, 6,1% из них использовали электронные сигареты ежедневно. Наиболее частыми источниками информации о вейпинге были друзья (54,6%) и реклама (33,3%) в социальных сетях, отделах крупных супермаркетов и т. п. Большинство подростков знали о вредном влиянии вейпинга на дыхательную и сердечно-сосудистую системы, 80,9% учеников ощутили на себе его негативное воздействие, однако это незначительно повлияло на их отказ от электронных сигарет. Большинство (85,8%) родителей не знали об использовании электронных сигарет их детьми, остальные поддерживали выбор детей. Только 11,3% учащихся указали на обсуждение проблемы вейпинга со взрослыми.

Известно, что многие молодые люди пробуют ЭС, но не продолжают пользоваться ими в дальнейшем; понимание различий в привлекательности этого устройства между текущими пользователями и теми, кто решил не продолжать пользоваться ими, может помочь в принятии мер по регулированию и профилактике вейпинга. Результаты исследования Д. Р. Дэвис и соавторов (Davis et al., 2021) показывают, что изменение привлекательности ЭС путем регулирования содержания никотина и ароматизаторов может быть ключевым фактором в политике, направленной на то, чтобы подростки и молодежь перестала пользоваться ЭС.

В работе А. В. Ишбулдиной с соавторами (Ишбулдина, Вахитов, Гайчик, 2024) освещается актуальная проблема употребления вейпов и электронных сигарет, особенно среди детей и подростков. Авторы провели анализ 58 источников литературы, в которых обсуждаются вопросы повреждения легких вследствие курения электронных устройств, в целях выявления особенностей симптоматики и патологических изменений. Результатом обзора стала констатация факта разнообразия клинических проявлений повреждения легких, ассоциированных с вейпингом и курением электронных сигарет

(EVALI, *e-cigarette or vaping use-associated lung injury*), и необходимость проведения дифференциальной диагностики с другими заболеваниями органов дыхания, включая COVID-19. Авторы подчеркивают необходимость санитарно-просветительской работы среди подростково-юношеских популяций с целью распространения информации о вреде курения электронных устройств.

Заключение

Впервые в Туве нами проведено широкомасштабное скрининговое исследование, включающее онлайн-тестирование 619 лиц подростково-юношеского возраста с использованием *Google Forms* скрининговой анкеты, опросника по вейпингу и психометрического опросника «SCL 90R», реализованное с целью изучения распространенности вейпинга и особенностей использования электронных сигарет подростками, проживающими на территории Республики Тыва. Выявлена достаточно высокая (18,6%) распространенность вейпинга среди всей группы включенных в исследование лиц, что свидетельствует об актуальности проблемы использования данного вида курительных средств для подростково-юношеской популяции Республики Тыва.

Впервые получены данные об информативной значимости и величине вклада большого перечня характеристик вейпинга в риск развития ФСР и нарушений психоэмоционального статуса у тувинских подростков-вейперов. Высокий уровень распространенности вейпинга и верифицированные нами факторы риска расстройств психосоматического спектра, ассоциированных с потреблением подростками электронных сигарет, свидетельствует о необходимости комплексного подхода к решению этой актуальной медико-социальной проблемы. Методологическим подходом для достижения поставленной задачи должна быть ранняя диагностика у тувинских подростков риска потребления электронных средств доставки никотина, предупреждение и эффективная коррекция ассоциированных с вейпингом функциональных соматических расстройств и нарушений психоэмоционального статуса у пользователей электронных сигарет, для сохранения здоровья всего подростково-юношеского населения Республики Тыва.

Основные аспекты изучения вейпинга у подростков Тувы, результаты которых представлены в данной работе, во многом совпадают с направленностью научных исследований, проводимых как зарубежными, так и отечественными учеными. Данные сравнительного анализа демонстрируют многочисленность причинно-значимых показателей, влияющих на вовлеченность подростков в вейпинг и разнонаправленность их изменений. Для корректного сопоставления результатов исследований различных авторов, необходимо использование унифицированных методологических подходов, включающих применение общепринятых диагностических инструментов и критериев оценки полученных данных. Требуется дальнейшие исследования, направленные на выявление долгосрочных последствий употребления вейпов и электронных сигарет для здоровья подрастающего поколения Тувы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева, О. П., Терехов, А. А. (2022) Электронные сигареты: альтернатива курению или вред [Электронный ресурс] // Наука и Образование. Т. 5. № 2. С. 197. URL: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/4669> (дата обращения: 22.02.2025).

Боярчук, О. Р., Косовская, В. А., Косовская, Т. М., Гариян, Т. В., Добровольская, Л. И. (2021) Результаты опроса школьников-подростков о вейпинге // Профилактическая медицина. Т. 24. № 4. С. 30–36. DOI: <https://doi.org/10.17116/profmed20212404130>

Гамбарян, М. Г. (2019) Вся правда об электронных сигаретах: российская реальность. Часть I. Электронные сигареты — угроза для людей и антитабачной политики в России. Актуальность правового регулирования // Профилактическая медицина. Т. 22. № 5. С. 7–15.

Гамбарян, М. Г., Концевая, А. В., Попович, М. В., Старовойтов, М. Л., Драпкина, О. М. (2022) Оценка реализации законодательных мер по ограничению торговли табачной продукцией и ее демонстрации в пунктах продаж по результатам анализа литературы и репрезентативного опроса ЭПОХА-РФ // Профилактическая медицина. Т. 25. № 12. С. 21–31. DOI: <https://doi.org/10.17116/profmed20222512121>

Ехлакова, А. А., Быкова, Л. В., Сапаров, Б. М. (2022) Какое влияние оказывают на организм курительные приборы и сигареты? [Электронный ресурс] // Молодежь и наука. Т. 7. № 4. URL: <https://min.urgau.ru/images/2022/7-2022/4-7-2022.pdf> (дата обращения: 22.02.2025).

Ишбулдина, А. В., Вахитов, Х. М., Гайчик, Е. А. (2024) Влияние вейп-курения на здоровье детей и подростков // Российский вестник перинатологии и педиатрии. Т. 69. № 5. С. 22–28. DOI: <https://doi.org/10.21508/1027-4065-2024-69-5-22-28>

Ишмухамбетова, Л. Х. (2021) Влияние электронных сигарет на человеческий организм // Евразийское Научное Объединение. Т. 78. № 8–2. С. 120–121.

Казанцева, А. В., Тихонова, М. С., Тимофеев, Е. С., Савельева, С. Е. (2024) Пропаганда здорового образа жизни школьников старших классов // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. № 1. С. 17–34. DOI: <https://doi.org/10.24412/2312-2935-2024-1-17-34>

Капустина, Н. Р., Матвеева Л. П. (2020) Курение в образе жизни детей и подростков // Вятский медицинский вестник. Т. 65. № 1. С. 81–83.

Королев, И. Б., Подкаур, О. В. (2022) Изменения в системе вегетативной регуляции сердечного ритма при действии высокодисперсного аэрозоля электронной сигареты // Исследования. Инновации. Практика. Т. 3. № 3. С. 15–19. DOI: <https://doi.org/10.1811/iip/-06-2022-02>

Петрейкин, И. Ю., Петрейкина, К. С. (2019) Чему отдает предпочтение молодежь: обычным сигаретам или электронным? [Электронный ресурс] // Международный студенческий научный вестник. № 2. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=19587> (дата обращения: 05.03.2025).

Покатилов, А. Б. Тириченко, О. Ю. (2017) Курение среди несовершеннолетних // Главный врач Юга России. Т. 54. № 2. С. 76–78.

Скворцова, Е. С., Мамченко, М. М. (2021) Курение электронных сигарет как медико-социальная проблема // Профилактическая медицина. Т. 24. № 8. С. 89–94.

Трусь, Е. И., Мельгуй, А. А., Удодова, Е. Р. (2022) Отношение подростков к электронным сигаретам и осведомленность о влиянии на организм человека // Актуальные проблемы медицины : сборник материалов итоговой научно-практической конференции / отв. ред. С. Б. Вольф. Гродно : ГрГМУ. 552 с. С. 500–501.

Ahmad, S., Zafar, I., Mariappan, N., Husain, M., Wei, C.-C., Vetal, N., Eltoum I. A., Ahmad, A. (2019) Acute pulmonary effects of aerosolized nicotine // American journal of physiology. Lung cellular and molecular physiology. Vol. 316. L.94–L.104. DOI: <https://doi.org/10.1152/ajplung.00564.2017>

Becker, T. D., Arnold, M. K., Ro, V., Martin, L., Rice, T. (2021) Systematic Review of Electronic Cigarette Use (Vaping) and Mental Health Comorbidity Among Adolescents and Young Adults // Nicotine & tobacco research. Vol. 23. № 3. P. 415–425. DOI: <https://doi.org/10.1093/ntr/ntaa171>

Becker, T. D., Rice, T. R. (2022) Youth vaping: a review and update on global epidemiology, physical and behavioral health risks, and clinical considerations // European journal of pediatrics. Vol. 181. № 2. P. 453–462. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00431-021-04220-x>

Bhave, S. Y., Chadi, N. (2021) E-cigarettes and Vaping: A Global Risk for Adolescents // Indian Pediatr. Vol. 58. № 4. P. 315–319.

Burt, B., Li, J. (2020) The electronic cigarette epidemic in youth and young adults: A practical review // JAAPA : official journal of the American Academy of Physician Assistants. Vol. 33. № 3. P. 17–23. DOI: <https://doi.org/10.1097/01.JAA.0000654384.02068.99>

Chambers, C. T., Dol, J., Tutelman, P. R., Langley, C. L., Parker, J. A., Cormier, B. T., Marianayagam, J. (2024) The prevalence of chronic pain in children and adolescents: a systematic review update and meta-analysis // Pain. Vol. 165. № 10. P. 2215–2234. DOI: <https://doi.org/10.1097/j.pain.0000000000003267>

Dai, H. D., Subramanian, R., Mahroke, A., Wang, M. (2023) Prevalence and Factors Associated With Vaping Cannabidiol Among US Adolescents // JAMA network open. Vol. 8. № 6. Article e2329167. DOI: <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2023.29167>

Davis, D. R., Krishnan-Sarin, S., Bold, K. W., Morean, M. E., Jackson, A., Camenga, D., Kong, G. (2021). Differences in JUUL Appeal Among Past and Current Youth JUUL Users. Nicotine // Nicotine & tobacco research. Vol. 23. № 5. P. 807–814. DOI: <https://doi.org/10.1093/ntr/ntaa246>

East, K., Reid, J. L., Burkhalter, R., Wackowski, O. A., Thrasher, J. F., Tattan-Birch, H., Boudreau, C., Bansal-Travers, M., Liber, A. C., McNeill, A., Hammond, D. (2022) Exposure to Negative News Stories About Vaping, and Harm Perceptions of Vaping, Among Youth in England, Canada, and the United States Before and After the Outbreak of E-cigarette or Vaping-Associated Lung Injury ('EVALI') // Nicotine & tobacco research. Vol. 24. № 9. P. 1386–1395. DOI: <https://doi.org/10.1093/ntr/ntac088>

Hair, E. C., Kreslake, J. M., Tulsiani, S., McKay, T., Vallone, D. (2025) Reducing e-cigarette use among youth and young adults: evidence of the truth campaign's impact // *Tobacco Control*. Vol. 34. № 1. P. 59–64. DOI: <https://doi.org/10.1136/tc-2023-057992>

Ko, K., Ting Wai Chu, J., Bullen, C. (2024) A Scoping Review of Vaping Among the Asian Adolescent Population // *Asia-Pacific journal of public health*. Vol. 36. № 8. P. 664–675. DOI : <https://doi.org/10.1177/10105395241275226>

Lee, J., Tan, A. S. L., Porter, L., Young-Wolff, K. C., Carter-Harris, L., & Salloum, R. G. (2021) Association Between Social Media Use and Vaping Among Florida Adolescents, 2019 // *Preventing Chronic Disease*. Vol. 18, E 49. DOI: <https://doi.org/10.5888/pcd18.200550>

Liu, S. T., Snyder, K., Tynan, M. A., Wang, T. W. (2019) Youth Access to Tobacco Products in the United States, 2016–2018 // *Tobacco regulatory science*. Vol. 6. № 5. P. 491–501. DOI: <https://doi.org/10.18001/TRS.5.6.2>

Livingston, J. A., Chen, C. H., Kwon, M., Park, E. (2022) Physical and mental health outcomes associated with adolescent E-cigarette use // *Journal of pediatric nursing*. Vol. 64. P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pedn.2022.01.006>

McCausland, K., Booth, S., Leaversuch, F., Freeman, B., Wolf, K., Leaver, T., & Jancey, J. (2024). Socio-ecological factors that influence youth vaping: perspectives from Western Australian school professionals, parents and young people // *International journal of qualitative studies on health and well-being*. Vol. 19. № 1. 2322753. DOI: <https://doi.org/10.1080/17482631.2024.2322753>

Vilcassim, M. J. R., Jacob, D., Stowe, S., Fifolt, M., & Zierold, K. M. (2023). Sex Differences in Electronic Cigarette Device Use Among College Students // *Journal of community health*. Vol. 48. № 4. P. 585–592. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10900-023-01200-0>

Watts, C., Egger, S., Dessaix, A., Brooks, A., Jenkinson, E., Grogan, P., & Freeman, B. (2022). Vaping product access and use among 14–17-year-olds in New South Wales: a cross-sectional study // *Australian and New Zealand journal of public health*. Vol. 46. № 6. P. 814–820. DOI: <https://doi.org/10.1111/1753-6405.13316>

Winickoff, J. P., Evins, A. E., Levy, S. (2024) Vaping in Youth // *JAMA*. Vol. 332. № 9. P. 749–750. DOI: <https://doi.org/10.1001/jama.2024.13403>

Xie, C., Jeffers, A. M., & Winickoff, J. P. (2024). Categorizing Vaping Intensity Among Youth // *Nicotine & tobacco research*. Vol. 26. № 8. P. 984–990. DOI: <https://doi.org/10.1093/ntr/ntae003>

Дата поступления: 22.02.2025 г.

Дата принятия: 20.03.2025 г.

REFERENCES

Andreeva, O. P. and Terekhov, A. A. (2022) Electronic Cigarettes: Alternative to Smoking or Harm. *Nauka i obrazovanie*, vol. 5, no. 2, p. 197 [online] Available at: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/4669> (Accessed: 22 February 2025). (In Russ.)

Boyarchuk, O. R., Kosovskaya, V. A., Kosovskaya, T. M., Gariyan, T. V. and Dobrovolskaya, L. I. (2021) Results of a Survey on Vaping Among Adolescent Schoolchildren. *Profilakticheskaya meditsina*, vol. 24, no. 4, pp. 30–36. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17116/profmed20212404130>

Gambaryan, M. G. (2019) The Whole Truth About Electronic Cigarettes: Russian Reality. Part I. Electronic Cigarettes as a Threat to People and Anti-Tobacco Policy in Russia. Relevance of Legal Regulation. *Profilakticheskaya meditsina*, vol. 22, no. 5, pp. 7–15. (In Russ.)

Gambaryan, M. G., Kontseva, A. V., Popovich, M. V., Starovoitov, M. L. and Drapkina, O. M. (2022) Assessment of the Implementation of Legal Measures to Restrict the Sale and Display of Tobacco Products at Points of Sale According to Literature Review and Representative EPOHA-RF Survey. *Profilakticheskaya meditsina*, vol. 25, no. 12, pp. 21–31. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17116/profmed20222512121>

Ekhlakova, A. A., Bykova, L. V. and Saparov, B. M. (2022) What Is the Impact of Smoking Devices and Cigarettes on the Human Body? *Molodezh i nauka*, vol. 7, no. 4 [online] Available at: <https://min.urgau.ru/images/2022/7-2022/4-7-2022.pdf> (Accessed: 22 February 2025) (In Russ.)

Ishbul'dina, A. V., Vakhitov, Kh. M. and Gaichik, E. A. (2024) The Impact of Vaping on the Health of Children and Adolescents. *Rossiyskiy vestnik perinatologii i pediatrii*, vol. 69, no. 5, pp. 22–28. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21508/1027-4065-2024-69-5-22-28>

Ishmukhambetova, L. Kh. (2021) The Influence of Electronic Cigarettes on the Human Body. *Evrasiyskoye nauchnoye ob'edinenie*, vol. 78, no. 8–2, pp. 120–121. (In Russ.)

Kazantseva, A. V., Tikhonova, M. S., Timofeev, E. S. and Savelieva, S. E. (2024) Promoting a Healthy Lifestyle Among Senior School Students. *Sovremennyye problemy zdoravookhraneniya i meditsinskoj statistiki*, no. 1, pp. 17–34. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24412/2312-2935-2024-1-17-34>

Kapustina, N. R. and Matveyeva, L. P. (2020) Smoking in the Lifestyle of Children and Adolescents. *Vyatskiy meditsinskiy vestnik*, vol. 65, no. 1, pp. 81–83. (In Russ.)

Korolev, I. B. and Podkaura, O. V. (2022) Changes in Autonomic Regulation of Heart Rhythm Under the Influence of Fine Aerosols from Electronic Cigarettes. *Issledovaniya. Innovatsii. Praktika*, vol. 3, no. 3, pp. 15–19. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.1811/iip/-06-2022-02>

Petreykin, I. Yu. and Petreykina, K. S. (2019) What Do Young People Prefer—Regular Cigarettes or Electronic Ones? *Mezhdunarodnyy studencheskiy nauchnyy vestnik*, no. 2 [online] Available at: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=19587> (Accessed: 5 March 2025). (In Russ.)

Pokatilov, A. B. and Tirichenko, O. Yu. (2017) Smoking Among Minors. *Glavnyy vrach Yuga Rossii*, vol. 54, no. 2, pp. 76–78. (In Russ.)

Skvortsova, E. S. and Mamchenko, M. M. (2021) Electronic Cigarette Smoking as a Medical and Social Problem. *Profilakticheskaya meditsina*, vol. 24, no. 8, pp. 89–94. (In Russ.)

Trus', E. I., Melguy, A. A. and Udodova, E. R. (2022) Teenagers' Attitudes Toward Electronic Cigarettes and Their Awareness of Associated Health Effects. In: Wolf, S. B. (ed.) *Topical Issues of Medicine: Proceedings of the Final Scientific and Practical Conference*. Grodno, GrSMU. 552 p. Pp. 500–501. (In Russ.)

Ahmad, S., Zafar, I., Mariappan, N., Husain, M., Wei, C.-C., Vetal, N., Eltoum I. A. and Ahmad, A. (2019) Acute pulmonary effects of aerosolized nicotine. *American journal of physiology. Lung cellular and molecular physiology*, vol. 316, pp. L94–L104. DOI: <https://doi.org/10.1152/ajplung.00564.2017>

Becker, T. D., Arnold, M. K., Ro, V., Martin, L. and Rice, T. (2021) Systematic Review of Electronic Cigarette Use (Vaping) and Mental Health Comorbidity Among Adolescents and Young Adults. *Nicotine & tobacco research*, vol. 23, no. 3, pp. 415–425. DOI: <https://doi.org/10.1093/ntr/ntaa171>

Becker, T. D. and Rice, T. R. (2022) Youth vaping: a review and update on global epidemiology, physical and behavioral health risks, and clinical considerations. *European journal of pediatrics*, vol. 181, no. 2, pp. 453–462. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00431-021-04220-x>

Bhave, S. Y. and Chadi, N. (2021) E-cigarettes and Vaping: A Global Risk for Adolescents. *Indian Pediatr*, vol. 58, no. 4, pp. 315–319.

Burt, B. and Li, J. (2020) The electronic cigarette epidemic in youth and young adults: A practical review. *JAAPA: official journal of the American Academy of Physician Assistants*, vol. 33, no. 3, pp. 17–23. DOI: <https://doi.org/10.1097/01.JAA.0000654384.02068.99>

Chambers, C. T., Dol, J., Tutelman, P. R., Langley, C. L., Parker, J. A., Cormier, B. T. and Marianayagam, J. (2024) The prevalence of chronic pain in children and adolescents: a systematic review update and meta-analysis. *Pain*, vol. 165, no. 10, pp. 2215–2234. DOI: <https://doi.org/10.1097/j.pain.0000000000003267>

Dai, H. D., Subramanian, R., Mahroke, A. and Wang, M. (2023) Prevalence and Factors Associated With Vaping Cannabidiol Among US Adolescents. *JAMA network open*, vol. 8, no. 6, article e2329167. DOI: <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2023.29167>

Davis, D. R., Krishnan-Sarin, S., Bold, K. W., Morean, M. E., Jackson, A., Camenga, D. and Kong, G. (2021). Differences in JUUL Appeal Among Past and Current Youth JUUL Users. *Nicotine. Nicotine & tobacco research*, vol. 23, no. 5, pp. 807–814. DOI: <https://doi.org/10.1093/ntr/ntaa246>

East, K., Reid, J. L., Burkhalter, R., Wackowski, O. A., Thrasher, J. F., Tattan-Birch, H., Boudreau, C., Bansal-Travers, M., Liber, A. C., McNeill, A. and Hammond, D. (2022) Exposure to Negative News Stories About Vaping, and Harm Perceptions of Vaping, Among Youth in England, Canada, and the United States Before and After the Outbreak of E-cigarette or Vaping-Associated Lung Injury ('EVALI'). *Nicotine & tobacco research*, vol. 24, no. 9, pp. 1386–1395. DOI: <https://doi.org/10.1093/ntr/ntac088>

Hair, E. C., Kreslake, J. M., Tulsiani, S., McKay, T. and Vallone, D. (2025) Reducing e-cigarette use among youth and young adults: evidence of the truth campaign's impact. *Tobacco Control*, vol. 34, no. 1, pp. 59–64. DOI: <https://doi.org/10.1136/tc-2023-057992>

Ko, K., Ting Wai Chu, J. and Bullen, C. (2024) A Scoping Review of Vaping Among the Asian Adolescent Population. *Asia-Pacific journal of public health*, vol. 36, no. 8, pp. 664–675. DOI: <https://doi.org/10.1177/10105395241275226>

Lee, J., Tan, A. S. L., Porter, L., Young-Wolff, K. C., Carter-Harris, L., and Salloum, R. G. (2021) Association Between Social Media Use and Vaping Among Florida Adolescents, 2019. *Preventing Chronic Disease*, vol. 18, article E 49. DOI: <https://doi.org/10.5888/pcd18.200550>

Liu, S. T., Snyder, K., Tynan, M. A. and Wang, T. W. (2019) Youth Access to Tobacco Products in the United States, 2016–2018. *Tobacco regulatory science*, vol. 6, no. 5, pp. 491–501. DOI: <https://doi.org/10.18001/TRS.5.6.2>

Livingston, J. A., Chen, C. H., Kwon, M. and Park, E. (2022) Physical and mental health outcomes associated with adolescent E-cigarette use. *Journal of pediatric nursing*, vol. 64, pp. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pedn.2022.01.006>

McCausland, K., Booth, S., Leaversuch, F., Freeman, B., Wolf, K., Leaver, T., and Jancey, J. (2024) Socio-ecological factors that influence youth vaping: perspectives from Western Australian school professionals, parents and young people. *International journal of qualitative studies on health and well-being*, vol. 19, no. 1, article 2322753. DOI: <https://doi.org/10.1080/17482631.2024.2322753>

Vilcassim, M. J. R., Jacob, D., Stowe, S., Fifolt, M., and Zierold, K. M. (2023) Sex Differences in Electronic Cigarette Device Use Among College Students. *Journal of community health*, vol. 48, no. 4, pp. 585–592. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10900-023-01200-0>

Watts, C., Egger, S., Dessaix, A., Brooks, A., Jenkinson, E., Grogan, P., and Freeman, B. (2022) Vaping product access and use among 14–17-year-olds in New South Wales: a cross-sectional study. *Australian and New Zealand journal of public health*, vol. 46, no. 6, pp. 814–820. DOI: <https://doi.org/10.1111/1753-6405.13316>

Winickoff, J. P., Evins, A. E. and Levy, S. (2024) Vaping in Youth. *JAMA*, vol. 332, no. 9, pp. 749–750. DOI: <https://doi.org/10.1001/jama.2024.13403>

Xie, C., Jeffers, A. M., and Winickoff, J. P. (2024) Categorizing Vaping Intensity Among Youth. *Nicotine & tobacco research*, vol. 26, no. 8, pp. 984–990. DOI: <https://doi.org/10.1093/ntr/ntae003>

Submission date: 22.02.2025.

Acceptance date: 20.03.2025.

Особенности адаптации молодежи Республики Тыва к трансформациям рынка труда

Ай-кыс Ч. Кылгыдай, Галина Ф. Балакина

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН,
Российская Федерация

В статье анализируются содержание, темпы и типы адаптации молодежи Республики Тыва к изменениям в сфере труда за период 2010–2023 гг. Источниковая база: материалы авторских социологических опросов населения Республики Тыва данных лет.

Рассматриваются особенности приспособления к трансформациям рынка труда. К ним отнесены: стабилизация и постепенное снижение уровня безработицы в связи с появлением новых производств, отраслевые преобразования экономики, модернизация производств и переход к наукоемким технологиям, применение гибких форм занятости: дистанционная занятость, фриланс, неполная занятость, неоформленные социально-трудовые отношения и др.

Анализируются проблемы адаптивного поведения групп населения путем изучения их отношения к традиционным видам занятости, смене вида трудовой деятельности, удовлетворенности трудом, направлений трудовой мобильности. Выделены психологические типы молодежи по степени их адаптации: активные рыночники, пассивные рыночники, выжидающие и рыночники поневоле. Удельный вес пассивных рыночников и выжидающих составляет 57–60%.

Выявлено, что процесс адаптации молодежи к рынку труда проходит недостаточно активно. Хотя уровень трудовой активности на рынке труда несколько вырос, он пока недостаточен по сравнению с потребностями динамики социально-экономических процессов, среди форм адаптации по-прежнему преобладают пассивные. Это ставит под сомнение успешность применяемых адаптационных практик и замораживает отставание показателей уровня жизни в республике от среднероссийских параметров. При этом у молодежи отмечена более высокая активность в выборе адаптационных практик, более высокая готовность изменения трудового поведения в направлении потребностей совершенствования социально-экономических процессов.

Ключевые слова: рынок труда; Республика Тыва; социокультурный фактор; молодежь; социальная трансформация; экономическая адаптация

Для цитирования:

Кылгыдай А. Ч., Балакина Г. Ф. Особенности адаптации молодежи Республики Тыва к трансформациям рынка труда // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 281–295. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.17>

Кылгыдай Ай-кыс Чамдаловна — кандидат экономических наук, научный сотрудник лаборатории «Региональная экономика» Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН. Адрес: Россия, 667007, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117а. Эл. адрес: aikys_k@mail.ru

Балакина Галина Федоровна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник лаборатории «Региональная экономика» Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН. Адрес: Россия, 667007, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117а. Эл. адрес: balakina.gal@yandex.ru

KYLGYDAY, Ai-kys Chamdalovna, Candidate of Economics, Researcher, Laboratory of Regional Economics, Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources of Siberian Branch of the Russian Academy of Science Postal address: 117A Internatsionalnaya St., Kyzyl, 667007, Russia. E-mail: aikys_k@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4608-7968

BALAKINA, Galina Fedorovna, Doctor of Economics, Chief Scientific Associate, Laboratory of Regional Economics, Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 117A Internatsionalnaya St., Kyzyl, 667007, Russia. E-mail: balakina.gal@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2387-7190

Adaptive Strategies of Youth in the Republic of Tuva in Response to Labor Market Transformations

Ai-Kys Ch. Kylgyday, Galina F. Balakina

*Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Russian Federation*

This article examines the nature, pace, and types of youth adaptation in the Republic of Tuva to labor market changes during the period from 2010 to 2023. The empirical basis for the analysis comprises data from a series of sociological surveys conducted by the authors among the population of the Republic of Tuva over the period.

The study explores youth responses to labor market transformations, which include: the stabilization and gradual reduction of the unemployment rate due to the emergence of new industries; sectoral shifts in the economy; industrial modernization and the transition to high-tech production; as well as the growing prevalence of flexible forms of employment such as remote work, freelancing, part-time jobs, and informal labor relations.

The article analyzes problems of adaptive behavior among population groups by assessing their attitudes toward traditional forms of employment, changes in occupational activity, job satisfaction, and patterns of labor mobility. The authors identify several psychological types of youth based on their degree of adaptation: active market participants, passive market participants, those adopting a wait-and-see approach, and involuntary market actors. The combined share of passive and wait-and-see segments accounts for 57–60%.

Findings suggest that the process of youth adaptation to the labor market remains insufficiently dynamic. Despite a slight increase in labor market participation, it still falls short of the requirements posed by ongoing socioeconomic changes. Passive forms of adaptation continue to dominate, casting doubt on the effectiveness of current adaptive practices and perpetuating the region's lag in living standards relative to national averages. At the same time, youth exhibit relatively higher openness to adopting new adaptive strategies and show stronger willingness to adjust their labor behavior in alignment with evolving socioeconomic demands.

Keywords: labor market; Republic of Tuva; sociocultural factor; youth; social transformation; economic adaptation

For citation:

Kylgyday A. Ch. and Balakina G. F. Adaptive Strategies of Youth in the Republic of Tuva in Response to Labor Market Transformations. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 281–295. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.17>

Введение

За прошедшие полтора десятилетия экономика России претерпела существенные структурные изменения под воздействием глобализации, цифровизации и расширения доступа к знаниям. Эти процессы привели к трансформации экономической базы трудовых отношений и, как следствие, к изменению самой природы социально-трудовых отношений. Современный рынок труда стал более информационно развитым и динамичным. Сферы деятельности, имеющие возможность осуществлять свою работу в удаленном формате, успешно перешли на режим удаленной занятости.

Совершенствование социального развития, являющееся одной из основных задач государственного регулирования, включает в себя исследования тенденций и специфики в ориентациях и поведении различных социальных групп. В целях получения данных о социальных процессах и тенденциях, слабо отражаемых официальной статистикой, многими исследователями привлекаются для анализа результаты социологических опросов населения и экспертов. Характеристики адаптации

представителей социальных групп детерминируют скорость и особенности адаптационных процессов в регионе.

Одной из социальных групп, самочувствие которой важно учитывать при регулировании социальных процессов на этапе модернизации, является молодежь. Она является наиболее восприимчивой к изменениям в обществе, ее поведение во многом определяет его современное состояние и, в наибольшей степени, будущее социально-экономического, социально-политического и духовно-культурного развития любого общества (Кекеева и др., 2022; Гайфуллин, 2022; и др.).

Цель исследования заключается в анализе содержания, темпов и типов адаптации молодежи Тувы к современным процессам трансформации на рынке труда. Для достижения цели определены следующие задачи: исследование типов молодежи по степени их адаптации к реалиям рыночной экономики; отношение молодых людей к традиционным занятиям и предпринимательству; готовность к приспособлению к реалиям рынка труда.

Хронологические рамки исследования определены 2010–2023 гг., поскольку именно в этот период происходили существенные изменения на рынке труда в стране.

К трансформациям рынка труда в Туве на этапе исследования нами отнесены: стабилизация и постепенное снижение уровня безработицы в связи с появлением новых производств, отраслевыми преобразованиями экономики, модернизацией производств и переходом к наукоемким технологиям, применение гибких форм занятости: дистанционная занятость, фриланс, неполная занятость, неформальные социально-трудовые отношения — прекариат, гиг-экономика¹, цифровизация и компьютеризация информационных потоков, оформление самозанятости и др.

Источниковой базой исследования являются данные двух опросов населения Республики Тыва в 2010 г. и 2023 г., которые являются частью лонгитюдного исследования социокультурных процессов (Балакина, 2025: 84–85), они проведены по единой методике и с использованием анкет с совпадающими основными блоками вопросов.

Первое исследование 2010 г. проведено в рамках изучения темы «Изучение динамики вхождения жителей Тувы в рыночную экономику, модификации ценностных ориентаций, скорости адаптационных процессов», осуществлено изучение мнения 402 жителей Эрзинского, Тандинского, Улуг-Хемского кожуунов и г. Кызыла. Опрос проводился методом анкетирования по репрезентативной выборке, анализировалось мнение населения трудоспособного возраста. В составе опрошенных было 44,2% мужчины и 55,8% женщины; 74,5% тувинцев, 23,6% русских и 1,9% представителей других этносов. Из всех опрошенных 37,8% составили молодежь (от 18 до 30 лет), из них: 33,8% — респонденты 18–24 лет, 66,2% — молодые люди 25–30 лет. Распределение молодых респондентов по уровню образования следующее: неполное среднее, начальное и ниже образование имеют 10,6% респондентов, среднее общее образование у 9,9% респондентов, среднее специальное — у 38,4%, высшее образование у 25,8% респондентов. Из всех опрошенных молодых людей 29,8% — специалисты гуманитарного профиля, 29,1% — технического, 9,3% являются специалистами сельского хозяйства и 13,9% не имеют специальности (Балакина, Кылыдай, 2015: 9).

Второе исследование проведено в июне-июле 2023 г. под руководством Г. Ф. Балакиной с привлечением сотрудников Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (ТИГПИ). Для сбора данных была разработана анкета из 56 вопросов, включающая как новые, так и вопросы, использовавшиеся в аналогичных исследованиях 2010 г. Это позволило провести продольный анализ и выявить динамику изменений за последние 13 лет. В исследовании приняли участие 421 человек трудоспособного возраста, отобранных таким образом, чтобы репрезентативно отразить гендерный состав, возрастные категории, уровень образования и занятость населения республики. География исследования охватывала города Кызыл (столицу республики), Ак-Довурак, Шагонар, Чадан, Туран, а также Кызылский, Пий-Хемский, Каа-Хемский, Улуг-Хемский, Тандинский, Овюрский и Эрзинский кожууны. Среди респондентов 53,2% составляли женщины и 46,8% — мужчины. Возрастной состав респондентов был следующим: 28,7% — молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет, 44,4% — лица в возрасте от 31 до 50 лет. Около 14,6% опрошенных имели среднее общее образование (полное и неполное), 32,7% — среднее специальное,

¹ Гиг-экономика (*gig economy*) — это экономическая система, в которой люди занимаются фрилансом и/или частичной занятостью (*gig* — ‘выступление’ (в джазе), разовая подработка).

и 52,7% — высшее образование. Представительность репрезентативной выборки соответствует структуре населения республики по данным Всероссийских переписей населения 2020 г.¹ Сбор данных осуществлялся методом формализованного интервью.

Также к источниковой базе относятся данные официальной статистики.

Обзор литературы

Тема молодежи в силу ее социальной значимости привлекает внимание российского научного сообщества. Известные трансформационные процессы, происходящие в жизни нашего общества, не могли не отразиться на положении молодежи, на их социальном статусе и роли в российском социуме.

Основы изучения профессионального роста молодых людей, динамики процессов образования молодых работников изложены в трудах Д. Л. Константиновского, Е. С. Поповой (Константиновский, 2018, 2022; Новые смыслы, 2015), А. Т. Гаспаршвили (Гаспаршвили, 2016), Н. В. Латовой (Латова, 2016). В силу специфики исследуемых процессов мы опираемся на результаты на теоретические концепции, изложенные в трудах Ю. А. Зубок, В. И. Чупрова и их коллег (Зубок, Чупров, 2020; Зубок и др., 2021), которые рассматривают динамику ценностных установок молодежи и ее адаптационных возможностей в трансформационный период, опираясь на теорию субъектности молодежи. Эти авторы анализируют особенности социокультурной саморегуляции жизнедеятельности данной социальной группы.

Также нами были использованы результаты исследования ученых России по развитию молодежи, основанные на материалах социологических опросов молодых людей (Анайбан, 2000, 2017; Балакина, Кылгыдай, 2015; Балакина, 2016), и обществоведов, изучающих социальные процессы в Туве и других регионах (Абрамова, Гончарова, Костюк, 2014; Арутюнян, 2007; Ламажаа, 2011; Чернышев и др., 2023).

Трансформирующийся рынок труда выступает объектом многочисленных исследований как зарубежных, так и отечественных ученых (Стэндинг, 2014; Капелюшников, 2022; Беляев, Кузнецова, 2020ab; Синдяшкина, 2023, Рязанцев и др., 2024; и др.).

Дистанционная занятость, получившая широкое распространение в период пандемии (Капелюшников, 2022: 51) активно используется и в настоящее время. Данная тенденция нашла законодательное закрепление в Федеральном законе РФ², допускающей включение в трудовой договор условия о переходе работника на удаленный режим работы.

Неформальная занятость, демонстрировавшая стремительный рост в начальный период рыночных реформ, сохраняет устойчивое присутствие на российском рынке труда (Синдяшкина, 2023: 60). Несмотря на определённые колебания в отдельные периоды, общий тренд первого десятилетия XXI в. характеризовался ростом уровня неформальной занятости, который стабилизировался в последнее десятилетие. В настоящий момент около 18% всех работающих граждан заняты в неформальном секторе³.

Также на современном рынке труда наблюдается активное распространение фриланса — новой модели предпринимательства, сочетающей в себе элементы самозанятости. По данным исследования компании PwC, в 2020 г. в России насчитывалось 14 млн фрилансеров, что составляет около 20% всего трудоспособного населения⁴.

¹ Краткий обзор итогов Всероссийской переписи населения 2020 г. Республика Тыва [Электронный ресурс] // Официальный портал Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/66693> (дата обращения: 21.01.2025).

² О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях: Федеральный закон от 08.12.2020 № 407-ФЗ [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система Гарант. URL: <https://base.garant.ru/75015881/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 20.01.2025).

³ Индикаторы достойного труда. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росстат. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ind_dtr_2024.xlsx (дата обращения: 30.01.2025); Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2024 Стат. сб. / Росстат. М., 2024. С. 95.

⁴ Свобода по выбору: настоящее и будущее фриланса в России [Электронный ресурс] // РБК Тренды URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/60c8e3139a79472ba64fde35> (дата обращения: 26.03.2025).

Тенденция роста числа лиц, выбирающих свободный график работы, сохраняется. По данным Федеральной налоговой службы РФ¹, количество самозанятых граждан неуклонно растет. В 2020 г. было зарегистрировано 1,6 миллиона человек самозанятыми. Ежедневно к данной категории занятых присоединяются 8,5 тысяч человек². За 2024 г. более 12 млн человек зарегистрировано самозанятыми³.

Неотъемлемым аспектом современного рынка труда становится прекаризация занятости, обозначающая нестабильность и ненадежность трудовых отношений (Стэндинг, 2014; Беляев, Кузнецова, 2020ab; Гимпельсон, Капелюшников, 2013). Одним из факторов, способствующих формированию прекариата, является неформальная занятость. В связи с этим, статистические показатели уровня неформальной занятости могут служить индикаторами распространённости прекариата в обществе.

В работе С. В. Рязанцева и его коллег «Динамика трансформации экономической активности населения в Республике Тыва (2016–2022 гг.)» (Рязанцев и др., 2024) исследованы направления и темпы трансформации экономической активности населения Тувы в период 2016–2022 гг., выявлена нестабильность возрастания экономической активности, занятости в предпринимательском секторе и традиционных для коренного этноса отраслях хозяйства.

Тем не менее, особенности процессов адаптации молодежи Тувы к рыночным реалиям, к современным трансформационным процессам недостаточно отражены в научной литературе. В данной статье авторы продолжают изучение адаптационных процессов жителей Тувы, дополняют научные знания сравнительным анализом моделей адаптации в молодежной среде.

Типы молодежи по степени их адаптации к реалиям рыночной экономики

На материалах двух рассматриваемых исследований нами выявлены психологические типы молодежи по степени их адаптации к реалиям рыночной экономики, опираясь на результаты сибирских социологов (Абрамова, Гончарова, Костюк, 2014; Попков, Тюгашев, 2003).

В результате исследования среди опрошенных молодых людей было выявлено четыре типа личностей, различающиеся по степени приспособленности к современным реалиям, в частности к необходимости адаптации к условиям рынка труда после окончания учебы. В рамках проведенного исследования участники были также опрошены относительно их уровня готовности к возможности утраты рабочего места (табл. 1).

По данным опросов 2010 г. и 2023 г., только 13,9% (каждый седьмой) и 16,8% молодых респондентов заявили, что готовы действовать и уже действуют в рыночных условиях, тогда как в 2010 г. так ответили 15,2% опрошенной молодежи. Эту первую группу условно можно назвать «активные рыночники».

Оказалось, что ко второй группе относится значительная часть респондентов (26,5% в 2010 г. и 36,1% в 2023 г.), в том числе и молодые люди (27,8 и 40% соответственно), психологически готовы к перипетиям рынка, к возможности утраты рабочего места, эту группу назовем «пассивные рыночники».

К третьей группе могут быть отнесены 37,8 % в 2010 г. и 31,1% в 2023 г. всех опрошенных (в том числе 29,8 и 20% молодежи), которые отметили, что не готовы к потере работы и не меняют своего образа жизни, это «выжидатели».

К четвертой группе — «рыночников поневоле» — можно отнести 17,8% в 2010 г. и 16% респондентов в 2023 г. (21,9 и 20% молодых людей), они отметили, что психологически не готовы к возможной потере работы, но вынуждены адаптироваться к ситуации и искать новые возможности трудоустрой-

¹ В 2021 году количество самозанятых выросло более чем в два раза [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной налоговой службы РФ. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/11632019/ (дата обращения: 16.01.2025); Более 12 млн самозанятых зарегистрировались в России [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной налоговой службы. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/15487019/ (дата обращения: 16.01.2025).

² Итоги 2022: анализ рынка фриланса [Электронный ресурс] // фриланс-биржа KWork. URL: <https://blog.kwork.ru/rynok-frilansa/itogi-2022-analiz-rynka-frilansa> (дата обращения: 26.03.2025).

³ В 2021 году количество самозанятых выросло более чем в два раза [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной налоговой службы РФ. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/11632019/ (дата обращения: 16.01.2025); Более 12 млн самозанятых зарегистрировались в России [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной налоговой службы. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/15487019/ (дата обращения: 16.01.2025).

ства. Другими словами, осознание неотвратимости рыночных преобразований и необходимости приспособления к ним возрастает одновременно со снижением доли выжидающих. Динамика психологической расположенности жителей Тувы к рынку позитивна и соответствует потребностям развития экономики и социальной сферы, в молодежной среде эти тенденции более выражены.

Таблица 1. Ответы на вопрос «Как бы Вы в целом оценили свою готовность к возможной потере работы?»

в 2010 и 2023 гг., в %

Table 1. Answers to the question "How would you generally assess your readiness for possible job loss?"

in 2010 and 2023, in %

Варианты ответов	Ответы			
	2010 г.		2023 г.	
	Все опрошенные	Молодежь	Все опрошенные	Молодежь
Психологически готов, но пока не начал строить свою жизнь с учётом возможной потери работы	26,5	27,8	36,1	40,0
Психологически готов и уже начал действовать в рыночных структурах	13,8	15,2	13,9	16,8
Психологически не готов и пока ничего не меняю в своей жизни	37,8	29,8	31,0	20,0
Психологически не готов, но вынужден менять свой жизненный уклад, приспосабливаться к возможному поиску работы	17,8	21,9	16,0	20,0
Затрудняюсь ответить	4,3	5,3	3,0	3,2

Среди наиболее беспокоящих ее проблем молодежь указывает проблемы наркомании и алкоголизма (44,1% респондентов), рост преступности (42,3%), угрозу безработицы (44,9%).

То есть, за 2010–2023 гг. продолжилась тенденция более активного встраивания молодежи Тувы в рыночные процессы, по сравнению с другими возрастными группами жителей. Повышается степень адаптации молодых людей к условиям конкуренции на рынке труда, чему способствуют, с одной стороны, целенаправленная деятельность органов управления по формированию квалифицированных профессиональных кадров в регионе, по обучению молодежи. С другой стороны, это стимулируется историческими условиями, при которых целевые установки современных молодых людей сформировались в условиях рыночной экономики, когда уровень благосостояния каждого зависит от собственных усилий, предприимчивости, активности. Продолжает снижаться доля «выжидающих» в молодежной среде, что свидетельствует о снижении степени дезадаптации молодежи, отмечавшейся ранее исследователями (Анайбан, 2000).

Можно сделать вывод о более высокой степени адаптации молодежи Тувы к реалиям рынка труда, более оптимальной модели у молодых поколений по сравнению со всем населением республики. При этом в молодежной среде выросла доля активных рыночников, снизилась доля пассивных. Сейчас среди молодежи отмечается одинаковый удельный вес пассивных рыночников и рыночников поневоле.

Отношение молодежи к традиционным занятиям

Несмотря масштабные экономические и социальные реформы, как коллективизация и перевод на оседлость кочевых народов, население Тувы сохранило в основе своего хозяйственного уклада традиционное отгонное животноводство. Данный вид деятельности продолжает играть важную роль и в современной социально-экономической жизни республики.

Согласно данным Сельскохозяйственной микропереписи 2021 г, в Республике Тыва сельскохозяйственные предприятия, крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели преимущественно ориентированы на овцеводство, разведение крупного рогатого скота и лошадей¹. Начиная с 2002 г., Республика Тыва демонстрирует высокие темпы роста поголовья сель-

¹ Основные итоги сельскохозяйственной микропереписи 2021 года. Статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2022. С. 248–275, 318–321.

скохозяйственных животных. Так, количество овец и коз увеличилось с 645,0 тыс. голов в 2002 г. до 983,9 тыс. голов в 2023 г., крупного рогатого скота — с 91,6 тыс. голов до 191,9 тыс. голов¹, лошадей — с 25 тыс. голов до 86,9 тыс. голов². Высокая доля сельского населения в Республике Тыва, наличие многолетних традиций животноводства и особенности образа жизни коренного населения определяют традиционную направленность региона на развитие животноводства.

Анализ ответов на вопрос о желании заниматься фермерством показал устойчивость интереса молодежи к традиционным видам деятельности. Как видно из представленного рисунка, значительная часть респондентов выразила готовность заняться сельским хозяйством, взяв в аренду скот и землю (рис. 1).

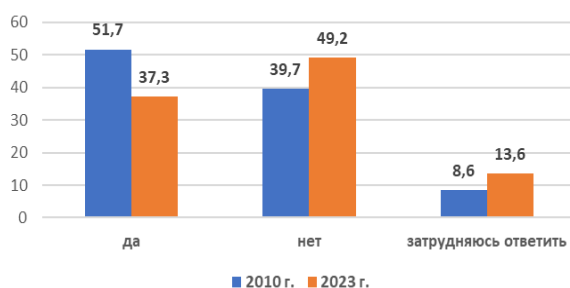

Рисунок 1. Распределение ответов молодежи на вопрос: «Хотели бы Вы стать фермером?» в 2010 и 2023 гг., в %.
Figure 1. Distribution of youth responses to the question "Would you like to become a farmer?" in 2010 and 2023, in %.

Результаты опросов показывают некоторое снижение интереса молодежи к созданию фермерских хозяйств в 2023 г. по сравнению с 2010 г. Так, доля молодежи, желающей создать фермерское хозяйство снизилась в 1,4 раза и составила 37,3% (все опрошенные — 34,9%), чем в 2010 г. — 51,7% (все — 50,5%). При этом доля тувинских молодых людей, заявивших о желании заняться фермерством, сократилась в 1,5 раза (с 57,4% до 38,2), в группе русской молодежи произошло сокращение с 25% до 14,3%. Такая же картина в целом по всем опрошенным: среди тувинцев желающих заняться фермерством сократилось в 1,5 раза (с 59,9% — в 2010 г. до 38,8% — в 2023 г.), среди русских снижение с 18,3 до 14,6%.

В ходе опроса респондентам был задан вопрос об их предпочтениях в сфере традиционных занятий в случае отсутствия иной трудовой деятельности. Результаты исследования показали, что наибольшей популярностью среди молодежи — у 38,1% (35,8% в 2010 г.) пользовался вариант «разведение скота на личном подворье», на втором месте расположилось «огородничество и садоводство» — 26,5% (23,8 в 2010 г.). Среди всего населения наблюдается аналогичная тенденция: 40,1% (42,8% в 2010 г.) опрошенных выбрали «разведение скота на личном подворье», а 32,6% (42,8 в 2010 г.) — «огородничество и садоводство». Сменился третий по популярности вариант ответа «исполнение административных обязанностей» среди 24,5% молодежи в 2010 г. на «изготовление национальной одежды» у 17,7% молодежи и на «земледелие» у 13,8% всех опрошенных в 2023 г. (табл. 2).

Поддержка жителями республики, в особенности молодежью, высокого уровня заинтересованности в животноводстве оказывает положительное влияние на сохранение традиционных видов трудовой деятельности и социокультурной устойчивости региона. Это характеризует особенности модели адаптации молодежи к современным рыночным реалиям: сочетание новых форм занятости с сохранением интереса к традиционным занятиям.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Стат. сб. / Росстат. М., 2024. С. 677, 681.

² Основные итоги сельскохозяйственной микропереписи 2021 года. Статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2022. С. 320–321.

Таблица 2. Ответы на вопрос «Чем бы Вы хотели заняться из перечисленных ниже традиционных занятий, если бы другой работы не было?» в 2010 и 2023 гг., в %
Table 2. Answers to the question “What would you like to do among the traditional activities listed below if you had no other job?” in 2010 and 2023, in %

Варианты ответов	Ответы			
	2010 г.		2023 г.	
	Все опрошенные	Молодежь	Все опрошенные	Молодежь
Земледелие	12,3	17,9	13,8	11,5
Разведение скота на личном подворье	42,8	35,8	40,1	38,1
Огородничество и садоводство	26,5	23,8	32,6	26,5
Сбор и заготовка дикорастущих трав, плодов и ягод	5,5	4,0	8,6	9,7
Подготовка пищевых продуктов для длительного хранения	6,5	6,6	10,7	14,2
Отгонное животноводство	3,3	2,0	5,7	9,7
Производство национальной одежды	6,8	5,3	13,3	17,7
Исполнение административных обязанностей	20,3	24,5	12,2	13,2
Изготовление изделий из войлока, шерсти, кожи	4,3	4,6	8,6	9,7
Исполнение культовых обрядов	2,3	3,3	3,1	3,5
Другое	12,5	11,9	6,8	7,0

Прим.: Сумма ответов превышает 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов.

Отношение молодежи к предпринимательству

Важной составной частью основных институтов рыночной экономики является малое и среднее предпринимательство, поэтому блок вопросов анкетирования был посвящен занятиям предпринимательской деятельностью: интересом к ней, проблемам и возможностям.

Выявлен значительный интерес всех возрастных категорий к занятию предпринимательством: 21,7% всех опрошенных и 22,9% молодых респондентов в 2023 г. на вопрос: «Где бы Вы предпочли работать» указали, что хотят открыть собственное дело. Около 47,7% молодых респондентов в 2023 г. ответили, что займутся предпринимательством для улучшения своего материального положения, тогда как в 2010 г. такой ответ выбрали 22,5% молодежи (Балакина, Кылыгдай, 2015: 61).

Рост интереса молодежи к занятию бизнесом детерминирован совершенствованием нормативной базы по правовой защищенности предпринимательской деятельности; ее материальной поддержкой. В этих целях реализуется национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» до 2024 г., ряд федеральных и региональных целевых программ, совершенствуются инструменты регулирования данной сферы; для смягчения последствий пандемии новой коронавирусной инфекции руководителям индивидуальных частных предприятий выделяются: льготные кредиты и микрозаймы, беспроцентные кредиты на выплату зарплаты работникам для сохранения численности персонала, компенсируются затраты на профилактические и дезинфекционные мероприятия.

Данные наших исследований подтверждаются и результатами работ других социологов. В частности, в упоминаемой выше работе московских демографов (Рязанцев и др., 2024), систематизированы статистические данные о динамике развития предпринимательства, самозанятости и изменения в сфере труда в Туве.

По результатам нашего опроса выявлено, что одной из социальных ценностей молодежь республики считает участие в бизнесе: в 2023 г. каждый седьмой молодой человек (13,8%) на вопрос «Как Вы считаете, что наиболее важно для современного человека?» указал «участие в бизнесе» как наиболее

важный аспект для современного человека. При этом доля молодых людей, разделяющих эту точку зрения, существенно варьируется в зависимости от этнической принадлежности: среди молодых тувинцев этот показатель составляет 15,7%, а среди молодых русских — 7,7%, что указывает на осознание важности данной сферы деятельности в социальных процессах Тувы. На наш взгляд, сдерживающими факторами занятия предпринимательской деятельностью являются низкий уровень доходов, высокий уровень закредитованности населения. В исследовании 2023 г. были опрошены жители, у 68,4% из которых среднедушевые доходы не превышали или равнялись размеру прожиточного минимума (Балакина, 2023: 262–263).

Результаты опросов показывают возрастание интереса молодежи к занятию предпринимательством: в 2010 г. 22,5% молодых респондентов хотели бы открыть собственное дело, в 2023 г. — 34,7%. Это свидетельствует о потенциальном росте активных форм приспособления молодежи к рыночной экономике.

Отношение молодежи к реалиям рынка труда

В анализируемое исследование был включен блок вопросов о предстоящей трудовой деятельности. Важность анализа данной сферы определяется тем, что Тува с уровнем безработицы 6,6% (2023 г.), превосходящим средние показатели по СФО в 2 раза, (по РФ — 2,1 раза), занимает 77 место среди регионов РФ и входит в число антилидеров по данному показателю.

Ситуация, складывающаяся на молодежном рынке труда Тувы, является весьма напряженной. Одной из уязвимых групп по обеспечению занятостью является молодежь республики, в Туве удельный вес молодежи среди безработных граждан — 28% (табл. 3) (СФО — 29,6%, РФ — 31,7%)¹.

Таблица 3. Состав безработных по возрастным группам в РФ, СФО и Республике Тыва, в 2023 г., в %²

Table 3. The composition of the unemployed by age group in the Russian Federation, the Siberian Federal District and the Republic of Tuva, in 2023, in %

	Безработные, всего	в том числе в возрасте							Средний возраст, лет
		15–19 лет	20–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60–69 лет	70 лет и старше	
Российская Федерация	100	4,1	27,6	27,6	19,4	15,1	5,9	0,2	37,5
Сибирский федеральный округ	100	4,6	25,0	29,0	20,2	16,1	5,0	0,2	37,6
Республика Тыва	100	0,6	27,4	39,0	26,7	6,4	...	...	35,5

Проблемы адаптации молодых людей на рынке труда обусловлены, в первую очередь незавершенным процессом формирования необходимых профессиональных навыков и моделей поведения на рабочем месте. Также трудовые перспективы ограничены у молодых людей, не имеющих ни профессионального, ни законченного среднего образования. Существует риск их закрепления в сфере неквалифицированного труда, что может привести к маргинализации. Доля безработной молодежи без специального образования в общей численности безработных Республики Тыва остается высокой — 38,9% (табл. 4), как и в целом по РФ — 38,5% и СФО — 40,1%.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Стат. сб. / Росстат. М., 2024. С. 158–159.

² Там же.

Таблица 4. Состав безработных по уровню образования в РФ, СФО и Республике Тыва, в 2023 г., в %¹
 Table 4. The composition of the unemployed by education level in the Russian Federation, the Siberian Federal District and the Republic of Tuva, in 2023, in %

	Безра- ботные, всего	в том числе имеют образование						
		высшее	среднее профессио- нальное — всего	из него		среднее общее	основное общее	не имеют основ- ного общего
				по программам подготовки специа- листов среднего звена	по программам подготовки квалифици- рованных рабочих и служащих			
Российская Федерация	100	21,3	39,5	21,8	17,7	27,8	10,7	0,7
Сибирский федеральный округ	100	16,3	42,1	18,7	23,4	24,5	15,6	1,5
Республика Тыва	100	16,4	44,7	31,5	13,2	27,0	11,9	...

Молодые люди, завершившие профессиональное обучение и вступающие на рынок труда, часто сталкиваются с дефицитом практических навыков и производственного опыта. Это снижает их привлекательность для потенциальных работодателей. В то же время, молодые люди, уверенные в своей квалификации и обладающие амбициями, зачастую предъявляют завышенные требования к условиям труда, его содержанию и оплате. Данное расхождение между оценкой со стороны работодателя и самооценкой молодого специалиста приводит к затруднениям в трудоустройстве (Шайкин, 2007). Кроме того, одной из причин молодежной безработицы является переизбыток выпускников высших и средних учебных заведений, чьи специальности не пользуются спросом на рынке труда.

Правительством Тувы продолжается практика целевой подготовки кадров, сложившаяся в советский период. Молодые люди направляются из республики для получения профессионального образования в учебные заведения других регионов РФ на особых, по сравнению с другими студентами, условиях: бесплатное обучение и минимальный конкурс при поступлении (Харунов, Харунова, 2021; Чернышев и др., 2023). Тем не менее, среди студентов присутствует желание остаться в городе обучения, не возвращаться в республику (Ойдуп, Трошкина, 2022: 206–208).

Высокая безработица в республике усугубляется спецификой этнической модели трудоустройства, которая характеризуется приоритетом родственных связей. Согласно опросу 2010 г. респонденты считают, что родственные связи и наличие влиятельных знакомых играют значительную роль при трудоустройстве, сопоставимую с профессиональной подготовкой и уровнем образования (табл. 5). Это подтверждают и результаты анализа экспертных мнений в республике (Ламажаа, Валиахметов, Самба, 2022: 14). За последнее десятилетие наблюдается ряд изменений в отношении к данному вопросу: для респондентов значение наличия влиятельных родственников и знакомых при трудоустройстве снизилось; этот фактор стал менее важным, чем профессиональная подготовка.

Необходимо отметить, что с точки зрения молодых людей существенно повысилась роль поддержки государственных органов службы занятости по месту жительства и помощи кадровых агентств, что произошло вследствие совершенствования их работы, увеличения суммы пособия по безработице, организации учебы, переобучения, повышению прозрачности и доступности информации о механизмах их деятельности.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Стат. сб. / Росстат. М., 2024. С. 160–161.

Таблица 5. Распределение ответов молодежи на вопрос «Какое условие является решающим при приеме на работу в Вашем городе (кожууне)», в 2010 и 2023 гг., в %

Table 5. Distribution of youth responses to the question “What is the decisive condition when applying for a job in your city (kozhuun)”, in 2010 and 2023, in %

Варианты ответов	Количество ответов			
	2010 г.		2023 г.	
	Все опрошенные	Молодежь	Все опрошенные	Молодежь
1. Хорошая профессиональная подготовка	25,8	31,1	48,0	54,2
2. Активность, напористость, настойчивость	9,3	13,2	13,9	14,4
3. Помощь влиятельных родственников и знакомых	42,0	36,4	22,4	19,5
4. Взятка	5,8	6,6	4,4	2,5
5. Помощь кадрового агентства	1,8	0,7	1,5	1,7
6. Содействие службы занятости по месту жительства	2,0	1,3	1,0	1,7
7. Затрудняюсь ответить	13,3	10,6	8,0	5,9

В решении проблемы молодежной безработицы не менее важны получение образования и дальнейшей трудовой деятельности каждого молодого человека. Несмотря на определённый прогресс в развитии системы высшего образования в республике, её масштабы и структура не в полной мере отвечают потребностям молодых людей и требованиям региональной экономики. Это приводит к оттоку образовательной миграции молодежи. Согласно исследованиям (Чернышев и др., 2022), интенсивность миграции среди молодёжи Тувы (в возрасте от 15 до 29 лет) превышает показатели других возрастных групп, составляя 46% всех видов миграционных передвижений населения республики.

Республика Тыва сталкивается с серьезной проблемой миграционного оттока. Подавляющее большинство выезжающих граждан республики остаются в пределах Сибирского федерального округа, предпочитая ближние сибирские регионы. Ключевым вызовом для региона является качественный состав миграционных потоков. Анализ статистических данных свидетельствует о преобладании выезжающих граждан над прибывающими. По данным опроса 2023 г. 30,4% всех респондентов и 41,5% молодежи ответили, что хотели бы сменить место жительства. По нашему мнению, минимизировать отток рабочей силы из республики можно путём активизации процессов формирования новых рабочих мест, развития объектов социальной инфраструктуры и увеличение масштабов строительства жилья. В Туве обеспеченность жильем достаточно низкая: 15,3 кв. м на жителя, в РФ — 28,8, в СФО — 27,6¹. Действительно, для квалифицированных специалистов приезжающих в республику (в основном это молодежь) трудности адаптации связаны с бытовыми аспектами — поиском подходящей работы, жилья, места в детских садах и школах.

Согласно результатам проведенного опроса 2023 г. установлено, что намерения на смену места жительства среди респондентов достаточно сильны: более четверти опрошенных (26,2%) заявили о готовности к переезду в целях улучшения материального положения. Данный вариант выбрали 27,5% представителей тувинцев и 23,1% русских. Среди молодых людей этот показатель составил 32,7%. Настроения значительной части молодежи (41,9% молодых респондентов) на смену места жительства вызывают обеспокоенность. Выезд из региона вряд ли можно считать положительным фактором для социальных процессов в Туве, поскольку интенсивность как внутренней, так и внешней миграции в республике достаточно высока, что приводит к постоянной утечке квалифицированных кадров.

Итак, можно констатировать, что происходит модификация модели встраивания в рынок от надежды на помощь влиятельных родственников и государства к усилению значимости собственных

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Стат. сб. / Росстат. М., 2024. С. 282–283.

усилий, настойчивости в получении хорошей профессиональной подготовки и уровня образования. Молодежь готова к переходу на более активные формы адаптации к рынку труда. Так, большинство опрошенных для улучшения своего материального положения готовы много работать (67,7%), повышать образование, квалификацию, менять профессию на более востребованную (46,2%). Почти каждый второй предполагает попытаться найти свою нишу на рынке, начать собственный бизнес. Готовы участвовать в политической жизни 4,6–10,8% респондентов.

Заключение

В ходе исследования выявлено, что в Республике Тыва процесс адаптации молодежи к рынку труда проходит недостаточно активно. Хотя уровень трудовой активности на рынке труда несколько вырос за 2010–2023 гг., он пока недостаточен по сравнению с потребностями динамики социально-экономических процессов, среди форм адаптации по-прежнему преобладают пассивные (удельный вес названных нами «пассивных рыночников» и «выжидающих» составляет 57–60% в 2010–2023 гг.). Это ставит под сомнение успешность применяемых адаптационных практик и замораживает отставание показателей уровня жизни в республике от среднероссийских параметров. При этом у молодежи отмечена более высокая активность в выборе адаптационных практик, более высокая готовность изменения трудового поведения в направлении потребностей совершенствования социально-экономических процессов в Туве.

Исследование особенностей адаптации молодежи Тувы к современным трансформациям рыночной экономики выявила противоречивость данного процесса: с одной стороны, сохраняющаяся приверженность и склонность к традиционным занятиям и возрастающая активность адаптационных процессов к рыночным условиям, с другой — высокий миграционный потенциал как следствие сохраняющегося высокого уровня безработицы, создающий риски нарушения социокультурного воспроизводства. Также следует отметить, что сохраняется высокий уровень склонности к занятиям предпринимательством, что может использоваться органами управления при проработке стратегических перспектив развития Тувы.

В молодежной среде меняются модели адаптации к рыночным реалиям: от «восточной» модели — надежды на помощь семьи и влиятельных родственников — к модели самодостаточности: молодые люди все больше считают, что их положение в обществе и рост уровня благосостояния существенно зависит от них самих, их уровня образования, энергии и активности. Этому способствует как положительные социально-экономические тенденции в Туве: снижения безработицы, вследствие поддержки предпринимательства, создания рабочих мест в промышленности и сельском хозяйстве и др., так и реализация комплекса мер по увеличению помощи молодым семьям за счет средств федеральных и республиканских целевых программ и проектов по поддержке молодежного предпринимательства.

Это детерминирует целесообразность принятия эффективных управленческих мер для активизации трудовой активности, снижения уровня пассивных адаптационных практик, создания системы мер поддержки личностного роста, социальных лифтов. Возможна разработка системы мер в рамках долгосрочной программы, включающей поддержку на основе внешних ресурсов: организационных, бюджетных, институциональных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова, М. А., Гончарова, Г. С., Костюк, В. Г. (2014) Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты. Новосибирск: Автограф. 179 с.
- Анайбан, З. В. (2000) Молодежь Тувы и проблемы безработицы // Этносоциальные процессы в Сибири / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск : Изд-во СО РАН. Вып. 3. 267 с. С. 74–78.
- Анайбан, З. В. (2017) Молодежь Тувы и Хакасии в XXI веке. Этносоциологические очерки. М. : ИВ РАН. 240 с.
- Арутюнян, Ю. В. (2007) Самоидентификация столичных жителей // Молодежь Москвы: адаптация к многокультурности / под редакцией М. Ю. Мартыновой, Н. М. Лебедевой. М. : РУДН. 527 с. С. 434–449.
- Балакина, Г. Ф. (2016) Этносоциальные особенности адаптации населения Республики Тыва к рыночной экономике // Регион: экономика и социология. № 4 (92). С. 176–195.
- Балакина, Г. Ф. (2023) Специфика адаптационных практик этнических групп Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 4. С. 255–273. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.18>

Балакина, Г. Ф. (2025) Исследования социокультурных процессов в Республике Тыва (1980-е гг. — наст. время) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 78–90. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.6>

Балакина, Г. Ф., Кылыдай, А. Ч. (2015) Этнорегиональные модели адаптации к рынку труда в Туве / отв. ред. Л. В. Корель. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 160 с.

Беляев, В. И., Кузнецова, О. В. (2020а) Неформальная занятость как источник формирования прекариата в России: методология исследования и оценка потенциала // Вестник Томского государственного университета. Экономика. № 52. С. 308–324. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988648/52/19>

Беляев, В. И., Кузнецова, О. В. (2020b) Прекариат социальной структуры общества в контексте социально-трудовых отношений // Экономика Профессия Бизнес. № 2. С. 5–13. DOI: <https://doi.org/10.14258/epb201966>

Гайфуллин, А. Ю. (2022) Этнодемографические характеристики молодежи в республиках Тыва и Башкортостан // Новые исследования Тувы. № 2. С. 128–142. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.9>

Гаспаршвили, А. Т. (2016) Среднее специальное образование в оценках и мнениях выпускников ссузов // Вестник РУДН. Серия: Социология. № 1 С. 92–110.

Гимпельсон, В. Е., Капелюшников, Р. И. (2013) Нормально ли быть неформальным? // Экономический журнал Высшей школы экономики. № 1. С. 3–15.

Зубок, Ю. А., Чупров, В. И. (2020) Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3. С. 13–41. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>

Зубок, Ю. А., Чупров, В. И., Любутов, А. С., Сорокин, О. В. (2021) Жизненные позиции молодёжи: смысловые основания формирования // Вестник Института социологии. Т. 12. № 3. С. 79–98.

Капелюшников, Р. И. (2022) Анатомия коронакризиса через призму рынка труда // Вопросы экономики. № 2. С. 33–68.

Кееева, З. О., Уварова, Г. Н., Даржинова, С. В., Мыева, А. В., Ооржак, А. Б. (2022) Исследование сетевой идентичности студенческой молодежи регионов России (на примере Калмыкии и Тувы) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 169–179. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>

Константиновский, Д. Л. (2018) Российское среднее профессиональное образование: востребованность и специфика выбора // Социологические исследования. № 3 (407). С. 34–44. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518030030>

Константиновский, Д. Л. (2022) От восприятия перемен — к изменению социального поведения // Мир России. Социология. Этнология. Т. 31. № 1. С. 6–24. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-6-24>

Ламажаа, Ч. К. (2011) Тува между прошлым и будущим. СПб. : Алетей. 368 с.

Ламажаа, Ч. К., Валиахметов, Р. М., Самба, А. Д.-Б. (2022) Проблемное поле исследований человеческого потенциала Тувы: обзор литературы и мнения экспертов (2020–2021) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 6–19. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.1>

Латова, Н. В. (2016) Средние специальные учебные заведения: журавль в небе или синица в руках? // Общественные науки и современность. № 1. С. 34–46.

Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования (2015) / Д. Л. Константиновский и др. М. : ЦСП и М. 232 с.

Ойдуп, Т. М., Трошкина И. Н. (2022) Профессиональные предпочтения выпускников школ столиц республик Тыва, Алтая и Хакасии как основа формирования человеческого капитала регионов (2021 г.) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 198–210. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.14>

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2003) Евразийство как социокультурный тип // Гуманитарные науки в Сибири. № 3. С. 28–32.

Рязанцев, С. В., Ростовская, Т. К., Васильева, Е. Н., Сулейманлы, А. (2024) Динамика трансформации экономической активности населения в Республике Тыва (2016–2022 гг.) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 221–237. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.15>

Синдяшкина, Е. Н. (2023) Неформальная занятость в условиях трансформации современного рынка труда // Социально-трудовые исследования. № 51 (2). С. 59–70.

Стэндинг, Г. (2014) Прекариат: новый опасный класс. М. : ООО «Ад Маргинем Пресс» ; Фонд развития и поддержки искусства «АЙРИС / IRIS Foundation». 167 с.

Харунов, Р. Ш., Харунова, М. М.-Б. (2021) Образовательная миграция как жизненная стратегия молодежи Тувы // Ермолаевские чтения : материалы юбилейной V научно-практической конференции с международным участием, посвященной 100-летию образования Тувинской Народной Республики (26–27 августа 2021 г.) / отв. ред. В. С. Чигжит. Кызыл : Изд. отд. НБ им. А. С. Пушкина РТ. 284 с. С. 32–36. DOI: <https://doi.org/10.24412/2686-9624-2021-32-36>

Чернышев, К. А., Митягина, Е. В., Чернышева, Н. В., Петров, Е. Ю. (2023) Масштабы и направления образовательной миграции тувинской молодёжи // Новые исследования Тувы. № 2. С. 70–83. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5>

Шайкин, Д. Н. (2007) Социально-экономические проблемы развития трудового потенциала молодежи в современных условиях // Региональная экономика. № 8 (47). С. 186–188.

Дата поступления: 20.03.2025 г.

Дата принятия: 16.04.2025 г.

REFERENCES

Abramova, M. A., Goncharova, G. S. and Kostyuk, V. G. (2014) *Sociocultural Types of Youth: Ethnic and Regional Aspects*. Novosibirsk, Avtograf. 179 p. (In Russ.)

Anaiban, Z. V. (2000) Youth of Tuva and Unemployment Issues. In: Popkov, Yu. V. (ed.) *Ethnosocial Processes in Siberia*, vol. 3. Novosibirsk, SB RAS Publishing. 267 p. Pp. 74–78. (In Russ.)

Anaiban, Z. V. (2017) *Youth of Tuva and Khakassia in the 21st Century: Ethnological Essays*. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology RAS. 240 p. (In Russ.)

Arutyunyan, Yu. V. (2007) Self-Identification of Urban Residents. In: Martynova, M. Yu., Lebedeva, N. M. (eds.) *Youth of Moscow: Adaptation to Multiculturalism*. Moscow, RUDN University. 527 p. Pp. 434–449. (In Russ.)

Balakina, G. F. (2016) Ethnosocial Features of Population Adaptation to the Market Economy in the Republic of Tuva. *Region: Ekonomika i sotsiologiya*, no. 4(92), pp. 176–195. (In Russ.)

Balakina, G. F. (2023) Specifics of Adaptive Practices Among Ethnic Groups of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 255–273. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.18>

Balakina, G. F. (2025) Research of Sociocultural Processes in the Republic of Tuva (1980s — Present). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 78–90. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.6>

Balakina, G. F. and Kilygday, A. Ch. (2015) *Ethnoregional Models of Adaptation to the Labor Market in Tuva*. Ed. by L. V. Korel. Kyzyl, TuvIKOPR SB RAS. 160 p. (In Russ.)

Belyaev, V. I. and Kuznetsova, O. V. (2020a) Informal Employment as a Source of Precarity Formation in Russia: Research Methodology and Potential Assessment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, no. 52, pp. 308–324. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17223/19988648/52/19>

Belyaev, V. I. and Kuznetsova, O. V. (2020b) The Precarious Segment of Social Structure in the Context of Labor Relations. *Ekonomika. Professiya. Biznes*, no. 2, pp. 5–13. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14258/epb201966>

Gaifullin, A. Yu. (2022) Ethnodemographic Characteristics of Youth in the Republics of Tuva and Bashkortostan. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 128–142. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.9>

Gasparishvili, A. T. (2016) Vocational Education in the Assessments and Opinions of Graduates of Secondary Vocational Institutions. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*, no. 1, pp. 92–110. (In Russ.)

Gimpelson, V. E. and Kapelyushnikov, R. I. (2013) Is It Normal to Be Informal? *Ekonomicheskiy zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*, no. 1, pp. 3–15. (In Russ.)

Zubok, Yu. A. and Chuprov, V. I. (2020) Life Strategies of Youth: Expectation Fulfillment and Social Sentiments. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, no. 3, pp. 13–41. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>

Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I., Lyubutov, A. S. and Sorokin, O. V. (2021) Life Positions of Young People: Semantic Foundations of Formation. *Vestnik Instituta sotsiologii*, vol. 12, no. 3, pp. 79–98. (In Russ.)

Kapelyushnikov, R. I. (2022) Anatomy of the Coronacrisis Through the Lens of the Labor Market. *Voprosy ekonomiki*, no. 2, pp. 33–68. (In Russ.)

Kekeeva, Z. O., Uvarova, G. N., Darzhinova, S. V., Mueva, A. V. and Oorzhak, A. B. (2022) Study of Network Identity of Student Youth in Russian Regions (Based on Kalmykia and Tuva). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 169–179. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.13>

Konstantinovsky, D. L. (2018) Russian Secondary Vocational Education: Demand and Specifics of Choice. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 3 (407), pp. 34–44. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518030030>

Konstantinovsky, D. L. (2022) From the Perception of Change to Changing Social Behavior. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, vol. 31, no. 1, pp. 6–24. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-6-24>

Lamazhaa, Ch. K. (2011) *Tuva Between the Past and the Future*. St. Petersburg, Aleteya. 368 p. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K., Valiakhmetov, R. M. and Samba, A. D.-B. (2022) The Problem Field of Human Capital Research in Tuva: Literature Review and Expert Opinions (2020–2021). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 6–19. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.1>

Latova, N. V. (2016) Secondary Vocational Educational Institutions: A Bird in the Hand or a Crane in the Sky? *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 34–46. (In Russ.)

New Meanings in the Educational Strategies of Youth: 50 Years of Research (2015) / Konstantinovsky, D. L., Abramova, M. A., Voznesenskaya, E. D., Goncharova, G. S., Kostyuk, V. G., Popova, E. S., Cherednichenko, G. A. Moscow, TsSPiM. 232 p. (In Russ.)

Oidup, T. M. and Troshkina, I. N. (2022) Career Preferences of Graduates in the Capitals of Tuva, Altai, and Khakassia as the Basis for Regional Human Capital Formation (2021). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 198–210. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.14>

Popkov, Yu. V. and Tyugashev, E. A. (2003) Eurasianism as a Sociocultural Type. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*, no. 3, pp. 28–32. (In Russ.)

Ryazantsev, S. V., Rostovskaya, T. K., Vasilieva, E. N. and Suleimanly, A. (2024) Dynamics of Transformation of Economic Activity in the Republic of Tuva (2016–2022). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 221–237. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.15>

Sindyashkina, E. N. (2023) Informal Employment Under the Conditions of Modern Labor Market Transformation. *Sotsial'no-trudovyye issledovaniya*, no. 51(2), pp. 59–70. (In Russ.)

Standing, G. (2014) *The Precariat: The New Dangerous Class*. Moscow, Ad Marginem Press; IRIS Foundation. 167 p. (In Russ.)

Kharunov, R. Sh. and Kharunova, M. M.-B. (2021) Educational Migration as a Life Strategy for Tuva Youth. In: Chigzhit, V. S. (ed.) *Ermolayev Readings: Proceedings of the 5th Anniversary Scientific-Practical Conference with International Participation Dedicated to the 100th Anniversary of the Tuvan People's Republic*. Kyzyl, Pushkin NBR Publishing. 284 p. Pp. 32–36. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24412/2686-9624-2021-32-36>

Chernyshov, K. A., Mityagina, E. V., Chernyshova, N. V. and Petrov, E. Yu. (2023) Scale and Directions of Educational Migration of Tuvan Youth. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 70–83. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5>

Shaikin, D. N. (2007) Socioeconomic Issues in Developing Youth Labor Potential Under Modern Conditions. *Regional'naya ekonomika*, no. 8(47), pp. 186–188. (In Russ.)

Submission date: 20.03.2025.

Acceptance date: 16.04.2025.

Религиозность в зеркале этнической и гендерной идентичности русских, тувинцев и алтайцев (на материалах исследования в Алтайском крае, республиках Тыва и Алтай)

Оксана Е. Ноянзина

Российский биотехнологический университет; Главный информационно-вычислительный центр
Министерства культуры Российской Федерации, Российская Федерация,

Светлана Г. Максимова, Дарья А. Омельченко

Российский биотехнологический университет, Российская Федерация

В статье оценивается религиозность мужчин и женщин в сочетании с их этнической и конфессиональной идентификацией в трех южносибирских регионах России: Алтайском крае, Республике Алтай, Республике Тыва. Использована методика «Шкала центральности религиозности» (CRS). Рассматривалась религиозность представителей трех этнических групп (русские, алтайцы и тувинцы) с позиций гендерного анализа и выделения пяти измерений религиозности (интеллектуальное, идеологическое, публичные и личные религиозные практики, религиозный опыт). Материалом анализа выступили данные авторского социологического исследования, проведенного в 2024 г.: в Алтайском крае (n = 519), Республике Алтай (n = 462), Республике Тыва (n = 361).

По результатам выявлены особенности в проявлении религиозности и мистических чувств мужчин и женщин. В том числе: более высокий уровень религиозности женщин конфессий доминирующих этносов — православных русских, тувинцев, придерживающихся идеалов буддизма, шаманизма либо их сочетания и последователей белой веры — алтайцев. По сравнению с русскими, тувинки и алтайки демонстрируют большую религиозность, значимость конструкторов веры и сферы религиозного во внутренней духовной и внешней светской жизни, тогда как в содержании компонентов религиозности очевидны не только гендерные, но и этнические обусловленные различия.

Отмечена меньшая распространённость «истовой» веры женщин всех этносов и конфессий, по сравнению с мужчинами, вера женщин не так высоко религиозна, она, скорее, обнажается, приобретает особое значение в определенные моменты жизни женщины, тогда как мужчины более контрастны в своем выражении веры и приверженности к ней, их религиозность более тяготеет к полюсам степеней выраженности, а также мужчины чаще стараются демонстрировать свою религиозность, транслируя ее «вовне» — в пространство публичной жизни. Русские женщины существенно меньше тувинок и алтаек уверены в наличии направляющей руки Бога или высшей силы. Вместе с тем, тувинки и алтайки, в отличие от русских, существенно более склонны проявлять себя в сфере мистического и магического вне религии.

Вместе с тем, тувинки и алтайки, в отличие от русских, существенно более склонны проявлять себя в сфере мистического и магического вне религии.

Ключевые слова: религиозность; индекс религиозности; гендер; идентичность; этнос; Республика Тыва; Алтай; Алтайский край; Республика Алтай; тувинцы; алтайцы; русские Тувы; русские Алтай

Для цитирования:

Ноянзина О. Е., Максимова С. Г., Омельченко Д. А. Религиозность в зеркале этнической и гендерной идентичности русских, тувинцев и алтайцев (на материалах исследования в Алтайском крае, республиках Тыва и Алтай) // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 296–316. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.18>

Ноянзина Оксана Евгеньевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории фундаментальных и прикладных исследований Российского биотехнологического университета; заместитель руководителя Управления статистики и аналитики федерального государственного бюджетного учреждения «Главный информационно-вычислительный центр Министерства культуры Российской Федерации». Адрес: Россия, г. Москва, 125080, Волоколамское ш., д. 11. Эл. адрес: noe@list.ru

Максимова Светлана Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, заведующий лабораторией фундаментальных и прикладных исследований Российского биотехнологического университета. Адрес: Россия, г. Москва, 125080, Волоколамское ш., д. 11. Эл. адрес: svet-maximova@yandex.ru

Омельченко Дарья Алексеевна — кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории фундаментальных и прикладных исследований Российского биотехнологического университета. Адрес: Россия, г. Москва, 125080, Волоколамское ш., д. 11. Эл. адрес: daria.omelchenko@mail.ru

Religiosity in the Mirror of Ethnic and Gender Identity Among Russians, Tuvans, and Altaians (Based on Research Materials from Altai Krai, Republic of Tuva, and Altai Republic)

Oksana E. Noyanzina

Russian Biotechnological University; Main Information and Computing Center
of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Russian Federation,

Svetlana G. Maksimova, Darya A. Omelchenko

Russian Biotechnological University, Russian Federation

The article assesses the religiosity of men and women in relation to their ethnic and confessional identification within three South Siberian regions of Russia: Altai Krai, Altai Republic, and the Republic of Tuva. The study employs the Centrality of Religiosity Scale (CRS). The religiosity of representatives of three ethnic groups (Russians, Altaians, and Tuvans) is examined from a gender analysis perspective and through the identification of five dimensions of religiosity (intellectual, ideological, public and private religious practices, religious experience). The analysis draws upon data from an original sociological study conducted in 2024 in Altai Krai (n=519), Altai Republic (n=462), and Tuva (n=361).

Distinct characteristics were identified in the manifestation of religiosity and mystical feelings among men and women. A higher level of religiosity was observed among women belonging to the dominant ethnic confessions: Orthodox Russians; Tuvans, adhering to Buddhist, Shamanistic, or syncretic beliefs; and White Faith (Ak Jang) Altaians. Compared to Russian women, Tuvan and Altaian women demonstrate greater religiosity, the significance of faith constructs, and the role of the religious sphere in both internal spiritual and external secular life. The content of religiosity components reveals not only gender-based but also ethnically conditioned differences.

There is a lower prevalence of "fervent" faith among women of all ethnicities and confessions compared to men. Women's faith is generally less overtly religious, becoming especially significant at certain points in their lives. In contrast, men's expression of faith and attachment to it is more polarized, and men are more likely to publicly demonstrate their religiosity.

Russian women are significantly less likely than Tuvan and Altaian women to be confident in the presence of a guiding hand of God or a higher power. Tuvan and Altaian women, in contrast to Russians, are much more inclined to manifest themselves in the mystical and magical spheres outside of religion.

Keywords: Religiosity; religiosity index; gender; identity; ethnicity; Republic of Tuva; Altai; Altai Krai; Altai Republic; Tuvans; Altaians; Russians of Tuva; Russians of Altai

For citation:

Noyanzina O. E., Maksimova S. G. and Omelchenko D. A. Religiosity in the Mirror of Ethnic and Gender Identity Among Russians, Tuvans, and Altaians (Based on Research Materials from Altai Krai, Republic of Tuva, and Altai Republic). *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 296-316. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.18>

NOYANZINA, Oksana Evgenievna, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Laboratory of fundamental and applied research, Russian Biotechnological University; Deputy Head, Department of Statistics and Analytics, Main Computing Center, Ministry of Culture of the Russian Federation. Postal address: 11, Volokolamskoye Highway, 105066, Moscow, Russian Federation. E-mail: noe@list.ru

ORCID: 0000-0002-1252-6021

MAXIMOVA, Svetlana Guennadievna, Doctor of Sociology, Professor, Head, Laboratory of fundamental and applied research, Russian Biotechnological University. Postal address: 11, Volokolamskoye Highway, 105066, Moscow, Russian Federation. E-mail: svet-maximova@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4613-4966

OMELCHENKO, Daria Alexseevna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Senior Researcher, Laboratory of fundamental and applied research, Russian Biotechnological University. Postal address: 11, Volokolamskoye Highway, 105066, Moscow, Russian Federation. E-mail: daria.omelchenko@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2839-5070

Введение

Современный мир отличителен не только процессами глобализации, рассеивания традиционности и традиционного образа жизни, появления целого набора ценностных универсалий, но и тем, что ранее казавшиеся устойчивыми ориентиры, ценности, картины мира, представления о сложившемся «порядке вещей» стали зыбкими, их контуры размылись, а культурные и духовные константы утратили значение, их смысл и содержание стали не просто неустойчивыми, а, скорее, «вывернутыми наизнанку» смыслами. В ряду этих трансформаций последних лет идентичность не только проблематизировалась, как, например, ранее мы отмечали в наших работах (Максимова и др., 2015), а мультиплицировалась, стала (как сама, так и ее базовые характеристики) флюидной, базовые, казавшиеся инвариантными идентичности (семейные (родительские), гендерные, гражданские, национальные, духовные, и прочие), начали разнонаправленно меняться, порой не единожды в течение короткого промежутка времени.

Один из распространенных в науке вариантов толкования глобализации опирается на идеи унификации как более простого формата интеграции. Именно в этом варианте продуцируются множественные угрозы культурам, национальным интересам, этнической и конфессиональной идентичности. В условиях кризиса идентичностей отрицание уникального духовного, культурного наследия вследствие необходимости создания универсальных (или унифицированных) ценностей очевидно не может выступать основой решения этой проблемы, а проблематика религиозности населения существенно актуализируется (Abdel-Khalek, Lester, 2013; Ngamaba, Soni, 2018; Perveen, Mehmood, Yasin, 2017; Sultan, Kanwal, Hussain, 2020; Vang, Hou, Elder, 2019; Villani et al., 2019; Zahoor et al., 2021; Unterrainer, Lewis, Fink, 2014; Wixwat, Saucier, 2021), вместе с тем, вопросы связи религии, религии и религиозности с индивидуальными и социальными характеристиками недостаточно изучены, и до сих пор такое взаимовлияние не очевидно.

В ряду таких исследований — множество работ, посвященных особенностям и характеру взаимоотношения и взаимосвязи разных типов идентичности в сочетании с религиозной, особенно — этнического измерения идентичности (или синтеза в форме этноконфессиональной идентичности). Несомненно, этническая и религиозная идентичности во многом взаимообусловлены, как и, например, связаны с национально-гражданской идентичностью (Шахбанова, 2021). Вместе с тем религиозная идентичность и ее выраженность описываются в том числе и через понятие религиозности личности, которое еще более размыто в современной науке и не имеет общепринятого подхода к толкованию и измерению (см., например: Davie, 2004; Glock, 1962; Hill, Hood, 1999; Huber, Ackert, Scheiblich, 2020; Богачев, 2016; Дивисенко К., Дивисенко О., 2017; Лебедев, 2020; и др.).

Сказанное приводит нас к рассмотрению концепта религиозности, который лежит вне проблемного поля религии, а также к описанию индикаторов и измерений религиозности. Отметим лишь то, что концепт религиозности не менее многозначен, спорен, как и само рассмотрение его в контексте изучения религиозной идентичности (Эрвье-Леже, 2015; Смирнов, 2015).

Общим для многих подходов является признание того факта, что религиозность в современном обществе амбивалентно является одной из важных характеристик социального поведения индивидов и способна выступать в качестве важного фактора жизни общества (Berger, 1974), «атакуя», по выражению С. Д. Лебедева, секуляризованный современный мир извне и изнутри» (Лебедев, 2020). Именно этот факт побуждает ученых, при поиске критериев и типологий религиозности ориентироваться на определение границ между миром секулярного и религиозного. Наряду с этим вопросом, ставятся задачи разграничения носителей и проводников религиозности, учета факторов профессиональной этики, экономического поведения, поиска корреляций с семейными, демографическими, политическими, иными установками и социальными характеристиками личности (Lenski, 1961; Reitz, Asendorpf, Motti-Stefanidi, 2015; Богачев, 2015; Борисова, Павлюткин, 2019), измерения составляющих религиозности, их эмпирической интерпретации, а также интегральной стратегии измерения религиозности (Бреская, 2011; Хлопкова, 2020).

Необходимо отметить, что при определении критериев религиозности важно разделять ее конфессиональное и светское понимание (где в первом случае на первый план выходят сакральные, а во втором — эмпирические индикаторы), проводить оценку религиозных позиций (относительно близости индивида к сакральному), выявить референтные позиции (источники и объекты религиозных чувств или, по М. Веберу, «религиозные виртуозы» как те субъекты, которые официально «объявляют»

высшую волю), оценку религиозных традиций, профанных характеристик религиозности (например, соотношение с религиозности и социального статуса, отнесение к референтной группе или культурно-символическому пространству, границы с другими религиям, светским государством, профанной моралью и наукой (по Ю. Хабермасу), взаимодействие с «большим обществом» (по М. Веберу). Е. Гришаева (Гришаева, 2018) предлагает в состав индикаторов включать ценности и цели религиозного сообщества, определяемые его доктриной, С. Лебедев (Лебедев, 2020) — параметры и выраженность различий между верующими и неверующими, представителями разных вероисповеданий (конфессий), ряд вполне обоснованных и закономерных индикаторов, предложенных разными авторами, можно продолжить. Например, гендер как социальный конструкт не может не опираться на традиционализм и религиозные воззрения (Acevedo, Shah, 2015; de Vaus, McAllister, 1987; Li, Liu, 2021; Roberto et al., 2020; Stark, 1996).

Таким образом, вопросы взаимосвязи социокультурных, этнических и иных характеристик индивидов, в том числе раскрытия особенностей идентичности этноса, сопряженной с религиозными практиками и религиозностью, в целом формирование диалога культур (Попков, Тюгашев, 2020, 2022) довольно часто становятся предметом интереса ученых.

В связи с этим целью данной статьи является оценка религиозности мужчин и женщин в сочетании с их этнической и конфессиональной идентификацией, проведенная на данных социологических исследований, полученных в Алтайском крае, республиках Тува и Алтай.

Основой для достижения поставленной цели стали эмпирические материалы социологического исследования, проведенного в 2024 г. в трех регионах Сибирского федерального округа — Алтайском крае ($n = 519$, 61,4% женщин и 38,6% мужчин), Республике Алтай ($n = 462$, 59,1% женщин и 40,9% мужчин), Республике Тува ($n = 361$, 75,6% женщин и 24,4% мужчин). Ключевой идеей базового исследования было изучение особенностей формирования религиозности населения приграничных Монголии территорий Южной Сибири. Помимо приграничного положения, отбор регионов определялся спецификой социокультурных особенностей, отражающих религиозную композицию пространства региона, а также особенностями этнодемографического состава. Для каждого региона была рассчитана квотная выборка, котируемые признаки — пол, возраст и место проживания респондентов (городское или сельское поселение).

Авторами данной статьи в ходе исследования в южносибирских регионах получен эмпирический материал, изучение которого позволило увидеть характерные гендерные и этнические маркеры религиозности населения, несмотря на иные акценты, ставшие основой планирования исследовательских работ. В качестве инструмента для оценки уровня религиозности использована методика «Шкала центральности религиозности» (Хубер и Хубер, 2018).

Методика исследования

Первичная эмпирическая информация собиралась посредством метода онлайн-опроса в сочетании с индивидуальными интервью на основе структурированной анкеты. Репрезентативность данных обеспечивалась контролем квот, а также диверсификацией способов рекрутинга респондентов (персональные рассылки по электронной почте и социальным сетям, размещение информации на публичных виртуальных площадках и в официальных источниках). К участию привлечены жители в возрасте от 18 до 75 лет.

В Алтайском крае большинство участников исследования являлись русскими и традиционно относили себя к православию, прочие этнические и религиозные идентификации представлены незначительно. В этнических республиках Тува и Алтай коренные этносы — тувинцы и алтайцы соответственно — представлены большинством. Всего по этнической принадлежности сформированы группы респондентов, в зависимости от распространенности в общей выборке (русские, тувинцы, алтайцы, смешанные (множественные) этнические идентификации, иные (в группу иных вошли более 40 единично встречающихся этносов и статистически нерепрезентативных для включения в анализ в качестве подвыборок), социальные и недифференцированные идентификации), однако, помимо трех вышеупомянутых, их численное представительство недостаточно для статистического анализа, поэтому в дальнейших расчетах эти группы исключены. Так, большинство в Алтайском крае — это русские (67,6%), социальные и недифференцированные (13,1%). В Республике Алтай — алтайцы (24,5%) и русские (45,2%), в Республике Тува — тувинцы (67,9%).

Что касается конфессиональной принадлежности, для дальнейшего анализа сформированы следующие группы: «православные», «бурханисты» (в которую вошли представители «алтайской веры» (белой веры) и приверженцы бурханизма), «буддисты, шаманисты, либо приверженцы синкретизма» (направления, наиболее широко представленные в Республике Тыва, где синкретизм является уникальной особенностью конфессионального пространства республики), все прочие традиционные и нетрадиционные, а также группы не идентифицирующих себя с конкретной религией и церковью.

Следует отметить, что шаманизм присущ традиционной культуре тувинцев, является основой их быта и миропонимания, вместе с тем буддизм, тесно связанный с формированием государственности Тувы, укоренен в тувинском обществе не менее глубоко, а шаманистские боги присутствуют и в буддийском пантеоне. До сих пор основное количество верующих в Туве являются буддистами и шаманистами одновременно, прибегают к духовной помощи и ламы, и шамана, что сохраняет уже сформированный и сохраняющийся феномен синкретизма шаманизма и буддизма в Туве (Дашковский и др., 2021). Полученная картина этноконфессиональной идентификации вполне соответствовала официальной статистике¹. Таким образом, в рамках статьи рассматриваются только доминирующие и традиционные для каждого из регионов этнические идентификации в соответствии с религиозным самоопределением.

Прочие группы были в численном отношении ничтожно малы и исключены из анализа в рамках данной статьи, в отдельную группу вошли респонденты, считающие себя неверующими.

Для оценки уровня религиозности мы использовали методику «Шкала центральности религиозности» (далее — CRS), обоснованную и апробированную на примере 25 стран с участием более чем 100 000 респондентов (включая представителей России) профессором эмпирического исследования религии и теории межрелигиозной коммуникации Института эмпирического исследования религии (Университет Берна, Швейцария) Ш. Хубером и соавторами (Хубер Ш., Хубер О., 2018; Huber, Ackert, Scheiblich, 2020). В процессе планирования исследовательского инструментария принято решение использовать CRS-20, которая содержит по 3 вопроса для каждого измерения (интеллектуальное, идеологическое, публичные и личные религиозные практики, религиозный опыт), в дополнение к этому использованы 5 вопросов с учетом межрелигиозного характера исследования. Ответы на все вопросы были получены на основе пятибалльной шкалы оценивания (в случае необходимости осуществлялась перекодировка объективных частот в пятибалльные шкалы) (Хубер Ш., Хубер О., 2018). Проведена процедура по расчету общего шкального балла центральности религиозности (на основе деления суммы баллов по отдельным вопросам на количество вопросов) с целью получения итогового диапазона индекса CRS от 1,0 до 5,0 баллов. Ш. Хубером предложена следующая система пороговых отсеков для категоризации групп индивидов: «высоко религиозные» — от 4,0 до 5,0 баллов, «религиозные» — от 2,1 до 3,9 баллов, «нерелигиозные» — от 1,0 до 2,0 баллов.

На общей выборке осуществлены процедуры оценки качества полученной модели религиозности: психометрические характеристики показывают хорошие результаты на выборке каждого из регионов — корреляции между пятью основными измерениями религиозности варьируют от 0,515 в Республике Алтай до 0,797 в Алтайском крае. Важно заметить, что ни одно из конкретных значений не превышает корреляции с общим баллом ($\Delta_{\max} = 0,18$), все корреляции индекса центральности религиозности с его структурными компонентами находятся в зоне высоких и очень высоких корреляций, результаты факторного анализа позволили удостовериться, в пригодности полученных данных (значения меры адекватности выборки Кайзера-Мейера-Олкина (КМО) — [0,8; 0,9]) и теста сферичности Бартлетта (значения критерия свидетельствуют о нормальности распределения переменных и существенной их корреляции, $p = 0,0001$).

Для выявления самооценки уровня религиозности использовался вопрос: «Независимо от того, являетесь Вы последователем какой-либо религии или нет, скажите, пожалуйста, насколько религиозным человеком Вы себя считаете?» (оценивался на основе 10-балльной шкалы, для последующего сравнительного анализа была проведена агрегация оценок в трехбалльную шкалу).

Анализ гендерных различий проводился с применением статистического критерия χ^2 Пирсона, t-критерия для определения статистической значимости различий средних величин, однофакторного

¹ Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 11.09.2024).

дисперсионного анализа с использованием апостериорного теста Дункана. Отметим, что все гендерные различия для групп православных русских, тувинцев — буддистов и шаманистов, алтайцев — приверженцев бурханизма, оказались значимыми (χ^2 , $p < 0,001$).

Отдельно отметим, что оценки религиозности населения, проведенные в ходе анализа полученных данных на предшествующих стадиях исследования, продемонстрировали отсутствие статистически достоверных зависимостей от региона проживания респондентов, существенно более значимыми стали гендерные и этнические вариации выраженности религиозности и ее компонентов в группах опрошенных (Максимова и др., 2024). Так, региональные вариации в уровне религиозности оказались обусловлены численным доминированием определенных этнических групп на территории. Именно по этой причине в рамках статьи авторы приняли решение уделить внимание детальному анализу данных аспектов религиозности в разрезе этнических и гендерных групп в целом трех южносибирских регионов, а не их территориальной локации. Также заметим, что в описании результатов исследования компоненты религиозности выделены согласно компонентам шкалы CRS.

Религиозность: результаты измерения и самооценки населения

Предваряя гендерный анализ полученных данных, отметим, что, как в самовосприятии, так и по итогам проведенной оценки на основе тестовой шкалы CRS, население всех регионов нельзя называть строго нерелигиозным, более того, в личных оценках уровень вовлеченности жителей в сферу сакрального довольно высок, и респонденты ощущают себя вполне погруженными в сферу религии и веры в целом. Вместе с тем, оценки на основе шкалы CRS маркируют скорее присутствие религиозных конструктов в сознании населения и в системе его идентификаций, однако большинство из этих конструктов не являются психологически релевантными. То есть, представители всех конфессий скорее становятся верующими «время от времени» (Хубер III., Хубер О., 2018). Явное же присутствие в системе религиозных конструктов высокой религиозности, согласно CRS, наиболее ярко выражено в группе исповедующих буддизм и шаманизм в Алтайском крае (10% высоко религиозных), тогда как в Туве доля высоко религиозных буддистов и шаманистов составила всего 3,4%. Доля высоко религиозных верующих составляет около 10% населения трех регионов, большинство же населения — это «эпизодически» верующие. Любопытно, что шкала CRS, в отличие от самооценок жителей, четко продемонстрировала объективное отсутствие конструктов, маркирующих высокую погруженность в вопросы религии и соответствующие практики в группе неверующих индивидов. При этом неверующие в Алтайском крае в 2,3% случаев назвали себя высоко религиозными, как и 2% респондентов в Республике Алтай.

В личных представлениях верующие всех конфессий более склонны считать себя религиозными людьми, причем и высоко религиозными в том числе, что вполне закономерно, поскольку при самоидентификации каждый индивид выбирает, что лежит в основе степени его религиозности — религиозные практики, знание религиозных канонов, просто психологическое восприятие сакрального мира, и так далее, а шкала CRS уравнивает, усредняет проявления религиозности, ориентируется на оценку в равной мере включенности и значимости для личности всех компонентов религиозности — как переживания религиозных чувств, так знания догматов и канонов веры, публичного и личного поведения в соответствии с религиозными предписаниями, внутренней духовной жизни, и так далее.

Следует отметить и то, что, согласно CRS, подлинно нерелигиозных индивидов меньше в рамках всех рассматриваемых конфессий, об этом говорят сами опрошенные — во всех четырех регионах в рамках всех конфессиональных предпочтений доля опрошенных, считающих себя нерелигиозными, в группе неверующих в два раза выше. А согласно значениям CRS, в группах неверующих присутствуют элементы религиозности, которые сами опрошенные, видимо, не идентифицируют вследствие их нерелевантного характера. Единственное исключение здесь составили приверженцы бурханизма в Республике Алтай — здесь доли нерелигиозных (вернее тех, которые ассоциируют себя с бурханистами, но для которых сакральное не играет сколько-нибудь значимой роли в жизни) практически идентичны в рамках обеих шкал оценивания (таб. 1).

Таблица 1. Уровень религиозности населения с разными религиозными идентичностями: CRS и самооценка, в %.
Table 1. Level of religiosity of population with different religious identities: CRS and self-evaluation, in %.

Регион	Конфессиональная идентификация	Шкала	Уровень религиозности		
			Высоко религиозные	Религиозные	Не религиозные
Алтайский край	православие	CRS	3,9	76,4	19,7
		самооценка	12,3	48,8	38,8
	буддизм, шаманизм, синкретизм	CRS	10,0	80,0	10,0
		самооценка	11,1	22,2	66,7
	неверующие	CRS	–	15,7	84,3
		самооценка	2,3	21,6	76,0
Республика Алтай	православие	CRS	7,6	78,8	13,6
		самооценка	21,5	51,3	27,2
	буддизм, шаманизм, синкретизм	CRS	–	87,5	12,5
		самооценка	28,6	46,4	25,0
	бурханизм	CRS	7,6	68,2	24,2
		самооценка	14,3	59,7	26,0
	неверующие	CRS	–	17,7	82,3
		самооценка	2,0	12,1	85,9
Республика Тыва	православие	CRS	5,9	76,5	17,6
		самооценка	21,1	42,1	36,8
	буддизм, шаманизм, синкретизм	CRS	3,4	81,4	15,3
		самооценка	33,0	43,7	23,3
	неверующие	CRS	–	33,3	66,7
		самооценка	–	26,9	73,1

Как видим, данные в отношении религиозности не имеют существенных вариаций в зависимости от региона проживания, а предварительный анализ на данных общей выборки показал, что религиозные идентификации населения в подавляющем большинстве случаев ассоциированы с этническими, хотя, конечно же, сказанное не является догмой, и мы можем наблюдать всю палитру конфессиональных предпочтений коренных жителей сибирских регионов (Дашковский и др., 2021).

Рассмотрим, каким образом согласно методике CRS, проявляется религиозность с позиций гендерного анализа. При этом обратим внимание, что с учетом вышесказанного, мы отказались от анализа в разрезе регионов исследования, уделив внимание этническим и гендерным группам (то есть, группа русских — это совокупная группа русских в республиках Тыва и Алтай, а также Алтайском крае, и так далее).

В целом по всей выборке женщины продемонстрировали более высокий уровень религиозности (2,5), чем мужчины (2,2), что характеризует религиозность опрошенных, причем такая ситуация описывает религиозность населения во всех регионах. Максимально выраженной, хотя и остающейся в границах средних значений («периодически верующие») оказалась религиозность населения Республики Тыва (2,7), причем как среди мужчин (2,6), так и женщин (2,9), то есть женщины в этой республике балансируют на грани высоко религиозного сознания и поведения. В Республике Алтай, при общем значении индекса религиозности в 2,5 балла, религиозность женщин в среднем находится на уровне 2,6 балла, а мужчин — 2,3, в Алтайском крае (среднее по выборке 2,4) женщины также более религиозны, чем мужчины — 2,5 балла, тогда как для мужчин значение индекса составило 2,2 балла.

Больше всего высоко религиозных женщин оказалось в группе православных алтаек — 25%, среди православных женщин же эта доля составила 4,1%, причем среди последователей традиционного для русских православия гендерных различий не выявлено — доля мужчин с высоким значением уровня религиозности составила 4,2%. При этом среди русских мужчин, тяготеющих к православию, подлинно нерелигиозных (согласно CRS) в два раза больше, чем среди женщин (21,5%, 11,4% женщин). А в группах неверующих русских мужчин и женщин получены схожие значения индекса.

Что касается нетрадиционных для русских конфессиональных идентичностей, более свойственных тувинцам и алтайцам, гендерные различия статистически незначимы. Среди тувинцев православные зафиксированы только в группе женщин, и все они отличаются средним уровнем религиозности, а традиционные для тувинцев конфессиональные предпочтения достоверно по-разному про-

являются у мужчин и женщин. При довольно незначительной доле как высоко религиозных мужчин, так и женщин-тувинцев, придерживающихся идей буддизма, шаманизма или их сочетания (2,9% и 3,8% соответственно), соотношение подлинно нерелигиозных среди тувинцев среди мужчин и женщин неравномерно — почти четверть последователей традиционной веры тувинцев-мужчин (23,5%) на самом деле нерелигиозные, тогда как среди тех, в чей жизни религия играет далеко не самое важное и определяющее значение, тувинок существенно меньше — всего 9,6%.

Обратим внимание еще на одну особенность тувинок — они более религиозны, чем русские и алтайцы, даже на уровне самоидентификации — только половина из тех, кто считают себя неверующими, на самом деле не показывают, согласно оценке компонентов индекса CRS, что элементы религиозного поведения или мировоззрения занимают хоть какое-то место в их жизни, а среди неверующих тувинцев — доля подлинно нерелигиозных сопоставима с неверующими русскими и алтайцами (87,5%).

Среди последователей идей «белой веры», традиционных для алтайцев, высокая религиозность проявляется схоже, как в группах мужчин, так и женщин (5,6% и 5,9% соответственно), однако очевидны различия в группах нерелигиозных алтайцев: доля «поверхностных» верующих среди мужчин в три раза выше (33,3%), чем среди верующих алтаек (11,8%), элементы религиозности в той или иной мере присущи четверти неверующих алтаек (25%) и всего лишь 14,3% алтайцев (таб. 2).

Таблица 2. Уровень религиозности в соответствии с CRS, в %.

Table 2. Level of religiosity according to CRS, in %.

Этническая идентификация	Религиозная идентификация	Пол	Уровень религиозности		
			Высоко религиозные	Религиозные	Не религиозные
русские	православие	женщины	4,1	84,5	11,4
		мужчины	4,2	74,3	21,5
	буддизм, шаманизм, синкретизм	женщины	–	90,0	10,0
		мужчины	20,0	80,0	–
	бурханизм	женщины	–	100,0	–
		мужчины	–	–	100,0
	неверующие	женщины	–	15,5	84,5
		мужчины	–	11,0	89,0
тувинцы	православие	женщины	–	100,0	–
		мужчины	–	–	–
	буддизм, шаманизм, синкретизм	женщины	3,8	86,5	9,6
		мужчины	2,9	73,5	23,5
	неверующие	женщины	–	50,0	50,0
		мужчины	–	12,5	87,5
алтайцы	православие	женщины	25,0	50,0	25,0
		мужчины	–	75,0	25,0
	буддизм, шаманизм, синкретизм	женщины	–	80,0	20,0
		мужчины	–	100,0	–
	бурханизм	женщины	5,9	82,4	11,8
		мужчины	5,6	61,1	33,3
	неверующие	женщины	–	25,0	75,0
		мужчины	–	14,3	85,7

Таким образом, при признании того факта, что традиционные религиозные воззрения имеют большое значение в жизни именно тувинцев, как мужчин, так и женщин, во всех гендерных и этно-конфессиональных группах доли высоко религиозных индивидов сопоставимы. Наблюдается и тенденция в целом большей религиозности женщин всех трех этносов доминирующих в нашей выборке религий, преимущество в форме периодического обращения к религиозным идеям или поведенческим моделям, предписанным религией. Следует отметить еще один сделанный нами вывод. Несмотря на наличие конфессионального самоопределения, отказ от признания религиозности, неприятие идей ни одной из религий, да и самой концепции Бога (божественного), по значениям CRS мы видим, что когнитивные, эмоциональные или же поведенческие элементы религиозной личности, вкрапление религиозного мировоззрения свойственны индивидам, в большей мере женщинам. Верующие мужчины, как тувинцы, так и русские, и алтайцы, существенно чаще женщин не являются верующими в подлинном содержании этого явления, для мужчин вера чаще, чем для женщин имеет декларативный характер и не ассоциируется с образом жизни, помыслами и даже ритуальным поведением.

Компоненты религиозности

Как отмечалось выше, Ш. Хубером и соавторами (Хубер Ш., Хубер О., 2018; Huber, Ackert, Scheiblich, 2020) предложено измерение религиозности на основе шкалы CRS, состоящей из пяти субшкал для оценки ее компонентов (или измерений), которые авторы назвали: интеллектуальный, идеологический, компоненты публичных религиозных практик и личных религиозных практик, религиозный опыт). Такое деление не является новым, содержательно во многом пересекаясь с иными классификациями. Например, интеллектуальное измерение религиозности можно рассматривать как тождественное ее когнитивному компоненту, идеологическое — аффективному, религиозные практики — поведенческому, и так далее.

Интеллектуальное измерение религиозности

Интеллектуальная составляющая религиозности обращает нас к уровню информированности жителей регионов по вопросам религии и веры, знания догматов, священных текстов, а также способности к рефлексии о взглядах на трансцендентное и наращивании имеющейся информации. В целом по выборке значения этого субиндекса шкалы CRS варьируют в диапазоне средних баллов: в Алтайском крае — 2,4 балла, в Республике Алтай — 2,6 балла, в Республике Тыва — 2,8 балла. Во всех регионах женщины достоверно более информированы в вопросах веры и более склонны размышлять на соответствующие темы.

Знание ключевых аспектов веры довольно выражено как среди верующих, так и неверующих. Так, мы видим, что, например, даже среди неверующих русских величина индекса интеллектуального компонента религиозности присутствует в зоне высоких значений, причем высоко информированных мужчин больше — 2,7%, и в целом неверующие русские мужчины, как показали результаты исследования, в несколько большей степени знакомы с вопросами религии — в группе религиозных по данному компоненту 31,1% мужчин и 27,4% женщин. Русские женщины более склонны к получению и рефлексии религиозной информации несмотря на то, что доли высоко религиозных практически идентичны: в группе «интеллектуально» религиозных 64,5% русских женщин и 56,7% мужчин.

Для придерживающихся традиционных религиозных взглядов тувинок, что интересно, интеллектуальный компонент религиозности сместился в зону средней выраженности. Высоко религиозными в данном смысле являются 11,6% женщин и 17,1% мужчин, религиозными: 77,5% женщин и 54,3% мужчин. Это можно объяснить, в частности, тем, что тувинские женщины не погружены в каноны веры, но с учетом высокой религиозности в целом, компенсируют это религиозными практиками, религиозным опытом, то есть, другими гранями трансцендентного. Также отметим, что неверующую часть тувинцев, и мужчин, и женщин, отличает существенная погруженность в тематику божественного, по сравнению с православными. Причем неверующие тувинцы (и мужчины, и женщины) существенно реже задумываются по вопросам религии и в целом меньше думают о сакральном (87,5% не религиозны по данному компоненту), тогда как неверующие тувинки все-таки в большей части вовлечены в размышления о вере и божественном, владеют основами учения (44,4% нерелигиозных).

Среди верующих алтайцев женщины существенно в большей степени погружены в вопросы веры, среди них 12,5% высоко религиозны по данному компоненту, а 60% — религиозны, а половина (50%) мужчин-алтайцев, несмотря на отнесение себя к белой вере, не религиозны. Среди неверующих ал-

тайцев, как мужчин, так и женщин, ни один из респондентов не продемонстрировал высокую выраженность религиозности в когнитивном смысле (таб. 3).

Таблица 3. Уровень выраженности интеллектуального компонента религиозности, в %.

Table 3. Level of expression of intellectual component of religiosity, in %.

Этническая идентификация	Религиозная идентификация	Пол	Уровень религиозности		
			Высоко религиозные	Религиозные	Не религиозные
русские	православие	женщины	15,6	64,5	19,9
		мужчины	15,9	56,7	27,4
	буддизм, шаманизм, синкретизм	женщины	20,0	50,0	30,0
		мужчины	66,7	—	33,3
	бурханизм	женщины	—	100,0	—
		мужчины	—	—	100,0
тувинцы	православие	женщины	0,6	27,4	72,0
		мужчины	2,7	31,1	66,1
	буддизм, шаманизм, синкретизм	женщины	—	66,7	33,3
		мужчины	—	—	—
	неверующие	женщины	11,6	77,5	10,9
		мужчины	17,1	54,3	28,6
алтайцы	православие	женщины	—	55,6	44,4
		мужчины	—	12,5	87,5
	буддизм, шаманизм, синкретизм	женщины	10,0	50,0	40,0
		мужчины	—	50,0	50,0
	бурханизм	женщины	—	66,7	33,3
		мужчины	—	75,0	25,0
	неверующие	женщины	12,5	60,0	27,5
		мужчины	5,0	45,0	50,0
		женщины	—	37,5	62,5
		мужчины	—	37,5	62,5

Таким образом, вне зависимости от конфессиональных предпочтений или же их отсутствия, население сохраняет погруженность в вопросы веры, имеет представление о гранях трансцендентного и понимает основы религии, особенности религиозных направлений. При этом, женщины в данные вопросы погружены в большей степени, чем мужчины, однако мы увидели большую информированность по вопросам религии русских женщин, как верующих, так и нет. У придерживающихся традиционных религий тувинцев и алтаек интеллектуальный компонент религиозности не столь очевидно выражен. Возможно, это обусловлено самой спецификой традиционных религий, отсутствием широкого доступа к источникам информации, или же, напротив, религиозными традициями, предполагающими, что толкование вопросов веры должно осуществляться священнослужителями (шаманами, ламами).

Идеологическое измерение религиозности

Идеологический компонент религиозности индивида связан с наличием установок на веру в существование некой трансцендентной реальности, с которой можно установить связь самостоятельно, через священные предметы и места или священнослужителей и так далее. Измеряются также сила этого убеждения, вера в существование жизни после смерти, потустороннего и посюстороннего мира, реинкарнацию, высшую силы (или силы, или Бога, богов, божеств) как таковую, да и всего сакрального. Так, вера в божественное, существование Бога очень сильна среди русских, как мужчин, так и женщин, причем женщины в данном случае существенно более религиозны — половина русских женщин высоко религиозны (49,5%), тогда как среди русских мужчин высоко религиозных меньше — 38,4%. Обращает внимание и то, что 17,1% русских мужчин не верят в Бога — они не религиозны, тогда как среди женщин таких только 6,8%. То есть русские верующие женщины в большинстве своем уверены в существовании Бога и сакральной составляющей бытия. Доли неверующих русских, как и мужчин, так и женщин, одинаковы во всех группах по уровню религиозности.

Отметим, что и в группе верующих тувинцев (придерживающиеся буддизма, шаманизма либо их сочетания) нерелигиозных в идеологическом отношении мужчин и женщин практически столь-

ко же, сколько и в группе верующих русских: чаще это мужчины (17,5% нерелигиозных мужчин и 5,5% — женщин), однако тувинцы более религиозны, чем тувинки (48,6% высоко религиозных мужчин и 33,6% высоко религиозных женщин), которые чаще демонстрируют средний уровень выраженности этого компонента религиозности (66,7%).

Однако, обратим внимание, что неверующие тувинцы, будучи, по их оценкам, нерелигиозными людьми, почти в большинстве своем уверены в существовании высшей силы и божественной сути мира, причем среди тувинков такие убеждения существенно более распространены: только 11,1% неверующих женщин не религиозны. Возможно, вера в высшие силы, потусторонние миры и жизнь после смерти присуща менталитету тувинцев, несмотря на то, расценивают они свое поведение и мировоззрение как религиозное или нет. Так, 22,2% неверующих тувинков высоко религиозны и 66,7% — религиозны, а среди мужчин, которые не верят высшие силы, высоко религиозны в идеологической составляющей 12,5%, религиозны — 25%.

В отличие от тувинских мужчин, алтайские мужчины менее религиозны по оценкам в рамках данного субиндекса и уступают в мере своей религиозности алтайским женщинам: высоко религиозны 36,6% верующих алтайских женщин и только четверть алтайских мужчин, при этом среди мужчин этой этнической группы пятая часть не верят в существование божественного и сакральную жизнь. При этом неверующие алтайцы, в отличие от неверующих алтаек, разделились в оценках существования Бога — женщины скорее с этим не согласны (таб. 4).

Таблица 4. Уровень выраженности идеологического компонента религиозности, в %.
Table 4. Level of expression of ideological component of religiosity, in %.

Этническая идентификация	Религиозная идентификация	Пол	Уровень религиозности		
			Высоко религиозные	Религиозные	Не религиозные
русские	православие	женщины	49,5	43,6	6,8
		мужчины	38,4	44,5	17,1
	буддизм, шаманизм, синкретизм	женщины	30,0	70,0	–
		мужчины	66,7	16,7	16,7
	бурханизм	женщины	100,0	–	–
		мужчины	–	100,0	–
	неверующие	женщины	3,8	28,3	67,9
		мужчины	2,7	31,1	66,1
тувинцы	православие	женщины	33,3	66,7	–
		мужчины	–	–	–
	буддизм, шаманизм, синкретизм	женщины	33,6	60,9	5,5
		мужчины	48,6	34,3	17,1
	неверующие	женщины	22,2	66,7	11,1
		мужчины	12,5	25,0	62,5
алтайцы	православие	женщины	40,0	60,0	–
		мужчины	16,7	66,7	16,7
	буддизм, шаманизм, синкретизм	женщины	33,3	50,0	16,7
		мужчины	50,0	50,0	–
	бурханизм	женщины	36,6	61,0	2,4
		мужчины	25,0	55,0	20,0
	неверующие	женщины	–	37,5	62,5
		мужчины	–	50,0	50,0

Таким образом, в проявлении идеологической составляющей религиозности выявлены как гендерные, так и этноконфессиональные особенности населения рассмотренных южносибирских регионов. У православных русских религиозность сильно сопряжена с верой в существование Бога и божественного, причем у женщин установки существенно более выражены. Тувинские мужчины в смысле восприятия и уверенности в существовании божественных сущностей более религиозны, чем женщины, тогда как тувинцы (и женщины, и мужчины) в целом ближе к восприятию сакрального мира; более того, даже неверующая часть тувинцев признают существование трансцендентного, видимо, не связывая наличие иных миров и преемственности цепочки жизни с религиозными воззрениями, что в данном случае, скорее, маркирует этнически окрашенные традиционные представления тувинцев. Алтайцы схожи с православными в том, что их вера тесно связана с уверенностью в существовании сакрального и божественного, при этом верующие алтайки в большей степени идентифицируют свою веру с этими установками, нежели алтайцы.

Любопытно посмотреть на эти данные с позиций основополагающих принципов религий и верований, имеющих наибольшее распространение в регионах Сибири. Так, вера в потустороннюю жизнь (как и вера в единого Бога и акт творения) является одной из вероисповедных формул христианства. Потусторонняя жизнь — это жизнь в идеальном мире (Царстве Небесном), который управляется Богом и наделен максимальным совершенством. Основой религиозно-философских представлений буддизма является восприятие жизни как почти бесконечного жизненного цикла и чреды бесчисленных перерождений, колесо которых вращается кармой как универсальным законом, которому подчиняются все существа, обреченные на бесконечную смену рождения и смерти. Только достижение нирваны как необъяснимого состояния отрешенности от всех желаний может ознаменовать цепочку перерождений. Представления о душе, смерти и загробной жизни входят в основу и шаманского мировоззрения. Предопределенная богами и духами, Небом смерть человека продолжается переносом в другой мир, где находятся его близкие и знакомые. При этом умершие могут влиять на живых, помогать или вредить им, потому с помощью шаманов с ними можно взаимодействовать, а также важно совершать обряды жертвоприношения для умиловления умерших. Алтайскому бурханизму, как разновидности бурханизма тюркских народов Алтае-Саян, также присуще представление не только о существовании Единого Бога, обращение к которому не требует посредников (шаманов), но и представления о рае и аде, перерождении души человека¹. По сути, предложенные структурные элементы идеологического компонента маркируют в том числе и приверженность опрошенных ключевым принципам веры, их принятие прежде всего на основе этнических идентификаций.

Измерение публичных религиозных практик

Измерение проявления публичных религиозных практик оценивается относительно социального ожидания принадлежности индивида референтной религиозной общине, его участия в культовых действиях и религиозных ритуалах, публичности этого участия, а также вовлеченности в жизнь религиозной общины. По своей сути публичные религиозные практики опираются на образцы действий, которые сформированы под влиянием интеллектуального и идеологического компонентов — представлений о трансцендентальном. Так, для христиан это могут быть богослужения (мессы), для буддистов — медитации, для бурханистов — обряды жертвоприношения, и так далее.

Именно по данному компоненту — переносу личных религиозных чувств в публичное пространство — получены самые низкие оценки религиозности. Наиболее «публичными» в этом смысле являются русские, как женщины (6,9% высоко религиозных), и так и даже в большей степени мужчины (10,3%), хотя это утверждение справедливо для чуть более, чем каждого второго русского — около 49% мужчин и женщин не религиозны в сфере публичных религиозных практик. При этом небольшие доли неверующих русских демонстрируют социально-ритуальные практики (6,3% и 4,3% русских мужчин).

Среди верующих тувинцев также более «публичны» в выражении своей веры мужчины: 8,8% высоко религиозных тувинцев и 5,4% — тувинок, религиозность женщин в этом контексте находится в границах среднего уровня выраженности. Отметим и то, что среди верующих тувинцев доли не проявляющих свои конфессиональные предпочтения в публичной сфере существенно ниже, чем в группе русских — 28,8% нерелигиозных женщин и 32,4% мужчин.

¹ Гейбриел Т., Дживс Р. Религии мира: краткий справочник. М.: Кладезь-Букс, 2007.

Существенно более «скромны» в придании публичного характера личному религиозному участию алтайцы, хотя и в данном случае сохраняется тренд на большую демонстративность в выражении веры у верующих мужчин: высоко религиозны 5% алтайцев и только 2,7% верующих алтаек, при этом большинство из них не религиозны в публичной сфере. Еще более очевидно проявляется этот тренд в группе неверующих алтайцев — здесь 100% мужчин не религиозны, религиозны только 12,5% женщин (таб. 5).

Таблица 5. Уровень выраженности компонента религиозности «Публичные религиозные практики», в %.
Table 5. Level of expression of public religious practices component of religiosity, in %.

Этническая идентификация	Религиозная идентификация	Пол	Уровень религиозности		
			Высоко религиозные	Религиозные	Не религиозные
русские	православие	женщины	6,9	44,1	49,0
		мужчины	10,3	41,0	48,7
	буддизм, шаманизм, синкретизм	женщины	–	20,0	80,0
		мужчины	20,0	20,0	60,0
	бурханизм	женщины	–	–	100,0
		мужчины	–	–	100,0
тувинцы	православие	женщины	–	6,3	93,7
		мужчины	0,5	3,8	95,6
	буддизм, шаманизм, синкретизм	женщины	–	50,0	50,0
		мужчины	–	–	–
	неверующие	женщины	5,4	65,8	28,8
		мужчины	8,8	58,8	32,4
алтайцы	православие	женщины	–	25,0	75,0
		мужчины	–	12,5	87,5
	буддизм, шаманизм, синкретизм	женщины	12,5	12,5	75,0
		мужчины	–	40,0	60,0
	бурханизм	женщины	–	40,0	60,0
		мужчины	–	66,7	33,3
	неверующие	женщины	2,7	45,9	51,4
		мужчины	5,0	35,0	60,0
		женщины	–	12,5	87,5
		мужчины	–	–	100,0

Таким образом, женщины всех этносов и конфессий менее склонны к публичной демонстрации собственных религиозных убеждений. На наш взгляд, содержание данного компонента может быть обусловлено религиозными предписаниями и в целом принятыми культовыми практиками. Такой вывод весьма условен, так как публичная демонстрация веры (пусть и в рамках ритуальных действий) в меньшей степени входит в состав элементов религиозных культов, определяющих соответствие верующего религиозным канонам. С одной стороны, далеко не все религиозные предписания требуют публичности религиозной жизни, опираясь на совершение таинств, медитацию, духовность и праведную (у буддистов — правильную) жизнь, и т. п., с другой — стороны, мы живем в секулярном обществе, в котором приоритетны социальные ритуалы.

Измерение личных религиозных практик

В отличие от публичных религиозных действий, личные религиозные практики направлены на частное пространство жизни индивида и вкрапленность в него трансцендентного и религиозных ритуалов, то есть, на оценку личных религиозных стилей. К таким практикам относятся приверженность молитве и медитации как акты обращения к «противостоящему» (Хубер Ш., Хубер О., 2018) и диалогический тип духовности, в плане оценки учитывается выраженность частоты религиозных практик, их личная важность (значимость для респондента). Обратим внимание, что, опять-таки, медитативные практики (как и, например, стремление войти в контакт с божественным) отражают религиозность для представителей не всех конфессиональных направлений, поэтому имеет смысл рассматривать только обобщенные оценки этого структурного компонента: в целом для Алтайского края среднее значение этого субиндекса составило 2,5 балла, Республики Алтай — 2,6, Республики Тыва — 3 балла.

По сравнению с публичным выражением веры, личные религиозные практики занимают существенно большее место в жизни верующих всех воззрений, причем для женщин — русских и алтаек — это замечание более характерно, тогда как среди тувинцев доля высоко религиозных женщин (20% и 12,) ниже, чем доля высоко религиозных мужчин. Русские женщины крайне редко не обращаются к молитве (14%), тогда как среди русских мужчин таких почти четверть (24,4%). При этом практикуют личное обращение к Богу, высшим силам в том числе и неверующие русские, почти в равной мере и мужчины, и женщины: среди них есть и высоко религиозные в этом смысле (1,3% женщин и 1,1% мужчин), и религиозные (18,3% женщин и 15% мужчин).

Судя по полученным значениям индекса, внутренняя религиозная жизнь и соответствующие индивидуальные практики в высокой степени свойственны тувинцам, причем в большей степени — мужчинам — пятая часть из них высоко религиозны (20%, 12,4% высоко религиозных женщин), хотя отметим и следующее: верующие тувинки в своих личных религиозных практиках хоть и менее истовы, но в целом более религиозны, среди них всего 6,2% не религиозных в личных практиках религии, тогда как среди тувинских мужчин таких почти четверть (22,9%). Неверующие тувинцы, напротив, склонны к отказу от подобных практик, и здесь мужчины более радикальны — все неверующие тувинцы не религиозны, а среди неверующих тувинков 55,6% не религиозных.

Иначе относятся к внутренней духовной жизни верующие алтайцы, в этой группе и среди мужчин, и среди женщин редко фиксировался высокий уровень религиозности (7,3% женщин и 5,3% мужчин), вместе с тем алтайки в целом существенно более религиозны — 80,5%, практикуют личное обращение к божественному, сакральному, а среди верующих алтайцев более трети (36,8%) в этом смысле не религиозны (таб. 6).

Таблица 6. Уровень выраженности компонента религиозности «Личные религиозные практики», в %.
Table 6. Level of expression of personal religious practices component of religiosity, in %.

Этническая идентификация	Религиозная идентификация	Пол	Уровень религиозности		
			Высоко религиозные	Религиозные	Не религиозные
русские	православие	женщины	10,4	75,6	14,0
		мужчины	5,6	70,0	24,4
	буддизм, шаманизм, синкретизм	женщины	10,0	80,0	10,0
		мужчины	33,3	66,7	—
	бурханизм	женщины	—	100,0	—
		мужчины	—	—	100,0
тувинцы	православие	женщины	1,3	18,3	80,4
		мужчины	1,1	15,0	83,9
	буддизм, шаманизм, синкретизм	женщины	33,3	66,7	—
		мужчины	—	—	—
	неверующие	женщины	12,4	81,4	6,2
		мужчины	20,0	57,1	22,9
алтайцы	православие	женщины	—	44,4	55,6
		мужчины	—	—	100,0
	буддизм, шаманизм, синкретизм	женщины	30,0	60,0	10,0
		мужчины	—	66,7	33,3
	бурханизм	женщины	—	83,3	16,7
		мужчины	—	100,0	—
	неверующие	женщины	7,3	80,5	12,2
		мужчины	5,3	57,9	36,8
		женщины	—	37,5	62,5
		мужчины	—	14,3	85,7

На наш взгляд, именно данный компонент имеет существенное значение для оценки общего уровня религиозности, поскольку частная жизнь индивида в современном обществе слабо подлежит контролю, в том числе и со стороны традиционных религий; она строится на основе саморегуляции и ценностных установок личности, личные духовные и религиозные практики в большей степени связаны с соучастием в сфере духовной жизни, и, следовательно, более фундаментальны в отношении самосознания личности, менее декларативны и в целом более искренни и ценны.

Измерение религиозного опыта

Религиозный опыт в большей степени субъективен, отражает переживание встреч с божественной (мистической) реальностью, ощущение божественного присутствия в мире и жизни индивида (рока, кармы, зависимости от божественной воли, некоего высшего (божественного) порядка вещей и т. п.). Этот компонент тесно связан с эмоциональной оценкой, так как сопряжен с переживанием надежды (например, на возрождение, оказаться в раю, прощение грехов, искупление и т. п.), внутренним умиротворением, упованием на волю Бога, чувством вины или страха перед высшим судом. Можно утверждать, что большинство населения современных российских регионов вполне допускают присутствие божественных мистических сил в своей жизни: среднее значение для Алтайского края составило 2,3 балла, для Республики Алтай — 2,4 балла, для Республики Тыва — 2,4 балла.

Очевидно, что мужчины и женщины по-разному переживают религиозный опыт. В группе русских среди религиозных по данному компоненту чаще женщины, а мужчины — в группе нерелигиозных. Логично и то, что переживание религиозного опыта практически не свойственно русским неверующим — и мужчинам (90% нерелигиозных), и женщинам (82,4% нерелигиозных), хотя все-таки, как видим, и неверующие признают наличие неких мистических сил в их жизни, и доля таких среди женщин больше — в совокупности 17,6% (мужчин — 10%), что в том числе может свидетельствовать о большей распространенности склонности к мистицизму среди русских женщин.

Верующие тувинцы гораздо опытнее во внутреннем переживании божественного (мистического) присутствия, и чем тувинские верующие женщины, и чем русские респонденты, при этом такой опыт среди них более ярко выражен (11,4% случаев). Но, как и в демонстрациях личных конфессиональных практик, тувинские мужчины, хоть и чаще бывают истовыми в своей вере, существенная доля из них не имеют личных переживаний религиозного (51,4% нерелигиозных тувинцев), в отличие от придерживающихся традиционных конфессиональных воззрений тувинок (32,3% нерелигиозных). И, что еще более любопытно и существенно отличает тувинцев, неверующие из них (и мужчины, и женщины) абсолютно не подвержены мистическим умонастроениям (100% не религиозны).

Среди алтайцев максимальное выражение мистических чувств (высокая религиозность по компоненту) свойственно только женщинам, мужчины же весьма далеки от переживания религиозного, веры в наличие высшей силы, божественной руки, которая направляет их жизненный путь — 70% из них в этом смысле не религиозны, а 30% иногда задумывались о направляющей высшей силе, ощущали ее присутствие, тогда как 50% верующих алтаек религиозны и 10% высоко религиозны. Как и тувинцы, алтайцы не склонны к мистицизму, хотя в чуть меньшей степени, и эти чувства независимы от гендерного статуса неверующих — по 87,5% мужчин и женщин никогда не переживали такого духовного опыта (не религиозны) (таб. 7).

Таблица 7. Уровень выраженности религиозного опыта, в %.
Table 5. Level of expression of religious experience, in %.

Этническая идентификация	Религиозная идентификация	Пол	Уровень религиозности		
			Высоко религиозные	Религиозные	Не религиозные
русские	православие	женщины	7,9	67,5	24,6
		мужчины	6,8	57,1	36,0
	буддизм, шаманизм, синкретизм	женщины	—	70,0	30,0
		мужчины	50,0	50,0	—
	бурханизм	женщины	—	100,0	—
		мужчины	—	—	100,0
	неверующие	женщины	0,6	17,0	82,4
		мужчины	0,6	9,4	90,0

тувинцы	православие	женщины	–	66,7	33,3
		мужчины	–	–	–
	буддизм, шаманизм, синкретизм	женщины	6,3	61,4	32,3
		мужчины	11,4	37,1	51,4
	неверующие	женщины	–	–	100,0
		мужчины	–	–	100,0
алтайцы	православие	женщины	20,0	40,0	40,0
		мужчины	–	50,0	50,0
	буддизм, шаманизм, синкретизм	женщины	–	66,7	33,3
		мужчины	25,0	75,0	–
	бурханизм	женщины	10,0	50,0	40,0
		мужчины	–	30,0	70,0
	неверующие	женщины	–	12,5	87,5
		мужчины	–	12,5	87,5

Таким образом, в переживании присутствия божественного или его направляющего вмешательства в жизни чаще уверены русские женщины, причем такие настроения свойственны их неверующей части. Конечно же, склонны к восприятию мистической стороны бытия в большинстве случаев женщины всех этнических и конфессиональных групп, хотя в меньшей степени такие установки распространены среди алтаек.

Заключение

По результатам нашего исследования в трех сибирских регионах, привлеченного к участию достаточно репрезентативные для статистического анализа и сопоставлений этноконфессиональные группы, мы убедились в наличии некоторых особенностей в проявлении религиозности и мистических чувств мужчин и женщин.

Полученные результаты могут согласовываться с тенденцией социологической науки к отказу от рассмотрения магического, мистического в религиозном контексте (Гришина, 2019), современная наука связывает сферу мистического с «встраиванием» оккультного в поле светской повседневности. Можно говорить о том, что в современном мире трансформировались социальные практики через включение в них деятельности разного рода мистиков, колдунов, астрологов, составителей натальных и им подобных личностей в сферу услуг, маркетинга в результате культурной трансформации общества потребления. Результаты исследования приводят к выводу об эклектичности мировоззрения современных россиян, сочетающего в себе логические противоречивые или, как минимум, не связанные элементы религиозности, современной научной картины мира, а также разного рода пара- и квази- научных и религиозных мифологем. В частности, о такой эклектичности религиозного мировоззрения писали наши коллеги, опираясь на данные самостоятельных исследований (Ламажаа, 2021; Ламажаа, Бичелдей, Монгуш, 2020; Дашковский и др., 2021). Возможно, мы на примере увидели сформированные новые специфичные формы социокультурного восприятия мира и бытия. Вместе с тем, полученные данные свидетельствуют и о сохранности традиционных, обусловленных этнической идентичностью воззрений и практик. К схожим выводам, например, пришла Н. О. Товуу (Товуу, 2019), рассматривая особенности психики этноса через призму соединения моральных, религиозных и других этнических особенностей, а на особый характер формирования тувинской этничности в условиях адаптации к трансформациям и социальным реформам указывала в своих работах Ч. К. Ламажаа (Ламажаа, 2009, 2016, 2021).

Мы увидели в целом большую религиозность женщин конфессий доминирующих этносов — православных русских, тувинцев, придерживающихся идеалов буддизма, шаманизма либо их сочетания и последователей белой веры — алтайцев. По сравнению с русскими, тувинки и алтайки демонстрируют большую религиозность, большую значимость конструкторов веры и сферы религиозного во внутренней духовной и внешней светской жизни, тогда как в содержании компонентов религиозности выявлены некоторые различия. Например, русские женщины больше информированы по вопросам веры, среди них очень сильны установки на веру в существование Бога, тогда как тувинки и алтайки более демонстративны в выражении как публичной стороны своих верований, так и в личных духовных практиках, что в большей степени, на наш взгляд, обусловлено особенностями этнических, а не религиозных культур. Отмечена и меньшая распространённость «истовой» веры ярко выраженной ре-

лигиозности женщин всех этносов и конфессий, по сравнению с мужчинами, вера женщин не так высоко религиозна, она, скорее, обнажается, приобретает особое значение в определенные моменты жизни женщины, тогда как мужчины более контрастны в своем выражении веры и приверженности к ней, их религиозность более тяготеет к полюсам степеней выраженности, а также мужчины чаще стараются демонстрировать свою религиозность, транслируя ее «вовне» — в пространство публичной жизни. Также отметим и еще одну интересную особенность русских женщин (как православных, так и неверующих) — они существенно меньше тувинок и алтаек уверены в наличии направляющей руки Бога или высшей силы. Вместе с тем, тувинки и алтайки, в отличие от русских, существенно более склонны проявлять себя в сфере мистического и магического вне религии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богачев, М. И. (2016) К вопросу о формировании интегрального подхода к концептуализации религиозности // Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. № 18. С. 9–26.

Борисова, О. Н., Павлюткин, И. В. (2019) Вариативность моделей современной городской многодетности: возрождение традиции, новые браки или сетевые эффекты? // Мир России. № 4. С. 128–151.

Бреская, О. Ю. (2011) Изучение религиозности: к необходимости интегрального подхода // Социологические исследования. № 12. С. 77–87.

Гришаева, Е. И. (2018) Религиозная идентичность как незавершенный проект. Перспективы применения дискурсивных подходов для социологического изучения идентичности в православных приходах // Научный результат. Социология и управление. Т. 4. № 1. С. 13–22.

Гришина, Е. А. (2019) Окультизм в потребительском пространстве современного российского общества // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». № 4 (19). С. 94–108.

Дашковский, П. К., Шершнева, Е. А., Бичелдей, У. П., Монгуш, А. В. (2021) Религиозная ситуация в Республике Тыва (по результатам социологического исследования) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 18–34. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.2>

Дивисенко, К. С., Дивисенко, О. А. (2017) Социальное измерение религиозности: опыт эмпирического исследования // Петербургская социология сегодня. № 8. С. 91–110.

Ламажаа, Ч. К. (2009) Социальная архаизация постсоветской Тувы // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 124–129.

Ламажаа, Ч. К. (2016) Тувинская этничность и социум в этносоциологических и антропологических исследованиях // Новые исследования Тувы. № 2. С. 32–51.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация населения // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Ламажаа, Ч. К., Бичелдей, У. П., Монгуш, А. В. (2020) Тувинское буддийское паломничество: от традиции к культуре // Новые исследования Тувы. № 4. С. 135–155. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.10>

Лебедев, С. Д. (2020) Социологическое измерение религиозности: к типологии основных подходов // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов : сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса, Тюмень, 14–16 октября 2020 года / отв. редактор В. А. Мансуров. Тюмень : Российское общество социологов. 6003 с. С. 4962–4979. DOI: <https://doi.org/10.19181/kongress.2020.584>

Максимова, С. Г., Суртаева, О. В., Омельченко, Д. А., Великжанина, К. А. (2024) Религиозность женщин приграничных регионов России: общие характеристики и региональная специфика // Society and Security Insights. Т. 7. № 2. С. 69–90.

Максимова, С. Г., Авдеева, Г. С., Омельченко, Д. А., Атясова, Н. Ю., Ноянзина, О. Е. (2015) Гражданская и этническая идентичность населения приграничных регионов России: особенности современного состояния, факторы и актуальные проблемы формирования // Известия Алтайского государственного университета. № 3–1 (87). С. 175–179.

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2020) Тува в диалоге культур: компаративистский контекст // Новые исследования Тувы. № 4. С. 217–229. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.15>

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2022) «Затерянный мир»: тувинская культура в центр-периферийной интерпретации геокультурного и социокультурного пространства // Новые исследования Тувы. № 1. С. 225–236. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.15>

Смирнов, М. Ю. (2015) Возможно ли отказаться от концепта религиозности при исследовании религии? // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Т. 16. № 2. С. 145–153.

Товуу, Н. О. (2019) Традиционное верование тувинцев: этнические особенности // Профессиональное образование в современном мире. № 9(4) С. 3356–3364. DOI: <https://doi.org/10.15372/PEMW20190424>

Хлопкова, О. В. (2020) Трансформация подходов к исследованию религиозности в социальных науках // Человек. Социум. Общество. № 2. С. 122–130.

Хубер Ш., Хубер О. (2018) Шкала центральности религиозности (CRS) / пер. с англ. Е. В. Пруцковой, К. В. Маркина // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М). № 47. С. 144–171.

Шахбанова, М. М. (2021) Религиозная идентичность городского населения Дагестана в структуре социальной идентичности // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 13. № 1. С. 93–108.

Эрвье-Леже Д. (2015) В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 1 (33). С. 254–268.

Abdel-Khalek, A., Lester, D. (2013) Mental health, subjective well-being, and religiosity: Significant associations in Kuwait and USA // Journal of Muslim Mental Health. Vol. 7. Issue 2. P. 63–76. DOI: <https://doi.org/10.3998/jmmh.10381607.0007.204>

Acevedo, G., Shah, S. (2015) Sectarian affiliation and gender traditionalism: A study of Sunni and Shi'a Muslims in four predominantly Muslim countries // Sociology of Islam. Vol. 3. P. 1–29. DOI: <https://doi.org/10.1163/22131418-00301001>

Berger, P. L. (1974) Modern identity: Crisis and continuity // W. S. Dillon (Ed.) The cultural drama: Modern identities and social ferment. Washington, DC. : Smithsonian Institution Press. 328 p. P. 159–181.

Davie, G. (2004) New Approaches in the Sociology of Religion: A Western Perspective // Social Compass. № 53. P. 73–84. DOI: <https://doi.org/10.1177/0037768604040791>

de Vaus, D., McAllister, I. (1987) Gender Differences in Religion: A Test of the Structural Location Theory // American Sociological Review. Vol. 52. № 4. P. 472–481. DOI: <https://doi.org/10.2307/2095292>

Finke, R., Adamczyk, A. (2008) Cross-National Moral Beliefs: The Influence of National Religious Context // The Sociological Quarterly. Vol. 49. P. 617–652. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.2008.00130.x>

Glock, C. Y. (1962) On the Study of Religious Commitment // Religious Education. Vol. 57. Sup. 4. P. 98–110.

Hill, P. C., Hood, R. W. (1999) Measures of religiosity. Birmingham, Alabama: Religious Education Press. 531 p.

Huber, S., Ackert, M., Scheiblich, H. (2020) Religiosität in unterschiedlichen Religionskulturen — Vergleiche auf der Basis der Centrality of Religiosity Scale // Cultura & Psyché. Vol. 1 (1–2). P. 171–185. DOI: <https://doi.org/10.1007/s43638-020-00007-3>

Lenski, G. (1961) The Religious Factor: A Sociological Study Of Religion's Impact On Politics, Economics, And Family Life. Publisher: Garden City, N.Y. : Doubleday. 381 p.

Li, A. Y. C., Liu, J. K. K. (2021) Effects of intrinsic and extrinsic religiosity on well-being through meaning in life and its gender difference among adolescents in Hong Kong: A mediation study // Current Psychology. Vol. 42. P. 7171–7181.

Ngamaba, K. H., Soni, D. (2018) Are happiness and life satisfaction different across religious groups? Exploring determinants of happiness and life satisfaction // Journal of Religion and Health. Vol. 57. № 6. P. 2118–2139. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10943-017-0481-2>

Perveen, A., Mehmood, B., Yasin, M. G. (2017) Materialism and life satisfaction in Muslim youth: Role of gratitude and religiosity // Pakistan Journal of Psychological Research. Vol. 32. № 1. P. 763–771.

Reitz, A. K., Asendorpf, J. B., Motti-Stefanidi, F. (2015) When do immigrant adolescents feel personally discriminated against? Longitudinal effects of peer preference // International Journal of Behavioral Development. Vol. 39. № 3. P. 197–209. DOI: <https://doi.org/10.1177/0165025414567008>

Roberto, A., Sellon, A., Cherry, S. T., Hunter-Jones, J., Winslow, H. (2020) Impact of spirituality on resilience and coping during the COVID-19 crisis: A mixed-method approach investigating the impact on women // Health Care for Women International. Vol. 41. № 11–12. P. 1313–1334. DOI: <https://doi.org/10.1080/07399332.2020.1832097>

Stark, R. (1996) Religion as Context: Hellfire and Delinquency One More Time // Sociology of Religion. Vol. 57. № 2. P. 151–163. DOI: <https://doi.org/10.2307/3711948>

Sultan, S., Kanwal, F., Hussain, I. (2020) Moderating effects of personality traits in relationship between religious practices and mental health of university students // Journal of Religion and Health. Vol. 59. № 5. P. 2458–2468. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10943-019-00875-x>

Unterrainer, H. F., Lewis, A. J., Fink, A. (2014) Religious/spiritual well-being, personality and mental health: A review of results and conceptual issues // *Journal of Religion and Health*. Vol. 53. № 2. P. 382–392. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10943-012-9642-5>

Vang, Z. M., Hou, F., Elder, K. (2019) Perceived religious discrimination, religiosity, and life satisfaction // *Journal of Happiness Studies*. Vol. 20. № 6. P. 1913–1932.

Villani, D., Sorgente, A., Iannello, P., Antonietti, A. (2019) The role of spirituality and religiosity in subjective well-being of individuals with different religious status // *Frontiers in Psychology*. Vol. 10. P. 1525. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01525>

Wixwat, M., Saucier, G. (2021) Being spiritual but not religious // *Current Opinion in Psychology*. Vol. 40. P. 121–125. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2020.09.003>

Zahoor, N., Khattak, A. Z., Amjad, M., Shaukat, S., Khanum, U., Raziq, U. (2021) Relationship between religiosity and Life satisfaction in undergraduate students at Kohat University of Science & Technology KPK Pakistan // *Journal of Professional and Applied Psychology*. Vol. 2. № 1. P. 36–42. DOI: <https://doi.org/10.52053/jpap.v2i1.32>

Дата поступления: 11.10.2024 г.

Дата принятия: 22.11.2024 г.

REFERENCES

Bogachev, M. I. (2016) On the question of forming an integral approach to the conceptualization of religiosity. *Light of Christ Enlightens Everyone: Almanac of the St. Philaret Orthodox Christian Institute*, no. 18, pp. 9–26. (In Russ.)

Borisova, O. N. and Pavlyutkin, I. V. (2019) Variability of models of modern urban families with many children: revival of tradition, new marriages or network effects? *Mir Rossii*, no. 4, pp. 128–151. (In Russ.)

Breskaya, O. Yu. (2011) Studying religiosity: on the need for an integral approach. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no. 12, pp. 77–87. (In Russ.)

Grishaeva, E. I. (2018) Religious identity as an unfinished project. Prospects for applying discursive approaches to sociological study of identity in Orthodox parishes. *Nauchnyi Rezultat. Sociology and Management*, vol. 4, no. 1, pp. 13–22. (In Russ.)

Grishina, E. A. (2019) Occult services in the consumer space of contemporary Russian society. *Vestnik RGGU. Series "Philosophy. Sociology. Art Studies"*, no. 4 (19), pp. 94–108. (In Russ.)

Dashkovsky, P. K., Shershneva, E. A., Bicheldei, U. P. and Mongush, A. V. (2021) Religious situation in the Republic of Tuva (according to sociological research results). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 18–34. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.2>

Divisenko, K. S. and Divisenko, O. A. (2017) Social dimension of religiosity: empirical research experience. *Peterburgskaya Sotsiologiya Segodnya*, no. 8, pp. 91–110. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2009) Social archaization of post-Soviet Tuva. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 124–129. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2016) Tuvan ethnicity and society in ethnosociological and anthropological studies. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 32–51. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Tuva as a limitrophe zone: language, religion and population identification. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 178–194. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Lamazhaa, Ch. K., Bicheldei, U. P. and Mongush, A. V. (2020) Tuvan Buddhist pilgrimage: from tradition to culture. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 135–155. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.10>

Lebedev, S. D. (2020) Sociological dimension of religiosity: towards typology of main approaches. In: *Sociology and Society: Traditions and Innovations in the Social Development of Regions*: Proceedings of the VI All-Russian Sociological Congress, Tyumen, October 14–16, 2020, ed. by V. A. Mansurov. Tyumen, Russian Society of Sociologists. 6003 p. Pp. 4962–4979. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/kongress.2020.584>

Maksimova, S. G., Surtaeva, O. V., Omelchenko, D. A. and Velikzhanina, K. A. (2024) Religiosity of women in border regions of Russia: general characteristics and regional specifics. *Society and Security Insights*, vol. 7, no. 2, pp. 69–90. (In Russ.)

Maksimova, S. G., Avdeeva, G. S., Omelchenko, D. A., Atyasova, N. Yu. and Noyanzina, O. E. (2015) Civic and ethnic identity of the population of Russia's border regions: current state features, factors and pressing issues of formation. *Izvestiya Altai State University*, no. 3–1 (87), pp. 175–179. (In Russ.)

Popkov, Yu. V. and Tyugashev, E. A. (2020) Tuva in the dialogue of cultures: a comparativist context. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 217–229. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.15>

Popkov, Yu. V. and Tyugashev, E. A. (2022) “Lost world”: Tuvan culture in the center-periphery interpretation of geocultural and sociocultural space. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 225–236. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.15>

Smirnov, M. Yu. (2015) Is it possible to abandon the concept of religiosity in the study of religion? *Vestnik Russkoi Khristianskoi Gumanitarnoi Akademii*, vol. 16, no. 2, pp. 145–153. (In Russ.)

Tovu, N. O. (2019) Traditional belief of Tuvans: ethnic features. *Professional Education in the Modern World*, no. 9 (4), pp. 3356–3364. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15372/PEMW20190424>

Khlopkova, O. V. (2020) Transformation of approaches to the study of religiosity in social sciences. *Chelovek. Sotium. Obshchestvo.*, no. 2, pp. 122–130. (In Russ.)

Huber, Sh. and Huber, O. (2018) Centrality of Religiosity Scale (CRS) / trans. by E. V. Prutskova and K. V. Markin. *Sotsiologiya: Metodologiya, Metody, Matematicheskoe Modelirovanie (Sotsiologiya:4M)*, no. 47, pp. 144–171. (In Russ.)

Shakhbanova, M. M. (2021) Religious identity of urban population of Dagestan in the structure of social identity. *Historical and Socio-Educational Thought*, vol. 13, no. 1, pp. 93–108. (In Russ.)

Ervie-Leje D. (2015) In search of certainty: paradoxes of religiosity in developed modern societies. *State, Religion, Church in Russia and Abroad*, no. 1 (33), pp. 254–268. (In Russ.)

Abdel-Khalek, A. and Lester, D. (2013) Mental health, subjective well-being, and religiosity: Significant associations in Kuwait and USA. *Journal of Muslim Mental Health*, vol. 7, issue 2, pp. 63–76. DOI: <https://doi.org/10.3998/jmmh.10381607.0007.204>

Acevedo, G. and Shah, S. (2015) Sectarian affiliation and gender traditionalism: A study of Sunni and Shi’a Muslims in four predominantly Muslim countries. *Sociology of Islam*, vol. 3, pp. 1–29. DOI: <https://doi.org/10.1163/22131418-00301001>

Berger, P. L. (1974) Modern identity: Crisis and continuity. In: W. S. Dillon (Ed.) *The cultural drama: Modern identities and social ferment*. Washington, DC., Smithsonian Institution Press. 328 p. Pp. 159–181.

Davie, G. (2004) New Approaches in the Sociology of Religion: A Western Perspective. *Social Compass*, no. 53, pp. 73–84. DOI: <https://doi.org/10.1177/0037768604040791>

de Vaus, D. and McAllister, I. (1987) Gender Differences in Religion: A Test of the Structural Location Theory. *American Sociological Review*, vol. 52, no. 4, pp. 472–481. DOI: <https://doi.org/10.2307/2095292>

Finke, R. and Adamczyk, A. (2008) Cross-National Moral Beliefs: The Influence of National Religious Context. *The Sociological Quarterly*, vol. 49, pp. 617–652. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.2008.00130.x>

Glock, C. Y. (1962) On the Study of Religious Commitment. *Religious Education*, vol. 57, sup. 4, pp. 98–110.

Hill, P. C. and Hood, R. W. (1999) *Measures of religiosity*. Birmingham, Alabama, Religious Education Press. 531 p.

Huber, S., Ackert, M. and Scheiblich, H. (2020) Religiosität in unterschiedlichen Religionskulturen — Vergleiche auf der Basis der Centrality of Religiosity Scale. *Cultura & Psyché*, vol. 1 (1–2), pp. 171–185. DOI: <https://doi.org/10.1007/s43638-020-00007-3>

Lenski, G. (1961) *The Religious Factor: A Sociological Study Of Religion's Impact On Politics, Economics, And Family Life*. Publisher: Garden City, N. Y., Doubleday. 381 p.

Li, A. Y. C. and Liu, J. K. K. (2021) Effects of intrinsic and extrinsic religiosity on well-being through meaning in life and its gender difference among adolescents in Hong Kong: A mediation study. *Current Psychology*, vol. 42, pp. 7171–7181.

Ngamaba, K. H. and Soni, D. (2018) Are happiness and life satisfaction different across religious groups? Exploring determinants of happiness and life satisfaction. *Journal of Religion and Health*, vol. 57, no. 6, pp. 2118–2139. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10943-017-0481-2>

Perveen, A., Mehmood, B. and Yasin, M. G. (2017) Materialism and life satisfaction in Muslim youth: Role of gratitude and religiosity. *Pakistan Journal of Psychological Research*, vol. 32, no. 1, pp. 763–771.

Reitz, A. K., Asendorpf, J. B. and Motti-Stefanidi, F. (2015) When do immigrant adolescents feel personally discriminated against? Longitudinal effects of peer preference. *International Journal of Behavioral Development*, vol. 39, no. 3, pp. 197–209. DOI: <https://doi.org/10.1177/0165025414567008>

Roberto, A., Sellon, A., Cherry, S. T., Hunter-Jones, J. and Winslow, H. (2020) Impact of spirituality on resilience and coping during the COVID-19 crisis: A mixed-method approach investigating the impact on women. *Health Care for Women International*, vol. 41, no. 11–12, pp. 1313–1334. DOI: <https://doi.org/10.1080/07399332.2020.1832097>

Stark, R. (1996) Religion as Context: Hellfire and Delinquency One More Time. *Sociology of Religion*, vol. 57, no. 2, pp. 151–163. DOI: <https://doi.org/10.2307/3711948>

Sultan, S., Kanwal, F. and Hussain, I. (2020) Moderating effects of personality traits in relationship between religious practices and mental health of university students. *Journal of Religion and Health*, vol. 59, no. 5, pp. 2458–2468. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10943-019-00875-x>

Unterrainer, H. F., Lewis, A. J. and Fink, A. (2014) Religious/spiritual well-being, personality and mental health: A review of results and conceptual issues. *Journal of Religion and Health*, vol. 53, no. 2, pp. 382–392. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10943-012-9642-5>

Vang, Z. M., Hou, F. and Elder, K. (2019) Perceived religious discrimination, religiosity, and life satisfaction. *Journal of Happiness Studies*, vol. 20, no. 6, pp. 1913–1932.

Villani, D., Sorgente, A., Iannello, P. and Antonietti, A. (2019) The role of spirituality and religiosity in subjective well-being of individuals with different religious status. *Frontiers in Psychology*, vol. 10, article 1525. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01525>

Wixwat, M. and Saucier, G. (2021) Being spiritual but not religious. *Current Opinion in Psychology*, vol. 40, pp. 121–125. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2020.09.003>

Zahoor, N., Khattak, A. Z., Amjad, M., Shaukat, S., Khanum, U. and Raziq, U. (2021) Relationship between religiosity and Life satisfaction in undergraduate students at Kohat University of Science & Technology KPK Pakistan. *Journal of Professional and Applied Psychology*, vol. 2, no. 1, pp. 36–42. DOI: <https://doi.org/10.52053/jpap.v2i1.32>

Submission date: 11.10.2024.

Acceptance date: 22.11.2024.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

DOI: 10.25178/nit.2025.3.19

Статья

Образы животных в тувинских и кыргызских сказках в советских переводных изданиях на русском языке

Жыпар О. Султанова

Кыргызско-Российский Славянский университет им. первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина,
Кыргызская Республика

В статье рассматриваются образы животных в тувинских и кыргызских народных сказках, изданных в русскоязычных переводах в советское время. Сравнительный анализ образов животных делается с учетом соответствующей призмы русской лингвокультуры. Актуальность и новизна исследования заключаются не столько в определении образов животных в сказках двух родственных лингвокультур, но сколько в анализе унификации художественного восприятия образного ряда в рамках одной русской лингвокультуры.

Самыми популярными сказочными животными в анализируемых переведённых сказках двух этнических культур являются лиса, заяц и волк.

В русской интерпретации тувинских сказок образ лисы передаётся через ее изворотливость и представлена в рамках характеристики «хитрая», а в русскоязычных переводах кыргызских сказок строится вокруг понятий «обман» и «кара/наказание», которые, в конечном счёте, приводят к характеристике «наказанная». Образ зайца в переводах тувинских и кыргызских сказок на русский язык подаётся в двух ракурсах: первый — хвастливость, следствием которой выступает работа характеристики «блефующий», и находчивость, обеспечивающая функционирование характеристики «смекалистый» в рамках русской лингвокультуры. Наивность и доверчивость волка в переводах, как тувинских, так и кыргызских сказок на русский язык, определяется общей характеристикой «глупый».

Ключевые слова: тувинский фольклор; тувинская сказка; кыргызский фольклор; кыргызская сказка; образ животного; образ лисы; образ зайца; образ волка

Для цитирования:

Султанова Ж. О. Образы животных в тувинских и кыргызских сказках в советских переводных изданиях на русском языке // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 317-332. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.19>

Султанова Жыпар Оморовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры международной журналистики факультета международных отношений Кыргызско-Российского Славянского университета им. первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина. Адрес: Кыргызская Республика, 720000, Бишкек, ул. Киевская, д. 44. Эл. адрес: jeep502@inbox.ru

SULTANOVA, Zhypar Omorovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of International Journalism, Faculty of International Relations, Kyrgyz-Russian Slavic University named after the first President of the Russian Federation B. N. Yeltsin. Postal address: 44 Kievskaya Str., Bishkek, 720000, Kyrgyz Republic. Email: jeep502@inbox.ru

ORCID: 0009-0009-6675-3818

DIALOGUE OF CULTURES

Article

Animal Images in Tuvan and Kyrgyz Fairy Tales in Soviet Russian-Language Translated Editions

Zhypar O. Sultanova

*Kyrgyz-Russian Slavic University named after the First President of the Russian Federation B. N. Yeltsin,
Kyrgyz Republic*

This article examines the images of animals in Tuvan and Kyrgyz folk tales published as Russian-language translations during the Soviet period. The comparative analysis of animal images is conducted with consideration of the corresponding prism of Russian linguistic culture. The relevance and novelty of the study lie not so much in identifying animal images in the fairy tales of the two related linguistic cultures but rather in analyzing the unification of artistic perception of the imagistic range within a single Russian linguistic culture.

The most popular fairy tale animals in the analyzed translated fairy tales of the two ethnic cultures are the fox, the hare, and the wolf.

In the Russian interpretation of Tuvan tales, the image of the fox is conveyed through its craftiness and is represented within the characteristic of being “cunning”, whereas in the Russian-language translations of Kyrgyz tales, it centers around the concepts of “deception” and “punishment”, which ultimately lead to the characterization of the fox as “punished”. The image of the hare in the Russian translations of Tuvan and Kyrgyz tales is presented from two perspectives: the first — boastfulness, leading to the characterization of “bluffing”, and resourcefulness, which ensures the functioning of the characteristic “clever” within Russian linguistic culture. The naivety and gullibility of the wolf in translations of both Tuvan and Kyrgyz tales into Russian is defined by the general characterization as “stupid”.

Keywords: *Tuvan folklore; Tuvan fairy tale; Kyrgyz folklore; Kyrgyz fairy tale; animal image; image of the fox; image of the hare; image of the wolf*

For citation:

Sultanova Zh. O. Animal Images in Tuvan and Kyrgyz Fairy Tales in Soviet Russian-Language Translated Editions. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 317-332. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.19>

Введение

Историческая и языковая близость тувинской и кыргызской культур (Султанова, 2023) позволяет провести сравнительный анализ их фольклора, в том числе народных сказок. Животные, как яркие и разнообразные персонажи, занимают важное место в этих сказках, что делает их изучение актуальным, в том числе и потому что сравнительный аспект недостаточно исследован.

При изучении фольклоров народов бывшего общего советского пространства также важно учитывать тот факт, что записи и публикации собраний текстов не остались без влияния советской культурной политики, в том числе в формате выбранных сюжетов, сказочных образов и переводных версий. В том числе, например, составители сборников изменяли сюжеты, избегая «жестокостей», не вписывающихся в советские представления о социальной справедливости (Красильникова, Трояк, 2025: 37).

Говоря о переводах, нельзя не упомянуть ещё об одной проблеме. Даже переводчики с естественным билингвизмом в рамках перемещения культурных смыслов при переводе также допускают или

смещение смыслов, или их сокращение, очевидно, с целью адаптации информации для русскоязычного читателя, для популяризации культуры (Кужугет, Сувандии, Ламажаа, 2021: 416).

Поэтому целью данной работы является выявление особенностей образов животных в разрезе развития тех или иных сюжетных линий, а также определение своеобразие их бытования и характеристик в русскоязычной картине мира в рамках переводов тувинских и киргизских народных сказок на русский язык.

Сказки о животных — особый жанр фольклора, в которых персонажами выступают реальные и фантастические животные, встречающиеся в жизни человека или появившиеся через культурные контакты. Среди них есть яркие герои, такие как лиса, волк, заяц, каждый со своими особенностями и поведением (Чумбаева, Бакаева, 2023: 154).

Анализ переводных опубликованных тувинских и киргизских сказок показывает, что в них наиболее популярные персонажи — лиса, заяц и волк, как и в русских сказках. В исследовании с помощью контент-анализа изучены особенности сюжетов и характеристик этих образов.

В задачи исследования входит последовательное рассмотрение качеств трех персонажей: лисы, зайца, волка. Тем самым объектом исследования будут сказочные персонажи животных в переводных тувинских и киргизских сказках, предметом — их характеристики.

Исследование анализирует сказки на практике, раскрывая интерпретационные нюансы образов животных в переводном фольклоре. Изучение сюжетов тувинских и киргизских сказок в русском переводе помогает понять их репрезентацию в русской лингвокультуре.

За основу исследования в данной работе были взяты такие сборники переводов тувинских и киргизских сказок, как: «Тувинские народные сказки» 1971 г. в переводе М. Ватагина¹, «Тувинские народные сказки» 1988 г. в литературной обработке М. Хадаханэ², «Сказки и предания алтайских тувинцев» 1994 г., собранные Э. Таубе³, «Сказания о просторе» 1988 г. в собрании Ч. Таксами⁴, «Сибирские сказки» 1964 г., составленные А. Л. Коптеловым⁵ и «Киргизские народные сказки» 1981 г. Д. Брудного, К. Эшмамбетова⁶.

Для исследования были выбраны сказки из этих сборников, представляющие классическую русскоязычную обработку сказок двух народов. Основным методом исследования является качественный контент-анализ, с помощью которого изучены тексты русских переводов тувинских и киргизских сказок. Этот метод гибок и широко используется для различных целей, включая качественные, количественные и смешанные исследования, применяя разнообразные аналитические подходы для получения результатов и их контекстуализации (White, Marsh, 2006: 41). Также в работе использованы методы сравнительного анализа и синтеза данных.

Обзор литературы

В работе анализируется влияние русской лингвокультуры на интерпретацию фольклорных образов в тувинских и киргизских сказках. Это помогает понять, как происходит культурная и языковая адаптация сказок при переводе на русский язык. Перевод может стирать этнические особенности персонажей, подстраивая их под культурные концепты, знакомые русскоязычной аудитории. Изучение этих механизмов адаптации раскрывает процесс культурной трансформации народных сказок через перевод.

¹ Тувинские народные сказки / сост., перевод. и примеч. М. Ватагин; предисл. Д. С. Куулара. М.: Глав. ред. вост. литературы издательства «Наука», 1971.

² Тувинские народные сказки / переск. и литер. обр. М. Хадаханэ. М.: Детская литература, 1988.

³ Сказки и предания алтайских тувинцев / сост., предисл., коммент. Э. Таубе. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1994.

⁴ Сказание о просторе: сказки народов Бурятии, Горн. Алтая, Калмыкии, Тувы, Хакасии, Якутии и малых народов Сибири — долган, тофаларов и шорцев / сост., авт. послесл. и коммент. Ч. М. Таксами, худож. Б. А. Аникин, ред. Н. Н. Сотников. Л.: Лениздат, 1988.

⁵ Сибирские сказки: кн. / сост. и предисл. А. Л. Коптелов, ил. С. Калачев. Изд. 4-е, доп. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1964.

⁶ Киргизские народные сказки: кн. / пер. с кирг., сост. и обраб. Д. Брудного, К. Эшмамбетова, предисл. и авт. примеч. Д. Брудный, ил. Т. Герцен. Изд. 2-е, доп. Фрунзе: Кыргызстан, 1981.

Классификация сказочных сюжетов, основанная на функциональном принципе, была предложена В. Я. Проппом в «Морфологии сказки» (Пропп, 1928). В данной статье мы опираемся на тезис о постоянстве функциональной составляющей сказочных персонажей. В исследовании важно учитывать то, что вне зависимости от языка повествования, а, соответственно, и от лингвокультуры, функции одних и тех же, либо схожих персонажей в сказках остаются перманентными:

«Меняются названия (а с ними и атрибуты) действующих лиц, не меняются их действия или функции. Отсюда вывод, что сказка нередко приписывает одинаковые действия различным персонажам. Это дает нам возможность изучать сказку по функциям действующих лиц» (Пропп, 1928: 29).

В своей статье о влиянии трансформации на распределение ролей персонажей в народных сказках её авторы А. Коопал и С. Ранграз при структурировании историй (Koopal, Rangraz, 2023: 42–43) опираются на подход французского нарратолога К. Бремона, который, в свою очередь, является последователем В. Я. Проппа. Сторонники структурного нарративизма рассматривали повествование как последовательность определённых действий, а персонажей — как простых актёров, которые движут сюжет вперёд. Они считали, что характер не является независимым и уникальным, а представляет собой одномерный, типичный элемент, зависящий от ограниченных моделей действий, классифицируемых по признакам активности и пассивности.

Этот вопрос становится ещё более злободневным и спорным при переводе сказок с одного языка на другой, ведь при этом возникает множество дополнительных морально-технических нюансов лингвокультурного плана. Данная проблема не нова и достаточно популярна среди исследователей, которые считают, что перевод и литературизация народных повествований и литературных сказок играют важную роль. Это почти всегда становилось задачей учёных или поэтов, которые стремились как можно точнее передать дух оригинала. В зависимости от возможностей и готовности аудитории воспринимать чуждые миры, переводчикам нередко приходилось адаптировать тексты, чтобы они соответствовали культуре своих читателей (Roth, 1998: 254).

Конкретизируя все перечисленные моменты в рамках данного исследования можно отметить, что тувинские сказки достаточно изучены в образовательно-педагогическом (Золотухина, Биче-оол, 2024; Лопаткина, 2021; и др.¹), культурном (Хомушку, 2017; Кунгаа, 2012; и др.²) и языковом (Хайруллина, Сагитова, 2022; и др.³) аспектах.

Кыргызские же сказки менее исследованы, рассмотрены с точки зрения идейных⁴, а также воспитательных (Шербаева, 2016, 2018, 2021; Султанова, 2023) моментов.

Проблемы переводов тувинских сказок и культурных концептов были затронуты в исследованиях Г. Н. Воронцова и М. М. Гасанова (Воронцова, Гасанов, 2022), Ш. Ю. Кужугет, Н. Д. Сувандии, Ч. К. Ламажаа (Кужугет, Сувандии, Ламажаа, 2021).

Что касается кыргызского фольклора и литературы, то в рамках переводческой темы были сделаны исследования «Об опыте перевода кыргызского героического эпоса “Манас”» (Субакожоева, 2022) и «О художественном переводе кыргызских произведений на русский язык (анализ текстов)»⁵.

¹ Принцев И. «Радуга Тувы» // Новые исследования Тувы. 2011. № 2–3. С. 305–307; Чухрова М. Г., Монгуш Ч. Н., Куулар С. Д., Тагильцева Е. А. Анализ тувинских народных сказок и их педагогический потенциал // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 6 (97). С. 72–74.

² Артна А. Д. Аналогии в легендах и поверьях о Лох-несском чудовище с легендами и мифами тувинского народа // Сборник научных работ студентов Тувинского государственного университета: материалы ежегодной научно-практической конференции студентов, посвященной Международному году Периодической таблицы химических элементов Д. И. Менделеева, Кызыл, 20 апреля 2019 года. Выпуск XVII. Кызыл: Тувинский государственный университет, 2019. С. 141; Ооржак А. А. Мультимедийные фильмы по мотивам тувинских сказок // Алтай — Россия: через века в будущее : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 260-летию добровольно вхождения алтайского народа в состав Российского государства и 25-летию образования Республики Алтай: в 2 томах, Горно-Алтайск, 09–12 июня 2016 года. Т. 1. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2016. С. 416–418.

³ Бадарч, Б., Саая, О., Донгак, А. Слова монгольского происхождения в тувинских сказках // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 5 (78). С. 446–449.

⁴ Касымов К. Идейно-художественные особенности киргизской волшебной сказки: автореферат дис. ... канд. филол. н. Ташкент, 1990.

⁵ Мамбеталиев К. И. О художественном переводе кыргызских произведений на русский язык (анализ текстов) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 5–1. С. 154–158.

Научная значимость данной работы заключается в анализе тувинских и кыргызских народных сказок в русскоязычных переводах, которые, несмотря на свои глубокие культурные связи и тюркскую языковую общность, проходят через призму русской лингвокультуры. Сравнительный анализ этих сказок показывает, как общая советская история влияет на восприятие образов животных в русском художественном контексте. Это позволяет понять, как формируется значение этих образов в переводах и как транзитная русская лингвокультура воздействует на их интерпретацию. Русский язык не является родственным ни тувинскому, ни кыргызскому. Этот «взгляд со стороны» расширяет исследование, структурируя образы животных в переводных тувинских и кыргызских сказках через восприятие русской лингвокультуры. Русскоязычная культурная универсализация упрощает восприятие образов, характерных для фольклора других народов.

Многогранная хитрость лисы

Лиса является главным персонажем в большинстве тувинских и кыргызских сказок. В русской традиции лиса ассоциируется с хитростью, но это качество может проявляться и восприниматься по-разному. Характеристика хитрости может работать в противоположных направлениях, что видно при сравнении русскоязычных тувинских и кыргызских сказок.

Хитрость и изворотливость являются основными чертами, которые проявляются в образе лисы в анализируемых переводных сказках.

Например, в тувинской сказке «Лукавый лисёнок»¹ лисёнок благодаря своему уму и творческому подходу смог ловко обхитрить по очереди горного козла, волков, старика и даже старуху-джелбеге², которая, хотела зажарить его, уложив рядом с огнём. Но лис изощрённо избежал своей печальной участи:

«Чуть только джелбеге вздремнула, лисенок закричал:

— Ой, ой, бабушка, огонь опалает мой бело-рыжий мех, а ведь он должен украшать юношей! Подвиньтесь чуть-чуть! <...>.

— Уй-уй, бабушка, огонь опалает мой рыжий мех, а ведь он должен украшать девушек! Подвиньтесь-ка еще немного! Джелбеге подвинулась чуть-чуть, да и свалилась со скалы, тут ей и конец пришел»³.

В ещё одной тувинской сказке «Лисица и охотник»⁴ лиса также благодаря своей изворотливости помогла охотнику обмануть других зверей, чтобы содрать с них шкуры, а затем отомстить жадному и злому хану:

«Хан был пьяный. Ночью он вышел из юрты покачиваясь. Лисица прыгнула ему на грудь и вцепилась в горло. Охотник стукнул его по затылку.

Хан упал без движения.

Награбленный скот бедные люди из ханских табунов и отар обратно к себе угнали.

Охотник Калзан с лисицей стали в дружбе жить. Мясо они поровну делили, на охоту вместе ходили»⁵.

Сообразительность способна приносить лисе и материальные блага, это отражено в переводе другой тувинской сказки «Лисёнок»⁶, в которой лис, притворившись хромым и заставив бродячего ламу бегать за собой, хитростью забрал у него деревянный короб, который тот носил за спиной. Лама, пытаясь быстрее поймать лисёнка, сбросил свой груз:

¹ Сказки и предания алтайских тувинцев / сост., предисл., коммент. Э. Таубе. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 268–269.

² Мифическая старуха-чудовище из сказок и преданий алтайских тувинцев. Она пожирает мир и всё вокруг — воду, людей, деревья и даже камни.

³ Там же. С. 269.

⁴ Сибирские сказки: кн. / сост. и предисл. А. Л. Коптелов, ил. С. Калачев. Изд. 4-е, доп. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1964. С. 62–64.

⁵ Там же. С. 64.

⁶ Сказки и предания алтайских тувинцев / сост., предисл., коммент. Э. Таубе. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 270–271.

«Сбросил он свой груз и побежал, а лисенок — от него, да еще прикидывается, что еле-еле успева-ет убежать. Прикидывался, прикидывался, да и скрылся за холмом. А там собрался с силами, быстренько обогнул холм и вернулся к коробу бродячего ламы. Открыл его, а оттуда посыпались сахар, боорсак¹ и всякие другие лакомые кусочки»².

Кстати, побежав дальше, лисёнок встречает медведя, и конец данной сказки абсолютно иденти-чен завершению сказки «Лукавый лисёнок», только вместо старухи-джелбеге в данном произведении фигурирует персонаж медведя.

Из исследованных примеров видно, что образ лисы в переводах тувинских сказок на русский язык, в целом, положителен, ее хитрость ассоциируется, прежде всего, с сообразительностью, умением находить выход из самых сложных ситуаций. В рамках преследования собственных интересов с це-лью наживы, потехи и прочего прозорливый лисёнок предстает в образе хитроумного и расчетливого персонажа. Исходя из изученного материала, в соответствии с русскими сказочными традициями образ лисы передаётся через такие понятия, как ум, изворотливость, прозорливость и коварство. Эти понятия обобщаются в характеристике «хитрая» по аналогии с устоявшимся образом лисы в русских народных сказках.

Стоит отметить, что зачастую в сказках многих народов мира существует модель хитрости — Лиса, которая выражается как прецедентное имя, лисы часто являются символом остроумия и хитрости, а также лукавства, и обычно в сказках слово «лиса» является синонимом хитрости³.

В этом смысле тувинские народные сказки не только в переводах, но и в оригинале, тоже не стали исключением, ведь в них лиса также является воплощением хитрости, коварности, лжи (Хомушку, 2017: 158). В тувинских сказках нередко встречается характеристика *кажар дилги* 'хитрая лиса'

Таким образом, в русской картине мира «хитрость» лисы воспринимается положительно, что так-же отражается в переводных тувинских сказках, где лиса с гибкостью мышления становится приме-ром этого качества. В русскоязычных переводах кыргызских сказок хитрость лисы проявляется через ее интриганство, которое, однако, не остается безнаказанным.

Д. Т. Жалалова и Г. С. Арипова исходят из гипотезы, что «общественный опыт восприятия лисы как дикого животного у кыргызов и русских во многом сходен, а это, в свою очередь, обусловило многочисленные сходства в их взглядах на этого зверя и, в частности, в ценностных компонентах концепта “лиса” в языковой картине мира этих народов» (Жалалова, Арипова, 2020: 30).

В переводе кыргызской сказки «Пастух, тигр и лиса»⁴ двуличная лисица решила выступить по-средником в улаживании конфликта между пастухом и тигром, чтобы от каждого из них по отдель-ности получить желаемое. Хотела откусить пастуху ногу, но он ее перехитрил и она осталась ни с чем:

«В прошлом году у нас был голод. Плохо пришлось и мне. Моя борзая ошенилась двумя щенятами. Ну... я съел их. Теперь щенята в моем животе подросли. Видно, учуяли твой запах и хотят до тебя добраться... <...>. Лиса побежала во всю мочь, радуясь, что унесла ноги»⁵.

В другой кыргызской сказке «Лиса и муравей»⁶ намеревалась ленивая лиса обманом завладеть урожаем, который взрастил муравей, устроила с ним гонки (кто первый придет, тот урожай и забе-рет). Но муравей оказался смысленнее — лиса бежала быстро, а он зацепился за ее хвост и оказался у урожая первым, победив лису: «Муравей перетасил в амбар весь урожай и жил спокойно, сытно. А ленивая лиса голодала всю зиму»⁷.

¹Боорзак (тув. *боорзак*) — зажаренные в масле кусочки теста.

²Сказки и предания алтайских тувинцев ... С. 270.

³Чжан М. Сравнение прецедентных образов «хитрости» в русских и китайских сказках // Русский язык как иностранный: история, современность и будущее: сборник научных статей Международной научно-прак-тической конференции в рамках Международного форума «Русский язык и литература как средство фор-мирования российской идентичности и международной интеграции». Казань: Издательство Казанского уни-верситета, 2023. С. 134–135.

⁴Киргизские народные сказки: кн. / пер. с кирг., сост. и обраб. Д. Брудного, К. Эшмамбетова, предисл. и авт. примеч. Д. Брудный, ил. Т. Герцен. Изд. 2-е, доп. Фрунзе: Кыргызстан, 1981. С. 272–273.

⁵Там же. С. 273.

⁶Там же. С. 274.

⁷Там же.

В сказке «Лиса и перепел»¹ хотела вальяжная лиса, чтобы перепел сначала ее развеселил, испугал, чему-нибудь научил, чтобы затем съесть его. Но перепел, находясь у лисы во рту, не стал покорно ждать своей гибели и ловко обманул лису, намереваясь научить ее грамоте:

«— Отважная лиса, говори “о-о-о”! — О-о-о! — Лиса разинула рот, перепел и улетел»².

В сказке «Как лиса была наказана»³ пыталась пронырливая лисица обмануть волка, пообещав ему сшить красивую шубу, если он принесет ей сорок черных кудрявых барашков. Раскрыл волк обман, вырвал у лисы хвост, а когда она других лисиц хитростью без хвостов оставила, чтобы не одной без хвоста ходить, волк решил у лисей норы положить горлышко от сломанного кувшина, а сам ушел. Лиса вышла, сунула голову в кувшинное горлышко и застряла:

«Подходит лиса к реке и начинает стряхивать со своей шеи горлышко, а оно никак не сваливается. Сунула лиса голову в воду... Тут и потянуло ее кувшинное горлышко на дно. Так и утонула лиса в реке»⁴.

Образ лисы в переводах кыргызских народных сказок на русский язык неоднозначен. Она очень хитра и умна, но ее хитроумие подается, скорее, с отрицательной стороны. Лиса в кыргызских народных сказках выступает символом хитрости со злым умыслом. Неблагожелательные поступки лисы в целях преследования сугубо личных интересов не остаются незамеченными.

Как считает исследователь Ж. Р. Шербаева, и в оригинале на кыргызском языке

«образ лисы в народных сказках стабилен. Но не всегда она становится победителем, народное нравственное чувство восстает против хитрости и обмана и приводит в сказке к победе человека или другого представителя животного мира» (Шербаева, 2018: 489).

К примеру, в тувинской культуре «для наименования *дилги* — лисы зафиксировано немного эвфемизмов: *кажар кызыл* (зап., центр.) / букв.: ‘хитрая красная’; *кедээр кызыл* (зап.) / букв.: ‘выслеживающий, подкарауливающий красный’...<...>. *Дилги* — лиса, как и в народных сказках, так тувинцы говорят о хитром человеке (*кажары дилги-ле* / букв.: ‘хитрая, как лиса’)»⁵. В кыргызских сказках, как и в тувинских, часто упоминается устойчивое выражение *куу түлкү* / *кажар дилги* ‘хитрая лиса’. Соответственно, лиса может с легкостью обхитрить, обмануть, предать, и общий посыл кыргызских сказок заключается в том, что подобные злодеяния не должны оставаться безнаказанными. И в данном случае лиса в переводных кыргызских народных сказках балансирует между понятиями обмана и кары, которые приводят к характеристике «наказанная». Образ лисы в оригинале и переводах кыргызских сказок однозначно связан с обманом. Актуализация данного понятия в художественной картине мира позволяет увидеть его разные грани и воплощения, его противоречивую природу и неизбежное присутствие в мире (Залесова, 2017: 119). На обмане строятся все ее поступки, а соответственно, формируется и ее основной «хитрый» образ. Но за обман приходится платить — персонажа лисы в кыргызских сказках зачастую настигает кара, ее можно воспринимать как наказание за причиненное остальным зло.

С. Л. Яковлева констатирует, что понятия

«“кара/наказание” в рамках русской картины мира, как и в других лингвокультурах, может восприниматься в двух основополагающих, связанных между собой направлениях: во-первых, это мера воздействия, против совершившего преступление или проступок, а, во-вторых, представляет собой кару, подразумевающую расплату и соответствующее возмездие» (Яковлева, 2012: 249).

В кыргызских сказках лиса редко оказывается окончательным победителем. Чаще всего её оппоненты находят выход из ситуации и обманывают или наказывают саму лису. В переводных сказках обман переходит в кару, что подразумевает обязательное наказание для провинившегося. Поэтому образ лисы в этих сказках часто воспринимается как «наказанный».

Данный образ из кыргызских сказок в фокусе русскоязычной лингвокультуры подаётся как понимание того, что «наказание является карой не потому, что причиняет страдания (это в нем вторич-

¹ Там же. С. 277–278.

² Там же. С. 278.

³ Там же. С. 279–280.

⁴ Там же. С. 280.

⁵ Дамбаа III. В. Охотничья лексика в языковой картине мира тувинцев // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 1(86). С. 294.

но), а потому, что порождается совершенным неправомерным деянием (это — первично)» (Ратник, 2011: 38).

В этом контексте характеристика «наказанная» в образе лисы в переводных кыргызских сказках указывает на то, что ее обман и злодеяния не должны оставаться безнаказанными — лиса должна понести справедливое возмездие.

Таким образом, в переводах тувинских сказок лиса, благодаря своей хитрости, выходит победителем, а вот в переводных кыргызских сказках её хитрость не приветствуется, и она в итоге получает заслуженное наказание.

В русской культуре лиса не является волшебным существом, а скорее символом, используемым для обучения. Она олицетворяет такие качества, как женственность, ум, хитрость и привлекательность, которые могут заменить физическую силу. Лиса часто достигает своих целей собственными усилиями, пренебрегая моралью. Хотя в русских народных сказках и христианской традиции лиса часто наказывается за своё коварство, дидактический смысл этого образа заключается в том, что её хитрость часто оправдывается успехом, и она не всегда получает заслуженное наказание (Александрова, 2011: 231–232).

С одной стороны, изворотливость лисы связана с её коварством. Поэтому в русскоязычных переводах тувинских сказок лиса характеризуется как «хитрая», благодаря своему уму и прозорливости, что позволяет ей выходить из любых трудных ситуаций, и её образ подается с положительной стороны.

С другой стороны, в русских переводах кыргызских сказок лиса представлена через характеристику «наказанная», что связано с понятиями «обман» и «кара». В этих сказках лиса действует из корыстных побуждений, хитрит, поступает нечестно, и её поведение не остаётся безнаказанным. В этом контексте её образ имеет негативную окраску, так как лиса несет заслуженное наказание за свои деяния.

Разноплановость образа зайца

В тувинских и кыргызских народных сказках заяц также является весьма популярным персонажем среди животных. Характеризуют зайца, прежде всего, с помощью понятий «трусливость» и «хвастливость». Однако в переводах и тувинских, и кыргызских народных сказок, заяц многогранен и даже полярен в своих проявлениях: с одной стороны, он труслив и хвастлив, а с другой — может быть сообразителен и справедлив.

Стоит начать с анализа образа трусливости и хвастливости зайца.

Трусливость присутствует в оригиналах кыргызских сказок, где слово *коён* 'заяц' «восходит к древнетюркскому *qor* 'бояться', 'страх'» (Хисамитдинова, 2010: 202). А вот если говорить о бравате, то «часто в тувинском фольклоре образ зайца наделен такими человеческими качествами, как бахвальство, самоуверенность» (Кужугет, 2018: 43). И в тувинских, и в кыргызских народных сказках заяц прикрывает свою трусливость бравадой, проявляющейся по-разному в различных непредвиденных ситуациях.

Приведем примеры из переводных тувинских и кыргызских сказок, ставших базой для качественного контент-анализа. Бравада чуть не погубила зайца в тувинской сказке «Кто виновнее?»¹ После жалобы лесов хану зверей — старику Ак-Кандызы на животных, он приказал зверям вырыть самую глубокую яму-пропасть и прыгать через неё — кто прав, тот перепрыгнет, а кто виновен, тот упадёт. Опечалился волк, так как был уверен, что упадёт в пропасть, услышав это, стал злорадствовать заяц:

«— Конечно, — кричал он волку, — ты упадешь в яму-пропасть! Кому и падать, как не тебе! Вот был бы ты, кулугур², честным и безвинным, как я, тогда другое дело! Заяц хохотал до самого утра, хохотал, пока верхняя губа у него не лопнула...»³.

¹ Тувинские народные сказки / сост., перевод. и примеч. М. Ватагин; предисл. Д. С. Куулара. М.: Глав. ред. вост. литературы издательства «Наука», 1971. С. 191–192.

² Кулугур (тув.) — плут.

³ Тувинские народные сказки ... С. 192.

Однако раньше времени заяц радовался — волк перепрыгнул пропасть, а заяц в неё упал:

«— Волк, хоть и виновен был, но признал свою вину. Поэтому он и перепрыгнул яму. А заяц, который ободрал в лесу все молодые деревья, так что они высохли, не признался. По этому он и упал. <...>. Хан зверей сжалился и вытащил его из ямы за уши. — Пусть заяц остается жить, — добавила молодая лиственница, — но пусть он будет самым трусливым среди зверей. И заяц побежал в тайгу. Бежит и косит глаза: не гонится ли кто за ним. С тех пор стал заяц длинноухим, косоглазым и верхняя губа у него осталась раздвоенной»¹.

В переводе кыргызской сказки «Хвастливый заяц»² на русский язык бравада выступает главной характеризующей зайца чертой, которая в течение некоторого времени оставалась незамеченной и даже принималась за истинную храбрость:

«— Я волка не боюсь, — кричал он, — а лисы и подавно. Однажды, когда заяц особенно расхвастался, внезапно появился волк и зарычал. Хвастунишка задрожал от страха, скакнул и нечаянно ударился о голову волка. От неожиданности волк тоже испугался и побежал прочь...»³.

В некоторых сказках хоть заяц и выступает не главным действующим лицом, но присущие ему черты также раскрываются в полной мере. К примеру, в тувинской сказке «Анчы-Кара (Волшебные цветы с поднебесья)»⁴ заяц хвастается, что всегда готов вступить в схватку с человеком и выйти победителем, но на деле оказывается самым трусливым:

«Больше всех заяц разоряется: Если мне на мои раскосые глаза посмеет человек показаться, я его первым согну, как твои рога, архар. <...>. Рассмеялся Анчы-Кара и выступил из-за деревьев на поляну. Заяц сразу же прыг в кусты — и был таков»⁵.

В аналогичной кыргызской сказке «Чокчолой батыр»⁶ бравада зайца приводит к тому, что после подзадориваний со стороны лисы и барсука, слабый заяц решается напасть на сильного и непобедимого кота-батыра по имени Чокчолой:

«Послушал их заяц, подошел к коту и ударил его. Кот спал крепко и даже не повернулся. Еще раз ударил заяц кота. Вскочил Чокчолой, в ярости разорвал когтями зайцу губу. Закричал заяц от боли, прижал рваную губу передней лапой и пустился наутек»⁷.

Данные примеры, взятые из тувинских и кыргызских народных сказок рассматриваемых изданий, показывают, что бравада становится основной чертой, характеризующей поведение зайца. С одной стороны, в русскоязычных вариантах, как тувинских, так и кыргызских сказок его образ формируется вокруг понятий «трусливость», «хвастливость» и «бравада». Эти понятия в рамках традиционной русской культурно-языковой среды объединяются в характеристику «блефующий»:

«Феномен блефа означает наличие у коммуникатора намерение обмануть собеседника, блеф считается тактическим приемом, который рассматривается как элемент стратегии поведения коммуникатора, пытающегося создать у собеседника впечатление, будто информация в его сообщении и есть то, что происходит на самом деле (тем самым обманывая и путая адресата, заставляя следовать обманной стратегии)» (Табернилья-Басабе, 2018: 199).

Переведённые на русский язык тувинские и кыргызские сказки подают трусливость, хвастливость и браваду как основные черты, характеризующие зайца, которые, в свою очередь, формируют блеф и его применение зайцем в качестве базовой стратегии поведения при столкновении с опасностью, либо при попытке самовосхваления, самооправдания, возвышения в глазах других собеседников.

Однако, парадоксальным образом в русскоязычных переводах тувинских и кыргызских сказок встречается также образ умного и справедливого зайца, который не только не боится, но и готов прий-

¹ Там же.

² Кыргызские народные сказки: кн. / пер. с кирг., сост. и обраб. Д. Брудного, К. Эшмамбетова, предисл. и авт. примеч. Д. Брудный, ил. Т. Герцен. Изд. 2-е, доп. Фрунзе: Кыргызстан, 1981. С. 263.

³ Там же.

⁴ Сказание о просторе: сказки народов Бурятии, Горн. Алтая, Калмыкии, Тувы, Хакасии, Якутии и малых народов Сибири — долган, тофаларов и шорцев / сост., авт. послесл. и коммент. Ч. М. Таксами, худож. Б. А. Аникин, ред. Н. Н. Сотников. Л.: Лениздат, 1988. С. 152–160.

⁵ Там же. С. 153–154.

⁶ Кыргызские народные сказки: кн. / пер. с кирг., сост. и обраб. Д. Брудного, К. Эшмамбетова, предисл. и авт. примеч. Д. Брудный, ил. Т. Герцен. Изд. 2-е, доп. Фрунзе: Кыргызстан, 1981. С. 258–262.

⁷ Там же. С. 260.

ти на помощь другим. Это можно рассматривать как нетрадиционное восприятие образа зайца, привнесённое особенностями русской лингвокультуры через переведенные оригинальные тексты.

В тувинской сказке «Белый заяц»¹ старик Мёге-Сарыг выпустил волка на волю из завязанного мешка, но в ответ волк захотел его съесть. В поисках правильного разрешения ситуации старик и волк обратились к волу, который направил их за советом к умному зайцу. Заяц попросил старика и волка показать наглядно, как всё происходило — в итоге волк залез обратно в мешок, а старик его снова завязал:

«— Ну вот и все, — сказал заяц, — я разрешил ваш спор. Ты, старик, иди своей дорогой, а волк пусть лежит в мешке. Прощайте!»²

В кыргызской же сказке «Лев и заяц»³ заяц, столкнувшись лицом к лицу со львом, действительно не растерялся под угрозой быть съеденным, а проявил смекалку. Пользуясь самовлюбленностью и чрезмерной самоуверенностью хищника, направил его сразиться якобы с другим сильным львом, а на самом деле привел льва к колодцу:

«Увидел лев в воде свое отражение и прорычал: — Разве я не сильнее его? Он что, хочет бороться со мной? Сейчас я ему покажу свою силу! Бросился лев в колодец и утонул. А заяц, как ни в чем не бывало, вприпрыжку побежал дальше»⁴.

В данном случае сообразительность зайца проявляется в его находчивости использовать слабую сторону льва, а именно его самолюбие, чтобы заманить его к колодцу и избавиться от него.

В ещё одной тувинской сказке «Как заяц спас овцу»⁵ повествуется о том, как волк обещал съесть овцу вместе с её ягнятами. Но на помощь овце пришёл заяц, который посоветовал ей найти бумагу с любой надписью и отнести её волку:

«Овца пришла к волку и закричала:

— Я несу указ самого богдо-бургана! Волк, прочитай его, а потом ешь меня!»⁶

Волк, не сумев прочитать то, что написано, попросил зайца это сделать:

«Заяц взял бумагу, посмотрел на нее, посмотрел на волка... И, заикаясь, прочитал:

“Указ. Сделать шубу из шкуры волка. Сделать шапку из шкуры лисы...”

Волк услышал эти слова и пустился наутек. А заяц начал хохотать»⁷.

Соответственно, находчивость зайца спасла овцу и ее ягнятам жизнь.

В данном контексте формируется положительный образ зайца, который в русскоязычных переводах тувинских и кыргызских сказок не только труслив и хвастлив, но и может быть важным помощником как для человека, так и для других животных. Например, в переводах тувинских сказок заяц, благодаря своей проницательности, становится ключевым помощником второго действующего лица, помогая достигать желаемых целей или защищаться от хищников. Это восприятие образа зайца также присутствует в оригинальных тувинских текстах: «...белый заяц выполняет функцию судьи, разрешая тяжбы, что не противоречит тюрко-монгольской традиции, в которой обожествляемое небо считается воплощением высшей справедливости» (Хертек, 2008: 99). В рамках подобного восприятия образа зайца русская лингвокультура оперирует понятиями «сообразительность», «находчивость» и «проницательность», которые дают зайцу такую характеристику, как «смекалистый».

Важно отметить, что «смекалка считается одной из заметных ментальных черт русского народа. Слово “смекалка” является безэквивалентной языковой единицей, несет в себе информацию о национальном образе мышления и раскрывает особенности представления о мире носителей русского языка и культуры» (Мясникова, 2020: 77).

¹ Тувинские народные сказки / сост., перевод. и примеч. М. Ватагин; предисл. Д. С. Куулара. М.: Глав. ред. вост. литературы издательства «Наука», 1971. С. 184–185.

² Там же. С. 185.

³ Киргизские народные сказки / пер. с кирг., сост. и обраб. Д. Брудного, К. Эшмамбетова, предисл. и авт. примеч. Д. Брудный, ил. Т. Герцен. Изд. 2-е, доп. Фрунзе: Кыргызстан, 1981. С. 264.

⁴ Там же.

⁵ Тувинские народные сказки / сост., перевод. и примеч. М. Ватагин; предисл. Д. С. Куулара. М.: Глав. ред. вост. литературы издательства «Наука», 1971. С. 186–187.

⁶ Там же. С. 186.

⁷ Там же. С. 187.

Именно эта схема поведения зайца и реализуется во «втором» проявлении его образа в переводных тувинских и кыргызских сказках.

Русская картина мира гармонично соединяет упомянутые две грани проявления образа зайца.

По мнению Р. Катаян,

«заяц в русских народных сказках — положительный герой, но изображается двояко. В одних повествованиях это жертва, слабый и беспомощный персонаж, который всего боится. В других он выступает как ловкий хитрец, который, несмотря на страх, способен к храбрым поступкам»¹.

Образ зайца в русскоязычных переводах тувинских и кыргызских сказок представлен в двух аспектах. Первый — заяц, скрывающий свою трусливость чрезмерным бахвальством и бравадой. Это заяц, который, стремясь избавиться от клейма трусости, прибегает к стратегии блефа, изображая себя храбрым. Трусливость, являющаяся основной чертой зайца в этих сказках, формирует характеристику «блефующий», заставляя его храбриться на ровном месте, чтобы избежать унижения и угрозы со стороны врагов или сородичей.

Второй аспект — заяц, умный и сообразительный, который благодаря своей смекалке всегда находит выход из сложных ситуаций. Такой заяц может быть проницательным, находчивым, помогая себе и окружающим преодолеть трудности и победить сильных врагов. В этом случае его образ соответствует характеристике «смекалистый», отражающей восприятие этого персонажа в контексте русской лингвокультуры.

Волк — символ глупости

По результатам изучения переводов на русский язык, как тувинских, так и кыргызских народных сказок, можно утверждать, что образ волка, ещё одного востребованного сказочного животного, и в оригинальном, и в переводном фольклоре представлен через характеристику «глупый». Она может иметь разные оттенки и обстоятельства выражения, но суть остается общей.

Похожи по сюжету и по смыслу русскоязычные переводы тувинской сказки «Козлик — медные рожки»² и кыргызской сказки «Голодный волк»³, в которых волк намеревается съесть то или иное животное, но им путем различных ухищрений удаётся отвлечь внимание волка и обхитрить его. В этом случае можно сказать о недалекости волка.

В тувинской сказке описан следующий диалог волка с маленьким козликом с медными рожками:

«— Теперь и твой черед настал. Я тебя съем, — говорит волк.

— Ты всегда меня можешь съесть. Но какой тебе толк — я еще маленький. Приходи через год — я стану большим и жирным. Вот тогда и ешь.

Согласился волк. Прошел год, и волк вспомнил о козлике — медные рожки. Прибежал к нему и увидел большого желтого козла, рога у него сверкали на солнце, а борода стлалась по земле.

— Что это у тебя на голове сверкает? — спросил волк.

— Это мои мечи. Могу распороть брюхо любому встречному медведю.

— А что у тебя на подбородке? — спрашивает опять волк.

— Это мой платок. Им я утираюсь после обеда, когда наемся медвежьего сала и волчьих почек. Выходи на бой, вставай перед моими рогами-мечами, — закричал козлик.

Серый волк от страха так припустил, что не заметил острых колючек в лесу. А козлик кричит ему вслед:

— Я распорю тебя, проглочу тебя, проклятого!»⁴

¹ Катаян Р. Образ зайца в русских и индийских сказках: сопоставительное изучение// Молодой ученый. 2020. № 6 (296). С. 253.

² Тувинские народные сказки / переск. и литер. обр. М. Хадаханэ. М.: Детская литература, 1988. С. 92–94.

³ Кыргызские народные сказки / пер. с кирг., сост. и обраб. Д. Брудного, К. Эшмамбетова, предисл. и авт. примеч. Д. Брудный, ил. Т. Герцен. Изд. 2-е, доп. Фрунзе: Кыргызстан, 1981. С. 270–271.

⁴ Тувинские народные сказки / переск. и литер. обр. М. Хадаханэ. М.: Детская литература, 1988. С. 93.

И примерно такую же ситуацию мы наблюдаем в кыргызской сказке при разговоре волка с кобылой:

«— Теперь могу я тебя съесть? — Съешь, — ответила кобыла. — Только сперва напиши на моем копыте свое имя. И она подняла заднее копыто. Только волк подошел поближе, кобыла ударила волка по голове и убежала. Голодный волк долго лежал без памяти»¹.

Говоря о доверчивости и наивности, присущей образу волка в сказках, в пример можно привести аналогичную по сюжету «Козлику — медные рожки», где козлик обманул волка, тувинскую сказку «Голодный волк и жирный козлик»². В ней жирный козлик, пообещав голодному волку отрезать кусок своего мяса, отправляет его за ножом. Поиск ножа по цепи различных препятствий приводит волка прямо к чуму охотника:

«Волк испугался и повернул обратно. Но охотник снял с плеча черное ружье и выстрелил. Волк упал»³.

В тувинских сказках волк часто взаимодействует со своей потенциальной добычей в образе умного козлика, которому удаётся перехитрить недалёкого волка и остаться целым и невредимым.

Ещё один пример — это русскоязычный вариант кыргызской сказки «Лиса и волк»⁴. Простодушно поверив на слово уверениям лисы о том, что она готова поделиться с ним мясом, волк, став для лисы разменной монетой, угодил в капкан:

«Лиса не могла скрыть своей радости и пропела: “Захватил тебя капкан, влез туда ты сдуру, лежи, дружок, пока. Снимут с тебя шкуру”»⁵.

В переводах кыргызских сказок о животных популярными парами персонажей чаще всего являются волк и лиса. При взаимодействии образов лисы и волка во многих сказках зачастую лисе в силу ее природной хитрости и проницательности удается с легкостью обмануть легковверного волка. Здесь стоит подчеркнуть, что зачастую в оригиналах тюрко-монгольских сказок «волк выступает как глупый, недогадливый и даже трусоватый персонаж, жертва обмана и насмешек» (Чумбаева, Бакаева, 2023: 169). Отсюда следует, что характеристика «глупый» одинаково присуща волку, как в тувинских, так и в кыргызских сказках.

В русской лингвокультуре данная характеристика только укрепляется, ведь волк в русских народных сказках, в большинстве случаев, «вечно голодный, глупый и жадный. Он часто становится жертвой обмана, например, со стороны лисы» (Русское культурное ..., 2004: 64).

Таким образом, в русскоязычных переводах тувинских и кыргызских народных сказок образ волка часто ассоциируется с такими качествами, как «наивность», «доверчивость», «простодушие» и «недалёкость». В контексте русской мировоззренческой среды эти черты приводят к характеристике «глупый».

Важно отметить, что глупость в данном случае означает не просто отклонение от нормальных умственных способностей, но и неспособность воспринимать чужие мысли и вырабатывать собственные суждения. В фольклоре это качество трактуется как неспособность мыслить самостоятельно и «жить своим умом», что воспринимается негативно⁶.

Образ волка в русскоязычных переводах тувинских и кыргызских сказок строится вокруг характеристики «глупый». Наивный и доверчивый волк легко обманывается — у тувинцев это часто делает умный козлик, у кыргызов — хитрая лиса. Однако его наивность и доверчивость не вызывают сожаления, так как они связаны с глупостью, а не слабостью.

Глупость волка определяется его недалекостью, а не тем, что он является невинной жертвой. В сказках волк часто сам становится жертвой своей пассивности и нерасторопности, что подчеркивает его глупость. Поэтому характеристика «глупый» вполне оправдана в репрезентации и восприятии образа волка в переводах этих сказок.

¹Кыргызские народные сказки / пер. с кирг., сост. и обраб. Д. Брудного, К. Эшмамбетова, предисл. и авт. примеч. Д. Брудный, ил. Т. Герцен. Изд. 2-е, доп. Фрунзе: Кыргызстан, 1981. С. 271.

²Тувинские народные сказки / сост., перевод. и примеч. М. Ватагин; предисл. Д. С. Куулара. М.: Глав. ред. вост. литературы издательства «Наука», 1971. С. 182–184.

³Там же. С. 184.

⁴Кыргызские народные сказки ... С. 276.

⁵Там же.

⁶Балашенко Т. В. Концепт «глупость» и его отражение в фольклоре // Сборник работ 61-й научной конференции студентов и аспирантов Белгосуниверситета: в 3 ч. / отв. ред. А. Г. Захаров и др. Минск: БГУ, 2004. Ч. 3. С. 10–12.

Заключение

Таким образом, в данной работе были исследованы образы животных — лисы, зайца и волка — в русскоязычных переводах тувинских и кыргызских сказок. Были выявлены характеристики и контексты их репрезентации и восприятия в этих переводах.

В русскоязычных переводах тувинских сказок образ лисы формируется вокруг её изворотливости, поэтому её называют хитрой. В кыргызских сказках, переведённых на русский язык, лиса тоже не вызывает симпатий: она ассоциируется с обманом, который карается, что приводит к доминированию характеристики «наказанная». Образ зайца в русских переводах тувинского и кыргызского фольклора представлен в двух аспектах: во-первых, это хвастливый персонаж, что соотносится с характеристикой «блефующий», а, во-вторых, он находчив, что позволяет охарактеризовать его в русской лингвокультурной парадигме как смекалистого. Волк в русских переводах, как тувинских, так и кыргызских сказок, наивен и доверчив, тем самым формируется устойчивая интерпретация его «глупого» образа.

В исследуемых переводах тувинских и кыргызских сказок возникает проблема смещения или сокращения смыслов, что связано с адаптацией информации для русскоязычного читателя. Решение этого вопроса может быть найдено через изучение этнолингвомаркёров, что позволит точнее реконструировать картину мира народа (Воронцова, Гасанов, 2022:113). Этот вопрос требует дальнейшего исследования.

Отображение образов животных в переводах сказок зависит от лингвокультурного контекста русского языка, через который передаются основные характеристики образов животных, но при этом сохраняется репрезентация элементов культуры, к которой относится конкретная сказка (тувинской или кыргызской).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александрова, Е. А. (2011) Изучение традиционной этнической культуры через семиотический анализ сказочных персонажей (образ лисы в русской и китайской традициях) // Аналитика культурологии. № 1 (19). С. 230–234.

Воронцова, Г. Н., Гасанов, М. М. (2022) Этнолингвомаркёры в переводных текстах тувинских народных сказок: лингвокультурологический комментарий // Новые исследования Тувы. № 1. С. 104–114. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.7>

Жалалова, Д. Т., Арипова, Г. С. (2020) Концепт «лиса» в языковой картине мира киргизского, русского и узбекского народов // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. № 4 (24). С. 29–32.

Залесова, Н. М. (2017) Концепт «обман» и его актуализация в художественной картине мира (на материале произведения Дж. Фаулза «The Magus») // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 5 (118). С. 114–120.

Золотухина, И. П., Биче-оол, А. А. (2024) Художественные произведения как средство формирования представления о диких животных у детей старшего дошкольного возраста // Аллея науки. Т. 1. № 4(91). С. 961–964.

Красильникова, Е. И., Трояк, И. С. (2025) Публикации тувинских сказок и героических сказаний на русском языке в советский период: аспект политики памяти // Новые исследования Тувы. № 1. С. 26–38. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.2>.

Кужугет, Ш. Ю. (2018) Фольклорные истоки сатиры в тувинской прозе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7–1 (85). С. 41–46. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.9>

Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Ламажаа, Ч. К. (2021) Проблемы перевода концептов культуры на другой язык: на примере тувинских концептов культуры // Полилингвистичность и транскультурные практики. Т. 18, № 4. С. 405–420. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420>

Кунгаа, М. Б. (2012) Новый сборник тувинских сказок на тувинском языке // Новые исследования Тувы. № 4. С. 215–216.

Лопаткина, С. В. (2021) Тувинские сказки как способ погружения в концептосферу региональной культуры при обучении русскому языку как иностранному на продвинутом уровне // Региональная картина мира в языковой концептуализации: универсальное и уникальное : сборник статей / под общ. ред. Е. А. Горобец. Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет. 127 с. С. 52–60.

Мясникова, Ю. В. (2020) Русская смекалка: содержание этноспецифического концепта // Тенденции развития науки и образования. № 59–3. С. 77–81. DOI: <https://doi.org/10.18411/lj-03-2020-55>

Пропп, В. Я. (1928) Морфология сказки. Л. : Academia. 151 с.

Ратник, С. Д. (2011) Концепт наказания в смысловом поле взаимосвязи с другими понятиями // Вестник Самарского юридического института. № 3(5). С. 36–39.

Русское культурное пространство (2004): лингвокультурологический словарь. Вып.1: Зооморфные образы. Прецедентные имена. Прецедентные тексты. Прецедентные высказывания / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков и др.; под ред. И. В. Захаренко и др. М.: Гнозис. 315 с.

Субакожоева, Ч. Т. (2022) Об опыте перевода киргизского героического эпоса «Манас» // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. Т. 37. № 2. С. 83–94. DOI: <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2022-37-2-83-94>

Султанова, Ж. О. (2023) Медиаинтерпретации сказочных образов для детской аудитории (на материалах сибирских и киргизских народных сказок и аудиоподкастов) // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. Т. 23. № 6. С. 173–188. DOI: <https://doi.org/10.36979/1694-500X-2023-23-6-173-188>

Табернилья-Басабе, А. Э. (2018) Феномен «блеф» в контексте ситуации неискреннего поведения // Языковой дискурс в социальной практике: сб. науч. тр. международной научно-практической конференции / отв. ред. Н. А. Комина, И. В. Дорофеева. Тверь : Тверской государственный университет. 236 с. С. 198–201.

Хайруллина, А. Р., Сагитова, А. Г. (2022) Языковая картина мира в бытовых сказках тюркских народов Сибири (на материале якутских и тувинских сказок) // Вестник Башкирского университета. Т. 27. № 4. С. 1062–1067. DOI: <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2022.4.41>

Хертек, Л. К. (2008) Символика белого зайца и Медведицы в традиционной культуре тувинцев // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. № 6. С. 97–100.

Хисамитдинова, Ф. Г. (2010) Мифологический словарь башкирского языка. М. : Наука. 452 с.

Хомушку, А. О. (2017) Об основных персонажах в английских и тувинских народных сказках о животных // Лучшая студенческая статья 2017: сборник статей XI Международного научно-практического конкурса: в 3 ч. / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза : Наука и Просвещение. Ч. 3. 218 с. С. 157–160.

Чумбаева, А. С., Бакаева, Э. П. (2023) Об образе волка в калмыцких сказках // Бюллетень Калмыцкого научно-го центра РАН. № 4. С. 152–172. DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2023-4-28-152-172>

Шербаева, Ж. Р. (2016) Некоторые задачи изучения сказок в подготовке учителей начальных классов // Известия вузов Кыргызстана. № 8–1. С. 78–79.

Шербаева, Ж. Р. (2018) Формирование нравственных ценностей у учащихся младших классов на примере сказок о животных // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. № 2. С. 484–490.

Шербаева, Ж. Р. (2021) Специфика мира сказок в восприятии ребенка // Бюллетень науки и практики. Т. 7. № 8. С. 319–324. DOI: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/69/36>

Яковлева, С. Л. (2012) Концепт «кара, наказание» в пословичной картине мира английского языка // Язык и культура. № 1–2. С. 243–249.

Koopal, A., Rangraz, S. (2023) فی‌رظن مېب شریگن اب) مدام یام مصرق زا ی افراب رد تیصخش هاگیاج ری یغت رب ینادرگړکی پ ری ثاأت (نومړې دولک هاگدیډ زا «تیصخش» [The Effect of Transformation on Changing the Role of Characters in a Selection of Folk Tales] // Literary Text Research. № 27 (97). P. 41–70. (На перс. яз.). DOI: <https://doi.org/10.22054/LTR.2021.48431.2879>

Roth, K. (1998) Crossing boundaries: the translation and cultural adaptation of folk narratives // Fabula. Vol. 39. № 3–4. P. 243–255. DOI: <https://doi.org/10.1515/FABL.1998.39.3-4.243>

White, M. D., Marsh, E. (2006) Content Analysis: A Flexible Methodology // Library Trends. Vol. 55. № 1. P. 22–45.

Дата поступления: 04.03.2025 г.

Дата принятия: 24.03.2025 г.

REFERENCES

Aleksandrova, E. A. (2011) Studying traditional ethnic culture through semiotic analysis of fairy-tale characters (the image of the fox in Russian and Chinese traditions). *Analitika Kul'turologii*, no. 1 (19), pp. 230–234. (In Russ.)

Vorontsova, G. N. and Gasanov, M. M. (2022) Ethnolinguomarkers in translated texts of Tuvan folk tales: linguo-cultural commentary. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 104–114. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.7>

Zhalalova, D. T. and Aripova, G. S. (2020) The concept of “fox” in the language picture of the world of the Kyrgyz, Russian and Uzbek peoples. *Actual Problems of Social, Humanitarian and Scientific-Technical Knowledge*, no. 4 (24), pp. 29–32. (In Russ.)

Zalesova, N. M. (2017) The concept of “deception” and its actualization in the artistic picture of the world (based on the material of John Fowles’ novel “The Magus”). *Izvestiya Volgogradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*, no. 5 (118), pp. 114–120. (In Russ.)

Zolotukhina, I. P. and Biche-ool, A. A. (2024) Literary works as a means of forming ideas about wild animals in older preschool children. *Alleya Nauki*, vol. 1, no. 4 (91), pp. 961–964. (In Russ.)

Krasilnikova, E. I. and Troyak, I. S. (2025) Publications of Tuvan fairy tales and heroic epics in Russian during the Soviet period: the aspect of memory policy. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 26–38. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.2>

Kuzhuget, Sh. Yu. (2018) Folkloric origins of satire in Tuvan prose. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*, no. 7–1 (85), pp. 41–46. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.9>

Kuzhuget, Sh. Yu., Suvandii, N. D. and Lamazhaa, Ch. K. (2021) Problems of translating cultural concepts into another language: the example of Tuvan cultural concepts. *Polilingvial’nost’ i Transkul’turnye Praktiki*, vol. 18, no. 4, pp. 405–420. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420>

Kungaa, M. B. (2012) New collection of Tuvan fairy tales in Tuvan language. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 215–216. (In Russ.)

Lopatkina, S. V. (2021) Tuvan fairy tales as a way of immersion into the conceptual sphere of regional culture when teaching Russian as a foreign language at an advanced level. In: *Regional Picture of the World in Linguistic Conceptualization: Universal and Unique*, ed. by E. A. Gorobets. Kazan, Kazan (Volga Region) Federal University. 127 p. Pp. 52–60. (In Russ.)

Myasnikova, Yu. V. (2020) Russian resourcefulness: the content of an ethnospecific concept. *Trends in the Development of Science and Education*, no. 59–3, pp. 77–81. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18411/lj-03-2020-55>

Propp, V. Ya. (1928) *Morphology of the Folktale*. Leningrad, Academia. 151 p. (In Russ.)

Ratnik, S. D. (2011) The concept of punishment in the semantic field in connection with other concepts. *Vestnik Samarskogo Yuridicheskogo Instituta*, no. 3 (5), pp. 36–39. (In Russ.)

Russian Cultural Space (2004). Vol. 1: Zoomorphic Images. Precedent Names. Precedent Texts. Precedent Statements, ed. by I. S. Bryleva, N. P. Volskaya, D. B. Gudkov, et al.; eds. I. V. Zakharenko et al. Moscow, Gnozis, 315 p. (In Russ.)

Subakozhoeva, Ch. T. (2022) On the experience of translating the Kyrgyz heroic epic “Manas”. *Vestnik Dagestanskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Series 2: Humanities*, vol. 37, no. 2, pp. 83–94. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2022-37-2-83-94>

Sultanova, Zh. O. (2023) Media interpretations of fairy-tale images for a children’s audience (based on materials from Siberian and Kyrgyz folk tales and audio podcasts). *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo Slavyanskogo Universiteta*, vol. 23, no. 6, pp. 173–188. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.36979/1694-500X-2023-23-6-173-188>

Tabernilya-Basabe, A. E. (2018) The phenomenon of “bluff” in the context of insincere behavior. *Linguistic Discourse in Social Practice: Collection of Scientific Works of the International Scientific and Practical Conference*. Eds. N. A. Komina, I. V. Dorofeeva. Tver, Tver State University. 236 p. Pp. 198–201. (In Russ.)

Khairullina, A. R. and Sagitova, A. G. (2022) Linguistic picture of the world in everyday fairy tales of the Turkic peoples of Siberia (based on Yakut and Tuvan fairy tales). *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, vol. 27, no. 4, pp. 1062–1067. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2022.4.41>

Khertek, L. K. (2008) Symbolism of the white hare and the Bear in the traditional culture of the Tuvans. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta Kul’tury i Iskusstv*, no. 6, pp. 97–100. (In Russ.)

Khisamitdinova, F. G. (2010) *Mythological Dictionary of the Bashkir Language*. Moscow, Nauka. 452 p. (In Russ.)

Khomushku, A. O. (2017) On the main characters in English and Tuvan animal tales. In: *Best Student Article 2017: Collection of Articles of the XI International Scientific and Practical Competition*, ed. by G. Yu. Gulyaev. Penza, Nauka i Prosveshchenie. Vol. 3. 218 p. Pp. 157–160. (In Russ.)

Chumbaeva, A. S. and Bakaeva, E. P. (2023) On the image of the wolf in Kalmyk fairy tales. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center RAS*, no. 4, pp. 152–172. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2023-4-28-152-172>

Sherbaeva, Zh. R. (2016) Some tasks of studying fairy tales in the training of primary school teachers. *Izvestiya Vuzov Kyrgyzstana*, no. 8–1, pp. 78–79. (In Russ.)

Sherbaeva, Zh. R. (2018) Formation of moral values in primary school pupils through animal fairy tales. *Ural'skii Filologicheskii Vestnik. Series: Language. System. Personality: Linguistics of Creativity*, no. 2, pp. 484–490. (In Russ.)

Sherbaeva, Zh. R. (2021) Specifics of the world of fairy tales in a child's perception. *Bulletin of Science and Practice*, vol. 7, no. 8, pp. 319–324. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/69/36>

Yakovleva, S. L. (2012) The concept of “punishment” in the proverbial picture of the world of the English language. *Yazyk i Kul'tura*, no. 1–2, pp. 243–249. (In Russ.)

Koopal, A. and Rangraz, S. (2023) The Effect of Transformation on Changing the Role of Characters in a Selection of Folk Tales. *Literary Text Research*, no. 27 (97), pp. 41–70. (In Persian). DOI: <https://doi.org/10.22054/LTR.2021.48431.2879>

Roth, K. (1998) Crossing boundaries: the translation and cultural adaptation of folk narratives. *Fabula*, vol. 39, no. 3–4, pp. 243–255. DOI: <https://doi.org/10.1515/FABL.1998.39.3-4.243>

White, M. D. and Marsh, E. (2006) Content Analysis: A Flexible Methodology. *Library Trends*, vol. 55, no. 1, pp. 22–45.

Submission date: 04.03.2025.

Acceptance date: 24.03.2025.

Системы ихтионимов в татарском и тувинском языках

Ольга Н. Галимова

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
Российская Федерация*

В статье впервые рассматриваются ихтионимы татарского и тувинского языков в сравнительном аспекте. Установлено, что системы ихтионимов татарского и тувинского языков имеют больше отличительного, чем общего. Определены группы названий общих для татарского и тувинского языков (10 названий) и специфических (с наибольшим количеством терминов). 6 названий, относящиеся к пратюркскому лексикону, характеризуются идентичной семантикой или небольшими различиями в значениях.

Предложены схемы возможного семантического развития отдельных слов, демонстрирующие изменение значений от конкретного к общему или от общего к конкретному. Специфическое в ихтионимических системах рассматриваемых языков сформировалось под воздействием лингвистических и экстралингвистических факторов, среди которых выделяются ареал обитания рыб, уникальность мировидения народов, особенности развития языков. Для тувинского языка характерны ихтионимы-эвфемизмы, отражающие особое отношение народа к рыбам.

Определены родовые компоненты в образовании ихтионимов (в татарском — два, в тувинском — пять), три из которых характерны лишь для тувинского языка. Особую группу специфичных терминов образуют названия мальков, которые в тувинском языке представлены более детально, что, прежде всего, связано с большей ролью рыб в жизни носителей тувинского языка.

И в татарском, и в тувинском языках созданы возрастные названия пяти рыб, среди которых названия разновозрастных язей употребляются и в том, и в другом языке. Отмечено, что в сфере специфического проявляются и общее: выявленная модель образования некоторых диалектных названий мальков в рассматриваемых языках говорит о сходстве в номинации.

Ключевые слова: татарский язык; тувинский язык; тюркский язык; ихтионим; зооним; семантическое развитие; родовый компонент

Исследование выполнено в рамках реализации п. 3.5 государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа».

Для цитирования:

Галимова О. Н. Системы ихтионимов в татарском и тувинском языках // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 333-351. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.20>

Галимова Ольга Николаевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Адрес: 420111, Россия, г. Казань, ул. Баумана, д. 20. Эл. адрес: Olga_n_77@mail.ru

GALIMOVA, Olga Nikolaevna, Candidate of Philology, Senior Research Associate, Lexicography, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences. Postal address: 20 Bauman St., Kazan, 420111, Russia. E-mail: Olga77@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2316-2611

Systems of Ichthyonyms in the Tatar and Tuvan Languages

Olga N. Galimova

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences,
Russian Federation*

This article addresses, for the first time, the ichthyonyms of the Tatar and Tuvan languages from a comparative perspective. It has been established that the systems of ichthyonyms in the Tatar and Tuvan languages exhibit more distinctions than commonalities. Groups of names common to both Tatar and Tuvan languages (10 names) as well as language-specific names (with the greatest number of terms) have been identified. Six names, relating to the Proto-Turkic lexicon, are characterized by identical semantics or minor differences in meaning.

Proposed are schematic models of possible semantic development of individual words, demonstrating shifts in meaning from concrete to general or from general to concrete. The specific features of the ichthyonymic systems in the studied languages have formed under the influence of linguistic and extralinguistic factors, including the fish habitat area, the uniqueness of the worldviews of the peoples, and the peculiarities of language development. The Tuvan language is characterized by ichthyonyms as euphemisms, reflecting the special attitude of the people toward fish.

Generic components in the formation of ichthyonyms have been identified (two in Tatar, five in Tuvan), three of which are unique to Tuvan. A distinct group of specific terms consists of names for fish fry, which are represented in greater detail in Tuvan — primarily related to the more significant role of fish in the lives of Tuvan language speakers.

*Both Tatar and Tuvan languages have developed age-based names for five fish species; among them, names for different age groups of ide (*Leuciscus*) are used in both languages. It is noted that commonality manifests within specificity: the identified model for forming some dialectal names for fish fry in the studied languages indicates similarity in nomination.*

Keywords: *Tatar language; Tuvan language; Turkic language; ichthyonym; zoonym; semantic development; generic component*

This study was conducted within the framework of clause 3.5 of the state program of the Republic of Tatarstan “Preservation of the National Identity of the Tatar People”.

For citation:

Galimova O. N. Systems of Ichthyonyms in the Tatar and Tuvan Languages. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 333–351 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.20>

Введение

Названия животных, являющиеся одним из древнейших и богатых пластов лексики, исследуются в языкознании в разных направлениях: на материале одного языка (этимологическом, словообразовательном, номинативном аспектах) или нескольких языков (в сравнительно-историческом, сопоставительном, лингвокультурологическом аспектах). Как известно, объёмные системы целесообразно изучать отдельными фрагментами. Например, зоонимы (названия животных) анализируются в таких группах, как ихтионимы (названия рыб), орнитонимы (названия птиц), инсектонимы (названия насекомых), маммалионимы (названия млекопитающих). Так как рыболовство у тюркских народов, в том числе и у татар, имело большое значение (Садыкова, 1994: 78; Бятикова, 2005: 6–13), названия рыб в тюркских языках подверглись специальным диссертационным исследованиям¹.

¹ Айтазин К. Профессиональная лексика рыбного хозяйства Казахстана: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1973; Лебедева Е. А. Чувашские названия рыб: опыт сравнительно-исторического анализа: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1982; Нафиков Ш. В. Принципы номинации, структура и происхождение названий рыб в башкирском языке: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1986.

В татарском языке ихтионимы рассмотрены в рамках диалектной зоонимической лексики (Садыкова, 1994) и рыболовецкой лексики в литературном языке (Бятикова, 2005). З. Р. Садыковой диалектные названия даны в сравнении с названиями литературного языка, в некоторых случаях включаются материалы из тюркских языков (Садыкова, 1994: 78–84). О. Н. Бятиковой названия рыб исследованы комплексно: рассмотрены фиксации названий рыб в словарях, структура и словообразование, принципы номинации, этимология¹, особенности употребления ихтионимов в фольклоре (Бятикова, 2005).

В тувинском языке ихтионимы также относятся к активно исследуемой группе лексики. В. И. Рассадин в ходе изучения комплекса охотничье-рыболовецкой лексики в саянских тюркских языках таёжного ареала рассматривает группу ихтионимов общего характера и их древнетюркские соответствия. В ихтионимические ряды включены также тувинские названия (Рассадин, 2008). В. К. Даржа в книге «Традиционные мужские занятия тувинцев. Хозяйство. Охота. Рыбалка» представляет список названий рыб, который сопровождается этимологической трактовкой отдельных ихтионимов (Даржа, 2009: 528–530). Диалектные названия рыб изучены в сравнительном аспекте и в рамках исследования лексики рыболовства — традиционного вида хозяйственной деятельности тувинцев (Сувандии, 2014; Куулар, 2016; и др.²). Авторами рассматриваются ареал, этимология, номинация названий рыб, осуществляется сравнение собранных диалектных материалов.

Между тем актуальной задачей современной лингвистики остаётся сравнительное изучение тюркских языков. О важности исследований в этом направлении писал К. М. Мусаев, отмечая, что «сегодня еще бывает трудно точно сказать, какими лексическими показателями отличаются друг от друга юго-западная (огузская), среднеазиатская (карлукская), северо-западная (кыпчакская) и северо-восточная (сибирская) группы тюркских языков» (Мусаев, 1984: 15). Между тем, подчеркивает Р. Н. Ольмесов, «сравнительное, сравнительно-историческое исследование лексики тюркских языков даёт достоверные сведения об исторических взаимодействиях тюркских языков в различные эпохи и на разных территориях» (Ольмесов, 2004: 5). При этом важен, как пишет Т. В. Лосева-Бахтиярова, анализ «дифференцирующих и интегрирующих признаков тюркских языков»³, так как, по мнению Е. И. Убратовой, «за материальной общностью тюркских языков скрываются значительные расхождения в использовании общих элементов в отдельных языках» (Убратова, 1970: 72). Очень ценно исследование лексики с учетом семантики слов, поскольку «слово, внешне общее для определённой группы языков или для всех тюркских языков, может иметь различные значения в группах, ареалах или отдельных языках»⁴. Другим существенным моментом является анализ литературной лексики наряду с диалектными формами (Рахимова, 2006: 136).

Сегодня наблюдается рост числа научных изысканий в данном аспекте. На материале тюркских языков исследуются различные тематические группы слов: уголовно-правовые термины якутского и киргизского языков (Гаврильев, 2018), наименования орудий труда якутского языка в сравнении с тюркскими языками Сибири (Скрябина, 2024) и др. Сравнительное изучение ихтионимов татарского и тувинского языков расширит круг изучаемых в сравнительном аспекте лексических групп и будет способствовать более углублённому изучению лексики и развития семантики отдельных слов не только указанных языков, но и тюркских языков в целом.

Целью предлагаемой работы является определение общего и специфического в системе ихтионимов татарского и тувинского языков.

Для достижения поставленной цели исследования были решены следующие задачи: 1) ознакомление с ихтиофауной водоёмов регионов; 2) представление общей характеристики ихтионимическим системам; 3) определение общих ихтионимов в корпусах; изучение их этимологии и семантики, особенностей родовых компонентов; 4) выявление специфических ихтионимов и факторов, оказавших влияние на формирование отличительных названий; определение специфических родовых компонентов; 5) исследование названий мальков и их моделей образования.

¹ Бятикова О. Н. Лексика рыболовства в татарском литературном языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2003.

² Куулар Е. М., Кужугет Ш. Ю. Лексика рыболовства в тере-хольском диалекте тувинского языка // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 3(40). С. 234–236.

³ Лосева-Бахтиярова Т. В. Военная лексика тюркских языков (названия вооружения): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005. С. 3.

⁴ Там же.

Теоретическую базу исследования составили труды тюркологов. В области сравнительно-исторического исследования тюркских языков основывались на монографию «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» (Сравнительно-историческая ..., 2001), где рассмотрены общие для тюркских языков ихтионимы. Кроме того, опирались на работы К. Айтазина¹, Е. А. Лебедевой², В. И. Рассадина (Рассадин, 2008), в которых изучены названия рыб отдельных или группы тюркских языков. При решении вопросов образования татарских ихтионимов основывались на «Татарской грамматике»³.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые в сравнительном аспекте рассмотрены ихтионимы татарского и тувинского языков, определены общие и специфические названия, изучено развитие семантики отдельных названий, выявлена специфика родовых компонентов.

Материалы исследования извлечены из лексикографических источников татарского и тувинского языков. Как показывает собранный лексический материал, в татарском и тувинском языках тематические группы «названия рыб» являются богатыми объединениями. Так, в «Татарско-русско-латинский толковый словарь ихтионимов»⁴, который является на сегодняшний день самым полным по охвату ихтионимов лексикографическим источником в татарском языке, зафиксировано 1800 ихтионимов и терминов классификации. В тувинской лексикографии нами не найден такой специализированный словарь. Ихтионимы отобраны методом сплошной выборки из «Тувинско-русского словаря»⁵ и «Русско-тувинского словаря»⁶, в которых зафиксировано около 50 единиц. Учтены диалектные названия рыб. Из диалектологического словаря татарского языка⁷ и монографии З. Р. Садыковой (Садыкова, 1994) извлечено около 140 названий рыб, из научных статей, в которых исследованы названия рыб диалектов тувинского языка, — более 90 названий (Сувандии, 2014; Куулар, 2016; и др.⁸).

Из всего корпуса в данной работе рассматриваются около 200 названий (более 100 названий татарского, около 100 названий тувинского языков) рыб, являющихся обитателями водоёмов Татарстана и Тувы, и часто фиксируемые в словарях ихтионимы как наиболее показательные единицы. К анализу привлечены «Этимологический словарь тюркских языков» Э. В. Севортына⁹, «Этимологический словарь татарского языка» Р. Г. Ахметьянова¹⁰, «Этимологический словарь тувинского языка» Б. И. Татарицева (т. 1)¹¹.

Краткие сведения об ихтиофауне регионов

При сравнительном исследовании ихтионимов в том или ином языке, на наш взгляд, имеет значение вопрос биоразнообразия ихтиофауны в водоёмах определённого региона. Как известно, Татарстан и Тува располагают богатыми водными ресурсами.

По территории Татарстана протекают крупные реки — Волга, Кама, Вятка, Белая и около 3000 средних и малых рек, 10 000 озёр. Здесь находятся Куйбышевское, Нижнекамское, Заинское, Карабашское водохранилища¹². Что касается изучения видового состава рыб в водоёмах, к самым первым

¹ Айтазин К. Профессиональная лексика рыбного хозяйства Казахстана: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1973.

² Лебедева Е. А. Чувашские названия рыб: опыт сравнительно-исторического анализа: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1982.

³ Татар грамматикасы [Татарская грамматика]. М.: Инсан, Казан: Фикер, 1998. Т. 1. (На татар. яз.).

⁴ Галимова О. Н. Балык атамаларының татарча-русча-латинча аңлатмалы сүзлеге. Казан: ТӘҺСИ, 2019. (На татар. яз.).

⁵ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968.

⁶ Русско-тувинский словарь: 32 000 слов / под ред. Д. А. Монгуша. М.: Русский язык, 1980.

⁷ Татар теленен зур диалектологик сүзлеге [Большой диалектологический словарь татарского языка]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. (На татар. яз.).

⁸ Куулар Е. М., Кужугет Ш. Ю. Лексика рыболовства в тере-хольском диалекте тувинского языка // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 3(40). С. 234–236.

⁹ Севортын Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на букву «Б»). М.: Наука, 1978.

¹⁰ Ахметьянов Р. Г. Татар теленен этимологик сүзлеге [Этимологический словарь татарского языка]: 2 томда. Казан: Мәгариф-Вакыт, 2015. (На татар. яз.).

¹¹ Татарицев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка / отв. ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск: Наука, 2000. Т. 1 (А-Б).

¹² Андреева Т. В. Экологические группы и жизненные формы пресноводных рыб водоёмов Татарстана: дисс. ... канд. биол. наук. Казань, 1999. С. 28.

наблюдениям над ихтиофауной Казанской губернии учёные относят вышедшую в 1856 г. книгу «Записки об ужении рыбы» С. Т. Аксакова, где содержатся сведения о рыбах реки Свияги (История зоологических ... , 2003: 27). Н. А. Варпаховский говорит о 46 видах рыб, обитающих в водах Казанской губернии (Варпаховский, 1886: 6), в их числе карась, пескарь, плотва, лещ, укля, линь, окунь, ёрш, судак, стерлядь, сельдь, минога волжская, щука и др. М. Д. Рузский в 1916 г. приводит материалы по 32 видам рыб реки Свияги (по: История зоологических ... , 2003: 8). В начале 1970-х г. ихтиологи писали, что до 1955–1957 гг., когда было создано Куйбышевское водохранилище, в республике встречалось 49 видов рыб, теперь стало 58 (Попов, Лукин, 1971: 14; и др.¹), среди которых таймень, хариус, елец, густера, чехонь, серебряный карась, вьюн, *кырпы* 'белуга', *рус марсине* 'осётр русский', *чөгә* 'стерлядь', *сөләйман балыгы* 'лосось', *ала балык* 'форель ручьевая', *чуртан* 'щука', *чабак* 'плотва, сорожка', *кушбаиш* 'голавль', *бартас* 'язь', *кызыл канат* 'красноперка', *опты* 'жерех', *кара балык* 'линь', *ташбаиш* 'пескарь', *жилембалык* 'укля', *корбан балык* 'лещ', *табан балык* 'золотой карась', *ак амур* 'белый амур', *жәен* 'сом', *еланбалык* 'речной угорь', *шамбы* 'налим', *алабуга* 'окунь', *шыртакла* 'ёрш' (Попов, Лукин, 1971: 18–39). Позднее продолжается региональное исследование ихтиофауны. Например, в список рыб Волжско-Камского края, составленный В. А. Кузнецовым², вошли 62 вида, к рыбам водоёмов Среднего Поволжья Р. Р. Сайфуллин относит 42 вида (Сайфуллин, 2006: 103). В «Онлайн-энциклопедии Tatarica» говорится о 60 видах рыб, обитающих в водоёмах Республики Татарстан³.

В Республике Тыва насчитывается более 2000 рек и более 6720 озёр (Ховалыг, 2023: 63). К самым крупным рекам относятся Большой Енисей, Малый Енисей, Енисей и их притоки — Хамсара, Кызыл-Хем, Хемчик, в бессточной области — река Тес-Хем. Наиболее крупными считаются озёра Азас, Маны-Холь, Нойон-Холь, Тере-Холь, Чагытай, Хиндиктиг-Холь, Тере-Холь⁴. Рыбное богатство водоёмов Тывы изучена многими исследователями. История ихтиологических исследований представлена Ч. А.-Х. Ховалыгом, который начало изучения ихтиофауны региона относит к концу XIX в. и называет этот период досоветским (Ховалыг, 2023: 63). «Предварительные видовые списки ихтиофауны верховья Енисея» в конце XIX в. первым даёт Н. А. Варпаховский (Варпаховский, 1889). Сведения о видовом составе рыб включают также труды начала XX в. «Поездка в Северо-Западную Монголию: краткий отчёт о путешествии, совершённом летом 1907 года по поручению Императорского Русского географического общества» В. Г. Дорогостайского (по: Ховалыг, 2023: 63), «О рыбах верхнего течения Енисея» М. Д. Рузского (Рузский, 1916). В вышеуказанных исследованиях упоминались 9–10 видов рыб, в числе которых таймень, ленок, байкальский хариус, сиг, щука, елец, пескарь, щиповка, налим, окунь, плотва, сибирский подкаменщик и др. В советский и современный периоды списки дополнились: сибирский сиг, сибирский хариус, сибирская плотва, речной голец, обыкновенный пескарь, сибирский голец, сибирская щиповка, тугун, монгольский хариус, саянский сиг, зубастый сибирский хариус, саянский озёрный хариус, большеголовый пескарь, озёрный монгольский хариус и др (Ховалыг, 2023: 63–65). В определителе-справочнике «Рыбы Тувы» Л. К. Аракчаа и Н. Д. Шацких⁵ даны 34 вида. Е. М. Куулар, при исследовании диалектной лексики, говорит о 40 видах рыб, обитающих в водоёмах Тувы (Куулар, 2016: 105).

Изученный материал показывает некоторые различия в ихтиофауне: в исследованиях о рыбах Татарстана не упоминаются рыбы пелядь, ленок, в материалах о рыбах Тувы — укля, подуст, белоглазка, синец и др.

¹ Лукин А. В., Смирнов Г. М., Платонова О. П. Рыбы Среднего Поволжья: Метод. пособие. Казань, 1971. С. 10.

² Кузнецов В. А. Рыбы Волжско-Камского края: Метод. указания к спец. практике и спец. дисциплинам по ихтиологии. Казань, 2000. Ч. 3–5.

³ Рыбы [Электронный ресурс] // Онлайн-энциклопедия Tatarica. URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/priroda/zhi-votnyj-mir/ryby> (дата обращения: 23.09.2024).

⁴ Водные ресурсы, наличие рек, озёр. Республика Тыва [Электронный ресурс] // СОТИ. URL: <https://nbcrs.org/regions/respublika-tyva/vodnye-resursy-nalichie-rek-ozer> (дата обращения: 06.03.2025).

⁵ Рыбы Тувы: определитель-справочник / Л. К. Аракчаа, Н. Д. Шацких; отв. ред. В. В. Заика. Кызыл: ТУВИКОПР СО РАН, 2003.

Краткая характеристика ихтионимических систем

Как известно, «словарный состав — необозримо открытая система, наиболее изменяющаяся и в то же время сохраняющая в себе напластования разных эпох, начиная древнейших, то есть очень устойчивая» (Филин, 2008: 46). К таким генетически неоднородным ярким подсистемам в тюркских языках относятся названия рыб.

Так, в основе ихтионимических систем татарского и тувинского языков лежат названия, относящиеся к древнейшим лексическим пластам. В процессе развития они пополнялись новыми единицами, как за счёт средств родного языка, так и родственных и неродственных языков. Так, в татарском языке выделены следующие историко-генетические пласты ихтионимов: тюрко-монгольские параллели и заимствования (*чуртан* 'щука', *чурагай* 'шуренок' и др.), общетюркские названия (*балык* 'рыба', *чабак* 'плотва', *сәврүк* 'севрюга' и др.), собственно татарские названия (*күл чабагы* 'снеток', *азов чабагы* 'тарань' и др.), заимствования из русского, финно-угорских, арабского и персидского, европейских языков (Бятикова, 2005: 34–73).

Исследователи тувинских ихтионимов также указывают на общетюркский характер большинства изученных ими названий рыб, к которым относят, например, *балык* 'рыба', *байлаң* / *барлаң* / *балаң* 'малёк', *шавага* 'малёк', *алабуга* 'окунь' (Куулар, 2016: 105–107), *мыйыт* 'ленок' (Сравнительно-историческая ..., 2001: 177). При этом отмечают ареальный характер некоторых лексем (*бел* 'таймень', *алага* 'окунь') (Куулар, 2016: 108). Обнаружены также названия локального характера, не имеющие соответствия в соседнем хакасском и алтайском языках. Возможно, к собственно тувинским относятся характерные для речи коренных жителей сумона Шуй бай-тайгинского говора названия *дыпыл-байлаңнар* 'мальки хариуса 1–4 см', *көдрээ-байлаңнар* 'малёк хариуса 5–7 см (букв. мальки со вздутым брюхом)', первые компоненты которых, по данным исследований Е. М. Куулар, употребляются лишь носителями данного говора (там же: 106). В качестве возможного заимствования из монгольского рассматривается *шортан* 'щука' (там же: 107). В словарях зафиксированы также заимствования из других языков: *белуга*, *карась*, *капр*, *кета*¹ и др. Вместе с тем следует отметить некоторые свойства иноязычных слов. Так, одинаковый заимствованный фонд по лексикографическим данным образуют ихтионимы: *акула*, *капр*, *кета*, *килька*, *навага*, *сельдь*. В тувинском языке употребляется ихтионим *треска*, в татарском — фонетически адаптированный *тәрәч* 'треска'. И в татарском, и в тувинском наблюдается синонимия заимствований с ихтионимами, образованными на материале родного языка. Например, в татарском языке — *семга* / *сәмбаш* 'сёмга', *шема* / *майбалык* 'шемая'; в тувинском — *бычок* / *буга-балык* 'бычок', *сом* / *улуг мезил* 'сом' и др.

На современном этапе ихтиотерминология развивается и за счёт видовых, подвидовых названий, о чём свидетельствуют, например, татарские названия *кыртыш* 'ёрш' → *диңгез кыртышы* 'морской ёрш' → *буй-буй диңгез кыртышы* 'трёхполосый морской ёрш' и тувинские названия *кадыргы* 'хариус' → *хөл кадыргызы* 'зубастый сибирский озёрный хариус' → *Саянның хөл кадыргызы* 'саянский озёрный хариус'².

Таким образом, в генетически неоднородных ихтионимических системах татарского и тувинского языков присутствуют как общие для них, так и специфические названия рыб, которые нами будут рассматриваться в последующих разделах.

Общие ихтионимы

К общему ихтионимическому фонду татарского и тувинского языков относятся шесть названий рыб из девяти, представленных в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Лексика» из пратюркского лексикона (Сравнительно-историческая ..., 2001: 177–179), что составляет довольно большой процент (66%) для данной группы названий. Кроме того, обнаруживаются возможные параллели (см. табл. 1).

¹ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 99, 299, 230, 239.

² Красная книга Республики Тыва (животные, растения и грибы). 2-е изд., перераб. / отв. ред. С. О. Ондар, Д. Н. Шауло. Воронеж, 2019. С. 136–140.

Таблица 1. Лексические соответствия в системах ихтионимов татарского и тувинского языков
Table 1. Lexical correspondences in the systems of ichthyonyms of the Tatar and Tuva languages

Татарский язык		Тувинский язык	
ихтионим	семантика	ихтионим	семантика
балык	рыба	балык	рыба
чабак	мелкая рыба, плотва	шавага	мелкая рыба, малёк, малёк хариуса
чуртан	щука	шортан	щука
алабуга	окунь	ала-бога	окунь
кадырга, кадырга балыгы, кадырга балык	кит	кадыргы	хариус
бил	таймень	бел, пел	таймень
сазан	сазан	сазан	сазан
акбалык	белая рыба, белорыбица, белуга, нельма	ак-балык	елец, саянский сиг
алабалык	форель	ала-балык	диал. окунь
кызыл балык	красная рыба, нерка	кызыл-балык	севрюга

Одним из общих терминов является слово *балык* 'рыба', выражающее родовое понятие.

В тюркских языках слово «представлено повсеместно» (Сравнительно-историческая ... , 2001: 177). Фонетические особенности, семантика слова *балык* 'рыба' в тюркских языках и его этимология представлены Э. В. Севортыаном. Как указал учёный, слово во всех источниках имеет значение «рыба», в лобнорском¹ — «небольшая рыба»; «карась», «мундушка», «морское животное: кит, котик», «человек, расстроенный, находящийся в забвении» — в якутском языке². В тувинском и татарском языках семантика слова тождественна. В диалектах татарского языка употребляются как *балык*, так и фонетические варианты *балық* и *палық*³. В источниках тувинского языка слово зафиксировано в форме *балык*⁴ (Куулар, 2016: 105) и *палык*⁵.

¹ Лобнорский язык – тюркский язык, считается восточным диалектом уйгурского языка.

² Севортыан Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на букву «Б»). М.: Наука, 1978. С. 60.

³ Татар теленең зур диалектологик сүзлеге [Большой диалектологический словарь татарского языка]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. Б. 100, 518. (На татар. яз.).

⁴ Русско-тувинский словарь: 32 000 слов / под ред. Д. А. Монгуша. М.: Рус. яз., 1980. С. 514.

⁵ Куулар Е. М., Кужугет Ш. Ю. Лексика рыболовства в тере-хольском диалекте тувинского языка // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 3(40). С. 235.

Учёными восстановлена праформа слова: **ba:lyk* (Сравнительно-историческая ... , 2001: 177). По мнению Э. В. Севортыяна, слово *ба:лык / балык ~ bâlak / balak* образовано от основы *ба:л- / бал-*, представленной еще в казахском *бал* 'маленький арык', с формативом *-(а)қ*¹. Е. А. Лебедева выдвигает версию о заимствовании основы *бал-* из индоевропейских языков в пратюркскую эпоху, возможно со значением «карп, сазан»: > греческое *баллерос* «вид карпа». В пользу своей версии приводит корейское *palgaŋi* 'карп' (вторичное образование с суффиксом *-aŋi*) (Лебедева, 1986: 157–158), с которым тюркское слово *balyq* сближал ещё Г. Рамстедт².

Авторы «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Лексика» указывают прототип: праалтайский **riālu* 'рыба', пратунгусско-маньчжурский **falu*. Учитывая вышеупомянутое корейское *palgaŋi* 'карп', а также халхасское *bulü*, бурятское *bulüsxai*; японское *piramai* 'камбала', восстанавливают прамонгольский **bilay* 'язь, сазан' (Сравнительно-историческая ... , 2001: 177). Принимая во внимание указанные прототипы, Д. Б. Рамазанова относит *балык* 'рыба' к словам алтайской языковой общности (Рамазанова, 2016: 116).

Таким образом, семантическое развитие *балык* могло иметь следующую последовательность: «конкретный вид рыбы (карп / сазан)» → «рыба».

Как слово, выражающее родовое понятие, *балык* 'рыба' активно употребляется в деривационном процессе, образуя не только названия рыб. Например, татарские зоонимы *ала балык* 'форель'³, *кара балык* 'линь', *корбан балык* 'лещ', *кәрәкә балык* 'карась', *күпек балык* 'морская собака (вид акулы)'⁴, *калкан балыгы* 'камбала', *елан балыгы* 'угорь'⁵, татарские диалектные слова *лимбалык* 'линь', *үрләү балык* 'малёк', *бақыр балыгы* 'хариус', *боқортый балык* 'пескарь', *зәңгелә балык* 'ёрьш'⁶, *юныс балыгы* 'дельфин'⁷ и др.; тувинские зоонимы *сүүктүг-балык* 'язь'⁸, *байлаң-балык* 'пескарь', *буга-балык* 'бычок'⁹, *семис-балык* 'пелядь', *ак-балык* 'елец', тувинские диалектные *көк-балык* 'хариус', *борабалык* 'вид окуня' (Куулар, 2016: 106, 107), *калпак-палык* 'язь', *ак-палык* 'сиг'¹⁰, *үнер-балык / шывыл-балык* 'сибирская ряпушка' (Сувандии, 2014: 164), *хап-балык* 'улитка'¹¹ и др. Стоит также отметить, что в рассматриваемых языках лексема употребляется в составе пословиц и поговорок. Например, в татарском языке — *Балык агымны, бака тоныкны ярата* 'Рыба любит течение, лягушка — стоячую воду'¹²; *Күктә кош, суда балык — тота белсәң, аша*¹³ 'Птица в небе, рыба в воде — съешь, коли сумеешь поймать'; в тувинском языке — *Кудук суу балык күзээр* 'Вода колодца мечтает о рыбе' (Иванов, 2022: 1380); *Балык бажындан чыдыыр, Терек өззәнден ириир* 'Рыба с головы тухнет, Тополь с сердцевины гниёт' (Петрушевская, 2022: 146) и др.

Одной из рыб, обитаемых в водоёмах Татарстана и Тувы является плотва, для обозначения которой в татарском языке употребляется ихтионим *чабак*, в тувинском — *шереш* (Даржа, 2009: 530). Р. Г. Ахметьянов фиксирует общее значение *чабак*: «плоская некрупная рыба»¹⁴. Значение «мелкая

¹ Севортыян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на букву «Б»). М.: Наука, 1978. С. 60.

² По: Севортыян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на букву «Б»). М.: Наука, 1978. С. 60.

³ Троянский А. Полный русско-татарский словарь: в 2-х т. Казань, 1833. Т. 1. С. 60.

⁴ Там же. Т. 2. С. 77, 83, 151, 141.

⁵ Ильяси Т. Ә. Әл-Мөфид. Гарәпчә-татарча мөкәммәл лөгәтә китабы [Аль-Муфид. Полный арабско-татарский словарь]. Казан: «Милләт» матбагасы, 1912. С. 324, 751.

⁶ Татар теленәң зур диалектологик сүзлегә [Большой диалектологический словарь татарского языка]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. С. 459, 693, 100. (На татар. яз.).

⁷ Ильяси Т. Ә. Әл-Мөфид. Гарәпчә-татарча мөкәммәл лөгәтә китабы [Аль-Муфид. Полный арабско-татарский словарь]. Казан: «Милләт» матбагасы, 1912. С. 324.

⁸ Русско-тувинский словарь / под ред. Д. А. Монгуша. М.: Рус. яз., 1980. С. 526.

⁹ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энцикл., 1968. С. 86, 119.

¹⁰ Куулар Е. М., Кужугет Ш. Ю. Лексика рыболовства в тере-хольском диалекте тувинского языка // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 3 (40). С. 235.

¹¹ Там же. С. 468.

¹² Здесь и далее перевод татарских пословиц, поговорок, песен автора статьи.

¹³ Татар халык ыжаты. Мәкальләр һәм әйтемләр [Татарское народное творчество: Пословицы и поговорки] / томны төзүче, кереш мәкалә язучы, искәрмәләр әзерләүче Х. Ш. Мәхмүтов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. С. 155–156. (На татар. яз.).

¹⁴ Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленәң этимологик сүзлегә [Этимологический словарь татарского языка]: 2 томда. Казан: Мәгариф-Вақыт, 2015. Т. 1. С. 397. (На татар. яз.).

рыба» отразилось и в фразеологизме *чабак чаклы*¹ ‘мелкий, маленький’ и в поговорке *Чабак кук кенә калган*² ‘исхудать (букв. становится мелкой словно чебак)’. В значении «мелкая рыба» для тувинского языка характерно слово *шавага* (Даржа, 2009: 530), которое в диалектах означает малька хариуса. Употребляются также *шавышка* / *шамага* / *сарыг шавага* ‘малёк’ (Куулар, 2016: 106).

Распространение, фонетические особенности, семантика слова даны в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Лексика» (Сравнительно-историческая ... , 2001: 177) и в словаре Р. Г. Ахметьянова³. Исследователи указывают несколько значений слова *чабак*: «мелкая речная рыба» — во всех источниках, «рыба» — в караимском, «вобла» — в туркменском, «плотва» — в башкирском, татарском, узбекском, «лещ» — в чувашском, «пескарь» — в казахском, «жаба» — в уйгурском, у М. Кашгарского — «мелкая рыба» (Сравнительно-историческая ... , 2001: 177). Тем самым, развитие семантики слова *чабак* в отдельных тюркских языках имеет следующую последовательность: «мелкая рыба» → «конкретный вид (мелких, плоских) рыб (плотва, лещ, вобла)». В татарском также сохранено первичное значение слова. Для тувинского характерно древнее значение, а в западном диалекте образовалось новое значение «малёк хариуса».

Ихтионим рассматривается этимологами как суффиксальное образование от *чан-* ‘шлёп (подражание хлёсткому удару)’, ‘бить, ударять’⁴. Вместе с тем Р. Г. Ахметьянов обращает внимание на возможность родства тувинских ихтионимов *чабага*, *шавага* ‘мелкая рыба’ с монгольскими формами, для которых восстанавливает возможную праформу **чабакай*. Указывает также на слово *чабага* ‘что-то измельчённое, мелкое; обычно мелкая рыба’, употребляемое в отдельных говорах тюркских языков⁵. Сравните также: татарское диалектное *чабақ таш* ‘плоский камень’⁶.

От *чабак* образуются названия небольших рыб: башкирское *йоморо сабақ* ‘елец’, киргизское *май чабак* ‘пескарь’ (Садыкова, 1994: 83); казахское *майшабақ* ‘сельдь’⁷; татарские *ак чабагы* ‘букв. белый чебак’⁸, *йомры чабак* ‘елец’, татарские диалектные *қалын чабақ*, *йомры сабақ* ‘елец’, *даран чабақ* ‘молодой лещ’, *идел чабағы*, *кызыл күз / сабақ*, *кызыл күз чабақ* ‘плотва, сорожка’ (Садыкова, 1994: 83); тувинское диалектное *сарыг шавага* ‘малёк’ (Куулар, 2016: 106).

Обычный обитатель водоёмов Татарстана и Тувы — окунь. Название *алабуга* ‘окунь’ широко употребляется в тюркских языках. Ареал, семантика термина представлены в ряде трудов⁹ (Сравнительно-историческая ... , 2001: 178). Во всех источниках — «окунь», в киргизском языке — «форель». В диалектах татарского языка употребляется в фонетических вариантах *алабоға* / *алабыга* / *аламага* / *аламуга* (Садыкова, 1994: 78); в тоджинском диалекте тувинского языка — *алага* (Куулар, 2016: 106).

Учёными восстановлена праформа **alabuga* (Сравнительно-историческая ... , 2001: 178). Вслед за В. В. Радловым (Радлов, 1893: 367) слово рассматривалось как производное двух основ: *ала* ‘пестрый;

¹Татар теленең аңлатмалы сүзлегә [Толковый словарь татарского языка]: 6 томда. Казан: ТӘһСИ, 2021. Т. 6 (У-Я). С. 327. (На татар. яз.).

² Татар халык ижаты. Мәкальләр һәм әйтемләр [Татарское народное творчество: Пословицы и поговорки] / томны төзүче, кереш мәкалә язучы, искәрмәләр әзерләүче Х. Ш. Мөхмүтов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. С. 157. (На татар. яз.).

³ Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлегә [Этимологический словарь татарского языка]: 2 томда. Казан: Мәгари́ф-Вакыт, 2015. Т. 1. С. 397. (На татар. яз.).

⁴ Лебедева Е. А. Чувашские названия рыб: опыт сравнительно-исторического анализа: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1982. С. 81.

⁵ Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлегә [Этимологический словарь татарского языка]: 2 томда. Казан: Мәгари́ф-Вакыт, 2015. Т. 1. С. 397. (На татар. яз.).

⁶ Татар теленең зур диалектологик сүзлегә [Большой диалектологический словарь татарского языка]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. С. 720. (На татар. яз.).

⁷ Казахско-русский словарь: ок. 50 000 / под ред. Р. Г. Сыздыковой, К. Ш. Хусаина. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. С. 601.

⁸ Татар халык ижаты. Мәкальләр һәм әйтемләр [Татарское народное творчество: Пословицы и поговорки] / томны төзүче, кереш мәкалә язучы, искәрмәләр әзерләүче Х. Ш. Мөхмүтов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. С. 155. (На татар. яз.).

⁹ Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлегә [Этимологический словарь татарского языка]: 2 томда. Казан: Мәгари́ф-Вакыт, 2015. Т. 1. С. 88. (На татар. яз.).

пегий' и буга 'бык'¹ (Рассадин, 2008: 191) 'крупное животное (самец)'². К. Айтазин образование ихтионима считает результатом сравнения рыбы с быком. Своё предположение он подкрепляет рядом казахских названий рыб, образованных по той же модели: *ак марка* 'лосось (букв. белый ягнёнок)', *көк серке* 'морской судак (букв. синий козёл)' и др.³ Е. Куулар, поддерживая версию внешнего сходства, указывает на то, что «у окуня сверху между головой и верхним плавником находится относительно массивный нарост, напоминающий верхнюю часть шеи быка» (Куулар, 2016: 107). Однако, по мнению исследователей, значение «бык» сомнительно⁴, и по семантическим, и по фонетическим принципам. Авторы «Сравнительно-исторической грамматики. Лексика», учитывая татарское *alabalyq* 'сиг', *алабууа* 'окунь', ногайское *алашоргай* 'форель', полагают, что второй компонент сложения должен быть названием рыбы (Сравнительно-историческая ... , 2001: 178). Данный ряд, вероятно, дополняет тувинское диалектное *ала-балык* 'окунь' (Куулар, 2016: 107). Возможной параллелью к *буга* является уйгуро-уряньхайское *тулбыга* 'мелкий таймень' (Рассадин, 2008: 191).

Тувинское диалектное *алага* 'окунь' рассматривается как результат выпадения первого слога определяемого слова *буга*, что, по утверждению Б. И. Татаринцева, является достаточно характерным явлением для тувинского. Имеющиеся старописьменное монгольское *алагана*, бурятское, монгольское *ал(а)гана* он относит к возможным заимствованиям в них из диалекта тюркских языков Южной Сибири⁵. К тождественным с бурятскими формами Р. Г. Ахметьянов относит также чувашскую и марийскую формы: чувашское *уланкă*, марийское *олангы*, *алангы* ~ бурятское *алгана*, *алагана* «окунь»⁶.

В целом, семантика ихтионима *алабуга* 'окунь' в рассматриваемых языках не подверглась трансформациям.

Зафиксированные в источниках рассматриваемых языков названия рыб с компонентом *буга* / *үгез* 'бык' считаем кальками с русского бычок (рыба). Термины образованы по характерной в тюркских языках модели определяющее слово + родовой компонент: татарское *үгез балыгы*⁷, тувинское *буга балыгы* 'бычок'⁸.

К распространённым в водоёмах рыбам относится щука. В этом значении в татарском языке употребляется ихтионим *чуртан*. Для диалектов характерны: *шурагай* (Садыкова, 1994: 79), *куртан*, *култан*⁹. Н. Атнометевым *ناترون* *куртан* зафиксирован в значении «налим»¹⁰. В тувинском языке и диалектах наблюдаются *шортан*, *шуруш* / *торуш* / *тооруш* (Куулар, 2016: 108).

Фонетические варианты лексемы представлены в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Лексика» (Сравнительно-историческая ... , 2001: 178). По данным этимологов, слово *чуртан* во всех источниках имеет значение «щука», кроме турецкого языка («угорь»). В башкирском употребляется в значении «молодая щука», *suratay* — «старая щука» (там же: 178). Считается заимствованием из монгольского языка: **čurkaĵ* (там же). Рассмотрев этимологию слова, Р. Г. Ахметьянов делает заключение, что монголы, проживавшие в районе среднего течения Амура, знали рыб лучше, чем турки¹¹. В слове *чуртан* выделяется корень *чур-* и суффикс *-тан*¹². По мнению Р. Г. Ахметья-

¹ Там же.

² Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка / отв. ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск: Наука, 2000. Т. 1 (А-Б). С. 89.

³ Айтазин К. Профессиональная лексика рыбного хозяйства Казахстана: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1973. С. 169.

⁴ Ахметьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлегә [Этимологический словарь татарского языка]: 2 томда. Казан: Мәгариф-Вақыт, 2015. Т. 1. С. 88. (На татар. яз.).

⁵ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка / отв. ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск: Наука, 2000. Т. 1 (А-Б). С. 90.

⁶ Ахметьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлегә [Этимологический словарь татарского языка]: 2 томда. Казан: Мәгариф-Вақыт, 2015. Т. 1. С. 88. (На татар. яз.).

⁷ Мөкәммәл хайванат атласы [Полный атлас животных]. Казан: Матбагаи Кәримия, 1916. С. 69. (На татар. яз.).

⁸ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 119.

⁹ Татар теленең зур диалектологик сүзлегә [Большой диалектологический словарь татарского языка]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. С. 425, 429. (На татар. яз.).

¹⁰ Атнометев Н. Букварь татарского и арабского письма с приложением слов со знаками, показывающими их выговор. СПб., 1802. С. 57.

¹¹ Ахметьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлегә [Этимологический словарь татарского языка]: 2 томда. Казан: Мәгариф-Вақыт, 2015. Т. 2. С. 458. (На татар. яз.).

¹² Татар грамматикасы [Татарская грамматика]. М.: Инсан, Казан: Фикер, 1998. Т. 1. С. 289. (На татар. яз.).

нова, диалектизмы *куртан*, *култан* возможно, вернулись из эвенкийского языка (эвенкийское диалектное *сортон* > *хортон* > *хортон* > татарское *куртан*)¹. Происхождение диалектных названий щуки в тувинском языке ещё не определено (Куулар, 2016: 107). На наш взгляд, возможная параллель — татарское диалектное слово *чурыш* 'ёрш', рассматриваемое З. Р. Садыковой как заимствование из русского языка (*ч* ~ *й*) (Садыкова, 1994: 78). Р. Г. Ахметьянов также ставит под сомнение версию З. Р. Садыковой, обращая внимание на приведённые В. И. Рассадиным тофаларское *шуруш*, сойотское, уйгурско-цаатанское *шурыш*, тувинское диалектное *шуруш* 'щука'². Учитывая саянские названия, можно предположить, что значение «щука» в *шуруш* / *чурыш* является первичным.

В целом, название щуки в рассматриваемых языках (в татарском. *чуртан*, в тувинском *шортан*) не претерпело семантических изменений.

С ихтионимом *чуртан* / *шортан* в рассматриваемых языках образованы пословицы: в татарском языке — *Чуртан чурагайны йотмас*³ 'Щука щуренка не проглотит'; *Чуртан — тирәндә солтан* 'Щука — султан в глубоких местах'; в тувинском — *Багай кижини бай бастыр, Байлаңны шортан чиир* 'Над бедным издевается богач, Малька ест щука' (Петрушевская, 2022: 250).

Сибирскими татарами в значении «таймень» употребляется слово *бил*⁴. Слово присутствует в словаре Л. З. Будагова⁵. Но в современных словарях татарского языка в данном значении зафиксировано заимствование⁶. В тувинском языке и его диалектах функционируют *бил* / *пел*, а также названия мальков тайменя *бел оглу* / *пелтиң оглу*, *аныяк пел* и *белчик* 'маленький таймень' (Куулар, 2016: 107; Даржа, 2009: 528). В целом, в диалектах тувинского языка употребляются около семи названий тайменя по возрасту и размеру (Куулар, 2016: 107). В татарском языке образования от *бил* 'таймень' не обнаружены.

Распространение слова представлено в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Лексика» (Сравнительно-историческая ... , 2001: 179), и В. И. Рассадиным (Рассадин, 2008: 191). Исследователями слово рассматривается как локальное сибирское, имеющее во всех источниках значение «лосось»⁷, которое В. К. Даржа считает обобщённым (Даржа, 2009: 528). Б. И. Татаринцев указывает на эвфемистический характер слова. Связывая с глагольно-именными основами *бел-* ~ *бел* '(при)знак, примета', он выдвигает версию о первичности значения слова «особый, заметный»⁸.

В тувинском языке значение «хариус» имеет слово *кадыргы*⁹, в диалектах — фонетический вариант *катырхы* (Куулар, Кужугет, 2013: 235). В диалектах употребляются также многочисленные названия хариуса, указывающие на его размер, окрас, возраст. Следующие из них в составе имеют компонент *кадыргы* 'хариус': *ак кадыргы* 'букв. белый хариус', *сарыг кадыргы* 'букв. жёлтый хариус', *кара кадыргы* 'букв. чёрный хариус', *безерек кадыргыжык* 'малёк хариуса среднего размера' (Куулар, 2016: 106). В научной литературе встречается термин *моол кадыргызы* 'монгольский хариус'¹⁰. В рассматриваемом значении в татарском языке употребляется заимствование из финно-угорских языков *барде*. Но в

¹ Ахметьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге [Этимологический словарь татарского языка]: 2 томда. Казан: Мәғариф-Вакыт, 2015. Т. 2. С. 458. (На татар. яз.).

² Там же.

³ Татар халык иҗаты. Мәкальләр һәм әйтемнәр [Татарское народное творчество. Пословицы и поговорки]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. С. 157. (На татар. яз.).

⁴ Ахметьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге [Этимологический словарь татарского языка]: 2 томда. Казан: Мәғариф-Вакыт, 2015. Т. 1. С. 186. (На татар. яз.).

⁵ Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, с включением употребительных слов арабских и персидских и с переводом на русский язык: в 2-х т. СПб., 1868, Т. 1. С. 265.

⁶ Азбука природы: Рыбы. Земноводные. Пресмыкающиеся. Русско-татарский, татарско-русский словарь биологических терминов / А. Б. Халидов, В. И. Гаранин. Казань: Мағариф, 2001. С. 35; Русско-татарский словарь: в 2-х т. Казань: ИЯЛИ, 2018. Т. 2 (О-Я). 2018. С. 732; Галимова О. Н. Балык атамаларының татарча-русча-латинча аңлатмалы сүзлеге [Татарско-русско-латинский толковый словарь ихтионимов]. Казан: ТӘҺСИ, 2019. С. 123.

⁷ Там же.

⁸ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка / отв. ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск: Наука, 2000. Т. 1 (А-Б). С. 209.

⁹ Русско-тувинский словарь / под ред. Д. А. Монгуша. М.: Рус. яз., 1980. С. 626.

¹⁰ Монгуш Н. К. Биоразнообразие рыб реки Моген-Бурен и озера Хиндиктиг-Хол [Электронный ресурс]. URL: <https://nsportal.ru/shkola/biologiya/library/2014/09/17/bioraznoobrazie-ryb-reki-mogen-buren-i-ozera-khindiktig-khol> (дата обращения: 09.01.2025).

двуязычных словарях татарского языка XIX — начала XX вв. сохранился цетоним *кадырга*¹, *кадырга балыгы*², *кадырга балык*³ ‘кит’. К возможным параллелям к *кадыргы* ‘хариус’ относится татарское диалектное *кытыргак* ‘небольшой осётр’⁴. Лексема также принадлежит к сибирскому ареалу.

В. И. Рассадин включает *кадыргы* в группу названий рыб, объектов рыболовства таёжных саянских тюрков: тофаларское *кадыргы*, сойотское уйгурско-цаатанское *кадырһы*, уйгуро-уряньхайское *кадырһа* ~ *кадырһа*, *хадірә* ‘хариус’, приводит также тувинское *кадыргы*, монгольское *хадар* ‘хариус’, *хадран* ‘ёрш’, тофаларское *ақ кадыргы* ‘молодь хариуса’ (Рассадин, 2008: 191). Е. Куулар, опираясь на Б. И. Татаринцева, дополняет ряд соответствий монгольским *qadar-a*, бурятским *хадаран*, калмыцким *хадрн* ‘тарань’ (Куулар, 2016: 106).

Таким образом, можно отметить несколько значений *кадыргы*: 1) «хариус»; «молодь хариуса»; 2) «ёрш»; 3) «тарань»; 4) ? «небольшой осётр»; 5) «кит». Данное название носят в основном рыбы со сравнительно большим спинным плавником. Значение «кит» в татарском языке, на наш взгляд, является вторичным.

В список ихтионимов, употребляемых и в татарском, и в тувинском языках, входит также широко распространённый в тюркских языках ихтионим *сазан*, который во всех современных источниках имеет значение «сазан» (Сравнительно-историческая ... , 2001: 179). Отличиями в семантике характеризуются следующие названия: татарское *акбалык* ‘белорыбица; нельма’ — тувинское *ак-балык* ‘елец, саянский сиг’, татарское *алабалык* ‘форель; ряпушка’ — тувинское диалектное *ала-балык* ‘окунь’, татарское *кызылбалык* ‘красная рыба; нерка’ — тувинское *кызыл-балык* ‘севрюга’ (см. табл. 1).

В целом, в корпусах ихтионимов рассматриваемых языков десять названий рыб являются общими, четыре из них имеют различную семантику.

Специфические названия

Как показывает анализ, специфических названий (см. табл. 2) с учётом диалектизмов в системах ихтионимов татарского и тувинского языков больше, чем общих, что, на наш взгляд, связано и с лингвистическими, и экстралингвистическими факторами, к которым относим ареал обитания рыб, своеобразное видение народом природы, особенности развития языка.

Таблица 2. Специфические ихтионимы татарского и тувинского языков

Table 1. Specific ichthyonyms of the Tatar and Tuvan languages

На русском языке	На татарском языке	На тувинском языке
ленок	ленок	мыйыт, шокар
налим	жумба, шамбы	мезил
сом	жәен	улуг мезил
пелядь	пелядь	семис-балык
ряпушка сибирская	себер чуар балыгы	үнер-балык, шывыл-балык
широколобка каменная	таш киңмаңгае	чырбаловка
пескарь большеголовый	зур башлы кушбаш	калбак-баштыг
пескарь	ташбаш	байлаң-балык, салдыг байлаң, мешке
елец	йомры чабак	шор

¹ Гиганов И. Словарь Российско-татарской, собранный В. Гигановым и муллами юртовскими. СПб.: Имп. Акад. наук, 1804. С. 230.

² Троянский А. Полный русско-татарский словарь: в 2-х т. Казань, 1835, Т. 2. С. 73.

³ Насыри К. Полный русско-татарский словарь, с дополнением из иностранных слов, употребляемых в русском языке, как научные термины. Казань: И. Н. Шамсутдинов, 1904. С. 65.

⁴ Татар теленең зур диалектологик сүзлеге [Большой диалектологический словарь татарского языка]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. С. 450. (На татар. яз.).

ёрш	шыртлака, кыртыш	тенниг балык
форель	керкэ, ала балык	форель
лещ	корбан балык	лещ
карась	табан балык, кэрэкэ	карась
язь	бэрде, бэртэс	калпак-балык, калбак-балык сөөктүг-балык
судак	судак, сыла	судак
осётр	бикрэ, мэрсин	осётр
стерлядь	чөгэ	стерлядь
лосось	сөлэйман балыгы	лосось
треска	тэрэч	треска
угорь	еланбалык	угорь
линь	карабалык	-
малёк	маймыч	байлаң
щуренок	чурагай	шортанның оглу, дыңнаа, шуруш оглу

Сравнение названий рыб, не обитающих в районах проживания носителей того или иного языка, показывает на следующую особенность: для рыбы, не характерной для водоёмов того или иного региона, название заимствуется, тем самым в рассматриваемых языках образуются пары с заимствованиями: татарское *ленок* — тувинское *мыйыт*, тувинское диалектное *шокар* 'ленок'; татарское *пелядь* — тувинское *семис-балык*. О распространённости рыбы говорят также названия мальков рыб: тувинское *безирек мыйыт*, тувинские диалектные *безирек шокар* 'средненький ленок, размером около 50 см' *шокар-байлаң* 'ленок около 15 см (букв. пёстрый малёк)', *шокарак* 'ленок 30 см (букв. пёстренький)' (Куулар, 2016: 107). К специфическим относятся названия пескаря большеголового, что связано с ареалом обитания представителей рода пескарей. В водоёмах Татарстана обитает пескарь обыкновенный¹, в водоёмах Тувы — пескарь большеголовый (Ховалыг, 2023: 64). В татарском языке для обозначения пескаря употребляется ихтионим *кушбаш*. Название пескаря большеголового образуется с данным ихтионимом (*зур башлы кушбаш*) и является калькой с русского пескарь большеголовый. Тувинцы называют данную рыбу *калбак-баштыг*. В основе номинации рыбы лежит особенность внешнего вида, а именно большая голова, на что указывают определяющие компоненты: в татарском — *зур* 'большой', в тувинском — *калбак* 'широкий'. В отдельных случаях название рыбы отсутствует или не зафиксировано в источниках. Например, в словарях тувинского языка нами не обнаружены эквиваленты к татарским ихтионимам *кара балык* 'линь', *жилембалык* 'уклея', *зәңгелә балык* 'синец'.

Однако большинство специфических ихтионимов — названия рыб, не имеющих ареальных ограничений. Такие внутренние различия, на наш взгляд, связаны с «неравномерностью развития отдельных явлений и систем», «разной степенью изолированности развития, различными, часто очень сложными условиями взаимодействия с родственными и неродственными языками» (Убрытова, 1970: 72). Результат взаимодействия с неродственными языками отражается в следующих парах: татарские *бикрэ* / *бикрэ балыгы*, *мэрсин* / *мэрсин балыгы* 'осётр' — тувинское *осётр*; татарские *бэртэс*, *бэрде* 'язь' — тувинское *сөөктүг балык* 'язь', в которых *осётр*, *бэрде*, *бэртэс* относятся к заимствованному фонду. В эту же группу входят ихтионимы, относящиеся к древним пластам лексики тюркских язы-

¹ Кузнецов В. А. Рыбы Волжско-Камского края: Метод. указания к спец. практике и спец. дисциплинам по ихтиологии. Казань, 2000. Ч. 4. С. 55.

ков. Например, для рассматриваемых языков характерны оригинальные названия налима: в татарском употребляются заимствования из финно-угорских языков *жума*, *шамбы*, в тувинском — алтайское слово *мыйыт*, алтайским прототипом которого является **pınyty* (Сравнительно-историческая ... , 2001: 177). В значении «сом» в татарском зафиксирован ихтионим *жәен*, в тувинском — *улуг мезил*. Этимологами восстановлен алтайский прототип **diojga* слова *жәен* (там же: 177).

Кроме вышерассмотренной лексемы *балык* 'рыба' для рассматриваемых языков характерны оригинальные названия, имеющие общее значение. Например, в татарском фольклоре сохранилось заимствование из арабского языка *самәк* 'рыба': *Һавада нөжүм никадәр, суда самәк шулкадәр*¹ 'Сколько на небе птиц, столько рыб в воде'. Однако оно не получило широкое употребление.

В тувинском языке употребляется слово *суг курту* (букв. 'водяной червь'), рассматриваемое как эвфемизм. Опорным компонентом сложного слова является *курт* 'червь'. Значение лексемы В. К. Даржа объясняет отношением тувинцев к воде и живым существам, обитающим в воде. «Вода в традиционном понимании считалась Жизнью», живые существа в ней «по аналогии с паразитами в живых организмах» назывались червями (Даржа, 2009: 506). С компонентом *суг* 'вода' образуются общие названия *суг аңнары* (букв. водяные звери), *суг амытаннары* (букв. водяные животные), которые также относятся к эвфемистической лексике (Куулар, 2018: 51). Иносказательные названия появились, возможно, для защиты рыбного богатства. Рыба считалась даром природы. Как отмечают исследователи тувинской культуры, в отношении рыб соблюдались определённые ограничения: «рыбу не убивают во время зимней спячки; не перегораживают речку с рыбой; ловят рыбу в меру, по надобности, зимой старались не ловить рыбу; рыбу не ловят сетями» (Саны, 2014: 60), категорически запрещается губить рыбу просто так (Даржа, 2009: 506). Данные эвфемистические названия отражают своеобразное отношение народа к рыбам. В названиях *суг аңнары* (букв. водяные звери), *суг амытаннары* (букв. водяные животные) родовыми являются *аң* 'зверь', *амытан* 'животное'.

В целом, отличия в системах ихтионимов рассматриваемых языков ярко проявляются в таких парах, как заимствование — собственное (тюркское) слово (*еланбалык* — *угорь*, *корбан балык* — *лещ*, *пелядь* — *семис-балык*), калька — собственное (тюркское) слово (*зур башлы кушбаш* — *калбак-баштык* 'пескарь большеголовый'). Расхождения обнаруживаются и в парах со словами тюркского происхождения (*жәен* — *улуг мезил* 'сом'; *ташбаш* — *байлаң-балык* 'пескарь'). Своеобразие названий рыб — результат различий в ихтиофаунах регионов и специфики развития языков в целом.

Названия мальков как переплетение общего и специфического

В рассматриваемых языках употребляются многочисленные названия мальков.

В татарском литературном языке функционирует слово *маймыч*. Название малька в диалектах татарского языка употребляется в различных фонетических вариантах: *маймуч*, *майма*, *маймы*, *маймақ*, *маймич*. В стерлитамакском говоре зафиксировано название *майма балык*. Татарский этимолог Р. Г. Ахметьянов, рассматривая данное слово, приводит башкирские *маймыс*, *маймус*, якутские *майма*, *байба* в том же значении, тунгусское *майма*, *мальма*, *майгу*, *майагас* «виды рыб» и указывает на возможную связь с *мармыш* «бокоплав (рачок)»².

Для диалектах татарского языка в данном значении характерны также *алдаука*, *балык чагалары*, *буккорсак*, *вак балык*, *керкә*, *ком мелесе*, *көс*, *кугал*, *мал*, *меле*, *мелетке*, *чабатабаш маймуч*, *мәлүк*, *милек*, *мойма*, *мөлө*, *мөлде*, *мөлөк*, *мөрәй балыгы*, *мыжык*, *пакарач*, *печтәр*, *пионер*, *серде*, *сыр*, *ташбаш*, *үрләү балык*, *чорды*, *шәкәләй*, *пакарач*, *құлтан*³ (Садыкова, 1994: 81–82). Кроме того, имеются названия для обозначения мелких рыбёшек любого вида: *чор*, *чөр*, *чур*, *сор*, *чөрде*, *әнчүре*, *чөр балык*, *қызыл өн-чөрө*, *ағ өнчөра*, *салдатчыр*, *сөр*, *сөрләңкә* (там же: 82).

¹ Татар халык ыжаты: йола һәм уен җырлары [Татарское народное творчество: бытовые и игровые песни] / томны төзүче, кереш мәкалә язучы, искәрмәләр әзерләүче И. Н. Надиров. Казан: Татар. кит. нәшр., 1980. С. 135–136. (На татар. яз.).

² Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленәң этимологик сүзлегә [Этимологический словарь татарского языка]: 2 томда. Казан: Мәғариф-Вақыт, 2015. Т. 2. С. 12. (На татар. яз.).

³ Галимова О. Н. Балык атамаларының татарча-русча-латинча аңлатмалы сүзлегә [Татарско-русско-латинский толковый словарь ихтионимов]. Казан: ТӘҺСИ, 2019. С. 88.

В тувинском языке названия малька употребляются в следующих формах: *байлаң* / *барлаң* / *балыаң* (Куулар, 2016: 106). Образованы также сложные названия *балык-байлаң* ‘малёк’¹, *докпак-байлаң* ‘малёк’², *байлаң-балык* ‘малёк (букв. малёк-рыба)’, *дытыл байлаңнар* / *докпак байлаңнар* ‘мальки длиной 1–4 см’ (там же), *ак байлаң* ‘малёк хариуса длиной 10–12 см’, *шокар-байла* ‘малёк ленка до 15 см’ (Даржа, 2009: 529).

Рассматривая слово *байлаң* ‘малёк’, Б. И. Татаринцев приводит тоджинское *барлаң*, тофаларское *балыраң*³. В. И. Рассадин в группу саянских ихтионимов включает также сойотское, уйгуро-цаатанское *барылаң* ~ *барлаң* ‘мальки рыб’ (Рассадин, 2008: 191). Формы *барлаң* и *балыраң* рассматриваются как взаимосвязанные. По мнению Б. И. Татаринцева, первичной из них является тофаларская, а тоджинская занимает промежуточное место и представляет, по-видимому, результат редукции узкого гласного *ы* среднего слога и последующей метатезы *лр* > *рл*. Форма *байлаң* — из *барлаң*, где *бар*-изменилось в *бай* ‘богатый’⁴. Им допускается родственность тофаларского *балыраң* с общетюрким *балык* ‘рыба’. Слово рассматривается как суффиксальное образование от **балыра*- ‘плескаться (о рыбе)’⁵. Возможно образование слова сложением той же глагольной основы со словом *аң* ‘животное’ (см. тувинское *суг аңнары* ‘рыбы (досл. водяные звери)’). В этом случае *балыраң* — животное, плескающееся в воде.

В тувинском языке имеются пословицы с компонентом *байлаң* ‘малёк’: *Чымааргайда ужура бар, Чылбай сугда байлаңна бар* ‘В тихоне есть что-то скрытное, В чуть тёплой воде мальков полно’ (Иванов, 2023: 246); *Багай кижине бай бастыр, байлаңны шортан чиир* ‘Над бедным издевается богач, малька съедает щука’ (Сувандии, Монгуш, 2024: 109).

Исследователями в диалектах зафиксированы также *спичка чарты хире байлаңнар* ‘мальки размером половины спичечного коробка’ (Куулар, 2016: 106), *пүлтегене / мөлүтүгене* ‘малёк’⁶ и название мелких рыб *пок балыктар* ‘мелкие речные рыбёшки’ (Куулар, 2016: 106).

Для диалектов рассматриваемых языков характерны названия мальков конкретных видов рыб. Нами обнаружены возрастные названия пяти рыб (щука, лещ, осётр, язь, окунь) и в татарском, и в тувинском (таймень, ленок, хариус, налим, язь) языках. Язь, как одна из распространённых рыб водоёмов, получил и в том, и другом языке возрастные названия. В тувинском языке ихтионимы с возрастной семантикой более детальны. Тувинцами учитывается размер рыбы, татары оценивают рыбу и по массе. Например, татарские ихтионимы *чурагай* ‘щуренок’, диалектные названия *шөшләй* ‘молодая щука до 3 кг’, *целге* ‘мелкая щука’, *чуртан малай* ‘щуренок’, *даран чабақ* ‘молодой лещ’, *қытырғак* ‘небольшой осётр’, *мәwertхе* ‘маленький язь’, *мәүреткә* ‘мелкий язь’, *тергәйәк* ‘мелкий окунь’⁷; тувинские названия *согааш дажы* ‘мальки тайменя размером до 30–40 см’, *чылбаяк* ‘мальки тайменя размером в 50 см’ и др. Цвет того или иного органа также может быть показателем возраста и лечь в основу номинации. Например, тувинские диалектные *кызыл-адак* ‘язь небольшого размера’, *ак кадыргы* ‘букв. белый хариус’, *кара кадыргы* ‘букв. чёрный хариус’ и др.

В диалектах тувинского языка больше выявлено названий мальков конкретных видов: *согааш дажы* ‘мальки тайменя размером до 30–40 см’, *чылбаяк* ‘мальки тайменя размером в 50 см’, *кызыл-адак* ‘язь небольшого размера’, *мосурай* ‘средний язь’, *шокар-байлаң* ‘ленок длиной до 15 см’, *шокарак* ‘ленок длиной до 39 см’, *безерек шокар* ‘ленок до 40 см’, *шокар* ‘ленок 50 см’, *улуг шокар* ‘ленок свыше 50 см’, *сарыг-кудурук* ‘крупный хариус’ (Даржа, 2009: 528–530), *шакпаа* ‘маленькие хариусы’, *сыйдың* ‘мальки хариуса размером чуть больше среднего’, *шенек хире узун кадыргы* ‘хариус длиной по локоть руки’, *диштиг кадыргы* ‘букв. зубастый хариус’, *хөс хөрек* ‘старый хариус чёрного цвета (букв. пустая грудь)’, *көк балык* ‘букв. синяя рыба’, *ак кадыргы* ‘букв. белый хариус’, *сарыг кадыргы* ‘букв. жёлтый хариус’, *кара кадыргы* ‘букв. чёрный хариус’, *безерек кадыржык* ‘малёк хариуса среднего размера’, *достак-карак-*

¹ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 86, 89.

² Русско-тувинский словарь / под ред. Д. А. Монгуша. М.: Русский язык, 1980. С. 245.

³ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка / отв. ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск: Наука, 2000. Т. 1 (А–Б). С. 176.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Куулар Е. М., Кужугет Ш. Ю. Лексика рыболовства в тере-хольском диалекте тувинского языка // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 3(40). С. 235.

⁷ Татар теленен зур диалектологик сүзлегә [Большой диалектологический словарь татарского языка]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. С. 789, 711, 764, 720, 450, 471, 475, 627. (На татар. яз.).

тар 'мальки хариуса размером с половины спичечного коробка', дыпыл байлаңнар / докпак байлаңнар 'малёк хариуса длиной 1–4 см', көрдээ-байлаңнар 'малёк хариуса длиной 5–7 см', сарыг кудрук 'малёк хариуса длиной 10–12 см', белчик 'маленький таймень', мезилчик 'маленький налим', мыйыдок 'маленький ленок' (Куулар, 2016: 106–107).

Как показывает анализ, наибольшее количество возрастных названий татарами даны щуке (4 названия), тувинцами — хариусу (16 названий). Многочисленность названий хариуса в диалектах тувинского языка, возможно, связано с распространённостью рыбы и её различными подвидами: в водоёмах Тувы обитают саянский озёрный, зубастый сибирский озёрный, озёрный монгольский, сибирский, верхнеенисейский хариусы (Ховалыг, 2023: 65).

Среди перечисленных названий малька внимание обращают составные названия: татарские *балык чагалары*, *чуртан малай* и тувинское *шортан оглу*. Название *Балык чагалары* 'мальки' образовано по модели слово с родовым значением (*балык* 'рыба') + *чага* 'детёныш'. Подвид данной модели обнаруживается в тувинских названиях мальков, в которых определяющий компонент указывает на конкретную рыбу. Построенные по модели название рыбы + слово в значении «дитя» названия мальков характерны как для литературного языка, так и для диалектов: тувинское *шортан оглу*, тувинские диалектные *тооруштың оглу* 'щуренок', *пелдиң оглу* 'молодой таймень', *калпак-палыктың оглу* 'средний язъ'. По другому подвиду данной модели название рыбы + слово в значении «сын» в глазовском говоре татарского языка образуется *чуртан малай* 'щуренок'.

Разделение рыб по возрастному и размерному признакам, на наш взгляд, возможно, связано не только употреблением рыбы в пищу, но и вышесказанным бережным отношением к природе, так как, чтобы сохранять природное богатство, необходимо было изучить её, выявить характерные для того или иного периода черты.

В целом, названия мальков образуют довольно объёмную группу в ихтионимических системах рассматриваемых языков. При этом их наибольшая часть имеет диалектный характер. Диалектизмы расширяют круг специфических ихтионимов. Но и в этой отличительной группе обнаруживается общее: некоторые названия образуются по идентичным моделям.

Заключение

Таким образом, в системах ихтионимов татарского и тувинского языков имеются как общие, так и специфические названия. Общими являются десять названий, шесть из которых относятся к пратюркскому лексикону, что составляет довольно большую часть пратюркских ихтионимов. Семантика шести названий в рассматриваемых языках тождественна. Исследование этимологии слов позволяет представить возможное семантическое развитие некоторых терминов: для *балык* 'рыба' — «конкретный вид рыбы (каarp / сазан)» → «рыба»; для *чабак* 'мелкая рыба; плотва' — «мелкая рыба» → «конкретный вид (мелких, плоских) рыб (плотва, лещ, вобла)». Так как слово *балык* 'рыба' является общим названием для группы водных челюстноротых позвоночных животных, оно широко употребляется как родовой компонент в образовании новых ихтионимов. Поскольку в значении слова *чабак* 'мелкая рыба; плотва' присутствует сема, указывающая на маленький размер рыб, его словообразовательный потенциал ниже, чем у слова *балык* 'рыба'.

Исследование показало, что среди пратюркских ихтионимов присутствуют термины, характерные лишь для одного из изучаемых языков, что, возможно, говорит об отличительном развитии языков уже в древний период.

В ихтионимических системах рассматриваемых языков слой специфических названий объёмен. Он пополняется и за счёт диалектизмов. Нами рассмотрены около 80 специфических названий в каждом языке. Формированию уникальных лексем способствовали ареал обитания рыб, своеобразное видение народом природы, особенности развития языков. Ярким примером, отражающим специфическое отношение тувинцев к рыбам, их отличительное мировидение, являются названия *суг курту* 'рыба (букв. водяной червь)', *суг аңнары* 'рыбы (букв. водяные звери)', *суг амытаннары* 'рыбы (букв. водяные животные)'. Родовые компоненты двух последних названий расположены на более высокой ступени гиперо-гипономической системы, чем слово *балык* 'рыба'. В татарском языке в образовании ихтионимов родовые компоненты, расположенные выше *балык* 'рыба' в иерархической системе, не употребительны.

Вместе с тем в специфических слоях двух языков обнаруживается общее, о чём свидетельствуют диалектные названия мальков, образованные по схожим моделям.

Перспективы дальнейших научных изысканий мы видим в исследовании названий других групп животных в сравнительном аспекте, что позволит определить общее и специфическое не только в отдельных группах, но и рассмотреть зоонимы указанных языков в целом, установить степень близости / отдалённости зоонимических систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бятикова, О. Н. (2005) Лексика рыболовства в татарском литературном языке. Казань : б. и. 160 с.
- Варпаховский, Н. А. (1886) Очерк ихтиологической фауны Казанской губернии. СПб. : Тип. Имп. Акад. Наук. 71 с.
- Варпаховский, Н. А. (1889) Краткие данные по ихтиофауне Азиатской России: Сочинение Н. Варпаховского. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук. 21 с.
- Гаврильев, С. Л. (2018) Сравнительно-исторический анализ уголовно-правовых терминов якутского и кыргызского языков // Сравнительно-сопоставительное изучение тюркских и монгольских языков: матер: Междунар. научно-пр. конф. / отв. ред. А. К. Прокопьева. Якутск : Издательский дом СВФУ. 608 с. С. 50–57.
- Даржа, В. К. (2009) Традиционные мужские занятия тувинцев. Т. 1. Хозяйство. Охота. Рыбалка. Кызыл : Туvinское книжное издательство. 590 с.
- Иванов, Е. Е. (2022) Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // Oriental Studies. Т. 15. № 6. С. 1373–1388. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1374-1389>
- Иванов, Е. Е. (2023) Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. № 1. С. 243–258. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>
- История зоологических исследований в Казанском университете: XIX–XX вв. (2003) / В. И. Гаранин, В. А. Кузнецов, Х. М. Курбангалиева, В. А. Яковлев. Казань : Издательство Казанского университета. 85 с.
- Куулар, Е. М. (2016) Ихтионимы в диалектах тувинского языка: сравнительный аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 8(62): в 2-х ч. Ч. 2. С. 105–108.
- Куулар, Е. М. (2018) Эвфемизмы в охотничье-рыболовной лексике тувинского языка // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 26. С. 49–51.
- Лебедева, Е. А. (1986) Заметки по истории чувашских названий рыб // Проблемы составления этимологического словаря отдельного языка / отв. ред. М. И. Скворцов. Чебоксары : Чувашский НИИЯЛИЭ. 164 с. С. 152–158.
- Мусаев, К. М. (1984) Лексикология тюркских языков. М. : Наука. 228 с.
- Ольмесов, Р. Н. (2004) Сравнительно-историческое исследование хозяйственной лексики кумыкского языка: названия домашних животных и птиц. Махачкала : б. и. 200 с.
- Петрушевская, Ю. А. (2022) Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 241–263. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>
- Попов, В. А., Лукин, А. В. (1971) Животный мир Татарии (Позвоночные). 2-е изд., доп. и перераб. Казань: Татар. кн. изд-во. 263 с.
- Радлов, В. В. (1893) Опыт словаря тюркских наречий. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук. Т. 1. Ч. 1. 967 с.
- Рамазанова, Д. Б. (2016) Татар тарихи лексикологиясенә материаллар (борынгы чордан болгар чорына кадәр) [Материалы к татарской исторической лексикологии (от древнего периода до болгарского периода)]. Казан : Школа. 412 б. (На татар. яз.).
- Рассадин, В. И. (2008) Комплекс охотничье-рыболовческой лексики в саянских тюркских языках таёжного ареала // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов / отв. ред. А. В. Дыбо. М. : Восточная литература. 341 с. С. 155–194.
- Рахимова, А. Р. (2006) Сравнительно историческая лексикология и татарский язык // Учёные записки Казанского университета. Серия. Гуманитарные науки. Т. 18. Кн. 2. С. 135–142.
- Русский, М. Д. (1916) О рыбах верхнего течения реки Енисея. Томск : Типо-лит. Сибирского Т-ва Печатного дела. 18 с.

Садыкова, З. Р. (1994) Зоонимическая лексика татарского языка. Казань : Татарское книжное издательство. 130 с.

Сайфуллин, Р. Р. (2006) Ихтиоценозы водоёмов Среднего Поволжья. Казань : ТГПУ. 111 с.

Саны, М. Р. (2014) Обычаи и традиции тувинцев-тоджинцев, связанные с традиционными видами хозяйства // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. № 3. С. 60–66.

Скрябина, А. А. (2024) Общетюркская лексика в наименованиях орудий труда якутского языка (лексические параллели в тюркских языках Сибири) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 300–315. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.18>

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика (2001) / И. Г. Добродомов, А. В. Дыбо, Г. Ф. Благова; отв. ред. Э. Р. Тенишев. изд. 2-е, доп. М. : Наука. 822 с.

Сувандии, Н. Д. (2014) Рыболовная лексика в западном диалекте тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. III. С. 164–166.

Сувандии, Н. Д., Монгуш, Ш. В. (2024) Отражение традиций рыболовства в тувинских поговорках (на фоне русского языка) // Когнитивные исследования языка. Вып. № 1. С. 108–111.

Убрятова, Е. И. (1970) Задачи сравнительного изучения тюркских языков // Тюркологический сборник / отв. ред. А. Н. Кононов. М. : Наука. 287 с. С. 69–79.

Филин, Ф. П. (2008) Историческая лексикология русского языка / под общ. ред. и с предисл. В. Я. Дерягина. изд. 2-е. М.: Изд-во ЛКИ. 176 с.

Ховалыг, Ч. А.-Х. (2023) История ихтиологических исследований в Туве // Природные ресурсы, среда и общество. № 4. (20). С. 62–72. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-4441-2023-4-62-72>

Дата поступления: 17.02.2025 г.

Дата принятия: 01.04.2025 г.

REFERENCES

- Byatikova, O. N. (2005) *Lexicon of Fishing in the Tatar Literary Language*. Kazan, s. n., 160 pp. (In Russ.)
- Varpakhovsky, N. A. (1886) *Essay on the Ichthyological Fauna of Kazan Governorate*. St. Petersburg, Typ. Imp. Akad. Nauk. 71 p. (In Russ.)
- Varpakhovsky, N. A. (1889) *Brief Data on the Ichthyofauna of Asian Russia: Work by N. Varpakhovsky*. St. Petersburg, Typ. Imp. Akad. Nauk. 21 p. (In Russ.)
- Gavriliev, S. L. (2018) Comparative-historical analysis of criminal law terms in Yakut and Kyrgyz languages. In: *Comparative-Contrastive Study of Turkic and Mongolic Languages: Materials of the International Scientific and Practical Conference*, ed. by A. K. Prokopyeva. Yakutsk, Publishing House of NArFU. 608 p. Pp. 50–57. (In Russ.)
- Darzha, V. K. (2009) *Traditional Male Activities of the Tuvans. Vol. 1. Economy. Hunting. Fishing*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 590 p. (In Russ.)
- Ivanov, E. E. (2022) Absurd and paradoxical proverbs in the Tuvan language (ontological and logical aspects of categorization of proverbial semantics). *Oriental Studies*, vol. 15, no. 6, pp. 1373–1388. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1374-1389>
- Ivanov, E. E. (2023) Linguocultural commentary in the Tuvan-Russian-English paremiological dictionary. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 243–258. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>
- History of Zoological Studies at Kazan University: 19th — 20th Centuries* (2003). Authors V. I. Garanin, V. A. Kuznetsov, Kh. M. Kurbangalieva and V. A. Yakovlev. Kazan, Kazan University Press. 85 p. (In Russ.)
- Kuular, E. M. (2016) Ichthyonyms in the dialects of the Tuvan language: a comparative aspect. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*, no. 8 (62), part 2, pp. 105–108. (In Russ.)
- Kuular, E. M. (2018) Euphemisms in hunting and fishing vocabulary of the Tuvan language. *Vestnik Khakasskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. N. F. Katanova*, no. 26, pp. 49–51. (In Russ.)
- Lebedeva, E. A. (1986) Notes on the history of Chuvash fish names. In: *Problems of Compiling an Etymological Dictionary of an Individual Language*, ed. by M. I. Skvortsov. Cheboksary, Chuvash NIYALIE. 164 p. Pp. 152–158. (In Russ.)
- Musaev, K. M. (1984) *Lexicology of Turkic Languages*. Moscow, Nauka. 228 p. (In Russ.)

Olmesov, R. N. (2004) *Comparative-Historical Study of the Economic Vocabulary of the Kумык Language: Names of Domestic Animals and Birds*. Makhachkala, s. n. 200 p. (In Russ.)

Petrushevskaya, Yu. A. (2022) Tuvan and Belarusian proverbial parallels (typological commonality against the background of ethnocultural specificity). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 241–263. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Popov, V. A. and Lukin, A. V. (1971) *Animal World of Tataria (Vertebrates)*. 2nd ed. Kazan, Tatar Book Publishing House. 263 p. (In Russ.)

Radlov, V. V. (1893) *Attempt at a Dictionary of Turkic Dialects*. St. Petersburg, Typ. Imp. Akad. Nauk. Vol. 1. Part 1. 967 p. (In Russ.)

Ramazanov, D. B. (2016) *Materials for the Historical Lexicology of Tatar (from Ancient Period to Volga Bulgar Period)*. Kazan, Shkola. 412 p. (In Tatar.)

Rassadin, V. I. (2008) Complex of hunting and fishing vocabulary in Sayan Turkic languages of the taiga area. In: *Natural Environment and Material Culture of Proto-Turkic Peoples*. Ed. by A. V. Dybo. Moscow, Vostochnaya Literatura. 341 p. Pp. 155–194. (In Russ.)

Rakhimova, A. R. (2006) Comparative historical lexicology and the Tatar language. *Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities*, vol. 18, no. 2, pp. 135–142. (In Russ.)

Ruzsky, M. D. (1916) *On Fishes of the Upper Yenisei*. Tomsk, Typolit. Sibirskoe T-va Pechatnogo Dela. 18 p. (In Russ.)

Sadykova, Z. R. (1994) *Zoonymic Vocabulary of the Tatar Language*. Kazan, Tatar Book Publishing House. 130 p. (In Russ.)

Saifullin, R. R. (2006) *Ichthyocenoses of the Water Bodies of the Middle Volga Region*. Kazan, TGGPU. 111 p. (In Russ.)

Sany, M. R. (2014) Customs and traditions of the Tuvan Todzhins related to traditional types of economy. *PEM: Psychology. Educology. Medicine*, no. 3, pp. 60–66. (In Russ.)

Skryabina, A. A. (2024) Common Turkic vocabulary in the names of tools in the Yakut language (lexical parallels in Siberian Turkic languages). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 300–315. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.18>

Comparative-Historical Grammar of Turkic Languages. Lexicon (2001), I. G. Dobrodomov, A. V. Dybo, G.F. Blagova; ed. by E. R. Tenishev. 2nd ed. Moscow, Nauka. 822 p. (In Russ.)

Suvandii, N. D. (2014) Fishing vocabulary in the western dialect of the Tuvan language. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*, no. 12 (42), part 3, pp. 164–166. (In Russ.)

Suvandii, N. D. and Mongush, Sh. V. (2024) Reflection of fishing traditions in Tuvan paremias (against the background of the Russian language). *Cognitive Studies of Language*, no. 1, pp. 108–111. (In Russ.)

Ubryatova, E. I. (1970) Tasks of comparative study of Turkic languages. In: *Turkological Collection*. Ed. by A. N. Kononov. Moscow, Nauka. 287 p. Pp. 69–79. (In Russ.)

Filin, F. P. (2008) *Historical Lexicology of the Russian Language*. 2nd ed., ed. and foreword by V. Ya. Deryagin. Moscow, LKI Publishing. 176 p. (In Russ.)

Khovalyg, Ch. A.-Kh. (2023) History of ichthyological studies in Tuva. *Natural Resources, Environment and Society*, no. 4 (20), pp. 62–72. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-4441-2023-4-62-72>

Submission date: 17.02.2025.

Acceptance date: 01.04.2025.

Общетюркские орнитонимы в татарском и тувинском языках (этнолингвистический аспект)

Эльвира И. Сафина

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
Российская Федерация

В статье дается комплексный анализ орнитонимов татарского и тувинского языков с позиций лексико-семантических и лингвокультурных особенностей, семантической гибкости словарных единиц, номинирующих птиц, их потенциала репрезентировать традиционную языковую картину мира. Татарские и тувинские наименования птиц впервые исследованы в сравнительно-сопоставительном, историко-семантическом и этнолингвистическом аспектах. Материалом для исследования послужили лексикографические и научные источники, сборники народного творчества и богатая речевая практика двух языков.

Показаны пути распространения татарских и тувинских орнитонимов в других родственных и неродственных языках; определены символические значения названий птиц; рассмотрены фольклорные традиции использования орнитологической коннотации и символики.

Подробное описание в работе получили татарские и тувинские наименования птиц: журавль, ворон, ворона, орел / беркут, сокол, ястреб, утка, а также сам гипероним «птица». Указанные орнитонимы наделялись особыми этнозначимыми смыслами и у татар, и у тувинцев.

Орнитологические образы находят отражение в наследии духовной культуры тюркских народов во многом благодаря установке на сакрализацию птиц, ощущаемой предками их связи с высшим миром и миром природы.

Ключевые слова: татарский язык; тувинский язык; тюркский язык; орнитоним; наименование птицы; древнетюркский термин; номинация; паремиология

Исследование выполнено в рамках реализации п. 3.5 государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа».

Для цитирования:

Сафина Э. И. Общетюркские орнитонимы в татарском и тувинском языках (этнолингвистический аспект) // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 352–370. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.21>

Сафина Эльвира Ирфатовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Адрес: 420111, Россия, г. Казань, ул. Баумана, д. 20. Эл. адрес: 7idillia@mail.ru

SAFINA, Elvira Irfatovna, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Department of Lexicography, G. Ibragimov's Institute of Language, Literature and Arts of the Academy of the Tatarstan Academy of Sciences. Postal address: 20 Bauman St., Kazan, Russia, 420111. E-mail: 7idillia@mail.ru

ORCID: 0009-0008-3185-5120

Common Turkic Ornithonyms in the Tatar and Tuvan Languages (Ethnolinguistic Aspect)

Elvira I. Safina

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences,
Russian Federation*

This article presents a comprehensive analysis of ornithonyms in the Tatar and Tuvan languages from the perspectives of lexical-semantic and linguocultural features, semantic flexibility of the lexical units denoting birds, and their potential to represent the traditional linguistic worldview. Tatar and Tuvan bird names are studied here for the first time in a comparative-contrastive, historical-semantic, and ethnolinguistic context. The research material comprises lexicographical and scientific sources, collections of folk literature, and the rich speech practices of both languages.

The pathways of dissemination of Tatar and Tuvan ornithonyms into other related and unrelated languages are demonstrated; symbolic meanings of bird names are identified; folkloric traditions of using ornithological connotations and symbolism are examined.

A detailed description is provided for Tatar and Tuvan bird names such as crane, raven (male), crow (female), eagle/golden eagle, falcon, hawk, and duck, as well as for the hyperonym "bird". These ornithonyms are endowed with special ethnosemantic meanings among both Tatars and Tuvans.

Ornithological images are reflected in the spiritual cultural heritage of Turkic peoples largely due to the ancestral sacralization of birds, perceived as connecting the higher world with the natural world.

Keywords: Tatar language; Tuvan language; Turkic language; ornithonym; bird name; Old Turkic term; nomination; paremiology

This study was conducted within the framework of clause 3.5 of the state program of the Republic of Tatarstan "Preservation of the National Identity of the Tatar People".

For citation:

Safina E. I. Common Turkic Ornithonyms in the Tatar and Tuvan Languages (Ethnolinguistic Aspect). *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 352-370 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.21>

Введение

Исследование общетюркской орнитонимии представляет значительный интерес для понимания особенностей протекания этнокультурных и лингвистических процессов в тюркском мире. В данной статье проводится комплексный анализ названий птиц в татарском и тувинском языках, что обусловлено их особой позицией в тюркской языковой семье: татарский язык относится к кыпчакской группе, тогда как тувинский — к саянской ветви, что позволяет исследователям выявлять как общие закономерности, так и специфические черты развития орнитонимической лексики. Выбор этих языков для сопоставительного исследования мотивирован несколькими факторами: исторической глубиной фиксации орнитонимов в письменных памятниках, значимостью птиц в традиционной картине мира татар и тувинцев, а также наличием интересных семантических параллелей и расхождений в обозначении птиц.

В тюркском языкознании изучению орнитонимов уделяется большое внимание. Так, башкирские названия птиц изучались Э. Ф. Ишбердиным¹, узбекские — Д. Х. Базаровой (Базарова, 1978), азербайджанские — Ю. Г. Юсифовым², чувашские — Л. П. Петровым³, алтайские — Н. В. Ерленбаевой (Ерленбаева, 2019), карачаево-балкарские — Ф. П. Эркеновой (Эркенова, 2021) и др.

В татарском языке названия птиц стали объектом специальных⁴ и сопоставительных⁵ диссертационных исследований.

По тувинским орнитонимам на сегодняшний день монографических исследований нами найдено не было, однако имеются научные статьи, рассматривающие отдельные аспекты этой тематической группы: охотничью лексику (Сувандии, 2013; Дамбаа, Сувандии, 2021), названия хищных и курообразных птиц (Кыргыз, Чебодаева, 2016, 2017), семантику отдельных бионимов (Нурзет, 2023, 2024 и др.⁶; Рабенко, Нурзет, 2023), топонимы с зоокомпонентом⁷ и образы птиц в фольклоре (Иванов, Монгуш, 2023; Куулар, 2020).

Целью статьи является исследование татарских и тувинских наименований птиц прежде всего в сравнительно-сопоставительном и этнолингвистическом аспектах. Для достижения указанной цели ставятся следующие задачи: дать краткий обзор авифауны и на основе словарных данных выделить общетюркские орнитонимы, представленные в татарском и тувинском языках; осуществить сравнительно-сопоставительный анализ орнитонимов *торна* / *дуруа* 'журавль', *козгын* / *кускун* 'ворон', *бөркет* / *бүргүт* 'беркут, орел', *карга* / *каарган* 'ворона', *карчыга* / *хартыга* 'ястреб', *лачын* / *хартыга* 'сокол', *үрдәк* / *өдүрек* 'утка' с последующим этнолингвистическим описанием их семантических, словообразовательных и культурно-значимых характеристик.

Отбор наименований проводился по трем основным критериям: 1) лексикографическая фиксированность в авторитетных словарях татарского и тувинского языков; 2) наличие устойчивых языковых параллелей в обоих языках; 3) значительная культурно-символическая роль в традиционной картине мира указанных народов.

Основными методами исследования стали сравнительно-сопоставительный и описательный методы, метод сплошной выборки, лексикографический, лингвокультурологический, этимологический и компонентный анализы.

В ходе данного исследования были использованы следующие лексикографические источники: толковые, этимологические и переводные словари татарского и тувинского языков. Фактическим языковым материалом послужили татарские и тувинские пословицы, извлеченные путем сплошной выборки из нескольких источников: «Татар халык мәкальләре: мәкальләр җыелмасы» («Татарские народные пословицы: собрание пословиц») Н. Исанбата (1959)⁸, «Татарское народное творчество» в 15 томах (2017)⁹, сборники пословиц «Тыва үлөгер домактар, чечен сөстөр = Тувинские пословицы и поговорки» М. Хадаханэ, О. Саган-оола (1966)¹⁰, «Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки»

¹ Ишбердин Э. Ф. Названия животных и птиц в башкирских говорах: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 1970.

² Юсифов Ю. Г. Зоологическая лексика азербайджанского языка (на основе орнитонимов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1985.

³ Петров Л. П. Чувашская орнитонимия и история ее формирования: дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 1995.

⁴ Сафина Э. И. Названия птиц в татарском языке и их лексикографирование: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005.

⁵ Сахибуллина К. А. Лексико-семантическая группа «орнитонимы» в английском и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2019.

⁶ Нурзет Ц. С. Б. Лексическая семантика бионимов журавль / дуруа в обыденном представлении носителей русского и тувинского языков // Наука молодых: вызовы гуманитарной науки: материалы Всероссийской научной школы с международным участием для молодых исследователей, Абакан, 19–21 сентября 2024 года. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2024. С. 86–92.

⁷ Кара-оол Л. С. Зоокомпоненты в тувинской топонимии // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5 (84). С. 280–284; Кара-оол Л. С. Топонимы Тувы с зоокомпонентом «птицы» // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 647–650.

⁸ Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре: мәкальләр җыелмасы [Татарские народные пословицы: собрание пословиц]: 3 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., Т. 1. 1959. 780 б. (На татар. яз.).

⁹ Татарское народное творчество: в 15-ти т. / отв. ред. Д. Э. Нигматуллина. Казань: Татар. кн. изд-во, 2017. Т. 6.

¹⁰ Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966.

ки», составленные О. К. Саган-оол и М. А. Хадаханэ (1976)¹, «Пословицы и поговорки тувинского народа» Б. К. Будупа (2016)².

Особенностью источниковой базы является свидетельство о глубокой древности формирования орнитонимических систем татарского и тувинского языков, что требует их комплексного изучения. Как отмечалось в наших предыдущих работах, основу татарской орнитотерминологии составляют общетюркские лексемы³. Этот вывод подтверждается исследованиями А. А. Кыргыс и Л. И. Чебодаевой, выявивших, что в тувинском и хакасском языках номинация хищных птиц также базируется на общетюркской лексике: **ka:rt-y*, **sar(y)*, **göjke-n-ek*, **la:čyn*, **japalak*, **ügi* / **ükki* (Кыргыс, Чебодаева, 2016: 195–197).

Сведения об авифауне и выявление общетюркских орнитонимов

Перед проведением сравнительно-сопоставительного анализа орнитонимов представляется необходимым рассмотреть ключевые особенности орнитофауны Татарстана и Тувы, обусловленные их географическим положением и климатическими условиями. Эти природные факторы существенно влияют на видовой состав птиц и, как следствие, на формирование соответствующей лексики. Исходя из этих материалов и данных словарей татарского и тувинского языков будут выбраны орнитонимы для последующего анализа.

Уникальность орнитофауны Татарстана обусловлена особым географическим положением региона на стыке лесной и лесостепной зон, что способствует смешению элементов лесной и степной фауны. Ключевыми факторами разнообразия являются: 1) нахождение региона на границах ареалов многих видов птиц; 2) высокая обводненность территории — крупные водохранилища на Волге и Каме, разветвленная речная сеть и многочисленные озера создают идеальные условия для гнездования и миграции ооловодных и водоплавающих птиц⁴. Согласно последним исследованиям, современная авифауна республики насчитывает 305 видов птиц⁵.

Орнитофауна Тувы, в отличие от орнитофауны Татарстана, формируется в условиях резко континентального климата, что определяет ее специфический состав и структуру. Регион характеризуется четко выраженной зональностью распределения птиц по трем основным типам местообитания: горно-таежным, степным и долинным комплексам. Как отмечает Д. К. Куксина, только в населенных пунктах Центральной Тувы зарегистрировано 126 видов птиц, представляющих 77 родов, 35 семейств и 12 отрядов⁶, что свидетельствует о богатстве орнитофауны даже в антропогенных ландшафтах.

Разнообразие видов птиц напрямую отражается на количестве орнитонимов, фиксируемых в языковой картине мира. Так, в «Татарско-русско-латинском словаре названий птиц» с учетом заимствований и диалектных вариантов зафиксировано около 1700 наименований⁷. Для тувинского языка аналогичного специализированного словаря пока не существует. Основные орнитонимы, такие как *каарган* 'ворона', *өдүрек* 'утка', *сааскан* 'сорока', *куу*, *куу куш* 'лебедь', *хек* 'кукушка' и многие другие приведены в «Русско-тувинском словаре»⁸ и «Толковом словаре тувинского языка»⁹. Учитывая, что

¹ Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. О. К. Саган-оол и М. А. Хадаханэ. Кызыл, 1976.

² Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во. 2016.

³ Сафина Э. И. Названия птиц в татарском языке и их лексикографирование: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. С. 91.

⁴ Рахимов М. И. Формирование авиафауны и оценка современных ресурсов птиц Татарстана: автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 2011. С. 5.

⁵ Рахимов И. И., Ибрагимова К. К. Оценка современной численности популяций птиц на территории Татарстана // Проблемы популяционной биологии: материалы XII Всероссийского популяционного семинара памяти Николая Васильевича Глотова (1939–2016), Йошкар-Ола, 11–14 апреля 2017 года. Йошкар-Ола: ООО ИПФ «СТРИНГ», 2017. С. 181.

⁶ Куксина Д. К. Фауна и структура сообществ птиц населенных пунктов Центральной Тувы: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Улан-Удэ, 2010. С. 8.

⁷ Сафина Э. И. Татарча-русча-латинча кош атамалары сүзлеге [Татарско-русско-латинский словарь орнитонимов]. Казан: ТӘһСИ, 2018. 184 б.

⁸ Русско-тувинский словарь: 32000 слов / под ред. Д. А. Монгуша. М.: Русский язык, 1980.

⁹ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. I: А–Й; Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. 798 с. Т. II: К–С.

в татарском языке насчитывается свыше 250 базовых названий птиц¹, можно предположить, что в тувинском — их количество сопоставимо. Более точные данные станут доступны после проведения специальных исследований орнитонимии тувинского языка.

Примечательно, что многие орнитонимы (тат. *карга* — тув. *каарган* ‘ворона’, тат. *каз* — тув. *кас* ‘гусь’, тат. *турна* — тув. *дуруя* ‘журавль’ и др.) демонстрируют общность в татарском и тувинском языках, что свидетельствует об их древнетюркском происхождении. Как показал проведенный нами сравнительный анализ, таких номинаций много как в татарском, так и в тувинском языках. При этом существуют и общетюркские орнитонимы, которые сохранились в татарском, но отсутствуют в тувинском, и наоборот. Эти закономерности подтверждаются данными, представленными в *таблице 1*.

Таблица 1. Общетюркские названия птиц
Table 1. Ancient Turkic names of birds

Единицы татарского языка ²	Единицы тувинского языка ³	Перевод на русский язык
<i>аккош</i> (С. 65)	<i>куу, куу куш</i> (С. 236)	лебедь
<i>этэч</i> (С. 177)	<i>аскыр дагаа</i> (С. 386)	петух
<i>божыр</i> (С. 247)	<i>кушкул</i> (С. 515)	рябчик
<i>бөркет</i> (С. 258)	<i>бүргүт, улуг эзир</i> (С. 43)	беркут
<i>бытбылдык, бүдәнэ</i> (С. 279, 274)	<i>патпадак, бөдене</i> (С. 380)	перепел
<i>дүдэк</i> (С. 363)	<i>тогдук</i> (С. 146)	дрофа
<i>каз</i> (С. 509)	<i>кас</i> (С. 125)	гусь
<i>карга</i> (С. 538)	<i>каарган</i> (С. 83)	ворона
<i>карчыга</i> (С. 542)	<i>хартыга</i> (С. 560)	ястреб
<i>козгын</i> (С. 592)	<i>кускун</i> (С. 83)	ворон
<i>кош</i> (С. 624)	<i>куш</i> (С. 472)	птица
<i>көртлек, кыр тавыгы</i> (С. 636)	<i>торлаа</i> (С. 233)	куропатка
<i>күгарчен</i> (С. 665)	<i>көгө-буга, көк-буга</i> (С. 118)	голубь
<i>күке</i> (С. 671)	<i>хек</i> (С. 232)	кукушка
<i>лачын</i> (С. 717)	<i>хартыга</i> (С. 550)	сокол
<i>озан</i> (С. 91)	<i>күртү</i> (С. 581)	тетерев
<i>өке</i> (С. 114)	<i>кызыл-үгү</i> (С. 623)	филин
<i>саескан</i> (С. 205)	<i>сааскан</i> (С. 553)	сорока
<i>сарыч</i> (С. 220)	<i>сары</i> (С. 518)	сарыч
<i>суер</i> (С. 264)	<i>кара-куш</i> (С. 115)	глухарь
<i>тавык</i> (С. 294)	<i>кыс дагаа</i> (С. 233)	курица
<i>тилгән</i> (С. 375)	<i>дээлдиген</i> (С. 225)	коршун
<i>торна</i> (С. 392)	<i>дуруя</i> (С. 157)	журавль
<i>тургай</i> (С. 439)	<i>хамнаарак</i> (С. 152)	жаворонок
<i>турпан</i> (С. 439)	<i>аңгыр</i> (С. 593)	турпан
<i>үрдэк</i> (С. 498)	<i>өдүрек</i> (С. 616)	утка
<i>һөдһөд</i> (С. 549)	<i>иттик</i> (С. 602)	удод
<i>чәүкә</i> (С. 567)	<i>таан</i> (С. 111)	галка
<i>чеби, чебеш</i> (С. 569)	<i>дагаа оглу, куш оглу</i> (С. 636)	цыпленок
<i>челән</i> (С. 570)	<i>ишлен</i> (С. 633)	цапля
<i>чытчык</i> (С. 596)	<i>бора-хирилээ, бора-хөкпеш</i> (С. 83)	воробей
<i>ябалак</i> (С. 696)	<i>үгү, инек-сокпа, межерген</i> (С. 546)	сова

Таким образом, несмотря на существенные различия в экологии Татарстана и Тувы, в этих регионах зафиксированы сходные виды птиц, что проявилось в наличии общих орнитонимов с фонетическими вариациями (*карга* / *каарган*, *торна* / *дуруя* и др.).

¹ Сафина Э. И. Татарча-русча-латинча кош атамалары сүзлеген [Татарско-русско-латинский словарь орнитонимов]. Казан: ГЭИ, 2018. Б. 91–102.

² Источник: Татарско-русский словарь: в 2-х т. / ред. М. Г. Мухаммадиев. Казань: Магариф, 2007. Т. 1 (А–Л). Б. 624; Татарско-русский словарь: в 2-х т. / ред. М. Г. Мухаммадиев. Казань: Магариф, 2007. Т. 2 (М–Я). С. 392. Страницы указаны рядом с орнитонимом.

³ Источник: Русско-тувинский словарь: 32000 слов / под ред. Д. А. Монгуша. М.: Русский язык, 1980. Страницы указаны рядом с орнитонимом.

Сравнительно-сопоставительный и этнолингвистический анализ

Исследование, представленное в данной статье, фокусируется на семи ключевых орнитонимах, представляющих разные виды птиц. Начнем рассмотрение конкретных общетюркских лексических образований с гиперонима *кош* 'птица'. Далее представим результаты анализа таких единиц, как *торна* / *дуруа* 'журавль', *козгын* / *кусун* 'ворон', *бөркет* / *бүргүт* 'беркут, орел', *карга* / *каарган* 'ворона', *карчыга* / *хартыга* 'ястреб', *лачын* / *хартыга* 'сокол', *үрдэк* / *өдүрек* 'утка'.

Кош — *куш* 'птица'

Лексическая единица *кош* / *куш* 'птица' принадлежит к древнейшему пласту лексики, распространенному в большинстве тюркских языков (ср.: каз. *құс*, узб. *қуш*, хак. *хус*, алт. *куш*, карач.-балк. *кѳуш*, кирг. *куш*, кумык. *кѳуш*, тур. *kuş* и т. д.). Формы *куш* 'птица', *кушладачы* 'охотник с ловчей птицей' отмечены в орхоно-енисейских письменных памятниках (Насилов, 1960: 21).

Рассматривая этимологию термина, Р. Г. Ахметьянов возводит его к общетюркскому *куш*, древнетюркскому *кугуш* 'птица'¹. Ряд исследователей (Л. М. Сергеев, Л. П. Петров, Ю. Г. Юсифов и др.) считают, что орнитоним имеет звукоподражательную основу. К примеру, Ю. Г. Юсифов придерживается мнения, что, «возможно, слово *гуш* (*кош*) 'птица' образовано от междометий «*киш-киш* (*куш-куш*), *кишт-кишт* (*кушт-кушт*), употребляемых в связи с данным словом»². Лингвистически значимым представляется использование в татарском языке междометий *кәш-кәш*, *кәш*, *кыш*³ для отпугивания птиц, что обнаруживает очевидную фоносемантическую связь с гиперонимом *кош* 'птица'.

Сравнительный анализ показывает, что употребление лексемы *кош* / *куш* в обоих языках вышло далеко за пределы использования только прямого значения 'птица'. В татарском языке она приобрела яркую антропоморфную семантику: используется для характеристики людей (*Ниндирәк кош икән бу?* 'Чем интересна эта птица (эта особа)?'), причем часто с ироничным оттенком (*Кулыбызга зур кош төште* 'В наши руки попала важная птица')⁴. Уникальной чертой татарской разговорной речи стало использование технического значения 'самолет' (*корыч канатлы кошлар* 'стальнокрылые птицы')⁵, где современное изобретение осмысливается через традиционный образ.

Тувинский язык демонстрирует иную модель семантического развития. Как видно из примеров толкового словаря, здесь производные от *куш* образуют: 1) временные понятия (*куш даң башында* 'на рассвете, очень ранним утром'; *куш-даңы* 'раннее утро', 'рассвет'); 2) обозначения скорости (*кушталыр*, *куштар*, *куштадыр*, *кушталдыр* в значении '[бегать] очень быстро, как птица'; 3) охотничью терминологию (*кушчу* 'тот, кто ухаживает за птицами'; 'охотник на птицу'; *куштар* 'охотиться на птицу'; *куштадыр* 'отправлять охотиться на птицу')⁶.

Примечательно, что лексика, связанная с охотой, на которой использовались ловчие птицы, сохранилась и в татарском языке, что свидетельствует об общих традициях охоты. Ср.: *кош чөү* 'ходить на охоту с ловчими птицами — прирученными беркутами, соколами и кречетами'; *кош чөүче* (*кошчы*) 'специальный служитель при ханском дворе, в обязанности которого входил уход и подготовка хищных птиц для соколиной охоты'⁷.

В тувинском языке лексема *куш* используется в сравнениях для обозначения небольшого размера чего-либо, например, *куш хырынныг киж* (букв. человек с желудком птицы, т. е. 'с маленьким желудком — мало есть'), *куш баштыг анай* (букв. козленок с головой птицы, т. е. 'с маленькой головой')⁸.

¹ Ахметьянов Р. Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге [Краткий историко-этимологический словарь татарского языка]. Казан: Татар. кит. нәшр. 2001. Б. 115.

² Юсифов Ю. Г. Зоологическая лексика азербайджанского языка (на основе орнитонимов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1985. С. 9.

³ Татарско-русский словарь: в 2-х т. / ред. М. Г. Мухаммадиев. Казань: Магариф, 2007. Т. 1 (А–Л). С. 639.

⁴ Там же. С. 624.

⁵ Там же.

⁶ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. Т. II (К–С). С. 245.

⁷ Татар теленең аңлатмалы сүзлеге [Толковый словарь татарского языка] / ред. Ф. И. Тагирова, Р. Т. Сафаров, Ф. Ф. Гаффарова. Казан: ТӘҺСИ, 2017. III том. К. Б. 409.

⁸ Кара-оол Л. С. Топонимы Тувы с зоокомпонентом «птицы» // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 648.

Культурно-специфические различия проявляются в ассоциациях: у тувинцев птица связана с временными понятиями (семантема «рано»), у татар — с эмоциональными состояниями (*кош тоткан-дай булу*, *кош тоткан диярсең* ‘обрадоваться, быть на седьмом небе’ (букв. как будто поймал птицу счастья) и пространственными представлениями (*кошлар очып житмас(лек)* ‘очень далеко’)¹. При этом обе языковые традиции фиксируют использование образа птицы для обозначения скорости (*кош кебек очу*; *коштай очу* ‘лететь на крыльях’, ‘лететь как (словно) птица’, ‘мчаться со всех ног’² / *кушталыр* ‘стремительно двигаться, мчаться, лететь как птица’³).

В традиционных культурах тюркских народов образ птицы становится особым выразительным этнолингвистическим кодом. Тувинские и татарские паремии демонстрируют удивительное единство в использовании орнитологических метафор для передачи важнейших социальных концептов. Особенно ярко это проявляется в трех ключевых аспектах. Метафорика дома и принадлежности родному месту получает почти идентичное выражение в обоих языках: *Куш уялыг*, *Кижиги чурттуг* ‘У птицы гнездо, у человека Родина’ в тувинском и *Кошның да туган оясы бар* ‘И у птицы есть родное гнездо’ в татарском. Данная смысловая пара показывает, как через образ гнезда кодируется идея малой родины в обеих культурах. Не менее показательны параллели в концепции социализации: тувинское *Куш оглу каяа-даа ужар*, *Кижиги төлү каяа-даа чоруур* ‘Птенец оперится — всюду полетает, ребенок вырастет — всюду побывает’ находит смысловой аналог в татарском *Кош, оясында ни күрсә, очканда да шуны кыла* ‘Что увидит птица в гнезде, то и повторит в полете’.

Интересно, что обе традиции противопоставляют дом и странничество через образы птиц. Тувинцы говорят: *Ужар кушта чилиг чок, улчумакта уя чок* ‘У перелетной птицы нет гнезда, у бродячего человека нет дома’. Татары же подчеркивают: *Кулда асралган кош ерак очмас* ‘Выкормленная в руках птица далеко не улетит’ — обе пословицы раскрывают ценность родного дома, но с разными смысловыми нюансами.

Сходное выражение получают представления о родительской заботе. Тувинцы сравнивают заботу о детях с охраной гнезда: *Уялыг куш чаныган*, *Уруглуг кижиги кээргечел* ‘Птица гнездо бережет, человек — детей’. Татары же делают акцент на самостоятельности: *Һәр кош үз оясын үзе корыр* ‘Каждая птица сама вьет свое гнездо’.

Татарские пословицы дополнительно раскрывают ценность трудолюбия: *Талпынган кош очмый калмас* ‘Птица, что крыльями машет, без неба не останется’, важность природных задатков: *Өметле кош күкәйдә дә жырлый* ‘Истинная птица в яйце уже поет’, а также житейскую мудрость: *Кош кунмаган агач юк* ‘Нет дерева, где птица не сидела’.

Приведенные устойчивые образы показывают, как в тюркских культурах через метафорическое сравнение человека и птицы передаются важнейшие жизненные принципы. Сравнительное изучение таких пословиц помогает лучше понять общие языковые корни и особенности мировоззрения разных народов.

Таким образом, гипероним *кош / куш* ‘птица’ не только отражает древние морфемы и семантемы, но и остается ключевым элементом культурного кода обоих народов, отражая связь природы, свободы и философии жизни. Его активное использование в фольклоре подтверждает живую связь языка с традиционным миропониманием.

Торна — журуа ‘журавль’

Рассматриваемый орнитоним в значении ‘журавль’ с незначительными фонетическими изменениями встречается во многих тюркских (аз. *дүрна*, туркм. *diğna*, алт., карач.-балк., кирг., кумык., хак., узб. *турна*, тур. *turna*, каз., ккалп. *тырна*, чув. *тәрна*, башк. *торна*), в финно-угорских, тунгусо-маньчжурских и монгольских языках (мар. *турня*, монг. *тогоруу*, эвенк. *туруя*, калм. *тоһрун*, бурят-монг. *тохорюун*).

По мнению некоторых исследователей, данный общетюркский орнитоним образован от глагольной основы *тур-* / *тор-* ‘стоять’ и семантически мотивируется характерной для журавля позой (Севортян, 1980: 302; Петров, 1982: 69). Подавляющее большинство ученых (Базарова, 1978: 40; Гини-

¹ Татарско-русский словарь: в 2-х т. / ред. М. Г. Мухаммадиев. Казань: Магариф, 2007. Т. 1. С. 624.

² Там же.

³ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов. / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 268.

атуллин, 1977: 42; Р. Г. Ахметьянов¹ и др.) возводят этимологию данного орнитонима к звукоподражательной основе. Ср.: в татарском языке подражательное слово *торыйк*, *торыйк-торыйк* обозначает крик журавля²; *торыйк* — подр. одиночному крику журавля: *курлыйк*³.

Внешний облик журавля, особенно его длинные ноги и вытянутая шея, послужил основой для названия некоторых предметов и их частей, используемых в повседневной жизни того или иного народа. Благодаря внешнему сходству с этой птицей и характерными ее движениями, шест у колодца получил такое метафорическое обозначение в татарском и тувинском языках (так же, как и в русском). Ср.: журавль (у колодца) *кое сиртмәсе*⁴; *дуруа* 'журавль колодца'⁵.

В «Толковом словаре татарского языка» фиксируется переносное значение лексемы *торна* — 'длинноногий или высокий, худой человек'⁶. Про длинноногих людей говорят *торна сыйрак*, *торна сыйраклы* (букв. с ногами, как у журавля). Татары часто дают высоким людям прозвище *Торна* (журавль), преимущественно это относится к мужчинам (*Торна Вәли*, *Торна Самат*, *Торна Сабир* и др.).

В «Толковом словаре тувинского языка», кроме орнитонима *дуруа* 'журавль', зафиксированы лексемы *дуруа дези* в значении 'плохой забор' и *дуруагылаштыр* 'подобно журавлю'; последняя иллюстрируется примером *Дуруагылаштыр тейлеп, самнап тургулаан иргин* 'И стала она поклоняться, как журавль, и танцевать'⁷.

Значение 'плохой забор', которого нет в татарском языке, встречается и в «Тувинско-русском словаре»: *дуруа дези дег* 'плохонький, плохенький, невзрачный, на курьих ножках (об изгороди, заборе и т. п.)'; ср. *кара-дуруа*⁸.

Компонент *торна* встречается в ряде татарских фитонимов и указывает на пищевые пристрастия журавля или на сходство растений с внешним обликом птицы. К примеру, одну из любимых ягод журавлей — клюкву — татары называют *торна жыләге* (букв. журавлиная ягода) и *торна күзе*⁹ (букв. журавлиный глаз). А сходство растений с внешним видом птицы отражено в фитонимах *торна-набаш*, *торна үләне* 'герань', 'журавельник'. В «Толковом словаре татарского языка» говорится, что форма семенной коробочки растения напоминает голову журавля или аиста, отсюда и русские названия *журавельник*, *аистник*¹⁰. В «Татарско-русском словаре» с этим же значением зафиксирован вариант *торна яраны*¹¹.

В фитонимах *торна борчагы* 'вика', 'горошек'¹² (букв. «журавлиный горох»), *күгелжем торна кузагы* 'сочевичник сероватый'¹³ (букв. «сероватый журавлиный стручок») компонент *торна* также указывает на растения, которые обычно клюет журавль.

По данным исследований Ф. Г. Гариповой, анализируемый орнитоним лег в основу названий рек, озер, полей, болот и т. д. (*Торна аланы*, *Торна басуы*, *Торна болыны*, *Торна инеше*, *Торна елгасы*, *Торна кыры*, *Торналар күле*, *Торна тавы*, *Торна чиймәсе*, *Торна чокыры*)¹⁴.

В татарском языке существует множество пословиц и поговорок о журавле (*торна*), которые раскрывают особенности народной мудрости. Ценность родины подчеркивается в пословице *Яз бул-*

¹ Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлегә [Этимологический словарь татарского языка]: Ике томда. II том (М–Я) / ред. Р. Т. Сәфәров. Казан: Мәгариф — Вақыт, 2015. Б. 285.

² Татар теленең аңлатмалы сүзлегә [Толковый словарь татарского языка] / ред. Ф. И. Таһирова, Р. Т. Сәфәров. Казан: ТӘҺСИ, 2019. Т. V: С–Т. Б. 635.

³ Татарско-русский словарь: в 2-х т. / ред. М. Г. Мухаммадиев. Казань: Магариф, 2007. Т. 2. С. 394.

⁴ Русско-татарский словарь: в 2-х т. / отв. ред. К. Р. Галиуллин, А. К. Булатова. Казань: ИЯЛИ, 2018. Т. 1. С. 443.

⁵ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. I (А–Й). С. 518.

⁶ Татар теленең аңлатмалы сүзлегә [Толковый словарь татарского языка] / ред. Ф. И. Таһирова, Р. Т. Сафаров. Казан: ТӘҺСИ, 2019. Т. V: С–Т. Б. 630.

⁷ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. I (А–Й). С. 518.

⁸ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов. / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 184.

⁹ Татарско-русский словарь: в 2-х т. / ред. М. Г. Мухаммадиев. Казань: Магариф, 2007. Т. 2. С. 392.

¹⁰ Татар теленең аңлатмалы сүзлегә [Толковый словарь татарского языка] / ред. Ф. И. Таһирова, Р. Т. Сәфәров. Казан: ТӘҺСИ, 2019. Т. V: С–Т. Б. 630.

¹¹ Татарско-русский словарь: в 2-х т. / ред. М. Г. Мухаммадиев. Казань: Магариф, 2007. Т. 2. С. 392.

¹² Сабитова И. И., Саберова Г. Г. Усемлек атамалары сүзлегә [Татарско-русский толковый словарь фитонимов]. Казан: ТӘҺСИ, 2020. Б. 150.

¹³ Биологический русско-татарский толковый словарь / под ред. Ф. Г. Ситдикова, Р. К. Закиева. Казань: Магариф, 1998. С. 546.

¹⁴ Гарипова Ф. Г. Татар топонимнары сүзлегә [Словарь татарских топонимов]. Казан, 2010. Б. 542–544.

гач торна туган суына, адәм Сабан туена кайта 'Когда приходит весна — журавль возвращается к родным водам, человек — на Сабантуй'. Здесь проводится параллель между природным явлением (возвращение журавлей) и культурной традицией (праздник Сабантуй)¹, подчеркивается особая важность этого праздника.

Найденные нами пословицы с негативным оттенком свидетельствуют о том, что народ не очень доверял журавлям. К примеру, *Торна белән дус булсаң, башыңнан кайгы китмәс* 'Если будешь дружить с журавлем — горе с головы не уйдет'. При этом тувинские выражения *дуруа дег эштиг* 'друг как журавль' и *дуруалар аразындан суг акпас* 'между журавлями вода не течет' подчеркивают противоположное символическое осмысление образа этой птицы — она выступает олицетворением крепкой дружбы.

Пословица *Күктәге торнага ышанып, кулдагы чыпчыкны ычкындырма* 'Не теряй воробья в руке, гоняясь за журавлем в небе' учит практичности, противопоставляя реальное (воробей) и недостижимое (журавль в небе). Данная фольклорная единица перекликается с русской пословицей о синице в руках, перевод которой употребляется и в тувинской речевой практике.

В татарской фольклористике используются и ироничные выражения, например *Һавадан торна санау* 'Считать журавлей в небе', что означает бесполезное занятие. Однако в пословице *Йөз чыпчык чырылдавыннан бер торнаның торылдап куюы артык* 'Лучше один журавлиный зов, чем сотня воробьиных трелей' журавль оценивается уже положительно, что демонстрирует сложность и неоднозначность этого образа в татарской культуре.

В тувинской традиции журавль одновременно означает доброе предзнаменование (*Эжеш дуруалар таварышса өг-бүлеге эки чуве болурунуң демдээ* 'Если увидеть пару журавлей, это знак семейного благополучия') и олицетворяет одиночество, что отражено в песне «Чааскаан арткан дуруа дег» 'Словно одинокий журавль' [Өскүс арткан дуруа дег 'Словно осиротевший журавль']². У татар существует аналогичный образ одинокого журавля в песне «Ялгыз торна» («Одинокий журавль»), подтверждающий общетюркский характер указанной символики.

Таким образом, основные семантические особенности осмысления орнитонима *торна* / *дуруа* 'журавль' в татарском и тувинском языках включают внешние и физические характеристики птицы, образ жизни и поведенческие привычки, а также отражают наличие символической нагрузки, проявляющейся в амбивалентности метафорических образов — от предвестника одиночества до символа крепких социальных связей и добрых предзнаменований, что свидетельствует о сложной системе значений, сложившейся вокруг этой птицы в тюркской языковой картине мира.

Козгын — кускун 'ворон'

Орнитоним встречается в таких тюркских языках, как хак. *хускун*, алт. *құсқун*, ног., каз., к.-калп. *қузғын*, кирг., карач.-балк., осм., чаг. *қузғун* и др.

В «Татарско-русском словаре» лексема во множественном числе имеет следующее переносное значение: *козгыннар* 1) презр. вороньё; *алар бар да бер оя козгыннары* (они все вороньё одного гнезда); 2) стервятники (о вражеских самолетах)³. Как известно, вороны отличаются громким, трубным, горланным голосом. В татарском языке о неприятном, противном человеческом голосе говорят *козгын тавышы* букв. 'вороново карканье'⁴.

В «Толковом словаре татарского языка» зафиксировано еще одно переносное значение лексемы: *ертлач, бик әрсез кеше* 'наглый, нахальный; с натурой рвача'. Ср.: *Миңа ул байгура ошамый. Бирмә, ташлама шул козгынның тырнагына, — дип пышылдады Шәрифә* (Ф. Яхин⁵) 'Мне не нравится этот буржуй. Не давай, не бросай в коготь этого ворона, — прошептала Шарифа'. Ср. также: *козгынлык*⁶ в значении 'рвачество, наглость, жадность, ненасытность, алчность'.

¹ Национальный татарский праздник Сабантуй проводится летом, обычно в июне, когда заканчиваются посевные работы.

² Нурзет Ц. С. Б. Лексическая семантика бионимов журавль / дуруа в обыденном представлении носителей русского и тувинского языков // Наука молодых: вызовы гуманитарной науки: материалы Всероссийской научной школы с международным участием для молодых исследователей, Абакан, 19–21 сентября 2024 года. Абакан : Хакассский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2024. С. 91–92.

³ Татарско-русский словарь: в 2-х т. / ред. М. Г. Мухаммадиев. Казань: Магариф, 2007. Т. 1. С. 592.

⁴ Там же.

⁵ Татар теленең аңлатмалы сүзлегә [Толковый словарь татарского языка] / ред. Ф. И. Таһирова, Р. Т. Сәфәров, Ф. Ф. Гаффарова. Казан: ТӘһСИ, 2017. Т. III: К. Б. 310.

⁶ Там же.

Анализ тувинских и татарских пословиц о вороне выявляет общие этнокультурные черты в восприятии этой птицы у обоих народов. Прежде всего, вороны ассоциируются с острым природным чутьем. Тувинцы подчеркивают: *Курт чажар балыг эндевес, Кускун сек эндевес* 'Муха чует, где рана, А ворон — падал'. У татар говорят: *Уләксә исен козгын алдан сизәр* 'Ворон заранее чует запах падали'. Другая важная общая черта — связь образа ворона с предзнаменованиями беды. Татарская пословица *Козгын кычкырса, авылга бала килә* 'Если ворон кричит, в деревню придет беда' и тувинский поэтический образ *Карак чиксээн кускун ынаар карганы-дыр* 'Противно каркает ворон, алчущий глаз моих'¹ моделируют этот отрицательный символический смысл.

В целом отметим, что оба народа используют образ ворона для описания темных сторон жизни. Тувинский писатель С. Тока создает метафору *Бажының дүгү кускун дег кара* 'Трех его темный, как ворон'²; татарские пословицы связывают ворона с образом войны (*Козгын яу башлар, яуга карга ия-рер* 'Ворон войну начинает, ворона за ним следует'). При этом сохраняется уважение к птице — тувинцы отмечают: *Кускун кускуннуң караан соктавас* 'Ворон ворону глаз не выклюет'³, подчеркивая наличие своеобразного уважения друг к другу у воронов.

Интересно, что тувинцы используют образ ворона, чтобы показать родительскую любовь. Тувинская пословица гласит: *Кускун кара-даа болза, төлүңгө ынак* 'Даже если у ворона глаза черные, детенышей своих он любит', т. е. даже такая птица любит своих птенцов.

В «Толковом словаре тувинского языка» с лексемой *кускун* зафиксированы слова *кускун-кара* 'любимый человек, любимый, любимая', *кускун-сааскан* 'вороны, сороки и другие разные птицы', *кускуннар* 'громко кричать, кликать, орать; издавать звуки, кричать (о животных); гудеть, давать звуковой сигнал', *кускуннажыр* 'кричать, перекликаться, издавать звуки, гудеть'⁴.

Кроме того, в тувинском языке компонент *кускун* встречается в составе фитонима *кускун-кады* (первое значение которого 'низкий кустарник, растущий в сухих степных и гористых местах, и его мелкие красные ягоды'; второе — 'костяника (растение и его ягоды)'⁵.

Орнитоним *козгын / кускун* 'ворон' лег в основу ряда топонимов. В татарской ономастике встречаются названия *Козгын атавы* (поляна), *Козгын эрамәсе* (роща), *Козгын йылгасы* (река)⁶. По материалам «Топонимического словаря Тувы» Б. К. Ондар и сведений Л. С. Кара-оол, в республике имеются: «*Кускун*⁷ ('ворон') — гора в Овюрском районе: по легенде на вершине горы жил смельчак Кара-Кускун, который спрятал свое ружье в пещере. И тот, кто найдет это ружье, будет удачливым в охоте; *Кускун-нуз* (букв.: 'с воронами') — местность, урочище, стоянка в Каа-Хемском районе»⁸. Эти названия отражают как природные особенности мест (где водились вороны), так и символическое восприятие птицы.

Таким образом, проведенный анализ выявил, что орнитоним *козгын / кускун* 'ворон' в татарском и тувинском языках обладает развитой семантической структурой и устойчивыми переносными значениями.

Карга — каарган 'ворона'

Орнитонимы *карга / каарган*, обозначающие ворону, восходят к древнетюркскому *qarγa*⁹.

Ареал распространения данных лексических единиц охватывает следующие тюркские языки: тув. *каарган*, аз. *алагарға*, хак. *харға*, алт. *карга*, башк. *ала карға*, каз. *ала қарға*, ккалп. *қарға*, карач.-балк. *кҕаргҕа*, узб. *қарға*, алакарға, кирг. *карга*, кумык. *кҕаргҕа* и др. В ранних этимологических работах указанную номинативную единицу связывали с тюркским корнем *qara* 'черный' (Сетаров, 1983: 15; Гиниатуллин, 1977: 38; Базарова, 1975: 17), что обусловлено экстралингвистическим фактом — тем-

¹ Ожук Дажы. Тувинские трехстишия. Антология / сост., вступ. ст. и комм. Л. С. Мижит. Перевод с тув. Л. С. Мижит и Э. Б. Мижита. Кызыл, 2004. С. 154.

² Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. Т. II. С. 240.

³ Русско-тувинский словарь: 32000 слов / под ред. Д. А. Монгуша. М.: Русский язык, 1980. С. 83.

⁴ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. Т. II (К–С) С. 240.

⁵ Там же.

⁶ Гарипова Ф. Г. Татар топонимнары сүзлегә [Словарь татарских топонимов]. Казан, 2010. Б. 319.

⁷ Ондар Б. К. Топонимический словарь Тувы. Кызыл: ТувКИ, 2007. С. 276.

⁸ Кара-оол Л. С. Топонимы Тувы с зоокомпонентом «птицы» // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 648.

⁹ Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, Л. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. С. 426.

ной окраской оперения птицы. Однако современные лингвистические исследования трактуют слово *карга* 'ворона' как ономотопоэтическое образование от имитации птичьего крика («кар-кар», «карр», «карк») с добавлением словообразовательного суффикса -а.

Подтверждением данной теории служит существование слов *каркылда*, *каркылдау* 'каркать'¹, *каарык*, *каарык дээр*² (ср. рус. *каркать*). Дополнительным аргументом в пользу звукоподражательного происхождения служат параллели из неродственных языков: англ. *crow*, удм. *кырныж*, коми *кырныш*, болг. *кроконъ*, эст. *коарен*, фин. *каарне*, укр. (диал) *кракуш*, польск. *kruk*, дат. *kraai*, швед. *kraa* 'ворон', 'ворона'.

Звукоподражание активно обыгрывается и в паремиях татарского языка, например: *Карга "кар-кар" дигәндә, тартар да "тар-тар" ди* 'Когда ворона — "кар-кар", коростель кричит "тар-тар"'; *Карга үз аты белән кычыра* 'Ворона кричит своим именем'; *"Кар" дисәң каргага барып тия, "тор" дисәң — тор-нага* 'Если скажешь "кар", попадешь на ворону, если скажешь "тор" — на журавля'.

Анализ лингвистических и топонимических данных показывает значимость образа вороны в тюркской культуре: в «Толковом словаре тувинского языка» помимо орнитонима *каарган* 'ворона' зафиксировано слово *каарганныг*, обозначающее местность, в которой обитают вороны (*каарганныг чыраа*)³, тогда как в татарской топонимии широко представлены названия с корнем *карга*, такие как *Карга куагы* (местность), *Карга куагы күле*, *Карга күле* (озеро), *Каргалы күле*, *Каргалы суы* (река), *Карга очы* (местность), *Карга тавы* (гора), *Карга урманы* (лес), *Карга чиймәсе* (родник)⁴ и другие, что свидетельствует о глубоком символическом значении вороны в традиционном мировоззрении тюркских народов.

В тувинских и татарских пословицах образ вороны (*карга* / *каарган*) раскрывается преимущественно в негативном ключе, но с разными смысловыми акцентами. Согласно исследованиям Ц. С. Б. Нурзет, выражения *каарган дег каржы* 'грубый, как ворона', *кааргатынып турар багай киж* 'плохой человек, который каркает', *каарган дээрге хорадачал киж* 'злой, как ворона' отражают устойчивую отрицательную коннотацию данного образа в языковом сознании тувинцев (Нурзет, 2024: 161).

Тувинская пословица *Каарган кас эдергеш, Даванын доңурган* 'Погналась ворона за гусем, и ноги обморозила' высмеивает жадность и глупость этих птиц. В татарских пословицах ворона не только глупа, но и опасна. Например, высказывание *Карга үзен кош санар* 'Ворона считает себя птицей' высмеивает высокомерие, а *Карга үстерсәң, күзүң чукуыр* 'Вырасти ворону и выклюет тебе глаза' используется как предостережение против неблагодарности. Особенно показательно, что в татарской культуре ворона ассоциируется с прямой угрозой — например, *Каргадан каравыл куйсаң, өстеңә яу китерер* 'Если ворону стражем поставишь, на тебя беду наведет'. При этом обе традиции сходятся в том, что сущность вороны неизменна: татарская пословица *Карга, ни хәтле канатын кыеп очса да, карчыга булмас* 'Как ни махай крыльями ворона, ястребом не станет' и тувинские образы подчеркивают, что ворона никогда не сравняется с благородными птицами. Объединяет оба народа и использование контраста между вороной и другими птицами (соколом, гусем, ястребом), что усиливает ее общетюркскую негативную семантизацию.

Таким образом, орнитонимы *карга* — *каарган* 'ворона', сохранив общетюркскую форму, обладают богатой семантикой. Их анализ в лингвистике, топонимике и фольклоре выявляет значимость и устойчиво негативное восприятие образа вороны в татарской и тувинской культурах, хотя и с разными смысловыми оттенками.

Бөркет — бүргүт, улуг эзир 'беркут, орел'

Данный орнитоним встречается в большинстве тюркских языков, претерпев определенные фонетические изменения. К примеру, аз., кумык. *беркут*, башк. *бөркөт*, каз. *бүркіт*, кирг. *бүркүт*, калп. *буркуит*, алт. *мүркүт*, туркм. *bürgüt*, чув. *пёркёт*, узб. *бургут* 'беркут', 'орел'. Ср.: в монгольском — *merkit* 'сокол', в бурят-монгольском — *бүргэд* 'орел', в калмыцком — *бүргд* 'беркут', в ойротском — *мөркүт*, *мүркүт* 'беркут', в удмуртском — *быркыт*, *брзи* 'орел', в таджикском *бургут* 'беркут'.

¹ Татарско-русский словарь: в 2-х т. / ред. М. Г. Мухаммадиев. Казань: Магариф, 2007. Т. 1. С. 540.

² Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. С. 213; Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. Т. II (К-С). С. 11.

³ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. Т. II (К-С). С. 11.

⁴ Гарипова Ф. Г. Татар топонимнары сүзлегә [Словарь татарских топонимов]. Казан, 2010. Б. 274–275.

Татарская орнитонимическая система демонстрирует терминологическое разграничение между *каракош*¹ (род *Aquila* — орлы) и *беркет*² (вид *Aquila chrysaetos* — беркут), зафиксированное в словарных источниках. Однако в реальной языковой практике термин *беркет* функционирует как гипероним, охватывая как беркута, так и орлов в целом. Эта особенность находит подтверждение в авторитетных лексикографических работах. В частности, «Толковый словарь татарского языка», «Татарско-русский словарь» и др. приводят значение *беркет* как 'беркут, орёл'³, что соответствует его действительному употреблению в качестве общего наименования.

В тувинском языке сохраняется более строгое разграничение. Так, в «Русско-тувинском словаре» зафиксированы лексемы *бүргүт*, *улуз эзир*⁴, в «Тувинско-русском словаре» *бүргүт* 'беркут'⁵, *эзир* 'орел'⁶, в «Толковом словаре тувинского языка» — *бүргүт* 'беркут'⁷.

«Русско-тувинский словарь» в значении беркут приводит и составной термин *улуз эзир* ('большой / крупный орел')⁸, которому в татарских диалектах соответствует форма *олоқош* (букв. 'большая / крупная птица')⁹. В современном тувинском языке преимущественно используется краткая форма *эзир*, что находит подтверждение в фольклорных материалах.

Примечательно, что лексема *беркут* исторически использовалась в качестве антропонима. В тюркотатарской традиции мужское имя *Бөркет* / *Беркут* олицетворяло такие качества, как храбрость, сила и мужество. Это имя сохранилось в современных фамилиях: у башкир (*Буркутов*) (Сулейманова, 2019: 132), татар и удмуртов (*Бөркетов*, *Беркутов*), а также у русских (*Беркутов*, *Беркут*)¹⁰. Тувинский орнитоним *эзир* 'орел' также употребляется в качестве мужского имени *Эзир-оол* (Рабенко, Нурзет, 2023: 93). В «Толковом словаре тувинского языка» зафиксирована лексема *бүргүтпен* 'беркутенок' (кличка собаки)¹¹.

В Татарстане используются топонимы с орнитонимом *беркет*, такие как *Бөркет буйы* (местность), *Бөркет кулы* (гора)¹². В тувинском языке с компонентом *эзир* 'орел' имеются: название перевала и реки *Эзир-Арт* (река берет начало с перевала, похожего на орла), горы *Эзирлиг-Каът* ('солнечная сторона отрога горного хребта с орлами'), местности, хребта *Эзирлиг-Сын* (букв. 'горный хребет с орлами'), кургана *Эзирлигниң Улуз Оваазы* или *Эсирлигийн оваа* (букв. 'большой жертвенный курган орла'), куда слетаются орлы¹³.

В тувинской лингвокультуре орел — «сильная, величественная, свободная, парящая высоко в небе птица, символически являющая собой воплощение всех мужских добродетелей, пользующаяся особым почитанием и избираемая в качестве государственного символа» (Рабенко, Нурзет, 2023: 96). В тувинских и татарских пословицах орел (*беркет* / *эзир*) предстает как символ силы, благородства и превосходства. Оба народа видят в орле царя птиц, но выделяют разные его качества.

В тувинских языковых примерах орел — это прежде всего добытчик: *Эки эзир тевер*, *Кускун, сааскан дойлаар* 'Орел добывает, вороны пируют', что показывает его статус среди других птиц. В поэти-

¹ Татар теленең аңлатмалы сүзлеген [Толковый словарь татарского языка] / ред. Ф. И. Таһирова, Р. Т. Сәфәров, Ф. Ф. Гаффарова. Казан: ТЭҺСИ, 2017. Т. III: К. Б. 127; Сафина Э. И. Татарча-русча-латинча кош атамалары сүзлеген [Татарско-русско-латинский словарь орнитонимов]. Казан: ТЭҺСИ, 2018. Б. 36.

² Сафина Э. И. Татарча-русча-латинча кош атамалары сүзлеген [Татарско-русско-латинский словарь орнитонимов]. Казан: ТЭҺСИ, 2018. Б. 25.

³ Татар теленең аңлатмалы сүзлеген [Толковый словарь татарского языка] / ред. Ф. Ф. Гаффарова, Г. Г. Саберова, Ф. И. Таһирова. Казан: ТЭҺСИ, 2015. Т. I: А–В. Б. 589; Татарско-русский словарь: в 2-х т. / ред. М. Г. Мухаммадиев. Казань: Магариф, 2007. Т. 1. С. 258.

⁴ Русско-тувинский словарь: 32000 слов / под ред. Д. А. Монгуша. М.: Русский язык, 1980. С. 43.

⁵ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 128.

⁶ Там же. С. 608.

⁷ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. I (А–Й). С. 334.

⁸ Русско-тувинский словарь: 32000 слов / под ред. Д. А. Монгуша. М.: Русский язык, 1980. С. 43.

⁹ Сафина Э. И. Татарча-русча-латинча кош атамалары сүзлеген [Татарско-русско-латинский словарь орнитонимов]. Казан: ТЭҺСИ, 2018. Б. 25.

¹⁰ Саттаров Г. Ф. Татар антропонимикасы [Татарская антропонимика]. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1990. Б. 35.

¹¹ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. Т. II (К–С). С. 334.

¹² Гарипова Ф. Г. Татар топонимнары сүзлеген [Словарь татарских топонимов]. Казан, 2010. Б. 128.

¹³ Кара-оол Л. С. Топонимы Тувы с зоокомпонентом «птицы» // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 649.

ческих строках орел — страж (*Бедиктерден эзирлери хайгаараан* ‘Орлы с высот наблюдают, охраняя’¹), а также символ свободы (*Ыдык делгем кудайымга Эзир безин чеңгивестээн* ‘В священных просторах неба моего Даже орел парить перестал’)².

В татарских пословицах акцент делается на смелости орла (*Бөркет биектән курыкмас* ‘Орел высоты не боится’), его умении выбирать значимую добычу (*Бөркет бәрән ауласа — өлгесе, тычкан ауласа — көлкесе* ‘Если орел барана ловит — добыча, если мышь — смех’) и постоянном развитии (*Бөркетнең канаты очканда ныгый* ‘Крыло орла в полете крепнет’). Особое значение имеет место обитания — *Бөркетнең оясы биек ташта булыр* ‘Гнездо орла всегда на вершине’, что подчеркивает величественность этой птицы.

Примечательно, что тувинцы сохраняют особую монгольскую традицию — завораживающий «танец орла», исполняя который человек в движении становится подобен царственной птице. Как описывает Ч. Х. Санчай, «борцы, исполняющие танец орла, выходя в начале соревнований к краю поля перед судьями и зрителями и медленно ступая, раскинув широко руки, как крылья, подражают птичьему полету высоко в облаках» (Санчай, 2014: 114).

Исследования Т. Г. Рабенко и Ц. С. Б. Нурзет показывают, что борец, исполняющий «танец орла», не только присваивает себе качества этой царственной птицы, но и внешне буквально перевоплощается в него, о чем свидетельствуют лексические данные, например: *эзир куш дег девип самна* ‘как орел, танцуй’, *эзир дег девиир* ‘танцует, как орел’, *мөгелер шүгеш эзир дег девиир* ‘борцы, выиграв, танцуют как орлы’; *эзирлер дег мөгелер* ‘борцы, словно орлы’ и т. д. (Рабенко, Нурзет, 2023: 94).

Таким образом, в отличие от татарского языка, где наблюдается расширенное употребление термина *бөркет*, в современном тувинском сохраняется более строгое терминологическое разграничение: лексикографические источники (Русско-тувинский словарь, Тувинско-русский словарь, Толковый словарь тувинского языка) последовательно фиксируют *бүргүт* исключительно в значении ‘беркут’, тогда как *эзир* (в том числе *улул эзир*) используется для обозначения орла, что свидетельствует о сохранении в тувинском языке более дифференцированной системы орнитонимов для крупных хищных птиц. При этом оба термина, сохраняя четкую семантическую специализацию, остаются значимыми элементами традиционной картины мира, что подтверждается их активным использованием в антропонимике и культурных практиках.

Карчыга — хартыга ‘ястреб’

Это наименование обозначает хищную птицу семейства ястребиных и употребляется во многих тюркских языках: ног., каз., ккалп. *қаршыға*, чув. *хурчгга*, *хурчка*, башк. *қарсыға*, *қарсаға*, алт. *карчага*, кирг. *карчыга*, узб. *қарчиғай*, карач. *қартджыға*, хак. *хартыға*, *хартха* ‘ястреб’. В финно-угорских и монгольских языках орнитоним имеет аналогичные фонетические варианты (ср.: удм. *харсага*, мокш. *кархциган*, морд.-мокш. *кархциган*, эрз. *карциган*, калм. *харцх*, монг. *харцага*(й), бур. *харсага* ‘ястреб’).

Исследователь узбекских наименований птиц Д. Х. Базарова предполагает, что орнитоним образован при помощи звукоподражательного корня «кар» и словообразовательного суффикса³. Н. И. Егоров и Л. П. Петров возводят орнитоним к пратюркскому корню **qartıqa* ‘ястреб’, ‘коршун’, ‘сокол’ < «хищная птица» и считают, что в составе орнитонима выделяется глагольная основа **qartı-* ‘оцарапать’, ‘поранить’, перен. ‘утащить’ (Егоров, Петров, 1982: 71). Так или иначе, основа орнитонима связана с хищностью и характерными повадками этих птиц.

Если в татарском языке общетюркский орнитоним *карчыга* употребляется для обозначения ястреба, то в тувинском *хартыга* относится как к ястребу, так и к соколу. В «Тувинско-русском словаре» указано: *хартыга* — ‘сокол, ястреб’⁴. В татарском языке, помимо основного значения, эта лексема используется в переносном смысле: *бик кыю, үткен, житез кеше* ‘очень смелый, ловкий, проворный’⁵. В «Татарско-русском словаре» зафиксированы выражения: *карчыга борын* ‘крючковатый нос’, *карчы-*

¹ Ожук Дажы. Тувинские трехстишия. Антология / сост., вступ. ст. и комм. Л. С. Мижит. перевод с тув. Л. С. Мижит и Э. Б. Мижита. Кызыл, 2004. С. 157.

² Там же. С. 52.

³ Базарова Д. Х. История формирования и развитие зоологической терминологии узбекского языка. Ташкент: Фан, 1978. С. 44.

⁴ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 470.

⁵ Татар теленең анлатмалы сүзлегә [Толковый словарь татарского языка] / ред. Ф. И. Таһирова, Р. Т. Сәфәров, Ф. Ф. Гаффарова. Казан: ТӘҺСИ, 2017. Т. III: К. Б. 149.

га булып ташлану ‘кинуться ястребом’, карчыга кебек ‘как ястреб’, карчыгадан калган тавык шикелле ‘обтрёпанный, оборванный’ — о человеке; букв. ‘как курица, оставшаяся после ястреба’¹. У татар также существует название карчыга үләне ‘ястребинка’, данное по поверью, что сок этого растения улучшает зоркость глаз ястребов.

В тувинской традиционной культуре образ ястреба (*хартыга*) занимает особое место, что находит отражение как в фольклорных текстах, так и в поэзии: *Өөрээнде кижги хөңнү — чаш кулун. Өзү-баары сөгүлгүже дешкилектээр. Өрү дээрде хартыга дег кииский-даа бээр* ‘В радости человеческая душа — жеребенок. Прыгает, резвится до упаду. И даже ястребом в небе парит’. Описание демонстрирует метафорическое уподобление радостной человеческой души свободному полету ястреба, подчеркивая ассоциацию этой птицы с состоянием безграничного счастья и духовного подъема, что перекликается с существованием древнего ритуального «танца ястреба» — *хартыга самы*, в котором через пластику тела исполнитель воплощал грациозность и силу этой птицы². А в обрядовой практике, как отмечают исследователи, поэтические тексты песен-кличей с многократным повторением слова *хартыгай* и завершающиеся заклинательным пением *күүвей*, создают образ ястреба как символа уверенности и способности преодолеть преграды. Повторяемое слово при этом звучит как обращение к ястребу: «Да, ты переплывешь реку подобно парящему в небе ястребу — так же уверенно, плавно» (Санчай, Кухта, 2019: 181). Указанные особенности использования единицы в совокупности раскрывают глубинный сакральный смысл образа ястреба в тувинском мировоззрении — он есть медиатор между земным и небесным, материальным и духовным.

В традиционной картине мира татарского народа также нашел отражение многогранный образ ястреба (*карчыга*) и занял значимое место в системе культурных символов. Ярким примером служит пословица *Карчыга авызыннан ит кире чыкмый* ‘Что ястребу в рот попало — обратно не выйдет’, отражающая устойчивые народные представления о природе этой хищной птицы. В другом изречении — *Карчыга күгәрчен белән дус түгел* ‘Ястреб с голубем не дружит’ — подчеркивается хищная природа птицы. Важный аспект свободы и условий для реализации потенциала выражен в пословице *Очарга ирек бирмәсәң, яхшы карчыга да берни тотмас* ‘Если не дашь летать, и хороший ястреб ничего не поймает’, которая метафорически указывает на необходимость предоставления возможностей для проявления врожденных способностей. Изречение *Бер чебеш алган карчыга икенчесенә янә кайтыр* ‘Взяв одного цыпленка, ястреб за вторым вернется’ раскрывает такие семантические признаки образа, как настойчивость и, одновременно, алчность, показывая двойственность восприятия этой птицы в народном речевом наследии. В отличие от тувинской традиции, где ястреб наделяется сакральными функциями, в татарских пословицах образ ястреба носит более приземленный, практический характер, ассоциирован скорее с образом сильного, но обычного мужчины, умудренного опытом. Однако в обеих культурах ястреб неизменно ассоциируется с силой, свободолюбием и достоинством.

Таким образом, сравнительный анализ выявляет различие в употреблении общетюркского орнитонима: в татарском языке *карчыга* называет только ястреба, тогда как тувинское *хартыга* охватывает и ястреба, и сокола. Помимо прямого значения, данная лексема в татарском приобрела переносный смысл — *бик кыю, үткен, җитез кеше* ‘очень смелый, ловкий, проворный’, что обусловлено этимологической связью орнитонима с хищностью и характерными повадками этих птиц. При этом в обеих лингвокультурах — татарской и тувинской — ястреб сохраняет универсальную символику, воплощая идеи силы, проницательности, свободы и достоинства.

Лачын — хартыга ‘сокол’

Татарский язык использует для сокола общетюркское название *лачын*, в отличие от тувинского, где применяется единый термин *хартыга*, охватывающий и сокола, и ястреба. В тувинском имеется и слово *начын*, которое встречается во многих тюркских (башк. *ыласын*, хак. *ылачын*, карач.-балк. *илячин*, балк. *лячин*, узб. *лочин*, кирг. *ылаачын*, кумык. *лачин* ‘сокол’) и в некоторых монгольских языках (монг. *начин*, бур. *нашин*, маньч. *начин*, калм. *начн* ‘сокол’).

¹ Татарско-русский словарь: в 2-х т. Казань: Магариф, 2007. Т. 1. Б. 542.

² Санчай Ч. Х. Семантика традиционной танцевальной культуры тувинцев: дис. ... канд. культ. наук. Кызыл, 2020. С. 50.

Лексема *начын* в тувинском языке имеет два значения: 1) силач, борец // сильный; 2) начин (звание, присваиваемое победителям в национальной борьбе)¹. По данным словаря, выражение *начын бора хартыга* используется для обозначения кречета².

Некоторые значения, имеющиеся в «Этимологическом словаре тюркских языков», показывают «перенесение свойств ловчих птиц на другие живые существа, прежде всего — на человека. На том же явлении основано употребление слова в качестве мужского собственного имени или — как в ног. — в качестве ласкательного обращения к юноше»³. Действительно, кроме прямого обозначения птицы, данная лексема используется в метафорическом значении 'храбрый', 'сильный', 'зоркий', благодаря чему стала именем-пожеланием⁴. В работах Р. А. Сулеймановой зафиксирована фамилия *Лачинов*, образованная от *ыласын* 'сокол' (Сулейманова, 2019: 132), у Г. Ф. Саттарова — древнетюркские антропонимы *Лачын* (*Лачин*), *Лачынбарс*, *Алчын* (*Лачын*), символизировавшие храбрость, силу, смелость⁵.

У тувинцев *Начын* и сегодня является одним из самых распространенных мужских имен. В Республике Тыва среди высших спортивных званий по национальной борьбе хуреш имеется титул «*Начын мөгө*» (в знач. «борец сокол»), который присуждается борцам, неоднократно занимавшим призовые места в республиканских соревнованиях⁶. Примечательно, что очень часто это звание получают борцы по имени *Начын* (к примеру, *Начын Монгуш*, *Начын Кунгаа*)⁷.

В тувинской традиции образ сокола получает также и ритуальное воплощение: характеристика богатыря *эзирден ээлгир, хартыгадан кашпагай* 'танцует как орел, ловок как сокол'⁸ соединяет в себе грацию орла и ловкость сокола, демонстрируя идеал, к которому следует стремиться. Богатство птичьей пластики в тувинской культуре (ср.: «танец сокола», «танец орла» с их условным делением на символы земли и неба) показывает сложную систему миропонимания, где движения хищных птиц становятся языком общения с высшими силами. Татарские пословицы *Һәр кош очып лачын булмый* и *Очалмаган лачыннан файда юк* подчеркивают ценность истинных качеств сокола — не каждая птица может достичь его совершенства, а нелетающий сокол бесполезен, что отражает важность реализации природного потенциала птицы.

Как показывает сравнительно-сопоставительный анализ, татары сохранили общетюркский термин *лачын* для обозначения сокола, тогда как в тувинском языке название *хартыга* приобрело более широкую семантику, охватывая оба вида хищных птиц — сокола и ястреба.

Данное различие находит отражение и в фольклорных традициях: если в татарских пословицах образ сокола акцентирует практическую мудрость и необходимость проявления истинных качеств, то в тувинской культуре он приобретает эпическое звучание, воплощая духовный идеал.

Үрдәк — өдүрек 'утка'

Орнитоним *үрдәк / өдүрек* 'утка' сопоставим с лексемами из других языков: тур. *ördäk*, хак. *örtek*, шор. *örtek*, алт. *örtök*, кирг. *ördök*, туркм. *öördäk*, башк. *өйрәк*, узб. *o'rdak* и др.

По мнению Г. Рамстедта, слово образовано от утерянного глагола **ör-* 'нырять'⁹. Этимолог тувинского языка Б. И. Татаринцев приводит сходную позицию: «Дж. Клосон считал др.-тюрк. *ördek* произ-

¹ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. С. 308.

² Там же.

³ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Наука, 1997. С. 170.

⁴ Там же.

⁵ Саттаров Г. Ф. Татар антропонимикасы [Татарская антропонимика]. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1990. Б. 35.

⁶ Хертек Р. М., Саая М. А. Современное состояние и перспектива развития национальной борьбы «хуреш» // Современные проблемы физической культуры, спорта и молодежи: Материалы IV региональной научной конференции молодых ученых, Чурапча, 28 февраля 2018 года / Под редакцией А. Ф. Сыроватской. Чурапча: ФГБОУ ВО «Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта». 2018. С. 504–505.

⁷ Там же. С. 505.

⁸ Санчай Ч. Х. Семантика традиционной танцевальной культуры тувинцев: дис. ... канд. культ. наук. Кызыл, 2020. С. 66.

⁹ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. С. 548.

водным от *ö:r* (птица), 'которая поднимается' (с воды)»¹. Также исследователь отмечает, что «допустима связь с тюрк. глаг. основой *et- et-...* 'петь (о птицах); куковать, стрекотать, квакать, трещать' и др.; среди этих знач. вполне реально представить и 'крякать'. В памятниках фиксируется именное соответствие указанной основы *-öt* 'голос'»².

В «Толковом словаре тувинского языка» зафиксирован не только орнитоним *өдүрек* 'утка', но и его производные: *өдүрек-думчук* 'утконос', *өдүректиг* 'имеющий уток', *өдүректээр* 'охотиться на уток', *өдүрекчигеш* 'утенок'³. В татарском языке семантическое поле расширяется еще больше: разговорное *үрдәкч* 'утенок', многозначное *үрдәкборын* (как 'утконос', так и 'плоскогубцы'), а также собирательное *үрдәк-каз* 'утки и гуси' (в значении 'водоплавающие птицы')⁴.

Также орнитоним употребляется в составе тувинской фразеологизированной единицы *өдүрээр часса-даа, хөлүн часпас* 'Хоть с незначительными ошибками, сказать (сделать) правильно'⁵.

В переносном значении и в тувинском, и в татарском языках фиксируется использование данной единицы в значении 'ложный слух'. Ср.: *меге чугаа, хоп; меге чугаа тарадыр* 'пустить утку'⁶; *үрдәк очыру* 'пустить утку', *үрдәк хабар* 'утка'⁷.

В татарской фольклористике утка предстает как символ практической мудрости и гармонии с природой. Так, в пословице *Аптыраган үрдәк күлгә арты белән чумар* 'Растерявшаяся утка ныряет в озеро задом' отражено такое качество птицы, как способность находить нестандартные решения. Пословица *Балалы үрдәк күлдән китмәс* 'Утка, у которой есть утята, с озера не уйдет' подчеркивает важность семейных ценностей, а *Бөтен дөньяны су алса, үрдәккә ни гамь бар* 'Пусть вода зальет хоть весь мир, утке и дела нет' отражает философское спокойствие птицы. Врожденные качества отражены в фольклорных единицах: *Йөзә белмәгән үрдәк суга кермәс* 'Утка, не умеющая плавать, в воду не войдет' и *Үрдәк баласы күкәйдә үк суны белә* 'Утенок уже в яйце знает, что такое вода'. Однако пословица *Үрдәк, ничаклы ыспайланса да, аккош була алмый* 'Как бы ни охорашивалась утка, а лебедем не станет' отражает народное представление о лебеде как о более благородной и совершенной птице по сравнению с уткой.

Тувинская пословица *Эки аът орук часпас, өдүрек куш хөл часпас* 'Хороший конь не собьется с дороги, утка не пролетит мимо озера' через образ утки раскрывает глубокие пласты традиционного мировоззрения. В этом контексте утка выступает не просто как биологический вид, а как значимый культурный символ, воплощающий идею неразрывной связи с водной стихией. Образ утки, инстинктивно находящей озеро, отражает важнейший для кочевых народов принцип гармоничного существования в окружающей среде, где каждое существо следует своему природному предназначению.

Таким образом, лексема *үрдәк / өдүрек* 'утка' демонстрирует широкую семантику как в татарском, так и в тувинском языках. Интересно, что в обоих языках это слово приобрело переносное значение 'ложный слух', что отражает общетюркскую тенденцию к символической интерпретации птиц. Однако при более глубоком рассмотрении выявляются существенные различия в культурных коннотациях: если в татарской традиции утка олицетворяет заботливость и практичность, сочетающиеся с определенной беспечностью, то в тувинской культуре этот образ приобретает статус значимого культурного символа, воплощающего идею неразрывной связи с водной стихией.

Заключение

Проведенный анализ свидетельствует о сохранении значительного пласта древнетюркских орнитонимов в татарском и тувинском языках. Большинство исследуемых названий птиц демонстрируют общетюркское происхождение, при этом такие термины как *карчыга*, *бөркет* и *лачын* обнаруживают параллели не только в тюркских, но и в монгольских языках (Сафина, 2006: 23, 24, 29–30).

¹ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2008. Т. IV. С. 364.

² Там же.

³ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. Т. II (К–С). С. 489.

⁴ Татар теленең аңлатмалы сүзлегә [Толковый словарь татарского языка] / ред. Ф. И. Таһирова, Р. Т. Сәфәров. Казан: ТӘҺСИ, 2021. Т. VI: У–Я. Б. 133.

⁵ Там же.

⁶ Русско-тувинский словарь: 32000 слов / под ред. Д. А. Монгуша. М.: Русский язык, 1980. С. 616.

⁷ Татарско-русский словарь: в 2-х т. / ред. М. Г. Мухаммадиев. Казань: Магариф, 2007. Т. 2. С. 498.

Фонетические варианты орнитонимов *торна* / *дуруя* 'журавль', *бөркет* / *бүргүт* 'орел', *козгын* / *кусун* 'ворон', *үрдэк* / *өдүрек* 'утка', *карга* / *каарган* 'ворона' и др. сохранились в обоих языках с минимальными изменениями. Однако между языками выявляются и существенные различия в орнитонимической системе. Татарский язык сохраняет четкую дифференциацию, используя общетюркский орнитоним *лачын* исключительно для сокола, в отличие от тувинского *хартыга* с его расширенной семантикой (сокол и ястреб), а также традиционное *бөркет* для орла / беркута, тогда как тувинский чаще применяет специфический термин *зир*. Эти расхождения отражают разную степень семантической специализации в двух языках.

Активное использование рассмотренных орнитонимов в фольклоре, антропонимике и топонимике, их высокая словообразовательная продуктивность и богатый метафорический потенциал подтверждаются как паремиологическим материалом, так и семантической гибкостью единиц. Анализ пословиц и устойчивых выражений выявляет не только систему ценностных ориентаций, но и схожие принципы противопоставления образов в обоих языках, основанные на общности объектов сравнения и общих лингвокультурных смыслах. Выявленные же некоторые различия в символических оттенках значений названий птиц в разных языках фиксируют уникальность мировидения рассмотренных народов, отразившуюся в языковых картинах мира.

Будучи ценным лингвокультурным материалом, орнитонимы открывают перспективы для исследования глубинных слоев тюркской ментальности, выявления этнокультурных параллелей и специфики развития отдельных народов в рамках этнолингвистических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Базарова, Д. Х. (1975) К этимологии некоторых древнетюркских названий птиц // Советская тюркология. № 4. С. 11–23.
- Базарова, Д. Х. (1978) История формирования и развитие зоологической терминологии узбекского языка. Ташкент : Фан. 224 с.
- Гиниатуллин, М. М. (1977) Мотивация некоторых тюркских названий птиц // Советская тюркология. № 1. С. 38–44.
- Дамбаа, Ш. В., Сувандии, Н. Д. (2021) Охотничья лексика в языковой картине мира народов Саяно-Алтая (на материале тувинского, тофаларского, алтайского и хакасского языков) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 172–185. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.13>
- Егоров, Н. И., Петров, Л. П. (1982) Этимология некоторых чувашских орнитонимов // Советская тюркология. № 6. С. 64–77.
- Ерленбаева, Н. В. (2019) Названия хищных птиц в алтайском языке и его диалектах // Материалы Первого алтаистического форума «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность»: материалы Первого Международного алтаистического форума, Барнаул — Горно-Алтайск, 12–14 сентября 2019 года / отв. ред. Р. И. Райкин. Барнаул ; Горно-Алтайск : Алтайский государственный университет. 396 с. С. 58–60.
- Иванов, Е. Е., Монгуш, Ш. В. (2023) Мир диких животных и их образов в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. № 3. С. 65–83. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.5>
- Куулар, Ш. Х. (2020) Зоонимы в тувинских литературных сказках // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая: Материалы VI-ой международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, Кызыл, 30 июня — 03 июля 2020 года / отв. ред. Е. Д. Монгуш. Кызыл : Тувинский государственный университет. 154 с. С. 21–22.
- Кыргыс, А. А., Чебодаева, Л. И. (2016) Названия хищных птиц в хакасском и тувинском языках // Актуальные проблемы изучения языка, литературы и журналистики: контаминация и конвергенция гуманитарной мысли: материалы XI Международной научно-практической конференции, Абакан, 23–24 ноября 2016 года / отв. ред. В. П. Антонов. Абакан : Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова. 290 с. С. 195–197.
- Кыргыс, А. А., Чебодаева, Л. И. (2017) Названия птиц из отряда курообразных в хакасском и тувинском языках // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 21. С. 70–73.
- Насилов, В. М. (1960) Язык орхоно-енисейских памятников. М. : Изд-во «Восточная литература». 86 с.

Нурзет, Ц. С. Б. (2023) Обыденная семантика бионима «воробей» в русском и тувинском языках (по результатам лингвистического эксперимента) // Филология, иностранные языки и медиакоммуникации: Материалы симпозиума в рамках XVIII (L) Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, приуроченной к 50-летию Кемеровского государственного университета, Кемерово, 27 апреля 2023 года / отв. ред. Е. В. Новгородова. Кемерово : Кемеровский государственный университет. 446 с. С. 418–422.

Нурзет, Ц. С. Б. (2024) Обыденная семантика бионимов ворона / каарган в русском и тувинском языках (по материалам лингвистического эксперимента) // Языки и литература в поликультурном пространстве. № 10. С. 157–162.

Петров, Л. П. (1982) К этимологии чувашских орнитонимов — I // Исследования по лексикологии и фразеологии чувашского языка: сб. ст. / ред. И. П. Павлов. Чебоксары : Чуваш. НИИЯЛИЭ. 136 с. С. 56–74.

Рабенко, Т. Г., Нурзет, Ц. С. Б. (2023) Обыденная семантика бионимов орел / эзир в русском и тувинском языках (по результатам лингвистического эксперимента) // Научный диалог. Т. 12. № 3. С. 82–99. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-82-99>

Санчай, Ч. Х., Кухта, М. С. (2019) Семантика структурных элементов тувинского танца // Новые исследования Тувы. № 1. С. 176–189. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.1>

Санчай, Ч. Х. (2014) «Танец орла» — духовно-художественное наследие тувинского народа // Новые исследования Тувы. № 1. С. 113–119.

Сафина, Э. И. (2006) Названия птиц в татарском языке и их лексикографирование. Казань : Изд-во «Дом печати». 160 с.

Севортян, Э. В. (1980) Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г», «Д». М. : Наука. 394 с.

Сетаров, Д. С. (1983) Тюркские лексические элементы в русских названиях птиц // Советская тюркология. № 3. С. 11–21.

Сувандии, Н. Д. (2013) Охотничья лексика в тоджинском диалекте тувинского языка // Новые исследования Тувы. № 1. С. 72–78.

Сулейманова, Р. А. (2019) Башкирские фамилии с тотемистической основой: лингвокультурологический и этимологический аспекты // Вопросы когнитивной лингвистики. № 3. С. 128–134. DOI: <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2019-3-128-134>

Эркенова, Ф. П. (2021) Орнитонимия в карачаево-балкарском языке (лексико-семантический аспект). Пятигорск : ООО «Просто». 616 с.

Дата поступления: 19.02.2025 г.

Дата принятия: 22.05.2025 г.

REFERENCES

Bazarova, D. Kh. (1975) On the etymology of some Old Turkic bird names. *Sovetskaya Tyurkologiya*, no. 4, pp. 11–23. (In Russ.)

Bazarova, D. Kh. (1978) *History of the Formation and Development of Zoological Terminology in the Uzbek Language*. Tashkent, Fan. 224 p. (In Russ.)

Giniatullin, M. M. (1977) Motivation of some Turkic bird names. *Sovetskaya Tyurkologiya*, no. 1, pp. 38–44. (In Russ.)

Dambaa, Sh. V. and Suvandii, N. D. (2021) Hunting vocabulary in the linguistic worldview of the peoples of the Sayano-Altai region (based on Tuvan, Tofalar, Altai and Khakas languages). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 172–185. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.13>

Egorov, N. I. and Petrov, L. P. (1982) Etymology of some Chuvash ornithonyms. *Sovetskaya Tyurkologiya*, no. 6, pp. 64–77. (In Russ.)

Yerlenbaeva, N. V. (2019) Names of birds of prey in the Altai language and its dialects. In: *Proceedings of the First Altaic Forum "Turko-Mongolian World of Greater Altai: Historical and Cultural Heritage and Modernity"*: Materials of the First International Altaic Forum, Barnaul — Gorno-Altaysk, September 12–14, 2019, ed. R. I. Raykin. Barnaul; Gorno-Altaysk: Altai State University. 396 p. Pp. 58–60. (In Russ.)

Ivanov, E. E. and Mongush, Sh. V. (2023) The world of wild animals and their images in Tuvan riddles. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 65–83. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.5>

Kuular, Sh. Kh. (2020) Zoonyms in Tuvan literary tales. In: *Actual Problems of Researching Ethnoecological and Ethnocultural Traditions of the Peoples of Sayano-Altai*: Materials of the 6th International Scientific and Practical Conference of Young Scientists, Postgraduates and Students, Kyzyl, June 30 — July 3, 2020. Ed. by E. D. Mongush. Kyzyl, Tuvan State University. 154 p. Pp. 21–22. (In Russ.)

Kyrgys, A. A. and Chebodaeva, L. I. (2016) Names of birds of prey in Khakas and Tuvan languages. In: *Actual Problems of Studying Language, Literature and Journalism: Contamination and Convergence of Humanitarian Thought*: Materials of the 11th International Scientific and Practical Conference, Abakan, November 23–24, 2016. Ed. by V. P. Antonov. Abakan, Khakas State University named after N.F. Katanov. 290 p. Pp. 195–197. (In Russ.)

Kyrgys, A. A. and Chebodaeva, L. I. (2017) Names of galliform birds in Khakas and Tuvan languages. *Vestnik Khakas-skogo Gosudarstvennogo Universiteta im. N. F. Katanova*, no. 21, pp. 70–73. (In Russ.)

Nasilov, V. M. (1960) *Language of the Orkhon-Yenisei Monuments*. Moscow, Vostochnaya Literatura. 86 p. (In Russ.)

Nurzet, Ts. S. B. (2023) Everyday semantics of the bionym “sparrow” in Russian and Tuvan languages (based on linguistic experiment results). In: *Philology, Foreign Languages and Media Communications*: Materials of the Symposium within the Framework of the 18th (L) International Scientific Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists Dedicated to the 50th Anniversary of Kemerovo State University, Kemerovo, April 27, 2023. Ed. by E. V. Novgorodova. Kemerovo, Kemerovo State University. 446 p. Pp. 418–422. (In Russ.)

Nurzet, Ts. S. B. (2024) Everyday semantics of the bionym raven/kaargan in Russian and Tuvan languages (based on linguistic experiment materials). *Languages and Literature in a Multicultural Space*, no. 10, pp. 157–162. (In Russ.)

Petrov, L. P. (1982) On the etymology of Chuvash ornithonyms — I. In: *Studies in the Lexicology and Phraseology of the Chuvash Language: Collection of Articles*. Ed. I. P. Pavlov. Cheboksary, Chuvash NIYALIÉ. 136 p. Pp. 56–74. (In Russ.)

Rabenko, T. G. and Nurzet, Ts. S. B. (2023) Everyday semantics of the bionym eagle/ezir in Russian and Tuvan languages (based on linguistic experiment results). *Nauchny Dialog*, vol. 12, no. 3, pp. 82–99. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-82-99>

Sanchai, Ch. Kh. and Kukhta, M. S. (2019) Semantics of structural elements of Tuvan dance. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 176–189. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.1>

Sanchai, Ch. Kh. (2014) “Eagle dance” — spiritual and artistic heritage of the Tuvan people. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 113–119. (In Russ.)

Safina, E. I. (2006) *Names of Birds in the Tatar Language and Their Lexicography*. Kazan, Dom Pechati Publishing. 160 p. (In Russ.)

Sevortyan, E. V. (1980) *Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic Roots Starting with the Letters “V”, “G”, “D”*. Moscow, Nauka. 394 p. (In Russ.)

Setarov, D. S. (1983) Turkic lexical elements in Russian names of birds. *Sovetskaya Tyurkologiya*, no. 3, pp. 11–21. (In Russ.)

Suvandii, N. D. (2013) Hunting vocabulary in the Todzhin dialect of the Tuvan language. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 72–78. (In Russ.)

Suleymanova, R. A. (2019) Bashkir surnames with a totemistic basis: linguocultural and etymological aspects. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, no. 3, pp. 128–134. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2019-3-128-134>

Erkenova, F. P. (2021) *Ornithonymy in the Karachay-Balkar Language (Lexico-Semantic Aspect)*. Pyatigorsk, OOO “Prosto”. 616 p. (In Russ.)

Submission date: 19.02.2025.

Acceptance date: 22.05.2025.

Тюркский культурный мир России: локусы, проблемы и перспективы изучения

Чимиза К. Ламажаа

Кабардино-Балкарский государственный университет, Российская Федерация;
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

В статье анализируются особенности и проблемы изучения тюркского культурного мира России в современной российской науке. Тюркский культурный мир — это больше, чем родственные языки, это пространство множества культур, имеющих общность в определенных основаниях: истоки истории, мифологии, фольклора, традиции литературы, этническое самосознания и ряд культурных традиций.

Тюркский культурный мир России является его локальной частью. Он сам состоит из локусов разных культурных миров, что заметно при применении методов культурной географии. Это лингвистический культурный ландшафт распространения тюркской языковой группы алтайской языковой семьи. Особенностью российских тюрков является тюрко-русский билингвизм. Общей характерной чертой их социокультурной жизни можно назвать историческую — общность истории. В религиозном плане тюркский культурный мир России насчитывает локусы исламского мира, буддийского и шаманистского, христианско-православного. Есть и целый ряд существенных отличий. При этом, современная, мозаичная тюркская культура демонстрирует наличие в культуре «ядра», т. е. глубинного внутреннего слоя, которое имеет относительно устойчивый характер.

Однако, для изучения ее необходимы определенные условия, возможности науки, ученых. Описываются проблемы российской науки в связи с этим: асимметрия, проблемы планирования и финансирования, проблемы региональных ученых-инсайдеров.

Предлагаются «сквозные» темы для того, чтобы оптимизировать исследовательские стратегии. В том числе предлагается использовать методологию концептуализации этнокультур, чтобы обсуждать концепты культур из «ядра» каждой культуры, общие для тюрков.

Ключевые слова: тюркский язык; тюркская культура; культурный мир; тюрки; тюрки России; российская наука; асимметрия; ядро культуры; концепт культуры

Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта КБГУ (договор № 43) в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования:

Ламажаа Ч. К. Тюркский культурный мир России: локусы, проблемы и перспективы изучения // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 371-388. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.22>

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, приглашенный профессор Кабардино-Балкарского государственного университета; главный научный сотрудник Научно-исследовательского института тюркологии и алтаистики Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адреса: Россия, г. Нальчик, 360004, ул. Чернышевского, д. 173; Казахстан, г. Алматы, 050000, пр. аль-Фараби, д. 71/27. Эл. адрес: lamazhaa@tuva.asia

LAMAZHAA, Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, Visiting Professor, Kabardino-Balkarian State University; Chief Researcher, Scientific Research Institute of Turkology and Altaic Studies, Al-Farabi Kazakh National University. Postal addresses: 173 Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russia; 71/27 Al-Farabi Ave., Almaty, 050000, Kazakhstan. E-mail: lamazhaa@tuva.asia

ORCID: 0000-0003-1813-3605

VOICES OF ASIA

Article

The Turkic Cultural World of Russia: Loci, Problems, and Research Prospects

Chimiza K. Lamazhaa

Kabardino-Balkarian State University, Russian Federation;
Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan

This article analyzes the characteristics and challenges of studying the Turkic cultural world of Russia in contemporary Russian scholarship. The Turkic cultural world is more than just related languages; it is a space of multiple cultures sharing common foundations: origins of history, mythology, folklore, literary traditions, ethnic self-awareness, and a range of cultural customs.

The Turkic cultural world of Russia represents a localized part of this broader space. It itself consists of loci of different cultural worlds, which becomes evident when applying methods of cultural geography. This is a linguistic cultural landscape of the spread of the Turkic language group within the Altaic language family. A distinctive feature of Russian Turkic peoples is Turkic-Russian bilingualism. A common characteristic of their sociocultural life can be described historically as a shared history. In religious terms, the Turkic cultural world of Russia includes loci of the Islamic world, Buddhist and shamanistic traditions, as well as Christian-Orthodox elements. There are also a few significant differences. At the same time, the contemporary mosaic Turkic culture demonstrates the presence within its culture of a “core”, i. e., a deep internal layer that has a relatively stable character.

However, certain conditions and scientific capabilities are necessary for its study. The article outlines issues facing Russian scholarship in this regard: asymmetry, challenges of planning and financing, problems encountered by regional insider scholars.

Cross-cutting thematic approaches are proposed to optimize research strategies. Among these, it is suggested to use the methodology of ethnocultural conceptualization to discuss cultural concepts from the “core” of each culture that are common among Turkic peoples.

Keywords: Turkic language; Turkic culture; cultural world; Turkic peoples; Turkic peoples of Russia; Russian science; asymmetry; cultural core; concept of culture

Financing

The study was conducted with the financial support of an Internal grant from KBSU «Within the Priority 2030 program» (Agreement no. 43).

For citation:

Lamazhaa Ch. K. The Turkic Cultural World of Russia: Loci, Problems, and Research Prospects. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 371-388 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.22>

Введение

На обширной территории Евразии более полутора тысяч лет назад существовало огромное государство, созданное объединением древних тюрков — тюркский каганат. Относительно быстро оно распалось, но его существование надолго определило мировую историю и продолжает жить до сих пор в наследии многочисленных народов, имеющих одну мифологию, одни древние легенды и до сих пор ощущающих определенную общность, говорящих на родственных языках. Современный тюркский мир не является однородным, не выступает как некое единство. Главным основанием его определения является языковой признак — принадлежность языка этноса к тюркской языковой семье. При этом, известно, что география проживания тюркских народов занимает обширные территории Евразии. Численность носителей тюркских языков во всем мире оценивается по-разному. Например,

по подсчетам российских исследователей, от 167 млн чел.¹ — до 180 млн чел.², по мнению же турецкого ученого Дж. Томара и ряда других исследователей, эта цифра значительно больше — 300 млн чел.³ Тюркоязычные народы проживают в Турции, Центральной Азии, Восточной Европе, России, Китае, Иране и др.

В России насчитывается 20 тюркоязычных этносов общей численностью около 15 млн чел.⁴, что составляет вторую группу населения страны после русскоязычных славянских этносов. Как известно, тюркская культура в силу исторических особенностей взаимодействовала с огромным числом культур и оказала разностороннее влияние на их развитие — и на русскую, на славянские в целом, на финно-угорские, на кавказские и пр. Именно ее наличие и определило евразийский характер российской цивилизации, о чем писали многие российские философы (см.: Евразийство: ключевые ..., 2007).

Надо сказать, что в исследованиях этнокультурного разнообразия России в отечественной науке в основе исследовательских интересов и подходов чаще всего лежит идея определенного соотношения русского «ядра» российской цивилизации и всего остального не-русского, что восходит к историческому опыту восприятия культурного разнообразия в стране, начиная от противопоставления «праведного христианского мира и языческого восприятия мира» с XI–XIII вв.⁵ Соответственно в научном дискурсе распространены обсуждения в русле «русской парадигмы», когда основными терминами выступают «центр» и «периферия», русская культура и не-русские культуры, которые порой даже в наше время так и называют «туземными» культурами⁶.

Тем не менее, в ином ракурсе можно рассматривать российский мир не только как русско-православное ядро и многочисленные русско-ориентированные периферии, но и как множество культурных миров и переходных зон на границах к ним (Туrowsкий, 1998: 81). То есть культурная мозаика страны имеет центрами тяготения не только условно говоря Москву, но другие центры притяжения культур по религиозным и языковым основаниям. Соответственно в этом ракурсе, гораздо менее популярном, центр и периферия могут менять свое положение, оказываясь в самых разных положениях и соотношениях (Попков, Тюгашев, 2022).

Так, одним из интереснейших культурных миров внутри России, демонстрирующим саму сложность принципа культурного разнообразия, является тюркский культурный мир страны как часть мирового тюркского культурного мира. Его изучение в основном происходило и до сих пор происходит в русле развития отечественной тюркологии, известной углубленными исследованиями фонетики и грамматики тюркских языков. Причем сначала это было общее тюркологическое научное пространство бывшего Советского союза (Кононов, 1974; Благова, 2012), затем стало отдельной российской тюркологией, частью мировой (Насилов, 2009, и др.⁷). Но тем не менее, подчеркнем, что в поле внимания тюркологов не столько сам культурный мир, сколько языки — тюркские языки.

¹ Тюркские народы : информационные материалы к международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык — литература — культура». Москва, РУДН, 17–18 ноября 2016 г. / авт.-сост. У. М. Бахтикиреева, О. А. Валикова, С. В. Дмитрюк. М.: РУДН, 2016. С. 4.

² Международная группа ученых создаст 3D-карту тюркского мира Большого Алтая [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. 2022, 18 августа. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/56680/> (дата обращения: 12.03.2025).

³ Профессор Дженгиз Томар прокомментировал итоги VIII саммита Тюркского совета, организованного 12 ноября в Стамбуле [Электронный ресурс] // Anadolu Ajansi. 2021, 15 ноября. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/анализ-новостей/аналитика-от-тюркоязычных-стран-к-тюркским-государствам/2421283> (дата обращения: 12.03.2025).

⁴ Международная группа ученых создаст ...

⁵ Павильч А. А. Исторический опыт восприятия и изучения культурного разнообразия мира в России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 17: Материалы XIII Международной научно-практической конференции «Регионы России: стратегии развития и механизмы реализации приоритетных национальных и региональных проектов и программ» : в 3 ч. / отв. ред. В. И. Герасимов. М.: ИНИОН РАН, 2022. Ч. 3. 584 с. С. 475–478.

⁶ См.: Перепелкин Л. С., Размустова Т. О. Культурная политика и культурное разнообразие в современной России / Ориентиры культурной политики. Информационный выпуск. 2003. Вып. 6. [Электронный ресурс] // Российский комитет программы ЮНЕСКО «Информация для всех». URL: https://ifapcom.ru/files/Monitoring/perepelkin_kult_pol_raznoobr.pdf (дата обращения: 12.03.2025).

⁷ Насилов Д. М. Российская тюркология наших дней: к смене научных парадигм // Языкознание, грамматика и обучение языку. Т. 3. Международный конгресс по изучению Азии и Северной Африки. Анкара, 2011. С. 117–1184.

Мы же считаем, что *тюркский культурный мир — это больше, чем языки*. «Культурный мир» мы понимаем не как пространство одной культуры, а как пространство множества культур, имеющих общность в определенных основаниях: истоков истории, мифологии, фольклора, традиций литературы, и этнического самосознания и ряда культурных традиций. Не единство, но общность. По данному проблемному полю работ в российской науке чрезвычайно мало, несмотря на многочисленные исследования отдельных культур, тюркологические конференции, научные мероприятия сборники научных работ, и даже научные журналы по тюркологии¹ и пр. То есть *каждая тюркоязычная культура исследуется, а общность культур — почти нет*. И этот парадокс обращает на себя внимание, поскольку в подобной работе существует и научная, и социальная потребность. Мое многолетнее общение с коллегами из самых разных тюркоязычных регионов показывает взаимный интерес друг к другу, к родственным культурам, но чаще всего носящий характер сожаления о невозможности, нереальности совместных планов.

Поэтому в данной статье я *проанализирую особенности и проблемы изучения тюркского культурного мира России в современной российской науке*². Для этого в первую очередь обозначу географические и культурные поля — локусы тюркского мира России, которые входят в поле внимания научного знания о тюркском культурном мире страны, во-вторых, перечислю исследовательские проблемы данного поля, в-третьих, представлю несколько «сквозных» перспективных тем для изучения общности тюркского культурного мира.

Источниковая база данного исследования, которое выполняется как проблемное междисциплинарное, состоит из тематической российской научной литературы (публикаций разных типов: монографий, научных статей, тезисов докладов на конференциях, диссертаций), текстов официальных докладов, информации государственной статистики, а также из авторских наблюдений за организационной стороной научной деятельности в России и ее регионах.

Локусы тюркского мира России

В первую очередь перечислю тюркоязычные этносы страны. Это: азербайджанцы, алтайцы, астраханские татары, балкарцы, башкиры, гагаузы, долганы, казахи, каракалпакцы, караймы, карачаевцы, кашкайцы, киргизы, крымские татары, крымчаки, кумандинцы, кумыки, нагайбаки, ногайцы, салары, сибирские татары, сойоты, татары (в т. ч. кряшены), телесы (теленгиты), телеуты, тофалары, тубалары, тувинцы, тувинцы-тоджинцы, турки, турки-месхетинцы, туркмены, узбеки, уйгуры, хакасы, челканцы, чувашаи, чулымцы, шорцы, якуты³. Их представители проживают на территории всей страны, в том числе компактно на территории нескольких административно-территориальных образований на Кавказе, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке⁴.

Учитывая обширность территории, на которых проживают тюркские народы, на наш взгляд, чтобы обозреть эту территорию и разобраться в структуре этого культурного мира, необходимо применение методов культурной географии.

¹ Например: «Российская тюркология» (преемник «Советской тюркологии»), издается Институтом языкознания РАН; «Тюркологические исследования», издается Казанским (Приволжским) федеральным университетом; «Актуальные вопросы тюркологических и «Вестник тюркского мира», издаваемый с 2009 г. Дагестанским государственным педагогическим университетом. Проект «Большой Алтай» подготовил подборку информации о тюркологических журналах — не только российских, но и зарубежных, см.: Без названия [Электронный ресурс] // Большой Алтай. URL: <https://bolshoy-altay.asu.ru/upload/iblock/ac3/Baza-dannykh-ZHurnaly-po-tyurkologii.pdf> (дата обращения: 12.03.2025).

² Тюркология, изучение тюркских языков, народов и их культур в зарубежной науке имеет свои особенности, которые необходимо рассматривать отдельно. См. напр.: Гатин М. С. Тюркология в университетах современной Германии // Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык — литература — культура», 17–18 ноября 2016 года, г. Москва / сост.: У. М. Бахтикиреева и др. М.: Издательство РУДН, 2016. С. 130–133; Салимова С. Р. Основные тюркологические исследования в XX–XXI вв. // Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык — литература — культура», 17–18 ноября 2016 года, г. Москва / сост.: У. М. Бахтикиреева и др. М.: Издательство РУДН, 2016. С. 188–193.

³ Тюркские народы : информационные материалы к международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык — литература — культура». Москва, РУДН, 17–18 ноября 2016 г. / авт.-сост. У. М. Бахтикиреева, О. А. Валикова, С. В. Дмитриук. М.: РУДН, 2016. С. 5.

⁴ М. Н. Губогло называет 11 титульных тюркских народов в России (Губогло, 2005: 29).

В этой дисциплине, развивающей в том числе культурно-ландшафтный подход (Sauer, 1925, 1927; Кабо, 1947; Туровский, 1998; и др.), специалисты говорят о культурных ландшафтах, в которых связаны воедино территория, природа и культура. При этом классификация культурных ландшафтов может производиться по разным основаниям, с помощью разных индикаторов. Так, ландшафты могут рассматриваться как этнические, лингвистические, религиозные, поселенческие, городские, промышленные, политические и пр. (Jordan, Rowntree, 1986).

Соответственно тюркский культурный ландшафт России, который в данной работе называется тюркским культурным миром¹, — это в первую очередь *лингвистический культурный ландшафт пространства тюркской языковой группы алтайской языковой семьи* (Туровский, 1998: 37, 39) на территории страны, который сам при этом является частью мирового тюркского культурного ландшафта. Отличается он «наложением» другого лингвистического культурного ландшафта — территории распространения русского языка (Губогло, 2005). То есть *российские тюрки в основном — это билингвы*, говорящие как минимум на двух языках — одном из тюркских языков и русском, причем в разных вариантах первого и второго языков. Более того, М. Н. Губогло пишет о «неслыханных масштабах тюркско-русского двуязычия», которое не имеет по своим масштабам аналогов в мире: по итогам Всероссийской переписи 2002 г., подчеркивал автор, 95,5% представителей 4-х самых многочисленных титульных народов тюрков — татары, башкиры, чуваша и якуты — владели русским языком и 91,4% — соответствующим языком своего этноса (там же: 18–19). То есть, «русский язык сегодня находится в ряду тех признаков, по которым тюркские народы интегрированы в социально-этническую ткань в Российском государстве более универсальными узами, чем своей генетической принадлежностью к тюркской языковой группе алтайской семьи языков», — подчеркивает этнолог (там же: 19). И добавляет: «Этот выдающийся феномен нашего времени никоим образом не бросает разрушительную тень на состояние этнического самосознания тюркский народов» (там же)².

Эта особенность российских тюрков сближает их с тюрками Центральной Азии — бывшими советскими республиками, в которых русский язык сохраняет важную роль в официальном и неофициальном общении, вследствие чего там также распространен тюркско-русский (или русско-тюркский) билингвизм. Впрочем, пишет М. Джусупов, он не является неким типичным билингвизмом, скорее русский язык в этом обширном регионе создал новые типы би- и полилингвизма (Джусупов, 2014).

Тем самым, мы можем говорить о двух главных общих характеристиках российских тюрков — лингвистических. Третьей *общей характерной чертой их социокультурной жизни можно назвать историческую — общность истории*, по крайней мере двух исторических периодов — начала, когда существовала культура предков современных тюрков, и современности — истории XX в., в том числе советизации, перехода к постсоветскому развитию.

Между двумя «концами» этого исторического процесса — несколько десятков веков, в течение которых единый народ разделился на этносы, ушедшие в разные стороны и в территориальном смысле, и в плане развития культур. Поэтому мы можем говорить о разнородности российских тюрков, о наличии в этой культурном мире локусов, отдельных частей, мест.

В том числе данный культурный мир стал не однороден с точки зрения принадлежности к религиозным ландшафтам. Если рассматривать российский тюркский мир как составную часть мирового тюркского мира, то в первую очередь культурная география отмечает его как входящий в исламский мир, но не целиком (там же: 85). В России к исламскому тюркскому миру относятся: волго-уральская область (татары, башкиры), сибирско-татарские районы, степные и предгорные районы Северного Кавказа (ногайцы, кумыки), горные районы Северного Кавказа (карачаевцы, балкарцы).

Одна территория тюркского мира оказалась под влиянием буддизма в тибетском варианте, которую они переняли через посредничество монголов. Речь идет о Туве и проживающих на ее территории тувинцах, тюркоязычных буддистах. Тем самым Тува как часть российского тюркского мира оказалась переходной зоной между тюркским и монгольским мирами, или в моем определении — «лимитрофной зоной» (Ламажаа, 2021).

¹ Отмечу, что в культурной географии понятие культурные миры может трактоваться по разному.

² Однако сами филологи усматривают противоречивый характер билингвизма в России коренных этносов, в том числе тюркоязычных (Боргоякова, Гусейнова, 2017).

Помимо тюрков мусульман и буддистов в России есть тюрки вне зоны влияния этих двух мировых религий. Они сохранились, как пишет Р. Ф. Туровский, как «своеобразные осколки древнего Тюркского мира»: алтайцы, шорцы, хакасы, телеуты в Саяно-Алтайской области, тофалары и чулымцы — на периферии Саяно-Алтайской области, якуты в особом реликтовом районе тюркского мира (Туровский, 1998: 89–90). Народы данной группы также придерживаются самобытных религий, например: бурханизма (алтайцы), веры Айыы (якуты), шаманизма (хакасы, шорцы, телеуты).

Среди тюркских народов есть принявшие православную религию — чувашаи Поволжья, который Р. Ф. Туровский рассматривает как вошедших в состав российского православно-христианского мира (там же: 91), а также кряшены (Севастьянов, 2023).

То есть тюркский культурный мир России в религиозном аспекте насчитывает локусы исламского мира, буддийского и шаманистского, христианско-православного.

Можно говорить также и о существенных различиях между культурами тюрков, живущими в Сибири и в Европе. И они заключаются, как пишет Н. М. Мамедов, не только в различиях вероисповедания, но и в особенностях окружающей их природной, социальной, культурной среды (Мамедов, 2007: 152). Есть отличия и в численности народов, в ее динамике (Губогло, 2005: 29–33), а также в пропорциях между городским и сельским населением (там же: 41–44).

Эти различия, их постоянные изменения, в том числе их рост, не могли не наложить отпечаток и на феномен национального самосознания, национального характера народов (Ламажаа, 2018), а также отношение тюрков не только к другим народам в целом, но и взаимоотношения между тюркскими народами.

Тем не менее, Н. М. Мамедов также считает, что единство культур (в нашей трактовке — общность) тюркоязычных народов сохраняется благодаря глубинным основам тюркской культуры, ее архетипическому ядру, общей языковой базе, первоначальной единой религии тюрков — тенгрианству, схожести мифов, народных эпосов (Райхл, 2008), сохранившихся ритуалов и традиций (Мамедов, 2017: 152), а также — добавим: общему культурному наследию в виде древнетюркской письменности. Тем самым Н. М. Мамедов подчеркивает, и я соглашусь с его мнением, что *современная, мозаичная тюркская культура демонстрирует наличие в культуре «ядра», т. е. глубинного внутреннего слоя, которое имеет относительно устойчивый характер* (там же: 153–154). И именно этот слой, его понимание людьми, представителями тюркских этносов, позволяет говорить о том, что мы видим определенный культурный мир.

Подчеркнем, что мы говорим о культурном мире, а не об объединяющей идеологии тюркских народов, которая носит название тюркизма или пантюркизма. Несмотря на наличие и нейтральных определений тюркизма как движения культурного единства тюркских народов и пр.¹, тем не менее мы предпочитаем вести дискурс максимально далекий от идеологических, политических коннотаций.

Исследовательские проблемы

Итак, мы имеем интереснейший, сложнейший объект или поле для научных исследований. Однако, тюркский мир продолжает изучаться в основном, как уже было сказано, с лингвистической стороны тюркологами — филологами, то есть практически не как культурный мир, а как языковая группа (Насилов, 2009).

По тому же принципу — как изучение группы (тюркских этносов), а не как культурный мир — вопросы ставятся и решаются и в главном научном этнологическом центре — Институте этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (ведущем свою историю от Института антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР, созданного в 1933 г.). Например, результаты данных исследований выходили и продолжают выходить в серии «Народы и культуры», которая издается с 1992 г.² В том числе, например, в 2014 г. коллектив Института этнологии и антропологии РАН под руко-

¹ См. напр.: Гилязов И. Тюркизм: становление и развитие (характеристика основных этапов): учебное пособие для студентов-тюркологов. Казань, 2002. С. 5–6.

² Серия «Народы и культуры» [Электронный ресурс] // Институт этнологии и антропологии РАН. 2024, 28 августа. URL: <https://iea-ras.ru/?p=15359> (дата обращения: 12.03.2025).

водством В. А. Тишкова работал над проектом «Тюркские народы России и сопредельных государств» при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)¹. Результатом проекта стали монографии, посвященные отдельным тюркским этносам: «Карачаевцы. Балкарцы» (Карачаевцы. Балкарцы, 2014), «Башкиры» (Башкиры, 2015), «Кыргызы» (Кыргызы, 2016), «Азербайджанцы» (Азербайджанцы, 2017), «Чуваши» (Чуваши, 2017).

Как этнокультурный мир общность тюрков остается «неподъемным» проблемным узлом для научного знания. Именно об этом писал М. Н. Губогло, один из ведущих отечественных этнологов: «вот уже несколько поколений в отечественной этнологии не ставятся вопросы и не разрабатываются проекты со сквозной проблематикой, посвященной изучению тюркоязычных народов России» (Губогло, 2005: 12). Этот феномен он назвал «*тюркологическим вакуумом*» в российской этнологии.

В истории отечественной науки подобные проекты, по мнению Губогло, реализовывались только в 1920-е гг. академиком В. В. Бартольд (Бартольд, 1968, 2002), поскольку, считает автор, этот интерес был связан с теми глубокими социальными трансформациями, которые переживали тюркские народы новообразованного СССР (Губогло, 2005: 13). Правда, надо полагать, что причина была не только в объективных условиях, но и в субъективном интересе и личных возможностях блестящего, эрудированного исследователя, который интересовался очень широким кругом вопросов и которого коллеги справедливо называли «выдающимся востоковедом» (Акрамов, 1963). В начале XXI в. М. Н. Губогло пишет о новой актуальности изучения тюркских народов в контексте евразийского пространства, сходств и различий народов, ныне разделенных границами. Тем не менее, ученый скорее констатировал проблемы изучения, чем реальные перспективы (там же: 14–15).

Действительно, несмотря на наличие многослойного, многозначного, мозаичного объекта для исследований — тюркского мира России, помимо исследовательских проблем, почти непреодолимые препятствия для работы ученых создают политические, финансовые и организационные факторы.

Во-первых, исследования культурной мозаики страны по большей части определены государственным заказом и соответствующим финансированием. Понятно, что российские государственные программы научных проектов поддерживали и будут поддерживать прежде всего исследования, направленные на консолидацию всего российского общества, формирование и укрепление российской нации, национального единства и пр. (типа: Российская нация ... , 2011; Тишков, 2013; Этническое и религиозное ... , 2017; и др.), и в этом смысле изучение отдельных тюркских проблем часто решает задачи мониторинга межэтнических конфликтов и предупреждения любых этнонационалистических движений, в том числе связывающих этнические процессы внутри страны с некоторыми этнополитическими центрами влияния за ее пределами (напр.: Червонная, 1999).

Во-вторых, для выполнения научных программ нужны исследователи с их интересами, возможностями коллабораций. Данный аспект позволяет вспомнить о том, что российская наука фактически делится на ученых центральных научных учреждений и ученых из регионов (так называемых «региональных»)². И даже если ученые из регионов поднимают вопросы о необходимости не просто исследований, но программ по развитию тюркского культурного мира, их коллеги из столичных центров не только не поддерживают их, но даже могут осуждать их.

Особенно острой ситуация была в начале 1990-х гг. Вспомним статью А. А. Ткаченко 1996 г. в журнале «Этнографическое обозрение» (Ткаченко, 1996), в которой автор выразил решительное несогласие с инициативой коллектива из Башкирского государственного университета 1995 г. по поводу проекта концепции государственной программы «Возрождение и развитие тюркских народов»³. Автор подчеркнул: «Мы не можем считать идею программы “возрождения” тюркских народов плодотворной в принципе» (там же: 65). По его мнению, «возрождают нечто разрушенное, загубленное, исчезнувшее, а оценка социально-демографического и этнокультурного развития абсолютного боль-

¹ Тюркские народы России и сопредельных государств. Карточка проекта [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53784536> (дата обращения: 12.03.2025).

² Lamazhaa Ch. K. Russian Regional Science in an Asymmetric System [Электронный ресурс] // The Russia Program. URL: https://therussia-program.org/regional_science (дата обращения: 12.03.2025).

³ Государственная программа Российской Федерации «Возрождение и развитие тюркских народов». Проект. Раздел 2 «Управленческая деятельность и практические меры по возрождению и развитию тюркских народов / редколлегия: Л. Н. Белина и др. Министерство Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике. М., 1995.

шинства народов тюркской группы алтайской языковой семьи объективно не позволяет сделать подобный вывод» (там же). «Кроме того, — писал он, — нам представляется неплодотворной сама идея межрегиональных программ по принципу принадлежности к языковой группе: славянской, монгольской или иной» (там же). Различия, которые он видит, между тюркскими народами требуют прежде всего автономного решения, соответственно и программы (и исследования) предполагаются оформлять подпрограммами (там же)¹.

В этом же русле российская наука и продолжает работать, с тех пор фактически разделившись на два относительно автономных поля. На первом общероссийском поле тон полностью задают руководители федеральных научных программ, на втором — на отдельных участках — работают региональные ученые, которые следуют социальному заказу региональных сообществ, интересам культуры своего региона при поддержке региональных бюджетов и отдельных грантов.

Некоторыми исключениями можно назвать исследовательские программы, которые имеют федеральную поддержку, но носят локальный характер, не претендуя на охват всего культурного мира (например, проект «Тюркский мир Большого Алтая»², который нацелен на изучение территории соседних стран — Монголии, Казахстана, Китая, Кыргызстана, основываясь на идее связи тюркских народов с территорией Большого Алтая).

При этом изучение тюркоязычных этносов и их культур проводится в основном разрозненно, силами отдельных научных центров, институтов и исследователей, в том числе из соответствующих регионов³. Подавляющее число исследователей являются учеными-инсайдерами — представителями этих же этносов, что придает их работе характер глубокой заинтересованности, соотнесения с собственной идентичностью, сопряжения с задачами сохранения собственного культурного наследия. Если просмотреть фамилии авторов публикаций о тюркской культуре, о важности ее изучения, то практически все они будут представителями тюркоязычных культур. Даже если это ученые — сотрудники научных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга. Тот же упомянутый выше видный отечественный этнолог М. Н. Губогло — гагауз по этнической принадлежности.

На этом фоне автономным, почти маргинальным для российской науки выглядит исследовательское поле изучения тенгрианства — древнейшей религиозной системы тюркских народов, несмотря на то, что ее факт был признан авторитетными отечественными тюркологами, в частности И. В. Стеблевой, Л. П. Потаповым, С. Г. Кляшторным (Стеблева, 1972; Потапов, 1978; Кляшторный, 1981). В последние годы это поле под названием «тенгриведение» развивается почти исключительно на энтузиазме ученых из тюркоязычных регионов, так же как и создание и регистрация тенгрианских организаций активистами (Федорова, 2017). С 2007 г. движение приобрело некий общий характер, благодаря в том числе работе зарегистрированного в 2011 г. Международного фонда исследования Тенгри

¹ Справедливости ради надо сделать уточнение по поводу проекта этой концепции «Возрождение и развитие тюркских народов» 1995 г. Он не был единственным в российском общественно-политическом и академическом дискурсе. Тема возрождения народов страны была поднята, начиная с первого Сенежского форума движения «Сотрудничество народов мира во имя жизни» в 1992 г., когда стартовали обсуждения вопросов возрождения народов и даже групп народов (русских, финно-угорских). После этого при поддержке Министерства РФ по делам национальностей и региональной политики (в период руководства его В. А. Михайлова) в Башкортостане и была разработана данная концепция (под руководством д-ра филос. н. Дж. М. Гилязитдинова) на 10 лет с 1995 по 2005 гг. Как указано в издании проекта, основанием для разработки Программы является Распоряжение Правительства РФ от 6 мая 1994 г. 673-р (см.: Государственная программа Российской Федерации «Возрождения и развитие тюркских народов». Раздел 2. Управленческая деятельность и практические меры по возрождению тюркских народов. Проект / Министерство Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике. М., 1995. С. 3). После долгих обсуждений она в итоге не была принята, как впрочем и другие подобные концепции.

² Большой Алтай. Международный научно-образовательный центр алтаистики и тюркологии. Главная страница [Электронный ресурс] // НОЦ «Большой Алтай», Алтайский государственный университет. URL: <https://bolshoy-altay.asu.ru/> (дата обращения: 12.03.2025).

³ См. список, который составили участники проекта «Большой Алтай»: Академические и научно-образовательные центры по тюркологии и алтаистики. 1. Академические центры по тюркологии и алтаистики России и государств Центральной Азии [Электронный ресурс] // НОЦ «Большой Алтай», Алтайский государственный университет. URL: <https://bolshoy-altay.asu.ru/upload/iblock/de9/z7rwpw3qkdxlvuf8qm9cfh3rvs2lhszf/Osnovnyetyurkologicheskie-tsentry-Rossii-i-gosudarstv-TSentralnoy-Azii.pdf> (дата обращения: 12.03.2025).

в Якутии¹ (Федорова, 2023). Данная организация позволила российским — региональным — ученым начать сотрудничество и проводить международные конференции с коллегами из тюркоязычных стран СНГ, а также Монголии. С тех пор количество проведенных научных форумов фонда уже достигло девяти (девятая — состоялась в Монголии в 2023 г.²), по итогам каждой из них выпущены сборники материалов; также стали активно выходить и индивидуальные работы (статьи, монографии) отдельных авторов³.

В целом отметим явное смещение тюркологической проблематики в научный дискурс Центральной Азии, в страны бывшего СССР (прежде всего в Казахстан, см.: Закиев, 2011⁴; Тюркские языки..., 2012, 2015; Абжанов, 2015; Аязбеков, 2023; и мн. др.), что объясняется также государственным «заказом» — поиском бывшими советскими республиками собственных устойчивых идей, формированием идейно-ценностных нарративов (Аватков, 2019). Меры, которые предпринимает Турция для объединения тюркских народов и культур (Аббасов, 2017), рассматриваются обычно как геополитические, связанные с намерениями по усилению своего влияния в тюркоязычных странах бывшего СССР (Аватков, 2014; и др.).

При этом сами научные организации тюркоязычных стран по отдельному претендуют на лидерство в научной отрасли. Достаточно взглянуть на появление журналов со словом «тюркология» в названии, которые стали издаваться в странах СНГ, не говоря уже о Турции. Например, Международный центр ISSN (<https://portal.issn.org/>), регистрирующий сериальные научные издания по всему миру, насчитывает тюркологических названий (с корнем *turk*) — 478 (данные поискового запроса на 3 апреля 2025 г.). Из них 432 — издания Турции, 5 — Азербайджана, 3 — Казахстана и др.⁵

Общая тенденция привела к повороту внимания, интересов региональных ученых России к этим центрам, тем самым усиливая итак исторически сложившуюся асимметричность системы российской науки⁶.

Данным фактом также можно объяснить проведение в последние годы мероприятий тюркологической проблематики в Российском университете дружбы народов (конференций с выпуском сборников материалов⁷, других изданий). Во-первых, филологи РУДН (Г. П. Мельников, создатель системно-типологической концепции языка, и его ученики: У. М. Бахтикиреева, О. И. Валентинова и др.) разрабатывают проблемы языкознания, позволяющие сравнивать русский язык с тюркскими и другими языками (Мельников, 2003; Бахтикиреева, Валентинова, Рыбков, 2019; Бахтикиреева, Валентинова, 2022; и др.), во-вторых, международное сотрудничество, в том числе со странами СНГ, является традиционно важным направлением деятельности университета. И, как уже было сказано, тюркология остается важным направлением в филологических центрах страны (Институт языкознания РАН, Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и др.), в трудах ведущих отечественных тюркологов (О. А. Мудрак, И. В. Кормушин, А. В. Дыбо, З. Н. Экба и др.). В основном они работают при научно-координационном органе — Российском комитете тюркологов, который издает журнал «Российская тюркология».

Возвращаясь к региональным ученым, добавлю. При всех плюсах работы заинтересованных ученых-инсайдеров, которые имеют свои локальные «ниши», у них есть также и существенные ми-

¹ Международный фонд исследования Тенгри. Главная страница [Электронный ресурс] // Международный фонд исследования Тенгри. URL: <https://tengrifund.ru/> (дата обращения: 12.03.2025).

² IX-я конференция [Электронный ресурс] // Международный фонд исследования Тенгри. URL: <https://tengrifund.ru/konferencii/ix-konferenciya> (дата обращения: 12.03.2025).

³ Библиотека МФИТ [Электронный ресурс] // Международный фонд исследования Тенгри. URL: <https://tengrifund.ru/biblioteka> (дата обращения: 12.03.2025).

⁴ Уточним, что данная монография, изданная в г. Астана, написана российским ученым из Татарстана М. З. Закиевым (1928–2023).

⁵ Среди стран издателей тюркологических журналов есть и европейские страны (Германия, Франция, Бельгия), но детальное изучение карточек этих изданий показывает их неактивность, отсутствие обновлений данных с начала 2000-х гг.

⁶ Lamazhaa Ch. K. Russian Regional Science in an Asymmetric System [Электронный ресурс] // The Russia Programm. URL: https://therussiaprogramm.org/regional_science (дата обращения: 12.03.2025).

⁷ Напр.: Современные проблемы тюркологии: язык — литература — культура = Contemporary problems of Turkology: language — literature — culture [Текст] = Contemporary problems of Turkology: language — literature — culture: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, РУДН, 17–18 ноября 2016 г. / сост. У. М. Бахтикиреева, Н. М. Джусупов, С. В. Дмитрюк. М.: Издательство РУДН, 2016; и др.

нусы, по крайней мере у многих авторов — помимо превосходного знания родного тюркского языка и своей культуры, к сожалению, они мало или почти ничего не знают о других тюркоязычных культурах, несмотря на образование и профессиональную подготовку. Свою роль стала играть и современная информационная перенасыщенность, когда ученые, так же как и все люди, буквально тонут в ежедневном потоке новостей, информации о публикациях разных источников. Плюс к этому следует учитывать проблемы учебной и отчетной работы преподавательских кадров высших учебных заведений. В этих сложнейших условиях каждый выбирает тактику изучения только своего узкого поля изданий, авторов, тем, и то часто — для конкретных задач, а не для постоянного отслеживания научных новинок. Это приводит к снижению интереса к сравнительным исследованиям и, как следствие — к обеднению собственного взгляда на свою культуру.

Полагаю, для того, чтобы исследователи тюркских культур могли преодолеть эти недостатки, в первую очередь им необходимо и знать общие вопросы тюркского культурного мира, и рассматривать их в перспективе евразийского культурного мира (большое видится на расстоянии!), а также периодически выходить за пределы своих научных дисциплин, обращать внимание на «сквозные» проблематики (в терминологии Губогло). То есть необходимо проявлять больше интереса и к окружающему миру, чем только к своей культуре. Подчеркнем, речь идет об исследованиях поля культурного единства и разнообразия — традиционного поля российского научного знания (Ламажаа, 2020).

«Сквозные» темы

Разумеется, исследования отдельных тюркских культур в России вкупе с тюркологическими языковедческими направлениями представляют собой широчайшее поле работ, публикаций самых разных жанров. Поэтому, их обзор — это отдельная сложная задача, требующая и соответствующей постановки цели, и особого плана, и итоговой формы для результатов.

Несмотря на то, что мы утверждаем, вслед за многими нашими коллегами из региональных научных центров, что тюркский культурный мир — реален и он может и должен изучаться, его разнообразие, сложный состав не позволяют рассматривать как единый исследовательский объект. И, на наш взгляд, создание некоей научной дисциплины, типа «адекватной тюркологии», как пишут В. Г. Керимли и Н. В. Гайбурова (Керимли, Гайбурова, 2020: 36), так же как и «общетюркского языка»¹ — это утопичные идеи. Скорее речь может идти об общем исследовательском поле со «сквозными» темами.

Помимо традиционных объектов культурологии, этнографии, фольклористики (культурогенеза, эпоса, мифологии, архаических традиций и пр.), «сквозными» темами могут быть исследования «ядра» тюркской культуры и его элементов, которые отражаются и в современной лингвокультуре в виде концептов и позволяют людям понимать не просто идеи своей этнической тюркоязычной культуры, но и надэтнической общности культуры более общего порядка, как представители тюркской культуры.

Отдельно поясню тезис по поводу этих концептов. Речь не идет об общей терминологии, о совпадении терминов, их семантики. За много веков развития тюркских языков, в том числе заимствований от языков самых разных групп и семей, терминология стала различаться. Сегодня тюркоязычные народы могут не понимать друг друга, настолько стали различны языки и диалекты. Для того, чтобы для современных людей «ожили» смыслы тюркской общности, концепты лингвокультуры должны связывать их с богатым прошлым культуры. То есть это должны быть не все концепты современных лингвокультур, а архаические версии, которые выражают древнюю картину мира — предков современных тюрков. Они до сих пор присутствуют в живом языке, в литературных текстах. В корне многих сразу улавливаются этимологические связи с древнетюркским языком, а в модификациях можно отметить исторические особенности развития лингвокультур.

¹ См.: Абдуллаев С. Н. Тюркский лингва-туризм: к постановке проблемы // Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык — литература — культура», 17–18 ноября 2016 года, г. Москва / сост.: У. М. Бахтикиреева и др. М.: Издательство РУДН, 2016. С. 246.

В качестве примера можно привести концепт *Тенгри*. В древнетюркском языке для обозначения неба было два термина *kök*¹ и *täŋri*², причем в рунических текстах они выступали вместе *kök täŋri*. Лексема *kök* передавала характеристики «голубой» / «синий» / «сизый», а также «свободный, вольный»³, и была синонимом понимания неба; *täŋri* означало и небо, и бога, божество⁴. Помимо этого в древнетюркском языке были и другие лексемы, и это богатство, по мнению С. Г. Кляшторного, означало, что уже в то время «сложилось представление о нескольких небесных сферах или, по крайней мере, о двух — “высоком небе” и “ближнем небе”» (Кляшторный, 1981: 121). В современных тюркских языках это привело к тому, что лексика ближнего неба как части космоса стала существенно различаться: турец. *gökyüzü* или *gök*, татар. *күк* (*kük*), башкир. *күк* (*kük*), карач.-балк., кумык. *кёк*, ног. *кoкк*, казах. *аспан*, кирг. — *асман*, хакас. *пиг*, шорск. *пич*, якут. (саха) *түн* (*tün*), тув. *дээр*, балкар. *mlayv*. Однако, название верховного божества Тенгри и его почитание остались почти у всех тюрков (Фахриева, Давлетшина, 2021; Шаманов, 1982; и др.⁵).

Тем самым мы можем назвать концепт *Тенгри* архаическим общим концептом тюркской лингвокультурологии, который продолжает определять картину мира большинства современных тюркских лингвокультур, то есть делать реальным существование тюркского культурного мира. Об этом говорят и примеры возрождения тенгрианства в регионах Евразии, и современные исследования этого процесса, представленные в сборниках материалов «Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность»⁶, и сам факт развития тенгриведения, о чем мы упомянули выше.

В основном исследователи говорят о возрождении тенгрианства (тенгризма, тэнгрианства) как религиозного учения (Федорова, 2017), пишут о религиозных культах, изучают религиозные движения и организации. Тем не менее, встречаются и работы, посвященные присутствию соответствующего концепта лингвокультуры, что означает обсуждение и термина в языке, и отражение его в мышлении, а также в социальных, культурных практиках: у туркмен⁷, у якут⁸, у казахов (Кабжанов, 2019) и др.⁹ В целом, исследователи могут говорить о том, что приверженность (провозглашение, декларация) тенгрианству становится маркером новой этничности¹⁰. Хотя если учитывать этническое разнообразие, то следует понимать это не как одну этничность, а скорее — надэтничность, принадлежность к культурному миру.

Исследование в русле концептуализации этнокультур будет более богатым, полным, соответствующим тому, как и чем живет культура, если оно будет выполняться не в пределах отдельных, конкретных научных дисциплин (этнографии, фольклористики, культурологии, лингвистики и пр.), а будет междисциплинарным. Для того, чтобы понимать «живой пульс» культур, надо использовать разные научные методы, а не замыкаться в дисциплинарных рамках. Подобный междисциплинарный подход, который мы уже предложили (Ламажаа, 2023), реализовали (Тувинцы. Родные ... , 2022; Тува. Родная ... , 2023; Ламажаа, Каиржанова, 2025; также см. карточку заверченного проекта при

¹ Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др. М.: Наука, 1969. С. 312.

² Там же. С. 544.

³ Там же. С. 312.

⁴ Там же. С. 544.

⁵ Абдрасулов С. М. К вопросу прочтения этимологии теонима Тенгри [Электронный ресурс] // Международный фонд исследования Тенгри. URL: <https://tengrifund.ru/k-voprosu-prochteniya-etimologii-teonima-tengri.html> (дата обращения: 12.03.2025).

⁶ Конференции [Электронный ресурс] // Международный фонд исследования Тенгри. URL: <https://tengrifund.ru/konferencii> (дата обращения: 12.03.2025).

⁷ Соегов М. О некоторых формах проявления древнего тенгрианства у современных туркмен // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность: IV Международная научно-практическая конференция. 9–10 октября, г. Улан-Батор, Монголия, 2013. С. 151–156.

⁸ Матвеева В. Современное состояние и проблемы изучения тенгрианства в аспекте мировоззренческой культуры саха // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность: IV Международная научно-практическая конференция. 9–10 октября, г. Улан-Батор, Монголия, 2013. С. 253–259.

⁹ Алиева К. М. Современные ценностные ориентиры и понимание Тенгри [Электронный ресурс] // Международный фонд исследования Тенгри. URL: <https://tengrifund.ru/sovremennye-cennostnye-orientiry-i-ponimanie-tengri.html> (дата обращения: 12.03.2025).

¹⁰ Анжиганова Л. В., Топоева М. В. Тенгрианство как маркер «Новой этничности»: региональный контекст [Электронный ресурс] // Международный фонд исследования Тенгри. URL: <https://tengrifund.ru/tengrianstvo-kak-marker.html> (дата обращения: 12.03.2025).

поддержке Российского научного фонда¹), был уже оценен нашими коллегами как успешный опыт (Попков, 2023). Он позволяет не просто говорить о некоей сфере религиозной жизни, культов и пр., а изучать основания всей культурной жизни во всем ее богатстве (тезаурусе) смыслов.

Почему это важно и интересно? То чувство общности, которое сохраняют представители тюркских народов, тюркского культурного мира, периодически проявляется в их единстве по отношению к определенным культурным фактам, которые понятны и приятны для них всех. Возьмем этническую музыку и песни. В марте 2025 г. в социальных сетях распространилась песня *Нотай* башкирской группы *Ay Yola*, которая сразу стала популярной на территории СНГ среди тюркоязычных слушателей². В песне поется о мифическом образе *Хумай* (*Кумай*, *Qumai*) из древнего башкирского эпоса «Урал-батыр». Песню тепло встретили в Казахстане, Киргизии, Узбекистане, Турции и других тюркоязычных странах, регионах. Эта популярность вознесла трек на вершины мировых чартов и заставила писать о песне разные СМИ. В многочисленных комментариях к «завирусившимся» видеороликам пользователи оставляли мнения, подчеркивая тюркскую идентичность, которую затронула песня, и ее слова в первую очередь.

Такие примеры показывают, что «тюркскость» не ограничивается простой языковой близостью и религиозными воззрениями, она может выражаться в концептах лингвокультур, причем поднимающих явно архаические пласты культурной памяти. Именно поэтому мы считаем, что одной из важнейших «сквозных» тем может быть исследование концептов культур.

Однако, надо сказать, что концептологическое направление в российской науке (в лингвокультурологии) и даже в науке постсоветского пространства за последние годы заметно само «русифицировалось». Несмотря на то, что концепт специалистами однозначно понимается в первую очередь как языковой термин — термин конкретного языка, выражающий определенную культурную информацию (Вежбицкая, 2011), тем не менее нередко российские ученые, которые занимаются тюркскими культурами, т. к. как я уже упомянула выше — ученые-инсайдеры, концепты эти именуют в русских терминах³. Мне уже приходилось писать об этой типической методологической ошибке (Ламажаа, 2023: 8–12).

Поэтому недостаточно определить научные направления «сквозных» тем. Для интересных межкультурных исследований необходима работа междисциплинарная, в сотрудничестве и взаимной проверке разными специалистами. Однако, и это отдельная организационная и методологическая проблема ученых, привыкших работать в рамках монодисциплин (Проблема междисциплинарности ..., 2016).

Заключение

Таким образом, анализ особенностей и проблем изучения тюркского культурного мира России в современной российской науке показал следующее.

Несмотря на то, что тюрки изучаются прежде всего как представители одной языковой группы, автор утверждает, что тюркский культурный мир — это больше, чем языки; это пространство множества культур, имеющих общее в основании.

¹ Карточка проекта фундаментальных и поисковых научных исследований, поддержанного Российским научным фондом [Электронный ресурс] // Российский научный фонд. URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00246/> (дата обращения: 12.03.2025).

² Красюк А. Новая «Пыяла»? Как все сошли с ума по песне башкирской фолк-группы *Ay Yola* [Электронный ресурс] // Афиша. 2025, 26 марта. URL: <https://daily.afisha.ru/infoporn/29093-novaya-pyyala-kak-vse-soshli-s-uma-po-pesne-bashkirskoy-folk-gruppy-ay-yola/> (дата обращения: 27.03.2025).

³ Например, Г. Х. Бухарова, анализируя башкирский народный эпос «Урал-Батыр», рассматривает в нем такие «базовые концепты эпоса», как: «*Душа*, *Сердце*, *Кровь*, базовые оппозиции культуры и языка, такие как *Жизнь* и *Смерть*, *Добро* и *Зло*, *Человек* и *Природа* и т. д.». См.: Бухарова Г. Х. Башкирский народный эпос «Урал-Батыр»: когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ : автореф. дисс. ... д-ра филол. н. Уфа, 2009. С. 6. Этот же подход перенесен в монографию автора (Бухарова, 2010). Другой пример: филолог из Кыргызстана З. М. Дербишева, несмотря на то, что пишет об этнокультурной специфике концептов, тем не менее полагает, что среди них есть те, которые имеют универсальную природу, в том числе «время», «счастье», «любовь»: Дербишева З. К. Этноментальная специфика концептуализации // Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык — литература — культура», 17–18 ноября 2016 года, г. Москва / сост.: У. М. Бахтикиреева и др. М.: Издательство РУДН, 2016. С. 440–444.

Безусловно, рассмотрение тюркского культурного мира методами культурной географии может показать значительную мозаичность культур, в том числе представляющих разные религии. Тем не менее есть и исторические параллели, общий тюрко-русский билингвизм. Но помимо этого даже современные представители тюркских культур демонстрируют в лингвокультуре и менталитете наличие в культуре «ядра», т. е. глубинного внутреннего слоя, которое имеет относительно устойчивый характер.

Для изучения этой общности необходимы определенные условия, возможности науки, ученых. И хотя у российской науки в целом есть целый ряд институциональных и прочих проблем, тем не менее, даже в этих условиях можно обнаружить «сквозные» темы для того, чтобы оптимизировать исследовательские стратегии и реализовать то, в чем нуждаются как сами этносы, так и их представители — ученые.

Благодарности

Сердечно благодарю коллег из Кабардино-Балкарии, Башкортостана, Татарстана, Тувы, а также Казахстана, кто ознакомился с текстом рукописи статьи, высказал свои ценные замечания, предложения, и дал дополнения. Наши обсуждения отдельных вопросов фактически стали началом научной дискуссии относительно идей статьи, и, я надеюсь, что публикация — станет ее продолжением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аббасов, Н. (2017) Организация объединяющая культуры тюркских народов // Традиционная культура тюркских народов в изменяющемся мире : Материалы I Международной научной конференции, Казань, 12–15 апреля 2017 года / сост. Г. К. Мансурова. Казань : Ак Буре. 554 с. С. 4–7.

Абжанов, Х. М. (2015) Древние тюрки и современные тюркские народы Центральной Азии: истоки историко-духовной общности // Мир Большого Алтая. № 1. С. 12–20.

Аватков, В. (2014) Неоосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции // Свободная мысль. No 3. С. 71–78.

Аватков, В. А. (2019) Идеино-ценностный фактор в тюркских государствах постсоветского пространства // Мировая политика. № 4. С. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2019.4.31235>

Азербайджанцы (2017) / отв. ред. А. Мамедли, Л. Т. Соловьева. М. : Наука. 708 с.

Акрамов, Н. М. (1963) Выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд. Научно-биографический очерк. Душанбе : б. и. 112 с.

Аязбеков, С. А. (2023) Буддизм и тюркская цивилизация: межкультурный и социально-политический дискурс // Republica Literaria. Т. 4. № 3. С. 162–173. DOI: <https://doi.org/10.47850/RL.2023.4.3.162-173>

Бартольд, В. В. (1968) Сочинения : в 9 т. М. : Наука. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. 757 с.

Бартольд, В. В. (2002) Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М. : Восточная литература. 757 с.

Бахтикиреева, У. М., Валентинова, О. И., Рыбаков, М. А. (2019) Факторы типологической комплементарности славянских и тюркских языков в свете системной лингвистики и этнологии // Филологические науки. № 3. С. 21–30. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.3-19.021>

Бахтикиреева, У. М., Валентинова, О. И. (2022) Особенности «языкового мышления» с позиций системной лингвистики // Russian Journal of Linguistics. Т. 26. № 1. С. 224–244. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149>

Башкиры (2015) / отв. ред. Р. Г. Кузеев, Е. С. Данилко. М. : Наука. 662 с.

Благова, Г. Ф. (2012) История тюркологии в России (вторая половина XIX — начало XX в.) : в 2-х ч. М. : Восточная литература РАН. 310 с.

Боргоякова, Т. Г., Гусейнова, А. В. (2017) Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири. Абакан : Хакасский гос. унив. им. Н. Ф. Катанова. 136 с.

Бухарова, Г. Х. (2010) Башкирский народный эпос «Урал-Батыр»: когнитивно-дискурсивый и концептуальный анализ. Уфа : Вагант. 352 с.

Вежбицкая, А. (2011) Семантические универсалии и базисные концепты. М. : Языки славянских культур. 568 с.

Губогло, М. Н. (2005) Этноязыковая и этнодемографическая панорама тюркского мира России // Русский язык в тюрко-славянский этнокультурных взаимодействиях / сост. А. Д. Коростелев, отв. ред. М. Н. Губогло. М. : Старый сад. 447 с. С. 12–53.

Джусупов, М. (2014) Русский и тюркские языки // Studia Rossica Posnaniensia. № 39. С. 40–48. DOI: <https://doi.org/10.14746/strp.2014.39.3>

Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты (2007) / А. В. Иванов, Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев, М. Ю. Шишин. Барнаул : Азбука. 243 с.

Закиев, М. З. (2011) Глубокие этнические корни тюркских народов. Астана : Кантана Пресс. 400 с.

Кабжанов, А. Т. (2019) Тенгрианство — основа национальной самоидентификации казахов // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность : сборник статей VII Международной научно-практической конференции, Бишкек, Кыргызстан, 21–22 июня 2019 года / отв. ред. Л. Федорова. Бишкек, Кыргызстан: Международный фонд исследования Тенгри (МФИТ). 360 с. С. 138–141.

Кабо, Р. (1947) Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии // Вопросы географии. Вып. 5. С. 5–32.

Карачаевцы. Балкарцы (2014) / отв. ред. М. Д. Каракетов, Х.-М. А. Сабанчиев. М. : Наука. 815 с.

Керимли, В. Г., Гайбулова Н. В. (2020) Культура тюркских народов Кавказа: концептуальный подход // Евразийский союз ученых. № 6. С. 32–36.

Кляшторный, С. Г. (1981) Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник. 1977 / отв. ред. А. Н. Кононов. М. : Главная редакция восточной литературы. 298 с. С. 117–138.

Кононов, А. Н. (1974) Некоторые итоги развития советской тюркологии и задачи советского комитета тюркологов // Советская тюркология. № 2. С. 3–12.

Кыргызы (2016) / отв. ред. А. А. Асанканов, О. И. Брусина, А. З. Жапаров. М. : Наука. 623 с.

Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. СПб. : Нестор-История. 240 с.

Ламажаа, Ч. К. (2020) Единство и своеобразие современных этнических культур народов Центральной Азии: три исследовательских проблемных поля // Новые исследования Тувы. № 4. С. 201–216. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.14>

Ламажаа, Ч. К. (2021) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Ламажаа, Ч. К. (2023) Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>

Ламажаа, Ч. К., Каиржанова, А. Т. (2025) Башкы: обращение, наставничество и социальные отношения // Новые исследования Тувы. № 1. С. 5–25. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.1>

Мамедов, Н. М. (2017) Основания единства и многообразия Тюркской культуры // Этносоциум и межнациональная культура. № 9 (111). С. 148–155.

Мельников, Г. П. (2003) Системная типология языков: принципы, методы, модели. М. : Наука. 395 с.

Насилов, Д. М. (2009) Российская тюркология наших дней // Российская тюркология. № 1. С. 3–7.

Попков, Ю. В. (2023) Этнокультурный неотрадиционализм: рефлексивно-интеграционная теоретическая модель // Этнография. № 3. С. 203–223. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-3\(21\)-203-223](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-3(21)-203-223)

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2022) «Затерянный мир»: тувинская культура в центр-периферийной интерпретации геокультурного и социокультурного пространства // Новые исследования Тувы. № 1. С. 225–236. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.15>

Потапов, Л. П. (1978) Древнетюркские черты почитания Неба у саяно-алтайских народов // Этнография народов Алтая и Западной Сибири / отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск : Наука. 226 с. С. 50–64.

Проблема междисциплинарности в контексте реформ российской науки. Материалы «круглого стола» (2016) // Философия науки и техники. Т. 21. № 1. С. 5–35.

Райхл, К. (2008) Тюркский эпос : традиции, формы, поэтическая структура. М. : Восточная литература. 383 с.

Российская нация : Становление и этнокультурное многообразие (2011) / под ред. В. А. Тишкова. М. : Наука. 462 с.

Севастьянов, И. В. (2023) Кряшены: православные в тюркском мире. М. : ИЭА РАН. 304 с.

Стеблева, И. В. (1972) К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник. 1971 / отв. ред. А. Н. Кононов. М. : Главная редакция восточной литературы. 296 с. С. 213–226.

Тишков, В. А. (2013) Российский народ: история и смысл национального самосознания. М. : Наука. 649 с.

Ткаченко, А. А. (1996) Тюркские народы: возрождение или развитие // Этнографическое обозрение. № 4. С. 65–75.

Тувинцы: родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Тува. Родная земля (2023) / Ламажаа Ч. К., Сувандии Н. Д., Кужугет Ш. Ю., Майны Ш. Б., Санчай Ч. Х.; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Туровский, Р. Ф. (1998) Культурные ландшафты России. М. : Институт наследия. 210 с.

Тюркские языки в евразийском пространстве: современное состояние, тенденции и перспективы (2012) / Н. Ж. Шаймерденова, Д. М. Насилов и др. Астана : Сарыарка. 367 с.

Тюркские языки и этносы: языковые и этнодемографические процессы (2015) / Э. Д. Сулейменова, Н. Ж. Шаймерденова, Д. М. Насилов и др. Алматы : Қазақ университеті. 381 с.

Фахриева, Л. М., Давлетшина, Л. Х. (2021) К вопросу классификации мифологических персонажей турецкого фольклора // Тюркологические исследования. № 4 (1). С. 7–20.

Федорова, Л. В. (2017) Возрождение тенгризма как религиозного учения в наши дни // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность : сборник статей VI-й Международной научно-практической конференции, Астана, Казахстан, 14–16 июня 2017 года / отв. ред. Л. В. Федорова. Астана : ТОО «Мастер По». 509 с. С. 404–411.

Федорова, Л. В. (2023) Тенгризм. Якутск : Издательский дом СВФУ. 596 с.

Червоная, С. М. (1999) Тюркский мир в центре Северного Кавказа: парадоксы этнической мобилизации. М. : ЦИМО. 326 с.

Чуваши (2017) / отв. ред. В. П. Иванов, А. Д. Коростелев, Е. А. Ягафова. М. : Наука. 654 с.

Шаманов, И. М. (1982) Древнетюркское верховное божество Тенгри (Тейри) в Карачае и Балкарии // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии / отв. ред. Е. П. Алексеева. Черкесск : Карачаево-Черкес. НИИ истории, филологии и экономики. 224 с. С. 155–170.

Этническое и религиозное многообразие России (2017) / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М. : ИЭА РАН. 551 с.

Jordan, T., Rowntree, L. (1986) The Human Mosaic. A Thematic Introduction to Cultural Geography. New York : Longman. 455 p.

Sauer, K. (1925) Morphology of Landscape // University of California Publications in Geography. Vol. II, no. 2. P. 19–54.

Sauer, K. (1927) Recent Developments in Cultural Geography // Recent Developments in the Social Science. Ed. by E. C. Hayes. New York : Lippincott. 428 p. P. 154–212.

Дата поступления: 12.03.2025 г.

Дата принятия: 20.05.2025 г.

REFERENCES

Abbasov, N. (2017) Organization uniting cultures of Turkic peoples. In: *Traditional Culture of the Turkic Peoples in a Changing World: Proceedings of the I International Scientific Conference, Kazan, 12–15 April 2017*, ed. G. K. Mansurova. Kazan, Ak Bure. 554 p. Pp. 4–7. (In Russ.)

Abzhanov, Kh. M. (2015) Ancient Turks and modern Turkic peoples of Central Asia: origins of historical and spiritual community. *Mir Bol'shogo Altaya*, no. 1, pp. 12–20. (In Russ.)

Avatkov, V. (2014) Neo-Osmanism: basic ideological theme and geostrategy of Turkey. *Svobodnaya mysl'*, no. 3, pp. 71–78. (In Russ.)

Avatkov, V. A. (2019) Ideological and value factor in Turkic states of the post-Soviet space. *Mirovaya politika*, no. 4, pp. 1–12. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2019.4.31235>

The Azerbaijanis (2017), ed. by A. Mamedli, L. T. Solovyeva. Moscow, Nauka. 708 p. (In Russ.)

Akramov, N. M. (1963) *Outstanding Russian orientalist V. V. Bartold. Scientific-biographical essay*. Dushanbe, s. n. 112 p. (In Russ.)

- Ayazbekov, S. A. (2023) Buddhism and Turkic civilization: intercultural and socio-political discourse. *Respublica Literaria*, vol. 4, no. 3, pp. 162–173. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.47850/RL.2023.4.3.162-173>
- Bartold, V. V. (1968) *Works*, vol. 5: Works on history and philology of Turkic and Mongolian peoples. Moscow, Nauka. 757 p. (In Russ.)
- Bartold, V. V. (2002) *Works on history and philology of Turkic and Mongolian peoples*. Moscow, Vostochnaya literature. 757 p. (In Russ.)
- Bakhtikireyeva, U. M., Valentinova, O. I. and Rybakov, M. A. (2019) Factors of typological complementarity of Slavic and Turkic languages in the light of systemic linguistics and ethnology. *Filologicheskiye nauki*, no. 3, pp. 21–30. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.3-19.021>
- Bakhtikireyeva, U. M. and Valentinova, O. I. (2022) Features of “language thinking” from the standpoint of systemic linguistics. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 26, no. 1, pp. 224–244. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149>
- Bashkirs* (2015), ed. by R. G. Kuzeev, E. S. Danilko. Moscow, Nauka. 662 p. (In Russ.)
- Blagova, G. F. (2012) *History of Turkology in Russia (second half of the 19th — beginning of the 20th century)*. Vol. 2. Moscow, Vostochnaya literatura RAN. 310 p. (In Russ.)
- Borgoyakova, T. G. and Guseynova, A. V. (2017) *Status and functioning of Turkic languages of Southern Siberia*. Abakan, Khakass State University named after N. F. Katanov. 136 p. (In Russ.)
- Bukharova, G. Kh. (2010) *Bashkir folk epic “Ural-Batyr”: cognitive-discursive and conceptual analysis*. Ufa, Vagant. 352 p. (In Russ.)
- Vezhbickaya, A. (2011) *Semantic universals and basic concepts*. Moscow, Yazyki slavyanskykh kul'tur. 568 p. (In Russ.)
- Guboglo, M. N. (2005) Ethnolinguistic and ethnodemographic panorama of the Turkic world of Russia. In: *Russian language in Turkic-Slavic ethnocultural interactions*, ed. by M. N. Guboglo. Moscow, Stary Sad. 447 p. Pp. 12–53. (In Russ.)
- Dzhusupov, M. (2014) Russian and Turkic languages. *Studia Rossica Posnaniensia*, no. 39, pp. 40–48. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14746/strp.2014.39.3>
- Eurasianism: Key ideas, values, political priorities* (2007) / A. V. Ivanov, Yu. V. Popkov, E. A. Tyugashev, M. Yu. Shishin. Barnaul, Azbuka. 243 p. (In Russ.)
- Zakiev, M. Z. (2011) *Deep ethnic roots of Turkic peoples*. Astana, Kantana Press. 400 p. (In Russ.)
- Kabzhanov, A. T. (2019) Tengrism — the basis of national self-identification of Kazakhs. In: *Tengrism and epic heritage of the peoples of Eurasia: origins and modernity*: collection of articles of the VII International Scientific-Practical Conference, Bishkek, Kyrgyzstan, 21–22 June 2019, ed. L. Fedorova. Bishkek, International Foundation for Tengri Research (IFTR). 360 p. Pp. 138–141. (In Russ.)
- Kabo, R. (1947) Nature and man in their mutual relations as an object of socio-cultural geography. *Voprosy geografii*, no. 5, pp. 5–32. (In Russ.)
- Karachay and Balkar peoples* (2014), ed. by M. D. Karaketov and Kh.-M. A. Sabanchiev. Moscow, Nauka. 815 p. (In Russ.)
- Kerimli, V. G. and Gayburova, N. V. (2020) Culture of the Turkic peoples of the Caucasus: a conceptual approach. *Eurasian Union of Scientists*, no. 6, pp. 32–36. (In Russ.)
- Klyashtorny, S. G. (1981) Mythological plots in ancient Turkic monuments. In: A. N. Kononov (ed.), *Turkological Collection*. 1977. Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. 298 p. Pp. 117–138. (In Russ.)
- Kononov, A. N. (1974) Some results of the development of Soviet Turkology and tasks of the Soviet Turkological Committee. *Sovetskaya turkologiya*, no. 2, pp. 3–12. (In Russ.)
- Kyrgyz* (2016), ed. by A. A. Asankanov, O. I. Brusina and A. Z. Zhaparov. Moscow, Nauka. 623 p. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2018) *National character of Tuvans*. Saint Petersburg, Nestor-History. 240 p. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2020) Unity and peculiarity of contemporary ethnic cultures of the peoples of Central Asia: three research problem fields. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 201–216. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.14>
- Lamazhaa, Ch. K. (2021) Tuva as a limitrophe zone: language, religion and identification of Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 178–194. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>
- Lamazhaa, Ch. K. (2023) Concepts of culture: form, idea, social regulation. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–25. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>

- Lamazhaa, Ch. K. and Kairzhanova, A. T. (2025) *Bashky: address, mentorship and social relations*. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 5–25. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.1>
- Mamedov, N. M. (2017) Foundations of unity and diversity of Turkic culture. *Ethnosocium i mezhdunarodnaya kultura*, no. 9 (111), pp. 148–155. (In Russ.)
- Melnikov, G. P. (2003) *System typology of languages: principles, methods, models*. Moscow, Nauka. 395 p. (In Russ.)
- Nasilov, D. M. (2009) Russian Turkology of our days. *Rossiyskaya turkologiya*, no. 1, pp. 3–7. (In Russ.)
- Popkov, Yu. V. (2023) Ethnocultural neotraditionalism: reflexive-integrative theoretical model. *Etnografiya*, no. 3, pp. 203–223. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-3\(21\)-203-223](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-3(21)-203-223)
- Popkov, Yu. V. and Tyugashev, E. A. (2022) The lost world: Tuvan culture in center-periphery interpretation of geocultural and sociocultural space. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 225–236. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.15>
- Potapov, L. P. (1978) Ancient Turkic features of sky worship among the Sayan-Altai peoples. In: A. P. Okladnikov (ed.), *Ethnography of the peoples of Altai and Western Siberia*. Novosibirsk, Nauka. 226 p. Pp. 50–64. (In Russ.)
- Problem of interdisciplinarity in the context of reforms of Russian science. Proceedings of the “round table” (2016). *Filosofiya nauki i tekhniki*, vol. 21, no. 1, pp. 5–35. (In Russ.)
- Reichl, K. (2008) *Turkic epic: traditions, forms, poetic structure*. Moscow, Vostochnaya literatura. 383 p. (In Russ.)
- Russian nation: formation and ethnocultural diversity* (2011), ed. by V. A. Tishkov. Moscow, Nauka. 462 p. (In Russ.)
- Sevastyanov, I. V. (2023) *Kryashens: Orthodox in the Turkic world*. Moscow, IEA RAN. 304 p. (In Russ.)
- Stebleva, I. V. (1972) On reconstruction of the ancient Turkic religio-mythological system. In: A. N. Kononov (ed.), *Turkological Collection. 1971*. Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. 296 p. Pp. 213–226. (In Russ.)
- Tishkov, V. A. (2013) *Russian people: history and meaning of national self-consciousness*. Moscow, Nauka. 649 p. (In Russ.)
- Tkachenko, A. A. (1996) Turkic peoples: revival or development. *Etnograficheskoye obozrenie*, no. 4, pp. 65–75. (In Russ.)
- Tuvans: Native People* (2022) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget, Sh. B. Mainy; ed. Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii. Saint Petersburg, Nestor-History. 344 p. (In Russ.)
- Tuva: Native Land* (2023) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget, Sh. B. Mainy, Ch. Kh. Sanchay; ed. Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii. Saint Petersburg, Nestor-History. 344 p. (In Russ.)
- Turovsky, R. F. (1998) *Cultural landscapes of Russia*. Moscow, Institute of Heritage. 210 p. (In Russ.)
- Turkic languages in the Eurasian space: current state, trends and prospects* (2012) / N. Zh. Shaimerdenova, D. M. Nasilov et al. Astana, Saryarka. 367 p. (In Russ.)
- Turkic languages and ethnoses: linguistic and ethnodemographic processes* (2015) / E. D. Suleimenova, N. Zh. Shaimerdenova, D. M. Nasilov et al. Almaty, Kazakh University. 381 p. (In Russ.)
- Fakhriyeva, L. M. and Davletshina, L. Kh. (2021) On the classification of mythological characters in Turkish folklore. *Turkologicheskie issledovaniya*, no. 4 (1), pp. 7–20. (In Russ.)
- Fedorova, L. V. (2017) Revival of Tengriism as a religious doctrine nowadays. In: *Tengrism and epic heritage of the peoples of Eurasia: origins and modernity*: collection of articles of the VI International Scientific-Practical Conference, Astana, Kazakhstan, 14–16 June 2017, ed. L. V. Fedorova. Astana, Master Po. 509 p. Pp. 404–411. (In Russ.)
- Fedorova, L. V. (2023) *Tengrism*. Yakutsk, Publishing House of SVFU. 596 p. (In Russ.)
- Chervonnaya, S. M. (1999) *Turkic world in the center of the North Caucasus: paradoxes of ethnic mobilization*. Moscow, TsIMO. 326 p. (In Russ.)
- Chuvash* (2017), ed. by V. P. Ivanov, A. D. Korostelyov, E. A. Yagafova. Moscow, Nauka. 654 p. (In Russ.)
- Shamanov, I. M. (1982) Ancient Turkic supreme deity Tengri (Teiri) in Karachay and Balkaria. In: E. P. Alekseeva (ed.), *Problems of archaeology and ethnography of Karachay-Cherkessia*. Cherkessk, Karachay-Cherkess NII of history, philology and economics. 224 p. Pp. 155–170. (In Russ.)
- Ethnic and religious diversity of Russia* (2017), ed. by V. A. Tishkov and V. V. Stepanov. Moscow, IEA RAN. 551 p. (In Russ.)
- Jordan, T., Rowntree, L. (1986) *The Human Mosaic. A Thematic Introduction to Cultural Geography*. New York, Longman. 455 p.
- Sauer, K. (1925) Morphology of Landscape. *University of California Publications in Geography*, vol. II, no. 2, pp. 19–54.

Sauer, K. (1927) Recent Developments in Cultural Geography. In: *Recent Developments in the Social Science*. Ed. by E. C. Hayes. New York, Lippincott. 428 p. Pp. 154–212.

Submission date: 12.03.2025.

Acceptance date: 20.05.2025.

Тезис, антитезис, синтез Олжаса Сулейменова в казахстанской исторической кинодокументалистике 1960-х гг.

Игорь В. Крупко

Международный Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, Республика Казахстан,

Жулдузбек Б. Абылхожин

Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, Республика Казахстан,

Жибек С. Сыздыкова

*Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация*

В статье исследуется роль казахстанской кинодокументалистики 1960-х годов в историческом процессе преодоления культурных травм и разрывов постномадной культуры казахов, происходившего в условиях советского государства. Авторы ставят вопрос о границах исторической памяти и субъектности казахской культуры второй половины XX в.

Анализируются три ключевых документальных фильма студии «Казахфильм» 1960-х гг., созданных под руководством и идейным влиянием поэта Олжаса Сулейменова. Подчеркивается, что в условиях советской цензуры, умело адаптируя существовавшие идеологические каноны, авторы использовали визуальный и поэтический язык как инструмент культурного самоосмысления. Три исследуемых фильма располагаются по отношению друг к другу и к историческому контексту эпохи в гегелевскую триаду: тезис — антитезис — синтез. Логика фильмов выстраивается как движение от локальных дихотомий к универсальным культурным нарративам и преодолению навязанных культурных иерархий в диалоге с ними.

В фильме «По закону сохранения дум» (1966 г.) О. Сулейменов исследует тему культурного наследия средневековых городов Центральной Азии и проблему культурных разрывов. Фильм «История знака коровы» (1968 г.) преодолевает локальные историко-культурные дихотомии, исследуя происхождение культуры человечества. В третьем фильме «Память земли» (1970 г.) объединены размышления об этнокультурных разрывах истории казахов и всемирном культурном наследии человечества в обретении народами исторической субъектности.

Авторы исследуют эвристический потенциал нарративов творческой интеллигенции советского Казахстана, воплотившийся в исторической кинодокументалистике.

Ключевые слова: постномадная культура; историческая память; субъектность; кинодокументалистика; визуальная антропология; Олжас Сулейменов; Казахстан; 1960-е годы; культурная травма; казахи

Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан ИРН: AP19680622 «Идеологические дискуссии 20–50 гг. XX в. и их воздействие на деформацию научного исторического знания в советское и постсоветское время».

Для цитирования:

Крупко И. В., Абылхожин Ж. Б., Сыздыкова Ж. С. Тезис, антитезис, синтез Олжаса Сулейменова в казахстанской исторической кинодокументалистике 1960-х гг. // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 389–406. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.23>

Крупко Игорь Владимирович — доктор философии (PhD), заместитель директора по науке и внешним связям Международного Центра сближения культур под эгидой ЮНЕСКО. Адрес: Республика Казахстан, 050010, г. Алматы, ул. Кунаева, д. 120/94. Эл. адрес: tengri95hismatulin@mail.ru

Абылхожин Жулдузбек Бекмухаммедович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова. Адрес: Республика Казахстан, 050000, г. Алматы, ул. Шевченко, д. 28. Эл. адрес: abylkhozhin@mail.ru

Сыздыкова Жибек Сапарбековна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Экология культуры Востока» Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Адрес: Россия, 103009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11. Эл. адрес: ссса-iaas@yandex.ru

Thesis, Antithesis, and Synthesis in Olzhas Suleimenov's Conception in Kazakhstani Historical Documentary Cinema of the 1960s

Igor V. Krupko

International Centre for the Rapprochement of Cultures under the auspices of UNESCO, Republic of Kazakhstan,

Zhuldyzbek B. Abylkhozhin

Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Republic of Kazakhstan,

Zhibek S. Syzdykova

Lomonosov Moscow State University, Institute of Asian and African Studies, Russian Federation

This article examines the role of Kazakhstani documentary cinema of the 1960s in the historical process of overcoming cultural traumas and ruptures within post-nomadic Kazakh culture under the conditions of the Soviet state. The authors raise questions concerning the boundaries of historical memory and the subjectivity of Kazakh culture in the latter half of the twentieth century.

The analysis focuses on three key documentary films produced by the "Kazakhfilm" studio in the 1960s under the leadership and intellectual influence of the poet Olzhas Suleimenov. The authors emphasize that, within the constraints of Soviet censorship, the filmmakers skillfully adapted existing ideological canons, employing visual and poetic language as instruments of cultural self-reflection. The three films under consideration are positioned relative to each other and to the historical context of the era according to a Hegelian triad: thesis — antithesis — synthesis. The logic of the films is structured as a progression from local dichotomies to universal cultural narratives, transcending imposed cultural hierarchies through dialogue with them.

In the film "According to the law of preservation of thoughts" (1966), Suleimenov explores the theme of cultural heritage in the medieval cities of Central Asia and the problem of cultural ruptures. The film "The History of the Cow Sign" (1968) overcomes local historical and cultural dichotomies, investigating the origins of human culture. In the third film "Memory of the Earth" (1970), reflections on ethnocultural cleavages of Kazakh history and the World heritage are integrated in the context of contemporary peoples' quest for historical subjectivity.

The article highlights the heuristic potential of narratives produced by the creative intelligentsia of Soviet Kazakhstan, as realized in historical documentary filmmaking.

Keywords: *post-nomadic culture; historical memory; subjectivity; documentary cinema; visual anthropology; Olzhas Suleimenov; Kazakhstan; 1960s; cultural trauma; Kazakhs*

Financing

The article was prepared within the framework of the grant project AP19680622 "Ideological Debates of the 1920s — 1950s and Their Impact on the Distortion of Scientific Historical Knowledge in the Soviet and Post-Soviet Periods", funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

For citation:

Krupko I. V., Abylkhozhin Zh. B. and Syzdykova Zh. S. Thesis, Antithesis, and Synthesis in Olzhas Suleimenov's Conception in Kazakhstani Historical Documentary Cinema of the 1960s. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 389-406. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.23>

KRUPKO, Igor Vladimirovich, PhD, Deputy Director for Science and External Relations, International Centre for the Rapprochement of Cultures under the auspices of UNESCO. Postal address: 120/94 Kunaeva Str., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050010. E-mail: tengri95hismatulin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5349-0256

ABYLKHOZHIN, Zhulduzbek Bekmukhammedovich, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Valikhanov Institute of History and Ethnology. Postal address: 28 Shevchenko Str., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050000. E-mail: abylkhozhin@mail.ru

SYZDYKOVA, Zhibek Saparbekovna, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Ecology of Oriental Culture Research Laboratory, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. Postal address: 11 Mokhovaya St., Moscow, 103009, Russia. E-mail: ccca-iaas@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7261-7371

Введение

Одной из главных проблем нарративов исторической памяти пост-номадной культуры Казахстана оказалась ситуация культурных разрывов исторической памяти. Она отчетливо проявилась в XXI в. в неосознаваемых предпосылках и аксиоматических утверждениях, будто постсоветские нации, включая казахстанскую, получили возможности поиска и обретения исторической субъектности только после 1991 года, до этого времени существуя лишь в качестве субалтернов и фатально управляемых объектов исторической политики советской идеологии. При этом упускается из внимания интеллектуальный и творческий опыт национальных интеллигенций, наработанный во второй половине XX в., свидетельствующий о значительном эвристическом потенциале, воплощенном в национальных историографиях и культурных нарративах литературы, кинематографа и других жанрах искусства. Будучи оторванными в XX в. от традиционного хозяйственно-культурного образа жизни и соответствующих ему мировоззренческих систем, в новом столетии пост-кочевые культуры вновь оказались в аналогичной ситуации разрыва между обесцениваемым прошлым и неопределенным будущим.

Зачастую идеологиям новых государств свойственно «начинать все сначала», отрицая или игнорируя предшествующий исторический опыт, тем более, когда массовое общественное сознание подготовлено к его негативному восприятию (при этом подчеркивая преемственность с более древними культурами и государствами). В значительной степени это характерно для элит постсоветских государств, в конце XX в. получивших независимость, но так и не осмысливших длительный опыт разного рода политических и социокультурных «зависимостей».

В такой исторической ретроспективе период колониальной зависимости в дореволюционный период или этап драматического становления в условиях советской «позитивной дискриминации» (Мартин, 2002: 55–87) зачастую выполняет в нарративах исторической памяти, формирующих национальное самосознание, виктимизирующую функцию. Он обозначает такой опыт как травматический разрыв, прервавший «времен связующую нить» (термин М. М. Ауэзова¹) национальной истории. Трагедия и триумф движутся вместе в картинах исторического прошлого, взаимозависимо определяя друг друга в зеркалах исторической памяти. Добытые историками воспоминания о величии культуры в древности ощущаются и усваиваются тем ярче, чем острее переживается память о перенесенных народом испытаниях недавней истории. Настоящее актуализирует и выводит на передний план канона исторической памяти тот или иной период, героев, антигероев или события прошлого, наделенные фактором идентичности, в соотношении с которыми общество и его интеллигенция обретает себя. Эти нарративы облачают «продукт настоящего» в оболочку древности. Как пишет исследовательница исторической памяти Ю. А. Сафронова: «традиции изобретаются в моменты радикальных разрывов, но при этом создают иллюзию чего-то неизменного в мире, подверженном постоянным изменениям...» (Сафронова, 2019: 5).

После обретения независимости в исторической памяти общества образуется «этностремительный» хронотоп золотого века, помещенный в центр канона национальной истории, на периферию которого вытесняются (за некоторыми исключениями) события и герои недавних лет. На такие универсальные исторические закономерности накладываются конкретные политико-идеологические, экономические, социокультурные, геополитические и другие факторы.

Описанная проблема применима и к казахстанскому дискурсу. Можно образно охарактеризовать ее как историческую ловушку непреодоленных культурных разрывов. В первой половине XX в. этот разрыв образовался в результате драматической утраты казахами (и другими народами с кочевым способом существования и типом хозяйственной культуры последних веков) автохтонного хозяйственно-культурного образа жизни во время коллективизации, седентаризации, массового голода, вынужденного исхода кочевого населения и репрессий против первого поколения национальной интеллигенции. В конце XX — начале XXI вв. похожий разрыв для новых поколений казахстанцев произошел с колоссальным интеллектуальным и культурным опытом казахстанской интеллигенции советского периода.

Попыткой преодоления этого нового разрыва является осмысление дискурсивного опыта обретения интеллигенцией пост-кочевых народов исторической субъектности во второй половине XX в.

¹ Ауэзов М. М. Времен связующая нить. Алматы: Жибек Жолы, 2016.

на примере освоения казахстанской творческой элитой культурного наследия Центральной Азии и мира (Маничкин, 2024; Абылхожин, Крупко, 2024). Проблема обретения творческой интеллигенцией Казахстана исторической субъектности в данной статье, кроме вопросов о природе исторической памяти, может быть контекстуализирована и в рамках дискуссии тоталитарной и ревизионистской школ о природе субъектности советского человека. Была ли у советского человека субъектность? В своей книге «Советский Кишлак: между колониализмом и модернизацией» С. Абашин так сформулировал этот вопрос: «были ли советские люди винтиками советской машины, ее порождением и ее жертвой, либо они существовали как самостоятельные акторы со своими собственными интересами и представлениями, которые могли совпадать с интересами власти, а могли и противоречить им?» (Абашин, 2015: 16).

Анализ не только литературных и научных, но и визуальных нарративов, производимых казахстанской интеллигенцией во второй половине XX в., позволит ответить на этот вопрос более аргументированно.

И если остальные сферы социальной и культурной жизни в исследуемом нами вопросе достаточно освещены, то казахстанский документальный кинематограф 1960-х гг. на историческую тематику все еще остается историографической лакуной. Исследование этих фильмов особенно важно, поскольку позволяет проанализировать всю историческую ситуацию в целом и увидеть сумму исторических факторов, когда талант и личность автора, поддержка руководителя республики и умелое использование идеологических приоритетов советского нациестроительства создали ситуацию, позволившую национальной интеллигенции, доказавшей свое право на это, предельно свободно формулировать и воплощать идеи преодоления культурных разрывов казахской истории и обрести историческую субъектность, распространив эту систему идей на широкую телевизионную аудиторию.

В данной статье этот процесс рассматривается на материалах нескольких уникальных документальных фильмов студии «Казахфильм»: «По закону сохранения дум» (1966 г., режиссер — А. Машанов)¹, «История знака коровы» (1968 г., режиссер — Ю. Мингазитдинов)² и «Память земли» (1970 г., режиссер — А. Батпаев)³.

Выбранные нами фильмы по своей логике, содержанию и истории помещаются в классическую гегелевскую триаду (Гегель, 1997; Кореневский, 2014): тезис — канва ленты «По закону сохранения дум», антитезис — «История знака коровы», синтез — «Память земли».

Тезис первого в этом ряду фильма заключается в обозначении казахстанской интеллигенцией ситуации культурных разрывов и начале поиска исторической субъектности. Антитезис второго — в преодолении локальных нарративов и развитии культурной оптики истории постномадов до универсального, всемирного значения. Третий фильм является синтезом двух предыдущих, объединяя проблематику преодоления культурных разрывов на локальном материале, вписав ее в логику всемирной истории.

Целью нашей статьи является исследование того, как процессы поиска исторической субъектности и преодоления культурных разрывов постномадной культуры казахов воплотились во второй половине XX в. в казахстанской кинодокументалистике. Из этого происходят задачи: провести обзор основных проблем седентаризма, определивших условия поиска казахстанской интеллигенцией исторической субъектности во второй половине XX в.; проанализировать фильм «По закону сохранения дум» как тезис; проанализировать фильм «История знака коровы» как антитезис; проанализировать фильм «Память земли» как синтез; проследить развитие и проявление вышеобозначенных идей в казахстанской кинодокументалистике последующих лет.

В последние годы эта тема все чаще становится объектом исследования для самых разных историко-антропологических оптик. Так, например, в статье «Кино как культурный фактор истории» М. Джанпеисова приходит к выводу, что в национальном кинематографе исследуемого периода «произошла замена понятия «тип культуры» — понятием «уровень культуры». Так была сформулирована одна из

¹ ЦГА КФДЗ РК (1966), арх. № 1845 «По закону сохранения дум», режиссер А. Машанов, оператор М. Дуганов, автор сценария А. Машанов, стихи О. Сулейменова, студия «Казахфильм».

² ЦГА КФДЗ РК (1968), арх. № 2044 «История знака коровы», режиссер Ю. Мингазитдинов, оператор В. Осенников, автор сценария О. Сулейменов, студия «Казахфильм».

³ ЦГА КФДЗ РК (1970), арх. № 4867 «Память земли», режиссер А. Батпаев, оператор Р. Сабиров, научный консультант А. Маргулан, студия «Казахфильм».

задач советской культурной политики — поднять уровень кочевых народов, «подтянуть» его к европейскому типу культуры с «братской помощью великого русского народа» (Джанпеисова, 2021).

Классифицируя перечисленные нами фильмы в качестве социально-ориентированных, насыщенных ясной идеологией конструирования советского, к методам, применяемым в данном исследовании, могут быть отнесены такие методы визуальной антропологии как дискурсивная интерпретация, герменевтический анализ, а также традиционный для историков сравнительно-исторический метод (Абикеева, 2020). Концептуальной оптикой описания избранного нами сюжета может быть выбрано «изобретение традиции» Э. Хобсбаума, а также «социальное воображение», описанное Б. Андерсоном, поскольку в исторической памяти казахского общества, во второй половине XX в. в условиях активного нациестроительства происходила рецепция культурного наследия средневековых городов из хронологической точки невозврата пост-кочевой культуры, синхронизируясь в процессе формирования общесоветской идентичности (Хобсбаум, 2000: 53–63).

Все три фильма, объединенные одной темой, связаны и авторской фигурой казахского поэта Олжаса Сулейменова (1936 г.р.) — интеллектуального и духовного лидера своего поколения, чье житие и творчество на десятилетия вперед (1960–1980-е гг.) определило рождение и смыслы произведений казахстанского искусства, включая обозначенные выше фильмы. Исследование этих трех кинематографических образцов исторической документалистики (введенных нами в научный оборот) открывает интеллектуальную историю развития казахстанской интеллигенцией визуальных методов осмысления культурного наследия, историю идей и диалектику исторических нарративов постномадного общества 1960-х гг. Творческое освоение авторами лент тех лет исторического материала произвело на свет нарративы, воплотившиеся в нескольких уникальных в жанровом отношении образцах казахстанского документального кино, за десятилетие пережившего сложную и интересную эволюцию. Исследуемое в настоящей статье кино — не об отвлеченных приключениях жанра, но о судьбе культуры и самосознании постномадов в XX в.

Проблемы седентаризма и обретения казахстанской интеллигенцией исторической субъектности

Как известно, историографическая традиция восприятия номадизма как «исторически запаздывающей» модели всемирного культурного процесса была унаследована от древних стигматизаций, порожденных противостоянием кочевых и оседло-земледельческого хозяйственно-культурных образцов жизни, (Тойнби, 1995; Кореневский, 2014; Лиджиева, 2023). Веками межкультурный диалог блокировался предубеждением, что каждый народ в истории ведом непреодолимой и неизменной судьбой (зачастую в такой картине мира судьба того или иного народа, особенно в колониальное время, совпадала с распределением функций: метрополия (центр) — колонии (периферии)) (Ерекешева, 2024).

Поэтому в дискуссиях по поводу смыслов номадизма научно-рациональные знания наталкивались на ожесточенное сопротивление культурных стигм, имевших давнюю традицию, несмотря на существовавшие в конце XIX — начала XX в. классические образцы работ выдающихся востоковедов и тюркологов, исследовавших в т. ч. и культурное наследие казахов (Потанин, 1893; Радлов, 1989). В советской публицистике и гуманитаристике наблюдались аналогичные дискуссии (Швецов, 1926; Челинцев, 1928; Асфендиаров, 1930).

А поскольку политика «диктатуры пролетариата» была нацелена на строительство социализма, что в числе прочего предполагало социально-экономическое и культурное выравнивание ранее «отсталых» советских народов, то скотоводческий образ жизни стал однозначно рассматриваться как серьезное препятствие в разворачивании этого процесса. Препятствие, которое предстояло решительно разрушить (Челинцев, 1928; Швецов, 1926; Синицын, 2019; и др.).

Однако, наряду со стратегическими целеполаганиями, существовали и, так сказать, тактические посылы — сугубо утилитарно-прагматические интересы сталинского режима, которые в тот момент удобно интегрировались в прогрессистские нарративы. В частности, задачи индустриализации, которая осуществлялась, как известно, на импортзамещающей основе — целые заводы, цеха, станки и оборудование, технологии и технические патенты и даже квалифицированные специалисты закупались за границей, для чего была остро необходима валюта, источником которой, наряду с лесом, являлся экспорт зерна. С каждым годом его требовалось все больше и больше. Экстенсивный ресурс для увеличения его объемов усматривался в расширении посевных площадей, в частности, в распах-

ке степных просторов Казахстана, служивших пастбищами для скотоводов. Именно в этой связи было принято решение форсировать волонтаристский перевод кочевников и полукочевников на оседлые формы хозяйства и быта, который идеологически позиционировался как мероприятие по выведению скотоводов «на рельсы социального прогресса», что нашло отражение и в советской гуманитаристике (Абылхожин, 2022). Иначе говоря, традиционная стигматизация номадизма прочно и надолго воцарилась на советском концептуально-методологическом пьедестале (Масанов, 2011; Хазанов, 2002; Синицын, 2021: 138).

Исследуя проблему этой идеологической телеологии, историки Н. Крадин и Д. Бондаренко пришли к выводу, что, согласно ей, гомеостазисный «базис» номадов и их социальная «эволюция» будто бы не переступили границ «позднепервобытной стадии» (Крадин, Бондаренко, 2002: 18).

В то же время подобная иерархическая модель к середине XX в. вступала в противоречие с актуализируемой в те годы концепцией автохтонизма, в соответствии с которой исследование древних и средневековых археологических объектов, находившихся на территории национальных республик СССР, утверждалось в качестве культурного наследия титульных народов (Толстов, 1934). В то же время, ставшее аксиоматичным за десятилетия повторений утверждение о «тупиковой» роли номадов в мировой истории для интеллектуалов нового поколения противоречило результатам научных и творческих исследований, в ходе которых происходило освоение обозначенного культурного наследия и включение его в нарративы обретения исторической субъектности (Акишев, Агеева, 1958). В этот процесс поиска исторической субъектности и преодоления культурных разрывов новые поколения творческой интеллигенции Казахстана вступили уже на правах производителей знаний.

Так, например, академиком А. Маргуланом разрабатывалась теория взаимозависимости номадов Центрального Казахстана и жителей оседло-земледельческих оазисов Юго-Восточного Казахстана (Маргулан, 1950). При этом идея наибольшей значимости средневековых городов в арсенале культурного наследия стала основополагающей. Дальнейшее комплексное исследование темы позволило ученым говорить о длительном опыте диалога различных хозяйственно-культурных типов на данной территории, принимавших различные формы в зависимости от комплекса исторических и природно-климатических факторов (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972; Байпаков, 2014). Творческой интеллигенции предстояло освоить и развить эти знания, превратив их в образы и символы исторической памяти. Но, кроме доминировавшего седентаризма, наиболее смелым представителям интеллигенции предстояло преодолеть временные границы «разрешенной» истории и иерархии, выстроенной в советской идеологической картине мироздания¹.

В этой связи богатая парадоксами история советской идеологической политики в разные десятилетия позволяет исследовать неожиданные и противоречивые последствия и результаты, далекие от изначального замысла их идейных авторов. В частности, свою роль здесь сыграли идеологические ограничения, существовавшие как в вопросе «внеисторичности» кочевой культуры, так и в проблеме нарративного начала субъектности. Ведь на закономерный вопрос новых поколений казахской интеллигенции: откуда нам отсчитывать и с чего начинать свою историю? — давался весьма определенный ответ: «Подлинная история казахского народа, как и других народов Советского Союза, началась только после Октябрьской революции»². С этого начинается и книга Д. А. Кунаева «Казахская ССР»: «До Советской власти жизнь нашего народа была подобна весне без цветов, дню без солнца, реке без воды. Человек рождался, жил, умирал, не ведая о большой жизни мира...»³.

Однако новое поколение казахстанской интеллигенции уже не могло согласиться с такой установкой.

Культурная травма «внеисторичности», вызванная многодесятилетней интелектуализацией седентаристских стигматизаций, отражалась в произведениях казахстанской интеллигенции в качестве движущей силы. Исторические произведения (стихи, проза, кино) становились для творческих элит единственным доступным каналом утверждения субъектности своей этнической культуры. С середины XX в. часть национальной интеллигенции постепенно включается в активный процесс преодоления иерархий и идеологических приоритетов, переизобретая и находя образы своей исто-

¹ Ауэзов М. М. Дневники: уйти, чтобы вернуться. Алматы: Жибек жолы, 2011.

² Шаяхметов Ж. 30 лет борьбы и побед казахского народа под знаменем Ленина-Сталина // Большевик Казахстана. 1947. Ноябрь. № 11. С. 31.

³ Кунаев Д. А. Каз ССР. Краткий историко-экономический очерк. М.: Госполитиздат, 1958. С. 3.

рической субъектности (Абылхожин, Крупко, 2024). Наиболее очевидно это проявилось в искусстве тех лет, а особенно — в исследуемых в нашей статье фильмах, посвященных историко-культурной тематике и создававших историософские формулы, актуальные по сей день (Абикеева, Сабитов, 2020; Краснопольская, 2018; Абылхожин, Крупко, 2022; и др.¹).

Необходимо отметить еще одну причину появления таких фильмов в 1960-е гг. в Казахской ССР. В этот период создатели названных образцов документального кино на историко-культурную и археологическую тематику в национальных республиках имели значительно большую свободу действий, в сравнении с историками — авторами научных монографий и статей. Фильмы, посвященные открытию культурного наследия, археологическим древностям и находкам в рамках концепции автохтонизма создавались и обретали массовую популярность, формально не затрагивая идеологически «спорные» вопросы современности и не являясь «антисоветскими».

Проходя по пути в прокат все разрешительные инстанции, документальное кино исторического жанра, исследуемое в нашей статье, оказалось, во-первых, менее подцензурным, а во-вторых, обрело широкого зрителя именно в телевизионном прокате. Некоторая свобода действий создателям именно этих фильмов была предоставлена и потому, что автором во всех трех случаях в разных ипостасях выступил Олжас Сулейменов — на тот момент главный редактор студии «Казахфильм», моральный и литературный авторитет нескольких поколений и, что еще более важно для нашей темы — обладавший доверием и личной поддержкой Д. А. Кунаева, первого секретаря ЦК Компартии Казахстана, близкого друга Л. И. Брежнева². Поэт, сохранивший в своем творчестве несмотря ни на что предельную свободу мысли и откровенность поступков.

Так, например, в статье «Кочевники и культура: казахский эксперимент» 1977 г.³, автор «Аз и Я»⁴, спустя всего год после погромной идеологической кампании против книги, почти полного изъятия ее тиража (160 тыс. экз.) и осуждения со стороны ЦК КПСС и ЦК Компартии Казахстана, О. Сулейменов только усилил свою «атаку» на седентаристские нарративы, рефлексирова так:

«Кто такой кочевник? Для ума, воспитанного историческими трудами, кочевники — это скитающиеся орды, которые не имели никакого понятия о границах или о собственности на землю. Они не были знакомы ни с моралью, ни с правом. И, естественно, не ведали таких высоких категорий, как вера, честь, совесть, любовь... Я выступаю как осуждаемый кочевник, который требует права последнего слова после приговора, вынесенного историками»⁵.

Особенность преобразующей историософии как основы жизнотворчества О. Сулейменова описали исследователи, начиная с самых первых рецензий. Так в ставшей классической рецензии на «Глиняную книгу»⁶ литературовед А. Марченко пишет о составляющей основу его поэтики «истории, а не той условной костюмированной под историю современности, которая, обещая наладить “связь времен”, не объясняет, как правило, ни прошлого, ни настоящего. Той серьезной истории, которая не сочиняется, а добывается и которую не заменить ни фейерверком исторических ассоциаций, ни социологическими схемами, увешанными антикварными безделушками»⁷.

Исследователь Т. Щербакowa пишет:

«Прошлое становится сегодняшним днем, потому что оно не успело отстояться в летописях, в хрониках, отложиться в памятниках материальной культуры. Города гибнут, не успев расцвести. И Сулейменову не остается ничего другого как создавать историю своего народа. В одно и то же время слово оказывается

¹ Абылхожин Ж. Б., Аманжолова Д. А., Далаева Т. Т., Крупко И. В. Визуальная антропология образов казахстанской культуры XX–XXI вв. Учебное пособие. Алматы: ИД «Жибек жолы», 2022.

² Крупко И. В. Документ нечастного значения (Архивный сборник к 50-летию книги «Аз и Я») / ред.-сост. И. В. Крупко. Алматы: Technology of Imaging, 2025.

³ Сулейменов О. О. Кочевники и культура: казахский эксперимент // Сулейменов О. О. Эссе, публицистика. Стихи, поэмы. Аз и Я. Алма-Ата: Жалын, 1990. С. 180.

⁴ Сулейменов О. О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алматы: Service Press, 2025. См. также: Крупко И. В. Документ нечастного значения (Архивный сборник к 50-летию книги «Аз и Я») / ред.-сост. И. В. Крупко. Алматы: Technology of Imaging, 2025.

⁵ Сулейменов О. О. Кочевники и культура: казахский эксперимент // Сулейменов О. О. Эссе, публицистика. Стихи, поэмы. Аз и Я. Алма-Ата: Жалын, 1990. С. 180.

⁶ Сулейменов О. О. Глиняная книга. Стихи. Алма-Ата: Жазушы, 1969.

⁷ Марченко А. М. Песнь песней или исторический детектив? // Литературно художественный альманах «Ар-тбухта». 2014. № 3. Международный спецвыпуск: Россия-Казахстан. С. 422.

в разных веках, в пределах разных культур и народов, сближая их собою. Разделение вырастает во взаимозависимость, ибо сближение и есть высшая задача поэзии Сулейменова» (Щербакова, 2025: 226–227).

Эта особенность творчества поэта исследована и на его лирическом, и филологическом материале, где в каждом слове зашифрован логос. Мы проследим это на материалах кинодокументалистики.

В мае 2025 г. свет увидела монография Б. Каирбекова «Я ищу сердце каждого слова» (Каирбеков, 2025), написанная им 45 лет назад и посвященная поэтической стратегии О. Сулейменова, в том числе воплотившейся и в исследуемых нами документальных фильмах.

Исследователь пишет:

«Знаковая поэтическая этимология О. Сулейменова — поэтическое воскрешение всех значений в одном корне, поиск образного корня в знаках (значениях и символах) слов. Поиск этот вообще свойство поэзии к образному восприятию слова, здесь — восприятию всех значений в одном и нескольких гнездах. Перевод или объяснение поэтом всей гармонии мира в слове» (там же: 82).

В своих предыдущих работах мы исследовали как эта поэтическая стратегия формировала историко-культурные нарративы творческой интеллигенции Казахстана второй половины XX в., преодолевшей культурные травмы седентаризма и стремившейся вписать историю казахов в культурную биографию человечества (Крупко, 2023; Абылхожин, Крупко, 2024). На этом пути Олжас Омарович прошел яркий путь от лирики и первых статей на историческую тематику до книг «Аз и Я», «Язык письма»¹, «Тюрки в доистории»² и др., вдохновив несколько поколений художников и поэтов на создание множества произведений искусства, некоторые из которых давно стали классикой. Одним из важных элементов этого интеллектуального наследия стали анализируемые нами документальные фильмы.

Попытки поиска исторической субъектности и преодоления культурных разрывов казахстанской интеллигенцией в трех исследуемых нами документальных фильмах оказались нетронуты цензурой и нашли широкого зрителя.

Особенность таких материалов в том, что они представляют важное звено интеллектуальной истории Казахстана XX в. Их создатели, вопреки сложившимся после 1991 г. нарративам, вовсе не были «безвольными винтиками» советской идеологической системы³, несмотря на то, что были интегрированы в нее на различных институциональных уровнях. Действуя в системе «благодаря — вопреки» факторов творческая интеллигенция являлась активным актором идеологических дискуссий и политики, выстраивая нарративы обретения исторической субъектности и обладая реальной возможностью влиять на происходящее. Эти вопросы требуют осмысления в т. ч. на материалах казахстанского кинематографа.

Таким образом, выбранные нами по нескольким важным признакам образцы казахстанского документального кино исследуются в статье в соответствии с их хронологической и внутренней логикой (тезис — антитезис — синтез).

«По закону сохранения дум» (тезис)

Фильм «По закону сохранения дум» 1966 г. (режиссер А. Машанов, оператор М. Дуганов, автор сценария А. Машанов, стихи О. Сулейменова, студия «Казахфильм») является самым ранним и выполняет функцию тезиса в ряду выбранных нами. Здесь воплотилась в жанре документального исторического кино первая, тезисная попытка Олжаса Сулейменова и творческой группы его соратников (А. Машанов, М. Дуганов, П. Зальцман и др.) исследовать и показать визуальную историю становления, поиска культурного наследия и исторической субъектности казахов на разломе эпох в средние века и новейшей истории.

Описать его сюжет довольно затруднительно, поскольку короткий (12 минут) без дикторского текста, фильм представляет собой медитативный видеоряд сменяющих друг друга археологических пейзажей, исследуемых археологами в 1950–1960-е гг. под музыку выдающегося казахского ком-

¹ Сулейменов О. О. Язык письма. Взгляд в доисторию — о происхождении письменности и языка малого человечества. Рим: San Paolo, 1998.

² Сулейменов О. О. Тюрки в доистории: о происхождении древнетюркских языков и письменностей. Алматы: Атамұра, 2002.

³ Сексенбаева Г. Советское государство и детство в 20–30-е гг. в Казахстане // Вестник КазНУ. Серия историческая. 2018. № 90 (3). С. 132–139.

позитора Нургисы Тлендиева и стихи Олжаса Сулейменова в авторском исполнении. Здесь отсутствует линейный сюжет, ибо широкому зрителю впервые представляются картины исторического прошлого и культурного наследия Казахстана, что само по себе впечатляет, учитывая описанную выше многодесятилетнюю интериоризацию культурных стигм.

В фильме чередуются черно-белые кадры средневековых городищ на территории Казахстана, воссоздавая «времен связующую нить» прерывавшуюся в веках. Важной характеристикой фильма является то, что дикторского текста в нем нет вообще. Академический нарратив, дискредитировавший себя вместе с колебаниями идеологических линий не только в XX в., отсутствует в фильме, поскольку, как скажет автор позднее в своих публицистических работах:

«Хочу знать, с каким багажом мы пришли в XX век.

«С котомкой нищего!» — мне ответили историки»¹.

Медитативная смена кадров, то приближает, то отдаляет зрителя от наследия разрушенных городов, погружая его в размышления: По какую сторону стен разрушенного города были мои предки? Кем бы я был тогда? И кто мы сегодня?

Под звуки домбры Нургисы Тлендиева в фильме закадровый голос поэта читает стихи о прозрениях на развалинах городов и молчании городских пейзажей новейшей истории:

«Сейчас мы отвечаем за слова, на нас глядят — любой на авансцене. Когда из нас исходят Авиценны — у Азии кружится голова. Она глядит неласково, до слез, когда мы возникаем как прозренья. Свой судьбой, своими подозрениями мы молча отвечаем на вопрос»².

Это попытка разобраться в драматическом прошлом, ограниченном седентаристскими нарративами, но волнующим своей близостью. Визуальные приемы фильма демонстрируют, как автор «вглядывается» в эту тему, пытается высмотреть, «проникнуть» в прошлое и увидеть сквозь развалины древних памятников, разрушенных средневековых городов (мест утраченной жизни) и устоявших мазаров (мест памяти) картины истории, которую он смог бы назвать «своей». Камера неспешно и отстраненно, как будто в первый раз приближает зрителя к культурному наследию, осмыслить и унаследовать которое еще предстоит в идеологических дискуссиях, откровенных саморефлексиях, томах археологов, сенсациях журналистов и великих поэмах «сквозь провалы ошибок, отчаяний, самопрезрений...»³ Название фильма взято из более раннего стихотворения О. Сулейменова «Сухое вино», посвященного археологическим раскопкам в районе Шардаринского водохранилища: «Не задумано мое хотенье, по закону сохранения дум я в тенистый Мырза-щёль не тенью — желтизной осознанной приду...»⁴.

В фильме звучат отрывки и другого стихотворения, наиболее ясно выразившего драму поиска исторической субъектности — «Чем порадовать сердце?» (1962)⁵, посвященного культурным разрывам древности:

«Я — сын города, мне воевать со степью. Старики, я хочу знать, как погибли мои города?»⁶

Этот укор крайне важен, поскольку одним из аргументов отказа кочевникам в праве на субъектность в истории цивилизации было утверждение об отсутствии у них собственной непрерывной письменной историографической традиции.

Вместо иллюстрированной энциклопедической справки в фильме-поэме слово-образ выступает в полноправной и родственной взаимосвязи с образом зрительным. Здесь авторы видят и пытаются вернуть к жизни творческую волю и энергию народов Центральной Азии. Каждый кадр «По закону сохранения дум» зарифмован с предыдущим, каждый воспроизведенный памятник — звено в единой

¹ Сулейменов О. О. Кочевники и культура: казахский эксперимент. Эссе, публицистика. Стихи, поэмы. Алма-Ата: Жалын, 1990.

² ЦГА КФДЗ РК (1966), арх. № 1845 «По закону сохранения дум», режиссер А. Машанов, оператор М. Дуганов, автор сценария А. Машанов, стихи О. Сулейменова, студия «Казахфильм».

³ Сулейменов О. О. Кочевники и культура: казахский эксперимент. Эссе, публицистика. Стихи, поэмы. Алма-Ата: Жалын, 1990.

⁴ Сулейменов О. О. Повторяя в полдень Стихи разных лет. Алма-Ата: Жазушы, 1973. С. 102.

⁵ Там же. С. 42.

⁶ Сулейменов О. О. «Ты — мой герой» // Сулейменов О. О. Собрание сочинений: в 7 т. Алма-Ата: Атамұра, 2006. Т. 6. Публицистика. С. 64.

цепи образного повествования: разрушенные города, двери, мазары, сабли, гробницы. Еще один не-сущий визуальный нарратив фильма — работы живописца и графика Павла Зальцмана, создавшего сюиту акварелей и визуализаций портретов предков казахского народа, картин битв, страданий, плена, борьбы и отчаяния. Это визуальная история «вспышек в ночной степи», где «города возникали, как вызов плоской природе, и гибли в одиночку», «когда из нас исходят Авиценны, у Азии кружится голова...»¹.

Перед зрителем встают картины жизни в степи, которая после каждого конца и культурного разрыва с трагическим упорством возвращала поколения выживших, столетиями накапливая энергию для рождения новых Авиценн.

Таким образом, тезис фильма — обретение этнокультурного наследия и попытка разобраться в культурных разрывах средних веков.

И если в официальной науке невозможно было прямо обсуждать вопросы обретения исторической субъектности, то ищущая, творческая интеллигенция находила другие поля для самовыражения. В частности, национальной интеллигенцией осуществлялось переосмысление роли таких важных и материально воплощающих «контуры нации» мест памяти, как активно исследуемые в 1960-е гг. средневековые городища, сакральные памятники, археологические объекты и окружающий их символический ресурс уже в качестве общенационального культурного наследия (это наиболее ярко прослеживается в фильмах «По закону сохранения дум» и «Память земли»). Этот процесс был отчасти исследован историком С. Штырковым, описавшим процесс перекодирования значения и идеологической функциональности религиозных памятников и обрядов в рамках хрущевской антирелигиозной кампании (от религиозного — к этнокультурному значению) (Штырков, 2011, 2015). Именно эта легализованная государством переработка (*recycling*) культурного наследия, находившегося под стигмой религиозных «пережитков», которые в 1920–1930-е гг. следовало преодолеть, а с конца 1950-х гг. предстояло вновь освоить уже в новом качестве «народных традиций», позволила аккумулировать потенциал этнического традиционализма, ставшего через 30 лет основной идеологической базой для ре-традиционализации пост-советского пространства. В предыдущих публикациях мы также исследовали на материале публикаций казахстанских археологов, как хрущевская антирелигиозная кампания способствовала рождению некоторых образов (например, Отрарская библиотека) исторической памяти (Крупко, 2022; Абылхожин, Крупко 2024). В национальных республиках этот процесс происходил, накладываясь на местные реалии (Бустанов, 2017).

Поэтому тезисный смысл фильмов подобных «По закону сохранения дум» — в обозрении культурных разрывов древности и средневековья, неизбежно проецируемых на современность. Развалины средневековых городов и полузабытые могилы предков визуализируют века прерванной истории культуры, напоминая о трагическом разломе первой половины XX в., и поэтически мощно призывая преодолеть этот разрыв. В этом фильме этнокультурные, локальные проблемы доминируют над всемирным контекстом.

«История знака коровы»: от культурного разрыва к радикальному прорыву (антитезис)

Следующий фильм «История знака коровы» стал антитезисом, придав локальной истории контекст мировой культуры. 1968 г., когда создавался фильм был одним из самых драматически насыщенных и, в некотором отношении, исторически рубежных годов второй половины XX в. в мире. В этом году происходят события, во многом определившие последующую историю культуры человечества на десятилетия вперед: студенческий Красный май во Франции, убийство Мартина Лютера Кинга в США, Пражские события и ввод танков в Чехословакию, апофеоз свободной революции хиппи и рок-культуры, стремительная деколонизация Африки и конец оттепели в СССР.

Все эти события в той или иной мере определяли экзистенциальный и культурный климат эпохи, отражаясь и в творчестве поэтов-шестидесятников.

¹ ЦГА КФДЗ РК (1966), арх. № 1845 «По закону сохранения дум», режиссер А. Машанов, оператор М. Дуганов, автор сценария А. Машанов, стихи О. Сулейменова, студия «Казахфильм».

1968 г. был очень насыщен и для Олжаса Сулейменова. В этом году он создает парадоксальную «Глиняную книгу» (опубликована в 1969 г.¹), которую написал вместо заказанного идеологическим руководством республики поэтического произведения к 100-летию Ленина. Несколько поэтических и визуальных цитат из поэмы можно увидеть в данном фильме.

В том же 1968 г. у гробницы Ганди он пишет одно из своих самых сильных и откровенных стихотворений «Минута молчания на краю света»². Произведение посвящено великому гандисту, лидеру движения за права чернокожего населения США Мартину Лютеру Кингу на следующий день после его убийства.

И, наконец, в том же году он вместе с художником Юрием Мингазитдиновым создает ни на что не похожий фильм «История знака коровы», в котором впервые визуализирует начальные положения его новой научной теории о происхождении слов и явлений культуры — археологии знака и слова, воплотившейся впоследствии в проект этимологии знаний.

Фильм представляет собой, возможно, единственный образец казахстанского кино, выламывающего жанровые рамки кинематографического искусства, нетривиально отвечающего на вопросы обретаемой исторической памяти и субъектности. Формально он принадлежит жанру художественной документалистики, однако не поддается ни одному определению, содержа элементы игрового и культурно-просветительского содержания.

Здесь авторы излагают начальные положения теории культурогенеза Олжаса Сулейменова о звукоподражательном и знакоподражательном этапе происхождения культуры Человека Разумного. Автор прослеживает, как древнейший «знак коровы» влиял на развитие знаковых систем *Homo Sapiens* и проявлялся в различных культурах. Как справедливо заметил антрополог Н. Маничкин, «Историю знака коровы можно назвать первым деколониальным кино Центральной Азии» (Маничкин, 2023: 335).

Фильм является антитезисом в избранной и исследуемой нами триаде. «По закону сохранения дум» пытается действовать в рамках, существующих в 1960-е гг., исторических вопросов, нарративов и бинарных оппозиций «кочевого — оседлого», достаточно традиционных визуальных приемов, «прорабатывая» культурную травму «внеисторичности» пост-кочевой культуры, в то время как «История знака коровы» совершает радикальный прорыв — от культурного разрыва в сторону открытия начал истории человечества. От дурной бесконечности исторической травмы — к началу культур *Homo Sapiens*, обязанных своему развитию взаимодействию с животным миром (быку). От локального к планетарному. Вместо того, чтобы вновь разбираться в «наследовании вины» и проблемах этнокультурного наследия, автор резко укрупняет масштаб на карте времени, чтоб зафиксировать или исследовать настоящее культурное наследие человечества.

В фильме рождается голос казахского поэта как редактора мировой историографии. Тезису первого фильма, не выходящего за пределы этнокультурного наследия, автор противопоставил планетарный антитезис всемирного значения. Здесь впервые раскрывается сюжет, ставший, согласно последующей теории культурогенеза Олжаса Сулейменова, базовым, формо- и смысло-образующим, породив великое множество образов в культурах Человека Разумного). Сакральные знаки и символы, предстающие в кино: полумесяц на экваторе, совмещенный в представлениях древних с рогами быка и озвученный его речью — знак, породивший лунные религии и миграции человечества, толкование и развитие этих главных символов развивали человеческий язык и культуру³.

Таким образом, «История знака коровы» является кинематографическим антитезисом предыдущего документального кино «По закону сохранения дум» в ряду исследуемой нами триаде, преодолевающая локальные этнические дихотомии и предлагая зрителям и исследователям непривычный простор мысли, пробужденной подлинным искусством и поэтическими прозрениями о начале культур. Осмысление культурного наследия здесь поднимается на уровень всемирного звучания, редактируя мировую историю и открывая ее истоки.

Это один из немногих случаев в казахстанской историографии, экранизированный в документальном кино, когда автора волнуют не этноцентристские проблемы, а происхождение и сближение культур.

¹ Сулейменов О. О. Глиняная книга. Стихи. Алма-Ата: Жазушы, 1969.

² Сулейменов О. О. Повторяя в полдень Стихи разных лет. Алма-Ата: Жазушы, 1973. С. 68.

³ Сулейменов О. О. Так было... Алматы: Service press, 2023. С. 328.

«Память земли» (синтез научного и поэтического)

В гегелевской триаде исследованных нами документальных фильмов «Память земли» осуществляет синтез. Кино сочетает традиционный материал «По закону сохранения дум» и нарративы, обогащенные свободной историософией «Истории знака коровы», драматический поиск наследия субъектности первого фильма и энергию удивительных открытий второго. «Память земли» раскрывает историю народов, проживавших на территории Казахстана, но проводит неожиданные для академического нарратива, пересекающиеся исторические параллели тюркской и шумерской культур — темы, впоследствии ставшей основой для второй части книги Олжаса Сулейменова «Аз и Я» и историко-лингвистического поиска автора длиной в жизнь. В фильме раскрывается полифония научного и художественного, а визуальный ряд «держится» на стихотворениях, как и в первом фильме читаемых автором. Любопытно, что поэт — единственный активно участвующий субъект в этом кино, в то время как несколько ученых, представленных в нем, проявлены лишь в виде фотографий и закадрового голоса. Научным консультантом этого документального кино выступил академик АН КазССР А. Х. Маргулан.

Рефреном фильма звучит тема исторических разрывов и разломов, а также их преодоления через обретение субъектности и культурного наследия. После «Истории знака коровы» представить исторический масштаб сближения мировых культур через сюжеты и образы казахской истории зрителю поэтически легко и убедительно. Кроме того, постоянное скольжение взгляда телекамеры по развалинам средневековых городов и мазарам возвращает зрителя к теме утраченных культур и знаний прошлого, что с неизбежностью проецируется на культурные разрывы XX в. Фильм завершают кадры пристального взгляда каменных изваяний в глаза зрителю, виды разрушенных городов, неразгаданные письменные знаки на серебряной чаше из Исыкского кургана и стихи из поэм «Глиняная книга» и «От января до апреля».

Фильм «Память земли» 1970 г. завершает исследованную в рамках нашей статьи трилогию и подводит определенный итог десятилетию 1960-х гг., определившему основные сюжеты, образы и темы развития казахстанской культуры и исторической памяти следующей половины столетия. Именно в это десятилетие в казахстанской гуманитаристике, включая археологию и литературу, были совершены важнейшие открытия, позволившие национальной интеллигенции начать масштабное освоение культурного наследия и обретение исторической субъектности. Достаточно вспомнить открытие «Золотого человека» (Акишев, 1978), чей образ и символ позволил «продлить» хронологию казахстанской историографии еще на тысячелетие (Акишев, 1984) или масштабные раскопки Отрара — центрального археологического объекта для хронотопа «золотого века» средневековой городской культуры (Акишев, Ерзакович, Байпаков, 1972; Байпаков, 2014). О произведениях казахстанской литературы 1960–1970-х гг., содержащих колоссальный и до сих пор неисчерпанный эвристический потенциал интеллектуальной свободы, открыто или эзоповым языком переданной советскому читателю, уже было сказано выше.

Этим фильмом закончился важный этап «осевой» для казахстанской культуры эпохи 1960-х гг., сформировавшей хронотоп исторической памяти казахстанского общества и ее смыслообразующее содержание — драматические и сложные образы средневековой городской культуры, диалектика обретения и формирования исторической памяти о границах своей истории и попытки преодоления этих границ в диалоге и противостоянии с идеологическими границами советского государства. 1960-е названы нами «осевой эпохой» для казахстанской культуры, поскольку именно в это десятилетие зрел многосложный континуум образов и смыслов, парадигм и нарративов, травм и открытий, ставший основой новой субъектности Казахстана.

Развитие казахстанской кинодокументалистики в последующие годы

Во второй половине XX в. представители творческой интеллигенции, преодолевая историко-культурные стигмы, пытались привлечь внимание ученых к подлинной истории и проблеме культурного наследия кочевников, хронологические границы которого не всегда совпадали с территориальными границами, обозначенными в XX в.

Сложную диалектику этих поисков отразили рефлексии творческой интеллигенции тех лет¹.

¹ Ауэзов М. М. Дневники: уйти, чтобы вернуться. Алматы : Жибек жолы, 2011.

Так в своих дневниках 1970-х гг. М. Ауэзов, долгое время работавший редактором на Киностудии «Казахфильм» кратко и точно сформулировал афоризм, раскрывающий суть творческого метода обретения субъектности, возможного для представителей национальной интеллигенции советского периода в нарративах искусства, но не науки: «Кровоточат раны — не в храме академизма им исцеление»¹.

Эта формула говорит и о его личном опыте. В 1976 г. составленный им научный сборник «Эстетика кочевья», изданный Институтом философии СССР тиражом 3 тыс. экземпляров, представлявший одну из первых попыток ответить на волновавшие национальную интеллигенцию экзистенциальные вопросы обретения исторической субъектности, был изъят и уничтожен служителями госбезопасности². Несмотря на это, через некоторое время Мурат Мухтарович продолжил активную работу по осмыслению наследия кочевой культуры казахов, заняв одну из руководящих должностей в Обществе охраны памятников (1980–1982). Продолжив работать на киностудии «Казахфильм» (1982–1988), он вернулся к активной общественно-политической деятельности в должности вице-президента Международного антиядерного Движения «Невада-Семипалатинск» (1989–1991).

Исследуя все эти факторы, можно увидеть, что, осваивая жанр документального кино как форму поиска и утверждения исторической субъектности, казахская интеллигенция двигалась все более уверенно. Об этом свидетельствует еще один документальный фильм «Писатели двух континентов» А. Машанова о V Конференции писателей стран Азии и Африки (1973 г.), проведенной в Алма-Ате с поистине всемирным размахом³. В свое время это событие позволило республике не только впервые стать международной площадкой для обсуждения идей деколонизации и обретения исторической субъектности в диалоге с миром, но и продемонстрировало активное участие Казахстана в культурных процессах планеты. Конференция имела определяющее значение для репрезентации обретаемой казахстанской интеллигенцией активности: действуя локально на глобальном уровне и используя советский идеологический язык как форму для необходимого содержания.

Так, например, Д. А. Кунаевым было зачитано приветствие Л. И. Брежнева к участникам конференции, некоторые тезисы которого актуальны и сегодня:

«Плодотворная деятельность Ассоциации писателей стран Азии и Африки, существующей свыше 15 лет, способствует росту взаимопонимания между народами, борьбе за идеалы мира, свободы, национальной независимости и социального прогресса. Советские люди неизменно солидарны со свободолюбивой борьбой народов Азии и Африки против империализма, колониального и расистского гнета. Мы неизменно поддерживаем борьбу народов Африки за ликвидацию колониальных и расистских режимов. От всей души желаю участникам V конференции писателей стран Азии и Африки успешной работы и больших творческих свершений во имя мира, демократии, национальной независимости и социального прогресса»⁴.

Обсуждение колониальных и постколониальных проблем угнетенных капиталистическими державами сообществ не только должно было навести интеллектуалов советской Центральной Азии на мысли о состоянии собственных народов, но и, весьма вероятно, было способом иносказательно поговорить о собственных проблемах субъектности. Во всяком случае, на конференции активно работали литераторы, ставшие со временем классиками и выразителями этнокультурной и исторической субъектности, каковая является осью национального строительства, что отразилось и в документальной хронике о прошедшей конференции и в исследованных нами документальных фильмах.

Заключение

Предпринятый нами анализ трех документальных фильмов студии «Казахфильм», созданных с 1966 по 1970 гг., открывает для современной казахстанской историографии большую исследовательскую тему поиска казахской интеллигенцией исторической субъектности и культурного наследия на локальном и глобальном уровнях диалога и сближения с мировой культурой. Диалектику этого поиска отражает даже взаимозависимое становление фильмов «По закону сохранения дум», «История знака

¹ Там же. С. 71.

² Там же. с. 65

³ ЦГА КФДЗ РК (1973), арх. № 3449 «Писатели двух континентов», режиссер А. Машанов, операторы Б. Арстанбеков, Б. Даулбаев, А. Ишанов, автор сценария А. Машанов, студия «Казахфильм».

⁴ Там же.

коровы» и «Память земли» исторически выстроившихся в гегелевскую триаду тезиса — антитезиса — синтеза.

Исследование идеологических дискуссий на материалах документального кино позволяет понять, как идеологи, транслировавшие седентаристскую иерархию культур, проводили в республиках «научение этничности», но в итоге сформировали у советских пост-кочевых народов травмированную субъектность. И все же, часть творческой интеллигенции посвятила жизнь преодолению травматических образов «тупиковой исторической роли» номадизма, навязанных седентаристской историографией.

Однако в результате, следуя тому же стремлению преодолеть культурную травму «внеисторичности», но не преодолевая саму логику иерархии «кочевого как регрессивного — оседлого как прогрессивного», большинство представителей гуманитарного сообщества Казахстана не выстроило внутренних границ своей исторической субъектности, оказавшись в ловушке между представлениями о примордиальной неспособности к историческому созиданию и рецепцией культурного наследия городов Центральной Азии, располагавшихся на территории Казахской ССР. Границы между подлинным и конструируемым культурным наследием пост-номадизма перемешались в XX в. и выравнивались колоссальными усилиями творческой интеллигенции Казахстана, чей вклад в интеллектуальное наследие человечество был по большей части забыт после 1991 г.

Ситуация перманентных культурных разрывов, включая тот, который казахстанское общество переживает в настоящее время, породила исторические нарративы, сначала обесценивающие, а затем просто «забывшие» историю обретения казахской интеллигенцией советского периода исторической субъектности. В такой упрощенной картине мира, состоящей из «непреодолимых» дихотомий «национального или советского», судьба казахстанской культуры второй половины XX в. видится незавидным продуктом существования *Homo soveticus*, которому нечего было терять, кроме тисков командно-административной системы. Такой взгляд неспособен увидеть в творчестве казахстанской интеллигенции колоссальный культурогенный потенциал, гениальные прозрения и исследовать ее интеллектуальную историю, опережавшую многие мировые аналоги деколонизированных обществ двадцатого века.

Поиск и обретение обновленной исторической субъектности казахстанского общества новыми поколениями творческой интеллигенции (среди которых главным творцом был и остается О. Сулейменов) проводился в равной мере, как в соответствии с идеологическими приоритетами советского государства, так и в виде открытых интеллектуальных протестов против них. Одной из ключевых стратегий стал поиск субъектности через внутренний диалог с мировой культурой (поиск в истории фактов влияния номадов на цивилизации древности).

Таким образом, исследованные нами три документальных фильма больше говорят не о своем содержании, а о времени, в котором они создавались. Их анализ позволил проследить драматически насыщенную историю поиска и обретения казахстанской интеллигенцией исторической субъектности, поэтически выраженную в диалектике тезиса, антитезиса и синтеза, привнесенных в интеллектуальную историю документального кино Казахстана Олжасом Сулейменовым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абашин, С. Н. (2015) Советский кишлак: между колониализмом и модернизацией. М. : Новое литературное обозрение. 848 с.

Абикеева, Г., Сабитов, А. (2020) Кино советского Казахстана: как работали советские идеологи // Acta Slavica Iaponica. Т. 41. С. 47–72.

Абылхожин, Ж. Б. (2022) Очерки по истории традиционной структуры казахов в первые советские десятилетия: культурные и социально-экономические аспекты. Алматы : LEM. 300 с.

Абылхожин, Ж. Б., Крупко, И. В. (2022) Исторические сюжеты и образы обретения национальной и общесоветской субъектности казахов в кинематографе 50–60-гг. XX в. // Вестник Казахского Национального. Серия «Исторические и социально-политические науки». № 2 (73). С. 217–223. DOI: <https://doi.org/10.51889/2022-2.1728-5461.21>

Абылхожин, Ж. Б., Крупко, И. В. (2024) Идеологические дискуссии и поиск исторической субъектности казахстанского общества в XX веке // Новые исследования Тувы. №. 3. С. 265–278. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.15>

- Акишев, К. А. (1978) Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М. : Искусство. 132 с.
- Акишев, А. К. (1984) Искусство и мифология саков. Алма-Ата : Наука. 176 с.
- Акишев, К. А., Агеева, Е. И. (1958) Древние памятники Казахстана. Алматы : Казахское государственное издательство. 60 с.
- Акишев, К. А., Ерзакович, Л. Б., Байпаков, К. М. (1972) Древний Отрар (Топография, стратиграфия, Перспективы). Алматы : Наука. 214 с.
- Асфендияров, С. (1930) Ислам и кочевое хозяйство // Атеист. № 58. С. 3–18.
- Ауэзов, М. М. (1993) Кочевники. Эстетика: Познание мира традиционным казахским искусством. Алматы : Гылым. 264 с.
- Байпаков, К. М. (2014) Из истории изучения археологического и культурного наследия Отрара, Отрарского оазиса и Казахстана // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 40-летию работ Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции / отв. ред. О. В. Кузнецова. Алматы : б. и. 306 с. С. 8–14.
- Бустанов, А. (2017) Между нацией и артефактом: восточная археология в советском Казахстане // Мусульмане в новой имперской истории: сборник статей / отв. ред. и сост. В. О. Бобровников и др. М. : ООО «Садра». 424 с. С. 76–98.
- Гегель, Г. В. (1997) Наука логики. СПб. : Наука. 800 с.
- Джанпеисова, М. (2021) Кино как культурный фактор истории. Шакен Айманов, «Земля отцов» («Атамекен») // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки». Т. 2. №. 69. DOI: <https://doi.org/10.51889/2021-2.1728-5461.06>
- Ерекешева, Л. Г. (2024) Интеллектуальный дискурс нациестроительства: национализм и осмысление истории в Индии // Новые исследования Тувы. №. 4. С. 310–324. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.20>
- Каирбеков, Б. Г. (2025) «Я ищу сердце каждого слова». Поэтика Олжаса Сулейменова. М. : Алмавест. 104 с.
- Кореневский, А. В. (2014) Эволюция «цивилизационной парадигмы» в трудах Шпенглера, Тойнби, Хантингтона: тезис, антитезис, синтез // Научная мысль Кавказа. № 3 (79). С. 35–44.
- Крадин, Н. И., Бондаренко, Д. М. (2002) Кочевая альтернатива социальной эволюции. М. : Институт Африки РАН. 201 с.
- Краснопольская, Я. В. (2018) Основные архетипические образы в казахском кино советского периода // Актуальные научные исследования в современном мире. №. 5–7. С. 87–93.
- Крупко, И. В. (2022) Отырар кітапханасының бейне және нарратив семиозисі: жоғалған ағартушылықты іздестіру барысында [Семиозис образа и нарратива Отрарской библиотеки: в поисках утраченного просвещения] // Электронный научный журнал «edu. e-history. kz». Т. 9. №. 3. С. 112–125. DOI: <https://doi.org/10.51943/2710-3994>
- Крупко, И. В. (2023) Переизобретение исторической субъектности казахов в творчестве Олжаса Сулейменова 1960-х гг. // Уральский исторический вестник. № 1 (78). С. 123–132. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1\(78\)-123-132](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1(78)-123-132)
- Лиджиева, И. В. (2023) «Приохочивать к оседлости»: имперская политика на инородческих территориях // Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 2 (75). С. 11–20.
- Маничкин, Н. А. (2023) Взаимозависимое становление: поэтическая реинтерпретация символов и образов исторической памяти в Казахстане // Электронный научный журнал «edu. e-history. kz». Т. 10. №. 2. С. 334–346. DOI: https://doi.org/10.51943/2710-3994_2023_34_2_334-346
- Маничкин, Н. А. (2024) Народный орнамент в советской кинодокументалистике Казахстана и Кыргызстана: этапы фиксирования и осмысления исторической памяти // Новые исследования Тувы. № 2. С. 285–299. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.17>
- Маргулан, А. Х. (1950) Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата : Издательство АН КазССР. 122 с.
- Мартин, Т. (2002) Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? // Ab Imperio. № 2. С. 55–87.
- Масанов, Н. Э. (2011) Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Изд. 2-е, доп. Алма-Ата : Print-S. 740 с.

Потанин, Г. Н. (1899) Восточные мотивы в западноевропейском средневековом эпосе. М. : Издание географического отделения императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 893 с.

Радлов, В. В. (1989) Из Сибири. Страницы дневника. М. : Наука. 752 с.

Сафронова, Д. А. (2019) Историческая память: введение. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 260 с.

Синицын, Ф. Л. (2019) Советское государство и кочевники. История, политика, население. 1917–1991. М. : Центрполиграф. 318 с.

Синицын, Ф. Л. (2021) Россия и кочевники. От древности до революции. М. : Издательство ВЕЧЕ. 288 с.

Тойнби, А. Дж. (1995) Цивилизация перед судом истории. М. : Прогресс — Культура; СПб. : Ювента. 478 с.

Толстов, С. П. (1934) Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества ; Пленум Гос. акад. истории материальной культуры. 20–22 июня 1933 г. / С. Н. Быковский, Е. К. Некрасова, А. С. Поляков, А. Г. Пригожин, В. И. Равдоникас, С. П. Толстов, А. Д. Удадьцов, М. М. Бвибак; отв. ред. А. С. Пригожин. М. : ОГИЗ Социально-экономическое издательство. Вып. 103. 395 с. С. 125–138.

Хазанов, А. М. (2002) Кочевники и внешний мир. 3-е изд. Алматы : Дайк-Пресс. 604 с.

Хобсбаум, Э. (2000) Изобретение традиций // Вестник Евразии. № 1. С. 47–62.

Челинцев, А. Н. (1928) Перспективы развития сельского хозяйства Казахстана // Народное хозяйство Казахстана. № 4–5. С. 1–39.

Швецов, С. П. (1926) Природа и быт Казахстана: Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях. Л. : Наркомзем Казак. АССР. 186 с.

Штырков, С. (2011) Советские корни этнического традиционализма: случай Северной Осетии // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. № 4. С. 66–79.

Штырков, С. (2015) Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте. СПб. : Издательство Европейского университета. 280 с.

Щербакова, Т. (2025) Огня силуэт // Бильгамеш. Вып. № 12. С. 226–228.

Дата поступления: 24.05.2025 г.

Дата принятия: 19.06.2025 г.

REFERENCES

Abashin, S. N. (2015) *The Soviet Kishlak: Between Colonialism and Modernization*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 848 p. (In Russ.)

Abikeeva, G. and Sabitov, A. (2020) Cinema of Soviet Kazakhstan: How Soviet Ideologemes Worked. *Acta Slavica Iaponica*, vol. 41, pp. 47–72. (In Russ.)

Abylkhozhin, Zh. B. (2022) *Essays on the History of the Traditional Structure of the Kazakhs in the First Soviet Decades: Cultural and Socio-Economic Aspects*. Almaty, LEM. 300 p. (In Russ.)

Abylkhozhin, Zh. B. and Krupko, I. V. (2022) Historical Plots and Images of the Gaining of National and All-Union Kazakh Subjectivity in 1950s–1960s Cinema. *Vestnik Kazakhskogo Natsional'nogo universiteta. Seriya "Istoricheskie i sotsial'no-politicheskie nauki"*, no. 2 (73), pp. 217–223. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.51889/2022-2.1728-5461.21>

Abylkhozhin, Zh. B. and Krupko, I. V. (2024) Ideological Debates and the Search for the Historical Subjectivity of Kazakhstani Society in the Twentieth Century. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 265–278. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.15>

Akishev, K. A. (1978) *The Issyk Kurgan: The Art of the Saka of Kazakhstan*. Moscow, Iskusstvo. 132 p. (In Russ.)

Akishev, A. K. (1984) *Art and Mythology of the Saka*. Alma-Ata, Nauka. 176 p. (In Russ.)

Akishev, K. A. and Ageeva, E. I. (1958) *Ancient Monuments of Kazakhstan*. Alma-Ata, Kazakh State Publishing House. 60 p. (In Russ.)

Akishev, K. A., Erzakovich, L. B. and Baipakov, K. M. (1972) *Ancient Otrar (Topography, Stratigraphy, Prospects)*. Alma-Ata, Nauka. 214 p. (In Russ.)

Asfendiarov, S. (1930) Islam and Nomadic Economy. *Ateist*, no. 58, pp. 3–18. (In Russ.)

Auezov, M. M. (1993) *Nomads. Aesthetics: Understanding the World Through Traditional Kazakh Art*. Almaty, Gylm, 264 p. (In Russ.)

Baipakov, K. M. (2014) On the History of the Study of the Archaeological and Cultural Heritage of Otrar, the Otrar Oasis, and Kazakhstan. In: *Materials of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 40th Anniversary of the South Kazakhstan Integrated Archaeological Expedition*, ed. O. V. Kuznetsova. Almaty, s. n. 306 p. Pp. 8–14. (In Russ.)

Bustanov, A. (2017) Between Nation and Artifact: Oriental Archaeology in Soviet Kazakhstan. In: *Muslims in the New Imperial History: Collected Articles*, ed. and comp. by V. O. Bobrovnikov et al. Moscow, OOO “Sadra”. 424 p. Pp. 76–98. (In Russ.)

Hegel, G. V. (1997) *Science of Logic*. St. Petersburg, Nauka. 800 p. (In Russ.)

Dzhangazina, M. (2021) Cinema as a Cultural Factor in History. Shaken Aimanov, ‘Homeland of Fathers’ (‘Atameken’). *Vestnik KazNPU imeni Abaya. Seriya “Istoricheskie i sotsial’no-politicheskie nauki”*, vol. 2, no. 69. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.51889/2021-2.1728-5461.06>

Erekeshcheva, L. G. (2024) Intellectual Discourse on Nation-Building: Nationalism and Historical Understanding in India. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 310–324. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.20>

Kairbekov, B. G. (2025) ‘I Seek the Heart of Every Word’: *The Poetics of Olzhas Suleimenov*. Moscow, Almavest. 104 p. (In Russ.)

Korenevskii, A. V. (2014) The Evolution of the ‘Civilizational Paradigm’ in the Works of Spengler, Toynbee, Huntington: Thesis, Antithesis, Synthesis. *Nauchnaya mysl’ Kavkaza*, no. 3 (79), pp. 35–44. (In Russ.)

Kradin, N. I. and Bondarenko, D. M. (2002) *The Nomadic Alternative to Social Evolution*. Moscow, Institut Afriki RAN. 201 p. (In Russ.)

Krasnopol’skaya, Ya. V. (2018) Main Archetypal Images in Kazakh Cinema of the Soviet Period. *Aktual’nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire*, no. 5–7, pp. 87–93. (In Russ.)

Krupko, I. V. (2022) The Semiosis of Image and Narrative in Otrar’s Library: In Search of Lost Enlightenment. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal “edu.e-history.kz”*, vol. 9, no. 3, pp. 112–125. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.51943/2710-3994>

Krupko, I. V. (2023) The Reinvention of Kazakh Historical Subjectivity in the Creative Work of Olzhas Suleimenov in the 1960s. *Ural’skii istoricheskii vestnik*, no. 1 (78), pp. 123–132. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1\(78\)-123-132](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1(78)-123-132)

Lidzheeva, I. V. (2023) ‘Accustoming to Sedentism’: Imperial Policy in Alien Territories. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul’tura*, no. 2 (75), pp. 11–20. (In Russ.)

Manichkin, N. A. (2023) Interdependent Formation: Poetic Reinterpretation of Symbols and Images of Historical Memory in Kazakhstan. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal “edu.e-history.kz”*, vol. 10, no. 2, pp. 334–346. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.51943/2710-3994_2023_34_2_334-346

Manichkin, N. A. (2024) Folk Ornament in Soviet Documentary Cinema of Kazakhstan and Kyrgyzstan: Stages of Fixing and Understanding Historical Memory. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 285–299. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.17>

Margulan, A. Kh. (1950) *From the History of Cities and Building Art in Ancient Kazakhstan*. Alma-Ata, AN KazSSR. 122 p. (In Russ.)

Martin, T. (2002) The Empire of Positive Action: Is the Soviet Union the Highest Form of Imperialism? *Ab Imperio*, no. 2, pp. 55–87. (In Russ.)

Masanov, N. E. (2011) *Nomadic Civilization of the Kazakhs: Foundations of the Life of a Nomadic Society*. 2nd ed. Alma-Ata, Print-S. 740 p. (In Russ.)

Potanin, G. N. (1899) *Eastern Motifs in West European Medieval Epic*. Moscow, Izdanie geograficheskogo otdeleniya Imperatorskogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya, antropologii i etnografii. 893 p. (In Russ.)

Radlov, V. V. (1989) *From Siberia: Pages from a Diary*. Moscow, Nauka. 752 p. (In Russ.)

Safronova, D. A. (2019) *Historical Memory: An Introduction*. St. Petersburg, Izdatel’sтво Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 260 p. (In Russ.)

Sinitsyn, F. L. (2019) *The Soviet State and Nomads: History, Politics, Population. 1917–1991*. Moscow, Tsentrpoligraf. 318 p. (In Russ.)

Sinitsyn, F. L. (2021) *Russia and Nomads: From Antiquity to Revolution*. Moscow, VECHE Publ. 288 p. (In Russ.)

- Toynbee, A. J. (1995) *Civilization on Trial*. Moscow, Progress — Kul'tura; St. Petersburg, Yuventa, 478 p. (In Russ.)
- Tolstov, S. P. (1934) The Genesis of Feudalism in Nomadic Pastoral Societies. In: *Basic Problems of the Genesis and Development of Feudal Society*; Plenum of the State Academy of the History of Material Culture, June 20–22, 1933, ed. by S. N. Bykovsky et al.; ed.-in-chief A. S. Prigozhin. Moscow, OGIZ Sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo. Issue 103. 395 p. Pp. 125–138. (In Russ.)
- Khazanov, A. M. (2002) *Nomads and the Outside World*. 3rd ed. Almaty, Daik-Press. 604 p. (In Russ.)
- Hobsbawm, E. (2000) The Invention of Tradition. *Vestnik Evrazii*, no. 1, pp. 47–62. (In Russ.)
- Chelintsev, A. N. (1928) Prospects for the Development of Agriculture in Kazakhstan. *Narodnoe khozyaistvo Kazakhstana*, no. 4–5, pp. 1–39. (In Russ.)
- Shvetsov, S. P. (1926) *The Nature and Life of Kazakhstan: Kazakh Domestic Economy in Its Natural-Historical and Everyday Conditions*. Leningrad, Narkomzem Kazak. ASSR, 186 p. (In Russ.)
- Shtyrkov, S. (2011) The Soviet Roots of Ethnic Traditionalism: The Case of North Ossetia. *Neprikosnovennyi zapas. Debates on Politics and Culture*, no. 4, pp. 66–79. (In Russ.)
- Shtyrkov, S. (2015) *The Invention of Religion: Desecularization in the Post-Soviet Context*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta. 280 p. (In Russ.)
- Shcherbakova, T. (2025) Silhouette of Fire. *Bilgamesh*, no. 12, pp. 226–228. (In Russ.)

Submission date: 24.05.2025.

Acceptance date: 19.06.2025.

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР

DOI: 10.25178/nit.2025.3.24

Статья

Сравнительный анализ стран Организации тюркских государств: численность населения и рождаемость как показатели демографической устойчивости

Тамара К. Ростовская

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН;
Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Аяулым Сагынбаева

Карлов университет, Чешская Республика,

Абульфаз Сулейманлы

Ускюдарский университет, Турция

В работе рассматриваются основные показатели демографической устойчивости Азербайджанской Республики, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Турции, Республики Узбекистан, входящих в Организацию тюркских государств (ОТГ), важным направлением деятельности которой является решение и предупреждение демографических проблем. Объединяет страны уверенный рост численности населения, в то же время динамика по странам существенно различается, что отражается на их демографической устойчивости. Анализируются численность населения и рождаемости. Методологической базой исследования являются концепции демографического развития и теория демографического перехода. Хронологические рамки исследования 2009–2023 гг.

Типологизированы показатели рождаемости населения указанных тюркских стран. Выявлено, что Турция и Азербайджан демонстрируют тенденции воспроизводства населения, сопоставимые со странами Европейского союза (низкий уровень рождаемости, откладывание рождения первых детей на более поздние возрастные периоды). Выявлено, что индикаторы социально-экономического развития Турции способствуют большей демографической устойчивости страны, по сравнению с другими странами ОТГ. В ряде стран ОТГ фиксируются тенденции к исходящей миграции, что может негативно сказаться на демографической устойчивости.

Ключевые слова: Организация тюркских государств; Азербайджан; Казахстан; Кыргызстан; Турция; Узбекистан; демографическая устойчивость; рождаемость; демографический переход

Для цитирования:

Ростовская Т. К., Сагынбаева А., Абульфаз С. Сравнительный анализ стран Организации тюркских государств: численность населения и рождаемость как показатели демографической устойчивости // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 407–420. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.24>

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; директор Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграций Российского университета дружбы народов. Адрес: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6. Эл. адрес: rostovskaya.tamara@mail.ru

Сагынбаева Аяулым — докторант кафедры демографии и геодемографии факультета естественных наук Карлова университета. Адрес: Чехия, 12843, г. Прага, ул. Альбертов, д. 6. Эл. адреса: ayaulym.zarlykan@gmail.com; sagynbaa@natur.cuni.cz

Абульфаз Сулейманлы — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии факультета социальных и гуманитарных наук Ускюдарского университета. Адрес: Турция, 34662, г. Стамбул, ул. Халук Тюрксой, д. 14. Эл. адреса: ebulfaz.suleymanli@uskudar.edu.tr, asuleymanov@yahoo.com

Article

A Comparative Analysis of the Organization of Turkic States: Population Size and Birth Rate as Indicators of Demographic Sustainability

Tamara K. Rostovskaya

*Institute of Demographic Research, Federal Scientific Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;
RUDN University, Russian Federation,*

Ayaulym Sagynbayeva

Charles University, Czech Republic,

Ebulfez Suleymanli

Uskudar University, Türkiye

This study considers the main indicators of demographic sustainability in the Republic of Azerbaijan, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, Turkey, and the Republic of Uzbekistan, which are members of the Organization of Turkic States (OTS), an entity whose important area of activity is addressing and preventing demographic challenges. The countries are united by steady population growth; however, the dynamics vary significantly between them, which affects their demographic sustainability. The analysis focuses on population size and birth rates. The methodological framework of the research is based on demographic development concepts and the theory of demographic transition. The study covers the period from 2009 to 2023.

Indicators of birth rates among the populations of these Turkic countries are typologized. It has been revealed that Turkey and Azerbaijan demonstrate population reproduction trends similar to those observed in European Union countries (low birth rates and postponement of first births to older age groups). It is found that Turkey's socio-economic development indicators contribute to greater demographic sustainability compared to the other OTS countries. In several OTS countries, there are observed tendencies for emigration, which may adversely affect demographic sustainability.

Keywords: Organization of Turkic States; Azerbaijan; Kazakhstan; Kyrgyzstan; Turkey; Uzbekistan; demographic sustainability; birth rate; demographic transition

For citation:

Rostovskaya T. K., Sagynbayeva A. and Suleymanli E. A Comparative Analysis of the Organization of Turkic States: Population Size and Birth Rate as Indicators of Demographic Sustainability. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 407-420 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.24>

ROSTOVSKAYA, Tamara Kerimovna, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director, Institute of Demographic Research, Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences; Director, Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, RUDN University. Postal addresses: Room 1 Fotieva Str., 119333, Russia, Moscow; 6 Miklukho-Maklaya Str., 117198, Russia, Moscow. E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1629-7780

SAGYNBAYEVA, Ayaulym, Doctoral Student, Department of Demography and Geodemography, Faculty of Natural Sciences, Charles University. Postal address: 6 Albert Str., Czech Republic, 12843, Prague. E-mail: ayaulym.zarlykan@gmail.com; sagynbaa@natur.cuni.cz

ORCID: 0000-0003-0258-8365

SULEYMANLI, Ebulfez, Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Humanities, Uskudar University. Postal address: 14 Haluk Turksoy Str., Istanbul, Türkiye, 34662. E-mail: ebulfez.suleymanli@uskudar.edu.tr, asuleymanov@yahoo.com

Введение

Азербайджанская Республика, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Турция и Республика Узбекистан входят в Организацию тюркских государств (ОТГ)¹, деятельность которой включает 28 направлений сотрудничества, в том числе в области миграции, развития человеческих ресурсов, по вопросам семьи и социальной политики, здравоохранения. На сайте организации заявлено: «Приоритетность сотрудничества в области человеческих ресурсов соответствует долгосрочным стратегическим целям нашей Организации. Это ключ к обеспечению устойчивого экономического роста, содействию социальной и культурной интеграции, решению демографических проблем и укреплению как институционального потенциала, так и регионального сотрудничества»². Таким образом, актуальность исследования демографических показателей в указанных тюркских странах с высокой, по сравнению с европейскими странами, рождаемостью, является научной проблемой, обусловленной тем, что необходимо осуществлять мониторинг изменений динамики для предупреждения негативных тенденций, а прогнозирование показателей является важным направлением взаимодействия политиков и ученых в рамках реализации деятельности ОТГ.

В целях прогнозирования тенденций в научном и социально-политическом дискурсах с 1990-х гг. XX в. разрабатывается концепция устойчивого развития. В 2020 г. ООН провозгласил десятилетие демографической устойчивости — на период 2022–2032³. Научное сообщество сегодня включено в решение задач прогнозирования изменений на основе индикаторов демографической устойчивости, куда включены данные о рождаемости, старении, миграции, численности населения. Осмысление концепции и понятия «демографическая устойчивость» ведется как в зарубежных исследованиях (Capdevila et al., 2020; Colantoni et al., 2020), так и в российских (Рязанцев, Мирязов, 2021; Фаузер, Лыткина, Смирнов, 2018; Фаузер, Смирнов, Фаузер, 2021; Rostovskaya, Sitkovsky, 2024).

В науке термин «демографическая устойчивость» тесно связан с терминами «демографический переход», «демографическое развитие», «демографическое благополучие» (Демографическое благополучие ... , 2022; Рыбаковский, Кожевникова, 2020; Рязанцев, Мирязов, 2021; Рязанцев, Рыбаковский, 2021; Rostovskaya, Sitkovsky, 2024; Doker, Turkmen, Emsen, 2016; Skirbekk, Stonawski, Alfani, 2015; и др.).

Для решения обозначенной в работе цели поставлены следующие задачи: сравнить основные показатели демографической устойчивости в тюркских странах, входящих в ОТГ — численность населения и рождаемость. Проблема исследования представляет научный интерес в связи с тем, что Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан, как страны бывшего СССР, имеют общую историю институционального развития, а Турция институционально становилась отдельно, тем не менее указанные страны формируют сегодня общие структуры взаимодействия в рамках реализации направлений деятельности по вопросам демографии, поддержки семьи.

Методологическая база исследования — концепция демографического развития (Рыбаковский, Рязанцев, 2021) и теория демографического перехода (Landry, 2020; Вишневский, 2014; Реэр, 2014).

Базу источников исследования составляют данные государственной статистики за 2009–2023 гг. исследуемых стран, а также Межгосударственного статистического комитета Содружества Независимых Государств.

Обзор литературы

Страны, входящие в ОТГ, являются частью тюркского культурного мира, который позиционируется как особая глобальная культурная общность, включающая как отдельные страны, так и отдельные части некоторых государств, в том числе России.

¹ The Organization of Turkic States. Главная страница [Электронный ресурс] // The Organization of Turkic States. URL: <https://turkicstates.org/en> (дата обращения 10.10.2024).

² 19. Human Resources Cooperation [Электронный ресурс] // The Organization of Turkic States. URL: <https://turkicstates.org/en/areas-of-cooperation-detail/19-human-resources-cooperation> (дата обращения 10.10.2024).

³ A Decade of Demographic Resilience 2022-2032 begins — preparing the countries for demographic changes [Электронный ресурс] // North Macedonia. URL: <https://northmacedonia.unfpa.org/en/news/decade-demographic-resilience-2022-2032-begins-preparing-countries-demographic-changes#:~:text=Promoting%20the%20Decade%20of%20Demographic,come%20with%20the%20demographic%20changes> (дата обращения 10.10.2024).

В 2018 г. вышла работа Ч. И. Ильдархановой (Ильдарханова, 2018), в которой сравниваются брачные и демографические тренды у тюркских народов алтайской семьи языков на разных территориях с преимущественным проживанием титульных национальностей — как в отдельных государствах, так и в регионах внутри других государств (Республика Крым, Республика Татарстан, Турция, Азербайджан, Киргизия, Казахстан), однако основной акцент в работе сделан не на исследовании демографических тенденций.

Интересными являются сравнения демографического развития российских регионов тюркской группы языков (Абылкаликов, 2021; Валиахметов, Ломанова, Абылкаликов, 2024). Можно выделить ряд научных публикаций, посвященных особенностям тюркского культурного мира (Гюл, Озен, 2020; Kossymova et al., 2024; Valeh, 2016; Yunusbayev et al., 2015; и др.¹). В науке сформирована позиция, что регионы и страны тюркского мира не так стремительно, как европейские страны, проходят этапы демографического перехода (Вишневский, 2014).

Теория демографического перехода сформировалась в начале XX в., когда А. Ландри опубликовал в 1909 г. свою первую работу (Landry, 1909), в которой поставил вопрос о причинах демографической революции, итогом которой станет снижение рождаемости и смертности. В 2020 г. основные положения теории А. Ландри, которую сегодня принято называть «теорией демографического перехода», были переизданы в Париже (Landry, 2020). Сегодня под «демографическим переходом» в науке понимается движение от высоких показателей к низким показателям рождаемости и смертности (Вишневский, 2014; Реэр, 2014), а основная научная проблема сохраняет актуальность — как изменяется численность населения? Положения указанной теории используются для мониторинга демографических показателей, построения прогнозов.

На основе теории демографического перехода, а также в критическом дискурсе ее основных положений строятся современные демографические теории, в том числе теория демографического развития (Рязанцев, Рыбаковский, 2021), т. к. сопоставление основных положений теории демографического перехода с изменениями демографических показателей позволяет выделить этапы демографического развития. Демографическое развитие в тюркских странах, входящих в ОТГ, является основой анализа их демографической устойчивости, т. е. показателем способности государств реагировать на современные вызовы, в том числе демографические, поэтому мониторинг показателей численности и рождаемости является одним из направлений работы указанных государств.

В тоже время можно констатировать, что демографическая ситуация в Турции хорошо изучена (Başkaya, ve Özkılıç, 2017; Coşan, 2022; Erdoğan Coşar, Yavuz, 2021; Peker, 2016; Polat, 2019; Semiz, 2010). Большой вклад в анализ демографических процессов внесли сравнительные исследования статистических показателей Турции с Азербайджанской Республикой и Узбекистаном (Dadabaev, 2016; Mukhtarov et al., 2015). Теоретический анализ указанных выше исследований позволяет сделать вывод о том, что Турция, как и многие европейские страны, подошла к завершению демографического перехода, т. е. фиксируется одновременно и снижение смертности, и снижение рождаемости. В то же время в Турции с 1920-х гг. формировалась политика, направленная на сохранение высокого уровня рождаемости (Eryurt, 2019; Semiz, 2010), т. е. в Турции до 1960-х гг. осуществлялся мониторинг с целью предотвращения европейского сценария демографического перехода и применялось большое количество мер по устойчивому росту численности населения: освобождение от дорожного налога семей с пятью и более детьми; награждение медалями семей с шестью и более детьми; были введены суровые наказания за аборт (Eryurt, 2019: 15); обсуждался «холостяцкий налог» (Semiz, 2010: 423) и т. д. Серьезная работа в Турции в сфере семейной и демографической политики сопровождалась эффективными мерами с целью снижения уровня смертности (Peker, 2016: 137).

После 1965 г. Турции вошла в демографический переход, т. к. политически быстрый рост населения стал рассматриваться как препятствие для экономического развития, семейная политика сворачивалась и уровень рождаемости в Турции начал снижаться (Başkaya, ve Özkılıç, 2017: 409–410). Сегодня в результате увеличения доли пожилого населения и снижения темпов роста населения в Турции растет актуальность проблем демографии², формируется политика поддержки семьи (Coşan,

¹ Алиева Е. Тюркский мир как автор новой цивилизационной парадигмы: «С Востока на Запад» // Академия Искусств. Международный научно-теоретический журнал. 2023. № 2(22). С. 17–27.

² Onuncu Kalkınma Planı 2014–2018. Ankara, 2013. P. 50 [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı. Strateji Ve Bütçe Başkanlığı. URL: https://www.sbb.gov.tr/wp-content/uploads/2022/08/Onuncu_Kalkinma_Planı-2014-2018.pdf (дата обращения: 11.10.2024).

2022: 604). Численность населения Турции пока остается высокой, т. к. страна обладает миграционной привлекательностью. Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан напротив являются странами-донорами мигрантов для стран, а в некоторых случаях странами-транзитами для миграции населения (Максакова, 2016; Рязанцев, Сыдыгалиева, 2024; Tolesh, Biloshchytska, 2024).

В бывших республиках СССР демографическая политика до 1990-х гг. развивалась в соответствии с общим планом СССР, после 1990-х гг. в Азербайджанской Республике, Республике Казахстан, Кыргызской Республике, Республике Узбекистан на фоне непростых социально-экономических преобразований формировалась государственность указанных республик. На фоне потрясений конца XX в. рождаемость в данных странах сократилась, а смертность выросла (Демографическое развитие ... , 2021: 94). Необходимо выделить отдельные серьезные исследования в рамках изучения демографической ситуации — Республики Казахстан (Rakhmetova, Abenova, 2013; Spankulova, Chulanova, 2024; Tolesh, Biloshchytska, 2024; Uskelenova, Nikiforova, 2024), Кыргызской Республики (Рязанцев, Сыдыгалиева, 2024; Саякбаева, Кенжекараева, 2016; Becker, Paltsev, 2004), Республики Узбекистан (Максакова, 2016).

В аналитическом докладе, подготовленном в 2021 г. коллективом авторов Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, дан подробный анализ демографических процессов в Азербайджане, Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане за тридцатилетний период (Демографическое развитие постсоветских ... , 2021). В частности, обращается внимание на быстрый рост населения, положительную демографическую динамику в этих странах: «За рассматриваемый период в 1991–2021 гг. численность населения увеличилась ... в Республике Узбекистан (на 66,9%), ... в Кыргызской Республике (на 50,1%), в Азербайджанской Республике (на 40,2%), ... в Республике Казахстан всего на 12,4%» (там же: 11). Но в задачи авторов доклада не входило сравнение показателей демографического развития стран СНГ с показателями в Турции.

Таким образом, можно констатировать, что нет современных сравнительных исследований демографической устойчивости стран ОТГ по численности населения, рождаемости и т. д., что определяет научную новизну данного исследования. В этом отношении важной научной задачей является приращение знаний о мировых и региональных демографических процессах, в рамках формирования новых институциональных структур, обусловленных культурно-региональным делением мира и характеризующихся с позиции демографической устойчивости по численности населения и рождаемости, определяющихся половозрастной структурой населения и средним возрастом рождения детей.

Изменение численности населения

Авторами систематизированы данные национальных статистических служб за 2014–2023 гг. по индикаторам роста численности населения (рис. 1)¹. Первое место по абсолютной численности населения занимает Турция, далее Республика Узбекистан (34,6 млн человек).

Вместе с тем, следует отметить, что рейтинг общей численности населения выше обозначенных стран (Турция, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан) показывает различные демографические тенденции.

На сайте Турецкого статистического института², представлены данные собранные на основе регистрации населения на 31 декабря 2023 г. по адресам³, выявлено, что население, проживающее в Турции, увеличилось на 92 824 чел. по сравнению с предыдущим годом и достигло 85 372 377 чел. по состоянию на 31 декабря 2023 г. Мужское население составляло 42 734 71 чел., а женское — 42 638 306 чел., т. е. 50,1% от общей численности населения составляли мужчины и 49,9% — женщины.

¹ Население и социальные индикаторы стран СНГ и отдельных стран мира 2017–2020, (статистический сборник), русско-английский, 2021 [Электронный ресурс] // Межгосударственный статистический комитет сотрудничества независимых государств. URL: <https://new.cisstat.org/531> (дата обращения: 16.10.2024).

² Türkiye İstatistik Kurumu. Главная страница [Электронный ресурс] // Türkiye İstatistik Kurumu. URL: <https://tuik.gov.tr/> (дата обращения: 16.10.2024).

³ Adrese Dayalı Nüfus Kayıt Sistemi Sonuçları, 2023 [Результаты адресной системы регистрации населения, 2023 г.] [Электронный ресурс] // Türkiye İstatistik Kurumu. URL: <https://data.tuik.gov.tr/Bulten/Index?p=The-Results-of-Address-Based-Population-Registration-System-2023-49684> (дата обращения: 16.10.2024).

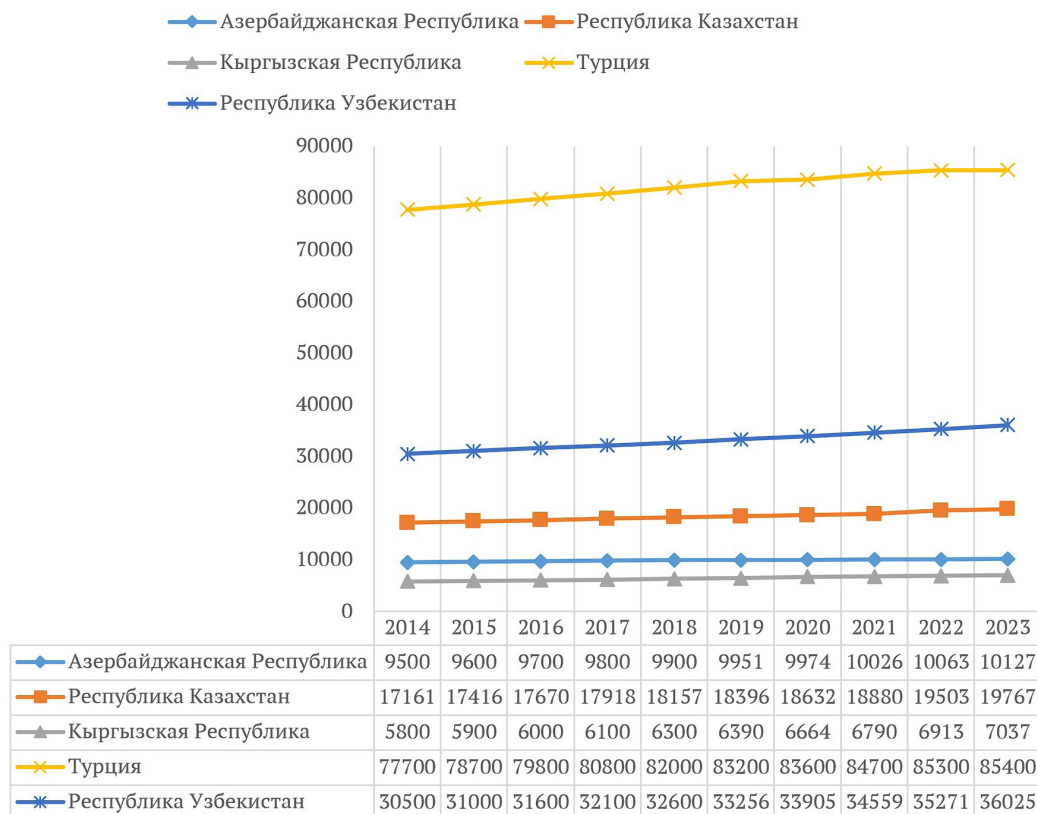

Рисунок 1. Численность населения в странах, входящих в ОТГ в 2014–2023 гг., на начало года, тыс. чел.¹
Figure 1. Population in the countries included in the OTS in 2014–2023, at the beginning of the year, thousand people.

Исследования структуры численности населения в Азербайджане, Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане актуализировались с 1991 г., после распада СССР. Методология статистического учета в Турции и указанных странах отличается. Если в Турции представлены данные на 31 декабря 2023 г., то в Азербайджане, Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане на 1 января 2024 г. Данные по демографическому развитию Азербайджанской Республики свидетельствуют о росте численности населения, в то же время рождаемость снижается, увеличивается доля населения в старших возрастных группах, что показывает угрозы демографической устойчивости (Демографическое развитие ... , 2021). Общий годовой прирост в Азербайджане на начало 2024 г. составил 53,7 тыс. чел.²

¹ На рисунке 1 и далее на рисунках и в таблицах данные, собранные на следующих ресурсах: О нас. О Межгосударственном статистическом комитете Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] // Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств URL: <https://new.cisstat.org/web/guest/about-us> (дата обращения: 16.10.2024); Azərbaycan Respublikasının Dövlət Statistika Komitəsi. Главная страница [Электронный ресурс] // Azərbaycan Respublikasının Dövlət Statistika Komitəsi. URL: <https://www.stat.gov.az/> (дата обращения: 16.10.2024); Қазақстан Республикасы Стратегиялық жоспарлау және реформалар агенттігінің Ұлттық статистика бюросы. Главная страница [Электронный ресурс] // Қазақстан Республикасы Стратегиялық жоспарлау және реформалар агенттігінің Ұлттық статистика бюросы. URL: <https://stat.gov.kz/> (дата обращения: 16.10.2024); Население [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://stat.gov.kg/ru/statistics/naselenie/> (дата обращения: 16.10.2024); Türkiye İstatistik Kurumu. Главная страница [Электронный ресурс] // Türkiye İstatistik Kurumu URL: <https://tuik.gov.tr/> (дата обращения: 16.10.2024); Общие сведения [Электронный ресурс] // Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. URL: <https://stat.uz/ru/ob-agenstve/overview> (дата обращения 10.10.2024).

² Население Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] // Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев. URL: <https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/population> (дата посещения 16.10.2024).

По данным Национального бюро статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан¹ годовой прирост за год на начало 2024 г. составил 1,4%, а соотношение численности мужского и женского населения 48,8% и 51,2% соответственно. Хорошие демографические показатели соотношения числа мужчин и женщин наблюдаются и в Кыргызской Республике²: мужчины 49,5% от общей численности населения, женщины — 50,5%, а рост численности населения за год составил 1,8%.

По данным Агентства статистики при Президенте Республики Узбекистан³ численность постоянного населения Узбекистана на 1 января 2024 г. составила 36 799,8 тыс. чел. За год численность постоянного населения увеличилась на 774,9 тыс. чел., что соответствует приросту на 2,2% по сравнению с началом 2023 г. Численность мужчин в Узбекистане на начало 2024 г. составила 18525,0 тыс. чел., что соответствует 46,5% от общей численности населения, женщины — 18274,8 человек, или 53,5%. Данная пропорция мужчин и женщин связана с высокой трудовой миграцией мужчин Узбекистана в страны ближнего и дальнего зарубежья.

Численность населения в стране является основным показателем демографической устойчивости, несмотря на то, что численность Турции на 31 декабря 2023 г. выше, чем численность в Азербайджане, Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане на 1 января 2024 г., тенденции роста или сокращения численности населения в будущем определяются динамикой показателей рождаемости.

Динамика показателей рождаемости

Об уровне рождаемости в тюркских странах свидетельствует общий коэффициент рождаемости (рис. 2), который варьируется в зависимости от конкретной страны от различных факторов. На общий коэффициент рождаемости большое влияние оказывает половозрастная структура населения, чем выше число женщин, тем больший потенциал рождаемости можно прогнозировать. По итогам 2023 г. общий коэффициент рождаемости в Казахстане составил 19,5‰ (на 1000 чел.), Кыргызстане — 20,6‰, Турции 11,2‰, Азербайджане 11,8‰ и Узбекистане 26,4‰, тогда как в 2009 г. он был равен 22,1‰, 25,0‰, 17,6‰, 17,2‰ и 23,4‰ соответственно.

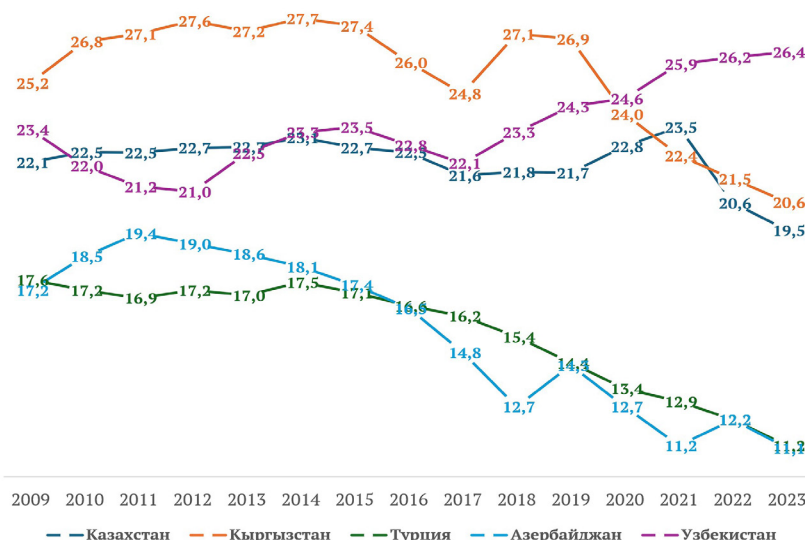

Рисунок 2. Динамика общего коэффициента рождаемости в странах ОТС за 2009–2023 гг.
Figure 2. Dynamics of the total fertility rate in the OTS for 2009–2023.

¹ Казахстан Республикасы Стратегиялык жоспарлау және реформалар агенттігінің Ұлттық статистика бюросы. Главная страница [Электронный ресурс] // Казахстан Республикасы Стратегиялык жоспарлау және реформалар агенттігінің Ұлттық статистика бюросы. URL: <https://stat.gov.kz/> (дата обращения: 16.10.2024).

² Население [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://stat.gov.kg/ru/statistics/naselenie/> (дата обращения: 16.10.2024).

³ Общие сведения [Электронный ресурс] // Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. URL: <https://stat.uz/ru/ob-agenstve/overview> (дата обращения 10.10.2024).

В Турции на данный процесс влияние оказала демографическая политика. С момента основания Турецкой Республики (29 октября 1923 г.) время от времени наблюдались колебания общего коэффициента рождаемости. В первые годы существования Турецкой республики (1920-е гг.), численность населения составляло около 13 млн чел., а сегодня оно достигло 85 млн чел.¹ Турция, в которой до 1950-х гг. преобладали характеристики аграрного общества, с ростом темпов урбанизации стала страной, где городское население в 2023 г. превышает 90%. Процессы урбанизации и модернизации оказались очень эффективными — за последние сто лет ожидаемая продолжительность жизни при рождении увеличилась до 78 лет.

Среди рассматриваемых регионов самый низкий уровень суммарного коэффициента рождаемости (СКР) в Турецкой Республике. Если СКР в Турции в 2009 г. еще был на минимальном уровне воспроизводства (СКР 2,1), но, несмотря на годовые колебания держался на этом уровне до 2018 г., то с 2018 г. наблюдается ежегодное снижение значений показателя на 0,1 и в 2023 г. СКР в Турции достиг своего минимального значения за последние 14 лет — 1,5 (рис. 3).

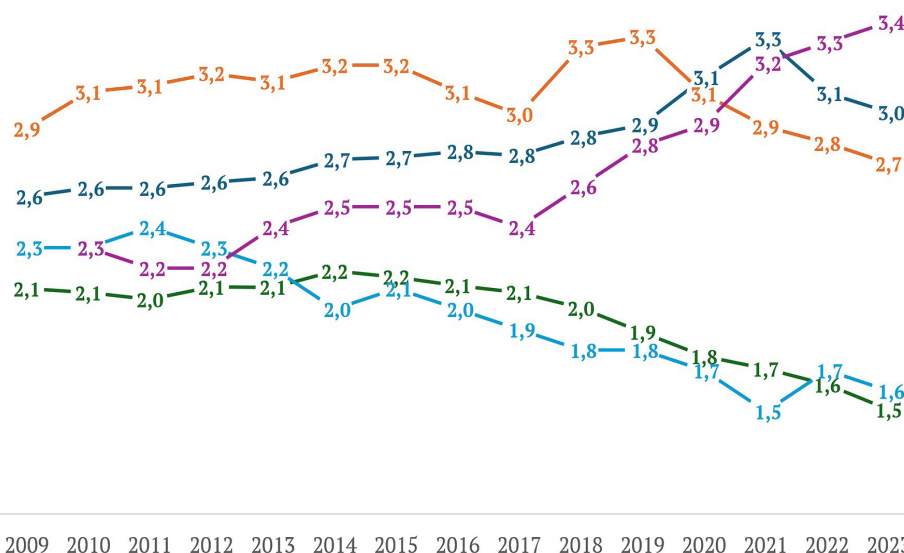

Рисунок 3. Динамика СКР в странах ОТГ за 2009–2023 гг.
Figure 3. The dynamics of the total fertility rate in the countries of the OTS in 2009–2023.

По данным статистики, если в 2001 г. стране родился 1,4 млн чел., то в 2023 г. этот показатель составил 958,0 тыс. чел. В 2022 г. 97,3% рождений были в медицинских учреждениях (2018 г. — 99%), а 2,7% — вне медицинских учреждений. Это может быть связано с тем, что могли быть ограничения к доступу медицинских услуг как у граждан, так и мигрантов².

В последние годы в Казахстане и Кыргызстане наблюдается снижение уровня рождаемости. Однако, учитывая текущие высокие показатели, это снижение не оказывает критического влияния на общее демографическое развитие. Отличительной чертой Казахстана по сравнению с Кыргызстаном и Турцией является то, что в годы пандемии COVID-19 (2020–2021 гг.) в Казахстане наблюдался бейби-бум, и суммарный коэффициент рождаемости (СКР) составил 3,1 и 3,3. Это увеличение было связано с ростом числа рождений, особенно четвертых и последующих детей. В истории современного независимого Казахстана такие высокие значения СКР ранее не наблюдались (рис. 3).

¹ Türkiye nüfusu 85 milyon 372 bini geçti, [Население Турции превышает 85 миллионов 372 тысячи человек] // Anadolu Ajansı. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/gundem/turkiye-nufusu-85-milyon-372-bini-gecti/3128825> (дата обращения 11.10.2024).

² A Snapshot on Statistics on Children in Türkiye 2023 [Статистические данные, касающиеся детского населения Турции, 2023 г.] [Электронный ресурс] // Türkiye İstatistik Kurumu URL: <https://biruni.tuik.gov.tr/yayin/views/visitorPages/english/index.zul> (дата обращения 10.10.2024).

Сравнивая показатели за период с 2009 по 2023 гг., можно отметить, что в Казахстане СКР в 2023 г. был даже выше, чем в 2009 г., составив 3,0 против 2,9 соответственно. Тем не менее, по сравнению с 2021 г., наблюдается значительное снижение рождаемости. Уровень рождаемости, как по значению СКР, так и по общему числу живорождений, вернулся на уровень до пандемийного периода (рис. 3).

В Кыргызстане же изменение уровня рождаемости не в таком плавном переходе как в Казахстане или Турции, что может быть связано как с методологическими особенностями ведения учета демографической статистики, так и расчетов показателей. После переписи населения 2021 г., изменения СКР происходит более плавным образом и имеет тенденцию к устойчивому снижению. С 2009 до 2020 г. СКР в Кыргызстане увеличивался с 2,9 до 3,3, но начиная с 2020 г. наблюдается снижение показателей (2023 г. — 2,7 рождений на одну женщину 15–49 лет).

Самый высокий показатель СКР — в Узбекистане (2023 г. — 3,4 рождений на одну женщину 15–49 лет, по сравнению с 2010 г. (2,3), рост существенный). Причем Узбекистан является единственной страной среди рассматриваемых тюркских стран, где уровень рождаемости имеет тенденцию к росту (рис. 3).

Репродуктивные паттерны населения Азербайджане схожи с паттернами населения Турции, где также имеется тренд к снижению и СКР выше, чем Турции на 0,1 ребенка и по итогам 2023 г. СКР составил 1,6. Причем в Азербайджане СКР держался на минимальном уровне воспроизводства до 2018 г., а в последующие годы пошел на спад.

В современном анализе рождаемости одним из актуальных вопросов является календарь рождений (*timing*) и феномен отложенных рождений в более поздние возрастные периоды (*Post-Transitional Fertility*). Этот феномен можно отследить не только по уровню СКР, но и по таким показателям как средний возраст матери при рождении первого ребенка и повозрастные коэффициенты рождаемости. Эти процессы происходят на фоне завершения первого демографического перехода, либо на стадий завершения, так как именно на снижение рождаемости прямым образом влияет постарение рождаемости, или откладывание рождений в более позднем возрасте, особенно первых детей. Это связано в первую очередь с тем, что в зависимости от репродуктивного и общего здоровья женщин, а также развития системы здравоохранения в целом, рождения в более поздних возрастах увеличивает вероятности рождения последующих детей.

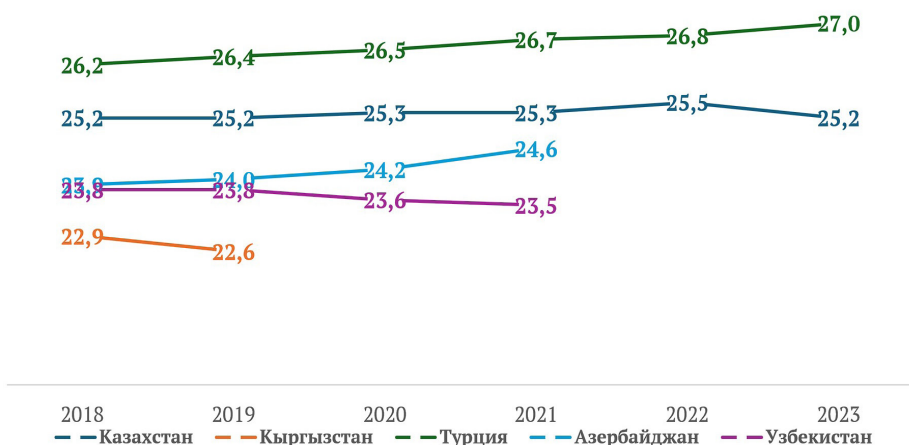

Рисунок 4. Динамика среднего возраста матери при рождении первых детей, в странах ОТГ за 2018–2023 гг.
Figure 4. Dynamics of the average age of the mother at birth of the first children, in the countries of the OTS for 2018–2023.

Стоит отметить, что не во всех странах, входящих в ОТГ, публикуются данные, позволяющие вычислить динамику среднего возраста матери при рождении первых детей (рис. 4). Выявлено, что в Казахстане средний возраст матери при рождении первого ребенка колеблется в рамках 25,2–25,3 года; в Азербайджане и Турции — фиксируется рост среднего возраста рождения первого ребенка. Показательно, что в Кыргызстане и Узбекистане наблюдается «омоложении» рождаемости: средний возраст рождения первого ребенка снижается на фоне общего роста рождаемости¹.

¹ Средний возраст женщины при рождении первого ребенка [Электронный ресурс] // Европейская экономическая комиссия ООН. URL: <https://w3.unece.org/PXWeb/ru/Table?IndicatorCode=34> (дата обращения 10.10.2024).

Таким образом, можно сделать вывод, что страны ОТГ показывают три тенденции:

- снижение рождаемости ниже уровня воспроизводства населения в Турции и Азербайджане;
- снижение рождаемости, но не ниже уровня воспроизводства населения в Казахстане и Кыргызстане;
- рост рождаемости в Узбекистане.

Осмысление указанных тенденций требует дальнейшего исследования и мониторинга демографических показателей в странах ОТГ, а также выявления факторов, влияющих на динамику среднего возраста матери при рождении первых детей. Как следствие: страны ОТГ находятся на разных стадиях демографического перехода к изменению показателей рождаемости: в Турции и Азербайджане завершается процесс первого демографического перехода — рождаемость сокращается; Казахстан и Кыргызстан приближаются к демографическому переходу; Узбекистан еще не вступил в стадию демографического перехода.

Заключение

Демографическая устойчивость на основе показателей численности населения в исследуемых странах в последние годы характеризуется как стабильная, есть прирост населения. В то же время стабильность численности населения зависит от уровня рождаемости и миграции. Учитывая динамику показателей рождаемости, можно предположить, что кроме Турции тенденции демографического перехода, схожие с таковыми в странах Европейского союза, наблюдаются в Азербайджане. Выявленные общие тенденции демографического перехода в Турции и Азербайджане характеризуются не только низким уровнем рождаемости, но и откладыванием рождения первых детей на более поздние возрастные периоды. В Турции снижение рождаемости компенсируется в частности иммиграцией, что несет некоторые риски демографической устойчивости страны.

Казахстан и Кыргызстан сохраняют высокие уровни рождаемости, несмотря на современные тенденции вхождения ряда стран ОТГ в демографический переход и некоторое снижение общего коэффициента рождаемости, фиксируемых тенденций к постарению рождаемости. В Узбекистане наблюдается тенденция роста и «омоложения» рождаемости.

Снижение уровня рождаемости в Турции имеет значительные долгосрочные последствия. Хотя большинство из этих последствий представляют собой факторы риска, воздействие которых можно смягчить и даже создать новые возможности с помощью соответствующих мер и политики. В этом контексте текущие риски включают: сокращение численности молодого и детского населения; проблемы на рынке труда; в системе социального обеспечения; в сфере здравоохранения и социального обслуживания.

В то же время высокая рождаемость и увеличение численности населения также несут в себе риски для демографической устойчивости стран, включая возможное перенаселение, увеличение нагрузки на системы здравоохранения и образования, а также потенциальные экономические трудности (Саякбаева, Кенжекараева, 2016). Эти факторы могут привести к снижению качества жизни и усложнению управления ресурсами. Поэтому важно учитывать не только количественные, но и качественные аспекты демографической политики, чтобы обеспечить устойчивое развитие и благополучие населения.

Вследствие этого можно сделать вывод о том, что демографические процессы в странах ОТГ имеют как общие тенденции (в Турции и Азербайджане, в Казахстане и Кыргызстане), так свои уникальные особенности (рост рождаемости в Узбекистане) и требуют дальнейшего изучения с целью мониторинга и прогнозирования демографических тенденций, а задача объединения ОТГ в том, чтобы преодолеть негативные тенденции и обмениваться опытом со странами ОТГ, в которых сохраняется высокий уровень рождаемости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абылкаликов, С. И. (2021) Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. № 4. С. 131–142. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>

Валихметов, Р. М., Ломанова, А. К., Абылкаликов, С. И. (2024) Сравнительный анализ демографической динамики в контексте развития человеческого потенциала в Башкортостане и Татарстане (1959–2021 гг.) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 360–376. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.23>

Вишневский, А. Г. (2014) Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида Homo Sapiens // Демографическое обозрение. Т. 1. № 1. С. 6–33.

Гюл, Я. Э., Озен, Й. (2020) Формирование культуры у тюркских народов // Universum: психология и образование. № 2 (68). С. 4–9.

Демографическое благополучие России. Национальный демографический доклад (2022) / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская и др.; отв ред. С. В. Рязанцев. М. : ИТД «Перспектива». 108 с. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-557-7.2022>

Демографическое развитие постсоветских стран (1991–2021): тренды, демографическая политика, перспективы. Аналитический доклад (2021) / В. Н. Архангельский и др.; под ред. С. В. Рязанцева. М. : ИТД «Перспектива». 200 с. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-379-9.2021>

Ильдарханова, Ч. И. (2018) Семейно-демографические тренды в поликультурном пространстве тюркских народов алтайской семьи языков // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Т. 4 (70). № S2. С. 11–25.

Максакова, Л. (2016) Демографический и миграционный потенциал Узбекистана // Народонаселение. № 1–1 (71–1). С. 83–89.

Реэр, Д. (2014) Экономические и социальные последствия демографического перехода // Демографическое обозрение. Т. 1. № 4. С. 41–67.

Рыбаковский, Л. Л., Кожевникова, Н. И. (2020) Стратегия демографического развития России: её детерминанты и многовековой вектор // Уровень жизни населения регионов России. Т. 16. № 4. С. 9–20. DOI: <https://doi.org/10.19181/lsprg.2020.16.4.1>

Рязанцев, С. В., Сыдыгалиева, Б. А. (2024) Новые тренды миграции из Кыргызстана в Российскую Федерацию // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 4. № 3. С. 105–118. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.7>

Рязанцев, С. В., Рыбаковский, Л. Л. (2021) Демографическое развитие России в XX–XXI веках: историческое и геополитическое измерения // Вестник Российской академии наук. Т. 91. № 9. С. 810–819. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869587321090085>

Рязанцев, С. В., Мирязов, Т. Р. (2021) Демографическое благополучие: теоретические подходы к определению и методика оценки // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 1. № 4. С. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1>

Саякбаева, А. А., Кенжекараева, А. Ж. (2016) Проблемы бедности населения и демографического развития Кыргызской Республики и ее регионов // Вестник университета Туран. № 1 (69). С. 105–112.

Фаузер, В. В., Лыткина, Т. С., Смирнов, А. В. (2018) Устойчивое развитие северных регионов: демографическое измерение // Экономика региона. Т. 14. Вып. 4. С. 1370–1382.

Фаузер, В. В., Смирнов, А. В., Фаузер, Г. Н. (2021) Демографическая оценка устойчивого развития малых и средних городов российского Севера // Экономика региона. Т. 17. Вып. 2. С. 552–569. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-14>

Başkaya, Z., ve Özkılıç, F. (2017) Türkiye’de Doğurganlıkta Meydana Gelen Değişimler (1980–2013) [Changes in fertility in Turkey (1980–2013)] // Journal of International Social Research. Vol. 10. No 54. P. 404–423. DOI: <https://doi.org/10.17719/jisr.20175434605>

Becker, C., Paltsev, S. V. (2004) Economic Consequences of Demographic Change in the Former USSR: Social Transfers in the Kyrgyz Republic // World Development. Vol. 32. No 11. P. 1849–1870. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2004.06.009>

Capdevila, P., Stott, I., Beger, M., Salguero-Gómez, R. (2020) Towards a Comparative Framework of Demographic Resilience // Trends in Ecology & Evolution. Vol. 35. No 9. P. 776–786. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tree.2020.05.001>

Colantoni, A., Halbac-Cotoara-Zamfir, R., Halbac-Cotoara-Zamfir, C., Cudlin, P., Salvati, L., Gimenez Morera, A. (2020) Demographic Resilience in Local Systems: An Empirical Approach with Census Data // Systems. Vol. 8. No 34. DOI: <https://doi.org/10.3390/systems8030034>

Coşan, B. (2022) Türkiye’de Doğurganlığın Değişimi: Sosyal Politika Açısından Riskler Ve Fırsatlar [Fertility change in Türkiye: risks and opportunities in terms of social policy] // Sosyal Politika Çalışmaları Dergisi. Vol. 22. No 56. P. 597–617. DOI: <https://doi.org/10.21560/spcd.vi.963155>

Dadabaev, T. (2016) Evaluations of perestroika in post-Soviet Central Asia: Public views in contemporary Uzbekistan, Kazakhstan and Kyrgyzstan // Communist and Post-Communist Studies. Vol. 49. No 2. P. 179–192. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2016.03.001>

Doker, A. C., Turkmen, A., Emsen, O. S. (2016) What are the Demographic Determinants of Savings? An Analysis on Transition Economies (1993–2013) // *Procedia Economics and Finance*. Vol. 39. P. 275–283. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(16\)30324-0](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(16)30324-0)

Erdoğan Coşar, E., Yavuz, A. A. (2021) Okun's law under the demographic dynamics of the Turkish labor market // *Central Bank Review*. Vol. 21. No 2. P. 59–69. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cbrev.2021.03.002>

Kossymova, G., Kulbarak, S., Zhalalova, A., Kaliyeva, N., Zadakhanova, A. (2024) The Concept of “World” in Ancient Turkic World View // *Journal of Nationalism, Memory & Language Politics*. Vol. 18. No. 2. Sciendo. P. 70–86. DOI: <https://doi.org/10.2478/jnmlp-2024-0005>

Landry, A. (1909) Les trois théories principales de la population [Электронный ресурс] // *Scientia*. Vol. 3 (6). Article 121. URL: <https://philpapers.org/rec/LANLTT> (дата обращения: 16.10.2024).

Landry, A. (2020) La révolution démographique. Ined Éditions. 280 p. DOI: <https://doi.org/10.4000/books.ined.15465>

Mukhtarov, F., Fox, S., Mukhamedova, N., Wegerich, K. (2015) Interactive institutional design and contextual relevance: Water user groups in Turkey, Azerbaijan and Uzbekistan // *Environmental Science & Policy*. Vol. 53. Part B. P. 206–214. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2014.10.006>

Peker, M. (2016) Türkiye’de Nüfussal Dönüşüm [Demographic Transition in Turkey] [Электронный ресурс] // *Sosyoloji Dergisi*. Vol. 34. P. 133–196. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/593982> (дата обращения: 16.10.2024).

Polat, Z. A. (2019) Legal, economic, geographical and demographic analysis of the acquisition of Real Estate by foreign nationals in Turkey // *Land Use Policy*. Vol. 85. P. 207–217. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2019.04.003>

Rakhmetova, R., Abenova, K. (2013) Economic Mechanisms of the Demographic Policy of Kazakhstan // *Procedia Economics and Finance*. Vol. 5. P. 631–636. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(13\)00074-9](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(13)00074-9)

Rostovskaya, T. K., Sitkovsky, A. M. (2024) Demographic development resources: On the unification of concepts in demographic research // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 17. No. 1. P. 178–200. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2024.1.91.10>

Semiz, Y. (2010) 1923–1950 Döneminde Türkiye’de Nüfusu Arttırma Gayretleri ve Mecburi Evlendirme Kanunu (Bekârlık Vergisi) [Turkey’s Population Growth Policy During The 1923–1950 Period and the Issue of Compulsory Marriage Law (Bachelor Tax)] [Электронный ресурс] // *Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi*. Vol. 27. P. 423–469. <https://dergipark.org.tr/tr/pub/sutad/issue/26306/277276> (дата обращения: 16.10.2024).

Skirbekk, V., Stonawski, M., Alfani, G. (2015) Consequences of a universal European demographic transition on regional and global population distributions // *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 98. P. 271–289. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2015.05.003>

Spankulova, L. S., Chulanova, Z. K. (2024) Data on the demographic forecast of the Kazakhstan population // *Data in Brief*. Vol. 52. <https://doi.org/10.1016/j.dib.2023.109985>

Tolesh, F., Biloshchytska, S. (2024) Forecasting international migration in Kazakhstan using ARIMA models // *Procedia Computer Science*. Vol. 231. P. 176–183. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.procs.2023.12.190>

Uskelenova, A. T., Nikiforova, N., (2024) Regional development of Kazakhstan: Theoretical premises and reality // *Regional Science Policy & Practice*. Vol. 16. Issue 3. DOI: <https://doi.org/10.1111/rsp3.12616>

Valeh, G. T. (2016) Turkic world’s cultural policy in the context of culture, art and education [Электронный ресурс] // *International Journal of Philosophy and Social-Psychological Sciences*. Vol. 2. № 1. P. 7–11. URL: www.sciarena.com <https://sciarena.com/storage/models/article/traAsBhZUnBqA58H2nXewqM3igBADCuVFYmJMZp8KHjYVwcUh3uWGciXiMqS/turkic-worlds-cultural-policy-in-the-context-of-culture-art-and-education.pdf> (дата обращения: 16.10.2024).

Yunusbayev, B., Metspalu, M., Metspalu, E., Valeev, A., Litvinov, S., Valiev, R. et al. (2015) The Genetic Legacy of the Expansion of Turkic-Speaking Nomads across Eurasia // *PLoS Genet*. No. 11(4). Article e1005068. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pgen.1005068>

Дата поступления: 16.10.2024 г.

Дата принятия: 11.03.2025 г.

REFERENCES

Abylkalikov, S. I. (2021) Features of demographic development of Tuva: the contribution of migration in the demographic balance. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 131–142. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>

Valiahmetov, R. M., Lomanova, A. K. and Abylkalikov, S. I. (2024) Comparative analysis of demographic dynamics in the context of human potential development in Bashkortostan and Tatarstan (1959–2021). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 360–376. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.23>

Vishnevsky, A. G. (2014) Demographic revolution changes reproductive strategy of the species Homo Sapiens. *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 1, no. 1, pp. 6–33. (In Russ.)

Gyul, Ya. E. and Ozen, Y. (2020) Formation of culture among Turkic peoples. *Universum: Psychology and Education*, no. 2 (68), pp. 4–9. (In Russ.)

Demographic wellbeing of Russia. National demographic report (2022) / Ryazantsev, S. V., Rostovskaya, T. K. et al.; ed. by S. V. Ryazantsev. Moscow, Perspektiva. 108 p. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-557-7.2022>

Demographic development of post-Soviet countries (1991–2021): trends, demographic policy, prospects. Analytical report (2021) / Arkhangelsky, V. N. et al.; ed. by S. V. Ryazantsev. Moscow, Perspektiva. 200 p. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-379-9.2021>

Ildarkhanova, Ch. I. (2018) Family-demographic trends in the multicultural space of Turkic peoples of the Altaic language family. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya*, vol. 4 (70), no. S2, pp. 11–25. (In Russ.)

Maksakova, L. (2016) Demographic and migration potential of Uzbekistan. *Narodonaselenie*, no. 1–1 (71–1), pp. 83–89. (In Russ.)

Reer, D. (2014) Economic and social consequences of demographic transition. *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 1, no. 4, pp. 41–67. (In Russ.)

Rybakovsky, L. L. and Kozhevnikova, N. I. (2020) Demographic development strategy of Russia: determinants and centuries-long vector. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, vol. 16, no. 4, pp. 9–20. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/isprr.2020.16.4.1>

Ryazantsev, S. V. and Sydygalieva, B. A. (2024) New migration trends from Kyrgyzstan to the Russian Federation. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya*, vol. 4, no. 3, pp. 105–118. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.7>

Ryazantsev, S. V. and Rybakovsky, L. L. (2021) Demographic development of Russia in the 20th–21st centuries: historical and geopolitical dimensions. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, vol. 91, no. 9, pp. 810–819. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869587321090085>

Ryazantsev, S. V. and Miryazov, T. R. (2021) Demographic wellbeing: theoretical approaches to definition and evaluation methodology. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya*, vol. 1, no. 4, pp. 5–19. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1>

Sayakbayeva, A. A. and Kenzhekaraeva, A. Zh. (2016) Problems of poverty and demographic development in the Kyrgyz Republic and its regions. *Vestnik universiteta Turan*, no. 1 (69), pp. 105–112. (In Russ.)

Fauzer, V. V., Lytkina, T. S. and Smirnov, A. V. (2018) Sustainable development of northern regions: demographic dimension. *Ekonomika regiona*, vol. 14, no. 4, pp. 1370–1382. (In Russ.)

Fauzer, V. V., Smirnov, A. V. and Fauzer, G. N. (2021) Demographic assessment of sustainable development of small and medium-sized cities of the Russian North. *Ekonomika regiona*, vol. 17, no. 2, pp. 552–569. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-14>

Başkaya, Z. and ve Özkılıç, F. (2017) Changes in fertility in Turkey (1980–2013). *Journal of International Social Research*, vol. 10, no. 54, pp. 404–423. DOI: <https://doi.org/10.17719/jisr.20175434605>

Becker, C. and Paltsev, S. V. (2004) Economic Consequences of Demographic Change in the Former USSR: Social Transfers in the Kyrgyz Republic. *World Development*, vol. 32, no. 11, pp. 1849–1870. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2004.06.009>

Capdevila, P., Stott, I., Beger, M. and Salguero-Gómez, R. (2020) Towards a Comparative Framework of Demographic Resilience. *Trends in Ecology & Evolution*, vol. 35, no. 9, pp. 776–786. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tree.2020.05.001>

Colantoni, A., Halbac-Cotoara-Zamfir, R., Halbac-Cotoara-Zamfir, C., Cudlin, P., Salvati, L. and Gimenez Morera, A. (2020) Demographic Resilience in Local Systems: An Empirical Approach with Census Data. *Systems*, vol. 8, no. 34. DOI: <https://doi.org/10.3390/systems8030034>

Coşan, B. (2022) Fertility change in Türkiye: risks and opportunities in terms of social policy. *Sosyal Politika Çalışmaları Dergisi*, vol. 22, no. 56, pp. 597–617. DOI: <https://doi.org/10.21560/spcd.vi.963155>

Dadabaev, T. (2016) Evaluations of perestroika in post-Soviet Central Asia: Public views in contemporary Uzbekistan, Kazakhstan and Kyrgyzstan. *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 49, no. 2, pp. 179–192. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2016.03.001>

Doker, A. C., Turkmen, A. and Emsen, O. S. (2016) What are the Demographic Determinants of Savings? An Analysis on Transition Economies (1993–2013). *Procedia Economics and Finance*, vol. 39, pp. 275–283. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(16\)30324-0](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(16)30324-0)

Erdoğan Coşar, E. and Yavuz, A. A. (2021) Okun's law under the demographic dynamics of the Turkish labor market. *Central Bank Review*, vol. 21, no. 2, pp. 59–69. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cbrev.2021.03.002>

Kossymova, G., Kulbarak, S., Zhalalova, A., Kaliyeva, N. and Zadakhanova, A. (2024) The Concept of “World” in Ancient Turkic World View. *Journal of Nationalism, Memory & Language Politics*, vol. 18, no. 2. Sciendo, pp. 70–86. DOI: <https://doi.org/10.2478/jnmlp-2024-0005>

Landry, A. (1909) Les trois théories principales de la population. *Scientia*, vol. 3 (6), article 121 [online] Available at: <https://philpapers.org/rec/LANLTT> (access date: 16.10.2024).

Landry, A. (2020) *La révolution démographique*. Ined Éditions. 280 p. DOI: <https://doi.org/10.4000/books.ined.15465>

Mukhtarov, F., Fox, S., Mukhamedova, N. and Wegerich, K. (2015) Interactive institutional design and contextual relevance: Water user groups in Turkey, Azerbaijan and Uzbekistan. *Environmental Science & Policy*, vol. 53, part B, pp. 206–214. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2014.10.006>

Peker, M. (2016) Demographic Transition in Turkey. *Sosyoloji Dergisi*, vol. 34, pp. 133–196 [online] Available at: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/593982> (access date: 16.10.2024).

Polat, Z. A. (2019) Legal, economic, geographical and demographic analysis of the acquisition of Real Estate by foreign nationals in Turkey. *Land Use Policy*, vol. 85, pp. 207–217. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2019.04.003>

Rakhmetova, R. and Abenova, K. (2013) Economic Mechanisms of the Demographic Policy of Kazakhstan. *Procedia Economics and Finance*, vol. 5, pp. 631–636. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(13\)00074-9](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(13)00074-9)

Rostovskaya, T. K. and Sitkovsky, A. M. (2024) Demographic development resources: On the unification of concepts in demographic research. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 17, no. 1, pp. 178–200. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2024.1.91.10>

Semiz, Y. (2010) 1923–1950 Turkey's Population Growth Policy During The 1923–1950 Period and the Issue of Compulsory Marriage Law (Bachelor Tax). *Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi*, vol. 27, pp. 423–469 [online] Available at: <https://dergipark.org.tr/tr/pub/sutad/issue/26306/277276> (access date: 16.10.2024).

Skirbekk, V., Stonawski, M. and Alfani, G. (2015) Consequences of a universal European demographic transition on regional and global population distributions. *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 98, pp. 271–289. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2015.05.003>

Spankulova, L. S. and Chulanova, Z. K. (2024) Data on the demographic forecast of the Kazakhstan population. *Data in Brief*, vol. 52. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.dib.2023.109985>

Tolesh, F. and Biloshchytska, S. (2024) Forecasting international migration in Kazakhstan using ARIMA models. *Procedia Computer Science*, vol. 231, pp. 176–183. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.procs.2023.12.190>

Uskelenova, A. T. and Nikiforova, N. (2024) Regional development of Kazakhstan: Theoretical premises and reality. *Regional Science Policy & Practice*, vol. 16, issue 3. DOI: <https://doi.org/10.1111/rsp3.12616>

Valeh, G. T. (2016) Turkic world's cultural policy in the context of culture, art and education. *International Journal of Philosophy and Social-Psychological Sciences*, vol. 2, no. 1, pp. 7–11 [online] Available at: <https://sciarena.com/storage/models/article/traAsBhZUnBqA58H2nXewqM3igBADCuVFYmJmZp8KHjYVwcUh3uWGciXiMqS/turkic-worlds-cultural-policy-in-the-context-of-culture-art-and-education.pdf> (access date: 16.10.2024).

Yunusbayev, B., Metspalu, M., Metspalu, E., Valeev, A., Litvinov, S., Valiev, R. et al. (2015) The Genetic Legacy of the Expansion of Turkic-Speaking Nomads across Eurasia. *PLoS Genet*, no. 11(4), article e1005068. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pgen.1005068>

Submission date: 16.10.2024.

Acceptance date: 11.03.2025.

Этнолингвистические характеристики никнеймов в виртуальной среде Калмыкии

**Эльза О.-Г. Дальдинова, Татьяна М. Кекеева,
Надежда А. Кичикова, Нина Ю. Микитенко**

Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Российская Федерация

В статье анализируется этническая составляющая антропологических единиц никнеймов, выявленных в виртуальной коммуникации жителей Калмыкии. Материалом для анализа выступили никнеймы подписчиков сообществ, обсуждающих разнообразные вопросы общественной жизни республики на платформе социальной сети «ВКонтакте».

Определена роль сетевого имени в онлайн-коммуникации. Выявлены тенденции интернет-пользователей выбирать себе сетевые имена в традициях традиционной калмыцкой культуры. Реализация принципов этнических компонентов отражена в семантике имени собственного или нарицательного в составе никнейма. Выявлены семантические группы, в которой отражен этнический компонент никнеймов. Группы содержат никнеймы, указывающие на личные имена, внешность человека, национальную и региональную принадлежность. Проанализированы также никнеймы, в состав которых входят фитонимы и топонимы.

К заметным особенностям никнеймов интернет-пользователей калмыцкого сегмента социальной сети ВКонтакте относятся их двухчастная структура. В основном указывается имя и фамилия, реже — отчество. Указаны случаи заимствования имен из разных языков. Отмечено активное использование этнической лексики калмыцкого языка. В семантике проанализированных никнеймов отмечено отражение традиционных обрядов.

Никнеймы интернет-пользователей Калмыкии служат важным элементом в построении идентичности и культурной самобытности, они становятся своеобразными знаками, отражающими индивидуальные и коллективные особенности пользователей.

Ключевые слова: калмыцкий язык; этнолингвистика; этнолингвокультурология; никнейм; виртуальная коммуникация; социальная сеть; виртуальный ономастикон; калмыки; Республика Калмыкия

Для цитирования:

Дальдинова Э. О.-Г., Кекеева Т. М., Кичикова Н. А., Микитенко Н. Ю. Этнолингвистические характеристики никнеймов в виртуальной среде Калмыкии // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 421-437. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.25>

Дальдинова Эльза Очир-Горьевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры германской филологии гуманитарного факультета Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000 Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11. Эл. адрес: daldinova@mail.ru

Кекеева Татьяна Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии гуманитарного факультета Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000 Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11. Эл. адрес: t.kekeeva@yandex.ru

Кичикова Надежда Андреевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы гуманитарного факультета Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000 Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11. Эл. адрес: espes@list.ru

Микитенко Нина Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы гуманитарного факультета Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000 Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11. Эл. адрес: elmikitenko@yandex.ru

Ethnolinguistic Characteristics of Usernames in the Virtual Environment of Kalmykia

Elza O.-G. Daldinova, Tatyana M. Kekeeva, Nadezhda A. Kichikova, Nina Yu. Mikitenko

Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Russian Federation

This article analyzes the ethnic component of anthroponymic units (usernames) identified in the virtual communication of residents of Kalmykia. The data for analysis consisted of usernames of members of online communities discussing a variety of issues pertaining to the public life of the republic on the "VKontakte" (VK) social network platform.

The role of online nicknames in virtual communication is determined. Trends are identified in which Internet users choose usernames based on the traditions of traditional Kalmyk culture. The implementation of ethnic elements is reflected in the semantics of proper and common nouns within usernames. Semantic groups are identified in which the ethnic component of usernames is expressed. These groups include nicknames that reference personal names, physical appearance, nationality, and regional affiliation. Usernames containing plant names (phytonyms) and place names (toponyms) are also analyzed.

A notable feature of usernames among Internet users from the Kalmyk segment of VKontakte is their two-part structure, predominantly consisting of a given name and surname, less frequently including a patronymic. Instances of name borrowing from various languages are noted. An active use of ethnic Kalmyk vocabulary is observed. The semantics of the analyzed usernames reflect traditional rituals.

Usernames of Internet users from Kalmykia serve as important elements in constructing identity and cultural uniqueness, functioning as distinctive markers that reflect both individual and collective features of users.

Keywords: *Kalmyk language; ethnolinguistics; ethnolinguocultural studies; nickname; virtual communication; social network; virtual onomasticon; Kalmyks; Republic of Kalmykia*

For citation:

Daldinova E. O.-G., Kekeeva T. M., Kichikova N. A. and Mikitenko N. Yu. Ethnolinguistic Characteristics of Usernames in the Virtual Environment of Kalmykia. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 421-437 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.25>

DALDINOVA, Elsa Ochir-Goryevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Germanic Philology, Faculty of Humanities, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov. Postal address: 11 Pushkina St., Elista, 358000 Russia. E-mail: daldinova@mail.ru

[ORCID: 0000-0001-5005-024X](#)

KEKEEVA, Tatiana Mikhailovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Germanic Philology, Faculty of Humanities, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov. Postal address: 11 Pushkina St., Elista, 358000 Russia. E-mail: t.kekeeva@yandex.ru

[ORCID: 0000-0002-7470-1454](#)

KICHIKOVA, Nadezhda Andreevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and General Linguistics, Russian and Foreign Literature, Faculty of Humanities, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov. Postal address: 11 Pushkina St., Elista, 358000 Russia. E-mail: espes@list.ru

[ORCID: 0000-0003-3099-5814](#)

MIKITENKO, Nina Yurievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and General Linguistics, Russian and Foreign Literature, Faculty of Humanities, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov. Postal address: 11 Pushkina St., Elista, 358000 Russia. E-mail: elmikitenko@yandex.ru

[ORCID: 0000-0003-2725-1283](#)

Введение

Стремительное развитие информационных технологий открыло перед лингвистами новые возможности для исследования языка в сфере интернет-коммуникации. Эта новая область представляет собой уникальную форму общения, сочетающую черты как письменной, так и устной речи. В том числе лингвисты проявляют большой интерес к виртуальному ономастикону. В частности, исследователи изучают класс интернет-онимов, функционирующих как виртуальные самономинии и заменяющих антропонимы в компьютерной коммуникации. К таким самономиниям относятся никнеймы, которые служат идентификацией личности в онлайн-коммуникации (Казяба, 2022: 214).

В основе антропонимической системы интернета лежат так называемые никнеймы (от англ. *nickname* — псевдонимы, прозвища, имена пользователей), которые значительно превосходят по количеству все остальные типы имён, используемых в сети. Они являются неотъемлемой, а иногда даже обязательной частью онлайн-коммуникации.

Никнейм представляет собой именную составляющую виртуальной личности, выбранную самим пользователем для самопрезентации, самовыражения и самоидентификации как с эстетической, так и с технической точки зрения (Казяба, 2020: 225).

Никнейм соединяет в себе две ипостаси — имя собственное, так как обладает индивидуализирующей функцией, и имя нарицательное, так как характеризует номинированный объект. Создание никнеймов — это творческий процесс, результат которого зависит от культурного и языкового уровня создателя, представителя этноса. В сетевом имени можно обнаружить языковые особенности «этнолингвистического сообщества» (Супрун, 2000: 3).

В аспекте этнологии изучение никнеймов позволяет глубже понять этническую идентичность, социальную структуру и историческое развитие народа, что определяет актуальность данного исследования. Его новизна заключается в обращении к этническому компоненту никнейма, вербальная репрезентация которого свидетельствует о стремлении калмыцких пользователей к этнической самоидентификации.

Этнический компонент никнейма — это важный аспект цифровой идентичности, который отражает культурные, исторические и языковые особенности определенной нации. В эпоху глобализации, когда границы стираются, а сообщества становятся более разнообразными, никнеймы становятся не только личным знаком, но и символом принадлежности к определённой культуре, что позволяет сохранить культурные и исторические корни в условиях глобализации. Это обогащает языковое пространство интернет-коммуникации, позволяя наблюдать за взаимодействием различных этнических и культурных факторов.

На платформе «ВКонтакте», одной из самых популярных социальных сетей в России, никнеймы приобретают особый смысл, отражая не только личные предпочтения, но и этническую принадлежность пользователя.

Исследовательские работы по этой теме были предприняты преимущественно в первое десятилетие XXI века. Первопроходцами в исследовании никнеймов стали лингвисты, рассматривавшие их как неотъемлемый компонент виртуальной коммуникации. Так, Н. Г. Асмус исследовал никнеймы как инструмент самопрезентации пользователей в онлайн-среде¹. Более детальные исследования были проведены в рамках ономастики. Изучались теоретические проблемы никнеймов, их функции и роль в антропонимической системе русского языка (Журавлева, 2010; и др.²). М. Г. Чабаненко рассматривала дискурс как реализацию типовой и индивидуальной языковой личности³.

Территориальные исследования также внесли свой вклад в изучение виртуальных имен. Например, Д. Т. Авчиева анализировала структурно-семантические характеристики виртуальных антро-

¹ Асмус Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 24 с.

² Журавлева Е. А. Никнейм как особая антропонимическая категория // Сборник материалов международного форума студенческой и учащейся молодежи «Первый шаг в науку — 2009». Минск: Беларуская навука, 2009. Т. 1. С. 45–49; Яскина Л. А. Феномен речевого взаимодействия в сети: имя как самопрезентация // Язык. Время. Личность. Международная научная конференция. Омск: ОмГУ, 2002. С. 301–305.

³ Чабаненко М. Г. Молодежный дискурс как реализация типовой и индивидуальной языковой личности: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2007. 198 с.

понимов Республики Дагестан¹, А. С. Балкунова — Ханты-Мансийского автономного округа Югры², а Е. В. Любичкая — Ставропольского края³.

Целостное представление о состоянии русской интернет-антропонимики получено путем анализа виртуальных имен из блогов, чатов, форумов и социальных сетей такими исследователями, как Н. А. Ахренова⁴ и В. И. Супрун⁵.

Динамичная природа интернет-среды требует постоянного внимания к эволюции сетевых имен. Возобновление исследований никнеймов в последние годы (Климова, 2020; Галичкина, 2021; Зубарева, 2021; Кисель, 2021; и др.⁶) свидетельствует о важности и актуальности этой темы.

В последние годы наблюдается растущий интерес исследовательского сообщества к феномену виртуальной этничности и её проявлениям в онлайн-пространстве. Это связано, с одной стороны, с бурным развитием интернет-технологий и повсеместным доступом к глобальной сети, а с другой — с возрастающей ролью онлайн-коммуникации в формировании индивидуальной и групповой идентичности.

Научные работы, посвященные исследованию виртуальной этничности (Головнёв, Белоруссова, Киссер, 2021), открывают новые горизонты для понимания сложных процессов формирования идентичности в цифровом мире. Авторы рассматривают различные аспекты виртуальной этничности, такие как: формирование онлайн-сообществ на основе этнической принадлежности, роль виртуальных пространств в сохранении и трансляции культурных традиций, взаимодействие виртуальной и реальной этнической идентичности. Отдельное направление исследований посвящено анализу этнической составляющей в никнеймах (Алиева, Касумова, Курбанова, 2018). Данные работы выявляют связь между выбором никнейма и самоидентификацией пользователя, а также демонстрируют, как виртуальное пространство может стать платформой для выражения этнической принадлежности.

В этой связи необходимо отметить, что феномен сетевых никнеймов виртуальных пользователей Калмыкии был объектом изучения лингвистов в структурно-семантическом аспекте (Дальдинова, Бураева, Кекеева, 2024). Авторы исследовали лингвистические особенности никнеймов (в их терминологии «сетевые имена ники») пользователей на платформах форумов Калмыкии. На основе ономастического анализа в статье выявлены модели никнеймов, в некоторых из них была попутно отмечена этническая специфика.

Анализ никнеймов как этнолингвистического феномена позволяет выявить культурные ценности, менталитет и лингвистические особенности этноса.

Объектом исследования данной статьи являются никнеймы виртуальных коммуникантов калмыцкого сегмента Рунета на платформе «ВКонтакте». В них ярко прочитывается этническая специфика, особенности которой составляют предмет нашего анализа.

Задачи исследования: а) выбор методов исследования этнолингвистического содержания никнеймов, б) рассмотрение виртуального пространства как хранилища этнической информации, в) выявление семантических групп никнеймов в виртуальном пространстве калмыцкого сегмента платформы «ВКонтакте», г) описание этнокультурной составляющей никнеймов через анализ их семантики.

В качестве эмпирического материала выступили никнеймы жителей Калмыкии, являющихся подписчиками сообществ на платформе социальной сети «ВКонтакте» (*vk.com*).

¹Авчиева Д. Т. Структурно-семантические особенности никнеймов современного русского языка полиэтнического города: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2016.

²Балкунова А. С. Роль сетевого имени (никнейма) во взаимодействии субъектов виртуальной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. Нижневартовск, 2011.

³Любичкая Е. В. Сленг: региональные черты и процессы англизации: на материале речи молодежи г. Ставрополя и Красногвардейского района Ставропольского края : дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005.

⁴Ахренова Н. А. Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковое оформление: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009.

⁵Супрун В. И. Развитие ономастического пространства Интернета // Ономастика Поволжья: материалы IX международной конференции по ономастике Поволжья. Москва: ИЭА, 2004. С. 53–58.

⁶Врублевская О. В. Языковая мода в русской ономастике: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2017.

Всего извлечено 1320 единиц. Отбирались никнеймы пользователей, являющихся подписчиками сообществ¹ на платформе социальной сети ВКонтакте, у которых в профиле были представлены персональные данные, указывающие на геолокацию (Республика Калмыкия) и на принадлежность их обладателей к калмыцкому этносу (фото, посты комментарию).

Методы исследования

В. В. Казяба считает, что современные исследователи в области лингвистики склоняются к изучению никнеймов, характерных для конкретной онлайн-платформы (в нашем случае социальная сеть «ВКонтакте»). Этот подход обусловлен необходимостью обеспечения однородности исследуемого материала. Выбор ограниченного круга сервисов объясняется формальными ограничениями, которые накладываются на создание никнеймов. К таким ограничениям относятся требования к количеству символов и компонентов в имени, допустимые графические и орфографические вариации, а также правила использования имен других пользователей (Казяба, 2020: 230–231).

Онтологическая природа никнейма создаёт значительные трудности уже на начальном этапе сбора материала для исследования, но конкретные цели и задачи антропонимического исследования (в нашем случае этнический компонент никнейма) диктуют собственные критерии и процедуры отбора (там же, 2020: 231). Неопределённость границ и внушительный объём совокупности никнеймов в выбранных нами сообществах и группах онлайн-платформы «ВКонтакте» стали причиной обращения к методу случайной выборки, признанному учеными-социологами Б. В. Беликовым и Л. П. Крысиным наиболее точным и объективным, хотя и трудозатратным, методом отбора². Данный метод опирается на предположение о равной вероятности попадания любого элемента генеральной совокупности в выборку. Используя фильтры интерфейса платформы «ВКонтакте» («страна» и «язык», «пол», «возраст», «профессия» и т. д.), можно самостоятельно сформировать и ограничить совокупность никнеймов, составляющих исследовательский корпус (1320 единиц).

Социальная сеть «ВКонтакте», основным предназначением которой является реализация общения в виртуальном пространстве Рунета, активно используется для популяризации и продвижения калмыцкого языка в социуме (Манджиева, 2022).

Калмыцкий народ, как и любой другой, обладает уникальным сочетанием истории, культуры, традиций, обычаев и системы ценностей. Это неразрывно связанные элементы, которые формируют его самобытность и идентичность (Эрдниев, 1974, 1985; Митиров, 1998; Авляев, 2002; Шараева, 2017). Современная Калмыкия имеет развитую антропонимическую систему, которая сложилась ещё в Джунгарии, откуда калмыки в начале XVII в. пришли на Волгу. Калмыки — монголоязычный народ, они являются потомками древних ойратов (Монраев, 2007: 4).

События, происходящие в России, обычно оказывают влияние на судьбы малочисленных народов, многие из которых в годы советской власти утратили свой язык, письменность и религиозные традиции. Это привело к изменению этнического «облика» калмыков (там же: 7). Духовная стойкость, сила и гибкость характера кочевников помогли сохранить народу свою идентичность. В контексте демократизации общественной и политической сферы наблюдается возрастающий интерес к национальной истории.

¹ Сообщество «Калмыкия» [Электронный ресурс] // ВКонтакте. «Калмыкия». URL: <https://vk.com/kalmykia08rk> (дата обращения 01.02.2025); Сообщество «Подслушано Калмыкия» [Электронный ресурс] // ВКонтакте. «Подслушано Калмыкия». URL: <https://vk.com/publicpodsluwanokalmykiya> (дата обращения 01.02.2025); сообщество «Элиста сейчас | Новости Калмыкии» [Электронный ресурс] // ВКонтакте. «Элиста сейчас | Новости Калмыкии». URL: vk.me/elistanow08 (дата обращения 01.02.2025); Сообщество «Я люблю тебя, Калмыкия!» [Электронный ресурс] // ВКонтакте. «Я люблю тебя, Калмыкия!». URL: vk.com/i_love_you_kalmykia (дата обращения 11.01.2025); Сообщество «РОО Калмыцкое землячество «Джунгария» (Калмыкия)» [Электронный ресурс] // ВКонтакте. РОО Калмыцкое землячество «Джунгария» (Калмыкия). URL: <https://vk.com/djungaria> (дата обращения 01.02.2025); Группа «Сәәхн келн» (образная речь). Фонд содействия развитию калмыцкого языка, цель которого — поддержка и популяризация калмыцкого языка и культуры [Электронный ресурс] // ВКонтакте «Сәәхн келн». URL: https://vk.com/syaahn_keln?ysclid=m8exbayqs7197055917 (дата обращения 01.02.2025); Группа «ХКК: Хальмг келнэ клуб» (Клуб калмыцкого языка). [Электронный ресурс] // ВКонтакте «ХКК: Хальмг келнэ клуб». URL: https://vk.com/halmg_keln?from=search (дата обращения 01.02.2025).

² Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика: учебник для вузов. М.: РГГУ, 2001.

Период советской власти оказал существенное влияние на калмыцкую систему имен, приведя к вытеснению многих тибетско-санскритских имён и распространению заимствований из русского языка и в малой степени из других языков.

В исследовательской практике анализа виртуальных онимов (никнеймов) применяются различные методы и подходы: лингвистический анализ, социолингвистический подход, когнитивно-дискурсивный анализ, этнолингвистический анализ, психолингвистический подход, семиотический анализ и др.

Лингвистический анализ никнеймов фокусируется на их формальной структуре. Исследователи, такие как А. С. Балкунова (Балкунова, 2010), Е. К. Козаренко анализируют морфологию, словообразование, семантику и прагматику псевдонимов, выявляя закономерности в их построении и значениях¹.

Социолингвистический подход рассматривает никнеймы в контексте социальных факторов. Он исследует зависимость выбора псевдонима от возраста, пола, национальности, социального статуса и принадлежности к различным группам. Работы ученых (Казяба, 2022; и др.² показывают, как социальная идентичность отражается в онлайн-идентификации.

Когнитивно-дискурсивный анализ рассматривает никнеймы как часть интернет-дискурса. Исследователи анализируют их смысловое наполнение в контексте онлайн-коммуникации, выявляя, как псевдонимы участвуют в построении смысла и формировании виртуальных сообществ (Хорикова, 2010).

Этнолингвистический анализ сосредоточен на выявлении этнокультурных особенностей никнеймов. Исследователи изучают их связь с мифологией, фольклором и языковыми традициями, выявляя уникальные культурные коды, заложенные в псевдонимах (Алиева, Касумова, Курбанова, 2018; Головнёв, Белоруссова, Киссер, 2021),

Психолингвистический подход исследует связь между никнеймом и личностью пользователя. Он фокусируется на том, как псевдонимы отражают идентичность, психологические особенности, установки и мотивацию человека (Климова, 2020).

Семиотический анализ рассматривает никнеймы как знаковую систему с символическими значениями. Исследователи изучают, как эти символы используются для создания смысла и выражения индивидуальности в виртуальном пространстве (Быльева, 2013).

В нашей работе мы используем интернациональный термин никнейм (Хорикова, 2010; Авчиева, 2015; Казяба, 2016; и др.³).

Исследования в области этнолингвистики (Толстой, 1983; Арутюнов, 1995; Гребенкина, 2022; Толстой, Толстая, 2013; и др.⁴) послужили методологической основой выявления и анализа этнической составляющей никнеймов. Объектом этнолингвистики, как считает Н. И. Толстой, стоявший у истоков зарождения этой дисциплины, является «язык в его отношении к культуре народа» (Толстой, 1995: 27). Исследования этого раздела языкознания направлены на изучение взаимосвязи «языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества» (там же: 27). Учёный подчеркивает, что основным предметом исследования в этом соотношении всегда является язык (там же: 182). Развитие этнолингвистики связано с появлением новой языковедческой дисциплины — лингвокультурологии (Алефиренко, 2016). С позиции этих направлений язык рассматривается как накопительная база и хранитель культурно-этнических данных. По словам Н. А. Григорьевой, цен-

¹ Козаренко Е. К. Никнейм в виртуальной коммуникации [Электронный ресурс] // Юный ученый. 2022. № 4 (56). С. 72–75. URL: <https://moluch.ru/young/archive/56/2969/> (дата обращения: 18.03.2025).

² Яскина, Л. А. Феномен речевого взаимодействия в сети: имя как самопрезентация // Язык. Время. Личность. Международная научная конференция. Омск: ОмГУ. 2002. С. 301–305. ISBN 5-7065-0243-9.

³ Балкунова А. С. Роль сетевого имени (никнейма) во взаимодействии субъектов виртуальной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. (исправила шрифт)

⁴ Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1998; Кульпинов Ю. А. Этнолингвистический анализ ономастического, демонологического и обрядности казачьих станиц Изобильненского района Ставропольского края: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010; Ивукина Е. С. Этнолингвистика: современное состояние и перспективы // Материалы V Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные вопросы лингвистики, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков в вузе». Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2022. С. 130–134.

тральным пунктом изучения этнолингвистики и лингвокультурологии становится так называемая «триада язык — культура — этнос»¹. На основе этих двух направлений формируется новый этнолингвокультурологический подход к изучению языка, в инструментарий которого включены этнологические, лингвистические и культурологические методы исследования.

В исследовании этнической составляющей ономастического пространства калмыцкого пространства сети интернет мы используем этнолингвокультурологический подход. Анализ никнейма с такой позиции позволяет привлекать информацию по социальной и историко-культурной организации калмыцкого этноса.

Для нашего исследования были выбраны методы лингвистического и этнолингвокультурологического анализа, частично применялся социолингвистический подход в рамках доступа персональных данных, обусловленных техническими возможностями интерфейса, а также метод количественного подсчета.

Виртуальное пространство как хранилище этнической информации

Виртуальное пространство, возникшее на стыке информационных технологий и человеческой потребности в общении и самовыражении, стало неотъемлемой частью современного мира. Оно представляет собой цифровую среду, созданную с помощью компьютерных технологий, которая имитирует реальность или её фрагменты, предоставляя пользователям возможность взаимодействовать друг с другом и с виртуальными объектами (Болл, 2023: 48). Так, Интернет является неотъемлемой его частью и без него виртуального пространства не существовало бы. Сеть выступает как система, на основе которой формируется и динамично развивается само виртуальное пространство (Касьянов, 2018).

Традиционно этническая идентичность передавалась из поколения в поколение через устную речь, обычаи, ритуалы и фольклор. В современном мире, характеризующемся глобализацией и миграцией, эти механизмы передачи культуры подвергаются всё большему давлению. Виртуальное пространство может стать одним из надежных хранилищ этнической информации, позволяя документировать и сохранять исчезающие языки, музыкальные традиции, ремесла и другие проявления культурного разнообразия.

Большинство исследователей придерживаются точки зрения, что Интернет, создавая виртуальное пространство, является существенным инструментом, содействующим сохранению этнокультурного и языкового разнообразия².

В современном мире, характеризующемся стремительной глобализацией и миграцией населения, вопрос сохранения и передачи культурного наследия приобретает особую актуальность. В этом контексте виртуальное пространство, с его уникальными возможностями, играет важную роль, предоставляя эффективные инструменты для фиксации и популяризации этнической составляющей человека.

Во-первых, виртуальные платформы позволяют создавать цифровые архивы, в которых могут быть собраны и сохранены разнообразные материалы, отражающие этническую культуру: фольклорные произведения, музыкальные записи, фотографии, видеоматериалы, тексты древних рукописей и многое другое. Такие архивы, доступные широкой публике, становятся ценным ресурсом для изучения и сохранения культурного разнообразия.

Во-вторых, виртуальное пространство способствует созданию интерактивных музеев и выставок, посвященных этнической культуре. Виртуальные туры по историческим местам, 3D-модели археологических памятников, мультимедийные презентации — все это позволяет «оживить» прошлое и сделать его доступным для широкой аудитории, независимо от географического местоположения.

В-третьих, виртуальные платформы способствуют созданию онлайн-сообществ, объединяющих людей со схожими этническими корнями. В нашем исследовании это сообщества и группы на платфор-

¹ Григорьева Н. А. Эмотивный фрагмент диалектной картины мира донского казачества: структурно-семантический и этнолингвокультурологический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. С. 3.

² Гусейнова А. В. Хакасский язык в национальном Интернет-пространстве // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 5 (66). С. 349.

ме ВКонтакте. Такие сообщества позволяют поддерживать связь с родной культурой, обмениваться опытом и знаниями, сохранить языковые традиции и передать их будущим поколениям.

Таким образом, виртуальное пространство представляет собой мощный инструмент для сохранения и популяризации этнической составляющей идентичности человека.

Семантические группы никнеймов

В исследовательских работах, посвященных феномену никнейма, представлены достаточно разнообразны типы его классификаций. В основном исследователи ограничиваются структурно-семантической классификацией (Казяба, 2020; Дальдинова, Бураева, Кекеева, 2024; и др.¹). В своей диссертации А. С. Балкунова использовала уровневую классификацию, охватывающую фонетический, структурно-графический, словообразовательный, лексико-семантический, стилистический и функциональный аспекты анализа².

В нашем исследовании для выделения этнического компонента использована классификация на основе семантики никнейма. В структурном плане никнеймы пользователей указанных сообществ, коммуницирующих в чатах на платформе «ВКонтакте», не представляют особого интереса, так как подавляющая часть никнеймов представляет собой словосочетания, чаще всего двухкомпонентные. Отметим, что антропонимичные никонимы, которые могут быть написаны слитно, кириллицей, реже латиницей, имеют следующую структуру:

«имя + фамилия», «имя + отчество», «имя + имя»

Например: Кермен Кермен, Света Света, ВаняИванович, Ervena_Kirillovna, Саглар Манчаева, AisaCa-риевна, Erdem Badma.

Однословные никнеймы встречаются гораздо реже, аббревиатуры и предложения, а также набор цифр — в единичных случаях.

Таблица. Семантические группы никнеймы виртуальных коммуникантов в калмыцком сегменте социальной сети «ВК»

Table. Semantic groups of nicknames of virtual communicants in the Kalmyk segment of the VK social network

№	Семантические группы	Количество, шт.	Объем, в %
1.	Никнеймы-автонимы	500	37,6
2.	Никнеймы-фитонимы	380	28,6
3.	Никнеймы-этнонимы	246	18,7
4.	Никнеймы-топонимы	100	8,5
5.	Никнеймы-эйдонимы	74	6,6
Всего		1320	100

Анализ никнеймов пользователей «ВКонтакте» позволяет выявить определенные тенденции в способах репрезентации этнической идентичности. Были отобраны никнеймы, явно указывающие на национальную принадлежность и содержащие отсылки к культурным символам и традициям. Такие никнеймы служат способом демонстрации своей этнической идентичности, которая формируется на основе языка, культуры и истории. Так, А. А. Бобринхин считает, что атрибутами самоопределения являются символика, язык, церемониал, историческое и мифологическое прошлое этноса (Бобринхин, 2010: 33).

¹ Касьянова В. М. Структурно-семантический анализ никнеймов // Русский язык: система и функционирование (к 75-летию филологического факультета БГУ). Сборник материалов VI Международной научной конференции. Минск: Издательский центр БГУ, 2014. Т. 1. С. 138–143.

² Балкунова А. С. Роль сетевого имени (никнейма) во взаимодействии субъектов виртуальной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.

Для анализа этнической составляющей были выделены пять семантических моделей никнеймов:

- никнеймы-автонимы, составляющие самый большой процент в этой семантической группе — 500 единиц. Автонимы представляют собой личные имена, фамилии, отчества (редко). Никнеймы-автонимы могут иметь различные формы и сочетания;
- никнеймы-этнонимы, описывающие этническую принадлежность;
- никнеймы-фитонимы, включающие в структуру названия растений;
- никнеймы-топонимы, обозначающие название географического объекта;
- никнеймы-эйдонимы, описывающие внешность.

Количественные показатели семантических групп отражены в *таблице*. Как видно, наибольший процент составили никонимы первой группы, содержащие в своем составе автонимы, и наименьший процент — никнеймы, в структуре которых содержатся эйдонимы.

Этнические составляющие семантических групп

Как мы выяснили, никнеймы-автонимы составляют самый большой процент в семантической группе никнеймов. В нашу выборку включены традиционные формы представления личных данных, которые могут быть и настоящими, и вымышленными.

Так, среди никнеймов мы видим много заимствованных имен из русского языка при калмыцких фамилиях, например: *Евгений Хулхачиев*. Встречаются никнеймы, где имя калмыцкое, а отчество русского происхождения, например: *Санал Николаевич*. Калмыцкая фамилия *Ванькаев* является заимствованием из русского языка фамильярно-разговорной формы имени *Иван* — *Ванька* в никнейме *Алдар Ванькаев*.

М. У. Монраев отмечает, что русские имена проникали в форме полуимен, т. е. в разговорном варианте. Они появились в период христианизации калмыков, например: *Андрю(у)шкаев* (от Андрюшка), *Васькин* (от Васька) (Монраев, 2007: 21).

В Калмыкии живут люди многих этносов (более 80), что можно определить по составу никонимов¹. Например, в нике *Светлана Ли* фамилия корейского происхождения. Никоним *Гульнара LAGAN* содержит татарское имя, ник *Санал+Фатима* — черкесское.

Эти имена подчеркивают мультиэтнический состав Калмыкии, что отражается в многообразии никнеймов: калмыцкие имена сочетаются с русскими, корейскими, татарскими и черкесскими фамилиями.

С точки зрения этнической составляющей представляют интерес ники с исконными калмыцкими именами, значение которых, как правило, является важным условием при самоименовании. Женское имя *Данара* в никнейме *ДанараМенке* образовано от первых слогов тибетского слова *Дава* 'луна; понедельник' и *Нарма* 'звезда, появившаяся на небе в этот день'. Это имя, как и многие калмыцкие имена, связано с буддизмом тибетского толка, который распространялся среди ойратов (предки калмыков) с XIII в. (Бакаева, 2009: 10. Имя давалось согласно астрологическому календарю — зависело от дня рождения и расположения светил в этот день.

Семантика многих антропонимов достаточно ясна, так как большинство имен происходит от нарицательных слов. Например, *Нарн* (*Наран*) означает 'солнце', *Батр* (*Баатр*, *Батыр*, *Баатыр*) — 'богатырь', *Цаган* — 'белый'. Эти имена, став собственными, обозначают конкретных людей, отличаясь от своих нарицательных аналогов (Монраев, 2007: 9), например: *Наран Калмыков*², *Баатр Хулхачиев*³, *Цаган Манджиева*⁴.

¹ Здесь и далее мы используем принятые в лингвистике термины «никоним», «сетевой ник», «ник», синонимичные термину «никнейм».

² Наран Калмыков [Электронный ресурс] // Вконтакте. Наран Калмыков. URL: <https://vk.com/id3447472-91?ysclid=m9ch8fr1xm313922748> (дата обращения 11.04.2025).

³ Баатр Хулхачиев [Электронный ресурс] // Вконтакте. Баатр Хулхачиев. URL: <https://vk.com/id833464-398?from=search> (дата обращения 11.04.2025).

⁴ Цаган Манджиева. [Электронный ресурс] // Вконтакте. Цаган Манджиева. URL: <https://vk.com/id19157-0574?from=search> (дата обращения 11.04.2025).

Целый ряд калмыцких имен с прозрачной семантикой представлен в никонимах в качестве личных имен, а также в дериватах фамилиях и отчествах. Приведем наиболее часто встречающиеся в составе никнеймов калмыцкие антропонимы: *Байрта* 'радостная', *Аюка* 'медвежонок', *Алдар* 'великий', *Данзан* 'опора религии', *Арслан* 'лев', *Алтана* 'золото', *Айса* 'мелодия', *Гиляна* 'белый, светлый', *Элина* 'мирный, спокойный'. *Заяна* 'судьба', *Санан* 'мысль', *Джангар* 'защитник вселенной', *Дорджи* 'алмаз' и многие другие¹.

Никнеймы-этнонимы, описывающие этническую принадлежность, занимают второе место.

Несколько десятков никонимов включают этнонимы *калмык*, *хальмг* на кириллице и на латинице, а также его дериваты: *Калмык* *Калмыков*, *Счастливая Калмычка*, *Слава Калмык*, *Хальмгуд* *Хальмгуд*, *Эрдни Хальмг*, *KalmukDragon*, *калмыки хальмгуд*, *KalmykSoul*, *Владимир Калмык*, *Хальмг Танч*, *Король Хальмг-Танч*, *Хальмгуд Уралан*, *Хальмгуд В Питере*, *КалмыкБаатр*, *KalmykEagle* и многие другие,

Этнонимы *калмык*, *хальмг* — это названия калмыцкого этноса (Шараева, 2017: 11). Существование двух этнонимов для обозначения одного и того же этноса объясняется тем, что этнонимом *хальмг(уд)* на калмыцком языке называли себя сами калмыки, а этноним *калмык* присвоен этносу извне (Калмыки, 2010: 35).

Исследованию этимологии этого этнонима посвящено достаточно большое количество работ (Эрднеев, 1985; Кичиков, 1968; Калмыки, 2010; Кичикова, 2013; Шараева, 2017; и др.). Существуют несколько версий происхождения этнонима: версия тюркоязычного происхождения со значением 'остаток' (Шараева, 2017: 16), контаминация татарского слова *калмак* 'иноверец' и калмыцкого *халимаг* 'стремительный' (Кичиков, 1968: 133).

Никонимы *Торгут Ойрат*, *Борис Торгут*, *Sarang Torgout*, *Бузав Бузавов*, *Den Buzzavv*, *Хльмг Дервюд* включают этнонимы, которые являются названиями субэтносов калмыцкого народа.

Торгуды, Дервюды, Бузавы — это три основных субэтноса². Эти группы отличаются друг от друга не только географическим расселением, но и некоторыми особенностями культуры, языка и традиций. Так, торгуты исторически занимали западные районы Калмыкии и были известны своим кочевым образом жизни и разведением лошадей. Бузавы, проживающие в центральных районах республики, славились своими ремесленными навыками и развитой торговлей. Дервюды, обитавшие на востоке Калмыкии, отличались консервативностью и приверженностью традиционным обычаям.

Несмотря на различия, торгуты, бузавы и дервюды объединены общим калмыцким самосознанием, единым языком и культурой, что позволяет говорить о них как о частях единого целого — калмыцкого народа. Существует ряд стереотипов этих субэтносов друг о друге и о самих себе, а также анекдотов и даже песен³.

Никнеймы-фитонимы занимают третье место в нашей выборке.

Лексемы *степь* (калм. *тег*), *лотос* (калм. *бадма*), *тюльпан* (калм. *бамба*) и их дериваты также были обнаружены нами в никах платформы ВКонтакте, например: *Суслик Степной*, *SteppeNomad*, *Салькн Степной*, *Пион Тюльпан*, *GoldenSteppe*, *Лотос Ики-Бурульский*, *Татьяна Бамба Лотос*, *Бамба-Цецег*, *Александра Бадмаевна Лотосова*, *Лотос Элистинский*, *Друг Степей*, *SteppePhoenix*, *Хальмг Тег*, *Хаврин Тег*.

Русские лексемы *степь* и *тюльпан* входят в состав этнокультурной лексики, для калмыцкого этноса они имеют особое значение.

В своей работе Ж. Н. Сарангаева глубоко исследует феномен кочевого образа жизни, обращая особое внимание на роль степи в формировании мировоззрения калмыцкого народа. Утверждая, что «степь для калмыка-кочевника является сакральным местом, где он ощущает полноту жизни и гармонию с окружающим миром, степь формирует его систему ценностей и жизненных смыслов» (Сарангаева,

¹ Имена взяты из словаря, составленного М. У. Монраевым (Монраев, 2007: 119–225).

² Гоголданова З. Э.-Г. Субэтносы и этнические процессы в Калмыкии в середине 80-х годов XX столетия / По материалам статистико-этнологического исследования / автореф... дисс. канд. ист. наук. М., 1994.

³ «Ойратский волк» [Электронный ресурс] // dzen.ru. Анекдоты про ойратов — калмыков и не только. Часть 1. 20–21 века. URL: https://dzen.ru/a/YNb7raSHYwo_3Vb1 (дата обращения 06.02.2025); «Чёткая песня — Про районы Калмыкии» [Электронный ресурс] // Сайт «mp3Flamingo.ru». ПРо районы Калмыкии Аркадий МАНджиев. URL: <https://mp3-flamingo.ru/?mp3=ПРО+районы+Калмыкии> (дата обращения 06.02.2025).

2020: 106–107), автор поднимает важный вопрос о тесной связи человека с природой в традиционных обществах.

Сакрализация степи у калмыков обусловлена её неотъемлемым значением для их выживания и процветания. Она — источник пищи, воды, сырья для жилищ и орудий труда. Но главное, степь — это пространство свободы, где кочевники реализуют свои ценности: мобильность, независимость, тесную связь с природой и её циклами. Жизнь в постоянном движении по степным просторам формирует у калмыков чувство единства с окружающим миром, уважение к его законам и готовность к адаптации. Степь не только кормит, но и воспитывает, передавая из поколения в поколение традиции, обычаи и ценности кочевого образа жизни.

Важно отметить, что сакрализация степи не ограничивается материальными аспектами. Она пронизана духовными смыслами, отраженными в мифологии, ритуалах и песнях калмыков. Степь — это место встречи с богами, предками и духами природы.

Тюльпан — это символ калмыцкой степи. В культуре многих народов он ассоциируется с любовью, весной и пробуждением природы. Однако в Калмыкии тюльпан приобретает особое значение, становясь символом самой республики, её истории и культуры. Калмыцкая степь, бескрайняя и суровая, кажется на первый взгляд неприспособленной для ярких цветов. Тем не менее, именно здесь, среди ковыля и разнотравья, расцветают целые поля тюльпанов. Их появление после долгой зимы — это настоящий праздник для глаз, символ обновления и надежды.

Тюльпан прочно вошел в калмыцкую культуру. Он присутствует в народных песнях и легендах, украшает национальные костюмы и орнаменты. В древности тюльпаны использовались в ритуалах и обрядах, символизируя связь с природой и предками. Каждую весну в Калмыкии проходит фестиваль тюльпанов. По сведениям сайта «Национального календаря событий» (EventsInRussia.com)¹, это мероприятие является одним из самых ярких в России. Фестиваль представляет собой незабываемое событие, сочетающее в себе красочный фольклорно-этнографический и экологический праздник, во время которого гости могут познакомиться с культурой, обычаями и традициями калмыцкого народа².

В буддийской культуре лотос традиционно ассоциируется с чистотой. Этот священный цветок символизирует гармонию и единство: стебель лотоса представляет мужское начало *aph*, а его чашечка — женское начало *bilg* (Салынова, 2013: 64). О значимости и популярности лотоса в калмыцкой лингвокультуре свидетельствует проведение Фестиваля лотосов, который стал любимым мероприятием, как для местных жителей, так и для гостей Калмыкии³.

Лотосы играют важную роль в идентичности Калмыкии, свидетельством является изображение лотоса на флаге и гербе республики, где белый лотос символизирует духовную чистоту, возрождение и процветание. Согласно легенде, там, где ступал юный Будда, расцветали прекрасные лотосы. Этот цветок также занесен в Красную книгу России⁴.

Никнеймы-топонимы находятся на четвертом месте электронного каталога, собранного нами.

Топоним *Элиста* и его дериваты содержится в составе следующих обнаруженных нами никнеймов: *Элиста Аватаева*, *Лотос Элистинский*, *Элистан Калмыков*, *Анна Элистинская*.

¹ Десять причин приехать, что посмотреть [Электронный ресурс] // Национальный календарь событий. Республика Калмыкии. URL: <https://eventsinrussia.com/region/republic-of-kalmykia> (дата обращения 20.03.2025).

² Тюльпаны Калмыкии | Наше наследие | [Электронный ресурс] // Дзен. Наше наследие. Тюльпаны Калмыкии. URL: <https://dzen.ru/a/Zfs3Zrp3o3fHzbL> (дата обращения 07.02.2025).

³ В Калмыкии фестиваль лотосов собрал любителей цветов, йоги и сап-серфинга со всей России [Электронный ресурс] // ТАСС, 3 августа 2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21522739?ysclid=mdef0r1duo391868153>. (дата обращения 20.07.2025); Фестиваль лотосов в Калмыкии: и пенная вечеринка тоже! [Электронный ресурс] // Доброе утро. Суббота. Фрагмент выпуска от 03.08.2024. 1 канал. URL: <https://www.1tv.ru/shows/dobroe-utro/mezhdu-tem/festival-lotosov-v-kalmykii-i-pennaya-vecherinka-tozhe-dobroe-utro-subbota-fragment-vypuska-ot-03-08-2024?ysclid=mdeeogguzb651691168> (дата обращения 20.03.2025).

⁴ Семь чудес Калмыкии [Электронный ресурс] // Журнал Gate 7. Что скрывает степь. Семь чудес Калмыкии. URL: <https://media.s7.ru/ru/blog/kalmykia-todomedial/> (дата обращения 04.02.2025).

Элиста, столица Республики Калмыкия, имеет богатую историю, тесно переплетённую с судьбой калмыцкого народа. Само название города *Элиста* говорит о его древних корнях. Оно означает 'песчаная'. Такое же название имеет и речка Элистинка, протекающая по городу¹.

Обнаружены никнеймы, включающие этнотопонимы: *Евгений Джеджикин*, *Арсланг Чонос*, *Ачинер Алгаев*, *Александр Кевюде*, *Зюн Гара*

Джеджикин, Чонос, Ачинер, Кевюде, Зюн Гара — это названия населённых пунктов Калмыкии этнонимического происхождения. Как отмечает Н. А. Кичикова, у калмыцкого народа, подобно другим кочевым народам наиболее древней формой наименования географических объектов является использование названий, связанных с родовыми и племенными структурами (Кичикова, 2015: 126).

Этнонимические топонимы служат наглядным свидетельством того, что ойрат-калмыки сохранили свою родоплеменную структуру, унаследованную от предков и принесённую ими в Россию в XVII в. Эта система отражает самоидентификацию калмыка как кочевника².

Чоносы, также известные как «волки», представляют собой древний этнос, входящий в состав монголоязычных народов. Само наименование *чонос* имеет корни в тотемических верованиях древних монголов и ойратов (калмыков), где волк почитался как прародитель этих народов, включая бурят. (Манджиев, 2004: 50). Этнотопоним *Зюнгар* (*Зүнһар* 'левая рука') означал левое крыло монгольского войска, которое составляли при Чингис-хане и его потомков ойраты (калмыки).

Этнотопонимы Джеджикины, Ачинеры и Кевюды образованы от калмыцких терминов родства: *ээджэ* 'бабушка', *ачнр* 'племянники, внуки по мужской линии', *кёвун*, *кёвуд* 'сын, сыновья'.

Важно отметить, что использование этнонимического принципа в наименовании населённых пунктов свидетельствует о специфической этнической структуре, характерной для первобытнообщинного строя, которая сохранялась у калмыков и в период становления феодальных отношений. Эта система наименований географических объектов является важным источником данных для исследования исторической эволюции этнического состава калмыков (Кичикова, 2015: 126).

Никнеймы-эйдонимы, описывающие внешность, занимают пятое место. Это ники *Цаган Бембеева* 'белая', *ТэнгринСапул*³ 'светлый, чистый', *Саглара Бораева* 'раскидистая развесистая'⁴, *Алтана Николаева* 'золотая', *Савр Дорджиевич* 'алмаз'. Драгоценные металлы золото и алмаз ассоциируются в картине мира у многих народов, в том числе, и у калмыков с внешней красотой (Есенова, 2023: 465).

Отдельного рассмотрения заслуживает имя *Цаган*. Как было уже упомянуто калмыцкие имена в большинстве случаев происходят от нарицательных слов. Женское имя *Цагана(а)*⁵ — результат онимизации. Рассматривая сакральное значение топонима *цаган* 'белый', входящего в словосочетания, Э. Б. Манджиева и Н. А. Кичикова отмечают, что белый цвет в калмыцкой культуре символизировал счастье и процветание, чистоту и благородство, честность и доброту, а также уважение и высокий статус в обществе. Он приводят примеры: *цаган седкл* 'благородная душа', *цаган хаалг* 'счастливая дорога' (Манджиева, 2016). В современной Калмыкии принято желать всем отправляющимся в путь «белой дороги».

Для калмыков, как, впрочем, и для других народов, большое значение имела внешность человека. Это утверждение отражает глубоко укоренившийся в традиционной культуре взгляд на человека как на существо, неразрывно связанное с его физическим обликом. Внешность рассматривалась не просто как набор эстетических характеристик, но и как индикатор личных качеств, социального статуса и принадлежности к определённой группе. Внешность играла важную роль в ритуалах и церемониях. Традиционные наряды, причёски и украшения имели сакральный смысл и подчеркивали принадлежность к определённому роду или племени. Во время праздников и торжеств калмыки

¹ Кичикова Н. А. Топонимический словарь Республики Калмыкия. Волгоград: ГСПУ; Элиста: Джангар, 2017.

² Хонинов В. Н. Калмыцкие топонимы Астраханской области (семантика и структура): дис. канд. филол. наук. М., 2005. С. 30.

³ Два имени написаны слитно. Мы сохраняем авторское написание.

⁴ Здесь и далее лексическое значение имен взято из словаря, составленного М. У. Монраевым (Монраев, 2007: 119–225).

⁵ Заимствованный из русского языка суффикс –а свидетельствует о тенденции калмыцких женских имен к приобретению внешних родовых показателей под влиянием двуязычия: *Алтн* — *Алтана*, *Саглр* — *Саглара* (Монраев, 2007: 76).

старались выглядеть особенно нарядно, чтобы продемонстрировать свою социальную значимость и уважение к традициям. Значение внешности в калмыцкой культуре не сводилось к слепому поклонению красоте. Внимание уделялось также внутренним качествам человека — его добродетели, мудрости и душевной щедрости. Тем не менее, внешний вид оставался важным фактором, способствующим формированию общественного мнения и восприятия человека в обществе.

В современном мире ценности, связанные с внешностью, претерпели изменения. Однако, влияние традиций и культурных стереотипов по-прежнему ощутимо. Понимание того, какое значение придавала калмыцкая культура внешнему облику, позволяет глубже постичь ее уникальную систему ценностей и менталитет народа.

Заключение

Таким образом, исследование показало, что изучение никнеймов в виртуальном регионе калмыков имеет большое значение для восстановления языка мировидения калмыцкого этноса, реконструкции его культурных, этнопсихологических и мифологических представлений. В антропонимах воплощены этические и эстетические ценности народа, которые с одной стороны, носят общечеловеческий характер, а с другой — отражают менталитет этноса, своеобразие национального характера.

Никнеймы не только функционируют как имена пользователей, но и выполняют глубокую социальную и культурную роль, подчеркивая уникальность Калмыкии и её самобытность в глобальной сети.

Нами были также отмечены никнеймы, по которым можно проследить влияние глобализации и интернационализации культур. Например, многие пользователи выбирают имена, содержащие элементы английского языка или заимствованные из популярных культурных трендов. Это может сигнализировать о желании быть частью более широкого мирового сообщества, при этом не теряя своей национальной идентичности. Такой подход к выбору никнейма помогает создать многослойные культурные феномены, объединяющие местное и глобальное.

Важно подчеркнуть, что никнеймы часто становятся объектом самоиронии и юмора, что свидетельствует о развитом чувстве юмора и остром восприятии действительности у пользователей. Это явление привносит в общение элемент лёгкости и непредсказуемости, подчёркивая разнообразие индивидуальных подходов к культурной идентичности.

Проведенный анализ никнеймов демонстрирует богатый лингвистический ландшафт калмыцкой онлайн-коммуникации, отражающий как этнокультурные традиции, так и современные тенденции.

Никнеймы калмыцких пользователей представляют собой сложный симбиоз этнической идентичности и глобальных цифровых тенденций. Они демонстрируют стремление сохранить и развивать свою культуру в виртуальном пространстве, одновременно интегрируясь в мировую интернет-среду.

В заключение можно сказать, что исследования виртуальной этничности находятся на начальной стадии развития. Однако уже сейчас ясно, что этот феномен играет важную роль в формировании идентичности современного человека и требует дальнейшего углублённого изучения.

Вклад авторов

Дальдинова Э. О.-Г. — автор статьи, корреспондирующий автор;

Кекеева Т. М. — сбор и анализ материалов на калмыцком языке;

Кичикова Н. А. — исследование топонимических образований в Калмыкии;

Микитенко Н. Ю. — исследование в области виртуальной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авляев, Г. О. (2002) Происхождение калмыцкого народа. Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 326 с.
- Авчиева, Д. Т. (2015) Системные связи термина «никнейм» // Гуманитарные науки и образование. № 4 (24). С. 103–106.
- Алефиренко, Н. Ф. (2016) Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М. : Флинта. 288 с.
- Алиева, Г. Н., Касумова А. Ш., Курбанова О. В. (2018) Этническая составляющая в никнеймах миноритарного Интернета // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5–1(83). С. 51–54. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-1.9>
- Арутюнов, С. А. (1995) Этнолингвистика // Этнополитический вестник. № 5.1. С. 145–151.
- Бакаева, Э. П. (2009) Буддизм в Калмыкии: основные этапы истории // Буддизм России. № 42. С. 9–17.
- Балкунова А. С. (2010) Никнейм как особая группа имен собственных // Гуманитарные науки в современном мире: материалы Второй Международной научно-практической Интернет-конференции 26 октября — 8 ноября 2009 года / под общ. ред. М. А. Литовченко. Тамбов : Изд-во ИП Чеснокова А. В. 250 с. С. 35–37.
- Бобрихин, А. А. (2010) Репрезентации этнической идентичности в современной культуре // Международный журнал исследований культуры. № 1. С. 31–36.
- Болл, М. (2023) Метавселенная. Как она меняет наш мир. М. : Альпина Паблишер. 362 с.
- Быльева, Д. С. (2013) Семиотика знаков самоидентификации в сети Интернет // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. № 1 (167). С. 25–29.
- Галичкина Е. Н. (2021) Виртуальная личность как объект изучения антропологической лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 2. С. 28–38. DOI: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-2-28-38>
- Головнёв, А. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. (2021) Виртуальная этничность и киберэтнография. СПб. : МАЭ РАН. 280 с.
- Гребенкина, Е. К. (2022) К вопросу о зарождении этнолингвистических исследований (Этнос — язык — культура) // Евразийский гуманитарный журнал. № 1. С. 34–43.
- Дальдинова, Э. О.-Г., Бураева, Т. В, Кекеева, Т. М. (2024) Особенности сетевых ников на форумах Калмыкии // Вестник Калмыцкого государственного университет имени Б. Б. Городовикова. № 3 (63). С. 55–64. DOI: <https://doi.org/10.53315/1995-0713-2024-63-3-55-63>
- Есенова, Т. С. (2023) Концепт «байн / богатство» в калмыцком языке (на лексикографическом и фольклорном материале) // Монголоведение. Т. 15. № 3. С. 458–469. DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2023-3-458-469>
- Зубарева А. В. (2021) Онимы в интернет-коммуникации: новые явления и функции // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 1. С. 120–136. DOI: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-1-120-136>.
- Казяба, В. В. (2016) Именная транспозиция в сфере никнеймов немецкоязычных интернет-пользователей // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 1 (154). С. 43–48.
- Казяба, В. В. (2020) К вопросу об отборе материала для антропонимических исследований никнеймов (на примере немецкоязычного интернет-сегмента) // Вопросы ономастики. Т. 17. № 1. С. 223–235. DOI: https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.1.013
- Казяба, В. В. (2022) Самономинация с функцией антропонима в Рунете // Научный диалог. Т. 11. № 7. С. 212–230. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-7-212-230>
- Калмыки (2010) / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М. : Наука. 568 с.
- Касьянов, В. В. (2018) Виртуальное пространство как новый — «старый» социокультурный феномен // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Т. 4 (70). № S2. С. 38–42.
- Кисель, О. В. (2021) Место никнейма как знака идентификации в ономастической системе языка // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. № 4 (43). С. 43–48. DOI: <https://doi.org/10.36622/AQMPJ.2021.29.39.006>
- Кичиков, А. Ш. (1968) К вопросу о происхождении слова «калмык» // Ученые записки КНИИЯЛИ. Серия филологии / отв. ред. А. Ш. Кичиков. Элиста: КНИИЯЛИ. Вып. 5. 152 с. С. 133–134.

Кичиков, А. Ш. (1978) О лингво-исторических реалиях термина ойрат // Типологические и художественные особенности «Джангара» / редкол.: Э. Б. Овалов (отв. ред.) и др. Элиста : КНИИЯЛИ. 128 с. С. 74–81.

Кичикова, Н. А. (2013) «И друг степей калмык» как прецедентный феномен в общероссийском и калмыцком языковом сознании // Вестник КИГИ РАН. № 4. С. 65–69.

Кичикова, Н. А. (2015) Языковая отнесенность топонимов республики Калмыкия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 7 (102). С. 123–128.

Климова М. А. (2020) Никнеймы игроков Dota 2 и психические границы языка в эпоху глобализации // Вопросы психолингвистики. № 1 (43). С. 36–53. DOI: <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2020-43-1-36-53>

Манджиев, Н. Ц. (2004) Кердата и кердатинцы. Элиста : Джангар. 527 с.

Манджиева, Ц. Д. (2022) Функционирование калмыцкого языка в интернет-пространстве [Электронный ресурс] // Мир науки. Социология, филология, культурология. Т. 13. № 2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/02FLSK222.pdf> (дата обращения: 11.03.2025).

Манджиева, Э. Б. (2016) Сакральное значение топонимов республики Калмыкия с компонентами «аршан», «цаган» и «хар»: лингвокультурологический аспект // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. Филологические науки. № 7 (111). С. 105–109.

Митиров, А. Г. (1998) Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 384 с.

Монраев, М. У. (2007) Калмыцкие личные имена (Семантика). Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 224 с.

Салынова, О. В. (2013) О калмыцкой национально-прецедентной символике в русскоязычном рекламном дискурсе (на материале афиш) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 1. С. 61–63.

Сарангаева, Ж. Н. (2020) Символическое осмысление кочевого образа жизни в калмыцком художественном дискурсе // Вестник Российского нового университета. Сер. Человек в современном мире. Вып. 3. С. 104–109.

Супрун, В. И. (2000) Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград : Перемена. 171 с.

Толстой Н. И. (1995) Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд. 2-е, испр. М.: Издательство «Индрик». 512 с.

Толстой, Н. И. (1983) О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: (Язык и этнос) / отв. ред. Н. И. Толстой. Ленинград : Наука. 249 с. С. 181–191.

Толстой, Н. И., Толстая, С. М. (2013) Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М. : Институт славяноведения РАН. 240 с.

Хорикова, В. С. (2010) Когнитивный анализ никнеймов пользователей сети Интернет // Вопросы когнитивной лингвистики. № 3. С. 64–68.

Шараева, Т. И. (2017) Этнические маркеры калмыков: исследование и материалы. Элиста : КалмНЦ РАН. 288 с.

Эрдниев, У. Э. (1974) Проблемы калмыцкой этнонимии (О происхождении некоторых «этнонимов») // Вестник института. № 10. Серия этнография / отв. ред. Г. О. Авляев. Элиста: КНИИЯЛИ. 199 с. С. 24–36.

Эрдниев, У. Э. (1985) Калмыки. Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 282 с.

Дата поступления: 11.03.2025 г.

Дата принятия: 23.04.2025 г.

REFERENCES

- Avlyayev, G. O. (2002) *The Origin of the Kalmyk People*. Elista, Kalmyk Book Publishing House. 326 p. (In Russ.)
- Avchieva, D. T. (2015) Systemic Connections of the Term 'Nickname'. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*, no. 4 (24), pp. 103–106. (In Russ.)
- Alekhirenko, N. F. (2016) *Linguacultural Studies: The Value-Semantic Space of Language*. Moscow, Flinta. 288 p. (In Russ.)
- Aliyeva, G. N., Kasumova, A. Sh. and Kurbanova, O. V. (2018) The Ethnic Component in the Nicknames of the Minority Internet. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 5–1 (83), pp. 51–54. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-1.9>
- Arutyunov, S. A. (1995) Ethnolinguistics. *Etnopoliticheskii vestnik*, no. 5.1, pp. 145–151. (In Russ.)
- Bakaeva, E. P. (2009) Buddhism in Kalmykia: Main Stages of History. *Buddhizm Rossii*, no. 42, pp. 9–17. (In Russ.)

Balkunova, A. S. (2010) Nickname as a Special Group of Proper Names. In *Humanities in the Modern World: Proceedings of the Second International Scientific and Practical Internet Conference*, October 26 — November 8, 2009, ed. by M. A. Litovchenko. Tambov, Izd-vo IP Chesnokova A. V. 250 p. Pp. 35–37. (In Russ.)

Bobrikhin, A. A. (2010) Representations of Ethnic Identity in Modern Culture. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovani kul'tury*, no. 1, pp. 31–36. (In Russ.)

Ball, M. (2023) *The Metaverse: How It Is Changing Our World*. Moscow, Alpina Publisher. 362 p. (In Russ.)

Byleva, D. S. (2013) Semiotics of Self-Identification Signs on the Internet. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, no. 1 (167), pp. 25–29. (In Russ.)

Galichkina, E. N. (2021) Virtual Personality as an Object of Study in Anthropological Linguistics. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*, no. 2, pp. 28–38. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-2-28-38>

Golovnev, A. V., Belorussova, S. Yu. and Kissner, T. S. (2021) *Virtual Ethnicity and Cyberethnography*. St. Petersburg, MAE RAN. 280 p. (In Russ.)

Grebenkina, E. K. (2022) On the Emergence of Ethnolinguistic Research (Ethnos — Language — Culture). *Evraziiskii humanitarnyi zhurnal*, no. 1, pp. 34–43. (In Russ.)

Daldinova, E. O.-G., Buraeva, T. V. and Kekeeva, T. M. (2024) Features of Online Nicknames on Kalmyk Forums. *Vestnik Kalmytskogo gosudarstvennogo universiteta imeni B. B. Gorodovikova*, no. 3 (63), pp. 55–64. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.53315/1995-0713-2024-63-3-55-63>

Esenova, T. S. (2023) The Concept 'Bain / Wealth' in the Kalmyk Language (Based on Lexicographic and Folklore Material). *Mongolovedenie*, vol. 15, no. 3, pp. 458–469. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2023-3-458-469>

Zubareva, A. V. (2021) Onyms in Internet Communication: New Phenomena and Functions. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*, no. 1, pp. 120–136. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-1-120-136>

Kazyaba, V. V. (2016) Nominal Transposition in the Sphere of Nicknames of German-Speaking Internet Users. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (154), pp. 43–48. (In Russ.)

Kazyaba, V. V. (2020) On the Selection of Material for Anthroponymic Research of Nicknames (Based on the German-Language Internet Segment). *Voprosy onomastiki*, vol. 17, no. 1, pp. 223–235. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.1.013

Kazyaba, V. V. (2022) Self-Nominations with the Function of an Anthroponym on the Russian-Language Internet. *Nauchnyi dialog*, vol. 11, no. 7, pp. 212–230. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-7-212-230>

Kalmyks (2010). Ed. by E. P. Bakaeva and N. L. Zhukovskaya. Moscow, Nauka. 568 p. (In Russ.)

Kasyanov, V. V. (2018) Virtual Space as a New — “Old” Sociocultural Phenomenon. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya*, vol. 4 (70), no. S2, pp. 38–42. (In Russ.)

Kisel, O. V. (2021) The Place of a Nickname as a Sign of Identification in the Onomastic System of Language. *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki*, no. 4 (43), pp. 43–48. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.36622/AQMPJ.2021.29.39.006>

Kichikov, A. Sh. (1968) On the Origin of the Word 'Kalmyk'. In: *Uchenye zapiski KNIIYaLI. Seriya filologii*, ed. by A. Sh. Kichikov, no. 5, Elista, KNIIYaLI. 152 p. Pp. 133–134. (In Russ.)

Kichikov, A. Sh. (1978) On the Linguohistorical Realia of the Term 'Oirat'. In: *Typological and Artistic Features of 'Dzhangar'*, ed. by E. B. Ovalov et al. Elista, KNIIYaLI. 128 p. Pp. 74–81. (In Russ.)

Kichikova, N. A. (2013) 'And the Friend of the Steppes, the Kalmyk' as a Precedent Phenomenon in the All-Russian and Kalmyk Linguistic Consciousness. *Vestnik KIGI RAN*, no. 4, pp. 65–69. (In Russ.)

Kichikova, N. A. (2015) Language Affiliation of Toponyms of the Republic of Kalmykia. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 7 (102), pp. 123–128. (In Russ.)

Klimova, M. A. (2020) Nicknames of Dota 2 Players and the Psychological Boundaries of Language in the Era of Globalization. *Voprosy psikholingvistiki*, no. 1 (43), pp. 36–53. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2020-43-1-36-53>

Mandzhiev, N. Ts. (2004) *Kerdata and the Kerdatins*. Elista, Dzhangar. 527 p. (In Russ.)

Mandzhieva, Ts. D. (2022) The Functioning of the Kalmyk Language in Internet Space. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya*, vol. 13, no. 2 [online] Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/02FLSK222.pdf> (accessed: 11.03.2025).

Mandzhieva, E. B. (2016) The Sacred Meaning of Toponyms of the Republic of Kalmykia with the Components 'arshan', 'tsagan' and 'khar': Linguocultural Aspect. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki*, no. 7 (111), pp. 105–109. (In Russ.)

Mitirov, A. G. (1998) *Oirats-Kalmyks: Centuries and Generations*. Elista, Kalmyk Book Publishing House. 384 p. (In Russ.)

Monraev, M. U. (2007) *Kalmyk Personal Names (Semantics)*. Elista, Kalmyk Book Publishing House. 224 p. (In Russ.)

Salynova, O. V. (2013) On Kalmyk National-Precedent Symbolism in Russian-Language Advertising Discourse (Based on Poster Materials). *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, no. 1, pp. 61–63. (In Russ.)

Sarangaeyeva, Zh. N. (2020) Symbolic Interpretation of the Nomadic Lifestyle in Kalmyk Artistic Discourse. *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire*, no. 3, pp. 104–109. (In Russ.)

Suprun, V. I. (2000) *The Onomastic Field of the Russian Language and Its Artistic and Aesthetic Potential*. Volgograd, Peremena, 171 p. Pp. 3. (In Russ.)

Tolstoy, N. I. (1995) *Language and Folk Culture: Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics*, 2nd edn, rev. Moscow, Indrik. 512 p. (In Russ.)

Tolstoy, N. I. (1983) On the Subject of Ethnolinguistics and Its Role in the Study of Language and Ethnos. In: *Areal Research in Linguistics and Ethnography: (Language and Ethnos)*, ed. by N. I. Tolstoy. Leningrad, Nauka. 249 p. Pp. 181–191. (In Russ.)

Tolstoy, N. I. and Tolstaya, S. M. (2013) *Slavic Ethnolinguistics: Theoretical Issues*. Moscow, Institute of Slavic Studies, RAS. 240 p. (In Russ.)

Khorikova, V. S. (2010) Cognitive Analysis of Internet Users' Nicknames. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 3, pp. 64–68. (In Russ.)

Sharaeva, T. I. (2017) *Ethnic Markers of the Kalmyks: Research and Materials*. Elista, Kalmyk Scientific Center, RAS. 288 p. (In Russ.)

Erdniyev, U. E. (1974) Problems of Kalmyk Ethnonymy (On the Origin of Some 'Ethnonyms'). In: *Vestnik instituta*, no. 10, series Etnografiya, ed. by G. O. Avlyayev, Elista: KNIIYaLI. 199 p. Pp. 24–36. (In Russ.)

Erdniyev, U. E. (1985) *The Kalmyks*. Elista, Kalmyk Book Publishing House. 282 p. (In Russ.)

Submission date: 11.03.2025.

Acceptance date: 23.04.2025.

Research into the themes covered in Pandita Jamyangarav's compilation of sources from the time of the Mongol khans

Ganbold Dashlkhagvaa

Mongolian State University of Education, Mongolia,

Tsetsegdari Ulamsuren

Tuvan State University, Russian Federation,

Oyumaa M. Saaya

Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation

This article analyzes the content of the work "The Lineage of the Mongol Khans in Mongolian Texts" written in the late 19th / early 20th centuries by Pandita Jamyangarav (1867–1918), a Mongolian monk, poet, philosopher and scholar. This work provides valuable source materials for Mongolian history and an account of the khans of the Golden lineage of Mongolia. It contains interesting stories and information unrecorded in previous historical accounts and is of particular interest because it was written in Tibetan. It is also a valuable source for the history of the spread of Buddhism in Mongolia.

The history of Mongolia is remarkable because it was transmitted mainly orally rather than through writing. As a result, stories and oral traditions always add to the historical material that is passed down through the scriptures. However, very few Mongolian historical texts have been written in the Tibetan language. It is distinguished by the language's shortened writing.

Although this text, or one bearing a similar name, is mentioned in some lists of Pandita Jamyangarav's works, it includes valuable materials which is introduced in the context of Mongolian culture and history for the first time. It has been translated into Mongolian, its textual and scribal errors have been rectified, and it has been made available for scholarly analysis.

Keywords: lama; Tibetan language; Pandita Jamyangarav; Mongols; Buddhism; seal of Genghis Khan; Buddhist teacher

For citation:

Dashlkhagvaa G., UlamsurenTs. and Saaya O. M. Research into the themes covered in Pandita Jamyangarav's compilation of sources from the time of the Mongol khans. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 438-447. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.26>

DASHLKHAGVAA, Ganbold, Candidate of Philology, Professor; Director, Institute of Mongolian Studies, Mongolian State University of Education. Postal address: 14 Peace Avenue, Sukhbaatar District, 210648 Ulaanbaatar, Mongolia. E-mail: ganbold888@msue.edu.mn

ORCID: 0000-0003-1493-9249

ULAMSUREN, Tsetsegdari, Candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of Tuvan Philology and General Linguistics, Tuvan State University. Postal address: 36 Lenina St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: uthetheg@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3015-0619

SAAYA, Oyumaa Maadyr-oolovna, Candidate of Philology, Leading Researcher, Sector of Linguistics, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: yu5bi@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3775-2391

Исследование тем, затронутых в сборнике источников времен монгольских ханов Пандиты Джамъянгарава

Ганболд Даилхагваа

Монгольский государственный университет образования, Монголия,

Цэцэгдарь Уламсурэн

Тувинский государственный университет, Российская Федерация,

Оюмаа М. Саая

Тувинский институт гуманитарных и социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация

В данной статье анализируется содержание труда «Линия преемственности монгольских ханов в монгольских текстах» (написан в конце XIX — начале XX в.) пандиты Джамъянгарава (1867–1918), монгольского монаха, поэта, философа и ученого. Она содержит ценный материал по монгольской истории — повествует о ханах золотой династии Монголии. В ней есть интересные легенды и информация, не зафиксированные в предыдущих исторических источниках. Она также является ценным источником по истории распространения буддизма в Монголии.

История Монголии отличается тем, что она передавалась скорее устно, чем письменно. В результате устные традиции всегда дополняют исторический материал, который передается через священные писания. Данный текст также примечателен тем, что написан на тибетском языке, в то время как литературы по монгольской истории на тибетском языке довольно мало.

Хотя этот текст или текст с похожим названием упоминается в некоторых списках произведений пандиты Джамъянгарава, в монголоведении впервые анализируется содержание этого текста. Также она впервые переводится на монгольский язык, в ней исправлены текстовые ошибки и ошибки переписчиков, чтобы она стала доступной для дальнейшего научного анализа.

Ключевые слова: лама; тибетский язык; пандита Джамъянгарава; Монголы; буддизм; печать Чингисхана; буддийский учитель

Для цитирования:

Dashlkhagva G., UlamsurenTs. and Saaya O. M. Research into the themes covered in Pandita Jamyangarav's compilation of sources from the time of the Mongol khans // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 438-447. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.26>

Даилхагваа Ганболд — кандидат филологических наук, профессор, директор Института монголоведения Монгольского государственного университета образования. Адрес: 210648, Монголия, г. Улан-Батор, Сухэбаторский микрорайон, пр-т Мира, д. 14. Эл. адрес: ganbold888@msue.edu.mn

Уламсурэн Цэцэгдарь — кандидат филологических наук, доцент кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Российская Федерация, г. Кызыл, Ленина, д. 36. Эл. адрес: uthetheg@yandex.ru

Саая Оюмаа Маадыр-ооловна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языкознания Тувинского института гуманитарных и социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Российская Федерация, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Эл. адрес: yu5bi@mail.ru

Introduction

The well-known Mongolian monk, scholar, philosopher and poet Pandita Jamyangarav lived in the late 19th and the early 20th centuries ('*Jam dbyangs dkar po*, 1861–1918) and compiled books in the Tibetan language. He was also a historian who studied the succession lineage of the khans of the Mongol state and the spread of Buddhism in Mongolia. There is quite a lot of research about Pandita Jamyangarav in Mongol studies. Among the latest works are *Poetry Theorist Jamyangarav* by D. Tserensodnom (Tserensodnom, 1975) and *On the branches of Kalpavriksha*¹ by L. Hurelbaatar (Hurelbaatar, 1996).

The purpose of this article is to introduce the topic of the historical work entitled *The Succession Lineage of the Mongol Khans in Mongolian Texts* (ཀླུ་རབས་ཀྱི་འབྲང་ཁྱད་སྟོན་གྱི་སྒྲུབ་ཡིག་ལ། ༡༤; *Rgyal rabs kyi 'byung khungs kyi sog yig la*) compiled by Pandita Jamyangarav in the Tibetan language. Under the same name, this work was first mentioned in the contents of the collected works of Jamyangarav's *Bibliography of Works of Mongolian Monks in the Tibetan Language* compiled by the scholar and monk Ts. Tumen-Ulzi². It is also cited in the works by other Mongolian monks of the past, in stories about the historical succession of the Mongolian khans. However, the work itself has not been studied yet, it was discovered only recently.

In 2011, in Jargalant *sum*, Arhangai *aimag*, Jamyangarav's own region, we have discovered this text with the same title — *MS*. It is a 14-page manuscript from the collection of D. Ganbold, which was then published in the original language — in Tibetan³. It is noteworthy that it touches upon important topics that are not covered in other written sources of the era of *The Secret History of the Mongols*.

This article also attempts to compare the information presented in the work with topics considered in other Mongolian historical sources. Special attention is paid here to new information that had not previously been recorded in other sources, such as writings on ceramics about Genghis Khan; the Name and the Seal of

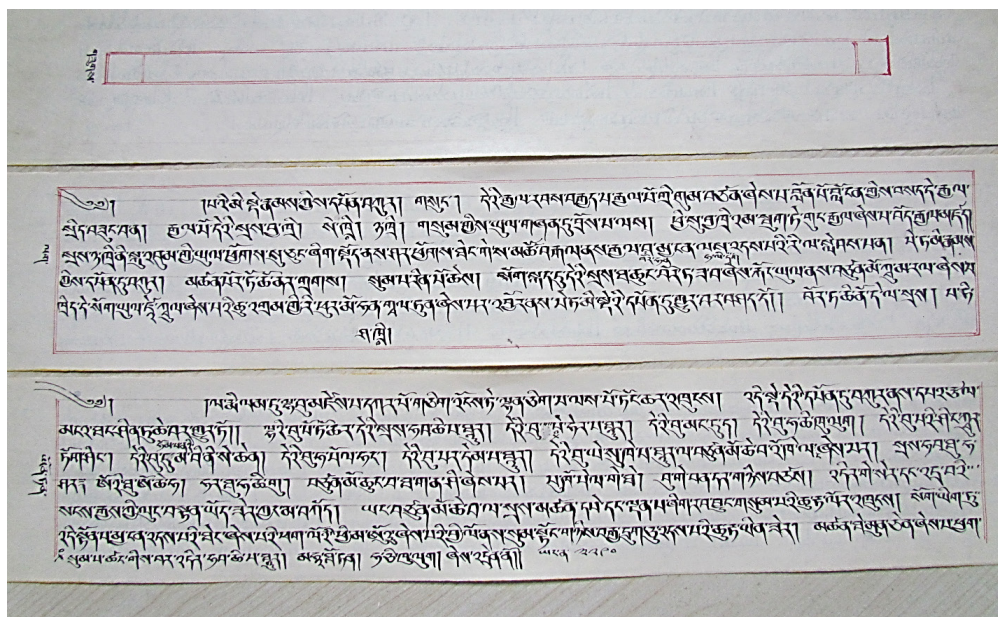

Image 1. Photo of pages 1 and 2 of the manuscript “The Succession Lineage of the Mongol Khans in Mongolian Texts” (ཀླུ་རབས་ཀྱི་འབྲང་ཁྱད་སྟོན་གྱི་སྒྲུབ་ཡིག་ལ། ༡༤ / Pandita Jamyangarav in Tibetan) kept in the personal collection of D. Ganbold)

Изображение 1. Фотография страниц 1 и 2 рукописи “Родословная монгольских ханов в монгольских текстах” (Пандита Джамьянгарав на тибетском языке), хранящейся в личной коллекции Д. Ганболда.

¹ Wish-Fulfilling Tree.

² Tümen-Ölzii, Ts. *Mongol lam naryn Tövöd heeler bichsen büteeliin tses* [རིག་ཐུན་མཚོགས་མེ་མོ་པུ་ཏི་ཏ་ དང་བཟུང་མཁའ་ལ་འཇམ་དབྱངས་དཀར་པོ། / The origin of the Mongolian royal lineage according to the Mongolian texts]. (A manuscript from the authors' collection).

³ Pandita Hamba Jamyangarav. (2021) *སྒྲུབ་ཡིག་རྒྱུ་མཉམ་ཁྱེ་རྒྱུ་རབས་བྱང་ཚལ་གྱི།* [Sog yig rnam su Hor gyi rgyal rabs byung tshul ni / The origin of the Mongolian royal lineage according to the Mongolian texts]. In: Ganbold D. *Bat sujeft, pandita hamba Jamyangarav*. Ulaanbaatar, Soyombo Printing Co. Ltd. Vol. III / Erhelj hevlulsen D. Ganbold and Ch. Purevdorj. Pp. 7–32.

the Great Khan, as well as inscription on it; the text *Magic Manifested by Sakya Pandita*. The work in question with the same title is mentioned in some lists of the writings of Pandita Jamyangarav.

The history of Mongolia differs in that it was transmitted orally rather than in a written form. As a result, stories and oral traditions always complement the historical material that is transmitted through the scriptures. The manuscript of Pandita Jamyangarav was translated by us from Tibetan into Mongolian in 2021, with textual and scribal errors corrected. It is now available for scholarly analysis. Since the text was written in Tibetan, place names and names of historical figures were transcribed phonologically.

Characteristics of the manuscript

The text in question has no contents list, and its fourteen folios (1a/gzugs-14a/ma nus) begin on the first with the title, *The Succession Lineage of the Mongol Khans in Mongolian Texts* (༣༣༣༣ ལོག་ལོག་རྒྱལ་ཁབ་ཀྱི་རྒྱལ་པོའི་འབྲུག་ཚུལ་ནི་); *sog yig rnam su hor gyi rgyal rabs* 'byung tshul ni); it is a manuscript of relatively small size and of an unremarkable format. Apart from the fact that, with regard to the number of pages, it fits with what is indicated above, because the listing is similar; it is understood that this is in fact the 29th text indicated in the volume *ka* (ཀ) of Jamyangarav's collected works. That said, the folios are numbered symbolically, not by numbers, but by a secret numerical system not encountered in other texts:

- གཟིགས་ (*gzigs*) — form (1) (*form* is the symbolic term for the number 1, which is so named because it is the first of the five aggregates)¹,
- ལག་ (*lag*) — hand (2) (*hand* is the symbolic term for the number 2, because a human has two hands).
- ཡོན་ཏན་ (*yon tan*) — quality (3) (*quality* is the symbolic term for the number 3, and this refers to *emptiness*, *darkness* and *the power of the heart*). By *emptiness* is meant the quality of leading to or entering into emptiness; by *darkness* is meant the darkness of heaviness or obscurity; and by *the power of the heart* is meant the clarity and lightness which are the power of the heart²,
- མཚོ་ (*mtsho*) — ocean (4) (*ocean* is the symbolic term for the number 4, referring to the four directions),
- མདའ་ (*mda'*) — arrow (5) (*arrow* is the symbolic term for the number 5, referring to those who are drunk, tipsy, drugged, successful and victorious). These are the five petals of the flower which emerges from the heads of the daughters of Dūḍgaravvanchūg (*Tib Bdud dga' rab dbang phyug*) and harm any creature they might strike³,
- རོ་ (*ro*) — taste (6) (*taste* is the symbolic term for the number 6; these are sweet, sour, pungent, bitter, hot and salty, as clearly laid out in the medical textbook⁴. The intensity of taste, which is the best of good medicines, is also sixfold: nutmeg, cardamom, lime, castor-oil, cloves and saffron⁵,
- རི་ (*ri*) — mountain (7) (*mountain* is the symbolic term for the number 7). The mountain has four faces — each one made of a different material; the northern face is made of gold, the eastern one is made of crystal, the southern one is made of lapis lazuli, and the western one is made of ruby. There are seven golden mountains around it: “Yoke, Plough, Acacia Forest, Pleasing-to-the-Eye, Horse’s Ear, Bent and Rim”⁶,
- རྒྱ་ (*klu*) — *nāga* (8) (*nāga* is the symbolic term for the number 8). They are symbolized by the eight great kings of the *nāgas* — Vasukī, Padma, Karkotaka, Takshaka, Mahapadma, Shankapala, Kulika and Shesha⁷,
- དབུ་ (*dbug*) — opening (9) (*opening* is the symbolic term for the number 9). The nine openings are the mouth, the anus, the genitals, the two eyes, the two ears and the two nostrils⁸,

¹ Choimaa, Sh. et al. (2000) *Buddhyn shashin soyolyn tailbar toli* [Dictionary of Mongolian Buddhism] : in 2 vols. Ulaanbaatar, Ungut Khevlle Co. Ltd. Vol. 2. P. 142.

²Choimaa, Sh. et al. (2000) *Buddhyn shashin soyolyn tailbar toli* [Dictionary of Mongolian Buddhism] : in 2 vols. Ulaanbaatar, Ungut Khevlle Co. Ltd. Vol. 1. P. 288.

³ Choimaa, Sh. et al. Op. cit. Vol. 2. P. 282.

⁴ *Anagaakh ukhaany dörvön ündes [Four foundations of medical science]*. (1991) Ulaanbaatar, Ulsyn Hevleljin Gazar. 78 p. (In Mongolian).

⁵ Choimaa, Sh. et al. Op. cit. Vol. 1. P. 482.

⁶ Jamgön Kongtrul Lodrö Tayé, *Myriad Worlds* (Ithaca: Snow Lion, 1995), page 110.

⁷ Choimaa, Sh. et al. Op. cit. Vol. 2. P. 99.

⁸ Choimaa, Sh. et al. Op. cit. Vol. 1. P. 428.

- ལྷོ་གཤམ་ (phyogs) — direction (10) (*direction* is the symbolic term for the number 10). They are east, south, west, north, the four intermediate directions, above and below,
- འགྲུ་པོ་ (drag po) — wrathful (11) (*wrathful* is the symbolic term for the number 11),
- ཉི་མ་ (nyi ma) — the Sun (12) (*Sun* is the symbolic term for the number 12). The Sun is the master of the twelve zodiacal palaces, those of the Sheep, the Ox, the Twins, the Frog, the Lion, the Virgin, the Scales, the Scorpion, the Bow, the Crocodile, the Jar and the Fish,
- འདོད་པ་ ('dod pa) — desire (13) (*desire* is the symbolic term for the number 13),
- མ་ནུ་ (ma nus) — inability (14) (*inability* is the symbolic term for the number 14).

Apart from these, the Mongolian Tibetanist L. Hürelbaatar discovered and translated Jamyangarav's Tibetan composition "Poem on Mongolian History", which was published in the first volume of *Anthology of Mongolian Literature* (Sain ugsiin san, 1995).

In our translated text, Jamyangarav perpetuates the approach taken by previous scholars, giving the origin of the Mongol khans in terms of the succession of Indian and Tibetan rulers. Following this, he briefly describes the succession of the 37 Mongol khans, how long they ruled, what kind of religious traditions were followed during their reigns, whom the leading teachers invited, what kinds of books were written and distributed, and the circumstances in which they came to and left the throne, citing Mongolian works such as Sümbe Hamba Ishbaljir's (1704–1788) history of oriental religion entitled *Kalpavriksha Tree*¹ and the Tsahar geshé Lubsanchültem's (1740–1810) *Blue Book* (*Höh devter; deb ther sngon po*).

What is written in the manuscript?

In terms of the origin and succession of the Mongol khans, the text briefly states that there was the Indian king Mahasamadhi, and then Nyati, the third son of the Tibetan king Digum Tsenpo, established the kingdom of Beda and was known as Bört Chono. After that, over the generations, there was Bodonchar Munhag, and then by means of his son the lineage came to Chinggis Khan (1162–1227), and after him there ruled 35 Mongol khans and two Oirat khans. From Chinggis Khan to Toghontemür Khan (1320–1370), 16 great khans reigned there for 180 years during which time the Mongols ruled over the Chinese state. From that point, the golden lineage, ruling the Mongol state, stretched until the death of Ligdan Khan. However, following this period, the state seal was handed over to the Manchu rulers. In 1368, the Chinese state wrested rule from the Mongols and then, after the time of Jüge Noyon, there was a line of 13 khans such as Yun Lo and Zün Tsi, after which a minister called Liü Zi betrayed the state and delivered the seal to Shündi khan of the Manchu².

Regarding the spread of Buddhism, it is written that, first of all, in the time of Chinggis Khan, Setsen Gungaanyambu had private interactions with the lord to whom offerings were made. Then, in the time of Ögödei Khan, he invited the liberator Dagvajaltsan, and in the time of Godan Khan, he invited Sakya Pandita. Möngke Khan honored Garmadüisümchenba, and then Kublai Tsetsen Khan welcomed the Phagspa Lama and so supported the Dharma. After that, Öljeitü Khan welcomed Jamyanrinchin and Khaisun Külüg Khan welcomed Choigü-Odser, and a Mongolian version of the *Heart Droplets* text (*Jürken-ü tolta*) was composed and several books were translated into Mongolian. Buyantu Khan made sacrifices to Jamyangba and had blocks to print the Kangyur. Gegeen Khan made sacrifices to Sakya Shiri, Yösöntömör Khan — to Sakya Sodnomsambu, Zayat Khan — to Sakya Gungaabadaraa, and Toghontemur Khan the Wise — to Sakya Gungaalodoi. At this point, the succession of the junior Khans entered a period of uncertainty, and in Mongolia, until the era of conflict with the Oirats, there were about 300 years of the Sakya lineage. From the time of Tümen Zasagt Khan, the teachings of the Gelugpa school were in the ascendant, and they constructed the monastery at Erdene Zuu, and in the time of Ligdan Khan, under the leadership of Gungaa-Odser, the Kangyur was translated into Mongolian³.

The majority of these events conform with the historical information of the sources concerning the khans during the golden lineage of the Mongolian state, recorded in *The Secret History of the Mongols* and in historical sources of the 17th and 18th centuries. Since the way in which personal names, toponyms

¹ Sümbe Hamba Ishbaljir. (2017) *Kalbarvasun modun hemeesh shashny tüüh [Kalpavriksha Tree]*. Ulaanbaatar, Amjiltyn Garts Co. Ltd. 584 p.

² Ibid., p. 11.

³ Ibid.

and calendrical terminology are recorded and read with parallel Tibetan texts, there are quite many places in which discrepancies occur because of general misunderstandings. In this regard, there are new and interesting pieces of information, and in the following sections we will comment on some examples taken from the manuscript:

1. concerning what is written about the vase (pottery) mentioned in this text with regard to Chinggis Khan;
2. concerning the name of Chinggis Khan, his seal and the inscription on it;
3. concerning the magic displayed by Sakya Pandita.

What is written about the vase (pottery) with regard to Chinggis Khan?

The following sutra tells the legend about a vase that fell from the sky:

“When Chinggis Khan was not in his palace for some time, a person or a god from the sky put a vase full of alcohol near his mother, gave it and left, saying, ‘Your father has given this to you, Chinggis Khan’. He saw this and asked his mother, ‘What did the gods give to me?’ She said, ‘I know nothing. There is a covered bowl here’, and took it. He gulped down the alcohol, saying ‘Some people of my lineage are born wise, some are born ignorant. This would seem to be fate’. His elder brothers came and asked if they could have a drink, and he said, ‘You may not drink even a very little, it is my destiny’, and when Chinggis Khan tasted a little, he became drunk. Once he had sobered up, his elder brothers agreed to take pride just sitting with him for a little while, and they made a vow, as though by command, to become his subjects.

[ཆིང་གེ་ས་རང་ཉིད་ལོ་བྱང་ཞུགས་པའི་སྐབས་ཤིག་ཏུ། གནམ་ནས་ཡོད་པའི་ལྗང་མི་ཞིག་གིས་རྩ་བུ་ཆང་གིས་བཀང་བ་གཅིག་པས་ཆིང་གེ་ས་ཁྱོད་ལ་སྒྲུབ་བའི་ན་ཞུས་མ་མཁུ་མའི་གསལ་དུ་མྱིན་པ་གསལ་སྟེ་བཞག། ཆིང་གེ་ས་ཁྱོད་ནས་མ་ལ་ལྷན་ཅི་བྱིན་གསུང་། མས་ཅི་ཡང་མ་ཤེས། རྩ་བུ་ཆང་གི་ཞིག་གིས་བཀང་བ་དེར་འདུག། ཟེར་བ་སྤངས་བདག་གི་རིགས་བརྒྱད་ཁ་ཅིག་ནི་འཛངས་པོ་འོང་། ཁ་ཅིག་ནི་སྒྲན་པོ་འོང་བར་འདུག། སྐལ་བ་དེ་ལྷ་མ་ཆེ་གསུང་ནས་ཞུས་དུ་གསོལ་བ་དང་། ལུ་བོ་རྩ་བུ་ཆང་འོང་ནས་དེ་ལས་འཐུང་འདོད་པར་འདི་བྱེད་ཆོས་འཐུང་མི་ཅུང་། ངའི་སྐལ་བ་ཡིན་གསུང་ནས་དེ་ནས་ཐུང་ཞིག་ཐུང་བ་ཙམ་གྱིས་ཐྱུག་ནས་དེ་ན་མེད་སོང་། སངས་བཀ་ན་ལུ་བོ་རྩ་བུ་ཆང་ཆིང་གེ་ས་ཉིད་དང་འགྲན་ཞིན་དུ་འདུག་པའི་དུ་ལྷ་གཞིས་ནས་ནུ་བོར་ལས་སྤངས་ནས་མངའ་འོག་དུ་ཚད་དེ་བཀའ་བཞིན་བཞུགས་པར་དམ་བཅའ་བྱེད།”¹.

Although this is rarely mentioned in other Mongol historical sources, in his *Golden Summary* (Altan Tobchi) Guush Lubsandanzan writes:

“By the power of ancient merit, powerful Hurmast Tenger offered a jade cup full of pure alcohol (arahi) to Chinggis Khan. As though frightened, he accepted it, and had his younger brothers sit and eat, and he said that, even though the four younger brothers might have appeared like ten in front of their elder brother, still they were but four. They said, ‘Oh, although my khan eats a lot, he offers his support to us’. The khan instructed his four younger brothers, ‘In my previous birth, I received a jade seal in my right hand, on the instructions of the Buddha, from the land of the Nagas. Now, the powerful Hurmast Tenger has granted me a jade cup full of pure alcohol. I am thinking that perhaps I am the Destined Khan. If you wish to drink, then please drink’. The four younger brothers drank, but once the drink was in their mouths they were unable to swallow it. They said respectfully to the khan, ‘We who are not destined to quarrel with the Destined Khan inappropriately. We will be nobles who understand the family. Please drink, Khan’. The khan drank. He got too drunk on the pure alcohol and announced, ‘In a previous birth, I received the jade seal of the King of the Nagas on the instructions of the Buddha. And now, the powerful Hurmast has granted me a jade cup full of pure alcohol. Tenger has ordained me as the Destined Lord’².

Looking at this issue, the younger brothers of Chinggis Khan appear to have decided to be disputatious and quarrel with elder brother. But in Jamyangarav’s text, there is a discrepancy: “When Chinggis Khan was not there, a person from the sky came bringing a jar of pure arahi to where his mother was, and he came and took it from his mother, and he drank it all saying, ‘Some people of my lineage are born wise, and some are born ignorant’, and he went away reeling”³. In Lubsandanzan’s *Altan Tobchi*, this theme is dealt with in connection with how the lofty Hurmast Tenger and the lowly Naga Lord supported and encouraged the Lord⁴. Furthermore, in Sümbe Hamba Ishbaljir’s *Kalbarvasun Mod*, it is said that “he partook of a pure liquid which filled a vessel of precious jewels borne in a hand that suddenly came from the sky, and afterwards the Nagas presented a seal to him as the Khan of the Mongols”⁵. Perhaps this is an elegant way of expressing the challenge in the question, “Who will be the Khan?”

¹ Ibid., p. 12.

² Guush Lubsandanzan. (1990) *Ertnii khaadyn undeslesen turtu yosny zohiolyg tovchilon huraasan Altan tobchi hemeesh orshvoi [Golden summary of Mongolian historical chronicle]* / Orshil bichij erhlen hevluulsun Sh. Bira. Ulaanbaatar, Suhbaatar Ulsyn Hevlelin Uildver. P. 84.

³ Jamyangarav. Op. cit. P. 84–85.

⁴ Lubsandanzan. Op. cit. P. 13.

⁵ Sümbe Hamba Ishbaljir. Op. cit. P. 584.

The analysis of the sources telling about the history associated with the vase has shown that the basic idea is generally preserved. Jamyangarav's text differs in that the vessel with the drink was presented to his mother, and Chinggis Khan drank from it afterwards, while not allowing his brothers to drink from it either. In addition, there is no information in it that Genghis Khan received a seal along with the vessel.

Concerning the name of Chinggis Khan, his seal and the inscription on it

It is known that Chinggis Khan had a square seal as the main symbol of statehood, on which was written: "By the power of the Eternal Blue Sky, the Decree of the Khan of the Great Mongolian Empire. Subject, obey this, listen!" (Bazarov, Nyam-Osor, 2003: 65).

In the work of Pandita Jamyangarav, it is said as follows:

“At the age of 28, the Lord became Beda¹ or Mongol Khan on the banks of the Herlen River, and an exquisite sparrow with the colors of the rainbow between the sun sat that day upon a square iron ore stone to the east of the palace, singing the sound ‘Chinggis’, and that is said to be the source of the name ‘Chinggis’. The stone split apart, and the *yontan* or four seals emerged, and one was said to be the seal of Heaven, one was the seal of the Nagas, and one was the seal of the Khans, and so the seals of Heaven, the Nagas and the Khans came into being. The length and breadth of the seal are about a span, and it is carved with letters like two dragons playing on the back of a tortoise, and every day they bite one another, drawing bright vermilion and pressing enough to pierce a thousand sheets of paper. Those letters form the following text: ‘*Yo Wang, min shou ni zoan tsin*’, which means ‘By the grace of Heaven, may you forever have a good fortune and a long life’.

[ཆོང་གེ་མ་རང་ / མཚོ་ གི་དབྱུང་ལེ་ཉེར་བཟུང་པ་ལ་ཁྱེད་མིང་ལྟ་མེན་ཞེས་པ་རྒྱ་ཆུ་རྒྱུ་པོའི་འགྲམ་དུ་པ་དང་མཉམ་ཅིག་པོའི་སྤྱོད་དཀར་རྒྱ་པོར་མང་དུ་བཟུང་པ་ལ། དེའི་ཉེན་ན་ཉི་མ་འགྲལ་པར་དུ་བ་
དྷིག་འཇང་ཆོན་རྩེར་བཀྲ་པ་གེའི་བྱེད་ལྟེན་གསལ། ལྷ་ཀྱི་ཤར་ལྷོ་གསལ་གྱི་པ་པོར་ལྟ་བཤིན་པ་གཅིག་གི་སྤྱོད་དུ་ཆོང་གེ་མ་ཞེས་པའི་སྤྱོད་བཟུངས་པ་མཁུ་པོའི་མཚན་ཆོང་གེ་མ་ཞེས་གསལ། པ་པོར་དེ་གསལ་པ་ལས་ལུང་མང་འམ་
མཁུ་ག་བཤིང་ལུང་པོའི་གཅིག་ལྟ། གཅིག་ལྟ། གཅིག་གིས་རྒྱ་མཁུ་མང་དོན་ལུགས། ཟེར་ཡང་ལྟ་གྱི་རྒྱ་པོ་མཁུ་དེ་འདྲི་ན་ཆགས་ཞེས་ཀྱང་ཟེར་རོ། རྒྱ་པོ་མཁུ་དེ་ཡང་དཔེར་བཅའ་གསལ་ཀར་མཚོ་དང་ཙམ་ལ་རྒྱ་དཔེར་སྤེལ་ལྟ་
ལུང་སྤྱོད་དུ་འགྲལ་གཉིས་ཆོས་པ་རྒྱ་ལ་ཡི་ཅོ་༥ བརྩོན་པ་འདྲ་བ་ཉེན་རེ་བཞིན་མཆོས་སྤང་གཉིས་ཆོས་པ་དང་། ལན་གཅིག་བཟུང་བ་པས་ཤོག་སྤྱོད་རྒྱ་རྒྱ་དུ་བཟུང་བ་རྩེས་ཟེར། ཡི་ཅོ་ནི། ལྷོ་མན་མིན་ཤིང་ནི་ ཆོང་ཆོང་ཞེས་
པ་ནི་ལྷོ་ཤིང་དཀེལ་སྤང་ཤིང་ཤིང་། ལྷོ་ཆོ་ལྷན་རིང་དུ་གནས་ཞེས་པའི་དོན་ཡིན་ཆོ་ཟེར།]”².

The central issue here is the giving of the name of Chinggis, presenting the seal to the khan, the form of the seal, the words inscribed upon it, and their meaning. This account differs slightly in some imagery and language in both the brief and the extensive accounts given in such historical texts as *The Secret History of the Mongols*³, Sagan Setsen's *Summary Treasure of Mongolian Historical Chronicle*⁴, Darma Güüş's *The Golden Wheel with Thousand Spokes*⁵, Jamba's *Shamba's Brief History of Mongolia*⁶ and Lubsandanzan's *Golden Summary of Mongolian Historical Chronicle*⁷. In this regard, the indicated sources contain the following pieces of information: "Seven days after Chinggis Khan was born, a lark was singing on a peninsula in the ocean"⁸; "The day after the day after the Lord was born"⁹; "At the age of twenty-eight, the Khan took his seat on an island in the Herlen"¹⁰; and "When he was fully-grown, he was hunting at the edge of the eastern ocean"¹¹. But the versions provided by Sagan Setsen and Ishbaljir follow Jamyangarav's idea.

The information regarding the jade seal, its form and inscription is not clear in all the sources except *Summary Treasure of Mongolian Historical Chronicle*¹². So we know that Jamyangarav read this text. But it is

¹ Beda is a name of Ancient Mongolia.

² Jamyangarav. Op. cit. P. 13.

³ *Mongyul-un niyuca tobciyan* [The secret history of the Mongols] (1947) / Qayucın bicig-ece C. Damdinsüreng orciyulba. Ulaıanbayatur qota, Ulus-un Keblekü Üyiledbüri. 237 p.

⁴ Sagan Setsen. (2006) *Erdeniin tobchi [Summary treasure of Mongolian historical chronicle]*. Ulaanbaatar, Soyombo Printing Co. Ltd. 366 p.

⁵ Darma Güüş. (2006) *Altan hürden myangan higeest bichig [The golden wheel with thousand spokes]*. Ulaanbaatar, Soyombo Printing Co. Ltd. 319 p.

⁶Jamba. (2006) *Asragch nertiin tüüh [Shamba's brief history of Mongolia]*. Ulaanbaatar, Soyombo Printing Co. Ltd. 108 p.

⁷Lubsandanzan. Op. cit.

⁸ Ibid. P. 45.

⁹ Jamba. Op. cit. P. 16.

¹⁰ Sagan Setsen. Op. cit. P. 62; Sümbe Hamba Ishbaljir. Op. cit. P. 132.

¹¹ Darma Güüşh. Op. cit. P. 38.

¹² Ordos Hishigbat. (2019) Ert ba edüegeegin Erdene-yin tobchi [Summary treasure of Mongolian historical chronicle]. In: Ordos Hishigbatyn бүтээлийн чуулган / transcribed in Cyrillic and with annotations by D. Zorigt and D. Ganbold. Beijing, People's Publishing House. 233 p.

obscure how many seals emerged when the iron ore stone broke apart. If we consider texts such as “From within the stone that broke apart, what is called the ‘jade’ seal emerged...”¹; and “Yesühei the warrior tried to split it, and a jade seal emerged...”², we may think that only one seal emerged. But in *Altan Tobchi* we can read that when he tried for the first time “a golden seal was seen rising into the sky”, on the second time “a silver seal was seen entering the ocean” and on the third time “a jade seal emerged”³. Thus, there seem to be three seals, but Jamyangarav says that “four seals emerged, and one was said to be the seal of Heaven, one was the seal of the Nagas, and one was the seal of the Khans”⁴. There is nothing here, though, either in the information or in the stories, concerning the fourth seal. According to the sources above, the gold and silver seals are the seals of Heaven and the Nagas, while the jade seal is the seal of the human ruler. This references the idea that Chinggis Khan dominated in the upper, middle and lower lands.

In *The History of Mongolian Kings' Seals*, Saishaal wrote about the inscription on the seal — “Shu min yüüü tuan gi sü yun tan” (“By the order of Heaven, may your life be long”) — that “of the 8 Imperial *bau* seals during the Yuan dynasty, the seal of the second state was ‘by the decree of Heaven, eternal and of good fortune’”⁵. In Darma Güüsh’s *The Golden Wheel with Thousand Spokes*, it is said that “... Tsin Shi Hun khan’s minister Lin Zi knew that white Chuan zi jade was rare in the world, and he had the seal inscribed eight hieroglyphs (*shou min chjui tin gya shyu chjun chan*) which can be translated as “the life ordained by Heaven will be long”. So it became the symbol of the state and of good fortune. Among other things, it is mentioned that “a seal of precious stones is traditional for many Mongolians...”⁶. Therefore, it is clear that Chinggis Khan had a jade seal, and that it had eight characters which read “By the grace of Heaven, your life will be eternal”. And yet in his book, Jamyangarav gives a parallel gloss on the inscription which differs from the others⁷. This needs a closer examination.

Concerning the magic displayed by Sakya Pandita

Pandita, a historical figure who lived in the 13th century, was the abbot of the Sakya Monastery. In 1243, he created the Mongolian alphabet. There is much information about his life in Mongolian sources. For instance, it is written about him in *Collection of Jewels Subashid* translated by Tsahar gebshi Lubsantsultim⁸.

Jamyangarav writes the following:

“In the Earth Monkey year (1248)⁹, things were reported to Sakya Pandita so as to arouse sadness. [Godan] Khan asked Sakya Pandita the reason why a tortoise has no hair on its shell, and Pandita taught wonderful things many times, such as that the tortoise does indeed have hair on its shell. There is the custom that there are hairs of light on the skin of the tortoise in the world, and there is a Buddha bodhisattva on every five hairs, and there is the special custom that there are a thousand Buddhas during a good era. But it did not affect the mind of the Khan, and the Tibetan teacher grew angry and said, ‘I have given these fine words in order to tame wild animals such as our Khan and his friends’. A wizard in the region near to Lanjü [that is Sakya Pandita] paid a visit to a magic monastery so as to conjure something extremely beautiful, but when he went to the door of the monastery and uttered his spell, he could not summon his magical powers. When he blessed the monastery in its physical form, it was known as Huvilgasan Hiid, or the Magic Monastery.

།ཡང་པར་འདའི་སྒྲེལ་ཤོར་རྒྱལ་པོས་ས་པར་ལ་ཉམས་ནང་འདི་ལྟར་མཛད་དེ། རྒྱལ་པོས་རུས་གྱི་པགས་པར་སྒྲུ་མེད་པའི་རྒྱ་མཚར་དེས་པ་ལ། བཞི་དམ་... རུས་གྱི་པགས་ལ་སྒྲུ་ཡོད་དེ། ཤིང་པའི་རུས་
 གྱལ་གྱི་པགས་སྒྲུ་ཡོད་ཟེར་ལྟ་སྟེ་རེ་བཞིན་གངས་རྒྱས་བྱང་མཁས་བཞུགས་ཚུལ་དང་། རྒྱད་པར་བསྐྱལ་བཟང་པའང་རྒྱས་རྟོད་བཞུགས་ཚུལ་སྟགས་དོ་མཚར་པ་མང་ཁྱ་གསུང་བཟ། རྒྱལ་པོའི་ཡིད་ལ་མ་པགས་པར།
 བོད་གྱི་བརྟེན་ལགས་པོ་འདི་དེད་གྱི་རྒྱལ་པོས་འཁོར་བཅས་དྲུག་འགྲོའི་གང་སྒྲུ་བཞི་འདུག་ཟེར་ཞིང་། ཁོས་ནས། སྟོང་པར་མའི་ཉེ་འཁོར་ཞིག་རུ་རྒྱལ་མ་ཁག་གྱིས་སྒྲུ་མའི་གཞུག་ལགས་པར་ཟུར་བཟང་པོ་སྒྲུ་དེ། རྒྱལ་

¹ Sagan Setsen. Op. cit. P. 62.

² Darma Güüşh. Op. cit. P. 38.

³ Lubsandanzan. Op. cit. P. 45.

⁴ Jamyangarav. Op. cit. P. 13.

⁵ Jaishaal. (2006) *Mongol haadyn tamgany tüüх* [The history of Mongolian kings' seals]. Höhhot, Inner Mongolian People's Publishing House. P. 19.

⁶ *Olon Mongolchuudyn ug ehiig temdeglesen bichig* [The origin of the Mongols] (2019) Höhhot, Inner Mongolian People's Publishing House. P. 10.

⁷ Jamyangarav. Op. cit. P. 13.

⁸ *Collection of jewels subashid* (1990) / transl. by Lubsantsultim. Ulaanbaatar. 222 P. 5–6.

⁹ Sümbe Hamba says in *Kalpavriksha Tree* that in the sexagenary calendar, “although the Yellow Monkey year (1248) is verified by Sakya Panchen, we believe that the magical symbols have been revealed” (Sümbe Hamba Ishbaljir. Op. cit. P. 514).

པོས་པཱི་ཏ་ལ་དང་ཅག་ལ་གཙུག་ལག་ཁང་གི་ན་ཏུ་སྒྲིབ་པ་ཞིག་མཆིས་པས་ཁྱེད་དེར་བྱོན་པར་ཞུ་ནས་པས། ཁོང་དོར་བྱོན་ཏེ་གཙུག་ལག་ཁང་གི་སྒོ་ན་བྱོན་ཙ་ན་བཀའ་བསྐྱོད་མཛད་པས་སྒྲིམ་མ་མཁན་རྒྱམས་ཀྱིས་སྒྲིམ་སྒྲིབ་པར་གཙུག་ལག་ཁང་དངོས་ཉིད་དུ་བྱོན་ཀྱིས་རྒྱལ་པས་སྒྲིམ་བའི་དགོན་པ་ཞིས་གྲགས་སོ།།¹.

There are more than a few such accounts in the historical sources of which we are aware, but in Setsen Han Nanzaddorj agramba's *Melmiin bayasgalan*, it is written: "In order to test Sakya Pandita, the Khan conjured a magical city and invited him there. Sakya Pandita taught a poem, which started with the words 'Mingyur lhunpo', and scattered flowers, and the Khan was unable to destroy what Sakya Pandita had conjured and died from the magic he had caused"². In another version of this text (*Nüdnii bayar hurim*), we read that "Godan became the Khan in the Earth Monkey year. He met with Sakya Pandita and in order to test Sakya Pandita he had a conjurer create a magical city. Then he invited Sakya Pandita to enter, Pandita recited a poem beginning with the words 'Minjur lhunbo'"³. The Khan tried to destroy the magical city and scattered flowers, but he could not destroy it. The city became known as Lanjübrülviidon.

Godan Khan had heard that Sakya Pandita (1182–1251) was an outstanding individual who had defeated the Indian sages, and he sent him an invitation. This was an interesting historical account of testing the extent of magical abilities, but the themes of these two stories contradict one another (Danjandagva, 2021).

With regard to "Mingyür lhünbo", it is worth mentioning that it echoes with *The History of the Four Good Fortunes of the Buddha* published in *Borjigin aman bilig* (*Jodyn aman damjlaga*) and its meaning is more explicit than in the oral account:

"They think that the Buddha is constantly harmed by evil spirits. At one time, an evil spirit invited the Buddha and made a bed for him so that the roof above would collapse upon it. But even once they had finished their tea, it did not collapse. When the Buddha was going to leave, the evil spirit told him the truth. 'But why did it not collapse?' he asked. 'I blessed it so that it would not collapse. *Minjür lhunpo guei dashi shog. Yanlag dugjü sungi tashi shog. Taavral donid tügji dashi shog. Jalba güsüntügi dashi shog.* I scattered this verse about"⁴.

Examples of some names, transcriptions of which are generally disputed

In his work, Jamyangarav gives the following spellings in Tibetan for some anthroponyms and names of geographical objects. The name of Burhan Haldun is rendered in Mongolian as *Gaslangaas nögchsön Yalguusan uul* and in Tibetan as *Borhanhalidug* (བོར་ཏན་ཏེ་ལེ་བུག་), while Sümbe Hamba is recorded as *Phurmohangultun* (ཕུར་མོ་ཏན་ལུ་བུག་). Moreover, some names are transmitted in the following forms: Lake Baikal is written as *Zeegül* (ཇེ་གུལ་དཤེ་ཀུལ་); Duva sohor as *Poro sohor* (པོར་ཤོར་); Tumbinai setsen as *Humbinai* (ཏུམ་བཤེ་ནེ་ hom pa na'i); Begter as *Bügebandar* (བུ་གེ་པན་དར་ Bu ge pan dar); Temüjin as Temünjin (ཐེ་མུན་ཅེན་ the mun cen); and Jüge as Yoga (ཡོ་ག་ yo ga)⁵. Of particular interest is the name *Zeegül* (ཇེ་གུལ་ dsee kul) for Baikal Lake. Such issues require a more careful study.

Conclusion

In his work, Pandita Jamyangarav explores important moments of Mongol history, intertwining them with interesting legends. After conducting a comparative analysis with other sources, we came to several notable observations.

The sources telling about the seals given to Chinggis Khan have a similar structure. However, Jamyangarav claims the existence of four seals, listing them as the seal of Heaven, the seal of Naga, and the seal

¹ Jamyangarav. Op. cit. P. 17–18.

² Nanzaddorj agramba. (2019) *Burhany shashny orchihyn hemjee, lam deedsiin daraalan zalarsan düriiüd, oron shireetiin erembe, haadyn üye-yig товч хураангуй баигуулсан мелмин байасгалан хемеех оршибой. Mongolyn Tövöd sudlalyn tsuvral* [A delight for the eyes called "A brief history of Mongolian Buddhism"]. Vol. XVII. Ulaanbaatar, Amjiltyn Garts Co. Ltd. P. 73.

³ Gantulga, Ts. (1999) *Nanzaddorj agrambyn "Nüdnii bayar hurim" zohiolyn orchuulga, eh bichgiin sudalgaa* [Translation and research of <A delight for the eyes called "A brief history of Mongolian Buddhism">]. Ulaanbaatar, Soyombo Printing Co. Ltd. P. 54.

⁴ *Borjigin aman bilig: Jodyn aman damjlaga [The oral tradition of Zod]*. (2019) Mongolyn Tövöd sudlalyn tsuvral. XXXII [Series of Mongolian tibetology] / comp. by B. Nyammyagmar. Ulaanbaatar, Amjiltyn Garts Co. Ltd. P. 29.

⁵ Jamyangarav. Op. cit. P. 20.

of Khan, leaving the fourth seal unmentioned. In addition, there are discrepancies in the specific details of the seals, especially regarding the eight hieroglyphs. This discrepancy requires further investigation.

It is noteworthy that this work incorporates Tibetan renderings of proper nouns pertaining to Mongolian history. It is plausible that Jamyangarav adapted this style of writing from other Tibetan sources. Nonetheless, further investigation is required to ascertain the truth of this hypothesis.

REFERENCES

Bazarov, B. V. and Niam-Osor, N. (2003) From the history of the Mongol state symbolics. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 62–68. (In Russ.).

Hurelbaatar, L. (1996) On the branches of Kalpavriksha [Wish-Fulfilling Tree]. In: *Cosmic White Garuda*. Ulaanbaatar. Vol. I. Pp. 238–284. (In Mongolian).

Sain ugsiin san [Chronicles of ancient Mongolian literature] (1995) / Hevleld beltgesen L. Hurelbaatar. In: *Mongolyn uran zohiolyn deejis. I boti*. Ulaanbaatar, Suhbaatar Ulsyn Hevleliin Uildver. Pp. 440–443. (in Mongolian).

Tserensodnom, D. (1975) Poetry theorist Jamyangarav. *Linguistic Research*, vol. XI, pp. 240–244.

Submission date: 04.10.2024.

Acceptance date: 11.05.2025.

Особенности репрезентации концептуальной диады жашау — ёлюм в карачаево-балкарской этнической культуре

Светлана К. Башиева, Зульфия М. Ульбашева

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Российская Федерация

В статье рассмотрены особенности бытования в карачаево-балкарской культуре концептов «жашау — ёлюм» 'жизнь — смерть', которые понимаются как концептуальная диада. Концепты культуры анализируются в рамках концепции Ч. К. Ламажаа в трех ипостасях: концепты-словоформы, концепты-идеи, концепты-социальные регуляторы.

Этимологический анализ концептов-словоформ показал, что лексемы «жашау» и «ёлюм» восходят к древнетюркским корням, о чем свидетельствует наличие полных эквивалентов или фонетических вариантов в других тюркских языках.

Анализ идейного содержания концептов показал наличие их сложной структуры — составных лексем: жан 'душа', кьадар 'судьба', заман 'время', смысловое содержание которых обусловлено историко-культурным опытом карачаево-балкарского этноса. Оно включает комплекс аксиологических характеристик: благополучная, светлая, беспроблемная, честная, тяжелая, бесславная, неприличная, короткая жизнь, predeterminedная свыше неизбежная смерть. Также можно говорить о когнитивных признаках, в которых эксплицированы глубинные стороны жизни и смерти (временность в этом мире, бессмертие души, вера в судьбу, неизбежность жизненного сценария, скоротечность, невозвратность времени и др.). В сознании карачаевцев и балкарцев «жашау — ёлюм» понимаются как логически взаимосвязанные начало и конец, predeterminedные судьбой, временем.

Для понимания социально-регулятивной стороны концептов приведены примеры из социальной практики карачаевцев и балкарцев. В них зафиксированы различные ритуальные действия, отражающие отношение этноса к жизни и смерти, в частности приготовление к смерти как неизбежной данности, уважение памяти умершего, поминальные трапезы.

Ключевые слова: этническая культура; карачаево-балкарская культура; концепт культуры; когнитивный признак; жизнь; смерть; концептуальная диада

Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова (договор № 43) в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования:

Башиева С. К., Ульбашева З. М. Особенности репрезентации концептуальной диады жашау — ёлюм в карачаево-балкарской этнической культуре // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 448-458. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.27>

Башиева Светлана Конакбиевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова. Адрес: 360004, Россия, г. Нальчик ул. Чернышевского, д. 173. Эл. адрес: bfo-pdo@mail.ru

Ульбашева Зульфия Мустафировна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова. Адрес: 360004, Россия, г. Нальчик ул. Чернышевского, д. 173. Эл. адрес: z.gaboeva@yandex.ru

Features of the representation of the conceptual dyad *Zhashau — Elyum* in the Karachay-Balkarian ethnic culture

Svetlana K. Bashieva, Zulfiya M. Ulbasheva

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Russian Federation

The article examines the features of the concepts Zhashau — Elyum ('life — death') in Karachay-Balkar culture, which are understood as a conceptual dyad. The cultural concepts are analyzed within the framework of Ch. K. Lamazhaa's theory in three aspects: concept-word-forms, concept-ideas, and concept-social regulators.

An analysis of the ideological content of the concepts revealed their complex structure, consisting of compound lexemes: jan 'soul', qadar 'fate', and zaman 'time', whose semantic content is determined by the historical and cultural experience of the Karachay-Balkar ethnic group. The etymological analysis of the concept-word-forms showed that the lexemes Zhashau and Elyum trace back to ancient Turkic roots, as evidenced by the presence of full equivalents or phonetic variants in other Turkic languages.

An analysis of the ideological content of the concepts revealed their complex structure, consisting of compound lexemes: jan 'soul', qadar 'fate', and zaman 'time', whose semantic content is determined by the historical and cultural experience of the Karachay-Balkar ethnic group. It includes a complex of axiological characteristics: prosperous, bright, trouble-free, honest, difficult, inglorious, disgraceful, short life predetermined from above, and inevitable death. One can also speak of cognitive features in which the profound aspects of life and death are explicated (temporality in this world, immortality of the soul, belief in fate, inevitability of life scenario, transience, irreversibility of time, etc.). In the consciousness of the Karachays and Balkars, Zhashau — Elyum are understood as logically interconnected beginning and end, predetermined by fate and time.

To understand the socio-regulatory aspect of the concepts, examples from the social practices of the Karachays and Balkars are provided. These examples document various ritual actions reflecting the ethnos' attitude toward life and death, in particular, preparation for death as an inevitable fact, respect for the memory of the deceased, and memorial feasts.

Keywords: ethnic culture; Karachay-Balkar culture; cultural concept; cognitive feature; life; death; conceptual dyad

Financing

The study was conducted with the financial support of an Internal grant from the Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov within "Priority 2030" program (agreement no. 43).

For citation:

Bashieva S. K. and Ulbasheva Z. M. Features of the representation of the conceptual dyad *Zhashau — Elyum* in the Karachay-Balkarian ethnic culture. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 448-458. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.27>

BASHIEVA, Svetlana Konakbievna, Doctor of Philology, Professor, Head, Department of Russian Language and General Linguistics, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov. Postal address: 173 Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russia. E-mail: bfo-pdo@mail.ru

ULBASHEVA, Zulfiya Mustafirovna, Candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of Russian Language and General Linguistics, Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov. Postal address: 173 Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russia. E-mail: z.gaboeva@yandex.ru

Введение

Человеческое бытие является важнейшей частью концептуальной картины мира любого этноса, в которой запечатлены результаты познавательной, социальной деятельности многих поколений, отраженные на ментальном уровне в специфике восприятия реальности, в устойчивых мировоззренческих установках, ценностных ориентирах. На наш взгляд, в этом контексте актуальным является изучение лингвоментальных категорий, объективирующих такие аспекты, как смысл жизни, предопределенность судьбы, телесная смерть, опыт приятия которых запечатлен в паремиологических, фразеологических единицах, репрезентирующих компоненты базисных этических концептов, к которым относятся и бинарные категории «жизнь — смерть».

Проблема жизни и смерти не перестает привлекать к себе внимание ученых, работающих в различных отраслях науки, прежде всего в философии, культурологии, филологии. Пожалуй, наиболее активно она разрабатывается лингвистами, фольклористами на материале различных культур, в частности можно отметить такие вопросы, как особенности репрезентации ценностных ориентиров русского этноса во фразеологических единицах с семой 'жизнь' (Башиева, Дохова, Чернышова, 2024), вербализация образной составляющей концепта жизнь¹, биполярный характер концептов 'жизнь', 'смерть'². Интересными представляются исследования в тюркологии (Гусейнова, 2015; Каспихан, 2021; и др.³), особенно те, в которых выстроены модели жизни и смерти на основе фольклорных произведений. К примеру, в тувинских сказках выявлены и описаны 38 групп эвфемизмов, обозначающих смерть⁴, заслуживают внимания концепция жизни и смерти в культуре якутов⁵, репрезентация смерти в древнетюркских письменных памятниках. Например, Б. К. Каспихан приводит такой компонент концепта смерть, как предопределенность ее Тенгри — верховным богом тюрков: «От смерти не убежишь: öd täñri jasar, kiši oyłı kor ölgäli törümiş. — Время (сроки) распределяет Тенгри (властелин Неба, бог), люди же все рождены с тем, чтобы умереть» (Каспихан, 2021: 161).

Цель статьи — выявить и описать репрезентанты концептуальной диады *жашау* — *ёлюм* 'жизнь — смерть' в карачаево-балкарской этнокультуре.

Объектом исследования являются концепты *жашау* — *ёлюм* как базовые этические категории карачаево-балкарской культуры, предметом — специфика их экспликации в паремиологических, фразеологических единицах.

Задачи исследования: 1) провести анализ репрезентантов, объективирующих бинарные концепты *жашау* — *ёлюм*; 2) выявить их аксиологические, когнитивные признаки.

¹ Ипанова О. А. Концепт «жизнь» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический и лексикографический аспекты: автореф. дисс. ... канд. филол. н. СПб., 2005.

² Тарасенко Т. Н. Концепты «жизнь» и «смерть» в системе языка и в сознании разноязычных носителей: на материале фразеологизмов: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Комсомольск-на-Амуре, 2008; Лоскутова Т. Н. Концепты «жизнь» — «смерть», вербализованные лексемами и фразеологическими единицами русского языка, в лингвокультурологическом аспекте: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Челябинск, 2009; Бочарникова И. В. Ценностно-смысловое варьирование лингвокультурного концепта «Жизнь»: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Волгоград, 2013; Логинова М. М. Концептуализация лингвокультурных понятий «жизнь» и «смерть» в русской языковой картине мира: когнитивные, лексико-семантические характеристики и гендерная специфика: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Краснодар, 2017; и др.

³ Бравина Р. И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса: реконструкция, традиции и современность: На материале культуры саха: автореф. дисс. ... д-ра истор. н. Якутск, 2000; Мотыгуллина З. А. Концепт «судьба» в татарском и английском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Казань, 2007; Монгуш Н. М. Эвфемизмы со значением «смерть» в тувинских народных сказках // Народы Алтая в социокультурном пространстве России на рубеже эпох: сборник статей, посвященный 30-летию со дня образования Республики Алтай и 265-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства / отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск: БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова», 2021. С. 719–730.

⁴ Монгуш Н. М. Эвфемизмы со значением «смерть» в тувинских народных сказках ...

⁵ Бравина Р. И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса: ...

В качестве эмпирического материала послужили лексические, фразеологические единицы из толкового¹, этимологического², фразеологического³, энциклопедического⁴ словарей, сборника пословиц и поговорок⁵, этического кодекса карачаевцев и балкарцев, представленного в систематизированном формате как культурное наследие народа в книге «Ёзден адет»⁶.

Работа выполнена на основе методологического подхода к исследованию этнических культур, разработанного Ч. К. Ламажаа в формате концептуализации этнокультур (Ламажаа, 2023). Автор рассматривает концепты культур не только как термины лингвокультур, что на сегодня распространено в лингвокультурологии, не только как концепты-словоформы, но и как концепты-идеи, как концепты — социальные регуляторы. В нашем случае мы также учитываем филологические исследования, обращаемся к широкому культурному полю — к концептам-идеям, а следом и за теми социокультурными практиками, которые соответствуют им.

Новизна исследования заключается в том, что концептуальная диада *жашау* — *ёлюм* впервые рассматривается как совокупность концептов-идей, эксплицирующих различные этнокультурные ценности карачаево-балкарского этноса и выражающаяся в социокультурных практиках. Это согласуется с предложением Ч. К. Ламажаа «изучать культуру, не исходя из дисциплинарных особенностей, что не только “дробит” культуру на отдельные ракурсы, но и обуславливает дальнейший отрыв дисциплин друг от друга (а порой и полное непризнание вклада в общее дело представителей разных научных отраслей)» (Ламажаа, 2023: 14).

Концепты-словоформы диады *жашау* — *ёлюм*

Рассматриваемая концептуальная диада *жашау* — *ёлюм* состоит из антонимических базовых категорий:

— *жашау* (татар. *яшау*, турк. *яшайыш*, *дурмуш*, узб. *yashash*, казах. *өмір*, кирг. *өмүр*, *тиричилик*, *турмуш*, *ногай. яшав*, *оьмир*, азерб. *yaşayış*, *ötür*) в значениях 1) ‘особая форма жизнедеятельности’, ‘особая форма движения материи’, ‘реальная действительность, бытие’; 2) ‘физическое состояние человека, животного, растения от зарождения до смерти’⁷;

— *ёлюм* (азерб., турк., тур. *ölüm*, башк., тат. *ülem*, каз. *өlim*, кир., тув. *өлүм*, узб. *о’лим*) в значениях ‘смертный час, смерть, кончина’⁸, ‘умирать, кончаться, быть мертвым’; ‘гибнуть’; ‘вянуть, сохнуть, чахнуть’⁹.

Мы зафиксировали в эмпирическом материале все грамматические формы лексем *жашау* (*жашауну*, *жашаугъа*, *жашауу*, *жашаудан*, *жашауда*), *ёлюм* (*ёлюмню*, *ёлюмге*, *ёлюмю*, *ёлюмден*, *ёлюмде*), их дериваты *жашаргъа* ‘жить’, *жашаулу* ‘пожилой’, *жашаусуз* ‘безжизненный’, *жашагъан* ‘проживший’, *ёлюмсюз* ‘бессмертный’, *ёлюмсюзлюк* ‘бессмертие’, а также связанные с ними семантически и грамматически

¹ Къарачай-Малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Карачаево-балкарский толковый словарь] / отв. ред. Ж. М. Гужеев. Ючтомлукъ. I том. Нальчик: «Эль-фа» Китап Басма, 1996; Къарачай-Малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Карачаево-балкарский толковый словарь] / отв. ред. Ж. М. Гужеев. Ючтомлукъ. II том. Нальчик: «Эль-фа» Китап Басма, 2002; Къарачай-малкъар-орус сёзлюк [Карачаево-балкарско-русский словарь] / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Русский язык, 1989.

² Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974; Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы ‘Ж’, ‘Ж’ и ‘Й’ / отв. ред. Л. С. Левитская. М.: Наука, 1989.

³ Башиева С. К., Жарашуева З. К. Къарачай-малкъар школ ангылатма фразеология сёзлюгю [Школьный толковый фразеологический словарь]. Нальчик: Эльбрус, 1994.

⁴ Али-заде А. А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Издательский дом «Ансар», 2007.

⁵ Балкарские пословицы и поговорки / сост. А. Холаев. Нальчик: Эльбрус, 1982; Къарачай-малкъар нарт сёзле [Карачаево-балкарские пословицы] / сост. М. Табаксоев. Нальчик: Эльбрус, 2018.

⁶ Ёзден Адет: Этический кодекс карачаево-балкарского народа / сост., предисловие и комментарии М Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2005.

⁷ Къарачай-Малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Карачаево-балкарский толковый словарь] / отв. ред. Ж. М. Гужеев. Ючтомлукъ. Т. I. Нальчик «Эль-фа» Китап Басма, 1996. С. 857–858.

⁸ Там же. С. 274–275.

⁹ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основ на гласные. М.: Наука, 1974. С. 522.

чески словосочетания, предложения, в том числе с переносными значениями, в частности речь идет о фразеологизмах, пословицах и поговорках.

Их анализ показал, что в карачаево-балкарской этнической культуре жизнь оценивается в рамках шкал от «хорошо» до «плохо» — как

1) благополучная: *болумлу жашау* 'обеспеченная жизнь', *токъ жашау* 'сытая жизнь', *иги жашау* 'хорошая жизнь', *зауукъ жашау* 'беспечная жизнь', *дамлы жашау* 'сладкая, вкусная жизнь', *насыплы жашау* 'счастливая жизнь', *къууанч жашау* 'радостная жизнь', *жашауну игиси, зауугъу* 'блага жизни';

2) светлая: *жарыкъ жашау* 'светлая жизнь';

3) беспроблемная: *къайгъысыз* 'жизнь без переживаний, проблем'; *дауурсуз жашау* 'жизнь без ссор';

4) честная: *халал жашау* 'законная жизнь', *ётюрюксюз жашау* 'жизнь без обмана';

5) тяжелая: *ауур жашау* 'тяжелая жизнь', *кыйын жашау* 'тяжелая жизнь', *байрамсыз жашау* 'жизнь без праздника', *итни жашауун кёрюрге* 'жить плохо', досл. 'видеть собачью жизнь'; *жашаусуз болургъа* 'известись, измучиться', досл. 'стать безжизненным'; *кыйналып жашаргъа*, досл. 'жить в нужде'; *тёзмезча кыйын жашау этерге* 'жить невыносимо, беспросветно', *жашауу таргъа тыйылыргъа* 'жизнь ухудшилась', досл. 'жизнь прилипла к теснине'; *жашау болумлары жокъдула* 'возможности жить отсутствуют';

6) бесславная, неприличная: *бедишли жашау* 'позорная жизнь', *айыплы жашау ыз* 'постыдный жизненный путь', *жашау жорукъланы бузгъан* 'нарушивший нормы, принципы жизни', *жашаудан жангылгъан* 'сбившийся с жизненного пути';

7) короткая: *къысха жашау* 'жизнь, ограниченная во времени', *хаух жашау* 'временная жизнь', *жашау шок отча кюйюп къалады* 'жизнь горит, как огонь выстрела из ружья'.

Смерть 'ёлюм' характеризуется в этническом сознании карачаевцев, балкарцев как

1) предопределенная свыше: *аллахны буйругъу* 'приказ аллаха', *ажалы жетди* 'наступило время смерти';

2) неизбежная: *ёлюмден киши къутулмайды* 'от смерти никто не может спастись', *ёлюм кимгеда тёреди* 'смерть положена для всех', *ёлюм адам къоймаз* 'смерть не обойдет ни одного человека';

3) необратимое окончательное прекращение существования: *ёлдю, кетди* 'умер, ушел';

4) окончание испытаний: *тынчайды* 'успокоился', *жерин тапды* 'нашел свое место', *сал болду* 'стал погребенным'.

В совокупности перечисленные признаки составляют единое смысловое поле концептов *жашау* — *ёлюм* как когнитивные признаки концептов-идей: *жан* 'душа', *къадар* 'судьба', *заман* 'время'.

Концепты-идеи

Говоря об идейном наполнении рассматриваемых концептов, необходимо обратиться к их взаимосвязи с другими важными концептами культуры. Например, рассматривая смыслы концепта *жашау*, нельзя обойти вниманием еще один важный концепт культуры *жан*, поскольку они взаимосвязаны.

В карачаево-балкарском языке слово *жан* (баш. *йән*, кумык., татар. *жан*, азерб., турец. *can*), согласно лексикографическому толкованию, имеет два значения 'душа' и 'человек'¹. Первое значение связано с классическим пониманием души как бессмертной субстанции, физиологически связанной с жизнью и смертью, что репрезентировано в карачаево-балкарском языке фразеологическими единицами *жаным ичимде болуб* 'пока я жив', досл. 'пока душа в теле'; *жан бла тёнгекчадыла* 'неразлучны как душа и тело', второе значение — с количеством людей, например, *юйде терт жан барды* 'в доме четыре души'.

В этнической культуре *жан* 'душа' как витальная сила представлена элементами, свидетельствующими о ее всеодушевленности: 1) *кёл* 'душа'; 'внутренний мир человека': *кёлюнг таза болса, сёзюнг маза болур* 'если душа чиста, то и слово будет действенным'; *кёлюме тийдинг* 'обидел', досл. прикос-

¹ Карачай-Малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Карачаево-балкарский толковый словарь] / отв. ред. Ж. М. Гужев. Ючтомлукъ. Т. I. Нальчик: Эль-фа Китап Басма. 1996. С. 794.

нулся к душе моей; 2) *ал* 'первооснова': *адамны жаны алды* 'первооснова человека — душа'; 3) *кэут*: 'душа', 'внешний вид': *кэут кирди* 'душа вошла', *кэутсуз адам* 'неприятный лицом' (досл. 'человек без души'); 4) *тин* 'дух, душа': *тин кирди* 'оживился' (досл. 'душа вошла'); 5) *ах* 'душа': *ахым кетди* 'душа ушла'; 6) *бус (мус)* 'творческая сила'¹, что в определенной степени коррелирует с данными исследований концепта в других тюркских языках. Например, У. Г. Гусейнова по результатам анализа древнетюркских письменных памятников установила, что концепт *жан* 'душа' в них представлен лексемами *тын*, *кут* и *сюр*, «которые обозначают три состояния души» (Гусейнова, 2015: 100). Они локализованы в различных частях тела: *ал* — в лобной части (выше переносицы), *кэут* — в промежности, *тин* — рядом с солнечным сплетением, *ах* — в гортани, *бус (мус)* — в мозгу². Таким образом, все жизненно важные части тела — от промежностей до головы — являются вместилищами различных проявлений души. Исследователь нартского эпоса М. А. Ахматова утверждает, что концепт *жан* является «культурной доминантой национального сознания, эксплицирует определенные ментальные предпочтения в духовно-нравственном аспекте» (Ахматова, 2014: 207).

Однако несмотря на то, что в культуре карачаевцев и балкарцев доминируют древние установки тюркской культуры, на понимание жизни и смерти большое воздействие оказал ислам, что привело к трансформации прежде всего похоронно-погребального обряда, терминологическими вербализаторами которого являются арабизмы *салах* 'извещение муэдзина с минарета траурной мелодией о чьей-л. смерти', *кебин* 'саван', *деюр* 'обряд выкупа грехов покойного', *иясын* 'заупокойная молитва', *дуа* 'молебен в течение трех дней после похорон', *талкзын* 'последняя молитва над могилой после погребения', *табут* 'погребальные носилки' и др., что подтверждается утверждением Р. Ш. Зельницкой о том, что «в настоящее время похоронные и поминальные обряды народа сохраняют значительное число элементов традиционной национальной культуры, но в то же время испытывают на себе сильное влияние ислама» (Зельницкая, 2018: 52).

В соответствии с прагматическими установками в языковом сознании карачаево-балкарского этноса *жан* 'душа', согласно результатам анализа формул речевого обмена, фразеологических, паремнологических единиц, имеет следующие обусловленные контекстом когнитивные признаки:

- 1) жизнь: *жан* — *татлы*, *заман* — *атлы* 'жизнь (душа) сладка, время — всадник', *жанга жетсе*, *кюч келир* 'если коснется жизни (души), то силы прибавятся', *жаны бекди* 'живучий' (досл. 'душа крепкая');
- 2) смерть: *жан берди* 'отдал душу', *жаны чыкды* 'умер', досл. 'душа вышла';
- 3) желание жить несмотря на трудности: *жан жашаудан тоймаз* 'душа не может насытиться жизнью', *жан чыккыгынчы*, *жашаудан умут кэурумаз* 'пока душа в теле, есть надежда';
- 4) временность души в этом мире: *жаны — санына кэонак* 'душа — гость тела', *жан дегенинг — бир тылпу* 'душа — это всего один выдох';
- 5) космогонические представления о загробном мире: *жанла кёкге учадыла* 'души улетают в небо', *жанла бу дуняда айланган этеди* 'души ходят в этом мире' ('находятся в движении');
- 6) готовность к самопожертвованию ради близкого человека: *жанынга кэурман болайым* в значении 'пусть я буду жертвой для спасения твоей души/жизни' (выражение благодарности);
- 7) наличие жизненной силы в душе: *жашарыкж жан болсун* 'пусть будет душой, которой суждено жить' (благопожелание при рождении ребенка);
- 8) вера в бессмертие души после смерти человека: *кэаргэанама атаммы жаны бла* 'клянусь душой отца', *кэаргэанама анаммы жаны бла* 'клянусь душой матери', *кэаргэанама кэарындашыммы жаны бла* 'клянусь душой брата' и др. (клятвы);
- 9) сильные чувства к кому-то: *жанымдан суйген адамым* 'люблю больше жизни (души) своей';
- 10) что-то очень ценное: *жан дарман* 'лекарство для души';
- 11) неустанность души: *сан талмаса*, *жан талмаз* 'душа не ослабевает, пока не утомится тело';
- 12) неприятный человек: *жан алыучу* 'забирающий душу' (ангел смерти);
- 13) безжалостный человек: *жаны кэатыды* 'черствая душа', *жаны ташды* 'каменная душа'.

¹ Ёзден Адет: Этический кодекс карачаево-балкарского народа / сост., предисловие и комментарии М Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2005. С. 73–75.

² Там же.

Смысловое содержание концепта *жан* намного шире, чем словарная дефиниция. Оно интегрирует в себе различные когнитивные признаки, обусловленные особенностями культуры карачаевцев и балкарцев, в частности такие, как жизнь, смерть, жизнь после смерти, моральные качества человека, способность к самопожертвованию и другие, эксплицированные различными языковыми средствами.

Другой важный, сопряжённый с диадой концепт — *къадар* ‘судьба’, ‘доля’, ‘предназначение’, ‘участь’¹, как и во многих этнокультурах, является одним из древнейших архетипов, неразрывно связанных с понятиями жизнь, смерть. Б. К. Каспихан приводит подтверждение данной мысли примером из письменного памятника в честь Культегина: «Öd täñri jasar, kiši oylı kor ölgäli törümiş... — «Вечно живет (только) Небо, человек же рождается, чтобы погибнуть в сражении» (Каспихан, 2021: 161). По мнению З. А. Мотыгуллиной, семантическое поле *Язымыш* ‘судьба’ относится к ключевым слоям татарской культуры, «которые, несмотря на смену представлений человека о мире, а также изменений в самом мире и в самом человеке, упорно не хотят исчезать из языка и смыслового пространства культуры»².

Лексема *къадар* заимствована из арабского языка, имеет значения ‘предопределенность всего сущего Аллахом’, ‘Божественное предопределение’³. В карачаево-балкарском языке используются также его синонимы: *жазыу* — имя действия к *жазаргъа* 1) писать; 2) письменность, графика; 3) судьба, жребий, предназначение: *жазыугъа кёре* ‘волею судьбы’, *аман жазыу* ‘плохая судьба’, *жазыуу битген* ‘обреченный’, *жазыуудан озмазгъа*, *жазыудан къалмазса* ‘судьбы не миновать’, *жазыу жардан атар* ‘судьба с обрыва сбросит’, *жазыу суугъа чынгатыр* ‘судьба заставит в реку прыгнуть’⁴; *юлюш* — 1) доля, надел, часть; 2) паёк, порция; 3) участь, судьба, доля⁵. Ср. *йаз* — турк., тур., азерб., кар., кум; *жаз* — к.-балк., кирг., каз., каракал. — 1) писать; 2) рисовать. Чаще всего тюрк. *jaz*- противопоставляется с монгольским *zigu* ‘чертить’, ‘рисовать’⁶; *улуш/ ülüş* — турк., турец., каракал., кар.-балк., кир., узб., уйг., баш., тат., тув. — ‘доля, часть, раздел, пай’; 2) ‘подарок, подарок детям, приданое’ — турец.; 3) ‘надел, удел, жребий’ — турк., тув., каракал.; 4) ‘подаяние; пища, посылаемая соседом соседу в качестве угощения’ — турец. диал. Центральное значение уле-: ‘делить, делить на части’ (турк., алт., тув.); ‘наделять (алт.)’⁷.

И. Р. Табаксоева рассматривает концепт *къадар* как «один из ядерных компонентов лингвокультурного пространства карачаево-балкарского народа, поскольку связан с основополагающей категорией “жизнь”» (Табаксоева, 2016: 106).

Анализ эмпирического материала показал, что в этническом сознании карачаевцев и балкарцев концепт-идея *къадар*, как и концепт-идея *жан*, представлен несколькими когнитивными признаками:

1) неизбежность жизненного сценария: *жашауу къадары* ‘судьба жизни’, *жашау жазыуу* ‘заранее написанная жизнь’, *жазыуунг алай болур эди* ‘такова твоя судьба’, *аллах берген къадар алай болур эди* ‘такова воля Аллаха’, *къадардан къутулмазса* ‘от судьбы не убежишь’, *ажал жетсе, болжал жокъ* ‘если наступил смертный час, то отсрочки нет’, *ажаллыгъа окъсуз окъ атылып* ‘в того, чей смертный час пробил, незаряженное ружье выстрелит’, *ажал жетсе, жангызса деп къоймаз* ‘если пробьет смертный час, то (тебя) из-за того, что ты единственный, (смерть) не оставит’, *ёлюмден къалым жокъду* ‘от смерти не откупишься’, *ёлюр жанга ёкюл жокъ* ‘для души, которой суждено умереть, нет защиты’, *ёлюм адам къоймаз* ‘смерть никого не оставит’, *ёлюм соруб келмез* ‘смерть приходит, не спрашивая’, *ёлюм къарт, жаш айырмайды* ‘для смерти нет старых и молодых’;

2) индивидуальная линия жизни каждого человека: *жашауу болгъанны къадары болур* ‘у кого есть жизнь, у того будет и судьба’;

¹ Къарачай-Малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Карачаево-балкарский толковый словарь] / отв. ред. Ж. М. Гужеев. Ючтомлукъ. Т. II. Нальчик: «Эль-фа» Китап Басма, 2002. С. 273.

² Мотыгуллина З. А. Концепт «судьба» в татарском и английском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Казань, 2007. С. 6.

³ Али-заде А. А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Издательский дом «Ансар», 2007. С. 180.

⁴ Къарачай-малкъар-орус сёзлюк [Карачаево-балкарско-русский словарь] / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Русский язык, 1989. С. 217.

⁵ Там же. С. 784.

⁶ Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы ‘Ж’, ‘Ж’, ‘Й’ / отв. ред. Л. С. Левитская. М.: Наука, 1989. С. 70.

⁷ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основ на гласные. М.: Наука, 1974. С. 627.

3) вера в судьбу и спокойное ее принятие: *туугъан кесини къадары бла жаратылады* ‘каждый на свет появляется со своей судьбой’, *адам къадарын кёрмей, кёрге кирмез* ‘человек не войдет в могилу, пока не увидит, что ему суждено’.

М. Ч. Джуртубаев в работе «Мифология и эпос карачаево-балкарского народа» утверждает, что

«понятие о судьбе было, вероятно, поздним постижением, связанным с понятием времени и философской рефлексией по поводу причин тех или иных событий и их взаимосвязи... Для того, чтобы сложилось понятие судьбы, человек должен был осознать себя личностью, стоящей в центре времени, у которой есть прошлое, настоящее и будущее, и задуматься о цели своего существования, а поскольку он считает себя творением Бога — и о причинах, по которым он сотворил людей», поэтому, очевидно, был готов к неизвестности (Джуртубаев, 2011: 191–192).

Однако жизнь в горах с суровыми климатическими условиями не могла не повлиять на характер этнического мышления, поэтому в коллективной памяти карачаевцев и балкарцев закреплена мысль о возможности влияния Всевышнего на судьбу: «*Сен мадар этсенг — мен къадар этерме*» ‘Если предпримешь меры, я сделаю судьбу’.

Концепт *къадар* в карачаево-балкарской этнокультуре эксплицируется как божественное справедливое предназначение жизни, которое может изменяться в зависимости от поступков человека: *ургъуч урулур, буугъуч — буулур: жазыуну чарыхы алай болур* ‘бьющий будет бит, душащий задушен: так движется колесо судьбы’.

Содержание третьего, важного для рассматриваемой диады концепта *заман* репрезентирует определенные темпоральные отрезки, в зависимости от возраста человека, времени года, исторического периода, различными языковыми средствами, в которых прослеживаются этноспецифические характеристики времени: *заман* — 1) время, 2) отрезок времени, 3) определённый момент в последовательной смене часов, месяцев, лет и т. п., 4) период, эпоха¹: *гитче заманда* ‘в детстве’, *жаш заманда* ‘в молодости’, *ахыр заман* ‘конец света’, *буу силегей учхан заман* ‘бабье лето’, досл. ‘время, когда летает оленья слюна’ (под оленьей слюной подразумевается паутина); *буу ёкюрген заман* ‘ранняя осень’, досл. ‘время, когда мычат олени’; *мажюсю заманда* ‘в языческое время’, *Николай заманда* ‘во времена Николая’ (царя) и др.

Синонимами концепта *заман* являются лексемы *кезиу* ‘очередь, очередность, последовательность, период’²; *ууахты* ‘время, смерть’³, *ууахтылыкъ* ‘проклятый’, ‘окаянный’; *Къысха ууахты жанынга!* прокл. ‘короткое тебе время’ в значении ‘чтобы смерть тебя поскорее взяла!’, *ууахтысыз ауушхан* ‘безвременно скончавшийся’, *ууахтысыз туугъан сабий* ‘недоношенный ребенок’. Согласно исследованиям, в понятии *заман* запечатлено нерасчлененное течение времени, а в понятиях *кезиу* ‘черёд’ и *ууахты* ‘время, смерть’ имеются самостоятельные сегменты. Так, «смысловым компонентом *ууахты* является необратимость времени, бессилие человека против его течения» (Башиева, Геляева, Кучукова 2011: 91).

Концепт *заман* представлен следующими когнитивными признаками:

1) всему свое время: *хар нени да кезиу болады* ‘у всего свой черёд’, *кезиу келсе, тенгиз да кзуруйду, тау да оюлады* ‘когда приходит время, и море сохнет, и гора рушится’, *кезиуюз кзуида учмайды* ‘не в свое время и орел не взлетит’, *хар кёгет кезиунде жетеди* ‘каждый фрукт поспевает в свое время’;

2) время неозвратно: *тюшген алтын табылыр, озгъан заман табылмаз* ‘утерянное золото найдется, прошедшее время не вернется’, *дуния тохтамаз, заман къайтмаз* ‘мир не остановится, время не вернется’;

3) время скоротечно: *заман деген — саркъгъан къобан* ‘время — текущая река’, *заман дегенинг тюш кирик* ‘жизнь словно сон’, *кюн узун, заман къысха* ‘день долог, время коротко’.

4) необходимость разумного распоряжения временем: *хар кюнню тёрт бёлюю: биринчиси — ишлер ююн, экинчиси — Аллахха кбулукъ этер ююн, ююнчюсю — солур ююн, тёртюнчюсю — жукълар ююн*

¹ Къарачай-Малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Карачаево-балкарский толковый словарь] / отв. ред. Ж. М. Гужеев. Ючтомлукъ. Т. II. Нальчик: «Эль-фа» Китап Басма, 2002. С. 20.

² Къарачай-малкъар-орус сёзлюк [Карачаево-балкарско-русский словарь] / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Русский язык, 1989. С. 337.

³ Там же. С. 688.

‘в каждом дне четыре части: первая — для работы, вторая — для служения Аллаху, третья — для отдыха, четвертая — для сна’;

5) взаимосвязь человека и времени (эпохи): *заман адамгъа кёре, адам заманга кёре* ‘каков человек, таково время, каково время, таков человек’.

Согласно передававшемуся в устной форме от поколения к поколению кодексу чести «Ёзден адет», систематизированному и изданному известным этнографом, фольклористом М. Ч. Джуртубаевым, карачаевцы и балкарцы придавали особое значение понятию заман ‘время’. Об этом свидетельствуют, как отмечает составитель кодекса, данные языка, духовной культуры этноса. В частности, он пишет:

«Если, скажем, русские сказки очень часто начинаются с указания на некое место действия (“В некотором царстве, в некотором государстве...”), то карачаево-балкарские столь же часто — с указания времени: эртте-эртте (“давным-давно...”), нартланы заманында “во времена нарттов” и т. п. Да и в любом повествовании указание времени, в самом начале, почти обязательно»¹.

В концепте-идее *заман* жизнь репрезентирована как отмеренное время: человек рождается и умирает в предназначенный день и час, поэтому жизнь бесценна: *адамны керти мюлкю — ууахты* ‘истинное имущество человека — время (срок жизни)’.

Некоторые ритуальные действия, отражающие отношение этноса к жизни и смерти

В социальной практике, как показал анализ, рассмотренные концепты выступают как регуляторы отношения к жизни и смерти, что зафиксировано в похоронно-погребальных ритуальных действиях, совершаемых в соответствии с мусульманскими нормами.

Эфенди (священнослужитель) в заупокойной речи обязательно напоминает о предопределённости смерти: *Жерни башын басхан, жерни тюбюн кёрмей кзоймайды* ‘Тот, кто ступил на поверхность земли, тот обязательно увидит и то, что под землей’, *Жашау китабы жабылды ёлгенни, алах берген заманы тауусулду* ‘Книга жизни покойника закрыта, срок, определенный аллахом, закончился’. Эта мысль закодирована и в паремии *Хар кимгеда чыггады ёлюр тую* ‘У каждого человека вырастает смертный волос’, поэтому для пожилых людей характерна подготовка ко дню смерти заранее, что репрезентировано во фразе *Ёлюр кюнюме жыяма* ‘Собираю на день своей смерти’. Как правило, этот процесс связан с покупкой белой ткани на *кебин* ‘саван’, с накоплением сбережений на поминальные продукты.

С другой стороны, в представлениях карачаевцев и балкарцев после физиологической смерти человека его душа продолжает жить, поэтому в социальной практике актуальны несколько ритуальных действий в честь умерших родственников:

1) *алгыши* ‘благопожелания’ на торжествах: *Бу кзуанч кюнубюзню кёралмагъан адамлары ол дунялары жарык болсун* ‘Пусть загробный мир тех, кто не может увидеть наш праздник, будет светлым’; *Кзуанч стол артында ёлгенлерибизни эсгере, биз алагъа жаннет тилей билирге Улуу Аллах барыбызгада акъыл берсин!* ‘Пусть Великий Аллах даст нам ума, чтобы мы помнили за праздничным столом умерших, умели просить для них рай’;

2) передача семье жениха в день свадьбы подарков, заранее приготовленных для родителей свекра и свекрови, ушедших из жизни, — *‘ёлгенлеге сый салгъан’*;

3) угощение соседей, родственников пищей, предназначенной для покойников в первый день Рамадан-байрама;

4) ежегодное чтение молитв в день смерти близкого человека с просьбой облегчения участи усопшего в загробном мире — *‘ёлген кюнню эсгерген’*;

5) поминки по четвергам в течение пятидесяти двух дней *‘байрым ингир’*, так как душа приходит на запах жареных лепешек².

¹ Ёзден Адет: Этический кодекс карачаево-балкарского народа / сост., предисловие и комментарии М. Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2005. С. 56.

² Карачаево-балкарские мифы / сост. М. Ч. Джуртубаев, пер. с балк. Х. Ч. Джуртубаева. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат»; Эль-Фа, 2007. С. 78.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что в этической картине мира карачаевцев и балкарцев представлено четкое осмысление проблемы жизни и смерти, актуальное как один из приоритетных фрагментов их мировоззренческой парадигмы. Особенности отношения к феноменам *жашау* 'жизнь', *ёлюм* 'смерть', их осознание как реальной данности в конденсированном формате отражены в концептах-идеях *жан* 'душа', *къадар* 'судьба', *заман* 'время' и закреплены на социальном уровне в ритуальных действиях.

Заключение

Таким образом, в карачаево-балкарской ментальности категории *жашау*, *ёлюм* взаимосвязаны тремя концептами-идеями — *жан*, *къадар*, *заман*. В них заключена богатая историко-культурная информация о традициях отношения к жизни и смерти, «закодированных» в лексических, паремиологических, фразеологических единицах, этическом кодексе карачаевцев и балкарцев «Ёзден адет» и других источниках.

Анализ эмпирического материала позволил сделать следующие выводы.

Этимологически лексемы *жашау*, *ёлюм* восходят к древнетюркским корням, о чем свидетельствует наличие в других родственных языках полных эквивалентов или фонетических вариантов, приведенных выше.

Концептуальная диада *жашау* — *ёлюм* репрезентирована в словоформах, а также в концептах *жан*, *къадар*, *заман*, смысловая нагрузка которых тесно связана с социальной практикой карачаево-балкарского этноса, включающей специальные обряды, которые выполняют нормативную, аксиологическую функции. Жизнь в понимании этноса представлена как дар Всевышнего, а смерть — как логическое завершение жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахматова, М. А. (2014) Концепт «душа» в карачаево-балкарском языке (на материале Нартского эпоса) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. № 5 (61). С. 206–210.
- Башиева, С. К., Геляева, А. И., Кучукова, З. А. (2011) Смыслы и образы пространства и времени в системе этнической идентичности // Философские науки. Спецвыпуск. № 1. С. 87–108.
- Башиева, С. К., Дохова, З. Р., Чернышова, Е. Б. (2024) Репрезентация ценностных ориентиров русского этноса во фразеологических единицах с семой «жизнь» // Научная мысль Кавказа. № 3. С. 79–86.
- Гусейнова, У. Г. (2015) Концепт «смерть» в древнетюркской языковой картине мира // Вестник Вятского гуманитарного университета. № 5. С. 100–105.
- Джуртубаев, М. Ч. (2011) Мифология и эпос карачаево-балкарского народа: Древние верования балкарцев и карачаевцев. Карачаево-балкарский героический эпос. Нальчик : Эльбрус. 488 с.
- Зельницкая, Р. Ш. (2018) Современный похоронно-поминальный обряд у карачаевцев // Известия СОИГСИ. № 28 (67). С. 52–64.
- Каспихан, Б. К. (2021) Когнитивный мир древних тюрков: познание о смерти в тюркских рунических памятниках // Языки и культура хомуса народов Евразии: речевые и музыкальные коммуникации : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию доктора филологических наук, профессора СВФУ им. М. К. Аммосова, академика Европейской Академии естественных наук, заслуженного работника культуры ЯАССР и РФ, Почетного гражданина г. Якутска Алексеева Ивана Егоровича-Хомус Уйбаан (г. Якутск, 23 апреля 2021 г.) / отв. ред. А. Н. Варламов. Якутск : Издательский дом СВФУ. 513 с. С. 160–162.
- Ламажаа, Ч. К. (2023) Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>
- Монгуш, Н. М. (2021) Эвфемизмы со значением «смерть» в тувинских народных сказках // Народы Алтая в социокультурном пространстве России на рубеже эпох: сборник статей, посвященный 30-летию со дня образования Республики Алтай и 265-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства / отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск : БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова». 924 с. С. 719–730.

Табаксоева, И. Р. (2016) Концепт «судьба» как ядерный компонент лингвокультурного пространства (на материале карачаево-балкарского языка) // Научный диалог. № 6 (54). С. 106–113.

Дата поступления: 18.04.2025 г.

Дата принятия: 20.05.2025 г.

REFERENCES

Ахматова, М. А. (2014) The concept “soul” in the Karachay-Balkar language (based on the Nart epic). *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*, no. 5(61), pp. 206–210. (In Russ.)

Bashieva, S. K., Gelyaeva, A. I. and Kuchukova, Z. A. (2011) Meanings and images of space and time in the system of ethnic identity. *Filosofskie nauki*, Special issue, no. 1, pp. 87–108. (In Russ.)

Bashieva, S. K., Dokhova, Z. R. and Chernyshova, E. B. (2024) Representation of value orientations of the Russian ethnos in phraseological units with the seme “life”. *Nauchnaya mysl Kavkaza*, no. 3, pp. 79–86. (In Russ.)

Guseinova, U. G. (2015) The concept “death” in the Old Turkic linguistic worldview. *Vestnik Vyatskogo gumanitarnogo universiteta*, no. 5, pp. 100–105. (In Russ.)

Dzhurtubaev, M. Ch. (2011) *Mythology and epic of the Karachay-Balkar people: Ancient beliefs of Balkars and Karachays. Karachay-Balkar heroic epic*. Nalchik, Elbrus. 488 p. (In Russ.)

Zelnitskaya, R. Sh. (2018) Modern funeral and memorial ritual among the Karachays. *Izvestiya SOIGSI*, no. 28(67), pp. 52–64. (In Russ.)

Kaspikhan, B. K. (2021) Cognitive world of the ancient Turks: knowledge about death in Turkic runic monuments. In: A. N. Varlamov (ed.). *Languages and culture of the Khomus peoples of Eurasia: speech and musical communications: materials of the International scientific-practical conference dedicated to the 80th anniversary of Doctor of Philological Sciences, Professor of NEFU M. K. Ammosov, Academic of the European Academy of Natural Sciences, Honored Cultural Worker of Yakutia and Russia, Honorary Citizen of Yakutsk Ivan Egorovich Alexeev — Khomus Uybaan* (Yakutsk, April 23, 2021). Yakutsk, Publishing House of NEFU. 513 p. Pp. 160–162. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2023) Cultural concepts: form, idea, social regulation. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–25. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>

Mongush, N. M. (2021) Euphemisms with the meaning “death” in Tuvan folk tales. In: N. V. Ekeev (ed.). *Peoples of Altai in the sociocultural space of Russia at the turn of epochs: collection of articles dedicated to the 30th anniversary of the Republic of Altai and the 265th anniversary of the voluntary accession of the Altai people to the Russian state*. Gorno-Altai, BNU RA “Research Institute of Altaistics named after S. S. Surazakov”. 924 p. Pp. 719–730. (In Russ.)

Tabaksoyeva, I. R. (2016) The concept “fate” as a nuclear component of the linguistic-cultural space (on the material of the Karachay-Balkar language). *Nauchny dialog*, no. 6 (54), pp. 106–113. (In Russ.)

Submission date: 18.04.2025.

Acceptance date: 20.05.2025.

Фонетическая вариативность татарских антропотопонимов в топонимии Западно-Сибирского ареала

Олег Р. Хисамов, Ильгиз И. Халиков, Алина Я. Хусаинова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
Российская Федерация

В исследовании рассматриваются фонетические особенности татарских антропотопонимов Западно-Сибирского ареала (Тюменская, Новосибирская и Кемеровская области). Работа направлена на выявление специфики и закономерностей фонетического варьирования данных наименований, определение основных типов звуковых изменений и факторов, влияющих на появление их вариантов.

В ходе полевых экспедиций в места компактного проживания татар на территории указанных областей было собрано 250 единиц лексем-антропотопонимов. Осуществлялся сравнительный анализ рассматриваемых терминов и топонимов с их аналогами в других диалектах татарского языка, а также в родственных тюркских языках.

Анализ выявил преобладающее количество лексем арабо-персидского происхождения (более 60%) и значительную долю тюркских этимонов (более 20%). Доля заимствований из русского языка составила существенно меньший процент (7%). Оставшиеся 5% антропотопонимов требуют дополнительного этимологического анализа.

Выявлено, что наиболее частотным фонетическим процессам являются оглушение звонких согласных в начальной и конечной позициях, чередования /с/ /tʃ/, /з/ /tʃ/, /q/k/ /x/, а также выпадение нехарактерных для исконной фонетической системы звуков /h/, /v/.

С одной стороны, фонетическая составляющая антропотопонимов восточного диалекта сохраняет архаичные черты, восходящие к древнетюркскому состоянию, и демонстрирует явления с ограниченным ареалом распространения в тюркской семье, обнаруживая сходства с алтайско-хакасской подгруппой. С другой стороны, в ней присутствуют признаки, характерные для кыпчакских языков.

Ключевые слова: татарский язык; диалект; антропотопоним; татарская топонимика; фонетика

Для цитирования:

Хисамов О. Р., Халиков И. И., Хусаинова А. Я. Фонетическая вариативность татарских антропотопонимов в топонимии Западно-Сибирского ареала // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 459–468. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.28>

Хисамов Олег Ришатович — доктор филологических наук, заведующий отделом ареальной лингвистики, заместитель директора Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Адрес: 420111, Россия, г. Казань, ул. Баумана, д. 20. Эл. адрес: ohisamov75@mail.ru

Халиков Ильгиз Ильдарович — кандидат филологических наук, директор Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Адрес: 420111, Россия, г. Казань, ул. Баумана, д. 20. Эл. адрес: ilgizxalikov@list.ru

Хусаинова Алина Ямилевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела ареальной лингвистики Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Адрес: 420111, Россия, г. Казань, ул. Баумана, д. 20. Эл. адрес: Husainova_Alina@mail.ru

Phonetic Variability of Tatar Anthrotoponyms in the Toponymy of the West Siberian Area

Oleg R. Khisamov, Ilgiz I. Khalikov, Alina Ya. Khusainova

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences,
Russian Federation

The study examines the phonetic features of Tatar anthrotoponyms in the toponymy of the West Siberian area (Tyumen, Novosibirsk, and Kemerovo regions). The research aims to identify the specifics and regularities of phonetic variation in these names, determine the main types of sound changes, and analyze the factors influencing the emergence of their variants.

During field expeditions to areas of compact Tatar settlement in the mentioned regions, 250 units of anthrotoponymic lexemes were collected. A comparative analysis was conducted between the collected terms and toponyms and their analogues in other dialects of the Tatar language, as well as in related Turkic languages.

The analysis revealed a predominance of lexemes of Arabic-Persian origin (over 60%) and a significant proportion of Turkic etymons (over 20%). The share of borrowings from the Russian language amounted to a substantially smaller percentage (7%). The remaining 5% of anthrotoponyms require additional etymological examination.

It was found that the most frequent phonetic processes are the devoicing of voiced consonants in initial and final positions, alternations of /ɛ/ and /tʃ/, /ɜ/ and /tʃ/, /q/ and /k/, /x/, as well as the elision of sounds atypical for the native phonetic system, such as /h/ and /ʃ/.

On the one hand, the phonetic structure of anthrotoponyms in the eastern dialect retains archaic features dating back to Old Turkic and demonstrates phenomena with a limited areal distribution within the Turkic language family, revealing similarities with the Altai-Khakass subgroup. On the other hand, it displays features characteristic of Kipchak languages.

Keywords: Tatar language; dialect; anthrotoponym; Tatar toponymy; phonetics

For citation:

Khisamov O. R., Khalikov I. I. and Khusainova A. Ya. Phonetic Variability of Tatar Anthrotoponyms in the Toponymy of the West Siberian Area. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 459-468. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.28>

KHISAMOV, Oleg Rishatovich, Doctor of Philology, Head, Department of Areal Linguistics, Deputy Director, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences. Postal address: 20 Bauman St., Kazan, 420111, Russia. E-mail: ohisamov75@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3776-8035

KHALIKOV, Ilgiz Ildarovich, Candidate of Philological Sciences, Director, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences. Postal address: 20 Bauman St., Kazan, 420111, Russia. E-mail: ilgizxalikov@list.ru

ORCID: 0009-0001-2341-0964

KHUSAINOVA, Alina Yamilевна, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Department of Areal Linguistics, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences. Postal address: 20 Bauman St., Kazan, 420111, Russia. E-mail: husainova_alina@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6241-4848

Введение

В современной лингвистической науке исследование ономастического пространства представляет собой одно из наиболее перспективных направлений. Особый интерес в данном контексте вызывает изучение географических названий, образованных от антропонимов (имена, фамилии и прозвища людей), которые являются важнейшими маркерами историко-культурного развития территорий. Антропотопонимы, т. е. топонимы, образованные от личных имён, фамилий или прозвищ людей — топонимы антропонимического происхождения, будучи неотъемлемой частью топонимической системы, несут в себе значительный объем информации об особенностях освоения географического пространства, межэтнических контактах и социокультурных процессах.

Западная Сибирь, представляющая собой обширный историко-географический регион с многовековой историей освоения и сложными процессами этнокультурного взаимодействия, является интересной территорией для исследования антропотопонимических единиц. Комплексное изучение антропотопонимов данного региона позволяет реконструировать историческую картину заселения территории, проследить динамику межэтнических контактов и выявить специфику топонимической номинации.

Актуальность данной работы заключается в том, что исследование специфики языковых аспектов определенного диалекта и говора, в данном случае особенностей антропотопонимов, в составе общей системы того или иного национального языка, а также в сравнительном плане в рамках крупного языкового сообщества позволяет проследить и выявить языковые элементы, как части целостной системы, и способствует изучению этнокультурных, социолингвистических особенностей того или иного народа (в данном исследовании — сибирских татар).

Научная значимость работы обусловлена тем, что детальное изучение географических названий, образованных от личных имен, способствует более глубокому пониманию процессов формирования топонимической системы Западной Сибири, позволяет проследить этапы колонизации территории, определить роль отдельных исторических личностей в освоении края и выявить особенности взаимодействия различных этнических групп в процессе формирования региональной топонимии.

Цель исследования — определить характер и закономерности фонетического варьирования татарских антропотопонимов в топонимии Западно-Сибирского ареала (на примере Тюменской, Омской, Новосибирской, Томской областей), установить основные типы фонетических изменений и факторы, влияющие на появление фонетических вариантов татарских антропотопонимов в данном регионе и определить количественное соотношение топонимов по их происхождению. Осуществляется сравнительный анализ рассматриваемых терминов и топонимов с их аналогами в других диалектах татарского языка, а также в родственных тюркских языках. Данное исследование способствует углублению понимания лингвистических процессов, происходящих в результате языковых контактов, и позволяет проследить эволюцию семантических полей географической терминологии в контексте межязыкового взаимодействия.

Для достижения поставленных целей необходимо решить следующие задачи, направленные на комплексное изучение фонетических вариантов татарских антропотопонимов Западно-Сибирского ареала: сбор и систематизация корпуса антропотопонимов на основе картографических, архивных и полевых материалов; выявление всех существующих фонетических вариантов в устной и письменной традиции; определение основных типов фонетических изменений; анализ влияния языковых контактов на фонетическое варьирование антропотопонимов; проведение сравнительного анализа фонетических вариантов антропотопонимов в различных районах исследуемого ареала.

В качестве объекта исследований рассматриваются татарские антропотопонимы Западной Сибири. Предметом исследования являются фонетические особенности этих антропотопонимов.

Исследование географических терминов и топонимов данного региона проводилось при помощи следующих методов: описательного, сопоставительного, сравнительного анализа компонентов антропотопонимов.

Теоретической основой исследования послужили научно-теоретические положения, разработанные в трудах таких видных ученых, как: Н. А. Баскаков (Баскаков, 1940), У. Ш. Байчура (Байчура, 1959), Н. К. Дмитриев (Дмитриев, 1955), Г. Ф. Саттаров (Саттаров, 1973), Д. Г. Тумашева (Тумашева, 1977) и др.

Эмпирическую базу исследования составляют полевые материалы, которые были собраны авторами во время научных экспедиций, организованных Институтом языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (2013–2024 гг.), в районах компактного проживания татар Западной Сибири. В дополнение к этим данным, в работе были использованы результаты предшествующих диалектологических экспедиций и лексикографические источники, включая диалектологические словари. Исследуемые лексемы даны в транскрипции международного фонетического алфавита (МФА). Такой комплексный подход к формированию источниковой базы позволяет обеспечить репрезентативность и достоверность исследования, а также проследить диахронические изменения в изучаемых лингвистических явлениях.

В топонимической системе значительную часть составляют географические наименования, образованные от имен людей. Наибольшая концентрация подобных номинативных единиц наблюдается в названиях населенных пунктов и близлежащих к ним природных объектов. Как показывает исследование известного татарского ономаста Г. Ф. Саттарова более 50% названий населенных пунктов Республики Татарстан составляют именно антропоонимы (названия населенных пунктов, образованные от антропонимов). Обычно такие названия состоят из двух частей: основного географического термина с аффиксом притяжательности и определения в виде антропонима. Например: *Әпсәләм күле, Барый ышасы, Муса айыл*.

Г. Ф. Саттаров пишет, что переход антропонимов в топонимические единицы требует исследования следующих лингвоониматических и культурно-исторических аспектов: 1) анализ причин, времени и путей превращения антропонимов в антропотопонимы; 2) всесторонняя интерпретация антропонимов, положенных в основу антропотопонимов; 3) выявление доантропонимических апеллятивных значений антропонимов (Саттаров, 1973: 4–5). В данной статье акцент будет сделан на два последних аспекта исследования.

Антропотопонимы имеют разные источники происхождения: часть из них происходит от имен первых поселенцев местности, другая — от имен владельцев земель. Формирование большинства географических названий, образованных от личных имен, приходится на завершающую стадию первобытнообщинного строя (Хадиева, 2016: 233), когда начала формироваться частная собственность. В. А. Никонов указывает, что основа такого названия означала владельца земли и укрепления, возведенного для охраны владения. Когда каждый клочок земли стал чьей-нибудь собственностью, естественно, что имя владельца оказывалось самым главным различительным признаком» (Никонов, 1965: 30).

Речь татар, проживающих в Тюменской, Омской, Новосибирской и Томской областях России, подразделяется на три диалекта: тоболо-иртышский, барабинский и томский, которые вместе образуют восточный диалект татарского языка. Специфические особенности этого диалекта, проявляющиеся на фонетико-морфологическом и лексическом уровнях, находят закономерное отражение в антропонимической системе сибирских татар. Так, в именах и фамилиях татар, живущих на юге Тюменской области, отражаются особенности произношения, типичные для тоболо-иртышского диалекта. Например, вместо звука /ε/ они произносят /tʃ/, используют йотацию, а в начале слов все согласные произносятся глухо.

Фонетический аспект в татарской антропонимии, отраженный в вариативности антропотопонимов, обусловлен влиянием, как литературного языка, так и его диалектов. Фонетические и лексические особенности татарских диалектов существенно воздействуют на систему наименований географических объектов, связанных с именами лиц. Диалектные фонетические изменения находят отражение в структуре антропотопонимов. В татарской диалектной системе, помимо исконно татарских, присутствуют антропотопонимы арабского, персидского, европейского и славянского происхождения. Заимствование антропотопонимов практически всегда сопровождается их фонетической адаптацией, что приводит к появлению вариантов.

Рассмотрим диалектные фонетические явления в татарских антропотопонимах, группируя их по происхождению антропонимов в составе топонимов.

Антропотопонимы тюркского происхождения

Значительную часть антропотопонимов восточного диалекта татарского языка на территории Западной Сибири занимают топонимы, в составе которых употребляются антропонимы тюркского происхождения.

Озвончение или оглушение губно-губных, смычных /p/, /b/ согласных в ряде слов встречается во всех диалектах татарского языка. В татарской диалектологии принято считать, что озвончение /p/ характерно для западного, оглушение /b/ — для восточного диалектов. Использование в позиции начала слова глухого смычного /p/ характерно для таких тюркских языков, как хакасский, шорский, тувинский, чувашский (Дмитриев, 1955: 270). Данное явление наблюдается и в исследуемых нами антропотопонимах восточного диалекта татарского языка: *paltabaj təc* — лес на территории д. Тоболтура Тобольского района Тюменской области. Антропотопоним образован от древнетюркского антропонима *baltabaj* — *Балтабай* (тат. литер. *baltabaj*, рус. Балтабай) с основой *balta-* ‘топор’¹ + *baj* ‘хозяин, состоятельный человек’ и географического термина *təc*, обозначающий в восточном диалекте татарского языка ‘лес, степь, равнина, поле’.

Название *işmpæt təp* — мыс на территории д. Юрторбор Ярковского района Тюменской области. Здесь также оглушение звука /b/. Образовано от антропонима *işmpæt* — *Ишемнәт* (тат. литер. *işmbæt*, рус. Ишембет) от *iş* (древ. тюр.-тат.) ‘делящийся на две части, пара; многочисленный; попутчик, друг, женщина, семья’² и географического термина *təp* ‘полуостров, мыс’.

Звуки /d/ и /d̥/ в татарском языке обычно являются звонкими в начале слова и в интервокальном положении, а в исходе оглушаются. Вместе с тем, возможно иногда частичное и даже полное оглушение /d/ в абсолютном начале и в конце слога, причем в таких случаях получается глухой слабый смычный звук /d̥/. С другой стороны, сонантизация звонких в интервокальной позиции (Байчура, 1959: 111). Употребление звуков /t/ и /d/ различно в различных диалектах и говорах, в восточном диалекте литературному татарскому /d/ соответствует глухое /t/: *ajtar kıl* — озеро на территории д. Осиново Ялуторовского района Тюменской области и др. От тюркского антропонима *ajtar* — *Айтар* (тат. литер. *ajdar*, рус. Айдар) ‘лунный, со свойствами луны’³. Оглушение /d/ наблюдается и в ряде других говоров, например, в мензелинском говоре среднего диалекта.

Чередование смычных /m/~/n/ наблюдается, например в ряде антропотопонимов Новосибирской области: *jəmgilde sası* — болото на территории д. Бакчагүл Барабинского района Новосибирской области; *jəmgilde tıŋ* — грива на территории д. Бакчагүл Барабинского района Новосибирской области; *jəmgilde urmanı* — лес на территории д. Бакчагүл Барабинского района Новосибирской области. Данные антропотопонимы образованы от имени *jəmgilde* — *Ямгилде* (тат. литер. *jəngilde*, рус. Янгильде) от *zan kilde* ‘душа пришла (ребенок родился)’ и географических терминов: *sas* ‘болото’, наблюдается оглушение звонкого сибиллянта /z/ (тат. литер. *saz*); *tıŋ* ‘грива’; *urman* ‘лес’.

Чередование звуков /t̪s̪/~/c̪/ в антропотопониме *iltəbaj t̪s̪* — болотистая местность на территории с. Чечкино Ярковского района Тюменской области. Здесь собирали клюкву, бруснику. В данном случае наблюдается вариативность произношения начального согласного второго компонента сложного антропотопонима. Антропоним *iltəbaj* — *Илтчебай* (тат. литер. *İlcəbaj*, рус. Ильчебай), от *ilcə* (древ. тюркск.-тат.) ‘посол, парламентар’⁴ и географический термин *t̪s̪* в значении ‘болотистая местность, болото, трясины’. Данное чередование характерно для восточного диалекта и для значительной части западного диалекта татарского языка.

В позиции середины слова и в конце слова встречаются чередование /z/~/s/. *urasaj partaq* — местность на территории д. Янтык Тюменского района Тюменской области. Антропотопоним образован от антропонима *urasaj* — *Урасай* (тат. литер. *urazaj*, рус. Уразай) от *uraz* ‘счастье’ + *-aj* частица выражающая обращение, просьбу и приказ ‘будь счастлив’ и географического термина *partaq*, возможно возникшего от термина *partaq* в значении ‘отава’.

¹ Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др. Л.: Наука, 1969. С. 80–81.

² Саттар-Муллиле Г. Татар исемнәре ни сөйли?: Татар исемнәренен тулы аңлатмалы сүзлегә [О чем говорят татарские имена?: Полный толковый словарь татарских имен]. Казан: Раннур, 1988. С. 119.

³ Саттаров Г. Ф. Татар исемнәре: аңлатмалы сүзлек [Татарские имена: толковый словарь]. Казан: Татар. кит. Нәшр., 2019. С. 51

⁴ Татар теленен этимологик сүзлегә [Этимологический словарь татарского языка]: Ике томда. Казан: Мәгариф Вақыт, 2015. I том. С. 301.

Таким образом, антропотопонимы тюркского происхождения в восточном диалекте татарского языка Западной Сибири отражают глубокое влияние тюркской языковой традиции. Для них характерны фонетические процессы, такие как оглушение и чередование согласных, а также связь с природными объектами, что подчеркивает взаимодействие языка и окружающей среды. Эти топонимы сохраняют культурно-историческую память, демонстрируя связь между языком, традициями тюркских народов и природой региона.

Антропотопонимы арабо-персидского происхождения

Оглушение смычного звонкого консонанта /b/ зафиксировано и в топонимах арабо-персидского происхождения, в позиции инлаута: *apsælæt jıŋıyıŋ* — небольшая река на территории д. Тоболтура Тобольского района Тюменской области. Образовано от антропонима *apsælæt* — Эпсәләм (рус. Апсәләм) от арабского [габед] ‘раб’ и [сәләм] ‘раб’¹ ‘раб Аллаха (дарующего безопасность)’ и географического термина *jıŋıyıŋ* ‘речка’.

От этого же арабского слова [габед] ‘раб’ образован антропоним *aptulla* — Аптулла (тат. литер. *gabdulla*, рус. Габдулла) ‘раб Аллаха’², который входит в состав таких антропотопонимов, как *aptulla ætsıŋ* — открытая поляна на территории д. Усманка Кыштовского района Новосибирской области; *aptulla qarakaŋıŋ* — сосновая роща на территории д. Усманка Кыштовского района Новосибирской области; *aptulla tønŋ* — грива, холм на территории д. Тармакуль Чановского района Новосибирской области; *aptul krl̥e* — озеро на территории д. Альменево Кыштовского района Новосибирской области. Здесь наряду с соответствием /p~/b/ также отмечено оглушение /d~/t/. Во всех примерах также наблюдается выпадение /k/ в анлауте, распространенное в арабских заимствованиях. В антропотопониме *aptul krl̥e* наблюдается выпадение одного из согласных в геминатах (двойных согласных): /ll/ > /l/: *aptula* — тат. литер. *gabdulla*.

Антропотопонимы образованы от фонетических вариантов антропонима *gabdulla* и географических терминов — *krl̥* ‘озеро’ (как и в татарском литературном языке), *ætsıŋ* ‘поляна, открытое место’, здесь также прослеживается чередование /t̥s~/c/ (тат. литер. *ætsıŋ*), *qarakaŋıŋ* в значении ‘сосновая роща’. В татарском литературном языке *qarakaŋıŋ* имеет значение ‘лиственница’, таким образом, выявляется семантический диалектизм. Относительно же значения ‘сосновая роща’ слова *qarakaŋıŋ* в восточном диалекте произошла семантическая деривация в сторону расширения значения: ‘сосна’ — ‘сосновая роща’; *tønŋ* ‘высокое место, холмик’.

Для большинства говоров исследуемого ареала также характерно выпадение /g/, /k/ в интервокальной позиции или на стыке слов, например, топоним: *babasan awulıŋ* — исчезнувшая деревня на территории Тобольского района Тюменской области. Образовано от антропонима *xasan* — Хәсән от арабского [хасан] ‘красивый, прекрасный, благий’³.

На примере топонима *æpæt santala* — местность на территории д. Шатанова Ярковского района Тюменской области, прослеживается чередование /m~/p/, что представляет собой явление, сходное со спецификой алтайских (алтайского, шорского, хакасского, тувинского) и кыпчакских (казахского, киргизского, ногайского, каракалпакского, башкирского) языков, т. е. переход начальных /l/, /m/, /n/ аффиксов после определенных звуков в шумные согласные близкой или сходной артикуляции (Тумашева, 1977: 253) и выпадение звука /x/. Топоним образован от *æpæt* — Әпәт (тат. литер. *æxtæt*, рус. Ахмет) от арабского [ахмад] ‘похвальный’⁴ и географического термина *santala* — в заболотном и тюменском говорах ‘табурет’ (тат. литер. *artsuz urunduq*).

Соответствие звуков /q//k~/x/ в разной степени проявляется во всех говорах татарского языка, вместе с тем в восточном диалекте, нижекамско-кряшенском и пермском говорах имеют системный характер: *æqtæt kıpır* — мост на территории с. Чечкино Ярковского района Тюменской области, образовано от антропонима *æqtæt* — Әктәт (тат. литер. *æxtæt*, рус. Ахтям) ‘щедрейший из щедрей-

¹ Арабско-татарско-русский словарь заимствований / отв. ред. Газизов Р. С. Казань: Иман, 2018. С. 519.

² Саттар-Муллиле Г. Татар исемнәре ни сөйләгән?: Татар исемнәренә тулы аңлатмалы сүзлегә [О чем говорят татарские имена?]: Полный толковый словарь татарских имен]. Казан: Раннур, 1988. С. 80.

³ Арабско-татарско-русский словарь заимствований / отв. ред. Газизов Р. С. Казань: Иман, 2018. С. 686.

⁴ Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. М.: ГИС, 1958. С. 244.

ших¹; *mækmɪt tɒp pɛtsænlsk* — сенокосные угодья на территории с. Муллаши Тюменского района Тюменской области. Образовано от антропонима *mæqmɪt* — *Мæкмүт* (тат. литер. *mæxmɪt*, рус. Махмут) от арабского [махмуд] 'хвалимый'². Это явление имеет место и в других тюркских языках (чувашском, кумыкском и ногайском и др.). Например в ногайском: *aqsa* — *axsa* 'деньги', *toqta* — *toxta* 'остановиться' (Баскаков, 1940: 22). В географическом термине *pɛtsænlsk* в составе топонима наблюдается чередование /tʃ/~/ɛ/ (тат. литер. *pɛtsænlsk*).

В восточном диалекте активны также сокращения имен существительных, к сокращенным вариантам присоединяются уменьшительно-ласкательные окончания, такие как /-ɛ/, /-s/, /-i/-j/, /-kæj/, /-ska/, /-ska/: *wæliʃ kicɛɹ* — переправа на территории д. Большой Краснояр Ярковского района Тюменской области. Образовано от антропонима *wæli* — *Вали* от арабского [вали] 'владелец, хозяин, покровитель'³; *mituʃ kɪlɹ* — озеро на территории д. Тахтамышева Томского района Томской области. Также возможно образовано от антропонима *mæxmɪt* — *Махмут* 'хвалимый'.

В восточном диалекте зафиксированы случаи чередования сибиланта /ʒ/ с глухим аффрикатом /tʃ/: *æxmætʃan jʊrɪuq* — сухой овраг на территории д. Юртобор Ярковского района Тюменской области. Образовано от антропонима *æxmætʃan* — *Әхмәтчан* (тат. литер. *æxmætʃan*, рус. Ахметзян) от арабского [ахмад] 'похвальный' и *ʒan* 'душа' и географического термина, обозначающего 'овраг' — *jʊrɪuq*. Интересно, что данная лексема в барабинском диалекте и в тарском говоре обозначает 'щербина; место молочного или выпавшего зуба'. Вероятнее всего здесь также наблюдается семантическая деривация; *xatʃiækmæt taburɪu* — пастбище на территории д. Аялу Чановского района Новосибирской области. От антропонима *xatʃiækmæt* — *Хатчиәхмәт* (тат. литер. *xatʃiæxmæt*, рус. Хаджихамет) от арабского [хаджи] 'положник'. Процесс адаптации арабо-персидских заимствований в восточном диалекте привел к трансформации аффрикаты /ʒ/. В соответствии с местными закономерностями оглушения шумных согласных, она перешла в звук /tʃ/, который не был исконным для этого диалекта. Согласный /ɛ/ в исследуемых антропотопонимах характеризуется аффрикативным типом артикуляции, в отличие от фрикативного варианта, принятого в литературном языке (Тумашева, 1977: 58). Сравните, чередование /ɛ/ʒ/наблюдается и в тувинском языке: *чёр* 'земля' (Сувандии, 2023: 28), *чылыг* 'тепло'. Здесь также наблюдается чередование звуков /q/k/~/x/. В составе топонима географический термин *taburɪu* обозначающий 'лежбище, место отдыха и водопоя для скота'.

В названии озера *mingatʃ kɪlɹ* — озеро на территории с. Черная Речка Томского района Томской области. От атропонима *mingatʃ* — *Мингатчи* (тат. литер. *minhaʒ*, рус. Мингаз) 'светлый путь, план'. В данном антропониме на ряду с чередованием /ʒ/~/tʃ/ фиксируются чередования /n/ ~ /ŋ/ и /g/~/h/.

Необходимо отметить, выпадение нехарактерного для традиционной речи носителей исследуемых говоров глухого щелевого звука /h/, вошедшего в язык посредством заимствований арабо-персидского происхождения, либо замену /h/ палатальным аппроксимантом: *ʃijaplar qurasu* — пашня на территории д. Аялу Чановского района Новосибирской области, от антропонима *ʃijap* — *Шийан* (тат. литер. *ʃihap*, рус. Шигап) 'летающая звезда, метеор'. В составе данного топонима диалектальный термин *qura*, обозначающий 'поле', в котором наблюдается вставка гласной /a/ (тат. литер. *quir*). *mæti gɪl* — озеро на территории д. Янтык Тюменского района Тюменской области. Название образовано от антропонима *mæhti* — *Мәһтү* (тат. литер. *mæhdi*, рус. Магди) образованное от арабского слова [махди] 'вести за собой, направлять на путь истины, руководить'⁴, где также прослеживается оглушение взрывного согласного /d/. Во второй части топонима, в географическом термине *gɪl*, наоборот, наблюдается озвончение глухого взрывного /k/ (тат. литер. *kɪl*). Интервокальное озвончение согласных /p/, /k/, /t/ — широко распространённое явление в тюркских языках, особенно характерное для кыпчакской группы. В отличие от многих других тюркских языков, где озвончение ограничено конечным согласным перед аффиксами с начальным гласным, в кыпчакских языках оно наблюдается и в других интервокальных позициях, не связанных с морфологическими границами. Это свидетельствует о более глубоком проникновении данного фонетического процесса в кыпчакских языках и его большей фонетической устойчивости (Тумашева, 1977: 249).

¹ Саттаров Г. Ф. Татар исемнәре: аңлатмалы сүзлек [Татарские имена: толковый словарь]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2019. С. 78.

² Арабско-татарско-русский словарь заимствований / отв. ред. Газизов Р. С. Казань: Иман, 2018. С. 336.

³ Там же. С. 56.

⁴ Саттаров Г. Ф. Татар исемнәре: аңлатмалы сүзлек [Татарские имена: толковый словарь]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2019. С. 223.

В позиции середины слова, в инлауте, встречаются чередование /d/~/z/: *abudar kyl* — озеро на территории д. Утузы Тевризского района Омской области. Образовано от антропонима *abudær* — *Абудар* (тат. литер. *æbüzær*, рус. Абузяр) 'источник сияния, светоч. Старец'. На территории д. Кипо-Кулары Тевризского района Омской области в названии озера наблюдается чередование /z/~/t/: *abutar kyl* — *Абутар*.

В некоторых названиях вместо литературного глухого спиранта /f/ сохраняется взрывной звук /p/: *pais kypær* — мост на территории с. Муллаши Тюменского района Тюменской области. От антропонима *pais* — *Паис* (тат. литер. *faiz*, рус. Фаиз) 'изобилие, достаток. Добро, польза. Милосердие; щедрость', в котором также наблюдается оглушение звонкого /z/ в конце слова. Также, например, в тувинском языке в анлауте и в ауслауте не употребляются звонкие согласные звуки (Сувандии, 2021: 49).

Таким образом, антропотопонимы арабо-персидского происхождения в восточном диалекте татарского языка демонстрируют процессы адаптации заимствованных элементов к местной фонетической системе. Наблюдаются оглушение согласных, чередование звуков и выпадение отдельных фонем, что характерно для взаимодействия арабо-персидских и тюркских языковых традиций. Эти топонимы отражают не только языковые изменения, но и культурно-религиозное влияние, сохраняя связь с исламской традицией и местной географической средой.

Антропотопонимы русского происхождения

Особый интерес представляет группа антропотопонимов в восточном диалекте татарского языка, образованных от русских антропонимов. В данной группе также наблюдается фонетическая вариативность, обусловленная адаптацией заимствованных антропонимов к фонетической системе диалекта. Изучение данных антропотопонимов позволяет выявить специфические фонетические процессы, характерные для взаимодействия русского и татарского языков в данном диалектном ареале.

В ряде говоров восточного диалекта татарского языка наблюдается фонетическая адаптация русских заимствованных топонимов, проявляющаяся, в частности, в трансформации губно-зубного фрикативного /v/. Вместо него используются звуки /b/ и /w/, что иллюстрируется следующим примером: *purbar julkasu* — река Варварушка. (д. Варвара Ярковского района Тюменской области) от антропонима *purbar* — *П(б)урбар*, происходящего от русского имени *varvara* (тат. литер. *varvara*, рус. Варвара).

В антопотопонимах *næstti tajvusu* — болотная тропа на территории д. Кипо-Кулары Тевризского района Омской области; *næcæcæ julkasu* — река; *næcæcæ kyls* — озеро (оба топонима зафиксированы в д. Ишменеве, Тобольский район, Тюменская область), образованных от фонетических вариантов имени *næsta* — *Настя*. Зафиксировано чередование /s/~/ε//tʃ/. Данное явление характерно для заимствований во многих говорах татарского языка.

Вместе с тем, необходимо отметить, что основная часть данных заимствованных антропонимов в составе топонимов используются в диалекте неизменно, например: *æntip jaq* от антропонима *Antun, gorbunova derevn'a* от антропонима *Горбунов*, *jskaterininskij jul* от антропонима *Екатерина*, *maksim kyls* от антропонима *Максим* и др.

Данные примеры демонстрируют характерные фонетические процессы, происходящие при заимствовании русской топонимии в восточный диалект татарского языка. Необходимо дальнейшее исследование для определения фонетических условий и факторов, влияющих на выбор варианта реализации фонемы /v/ в заимствованных топонимах.

Антропотопонимы русского происхождения в восточном диалекте татарского языка отражают процессы фонетической адаптации заимствованных элементов к местной языковой системе. Наблюдаются вариации в произношении, такие как замена звука /v/ на /b/ и /w/, а также чередование согласных, что подчеркивает взаимодействие двух языков. При этом многие антропонимы сохраняют форму, близкую к литературной норме, что свидетельствует о влиянии литературного языка на диалектную систему. Эти процессы демонстрируют сложное взаимодействие культур и языков в регионе.

Заключение

Анализ корпуса антропотопонимических лексем восточного диалекта татарского языка, собранного авторами, выявил преобладающее количество лексем арабо-персидского происхождения (более 60%) и значительную долю тюркских этимонов (более 20%). Доля заимствований из русского языка составила существенно меньший процент (7%). Оставшиеся 5% антропотопонимов требуют дополнительного этимологического анализа. Значительная часть антропотопонимов исследуемого ареала совпадает с формами, принятыми в татарском литературном языке, однако выявлены и специфические фонетические вариации. К наиболее частотным фонетическим процессам относятся оглушение звонких согласных в начальной и конечной позициях, чередования /с/ /tʃ/, /з/ /tʃ/, /q/k/ /x/, а также выпадение нехарактерных для исконной фонетической системы звуков /h/, /v/.

Фонетическая система диалектов сибирских татар представляет собой сложный конгломерат разнородных элементов, сформировавшийся в результате длительного исторического развития и межъязыковых контактов. С одной стороны, она сохраняет архаичные черты, восходящие к древнетюркскому состоянию, и демонстрирует явления с ограниченным ареалом распространения в тюркской семье, обнаруживая сходства с алтайско-хакасской подгруппой. С другой стороны, в ней присутствуют признаки, характерные для кыпчакских языков, а вокализм испытал заметное влияние татарского литературного языка. Определенное воздействие оказали и говоры западного диалекта татарского языка, хотя некоторые общие черты могут объясняться более ранней генетической связью.

Степень проявления перечисленных особенностей варьируется в разных диалектах и говорах, что обусловлено комплексом факторов: территориальным расположением, этническим составом населения, генетической близостью языковых систем и характером последующих языковых контактов. Такая неоднородность свидетельствует о сложных процессах формирования фонетической системы восточного диалекта татарского языка и требует дальнейшего детального изучения.

Помимо фонетических вариаций, зафиксированных в компонентах антропотопонимов восточного диалекта татарского языка, значительный интерес представляет количественное преобладание антропонимов, идентичных формам, кодифицированным в татарском литературном языке, например: *æxtæt jul* (Әхмәт), *bakir sazu* (Бакир), *battal gyl* (Баттал), *bæxtijær gyləu* (Бәхтияр), *bibbinur stan* (Бибинур), *kaşa babaj julu* (Гауша), *qobæj kyl* (Гобәй), *qulmi sas* (Гыйльми), *zæjñi kyl* (Зәйни), *ilʃas utrau* (Ильяс), *kærim sazu* (Кәрим — Карим) и др. Данный факт свидетельствует о тесной взаимосвязи диалектной и литературной норм в сфере антропонимии, что может быть обусловлено рядом факторов. Прежде всего, следует учитывать влияние литературного языка как престижной формы коммуникации, распространяющейся через систему образования и средства массовой информации. Кроме того, совпадение антропонимов в диалекте и литературном языке может отражать общие тенденции исторического развития татарской антропонимической системы.

Полученные результаты демонстрируют влияние межъязыкового взаимодействия и на эволюцию семантических полей географической терминологии в Западно-Сибирском ареале и вносят вклад в углубленное понимание лингвистических процессов, происходящих в условиях языкового контакта. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение более широкого спектра фонетических явлений в топонимии региона и на детальный анализ влияния конкретных языковых контактов на фонетическую систему татарских антропотопонимов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Байчура, У. Ш. (1959) Звуковой строй татарского языка: Экспериментально-фонетический очерк : в 2-х ч. Казань : Изд-во КГУ. Ч. I. 183 с.
- Баскаков, Н. А. (1940) Ногайский язык и его диалекты. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 272 с.
- Дмитриев, Н. К. (1955) Фонетические закономерности начала и конца тюркского слова // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков : в 4-х ч. / под общ. ред. Н. К. Дмитриева. М. : АН СССР. Ч. I. Фонетика. 336 с. С. 265–273.
- Никонов, В. А. (1965) Введение в топонимику. М. : Наука. 179 с.

Саттаров, Г. Ф. (1973) Татарстан АССРның антропотопонимнары. [Антропотопонимы Татарской АССР]. Казан : КДУ. 269 б. (На татар. яз.)

Сувандии, Н. Д. (2021) Антропонимы тувинского языка, связанные с буддийской религией // Новые исследования Тувы. № 2. С. 44–51. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.4>

Сувандии, Н. Д. (2023) Чер 'земля' в паремиях тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 26–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Тумашева, Д. Г. (1977) Диалекты сибирских татар. Казань : Казан. гос. ун-т. 293 с.

Хадиева, Г. К. (2016) Антропонимы Татарстана (по материалам писцовых книг XVI–XVII вв.) // Ономастика Поволжья: материалы Международной научной конференции (Арзамас, 13–16 сентября 2016 г.) / под ред. Л. А. Климовой, В. И. Супруна. Арзамас ; Саров : Интерконтакт. 529 с. С. 232–236.

Дата поступления: 17.03.2025 г.

Дата принятия: 28.03.2025 г.

REFERENCES

Baichura, U. Sh. (1959) *The Phonetic System of the Tatar Language: An Experimental Phonetic Sketch*. In 2 parts. Kazan, Kazan State University Publ. Part I. 183 pp. (In Russ.)

Baskakov, N. A. (1940) *The Nogai Language and Its Dialects*. Moscow; Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ. 272 p. (In Russ.)

Dmitriev, N. K. (1955) Phonetic Regularities of the Beginning and End of the Turkic Word. In: *Studies on the Comparative Grammar of Turkic Languages*. In 4 parts. Ed. by N. K. Dmitriev. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ. Part I. Phonetics. 336 p. Pp. 265–273. (In Russ.)

Nikonov, V. A. (1965) *Introduction to Toponymy*. Moscow, Nauka Publ. 179 p. (In Russ.)

Sattarov, G. F. (1973) *Anthroponyms of the Tatar ASSR*. Kazan, Kazan State University Publ. 269 p. (In Tatar.)

Suvandii, N. D. (2021) Anthroponyms of the Tuvan Language Related to the Buddhist Religion. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 44–51. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.4>

Suvandii, N. D. (2023) *Cher 'land' in the Paremiology of Tuvans*. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 26–37. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Tumasheva, D. G. (1977) *Dialects of Siberian Tatars*. Kazan, Kazan University Publ. 293 p. (In Russ.)

Khadieva, G. K. (2016) Anthroponymic Oikonyms of Tatarstan (Based on Census Books of the 16th–17th Centuries). In: *Onomastics of the Volga Region: Proceedings of the International Scientific Conference* (Arzamas, 13–16 September 2016). Ed. by L. A. Klimkova and V. I. Suprun. Arzamas; Sarov: Intercontact Publ. 529 p. Pp. 232–236. (In Russ.)

Submission date: 17.03.2025.

Acceptance date: 28.03.2025.

Этнические особенности занятости и трудовой мобильности населения в фокусе современных российских исследований

Рим М. Валиахметов, Николай С. Беляков

Уфимский университет науки и технологий, Российская Федерация

В статье приводится обзор публикаций российской науки последних 25 лет, посвященных изучению этнических особенностей занятости и трудовой мобильности населения России.

По результатам обзора и анализа научных публикаций выделяются несколько исследовательских групп: московская, тувинская и башкортостанская, а также ряд других научных коллективов и авторов, активно исследующих в настоящее время этнические особенности занятости и трудовой мобильности населения.

Особый акцент сделан на исследования этнических особенностей занятости и трудовой мобильности населения в республиках Российской Федерации, в частности в Башкортостане и Туве. Это обусловлено спецификой национальных республик как исторически сложившихся территорий совместного проживания различных этнических групп, что позволяет более полно раскрыть присущие им особенности в области занятости и трудовой мобильности населения.

Решение этой исследовательской задачи позволило авторам настоящей статьи определить также наиболее актуальные и востребованные направления дальнейших исследований в данной области, такие как учет влияния факторов цифровизации и информатизации на занятость и трудовую мобильность различных этнических групп.

Ключевые слова: занятость; трудовая мобильность; трудовая миграция; этнос; этническая особенность; этноэкономика; Россия; Тува; Башкортостан; обзор

Статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель — академик РАН В. А. Тишков).

Для цитирования:

Валиахметов Р. М., Беляков Н. С. Этнические особенности занятости и трудовой мобильности населения в фокусе современных российских исследований // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 469–485. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.29>

Валиахметов Рим Марсович — кандидат социологических наук, заведующий научной лабораторией социальных и демографических исследований Уфимского университета науки и технологий. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 3/4. Эл. адрес: rim_m_sifat@inbox.ru

Беляков Николай Станиславович — ассистент кафедры философии и культурологии, младший научный сотрудник управления научных исследований и разработок Уфимского университета науки и технологий. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. Эл. адрес: belyakov.nikolay1994@yandex.ru

Review

Ethnic Characteristics of Employment and Labor Mobility in Contemporary Russian Studies

Rim M. Valiakhmetov, Nikolai S. Belyakov

Ufa University of Science and Technology, Russian Federation

This article presents a review of Russian scientific publications from the past 25 years devoted to the study of ethnic characteristics of employment and labor mobility among the population of Russia.

Based on the overview and analysis of these scientific works, several research groups are identified: the Moscow, Tuvan, and Bashkortostan schools, as well as a number of other research teams and individual authors who are currently actively investigating the ethnic features of employment and labor mobility in Russia.

Particular emphasis is placed on studying the ethnic characteristics of employment and labor mobility in the republics of the Russian Federation, especially in Bashkortostan and Tuva. This focus is due to the unique nature of national republics as historically established territories of the joint residence of various ethnic groups, which makes it possible to more fully reveal the specific features inherent to them in the sphere of employment and labor mobility.

Solving this research problem has also enabled the authors to identify the most relevant and in-demand directions for future studies in this field—such as accounting for the impact of digitalization and informatization factors on employment and labor mobility among different ethnic groups.

Keywords: employment; labor mobility; labor migration; ethnicity; ethnic characteristic; ethnoeconomics; Russia; Tuva; Bashkortostan; review

Financing

The article was prepared within the framework of the Scientific Research Program on the study of the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening all-Russian identity, 2023–2025 (project leader — Academician of the Russian Academy of Sciences V. A. Tishkov).

For citation:

Valiakhmetov R. M. and Belyakov N. S. Ethnic Characteristics of Employment and Labor Mobility in Contemporary Russian Studies. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 469–485. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.29>

VALIAKHMETOV, Rim Marsovich, Candidate of Sociological Sciences, Head, Scientific Laboratory of Social and Demographic Research, Ufa University of Science and Technology. Postal address: 3/4 Karl Marx St., Ufa, 450076, Russia. E-mail: rim_m_sifat@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-8875-5197

BELYAKOV, Nikolay Stanislavovich, Assistant Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Junior researcher, Department of Scientific Research and Development, Ufa University of Science and Technology. Postal address: 32 Zaki Validi St., Ufa, 450076, Russia. E-mail: belyakov.nikolay1994@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3950-7920

Введение

Одной из актуальных тем исследований в современной социальной науке является проблема занятости и трудовой мобильности населения. Анализ имеющихся сведений об этих процессах позволяет выявить специфику распределения трудовых ресурсов в регионах России в зависимости от многих факторов, в том числе этнических.

Значительное число исследований и публикаций, выделяющих этническую компоненту в сферах труда и занятости, свидетельствует как об актуальности данной темы, так и необходимости постоянной работы над разработками методологического, методического и практического характера. В условиях нестабильности современной социальной и экономической системы, а также внешнеполитических вызовов, с которыми столкнулась наша страна, только системное изучение экономических, социокультурных и этнических проблем позволит выработать действенную стратегию устойчивого развития России и ее регионов.

Существующие наработки охватывают целый спектр аспектов занятости и трудовой мобильности населения, учитывающие технологические, региональные, культурные и этнические компоненты. Особый интерес представляют именно этнические особенности, так как в условиях полиэтничности российского общества абстрагирование от природы этноса и попытка выстраивания теоретических систем и практических предложений на основании усредненных данных ведет к редуцированию проблемы и искажению итоговых данных. Необходим комплексный анализ, включающий учет влияния всех возможных факторов и тенденций.

Целью настоящего исследования стал обзор и систематизация изданных с начала XXI в. работ и публикаций, рассматривающих или учитывающих этнические особенности и факторы трудовой занятости и мобильности населения. Реализация этой цели предполагает решение таких задач, как:

1) выявление и критический анализ наиболее представительных современных российских исследований и публикаций по взаимосвязанным проблемам этничности, занятости и трудовой мобильности населения;

2) определение основных направлений научных поисков по исследованию этнических факторов трудовой миграции в контексте современной социальной политики и практики.

Особый интерес для нас представляют работы, анализирующие этническую специфику занятости и трудовой мобильности в таких национальных республиках, как Башкортостан и Республика Тыва (Тува). Это обусловлено рядом факторов. Во-первых, на примере этих республик нарабатан значительный пласт систематических исследований по проблемам этничности, трудовой мобильности и занятости населения; во-вторых, авторы настоящей работы сами являются представителями башкортостанской исследовательской группы, что существенно повышает интерес как к предмету, так и объектам исследований.

В настоящем обзоре мы сосредоточили свое внимание на отечественных публикациях, но для понимания всеобщности проблемы и полноты картины представляется необходимым назвать исследования и некоторые зарубежных стран. Так, проблемы занятости и трудовой мобильности в Китае нашли отражение в публикациях Л. Бинг (Bing, 2011), Ф. Мэн, З. Лу, Х. Линь, М. А. Бхуян (Meng et al., 2023). В своих работах авторы отмечают связь между состоянием трансрегионального потока рабочей силы и региональным экономическим ростом. Особый акцент делается на изучении специфики, присущей внутренней трудовой мобильности граждан, выходцев из сельской местности. Вопросы трудовой занятости являются актуальными и для стран Европы. В частности, на примере Испании, они отражены в публикации Л. Лиу¹, где фиксируется нетипичная для России ситуация, а именно, незначительная региональная мобильность на территории страны. Условия на рынке труда, а также двойственное отношение к внутренним переселенцам, включающее учет культурных особенностей приезжих из регионов, ведут к уменьшению трудовой мобильности и концентрации населения в местах их изначального проживания.

Основной источниковой базой настоящего исследования стали релевантные отечественные публикации по исследуемой теме. Работа по их отбору производилась при помощи электронных ин-

¹ Liu L. Q. Regional Labor Mobility in Spain // IMF Working Papers. Vol. 2018. Issue 282. 30 p. DOI: <https://doi.org/10.5089/9781484387764.001>

формационных ресурсов, таких как базы Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU, научная электронная библиотека КиберЛенинка. Отбор осуществлялся по годам издания (начиная с 2000 г.) и наличию в названии или аннотации ключевых слов: «этнос», «этничность», «занятость», «трудовая мобильность», «миграция». Также использовался поиск по фамилиям и публикациям авторов, известных работами в данных направлениях: Л. М. Дробижеева, В. И. Мукомель, Р. М. Валиахметов, М. С. Туракаев, Г. Р. Баймурзина, Е. В. Кабашова и др. Кроме этого, при подготовке статьи использовались технические возможности и потенциал нейросетей по подбору релевантных научных исследований. В частности, использовался чат-бот на основе искусственного интеллекта Perplexity¹. Для поиска информации применялся следующий промт: «Какие исследовательские коллективы ученых в России с 2000 г. занимаются изучением этнических особенностей занятости и трудовой мобильности населения. Назови организации, подразделения, фамилии и дай информацию об их основных научных публикациях». Полученный ответ позволил осуществить предварительную систематизацию загруженных в Интернет-пространство данных. В частности, нейросеть подтвердила существование московской, башкортостанской и тувинской исследовательских групп, наиболее часто обращающихся к тематике этнических особенностей занятости и трудовой мобильности населения.

Особо подчеркнем, что целью настоящей работы не является анализ всех публикаций по теме этнических особенностей занятости и трудовой мобильности населения, вышедших в России за последние 25 лет. К рассмотрению предлагаются лишь некоторые, наиболее информативные, с точки зрения авторов настоящего обзора; в первую очередь, это исследования, позволяющие сформировать общее представление об исследовательском поле проблемы, а также основных научных коллективах, работающих в данной области.

Необходимо отметить, что исследование трудовой мобильности и занятости населения является одной из ключевых тем и на уровне международной повестки. Например, это отражено в докладах, подготовленных под эгидой организации G20 («Большая двадцатка»), одним из ведущих членов которой является Россия². Фиксируется особое значение трудовой мобильности для экономик развивающихся стран, а также необходимость всестороннего и комплексного изучения данного вопроса и связанных с ним проблем в целях обеспечения устойчивого развития и экономического роста стран. Это становится особо актуальным в условиях цифровизации современного социального пространства как одного из наиболее существенных и динамичных факторов трансформационных изменений в системе занятости населения. Происходит формирование новых форм трудовой деятельности, неразрывно связанных с цифровыми технологиями, например, «виртуальной трудовой миграции» (Белова, 2022), которая во многом является специфическим аналогом традиционной трудовой миграции, так на индивид проживает в одном, а трудится, пусть и дистанционно, в другом месте.

Этничность, занятость и трудовая мобильность

Направление исследований, посвященное изучению этнических аспектов занятости и трудовой мобильности, оформилось в значительной степени благодаря целенаправленной работе исследовательского коллектива под руководством Л. М. Дробижеевой (Институт социологии РАН). Проект «Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность» (1999–2001), выполненный этим коллективом в самом начале XXI в., стал одним из наиболее значимых научных исследований, основанных на представительных социологических данных в российских республиках — Башкортостане, Татарстане и Саха-Якутии. Он посвящен изучению влияния этничности на социально-экономическое и социально-культурное развитие субъектов РФ (Социальное неравенство ..., 2002).

Интересным и полезным представляется раздел одноименной коллективной монографии, в котором анализируются основные индикаторы социально-экономического и социально-культурного неравенства этнических групп Башкортостана (написан Р. М. Валиахметовым) (там же: 300–319).

¹ Perplexity. Главная страница [Электронный ресурс] // Perplexity. URL: <https://www.perplexity.ai/> (дата обращения 12.05.2025).

² G20 South Africa — Solidarity, Equality and Sustainability [Электронный ресурс] // G20. URL: <https://g20.org/> (дата обращения 10.05.2025).

В работе осуществлена комплексная оценка успешных видов экономической и хозяйственной деятельности основных этнических групп республики, охарактеризовано распределение представителей различных этносов по видам занятости и образованию. Несмотря на достаточно длительный период времени, прошедший после публикации, поднятые в ней проблемы и методология самого исследования остаются актуальными и по настоящее время. На авторитетность издания указывает количество его цитирований: по данным РИНЦ — 499 раз¹ (на момент обращения — май 2025 г.).

В последующие годы работа в данном направлении продолжилась, она приобрела междисциплинарный характер и нашла отражение в серии публикаций башкортостанской исследовательской группы, представители которой являются сотрудниками Башкирского филиала Института социологии РАН, Башкирского государственного университета (ныне — Уфимский университет науки и технологий). Работы посвящены этнодемографическим, этносоциальным и этнокультурным аспектам труда и занятости коренного этноса и других этнических групп населения Республики Башкортостан (Валиахметов, 2012; Валиахметов, Кадыров, Ягафарова, 2013; Валиахметов, Баймурзина, 2017; и др.²). Близкие по тематике вопросы анализировались и в Докладе о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан «Труд занятость и человеческое развитие» (2015)³.

Эти и ряд других исследований и публикаций стали основанием для отбора предложенных башкортостанской исследовательской группой научных тем «Этнические особенности развития человеческого потенциала в экономиках национальных республик» (2020–2022) и «Этнические особенности занятости и трудовой мобильности населения республик Российской Федерации» (2023–2025) в общероссийский проект, выполняемый в рамках «Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности» (рук. — академик РАН В. А. Тишков). Проекты реализуются в ряде республик Российской Федерации под научно-методическим сопровождением Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений с 2020 г. (2020–2022; 2023–2025)⁴. Научный коллектив из Башкортостана (Научная лаборатория социальных и демографических исследований Уфимского университета науки и технологий) стал ответственным исполнителем проектов, реализуемых в республиках Башкортостан, Дагестан, Калмыкия, Татарстан и Тува. По результатам первого этапа исследований (2020–2022 гг.) была опубликована отдельная статья, написанная при содействии башкортостанской и тувинской исследовательских групп, посвященная изучению этносоциального воздействия на занятость (Валиахметов и др., 2021). В статье на результатах социологического исследования по Республике Башкортостан и Республике Тыва проводится анализ значимости этнической принадлежности в контексте возможностей трудоустройства, карьерного роста и самореализации жителей указанных республик. Делаются выводы о значительной роли этнических факторов при трудоустройстве в обществах с высоким уровнем сохранения элементов традиционных социальных отношений, как это наблюдается, например, в Туве. Теоретико-методологические аспекты проблемного поля перечисленных проблем отражены также в работе «Этнические факторы неравенства в контексте концепции человеческого развития»⁵.

¹ Список публикаций, цитирующих данную публикацию / Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / отв. ред. Л. М. Дробижева [Электронный ресурс] Научная электронная библиотека. URL: https://www.elibrary.ru/cit_items.asp?id=21516858 (дата обращения 10.05.2025).

² Валиахметов Р. М. Современные демографические тенденции и этносоциальные проблемы башкирского народа // Проблемы демографического развития башкирского народа. Сборник научных статей по итогам работы круглого стола, посвященного III Всемирному Курултаю башкир / под ред. Р. М. Валиахметова, М. М. Кульшарипова. г. Уфа: АН РБ, Гилем, 2010. С. 22–30.

³ Труд, занятость и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан / под общ. ред. Р. М. Валиахметова, Г. Р. Баймурзиной, Н. М. Лавренюк. Уфа: Восточная печать, 2015.

⁴ Научный совет РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений [Электронный ресурс] // Российская академия наук. URL: <https://new.ras.ru/structures/komitety-sovety-i-komissii/komitety-sovety-i-komissii-priprezidiume-ran/sovety/nauchnyy-sovet-ran-po-kompleksnym-problemam-etnichnosti-i-mezhnatsionalnykh-otnosheniy/> (дата обращения 10.05.2025).

⁵ Валиахметов Р. М. Этнические факторы неравенства в контексте концепции человеческого развития // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. Материалы IV Всероссийской научно-практической онлайн конференции, посвященной 100-летию ТАССР / под ред. Г. Ф. Габдрахмановой, Г. И. Макаровой, Л. В. Сагитовой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. С. 35–38.

Интересные данные о занятости населения в целом, о новых ее видах и формах, а также об этнических особенностях занятости в Башкортостане и Туве содержатся в публикациях Г. Р. Баймурзиной и соавторов (Баймурзина, Ягафарова, Кабашова, 2023; Баймурзина, Валиахметов, Бочаров, 2023; Баймурзина, Кабашова, 2022). В последней из них подчеркивается, что согласно данным исследований «Этнические особенности развития человеческого потенциала в Республике Тува» (2021) этнические тувинцы работают практически во всех отраслях республики, тогда как русские — в основном, в промышленных секторах экономики (Баймурзина, Кабашова, 2022). Результаты аналогичного исследования «Этнические особенности развития человеческого потенциала в Республике Башкортостан»¹ также показывают проявления этнической специфики в видах занятости трех основных этносов республики — башкир, русских и татар.

Тема этнических особенностей занятости нашла существенное отражение в публикациях коллектива авторов под руководством З. Т. Голенковой (Центр исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии ФНИСЦ РАН), в том числе совместно с коллегами из Тувы. Так, в коллективном исследовании, посвященном особенностям трансформации регионального социально-профессионального пространства Республики Тыва, авторы отмечают становление системы «самостоятельных аратов, которые являются агентами, отражающими специфику трудовых отношений и социального пространства республики» (Голенкова, Голиусова, Самба, 2021: 167). Отдельно выделяются группы тувинцев, занятые тем или иным традиционным видом деятельности, в т. ч. чабаны, яководы, оленеводы, вышивальщицы, камнерезы, шаманы, исполнители горлового пения и другие. Указывается, что данные лица, занимающиеся «архаическими» видами трудовой деятельности, в настоящее время практически не встроены в систему официальных трудовых отношений.

Исследование данной проблематики продолжает развиваться и углубляется в других работах тувинских исследователей. Например, в одной из них фиксируется отсутствие у лиц, занимающихся «архаическими» видами трудовой деятельности «определенного юридического статуса в государственной структуре» (Самба, 2022: 145), в чем видится одна из проблем современного тувинского общества. Это усугубляется тем фактом, что тувинская культура относится к категории сравнительно закрытых и «монологичных» (Попков, Тюгашев, 2020). Подчеркивается, что культурная замкнутость ведет к дисбалансу межкультурных и экономических связей и может негативно сказываться на социально-экономической сфере. Исследуя развитие рынка труда в Туве и подчеркивая слабую урбанизированность республики тувинский исследователь А. Ч. Кылгыдай отмечает, что эта ситуация усиливается высокой безработицей, особенно в сельской местности, наличием неформальных институтов трудовой деятельности и несовершенством сложившейся экономической модели².

Наряду с выявлением и анализом существующих проблем в этнической и трудовой сферах, тувинские исследователи предлагают и проекты по их решению. Например, Б. А. Донгаком предложена концепция условной разбивки территории республики на 5 экономических зон или этнических кластеров предпринимательства³. Это важно в целях поддержки этнического, в первую очередь, животноводческого, сектора экономики и формирования замкнутого цикла производства в рамках традиционных этнических хозяйств, способствующих сокращению миграции в города, возрождению народных промыслов и решению проблемы безработицы в целом (Кылгыдай, 2020). Следует отметить, что некоторые из подобных проектов уже реализованы, в т.ч. 17 региональных проектов поддержки сельского населения в 2024 г. (Севек, Серээжикпей, Куулар, 2024).

Актуальной и достаточно перспективной темой является анализ этнических особенностей занятости и трудовой мобильности отдельных возрастных групп, в первую очередь — молодежи. Данная социальная группа, с одной стороны, является достаточно уязвимой в силу объективного недостатка опыта, но, с другой, отличается высокой гибкостью, позволяющей быстро подстраиваться под существующие социально-экономические и политические реалии. Так, в исследовании З. В. Анайбан (Институт востоковедения РАН) проанализированы и представлены выводы относительно сходства трудовых мотиваций молодежи разных этнических групп (русских и тувинцев) (Анайбан, 2018). Обна-

¹ Этнические особенности развития человеческого потенциала в Республике Башкортостан. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022620198, 21.01.2022. Заявка № 2022620045 от 12.01.2022.

² Кылгыдай А. Ч. Развитие рынка труда слабоурбанизированного региона: дисс. ... к. экон. н. Томск, 2024.

³ Донгак Б. А. Формирование и развитие этнических кластеров предпринимательства (на примере Республики Тыва): дисс. ... к. экон. н. СПб., 2016.

ружилось, что ключевым показателем для всех этнических групп является получение высокого дохода. Отдельный интерес представляет статистика, которую приводит автор по трудовой занятости молодежи в разных секторах экономики. Так, городская тувинская молодежь трудится преимущественно в сферах государственного управления, образования и медицины, тогда как русская — в основном, в промышленных секторах экономики. Социокультурные причины данного распределения еще требуют своего детального изучения. Вместе с тем, социологические данные, представленные в публикации, свидетельствуют о наличии «этнического» уклона в труде, когда успешность в отдельных сферах деятельности связывается с принадлежностью к определенному этносу. Подобные оценки вызывают определенные вопросы, вследствие которых в отечественной научной литературе часто содержатся призывы и предложения о недопущении преференций в трудоустройстве на основании национальных, языковых, религиозных или других факторов, как тормозящих общее экономическое развитие и негативно воздействующих на самые незащищенные слои населения, в первую очередь, молодежь¹. Некоторые авторы указывают, что населению нашей страны присуще мнение о тесной связи между этнической принадлежностью (этничностью) и возможностью социального продвижения в сфере труда. Опрос взрослого населения, проведенный в 2020 г. Институтом социологии ФНИСЦ РАН (Эндрюшко, 2022), свидетельствует о наличии этнической предубежденности и стереотипов о дискриминации по этническому признаку.

Этнические аспекты занятости изучаются и в общих рамках исследований этноэкономики. Так, О. В. Печура дает определение этноэкономики как «гармоничной, устойчивой, адаптирующейся модели» (Печура, 2009: 143) и показывает влияние этнического фактора на традиционную экономическую деятельность, предпринимательство и возможности самореализации личности в целом. О схожих социальных причинах, ведущих к сохранению этнического влияния в экономике, говорит Ю. И. Бушенева (Бушенева, 2018). Продвигая тезис о системной отсталости этнической экономики в традиционных обществах в сравнении с современными типами хозяйствования, она, тем не менее, заключает, что исключительно экономическая оценка данной проблемы не может быть приемлема, так как «важность сохранения этнических экономик обусловлена необходимостью сбережения этносов, культуры и традиций» (там же: 8), а также поддержанием уровня занятости в удаленных районах страны. Кроме этого, исследуется трудовая занятость конкретных этнических групп в масштабах всей страны. Например, это было реализовано по отношению к цыганам (Бугай, 2013). Этими примерами, мы лишь подчеркиваем важность учета этноэкономики для анализа рынка труда и занятости населения. В данной статье мы ограничивались этносоциальными и этнокультурными аспектами проблемы и, соответственно, в большей мере этносоциологическими исследованиями.

Таким образом, исследования в области этнических аспектов занятости и трудовой мобильности населения в России в их современном виде были в основном инициированы исследовательской группой Института социологии РАН, под руководством Л. М. Дробижевой. В дальнейшем оформились и региональные исследовательские группы — башкортостанская и тувинская. Особенностью их становления является то, что они развивались в коллаборации как с ведущими образовательными и научными учреждениями страны, так и региональными научными центрами (Академия наук Республики Башкортостан, Тувинский научный центр Республики Тыва и т. д.).

Необходимо подчеркнуть, что данные исследовательские коллективы не работают автономно друг от друга. Наблюдается взаимодействие, что подтверждается наличием совместных публикаций и проектов. Представляется своевременным и желательным включение большего числа исследователей из разных субъектов РФ в данную работу, поскольку многообразие этнической специфики народов России объективно не может быть охвачено полностью уже сформированными научными коллективами.

Этнический фактор трудовой миграции

Этнический фактор трудовой миграции в отечественной науке может рассматриваться в двух основных направлениях исследований: 1) международная трудовая миграция в Россию и из нее; 2) межрегиональная трудовая миграция, включая миграцию представителей различных этнических групп.

¹ Филиогло Л. Д. Трудовая мобильность молодежи в условиях нестабильной экономики // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. № 1. С. 36–40.

Проблемы миграции в Россию и совокупность вопросов, связанных с пребыванием в ней группы трудовых мигрантов, наиболее системно анализируются исследовательской группой Института социологии ФНИСЦ РАН. К их числу, в первую очередь, необходимо отнести цикл авторских публикаций В. И. Мукомеля (Мукомель, 2015, 2016, 2017 и др.¹). Исследуя проблему, автор отмечает, что в современной России наблюдается негативное отношение к мигрантам не только из стран Средней Азии, но и внутренним переселенцам, например, из республик Северного Кавказа. Это свидетельствует о существовании в стране неразрешенных межэтнических противоречий и о трудностях в адаптации и интеграции мигрантов в российское общество. Автор делает вывод о необходимости разработки мер по консолидации локальных обществ с целью лучшей интеграции мигрантов, в том числе и трудовых. В этой связи, следует упомянуть и добавить следующее замечание Л. М. Дробижевой: «по отношению к местному населению точнее говорить об адаптации к новому этническому составу локального пространства, а не интеграции с мигрантами» (Дробижева, 2016: 379). Легче всего подобные процессы происходят в регионах, где существует исторически сложившийся опыт межэтнического общения.

Трудовая мобильность и миграция в Россию и из нее активно исследуется в работах члена-корреспондента РАН, директора Института демографических исследований ФНИСЦ РАН С. В. Рязанцева. В частности, он отстаивает позицию, что трудовая миграция в Россию играет «позитивную роль в демографическом и социально-экономическом развитии на фоне депопуляции и сокращения трудовых ресурсов в России» (Рязанцев, 2018: 724), а также говорит о необходимости государственного содействия адаптации мигрантов (Рязанцев, Леденева, Мишук, 2023). Интересно заметить, что подобной точки зрения придерживается и Р. А. Галин (основоположник башкирской демографической школы)². Он утверждает, что тезис о том, что «трудовые мигранты занимают рабочие места местного населения и тем самым увеличивают безработицу» является мифом (Галин, Галина, 2014: 23). В более ранних публикациях Р. А. Галина даже прослеживается идея о необходимости разработки стратегии по активизации миграционных потоков в страну в целях предотвращения кризиса на рынке труда (Галин, Галина, Акмадиева, 2009).

С. В. Рязанцевым анализируется проблема трудовой миграции и на примере стран бывшего СССР. Это важно в контексте настоящего обзора, поскольку миграция из подобных стран направлена в первую очередь в Россию. Отмечается необходимость создания рабочих мест внутри стран бывшего СССР (в частности — Киргизии) для поддержания экономического благополучия и снижения числа выезжающих на заработки в Россию (Рязанцев, Сыдыгалиева, 2024). Ряд схожих проблем поднимается в коллективной монографии «Мобильность и стабильность на российском рынке труда» (Мобильность и стабильность ..., 2017), подготовленной исследователями из Высшей школы экономики (ВШЭ).

Представляется необходимым отметить работы по проблеме трудовой миграции, выполненные коллективами других институтов РАН. Одной из фундаментальных работ в данной области является монография под редакцией Т. Г. Нефедовой, К. В. Аверкиевой и А. Г. Махровой «Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России» (Между домом ..., 2016). Работа опубликована научным коллективом Института географии РАН в рамках проекта Российского научного фонда «География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме» (2014–2016)³. В ней исследуются «предпосылки миграционной подвижности населения, связанные с поляризацией российского пространства, динамикой экономического развития и занятости населения» (там же: 5). Рассматриваются здесь также трудовые миграции, включающие маятниковые миграции и отходничество с недельным и более длительным циклом. Среди работ по социальной географии следует также упомянуть исследования М. С. Савоскул о различных стратегиях интеграции в принимающее общество, характерных для различных этнических групп (Савоскул, 2011).

Несмотря на значимость исследований проблем миграции в Россию из других стран, в рамках настоящей работы больший интерес для нас представляют вопросы внутренней межрегиональной

¹ Мукомель В. И. Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетр. Российский совет по междунар. делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2013.

² Рифхат Асхатович Галин [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2021.15.11. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2021/0921/nauka04.php> (дата обращения 10.05.2025).

³ Проект 14-18-00083. География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме [Электронный ресурс] // Институт географии РАН. URL: <http://igras.ru/en/node/970> (дата обращения 10.09.2025).

миграция различных этнических групп населения. Достаточно подробно рассматривается она в работах Г. Ф. Аметовой (Институт стратегических исследований АН РБ, Уфимский университет науки и технологий). Автором зафиксировано наличие двойственности значения межрегиональной трудовой миграции: на федеральном уровне она способствует «сокращению дефицита трудовых ресурсов», тогда как на региональном, напротив, обуславливает ослабление «отдающих регионов» (Ахметова, 2021). В публикациях Г. Ф. Ахметовой выявляются основные факторы участия населения во временной трудовой миграции, рассматриваются также состояние рынка труда и сферы занятости, уровень и качество жизни населения. Особое внимание в работах автора уделяется проблемам трудовой миграции в Республике Башкортостан; анализируется ситуация и в других республиках, например, в Татарстане и Туве. Автор приходит к выводу, что Татарстан характеризуется «притягивающим», а Тува «вытягивающим» типом миграции. Последнее, но в гораздо меньших масштабах, характерно и для Башкортостана (Ахметова, 2022b).

Исследованию стратегий и практик воспроизводства временной (вахтовой) трудовой миграции в Республике Башкортостан посвящена серия научных статей другого представителя башкортостанской исследовательской группы М. С. Туракаева (Туракаев, 2016). Им было определено также влияние опыта миграции на социальное благополучие внутрироссийских мигрантов из Республики Башкортостан (Туракаев, 2022). Вместе с соавторами выявлена специфика обратного воздействия уровня социального благополучия населения регионов России на их миграционный потенциал (Валиахметов, Туракаев, 2024), а также рассмотрены социально-трудовые, социально-демографические и социокультурные факторы и направления миграционного потенциала населения республики (Валиахметов, Баймурзина, Туракаев, Аитов, 2018; Туракаев, 2019; Валиахметов, Туракаев, 2020; Туракаев, Баймурзина, 2022).

Важно отметить, что подавляющая часть вахтовиков — это жители наименее развитых экономических районов, в первую очередь — сельской местности (Ахметова, 2022a). Схожие выводы о жителях сельской местности есть в работах и других представителей башкортостанской исследовательской группы (Туракаев, Баймурзина, 2022). Отмечается двойственный статус временных трудовых мигрантов, а именно: они не числятся безработными по месту исхода, но являются трудозанятыми по фактическому месту проживания (Туракаев, 2021). Кроме этого, социологические данные по Республике Башкортостан свидетельствуют, что одним из факторов повышения миграционных настроений жителей республики является отсутствие семьи и детей (Валиахметов, Туракаев, 2024).

Проблема миграционной убыли населения Тувы отражена в работах С. И. Абылкаликова, который отмечает уникальную для современной России демографическую ситуацию, когда естественный прирост населения, наблюдаемый вследствие высокой рождаемости, сочетается с миграционной убылью, вызванной тяжелым экономическим положением (Абылкаликов, 2021). В то же время, есть публикации тувинских авторов, отмечающих постепенное снижение миграционных настроений в Туве, что связывается с развитием горнодобывающего сектора экономики и созданием новых рабочих мест¹. Между тем, представители башкортостанской исследовательской группы фиксируют, что согласно данным переписи населения 2020 г. более половины населения Тувы «не имели опыта долговременной миграции» (Абылкаликов, Баймурзина, Баталов, 2023: 13). Тем самым, фиксируется неразрывная связь демографических и миграционных проблем.

В целом, обзор и анализ исследований по проблемам этничности, занятости и трудовой мобильности показывают достаточно примечательное «пересечение» научных интересов исследовательских групп Башкортостана и Тувы. Они демонстрируют понимание общих вызовов и проблем, стоящих перед современными исследованиями в этих смежных научных областях. Имея ввиду, что темы трудовой мобильности и миграции населения является крайне актуальными для современной социальной науки, представляется необходимым обратить внимание на исследования и некоторых других научных коллективов.

¹ Ойдул Т. М. Динамика миграционных настроений жителей районов освоения республики Тыва // Развитие социально-экономического, научно-технологического потенциала регионов как фактор укрепления позиции России в современном мире. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной Десятилетию науки и технологий в Российской Федерации, Году молодежи в Республике Хакасия / отв. секр. И. Н. Трошкина, ред.-перев. Д. И. Мечтанова. Абакан: Хакасское книжное издательство имени В. М. Торосова, 2023. С. 220–229.

Так, особенности формирования этнических землячеств в новом регионе проживания отражены в публикациях, оформленных под эгидой общественной организации «Группа исследований миграции и этничности», активно продвигающей повестку, связанную с необходимостью обсуждения и решения этнических проблем в России. Авторы этих исследований отмечают, что в рамках землячеств формируются особые социальные структуры, где воспроизводятся культурные традиции, нетипичные для области нового местопребывания. В числе прочего, это сказывается и на характере трудовых отношений (Варшавер, Рочева, 2014).

Кроме этого, трудовые мигранты часто формируют замкнутые профессиональные сообщества, например, в области предпринимательства и торговли. Исследованию этой проблемы посвящена, например, работа представителя пензенской школы социологов Л. В. Рожковой (Рожкова, 2009). Интерес представляет также исследование М. А. Игошевой (Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону), посвященное становлению китайского диаспорального предпринимательства в России (Игошева, 2020). Эта тема приобретает особую актуальность учитывая тесные экономические и политические связи между Россией и Китаем.

Проблемы интеграции представителей этнических групп с местным населением являются актуальными не только для столичных городов, но и для регионов России. На примере Ростовской области они рассмотрены в публикации сотрудников Южного федерального университета Ф. А. Баркова и А. В. Серикова (Барков, Сериков, 2014). В работе делается вывод о необходимости снижения уровня конфликтности межнациональных отношений посредством развития транзиторных социальных институтов. Юг России в целом достаточно полиэтничный, поликонфессиональный и динамично развивающийся регион, поэтому исследования этносоциальных процессов здесь достаточно актуальны и востребованы (Жаде, Шадже, Ильинова, 2016).

На примере Западной Сибири вопросы межэтнических отношений с мигрантами отражены в коллективной монографии представителей тюменской социологической школы «Диаспоральный бизнес: сущность, становление и безопасность развития в регионе» (Симонов и др., 2016). Авторы данной работы пишут о необходимости создания социально ориентированной модели обеспечения безопасности хозяйствующих субъектов для представителей диаспор.

В исследованиях этнополитологической школы Санкт-Петербургского государственного университета ставится вопрос о недопустимости нагнетания межэтнической напряженности средствами массовой информации и обосновывается тезис о недопустимости политизации этничности и распространения «языка вражды» в российском социальном пространстве (Ачкасов, 2011).

Среди работ, анализирующих трудовую мобильность на примере сопредельных с Россией стран, можно выделить исследование М. Е. Исенгалиевой (Исенгалиева, 2014). Автор, будучи представителем казахстанской социологической школы, исследует этические и социокультурные аспекты миграционной мобильности, влияющие на интенсивность показателей перемещения граждан и включающие в себя национальный язык, обычаи, традиции и иные особенности этнической культуры.

В ряду исследований, анализирующих влияние этнических факторов на рынок труда и миграционные процессы, необходимо отметить работу Е. Ю. Новиковой (Новикова, 2011). Автор обращает внимание на роль этнических факторов в контексте формирования отношений между работниками, развития корпоративной культуры, организации финансовой деятельности и др. Акцентируется внимание на противоречиях, которые могут возникать при совместной работе представителей разных этнических групп.

Подводя итог обзору исследований по проблемам трудовой мобильности и миграции нельзя не заметить, что миграция иностранцев в Россию изучается в основном научными центрами и институтами, расположенными в гг. Москве и СПб. Эта проблема актуальна также для Юга России и Сибири, т. е. тех регионов, которые традиционно испытывают высокий приток мигрантов (Бахтигареева и др., 2021; Овчинников, Кетова, 2016; Перова, 2016; Этнодемографические процессы ... , 2021; и др.¹). Межрегиональная миграция, в большей мере характерная для населения и представителей этнических групп внутри России, анализируется преимущественно региональными, в нашем случае

¹ Kolesnikov Y. S., Darmilova Zh. D. Traditional economic structures as the reproductive basis of «rooted economy» in the Russian periphery // *Espacios*. 2018. Vol. 39. № 11. P. 17.

башкортостанской и тувинской, исследовательскими группами. Во многом это связано со спецификой самих субъектов РФ — национальных республик, обладающих неоднородным этническим составом и требующих более пристального внимания и, соответственно, изучения.

Заключение

Обзор основных исследований и научных публикаций по проблемам этничности, занятости и трудовой мобильности населения позволил выявить и выделить несколько исследовательских групп и коллективов, активно работающих в данном научном направлении.

Наряду с условно московской группой, состоящей в основном из ученых академических научных учреждений системы РАН, сформировались также башкортостанская и тувинская исследовательские группы, реализующие как самостоятельные, так и совместные научные проекты по этническим особенностям рынка труда, занятости и трудовой мобильности населения. Их деятельность не является автономной, наблюдается тесное сотрудничество и обмен. Тем не менее, проблемное поле исследований не ограничивается деятельностью только указанных коллективов; существует ряд других исследований, в том числе и на уровне отдельных субъектов Российской Федерации. Полиэтническая структура и многообразие культурных традиций российских регионов, прежде всего национальных республик, обуславливают необходимость учета всех этих факторов и особенностей.

Некоторые аспекты изучения этнических особенностей занятости и трудовой мобильности населения не раскрыты в нашем исследовании. Они не включены в основной текст настоящего обзора, но рассматриваются нами как перспективные. Например, это тема этничности в контексте занятости и трудовой мобильности в условиях информационного общества. В настоящее время занятость и трудовая мобильность в информационном обществе исследуются, как правило, без акцента на этническую специфику (Гурова, 2021; Назарчук, 2012; Сизова, Хусяинов, 2017). Представляется необходимым обратить на это внимание, так как в России сохраняется цифровое неравенство регионов и относительно низкий процент цифровой грамотности отдельных групп населения (Тагаров, 2019). В первую очередь, это характерно для удаленных регионов с доминированием традиционной системы социальных отношений, включая этнические.

В целом, настоящий обзор позволил сформировать, с одной стороны, общее представление об актуальных и значимых направлениях работы в области изучения и анализа этнической специфики занятости и трудовой мобильности населения, с другой — более сфокусированный взгляд на проблему представителями московской, башкортостанской и тувинской исследовательских групп. Наш анализ подтверждает вывод о том, что этнические особенности занятости и трудовой мобильности населения в большей мере сохранились и имеют предпосылки к развитию, прежде всего, в национальных республиках России. Среди факторов и условий, влияющих на занятость и трудовую мобильность населения, наряду с социально-экономическими и демографическими факторами, немаловажное значение имеют этнические и социокультурные особенности региона, республики. Они становятся ценным «внутренним» источником и ресурсом их социально-экономического развития, и, страны в целом. Поэтому принципиально важно всесторонне исследовать эти возможности и ресурсы, а далее и задействовать этот потенциал в целях стабильного и устойчивого развития российского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абылкаликов, С. И. (2021) Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. № 4. С. 131–142. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>
- Абылкаликов, С. И., Баймурзина, Г. Р., Баталов, Р. О. (2023) Миграция населения в Туве по данным всероссийской переписи населения 2020 года // Новые исследования Тувы. № 2. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.1>
- Анайбан, З. В. (2018) Трудовая занятость и социально-профессиональные ориентации молодежи современной Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 112–131. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.6>
- Ахметова, Г. Ф. (2021) Динамика трудовой миграции в Башкортостане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 21. № 2. С. 265–278. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-2-265-278>

Ахметова, Г. Ф. (2022a) Субъекты РФ в межрегиональной трудовой миграции: уровень участия, причины и факторы // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 2. № 2. С. 76–89. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.6>

Ахметова, Г. Ф. (2022b) Миграционные процессы в национальных республиках с разным уровнем развития человеческого потенциала (на примере Башкортостана, Татарстана и Тувы) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 53–69. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.4>

Ачкасов, В. А. (2011) Интеграция трудовых мигрантов в принимающее сообщество: роль СМИ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. Т. 7. № 4. С. 41–51.

Баймурзина, Г. Р., Валиахметов, Р. М., Бочаров, В. Ю. (2023) Качество занятости наемных работников и самозанятых в России // Социологические исследования. № 4. С. 153–156.

Баймурзина, Г. Р., Кабашова, Е. В. (2022) Занятость и доходы населения республик Тыва и Башкортостан (2010–2020 гг.) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 186–207. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.13>

Баймурзина, Г. Р., Ягафарова, Д. Г., Кабашова, Е. В. (2023) Взаимосвязь неформальной занятости и социально-экономического развития регионов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 6. С. 223–235.

Белова, Л. Г. (2022) Виртуальная трудовая миграция высококвалифицированных специалистов и онлайн-рынок труда // Экономические системы. Т. 15, № 4 (59). С. 122–131. DOI: <https://doi.org/10.29030/2309-2076-2022-15-4-122-131>

Барков, Ф. А., Сериков, А. В. (2014) Этноинституциональные факторы межэтнических отношений в контексте миграционных процессов в Ростовской области // Гуманитарий Юга России. № 3. С. 129–140.

Бахтигараева, А. И., Брызгалин, В. А., Никишина, Е. Н., Припузова, Н. А. (2021) Социокультурные особенности регионов России: общее и различия. Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. №5. С. 29–51. DOI: <https://doi.org/10.38050/01300105202152>

Бугай, Н. Ф. (2013) Проблемы трудовой занятости российских цыган в постсоветский период // Труды Института российской истории РАН. № 11. С. 311–330.

Бушенева, Ю. И. (2018) Этническая экономика как особый тип хозяйственной системы: быть или не быть в современном мире // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. № 2. С. 8–14. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-6646-2018-2-8-14>

Валиахметов, Р. М. (2012) Трансформация рынка труда и занятости населения // Теория и практика общественного развития. № 12. С. 136–140.

Валиахметов, Р. М., Кадыров, С. Х., Ягафарова, Д. Г. (2013) Экономический и социальный капитал башкирского народа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. № 2. С. 51–63.

Валиахметов, Р. М., Баймурзина, Г. Р. (2017) Занятость и социально-профессиональная мобильность молодежи (на примере Республики Башкортостан) // Россия реформирующаяся. № 15. С. 134–153.

Валиахметов, Р. М., Баймурзина, Г. Р., Туракаев, М. С., Аитов, С. Г. (2018) Трудовая миграция как фактор человеческого потенциала Республики Башкортостан // Экономика и управление: научно-практический журнал. № 6 (144). С. 147–156.

Валиахметов, Р. М., Туракаев, М. С. (2020) Миграционный потенциал населения Республики Башкортостан: основные факторы и направления миграции // Научный результат. Социология и управление. Т. 6. № 4. С. 69–86. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-5>

Валиахметов, Р. М., Баймурзина, Г. Р., Туракаев, М. С., Самба, А. Д.-Б. (2021) Этносоциальные особенности занятости населения в республиках Тува и Башкортостан // Новые исследования Тувы. № 4. С. 206–222. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.15>

Валиахметов, Р. М., Туракаев, М. С. (2024) Семейный статус и этническая принадлежность как факторы миграции и трудовой мобильности населения (на примере республики Башкортостан) // Научный результат. Социология и управление. Т. 10. № 4. С. 111–129. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-6>

Варшавер, Е. А., Рочева, А. Л. (2014) Сообщества в кафе как среда интеграции иноэтничных мигрантов в Москве // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3 (121). С. 104–114. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.3.06>

Галин, Р. А., Галина, Л. Л. (2014) Трудовые ресурсы Башкортостана в свете миграционных процессов // Вестник ВЭГУ. № 1 (69). С. 19–25.

Галин, Р. А., Галина, Л. Л., Акмадиева, Т. Р. (2009) Трансформация миграционных процессов в России и в республике Башкортостан // Вестник ВЭГУ. № 2 (40). С. 55–64.

Голенкова, З. Т., Голиусова, Ю. В., Самба, А. Д.-Б. (2021) Трансформация регионального социально-профессионального пространства (на примере республики Тыва) // Социологическая наука и социальная практика. Т. 9. № 3 (35). С. 167–183. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.3.8440>

Гурова, И. М. (2021) Дистанционная работа как тренд времени: результаты массового опыта // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). Т. 11. № 2. С. 128–147. DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2020.11.2.128-147>

Дробижева, Л. М. (2016) Вариации адаптационного потенциала населения к растущему этническому многообразию // Россия реформирующаяся. № 14. С. 379–394.

Жаде, З. А., Шадже, А. Ю., Ильинова, Н. А. (2016) Экспертное сообщество об этносоциальных процессах и причинах межэтнической напряженности на юге России // Теория и практика общественного развития. № 7. С. 9–15.

Игошева, М. А. (2020) Этническое предпринимательство в условиях современных миграционных процессов: опыт китайской диаспоры в России // Манускрипт. Т. 13. № 9. С. 104–109. DOI: <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.20>.

Исенгалиева, М. Е. (2014) Факторы, влияющие на миграцию трудовых ресурсов в республике Казахстан // Теория и практика общественного развития. № 4. С. 217–220.

Кылгыдай, А. Ч. (2020) Роль традиционной занятости тувинцев в решении проблем рынка труда региона: новые подходы // Экономика. Профессия. Бизнес. № 1. С. 65–70. DOI: <https://doi.org/10.14258/epb201960>

Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России (2016) / К. В. Аверкиева и др.; под ред. Т. Г. Нефедовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. М. : Новый хронограф. 504 с.

Мобильность и стабильность на российском рынке труда (2017) / Н. Т. Вишневская и др.; под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшников. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 529 с.

Мукомель, В. И. (2015) Свои «иные»: внутрироссийские иноэтничные мигранты в московском мегаполисе // Федерализм. № 1 (77). С. 79–92.

Мукомель, В. И. (2016) Проблемы интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов // Социологические исследования. № 5 (385). С. 69–79.

Мукомель, В. И. (2017) Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и Экономика. № 6. С. 69–79. DOI: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2017-6-69-79>

Назарчук, А. В. (2012) Мультикультурализм в сетевом обществе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1 (107). С. 108–112.

Новикова, Е. Ю. (2011) Этническое сознание в экономике России // Вестник Российской экономической академии им. Г. В. Плеханова. № 2 (38). С. 28–34.

Овчинников, В. Н., Кетова, Н. П. (2016) Этнокультурная составляющая потребительского поведения населения Северного Кавказа // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5. Экономика. № 2(180). С. 25–34.

Перова, Е. Ю. (2016) Этническая экономика как направление повышения эффективности использования социальных ресурсов региона // Известия Байкальского государственного университета. Т. 26. № 5. С. 705–712. DOI: [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2016.26\(5\).705-712](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2016.26(5).705-712)

Печура, О. В. (2009) Этнический фактор в развитии экономики региона // Известия УрГЭУ. № 2. С. 138–143.

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2020) Тува в диалоге культур: компаративистский контекст // Новые исследования Тувы. № 4. С. 217–229. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.15>

Рожкова, Л. В. (2009) Предпринимательство как способ социальной адаптации этнических мигрантов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 2 (10). С. 131–141.

Рязанцев, С. В. (2018) Трудовая иммиграция в Россию: мифы и контраргументы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. Т. 26. № 4. С. 718–729. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729>

Рязанцев, С. В., Леденева, В. Ю., Мищук, С. Н. (2023) Влияние миграции на трансформацию этнического состава населения России: тенденции и подходы к политике адаптации мигрантов // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 16. № 1. С. 104–116.

Рязанцев, С. В., Сыдыгалиева Б. А. (2024) Новые тренды миграции из Кыргызстана в Российскую Федерацию // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 4. № 3. С. 105–118. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.7>

Савоскул, М. С. (2011) Стратегии адаптации этнических мигрантов в локальных сообществах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5 (105). С. 103–112.

Самба, А. Д.-Б. (2022) Ретроспективный анализ формирования социально-профессиональной структуры населения республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 3. С. 135–149. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.10>

Севек, В. К., Серээжикпей, А. А., Куулар, Ш. В. (2024) Тренд рынка труда и занятости в России и Республике Тыва // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 249. С. 399–420. DOI: <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2024-249-5-399-420>

Сизова, И. Л., Хусяиов, Т. М. (2017) Труд и занятость в цифровой экономике: проблемы российского рынка труда // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Т. 10. № 4. С. 376–396. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.401>

Симонов, С. Г., Хаматханова, М. А., Лысенко, И. В., Сафонов, Д. А. (2016) Диаспоральный бизнес: сущность, становление и безопасность развития в регионе. Тюмень: Тюменский индустриальный университет. 160 с.

Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность (2002) / отв. ред. Л. М. Дробижеева. М.: Academia. 480 с.

Тагаров, Б. Ж. (2019) Влияние цифровой экономики на занятость населения в условиях экономического неравенства между территориями // Известия Байкальского государственного университета. Т. 29. № 3. С. 388–395. DOI: [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2019.29\(3\).388-395](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2019.29(3).388-395)

Туракаев, М. С. (2016) Вахтовый труд и воспроизводство социально-культурных практик в российском регионе: на примере Республики Башкортостан // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. № 1. С. 35–47. DOI: <https://doi.org/https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.10435>

Туракаев, М. С. (2019) Образовательный уровень и культурный капитал как факторы миграции населения (на примере жителей Республики Башкортостан) // Социологическая наука и социальная практика. Т. 7. № 4 (28). С. 119–127. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6805>

Туракаев, М. С. (2021) Временная трудовая миграция в России: актуальные вопросы и социологические исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 24. № 4. С. 34–58. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.2>

Туракаев, М. С., Баймурзина, Г. Р. (2022) Работа вахтовым методом глазами временных трудовых мигрантов из Башкортостана // Проблемы развития территории. Т. 26. № 6. С. 115–133. DOI: <https://doi.org/10.15838/ptd.2022.6.122.7>

Эндрюшко, А. А. (2022) Представления россиян о влиянии этничности на социальное продвижение (на примере сферы труда) // Вестник Института социологии. Т. 13. № 3. С. 32–48. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.3.829>

Этнодемографические процессы и миграции в регионах Азиатской России: современная ситуация, прогнозы и риски (2021) / отв. ред. Т. Б. Смирнова. Омск: Издательский центр КАН. 272 с.

Bing, L. (2011) The Study of Labor Mobility and its Impact on Regional Economic Growth // Procedia Environmental Sciences. Vol. 10. Part A. P. 922–928. DOI: <https://doi.org/0.1016/j.proenv.2011.09.148>

Meng, F., Liu, Z., Lin, H., Bhuiyan, M. A. (2023) The impact of labor mobility with fellow townsmen on the wages of rural migrants: evidence from China // Humanities and Social Sciences Communications. Vol. 10. Article 376. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41599-023-01795-8>

Turakayev, M. S. (2022) Job change in the conditions of precarious work (on the example of the Republic of Bashkortostan permanent residents) // Population and Economics. Vol. 6. № 3. P. 15–34. DOI: <https://doi.org/10.3897/popecon.6.e78162>

Дата поступления: 11.02.2025 г.

Дата принятия: 20.05.2025 г.

REFERENCES

Abylkalikov, S. I. (2021) Features of demographic development of Tuva: the contribution of migration in the demographic balance. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 131–142. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>

Abylkalikov, S. I., Baymurzina, G. R. and Batalov, R. O. (2023) Population migration in Tuva according to the 2020 Russian census. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 6–16. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.1>

- Anaiban, Z. V. (2018) Labour employment and socio-professional orientations of youth in modern Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 112–131. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.6>
- Akhmetova, G. F. (2021) Dynamics of labour migration in Bashkortostan. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*, vol. 21, no. 2, pp. 265–278. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-2-265-278>
- Akhmetova, G. F. (2022a) Subjects of the Russian Federation in interregional labour migration: level of participation, causes and factors. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya*, vol. 2, no. 2, pp. 76–89. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.2.6>
- Akhmetova, G. F. (2022b) Migration processes in national republics with different levels of human potential development (on the example of Bashkortostan, Tatarstan and Tuva). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 53–69. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.4>
- Achkasov, V. A. (2011) Integration of labour migrants into the host community: the role of the media. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEX*, vol. 7, no. 4, pp. 41–51. (In Russ.)
- Baymurzina, G. R., Valiahmetov, R. M. and Bocharov, V. Yu. (2023) Quality of employment of employees and self-employed in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 153–156. (In Russ.)
- Baymurzina, G. R. and Kabashova, E. V. (2022) Employment and incomes of the population of the Republics of Tuva and Bashkortostan (2010–2020). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 186–207. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.13>
- Baymurzina, G. R., Yagafarova, D. G. and Kabashova, E. V. (2023) Relationship between informal employment and socio-economic development of Russian regions. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, vol. 16, no. 6, pp. 223–235. (In Russ.)
- Belova, L. G. (2022) Virtual labour migration of highly qualified specialists and the online labour market. *Ekonomicheskie sistemy*, vol. 15, no. 4 (59), pp. 122–131. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.29030/2309-2076-2022-15-4-122-131>
- Barkov, F. A. and Serikov, A. V. (2014) Ethno-institutional factors of interethnic relations in the context of migration processes in the Rostov region. *Gumanitarii Yuga Rossii*, no. 3, pp. 129–140. (In Russ.)
- Bakhtigaraeva, A. I., Bryzgalin, V. A., Nikishina, E. N. and Pripuzova, N. A. (2021) Socio-cultural features of the regions of Russia: similarities and differences. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*, no. 5, pp. 29–51. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.38050/01300105202152>
- Bugai, N. F. (2013) Problems of employment of Russian Roma in the post-Soviet period. *Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAN*, no. 11, pp. 311–330. (In Russ.)
- Busheneva, Yu. I. (2018) Ethnic economy as a special type of economic system: to be or not to be in the modern world. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Ekonomika*, no. 2, pp. 8–14. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-6646-2018-2-8-14>
- Valiahmetov, R. M. (2012) Transformation of the labour market and employment of the population. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 12, pp. 136–140. (In Russ.)
- Valiahmetov, R. M., Kadyrov, S. Kh. and Yagafarova, D. G. (2013) Economic and social capital of the Bashkir people. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*, no. 2, pp. 51–63. (In Russ.)
- Valiahmetov, R. M. and Baymurzina, G. R. (2017) Employment and socio-professional mobility of youth (on the example of the Republic of Bashkortostan). *Rossiya reformiruyushchayasya*, no. 15, pp. 134–153. (In Russ.)
- Valiahmetov, R. M., Baymurzina, G. R., Turakaev, M. S. and Aitov, S. G. (2018) Labour migration as a factor of human potential in the Republic of Bashkortostan. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskiy zhurnal*, no. 6 (144), pp. 147–156. (In Russ.)
- Valiahmetov, R. M. and Turakaev, M. S. (2020) Migration potential of the population of the Republic of Bashkortostan: main factors and directions of migration. *Nauchnyy rezultat. Sotsiologiya i upravlenie*, vol. 6, no. 4, pp. 69–86. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-5>
- Valiahmetov, R. M., Baymurzina, G. R., Turakaev, M. S. and Samba, A. D.-B. (2021) Ethnosocial features of employment in the Republics of Tuva and Bashkortostan. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 206–222. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.15>
- Valiahmetov, R. M. and Turakaev, M. S. (2024) Family status and ethnicity as factors of migration and labour mobility (on the example of the Republic of Bashkortostan). *Nauchnyy rezultat. Sotsiologiya i upravlenie*, vol. 10, no. 4, pp. 111–129. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-6>

Varshaver, E. A. and Rocheva, A. L. (2014) Communities in cafes as an environment for the integration of ethnic migrants in Moscow. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 3 (121), pp. 104–114. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.3.06>

Galina, R. A. and Galina, L. L. (2014) Labour resources of Bashkortostan in the light of migration processes. *Vestnik VEGU*, no. 1 (69), pp. 19–25. (In Russ.)

Galina, R. A., Galina, L. L. and Akmadiev, T. R. (2009) Transformation of migration processes in Russia and in the Republic of Bashkortostan. *Vestnik VEGU*, no. 2 (40), pp. 55–64. (In Russ.)

Golenkova, Z. T., Goliusova, Yu. V. and Samba, A. D.-B. (2021) Transformation of the regional socio-professional space (on the example of the Republic of Tuva). *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika*, vol. 9, no. 3 (35), pp. 167–183. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.3.8440>

Gurova, I. M. (2021) Remote work as a trend of the time: results of mass experience. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie)*, vol. 11, no. 2, pp. 128–147. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2020.11.2.128-147>

Drobizheva, L. M. (2016) Variations in the adaptive potential of the population to growing ethnic diversity. *Rossiya reformiruyushchayasya*, no. 14, pp. 379–394. (In Russ.)

Zhade, Z. A., Shadzhe, A. Yu. and Ilyinova, N. A. (2016) Expert community about ethno-social processes and causes of interethnic tension in southern Russia. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 7, pp. 9–15. (In Russ.)

Igosheva, M. A. (2020) Ethnic entrepreneurship in the context of modern migration processes: the experience of the Chinese diaspora in Russia. *Manuskript*, vol. 13, no. 9, pp. 104–109. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.30853/manuskript.2020.9.20>

Isengalieva, M. E. (2014) Factors influencing the migration of labour resources in the Republic of Kazakhstan. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 4, pp. 217–220. (In Russ.)

Kylgyday, A. Ch. (2020) The role of traditional employment of Tuvans in solving the problems of the regional labour market: new approaches. *Ekonomika. Professiya. Biznes*, no. 1, pp. 65–70. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14258/epb201960>

Between Home... and Home. Return Spatial Mobility of the Population of Russia (2016) / K. V. Averkieva et al.; ed. T. G. Nefedova, K. V. Averkieva, A. G. Makhrova. Moscow, Novy Khronograf. 504 p. (In Russ.)

Mobility and Stability in the Russian Labour Market (2017) / N. T. Vishnevskaya et al.; ed. V. E. Gimpelson, R. I. Kapelyushnikov. Moscow, HSE Publishing House. 529 p. (In Russ.)

Mukomel, V. I. (2015) Our “others”: domestic ethnic migrants in the Moscow metropolis. *Federalizm*, no. 1 (77), pp. 79–92. (In Russ.)

Mukomel, V. I. (2016) Problems of integration of domestic ethnic migrants. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 5 (385), pp. 69–79. (In Russ.)

Mukomel, V. I. (2017) Migrants in the Russian labour market: employment, mobility, intensity and labour remuneration. *Statistika i Ekonomika*, no. 6, pp. 69–79. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2017-6-69-79>

Nazarchuk, A. V. (2012) Multiculturalism in the network society. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, no. 1 (107), pp. 108–112. (In Russ.)

Novikova, E. Yu. (2011) Ethnic consciousness in the economy of Russia. *Vestnik Rossiyskoy ekonomicheskoy akademii im. G. V. Plekhanova*, no. 2 (38), pp. 28–34. (In Russ.)

Ovchinnikov, V. N. and Ketova, N. P. (2016) Ethno-cultural component of consumer behaviour of the population of the North Caucasus. *Vestnik Adygei State University. Seriya 5. Ekonomika*, no. 2(180), pp. 25–34. (In Russ.)

Perova, E. Yu. (2016) Ethnic economy as a direction for improving the efficiency of the use of social resources of the region. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 26, no. 5, pp. 705–712. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2016.26\(5\).705-712](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2016.26(5).705-712)

Pechura, O. V. (2009) Ethnic factor in the economic development of the region. *Izvestiya UrGEU*, no. 2, pp. 138–143. (In Russ.)

Popkov, Yu. V. and Tyugashev, E. A. (2020) Tuva in the dialogue of cultures: a comparative context. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 217–229. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.15>

Rozhkova, L. V. (2009) Entrepreneurship as a means of social adaptation of ethnic migrants. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*, no. 2 (10), pp. 131–141. (In Russ.)

Ryazantsev, S. V. (2018) Labour immigration in Russia: myths and counterarguments. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Ekonomika*, vol. 26, no. 4, pp. 718–729. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729>

Ryazantsev, S. V., Ledeneva, V. Yu. and Mishchuk, S. N. (2023) The impact of migration on the transformation of the ethnic composition of the population of Russia: trends and approaches to migrant adaptation policy. *Zhurnal Sibirskiy federal'nyy universitet. Seriya: Gumanitarnye nauki*, vol. 16, no. 1, pp. 104–116. (In Russ.)

Ryazantsev, S. V. and Sydigaliev, B. A. (2024) New trends in migration from Kyrgyzstan to the Russian Federation. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya*, vol. 4, no. 3, pp. 105–118. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.7>

Savoskul, M. S. (2011) Strategies of adaptation of ethnic migrants in local communities. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, no. 5 (105), pp. 103–112. (In Russ.)

Samba, A. D.-B. (2022) Retrospective analysis of the formation of the socio-professional structure of the population of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 135–149. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.10>

Sevek, V. K., Serezhikpey, A. A. and Kuular, Sh. V. (2024) Labour market and employment trend in Russia and the Republic of Tuva. *Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, vol. 249, pp. 399–420. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2024-249-5-399-420>

Sizova, I. L. and Khusyaiov, T. M. (2017) Labour and employment in the digital economy: problems of the Russian labour market. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*, vol. 10, no. 4, pp. 376–396. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.401>

Simonov, S. G., Khamatkhanova, M. A., Lysenko, I. V. and Safonov, D. A. (2016) *Diaspora business: essence, formation and security of development in the region*. Tyumen, Tyumen Industrial University. 160 p. (In Russ.)

Social Inequality of Ethnic Groups: Views and Reality (2002) / ed. L. M. Drobizheva. Moscow, Academia. 480 p. (In Russ.)

Tagarov, B. Zh. (2019) The impact of the digital economy on employment in conditions of economic inequality between territories. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 29, no. 3, pp. 388–395. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2019.29\(3\).388-395](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2019.29(3).388-395)

Turakaev, M. S. (2016) Rotational employment and reproduction of socio-cultural practices in the Russian region: the example of the Republic of Bashkortostan. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*, no. 1, pp. 35–47. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.10435>

Turakaev, M. S. (2019) Educational level and cultural capital as factors of population migration (the example of residents of the Republic of Bashkortostan). *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika*, vol. 7, no. 4 (28), pp. 119–127. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6805>

Turakaev, M. S. (2021) Temporary labour migration in Russia: current issues and sociological research. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, vol. 24, no. 4, pp. 34–58. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.2>

Turakaev, M. S. and Baymurzina, G. R. (2022) Shift work through the eyes of temporary labour migrants from Bashkortostan. *Problemy razvitiya territorii*, vol. 26, no. 6, pp. 115–133. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15838/ptd.2022.6.122.7>

Endryushko, A. A. (2022) Russians' perceptions of the influence of ethnicity on social advancement (on the example of the labour sphere). *Vestnik Instituta sotsiologii*, vol. 13, no. 3, pp. 32–48. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.3.829>

Ethnodemographic Processes and Migration in the Regions of Asian Russia: Current Situation, Forecasts and Risks (2021) / ed. by T. B. Smirnova. Omsk, Izdatelsky tsentr KAN. 272 p. (In Russ.)

Bing, L. (2011) The Study of Labor Mobility and its Impact on Regional Economic Growth. *Procedia Environmental Sciences*, vol. 10, part A, pp. 922–928. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.proenv.2011.09.148>

Meng, F., Liu, Z., Lin, H. and Bhuiyan, M. A. (2023) The impact of labor mobility with fellow townsmen on the wages of rural migrants: evidence from China. *Humanities and Social Sciences Communications*, vol. 10, article 376. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41599-023-01795-8>

Turakayev, M. S. (2022) Job change in the conditions of precarious work (on the example of the Republic of Bashkortostan permanent residents). *Population and Economics*, vol. 6, no. 3, pp. 15–34. DOI: <https://doi.org/10.3897/popecon.6.e78162>

Submission date: 11.02.2025.

Acceptance date: 20.05.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.3.30

Статья

Школьные учебники советского Казахстана: визуальный контент и их роль в идеологическом воспитании

Руслан К. Бекмагамбетов, Майсара Ж. Бекмагамбетова

Костанайский региональный университет им. А. Байтұрсынұлы,
Республика Казахстан,

Айгуль А. Бимолданова

Казахский национальный педагогический университет имени Абая,
Республика Казахстан

В статье анализируется визуальный контент школьных учебников, издававшихся в 1955–1986 гг. в Казахской ССР. На территории советского Казахстана учащиеся обучались по учебникам СССР, а также изданными в республике. Источниковой базой послужили сами школьные учебники, в том числе «Букварь», «История СССР», «История Казахской ССР».

Основаниями исследования выступают особенности советской системы образования, частью которой была казахстанская и которая предполагала тесную взаимосвязь между знаниями и воспитанием. Каждый элемент учебного процесса, включая содержание и структуру учебников, должен был соответствовать идеологическим принципам социалистического государства. Школьные учебники стали действенным механизмом индоктринации советских идеалов. Визуальные элементы в учебниках играли важную роль в передаче этих принципов.

В статье представлена нормативная база изданий учебников, показан полностью регулируемый государством процесс.

Анализ показал, что визуальные образы транслировали идеологические ценности обозначенной эпохи: воспитание учащихся в духе советского патриотизма, преданности советскому народу, Коммунистической партии, Советскому правительству; воспитание в духе дружбы народов, пролетарского интернационализма. Визуальная информация была направлена на формирование советского человека, с соответствующими ценностями.

В казахстанских учебниках, вслед за союзными, противопоставлялся угнетающий дореволюционный период и процветающее советское время. В них также присутствовала местная специфика: показан традиционный быт, символы, образы и портреты казахстанских деятелей.

Ключевые слова: школьный учебник; иллюстрация; советская идеология; визуальный контент; Казахстан

Исследование выполнено за счет гранта Комитета науки МНВО РК проект АР 19678146 «Детская литература Казахстана как инструмент формирования советских граждан (1950–1980 гг.): историко-антропологический подход».

Для цитирования:

Бекмагамбетов Р. К., Бекмагамбетова М. Ж., Бимолданова А. А. Школьные учебники советского Казахстана: визуальный контент и их роль в идеологическом воспитании // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 486–508. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.30>

Бекмагамбетов Руслан Кабдугалиевич — кандидат исторических наук, ассоциированный профессор кафедры истории Казахстана Костанайского регионального университета им. А. Байтұрсынұлы. Адрес: 110000, Республика Казахстан, г. Костанай, ул. Байтұрсынова, д. 47. Эл. адрес: ruslan69_07@mail.ru

Бекмагамбетова Майсара Жаугайтиновна — кандидат исторических наук, ассоциированный профессор кафедры истории Казахстана Костанайского регионального университета им. А. Байтұрсынұлы. Адрес: 110000, Республика Казахстан, г. Костанай, ул. Байтұрсынова, д. 47. Эл. адрес: maisara75@mail.ru

Бимолданова Айгуль Амантаевна — доктор наук (PhD), старший преподаватель кафедры истории Казахстана Казахского национального педагогического университета имени Абая. Адрес: 050010 Республика Казахстан, г. Алматы, пр-т Достык, д. 13. Эл. адрес: malaeva96@mail.ru

School textbooks of Soviet Kazakhstan: visual content and their role in ideological education

Ruslan K. Bekmagambetov, Maisara J. Bekmagambetova

Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University,
Republic of Kazakhstan,

Aigul A. Bimoldanova

Abai Kazakh National Pedagogical University,
Republic of Kazakhstan

The article analyzes the visual content of school textbooks published in the Kazakh SSR during 1955–1986. In Soviet Kazakhstan, students were educated using both USSR textbooks and those published within the republic. The source base consisted of the textbooks themselves, including “Bukvar” (Alphabet), “History of the USSR”, and “History of the Kazakh SSR”.

The study is grounded in the peculiarities of the Soviet education system, of which the Kazakh system was a part, characterized by a close connection between knowledge and upbringing. Every element of the educational process, including the content and structure of textbooks, was required to conform to the ideological principles of the socialist state. School textbooks became an effective mechanism for indoctrinating Soviet ideals. Visual elements in the textbooks played a significant role in transmitting these principles.

The article presents the regulatory framework governing textbook publications, illustrating the fully state-controlled process.

Analysis revealed that visual images conveyed the ideological values of the specified era: educating students in the spirit of Soviet patriotism, loyalty to the Soviet people, the Communist Party, and the Soviet government; nurturing the spirit of friendship among peoples and proletarian internationalism. The visual information was aimed at shaping the Soviet person with corresponding values.

In Kazakh textbooks, following the pattern of union-wide ones, the oppressive pre-revolutionary period contrasted with the prosperous Soviet era. These textbooks also contained local specifics: depiction of traditional life, symbols, images, and portraits of Kazakh figures.

Keywords: school textbook; illustration; Soviet ideology; visual content; Kazakhstan

Financing

The research was carried out at the expense of a grant from the Committee of Science of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, project AR 19678146 “Children’s literature of Kazakhstan as a tool for the formation of Soviet citizens (1950–1980): a historical and anthropological approach”.

For citation:

Bekmagambetov R. K., Bekmagambetova M. Zh. and Bimoldanova A. A. School textbooks of Soviet Kazakhstan: visual content and their role in ideological education. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 486–508. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.30>

BEKMAGAMBETOV, Ruslan Kabdugalievich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History of Kazakhstan, Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University. Postal address: 47 Baitursynova St., Kostanay, Republic of Kazakhstan, 110000. E-mail: ruslan69_07@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4189-5766

BEKMAGAMBETOVA, Maisara Zhaugashtinovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History of Kazakhstan, Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University. Postal address: 47, Baitursynova St., Kostanay, Republic of Kazakhstan, 110000. E-mail: maisara75@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0973-3334

BIMOLDANOVA, Aigul Amantaevna, PhD, Senior Lecturer, Department of History of Kazakhstan, Abay Kazakh National Pedagogical University. Postal address: 13 Dostyk Ave., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050010. E-mail: malaeva96@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2131-0828

Введение

В Советском государстве система образования всегда играла важную роль в формировании «идеологически устойчивого» поколения граждан. Коммунистической партией Советского Союза в стране целенаправленно проводился процесс распространения советских идеологем, что способствовало объединению населения страны вокруг партии и некритическому восприятию предлагаемой доктрины построения коммунистического общества. Школьное образование стало одним из ведущих элементов составляющих индоктринации¹ советскости², формировании «нового человека».

Одним из действенных инструментов индоктринации массового сознания подрастающего поколения советских граждан стали школьные учебники. В Казахской ССР, как и в других республиках Советского Союза, школьные учебники были разработаны с учетом общесоюзных требований, однако в них допускалась определенная адаптация под местные реалии и культурные особенности.

Одним из ключевых аспектов учебников были визуальные элементы, которые играли значимую роль в формировании советского мировоззрения у школьников. Иллюстрации, картинки, изображения, включенные в книги, наравне с учебным текстом, являлись важными источниками знаний учащихся на уроках. Визуальные образы, картины, рисунки, отображающие события прошлого и настоящего, значительно дополняли художественное описание этих событий и явлений. Советская система образования предполагала тесную взаимосвязь между фактическими знаниями и процессом воспитания подрастающего поколения. Каждый элемент учебного процесса, включая содержание и структуру учебников, должен был соответствовать основным идеологическим принципам социалистического государства. Визуальные элементы в учебниках играли важную роль в передаче этих принципов. Это включало не только иллюстрации, но и схемы, карты, фотографии, таблицы и диаграммы. Изобразительные компоненты в учебной литературе позволяли не только проиллюстрировать теоретический материал, но и вызвать у учащихся определенные эмоции и ассоциации, которые поддерживали и закрепляли коммунистические идеалы.

Цель данной статьи — проанализировать визуальный контент казахстанских школьных учебников, издававшихся в послесталинский и период позднего социализма — с 1955 г. по 1986 г., рассматривая их роль в идеологическом воспитании.

Источником для исследовательской работы послужил визуальный контент, размещенный в школьных учебниках этого периода. Это школьные учебники союзного значения, методические рекомендации к данным учебникам, как правило изданные авторами учебников. Для анализа визуального контента использованы азбука В. Горецкого (1986 г.)³ и букварь И. Баранникова (1985 г.)⁴ и методические руководства к ним, которые писались, как правило, авторами⁵. При анализе по естественно-математическому циклу проанализированы учебники физики А. В. Перышкина, Н. А. Родина (1974 г.)⁶ и физической географии П. Счастнева, П. Терехова (1957 г.) и А. Соловьева, Н. Дика, Г. Карпова, И. Матрусова (1973 г.)⁷. Из казахстанских изданий, наиболее информативными стали учебники

¹ Индоктринация — это процесс целенаправленного формирования у человека определённых взглядов, убеждений или установок с помощью систематического и часто навязчивого воздействия, обычно без предоставления альтернативных точек зрения.

² Советскость — социально-культурный комплекс мировоззренческих установок и поведенческих норм, приживаемых советской пропагандой и воспитательными практиками детям в СССР с целью формирования у них советской (коммунистической) идеологии, советской идентичности, кристаллизации советских символических универсумов. См.: Рожков А. Визуальные образы «советскости» в школьном букваре 1927–1932 гг.: контент, структура, динамика // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2017. Вып. 45. С. 57–72.

³ Горецкий В. Азбука / Кирюшкин В. А., Шанько А. Ф. Л.: Просвещение, 1986.

⁴ Баранников И., Байбуртян Н., Грекул А., Корнейчук, С. Букварь. Для многонациональных школ. М.: Просвещение, 1985.

⁵ Горецкий В., Кирюшкин В., Шанько Ф. Уроки обучения грамоте. Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1982; Редозубов С., Байдина-Янковская А., Карлсен Е., Архангельская Н., Кеменова А. В., Кузьмина А. А. Методическое руководство к букварю АПН. М., 1963.

⁶ Перышкин А. В., Родина Н. А. Физика. Учебник для 6 класса. М.: Просвещение, 1974.

⁷ Счастнев П. Н., Терехов П. Г. Физическая география частей света. Учебник для 6 класса. М.: Просвещение, 1957; Соловьев А. И., Дик Н. Е., Карпов Г. В., Матрусов И. С. Физическая география СССР. Учебник для 7 класса. М.: Просвещение, 1973.

гуманитарного цикла: по истории Казахской ССР Е. Бекмаханова, Н. Бекмахановой, Т. Турлугулова (1969 г., 1979 г., 1976 г.)¹, с методическим сопровождением В. Карцова, Т. Турлугулова (1958 г., 1973 г.)² и казахской литературе М. Сильченко (1960 г., 1961 г.)³.

Источниковедческой базой также послужили принятые нормативные акты, опубликованные постановления и документы государственных органов, инструктивные указания касающиеся системы образования и преподавания в школе. Как правило, в республике такого рода документы создавались после принятия аналогичных союзного значения. Так, например, 24 декабря 1958 г. Верховный Совет СССР принял закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», а 28 марта 1959 г. Верховный Совет КазССР принял Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования в Казахской ССР» в республике. Нормативные акты Казахской ССР размещены в Архиве Президента Республики Казахстан (АП РК), фонд 708 «Центральный Комитет Коммунистической партии Казахстана».

Теоретико-методологическая база

При написании статьи применен исторический подход, который позволил проанализировать механизмы реализации государственной идеологической пропаганды в советском Казахстане, а также проследить степень воплощения этих государственных проектов на практике, конкретно через школьные учебники.

Информационный потенциал визуальных источников достаточно объемный, но, чтобы его активировать, требуются особые методы, учитывающие жанровые свойства документов. При проведении исследования применялся метод контент-анализа. Данный метод позволил осуществить качественно-количественную обработку как визуальных, так и письменных источников, их анализ и интерпретацию. Как известно, в контент-анализе применяются качественный и количественный подходы. При количественном подходе рассматривалась выборка слов или текста, их частота появления в документах, статистические ассоциации. В качественном подходе — символы, их контекст и интерпретация.

Широкий спектр визуальных источников предопределил использование институционального анализа, который прослеживал путь визуальных данных с момента производства и до потребления. При анализе изобразительных источников композиционная интерпретация позволила изучить содержание и формы изображения. При помощи семиотического подхода декодированы визуальные символы (в картинах, фотографиях), позволив раскрыть коммуникативные стороны визуального источника. Исходя из теории знаков Ч. Пирса, иллюстрации в учебниках исследованы в качестве подобий (*likenesses*), выполняющие функцию передачи идей; указателей (*indications*), говорящие о вещах; и как символы, которые ассоциируются с их значениями (*meanings*) благодаря привычке (Пирс, 2009: 92).

Опираясь на теорию визуального анализа П. Штомпка, авторы исследовали в школьных учебниках два типа социальных структур, запечатленные на картинках: нормативная структура (нормы, правила, ритуалы, обычаи, законы, ценности, стили жизни) и идеальная структура (распространенные убеждения, взгляды, мифы и идеологии) (Штомпка, 2007).

Анализ визуальных источников представляет собой попытку по-новому взглянуть на явления прошлого — с позиций визуального восприятия. Активное развитие за последний период визуальной антропологии и включенности визуальных источников, в исследования предопределяет оперированием методом исторического наблюдения. В целом, визуальные практики представляют

¹ Бекмаханов Е. История Казахской ССР. Учебное пособие для 7–8 классов. Алма-Ата: Мектеп, 1967; Бекмаханов Е., Бекмаханова Н. История Казахской ССР. Уч. пособие для 7–8 классов. Алма-Ата: Мектеп, 1979; Турлугулов Т. Рассказы по истории 7–8 Казахской ССР. Пособие для 4 класса. Алма-Ата: Мектеп, 1976.

² Карцов В. Г. Методические указания к учебной книге «История СССР» для 4 класса. Пособие для учителя. М.: Учпедгиз, 1958; Турлугулов Т. Методическое руководство к учебному пособию «История Казахской ССР» для 9–10 классов. Алма-Ата, 1973. 52 с.

³ Сильченко М. С. Казахская литература. Учебник-хрестоматия для 10 класса русских школ Казахстана. Алма-Ата: Казучпедгиз, 1960; Сильченко М. С. Казахская литература. Учебник-хрестоматия для 10 класса русских школ Казахстана. Алма-Ата: Казучпедгиз, 1961.

собой социокультурное пространство, где конструируется новая реальность детства, в нашем случае, советская. Советская идеология создает визуальный контент и транслирует образы, несущую идеологическую информацию, что меняет восприятие реальности, влияет на его картину мира.

Обзор литературы

Проблема изучения визуальных источников все больше привлекает исследователей. Как отмечает В. Митчелл, именно с привлечением визуальных источников в общественно-гуманитарных науках произошел качественный рывок (Mitchell, 1995). Это значительно расширило технологию исторического познания и предположило ее кардинальную перестройку. По мнению С. Батурина, интерес историков к визуальным объектам как самостоятельным источникам познания прошлого наметился в 1980-х гг., что совпало с поворотом от макроистории к миру повседневности ординарного человека¹.

Современный период отмечен активным развитием визуальных исследований, в том числе такого направления как визуальный контент в советской идеологии. В визуальной перспективе результаты советского проекта создания «нового человека» исследованы Л. Четыровой, Н. Сергеевой из представителей таких этносов, как ойрат-калмыки и тувинцы (Четырова, Сергеева, 2022).

Что касается исследований, опирающиеся на методологию визуальной антропологии при изучении исторических процессов, то во втором десятилетии XXI в. в казахстанской исторической науке появились первые труды такого плана. Это работы Г. А. Сексенбаевой совместно с Д. Кларк (Clarke, Seksenbayeva, 2018), Ж. Б. Абылхожина и И. В. Крупко (Абылхожин, Крупко, 2021), Т. Т. Далаевой (Далаева, 2024).

Говоря о значимости визуального контента, С. Б. Крих отмечает в своих исследованиях, что большинство школьных учебников влияло на миллионы читателей (школьников и педагогов), причем любой школьник, даже плохо знакомый с текстом, всегда смотрел «картинки». Следующий аспект связан с воздействием изображения, оно имеет свойство передавать дополнительные смыслы, которые могут не только не выражаться сопровождающим текстом, но даже не в полной мере осознаваться авторами и издателями (Крих, 2017: 359).

Н. И. Девятайкина в своем исследовании подчеркивает, что в школьных учебниках визуальные источники и их академическая атрибуция могут играть очень большую образовательную, дидактическую и культурно-идентификационную роль (Девятайкина, 2017: 300).

Познанием визуальных изображений занимались исследователи различных отраслей знаний: культурологии, искусствоведения, педагогики, истории. В рамках изучения истории школьного учебника, иллюстрации в школьных книгах рассмотрены Е. Ю. Ромашиной (Ромашина, 2014). Надо отметить, что наибольший интерес среди российских авторов вызвал визуальный контент букваря, теме которой посвящено ряд работ (Ефимова, 2019; Рожков, 2017; Ларин, 2020; Куприянова, 2024).

Названные и многие другие публикации, привлекаемые для обсуждения в нашем исследовании, дают очень многое для более точного и адекватного представления о визуальных источниках в целом, и в школьных учебниках в том числе.

Нормативная база

В 1950–1960 гг. в системе школьного образования Советского Союза происходит ряд реформ.

В октябре 1952 г. на XIX съезде КПСС, в директивах по пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 гг. было принято решение завершить к концу пятилетки переход от семилетнего образования на всеобщее среднее образование². В 1959 г. Верховный Совет Казахской ССР принял Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования в Казахской ССР». Начиная с 1962–1963 гг. в школах начала внедряться система восьмилетнего образования³. В этот период развернулась практическая работа по перестройке содержания обучения

¹ Батурин С. А. Визуальные материалы по истории Бурятии как источниковый комплекс: 1923–1941 гг.: дис. ... канд. ист. н. Улан-Удэ, 2012.

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). Сборник документов за 50 лет.: в 5 т. / сост.: К. У. Черненко, М. С. Смиртюков, М.: Политиздат, 1968. Т. 3. 1941–1952 годы. С. 734.

³ Педагогическая энциклопедия: в 4 т. / гл. ред. И. А. Каиров, Ф. Н. Петров. М.: Советская энциклопедия, 1965. Т. 2. С. 331–332.

в средней школе. Были созданы оригинальные пробные учебники для первого класса — «Букварь» (С. Кенесбаева, Н. Миржанова, А. Байдильдинова, Г. Бегалиева), «Букварь» (З. Айтенова, М. Жубанова, М. Турежанов), «Грамматика для 1 класса» (Р. Амиров, А. Бакирова), «Родная речь» (З. Бисенбаев, Т. Кордабаев), «Букварь» на русском языке (Р. Д. Есенжолова, И. И. Хмелевский), которые проходили экспериментальную проверку в 200 школах республики (Жусупбекова, 2015: 39).

Основными издателями школьных учебников республики были Учебно-педагогическое государственное издательство (Учпедгиз), продукция которой издавалась в Москве и имела союзное значение (распространялась и в других республиках) и Казахское государственное учебно-педагогическое издательство (Казучпедгиз). Количество и качество выпускаемых учебников находилось под контролем государственных и партийных органов. В архивных источниках сообщается, что в 1956 г. издано учебников для начальной и средней школ — 109 названий объёмом 1249,7 учетно-издательских листов, тиражом 3613,6 тыс. экземпляров (АП РК, ф. 708, оп. 30, д. 1544, л. 1). В сравнении с изданиями предыдущих лет качество учебников, выпущенных в этом году, несколько улучшилось. В оригинальных учебниках были изъяты материалы, содержащие культ личности, подвергнуто рецензированию ряд переводов учебников, по замечаниям сделаны уточнения, исправления, рисунки всех оригинальных учебников были пересмотрены и часть из них в издании нынешнего года была переделана. Рисунки казахского букваря переведены на сетку (технология трафаретной печати, позволявшей улучшить изображение), что соответственно повысило качество книги (АП РК, ф. 708, оп. 30, д. 1544, л. 2).

Статистику выпуска учебников в последующие годы можно отследить в *таблице 1*.

Таблица 1. Тираж издаваемых школьных учебников в Казахской ССР

Table 1. Circulation of published school textbooks in the Kazakh SSR

№	Год издания	Количество названий учебников	Тираж, тыс. экз.
1	1957	103	3 275
2	1960	1220	8 173
3	1961	123	8 678
4	1972	116	6 200

Прим.: Данные на 1957 г.: АП РК, ф. 708, оп. 30, д. 1504, л. 13; на 1960 г.: АП РК, ф. 708, оп. 33, д. 1558, л. 19; на 1961 г.: АП РК, ф. 708, оп. 34, д. 1678, л. 22; на 1972 г.: АП РК, ф. 708, оп. 54, д. 1875, л. 7.

Отдел пропаганды и агитации ЦК Компартии Казахстана на постоянной основе обсуждал тематический план издательства. Госкомиздат Казахской ССР на заседаниях своей коллегии регулярно рассматривал вопросы повышения идейно-теоретического уровня и полиграфического исполнения учебников. Рассматривались вопросы состояния переводных учебников, школьные учебники регулярно подвергались рецензированию, с целью наладить работу по выпуску добротных, стабильных школьных учебников (АП РК, ф. 708, оп. 62, д. 104, л. 10).

Таким образом, выпуск учебной продукции в исследуемый период в количественном и качественном содержании находился под государственным контролем полностью и регламентировался нормативно-правовыми актами.

Визуальные образы советских учебников

Путь к знаниям в советской школьной системе начинался с азбуки и букваря. Визуальный образ любого учебника берет начало с обложки. Взяв в руки учебник, через обложку школьник знакомится с первым визуальным элементом. Именно с обложки происходит восприятие новой книги, что говорит о ее значимости. Это формирует у учащегося первое впечатление об учебнике, влияет на интерес к изучаемому школьному предмету и на визуальную насмотренность. Дизайн обложки отражает приоритеты образовательной программы, которые определяется политикой государства, демонстрирует социокультурные и образовательные тенденции.

Анализ учебников для младших школьников показал, что в рассматриваемый нами период, практически все обложки книг были цветными. Традиционно, на обложках букваря основным сюжетом для изображения были дети в школьной форме, а также дети с книгой (*рис. 1*).

Рисунок 1. А) Обложка букваря А. Воскресенской 1959 г.,
В) обложка букваря И. Сवादковского 1962 г.
Figure 1. A) The cover of "Boukvar" (Alphabet) by A. Voskresenskaya in 1959,
B) The cover of "Boukvar" (Alphabet) by I. Svadkovsky in 1962.

Подход к размещению иллюстраций в первой книге школьника у редколлегии был очень серьезным. Экспертная комиссия детально просматривала рисунки «Букваря»: они не должны были быть излишне перегружены деталями; должны нести положительно-воспитательный и ярко-выразительный характер, ведь, считалось, что психика ребенка очень уязвима и имеет образное, а не логическое мышление. Поэтому к визуальному дизайну «Букваря» привлекались опытные и известные художники, например В. Ежкова, В. Богданов, Т. Никулина.

С 1953 г. стабильными учебниками¹ по обучению грамоте являлись букварь Академии педагогических наук (АПН) СССР и букварь А. И. Воскресенской. Сохраняя лучшие традиции советских букварей, учебник А. И. Воскресенской отличался ярко выраженной идейно-воспитывающей направленностью, он неоднократно перерабатывался и совершенствовался. В этом же году у автора также вышло издание «Методического руководства к букварю АПН». В нем отмечено, что в букваре достаточное количество предметных и сюжетных картинок на темы, близкие детям: огород, сад, река, лес, луг, поле; семья на работе, игры и развлечения, фабрика, колхоз².

Выпуск подобного рода методических рекомендаций стал регулярным, ежегодным. Дотекстовые иллюстрации для детей раскрывались через интерпретации учителя. И тексты, рекомендуемые в данных изданиях, отражают идеологические установки того периода.

Так, при объяснении темы урока «Чтение рассказа "В. И. Ленин" (стр. 92 букваря)», учителю рекомендовалось кратко и просто рассказать детям, как после смерти В. И. Ленина люди трудятся не покладая рук для блага родины под руководством Коммунистической партии. «За самоотверженный труд правительством установлен орден Ленина. Им награждают людей по заслугам»³. В издании 1963 г. при чтении страниц 82–83 букваря при опросе учащихся предлагают следующие вопросы:

¹ Стабильный учебник — учебник, утвержденный в качестве обязательного пособия по какому-либо предмету в определенном учебном заведении и переиздаваемый без серьезных изменений в течение ряда лет. См.: Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. С. 608.

² Воскресенская А. И. Методическое руководство к букварю. М.: Учпедгиз, 1958. С. 3.

³ Там же. С. 90.

- «Чей портрет вы видите?» (Портрет В. И. Ленина);
- «У кого из вас дома на стене висит портрет Ленина?»;
- «У нас в классе много октябрят. Прочтем стихотворения об октябрятах».

И далее следуют вопросы:

- «Как в стихотворении названы октябрята?» (Ленинские внучата);
- «Какие звездочки горят на груди октябрят?» (Пятиконечные октябрятские звездочки);
- «Какой город изображен на картинке?» (город Москва);
- «Какую картинку видите вы еще на этой странице букваря?» (Мавзолей Ленина)¹.

В более поздних изданиях методического руководства данная тенденция сохраняется. Например, в рекомендациях к первому уроку отмечается беседа учителя на тему «Букварь — первая учебная книга»:

«В Советской стране все люди имеют право на образование. Для успешного обучения в нашей стране созданы все условия: построены и строятся тысячи новых красивых школ. Партия и правительство проявляют постоянную заботу о школе. На заботу партии и правительства школьники должны отвечать хорошей и отличной учебой»².

Центральное место на этом уроке отводится работе по страницам 2–3 букваря. Учитель рассказывает детям о В. И. Ленине, дети сообщают то, что уже знают о жизни и деятельности великого вождя. Наиболее ярко идеологическая тематика проявляется при изучении тем «Октябрята» (с. 82), и «Ленинград — колыбель революции» (с. 91). В пособии рекомендуется рассказывать детям, «что лучшие люди нашей страны — коммунисты. Они члены Коммунистической партии Советского Союза. Лучшие юноши и девушки являются комсомольцами. Лучшие ученики 3 классов — пионеры. Октябрята — это будущие пионеры»³. Упоминание комсомольцев и пионеров в таком ракурсе формировало у детей четкую иерархию «правильных» граждан и побуждало к вступлению в эти организации. Это создавало систему поощрения лояльности и соответствия идеологическим нормам.

В качестве примера рассмотрим «дотекстовый» визуальный контент букваря, когда ребенку еще не предлагались развернутые тексты. Для качественного анализа отобраны учебники: «Азбука» В. Г. Горещкого, В. А. Кирюшкина, А. Ф. Шанько 1986 г.; «Букварь. Для многонациональных школ» И. В. Баранникова, Н. А. Байбуртяна, И. А. Грекул, С. И. Корнейчук 1985 г.

С самых первых страниц азбуки ребенка, не умеющего читать, встречали простые и знакомые образы — дом, кошка, перо, метла, карандаш, окно. Следом идут рисунки с другими жизненными ситуациями, изображавшие детскую игру и рыбалку, сенокос, сбор фруктов и т. д.⁴

Есть и множество мелких деталей советской символики: октябрятская звезда и пионерский галстук, флаги, серп и молот, портреты Ленина⁵ (рис. 2).

На одной из страниц азбуки В. Горещкого изображены играющие дети, в руках у одного мальчика был красный флажок, а на голове у мальчиков были надеты шапочки с изображением пятиконечной красной звезды, которая в советской символике означает единство мирового пролетариата всех пяти континентов Земли, а красный цвет говорил о том, что основа этого единства — революция⁶.

Одним из ключевых элементов советского воспитания была идеализация героев социалистического труда, партийных деятелей и военных. Это должно было способствовать воспитанию патриотизма и уважения к государственным символам и традициям. Эти изображения также часто сопровождались текстами, которые усиливали идеологическое воздействие на учеников. Например, фотографии героев труда или войны в учебниках по истории или литературе сопровождались рассказами об их подвигах, что усиливало восприятие этих людей как образцов для подражания. Кроме того, такие

¹ Редозубов С., Байдина-Янковская А., Карлсен Е., Архангельская, Н., Кеменова А. В., Кузьмина А. А. Методическое руководство к букварю АПН. М., 1963. С. 156.

² Горещкий В., Кирюшкин В., Шанько Ф. Уроки обучения грамоте. Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1982. С. 14.

³ Там же. С. 81.

⁴ Горещкий В. Азбука / Кирюшкин В. А., Шанько А. Ф. Л.: Просвещение, 1986. С. 46, 58.

⁵ Там же. С. 3.

⁶ Там же. С. 46–47.

Рисунок 2. Советская символика в иллюстрациях
букваря В. Горецкого 1986 г.,
со страниц 3, 46 и 86 (коллаж).
Figure 2. Soviet symbols in illustrations
of V. Goretsky's 1986 "Boukvar" (Alphabet),
from pages 3, 46 and 86 (collage).

визуальные элементы подчеркивали единство всех народов Советского Союза, включая казахов, в их борьбе за общие идеалы социализма и коммунизма.

При этом подобные изображения были даже в азбуке (рис. 3). На рисунке мы видим как дети дарят розы ветерану, а на заднем фоне виднеется портрет героя войны¹.

В букварях немало рисунков, изображающих пионеров (в ряде случаев — и октябрят) в положении несколько более привилегированном по сравнению с другими учащимися. Вот пионер раздает какое-то задание младшим школьникам, а пионерка читает книгу первоклассникам. Вот октябрютам ударникам вручают красное знамя. На другой картинке два пионера стоят рядом со знаменем, тогда как остальные, включая октябрят, — поодаль от него. Или пионер следит за тем, как октябренок проверяет чистоту рук. Конечно, в реальной жизни могло быть простой случайностью, что дежурство выпало на октябренка, однако изображение построено именно так. На одной из картинок пионерский галстук репрезентирован как символ уравнивания в правах учащихся из разных стран и континентов².

Визуальные элементы в учебниках по естественным наукам часто отражали достижения советской науки и техники, что должно было способствовать формированию у учеников гордости за свою страну. Например, в учебниках по физике и химии можно было увидеть фотографии и схемы, связанные с освоением космоса, атомной энергией и передовыми технологиями³ (рис. 4). Кроме этого, данные визуальные элементы можно встретить и в букваре⁴. Такие изображения усиливали у школьников веру в мощь советской науки и их желание стать частью этого великого процесса научных и технических открытий. Таким образом, визуальные элементы в учебниках по естественным наукам также выполняли воспитательную функцию, способствуя воспитанию у учащихся положительного отношения к труду и науке.

¹ Там же. С. 87.

² Баранников И., Байбуртян Н., Грекул А., Корнейчук С. Букварь. Для многонациональных школ. М.: Просвещение, 1985. С. 38–39, 75, 80–81.

³ Перышкин А. В., Родина Н. А. Физика. Учебник для 6 класса. М.: Просвещение, 1974. С. 67.

⁴ Редозубов С., Байдина-Янковская А., Карлсен Е., Архангельская Н., Кеменова А. В., Кузьмина А. А. Методическое руководство к букварю АПН. М., 1963. С. 92.

Рисунок 3. Дети дарят цветы ветерану. Иллюстрация из «Азбуки» В. Горецкого 1986 г., со стр. 87.
Figure 3. Children give flowers to a veteran. Illustration from the "Azбуka" (ABC) by V. Goretsky, 1986, from page 87.

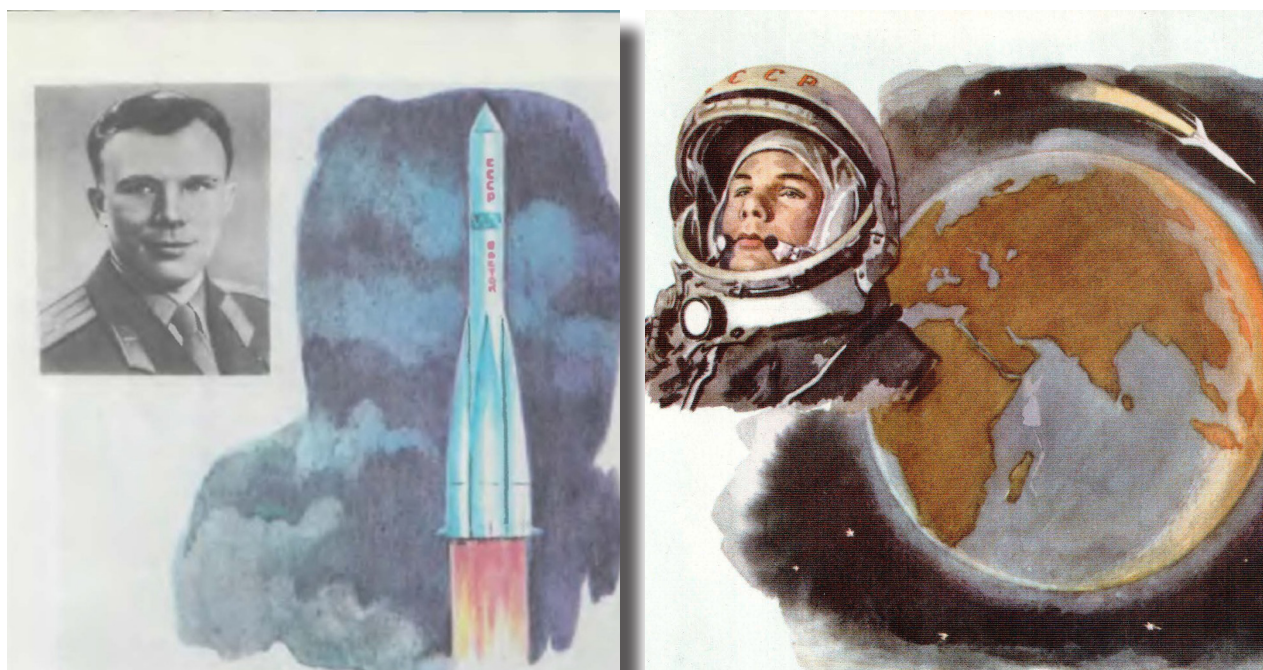

Рисунок 4. Юрий Гагарин — первый космонавт. Иллюстрации из «Азбуки» В. Горецкого 1986 г., со стр. 161,
и «Букваря» И. Сवादковского 1962 г., со стр. 92 (коллаж).
Figure 4. Yuri Gagarin— the first cosmonaut. Illustrations from the "Azбуka" (ABC) by V. Goretsky in 1986, from page 161,
and the "Boukvar" (Alphabet) by I. Svadkovsky in 1962, from page 92 (collage).

Также необходимо отметить большое количество изображений трудовой деятельности, коллективной работы, помощи старшим (рис. 5). В таких иллюстрациях обычно изображались люди, работающие вместе, помогающие друг другу, обсуждающие задачи и принимающие совместные решения. Это подчеркивало важность коллективной работы и взаимопомощи в обществе.

Подобный визуальный контент содействовал позитивному отношению к труду и убеждению в том, что лучшие результаты можно добиться только при условии совместного усилия, подчеркивая значимость помощи старшим и уважения к опыту и знаниям более опытных людей.

Таким образом, иллюстрации трудовой деятельности и коллективной работы в советских учебниках играли важную роль в становлении социалистических ценностей у школьников и воспитании гражданских качеств, таких как ответственность, солидарность и уважение к труду и окружающим людям.

Рисунок 5. Тема коллективной работы в иллюстрациях «Азбуки» В. Горецкого 1986 г., со стр. 161, и «Букваря» И. Сладковского 1961 г., со стр. 41 (коллаж).

Figure 5. The theme of collective work in the illustrations of "Azбуka" (ABC) by V. Goretsky in 1986, from page 161, and "Boukvar" (Alphabet) by I. Svadkovsky in 1961, from page 41 (collage).

Одним из ключевых элементов советского воспитания было воспитание интернационализма — идеи о братстве и единстве всех народов Советского Союза¹ (рис. 6).

В этом процессе играли важную роль учебники по географии, поскольку они предоставляли учащимся информацию о различных народах и странах². Визуальные элементы, такие как карты, фотографии и иллюстрации, показывали многообразие культур и народов, проживающих в Советском Союзе, в том числе в Казахстане³.

Визуальные изображения народов Казахстана, их традиционного быта, архитектуры и природы воспитывали у школьников уважения к многообразию культур и традиций. Например, в учебниках по географии можно было встретить изображения казахских юрт, традиционных ремесел и природных ландшафтов Казахстана. Это помогало школьникам лучше понимать культурные особенности своего родного края, а также осознавать свою принадлежность к большой и многонациональной

¹ Горецкий В. Азбука / Киришский В. А., Шанько А. Ф. Л.: Просвещение, 1986. С. 190–191.

² Счастнев П. Н., Терехов П. Г. Физическая география частей света. Учебник для 6 класса. М.: Просвещение, 1957. С. 137, 187.

³ Соловьев А. И., Дик Н. Е., Карпов Г. В., Матрусов И. С. Физическая география СССР. Учебник для 7 класса. М.: Просвещение, 1973. С. 11, 213.

Рисунок 6. Дружба народов в «Азбуке» В. Горецкого 1986 г., со стр. 190 и «Букваре» И. Сладковского 1962 г., со стр. 95 (коллаж).
Figure 6. Friendship of peoples in the "Azбуka" (ABC) by V. Goretsky in 1986, from page 190 and the "Boukvar" (Alphabet) by I. Tchaikovsky in 1962, from page 95 (collage).

стране. Кроме того, визуальные элементы в учебниках по географии также содействовали развитию глобального мышления у школьников. Карты, показывающие территории других социалистических стран, фотографии международных делегаций, советскихстроек за рубежом и совместных проектов Советского Союза с другими странами усиливали у школьников ощущение единства всех народов, борющихся за общие цели. Это формировало у учащихся представление о Советском Союзе как о главной силе, объединяющей все прогрессивные народы мира.

Пропаганда здорового образа жизни, занятий спортом, детского закаливания способствовал соответствующий визуальный контент в учебниках. На картинках изображалось как дети катаются на коньках, лыжах, занимаются гимнастикой и занимаются спортом¹.

В школьных учебниках по истории СССР и Казахской ССР 1950–1980 гг., как и во всей советской историографии, отражалась идеологизация жизни общества, формационный и классовый подходы в оценке исторических событий. Это было перенесено на содержание школьных учебников истории, которым был присущ, как правило, догматизм, формализм, односторонность. В целом в учебниках по истории, в условиях противостояния капиталистической и социалистической мировых систем, обучение и воспитание учащихся осуществлялось в духе насаждения коммунистической морали и вражды к буржуазной идеологии.

Процесс воспитания советского человека был обусловлен соответствующей в тот период государственной политикой. В это время принимаются постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О некоторых изменениях в преподавании истории в школах» (1958), «Об изменении порядка преподавания истории в школах» (1965). Принято решение подготовить и издать новые учебники истории, написанные ярко и убедительно, на высоком научном и педагогическом уровне, доступным для учащихся языком: книгу рассказов по истории СССР для IV класса, учебник истории древнего мира для V класса, учебник истории средних веков для VI класса, учебник истории СССР для VII–VIII классов, учебник новой и новейшей истории зарубежных стран для IX–XI классов, учебник Конституции СССР для XI класса, учебник истории СССР для IX–XI классов. В Постановлении было четко обозначено, что «преподавание истории и других общеобразовательных предметов в школе призвано воспитывать молодежь в духе коммунистической идейности и морали, нетерпимости к буржуазной идеологии, в духе социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма, глубокого уважения к труду и способствовать подготовке учащихся к активной общественной жизни»².

Помимо того, что содержание учебников было под контролем партийных органов, большая работа проводилась с методикой преподавания истории в школе. Для государства важным вопросом было правильное с точки зрения советской идеологии разъяснение исторических фактов, то, как учителя будут преподносить материал обучающимся. В методических руководствах к учебнику истории СССР указывалось, что уроки, посвященные социалистической революции «важнейшему поворотному событию всей мировой истории», надо сделать возможно более яркими и эмоциональными. В них нужно выявить героизм революционных масс и ведущую роль в революции Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным. Этой цели служили и иллюстрации. Им должны были соответствовать рассказы учителя по картинам «Ленин в Смольном руководит восстанием», «Штурм Зимнего дворца». Картина «Речь Ленина с броневика» и «В. И. Ленин у шалаша близ станции Разлив» должны были помочь отчетливее показать учащимся руководящую роль партии коммунистов в подготовке социалистической революции³.

Учащиеся по иллюстрациям «На капиталистической фабрике» и «Расчет рабочих» (стр. 74–75 учебника «История СССР. Учебная книга для 4 класса С. Алексеева и В. Карцова 1956 г.) должны были вспоминать о положении рабочих в капиталистической России, их работе на капиталистов и в противовес этому знакомиться по картине с тем, как рабочие отобрали у капиталистов заводы и фаб-

¹ Горецкий В. Азбука / Кирюшкин В. А., Шанько А. Ф. Л.: Просвещение, 1986. С. 55, 69, 81.

² Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР. О некоторых изменениях в преподавании истории в школах. 8 октября 1959 г. № 1162 [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/409434-postanovlenie-tsentralnogo-komiteta-kpss-i-soveta-ministrov-sssr-o-nekotoryh-izmeneniyah-v-prepodavanii-istorii-v-shkolah-8-oktyabrya-1959-g-locale-nil-1162> (дата обращения: 16.01.2025).

³ Карцов В.Г. Методические указания к учебной книге «История СССР» для 4 класса. Пособие для учителя. М.: Учпедгиз, 1958. С. 43.

рики, понимать, как помещики завладели землей и ограбили крестьян при отмене крепостного права (рис. на стр. 72 «Крестьяне делят помещичью землю»). Учитель должен был заводить беседу о положении народов России до социалистической революции и говорить об их освобождении советской властью. Учащиеся вспоминали сколько бедствий всегда приносили народу захватнические войны, и узнавали о том, как советская власть с первого дня своего создания повела борьбу за мир; рассматривали на переплете картину «Декрет о мире». Учитель говорил о значении Великой Октябрьской социалистической революции для народов всего мира.

Таким образом, для учащихся через иллюстрации показывали два противоположных мира: угнетающий дореволюционный и процветающий советский. Как отмечено, демонстрировался контраст, царская Россия представлялась весьма каноничной — никто не рисовал в книгах шикарные доходные дома начала XX в., красивые парки, вежливых и учтивых горожан. Если речь шла о временах до октября 1917 г., то иллюстрации должны были показать обязательно какое-то низкое, маленькое и темное помещение, освещенное лучиной либо керосиновой лампой, в котором люди тяжело и много работают, а за окном — зимняя или осенняя дождливая ночь.

Визуальные образы прославляли Советское государство, его историю и политику. В методических указаниях выделялся отдельный раздел «Описание иллюстраций учебной книги по истории СССР». Например, описывая иллюстрацию на переплете «Декрет о мире», необходимо было отмечать II Всероссийский съезд Советов, который создал первое в мире рабоче-крестьянское правительство — советскую власть, начал осуществлять вековые чаяния народа¹.

На стр. 53 учебника расположена иллюстрация «Мы за мир!», которая говорила о том, что трудящимся всего мира война не нужна, она приносит всем народам только неисчислимые бедствия, нарушает их мирный труд. Лишь капиталистам выгодна новая мировая война. На плакате представители молодежи различных народов мира. Крепко взявшись за руки, они грудью своей прикрывают земной шар от новой войны. На земном шаре выделен Советский Союз — основной оплот мира во всем мире².

Визуальные образы учебников Казахской АССР

В 1950–1980 гг. в Казахстане, в школах с русским языком обучения, как и на всем образовательном пространстве Советского Союза в обучении школьников использовался букварь, в создании которого участвовали детские поэты С. Прокофьева и Г. Сапгир. Особенно удачным считался букварь под редакцией В. Горещкой, переиздававшийся в течение 40 лет. В школах с казахским языком обучения пользовались букварем «Әліппе», в обозначенный период выходивший под авторством С. Кенесбаева, Н. Миршанова, А. Байдильдина, Г. Бегалиева (1952–1963 гг.), З. Торежановой, М. Торежановой, М. Жубановой (1964–1967 гг.), З. Айтеновой, М. Торежановой, М. Жубановой (1967–1982) (рис. 7).

Герои социалистического труда, партийные деятели и военные стали образцами советского идеала. В учебниках по литературе, истории и даже естествознанию использовались изображения героев, которые должны были стать примером для подражания у школьников. В учебниках для казахстанских школ часто приводились примеры исторических деятелей и героев казахского народа, таких как Иван Панфилов, Алия Молдагулова и Маншук Маметова³. Визуальные изображения этих людей в учебниках формировали в сознании детей представление о героическом поведении, самопожертвовании и преданности Родине.

В результате контент-анализа 945 иллюстраций на 457 страницах в букварях, изданных в Казахстане (1952, 1956, 1967, 1970, 1982 гг.), авторы выявили 54 картинок с элементами советской символики. Тематика визуальных сюжетов отображена в *таблице 2*.

Максимально количество визуальных образов советскости было в издании 1952 г., объясняется это сталинским периодом. Сравнительный анализ визуальных изображений с идеологической символикой с другими основными сюжетами (изображения на тему труда, отдыха и учебы) позволяет

¹ Карцов В. Г. Методические указания к учебной книге «История СССР» для 4 класса. Пособие для учителя. М.: Учпедгиз, 1958. С. 54.

² Там же. С. 90.

³ И. Панфилов, А. Молдагулова, М. Маметова — герои Советского Союза, участники Великой Отечественной войны. См.: Бекмаханов Е., Бекмаханова Н. История Казахской ССР. Учебное пособие для 9–10 классов. Алма-Ата: Мектеп, 1977. С. 77, 80, 81.

Рисунок 7. Обложки букваря «Элиппе» 1956 и 1982 гг. издания (коллаж).
Figure 7. Covers of the "Eline" (Alphabet), 1956 and 1982 editions (collage).

отметить, что данная тематика была одной из центральных. Соотношение изображений идеологических сюжетов с темой труда и темой учебы практически идентичны и составляют 54 к 50, 54 к 45. Идеологические визуальные элементы уступают только иллюстрациям на тему отдыха, досуга.

Таблица 2. Тематика визуальных сюжетов в букварях КазССР
Table 2. Themes of visual subjects in the Kazakh SSR textbooks (ABC)

Год издания букваря	Качество оформления	Авторы	Общее количество страниц	Общее количество рисунков	Рисунки с советской симво-ликой	Рисунки с сюжетом труда	Рисунки с сюжетом отдыха, хобби	Рисунки с сюжетом учебы
1952	черно-белое	Н. Миршанов, А. Байдильдин, Ж. Каржасбаев	100	182	15	9	14	8
1956	черно-белое	С. Кеңесбаев, Н. Миршанов, А. Байдильдин, Г. Бегалиев	96	236	9	12	15	13
1967	черно-белое	З. Айтенова, М. Торежанов, М. Жубанова	75	159	8	9	17	8

1970	цветное	З. Айтенова, М. Торежанов, М. Жубанова	91	190	12	9	25	7
1982	цветное	З.З. Айтенова, М. Торежанов, М. Жубанова	95	178	10	11	24	9

Интересная ситуация сложилась с буквой «Ч». Поскольку казахских слов на эту букву не существует, в букварях использовали образ героя гражданской войны Чапаева, и соответственно иллюстрацию с его изображением.

В школьном курсе истории Казахской ССР, подготовленном и согласованном в соответствии с генеральной линией партии, помимо предоставления фактических знаний решались задачи воспитательного характера. Основными из них были, как и у учебников всей страны, привитие учащимся чувства патриотизма, преданности советскому народу, Коммунистической партии, Советскому правительству; воспитание в духе дружбы народов, пролетарского интернационализма; формирование прочных убеждений в неизбежной гибели капитализма и победы коммунизма, воспитании ненависти к буржуазной идеологии¹.

В Казахстане авторами учебников для 4–6 классов был Т. Турлугулов, для 7–10 классов Е. Бекмаханов. Издания демонстрировали дружбу между русским и казахским народом, материалы представляли через призму «органической связи» с историей СССР.

Что касается визуального ряда, в советских учебниках по истории Казахской ССР можно было встретить различные иллюстрации, отражающие исторические события и культурные особенности республики. Например, на иллюстрациях были изображены кочевники, пастушьи племена, древние зодчие и архитектурные памятники, а также сцены из битв и военных конфликтов. Кроме того, в учебниках было много портретов известных политических и общественных деятелей Казахстана, сцен из жизни казахского народа, а также иллюстраций, отражающих социально-экономическое развитие республики.

Обложки учебников по истории Казахской ССР, в отличие от иллюстраций внутри книг, являются цветными (рис. 8). Обложки советских учебников по истории Казахской ССР были выполнены в официальном стиле социалистического реализма. На них изображались яркие и красочные иллюстрации, отражающие исторические события, памятники культуры и современные достижения Казахстана.

На основе анализа визуального содержания учебников мы выделили 9 категорий визуальных образов:

1. иллюстрации и карты, изображающие исторические события и периоды;
2. фотографии и портреты высокопоставленных политических деятелей, а также известных исторических личностей, оказавших большое влияние на историю Казахстана;
3. герб Казахской ССР и другие символы Советской власти;
4. изображения сельской и городской жизни в период Советского строительства;
5. фотографии казахских национальных костюмов, обрядов и традиций;
6. материалы советской пропаганды, направленные на воспитание социалистического сознания;
7. фотографии промышленных объектов и сельскохозяйственных угодий, символизирующих экономический прогресс Казахской ССР;
8. археологические и архитектурные памятники.

Относительно изображений периодов исторического процесса в казахстанских учебниках сохранялась та же концепция, что и в учебниках СССР, это — противопоставление дореволюционного, царского периода и советского периода. Так, например, в учебнике издания 1967 г. на стр. 11 для

¹ Турлугулов Т. Рассказы по истории Казахской ССР. Пособие для 4 класса. Алма-Ата: Мектеп, 1976. С. 6.

Рисунок 8. Обложки учебников по истории Казахской ССР 1974, 1979 и 1977 гг. (коллаж).
Figure 8. Covers of textbooks on the history of the Kazakh SSR in 1974, 1979 and 1977 (collage).

Рисунок 9. Иллюстрации дореволюционного Казахстана из учебников «История Казахской ССР» 1967 г. (с. 11) и «Рассказы по истории Казахской ССР» 1976 г. (с. 36) (коллаж).
Figure 9. Illustrations of pre-revolutionary Kazakhstan from the textbooks “History of the Kazakh SSR” 1967 (p. 11) and “Stories on the history of the Kazakh SSR” 1976 (p. 36) (collage).

7–8 классов¹, глава по феодализму сопровождается характерной иллюстрацией, демонстрирующей угнетение трудового народа. Показателен в этом плане рисунок в учебнике для 4 класса 1976 г. издания, художник В. Логинов². В самом учебнике 24 иллюстрации вместе с картами черно-белого изображения, в конце учебника помещены на всю страницу два цветных рисунка. На первом учащимся предлагается сравнить положение в промышленности, в сельском хозяйстве и образовании (рис. 9).

¹ Бекмаханов Е. История Казахской ССР. Учебное пособие для 7–8 классов. Алма-Ата: Мектеп, 1967. С. 11.

² Турлугулов Т. Рассказы по истории Казахской ССР. Пособие для 4 класса. Алма-Ата: Мектеп, 1976. С. 36.

Рисунок 10. Карикатуры в учебном пособии «История Казахской ССР» Е. Бекмаханова, Н. Бекмахановой 1979 г. (с. 32, 37) (коллаж)
Figure 10. Cartoons in the textbook "History of the Kazakh SSR" by E. Bekmakhanov and N. Bekmakhanova 1979 (pp. 32, 37) (collage)

Размещение портретов исторических личностей считалось обоснованным и способствующим усвоению информации. Портреты известных деятелей служат источником информации об их характере, внешности, в том числе об их идеях, которые они реализовывали. Изображение известных политических личностей в учебнике советских деятелей показаны портретами: В. И. Ленин, Т. Бокин, А. Жангильдин, А. Иманов. Представители оппозиционных сил (А. Дутов, Б. Анненков) продемонстрированы карикатурно (рис. 10).

Проведенный анализ портретных изображений в учебнике для 9–10 класса вышедших в период 1960–1980-х гг. под авторством Е. Бекмаханова представлен в таблице 3.

Количество портретов значительно сократилось с середины 1960-х гг., после этого оставалось постоянным на протяжении 1970–1980-х гг. Изображение вождя революции В. Ленина было неизменным, также были портреты Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева в изданиях 1960, 1962 гг. Во второй половине 1960-х гг. до 1980-х гг. остались портреты П. Виноградова, Т. Бокина, А. Жангельдина, А. Иманова.

В этот период образ Амангельды¹ начал искусственно героизироваться. Поэтому если ранее его портрет был небольшого формата на странице с текстом, то теперь он был размещен на полном развороте в подшивке. Из героев второй мировой войны изображались В. Панфилов, М. Маметова и А. Молдагулова, из деятелей культуры и науки С. Муканов, М. Ауэзов, М. Толебаев; портреты героев труда вовсе удалили.

¹ Амангельды Удербайулы Иманов (1873–1919) — казахский революционер, один из лидеров Среднеазиатского восстания 1916 г. в Казахстане, активный участник установления Советской власти и Гражданской войны.

Таблица 3 Анализ портретных изображений в учебниках «История Казахской ССР»
Table 3 Analysis of portrait images in textbooks “History of the Kazakh SSR”

№	Год издания	Всего иллюстраций с картами	Портрет В. Ленина и руководителей государства	Портрет политических деятелей	Портреты героев ВОВ	Портреты деятелей науки и культуры	Портреты героев труда
11	1960	70	+, Н. Хрущев, Л. Брежнев	18	7	8	5
22	1962	68	+, Н. Хрущев, Л. Брежнев	18	7	8	5
33	1967	27	+	4	3	3	0
44	1970	27	+	4	3	3	0
55	1977	34	+	4	3	3	0
66	1979	27	+	4	3	3	0
77	1980	33	+	4	3	3	0

Следующая тенденция, характерная для этого периода, уменьшение количества визуальных элементов в соотношении с текстовым материалом. В учебнике для 4 класса средний показатель 2 визуальных элемента на одной странице, когда в учебнике для 7–8 классов этот показатель равняется 1,8, а в учебнике для 9–10 классов — 1,6.

Следует отметить, что особое внимание уделено (не только текстовой части, но и визуальному контенту) темам: 1) установление советской власти и ее вклад в развитие страны, 2) построение экономического фундамента социализма, а также 3) Великой Отечественной войне.

Итак, анализ визуального контента учебника по истории Казахской ССР позволяет сделать следующие выводы.

Иллюстрации и фотографии в учебнике в основном относятся к историческим событиям, личностям и культурным достопримечательностям Казахстана. Это должно было помогать учащимся визуализировать происходящие события и лучше понять историю региона. Визуальный контент разнообразен и включает в себя как черно-белые иллюстрации, так и цветные фотографии. Это делает учебник более интересным и увлекательным для учащихся. Некоторые изображения также содержат карты, графики и диаграммы, которые помогают учащимся лучше понять географическое расположение и динамику развития Казахской ССР. В целом, визуальный контент учебника по истории Казахской ССР хорошо дополняет текстовую информацию и делает изучение истории региона более увлекательным и понятным для учащихся.

Советские учебники русского языка для школьников с 1960-х годов не имели принципиальных отличий от предыдущих изданий и имели те же разделы, реплицируемые из более ранних изданий в более поздние. Основная тематика данных разделов: рассказы про природу, рассказы про жизнь октябрят и пионеров, рассказы про советскую армию, рассказы о Второй мировой войне в составе раздела «Великая Отечественная» и рассказы про Октябрьские события. Традиционно включался раздел про жизнь Ильича (В. И. Ленина), его жизнедеятельность.

В советских учебниках по казахской литературе часто встречаются изображения национальных костюмов, традиционных казахских узоров и орнаментов, а также портреты известных писателей и поэтов. На иллюстрациях можно увидеть пастушеские сцены, конные игры, юрты и другие народные казахские мотивы, также изображены красивые пейзажи с горами, степями и озерами, которые играют важную роль в культуре и литературе Казахстана.

Обложки советских учебников по казахской литературе обычно были оформлены в сдержанном стиле. Название учебников написано на русском языке. Иногда на обложках учебников можно было

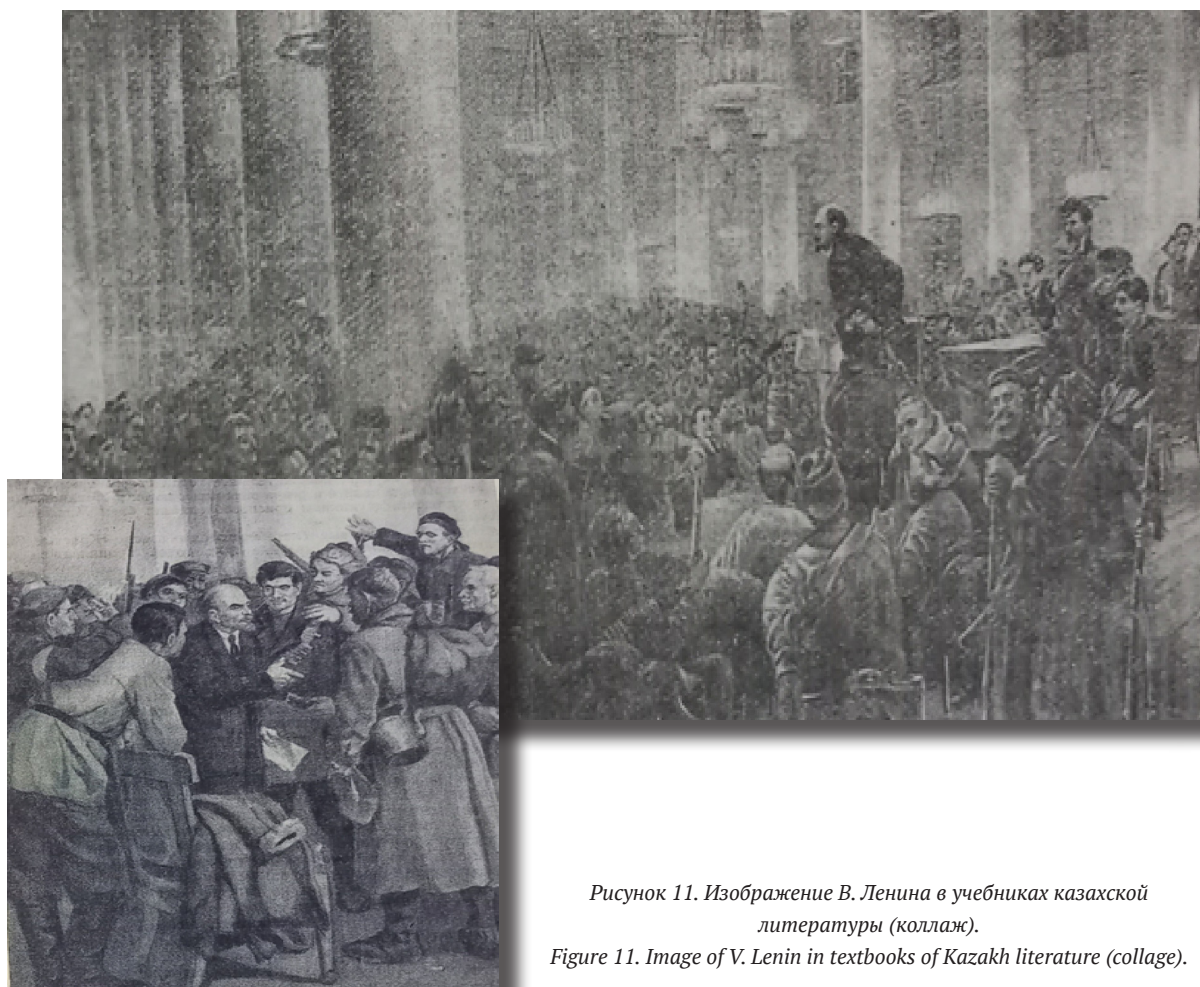

Рисунок 11. Изображение В. Ленина в учебниках казахской литературы (коллаж).

Figure 11. Image of V. Lenin in textbooks of Kazakh literature (collage).

увидеть изображения казахских писателей и поэтов, которые являлись основными авторами изучаемой казахской литературы. Визуальный контент отражает идеологические принципы времени, в котором он был создан.

Показателен в этом плане учебник для 10 класса, в изучающий период советской казахской литературы. В этом учебнике в разделе «Этапы развития казахской советской литературы», отмечается, что после победы Октябрьской революции и установления Советской власти создаются новые условия для развития литературы. Она становится неотъемлемой частью «общепролетарского дела» борьбы за советский строй, за формирование социалистического сознания трудящихся¹. Присутствуют визуальные элементы советскости — иллюстрации: «В. И. Ленин провозглашает советскую власть» и «В Смольном»² (рис. 11).

В учебниках была дана информация о жизни и литературной деятельности таких личностей как Ж. Жабаяев, Б. Майлин, С. Сейфуллин, И. Джансугуров, М. Ауэзов, С. Муканов, Г. Мусрепов, Г. Мустафин, дополняя существующий визуальный контент портретами этих людей. Безусловно творчество указанных авторов полностью соответствовало канонам советской идеологии и развивалось в рамках социалистического реализма.

¹ Сильченко М. С. Казахская литература. Учебник-хрестоматия для 10 класса русских школ Казахстана. Алма-Ата: Казучпедгиз, 1960. С. 5.

² Сильченко М. С. Казахская литература. Учебник-хрестоматия для 10 класса русских школ Казахстана. Алма-Ата: Казучпедгиз, 1961. С. 7; Сильченко М. С. Казахская литература. Учебник-хрестоматия для 10 класса русских школ Казахстана. Алма-Ата: Казучпедгиз, 1967. С. 7.

Важным элементом учебников по казахской литературе являются орнаменты, выделяющие заголовки тем, разделов. Изображение орнамента в учебнике как колонтитул отображает стиль и тему учебника. Орнамент в данном случае используется для улучшения визуального образа и создания единого дизайна на странице, также он отражает культурные особенности, связанные с содержанием учебника. В целом, изображение орнамента в качестве колонтитула в учебнике помогает привлечь внимание учеников и сделать учебный материал более привлекательным и запоминающимся.

Дополнительно, в учебнике содержатся иллюстрации к произведениям казахских писателей, которые помогают визуализировать сюжеты и образы, описанные в тексте, и погрузиться в атмосферу произведения.

Анализ визуального контента советского учебника по казахской литературе позволяет сделать следующие выводы. Обложка учебника может содержать изображения казахских писателей, поэтов или символов казахской культуры и истории. Внутренний визуальный контент, включает фотографии авторов и иллюстрации к текстам произведений. Важно также обратить внимание на использование цветовой палитры, шрифтов и композиции страниц, так как это может влиять на общее восприятие и понимание материала. Кроме того, анализ визуального контента может помочь определить, какие аспекты казахской литературы и культуры акцентируются в учебнике и как они представлены для обучающихся.

Заключение

Визуальный контент играл важную роль в школьных учебниках эпохи Советского Союза, так как помимо функции повышения интереса у учащихся к учебному материалу служил средством идеологического воспитания формирования патриотизма. В контексте школьных учебников по истории и литературе Советского Казахстана визуальный материал отражал ключевые идеологические, культурные и образовательные задачи времени с некоторым учетом местных особенностей.

Визуальные элементы в учебниках не только улучшали усвоение учебного материала, но и активно использовались для воспитания идеологически правильных граждан. Они выполняли ключевую роль в передаче ценностей социализма, укреплении патриотизма, уважения к национальным традициям и формировании коллективистского мировоззрения. Визуальные образы стали неотъемлемой частью образовательного процесса, способствуя формированию личности школьников в соответствии с идеалами советского общества.

Советские школьные учебники, включая казахстанские, были разработаны таким образом, чтобы каждый элемент, будь то текст или изображение, вносил вклад в идеологическое воспитание детей. В том числе визуальные элементы учебников помогали формировать представление о том, каким должен быть советский гражданин. Это человек, преданный Родине, трудолюбивый, уважающий старших и готовый к самопожертвованию ради общего блага. Визуальные образы героев труда, научных деятелей, солдат и коллективистов создавали у школьников ощущение, что они тоже могут стать такими же героями, если будут следовать советским идеалам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абылхожин, Ж. Б., Крупко, И. В. (2021) Алма-Ата: некоторые архитектурные нарративы советского города // Вестник ЕНУ им. Л. Н. Гумилева. Серия: Исторические наук. Философия. Религиоведение. № 1 (134). С. 10–21. DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2021-134-1-10-21>

Далаева, Т. (2024) Аудиовизуальные сюжеты социальной истории и культурной памяти казахстанского общества (конец XIX — нач. XXI вв.). Алматы : Press Co. 320 с.

Девятайкина, Н. И. (2017) Визуальные источники по средневековой истории на страницах школьных учебников: способы представления и пути их переформатирования // Преподаватель XXI в. Вып. 4. Ч. 2. С. 300–311.

Ефимова, Е. А. (2019) Иллюстрации в азбуках и букварях 1900–1920-х годов как источник визуальной информации по истории игровой культуры // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сб. ст. / авт.-сост. Е. А. Воронцова; отв. ред. А.Г. Голиков. М. : ИНИОН РАН. 1030 с. С. 462–477.

Жусупбекова, Б. А. (2015) Из истории становления казахского букваря // Инновационная наука. № 5. С. 39–41.

Крих, С. Б. (2017) Картинки в книжке: изобразительный ряд в советских школьных учебниках по древней истории // *Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры*. Т. VI. С. 359–378.

Куприянова, Т. Г. (2024) Структурные и содержательные особенности советских букварей // *Сфера культуры*. № 1 (15). С. 111–120. DOI: https://doi.org/10.48164/2713-301X_2024_15_111

Ларин, И. Н. (2020) Азбуки и буквари 1918–1930 гг. как инструмент распространения советской идеологии // *Время науки*. № 2. С. 69–81.

Пирс, Ч. (2009) Что такое знак? / пер. с англ. А. А. Аргамаровой // *Вестник Томского Государственного Университета. Серия Философия. Социология. Политология* № 3 (7). С. 88–96.

Рожков, А. Ю. (2017) Школьный букварь как канал учебно- пропагандистского дискурса: техники индоктринации «советскости» в 1927–1932-е годы // *Культура и власть в СССР. 1920–1950-е годы: Материалы IX международной научной конференции* / отв. ред. Н. А. Волыничик. М. : Политическая энциклопедия. 741 с. С. 355–368.

Ромашина, Е. Ю. (2014) Взаимосвязи текста и визуального ряда в российских школьных учебниках рубежа XIX–XX вв. // *Проблемы современного образования*. № 6. С. 135–148.

Четырова, Л. Б., Сергеева, Н. М. (2022) Советская модерность в визуальной перспективе (на примере ойрат-калмыков и тувинцев) // *Новые исследования Тувы*. № 2. С. 239–262. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.17>

Штомпка, П. (2007) Визуальная социология. Фотография как метод исследования / пер. с польск. Н. В. Морозовой, авт. вступ. ст. Н. Е. Покровский. М. : Логос. 168 с.

Clarke, J., Seksenbayeva, G. (2018) Visualizing history: The 'soviet Kazakhstan' newsreel series // *Historical Journal of Film, Radio and Television*. № 38(2). P. 263–273.

Mitchell, W. J. T. (1995) What is Visual Culture? // *Meaning in the Visual Arts: Views from the Outside*/ ed. by I. Lavin. Princeton, NJ. : Institute for Advanced Study. 399 p. Pp. 207–217.

Дата поступления: 30.01.2025 г.

Дата принятия: 08.04.2025 г.

REFERENCES

Abylkhozhin, Zh. B. and Krupko, I. V. (2021) Alma-Ata: some architectural narratives of the Soviet city. *Vestnik ENU im. L. N. Gumileva. Seriya: Istoricheskie nauki. Filosofiya. Religiozvedenie*, no. 1(134), pp. 10–21. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2021-134-1-10-21>

Dalaeva, T. (2024) *Audiovisual plots of social history and cultural memory of Kazakh society (late 19th — early 21st centuries)*. Almaty, Press Co. 320 p. (In Russ.)

Devyataikina, N. I. (2017) Visual sources on medieval history in school textbooks: ways of representation and approaches to their reformatting. *Prepodavatel XXI veka*, no. 4, part 2, pp. 300–311. (In Russ.)

Efimova, E. A. (2019) Illustrations in primers and alphabets of the 1900s–1920s as a source of visual information on the history of play culture. In: E. A. Vorontsova (comp.) & A. G. Golikov (ed.). *The role of visual sources in the information support of historical science: collection of articles*. Moscow, INION RAN. 1030 p. Pp. 462–477. (In Russ.)

Zhusupbekova, B. A. (2015) From the history of the formation of the Kazakh alphabet book. *Innovatsionnaya nauka*, no. 5, pp. 39–41. (In Russ.)

Krikh, S. B. (2017) Pictures in the book: the visual series in Soviet school textbooks on ancient history. *Scripta Antiqua. Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i materialnoy kultury*, vol. VI, pp. 359–378. (In Russ.)

Kupriyanova, T. G. (2024) Structural and content features of Soviet primer books. *Sfera kul'tury*, no. 1(15), pp. 111–120. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.48164/2713-301X_2024_15_111

Larin, I. N. (2020) Primers and alphabet books of 1918–1930 as a tool for spreading Soviet ideology. *Vremya nauki*, no. 2, pp. 69–81. (In Russ.)

Pirs, Ch. (2009) What is a sign? / trans. from English by A. A. Argamarkova. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, no. 3(7), pp. 88–96. (In Russ.)

Rozhkov, A. Yu. (2017) School primer as a channel of educational and propaganda discourse: techniques of indoctrination of “Sovietness” in 1927–1932. In: N. A. Volynchik (ed.). *Culture and power in the USSR. 1920–1950s: materials of the IX international scientific conference*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 741 p. Pp. 355–368. (In Russ.)

Romashina, E. Yu. (2014) Interrelations of text and visual series in Russian school textbooks at the turn of the 19th-20th centuries. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, no. 6, pp. 135–148. (In Russ.)

Chetyrova, L. B. and Sergeeva, N. M. (2022) Soviet modernity in visual perspective (on the example of Oirats-Kalmyks and Tuvans). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 239–262. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.17>

Shtompka, P. (2007) *Visual sociology. Photography as a research method* / trans. from Polish by N. V. Morozova, intro. by N. E. Pokrovskiy. Moscow, Logos. 168 p. (In Russ.)

Clarke, J. and Seksenbayeva, G. (2018) Visualizing history: The 'soviet Kazakhstan' newsreel series. *Historical Journal of Film, Radio and Television*, no. 38(2), pp. 263–273.

Mitchell, W. J. T. (1995) What is Visual Culture? In: *Meaning in the Visual Arts: Views from the Outside* / ed. by I. Lavin. Princeton, NJ., Institute for Advanced Study. 399 p. Pp. 207–217.

Submission date: 30.01.2025.

Acceptance date: 08.04.2025.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ / THE NEW RESEARCH OF TUVA

Электронный научный журнал

Главный редактор Ч. К. Ламажаа.
Редактор Б. Н. Гайдин.

№ 3, 2025

<https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/67>

Для иллюстрации обложки использована фотография А. Папына.

Подписано к публикации 01.09.2025 г.

Объем - 63,5 п. л.

Эл. адрес: article@tuva.asia